

Многоуважаемому профессору Егору Егоровичу Замысловскому от составителя.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

по

НОВОЙ И НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ и ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

СОСТАВИЛЪ

Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

Изданіе второе.

Томъ II-й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ № 99.
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Отдѣлъ I. Упадокъ Испаніи и процвѣтаніе Голландіи въ XVII вѣкѣ.

Отдѣлъ II. Возвышеніе монархіи во Франціи въ первой половинѣ XVII вѣка.

Отдѣлъ III. Борьба Стюартовъ съ парламентомъ въ первой половинѣ XVII вѣка и революція.

Отдѣлъ IV. Эпоха тридцатилѣтней войны.

Отдѣлъ V. Вѣкъ Людовика XIV.

Отдѣлъ VI. **Англія отъ реставраціи Стюартовъ до Утрехтскаго мира.**

ЭПОХА РИШЕЛЬЕ

И ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ

и

ВѢКЪ ЛЮДОВИКА XIV.

УПАДОКЪ ИСПАНІИ и ПРОЦВѢТАНІЕ ГОЛЛАНДІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

I. ЦВѢТУЩЕЕ СОСТОЯНІЕ ИСПАНІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVI В. И ПОЛНЫЙ УПАДОКЪ ЕЯ КЪ КОНЦУ XVII В.

(Изъ соч. Вейсса: „L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avènement des Bourbons").

При вступленіи на престолъ (1556 г.), Филиппъ II былъ самымъ могущественнымъ государемъ христіанскаго міра. Подъ его управленіемъ соединились королевства: Кастилія, Аррагонія, Наварра, Неаполь, Сицилія, Сардинія, герцогство Миланское, Русильонъ, Нидерланды, Франшконте. Власть его признавалась па Зеленомъ Мысѣ, въ Тунисѣ и Оранѣ. У западныхъ береговъ Африки ему принадлежали королевство Канарскихъ островов, острова Фернандо-По, Аннабонъ и св. Елены. Въ Америкѣ онъ владѣлъ Мексикой и Перу, высылавшими ему каждый годъ несмѣтныя сокровища, Панамой, Новой Гренадой, Чили и обширными областями, орошаемыми Парагваемъ и Лаплатой. Американскія его владѣнія вдвое превосходили нынѣшнюю территорію Соединенныхъ Штатовъ; одна Мексика была въ пять разъ больше всей Испаніи. Кромѣ этихъ владѣній на американскомъ материкѣ, Филиппу принадлежали острова Куба, Санъ-Доминго, Мартиника, Гваделупа, Ямайка, а въ Индійскомъ океанѣ—Филиппинскіе острова, произведенія которыхъ доставили испанцамъ неизсякаемый источникъ обогащенія. Господствуя надъ прекраснѣйшими странами обоихъ полушарій, Филиппъ могъ съ полнымъ правомъ говорить, что въ его государствѣ никогда не заходитъ солнце, а испанцы, беззавѣтно вѣря въ могущество своего государя, съ хвастливою гордостью повторяли: „Стоитъ только пошевелиться Испаніи,—и задрожитъ земля".

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Испанія въ XVI столѣтіи быстро достигла значенія преобладающей державы. Въ составъ испанской монархіи входило много народностей, отличавшихся другъ отъ друга по происхожденію и языку, по нравамъ и обычаямъ; но у короля было достаточно военныхъ силъ, чтобы держать въ повиновеніи всю эту разноплеменную массу. Испанская пѣхота была тогда первою въ Европѣ.

Въ продолженіи почти цѣлаго вѣка она имѣла рѣшительный перевѣсъ на поляхъ сраженій. Свое превосходство она доказала подъ стѣнами Гренады въ южной Италіи, когда ею предводительствовалъ Гонзальвъ Кордуанскій, а потомъ на поляхъ Равенны, Павіи и Мюльберга; эти побѣды, прославившія царствованія Фердинанда Католическаго и Карла V, легли въ основу преданій, которыми гордилась испанская армія и которыя поддерживали въ ней превосходный духъ, чувства долга, чести и мужества. Кастильскій солдатъ былъ неустрашимъ въ бою и проникнутъ самымъ гордымъ уваженіемъ къ себѣ, и какія бы лохмотья ни прикрывали его, онъ не допускалъ называть себя иначе, какъ *кавалеромъ* (caballero). Испанскіе офицеры отличались познаніями и опытностью въ военномъ искусствѣ, такъ что если, по милости двора, иногда во главѣ арміи становился мало способный генералъ, то знаніе и искусство офицеровъ прикрывали его недостатки. Впрочемъ, большая часть генераловъ Филиппа II были достойны полнаго довѣрія солдатъ. Филибертъ, Эммануилъ (герцогъ Савойскій), донъ Жуанъ Австрійскій, герцогъ Альба, Александръ Пармскій были первыми тактиками своего времени. Флотъ Филиппа II былъ достоинъ стоять на ряду съ его сухопутной арміей. Уже около ста лѣтъ Испанія была морскою державою. При Филиппѣ вооруженныя эскадры крейсировали вдоль береговъ Галисіи, Гвипускои, южной Италіи, Сициліи, Нидерландовъ и Гибралтарскаго пролива, наблюдая за неприкосновенностью его владѣній съ моря. Въ мирное время число кораблей въ этихъ эскадрахъ простиралось до ста, и сверхъ того, была еще флотилія изъ 50 галеръ, имѣвшая назначеніемъ охранять торговыя суда отъ алжирскихъ, тунисскихъ и триполійскихъ пиратовъ.

Внѣшнему военному могуществу Испаніи соотвѣтствовало внутреннее ея благоденствіе, процвѣтаніе земледѣлія, промышленности и торговли.

Немногія страны на земномъ шарѣ превосходятъ Испанію богатствомъ и разнообразіемъ естественныхъ произведеній, немногія даютъ столько способовъ для развитія дѣятельности земледѣльца, промышленника и купца. Пиренейскій полуостровъ можетъ обойтись своими собственными произведеніями въ несравненно большей степени, чѣмъ Франція, Англія или Германія. Благодаря удивительному плодородію почвы и разнообразію климата, Испанія соединяетъ въ своихъ предѣлахъ произведенія умѣреннаго пояса съ произведеніями тропическихъ странъ. По берегамъ Средиземнаго моря растутъ сахарный тростникъ, хлопчатникъ, ананасы, кофе, индиго, и, чтобы разводить ихъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ невольничьему труду. Къ тому же, произведенія Испаніи по большей части отличаются самыми высокими качествами. На хлѣбѣ, во время молотьбы, теряется только пять процентовъ, между тѣмъ какъ вездѣ въ другихъ странахъ эта потеря составляетъ около 15%. Испанскія оливки превосходнаго вкуса и по величинѣ вдвое больше провансальскихъ. Вина, приготовляемыя въ Хересѣ, Малагѣ, Аликанте, славятся во всей Европѣ и всюду на нихъ большой спросъ. Никакой шелкъ не можетъ сравниться по нѣжности съ гренадскимъ. Андалузскія лошади мало чѣмъ уступаютъ арабскимъ. Африканскій верблюдъ, перуанскія козы и ламы могутъ безъ труда размножиться въ южныхъ частяхъ этой благословенной страны. Минеральное царство представляетъ еще больше ресурсовъ для промышленной дѣятельности народа. Въ Андалузіи находятся рудники мѣди, желѣза, сурьмы, ртути, въ Астуріи—каменноуголь-

ныя копи, разработка которыхъ только еще недавно началась и богатства которыхъ неисчислимы. Альмаденскіе рудники доставляютъ ежегодно до 20 т. центнеровъ ртути (50 т. пудовъ). Горы Алавы изобилуютъ желѣзомъ, мѣдью, сурьмою и содержатъ глыбы мрамора. Въ пограничныхъ съ Бискайею горныхъ селеніяхъ округа Бургосъ находятся залежи превосходнаго желѣза. Въ обѣихъ Кастиліяхъ, въ Аррагоніи, Наваррѣ, въ Валенсіи, Мурсіи и Андалузіи селитры такъ много, что пыль на дорогахъ ею насыщена. Воды Таго содержатъ въ себѣ золотой песокъ. Мышьякъ добывается въ Астурійскихъ горахъ, серебро—въ горахъ Гвадальканаля и Сіерры Морены, сѣра—въ Мурсіи, Аррагоніи и преимущественно въ окрестностяхъ Севильи, драгоцѣнные камни — въ Каталоніи.

Значительное протяженіе морскаго берега Испаніи и превосходныя гавани на Атлантическомъ океанѣ и Средиземномъ морѣ благопріятствуютъ вывозу ея богатыхъ произведеній. Одинъ только берегъ Средиземнаго моря своими расчлененіями образуетъ линію въ 250 миль длины. Большія рѣки Испаніи дозволяютъ купеческимъ кораблямъ проникать далеко внутрь страны. Достаточно нѣсколькихъ незначительныхъ гидротехническихъ приспособленій, чтобы сдѣлать Эбро судоходнымъ до Тортозы, Гвадалквивиръ до Кордовы, Гвадіану до Бодайоса, Миньо, Дуэро, Таго—на значительное пространство отъ ихъ устьевъ; этимъ былъ бы облегченъ вывозъ за границу хлѣба, винъ и мануфактурныхъ издѣлій страны.

Въ XVI столѣтіи испанцы умѣли пользоваться этими выгодными условіями. Дворяне, конечно, предпочитали военную службу всякой иной дѣятельности; другіе же классы населенія предавались мирному труду и обогащали имъ свою родину. Въ особенномъ почетѣ было земледѣліе. Астурія, Наварра и баскскія провинціи были почти сплошь покрыты фруктовыми садами и лугами, на которыхъ паслись безчисленныя стада. Весь сѣверъ полуострова въ изобиліи производилъ нѣжные плоды, медъ, воскъ, коноплю, ленъ и хлѣбъ. Шафранъ, разводившійся въ окрестностяхъ Барселоны и Куэнсы, былъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства Каталоніи и Новой Кастиліи. Въ Андалузіи и обѣихъ Кастиліяхъ жатвы были болѣе чѣмъ достаточны для прокормленія жителей, и ежегодно излишекъ хлѣба вывозился за границу. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить плодородіе и богатство земель, орошаемыхъ Гвадалквивиромъ (отъ Кордовы до устья) и Дуэро, и береговъ Алмеріи, Малаги, Тарифы. Гренадское королевство было наилучше воздѣланною страною въ мірѣ. Населеніе его простиралось до трехъ милліоновъ; это были большею частью моряки, достойные потомки своихъ предковъ, арабовъ. Повсюду можно было видѣть резервуары для храненія воды; каналы и канавы разносили ее въ мѣстности самыя отдаленныя, самыя безплодныя. За то флора Гренады представляла удивительное смѣшеніе европейскихъ растеній съ тропическими. Подъ открытымъ небомъ росли тамъ бананы, фисташковыя деревья и мирты. Недаромъ Гренада называлась раемъ вселенной. А долина, по которой протекаетъ Дуэро, и теперь еще носитъ названіе Val Parayso или райской долины.

Промышленность и торговля вносили свою долю въ общее благосостояніе страны. Толедо, Куэнса, Гуэте, Сіудадъ-Реаль, Сеговія, Виллакастинъ, Гренада, Кордова, Севилья заключали въ себѣ не мало фа-

брикъ, на которыхъ выдѣлывались кожи, сукна и шелковыя матеріи. На зеленыя и голубыя сукна изъ Куэнсы былъ большой спросъ на берегахъ Африки, въ Турціи и въ болѣе отдаленныхъ странахъ Востока. Ежегодно въ этомъ городѣ вычесывалось 250,000 арробовъ шерсти, и такое же количество ея окрашивалось въ разные цвѣта. Суконныя фабрики въ Мединѣ-дель-Кампо и Авилѣ находились въ столь же цвѣтущемъ состояніи. Въ Сеговіи 34,000 работниковъ были заняты производствомъ суконъ; они выдѣлывали ежегодно до 24,000 кусковъ, употребляя на это четыре съ половиною милліона фунтовъ шерсти. Севильскія сукна считались лучшими въ Европѣ.

Всему свѣту извѣстны толедскіе клинки и кордовскій сафьянъ (кордуанъ). Изъ новѣйшихъ народовъ Европы тѣ, которые опередили другихъ на поприщѣ промышленнаго труда, все еще не достигли того, чтобы давать своимъ вышивкамъ, шелковымъ, золотымъ и серебрянымъ тканямъ ту прочность, то изящество, то совершенство, которымъ мы удивляемся въ произведеніяхъ старинныхъ испанскихъ фабрикъ,—а этимъ произведеніямъ уже минуло два столѣтія. Если хотите доказательствъ, разсмотрите алтарныя украшенія, пожертвованныя Филиппомъ II въ ризницу Эскуріала, — они были сдѣланы въ Севильѣ; полюбуйтесь на такъ называемыя дамасскія ткани, которыя тотъ же государь заказалъ въ Талаверѣ для одной изъ эскуріальскихъ часовенъ,—онѣ ни въ чемъ не уступятъ тому, что новѣйшая промышленность произвела самаго совершеннаго. Въ Ліонѣ, Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ никогда не было фабрикъ, которыя выдержали бы сравненіе съ существовавшими нѣкогда въ Толедо, Гренадѣ, Севильѣ, Сеговіи, хотя французскія и англійскія фабрики безъ всякаго сравненія превосходятъ нынѣшнія испанскія.

Торговое движеніе соотвѣтствовало промышленной дѣятельности. На ярмарки въ Бургосѣ, Вальядолидѣ и особенно въ Мединѣ-дель-Кампо съѣзжались купцы со всей Испаніи и изъ сосѣднихъ странъ. Денежные обороты на рынкахъ Медины-дель-Кампо достигали громадныхъ размѣровъ, какъ векселями, такъ монетою и слитками. Одинъ изъ министровъ Филиппа II, въ собраніи кортесовъ, утверждалъ, что на ярмаркѣ, происходившей въ Мединѣ-дель-Кампо въ 1563 году, заключено было сдѣлокъ на сумму 53,000 милліоновъ мараведисовъ (165.625,000 р.).

Въ Медину-дель-Кампо привозились на продажу слѣдующіе товары: сукна, ковры и воскъ изъ Фландріи; бумага и швейный товаръ изъ Франціи; шелкъ и бакалея изъ Валенсіи; сукна изъ Куэнсы, Гуэте, Сіудадъ-Реаля, Сеговіи, Виллакастина; шелковыя матеріи и кожи изъ Толедо; шелкъ-сырецъ и шелковыя ткани изъ Гренады; конская сбруя, сѣдла, позолоченый сафьянъ изъ Кордовы; сахаръ изъ Севильи. Барселона отпускала свои шерстяныя матеріи въ южную Италію, Сицилію, даже въ Египетъ, Сирію и другія восточныя страны. Неисчерпаемымъ источникомъ богатства для этого промышленнаго города была торговля кораллами, вылавливаемыми у береговъ Каталоніи и Варварійскихъ владѣній. Сверхъ того, изъ Барселоны вывозилось за границу множество испанскихъ продуктовъ, какъ-то: хлѣба, соли, свинца, желѣза, стали, строеваго лѣса, вина и преимущественно шафрана самаго высокаго качества.

Каждый годъ значительное число торговыхъ судовъ выходило изъ гаваней Валенсіи, Картагены, Малаги, Кадикса и отвозило произведенія оте-

чественной промышленности въ Италію, Малую Азію, Африку и Остъ-Индію. Въ 1586 году въ гаваняхъ Испаніи насчитывалось еще болѣе тысячи купеческихъ кораблей; изъ нихъ около двухсотъ принадлежали бискайскому прибрежью и употреблялись частью для ловли китовъ у Ньюфаундленда, частью для вывоза шерсти изъ Фландріи; двѣсти находились въ гаваняхъ Галиціи и Астуріи и занимались развозкою фруктовъ и разныхъ мануфактурныхъ издѣлій во Фландрію, Францію, Англію; андалузскимъ купцамъ принадлежало четыреста кораблей, производившихъ торговлю съ Индіей и Канарскими островами; четыреста же судовъ находилось въ гаваняхъ Португаліи, которая незадолго передъ тѣмъ подпала испанскому владычеству. Болѣе 1,500 судовъ меньшаго размѣра служили къ оживленію внутренней торговли, поддерживая постоянныя сообщенія между главными портами королевства. Самые маленькіе изъ прибрежныхъ городовъ принимали участіе въ этомъ торговомъ движеніи. Даже жители ничтожнаго приморскаго городка Девы, въ Гвипускоѣ, и тѣ имѣли безпрестанныя сношенія съ Витторіей, Бургосомъ, Туделой, Сарагоссой и Сеговіей и обогащались транзитомъ. Испанскій торговый флотъ былъ тогда значительнѣе французскаго и даже англійскаго. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить торговое процвѣтаніе Севильи: американское золото привлекало сюда богатства всего міра. Севильскіе купцы были полными хозяевами въ Вера-Круцѣ и Порто-Белло и, благодаря золоту, извлекаемому ими изъ Мексики и Перу, господствовали на рынкахъ сѣверной Африки, въ Римѣ, Генуѣ, Флоренціи, Венеціи, въ Нантѣ, Ла-Рошели, Лондонѣ, Лиссабонѣ. „Севилья,—говоритъ одинъ писатель эпохи Филиппа II,—главный портъ въ Испаніи; сюда стекаются всѣ товары изъ Фландріи, Франціи, Англіи, Италіи“. И вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ съ тою напыщенностью, которая свойственна его націи: „Севилья—столица купцовъ всего міра. Прежде Андалузія лежала на краю земли; со времени же открытія Индіи она стала центромъ земли“.

Но не одинъ только перевѣсъ военныхъ силъ, не одно только богатство, бывшее результатомъ земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго развитія, давали Испаніи господствующее положеніе; она первенствовала также въ сферѣ искусства и литературы.

Лѣтъ за сто до эпохи Филиппа II торговля и войны положили начало сношеніямъ между Италіею и Испаніею. Въ то время, когда Карлъ V окончательно подчинилъ Неаполь и Миланъ кастильской коронѣ, итальянское искусство достигло высшей степени своей славы и блеска: Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, Рафаель, Тиціанъ, Корреджіо уже дали міру лучшія изъ своихъ безсмертныхъ созданій. Съ другой стороны, покореніе Гренады, открытіе Америки и грандіозныя предпріятія Карла V сообщили необыкновенно высокій полетъ національному испанскому генію. По первымъ слухамъ о сокровищахъ, которыми обладаетъ Италія въ дворцахъ своихъ государей и въ мастерскихъ своихъ художниковъ, толпы испанскихъ живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ съ жадностью устремились въ эту страну чудесъ, которая для нихъ имѣла бо̀льшую притягательную силу, чѣмъ Мексика и Перу, куда устремились еще многочисленнѣйшія толпы за сокровищами иного рода. Они изучали произведенія искусства, подражали имъ, достигали почти такой же высоты, какъ ихъ учители, и приносили на родину богатый запасъ познаній и художественнаго вкуса. За ними слѣдовали въ Испанію иностран-

ные художники, Тиціанъ, Рубенсъ, Филиппъ Бургундскій, Торриджіани, привлекаемые королевскими милостями или щедростью вельможъ и епископовъ; эти иностранцы довершали дѣло возрожденія, начатое испанцами, образовавшимися въ Италіи.

Вскорѣ возникли въ Испаніи художественныя школы. Сначала онѣ робко подражали итальянскому искусству, но потомъ, мало-по-малу, приняли болѣе свободное направленіе и, наконецъ, достигли полной независимости и самобытности. Главныхъ школъ было четыре: валенсійская, толедская, севильская и мадридская; двѣ первыхъ, впрочемъ, слились постепенно съ двумя послѣдними. Валенсійская школа, созданная Жуаномъ де-Жоанèсъ, прославленная Рибейрами, Рибальтами и Эспинозами, примкнула къ великой школѣ севильской. Толедская школа, основателемъ которой былъ Греко, дала Луиса Тристана и затѣмъ слилась съ мадридской школой, когда, волею Филиппа II, Мадридъ изъ простаго селенія сдѣлался столицею испанской монархіи. Великолѣпными произведеніями Луиса де-Варгасъ, Виллегаса Мармолезо и Педро Кампаны (всѣ трое были воспитанниками Италіи) начинается севильская школа. Она совершенствуется подъ вліяніемъ валенсійца Жуана де-Жоанèсъ, растетъ, возвышается, націонализируется и достигаетъ самостоятельности въ созданіяхъ Жуана де-Ласъ-Роеласъ, Кастильо, Герреры Стараго и Пачехо; періодъ полной силы и зрѣлости наступаетъ для нея въ мастерскихъ произведеніяхъ Веласкеца, Алонзо Кано, Зурбаррана и Мурильо; этотъ послѣдній былъ настоящимъ воплощеніемъ андалузской школы: въ немъ соединился весь ея блескъ и сіяніе. Мадридская или кастильская школа прошла тѣ же фазисы развитія. Начало ей было положено Беругуете, Бесеррой и Наварретомъ Нѣмымъ; всѣ они были воспитаны на итальянскихъ образцахъ. Кастелло, Каксесъ, Кардуччи и нѣкоторые другіе избавили ее отъ подражательности и выдвинули впередъ своими работами. Великій Веласкецъ внесъ въ нее новую жизнь введеніемъ пріемовъ андалузской школы. Наконецъ, явился Клодъ Коелло, послѣдній и самый благородный изъ ея представителей.

Скульптура и архитектура достигли высокой степени совершенства въ произведеніяхъ Жуана де-Бадайоза, Мигуэла де-Анхета и ихъ преемниковъ. Большой алтарь въ соборной церкви Куэнсы и алтарь св. Юліана, извѣстный подъ именемъ Сквознаго, были исполнены по рисункамъ Вентуры Родригеца. Они даютъ высокое понятіе о художникѣ, который ихъ создалъ, и Испанія по праву гордится ими. Эти два алтаря сдѣланы изъ ясписа, а скульптурныя украшенія — изъ каррарскаго мрамора. Сквозной алтарь поддерживаютъ четыре колонны зеленаго гренадскаго мрамора. Капители и пилластры—изъ позолоченной бронзы. Въ этой же церкви находится часовня *Custode*, малѣйшія подробности которой исполнены съ рѣдкимъ совершенствомъ. Творцемъ ея былъ Алонзо Бессериль, начавшій ее въ царствованіе Карла V; ему помогали знаменитѣйшіе художники того времени. За названными выше мастерами слѣдовали: Наварретъ, котораго прозвали испанскимъ Аполлономъ; Жуанъ-Батистъ Толедскій, начертавшій планъ Эскуріала; Геррера, докончившій это великолѣпное зданіе согласно съ планомъ, который, по народному повѣрью, полученъ Жуаномъ-Батистомъ отъ ангела.

Въ литературѣ мы видимъ то же высокое пареніе, тотъ же блескъ. Испанская драма достигла такой степени совершенства, до какой не

возвышалась еще ни въ какой другой странѣ новой Европы. До Карла V Испанія не имѣла замѣчательныхъ драматическихъ произведеній. Первыми успѣхами въ этой области она была обязана итальянскому вліянію. Испанскіе офицеры, во время своего пребыванія въ Италіи часто посѣщавшіе театральныя представленія въ Болоньѣ, Флоренціи и при Феррарскомъ дворѣ, принесли въ свое отечество любовь къ театру и постарались привить этотъ родъ литературы и у себя дома. Къ этому-то времени относятся переводы Софокловой „Электры“ и „Гекубы“ Эврипида, сдѣланные Перецемъ де-Олива. Тогда же Педро-Симонъ де-Абриль перевелъ Теренція; переведенъ былъ также и Плавтъ. Таковы были начатки сценическаго искусства въ Испаніи. При Филиппѣ II драматическая литература приняла болѣе смѣлый полетъ. Освободясь отъ подражанія древнимъ, она выставила трехъ великихъ поэтовъ, которые своимъ послѣдовательнымъ появленіемъ и различіемъ таланта напоминаютъ Эсхила, Софокла и Эврипида. Въ то время, когда арміи Филиппа II разносили славу испанскаго имени до самыхъ отдаленныхъ странъ, Сервантесъ, искалѣченный въ знаменитой лепантской битвѣ, поставилъ на сцену свою „Нуманцію“, которая достойна занять мѣсто рядомъ съ „Персами“ Эсхила, по своему возвышенному порыву, силѣ и патріотическому чувству. Тогда же Сервантесъ написалъ свою безсмертную сатиру, доставившую ему мѣсто въ ряду величайшихъ писателей всѣхъ вѣковъ. Лопе де-Вега, солдатъ-авантюристъ, избѣжавшій гибели при крушеніи „непобѣдимой армады“, приводилъ въ удивленіе Испанію и всю Европу блескомъ и неистощимостью своей фантазіи. Когда онъ показывался на улицахъ Мадрида, восторженная толпа привѣтствовала его криками: „Фениксъ! Чудо природы!“ Его называли счастливымъ, славнымъ Лопе; его провожали съ чувствами почтенія и благоговѣйной гордости; всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ указывали его прохожимъ. Величавый Филиппъ II изъ оконъ своего дворца показывалъ его иностранцамъ, находившимся при его дворѣ, и говорилъ, что гордится такимъ подданнымъ. За Лопе де-Вега явился Кальдеронъ де-ла-Барка, самый блестящій представитель драматическаго искусства въ Испаніи, поэтъ самобытный, исполненный глубины и неподдѣльнаго жара; о немъ можно судить различно, но едва ли кто станетъ отрицать его геніальность.

Вѣкъ Филиппа II былъ не только эпохою процвѣтанія испанскаго театра: и эпопея, и лирическая поэзія, и исторія имѣли тогда достойныхъ представителей между испанскими писателями. Эрцилла, переплывшій Атлантическій океанъ, въ погонѣ за опасностями и славою, писалъ свою удивительную поэму („Араукана“), которую Вольтеръ ставитъ на ряду съ произведеніями Гомера, Виргилія, Камоэнса и Мильтона. По всей Европѣ гремѣли имена испанскихъ лириковъ, писавшихъ въ этотъ золотой вѣкъ испанской литературы; таковы были Гарцилазо де-ла-Вега, прозванный испанскимъ Петраркою, Геррера Божественный и нѣкоторые другіе. Сухое, безжизненное изложеніе средневѣковыхъ лѣтописцевъ уступило мѣсто художественному, одушевленному разсказу въ историческихъ трудахъ Гуртадо де-Мендозы и Маріаны. „Гренадская война“ Мендозы напоминаетъ творенія Саллюстія и Тацита, которые служили образцами для этого писателя. Маріану современники любили сравнивать съ Титомъ Ливіемъ за легкость, ясность, изящество и художественную полноту его изложенія.

Мало-по-малу испанская литература сдѣлалась предметомъ удивленія и подражанія для другихъ націй. Драмы Лопе де-Вега давались на театрахъ всѣхъ испанскихъ городовъ, а также въ Неаполѣ, Миланѣ, Брюсселѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ. Изъ двухъ тысячъ двухсотъ его пьэсъ нѣкоторыя еще при его жизни были переведены на всѣ европейскіе языки.

Португальская сцена прежде другихъ подверглась наплыву произведеній Лопе и Кальдерона. Въ Лиссабонѣ нельзя было ничего видѣть, кромѣ пьэсъ мадридскаго репертуара; ихъ давали на испанскомъ языкѣ во все время, пока государства полуострова были соединены подъ испанскою короною и даже въ первые годы, слѣдовавшіе за утвержденіемъ Браганцскаго дома на престолѣ Португаліи. Испанское вліяніе проникло и въ Англію. Нельзя не признать его въ произведеніяхъ Шекспира и первыхъ его преемниковъ. Въ царствованіе Карла II нѣкоторыя пьэсы Кальдерона были переведены на англійскій языкъ и ихъ давали въ Лондонѣ еще во времена Драйдена (въ концѣ XVII в.). Сами итальянцы перевели множество испанскихъ драмъ и подражали великимъ испанскимъ поэтамъ съ конца XVI столѣтія вплоть до эпохи Метастазіо и Гольдони (т. е. до половины XVIII в.).

Но преимущественно на Франціи отразилось литературное вліяніе Испаніи. Начало его можетъ быть отнесено къ послѣднимъ годамъ царствованія Генриха IV. Записки Антоніо Переца, одновременно появившіяся въ Парижѣ, Женевѣ и Лондонѣ, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на читающую публику. Всѣ были поражены тѣмъ торжественнымъ лаконизмомъ, тою глубокомысленною важностью, тою сдержанною энергіею, которою запечатлѣна книга знаменитаго изгнанника. Ее перевели на французскій языкъ; изъ нея стали дѣлать извлеченія. Это была первая испанская книга, пріобрѣвшая популярность между французами. Съ тѣхъ поръ Испанія перестала быть имъ чуждою. Въ первыя тридцать лѣтъ XVII столѣтія всѣ извѣстные писатели подражали испанскимъ образцамъ или переводили ихъ. Во время регентства Анны Австрійской г-жа де-Моттвиль, Сирано и нѣкоторые другіе писатели всячески поддѣлывались подъ испанскій ладъ. „Хромой Бѣсъ", „Приключенія Гузмана д'Альфарашъ" и „Жиль-Блазъ", изданные позже Лесажемъ, суть или переводы, или извлеченія изъ испанскихъ твореній. Французскій театръ, въ свою очередь, подчинился тому же вліянію. Въ 1636 году Корнель издалъ въ свѣтъ Сида; это мастерское произведеніе, написанное въ подражаніе Гильену де-Кастро и Діаманте, открыло новую эру для французской сцены. Нѣсколько другихъ пьэсъ Корнеля также заимствованы у испанскихъ писателей. Во всѣхъ произведеніяхъ этого великаго поэта выступаютъ на видъ тѣ достоинства и недостатки, которыми отличаются Лопе де-Вега и Кальдеронъ; заносчивость языка, преувеличенность въ сужденіяхъ, излишество украшеній, рядомъ съ энергіею мысли и изумительною силою творчества.

Послѣ брака Людовика XIV съ Маріею-Терезою, труппа испанскихъ актеровъ поселилась въ Парижѣ и получила позволеніе играть на придворной сценѣ; это была отборная труппа; во главѣ ея находился Себастіанъ де-Прадо, знаменитый актеръ, равнаго которому не было въ Мадридѣ. Королева присутствовала на этихъ спектакляхъ, даваемыхъ на испанскомъ языкѣ, и когда какое-либо произведеніе имѣло успѣхъ на придворномъ театрѣ, его спѣшили перевести и ставили на сцену въ Бур-

гундскомъ отелѣ или въ театрѣ Маре. Въ одинъ годъ выходило въ свѣтъ до трехъ различныхъ переводовъ одной пьэсы. Примѣръ королевы и двора сообщилъ новый порывъ общему направленію умовъ. Кино, Монфлери, Готрошъ, Данкуръ брали сюжеты изъ мадридскаго репертуара почти для всѣхъ своихъ драматическихъ произведеній. Скарронъ только подражалъ Франциску де-Роіасъ. Своему любимому писателю Испаніи, можетъ быть, обязаны французы тѣмъ, что могутъ гордиться такимъ первокласснымъ комикомъ, какъ Мольеръ; онъ самъ признается, что „Лжецъ“ Корнеля навелъ его на настоящую дорогу, и что не будь этой пьэсы, онъ сочинялъ бы только легкія комедіи и не дошелъ бы до „Мизантропа“; „Лжецъ“ Корнеля есть подражаніе произведенію испанскаго писателя Аларкона. „Школа мужей“, „Ученыя барыни“, „Докторъ по неволѣ“ равнымъ образомъ заимствованы Мольеромъ у испанскихъ поэтовъ, вполнѣ или отчасти.

Литературное вліяніе испанцевъ оставило слѣдъ и въ разговорномъ языкѣ. Не говоря уже о томъ, что тогда вошло въ употребленіе много испанскихъ словъ, самый складъ рѣчи высшаго общества принялъ испанскій характеръ съ его высокопарностью и громозвучными, но въ сущности безсодержательными комплиментами. Французское общество усвоивало себѣ самые нравы и обычаи испанцевъ и перенимало ихъ моды, воспроизводя даже самыя странности ихъ. „Куда бы вы ни взглянули,—говоритъ Пюибюскъ объ этой эпохѣ,—повсюду увидите испанизированныхъ французовъ. Всякій франтъ носитъ бородку клиномъ; широкополая войлочная шляпа надѣта у него на бекрень, камзолъ на половину распахнутъ, сапоги съ раструбами. Всякій хлыщъ съ болтающеюся рапирою растопыриваетъ ноги по-испански, клянется всѣми святыми и крутитъ свои усы, искоса поглядывая на прохожихъ. Заразительная подражательность испанскимъ модамъ и нравамъ охватила даже неповоротливыхъ фламандцевъ“. То же самое происходило въ Палермо, въ Неаполѣ, въ Миланѣ, даже въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ. Повсюду виднѣлись шляпы съ широкими полями, высокой тульей и развѣвающимся краснымъ перомъ, испанскіе камзолы, широкіе плащи, маленькія ботинки съ цѣлымъ снопомъ кружевъ, усы и эспаньолки,—однимъ словомъ, весь этотъ внѣшній обликъ, съ которымъ теперь мы встрѣчаемся только на подмосткахъ театра, когда даютъ испанскія пьэсы.

Въ теченіи долгаго времени во Франціи, Италіи и Англіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи существовалъ обычай посылать въ Мадридъ молодыхъ людей изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій—учиться хорошимъ манерамъ и кастильской вѣжливости. Въ европейскихъ столицахъ домъ посланника испанскаго былъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ собиралось лучшее общество, и испанская дипломатія пользовалась повсюду тѣмъ вліяніемъ и нравственнымъ превосходствомъ, которыя выпали на долю Франціи только въ эпоху Людовика XIV.

Но какъ ни велико было обаяніе, производимое Испаніею въ XVI столѣтіи, нашелся человѣкъ съ трезвымъ и проницательнымъ взглядомъ на положеніе дѣлъ, человѣкъ съ умомъ, котораго не отуманили весь этотъ внѣшній блескъ и величіе. Этотъ человѣкъ—итальянецъ Кампанелла. Съ свойственною ему изумительною проницательностью онъ предсказалъ то, что предстояло Испаніи въ далекомъ будущемъ. Болѣзнь, разъѣдавшая Испанію, еще не выступала наружу, государственный ор-

ганизмъ ея казался молодымъ, полнымъ силъ и цвѣтущаго здоровья; но Кампанелла видѣлъ въ немъ, что ускользало отъ всѣхъ его современниковъ, и предсказывалъ этому организму разложеніе и смерть, если заблаговременно не будутъ приняты мѣры и Испанія не будетъ совершенно преобразована. И въ самомъ дѣлѣ, величію и благоденствію испанской монархіи недоставало прочныхъ основъ. Уже въ царствованіе Филиппа II она начала клониться къ упадку; при его несчастныхъ преемникахъ разложеніе пошло быстрыми шагами, и къ концу XVII вѣка она спустилась уже до положенія второстепенной державы. Послѣ господства надъ Европою, пріобрѣтеннаго рѣшительнымъ перевѣсомъ силы, богатства и умственнаго превосходства, она, въ свою очередь, подпала подъ господство Франціи, Англіи и Голландіи. Эти державы въ исходѣ XVII столѣтія выжидали только смерти ея слабаго государя, чтобы приступить къ ея раздробленію и дѣлежу ея земель. И это неудивительно: Испанія уже не обладала военными силами, могущими внушить почтеніе къ ней. Ея сухопутная армія находилась въ самомъ плачевномъ положеніи; она едва доходила до 15,000 солдатъ. Гурвиль, жившій нѣкоторое время въ Испаніи и обладавшій замѣчательнымъ даромъ наблюдательности, говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ совѣтовалъ Лувуа отправить принца Конде для осады Пампелуны всего съ 18,000 пѣхоты и 6,000 кавалеріи; онъ завѣрялъ, что, по взятіи этого города, французская армія легко можетъ проникнуть въ самое сердце Испаніи и дойти до Мадрида, такъ какъ противъ нея едва ли смогутъ выставить въ поле больше двухъ-трехъ тысячъ солдатъ. Маркизъ де-Вилларъ писалъ отъ 14 ноября 1680 года, что въ Санъ-Себастіанѣ, Пампелунѣ и Фонтарабіи нѣтъ ни гарнизоновъ, ни запасовъ. 22 февраля слѣдующаго года онъ отправляетъ такую депешу Людовику XIV: „Испанія рѣшительно не въ состояніи дать энергическій отпоръ. Пятнадцатитысячной арміи достаточно для того, чтобы овладѣть Наваррою въ продолженіи мѣсяца. Барселонская цитадель не продержится и шести дней“. Графъ де-Ребенакъ пишетъ 9 сентября 1688 года: „Ваше величество! въ Пампелунѣ,—единственномъ городѣ Наварры, гдѣ есть войска,—при мнѣ находилось отъ 14 до 15 тысячъ человѣкъ; болѣе половины изъ нихъ,—я нисколько не преувеличиваю,—или старики свыше 60-ти лѣтъ, или 14—15 лѣтніе мальчики. Аммуниціи—никакой, шпагъ—очень мало; что же касается мушкетовъ, то они такъ тяжелы, что могутъ быть употреблены съ пользой только за крѣпостными шанцами, а не въ полѣ“. Въ подробномъ донесеніи о состояніи Испаніи тотъ же посланникъ утверждаетъ, что во всемъ королевствѣ только 3,000 кавалеристовъ и 10,000 пѣхотинцевъ и что наборъ, производившійся въ то время, можетъ дать отъ четырехъ до пяти тысячъ.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству лицъ вполнѣ компетентныхъ, Испанія въ царствованіе Карла II располагала всего 15—20 тысячами солдатъ, и на половину это были дѣти или дряхлые старики; остальная же часть арміи, сверхъ этихъ 20 тысячъ, только числилась по спискамъ. Второстепенныя владѣнія испанской короны были защищены не лучше. Въ Нидерландахъ было только 8 т., въ Миланскомъ герцогствѣ—6 т. солдатъ, а эти области находились въ наибольшей опасности отъ внѣшняго нападенія. Во Франшконте совсѣмъ не было войскъ, и эта провинція была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ; по-

тому-то Людовику XIV „стоило только послать своихъ лакеевъ“, чтобы завладѣть ею.

Флота почти не существовало. Магазины были пусты, арсеналы тоже. Чувствовался недостатокъ въ строительныхъ матеріалахъ и въ предметахъ для оснастки кораблей; утрачено было даже самое искусство кораблестроенія. Графъ де-Ребенакъ насчиталъ въ испанскихъ гаваняхъ только 25 военныхъ кораблей, годныхъ для службы, и притомъ ихъ невозможно было вооружить всѣ за разъ; было еще нѣсколько кораблей, но, по причинѣ ихъ ветхости, они совершенно не годились. Государство, снарядившее 100 кораблей для лепантской битвы, отправившее 165 кораблей противъ Англіи, при Карлѣ II вынуждено было прибѣгать къ содѣйствію англичанъ для перевозки гаванскаго табаку и для поддержанія сообщеній съ Канарскими островами и нанимать въ Генуѣ матросовъ и корабли для службы въ Новомъ Свѣтѣ. Въ 1671 году, шайка англійскихъ флибустьеровъ, подъ предводительствомъ Моргана, ограбила панамскія колоніи,—Испанія даже и не попыталась отмстить за эту обиду. Когда Людовикъ XIV былъ провозглашенъ сицилійскимъ королемъ, испанцы просили помощи у Голландіи, и хотя адмиралъ Рюйтеръ привелъ къ острову 23 большихъ военныхъ корабля, однако французы все - таки продержались около двухъ лѣтъ въ Мессинѣ и въ сосѣднихъ съ нею городахъ.

Земледѣліе, промышленность и торговля были въ совершенномъ упадкѣ. Старая Кастилія, могшая служить житницею для Испаніи, производила только немного вина, хлѣба и марены, и эти продукты раскупались на мѣстѣ и по дешевой цѣнѣ, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ. Въ Новой Кастиліи огромныя равнины оставались вовсе необработанными. Андалузія, Эстремадура и Гренада походили на пустыню: цѣлыя селенія, обитаемыя прежде трудолюбивыми земледѣльцами, лежали въ развалинахъ. Въ Аррагоніи 149 деревень были вовсе необитаемы.

Мануфактуры совершенно упали, а многія и совсѣмъ закрылись. На сеговійскихъ фабрикахъ, столь славившихся прежде, выдѣлывалось въ концѣ XVII в. не болѣе 400 кусковъ сукна, и то очень посредственнаго. Въ Гренадѣ, Толедѣ и Кордовѣ сохранилось очень немного фабрикъ, выдѣлывавшихъ шелковыя матеріи, шерстяныя ткани и узорчатый бархатъ.

Торговля была въ полномъ застоѣ. Ярмарки въ Мединѣ-дель-Кампо никого больше не привлекали. Портъ Понтеведро, въ Галисіи, былъ нѣкогда однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ на этомъ берегу; въ концѣ XVII в. въ немъ находилось лишь нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Испанія, вывозившая прежде произведенія своей промышленности въ самыя отдаленныя части Америки и Индіи, должна была обращаться къ иностранцамъ за предметами, необходимыми ей и колоніямъ; купцы англійскіе, французскіе, голландскіе, генуэзскіе, гамбургскіе наводняли теперь Испанію, Мексику и Перу издѣліями своихъ фабрикъ.

Царствованіе Карла II было не только эпохою совершеннаго политическаго ничтожества Испаніи и полнѣйшаго упадка ея земледѣлія, промышленности и торговли; оно совпадаетъ также со временемъ самаго крайняго пониженія испанской литературы. Въ Испаніи произошло то же самое, что было раньше въ Италіи: литература въ той и другой странѣ пришла въ упадокъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ того, какъ утрачена

была ими политическая свобода. Конечно, Сервантесъ и Лопе де-Вега принадлежатъ отчасти царствованію Филиппа III, а Кальдеронъ достигъ апогея своей славы въ царствованіе Филиппа IV; но произвела ихъ предъидущая эпоха; да и нравственныя силы націи упали не вдругъ, а исчезали постепенно, чѣмъ ближе подходилъ конецъ XVII вѣка. Въ исходѣ этого вѣка геній Испаніи какъ бы совсѣмъ изсякъ. Она уже не производила болѣе ни великихъ художниковъ, ни писателей, достойныхъ стать рядомъ съ Кальдерономъ, Лопе де-Вега и Сервантесомъ. Среди общественныхъ бѣдствій, когда разрушеніе монархіи становилось все болѣе и болѣе неизбѣжнымъ, жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка болѣе и болѣе замыкалась въ кругу матеріальныхъ интересовъ, а умственная жизнь все гасла и гасла, и наконецъ совсѣмъ исчезла.

II. *Причины политическаго, умственнаго и экономическаго упадка Испаніи въ XVII вѣкѣ.

(Изъ соч. Бокля: „Введеніе въ исторію цивилизаціи Англіи“, т. II).

Филиппъ II, послѣдній изъ великихъ королей Испаніи, умеръ въ 1598 году, и послѣ его смерти все стало приходить въ упадокъ съ изумительною быстротою. Съ 1598 по 1700 годъ на престолѣ смѣнились: Филиппъ III, Филиппъ IV и Карлъ II. Между ними и ихъ предшественниками была самая разительная противоположность. Филиппъ III и Филиппъ IV были лѣнивы, невѣжественны, нерѣшительны и проводили жизнь въ низкихъ и грязныхъ удовольствіяхъ. Карлъ II послѣдній изъ той австрійской династіи, которая нѣкогда такъ отличалась, обладалъ почти всѣми недостатками, какіе могутъ сдѣлать человѣка смѣшнымъ и достойнымъ презрѣнія. Его умъ и его наружность были таковы, что въ любомъ народѣ, менѣе преданномъ своимъ королямъ, онъ сдѣлался бы всеобщимъ посмѣшищемъ. Невѣжество его могло бы показаться невѣроятнымъ, если бы не подтверждалось неопровержимыми доказательствами. Онъ не зналъ названій большихъ городовъ, ни даже провинцій въ своихъ владѣніяхъ, и во время войны съ Франціею слышали, какъ онъ выражалъ сожалѣніе объ Англіи по случаю утраты будто бы ею нѣкоторыхъ городовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности города эти принадлежали къ его же собственной территоріи. Наконецъ, онъ погрязъ въ самое грубое суевѣріе; ему казалось, что его постоянно искушаетъ діаволъ, и онъ позволялъ отчитывать себя, какъ одержимаго злыми духами, и не иначе уходилъ спать, какъ въ сопровожденіи своего духовника и двухъ монаховъ, которые должны были всю ночь лежать возлѣ него.

Почти все, сдѣланное великими государями XVI столѣтія, было разрушено ничтожными государями XVII в. Паденіе Испаніи было такъ быстро, что не болѣе какъ черезъ три царствованія послѣ смерти Филиппа II, самая могущественная монархія въ свѣтѣ была доведена до крайней степени униженія, была безнаказанно оскорбляема другими народами, не разъ доходила до банкротства, лишилась самыхъ лучшихъ изъ своихъ владѣній, подверглась публичному позору; наконецъ, испытала жестокое униженіе—видѣть, что территорія ея разбита на части и подѣлена по договору, въ которомъ сама она не принимала никакого участія и на

рѣшеніе котораго она даже не въ состояніи была негодовать. Вотъ когда, дѣйствительно, испила она до дна чашу своего стыда. Слава покинула ее—она была убита, унижена. Очень могъ бы испанецъ того времени, сравнивъ настоящее съ прошедшимъ, пожалѣть о своемъ отечествѣ, этомъ избранномъ мѣстопребываніи рыцарства и романа, храбрости и вѣрности. Повелительница міра, царица океана, гроза народовъ погибла; погибло ея могущество, погибло безвозвратно.

Скучно и безполезно было бы разсказывать потери и неудачи Испаніи въ продолженіе XVII столѣтія. Непосредственная причина ихъ заключалась, безспорно, въ дурномъ управленіи и неспособности правителей; настоящею и самою главною причиною, отъ которой зависѣлъ весь ходъ и характеръ событій, было существованіе того духа раболѣпія и угодничества, который заставлялъ испанскій народъ подчиняться тому, что во всякой другой странѣ было бы отвергнуто. Усиленіе вліянія испанскаго духовенства было первымъ и самымъ очевиднымъ послѣдствіемъ упадка энергіи испанскаго правительства. Такъ какъ раболѣпіе и суевѣріе были главными составными частями національнаго характера, а между тѣмъ и то, и другое было плодомъ привычки къ слѣпому уваженію, то и слѣдовало ожидать, что если только не уменьшится это уваженіе, одна составная часть всегда будетъ увеличиваться на счетъ другой. Вотъ почему, какъ только испанское правительство, въ продолженіе XVII столѣтія, вслѣдствіе своего крайняго безсилія, утратило, несомнѣнно, часть той привязанности народа, которою оно прежде располагало, въ права его, естественнымъ образомъ, вступила церковь и, занявъ открывшееся мѣсто, пріобрѣла то, что растратила корона. Кромѣ того, слабость исполнительной власти поощряла притязанія духовенства, которое осмѣливалось дѣлать такіе захваты, какихъ испанскіе государи XVI столѣтія, при всемъ ихъ суевѣріи, не допустили бы ни на одну минуту. Этимъ объясняется тотъ весьма поразительный фактъ, что въ то время, какъ въ другихъ важнѣйшихъ государствахъ, за исключеніемъ одной Шотландіи, власть церкви уменьшалась въ XVII столѣтіи, въ Испаніи она увеличивалась. Усиленіе вліянія испанской церкви, въ теченіе XVII столѣтія, можетъ быть доказано всякаго рода свидѣтельствами. Монастыри и церкви размножались съ такою ужасающею быстротою и богатство ихъ доходило до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что даже кортесы, при всемъ ихъ ничтожествѣ и смиреніи, рѣшились на публичное предостереженіе. Въ 1626 году, только пять лѣтъ спустя послѣ смерти Филиппа III, они просили о принятіи какихъ-либо мѣръ къ предупрежденію, какъ говорили они, постоянныхъ захватовъ со стороны духовенства. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ кортесы, собравшіеся въ Мадридѣ, объявили, что не проходитъ дня, чтобы міряне не лишались какой-либо части своей собственности для обогащенія духовенства, и зло это, говорили они, дошло до такихъ размѣровъ, что въ Испаніи оказывается слишкомъ 9,000 монастырей, не считая женскихъ. Это замѣчательное показаніе не было никогда оспариваемо, и достовѣрность его подтверждается многими другими обстоятельствами. Давила, жившій въ царствованіе Филиппа III, утверждаетъ, что въ 1623 году одни доминиканскій и францисканскій ордена уже заключали въ себѣ до 32,000 человѣкъ. Въ такой же пропорціи умножалось и остальное духовенство. Передъ смертью Филиппа III число священни-

ковъ, служившихъ въ каѳедральномъ соборѣ въ Севильѣ, увеличилось до ста, а въ севильской епархіи было 14,000 капеллановъ; въ калаоррской же 18,000. Казалось, не было никакой надежды выйти изъ этого ужаснаго положенія. Чѣмъ богаче становилась церковь, тѣмъ больше было соблазна для мірянъ поступать въ духовное сословіе, такъ что не было, повидимому, предѣловъ пренебреженію свѣтскими интересами. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе это, не смотря на его порывистость, отличалось совершенною правильностью и было подготовлено цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Съ V столѣтія все неизмѣнно клонилось въ эту сторону, обезпечивая духовенству такое владычество, котораго не потерпѣлъ бы никакой другой народъ. При такомъ подготовленіи умовъ народъ смотрѣлъ въ безмолвіи на то, чему считалось нечестивымъ противиться; ибо, какъ замѣчаетъ одинъ испанскій историкъ, каждое предположеніе считалось еретическимъ, если только оно стремилось уменьшить размѣры или даже остановить дальнѣйшее развитіе того громаднаго богатства, которымъ обладала испанская церковь.

До какой степени все это было естественно, видно еще изъ одного довольно интереснаго факта. Въ Европѣ вообще XVII столѣтіе отличалось возникновеніемъ свѣтской литературы, въ которой не обращалось вниманія на духовныя теоріи; самые вліятельные писатели, такіе, какъ Бэконъ и Декартъ, были міряне, скорѣе враждебно, чѣмъ дружелюбно относившіеся къ іерархіи и проводившіе въ сочиненіяхъ своихъ чисто свѣтскія воззрѣнія. Но въ Испаніи не случилось никакой перемѣны въ этомъ родѣ. Въ этой странѣ церковь сохранила свою власть надъ всѣми умами, какъ высшаго, такъ и низшаго полета. Такъ сильно было давленіе общественнаго мнѣнія, что писатели всякаго разряда считали за честь принадлежать къ духовному сословію, интересы котораго они защищали съ ревностью, достойною темныхъ вѣковъ. Сервантесъ, за три года до своей смерти, сдѣлался францисканскимъ монахомъ. Лопе де-Вега былъ священникомъ и имѣлъ должность въ инквизиціи; въ 1623 г. онъ участвовалъ въ ауто-да-фе, въ которомъ, среди обширнаго стеченія народа, за воротами Алкала въ Мадридѣ, былъ сожженъ одинъ еретикъ. Морето, одинъ изъ трехъ величайшихъ драматическихъ писателей Испаніи, облекся въ монашескую рясу на послѣднія двѣнадцать лѣтъ своей жизни. Монталванъ, комедіи котораго до сихъ не забыты, былъ священникомъ и служилъ при инквизиціи; Сандоваль, котораго Филиппъ III сдѣлалъ исторіографомъ и который считается лучшимъ авторитетомъ въ исторіи царствованія Карла V, былъ сперва бенедиктинскимъ монахомъ, потомъ сдѣлался епископомъ и, наконецъ, получилъ пампелунскую епархію. Давила, біографъ Филиппа III, былъ священникомъ. Маріана былъ іезуитомъ. Антоніо, самый ученый изъ библіографовъ Испаніи, былъ каноникомъ Севильи. Граціанъ, прозаическія сочиненія котораго были въ большомъ ходу и который считался прежде великимъ писателемъ, былъ іезуитъ. Между поэтами проявлялось тоже самое стремленіе. Кальдеронъ былъ капелланомъ Филиппа IV и унизилъ свой блистательный талантъ до такихъ проявленій фанатизма, что его называли даже поэтомъ инквизиціи. Любовь его къ церкви превращалась въ страсть, и онъ не стѣснялся ничѣмъ, что только могло подвинуть ея интересы. Въ Испаніи подобныя чувства были естественны, но другимъ народамъ они кажутся въ высшей степени странными, и одинъ замѣчательный

критикъ объявилъ, что невозможно читать сочиненія Кальдерона безъ негодованія. Если это такъ, то негодованіе это слѣдовало бы распространить почти на всѣхъ испанцевъ, современниковъ Кальдерона, отъ мала до велика. Едва-ли нашелся бы въ тѣ времена хоть одинъ испанецъ, не проникнутый тѣми же чувствами. Даже Вильявиціоза, авторъ одной изъ самыхъ лучшихъ комическихъ поэмъ, какія произвела Испанія, не только самъ служилъ въ инквизиціи, но даже настаивалъ, въ своемъ завѣщаніи, чтобы всѣ члены его семейства и его потомки также вступали, если можно, въ это благородное учрежденіе, принимая въ немъ всякія мѣста безъ разбора, ибо, говоритъ онъ, всѣ должности въ инквизиціи достойны уваженія. При подобномъ состояніи общества, все, что сколько нибудь отзывалось свѣтскимъ или научнымъ духомъ, было, конечно, немыслимо. Въ высшихъ классахъ всѣ были заняты или войною, или теологіею, а большая часть и тѣмъ, и другимъ вмѣстѣ. Тѣ, которые дѣлали изъ литературы ремесло, приноравливались, какъ часто бываетъ съ людьми ремесла, къ господствующимъ предубѣжденіямъ. Ко всему, что касалось духовенства, они относились не только съ уваженіемъ, но даже съ какимъ-то робкимъ, благоговѣйнымъ чувствомъ. Умѣнье и трудолюбіе, достойныя гораздо лучшаго примѣненія, тратились на похвалы всякаго рода нелѣпостямъ, изобрѣтеннымъ суевѣріемъ. Чѣмъ болѣе жестокъ и неумѣстенъ былъ какой-нибудь обычай, тѣмъ бо̀льшее число лицъ писало въ его защиту, хотя никто не смѣлъ и подумать напасть на него. Число сочиненій на испанскомъ языкѣ, въ которыхъ доказывается необходимость религіозныхъ гоненій, несмѣтно; и все это писалось въ странѣ, гдѣ ни одинъ человѣкъ изъ тысячи не сомнѣвался въ томъ, что слѣдуетъ жечь еретиковъ. Что же касается чудесъ, которыя составляютъ другое важное орудіе въ рукахъ теологовъ, то въ XVII столѣтіи они случались безпрестанно и не менѣе часто о нихъ писали. Всякій литераторъ старался сказать что-нибудь объ этомъ важномъ предметѣ. Этими и подобными имъ предметами преимущественно занимался испанскій умъ. Мужскіе и женскіе монастыри, религіозные ордены и каѳедральные соборы также обращали на себя всеобщее вниманіе, и писались цѣлыя книги для того, чтобы сохранить малѣйшія подробности о нихъ. Дѣйствительно, часто случалось, что одинъ монастырь или одинъ каѳедральный соборъ имѣлъ нѣсколько исторіографовъ, и всѣ они хлопотали наперерывъ другъ передъ другомъ, чтобы какъ можно болѣе почтить церковь и поддержать охраняемые ею интересы.

Вотъ какой перевѣсъ имѣло духовное сословіе и какое уваженіе къ интересамъ церкви оказываемо было въ Испаніи въ теченіе XVII столѣтія. Испанцы дѣлали все, что могли, для усиленія вліянія духовенства въ тотъ самый вѣкъ, когда другіе народы ревностно старались ослабить его. Эта несчастная особенность вытекала, безъ сомнѣнія, изъ предшествовавшихъ событій, но она была ближайшею причиною упадка Испаніи. При Филиппѣ III сословіе это чрезвычайно усилилось, и въ это же царствованіе оно ознаменовало новую эпоху своего могущества, достигнувъ, при условіяхъ, ужасающихъ своимъ варварствомъ, изгнанія всего маврскаго народа. Это было само по себѣ дѣло, до такой степени жестокое и до такой степени ужасное по своимъ послѣдствіямъ, что нѣкоторые писатели одному этому событію приписали послѣдовавшее паденіе Испаніи, забывая, что другія причины, гораздо болѣе могуществен-

ныя, также дѣйствовали, и что это изумительное злодѣяніе только и могло быть совершено въ такой странѣ, которая, издавна привыкнувъ смотрѣть на ересь, какъ на самое ненавистное изъ преступленій, готова была, во что бы то ни стало, очистить и избавить себя отъ людей, одно присутствіе которыхъ считалось оскорбленіемъ христіанской вѣры.

Послѣ покоренія въ концѣ XV вѣка послѣдняго магометанскаго царства въ Испаніи, главною заботою испанцевъ стало обращеніе побѣжденныхъ въ христіанство. Они думали, что тутъ дѣло идетъ о будущемъ благосостояніи цѣлаго народа, и потому, найдя, что увѣщанія духовенства не имѣютъ никакого дѣйствія, прибѣгли къ другимъ мѣрамъ и стали преслѣдовать людей, на которыхъ не были въ силахъ подѣйствовать убѣжденіемъ. Однихъ подвергали пыткѣ, другихъ сжигали, на остальныхъ дѣйствовали угрозами, и такимъ образомъ достигли, наконецъ, цѣли. Утверждаютъ, что съ 1526 года не оставалось въ Испаніи ни одного магометанина, не обращеннаго въ христіанство. Огромное число ихъ было крещено силою, а разъ они были крещены, ихъ считали уже принадлежащими къ церкви и подчиненными ея дисциплинѣ. За дисциплиною этою наблюдала инквизиція, которая въ продолженіе остальной части XVI ст. поступала съ этими новыми христіанами, или, какъ ихъ теперь называли, морисками, самымъ варварскимъ образомъ. Дѣйствительность вынужденнаго обращенія ихъ подлежала сомнѣнію, и потому задачею церкви стало удостовѣряться въ ихъ искренности. Гражданская власть оказывала ей свое содѣйствіе: въ числѣ другихъ узаконеній изданъ былъ въ 1566 г. Филиппомъ II эдиктъ, повелѣвающій морискамъ отказаться отъ всего, что сколько-нибудь могло напоминать имъ объ ихъ прежней религіи. Имъ было предписано, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, учиться по-испански и выдать всѣ свои арабскія книги. Имъ не позволялось ни читать, ни писать, ни даже говорить дома на своемъ родномъ языкѣ. Ихъ празднества и самыя игры были строго запрещены. Они не смѣли предаваться никакимъ увеселеніямъ, существовавшимъ у ихъ отцовъ; имъ запрещено было также носить ту одежду, къ которой они привыкли. Ихъ женщины должны были ходить безъ покрывалъ, и какъ омовеніе было однимъ изъ нехристіанскихъ обрядовъ, то приказано было уничтожить всѣ общественныя бани и даже ванны въ частныхъ домахъ.

Этими и другими подобными мѣрами этотъ несчастный народъ былъ, наконецъ, выведенъ изъ терпѣнія и въ 1568 году рѣшился на отчаянный шагъ—помѣряться силами со всею испанскою монархіею. Результатъ едва ли могъ подлежать сомнѣнію; но мориски, доведенные до бѣшенства постоянными страданіями и полагавшіе все въ этой борьбѣ, продлили ее до 1571 года, когда возмущеніе было окончательно подавлено. Эта безуспѣшная борьба страшно обезсилила ихъ и уменьшила ихъ численность, такъ что въ продолженіе остальныхъ 27 лѣтъ царствованія Филиппа II сравнительно мало слышно о нихъ. Не смотря на случавшіяся по временамъ вспышки, старая вражда затихла и съ теченіемъ времени, вѣроятно, вовсе исчезла бы. Во всякомъ случаѣ, испанцы не имѣли болѣе предлога къ насилію, такъ какъ было бы нелѣпо предполагать, чтобы мориски, всячески ослабленные, униженные, убитые духомъ и разсѣянные по всему королевству, были въ силахъ, если бы и желали, сдѣлать что-либо противъ исполнительной власти.

Но послѣ смерти Филиппа II началось движеніе, которое только-что описано нами и которое, въ противоположность тому, что было у другихъ народовъ, доставило испанскому духовенству въ XVII ст. болѣе власти, чѣмъ оно имѣло въ XVI в. Послѣдствія этого обнаружились немедленно. Духовенство, не считая мѣры, принятыя Филиппомъ противъ морисковъ, рѣшительными, даже при жизни его помышляло о новомъ царствованіи, въ которомъ эти сомнительные христіане были бы или истреблены, или изгнаны изъ Испаніи. До тѣхъ поръ, пока онъ былъ на престолѣ, благоразуміе правительства сдерживало въ нѣкоторой степени рвеніе церкви, и король, слѣдуя совѣтамъ своихъ самыхъ способныхъ министровъ, не соглашался на мѣры, о которыхъ его настоятельно просили и къ которымъ онъ и самъ имѣлъ склонность. Но при его преемникѣ духовенство пріобрѣло новую силу и скоро почувствовало себя довольно могущественнымъ, чтобы начать другой, и уже окончательный, крестовый походъ противъ жалкихъ остатковъ маврскаго народа.

Архіепископъ Валенціи первый началъ дѣйствовать. Въ 1602 году этотъ замѣчательный прелатъ представилъ Филиппу III записку, направленную противъ морисковъ; найдя, что его взгляды дружно поддерживаются духовенствомъ и непріятны коронѣ, онъ повторилъ ударъ, пустивъ въ ходъ другую записку по тому же предмету. Говоря тономъ человѣка, имѣющаго авторитетъ, и будучи, по своему сану и положенію, естественнымъ представителемъ испанской церкви, архіепископъ увѣрилъ короля, что всѣ бѣдствія, постигшія монархію, были причинены присутствіемъ въ ней этихъ невѣрныхъ, которыхъ теперь необходимо искоренить, подобно тому, какъ Давидъ сдѣлалъ съ филистимлянами и Саулъ съ амалекитянами. Онъ объявилъ, что армада, высланная Филиппомъ II въ 1588 году противъ Англіи, погибла отъ того, что Богъ не хотѣлъ даровать успѣха даже этому благочестивому предпріятію, пока люди, участвовавшіе въ немъ, оставляли въ покоѣ еретиковъ у себя дома. По той же будто бы причинѣ не удалась и послѣдняя экспедиція въ Алжиръ, такъ какъ Богу было, очевидно, угодно, чтобы ничто не имѣло успѣха, пока въ Испаніи находятся еще отступники. Поэтому архіепископъ заклиналъ короля изгнать всѣхъ морисковъ, исключая такихъ, которыхъ можно было приговорить къ работамъ въ галерахъ или обратить въ рабовъ и заставить работать въ рудникахъ Америки. Это, прибавилъ онъ, сдѣлаетъ царствованіе Филиппа славнымъ въ глазахъ всего потомства и поставитъ его превыше всѣхъ его предшественниковъ, которые, очевидно, пренебрегали въ этомъ дѣлѣ своими прямыми обязанностями.

Эти увѣщанія, кромѣ того, что были согласны съ извѣстными взглядами испанской церкви, нашли горячую поддержку и въ личномъ вліяніи архіепископа толедскаго, примаса Испаніи. Въ одномъ только отношеніи онъ не соглашался со взглядами, проводимыми архіепископомъ Валенціи. Послѣдній полагалъ, что на дѣтей моложе семи лѣтъ не должно распространяться это общее изгнаніе, такъ какъ они могли, безъ всякой опасности для вѣры, быть разлучены съ родителями и оставлены въ Испаніи. Противъ этого сильно возсталъ архіепископъ толедскій. Онъ сказалъ, что не желаетъ подвергать чистую христіанскую кровь опасности смѣшенія съ кровью невѣрныхъ, и объявилъ, что онъ скорѣе согласился бы сразу предать мечу всѣхъ ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и дѣтей, чѣмъ оставить хоть одного изъ нихъ на соблазнъ для всей страны.

Истребить всѣхъ морисковъ, вмѣсто того, чтобы изгнать ихъ, было желаніемъ могущественной партіи въ церкви, которая думала, что такое примѣрное наказаніе произведетъ благое дѣйствіе, поразивъ ужасомъ еретиковъ во всѣхъ другихъ странахъ. Бледа, знаменитый доминиканецъ, одинъ изъ вліятельныхъ людей своего времени, желалъ, чтобы это было выполнено и выполнено строго. Онъ сказалъ, что для примѣра слѣдуетъ перерѣзать всѣхъ морисковъ въ Испаніи, такъ какъ невозможно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ, и что слѣдуетъ предоставить это дѣло Богу, который знаетъ своихъ вѣрныхъ слугъ и вознаградитъ въ будущей жизни тѣхъ изъ пострадавшихъ, которые были истинными католиками.

Становилось очевидно, что судьба несчастныхъ остатковъ нѣкогда славнаго народа была отнынѣ рѣшена. Религіозность Филиппа III не позволяла ему спорить съ церковью, и его министръ Лерма, не желая рисковать своимъ вліяніемъ, избѣгалъ и тѣни оппозиціи. Въ 1609 году онъ объявилъ королю, что изгнаніе морисковъ сдѣлалось необходимымъ. „Рѣшеніе великое,—отвѣчалъ Филиппъ,—да будетъ оно исполнено“. И оно было исполнено съ страшнымъ варварствомъ. Около милліона самыхъ трудолюбивыхъ жителей Испаніи были травимы, какъ дикіе звѣри, потому только, что искренность ихъ религіозныхъ убѣжденій казалась сомнительною. Многіе были убиты, когда приблизились къ берегу; другихъ били и грабили, а большинство, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, отправилось въ Африку. Во время переѣзда, экипажи многихъ судовъ возставали на нихъ, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ и бросали въ море дѣтей. Тѣ, которые избѣгли этой участи, высадились на Варварійскій берегъ, гдѣ на нихъ напали бедуины, и многіе изъ нихъ были убиты. Другіе пробрались въ пустыню и погибли съ голода. О числѣ дѣйствительно погибшихъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но говорятъ, на основаніи весьма достовѣрныхъ источниковъ, что въ одной изъ экспедицій, въ которой до 140,000 человѣкъ было отправлено въ Африку, болѣе 100,000 погибли самою ужасною смертью въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ своего изгнанія изъ Испаніи.

Теперь, впервые, церковь дѣйствительно торжествовала. Впервые не было видно ни одного еретика на всемъ пространствѣ отъ Пиренеевъ до Гибралтарскаго пролива. Всѣ были правовѣрны,—всѣ были вѣрны королю. Всѣ жители этой обширной страны слушались церкви и боялись короля. Полагали, что слѣдствіемъ этой счастливой идеи будетъ благосостояніе и величіе Испаніи; что имя Филиппа сдѣлается безсмертно и что потомство не надивится этому геройскому подвигу, съ помощью котораго послѣдніе остатки невѣрнаго племени были изгнаны изъ Испаніи. Тѣ, которые хоть сколько-нибудь участвовали въ этомъ славномъ дѣяніи, ожидали себѣ въ награду самыхъ избранныхъ благъ. Сами они и ихъ семейства думали стать подъ непосредственное покровительство небесъ. Полагали, что земля будетъ приносить имъ больше плодовъ и деревья будутъ рукоплескать имъ. Вмѣсто терновника возрастутъ смоковницы, вмѣсто шиповника—мирты. Теперь начнется, будто бы, новая эра, и Испанія, очищенная отъ ереси, будетъ наслаждаться довольствомъ, и люди, живя въ безопасности, будутъ спать подъ сѣнью своихъ собственныхъ виноградниковъ, мирно воздѣлывать свои сады и вкушать плоды посаженныхъ ими деревьевъ.

Вотъ, что сулила церковь и чему вѣрилъ народъ. Наше дѣло разсмотрѣть, до какой степени ожиданія эти сбылись и каковы были послѣдствія образа дѣйствій, внушеннаго церковью и встрѣченнаго привѣтствіемъ народа и жаркимъ одобреніемъ величайшихъ изъ геніевъ, какихъ произвела Испанія.

Послѣдствія такого образа дѣйствій для матеріальнаго благосостоянія Испаніи могутъ быть изображены въ немногихъ словахъ. Почти каждая мѣстность въ ней лишилась цѣлой массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и искусныхъ ремесленниковъ. Лучшія изъ извѣстныхъ тогда системъ хозяйства примѣнялись морисками, которые обрабатывали и орошали почву съ неутомимымъ стараніемъ. Разведеніе риса, хлопка и сахарнаго тростника, производство шелка и бумаги находилось почти исключительно въ ихъ рукахъ. Съ изгнаніемъ ихъ, все это вдругъ разстроилось и большею частью разстроилось навсегда, потому что испанскіе христіане считали подобныя занятія ниже своего достоинства. По ихъ мнѣнію, война и религія представляли единственныя два поприща, на которыхъ стоило подвизаться. Сражаться за короля или вступить въ духовное званіе считалось дѣломъ, достойнымъ уваженія; все же остальное было ничтожно и грязно.

Поэтому, когда мориски были изгнаны изъ Испаніи, некому было занять ихъ мѣсто; ремесла и мануфактурное производство или упали, или совершенно исчезли, и обширныя пространства пахатной земли оставались необработанными. Нѣкоторые изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей Валенціи и Гренады были такъ запущены, что недоставало продовольствія даже для того скуднаго населенія, какое тамъ оставалось. Цѣлые округи вдругъ опустѣли и до самаго нашего времени остались незаселенными. Эти пустыни дали убѣжище контрабандистамъ и разбойникамъ, которые смѣнили прежнихъ трудолюбивыхъ жителей; говорятъ даже, что время изгнанія морисковъ должно считать началомъ существованія тѣхъ правильно организованныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя сдѣлались съ тѣхъ поръ бичемъ Испаніи и которыхъ ни одно изъ послѣдующихъ правительствъ не было въ состояніи совершенно уничтожить.

Къ этимъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ присоединились другія, инаго и, если можно, еще болѣе серьезнаго свойства. Побѣда, одержанная духовенствомъ, увеличила какъ ея могущество, такъ и ея значеніе въ общественномъ мнѣніи. Въ продолженіе остальныхъ годовъ XVII-го столѣтія не только интересы духовенства ставились выше интересовъ міранъ, но о послѣднихъ никто даже и не думалъ. Самые великіе люди, почти всѣ безъ исключенія, вступали въ духовное сословіе, и всякія свѣтскія соображенія, всякіе виды свѣтской политики были въ пренебреженіи и ни во что не ставились. Никто ничего не изслѣдовалъ, никто ни въ чемъ не сомнѣвался, никто не осмѣливался спросить, все ли это такъ, какъ быть должно. Умы людей, обезсиленные, падали ницъ. Въ то время, какъ всѣ другія страны двигались впередъ, одна Испанія обращалась вспять. Всѣ другія страны дѣлали какія-нибудь приращенія къ знанію, созидали какія-нибудь новыя искусства, или расширяли предѣлы какой-нибудь науки, Испанія же, погруженная въ какое-то оцѣпенѣніе, какъ бы мертвая, околдованная, обвороженная проклятымъ суевѣріемъ, поглощавшимъ всѣ ея силы, представляла Европѣ единственный примѣръ постояннаго упадка. Для нея не оставалось болѣе

никакой надежды, и подъ конецъ XVII столѣтія весь вопросъ былъ только въ томъ, чьей рукой будетъ нанесенъ ударъ, который раздробитъ эту нѣкогда могущественную имперію, осѣнявшую собою весь міръ и въ самомъ даже разрушеніи своемъ поражавшую размѣрами своихъ обломковъ.

Указать различные моменты въ постепенномъ упадкѣ Испаніи почти невозможно, такъ какъ даже сами испанцы, подъ вліяніемъ слишкомъ поздно овладѣвшаго ими стыда, не рѣшались писать о томъ, что составило бы только исторію ихъ униженія, такъ что не сохранилось подробныхъ сказаній о злополучныхъ царствованіяхъ Филиппа IV и Карла II, обнимающихъ почти 80-лѣтній періодъ времени.

Нѣкоторые факты, однакожь, весьма знаменательны. Въ началѣ XVII столѣтія народонаселеніе Мадрида доходило до 400,000 человѣкъ; въ началѣ же XVIII оно не составляло и 200,000. Севилья, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Испаніи, имѣла въ XVI вѣкѣ болѣе 16,000 ткацкихъ станковъ, дававшихъ занятіе 130,000 человѣкъ. Въ царствованіе Филиппа III это число станковъ сократилось до 300, а въ отчетѣ, представленномъ кортесами Филиппу IV въ 1662 году, говорится, что городъ заключаетъ въ себѣ только четвертую часть прежняго населенія и что даже оливковыя рощи и виноградники, разводимые въ его окрестностяхъ и составлявшіе значительную часть его богатства, находятся теперь почти въ совершенномъ пренебреженіи. Толедо въ половинѣ XVI вѣка имѣлъ болѣе 50-ти шерстяныхъ мануфактуръ, а въ 1665 г. ихъ было уже только 13; почти вся торговля прекратилась съ уходомъ морисковъ, которые перевели ее въ Тунисъ. По той же самой причинѣ производство шелка, которымъ славился Толедо, совершенно прекратилось, и почти 40,000 человѣкъ, находившихся въ зависимости отъ этого производства, лишились всякихъ средствъ къ существованію. Другія отрасли промышленности подверглись той же участи. Въ нѣкогда цвѣтущей провинціи Кастиліи все приходило въ разрушеніе; даже Сеговія лишилась своихъ мануфактуръ и сохранила только память о своемъ прежнемъ богатствѣ. Такъ же быстро падалъ и Бургосъ; торговля этого славнаго города погибла, и пустыя улицы и покинутые дома представляли такую картину запустѣнія, что одинъ современникъ, пораженный этимъ разрушеніемъ, торжественно объявилъ, что Бургосъ лишился всего, кромѣ своего имени. Въ другихъ округахъ результаты были столь же пагубны. Прекрасныя южныя провинціи, щедро одаренныя природою, были въ прежнее время такъ богаты, что въ плохіе года сборомъ съ нихъ однихъ достаточно пополнялась государственная казна; теперь же онѣ такъ быстро обѣднѣли, что въ 1640 году оказалось почти невозможнымъ обложить ихъ такою податью, которая была бы производительна. Въ теченіе послѣдней половины XVII ст. дѣла стали еще хуже, и нищета и бѣдствіе народа превосходили всякое описаніе. Въ деревняхъ близъ Мадрида жители буквально голодали, и тѣ изъ фермеровъ, у которыхъ были запасы пищи, не хотѣли продавать ее, какъ бы ни нуждались въ деньгахъ, потому что боялись, чтобы ихъ собственнымъ семействамъ не пришлось умереть съ голода. Вслѣдствіе этого столицѣ угрожала опасность голодной смерти, и какъ обыкновенныя угрозы не имѣли никакого дѣйствія, то въ 1664 году признано было необходимымъ, чтобы президентъ Кастиліи съ вооруженною силою и въ сопровожденіи

палача объѣзжалъ окрестныя деревни и принуждалъ жителей привозить припасы на рынки Мадрида. По всей Испаніи преобладало такое же лишеніе. Эта нѣкогда богатая и цвѣтущая страна была наводнена толпами монаховъ и другаго духовенства, ненасытная жадность которыхъ поглощала и тѣ скудные достатки, какіе еще можно было найти въ ней. Вотъ отчего правительство было почти безъ гроша и ни откуда не получало помощи. Сборщики податей, обязанные пополнить этотъ недостатокъ, прибѣгали къ самымъ отчаяннымъ средствамъ. Они не только захватывали весь домашній скарбъ, но и снимали кровли съ домовъ и продавали эти матеріалы за какую бы то ни было цѣну. Жители принуждены были бѣжать, поля оставались необработанными, массы людей умирали отъ нужды и всякихъ бѣдствій; цѣлыя деревни опустѣли и во многихъ городахъ подъ конецъ XVII столѣтія болѣе двухъ третей домовъ пришли въ совершенное разрушеніе.

Посреди этихъ бѣдствій Испанія упала духомъ и потеряла всякую энергію. Во всемъ стало проявляться отсутствіе силы и жизни. Испанскія войска были разбиты при Рокруа въ 1643 году, и сраженію этому нѣкоторые историки приписываютъ уничтоженіе военной славы Испаніи. Но, въ сущности, пораженіе это было только однимъ изъ многихъ признаковъ ея ослабленія. Въ 1656 году предположено было снарядить небольшой флотъ; но прибрежное рыболовство было въ такомъ упадкѣ, что оказалось невозможнымъ найти достаточное число матросовъ даже для немногихъ кораблей. Составленныя въ прежнее время морскія карты были теперь или потеряны, или оставляемы безъ употребленія, и невѣжество испанскихъ лоцмановъ было такъ велико, что никто не хотѣлъ довѣряться имъ. Что же касается военной части, то въ одномъ разсказѣ объ Испаніи въ концѣ XVII столѣтія утверждаютъ, что большая часть войскъ покинули свои знамена, а немногія, оставшіяся вѣрными, были одѣты въ лохмотья, не получали жалованья и умирали съ голода. Въ другомъ разсказѣ, эта нѣкогда могущественная монархія представляется крайне беззащитною: пограничные города безъ гарнизоновъ; укрѣпленія запущены и полуразрушены; магазины безъ провіанта; арсеналы пусты, мастерскія безъ употребленія, и даже искусство кораблестроенія совершенно утрачено.

Въ то время, какъ вся страна вообще томилась такимъ образомъ, какъ бы пораженная какимъ-нибудь смертельнымъ недугомъ, въ столицѣ, на глазахъ короля, происходили самыя ужасныя сцены. Жители Мадрида голодали, а произвольныя мѣры, принятыя для снабженія ихъ пищею, могли только принести временное облегченіе. Многіе падали отъ изнеможенія на улицахъ и тутъ же умирали; иныхъ видѣли умирающими на большихъ дорогахъ, но никто не имѣлъ, чѣмъ накормить ихъ. Наконецъ, народъ пришелъ въ отчаяніе и сбросилъ всякую узду. Въ 1680 г. въ Мадридѣ не только рабочіе, но и огромное число торговцевъ соединялись въ шайки, вламывались въ частные дома и среди бѣлаго дня грабили и убивали жителей. Въ теченіе остальныхъ двадцати лѣтъ XVII в. столица Испаніи была въ состояніи не возмущенія, а анархіи. Общество было распущено и, повидимому, разлагалось на составныя части. По искреннему выраженію одного современника, свобода и стѣсненіе были одинаково неизвѣстны. Обыкновенныя отправленія исполнительной власти были прерваны. Полиція Мадрида, не получая заслужен-

наго жалованья, разошлась и предалась грабежу. Казалось, не было никакихъ средствъ исправить всѣ эти бѣдствія. Казначейство было пусто, и пополнить его не было возможности. Бѣдность двора доходила до того, что не было денегъ на уплату жалованья домашней прислугѣ короля и на ежедневныя хозяйственныя издержки. Въ 1693 году прекращена была выдача всякихъ пожизненныхъ пенсій и всѣмъ чиновникамъ и министрамъ короны уменьшено было жалованье на одну треть. Ничто однако не могло остановить зла. Голодъ и бѣдность продолжали увеличиваться. Въ 1699 году, Стэнгопъ, тогдашній англійскій посланникъ въ Мадридѣ, пишетъ, что не проходило ни одного дня, чтобы не случилось убійства въ дракѣ изъ за хлѣба; что его собственный секретарь видѣлъ пять женщинъ, задушенныхъ толпою передъ пекарнею, и что, къ довершенію всѣхъ несчастій, недавно нагрянули еще въ столицу слишкомъ 20,000 нищихъ изъ деревень.

Если бы подобный порядокъ вещей сохранился еще на одно поколѣніе, то произошла бы самая дикая анархія, и окончательно распался бы весь общественный строй. Одно, что оставалось для Испаніи, чтобы спастись отъ возвращенія къ первобытному варварству, это подпасть, и подпасть какъ можно скорѣе, подъ чужеземное владычество. Подобная перемѣна была необходима, но можно было опасаться, что она осуществится въ формѣ, особенно ненавистной для народа. Въ концѣ XVII в. Цеута была осаждаема магометанами, а какъ испанское правительство не имѣло ни войскъ, ни кораблей, то сильно боялись за судьбу этой важной крѣпости; между тѣмъ не было никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ ея паденія, Испанія будетъ вновь наводнена невѣрными, которымъ, по крайней мѣрѣ въ то время, не трудно было справиться съ народомъ ослабленнымъ страданіями, полу-голоднымъ и почти окончательно изнеможеннымъ.

Къ счастью, въ 1700 году, когда дѣла были въ самомъ худшемъ положеніи, Карлъ II, этотъ король-идіотъ, умеръ, и Испанія попала въ руки къ Филиппу V, внуку Людовика XIV. Эта замѣна австрійской династіи Бурбонскою принесла съ собою много другихъ перемѣнъ.

III. ЦВѢТУЩЕЕ СОСТОЯНІЕ ТОРГОВЛИ ГОЛЛАНДІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Составлено по соч. Шеррера: „Allgemeine Geschichte des Welthandels“ B. II).

Едвали можно найти въ новой исторіи болѣе поразительный примѣръ того, какъ государство, находившееся на высокой степени цивилизаціи и благосостоянія, интеллигенціи и торговой и промышленной дѣятельности, свободы и религіозной терпимости, въ короткое время пришло въ бѣдственное состояніе подъ господствомъ фанатизма и тиранніи: примѣромъ такой метаморфозы служатъ Нидерланды. Какая рѣзкая разница между состояніемъ Фландріи и Брабанта въ то время, когда Карлъ V передалъ ихъ своему наслѣднику, и состояніемъ ихъ въ концѣ правленія послѣдняго! Бѣдность и грубость, невѣжество и праздность, рабство и религіозная нетерпимость смѣнили прославленную цивилизацію

и благосостояніе, и тамъ, гдѣ еще такъ недавно развивалась кипучая и плодотворная дѣятельность, теперь царилъ упадокъ и разрушеніе.

Еще до революціи 1566 г. торговля Нидерландовъ стала приходить въ упадокъ. Одинъ слухъ о введеніи инквизиціи заставилъ массу населенія юго-западныхъ провинцій выселиться частью въ сосѣднія государства, частью въ сѣверныя провинціи. Когда же въ Антверпенѣ началось такъ называемое иконоборство и когда явился Альба, то число переселенцевъ достигло болѣе ста тысячъ. Но не отъ однихъ только переселеній обезлюдѣла и обѣднѣла страна: болѣе 18 тысячъ сложили свои головы на эшафотѣ, и между ними знатнѣйшіе и богатѣйшіе граждане. Иностранцы поспѣшно покидали страну, гдѣ болѣе нельзя было оставаться безопасно, гдѣ безгранично царилъ произволъ. Альба въ особенности преслѣдовалъ англійскую торговлю; на купцовъ налагалъ аресты, а имущество ихъ конфисковалъ, установилъ множество новыхъ пошлинъ и взысканій и требовалъ уплаты 10% со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Рядомъ съ этимъ, испанскіе гарнизоны въ различныхъ городахъ позволяли себѣ всевозможныя насилія и противозаконныя дѣйствія. Кромѣ того, торговля страдала еще отъ морскаго грабежа, въ особенности послѣ того, какъ морскіе гезы завладѣли приморскими мѣстечками при устьяхъ Мааса и Шельды и нашли себѣ поддержку со стороны Англіи. Испанцы хозяйничали въ Нидерландахъ, какъ въ покоренной странѣ; въ 1576 г. Антверпенъ былъ разграбленъ, причемъ 11,000 жителей поплатились своею жизнью; 500 домовъ, и между ними превосходное зданіе ратуши, были сожжены; ганзейская контора должна была уплатить 20,000 флор. въ видѣ откупа; англійскіе торговцы, незадолго передъ этимъ привезшіе различныхъ товаровъ на 300,000 кронъ, лишились всего. Окончательный ударъ былъ нанесенъ Антверпену въ 1585 г., когда онъ послѣ долгой осады былъ взятъ принцемъ Пармскимъ. Съ паденіемъ Антверпена, южные Нидерланды окончательно подпали подъ иго Испаніи, между тѣмъ какъ сѣверные Нидерланды, защищенные до нѣкоторой степени самою природою страны, успѣшно продолжали съ Испаніей войну и окончили ее провозглашеніемъ своей независимости.

Такимъ образомъ Испаніи удалось хотя часть Нидерландовъ подчинить своему мрачному господству. Но какою цѣной! При капитуляціи Антверпена жителямъ евангелическаго вѣроисповѣданія былъ данъ четырехлѣтній срокъ для выселенія изъ владѣній Филиппа II со всѣмъ своимъ имуществомъ, не исключая и кораблей. И вотъ въ первое же время до 200 тысячъ человѣкъ оставили страну, безвозвратно унося съ собою въ другія государства (главнымъ образомъ въ Голландію, преимущественно въ Амстердамъ, и въ Англію) всѣ свои богатства и интеллигенцію, рабочую силу и духъ предпріимчивости,—словомъ весь свой духовный и матеріальный капиталъ, съ помощью котораго эти государства стали возвышаться и развиваться въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ столь же быстро, какъ быстро стало ослабѣвать, упадать и, наконецъ, совсѣмъ рушилось всемірное владычество Испаніи. Фландрія и Брабантъ (нижняя Лотарингія), прежде самыя населенныя и культурныя страны Европы, превратились въ пустыню и одичали, поля оставались необработанными, голодъ и чума массами истребляли оставшихся жителей, цѣлые округи опустошались волками, и нѣкогда столь благословенная, полная жизненныхъ силъ, цвѣтущая страна представляла картину

страшнаго разрушенія. Желаніе Филиппа II царствовать лучше надъ пустынями и нищими, чѣмъ надъ еретиками, исполнилось самымъ блестящимъ и ужаснымъ образомъ. Торговлѣ были преграждены всѣ пути, такъ какъ устья Шельды, Рейна и Мааса перешли во владѣніе Голландіи, которая герметически закупорила ихъ отъ своего смертельнаго врага; въ такомъ же печальномъ положеніи находилась и морская торговля. Что касается промышленности, то хотя и остались нѣкоторыя отрасли фабричнаго производства, но уже не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы это производство назначало свои продукты для всемірнаго рынка, для международнаго обмѣна, для морской торговли съ другими частями свѣта. Какъ коммерческое, такъ и промышленное первенство перешло къ другимъ народамъ. Испанская политика, казалось, стремилась изгладить всякое воспоминаніе, порвать всякую связь,—словомъ, уничтожить все, что снова могло бы вызвать и усилить въ населеніи духъ предпріимчивости, неустанное трудолюбіе и энергическую дѣятельность. Такъ, суконная фабрика въ Левенѣ превращена была въ залъ для теологическихъ диспутовъ, англійскій гостинный дворъ въ Антверпенѣ—въ мѣстопребываніе іезуитовъ. Когда въ 1714 г. испанскіе Нидерланды перешли къ Австріи, то со стороны новаго правительства было обращено бо̀льшее вниманіе на матеріальные интересы провинцій, вслѣдствіе чего онѣ снова достигли значительной степени благосостоянія; но прежняго значенія ихъ промышленность и торговля уже не могли получить никогда. Между тѣмъ сѣверная половина Нидерландовъ не то̀лько освободилась отъ испанскаго ига, но и пріобрѣла политическую самостоятельность. 23 января 1579 г. въ Утрехтѣ установлена была подъ именемъ семи соединенныхъ провинцій Голландская республика. Съ этого времени исторія нидерландской торговли сосредоточивается на торговлѣ Голландіи, какъ прямой и единственной наслѣдницы Нидерландовъ. По своему объему и значенію, торговля новой республики далеко оставила позади прежнюю торговлю Нидерландовъ.

Когда Нидерланды начали борьбу съ Испаніей, сѣверныя провинціи уже пріобрѣли себѣ господство на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, служа преимущественно посредниками въ торговлѣ скандинавскихъ и прибалтійскихъ странъ. Къ этому же времени относится широкое развитіе въ сѣверныхъ Нидерландахъ рыболовства; всѣ эти обстоятельства послужили къ усиленію морскаго могущества сѣверныхъ провинцій и къ развитію искусства мореплаванія, въ чемъ они вскорѣ превзошли всѣ другіе народы и чему они, главнымъ образомъ, обязаны были своимъ удачнымъ сопротивленіемъ Испаніи и завоеваніемъ себѣ независимости. Водная стихія, со всѣми своими ужасами окружавшая ихъ со всѣхъ сторонъ и часто опустошавшая страну, была и осталась для нихъ палладіумомъ ихъ независимости. Океанъ, бывшій ихъ единственнымъ убѣжищемъ въ бѣдственное время, вскорѣ сдѣлался самымъ надежнымъ и вѣрнымъ ихъ союзникомъ. Нужда, перенесенныя и ожидаемыя въ будущемъ еще большія бѣдствія, потеря гражданской и религіозной свободы были сильнѣйшими стимулами, побудившими провинціи отважно ринуться въ неравную борьбу Духъ предковъ ожилъ въ нихъ снова. Раздробленныя силы снова сплотились, и исторія почти нигдѣ не представляетъ намъ такихъ блестящихъ подвиговъ истиннаго патріотизма, какъ здѣсь.

Въ нидерландской революціи въ особенности важно то, что противникомъ Нидерландовъ былъ Филиппъ II, владѣнія котораго, простираясь по всѣмъ частямъ свѣта, изобиловали всевозможными естественными природными богатствами. Безъ завоеванія части испанско-португальскихъ колоній въ Остъ-и Вестъ-Индіи и въ Южной Америкѣ Голландія никогда не могла бы стать во главѣ всемірной торговли; при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ она сдѣлалась бы посредницею въ торговыхъ сношеніяхъ между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ Европы.

Перенесеніе торговли и промышленности Антверпена въ Амстердамъ, несомнѣнно, усилило послѣдній; но не этому обстоятельству Голландія, главнымъ образомъ, обязана громаднымъ развитіемъ своей торговли: положеніе какъ сухопутной, такъ и морской торговли Антверпена было зависимое; въ его гавани развѣвалось болѣе чужихъ, чѣмъ своихъ флаговъ, и вся торговая дѣятельность его, не смотря на ея колоссальные размѣры, отличалась характеромъ посредничества; такъ, продукты Индіи получались не изъ первыхъ рукъ, а съ лиссабонскаго рынка. Правда, англичане и ганзейцы пытались сами посѣщать этотъ рынокъ, но португальцы открытіемъ своихъ складовъ въ Антверпенѣ парализовали ихъ попытки.

Съ провозглашеніемъ независимости сѣверныхъ провинцій положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Амстердамъ, какъ наслѣдникъ Антверпена, прежде всего старался на возможно выгоднѣйшихъ условіяхъ удержать за собою индѣйскую торговлю,—именно путемъ возможно тѣсныхъ сношеній съ Лиссабономъ, какъ единственнымъ мѣстомъ, куда въ то время производился прямой ввозъ изъ Остъ-Индіи. Испанія, съ своей стороны, всѣми силами старалась уничтожить эту торговлю. Но голландцы уже настолько были сильны на морѣ, что были въ состояніи защищать свои интересы,— частью хитростью, скрываясь подъ чужимъ флагомъ, а частью и открытою силою. Къ тому же, самъ смертельный врагъ Голландіи во многихъ случаяхъ вынужденъ былъ прибѣгать къ помощи ея торговли. Такъ, не имѣя непосредственныхъ сношеній съ сѣверо-востокомъ Европы и съ закрытіемъ антверпенскаго рынка, испанцы стали въ зависимость отъ Голландіи въ отношеніи пріобрѣтенія необходимыхъ сѣверныхъ продуктовъ. Многіе предметы сухопутнаго и морскаго интендантства (необходимые для арміи и флота), какъ лѣсъ, желѣзо, кожу, хлѣбъ, коноплю и проч., испанцы покупали у голландцевъ, и самыя строжайшія запрещенія правительствъ въ Мадридѣ и Брюсселѣ ничего не могли сдѣлать противъ неумолимой необходимости. Такимъ образомъ Голландія сама доставляла Испаніи добрую часть средствъ для веденія войны противъ нея же; при этомъ Голландія получала двоякую пользу: въ видѣ торговой прибыли и въ видѣ военной добычи.

Пока Португалія была независимымъ государствомъ, она не вмѣшивалась въ борьбу между Голландіей и Испаніей и голландцы по-прежнему были желанными гостями на лиссабонскомъ рынкѣ. Но когда въ 1580 г. обѣ короны соединились въ одну на головѣ Филиппа II, то онъ, желая дать почувствовать свою силу ненавистной республикѣ, конфисковалъ принадлежавшіе ей склады индѣйскихъ товаровъ, а затѣмъ (въ 1594 г.) неожиданно захватилъ пятьдесятъ голландскихъ кораблей, стоявшихъ въ лиссабонской гавани и, подъ опасеніемъ подвергнуться строжайшему взысканію, запретилъ своимъ новымъ подданнымъ имѣть какія бы то ни было сношенія съ инсургентами. Въ первый моментъ перенести

такой ударъ было тяжело, такъ какъ Голландія вслѣдствіе этого утрачивала одну изъ наиболѣе выгодныхъ вѣтвей своей торговли. Случилось однако, что Испанія сама попала въ яму, которую рыла другому: то, что вначалѣ, казалось, должно было послужить къ гибели провинцій, вскорѣ сдѣлалось причиною ихъ благосостоянія и процвѣтанія и въ то же время причиною всевозможныхъ затрудненій и потерь для Испаніи.

Голландцы вскорѣ поняли, что вознаградить себя за понесенную утрату они могутъ только однимъ путемъ, именно путемъ непосредственныхъ сношеній съ Остъ-Индіей. Но такъ какъ, не смотря на свою опытность и искусство въ мореплаваніи, они рѣдко выѣзжали въ открытый океанъ и скорѣе отважились бы ѣхать въ ново-открытую Америку, чѣмъ отправиться обыкновеннымъ южнымъ путемъ въ Индію, рискуя ежеминутно попасть въ руки врагамъ, то и рѣшились проникнуть въ Индію сѣвернымъ путемъ, по Ледовитому океану. Съ этою цѣлью были снаряжены три корабля, и въ 1594 г. отправлена экспедиція съ цѣлью достигнуть восточныхъ береговъ Китая и Моллукскихъ острововъ, держа путь вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и Азіи. Но какъ эта, такъ и двѣ другія попытки кончились полной неудачей.

Въ это же время счастливый случай далъ возможность попытать счастье—достигнуть Индіи обыкновеннымъ путемъ. Нѣкто Корнелій Гутманъ, родомъ голландецъ, долгое время состоявшій въ португальской службѣ, неоднократно ѣздившій въ Индію и имѣвшій необходимыя свѣдѣнія объ индѣйской торговлѣ, предложилъ свои услуги родинѣ. И вотъ составляется „Общество отдаленныхъ странъ", или Werre, выкупаетъ Гутмана,—такъ какъ онъ сидѣлъ въ Лиссабонѣ подъ арестомъ за долги,—снаряжаетъ четыре корабля и отправляетъ ихъ (въ 1595 г.), подъ начальствомъ Гутмана, въ Индію съ инструкціей—тщательно изслѣдовать тамошнія страны, ихъ произведенія, этнографическія и географическія свойства и ознакомиться съ положеніемъ торговли, избѣгая при этомъ, на сколько то возможно, встрѣчи съ португальцами. Вслѣдствіе постоянныхъ враждебныхъ столкновеній съ туземцами, экспедиція Гутмана не имѣла особеннаго успѣха, такъ что онъ возвратился на родину (въ авг. 1597), лишившись двухъ кораблей и двухъ третей экипажа. Тѣмъ не менѣе, результаты этой экспедиціи никакъ нельзя считать маловажными: она положила начало великому дѣлу; благодаря ей, отдаленность странъ и опасности морскаго пути утратили свой пугающій характеръ, и, при всемъ кажущемся враждебномъ настроеніи туземцевъ, оставалась крѣпкая надежда на успѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ войти съ ними въ непосредственныя торговыя сношенія. Власть Португаліи оказывалась далеко не безграничною, а ея жестокія притѣсненія и преслѣдованія сдѣлали ее для всѣхъ ненавистною.

Первоначально рѣшено было избѣгать открытаго столкновенія съ Испаніей въ индѣйскихъ владѣніяхъ и основывать факторіи вдали отъ Гоа и вообще не на континентѣ. Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для факторіи былъ островъ Ява,—не только вслѣдствіе богатства своихъ естественныхъ произведеній, но и потому, что, благодаря своему положенію, могъ служить весьма удобнымъ складочнымъ мѣстомъ для торговли съ Моллукскими островами и Китаемъ. Въ 1598 г. „Общество отдаленныхъ странъ", соединившись съ другимъ подобнымъ же обществомъ, основаннымъ амстердамскими, роттердамскими и зеландскими купцами, снаря-

дило въ Ость-Индію восемь кораблей подъ начальствомъ Іакова Корнелія фонъ-Некка и Гемскерка. Они благополучно прибыли въ Бантамъ (впослѣдствіи Батавія); туземный князь дозволилъ имъ открыть мѣновую торговлю; голландцы не замедлили воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ и тотчасъ открыли торговлю, промѣнивая ткани, зеркала, стекла, оружіе, гребни, перья и т. п. на разные москательные товары; нагрузили туземными произведеніями четыре корабля и отправили ихъ обратно въ Европу. Остальные четыре корабля посѣтили нѣкоторые изъ Моллукскихъ острововъ и въ половинѣ 1600 г., богато нагруженные, возвратились въ отечество. Въ Голландіи все пришло въ необычайное движеніе, одно общество возникало за другимъ, одинъ флотъ за другимъ снаряжался въ Ость-Индію; до 1601 г. туда отправлено было уже до сорока кораблей, которые возвращались въ Амстердамъ съ богатымъ грузомъ индѣйскихъ товаровъ. Наиболѣе посѣщаемыми мѣстами были острова Ява и Моллукскіе, но постепенно въ этотъ районъ вошли Малые Зондскіе острова и Суматра. Повсемѣстная ненависть къ португальцамъ была надежной союзницей голландцевъ, которые первоначально дѣйствовали путемъ дружелюбныхъ соглашеній съ туземными князьями.

Вслѣдствіе различія національныхъ характеровъ обоихъ народовъ, исторія ихъ колоній представляетъ различный интересъ. Въ исторіи голландскихъ колоній мы встрѣчаемъ лишь рѣдкіе примѣры выдающихся характеровъ, блестящихъ подвиговъ и героизма, описаніе которыхъ придаетъ такую особенную прелесть и занимательность исторіи португальскихъ колоній; но, взамѣнъ этого, исторія голландскихъ колоній богата примѣрами рѣдкаго терпѣнья, настойчивости, неуклоннаго преслѣдованія разъ начертаннаго плана, преслѣдованія, которое не отступаетъ ни передъ какими препятствіями для достиженія цѣли и возобновляетъ попытки до тѣхъ поръ, пока онѣ не приведутъ къ желанной цѣли; нигдѣ такъ ярко не выказалась неустанная дѣятельность голландцевъ, съ небольшими средствами достигающая великихъ цѣлей, какъ при основаніи индѣйскихъ колоній. Религіозный фанатизмъ, рыцарское чувство, жажда славы и непомѣрная гордость, воспламенявшіе португальцевъ во время ихъ завоеваній въ Индіи и бывшіе часто причиною ненужной борьбы, были почти совершенно чужды холоднымъ, разсчетливымъ голландцамъ; руководящимъ принципомъ ихъ была прибыль и безопасность торговли; они вступали въ борьбу лишь съ врагами ихъ торговли и для достиженія своей цѣли считали всѣ средства позволительными.

Но, какъ ни удачны были первыя торговыя сношенія Голландіи съ Индіей, имъ не доставало однако въ началѣ прочной организаціи. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, большія предпріятія для отдѣльныхъ лицъ были почти невозможны: конкурировали между собою не отдѣльныя личности, а цѣлыя націи. Вслѣдствіе стремленій одной компаніи вытѣснить другую, случалось такъ, что въ одно время въ одну и ту же индѣйскую гавань пріѣзжало множество кораблей, а вслѣдствіе этого падали въ цѣнѣ привезенные европейскіе товары и дорожали туземныя произведенія; или пріѣзжаютъ корабли какой-либо компаніи въ извѣстную гавань: оказывается, что продукты всѣ скуплены другой компаніей, и такимъ образомъ флотъ возвращается домой безъ фрахта. Этою рознью надѣялась воспользоваться Испанія съ цѣлью изгнать изъ Индіи голландцевъ; въ то же время грозила опасность со стороны англичанъ, которые стали

появляться въ Индіи съ тою же цѣлью, какъ и голландцы. Въ виду этихъ опасностей и для прекращенія безпорядковъ, голландское правительство нашло нужнымъ вмѣшаться въ дѣла индѣйской торговли; съ этою цѣлью оно потребовало, чтобы отдѣльныя общества соединились въ одно, которому затѣмъ были предоставлены обширныя права и привиллегіи. Такимъ-то образомъ возникла 20 марта 1602 г. столь извѣстная голландско-остъ-индская компанія *). Благодаря учрежденію этой компаніи, индѣйская торговля сконцентрировалась, стала дѣломъ національнымъ и, безъ нарушенія частныхъ интересовъ, стала подъ надзоръ и охрану правительства.

Съ основаніемъ этой компаніи, торговое и политическое значеніе голландцевъ въ Индіи стало быстро возрастать. Теперь вопросъ шелъ уже не объ удачной только продажѣ и покупкѣ товаровъ, а о томъ, чтобы сдѣлаться хозяевами, неограниченными властелинами индѣйской торговли, изгнать своего смертельнаго врага, Испанію, изъ ея лучшихъ индѣйскихъ владѣній. Центромъ своей дѣятельности голландцы весьма предусмотрительно избрали острова, а не континентъ, и такимъ образомъ избѣжали переворотовъ и потрясеній, происходившихъ на континентѣ. Къ тому же, государство великаго Могола было такъ могущественно, что о завоеваніяхъ нечего было и думать.

Изъ индѣйскихъ продуктовъ болѣе всего требовались въ Европу, а слѣдовательно представляли наиболѣе прибыльный предметъ торговли, пряности. Торговлю этими-то продуктами голландцы и стремились монополизировать въ свою пользу. Наибольшее количество пряныхъ продуктовъ доставляли Моллукскіе острова, такъ характерно названные *пряными*. Острова эти были въ 1513 г. открыты португальцами и съ этого времени находились въ ихъ исключительномъ владѣніи. Но, при отдаленности отъ Гоа, главной резиденціи португальцевъ, острова эти оставались въ ихъ владѣніи лишь до тѣхъ поръ, пока не являлись соперники. Такими соперниками явились голландцы, въ особенности въ

---

*) Все управленіе дѣлами компаніи въ Голландіи сосредоточивалось въ рукахъ 60-ти выборныхъ представителей отъ акціонеровъ; эти представители дѣлились на 6 коллегій или камеръ, изъ которыхъ каждая завѣдывала особыми дѣлами; важнѣйшія дѣла рѣшались всѣми коллегіями сообща. Общими дѣлами компаніи завѣдывалъ совѣтъ, состоявшій изъ 18-ти лицъ, выбранныхъ изъ числа 60-ти представителей. Совѣтъ назначалъ число, время и мѣсто отправляемыхъ кораблей; его рѣшенія были обязательны для камеръ; дѣла, выходившія изъ его компетенціи, рѣшало правительство. Всѣ жители республики могли участвовать въ компаніи; каждый членъ послѣ генеральнаго разсчета (производившагося черезъ 10 лѣтъ) имѣлъ право выйти изъ компаніи. Компаніи принадлежало исключительное право торговли съ Индіей какимъ бы то ни было путемъ. Ей принадлежало также право войны и мира, содержанія морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ, построенія городовъ и крѣпостей, основанія колоній, право чеканить монету, назначать гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ въ Индіи и заключать, отъ имени республики, союзы съ туземными князьями и проч. Первая привиллегія дана была на 21 годъ, равнымъ образомъ и позднѣйшія грамоты давались на болѣе или менѣе короткій срокъ, чтобы такимъ образомъ вѣрнѣе сохранить зависимость компаніи отъ метрополіи. Правительству принадлежало также неограниченное право измѣненія и полнаго уничтоженія правъ и привиллегій компаніи. Первоначальный основной фондъ компаніи равнялся $6^1/_2$ милліонамъ флориновъ. Курсъ акцій съ номинальныхъ 3,000 съ теченіемъ времени возвысился до 18,000 флориновъ.

лицѣ Остъ-индской компаніи, которая на первомъ же году своего существованія отправила съ этихъ островов въ Европу богато нагруженный флотъ, состоявшій изъ четырнадцати кораблей, подъ начальствомъ адмирала Варвика, а въ слѣдующемъ году отправила другой такой же флотъ. Результатомъ этихъ и послѣдующихъ экспедицій до 1638 г. было завладѣніе важнѣйшими изъ Моллукскихъ островов, — по вытѣсненіи изъ нихъ португальцевъ послѣ ожесточенной борьбы,—сооруженіе укрѣпленій, заключеніе союзовъ съ туземными племенами, а главное—монополія въ торговлѣ пряными продуктами. Чтобы навсегда обезпечить за собою эту монополію, своекорыстная и исключительная голландская торговая политика вступила въ борьбу съ природой: по одному изъ распоряженій компаніи, воздѣлываніе мускатнаго дерева ограничивалось островомъ Бандою, по другому—воздѣлываніе гвоздики ограничивалось Амбоиной; на остальныхъ островахъ эти растенія были уничтожены и, подъ опасеніемъ подвергнуться ужаснымъ штрафамъ, запрещено было разведеніе ихъ на этихъ островахъ; съ этою цѣлью были заключены съ туземцами формальные договоры, для охраненія которыхъ неоднократно приходилось браться за оружіе; кораблямъ другихъ націй былъ совершенно закрытъ доступъ на Моллукскіе острова, и компанія съ аргусовой бдительностью слѣдила за тѣмъ, чтобы не производилось контрабанды, и все это дѣлалось только для того, чтобы сохранить монополію и воспрепятствовать пониженію цѣны на пряности въ Европѣ.

Хотя въ началѣ голландцы избѣгали, какъ было сказано, континента, считая себя еще не въ силахъ открыто бороться съ Испаніей, тѣмъ не менѣе не упускали удобнаго случая вступить съ нимъ въ торговыя сношенія и съ теченіемъ времени завели свои факторіи какъ на Малабарскомъ, такъ и на Коромандельскомъ берегу, а равнымъ образомъ и на островахъ Суматрѣ, Борнео, Цейлонѣ.

Въ виду такого превзошедшаго всѣ ожиданія успѣха предпріятія, компанія поставила себѣ новую, болѣе обширную задачу. Она уже болѣе не хотѣла довольствоваться одной торговой прибылью и вознамѣрилась создать собственное колоніальное государство, пріобрѣсти политическое господство въ Индіи. Какъ полнѣйшая представительница господствующаго національнаго характера, какъ живѣйшая выразительница меркантильныхъ интересовъ и стремленій всей Голландіи, компанія встрѣтила полное одобреніе со стороны націи и правительства. Оставалось избрать мѣсто, которое могло бы служить торговымъ и политическимъ центромъ голландскихъ владѣній въ Индіи. Выборъ палъ на одинъ изъ Зондскихъ острововъ, именно на Яву, и достаточно взглянутъ на карту, чтобы видѣть, что лучшаго выбора и нельзя было сдѣлать. Расположенный въ срединѣ группы, прямо на южномъ пути, отличающійся изобиліемъ разнообразныхъ продуктовъ, при этомъ наиболѣе другихъ культивированный и извѣстный голландцамъ, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію. Голландцы въ первыя же посѣщенія Остъ-Индіи завели на Явѣ свои факторіи; почти въ то же время тамъ появились и англичане. Когда въ 1618 г. прибылъ на Яву адмиралъ Ванъ-Коэнъ, въ качествѣ намѣстника всѣхъ остъ-индскихъ владѣній Голландіи, и вознамѣрился основать здѣсь свою резиденцію, то англичане, ясно понимавшіе цѣли Голландіи, воспротивились этому, и дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія; побѣда въ концѣ концовъ осталась за голландцами,

и англичане вынуждены были покинуть островъ. На развалинахъ Іакатры,—первоначальной резиденціи голландскаго генералъ-губернатора,—былъ построенъ новый городъ, названный Батавіей. Городъ этотъ, какъ резиденція, какъ главный торговый и стратегическій пунктъ, имѣлъ весьма важное значеніе для Голландіи, доказательствомъ чему служитъ вся исторія ея остъ-индскихъ владѣній. Преемникамъ Коэпа оставалось только продолжать и развивать начатое имъ, неуклонно слѣдуя начертанному имъ плану. Каждое дальнѣйшее успѣшное предпріятіе компаніи служило въ то же время къ усиленію и процвѣтанію Батавіи, этого „перла океана", какъ называли ее иностранцы и туземцы. Въ періодъ наибольшаго процвѣтанія, въ началѣ 18-го столѣтія, въ Батавіи считалось болѣе 150,000 жителей, а какъ торговый пунктъ, городъ этотъ и до сихъ поръ является однимъ изъ важнѣйшихъ въ Индіи.

Въ концѣ XVII столѣтія голландцы достигли наивысшей степени могущества въ Остъ-Индіи. Хотя къ этому времени у Голландіи и явились конкуренты, но они вынуждены были довольствоваться второстепенною ролью. Рѣшительный перевѣсъ Голландія пріобрѣла въ особенности по заключеніи въ 1669 г. мира съ португальцами, по которому большинство португальскихъ владѣній перешло къ компаніи. Франція также дѣлала попытки утвердиться въ Остъ-Индіи, но тщетно, и хотя стремленія Англіи имѣли болѣе угрожающій характеръ, но въ то время никто еще и не подозрѣвалъ будущаго могущества англичанъ въ Индіи. Главнѣйшія препятствія на пути своихъ завоеваній компанія встрѣчала со стороны государства Великаго Могола, который мало-по-малу подчинилъ своей власти большинство мелкихъ князей, въ томъ числѣ имѣвшихъ тѣсныя сношенія съ голландцами, такъ что, благодаря завоеваніямъ Могола, компанія лишилась почти всѣхъ владѣній, пріобрѣтенныхъ отъ португальцевъ; тѣмъ не менѣе, она продолжала распространять свое господство далѣе и далѣе. Во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій мы встрѣчаемъ голландскія колоніи на многихъ изъ остъ-индскихъ острововъ (Явѣ, Целебесѣ, Борнео, Суматрѣ и проч.) и на материкѣ (въ Бенгаліи, Кохинхинѣ, на Малаккѣ и др. мѣстахъ). Съ теченіемъ времени компанія вступила въ торговыя сношенія съ Сіамомъ, Китаемъ и Японіей, хотя эти предпріятія и не были такъ успѣшны, какъ предшествовавшія. Такъ, компаніи лишь съ большимъ трудомъ удалось укрѣпиться на Формозѣ, въ 90 миляхъ отъ Кантона; но и этотъ пунктъ они вскорѣ должны были покинуть, когда, по завоеваніи Китая манджурами, болѣе ста тысячъ китайцевъ переселилось на этотъ островъ. Впрочемъ, китайцы сами стали все чаще и чаще появляться въ торговыхъ пунктахъ компаніи для сбыта своихъ продуктовъ (чая, шелка, нанки, фарфора и др.) и для пріобрѣтенія голландскихъ. Первоначальныя сношенія съ Японіей открылись при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; но затѣмъ въ отношеніяхъ японскаго правительства къ голландцамъ произошелъ рѣзкій переворотъ, и чтобы продолжать торговыя сношенія, компанія должна была находиться подъ постояннымъ надзоромъ подозрительной Японіи. Нужно однако замѣтить, что при всемъ этомъ голландцы до послѣдняго времени были единственнымъ народомъ, имѣвшимъ доступъ въ Японію.

Эти, такъ сказать, частныя неудачи оказывали весьма мало вліянія на успѣшный ходъ всего предпріятія. Удары были чувствительны только

тамъ, куда они наносились; на мѣсто однихъ изсякшихъ источниковъ открывались другіе, болѣе изобильные, и главная рѣка оставалась многоводною по прежнему. Могущество Голландіи было такъ велико, что казалось, будто ей принадлежитъ исключительное право торговли и мореплаванія на островахъ и водахъ Индѣйскаго архипелага; торговля ея обнимала всѣ продукты тропическаго пояса, хотя до конца разсматриваемаго періода главнымъ предметомъ вывоза были пряности (мускатные орѣхи, цвѣты и гвоздика). Предметами торговли, между прочимъ, служили также черепаха, миндальное дерево, саго, рисъ (съ Тимора и Целебеса); перецъ, имбирь, камфора, золотой песокъ, алмазы (съ Борнео и Суматры); сахаръ, сѣра, индиго, аракъ, ромъ, а въ позднѣйшее время кофе и табакъ (съ Явы); корица (съ Цейлона); жемчугъ, селитра, опіумъ, красильныя вещества, шелкъ, хлопчатая бумага и въ особенности бумажныя матеріи (изъ Бенгаліи и съ Коромандельскаго берега); сталь, дерево и др. (съ Малабарскаго берега).

Большая часть вывозимыхъ продуктовъ направлялась въ Голландію. Отъ 30 до 40 большихъ трехмачтовыхъ кораблей ежегодно совершали (въ извѣстные сроки) рейсы между Голландіей и Индіей. Стоимость товаровъ, вывозимыхъ изъ Индіи, точно неизвѣстна, такъ какъ отчеты не публиковались компаніей; но приблизительную оцѣнку все-таки возможно сдѣлать, руководясь извѣстными фактами. Такъ, въ 1663 г. на пяти корабляхъ былъ привезенъ грузъ, проданный болѣе чѣмъ за два милліона гульденовъ, причемъ покупная цѣна продуктовъ не превышала 600,000 гульденовъ. Въ 1697 году другой флотъ доставилъ груза на 5 милліоновъ, который былъ проданъ за 20 милліоновъ. Но вѣрнѣйшимъ масштабомъ для опредѣленія объема и прибыльности остъ-индской торговли можетъ служить дивидендъ. До 1720 г. дивидендъ не былъ ниже 15%, среднимъ же числомъ 20%, а иногда достигалъ 50% и болѣе въ годъ. Всего съ 1602 до 1780 г. выдано дивиденда около 200 милліоновъ гульденовъ.

Торговля остъ-индской компаніи не ограничивалась одной только Европой: большая часть торговыхъ сношеній между различными странами Азіи, производившихся прежде при посредствѣ арабовъ, перешла также въ руки голландцевъ. При посредствѣ компаніи производилась мѣновая торговля между Индіей и Китаемъ и Японіей, Аравіей и Персіей, Индостаномъ и Индо-Китаемъ и сѣверными странами Азіи; словомъ, всюду, гдѣ только торговыя сношенія велись морскимъ путемъ, посредниками являлись голландцы.

Что касается европейской торговли, то вывозъ изъ Индіи въ Европу далеко не уравновѣшивался вывозомъ изъ Европы въ Индію. Большинство кораблей отправлялось въ Индію съ однимъ лишь балластомъ. Важнѣйшимъ и почти единственнымъ предметомъ вывоза изъ Европы тогда было серебро. Чрезвычайно интереснымъ является тотъ фактъ, что открытіе благородныхъ металловъ въ Америкѣ совпало съ колоссальнымъ развитіемъ остъ-индско-европейской торговли; притомъ какъ то, такъ и другое, т. е. добыча металловъ и остъ-индская торговля, почти исключительно находились въ рукахъ враждебныхъ другъ другу государствъ, именно въ рукахъ Испаніи (благородные металлы) и Голландіи (торговля). Слѣдуетъ однако замѣтить, что вывозъ Голландіи не ограничивался однимъ серебромъ: голландскія сукна и полотна также имѣли хорошій сбытъ на индѣйскомъ рынкѣ.

Стремясь къ возможно большему расширенію своей промышленности и торговли, голландцы давно уже обратили вниманіе и на западное полушаріе,—на Новый свѣтъ. Первыя попытки завести торговыя сношенія съ Америкой были сдѣланы еще при Карлѣ V. По отпаденіи южныхъ провинцій, Амстердамъ продолжалъ начатыя сношенія. Рядомъ съ трансатлантической торговлей стали усиливаться торговыя сношенія Голландіи съ западнымъ берегомъ Африки, откуда вывозили золото и невольниковъ.

Уже въ 1615 г. былъ выработанъ планъ новой компаніи на подобіе остъ-индской. Но такъ какъ учрежденіе такой компаніи снова вовлекло бы Голландію въ борьбу съ Испаніей, съ которой въ это время былъ заключенъ миръ, то рѣшено было выждать болѣе удобнаго случая. Такой случай не заставилъ себя долго ждать: вскорѣ снова возгорѣлась война съ Испаніей; теперь учрежденіе компаніи было совершенно своевременно, такъ какъ она являлась однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій для борьбы. Такимъ образомъ, въ 1621 г. правительство утвердило уставъ голландско-вестъ-индской компаніи, давъ ей 24-лѣтнюю привиллегію, по которой она получала исключительное право мореплаванія и торговли на западномъ берегу Африки до мыса Доброй Надежды, на обоихъ берегахъ Америки и на всѣхъ островахъ Тихаго океана вплоть до Моллукскихъ острововъ, гдѣ начиналась область остъ-индской компаніи. Такимъ образомъ, вся торговля тропическаго пояса была раздѣлена между двумя компаніями. Организація вестъ-индской компаніи въ общихъ чертахъ была сходна съ остъ-индской. Основной капиталъ равнялся слишкомъ семи милліонамъ флориновъ.

Такъ какъ новой компаніи приходилось открывать свою дѣятельность во время войны съ Испаніей, то она большую часть капитала употребила на постройку каперскихъ судовъ съ цѣлью захвата непріятельскихъ кораблей. Съ 1623 по 1636 г. компанія отправила въ море не менѣе 800 каперскихъ судовъ, которыя захватили 545 непріятельскихъ кораблей и между ними такъ называемый „серебряный флотъ", т. е. корабли, везшіе серебро изъ испанскихъ колоній въ Америку и метрополію (1528 г.). Издержки по постройкѣ флота простирались до 45 милліоновъ, а цѣнность захваченнаго имъ груза—до 90 милліоновъ, такъ что дивидендъ компаніи во время войны достигалъ 25—50%, а иногда даже 100%, и цѣна ея акцій поднялась даже выше, чѣмъ цѣна акцій остъ-индской компаніи. Голландскіе каперы въ этотъ періодъ были ужасомъ морей. Но однимъ захватомъ призовъ задача компаніи не выполнялась, къ тому же, съ прекращеніемъ войны прекращалось и каперство; слѣдовательно, необходимо было войти въ правильныя торговыя сношенія съ Америкой. Здѣсь-то и обнаружилось рѣзкое различіе между условіями торговой и промышленной дѣятельности въ Остъ-Индіи и въ Америкѣ. Америка была не только новая и неизвѣстная, но и мало населенная и необработанная страна. Туземцы стояли на низшей степени культуры и по своей малочисленности далеко не были такъ сильны, какъ азіатскія государства, поэтому и союзы съ ними почти не имѣли никакого значенія, тогда какъ остъ-индская компанія значительною частью своихъ успѣховъ обязана была туземцамъ.

Къ тому же, кромѣ Испаніи и Португаліи, въ Америкѣ стали появляться и другіе европейскіе народы,—французы, англичане, колоніи которыхъ заселялись несравненно быстрѣе, чѣмъ голландскія, благодаря

постоянному приливу эмигрантовъ изъ метрополій, что для маленькой Голландіи было совершенно невозможно. Хотя въ первое время вестъ-индская компанія и сдѣлала обширныя завоеванія, но нельзя было и думать, чтобы она могла создать въ Америкѣ нѣчто подобное остъ-индскимъ владѣніямъ, такъ какъ она была не въ состояніи удержать и упрочить за собою свои завоеванія и постепенно лишилась почти всѣхъ своихъ владѣній. Голландцы прежде всего обратили свое вниманіе на Бразилію: совершенно пренебрегаемая и слабо защищаемая Испаніей, она представляла легкую добычу, и дѣйствительно, съ 1625—1638 г. голландцы завоевали почти всю Бразилію; кромѣ того, они завладѣли (1634—48 г.) островами Курасао, св. Мартина, св. Евстахія и др. Теперь, казалось, настало время обратить главную заботу на то, чтобы упрочить за собою южно-американскія владѣнія; но спекулятивный духъ, которымъ съ самаго начала была проникнута вестъ-индская компанія, ослѣпилъ ее и увлекъ далеко за предѣлы благоразумія. Вмѣсто того, чтобы, подобно остъ-индской компаніи, сосредоточить свои силы и постепенно, шагъ за шагомъ, подвигаться впередъ, она хотѣла однимъ прыжкомъ достигнуть цѣли. Выдавая высокій дивидендъ съ цѣлью поднять курсъ акцій, компанія не заботилась объ отчисленіи запаснаго капитала. И вотъ, когда потребовались чрезвычайные расходы на организацію управленія во вновь завоеванныхъ странахъ, компанія жестоко поплатилась за свое прежнее легкомысліе: ей не только пришлось дѣлать займы на тяжелыхъ условіяхъ, но и поступиться важнѣйшими изъ своихъ привилегій, напримѣръ, дозволить свободную торговлю съ Бразиліей и проч. Чтобы выйдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, компанія, прежде столь воинственная, бросилась въ другую крайность: всѣ укрѣпленія въ Бразиліи были срыты, оружіе и военные припасы проданы; словомъ, страна была совершенно обезоружена, а во главѣ управленія были поставлены купецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и плотникъ; все вниманіе было обращено теперь на внутреннее благоустройство. Но суммы расходовались такъ непроизводительно, нецѣлесообразно, что къ окончанію срока привилегіи компанія оказалась почти банкротомъ; она даже уступала (за 36 тоннъ золота) остъ-индской компаніи всѣ свои американскія владѣнія, но послѣдняя отвергла это предложеніе. Не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, компанія еще разъ собрала свои послѣднія силы, возобновила въ 1645 г. свои привилегіи и снарядила въ Бразилію военную экспедицію для подавленія возстанія португальцевъ. Это вовлекло ее въ войну съ Португаліей, кончившуюся миромъ въ Гаагѣ (1661 г.); по этому миру Бразилія перешла къ Португаліи, которая, въ видѣ вознагражденія, уплатила голландской компаніи восемь милліоновъ гульденовъ; а въ 1669 г. компанія была лишена даже права свободной торговли съ Бразиліей.

Почти въ то же время Голландія, послѣ ожесточенной войны съ Англіей, лишилась своихъ колоній и въ Сѣверной Америкѣ; колоніи эти были основаны въ началѣ XVII ст. по рѣкамъ Гудзону, Коннектикуту и Делаверу, для болѣе удачнаго производства рыбной ловли на Ньюфаундлендской отмели и для торговли пушными товарами съ туземными индѣйскими племенами.

Что касается торговли вестъ-индской компаніи, то, если принять во вниманіе только торговлю продуктами собственныхъ колоній, она была

весьма незначительна; громадною прибылью компанія была обязана въ первое время каперству, а затѣмъ контрабандѣ, производившейся въ громадныхъ размѣрахъ и въ послѣднее время служившей для нея почти единственнымъ источникомъ доходовъ.

Строгая колоніальная система Испаніи и Франціи, ограничивавшая сношенія колоній даже съ самыми метрополіями, возбуждала тѣмъ большее неудовольствіе въ колонистахъ, что вслѣдствіе этой системы они были стѣснены не только въ сбытѣ своихъ произведеній, но и въ полученіи многихъ необходимыхъ и желательныхъ продуктовъ европейскаго и азіятскаго производства. Такимъ стѣсненнымъ положеніемъ колоній и воспользовались голландцы: на завоеванныхъ ими Вестъ-индскихъ островахъ, занимавшихъ всего 12 кв. миль и представлявшихъ безплодныя скалы, они устроили громадные склады европейскихъ и американскихъ товаровъ, ввозъ и вывозъ которыхъ былъ стѣсненъ или даже совсѣмъ запрещенъ испанскимъ и французскимъ колоніямъ, и распространили контрабандную торговлю на всѣ Вестъ-индскіе острова и на близлежащій материкъ. О прибыльности контрабандной торговли голландцевъ можно судить уже по тому, что одна премія за ввозъ товаровъ давала 50%. Но и этотъ источникъ доходовъ сократился, когда компанія вовлечена была въ сѣверо-американскую войну. Въ 1674 г. вестъ-индская компанія прекратила свое существованіе.

Обѣ эти торговыя компаніи (остъ- и вестъ-индская) въ періодъ своего существованія вполнѣ опредѣляли положеніе новой Голландіи въ дѣлѣ международныхъ торговыхъ сношеній. Голландія въ это время служила для Европы главнымъ складочнымъ мѣстомъ индѣйскихъ товаровъ. Италія, даже Левантъ оставили прежнюю караванную торговлю съ Азіей и находили болѣе выгоднымъ получать колоніальные товары изъ Голландіи, которая, благодаря чрезвычайному развитію кораблестроенія и превосходству своего флота, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, не только доставляла въ Европу индѣйскіе и американскіе продукты, но и въ самой Европѣ служила главной торговой посредницей между различными государствами. Индѣйскіе товары, доставленные въ Амстердамъ, развозились отсюда уже какъ продукты самой Голландіи и имѣли совершенно свободный доступъ въ тѣ государства, которыя не имѣли своихъ колоній; но даже и тѣ, которыя имѣли свои колоніи, вынуждены были допускать ввозъ по крайней мѣрѣ пряностей, такъ какъ добыча этихъ продуктовъ составляла монополію Голландіи. Немаловажный также предметъ вывоза составляли продукты мануфактурной и земледѣльческой промышленности и рыболовства самой Голландіи. Вообще морская торговля въ этотъ періодъ ни у одного народа не достигала такихъ размѣровъ, какъ у голландцевъ. Она обнимала весь тогдашній міръ и всѣ отрасли торговой промышленности, и ея значеніе и прибыльность въ значительной степени увеличивались еще вслѣдствіе широкаго развитія въ Голландіи кораблестроенія и мореплаванія. Ея торговое господство въ теченіе долгаго времени обусловливалось ея первенствомъ на морѣ, многочисленностью и качественнымъ превосходствомъ ея кораблей и чрезвычайной дешевизной фрахта. Послѣднее зависѣло оттого, что въ это время нигдѣ не производились такъ хорошо, быстро и дешево постройка и снаряженіе кораблей, какъ въ Голландіи. Въ Саардамѣ, напримѣръ, нѣкоторые строители брали на себя обяза-

тельство поставлять каждую недѣлю по одному военному кораблю. Все это давало возможность голландскимъ судохозяевамъ предлагать свои суда для перевозки товаровъ за наиболѣе дешевую плату. Вслѣдствіе чрезвычайной дешевизны фрахта, въ Голландіи развилась особая и обширная отрасль торговли, именно—торговля фрахтомъ; она состояла въ томъ, что торговцы другихъ государствъ, — Франціи, Англіи, Италіи и Испаніи, — за извѣстную плату получали въ свое распоряженіе голландскіе корабли и на нихъ уже производили свою національную мѣстную торговлю.

По свидѣтельству голландской статистики отъ XVII столѣтія, ежегодно совершали плаваніе отъ 60—70,000 голландскихъ судовъ; при этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что тутъ считаются и рыболовные боты. Хотя рыболовство составляетъ обыкновенное занятіе всѣхъ приморскихъ жителей, но никто не съумѣлъ организовать эту промышленность такъ, какъ организовали ее голландцы, которымъ рыболовство доставляло одинъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ ихъ всемірной торговли; они были поставщиками рыбы всего христіанскаго міра, включая даже колоніи въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ. Возникновеніе и усовершенствованіе рыбнаго промысла (въ данномъ случаѣ разумѣется ловля сельдей) относится къ раннему періоду нидерландской исторіи. Съ теченіемъ времени промыселъ этотъ получилъ отъ правительства прочную организацію *) и находился подъ его непосредственной защитой, что было и необходимо, потому что именно ловля сельдей послужила поводомъ къ первымъ серьезнымъ столкновеніямъ съ Англіей, такъ какъ главный ловъ сельдей производился при берегахъ Англіи и Шотландіи. Въ 1652 г. дѣло дошло даже до открытаго морскаго сраженія. Результатомъ этихъ столкновеній было то, что на будущее время голландцы обязались производить ловлю сельдей не ближе, какъ на разстояніи 10-ти миль отъ англійскихъ береговъ. Самый блестящій періодъ сельдянаго промысла Голландіи относится къ XVII столѣтію, когда на этотъ промыселъ выѣзжало до 2,000 ботовъ, доставлявшихъ улову до 3,000 т. ластовъ, что составляло оптовую цѣнность, принимая стоимость ласта въ 204 флор., болѣе 60 милліоновъ. По свидѣтельству извѣстнаго государственнаго дѣятеля того времени, Іоганна фонъ-Витте, въ рыбномъ промыслѣ посредственно или непосредственно принимали участіе до 450 тыс. человѣкъ. Веніаминъ Ворстлей оцѣниваетъ сельдяной промыселъ Голландіи дороже мануфактурной промышленности Англіи и Франціи вмѣстѣ взятыхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, 10 т. ф. стерлинговъ при сельдяномъ промыслѣ даютъ занятіе бо̀льшему числу людей, чѣмъ 50 т. фунт. въ какой либо другой отрасли промышленности; притомъ каждый ботъ ежегодно воспитываетъ по крайней мѣрѣ десять искусныхъ моряковъ. Наиболѣе знаменитые голландскіе адмиралы и лучшіе морскіе офицеры вышли изъ среды рыболововъ. Поэтому совершенно справедливо голландскіе историки называютъ сельдяной промыселъ золотымъ дномъ Голландіи.

---

*) Существовало болѣе 30-ти законоположеній, точно опредѣлявшихъ время и мѣсто ловли и проч. Такъ, до 24 іюня запрещено было закидывать сѣти. Въ этотъ день, въ 7 часовъ вечера, начиналась ловля сельдей, именно на пространствѣ между 56 и 59° сѣв. шир. Продажа сельдей на морѣ была запрещена. Бочки, назначенныя для соленія сельдей, осматривались особыми спеціалистами. Качества посуды и другихъ предметовъ, а равнымъ образомъ и самые пріемы соленія и проч. были также опредѣлены законодательствомъ.

Такимъ образомъ море доставляло республикѣ главнѣйшій предметъ промысла и пропитанія и заграничнаго вывоза. Политическая и религіозная свобода юной республики привлекла къ себѣ большую часть матеріальнаго и умственнаго капитала изъ южныхъ провинцій. Капиталъ этотъ, соединившись съ наличными силами республики, далъ ей возможность пріобрѣсти всемірное господство въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Расширеніе торговыхъ сношеній и возникновеніе новыхъ отраслей торговли послужили, въ свою очередь, къ расширенію прежнихъ и къ возникновенію новыхъ отраслей производства. Такъ, соотвѣтственно увеличенію спроса на сахаръ, должно было увеличиться число рафинадныхъ заводовъ, и Амстердамъ въ этомъ отношеніи былъ первымъ городомъ въ мірѣ. Кромѣ того, въ Амстердамѣ находились также фабрики для обработки другихъ иноземныхъ продуктовъ (какъ табакъ, камфора, сѣра, бѣлила, крахмалъ), затѣмъ, обширныя мастерскія мраморныхъ издѣлій, маслобойни, лѣсопильни, мыловарни, красильни, кожевенные заводы,—вообще разнаго рода промышленныя заведенія, наиболѣе свойственныя приморскому городу, какъ такому мѣсту, куда непосредственно доставляются сырые матеріалы для фабричнаго и заводскаго производства. Амстердамскія ювелирныя мастерскія пользовались также широкой извѣстностью, благодаря искусной обработкѣ драгоцѣнныхъ камней, преимущественно алмазовъ, торговля которыми ежегодно производилась на нѣсколько милліоновъ; рабочіе въ ювелирныхъ мастерскихъ получали до шести гульденовъ съ карата. Голландскія полотна до сихъ поръ еще въ славѣ. Тонкое и ровное тканье этихъ полотенъ еще болѣе выигрывало отъ искуснаго мытья и бѣленья. Вслѣдствіе этого въ Голландію доставлялись полотна даже изъ другихъ странъ, напримѣръ, изъ Лотарингіи, Вестфаліи и Силезіи; здѣсь они бѣлились и затѣмъ шли въ продажу уже какъ голландскіе продукты. Гарлемскія бѣлильни пользовались извѣстностью во всей Европѣ; этотъ же городъ, кромѣ того, славился производствомъ шелковыхъ тканей и бархата, вполнѣ искусно конкуррируя въ этомъ производствѣ съ Миланомъ, Ліономъ и Туромъ. Первымъ фабричнымъ городомъ Голландіи былъ Лейденъ, особенно славившійся шерстяными издѣліями, которыя до XVIII ст. первенствовали надъ англійскими, главнымъ образомъ вслѣдствіе лучшей окраски. Слѣдуетъ также упомянуть объ обширныхъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводахъ въ Дельфтѣ и Гудѣ, о производствахъ, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ пивовареніе, винокуреніе, выдѣлка сыра и масла, и о столь извѣстномъ голландскомъ цвѣтоводствѣ. О кораблестроеніи и его значеніи было уже сказано выше; здѣсь остается лишь добавить, что половина Европы строила свои флоты на саардамскихъ верфяхъ. Само собою разумѣется, что кораблестроеніе вызывало и поддерживало множество крупныхъ и мелкихъ отраслей фабричнаго и ремесленнаго производства (приготовленіе парусины, канатовъ, рыболовныхъ сѣтей и пр. и пр.). Наравнѣ съ полотномъ долгое время славилась голландская бумага. Это производство голландцы заимствовали изъ Франціи. Но, при не особенно благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ, эта отрасль промышленности едва ли достигла бы большаго развитія, если бы этому не способствовали государственныя учрежденія Голландіи. Вслѣдствіе стѣсненія свободы слова въ другихъ государствахъ континента, Голландія сдѣлалась мѣстомъ печатанія множества книгъ

на иностранныхъ языкахъ. Это увеличивало спросъ на бумагу, типографское искусство совершенствовалось, и Голландія пріобрѣла также господство и на книжномъ рынкѣ Европы. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе того, что было сдѣлано Голландіей въ этотъ цвѣтущій періодъ ея существованія въ области науки и искусства, мы можемъ сказать однимъ словомъ, что въ это время художникъ и ваятель, поэтъ и философъ, государственный дѣятель и историкъ шли рука объ руку съ купцомъ и фабрикантомъ; производители и потребители, матеріальный и умственный капиталъ,—все жило и дѣйствовало, сливаясь въ одну общую гармонію.

Съ началомъ XVIII столѣтія болѣе и болѣе стали обнаруживаться признаки упадка могущества Голландіи. Быстрѣе же всего обнаружился упадокъ голландской промышленности, такъ какъ въ этомъ отношеніи другимъ государствамъ было легче сдѣлаться независимыми, чѣмъ, напримѣръ, въ торговлѣ. Особенно быстро эмансипировалась въ этомъ отношеніи Франція, благодаря меркантильной системѣ Кольбера, которая нанесла чувствительный ударъ голландской промышленности. По новому тарифу голландскіе товары облагались непомѣрно высокими пошлинами, причемъ нѣкоторымъ товарамъ былъ даже совершенно прегражденъ доступъ во Францію. Равнымъ образомъ Англія и даже сѣверныя государства все болѣе и болѣе стѣсняли ввозъ голландскихъ фабрикатовъ, которые конкурренція другихъ странъ постепенно вытѣсняла и съ свободныхъ рынковъ; а кромвельскій актъ о мореплаваніи лишилъ саардамскія верфи главнаго ихъ заработка. Къ этому присоединялись, такъ сказать, внутреннія обстоятельства, неблагопріятно отзывавшіяся на промышленности. Хотя Голландская республика и принадлежала къ числу великихъ европейскихъ державъ, но, по ограниченности своей территоріи и народонаселенія въ Европѣ (при этомъ нужно замѣтить, что въ разсматриваемый періодъ народонаселеніе нигдѣ не было такъ густо, какъ въ Голландіи), она не могла потреблять всѣхъ продуктовъ своей промышленности; слѣдовательно, съ закрытіемъ для нея важнѣйшихъ иностранныхъ рынковъ, упадокъ промышленности являлся неизбѣжнымъ. Далѣе, вслѣдствіе продолжительныхъ и дорого стоившихъ войнъ, у Голландіи накопился громадный государственный долгъ, для покрытія котораго правительство вынуждено было постоянно увеличивать налоги. Система косвенныхъ налоговъ впервые выработалась въ Голландіи; налоги на необходимые предметы потребленія возвышали ихъ цѣну, что особенно тяжело отзывалось на фабричномъ городскомъ народонаселеніи: вслѣдствіе этого возвышалась заработная плата, и такимъ образомъ парализировалась выгода, доставляемая легкимъ и дешевымъ кредитомъ. Затѣмъ, бо̀льшую часть сырыхъ матеріаловъ Голландія получала изъ другихъ государствъ; вслѣдствіе развитія промышленности въ этихъ государствахъ, вывозъ изъ нихъ сырыхъ матеріаловъ затруднялся болѣе и болѣе, а часто и совсѣмъ былъ запрещенъ. Наконецъ, сама природа Голландіи была неблагопріятна для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, пріобрѣтавшихъ бо̀льшее и бо̀льшее значеніе (совершенное отсутствіе горнаго промысла, недостатокъ горючихъ матеріаловъ, трудность приспособленія къ производству силы воды и проч.). Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій разомъ подломились опоры, на которыхъ нѣкогда такъ гордо возвышалась нидерландская промышленность.

IV. *Эпоха высшаго процвѣтанія національнаго искусства въ Голландіи и начало его упадка.

(Изъ соч. Тэна: „Искусство въ Италіи и Нидерландахъ“, перев. Чудинова).

Между тѣмъ какъ южныя провинціи, подчинившись и принявъ католичество, слѣдовали въ искусствѣ направленію Италіи, провинціи сѣвера, сдѣлавшись протестантскими и свободными въ политическомъ отношеніи, развивали въ иномъ смыслѣ свою жизнь и свое искусство. Германская раса тамъ чиста, и потому въ умахъ обнаруживается менѣе наклонности къ классическому искусству въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимало его итальянское возрожденіе. Жизнь тамъ труднѣе, трудолюбивѣе и воздержнѣе, и потому человѣкъ, привыкнувъ къ постоянному усилію надъ собою, къ систематическому самообладанію, съ трудомъ можетъ понять прекрасную мечту о жизни чувственной, свободно отдающейся влеченію. Представимъ себѣ голландца, возвращающагося домой, проработавшаго весь день въ своей конторѣ. Въ домѣ его очень маленькія комнатки, почти подобныя корабельнымъ каютамъ; крайне затруднительно было бы тамъ развѣсить по стѣнамъ большія картины, какія украшаютъ залы итальянскаго дворца; все, что необходимо хозяину,—это чистота и удобство: съ этой стороны онъ удовлетворенъ и ему болѣе ничего не нужно; онъ не гоняется за украшеніемъ. По словамъ венеціанскихъ посланниковъ, „они до того умѣренны, что у самыхъ богатыхъ изъ нихъ вы не увидите ни особенной роскоши, ни пышности... Все сохраняетъ у нихъ и внѣ ихъ, въ одеждѣ и во всемъ остальномъ, истинную умѣренность скромнаго состоянія, причемъ избытка ни въ чемъ совсѣмъ не видно“. Когда графъ Лейчестеръ, какъ представитель власти королевы Елисаветы, пріѣхалъ въ Голландію, когда Спинола явился сюда, чтобы заключить миръ отъ имени испанскаго короля, то ихъ царственное великолѣпіе составило рѣзкій контрастъ съ окружающимъ, почти скандалъ. Глава республики, герой вѣка, Вильгельмъ Оранскій Молчаливый, носитъ старое платье, которое могло бы показаться нѣсколько изношеннымъ любому студенту, подобный же плащъ безъ пуговицъ и шерстяной камзолъ, какъ у судорабочихъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи противникъ Людовика XIV, великій пенсіонеръ Голландіи, Янъ Виттъ, держалъ только одного слугу; всѣ имѣли къ нему свободный доступъ; онъ подражалъ своему славному предшественнику, который братался съ „пивоварами и мѣщанами“. Въ настоящее еще время мы находимъ въ нравахъ ихъ многочисленные слѣды древней простоты. Очевидно, что при такихъ характерахъ нѣтъ мѣста декоративнымъ или сластолюбивымъ инстинктамъ, которые ввели повсюду въ Европѣ пышныя торжества и усвоили обществу пониманіе языческой поэзіи красивыхъ тѣлъ, то-есть эпохи возрожденія.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ противоположные инстинкты выступаютъ впередъ. Облегченная отъ противовѣса, какимъ были для нея южныя провинціи, Голландія, къ концу XVI столѣтія, вдругъ съ необыкновенной силой обращается на сторону ея природныхъ влеченій. Первичныя способности и наклонности появляются съ необыкновеннымъ блескомъ; онѣ не рождаются вновь, а только обнаруживаются. Полтораста лѣтъ тому назадъ ихъ распознавали уже хорошіе наблюдатели: „Фризія свободна,—

говоритъ папа Эней Сильвій,—живетъ по своимъ обычаямъ, не выноситъ чужеземнаго ига и не желаетъ повелѣвать другими. Фризъ не задумается поплатиться жизнью за свободу. Этотъ гордый и искусный въ дѣлѣ оружія народъ, статный и сильный тѣломъ, покойный и неустрашимый душой, хвалится и дорожитъ своей свободой, хотя Филиппъ, герцогъ Бургундскій, и считается повелителемъ страны. Они ненавидятъ феодальную и солдатскую спѣсь и не сносятъ человѣка, который поднимаетъ голову выше другихъ". Подвергнутые испытанію Филиппомъ II, они заранѣе принесли въ жертву „свои имущества и свою жизнь". Маленькое племя купцовъ, затерянное въ кучѣ болота, сосѣднее съ обширнѣйшей и грозной имперіей, болѣе грозной, чѣмъ имперія Наполеона, дало отпоръ, удержалось и возросло подъ тяжестью обрушившагося на него колосса. Всѣ вылазки ихъ во время осады просто восхитительны: нѣсколько горожанъ и женщинъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ сотъ солдатъ, останавливаютъ передъ своими разрушенными стѣнами цѣлую армію, лучшія въ Европѣ войска, величайшихъ предводителей, ученѣйшихъ инженеровъ, и эта кучка обезсилѣвшихъ людей, питаясь въ теченіе четырехъ и шести мѣсяцевъ крысами, листьями и вареной кожей, рѣшается, скорѣе чѣмъ сдаться, выступить и погибнуть на ретраншементахъ непріятельскихъ. Нужно прочесть подробности этой войны, чтобы узнать, до чего можетъ дойти терпѣніе, хладнокровіе и энергія человѣка. На морѣ голландскій корабль скорѣе взорветъ себя на воздухъ, чѣмъ опуститъ флагъ для сдачи непріятелю; ихъ морскія экспедиціи для открытій, колонизаціи и завоеванія въ Новой Землѣ, въ Индіи, въ Бразиліи столь же прекрасны, какъ и ихъ битвы. Наконецъ, въ 1609 году, послѣ тридцати семи лѣтъ войны, дѣло выиграно: Испанія признаетъ независимость Голландіи, и въ теченіе всего XVII столѣтія послѣдняя играетъ въ Европѣ одну изъ первыхъ ролей.

Внутреннее управленіе такъ же хорошо, какъ высоко внѣшнее положеніе. Въ первый разъ на свѣтѣ является свобода совѣсти и уваженіе въ каждомъ гражданинѣ всѣхъ его правъ. Голландская республика состоитъ изъ союза провинцій, добровольно соединившихся вмѣстѣ; каждая изъ нихъ съ совершенствомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, поддерживаетъ у себя общественную безопасность и свободу личности: „Всѣ они любятъ свободу,—говоритъ Париваль въ 1660 году,—у нихъ не позволено драться и браниться, и служанки имѣютъ на столько правъ, что сами хозяева не смѣютъ ихъ ударить". И, полный восхищенія, онъ нѣсколько разъ настойчиво указываетъ на это чудное уваженіе къ человѣческой личности. „На свѣтѣ нѣтъ въ настоящее время страны, которая пользовалась бы такой свободой, какъ Голландія; тамъ существуетъ до того справедливая гармонія, что большіе не могутъ заѣсть маленькихъ людей, богатые и знатные — бѣдныхъ... Невольники и рабы, завезенные въ эту страну какимъ-нибудь вельможей, становятся свободными; да и деньги, заплаченныя за нихъ, пропадаютъ безвозвратно... Поселяне, уплативъ все, что слѣдуетъ отъ нихъ, такъ же свободны, какъ и горожане... Въ особенности каждый—царь у себя дома, и нанести оскорбленіе горожанину въ его квартирѣ составляетъ весьма тяжкое преступленіе". Каждый можетъ выѣхать изъ страны, когда пожелаетъ, и вывезти съ собою, сколько угодно, денегъ. Дороги представляютъ полную безопасность днемъ и ночью даже для одинокаго путешественника. Хо-

зяинъ не имѣетъ права удерживать слугу противъ его желанія. Никто не преслѣдуетъ за вѣру. Полная свобода говорить обо всемъ, „даже о судьяхъ", и разбирать и осуждать ихъ дѣйствія. Равенство положено въ основу всего. Подобный народъ не можетъ не пользоваться благоденствіемъ: когда человѣкъ отличается энергіей и справедливостью, то все остальное приходитъ уже къ нему само собою. Амстердамъ имѣлъ только 70,000 жителей при началѣ войны за независимость, а въ 1618 году ихъ было уже 300,000. Венеціанскіе посланники описываютъ, что во всякое время дня толпы жителей снуютъ тамъ взадъ и впередъ, какъ муравьи въ муравейникѣ; городъ по мѣсту, занимаемому имъ, увеличился на двѣ трети противу прежняго; каждый клочокъ земли въ немъ оцѣнивается на вѣсъ золота. Деревня не уступитъ городу. Нигдѣ крестьянинъ не достигалъ такого богатства и нигдѣ не изловчился онъ такъ извлекать выгоду изъ своей земли: одна деревня имѣетъ 4,000 коровъ; волъ вѣситъ 30 пудовъ. Нигдѣ промышленность и фабрики не развились до такого совершенства: полотна, зеркала, раффинированіе сахара, фарфоръ, глиняныя издѣлія, богатыя атласныя, шелковыя и парчевыя ткани, желѣзныя издѣлія и корабельныя снасти,—они доставляютъ Европѣ половину ея роскоши и отбываютъ почти всю ея вывозную торговлю. Тысячи кораблей отправляются за сырыми матеріалами въ Балтійское море, восемьсотъ занимаются ловлею сельдей; большія компаніи пользуются исключительнымъ правомъ торговли съ Индіей, Китаемъ, Японіей; Батавія составляетъ средоточіе голландскаго владычества; въ эту минуту (1609 г.) Голландія, на моряхъ и на сушѣ, была тѣмъ, чѣмъ Англія при Наполеонѣ. Она имѣетъ 100,000 матросовъ; въ военное время можетъ выставить во всеоружіи двѣ тысячи кораблей; чрезъ пятьдесятъ лѣтъ она станетъ во главѣ соединенныхъ флотовъ Англіи и Франціи; съ каждымъ годомъ широкій потокъ ея благосостоянія расширяется все болѣе и болѣе. Но источникъ еще прекраснѣе самого потока, потому что его поддерживаютъ избытокъ храбрости, ума, самоотверженія, воли и геніальности. „Этотъ народъ,—говорятъ венеціанскіе посланники,—до того склоненъ къ промышленности и труду, что нѣтъ на столько труднаго дѣла, которое они не умѣли бы съ успѣхомъ довести до конца... Они созданы работать и отказывать себѣ во многомъ, и всѣ неутомимо, такъ или иначе, работаютъ". Много производить и мало потреблять — таково главное условіе возрастанія общественнаго богатства. Самые бѣдные, „въ своихъ маленькихъ, низенькихъ жильяхъ", имѣютъ всѣ предметы первой потребности. Богачи, въ своихъ громадныхъ домахъ, избѣгаютъ лишняго и роскоши; никто не терпитъ недостатка, никто не мотаетъ денегъ, каждый употребляетъ въ дѣло свои руки и умъ. „Здѣсь изъ всего извлекаютъ выгоду,—говоритъ Париваль,—даже изъ тѣхъ, которые занимаются очисткой каналовъ, не найдется ни одного... который не заработывалъ бы въ день хотя половину экю. Даже дѣти, обучающіяся какому-нибудь мастерству, почти сразу же вырабатываютъ себѣ на хлѣбъ". „Они до того не терпятъ мотовства и праздности, что есть мѣста, куда судьи запираютъ лѣнтяевъ и бродягъ, а также и мотовъ, для чего бываетъ достаточнымъ, если жены виноватыхъ или другіе родственники принесутъ объ этомъ жалобу судьямъ; въ этихъ же мѣстахъ они обязаны работать и трудомъ добывать себѣ средства къ жизни, хотя бы они и не желали этого". Монастыри были преобразованы въ

больницы, пріюты, сиротскіе дома, а прежніе доходы праздныхъ католическихъ монаховъ пошли на содержаніе инвалидовъ, стариковъ, вдовъ и дѣтей тѣхъ изъ солдатъ и матросовъ, которые погибли на войнѣ. Войско до того хорошо, что какой-нибудь жандармъ ихъ годился бы въ капитаны итальянской арміи, а какой-нибудь итальянскій капитанъ едва ли былъ бы принятъ сюда простымъ жандармомъ. По отношенію къ воспитанію и образованію, точно такъ же, какъ и въ дѣлѣ организаціи и управленія, они опередили на два столѣтія остальную Европу. У нихъ едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ—мужчина, женщина или дитя, который не умѣлъ бы читать и писать (1609). Въ каждой деревушкѣ есть народная школа. Въ достаточномъ семействѣ всѣ мальчики понимаютъ по-латыни, а дѣвочки по-французски. Очень многіе пишутъ и говорятъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Это ужь не одна только предусмотрительность, разсчетъ на выгоду; въ нихъ пробуждены и чисто-научные интересы. Лейденъ, когда генеральные штаты предложили ему награду за геройскую защиту, проситъ дать ему университетъ; во что бы то ни стало, они привлекаютъ къ себѣ величайшихъ ученыхъ въ Европѣ; штаты пишутъ сами и просятъ ходатайства Генриха IV, чтобы убѣдить Скалигера, бѣдняка-учителя, почтить городъ ихъ своимъ присутствіемъ; отъ него не требуютъ даже уроковъ; достаточно ужь и того, если онъ пріѣдетъ: онъ будетъ обмѣниваться мыслями съ учеными; дастъ имъ болѣе вѣрное направленіе и сдѣлаетъ народъ участникомъ славы своихъ сочиненій. При такомъ управленіи, Лейденъ становится самою извѣстною въ Европѣ школой; онъ имѣетъ двѣ тысячи студентовъ; философія, изгнанная изъ Франціи, находитъ тамъ себѣ убѣжище; въ теченіе XVII столѣтія Голландія—первое въ ряду государствъ, живущихъ умственной жизнью. Положительныя знанія находятъ тутъ себѣ родную почву или вторую родину. Скалигеръ, Юстъ-Липскій, Салмазій, Мерсіусъ, оба Гейнзіуса, оба Дуза, Марниксъ де-Сент-Альдегондъ, Гуго Гроцій, Снелліусъ руководятъ тамъ наукой, правомъ, физикой, математическими знаніями. Эльзевиры печатаютъ книги. Линдсготенъ и Меркаторъ поучаютъ путешественниковъ и создаютъ географію. Гоофтъ, Боръ и Метеренъ описываютъ историческія судьбы своего народа. Яковъ Катсъ даетъ ему его поэзію. Теологія, занимавшая въ то время мѣсто философіи, принимается, при содѣйствіи Арминія и Гомара, за разработку вопроса о милосердіи и волнуетъ, даже въ самыхъ ничтожныхъ деревушкахъ, умы крестьянъ и мѣщанства. Наконецъ, въ 1619 г. дордрехтскій синодъ является вселенскимъ соборомъ реформаторовъ. Къ такому превосходству спекулятивнаго мышленія присоединился еще не менѣе превосходный практическій разумъ; отъ Барневельта до Витта, отъ Молчаливаго до Вильгельма III, отъ адмирала Геемскерка до Тромпа и Рюйтера, цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей руководитъ ихъ военными и гражданскими дѣлами. Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ появляется національное искусство. Всѣ великіе самобытные живописцы появляются въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ XVII столѣтія, когда Голландія оказывается уже прочно стоящею, всѣ болѣе важныя опасности устранены, окончательная побѣда почти въ рукахъ, когда человѣкъ, сознавая величость всего сдѣланнаго имъ, указываетъ своимъ дѣтямъ путь, проложенный его великой думой и мощными руками. Здѣсь, какъ и вездѣ, художникъ—сынъ героя. Силы, употребленныя на созданіе дѣй-

ствительнаго міра, выступаютъ за край, когда дѣло оказывается конченнымъ, и употребляются на созданіе міра вымышленнаго. Человѣкъ слишкомъ много уже совершилъ, чтобы снова приниматься за школу; предъ нимъ и вокругъ него открывающееся поле наполнено его трудомъ; трудъ этотъ такъ богатъ и славенъ, что онъ можетъ долго еще восхищаться и любоваться имъ; онъ не подчиняетъ уже свою мысль чужой,— онъ ищетъ теперь и открываетъ только свое собственное чувство; онъ дерзаетъ довѣриться ему, слѣдовать за нимъ до конца, оставить подражаніе, извлекать все изъ самого себя, изобрѣтать безъ всякаго иного руководителя, кромѣ темныхъ предпочтеній, проявляющихся въ его чувствахъ и сердцѣ; но внутреннія силы, его основныя способности, его первичные и врожденные инстинкты, направленные и укрѣпленные опытомъ, продолжаютъ дѣйствовать послѣ него и, создавъ народъ, создаютъ ему искусство.

Разсмотримъ это искусство. Въ своихъ краскахъ и формахъ оно обнаруживаетъ всѣ инстинкты, какіе высказались въ дѣятельности и ея результатахъ. До тѣхъ поръ, пока семь провинцій сѣвера и десять южныхъ составляли одинъ народъ, онѣ имѣли и одну школу. Энгельбрехтъ, Лука Лейденскій, старикъ Геемскеркъ, Корнелій Гарлемскій и др. рисуютъ въ томъ же стилѣ, какъ и современники ихъ изъ Брюгге и Антверпена. Нѣтъ еще особой голландской школы, потому что нѣтъ еще особой бельгійской школы. При началѣ войны за независимость сѣверные живописцы стараются превратиться въ итальянцевъ, точно такъ же, какъ южные. Но, начиная съ 1600 г., все измѣняется какъ въ живописи, такъ и въ остальномъ. Приливъ народной струи даетъ перевѣсъ народнымъ инстинктамъ. Нѣтъ болѣе наготы; идеальное тѣло, красота животной стороны человѣка, обнажаемая открыто передъ всѣми, благородная симметрія членовъ и положенія тѣла, великая аллегорическая или миѳологическая картина не соотвѣтствуютъ германскому вкусу. Къ тому же господствующій у нихъ кальвинизмъ изгоняетъ ихъ изъ своихъ храмовъ, а въ этомъ сборищѣ бережливыхъ и строгихъ тружениковъ нѣтъ пышныхъ представленій для знати, нѣтъ выставки грандіознаго эпикуреизма, который повсюду въ другихъ мѣстахъ, во дворцахъ, при серебрѣ, ливреяхъ, пышной мебели, вызываетъ на свѣтъ чувственную, языческую живопись. Когда Амалія Зольмъ хотѣла поставить памятникъ въ подобномъ стилѣ своему мужу, штатгоудеру Фридриху-Генриху, ей пришлось выписать фламандскихъ живописцевъ. При такихъ реальныхъ воображеніяхъ и посреди такихъ республиканскихъ нравовъ, въ странѣ, гдѣ какой-нибудь сапожникъ-хозяинъ можетъ сдѣлаться вице-адмираломъ, интересующею всѣхъ личностью является гражданинъ, человѣкъ съ костями и тѣломъ, не нагой и не одѣтый по-гречески, а въ своемъ обычномъ костюмѣ и позѣ, какой-нибудь добросовѣстный и дѣятельный судья, какой-нибудь храбрый офицеръ. Героическій стиль находитъ себѣ примѣненіе только въ одномъ случаѣ: имъ пишутъ большіе портреты, украшающіе городскіе отели и общественныя учрежденія, въ ознаменованіе оказанныхъ услугъ. И на самомъ дѣлѣ здѣсь порождается новый родъ живописи, обширная картина, заключающая въ себѣ пять, десять, двадцать, даже тридцать портретовъ во весь ростъ: распорядителей больницы, стрѣлковъ, отправляющихся на стрѣльбу въ цѣль, синдиковъ, собранныхъ вокругъ стола, офицеровъ, предлагающихъ какой-нибудь тостъ на пиру,

профессоровъ, объясняющихъ что-то слушателямъ, и т. п. Все это группируется вокругъ дѣятельности, сообразной ихъ положенію; каждый изображенъ въ платьѣ, съ оружіемъ, знаменемъ, принадлежностями и обстановкой его дѣйствительной жизни. Вы видите истинно-историческую картину, въ высшей степени поучительную и выразительную, на которой Францъ Гальсъ Рембрандтъ, Говартъ Флинкъ, Фердинандъ и Боль, Ѳеодоръ Кейзеръ и Іоаннъ Равенштейнъ изобразили героическій вѣкъ своего народа; разумныя, энергическія, открытыя лица тутъ отличаются какой-то благородной силой и благородными убѣжденіями; прекрасный костюмъ эпохи возрожденія, перевязи, узкое исподнее изъ буйволовой кожи, складки и узорчатые воротники, черные накидки и плащи своимъ суровымъ блескомъ окружаютъ строгую осанку бодрыхъ тѣлъ и открытое выраженіе лицъ; тутъ художникъ, частью вслѣдствіе мужественной простоты своихъ средствъ, частью вслѣдствіе искренности и силы своего убѣжденія, становится равнымъ своимъ героямъ.

Такова общественная живопись; остается частная живопись, украшающая дома частныхъ людей и какъ своими размѣрами, такъ и сюжетами, соображающаяся съ требованіями и характеромъ своихъ покупателей. „Ни одинъ изъ самыхъ бѣднѣйшихъ гражданъ,—говоритъ Париваль,—не откажется обзавестись такими картинами“. Какой-нибудь булочникъ платитъ шесть флориновъ за одно лицо кисти ван-дер-Меэра. Вмѣстѣ съ чистотой и пріятностью внутренняго убранства, это составляетъ всю ихъ роскошь; „они не жалѣютъ на это денегъ и скорѣе склонны посократить свои расходы на ѣду“. Здѣсь появляется національный инстинктъ въ томъ видѣ, въ какомъ обнаруживался онъ въ теченіе первой эпохи у ван-Эйковъ и Луки Лейденскаго, и это совершенно національный инстинктъ. Все, что требуетъ и что провозглашаетъ онъ,—это изображеніе дѣйствительнаго человѣка и дѣйствительной жизни такъ, какъ глаза ихъ видятъ: мѣщанъ, поселянъ, скотъ, мелочныя лавочки, заѣзжіе дома, комнаты, улицы и пейзажи. Ихъ нѣтъ надобности измѣнять, чтобы придать болѣе благородный видъ; чтобы признать ихъ достойными вниманія, достаточно уже и того, что они существуютъ. Природа, сама по себѣ, какова бы она ни была: человѣческая, животная, растительная, неодушевленная, съ ея неправильностями, тривіальностью, ея недостатками, имѣетъ право существованія; коль скоро она понятна, ее любишь и находишь пріятнымъ видѣть ее. Искусство имѣетъ цѣлью не искажать, а передавать ее, причемъ силою симпатіи оно дѣлаетъ ее прекрасною. Живопись, понимаемая такимъ образомъ, можетъ изображать какую-нибудь хозяйку, занимающуюся пряжей въ своей избенкѣ, плотника, работающаго стругомъ на своемъ верстакѣ, хирурга, перевязывающаго руку какому-нибудь мужику, кухарку, вздѣвающую на вертелъ говядину, богатую барыню, которой подаютъ умываться, всѣ мелочи домашней жизни, начиная съ послѣдней лачуги и до великосвѣтскаго салона, всѣ типы отъ обагровѣвшей рожи какого-нибудь гуляки и до скромной улыбки благовоспитанной барышни, всѣ явленія изящной или грубой жизни, партію въ карты въ гостиной, обтянутой золотыми обоями, пирушку поселянъ на голомъ подворьѣ, катанье на конькахъ по замерзшему каналу, коровъ на водопоѣ, барки на морѣ и все безконечное разнообразіе неба, земли, воды, дня и ночи. Тербургъ, Метсю, Гергардъ Доу, ван-дер-Меэръ, Броуверъ, Шалькенъ, Стеэнъ, Вуверманъ, два ван-Остада, Куипъ, ван-дер-Неэръ,

Поль-Поттеръ, Бакгейзенъ, оба ван-Вельде, Филиппъ Кенигъ, ван-дер-Гейденъ, да сколько еще можно насчитать другихъ! Едва ли есть иная школа, въ которой самобытные таланты были бы такъ многочисленны; когда искусство обнимаетъ собою не одну только опредѣленную высь поднебесную, а обхватываетъ всю ширь жизни вдоль и поперекъ, то каждому предоставляется въ немъ особое поле; идеальное слишкомъ узко, и потому оказывается доступнымъ не болѣе, какъ двумъ-тремъ геніямъ; міръ дѣйствительности необъятенъ, и потому тамъ найдутъ мѣсто себѣ десятки талантовъ. Отъ всѣхъ этихъ созданій искусства вѣетъ какой-то покойной и счастливой гармоніей; человѣкъ отдыхаетъ, глядя на нихъ; душа художника, какъ и его лицъ, находится въ состояніи равновѣсія; на полотнѣ его картины каждый чувствуетъ себя хорошо и привольно. Видишь, что онъ не залетаетъ своимъ воображеніемъ слишкомъ далеко; повидимому, самъ онъ, какъ и его лица, доволенъ жизнью; вся природа смотритъ на него ласковыми глазами; если онъ и подумываетъ о какихъ-нибудь прибавкахъ къ ней, то это развѣ какое-нибудь особое расположеніе содержанія картины, накладка одной тѣни возлѣ другой, нѣсколько эффектное освѣщеніе, выборъ позъ; художникъ предъ природой, что счастливецъ-голландецъ семьянинъ предъ своей женой; онъ не желаетъ себѣ другой: любитъ онъ ее въ силу сердечной привычки и нѣкотораго внутренняго соотвѣтствія; между тѣмъ, въ какой-нибудь праздникъ онъ попроситъ ее нарядиться въ красное платье, вмѣсто обычнаго голубаго. Онъ не похожъ на нашихъ живописцевъ, черезчуръ ужь тонкихъ наблюдателей. Онъ несравненно простодушнѣе; избытокъ умственной жизни не извратилъ и не исказилъ его; въ сравненіи съ нами, это ремесленникъ; въ области живописи онъ и преслѣдуетъ только цѣли живой изобразительности; вниманіе его менѣе способна остановить па себѣ неожиданная и поразительная мелочь, чѣмъ крупныя черты общаго и простаго характера. По этой причинѣ произведеніе его, болѣе здоровое и менѣе хватающее за душу, обращается и къ зрителямъ менѣе образованнымъ и доставляетъ наслажденіе большему кругу ихъ. Между всѣми этими живописцами только двое: Рейсдааль, благодаря особеннно утонченной душѣ своей и превосходству воспитанія, да въ особенности Рембрандтъ, вслѣдствіе рѣдкаго строенія глаза и замѣчательно-дикаго нрава его генія, выдвинулись далѣе своего времени, достигнувъ тѣхъ общихъ инстинктовъ, которые соединяютъ между собою различныя германскія племена и служатъ непосредственнымъ переходомъ къ чувствамъ новаго времени. Рембрандтъ, уединенный собиратель, увлекаемый развитіемъ чудовищнаго дара, жилъ себѣ, какъ магикъ и мечтатель, въ мірѣ, созданномъ имъ самимъ, причемъ ключъ отъ этого міра хранился у него одного. Превосходя всѣхъ живописцевъ тонкостью и врожденной остротой своихъ оптическихъ воспріятій, онъ понялъ и до мельчайшей подробности оставался вѣрнымъ той истинѣ, что вся сущность видимаго предмета представляется глазу какъ пятно, что самый простой цвѣтъ безконечно сложенъ, что всякое ощущеніе зрѣнія есть продуктъ элементовъ разсматриваемаго предмета и всего окружающаго его, что всякій предметъ на полѣ зрѣнія является лишь пятномъ, измѣняемымъ другими пятнами, и что, такимъ образомъ, главное лицо въ картинѣ есть окрашенный, волнующійся, занимающій средоточіе воздухъ, въ которомъ другія лица погружены, какъ рыбы въ морѣ. Онъ умѣлъ пере-

дать этотъ трепещущій воздухъ и показать въ немъ кишащую и таинственную жизнь; онъ ввелъ въ освѣщеніе, свойственное его отечеству, этотъ тусклый, желтоватый цвѣтъ, подобный цвѣту лампы въ погребѣ: онъ почувствовалъ мучительное бореніе его съ тѣнью, погасаніе слабѣющихъ лучей, окончательно умирающихъ въ темной глубинѣ, дрожаніе отблесковъ, тщетно задерживающихся на блестящихъ стѣнахъ, и все то смутное населеніе полумрака, которое, будучи невидимымъ для простаго глаза, на его картинахъ и эстампахъ представляется какимъ-то подводнымъ міромъ, виднѣющимся сквозь бездну водъ. Послѣ такого мрака полный свѣтъ въ глазахъ его кажется какимъ-то ослѣпительнымъ потокомъ; онъ произвелъ на него впечатлѣніе блеска молніи, какого-то очаровательнаго освѣщенія, взрыва фейерверочнаго огня. Такимъ образомъ онъ открылъ въ неодушевленномъ мірѣ самую полную, самую выразительную драму, всѣ контрасты и всѣ слiянiя самыхъ рѣзкихъ элементовъ, все, что есть только подавляющаго и смертельно-мрачнаго въ темнотѣ ночи, все, что есть только самаго поражающаго и самаго меланхолическаго въ глубокомъ полумракѣ, все, что есть только самаго мощнаго и самаго неизбѣжнаго въ приближеніи дневныхъ лучей. Достигнувъ этого, ему оставалось лишь на этой природной драмѣ начертать драму человѣческую; созданная такимъ путемъ сцена сама творитъ для себя актеровъ. Греки и итальянцы знали въ человѣкѣ и въ жизни только одни самые прямые высокіе ростки, здоровый цвѣтокъ, увядающій при яркомъ свѣтѣ; Рембрандтъ же видитъ основу всего этого, все, что пресмыкается и ползаетъ въ тѣни, мрачную грязь нищеты амстердамскихъ евреевъ, грязное, страдающее населеніе большаго города при дурномъ климатѣ, кривоногаго нищаго, толстую идіотку-старуху, лысую голову престарѣлаго ремесленника, блѣдное лицо больнаго, кишмя кишащій рой злыхъ страстишекъ и отвратительной нищеты, которыя, при условіяхъ нашей цивилизаціи, съѣдаютъ народъ, какъ черви—истлѣвающее дерево. Выступивъ разъ на этотъ путь, онъ могъ постигнуть религію страданія, истинное христіанство, могъ явиться нагляднымъ истолкователемъ Библіи, могъ пріобрѣсти предвѣчнаго Христа, который есть среди насъ и теперь, какъ прежде, присутствуетъ въ какой-нибудь лачужкѣ или гостинницѣ въ Голландіи точно такъ же, какъ подъ яркими лучами іерусалимскаго солнца, Утѣшитель и Исцѣлитель скорбныхъ и недужныхъ, единственный ихъ Спаситель, ибо Онъ былъ такъ же бѣденъ и еще болѣе страдалъ, чѣмъ они. Сердце Рембрандта было тронуто состраданіемъ; на-ряду съ другими живописцами-аристократами, онъ весь принадлежитъ народу; по крайней мѣрѣ, онъ человѣчнѣе ихъ всѣхъ; его болѣе широкія симпатіи глубже обнимаютъ природу; ему не противна никакая гадость, никакая потребность веселья или благородства не скрываютъ отъ него таящейся подъ ними горькой правды. Вотъ почему, свободный отъ всякихъ постороннихъ вліяній, руководимый необычайной чувствительностью своихъ органовъ, онъ могъ изобразить въ человѣкѣ не одинъ общій скелетъ и отвлеченный типъ, которыми удовлетворялось классическое искусство, а всѣ частности и глубокія черты индивидуума, безконечныя и неуловимо сложныя отличія нравственной личности, могъ оставить на картинѣ печать того оживленія, которое сосредоточиваетъ въ одномъ моментѣ и на одномъ лицѣ цѣлую исторію души и которое только одинъ Шекспиръ съумѣлъ уловить съ такой богатой ясностью.

Въ этомъ отношенiи Рембрандтъ — своеобразнѣйшiй изъ художниковъ новаго времени.

Подобное цвѣтущее состоянiе искусства непрочно, ибо создавшiй его источникъ изсякъ тотчасъ по выполненiи своего назначенiя. Въ 1667 г., послѣ морскихъ неудачъ Англiи, легкiя указанiя свидѣтельствуютъ уже о появившемся искаженiи нравовъ и чувствъ, которые поддерживали нацiональное искусство. Благосостоянiе слишкомъ велико. Еще въ 1660 г. Париваль, говоря о привольной жизни въ Голландiи, приходитъ въ восторгъ; остъ-индскiя и вестъ-индскiя компанiи даютъ своимъ акцiонерамъ дивиденду по 40 и 45 на сто. Героями становятся мѣщане; Париваль отмѣчаетъ у нихъ, на первомъ планѣ, жажду къ прибыли. Кромѣ того, „они ненавидятъ дуэли, драку и ссоры, говоря обыкновенно, что богатые люди не дерутся“. Они стремятся жить въ свое удовольствiе; дома вельможъ, которые венецiанскiе посланники, въ началѣ этого столѣтiя, находили столь простыми и голыми, теперь прiобрѣтаютъ особенную роскошь; у важнѣйшихъ гражданъ находятъ обои, дорогiя картины, золотую и серебряную посуду“. Богатыя внутреннiя украшенiя домовъ на картинахъ Тербурга и Мэтсю открываютъ намъ новое изящество, бѣлыя шелковыя платья, бархатныя тальи, драгоцѣнности, жемчугъ, шитыя золотомъ ткани; высокiе камины съ мраморными колоннами. Прежняя энергiя ослабѣваетъ. Когда Людовикъ XIV въ 1672 г. нападаетъ на страну, онъ почти не встрѣчаетъ никакого сопротивленiя. Они совершенно упустили изъ виду заботы о поддержанiи армiи; войска ихъ разбѣгаются во всѣ стороны; города сдаются съ перваго выстрѣла; четыре французскихъ кавалериста овладѣваютъ Мюйденомъ, составлявшимъ ключъ ко всѣмъ шлюзамъ; Генеральные штаты вымаливаютъ миръ, согласившись на всѣ условiя. Въ то же время въ искусствахъ ослабѣваетъ и народное чувство; вкусъ извращается: Рембрандтъ умираетъ въ нищетѣ, забытый всѣми; новая роскошь беретъ образцы свои за границей, во Францiи и Италiи. Еще въ лучшую пору множество живописцевъ отправилось въ Римъ рисовать личики и пейзажики; Iоаннъ Ботъ, Шарль Дюжарденъ, Вуверманъ, пропасть другихъ, па-ряду съ нацiональной школой, заводятъ другую полуитальянскую школу. На Кайзерграхтѣ и Геереграхтѣ воздвигаются большiе отели во вкусѣ Людовика XIV, а фламандскiй живописецъ, основавшiй академическую школу, Гергардъ Лерессъ, расписываетъ ихъ своими аллегорiями и безобразными миѳологическими лицами. Правда, нацiональное искусство не сразу уступаетъ господство другому; оно тянется еще въ ряду художественныхъ произведенiй вплоть до первыхъ годовъ XVIII столѣтiя; въ то же время народное чувство, пробужденное уничиженiемъ и опасностью, вызываетъ народную революцiю, героическiя жертвы, иноземное вторженiе въ страну и всѣ послѣдовавшiе затѣмъ успѣхи. Но самые успѣхи эти довершаютъ уничтоженiе энергiи и энтузiазма, порожденныхъ этимъ временнымъ возвратомъ. Въ теченiе всей войны за испанское наслѣдство Голландiя, штатгоудеръ которой сдѣлался королемъ Англiи, приносится въ жертву своему союзнику; послѣ трактата 1713 г. она теряетъ первенство на морѣ, занимаетъ тутъ второстепенное мѣсто, а затѣмъ падаетъ и еще ниже: нѣсколько времени спустя, Фридрихъ Великiй говорилъ, что „Англiя тащитъ ее за собою на буксирѣ, какъ линейный корабль—маленькую шлюпку“. Хуже всего то, что она мирится съ своимъ положе-

ніемъ и довольствуется существованіемъ въ качествѣ хорошаго коммерческаго и банкирскаго дома. Еще въ 1723 г. ея историкъ, эмигрантъ Іоаннъ Леклеркъ, плоско подсмѣивался надъ честными матросами, которые въ войну за независимость скорѣе позволили взорвать себя на воздухъ, чѣмъ сдались. Въ 1739 г. другой историкъ объявляетъ, что „голландцы только и думаютъ о собираніи богатствъ". Послѣ 1748 г. герцогъ Брунсвикъ покоряетъ страну почти безъ выстрѣла. Какое громадное разстояніе раздѣляетъ подобныя чувства отъ героическихъ подвиговъ спутниковъ Молчаливаго, Рюйтера и Тромпа! Поэтому, въ силу какого-то изумительнаго соотвѣтствія, и вымыселъ въ области живописи кончается вмѣстѣ съ практической энергіей. Въ первыя десять лѣтъ XVIII столѣтія не остается въ живыхъ ни одного великаго живописца. Уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія замѣтенъ упадокъ, и по болѣе бѣдному стилю, и по недостатку воображенія, и по болѣе мелочной отдѣлкѣ, у Франца ван-Міэриса, Шалькена и другихъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Адріанъ ван-дер-Верфъ, своей холодной и изысканной живописью, своей погонею за миѳологіей и наготой, своимъ безжизненнымъ цвѣтомъ тѣлъ, своимъ безсильнымъ возвратомъ къ итальянскому стилю свидѣтельствуетъ, что голландцы забыли свой врожденный вкусъ и національное вдохновеніе. Послѣдователи его похожи на людей, которые и хотѣли бы что-нибудь сказать, да нечего. Воспитанные учителями или знаменитыми отцами, Петромъ ван-дер-Верфомъ, Филиппомъ ван-Дейкомъ и др., они повторяютъ, какъ автоматы, слышанную фразу. Талантъ удерживается еще у живописцевъ аксессуара и цвѣтовъ, Якова Витта, Рашели Рюшъ, въ небольшихъ жанровыхъ картинахъ, которыя требуютъ незначительнаго вымысла,—и сохраняется въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, подобно цѣпкому хворостнику на изсохшей землѣ, когда всѣ большія деревья кругомъ пропали. Спустя нѣсколько времени, живопись эта также умираетъ; и поле остается пустымъ.

ВОЗВЫШЕНІЕ МОНАРХІИ ВО ФРАНЦІИ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

V. ГЕНРИХЪ IV, ЕГО ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

(Изъ соч. Филиппсона: „Генрихъ IV". „Новый Плутархъ", изданіе Бакста).

До вступленія на престолъ Генрихъ IV дѣйствовалъ, какъ предводитель партіи и военачальникъ; теперь ему предстояло въ качествѣ правителя принять на себя заботу о благѣ государства, какъ одного нераздѣльнаго цѣлаго. Здѣсь начинается прекраснѣйшая и плодотворнѣйшая часть его дѣятельности. Но здѣсь же передъ нами—важный поворотный пунктъ французской исторіи вообще. До того времени Франція играла одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ государственной жизни Европы; но на званіе государства руководящаго она въ политическомъ отношеніи никогда не могла предъявлять притязаній. Еще въ послѣднемъ столѣтіи Испанія далеко превосходила ее могуществомъ и вліяніемъ. Теперь дѣло принимало иной оборотъ. Духъ французскаго народа, омраченный и обезсиленный религіозными войнами, быстро началъ крѣпнуть и свѣтлѣть, и такъ какъ на долю этого народа выпало счастіе получить въ руководители себѣ умнаго, рѣшительнаго и проницательнаго политика, то Франція скоро сдѣлалась первою державою въ Европѣ. Блистательное возвышеніе государства, пріобрѣтеніе имъ преобладанія на духовномъ, политическомъ, отчасти и нравственномъ поприщѣ, относится отнюдь не ко времени Людовика XIV или даже Ришелье, но уже къ царствованію Генриха IV, осторожно и искусно заложившаго фундаментъ того великаго зданія, которое возвели потомъ его преемники. Нравственныя качества Генриха IV большею частью превозносятся не по достоинству, тогда какъ громадныя услуги, оказанныя имъ внутреннему и внѣшнему преуспѣянію французскаго государства, оцѣниваются ниже, чѣмъ слѣдуетъ. Онъ былъ не столько „добрый" король, какимъ его хотѣли представить, сколько тонкій, хитрый и глубокомысленный политикъ, умный покровитель промышленности и торговли.

Все въ этомъ человѣкѣ дышало жизнью и дѣятельностью. Не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день посвящалъ онъ обыкновенно государственнымъ дѣламъ, но и въ это короткое время дѣлалось невѣроятно много.

Стоя или прохаживаясь по комнатѣ, выслушивалъ онъ доклады своихъ министровъ и, послѣ минутнаго соображенія, произносилъ рѣшеніе, въ которомъ, по большей части, нечего было измѣнять. Его свѣтлый умъ, способность быстро схватывать все правильное и цѣлесообразное, превосходная память и, въ добавокъ къ этому, познанія, которыми обладали его приближенные, возмѣщали собою то, чего недоставало ему относительно основательнаго образованія. Въ дѣлахъ внутренняго управленія, рѣшеніе которыхъ требуетъ спеціальныхъ свѣдѣній, Генрихъ слѣдовалъ большею частью указаніямъ своихъ совѣтниковъ, выбиравшихся имъ съ удивительнымъ умѣньемъ и получавшихъ общее направленіе исключительно отъ него. Напротивъ того, во внѣшней политикѣ онъ былъ самъ себѣ совѣтникъ; министры его являлись только простыми исполнителями, которымъ предоставлялась забота о подробностяхъ того или другаго плана. Все время, не занятое государственными дѣлами, король посвящалъ тѣлеснымъ упражненіямъ, безъ которыхъ онъ не могъ обойтись,— игрѣ въ мячъ, и особенно охотѣ. Шумныя увеселенія также очень нравились ему, но по отношенію лично къ себѣ онъ ненавидѣлъ пышность и церемонный этикетъ; простотою, даже бѣдностью отличалась его одежда, непринужденностью и привѣтливостью его обращеніе; откровенность и особенно остроуміе всегда находили у него хорошій пріемъ. Правда, что онъ легко поддавался дикому гнѣву, но эти вспышки такъ же легко и скоро проходили. Но ничто не было ему такъ чуждо, какъ злобная мстительность; это свойство онъ и въ другихъ ненавидѣлъ больше, чѣмъ что-либо. При этомъ, однако, онъ отличался рѣдкою неблагодарностью. Это согласовалось съ его политическимъ положеніемъ, которое побуждало его оставлять прежнихъ друзей, чтобы склонять на свою сторону противниковъ. Когда онъ хотѣлъ, то привѣтливость его становилась совершенно обаятельною; при этомъ онъ давалъ просторъ своей веселости, беззаботности и остроумію—свойствамъ, которыя всегда лежали въ его натурѣ и за которыми теперь онъ любилъ скрывать глубокіе и коварные замыслы.

Генрихъ IV былъ средняго роста, но плотнаго и крѣпкаго тѣлосложенія. Подъ высокимъ, широкимъ и округленнымъ лбомъ помѣщались небольшіе, но полные жизни глаза, свидѣтельствовавшіе о смѣлости и остроуміи, между тѣмъ какъ по глубокимъ морщинамъ на лбу и на худыхъ, сильно выдававшихся впередъ щекахъ, можно было заключить о присутствіи въ этомъ человѣкѣ тонкой хитрости и въ то же время сильной нервической раздражительности. Носъ былъ острый, орлиный; небольшой ротъ почти закрытъ былъ усами и бородой, посѣдѣвшими такъ же рано, какъ и волосы на головѣ. Вообще наружность некрасивая, но крайне привлекательная и интересная.

Своихъ сильныхъ чувственныхъ наклонностей Генрихъ никогда не старался преодолѣвать. Несчетно число его любовныхъ связей отъ самаго ранняго возраста до послѣднихъ дней жизни. Бракъ его съ Маргаритою Валуа мало стѣснялъ его въ этомъ отношеніи, такъ какъ его жена поступала точно такъ же. Въ 1599 г. папа, съ ихъ взаимнаго согласія, расторгнулъ этотъ бракъ. Въ то время прошло уже восемь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ королемъ овладѣла страсть къ Габріели д'Эстре, женщинѣ рѣдкой физической красоты и рѣдкой прелести въ обращеніи. Она хорошо сознавала свою власть надъ Генрихомъ и надѣялась по-

средствомъ ея достигнуть высшей степени величія. Возведенная въ санъ герцогини Бофорской, осыпанная громадными богатствами, она стала предъявлять требованія на королевскую корону, и весьма вѣроятно, что Генрихъ дѣйствительно женился бы на ней, если бы ея внезапная смерть не разрушила этихъ замысловъ.

Изумительно скоро утѣшился король въ этой потерѣ и согласился на бракъ съ Маріею Медичи, племянницею великаго герцога Тосканскаго. Марія была женщина съ правильными чертами лица, высокаго роста и очень хорошо образованная и развитая, но слишкомъ холодная и церемонная для Генриха, цѣнившаго въ женщинахъ выше всего подвижность и непринужденность. Впрочемъ, онъ не сталъ дожидаться ея прибытія во Францію (въ концѣ 1600 г.), чтобы выбрать ей соперницу въ лицѣ Генріеты д'Антрагъ, тутъ же возведенной въ санъ маркизы Вернельской. Однакожь, Генрихъ и послѣ втораго брака не только не разошелся съ маркизой, но въ то же время находился въ самыхъ интимныхъ связяхъ со множествомъ другихъ женщинъ. Въ этомъ отношеніи онъ производитъ на насъ крайне непріятное и прискорбное впечатлѣніе тѣмъ невѣроятнымъ отсутствіемъ чувства долга и самоуваженія, которымъ отличались его поступки во всѣхъ этихъ приключеніяхъ.

Касательно церкви, къ которой теперь принадлежалъ Генрихъ, онъ являлся очень ревностнымъ сыномъ ея; но именно то безпристрастіе, которое онъ обнаруживалъ здѣсь, заставляетъ насъ думать, что и къ новому вѣроисповѣданію онъ относился такъ же неискренно, какъ къ прежнему. Въ справедливости этого мнѣнія убѣждаетъ насъ фактъ, что въ то самое время, когда Генрихъ выказывалъ себя вѣрнымъ приверженцемъ папы и католицизма, онъ интимно говорилъ протестантскому ландграфу гессенскому, что въ сущности онъ преданъ реформатской религіи и передъ смертью надѣется еще снова перейти въ нее. Среди религіозной борьбы того времени какимъ-то непонятнымъ образомъ образовался небольшой кружокъ людей, которые, стоя выше богословскихъ распрей, пропагандировали терпимость и примиреніе. Генрихъ IV, наименѣе религіозный изъ всѣхъ этихъ людей, охотно приближалъ ихъ къ себѣ и защищалъ отъ всѣхъ преслѣдованій, не прекращавшихся ни съ католической, ни съ протестантской стороны. Двое изъ его министровъ— Сюлли и де-Френсъ, знаменитый филологъ Казобоніусъ, историографы де-Ту и Л'Этуаль, политико-экономъ Оливеръ де-Серръ принадлежали къ этому кружку.

Такой образъ мыслей короля былъ причиною, что въ области своей церковной политики онъ руководствовался отнюдь не догматическими соображеніями. На религіозныя партіи онъ смотрѣлъ, напротивъ того, какъ на политическія силы, которыя слѣдуетъ принимать въ разсчетъ и, на сколько возможно, подчинять государству такъ, чтобы оно могло извлекать изъ нихъ пользу.

Вслѣдствіе этого Генрихъ не хотѣлъ допустить дальнѣйшее существованіе политической организаціи гугенотовъ, ихъ республиканскаго правленія среди монархической Франціи, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ предоставлялъ имъ полную свободу. Задачу его составляло установленіе равноправности различныхъ вѣроисповѣданій въ государствѣ и подъ властью государства.

Нельзя однако, съ другой стороны, обвинять французскихъ проте-

стантовъ за то, что они признавали такой взглядъ несвоевременнымъ. Еще весьма недавно они были одолжены своимъ спасенiемъ исключительно своей крѣпкой политической организацiи и ни на минуту не ослабѣвавшей воинственности; кто же могъ поручиться имъ, что въ будущемъ, особенно послѣ смерти Генриха IV, они снова не попадутъ въ такое же положенiе? Это обстоятельство и было язвой, погубившей Нантскiй эдиктъ; Генрихъ IV и Ришелье хотѣли сравнять протестантовъ въ правахъ съ остальными подданными, но лишить ихъ политической самостоятельности; протестанты, въ свою очередь, желали во что бы то ни стало удержать за собою эту самостоятельность; вотъ почему, уже во время Генриха IV, обѣ стороны не могли придти къ мирному соглашенiю. Раздоръ между гугенотами и королемъ,—причемъ, однако, ни та, ни другая партiя не хотѣли полнаго разрыва,—непрерывно продолжался со дня обнародованiя Нантскáго эдикта до смерти Генриха.

Удачнѣе проводилъ король свои планы въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ могущественнымъ католическимъ духовенствомъ. Правда, здѣсь союзницею у него была сильная борьба въ средѣ самой церкви,—именно, партiя галликанская, стремившаяся къ возможно полнѣйшей независимости галликанской церкви отъ Рима и, вслѣдствiе этого, заключившая съ государствомъ самый тѣсный союзъ противъ ультрамонтанства.

Тутъ возникли вопросы, которые еще въ наше время волнуютъ мiръ. Большинство французскаго духовенства потребовало отъ короля двухъ вещей: возстановленiя избирательнаго права капитуловъ и обнародованiя постановленiй тридентскаго собора. Ни на то, ни на другое король не хотѣлъ согласиться. Декабрьскимъ конкордатомъ 1516 г. Левъ X предоставилъ французскому королю Франциску I право самому назначать всѣхъ аббатовъ и епископовъ въ своемъ государствѣ; эта мѣра поставила французскую церковь въ полную зависимость отъ королевской власти. Понятно, что большинство французскихъ прелатовъ ничего не желало такъ горячо, какъ прекращенiя этой зависимости возвращенiемъ права избранiя ихъ товарищей и преемниковъ церковнымъ и монастырскимъ капитуламъ. Но желанiе ихъ встрѣтило со стороны короля тѣмъ болѣе рѣшительный отказъ, что, какъ они сами должны были сознаться, онъ примѣнялъ къ дѣлу свое избирательное право только въ пользу почтенныхъ и ученыхъ личностей. Еще настойчивѣе и энергичнѣе выступили прелаты со вторымъ своимъ требованiемъ—обнародованiя постановленiй тридентскаго собора. Тутъ король очутился въ положенiи, не совсѣмъ благопрiятномъ въ томъ отношенiи, что это обнародованiе было положительно обѣщано имъ при примиренiи его съ папою. Но онъ въ то время сдѣлалъ оговорку: „Насколько это не будетъ грозить спокойствiю государства“, причемъ для исполненiя обѣщанiя не было постановлено никакого срока. Этими обстоятельствами воспользовался Генрихъ для того, чтобы не исполнить вышеупомянутаго требованiя и такимъ образомъ не дать во Францiи силы закона постановленiямъ, которыя были проникнуты такимъ ультрамонтанскимъ духомъ, такимъ узкимъ и исключительнымъ противодѣйствiемъ всякой уступкѣ въ жизни и въ дѣлѣ религiи и отъ которыхъ король опасался усиленiя папской власти и ослабленiя только-что стихнувшей борьбы между католиками и протестантами.

*

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Генрихъ выказывалъ строгое послушаніе постановленіямъ церкви. Онъ соблюдалъ даже всѣ церковные обряды. Вопреки оппозиціи парламента, онъ вернулъ во Францію изгнанныхъ изъ нея іезуитовъ и какъ этимъ послѣднимъ, такъ и остальнымъ монашескимъ орденамъ оказывалъ всевозможное покровительство. Папа находилъ въ немъ покорнаго и почтительнаго сына, потому что ему дѣйствительно не слѣдовало снова вызывать вражду со стороны римскаго престола и горячихъ католиковъ Франціи. Но въ вышеупомянутыхъ двухъ пунктахъ онъ оставался непоколебимо твердымъ, не смотря на всѣ епископскія и папскія увѣщанія; это были именно тѣ пункты, которыми гарантировалось подчиненіе французской церкви государственной власти.

Если Генрихъ отстаивалъ эту послѣднюю уже въ такой спорной сферѣ, то тѣмъ болѣе старался онъ сохранить ея неприкосновенность на чисто-политической почвѣ. Легкость, съ которою онъ простилъ своимъ врагамъ въ средѣ высшаго дворянства, въ судахъ первой инстанціи и въ городахъ, точно такъ же, какъ готовность, съ которою онъ купилъ подчиненіе этихъ людей самыми чувствительными жертвами съ своей стороны, окружили его ложнымъ видомъ добродушія, и онъ всячески старался удержать на себѣ эту маску. Но на самомъ дѣлѣ эти униженія глубоко огорчали короля, и съ той самой минуты, какъ онъ сдѣлался королемъ не только по имени, всѣ усилія его были направлены къ подавленію всѣхъ тѣхъ самостоятельныхъ силъ, которыя противодѣйствовали самодержавію королевской власти. Тутъ сильную помощь оказало ему настроеніе народа. Благодаря ужасамъ анархіи въ послѣднемъ десятилѣтіи, всѣ сословныя и демократическія стремленія исчезли. Масса отъ всей души желала возникновенія сильной монархіи, потому что, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, только въ такомъ образѣ правленія лежало ручательство за единство государства, его спокойствіе и безопасность внутри, его неприкосновенность и могущество извнѣ. Это была та же самая безусловная потребность въ мирѣ, которая такъ часто, послѣ великихъ переворотовъ, приводила народы во власть монархическаго абсолютизма. Опираясь на это сильное общественное мнѣніе, а равно и на испытанный роялизмъ низшаго и средняго дворянства Франціи, Генрихъ могъ предпринять борьбу противъ антироялистскихъ стремленій въ пользу королевскаго абсолютизма,—борьбу, которую онъ велъ постепенно, почти безъ всякаго внѣшняго насилія, но послѣдовательно и устойчиво. Вельможи были de facto устранены отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла, лишены всякой самостоятельности дѣйствія въ своихъ провинціяхъ, и званіе губернаторовъ провинцій сдѣлалось скоро простымъ титуломъ, вслѣдствіе назначенія къ нимъ надежныхъ вице-губернаторовъ и второстепенныхъ чиновниковъ. Безъ королевскаго дозволенія никто не имѣлъ права набирать войско или держать у себя огнестрѣльные снаряды. Даже низшее дворянство, какъ ни много былъ ему обязанъ Генрихъ, утратило то положеніе, которымъ пользовалось до тѣхъ поръ, и всѣ его наслѣдственныя привилегіи были уменьшены. Генрихъ былъ достаточно неблагодаренъ для того, чтобы употреблять казенныя деньги не на пенсіи своимъ дворянамъ, а на содержаніе маленькой, но надежной постоянной арміи, пріобрѣтеніе боевыхъ запасовъ и погашеніе государственнаго долга. Повидимому, у него совсѣмъ прошла охота опи-

раться, какъ онъ дѣлалъ это во время междоусобной войны, на мечи и мушкеты своевольнаго дворянства.

Не въ лучшемъ положенiи очутилась и безъ того уже глубоко упавшая муниципальная самостоятельность. Генрихъ допускалъ еще существованiе уцѣлѣвшихъ отъ нея остатковъ, но подъ двоякимъ условiемъ, чтобы она подчинялась государственному цѣлому и не причиняла никакихъ безпокойствъ лично королю. Онъ не только неусыпно и послѣдовательно контролировалъ городское управленiе, но кромѣ того, когда это казалось ему нужнымъ, безъ церемонiи нарушалъ самыя законныя права городовъ. Однимъ словомъ, онъ оставилъ покамѣстъ неприкосновенною тѣнь муниципальной свободы отчасти потому, что сущность этой послѣдней была разрушена уже прежде, отчасти вслѣдствiе того, что онъ самъ почти незамѣтно могъ со временемъ совсѣмъ уничтожить ее.

Если Генрихъ подавлялъ такимъ образомъ самостоятельность отдѣльныхъ личностей и сословiй въ своемъ государствѣ, то еще менѣе могъ онъ допустить оппозицiю своихъ подданныхъ, какъ одного цѣлаго, представителемъ котораго служили генеральные чины (Etats-Généraux). Тутъ на помощь ему пришло то обстоятельство, что послѣднее собранiе этихъ депутатовъ привело къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Вслѣдствiе этого король уже ни разу послѣ того не созывалъ ихъ. Правда, это обусловливалось образцовымъ управленiемъ финансами Францiи, которое давало Генриху возможность справляться съ государственными нуждами, не прибѣгая къ усиленнымъ притязанiямъ на податную силу народа. Такимъ путемъ Генрихъ IV, безъ всякаго насилiя, безъ огласки, положилъ конецъ тому могущественному народному представительству, которое предписывало законы его предшественникамъ. Даже въ безвредныхъ провинцiальныхъ собранiяхъ оно не могло проявить какое бы то ни было, противное королевскимъ желанiямъ, движенiе собственной воли безъ того, чтобы не вызвать сильнаго негодованiя и строгаго выговора со стороны государя.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что всѣ власти, пользовавшiяся до тѣхъ поръ независимостью и самостоятельностью, подчинились централизацiоннымъ стремленiямъ короля безъ всякаго сопротивленiя. Именно изъ среды его друзей-вельможъ, считавшихъ себя неблагодарно-обиженными, вышла самая сильная и отчасти не лишенная опасности оппозицiя.

Первымъ вельможею, начавшимъ собирать вокругъ себя всѣ недовольные королемъ элементы—аристократiю, ревностныхъ католиковъ, жителей главнѣйшихъ городовъ, даже протестантовъ, былъ лучшiй изъ генераловъ Генриха, маршалъ герцогъ Биронъ. Счастiе неоднократно улыбалось ему; съ внѣшнимъ врагомъ, Испанiею, онъ тоже заключилъ союзъ. Но король во-время открылъ эти происки и подавилъ ихъ съ своею обычною быстротою и рѣшительностью: Биронъ погибъ на эшафотѣ (1602). Южные города, отказывавшiеся платить налоги, были скоро приведены къ повиновенiю отчасти силою оружiя, отчасти облегченiемъ въ податяхъ. Не смутясь участью Бирона, графъ Овернскiй, незаконный родственникъ королевскаго дома, также вступилъ въ сношенiя съ Испанiею; заточенiе въ Бастилiи немедленно прекратило его дѣятельность. Возмущенiе протестантскихъ дворянъ въ южныхъ провинцiяхъ подъ предводительствомъ герцога Бульонскаго могло быть подавлено только кровавыми мѣрами. О многихъ незначительныхъ заговорахъ мы не упоминаемъ. Но

уже въ 1606 г. противники короля сознали безуспѣшность своихъ усилій, и сопротивленіе прекратилось. Строгія наказанія за недозволенное ношеніе оружія, строгое преслѣдованіе всѣхъ бродягъ и агитаторовъ, строгій контроль надъ нищими имѣли цѣлью сохранять спокойствіе и порядокъ, возстановить безопасность личную и имущественную.

Но упроченія внутренняго мира и всеобщаго подчиненія центральному правительству было недостаточно для Генриха; онъ сознавалъ необходимость приняться и за творческую дѣятельность для исцѣленія безчисленныхъ ранъ, исправленія громадныхъ поврежденій, нанесенныхъ Франціи междоусобною войною.

Здѣсь на первомъ планѣ стояло преобразованіе страшно разстроенныхъ финансовъ. Въ этой области Генриху, который вообще обладалъ искусствомъ пріискивать для своихъ приближенныхъ совершенно подходящія къ нимъ занятія, посчастливилось найти превосходнаго министра въ Максимиліанѣ Бетюнѣ, котораго онъ возвелъ въ санъ маркиза Росни, а затѣмъ герцога Сюлли. Съ 18-го столѣтія заслуги этого человѣка неоднократно превозносились не по достоинству, чему не мало способствовалъ онъ самъ изданіемъ своихъ хвастливыхъ и лживыхъ мемуаровъ. Сюлли вообще считаютъ душою всего управленія Генриха, благодѣтельнымъ геніемъ тогдашней Франціи. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе этого мнѣнія. Дѣйствительно, Сюлли обладалъ большими достоинствами: онъ былъ ловокъ, остороженъ, имѣлъ превосходныя познанія въ инженерной и артиллерійской наукѣ, ревностно заботился о пользѣ своего государя. Но при этомъ онъ отличался и многими недостатками,— надменностью, властолюбіемъ, жестокостью, корыстолюбіемъ, ограниченностью, которые дѣлали его совершенно неспособнымъ особенно для внѣшней политики, вслѣдствіе чего Генрихъ и не позволялъ ему вмѣшиваться въ эту отрасль. Даже относительно управленія внутренними дѣлами и финансами похвалы, столь щедро расточаемыя Сюлли, должны быть принимаемы съ ограниченіями. Онъ, какъ и почти всѣ знатные гугеноты, былъ хорошо образованъ, но преданъ рутинѣ, лишенъ всякихъ новыхъ и творческихъ мыслей. Аккуратнымъ и добросовѣстнымъ счетоводствомъ, постоянною оппозиціею требованіямъ придворныхъ и дворянъ, фаворитокъ и финансовыхъ чиновниковъ, онъ возстановилъ денежныя средства государства. Но существенныхъ преобразованій и упрощеній онъ не произвелъ и здѣсь; можно даже сказать, что лучшими его союзниками по преобразованію финансоваго управленія были плодородіе страны, исконная обработка ея почвы и двѣнадцать лѣтъ мира съ 1598 г. Къ промышленности ограниченный умъ Сюлли относился враждебно; насчетъ торговли онъ держался старыхъ запретительныхъ взглядовъ. Почти весь громадный прогрессъ, совершившійся въ царствованіе Генриха IV въ торговлѣ и промышленности Франціи, произошелъ вопреки желаніямъ Сюлли.

Главною сферою его дѣятельности были финансы, и въ управленіи ими онъ достигнулъ дѣйствительно значительныхъ результатовъ. Въ послѣдній годъ этого управленія онъ, при общемъ приходѣ въ 39 милліоновъ ливровъ, доставилъ чистый остатокъ въ 18 милл. ливровъ. Эти огромные перевѣсы прихода надъ расходомъ онъ употреблялъ двоякимъ образомъ: во-1-хъ, на основаніе государственнаго казначейства, въ которомъ послѣ смерти Генриха оказалось $41^{1}/_{3}$ милл. ливровъ, во-2-хъ, на

уменьшеніе государственнаго долга, который при немъ понизился на $124^1/_2$ милл. ливровъ. Безспорно, необыкновенный результатъ для двѣнадцатилѣтняго управленія. При этомъ нашли еще возможнымъ уменьшить прямые налоги на 4 милл. ливровъ.

А сколько важныхъ вещей было сдѣлано на деньги, составлявшія государственный приходъ. Мосты и проѣзжія дороги, почти повсюду разрушенные во время внутреннихъ войнъ, получили новое устройство на широкую ногу, чему, правда, содѣйствовали провинціи и города. Русло судоходныхъ рѣкъ очистили, между Сеною и Лоарою провели каналъ; наконецъ были сдѣланы предварительныя изысканія по устройству громадной сѣти каналовъ, которая должна была соединить между собою всѣ большія рѣки Франціи, а черезъ это и Сѣверное море, океанъ и Средиземное море.

Обширное поле дѣятельности представила королю область промышленности. Покровительствуя этой послѣдней, Генрихъ, кромѣ практическихъ матеріальныхъ цѣлей, имѣлъ въ виду и нравственныя: улучшеніе быта и нравовъ низшихъ классовъ посредствомъ труда, политическое успокоеніе ихъ, возвышеніе Франціи на ту степень, которую она имѣла право занимать между державами Европы, обогащеніе страны, которая ежегодно платила милліоны за иностранныя произведенія, тогда какъ вывозная торговля ея на первыхъ порахъ, въ 1598 г., была равна нулю. Но Генрихъ былъ слишкомъ благоразуменъ для того, чтобы этими спеціальными дѣлами распоряжаться исключительно по своему личному усмотрѣнію. Напротивъ того, онъ образовалъ изъ значительнѣйшихъ промышленниковъ и купцовъ верховный торговый совѣтъ, мнѣніями котораго онъ руководился и предсѣдателемъ котораго назначилъ превосходнаго человѣка Лаффема̀.

Дѣло началось съ оживленія туземной промышленности освобожденіемъ мелкихъ ремесленниковъ отъ крайне отяготительныхъ стѣсненій, лежавшихъ на нихъ, и отъ множества формальностей и расходовъ, сопряженныхъ съ полученіемъ свидѣтельства на званіе мастера. Вслѣдъ за тѣмъ стали привлекать изъ-за границы фабрикантовъ и художниковъ: изъ Италіи—для стеклянныхъ, золотыхъ и серебряныхъ работъ, изъ Фландріи—для тканья ковровъ. Какое значеніе придавалъ Генрихъ промышленности, и какъ далекъ былъ онъ отъ ложнаго высокомѣрія, видно изъ того, что нижній этажъ всего великолѣпнаго Луврскаго дворца онъ хотѣлъ предоставить въ безвозмездное распоряженіе лучшимъ ремесленникамъ для выставки и продажи ихъ произведеній. Но предметомъ особенной заботливости короля было производство шелковыхъ матерій. Онъ завелъ въ своихъ собственныхъ садахъ большія шелковичныя плантаціи и такъ ревностно поддерживалъ эту полезную отрасль промышленности, что она распространилась по большей части даже сѣверной Франціи. Обработкѣ этого сыраго матеріала государство содѣйствовало монополіями, ссудами, денежными подарками, предоставленіемъ привилегій предпринимателямъ и рабочимъ. Не говоря уже о Ліонѣ, шелковое и парчевое производство процвѣтало въ большихъ размѣрахъ въ Парижѣ, Руанѣ, Труа, Турѣ. Дошло до того, что между тѣмъ какъ въ прежнее время Франція ввозила ежегодно на шесть милл. ливровъ шелка, оплачивавшагося пошлиной, не считая контрабанды, теперь она почти удовлетворяла свои потребности въ этомъ матеріалѣ туземнымъ производ-

ствомъ. Поддерживаемый прилежнымъ, умнымъ и искуснымъ народомъ, Генрихъ IV въ нѣсколько лѣтъ достигнулъ громадныхъ результатовъ.

Но король былъ не настолько одностороненъ, чтобы отдавать исключительное предпочтеніе промышленности. Онъ основалъ образцовыя фермы для обученія поселянъ. Главную же услугу оказалъ онъ земледѣлію тѣмъ, что, не походя въ этомъ случаѣ на всѣхъ почти правителей того времени, не хотѣлъ, изъ-за ложной заботливости о дешевизнѣ хлѣба, стѣснять продажу пшеницы оффиціальными тарифами и запрещеніемъ вывоза этого продукта за границу. Напротивъ того, опередивъ въ политико-экономическомъ отношеніи свой вѣкъ больше чѣмъ на столѣтіе, онъ предоставилъ этой отрасли торговли полную свободу. Вслѣдствіе этого она приняла такіе неожиданно-обширные размѣры, что Франція получила возможность не только съ избыткомъ покрывать туземнымъ хлѣбомъ собственную потребность, но и снабжать въ огромномъ количествѣ Испанію пшеницею, а Италію рогатымъ скотомъ.

Торговые договоры, съ трудомъ достигнутые употребленіемъ всего вліянія Франціи, обезпечили французскихъ купцовъ и корабли отъ притѣсненій таможенныхъ чиновниковъ и грабительства корсаровъ. Съ большимъ рвеніемъ устремились французскіе негоціанты и производители на открывшіеся для нихъ теперь новые пути. Аміень сдѣлался главнымъ вывознымъ пунктомъ для сѣвера; на западѣ процвѣтали гавани Руанъ, Гавръ, Дьеппъ, Брестъ, Сенъ-Мало, Ла-Рошель, Бордо, Байонна; на востокѣ находился важнѣйшій вывозной пунктъ, снабженный большими пошлинными привилегіями — Ліонъ; на югѣ же дѣйствовалъ Марсель, торговля котораго была значительнѣе венеціанской и ежегодный чистый доходъ котораго исчисляли въ 200 милліоновъ франковъ. Главными предметами вывоза были въ то время, кромѣ хлѣба и скота, соль, полотно, бумага, оружіе, орудія, машины и тонкія сукна.

Если Франція относительно выпускной торговли не слѣдовала примѣру тогдашнихъ государствъ, напримѣръ Испаніи, которая нелѣпыми запретительными мѣрами, принимавшимися въ видахъ удешевленія товаровъ, губила земледѣліе и промышленность, то и въ другомъ отношеніи Генрихъ опередилъ своихъ современниковъ настолько, что отнюдь не считалъ несчастіемъ для государства ввозъ иноземныхъ произведеній, т. е. стоялъ на той точкѣ зрѣнія, до которой, какъ извѣстно, не могли возвыситься и многіе государственные люди Франціи нашего времени. Привозные товары въ царствованіе Генриха были обложены умѣренными пошлинами.

Въ новѣйшее время принципъ свободной торговли восторжествовалъ до такой степени, что европейскія государства допускаютъ сношеніе всѣхъ націй даже съ своими внѣ-европейскими колоніями. Англіи, напримѣръ, никакъ не вздумается запереть гавань Мельбурна или Бомбея для нѣмецкихъ, сѣверо-американскихъ и французскихъ судовъ. Въ началѣ XVII столѣтія дѣло шло иначе. Метрополіи того времени смотрѣли на колоніи, какъ на частную собственность, которая не должна быть доступна никакому чужеземцу и которую слѣдуетъ эксплоатировать только для себя. Поэтому для каждаго изъ наиболѣе значительныхъ торговыхъ государствъ вопросъ о пріобрѣтеніи колоній въ чужихъ странахъ былъ однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ. Вся западная Европа усердно старалась вступить и съ своей стороны на проложенный испанцами и португаль-

цами путь открытій и завоеваній въ Азіи и Америкѣ. Англичане и голландцы успѣли уже достигнуть въ этомъ дѣлѣ блестящихъ результатовъ. Французы, подстрекаемые своею смѣлою отвагою, жаждою обогащенія и національнымъ духомъ, тоже стремились подражать примѣру этихъ народовъ, и Генрихъ IV оказывалъ этому движенію всевозможное содѣйствіе. Его неутомимымъ усиліямъ главнымъ образомъ Франція была обязана тѣмъ, что послѣ многихъ неудавшихся попытокъ Шампленъ совершилъ колонизацію Канады; этотъ замѣчательный человѣкъ въ 1608 г. заложилъ Квебекъ въ самомъ благопріятномъ мѣстоположеніи и тепломъ климатѣ, вслѣдствіе чего поселенцы скоро стали стекаться сюда въ большомъ количествѣ. Это были все хорошіе работники, выборъ которыхъ производился съ большою осмотрительностью,—отнюдь не тунеядцы и искатели приключеній, какими изобиловали, къ страшному вреду своему, испанскія колоніи. Эти французскіе колонисты отличались еще тѣмъ, что вступали съ туземцами въ дружескія, гуманныя отношенія и не обращали ихъ въ рабство, какъ это дѣлали испанцы, а равно не истребляли ихъ подобно англичанамъ.

Такимъ образомъ творческая дѣятельность Генриха IV представляется намъ всестороннею. Онъ покровительствуетъ земледѣлію, онъ оживляетъ для внутренней торговли сухопутные и водные способы сообщенія, а для внѣшней—свободные рынки, онъ основываетъ колонизацію, которой было суждено въ теченіе ближайшихъ полутораста лѣтъ распространиться по значительной части сѣвероамериканскаго материка. Спокойствіе, порядокъ и безопасность господствовали во всемъ государствѣ подъ защитою сильной монархической власти. Неудивительно, что подъ такимъ мудрымъ и энергическимъ руководствомъ такой здоровый и дѣятельный народъ, какимъ были тогдашніе французы, развился самымъ блистательнымъ образомъ. Во время междоусобныхъ войнъ населеніе Франціи уменьшилось съ двѣнадцати милліоновъ на десять; за двѣнадцать лѣтъ мирнаго царствованія Генриха оно снова возрасло до тринадцати милліоновъ. Значительный перевѣсъ выпускной торговли надъ привозною мало-по-малу поднялъ народное благосостояніе на высокую степень.

Заботливость Генриха IV простиралась не только на матеріальное процвѣтаніе государства: онъ ревностно покровительствовалъ также искусству и наукѣ. Правда, что въ отношеніи къ первому примѣръ этого короля послужилъ яснымъ доказательствомъ, какую незначительную пользу можетъ въ сущности принести меценатство тамъ, гдѣ нѣтъ внутреннихъ условій процвѣтанія. Генрихъ устроилъ въ самомъ Парижѣ великолѣпныя площади и улицы; эти послѣднія въ настоящее время, въ вѣкъ бульваровъ, представляются, конечно, маленькими переулками, но въ ту пору онѣ своею прямолинейностью и относительною шириною вызывали изумленіе современниковъ. Онъ былъ виновникомъ постройки большой ратуши въ Парижѣ. Онъ довелъ фасадъ Тюльерійскаго дворца до Сены; онъ началъ сооруженіе соединительной галлереи между Лувромъ и Тюльери. Великолѣпные дворцы въ окрестностяхъ Парижа были возстановлены имъ, размѣры замка въ Фонтенебло удвоены. Разрушенныя во время междоусобныхъ войнъ церкви явились снова въ прежнемъ своемъ видѣ. Однимъ словомъ, не было такой архитектурной задачи, которую онъ не задавалъ бы тогдашнимъ строителямъ. Но эти послѣдніе были далеко неспособны удовлетворять этимъ высокимъ требованіямъ. Массивными,

плотными, громадными сооруженіями старались замѣнять истинно полезныя и художественныя идеи, мало-по-малу совсѣмъ исчезнувшія. Ложная простота и черезчуръ аляповатая громадность вытѣснили тонкое и богатое изящество французской архитектуры XVI столѣтія. Строительное искусство все болѣе и болѣе клонилось къ упадку, и архитекторы старались грубою массивностью производить тотъ эффектъ, на который была уже неспособна безплодная фантазія художника.

Ваяніе служило предметомъ такого же ревностнаго, хотя почти столько же безплоднаго покровительства короля. Дворцы свои онъ украсилъ множествомъ статуй, которыя, однако, лишены художественнаго достоинства. Въ скульптурномъ искусствѣ начало уже пріобрѣтать право гражданства то болѣе рисовальное, имѣвшее исключительно въ виду безсильную и бездушную граціозность, направленіе, которое впослѣдствіи, въ вѣкъ Людовика XIV, дошло до высшей степени развитія. Лучшими произведеніями ваятелей царствованія Генриха IV были бюсты.

Почти такимъ же упадкомъ отличалась и живопись. Напрасно Генрихъ старался покровительствовать ей всѣми силами, напрасно посылалъ онъ въ Италію на свой собственный счетъ молодыхъ французскихъ художниковъ. Свѣжее, здоровое творчество періода возрожденія исчезло; мѣсто его заступилъ прилежный, но въ сущности педантическій эклектизмъ. Все подчинялось вліянію ученой, технически-виртуозной школы Караччи въ Болоньѣ. Никто не станетъ оспаривать въ ней чистоты и правильности рисунка, но никто въ то же время не найдетъ въ ней того размаха, той восторженной горячности, которыя однѣ способны создать нѣчто великое. Посредственность царитъ въ многочисленныхъ картинахъ, которыми Генрихъ украсилъ свои галлереи въ Луврѣ и Тюльери.

То же самое увидимъ мы и въ поэзіи того времени. Несомнѣнно, что должна была существовать какая-нибудь особенно глубокая причина для того, чтобы искусство и литература народа, духъ котораго былъ въ то время еще такъ богатъ, такъ разнообразно развитъ, шли такимъ одностороннимъ и фальшивымъ путемъ.

Какъ ни полезно было для Франціи въ данную минуту установленіе королевскаго абсолютизма, но оно могло совершиться не иначе, какъ черезъ умерщвленіе весьма значительной доли самостоятельности и независимости общества. Однообразіе и централизаціонный духъ, которые этотъ абсолютизмъ наложилъ на политическія и гражданскія учрежденія, не могъ не распространиться на весь образъ мыслей и чувствъ націи. Все, что до тѣхъ поръ было свободно и непринужденно, заключилось въ опредѣленныя, прочныя рамки, благодаря регулированію закона и чиновничьему надзору; вмѣстѣ съ тѣмъ, во французскомъ народномъ характерѣ быстро установилось направленіе, имѣвшее своею задачею точное систематизированіе и исключительную правильность. Въ добавокъ къ этому, Генрихъ IV былъ чуждъ всякой мечтательности, всякаго идеализма, и сухая разсудительность, явившаяся примѣромъ свыше, тѣмъ глубже могла проникнуть во всѣ слои націи, что, съ одной стороны, борьба за нравственные принципы еще весьма недавно навлекла на страну страшныя бѣдствія, а съ другой—быстро возросшее въ царствованіе Генриха IV матеріальное благосостояніе заставило всѣхъ обратить исключительное вниманіе на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ. Послѣ большихъ потрясеній вниманіе общества всегда отвращается отъ высшихъ и общихъ

предметовъ и переходитъ на тѣ, которые могутъ доставить особыя личныя выгоды.

Направленіе, которому Франція слѣдовала въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ руководствомъ королевскаго абсолютизма и которому она обязана какъ своимъ блистательнымъ величіемъ, такъ и своими пороками и слабостями, есть созданіе именно Генриха IV, или по крайней мѣрѣ его вліянію одолжено оно своимъ существованіемъ. Матеріальное благосостояніе и нравственный упадокъ буржуазіи, высшее развитіе формы и стѣсненіе духа, энергія въ управленіи и централизаціонное подавленіе всякой самостоятельности, блескъ двора и безнравственность, все это является уже въ царствованіе Генриха. То же самое мы сейчасъ увидимъ и въ области внѣшней политики, въ утвержденіи перевѣса Франціи надъ другими державами посредствомъ войны съ Австрійскимъ домомъ и подстрекательства слабѣйшихъ противъ сильнѣйшихъ.

Предметомъ особенной заботливости Генриха IV было обученіе юношества и особенно улучшеніе парижскаго университета, пришедшаго во время лиги въ совершенный упадокъ. Какъ только Парижъ очутился во власти Генриха, онъ образовалъ коммисію для преобразованія этого знаменитаго учрежденія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ прелатовъ того времени, Рейнальда Бона, архіепископа буржскаго. Затѣмъ, преимущественно въ видахъ содѣйствія разработкѣ филологіи, онъ возстановилъ основанный Францискомъ I Collège Royal,—теперешній Collège de France,—и назначеніемъ большихъ жалованій, а также приглашеніями, привлекъ сюда многихъ знаменитыхъ ученыхъ Франціи и других государствъ. Внезапная смерть воспрепятствовала осуществленію его намѣренія еще болѣе расширить это заведеніе. Точно также парижская національная библіотека, въ настоящее время самая большая въ мірѣ, обязана своимъ существованіемъ Генриху, такъ какъ во время междоусобныхъ войнъ она была почти совершенно разрушена. Возстановленіе и пополненіе ея король поручилъ знаменитому исторіографу и президенту парламента, Николаю де-Ту, человѣку, отличавшемуся столько же честностью и благоразуміемъ, сколько ученостью. Впослѣдствіи Генрихъ отдалъ это учрежденіе въ управленіе Казобоніуса, перваго филолога своего времени.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи наукъ въ царствованіе Генриха IV. Ограничимся замѣчаніемъ, что, благодаря покровительству короля, а еще болѣе вліянію того критическаго духа, который, возникнувъ въ половинѣ XVI ст., получилъ быстрое и сильное развитіе и навсегда положилъ конецъ темной, мистической вѣрѣ среднихъ вѣковъ въ сказки и авторитеты,—эта научная дѣятельность привела къ утѣшительнымъ результатамъ въ весьма многихъ сферахъ знанія. Не только въ исторіи и филологіи, но и въ философіи, естественныхъ наукахъ и медицинѣ французы сдѣлали значительные успѣхи.

Какъ ни старательно заботился Генрихъ о внутреннемъ управленіи государства, объ улучшеніи матеріальнаго и духовнаго положенія своего народа, но главнымъ образомъ вниманіе его было все-таки обращено на внѣшнюю политику. Если мы захотимъ открыть руководящую мысль, отъ которой Генрихъ ни на шагъ не отступалъ въ этой области своей дѣятельности, то безъ труда увидимъ, что она состояла въ стремленіи ослабить Австрійскій домъ и поставить на его мѣсто, въ качествѣ ру-

ководящей державы, Францію. Не легко было вырвать у Габсбургской династіи суприматію, которою она пользовалась уже цѣлое столѣтіе. Одна отрасль этой фамиліи была украшена германскою императорскою короною, обладатель которой, по теоріи, все еще считался первымъ государемъ христіанскаго міра и могъ, въ случаѣ надобности, вполнѣ разсчитывать на сильную поддержку отъ всей имперіи. Кромѣ того, значительныя владѣнія нѣмецкаго Габсбургскаго дома составляли Австрія, Богемія съ Силезіею, Моравіею и страною Лужичанъ, Тироль, Каринтія, Венгрія съ сосѣдними странами,—насколько онѣ не подпали владычеству турокъ,—Эльзасъ и Брейсгау. Но все это казалось ничтожнымъ въ сравненіи съ громадными землями, принадлежавшими двоюродному брату нѣмецкихъ Габсбурговъ—испанскому королю. Кромѣ Пиренейскаго полуострова, подъ скипетромъ преемниковъ Карла V находились южные Нидерланды, Франшъ-Конте, герцогство Миланское, королевство обѣихъ Сицилій, безконечныя мѣстности въ трехъ другихъ частяхъ свѣта, однимъ словомъ, государство, далеко превосходившее объемомъ Римскую имперію въ пору ея величайшаго могущества. Золото и серебро Мексики и Перу и не менѣе драгоцѣнныя пряности Малайскаго Архипелага обогащали казну католическихъ королей.

Съ перваго взгляда казалось невозможнымъ, чтобы такое государство, какъ Франція, занимавшее въ то время едва 8,000 кв. миль, съ населеніемъ, не превосходившимъ 12 милліоновъ, могло выступить противникомъ этихъ соединенныхъ державъ. Но существовало много обстоятельствъ, которыя пришли въ этой борьбѣ на помощь Франціи, или, вѣрнѣе говоря, ослабили ея противниковъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ было ханжество, религіозный фанатизмъ Габсбурговъ. Никому этотъ послѣдній не отомстилъ такъ сильно, какъ этой династіи. Благодаря ему, она встрѣтила не только въ цѣлой половинѣ Германской имперіи, но и въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ сильную оппозицію, имѣвшую цѣлью защиту протестантскаго вѣроисповѣданія отъ безпрерывныхъ преслѣдованій императоровъ этого дома. Преслѣдованія эти, отличавшіяся крайнею жестокостью, понудили сѣверныя Нидерланды къ отпаденію отъ Испаніи и къ упорной войнѣ, которая погубила лучшія силы государства Филиппа II. Они же заставили англичанъ сдѣлаться союзниками Франціи, которую Англія ненавидѣла, но которая одна могла защитить ее отъ религіозной вражды Испаніи. Къ этому присоединилось еще негодованіе, возбуждавшееся повсюду корыстолюбивою, коварною и въ то же время мелочною и шаткою политикою испанскихъ Габсбурговъ, которая, прикрываясь по большей части маскою религіи, имѣла главнымъ образомъ въ виду порабощеніе менѣе значительныхъ сосѣдей. Вслѣдствіе того большинство еще оставшихся независимыми итальянскихъ государствъ было во всякое время готово примкнуть къ одной изъ державъ, враждебныхъ Габсбургскому дому. Наконецъ—и это обстоятельство совсѣмъ не маловажное—огромныя владѣнія Габсбурговъ состояли изъ земель, совершенно чуждыхъ между собою по своей исторіи, по языку, происхожденію и обычаямъ, отчасти отдѣленныхъ одна отъ другой большими разстояніями и не питавшихъ ни малѣйшаго сочувствія ни другъ къ другу, ни ко всему государству въ его общемъ составѣ. Къ этимъ общимъ причинамъ присоединились еще и случайныя. Нѣмецкіе Габсбурги отличались именно въ это время самою тупою неспособностью и, нахо-

дясь въ ожесточенной враждѣ съ турками точно такъ же, какъ съ нѣмецкими, богемскими и австрійскими протестантами, не могли оказать рѣшительно никакой помощи своимъ испанскимъ родственникамъ. Эти послѣдніе были также крайне ослаблены сорокалѣтней войною сперва съ одними голландцами, а потомъ со всею западною Европой. Филиппъ II обманулъ своихъ кредиторовъ неслыханнымъ банкротствомъ; но, не смотря на это, онъ оставилъ еще 100 милліоновъ червонцевъ долгу съ неоплатными процентами. Сокровища Америки стекались въ испанскую казну только для того, чтобы переходить въ карманы иноземныхъ кредиторовъ. Испанская нація, одичавшая отъ странствій по Америкѣ и безпрерывныхъ войнъ и отупѣвшая отъ ханжества, стала быстро нищать и уменьшаться въ числѣ. Невыносимая тираннія кастильцевъ сдѣлалась ненавистною для всѣхъ остальныхъ провинцій. Въ добавокъ ко всему этому на испанскомъ престолѣ сидѣлъ теперь жалкій идіотъ, Филиппъ III, а его всемогущій министръ Лерма превосходилъ своего государя только злостью.

При такихъ обстоятельствахъ, Франція съ своимъ единодушнымъ, полнымъ самосознанія и патріотизма, умнымъ народомъ, и имѣя во главѣ мудраго, проницательнаго и высокодаровитаго въ военномъ отношеніи государя, могла рискнуть вступить въ борьбу съ испанскою силою. Но Генрихъ IV отнюдь не желалъ теперь же подвергнуть опасностямъ и тягостямъ войны себя и свое государство, только-что начинавшее оправляться отъ послѣдствій внутреннихъ междоусобій. Поэтому его система состояла на первыхъ порахъ въ томъ, чтобы сколько возможно во всемъ противодѣйствовать Габсбургамъ и пріобрѣтать имъ какъ можно больше враговъ, самому же покамѣстъ избѣгать большой войны съ Испаніею и императоромъ. Въ ту минуту, какъ тотъ или другой вопросъ усложненъ и поставленъ имъ такъ, что Испанія или императоръ не могутъ выпутаться изъ него безъ большихъ затрудненій, Генрихъ предоставляетъ дѣло его собственной судьбѣ, а самъ отстраняется, какъ будто онъ тутъ ни при чемъ. Безъ всякихъ колебаній совѣсти, но съ удивительною ловкостью и устойчивостью протягиваетъ онъ нити своей политики во всѣ стороны. Въ Германіи, Англіи, на Востокѣ—всюду подготовлялъ онъ австрійскому дому большія непріятности и возстановлялъ противъ него его враговъ, которые черезъ это становились его собственными друзьями, при чемъ однако нисколько не эксплуатировалъ средствъ Франціи для этихъ цѣлей. Нужно, впрочемъ, сознаться, что Испанія сама отлично помогала Генриху своимъ образомъ дѣйствій—высокомѣріемъ, притѣсненіемъ и оскорбленіемъ слабѣйшихъ, но въ то же время малодушною трусливостью въ рѣшительную минуту. Только въ 1609 году, когда Генрихъ хорошо населилъ и обогатилъ свою страну, когда его арсеналы и крѣпости были поставлены на надлежащую ногу, когда его собственныя усилія и промахи его противниковъ доставили ему большое число союзниковъ,—только тогда политика его приняла опредѣленно-воинственное направленіе.

Военная система, которой слѣдовалъ французскій король, какъ нельзя лучше соотвѣтствовала цѣлямъ этой медленно-подготовительной и неустанно подвигавшейся впередъ политики, точно такъ же, какъ и положенію государства. Главнѣйшіе пункты этой системы были: возможно меньшее число наличнаго войска съ полнѣйшею возможностью немедлен-

наго усиленія и мобилизаціи его въ случаѣ нужды, уничтоженіе въ арміи феодальнаго характера, который въ послѣднее время снова распространился въ крайне многочисленной кавалеріи, наконецъ, введеніе въ армію исключительно національнаго элемента. Наличный составъ заключался всего въ восьми пѣхотныхъ полкахъ и въ гвардіи, образованной изъ тяжелой и легкой конницы. Только при такомъ незначительномъ количествѣ, составлявшемъ вмѣстѣ съ обозомъ и прислугой не больше 20 т. человѣкъ, король имѣлъ возможность привести свои финансы въ то цвѣтущее положеніе, о которомъ мы говорили выше.

Тѣмъ усерднѣе наполнялъ онъ арсеналы всевозможнымъ оружіемъ и запасами, такъ что Франція въ этомъ отношеніи была безспорно первымъ государствомъ въ Европѣ. Весною 1610 г. болѣе 70 т. человѣкъ были поставлены подъ ружье въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Изъ одного парижскаго арсенала можно было за одинъ разъ вывезти 32 запряженныхъ орудія со всѣми принадлежностями,—количество громадное, если сообразить, что въ сраженіяхъ того времени обыкновенно употреблялось шесть, семь, никакъ не больше двадцати орудій. Пѣхота, за исключеніемъ небольшаго отряда, была вся очищена отъ чужеземнаго элемента, который преобладалъ въ ней со времени подозрительнаго тиранна, Людовика XI. По количеству она сдѣлалась главнѣйшею частью арміи. Кавалерія приняла совершенно иной характеръ съ удаленіемъ волонтеровъ—дворянъ и замѣщеніемъ ихъ постоянными и хорошо дисциплинированными наемными солдатами. Благодаря такой организаціи, французская армія пріобрѣла большее значеніе и сдѣлалась опорою какъ для усиленія монархіи внутри государства, такъ и для возвышенія политическаго могущества Франціи и авторитета ея въ международныхъ сношеніяхъ, какъ это и обнаружилось скоро во время тридцатилѣтней войны, когда Ришелье, слѣдуя политикѣ Генриха IV, воспользовался религіозно-политическою борьбою въ Германіи для униженія Габсбургской монархіи и для возвышенія монархіи Бурбоновъ.

VI. ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНРИХА IV.

(Изъ соч. Ранке: „Französicshe Geschichte im Zeitalter der Reformation“).

Генрихъ IV былъ воинъ по призванію. Кромѣ большихъ сраженій, прославившихъ его имя, насчитываютъ около двухсотъ менѣе значительныхъ битвъ, въ которыхъ онъ принималъ личное участіе. Отъ всѣхъ военачальниковъ Генрихъ отличался двумя качествами: постоянною веселостью, сообщавшеюся всѣмъ его офицерамъ и солдатамъ, и быстрою сообразительностью, съ которою онъ угадывалъ движенія, численность, даже настроеніе непріятеля. Александръ Пармскій сравнивалъ его съ орломъ, говоря, что, подобно этой птицѣ, онъ издалека усматривалъ свою добычу и съ безошибочною быстротою устремлялся на нее. Другіе удивлялись особому искусству давать боевому построенію своего войска сообразную каждому положенію форму, и выставляли на видъ такую храбрость его въ битвѣ, которая увлекала за нимъ всѣхъ окружавшихъ его. Но чуть дѣло оканчивалось, онъ не хотѣлъ больше и слышать о немъ. Когда ему принесли мечъ, которымъ его рука работала при Иври и на кото-

ромъ еще не совсѣмъ высохла кровь, онъ съ ужасомъ отвернулся отъ этого свидѣтеля дѣятельности, обусловливавшейся въ немъ призваніемъ и необходимостью. Послѣ убіенія Генриха III ему посовѣтовали учредить орденъ „мщенія", и очень можетъ быть, что этимъ онъ навсегда привлекъ бы на свою сторону личныхъ приверженцевъ умерщвленнаго; но Генрихъ IV энергически отвергнулъ этотъ совѣтъ: для его натуры не могло быть ничего отвратительнѣе мщенія. Онъ ненавидѣлъ бывшія въ то время въ большомъ ходу измѣнническія козни однихъ противъ другихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, зло никогда не могло породить добро. За то съ какимъ удовольствіемъ слушалъ онъ разсказы о счастливыхъ послѣдствіяхъ королевскихъ амнистій, особенно добраго стараго времени, которое въ ту пору было въ памяти у каждаго. Генрихъ сочувствовалъ только такой войнѣ, которая велась за доброе дѣло, и ея окончательной цѣли—миру.

Когда ему удалось, наконецъ, одержать побѣду и если не примирить, то все-таки успокоить враждующія партіи, онъ заявилъ непремѣнное желаніе свое, чтобы взаимные упреки въ совершенныхъ во время лиги промахахъ и проступкахъ навсегда прекратились. Прошедшее должно было остаться дѣйствительно прошедшимъ.

Самъ онъ ни на минуту не поколебался призвать къ высшимъ государственнымъ должностямъ людей, нѣкогда служившихъ лигѣ, какъ напримѣръ, Вильруа. Этотъ министръ обнаруживалъ и теперь пристрастіе къ строго-церковнымъ идеямъ, онъ оставался другомъ и покровителемъ іезуитовъ, но при этомъ для каждаго было совершенно ясно, что интересы своего государя онъ принималъ къ сердцу ближе, чѣмъ всякіе другіе. Онъ обладалъ большимъ дипломатическимъ тактомъ, который былъ результатомъ долговременной опытности, и руководилъ мнѣніемъ большинства членовъ совѣта.

Подобно всѣмъ воинамъ, Генрихъ IV любилъ сознаваться, что онъ, какъ выросшій среди оружія, мало понималъ въ гражданскихъ и дипломатическихъ дѣлахъ, но папа Климентъ VII совѣтовалъ своимъ нунціямъ не вѣрить ему и доказывалъ, что король смыслитъ во всемъ этомъ гораздо больше, чѣмъ можно было судить по его словамъ. Хорошій совѣтъ Генрихъ всегда выслушивалъ съ удовольствіемъ. Иногда онъ совѣщался съ людьми, совсѣмъ не бывшими въ числѣ его приближенныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, лишь бы только онъ былъ увѣренъ въ ихъ умѣ и благоразуміи. Всѣ порученія свои король давалъ съ довѣрчивостью, которая располагала къ нему сердца, и не раскаявался въ этомъ, потому что въ тѣхъ, которые допускаются къ совѣщаніямъ о высшихъ государственныхъ дѣлахъ, всѣ рѣзкія воззрѣнія партіи и даже личные интересы отступаютъ на заднііі планъ передъ точками зрѣнія верховной власти. При томъ же, за Генрихомъ оставалось право окончательнаго рѣшенія. Онъ и въ этомъ случаѣ обнаруживалъ проницательность, которою отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Впрочемъ, развѣ все его управленіе государствомъ не было своего рода военными операціями? Со всѣхъ сторонъ былъ онъ окруженъ врагами; издалека еще замѣчали его глаза, чего ему слѣдовало бояться и на что надѣяться; не успѣвалъ еще кто-нибудь высказать свою мысль, какъ онъ уже схватывалъ ее; никакая интимность не усыпляла въ немъ вѣчно бодрствовавшей подозрительности. Кто хотѣлъ пріобрѣсть его

расположеніе, тому слѣдовало, прежде всего, дѣйствовать съ нимъ прямо и искренно.

При выборѣ своихъ служащихъ, онъ обращалъ вниманіе не на знатное происхожденіе, какъ это обыкновенно дѣлается при дворахъ, ни на красоту и привлекательную внѣшность, которыми особенно дорожили его современники Генрихъ III и Іаковъ I, ни на преобладаніе тѣхъ или другихъ политическихъ или религіозныхъ мнѣній, ни даже на особенный умъ,—но только на преданность ему и годность къ дѣлу; такъ, напримѣръ, однажды онъ опредѣлилъ къ себѣ въ службу человѣка только за то, что тотъ строилъ себѣ домъ сообразно своему общественному положенію.

Онъ любилъ немногихъ, не ненавидѣлъ никого и смѣялся надъ всѣми. Для того, чтобы привязывать къ себѣ людей, онъ платилъ деньги и потомъ самъ же острилъ по поводу этой продажности. Врожденная насмѣшливость уже въ молодости пріобрѣтала ему многихъ враговъ; но въ то время, благодаря также врожденной добротѣ, онъ умѣлъ снова привлекать на свою сторону оскорбленныхъ. Иное дѣло было теперь, когда личное неудовольствіе соединялось въ немъ съ властью давать его почувствовать въ сильной степени. Притомъ, однажды произнесенное слово летитъ на крыльяхъ. Внѣшнія отношенія къ другимъ державамъ также неоднократно страдали отъ колкихъ замѣчаній французскаго короля на счетъ щекотливыхъ сосѣдей.

Генрихъ родился съ самыми простыми наклонностями. Волынку и свирѣль онъ предпочиталъ артистической музыкѣ; водить компанію съ простымъ народомъ для него составляло истинное удовольствіе. Какъ въ былое время ему приходилось не разъ въ походѣ сидѣть среди простыхъ солдатъ и дѣлить ихъ черный хлѣбъ, такъ теперь любилъ онъ, соблюдая всевозможное инкогнито, смѣшиваться съ толпою на переправахъ черезъ рѣки, въ шинкахъ, куда заводили его странствія на охотѣ, при чемъ онъ заводилъ разговоры и выслушивалъ иногда вещи, которыхъ ему пріятнѣе было бы не слышать. Появлялся онъ также на ярмаркахъ и рынкахъ и самъ дѣлалъ разныя покупки; при этомъ онъ давалъ самыя низкія цѣны, вдвое, втрое меньше того, что запрашивали съ него, и всѣ говорили, что тотъ, кто продавалъ что-нибудь королю, ничего не заработывалъ на этомъ. Страсть послѣднихъ членовъ дома Валуа-Медичи блистать щедростью была чужда Генриху; напротивъ того, онъ зналъ, что его упрекали въ скупости, и смѣялся надъ этимъ.

Но его привлекали въ то же время дворъ и придворныя наслажденія. Изъ мемуаровъ Бассомпьера видно, какъ король и его приближенные старались пользоваться жизнью, какую цѣну придавали они веселому препровожденію времени и хорошей компаніи, какъ дни и ночи посвящались у нихъ удовольствіямъ. Вкусный и сытный столъ Генрихъ предпочиталъ черному хлѣбу, такъ же какъ и вся остальная знать; воздержность и правильный образъ жизни не входили въ число его достоинствъ; за усталостью на охотѣ слѣдовали у него всегда увеселенія и игры. Онъ сердился на своего министра финансовъ, когда тотъ затруднялся уплачивать проигранныя имъ деньги; „всю мою жизнь,—говорилъ король въ этихъ случаяхъ министру,—я испытывалъ столько непріятностей, что мнѣ совсѣмъ не грѣшно желать провести часокъ-другой безмятежно и весело“.

Сюлли неоднократно напоминалъ ему, что вѣдь онъ поставилъ цѣлью своей дѣятельности сдерживаніе самовластія вельможъ, сокрушеніе надменности испанцевъ,—что если онъ желаетъ быть дѣйствительно великимъ королемъ, то долженъ воздерживаться отъ всякой расточительности. Генрихъ отвѣчалъ: „стоитъ ли отказываться отъ настоящихъ и вѣрныхъ наслажденій для будущихъ и гадательныхъ благъ!" Не смотря на это соображеніе, онъ, однако, въ концѣ концовъ послушался увѣщаній своего непоколебимаго друга.

Точно также дю-Плесси однажды замѣтилъ ему, что онъ совсѣмъ погрязъ бы въ мотовствѣ и распутствѣ, еслибъ не существовало войны, напоминавшей ему объ его истинныхъ обязанностяхъ.

Одному человѣку, желавшему написать исторію его царствованія, онъ хвалился тѣмъ, что у него за ночами кутежа слѣдовали дни жаркихъ битвъ, и наоборотъ, потому что лукъ нельзя держать постоянно натянутымъ.

Не разъ переставалъ онъ играть со своими дѣтьми для того, чтобы немедленно приступить къ слушанію доклада о какомъ-нибудь весьма важномъ дѣлѣ, потому что, по его словамъ, онъ умѣлъ быть ребенкомъ среди играющихъ дѣтей и мудрымъ человѣкомъ между мудрыми. Передъ французскимъ королемъ никто не дерзалъ стоять съ прикрытой головой, между тѣмъ какъ это дозволялъ даже надменный государь Испаніи: Генрихъ IV умѣлъ проявлять такое величіе, передъ которымъ трепетали даже самые могущественные; но черезъ минуту послѣ того онъ становился на равную ногу съ послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ.

Стоило только взглянуть на него, чтобы тотчасъ же бросилось въ глаза противорѣчіе между сѣдыми или, вѣрнѣе, бѣлыми волосами, преждевременно покрывшими его черепъ и виски, и энергическими чертами лица, мужественною осанкою его. Сѣдину вызвали тѣ треволненія и бури, которыя стали обрушиваться на него съ самыхъ молодыхъ лѣтъ; энергичность и мужественность наружности свидѣтельствовали о цвѣтущемъ здоровьи, укрѣпленномъ лагерною жизнью и охотой. Лучшимъ средствомъ избавиться отъ подагры, иногда мучившей его, онъ считалъ усиленную физическую дѣятельность и при этомъ доводилъ до крайней усталости всѣхъ сопровождавшихъ его. Это было олицетвореніе жизненной силы и страсти къ житейскимъ наслажденіямъ, не лишенныхъ цинизма, обыкновеннаго спутника той и другой; внѣшнее величіе Генрихъ въ обыкновенныхъ пріятельскихъ сношеніяхъ откладывалъ въ сторону. Въ дипломатическихъ переговорахъ онъ также не стѣснялся никакими средствами; нисколько не скрывалъ онъ, что измѣнявшіяся обстоятельства заставляли его измѣнять и свои рѣшенія („la necessité qui est la lois du tems me fait ores dire une chose, ores l'autre"); кому приходилось вести съ нимъ такіе переговоры, тотъ долженъ былъ держать ухо востро. При всей врожденной простотѣ своей натуры, онъ могъ перехитрить самыхъ искусныхъ дипломатовъ. Онъ умѣлъ быть интимнымъ и привлекательнымъ, но въ то же время относиться презрительно и оскорбительно; злая насмѣшливость соединялась въ немъ съ добродушіемъ; должно признать однако, что рѣзкость составляла только внѣшнюю сторону его характера и обрушивалась только на нѣкоторыхъ, въ душѣ же это была натура вполнѣ добрая и благосклонная относительно всѣхъ.

Но если нѣкоторыя черты его личности дѣлали его похожимъ на дру-

гихъ, то въ сущности его личность рѣзко выдѣлялась изъ окружающей среды сознаніемъ своего положенія и призванія,—сознаніемъ, котораго онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду. Удовольствія и текущія занятія никогда не затемняли въ немъ представленія объ его миссіи, рисовавшейся въ его умѣ самыми крупными чертами. Весь свой умъ, всю бдительность и искусство, всю энергію посвящалъ онъ на осуществленіе монархической идеи.

Вся власть въ государствѣ, конечно, исходила отъ короля,—съ этимъ никто не спорилъ; но чуть онъ предоставлялъ ее кому-нибудь, отнять ее уже нельзя было; облеченныя ею корпораціи и отдѣльныя личности чувствовали себя самостоятельными; эти элементы, ихъ развитіе и борьба уже и въ прежнее время служили главными поводами къ безпорядкамъ и смутамъ, и сознаніе силы до сихъ поръ не перестало шевелиться въ нихъ; для того, чтобы сдерживать это движеніе въ надлежащихъ предѣлахъ, требовалась безпрерывная неусыпная бдительность.

Что касается до религіозныхъ убѣжденій Генриха, то, кажется, слѣдуетъ признать, что онъ никогда собственно не переставалъ быть протестантомъ. Бывали даже минуты, когда онъ былъ убѣжденъ, что переходомъ въ католицизмъ онъ совершилъ нехорошее дѣло, даже грѣхъ противъ Св. Духа. Въ этомъ онъ сознался однажды, во время тяжкой болѣзни, Обинье; у нихъ происходилъ по этому поводу длинный разговоръ, въ которомъ Генрихъ по временамъ падалъ на колѣни и молился. Въ виду многихъ свидѣтельствъ объ его католическомъ образѣ мыслей, весьма страннымъ представляется сдѣланное имъ однажды ландграфу Гессенскому другое признаніе, что онъ намѣревался передъ смертью еще разъ открыто заявить свою преданность протестантскому вѣроисповѣданію.

Благодаря тому, что въ ранней молодости онъ былъ отданъ матерью учителю-протестанту, а отцомъ почти въ то же время—учителю-католику, вслѣдствіе того, что онъ долго ходилъ въ католическую церковь, а еще дольше—въ протестантскую, въ немъ образовалось сочувствіе къ обѣимъ партіямъ, высказывавшееся въ покровительствѣ то одной изъ нихъ, то другой.

И въ католической, и въ протестантской партіи были люди съ умѣренными взглядами, которые, твердо держась особенностей своего вѣроисповѣданія, тѣмъ не менѣе питали мысль о возможности взаимнаго соединенія. Какъ распространено было это воззрѣніе и между менѣе значительными людьми, стоявшими на сторонѣ католицизма, можно видѣть изъ дневника Этуаля. Въ протестантской партіи эту надежду имѣли нѣкоторые знаменитые ученые, которые, будучи глубоко тронуты евангелическими доктринами, не одобряли, однако, всего порожденнаго въ школахъ духомъ пренія и ревниво охранявшагося имъ. Мы не можемъ утверждать, что Генрихъ IV составилъ себѣ на этотъ счетъ опредѣленныя воззрѣнія и принципы, что у него существовалъ въ этомъ отношеніи твердо установившійся планъ; но онъ давалъ время отъ времени понимать, что у него было еще въ виду полное преобразованіе церкви на основаніяхъ примиренія обоихъ вѣроисповѣданій. Каузабоніусъ, въ своемъ предисловіи къ переводу Полибія, считающемся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ предисловій того столѣтія, указывалъ королю на такое преобразованіе, какъ на конечную цѣль его дѣятельности. Онъ говорилъ, что когда король возстановитъ миръ, когда онъ водворитъ гражданское

согласіе среди самыхъ необузданныхъ умовъ, тогда останется ему совершить еще величайшее, богоугоднѣйшее дѣло—дѣло другаго, всеобщаго умиротворенія, котораго глубоко жаждутъ всѣ благонамѣренные люди; правда, это до послѣдней степени трудно, но вѣдь отъ Генриха IV можно ожидать осуществленія и самой трудной задачи.

Но не слѣдовало ли опасаться, что такое предпріятіе снова повлечетъ за собою тотъ разгаръ страстей, отъ котораго Франція пострадала уже такъ сильно? И король покамѣстъ не далъ ему ходу. Безотлагательно-необходимымъ онъ считалъ на первыхъ порахъ приняться за уничтоженіе слѣдовъ насилій прежняго времени, которые все еще оставались замѣтными повсюду.

VII. РЕГЕНТСТВО МАРІИ МЕДИЧИ.

(Изъ соч. Лавалле: „Histoire des Français", III-me volume).

Генрихъ IV оставилъ послѣ своей смерти трехъ дочерей и трехъ сыновей, изъ которыхъ старшему, Людовику XIII, было только 9 лѣтъ. При такомъ положеніи, ни на одинъ день невозможно было оставить королевство безъ главы; это повлекло бы за собою всевозможные безпорядки, которые проявились бы и раньше, еслибъ могучая рука Генриха IV не сдерживала давно уже бродившее волненіе. Министры уговорили королеву завладѣть регентствомъ; всѣ ей помогали въ этомъ дѣлѣ (1610 г.). Герцогъ д'Эпернонъ и другіе вельможи собрали войско, разставили его на площадяхъ, окружили имъ ратушу и дворецъ; дворянство, парламентъ, буржуазія—всѣ рѣшились поддерживать порядокъ; духовенство—и католическое, и кальвинистское—увѣщевало народъ не нарушать спокойствія. Быстро собрался парламентъ и, по настоянію герцога д'Эпернонъ, уже нѣсколько часовъ спустя послѣ смерти Генриха IV, объявилъ: „королевѣ, матери короля, быть регентшей Франціи съ неограниченной властью и управлять королевствомъ во время малолѣтства короля, ея сына". Это объявленіе было большимъ злоупотребленіемъ власти со стороны парламента, но сила обстоятельствъ, отсутствіе государственной власти, наконецъ, желаніе народа вынудили парламентъ къ такому образу дѣйствій. Съ этихъ поръ парламентъ, гордясь той политической ролью, которую его заставили разыграть, стремился сдѣлаться представителемъ націи, опекуномъ короля и охранителемъ королевства.

На время регентства былъ учрежденъ совѣтъ, состоявшій изъ герцоговъ д'Эпернонъ, Гиза и Майенна и духовниковъ покойнаго короля; но рядомъ съ этимъ оффиціальнымъ совѣтомъ составился другой, тайный, изъ Кончини, Костона, духовника Генриха IV, и испанскаго посланника. Намѣреніе регентши оставить политическую систему своего супруга стало очевидно. Правительство, во главѣ котораго стояли женщина и ребенокъ, не могло, конечно, отважиться на выполненіе обширныхъ замысловъ Генриха IV противъ Австріи, оставивъ безъ наблюденія вельможъ и гугенотовъ, сдерживать которыхъ стоило столько труда даже этому геніальному королю. Нельзя было и думать о войнѣ съ Европою; надобно было удовольствоваться мирною жизнію. Королева была убѣждена, что, отстранивъ внѣшнюю войну, ей будетъ нетрудно держать въ повиновеніи прин-

цевъ крови и гугенотовъ. Вотъ почему и предоставили нынѣ великому герцогу Тосканскому и Максимиліану Баварскому мириться по своему благоусмотрѣнію съ Испаніей. Альпійская армія была распущена, и герцогъ Савойскій, испуганный отказомъ Франціи содѣйствовать ему, послалъ сына своего къ Филиппу III умолять его о пощадѣ. Но нельзя было такъ внезапно покинуть всѣхъ союзниковъ; особенно съ Нидерландами и германскими принцами слѣдовало поступать осторожно. Поэтому послали 12-ти-тысячное войско изъ Шампаньи на помощь Нидерландамъ противъ Австріи. Итакъ война, начатая Генрихомъ IV, была отложена, и именно въ то время, когда Австрійскій домъ находился въ большой опасности. Герцогъ Баварскій возсталъ противъ несчастнаго императора Рудольфа; братъ его Матѳій принудилъ его уступить ему Баварію; анархія господствовала во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ. Тщетно умоляли Марію Медичи выполнить предначертанія Генриха IV; она объявила, что не будетъ вмѣшиваться въ дѣла Германіи до тѣхъ поръ, пока католическій король не станетъ подстрекать къ возмущенію партіи недовольныхъ въ ея королевствѣ. Между тѣмъ Филиппъ III, довольный, что буря, угрожавшая его дому, разсѣялась, началъ переговоры съ регентшей, обѣщалъ ей денегъ и войско для утвержденія ея авторитета и уговаривалъ ее не довѣрять совѣтникамъ ея мужа. Затѣмъ былъ заключенъ тайный договоръ, по которому Людовикъ XIII долженъ былъ жениться на Аннѣ Австрійской, а сестра его, Елизавета, выйти замужъ за сына Филиппа III.

Душою этой новой политики былъ Кончини. Онъ пользовался самою близкою дружбою королевы и былъ произведенъ ею въ маркизы, назначенъ губернаторомъ Амьена, Перонна, Діэппа и наконецъ маршаломъ Франціи. Вильруа и Жаненъ, прежніе руководители лиги, одобряли эту склонность королевы, но Сюлли негодовалъ при видѣ авантюриста, осыпаемаго милостями и управляющаго королевствомъ; онъ протестовалъ противъ антинаціональной политики совѣта и противъ расточенія придворными казны, собранной имъ съ такимъ трудомъ. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя еще большее негодованіе всѣхъ тѣхъ, которые уже ненавидѣли его за гордость и завидовали его богатству. Онъ былъ вынужденъ отказаться отъ завѣдыванія финансами, управленіе которыми перешло въ руки Жанена. Уже съ первыхъ дней регентства волненіе между протестантами было очень сильно. Они назначили въ Сомюрѣ многочисленное собраніе, которое очень встревожило регентшу. По внушенію герцога Рогана, который готовъ былъ рисковать всѣмъ, даже жизнію, для учрежденія республики, въ этомъ собраніи былъ возобновленъ проэктъ общаго союза и раздѣленія протестантской Франціи на департаменты; составленъ протестъ противъ удаленія Сюлли и союза съ Испаніей. Отъ королевы требовали распространенія кальвинистскаго богослуженія, новыхъ крѣпостей, школъ, разрѣшенія собраній, жалованья для духовенства. Правительство, утвердившее уже Нантскій эдиктъ, отвѣчало на эти требованія любезностями передъ гугенотскими вельможами, значительнымъ вознагражденіемъ Сюлли взамѣнъ покинутыхъ имъ должностей, и отправленіемъ коммисаровъ въ провинціи для выполненія эдикта. Спокойствіе было возстановлено, чему содѣйствовало, впрочемъ, не одно умѣнье правительства, но и благоразуміе гугенотовъ, изъ которыхъ большинство говорило, что имѣетъ для себя достаточно свободы совѣсти и не хочетъ покидать женъ и дѣтей для удовлетворенія желаній нѣкоторыхъ мятежниковъ.

Народъ, который въ предшествовавшій вѣкъ покидалъ и дома, и занятія свои для защиты вѣры, жаждалъ теперь только мира и порядка, но дворянство, привыкшее въ теченіе 50 лѣтъ къ жизни авантюристовъ, желало только смутъ и войны. Смерть Генриха IV была для него какъ-бы освобожденіемъ отъ тяжелаго гнета. „Время королей прошло, говорили дворяне: — настало время вельможъ и принцевъ; теперь намъ нужно только заявить себя". Прежде знать вела болѣе благородную борьбу изъ-за религіозныхъ интересовъ, теперь же ограничивалась мелочными возмущеніями изъ-за мѣстъ и денегъ. Она стремилась къ власти не ради ея самой, но ради выгоды, которую она представляла. Она не стыдилась никакихъ барышей. По соглашенію съ откупщиками казенныхъ сборовъ, уступавшихъ имъ часть доходовъ, знатные вельможи назначали незаконные и обременительные налоги; мало того, они воровали повсюду, гдѣ могли, обогащались на счетъ содержанія гарнизоновъ и тѣхъ укрѣпленныхъ городовъ, управленіе которыми было имъ поручено; они выпрашивали себѣ денежныхъ суммъ на счетъ государственнаго казначейства, удвоенія жалованья, уплаты долговъ; съ жадностью домогались они отличія при дворѣ, потому что оно имъ приносило денежную выгоду, и наслѣдственной передачи должностей до третьяго поколѣнія. Но всѣхъ этихъ денегъ было все-таки недостаточно: онѣ быстро расходовались; помѣстья, которыя давали вельможѣ XIII столѣтія средства жить подобно королю, не удовлетворяли теперь потребностямъ наименѣе знатнаго изъ придворныхъ Маріи Медичи. Всякій вельможа желалъ быть окруженнымъ въ своемъ домѣ пышностью, дворянами, пажами; носили платье, стоившее 14,000 экю, давали балы и маскарады, разорялись и для пополненія своего кошелька не находили другаго средства, кромѣ междоусобной войны. Воспоминаніе о милліонахъ, розданныхъ Генрихомъ IV всѣмъ вельможамъ лиги, возбуждало теперь самыя безумныя надежды; если отъ такого короля можно было получить столь значительныя суммы, то на сколько больше можно было ожидать отъ женщины, стоявшей во главѣ управленія. Вотъ каково было главное побужденіе всѣхъ волненій, тревожившихъ Францію въ продолженіе 40 лѣтъ; то были желанія и нерѣдко смѣшныя волненія, доказывавшія, что аристократія достигла послѣдней степени упадка. Во время долгой борьбы своей противъ королевской власти она боролась при Людовикѣ XI за дѣйствительно феодальную независимость, при Карлѣ IX—за политическую и религіозную независимость, а при Людовикѣ XIII она борется уже только изъ-за денегъ, выгодныхъ должностей, королевскихъ милостей; поэтому она и не находитъ уже союзниковъ, и королевская власть совершенно увѣрена въ своей побѣдѣ надъ нею.

По смерти Генриха IV дворянство исполняло свою новую роль съ полнымъ успѣхомъ: такъ какъ регентша дрожала за свою власть, а Кончини желалъ, чтобы ему простили накопленные имъ чины и богатства, то они и раздавали казну государственную всѣмъ умѣвшимъ постоять за себя. Принцъ Конде, возвратившійся ко двору, заявилъ сильное неудовольствіе при назначеніи регентства; но „онъ заявлялъ свое негодованіе только для того, чтобы заставить заплатить себѣ подороже". Затѣмъ онъ оставался покоенъ только до тѣхъ поръ, пока ему и его друзьямъ щедро выдавали деньги; но когда казна опустѣла, онъ сталъ жаловаться на дѣйствія правительства, на проэктированный союзъ съ Испаніей, на

наперсничество Кончини. Всѣ недовольные собрались вокругъ него, и въ продолженіе четырехъ лѣтъ дворъ только и занимался жалкими и пустыми интригами. „То было тяжелое время; даже самые умные изъ вельможъ употребляли всѣ свои способности для возбужденія раздоровъ, а министры старались болѣе о поддержаніи этихъ раздоровъ, чѣмъ о благѣ королевства". Наконецъ принцъ удалился отъ двора, сопровождаемый герцогами Лонгевильскимъ, Вандомскимъ, Бульонскимъ, Неверскимъ, „чтобы не участвовать въ злоупотребленіяхъ, совершаемыхъ руководителями государственныхъ дѣлъ". Онъ отправился въ Седанъ, просилъ помощи у губернаторовъ провинцій и издалъ манифестъ, въ которомъ жаловался, что принцы и вельможи не призываются къ участію въ совѣтѣ, что народъ обремененъ налогами, что интересъ націи приносится въ жертву неполитическому браку; въ заключеніе онъ требовалъ созванія государственныхъ чиновъ.

Это возмущеніе возбудило всеобщій ужасъ, хотя всѣмъ и было извѣстно, что конечная цѣль принцевъ—однѣ деньги. Боясь междоусобной войны, никто не тронулся. Вмѣсто того, чтобы подавить возстаніе силою, Кончини вступилъ въ переговоры съ мятежниками и заключилъ съ ними договоръ въ Ст.-Менегольдѣ (15 мая 1614 г.); всѣмъ этимъ жаднымъ вельможамъ дали денегъ, пенсіи, мѣста и даже 450,000 ливровъ для покрытія расходовъ по ихъ возстанію; имъ обѣщали собрать государственные чины и не заключать браковъ безъ ихъ согласія и т. д. Все пошло опять по прежнему; но вельможи, ободренные столь легкою побѣдою, вскорѣ возобновили кампанію противъ временщика. Конде продолжалъ свои жалкія интриги, а королева, желая придать больше авторитета своей власти, объявила короля совершеннолѣтнимъ и созвала государственные чины въ Парижѣ.

Въ этомъ собраніи было 464 депутата: 140 отъ духовенства, 132 отъ дворянства, 192 отъ средняго сословія. Въ числѣ членовъ былъ и епископъ Люсонскій, Арманъ дю-Плесси-де-Ришелье. Въ то время это былъ бѣдный, смиренный молодой человѣкъ 29-ти лѣтъ; но замѣчательный умъ его обратилъ на него уже всеобщее вниманіе.

Эти государственные чины, въ послѣдній разъ созванные въ монархической Франціи, доказали болѣе чѣмъ когда-либо всю непопулярность этого учрежденія. Несогласія между тремя сословіями, поддерживаемыя дворомъ, еще болѣе усилили волненія въ королевствѣ. Дворянство требовало должностей, духовенство—объявленія постановленій тридентскаго собора, третье сословіе — уменьшенія пенсій и налоговъ. Окончательно рѣшить не могли ни одного вопроса, даже финансоваго; министры упорно отказывались сообщить о состояніи прихода и расхода. Что же касается брачнаго союза съ Испаніей, то онъ, послѣ долгаго упрашиванія, былъ наконецъ одобренъ. Собраніе, не имѣя возможности произвести религіозную реформу, углубилось въ религіозныя пренія, которыя въ то время возбуждали всеобщій горячій интересъ. Третье сословіе, состоявшее преимущественно изъ противниковъ ультрамонтанскихъ доктринъ, желало изданія основнаго закона, „по которому никакая власть земная не имѣла бы права ни лишать посвященныхъ королей ихъ достоинство, ни освобождать ихъ подданныхъ отъ присяги въ вѣрности". Это было нападеніе на прежнее мнѣніе лиги, увѣрявшей, что неповиновеніе еретическому королю и даже казнь его, какъ тиранна, вполнѣ законны. Но

хотя духовенство и заявило себя противъ цареубійства и признало полную независимость короля въ дѣлахъ свѣтскихъ, тѣмъ не менѣе оно утверждало, что король, отказывающійся отъ католической религіи, можетъ быть низведенъ съ престола папою за нарушеніе перваго и основнаго закона королевства, т. е. соблюденія католической религіи; выполнить же приговоръ обязана нація. Этого же мнѣнія держалось и дворянство. Кардиналъ Дюпернонъ развивалъ это очень краснорѣчиво. Но парламентъ, считавшій себя политическимъ учрежденіемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ установилъ регентство, вмѣшался въ пренія и издалъ рѣшеніе въ пользу мнѣнія третьяго сословія. Королевскій совѣтъ испугался этихъ раздоровъ, которые взволновали всѣ умы; онъ перенесъ это дѣло въ свой судъ и заставилъ замолчать третье сословіе и парламентъ.

Одинъ замѣчательный эпизодъ, происшедшій во время споровъ этого собранія, свидѣтельствуетъ, что дворянство, потерявъ свое вліяніе и нравственную силу, сохранило всю свою спѣсь въ отношеніи народа. Когда одинъ ораторъ изъ средняго сословія обратился къ вельможамъ со словами: „Обращайтесь съ нами, какъ съ младшими братьями, и мы будемъ васъ уважать и любить", то предводитель дворянства пожаловался королю на такое оскорбленіе. „Третье сословіе, говорилъ онъ,— стоящее на послѣдней ступени общественной лѣстницы, забываетъ всякое почтеніе къ намъ, сравнивая себя съ нами. Мнѣ стыдно повторять его слова, оскорбившія насъ; оно сравниваетъ ваше государство съ семействомъ, состоящимъ изъ трехъ братьевъ; по его словамъ, духовенство — старшій братъ, мы — средній, а оно — младшій. До какого жалкаго положенія дошли мы, если эти слова справедливы! Неужели столько заслугъ, оказанныхъ съ незапамятныхъ временъ, столько почестей и чиновъ, по наслѣдству перешедшихъ къ дворянству, вмѣсто того, чтобы возвысить его, унизили его до того, что оно находится связаннымъ съ чернью самыми тѣсными общественными узами — братствомъ! Образумьте ихъ, государь, и заставьте ихъ понять, что мы, и различіе между нами и ними". „Различіе это то же, что между слугою и бариномъ", говорили еще раньше этого дворяне.

Собраніе разошлось (24 марта 1615 г.) послѣ данныхъ ему обѣщаній реформъ. Казалось, парламентъ хотѣлъ теперь забрать въ свои руки политическую власть, которою собраніе государственныхъ чиновъ не умѣло воспользоваться. Онъ издалъ указъ, сзывавшій принцевъ и перовъ на обсужденіе „предложеній относительно королевской службы, облегченія подданныхъ и блага государства". Регентша запретила давать ходъ этому указу. Но парламентъ, побуждаемый принцами, сдѣлалъ королю очень смѣлыя представленія; онъ утверждалъ, что „замѣняетъ совѣтъ бароновъ, существовавшій въ древнія времена при особахъ королей"; онъ критиковалъ все управленіе, требовалъ поддержки союзовъ Генриха IV, сокращенія пенсій съ 4.400,000 на 1.800,000 ливровъ, уничтоженія преемственности правъ и охраненія свободы галликанской церкви; кромѣ того, неприкосновенности рѣшеній парламента, т. е. онъ хотѣлъ запретить совѣту отмѣнять его".

Эти требованія возбудили въ королевѣ сильное негодованіе. „Франція, сказала она,—монархическое государство, и король обязанъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Богу". Рѣшеніемъ совѣта эти представленія были отмѣнены, но парламентъ, въ свою очередь, отказался

занести это рѣшеніе въ свои протоколы. Борьба началась. Конде покинулъ дворъ, сопровождаемый большою свитою вельможъ; онъ объявилъ, что вернется только тогда, когда совѣтъ будетъ преобразованъ и представленія парламента будутъ приняты. Тогда члены парламента, уже наученные прежнимъ образомъ дѣйствія лиги, поняли, къ чему клонилось дѣло, и что они служили только орудіемъ для замысловъ честолюбцевъ; они отступили, извинились и упросили королеву принять ихъ представленія.

Между тѣмъ настало время для заключенія проэктированныхъ браковъ; дворъ долженъ былъ отправиться въ Байонну за испанской инфантой и отвезти туда принцессу Елизавету. Конде и его приверженцы издали манифестъ, въ которомъ они обвиняли королеву въ предпочтеніи испанскихъ интересовъ французскимъ и въ разореніи королевства изъ любви къ недостойнымъ фаворитамъ. Они набрали войско въ сѣверныхъ и южныхъ провинціяхъ и возбудили гугенотовъ къ возстанію. Королева объявила этихъ вельможъ виновными въ оскорбленіи величества, собрала армію и отправилась къ Пиренеямъ. Войско Конде слѣдовало за нею, но не осмѣливалось вступить въ бой. Дворъ прибылъ въ Бордо, и бракъ молодаго короля съ Анной Австрійской былъ заключенъ (18 октября 1615 г.).

Между тѣмъ гугеноты взялись за оружіе и вступили въ союзъ съ вельможами. Возстаніе грозило принять обширные размѣры. Тогда между принцами и дворомъ начались переговоры, которые и привели къ договору въ Луденѣ, по которому королева-мать назначала Конде пять укрѣпленныхъ городовъ, а его приверженцамъ новыя должности; она, кромѣ того, обѣщала обратить вниманіе на представленія государственныхъ чиновъ и парламента и назначала шесть милліоновъ на раздачу между мятежниками. Епископъ Люсонскій, пользовавшійся покровительствомъ Маріи Медичи, былъ произведенъ въ члены совѣта. „Вскорѣ уже послѣ своего вступленія въ совѣтъ,—говоритъ Фонтенэ-Марель,— онъ заявилъ свои обширныя способности и сталъ на столько необходимъ королевѣ-матери и маршалу д'Анкръ, что они не могли болѣе обходиться безъ него".

Конде сталъ теперь во главѣ управленія: онъ раздавалъ своимъ друзьямъ мѣста, провинціи, деньги; партія его стала столь самонадѣянна, что завела рѣчь о возведеніи его на престолъ. Кончини долженъ былъ ежедневно переносить оскорбленія; наконецъ, опасаясь за свою жизнь, онъ удалился въ Нормандію; но, по совѣту Ришелье, онъ изъ своего уединенія убѣдилъ королеву нанести рѣшительный ударъ. Конде былъ арестованъ въ Луврѣ и отправленъ въ Бастилію. Герцоги Майенскій, Бульонскій, Лонгевильскій, Вандомскій, во-время предупрежденные, бѣжали изъ Парижа. Ихъ приверженцы старались возмутить весь городъ; чернь ограбила дворецъ д'Анкра; но буржуазія остановила безпорядокъ, и спокойствіе было возстановлено. Кончини возвратился ко двору и снова овладѣлъ управленіемъ. Онъ окружилъ себя стражей, укрѣпилъ свои нормандскіе города, смѣнилъ губернаторовъ самыхъ важныхъ крѣпостей, раздавалъ должности по своему благоусмотрѣнію, не щадилъ никого и навлекъ на себя всеобщую ненависть своею роскошью, лихоимствомъ и наглостью. Наконецъ, набравъ въ Германіи войско въ 6,000 ч. пѣхоты и 800 кавалеріи, онъ предложилъ его королю для уничтоженія

его враговъ. Принцы возобновили свою лигу; они набирали налоги и солдатъ, переписывались съ иноземными государями, требовали освобожденія Конде и выполненія договора, заключеннаго въ Луденѣ. Они старались вовлечь Людовика XIII въ свое предпріятіе заявленіемъ, что „они взялись за оружіе для спасенія жизни короля, подвергающейся опасности отъ иностранца“.

На ихъ приготовленія и объявленія отвѣчали энергичными мѣрами, въ которыхъ уже замѣтно было ученіе Ришелье. Совѣтъ и парламентъ объявили ихъ бунтовщиками, виновными въ оскорбленіи короля, лишенными имущества и чиновъ; три арміи были посланы въ Пикардію и Шампань для преслѣдованія принцевъ; Суасонъ, гдѣ они искали убѣжища, былъ осажденъ.

Людовику XIII было тогда 16 лѣтъ. Не интересуясь ни ученіемъ, ни государственными дѣлами, ни удовольствіями, онъ до этого времени оставался чуждымъ управленію и проводилъ время въ пустыхъ забавахъ съ молодежью, которою онъ былъ окруженъ. Онъ отличался пасмурнымъ, подозрительнымъ и скрытнымъ характеромъ. Матери своей онъ не любилъ: ему казалось, что она навсегда желаетъ сохранить опеку надъ нимъ, и поэтому онъ не довѣрялъ ни одному изъ ея совѣтниковъ, особенно же маршалу д'Анкру. Недовѣріе къ матери было внушено ему его молодыми царедворцами, особенно Альбертомъ де-Люинемъ, пріобрѣвшимъ его благосклонность дрессировкою птицъ для охоты. Онъ былъ честолюбивъ, хитеръ и ловокъ; подстрекаемый принцами, онъ рѣшилъ лишить власти Кончини и королеву-мать. Онъ съумѣлъ овладѣть вполнѣ умомъ короля и убѣдить его, что безпорядки во Франціи были слѣдствіемъ страсти его матери къ ненавистному для всѣхъ чужестранцу. Онъ уговаривалъ короля сбросить съ себя постыдную опеку и напугалъ этого слабаго, безпокойнаго и болѣзненнаго человѣка, внушивъ ему, что королева желаетъ лишить его жизни. Онъ увѣрилъ его, что однимъ рѣшительнымъ ударомъ онъ овладѣетъ управленіемъ своего государства и внушитъ страхъ всѣмъ тѣмъ, которые считаютъ его еще ребенкомъ. Людовикъ далъ тайное приказаніе капитану Витри арестовать Кончини и даже убить въ случаѣ сопротивленія (1617 г.). На другой день, когда маршалъ приблизился къ дверямъ Лувра, Витри подошелъ къ нему и потребовалъ отъ него шпаги; только что Кончини хотѣлъ вынуть ее изъ ноженъ, какъ въ ту же минуту былъ прострѣленъ нѣсколькими пулями.

„Теперь я король!“ воскликнулъ съ радостью Людовикъ. Онъ велѣлъ арестовать жену временщика и поставить стражу къ дверямъ королевы-матери. „О горе мнѣ! воскликнула Марія,—мое царство рушилось!“ Она хотѣла переговорить со своимъ сыномъ, но онъ отказалъ ей въ этомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ она была вынуждена удалиться въ Блуа. Король издалъ декларацію, которою объявлялъ народу, что взялъ въ свои руки управленіе королевствомъ. Принцы возвратились въ Парижъ; Луденскій договоръ былъ возобновленъ; въ министерствѣ также произошла перемѣна: Вильруа, Жаненъ, Силери снова вступили въ совѣтъ.

Тщетно старался Ришелье удержаться въ немъ: онъ былъ изгнанъ въ Люсонъ. Всѣ питали къ бывшему временщику сильнѣйшую ненависть: прислуга принцевъ, подстрекаемая чернью, вырыла его тѣло, таскала его по всѣмъ улицамъ и наконецъ сожгла. Жена его была вы-

звана въ парламентъ и обвинена въ колдовствѣ; послѣ глупаго и несправедливаго процесса она была осуждена на смерть. Имущество Кончини было конфисковано; Люинь и другіе вельможи раздѣлили его между собою. Маршалъ д'Анкръ не былъ ни дурнымъ министромъ, ни дурнымъ человѣкомъ; корыстолюбивый и гордый, онъ дѣлалъ то же, что и другіе вельможи, завидовавшіе ему: онъ копилъ деньги и жаждалъ чиновъ. Въ сравненіи съ другими вельможами, его преступленіе заключалось въ томъ только, что онъ былъ выскочка. Во внутренней политикѣ онъ стремился къ обузданію вельможъ, что вполнѣ удалось Ришелье; внѣшняя же политика его, хотя и противоположная политикѣ Ришелье, была тѣмъ не менѣе одобрена послѣднимъ, смотрѣвшимъ на нее, какъ на вынужденную обстоятельствами. Епископъ Люсонскій, креатура Кончини, никогда не забылъ его смерти, притязаній вельможъ и слабости короля. Людовикъ XIII сталъ во главѣ управленія; дебютъ его былъ чрезвычайно печальный, онъ начался „пролитіемъ крови и оскорбленіемъ чести матери". Вся власть перешла въ руки Люиня, произведшаго себя въ герцоги и пэры и думавшаго только о накопленіи богатствъ. Во внутренней администраціи господствовалъ прежній безпорядокъ; во внѣшней политикѣ нисколько не заботились объ охраненіи интересовъ Франціи. Собраніе нотаблей, преслѣдованіе креатуръ Кончини, временная отмѣна подати, платимой чиновниками, указы противъ дуэли и роскоши — вотъ и все, чѣмъ себя ознаменовало новое министерство. Неудовольствіе возобновилось: всѣ негодовали, что управленіе находится въ рукахъ молодаго человѣка низкаго происхожденія и совершенно бездарнаго; что королева-мать въ изгнаніи. Дворъ въ Блуа сдѣлался центромъ всевозможныхъ интригъ со стороны вельможъ. Несмотря на увѣщанія короля, Марія Медичи, нисколько не заботившаяся объ общественномъ благѣ, готовилась къ междоусобной войнѣ, чтобы заставить своего сына передать ей управленіе королевствомъ. Герцогъ д'Эпернонъ прельстился мыслію возвратить власть этой женщинѣ, которая, не умѣя обходиться безъ фаворита, дала бы ему возможность господствовать надъ Франціей. Съ толпою дворянъ отправился онъ изъ Меца, перешелъ черезъ все королевство, помогъ королевѣ бѣжать и заперся съ нею въ Ангулемѣ (21 февраля 1619 г.). Дворъ сильно встревожился, но никто не тронулся съ мѣста. Д'Эпернонъ понялъ сдѣланную имъ ошибку: онъ боялся быть выданнымъ самой королевой и думалъ только о томъ, какъ бы начать переговоры. Люинь, боясь насильственными мѣрами усилить волненіе, рѣшился на соглашеніе. Онъ вызвалъ снова Ришелье; благодаря посредничеству этого прелата, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ королевы, она получила въ свое распоряженіе провинцію Анжу, громадный домъ, войско для своего охраненія и свободу выбора мѣста жительства.

Это было не болѣе, какъ перемиріе: неудовольствіе между сыномъ и матерью продолжалось. Фаворитъ осыпалъ милостями себя, своихъ братьевъ и семейство герцога Монбазонъ, на дочери котораго онъ женился; онъ препятствовалъ возвращенію королевы ко двору; для противодѣйствія ей, онъ освободилъ Конде изъ тюрьмы. Говорили даже, что онъ стремился образовать для себя изъ Меца, Туля и Вердена новое королевство. Вельможи снова начали свои раздоры и другъ за другомъ отправлялись къ королевѣ-матери. Дворъ въ Анжерѣ сдѣлался вскорѣ бо-

лѣе многочисленнымъ, чѣмъ Луврскій: Майенъ, Лонгвиль, Вандомъ и др. отправились туда; большая часть губернаторовъ приняли сторону Маріи; Роганъ и Латремуйль возбудили гугенотовъ; вся западная часть королевства, отъ Сены до Адура, взялась за оружіе (1620 г.).

Никогда еще союзъ вельможъ не казался столь страшнымъ; но въ немъ не было ни плана, ни единства; ссоры и частные интересы преобладали; народъ, смотрѣвшій равнодушно на все это возмущеніе, не оказалъ ему никакой поддержки: онъ сознавалъ, что національный вопросъ здѣсь не былъ затронутъ и что ему именно пришлось бы заплатить за военныя издержки. Люинь выказалъ большую дѣятельность; король прямо направился на Нормандію, которая подчинилась безпрекословно; затѣмъ онъ перешелъ чрезъ Бретань, направился на Мансъ и затѣмъ на Анжеръ. Марія дошла до Флеша; но ея армія, состоявшая изъ 8,000 человѣкъ, была вполовину меньше королевской: она должна была отступить; д'Эпернонъ, Майенъ, Роганъ, занятые возмущеніемъ населенія Ангумоа, Гіени и Пуату, не являлись къ ней на помощь. Начались переговоры. „Увѣрьте мою мать, что я всегда готовъ принять ее съ распростертыми объятіями. Что касается мятежниковъ, притѣсняющихъ моихъ подданныхъ и желающихъ раздѣлять мою власть, то нѣтъ опасности, предъ которой я остановился бы для того, чтобы изгнать ихъ изъ Франціи". Какъ ни была слаба королевская власть въ рукахъ Люиня, она могла бы раздавить этихъ вельможъ, которыхъ Людовикъ XIII совершенно вѣрно называлъ жалкими бунтовщиками. Но фаворитъ боялся подвергнуться участи маршала д'Анкра; поэтому онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы успокоить ихъ. Послѣ горячей схватки, въ которой вельможи были сбиты и лишились 400—500 человѣкъ, миръ былъ заключенъ, благодаря посредничеству Ришелье, который порицалъ безумное поведеніе королевы и втайнѣ согласился съ Люинемъ относительно того, какъ бы заставить ее подчиниться своему новому положенію. Такимъ образомъ договоръ Ангулемскій былъ подтвержденъ (9 августа 1620 г.).

VIII. КАРДИНАЛЪ РИШЕЛЬЕ И ОСНОВЫ ЕГО СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНІЯ.

(Изъ сочиненія Гейссера: „Geschichte des Zeitalters der Reformation").

Со времени убіенія маршала д'Анкръ король былъ въ ссорѣ съ своею матерью; королева очень огорчалась тѣмъ, что смерть ея любимца лишила ее всякаго политическаго вліянія, и когда умеръ герцогъ де-Люинь, она вспомнила о томъ ловкомъ епископѣ, который обратилъ на себя общее вниманіе въ собраніи генеральныхъ чиновъ въ 1614 г. — о Ришелье. Этотъ послѣдній выступилъ на сцену сперва въ качествѣ посредника между королемъ и королевой, потомъ въ 1621 г. сталъ играть политическую роль и съ 1624 г. сдѣлался руководителемъ всей французской политики.

Удивительное явленіе представляетъ собою это могущество Ришелье въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ при королѣ, который никогда не любилъ его, ни разу не отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, по-

стоянно мучился сознаніемъ своей зависимости отъ чужаго ума и чужой воли, и тѣмъ не менѣе, понимая собственную безпомощность, предоставилъ этому человѣку неограниченно править Франціею. Въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ дѣлалось все возможное для того, чтобы вырвать власть изъ его рукъ; мать короля, жена, братъ, временщики, партіи,— всѣ употребляли свое вліяніе на Людовика XIII съ цѣлью ниспровергнуть ненавистнаго кардинала; бывали не разъ минуты, когда, казалось, судьба всемогущаго правителя была рѣшена, когда одно слово государя могло заживо похоронить его во тьмѣ какой-нибудь темницы, и каждый разъ главнымъ препятствіемъ являлся самъ король, который не хотѣлъ разстаться съ этимъ человѣкомъ, хотя въ душѣ онъ боялся его, въ то же время чувствуя, однако, что онъ былъ главнымъ представителемъ величія и могущества Франціи.

Людовику XIII минуло въ это время 23 года; это былъ хилый юноша, въ которомъ ничто не напоминало величественной наружности его отца. Онъ отличался задумчивостью, молчаливостью и своею невзрачною фигурою, всѣми поступками и словами производилъ впечатлѣніе очень дюжиннаго человѣка. Дурныя свойства его отца, солдатская распущенность и чувственность этого послѣдняго, были также совершенно чужды ему. По своему образу жизни это былъ самый почтенный, самый безукоризненно-честный король, какого имѣла Франція отъ начала своего существованія до Людовика XVI. Натура прозаическая, сухая, молчаливая, человѣкъ, о привѣтливомъ словѣ котораго, случайно обращенномъ къ какой-нибудь придворной дамѣ, говорили какъ о событіи, онъ во всю свою жизнь менѣе всего предавался занятіямъ, ведущимъ въ кругъ дѣятельности короля. Охота и гимнастика были упражненіями, которыми онъ старался укрѣпить свое слабое тѣло; военныя наклонности его выражались въ игрѣ въ солдатики съ молодыми швейцарцами, въ собираніи рѣдкаго оружія, въ сооруженіи маленькихъ крѣпостей и т. п.; вмѣсто того, чтобы учиться искусству управлять людьми, онъ занимался дрессировкой соколовъ и ястребовъ, и съ этими невинными развлеченіями соединялась въ немъ добродѣтель самаго похвальнаго свойства: не было у него того безсильнаго честолюбія, которымъ были проникнуты послѣдніе Валуа; несмотря на то, что судьба выдвинула его на первое мѣсто, онъ былъ достаточно скроменъ, чтобы смотрѣть на себя, какъ на второе лицо и уступать господство болѣе способнымъ. Очень замѣчательно то, что онъ и умеръ немедленно вслѣдъ за Ришелье.

Безпримѣрнымъ въ исторіи остается это самоотреченное подчиненіе государя министру, котораго онъ не любилъ и съ которымъ, однако, не разстается до конца жизни. Чувствовалось, стало быть, ему, что Ришелье— человѣкъ, способный создать величайшее государство въ мірѣ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Ришелье выступаетъ на поприще государственной дѣятельности сперва въ щекотливой роли царедворца-посредника, старающагося примирить двѣ враждующихъ партіи; но скоро послѣ того онъ становится во главѣ всего управленія.

Онъ прошелъ серьезную политическую школу.

Въ 1614 г., когда было созвано собраніе государственныхъ чиновъ, ему не минуло еще тридцати лѣтъ (онъ род. въ 1585 г.); но онъ обратилъ на себя общее вниманіе изумительнымъ даромъ слова и проявилъ задатки прирожденнаго государственнаго человѣка, который только бла-

годаря случайности, облекся въ рясу; впослѣдствіи дѣйствительно оказалось, что къ церковнымъ дѣламъ онъ былъ способенъ менѣе, чѣмъ ко всему остальному. Кардинальская мантія была для него внѣшнимъ одѣяніемъ, но вслѣдствіе авторитета, которымъ обладала въ ту пору римская курія, служила въ то-же время и желанною опорою.

Духовная власть въ XVII ст. была еще достаточно сильна для того, чтобы даже однимъ наружнымъ видомъ своимъ достигать такихъ результатовъ, которые были врядъ ли подъ силу свѣтскому кафтану. Очень можетъ быть, что Ришелье не придавалъ особенно важнаго значенія своему священническому облаченію, но несомнѣнно то, что, не будь онъ охраняемъ и защищаемъ этимъ палладіумомъ, едва ли рѣшался бы онъ на такія вещи, какія дѣйствительно приводилъ въ исполненіе. Вѣдь и ближайшій сотрудникъ его по дѣламъ внѣшней политики былъ тоже капуцинъ, тоже членъ древней французской фамиліи и человѣкъ съ соотвѣтствующимъ всему этому честолюбіемъ! Этотъ *alter ego* кардинала Ришелье, знаменитый père Joseph, и самъ кардиналъ создали, не выходя изъ своего священническаго одѣянія, государство, которое больше чѣмъ всякое другое развилось въ полную противоположность римской куріи и старалось обратить іерархію церкви въ іерархію государства.

Семья, изъ которой происходилъ Ришелье, принадлежала къ хорошему старо-французскому роду. Уже въ предшествующія столѣтія члены фамиліи дю-Плесси прославлялись доблестными подвигами. Такимъ образомъ въ кардиналѣ ничто не могло напомнить выскочку, который съ трудомъ выбрался изъ низкой среды и затѣмъ начинаетъ обнаруживать, съ одной стороны, нахальную притязательность, съ другой—слабость характера и трусливое малодушіе. Въ Ришелье все свидѣтельствовало о гордой самоувѣренности человѣка, который вышелъ на борьбу съ феодальнымъ дворянствомъ не какъ плебей, а какъ представитель государственной идеи, и сознаетъ себя вправѣ предпринимать что-нибудь противъ равныхъ себѣ.

Положеніе дѣлъ во Франціи Ришелье засталъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно должно было очутиться послѣ тринадцатилѣтняго царствованія, лишеннаго всякой силы и всякихъ твердыхъ принциповъ. Государство находилось въ хаотическомъ разложеніи; всюду чувствовалось полное отсутствіе раціональнаго управленія, правильныхъ доходовъ, солидныхъ финансовыхъ средствъ. Истинное повиновеніе закону было чуждо правительству, чиновники распоряжались или по собственному произволу, или по приказанію знатныхъ вельможъ и могущественныхъ губернаторовъ, милость и немилость которыхъ имѣли больше значенія, чѣмъ благосклонность и опала короля и его министровъ. Не обращалось также вниманія и на обыкновенныя преимущества хорошаго управленія; единство опредѣленныхъ правъ относительно всѣхъ гражданъ, безопасность путей сообщенія, обезпеченіе городской и сельской собственности—всѣ блага, обязанныя своимъ существованіемъ во Франціи управленію Сюлли, постепенно исчезли, а въ то же время лишилось государство и того внѣшняго передоваго положенія, которое оно заняло, благодаря дѣятельности Генриха IV: на судьбы Европы эта могущественная держава не оказывала уже никакого вліянія.

Все это необходимо было измѣнить, необходимо было возвратить государству обладаніе его самыми естественными силами во внутреннемъ отношеніи и подобающее мѣсто во внѣшнемъ.

Ришелье рѣшился вернуться и въ томъ, и въ другомъ отношеніи къ политикѣ Генриха IV и прежде всего разорвать связь Франціи съ Испаніей. Сдѣлать Францію участницей въ великой войнѣ, начавшейся именно въ эту пору, и округлить государство на счетъ Германской имперіи — таковъ былъ планъ кардинала.

Само собою разумѣется, что, прежде чѣмъ серьезно приступить къ его осуществленію, надо было энергически приняться за внутреннее преобразованіе государства; прежде чѣмъ отправлять войска за границу и дать имъ возможность принять участіе въ германской войнѣ, представлялось необходимымъ возстановить во Франціи такое управленіе, которое доставило бы правительству обладаніе живыми силами и мертвыми сокровищами страны, возвратить королевской власти ея исконное значеніе въ народѣ, смирить партіи, уничтожить неповиновеніе и недобросовѣстность чиновниковъ.

Исполненію этой задачи, т. е. внутренней перестройки французскаго государства, были главнымъ образомъ посвящены первыя десять лѣтъ управленія Ришелье, и имъ безспорно принадлежитъ важнѣйшее мѣсто во всей исторіи его дѣятельности.

Не было ни одного утра, въ которое Ришелье могъ бы съ увѣренностью сказать, что вечеромъ этого дня кормило правленія будетъ находиться еще въ его рукахъ: на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ подъ ногами подкопы, сооружавшіеся матерью, братомъ короля, высшимъ дворянствомъ, духовенствомъ, протестантами; безпрерывно приходилось ему работать противъ этихъ происковъ, между тѣмъ какъ въ то же время нельзя было ни на минуту остановить ходъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. И это вполнѣ удавалось ему. Неуклонно идетъ онъ однажды предначертаннымъ путемъ, ничто въ его дѣятельности не свидѣтельствуетъ, что онъ поставленъ въ необходимость шагъ за шагомъ оспаривать у другихъ свою власть, и не знаешь, чему болѣе удивляться — той ли устойчивой, грандіозной энергіи, съ которою этотъ человѣкъ преслѣдуетъ свою систему, несмотря на тысячи всевозможныхъ препятствій, быстротѣ ли, съ которою онъ предупреждаетъ всѣ замыслы своихъ противниковъ, или смѣлости, съ какою онъ даетъ чувствовать всему его окружающему силу мощнаго повелителя. Онъ отождествилъ себя съ государствомъ: кто дѣйствуетъ противъ него лично, дѣйствуетъ, стало быть, и противъ государства, и во имя идеи общаго блага онъ посылаетъ въ изгнаніе мать и брата короля, казнитъ на эшафотѣ многихъ противниковъ своихъ, истребляетъ партіи и не щадитъ даже самыхъ высокопоставленныхъ личностей.

Что такое управленіе не могло представлять собою ничего пріятнаго — это понятно само собою. Насильственныя мѣры, шпіонство, распечатываніе и захватъ чужихъ писемъ, казни, тюремныя заключенія на никому неизвѣстное время — были необходимыми принадлежностями его. Но во всемъ этомъ личный интересъ Ришелье постоянно согласуется съ великими требованіями государственнаго блага; онъ представлялъ собою государство, его честолюбіе — величіе Франціи, все французское — его личное дѣло, все, враждебное ему — враждебное и Франціи. Онъ преслѣдуетъ своихъ личныхъ враговъ не какъ таковыхъ: большинство ихъ не вызываетъ въ немъ ничего, кромѣ презрѣнія; но горе тому, кто пуститъ противъ него въ ходъ свои семейныя связи, интриги какой-нибудь

партіи: Ришелье станетъ гнать его до послѣдней степени и не стѣснится самыми ужасными средствами.

Подобную систему управленія народъ переноситъ не легко, но французскій народъ—легче всякаго другаго. Онъ охотно отдаетъ мирное довольство за наружный блескъ, охотно жертвуетъ свободой такой государственной силѣ, которая, оставаясь непоколебимо-крутою, доставляетъ ему въ то же время блистательную военную славу. Ришелье, возвеличивая Францію извнѣ, создавалъ тишину и порядокъ внутри, но зато свободѣ, какъ религіозной, такъ и политической, приходилось волей-неволей держаться заключенною въ самыхъ тѣсныхъ границахъ. Его правленіе было насильственное и крутое; но что оно должно быть признаваемо за высокознаменательное, въ этомъ соглашаются даже противники кардинала, и такимъ образомъ сдѣлалось оно поворотнымъ пунктомъ въ исторіи не только Франціи, но и всей Европы.

Вся Европа увлекалась подражаніемъ системѣ Ришелье, и на Людовика XIV мы должны смотрѣть не какъ на создавшаго, но какъ на унаслѣдовавшаго тѣ идеи государственнаго могущества и государственной мудрости, которыя въ правленіе кардинала обошли европейскія государства.

Принципы и подробности его системы изложены въ такъ называемомъ „Политическомъ завѣщаніи кардинала Ришелье", написанномъ или имъ самимъ, или подъ его диктовку.

Главнѣйшія положенія этого документа заключаются въ слѣдующемъ. Самое необходимое, что правительству слѣдуетъ прежде всего обезпечить за собою, есть *безусловное повиновеніе всѣхъ граждан*ъ, „прочнѣйшее основаніе потребной для существованія государствъ преданности". При этомъ нужно, чтобы само правительство обладало энергическою рѣшимостью осуществлять все признанное имъ послѣ зрѣлаго обсужденія за цѣлесообразное, никогда не колебалось въ этой рѣшимости и строго наказывало всякаго ослушника. Королевская власть требуетъ мужественной силы и непоколебимой твердости, какъ противоположности той мягкосердечной слабости, которая дѣлаетъ государя безпомощнымъ и беззащитнымъ и ободряетъ его враговъ. Причина неудачнаго исхода большинства великихъ плановъ во Франціи заключается въ томъ, что первая помѣха, которую встрѣчали на пути исполненія, уже заставляла отказываться отъ дальнѣйшаго энергическаго преслѣдованія цѣли. Безпощадная послѣдовательность, скрытность и быстрота служатъ лучшими ручательствами успѣха.

Во-вторыхъ необходимо, чтобы *цѣль государственная* всегда и во всемъ стояла на самомъ первомъ планѣ и выше всякихъ другихъ соображеній.

Общественные интересы должны быть единственнымъ предметомъ стремленій и заботъ государя и его совѣтниковъ; для государства весьма пагубно, когда частные интересы предпочитаются общественнымъ и обусловливаютъ направленіе этихъ послѣднихъ. Большая часть бѣдствій, постигшихъ Францію, произошла оттого, что приверженность многихъ органовъ своимъ личнымъ выгодамъ заставляла ихъ пренебрегать благомъ государства и что состраданіе и благосклонность относительно отдѣльныхъ личностей побуждали воздерживаться отъ исполненія благихъ намѣреній.

Наказанія и награды должны согласоваться исключительно съ вышеуказаннымъ правиломъ. Награды — вещь не лишняя, но необходимѣе ихъ наказанія, потому что они забываются не такъ легко, какъ первыя. Не преслѣдовать проступка, безнаказанность котораго можетъ дать просторъ своеволію, значитъ совершать непростительное упущеніе, и самый большой преступникъ противъ общественнаго блага—тотъ, кто относится снисходительно къ нарушителямъ этого послѣдняго.

Это снисхожденіе породило и развило во Франціи анархію, которая принесла пользу только многочисленнымъ партіямъ и сильно повредила королевской власти. Гдѣ дѣло идетъ о государственномъ преступленіи, тамъ должно отрѣшаться отъ всякаго состраданія и презирать какъ жалобы и мольбы обвиненнаго, такъ и говоръ невѣжественной массы, которая часто порицаетъ именно то, что наиболѣе полезно и необходимо для нея. Христіанскій долгъ повелѣваетъ прощать личныя обиды; долгъ властей—никогда не забывать обидъ, наносимыхъ государству; оставленіе ихъ безъ наказанія есть не прощеніе, а поводъ къ возобновленію того же. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ законъ требуетъ полнаго доказательства вины; не то въ государственныхъ преступленіяхъ, гдѣ добытая вѣскими догадками вѣроятность часто должна признаваться достаточною для произнесенія обвинительнаго приговора, потому что враждебныя общественному благу партіи по большей части дѣйствуютъ такъ скрытно и коварно, что явное доказательство становится возможнымъ уже тогда, когда наказывать слишкомъ поздно.

Итакъ, главнымъ девизомъ должно быть: „все для народа и ничего черезъ его посредство“.

Относительно церкви кардиналъ отстаиваетъ право государства.

Въ *церковныхъ* дѣлахъ государи обязаны повиноваться папѣ, какъ преемнику св. Петра и намѣстнику Іисуса Христа на землѣ, но не допускать его вмѣшательства въ управленіе дѣлами свѣтскими. При раздачѣ епископскихъ, аббатскихъ и другихъ духовныхъ должностей король долженъ обращать главное вниманіе на личныя заслуги избираемаго, его образцовое поведеніе и честность; людей легкаго поведенія слѣдуетъ отстранять, а тѣхъ, которые нарушаютъ порядокъ и благоустройство, наказывать въ примѣръ другимъ.

Положеніе *дворянства*, составляющаго главный нервъ въ государствѣ, требуетъ преобразованія. Если нужно принять мѣры къ уменьшенію слишкомъ большаго числа чиновниковъ, возвысившихся въ ущербъ дворянскаго сословія, то въ то же время необходимо положить предѣлъ и насиліямъ этого послѣдняго относительно народа. Слѣдуетъ охранять дворянство въ пользованіи его имуществами и облегчать ему пріобрѣтеніе новыхъ, для того, чтобы оно могло возвратить себѣ прежнее значеніе и не лишиться возможности служить государству въ войнѣ; эта послѣдняя обязанность его—самая важная, потому что дворянство, не способное защищать свое государство оружіемъ, есть не что иное, какъ роскошь, даже бремя для государства, и не заслуживаетъ тѣхъ привилегій и преимуществъ, которыя отличаютъ его отъ другихъ сословій.

Судьи въ парламентахъ обязаны чинить судъ по закону; для этого они и поставлены; но этимъ и должны ограничиться ихъ притязанія. Ни въ судопроизводство церковное, ни въ область законодательную они не имѣютъ права вмѣшиваться. Королевская власть погибла бы, еслибы

чиновникамъ позволили распоряжаться государственными дѣлами, для которыхъ у нихъ нѣтъ ни знанія, ни способностей.

Народъ надо держать въ полной подчиненности. Подати и налоги служатъ къ тому, чтобы препятствовать народу достигать слишкомъ большаго благосостоянія и чрезъ это выходить изъ предѣловъ своего долга.

Но эти взиманія, предназначенныя къ напоминанію народу о его подданничествѣ, не должны быть чрезмѣрными; надо, чтобы они соотвѣтствовали его податнымъ средствамъ, и долгъ государя—заставлять своихъ подданныхъ платить не болѣе того, что существенно необходимо, а въ экстренныхъ случаяхъ сперва взимать съ богатыхъ и уже послѣ нихъ обращаться къ бѣдному классу.

Въ дѣлѣ *обученія* и *развитія наукъ* потребна большая осторожность. Научныя знанія составляютъ, правда, одно изъ величайшихъ украшеній государства и обойтись безъ нихъ нельзя ни въ какой странѣ; но точно также несомнѣнно, что предоставлять занятіе науками каждому безъ различія ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Какъ тѣло, у котораго глаза помѣщались бы на всѣхъ частяхъ тѣла, было бы уродомъ, такъ обратилось бы въ урода и государство, составленное исключительно изъ ученыхъ, которые проявляли бы надменность и притязательность и совершенно отреклись отъ послушанія.

Чрезмѣрное развитіе наукъ нанесло бы смертельный ударъ торговлѣ, обогащающей государство, и земледѣлію—истинному кормильцу народовъ; точно также оно въ короткое время обезлюдило бы разсадникъ солдатъ, которые преуспѣваютъ гораздо больше среди грубаго невѣжества, чѣмъ въ утонченной обстановкѣ научныхъ знаній. Сама наука, чрезъ открытіе доступа къ ней всѣмъ безъ различія, подверглась бы профанаціи, и въ государствѣ скоро набралось бы больше людей, способныхъ возбуждать сомнѣнія, чѣмъ умѣющихъ разрѣшать ихъ, больше противниковъ давно доказанныхъ истинъ, чѣмъ защитниковъ ихъ. Вотъ почему слишкомъ большое число учебныхъ заведеній и классовъ есть зло.

Учебныя заведенія, находящіяся въ провинціальныхъ городахъ, слѣдуетъ ограничивать двумя или тремя классами, которыхъ совершенно достаточно для извлеченія дѣтей изъ слишкомъ грубаго невѣжества; наиболѣе способныхъ можно посылать затѣмъ для дальнѣйшаго образованія въ столицы.

Изъ этихъ положеній видно, что у Ришелье дѣло идетъ не столько о новой системѣ, сколько о новой методѣ, цѣль которой составляетъ *полная неограниченность* государственной власти, но которая при этомъ нигдѣ не упускаетъ изъ виду идеи матеріальнаго благосостоянія массъ. Тутъ нѣтъ еще никакихъ признаковъ того султанизма, которымъ проникся впослѣдствіи Людовикъ XIV, нѣтъ еще зачатковъ безмѣрнаго обремененія народа налогами, эксплуатаціи государства дворомъ, слѣпаго деспотизма, подкапывающагося подъ корни своего собственнаго существованія.

Это сосредоточеніе всѣхъ отраслей и формъ государственной власти въ одной рукѣ, ограниченіе правъ и привилегій средневѣковыхъ корпорацій и сословій, это упрощеніе механизма государственной машины, эта заботливость о равноправности и справедливости, о развитіи матеріальнаго благосостоянія массъ,—вотъ отличительныя черты абсолютизма XVII в., который выступилъ здѣсь на сцену въ лицѣ своего перваго представителя, надѣленнаго для этого блестящими способностями.

Такимъ образомъ теперь начинается совершенно новая система управленія посредствомъ находящихся на жалованьи чиновниковъ, которые мало-по-малу вытѣсняютъ господство знатныхъ вельможъ, власть губернаторовъ въ провинціяхъ. Органами правительства становятся теперь простые граждане, неимѣющіе никакихъ семейныхъ связей и поставленные въ совершенную зависимость отъ правительства. Масса народа приняла это нововведеніе, какъ благодѣяніе, послѣ того какъ опытъ научилъ ее, что значитъ управленіе вельможъ, сопровождавшееся во Франціи полнымъ отсутствіемъ личной и имущественной безопасности, какъ дома, такъ и на большихъ дорогахъ. Вотъ почему Ришелье и имѣлъ возможность частью открыто одолѣть знатное сословіе, частью дать ему незамѣтно придти въ упадокъ и вымереть. Народъ стоялъ за нимъ, масса ликовала, когда онъ обуздывалъ и наказывалъ надменное своеволіе вельможъ.

IX. БОРЬБА РИШЕЛЬЕ СО ЗНАТЬЮ.

(Изъ соч. Гальярдэна: „Histoire du regne de Louis XIV").

Въ какомъ положеніи Ришелье засталъ государственныя дѣла при вступленіи своемъ въ министерство, это объясняетъ онъ самъ въ началѣ *краткаго разсказа о великихъ дѣйствіяхъ короля*, т. е. его собственныхъ: „Когда ваше величество рѣшились одновременно открыть мнѣ доступъ въ вашъ совѣтъ и удостоить меня своимъ довѣріемъ по управленію вашими дѣлами, въ то время—могу сказать это безошибочно—гугеноты раздѣляли съ вами государственную власть, вельможи вели себя такъ, какъ будто никогда не были вашими подданными, а могущественнѣйшіе губернаторы провинцій дѣйствовали совершенно самовольно, точно не имѣя надъ собой никакого главы... Могу прибавить къ этому, что на связь съ иноземными государствами не обращалось никакого вниманія, интересы частные предпочитались общественнымъ, однимъ словомъ, достоинство королевской власти вашего величества было до такой степени унижено, до такой степени измѣнило подобающій ему видъ, благодаря дѣйствіямъ людей, стоявшихъ въ то время во главѣ управленія всѣми дѣлами, что сдѣлалось почти неузнаваемо. Несмотря на всѣ затрудненія, о которыхъ я тогда же докладывалъ вашему величеству и зная, что могутъ совершить короли, когда они пользуются какъ слѣдуетъ своею властью, я осмѣлился — не считая это дерзостью — поручиться вамъ, что вы найдете средства къ устраненію безпорядочнаго состоянія вашего государства и что чрезъ нѣсколько времени ваше благоразуміе, ваша сила и Божье благословеніе придадутъ Франціи совершенно иной видъ. Я обѣщалъ вамъ посвятить всю мою дѣятельность и всю власть, которою вы удостоили облечь меня, на уничтоженіе гугенотской партіи, смиреніе надменности вельможъ, возвращеніе всѣхъ подданныхъ къ ихъ долгу и возвышеніе вашего имени въ глазахъ иноземныхъ народовъ на ту степень, на которой оно должно всегда находиться..."

Ришелье, стало быть, вступалъ въ министерство уже съ опредѣленнымъ и законченнымъ планомъ дѣйствій. Еще болѣе замѣчательно то, что онъ осуществлялъ этотъ планъ съ непоколебимою точностью и почти въ такомъ

же порядкѣ относительно подробностей, въ какомъ эти послѣднія были предначертаны.

Въ ту пору, когда кардиналъ взялся за управленіе дѣлами, борьба противъ вельможъ уже была въ ходу; но справедливость требуетъ замѣтить, что эта ожесточенная война, которою Ришелье вызвалъ такую упорную вражду противъ себя, какой не вызывало ни одно изъ всѣхъ остальныхъ дѣйствій его, началась не по его инціативѣ. При вступленіи въ министерство онъ давалъ на этотъ счетъ Людовику XIII очень благоразумные совѣты. „Не унижать вельможъ, когда они ведутъ себя какъ слѣдуетъ; не заподозрѣвать ихъ въ чемъ-нибудь дурномъ только въ силу ихъ могущества, но прежде тщательно обсуждать все, совершаемое ими; дѣлать имъ тѣмъ болѣе добра, что они поставлены выше другихъ, но не оставлять безнаказанными всѣхъ ихъ проступковъ. Несправедливо подавать примѣръ наказаніемъ маленькихъ людей, которые подобны деревьямъ, не кидающимъ отъ себя тѣни, и въ какой степени слѣдуетъ ободрять и награждать вельможъ съ добропорядочнымъ поведеніемъ, точно въ такой же необходимо поддерживать между ними нравственную дисциплину. Однимъ словомъ, надо примѣнять на дѣлѣ обыденное правило, живущее на устахъ и въ сердцѣ каждаго человѣка: „добродѣтель награждается, порокъ наказывается“. Ту же самую мысль развиваетъ Ришелье немного позже по поводу дуэлей, когда осужденіе на смерть нѣсколькихъ вельможъ, участвовавшихъ въ поединкахъ, побудило ихъ родственниковъ обратиться къ королю съ убѣдительными просьбами о пощадѣ. Цитируя Тацита, кардиналъ говорилъ, „что ничто не охраняетъ силу закона такъ, какъ наказаніе людей, общественное положеніе которыхъ такъ же высоко, какъ и степень ихъ преступленія. Правительство, наказывающее за проступки легкіе, должно быть признаваемо скорѣе за жестокое, чѣмъ за справедливое, и глава такого правительства вызываетъ ненависть, а не уваженіе. А когда кара обрушивается только на низшее сословіе, тогда знатный классъ смѣется надъ такими наказаніями и думаетъ, что они установлены для несчастныхъ, а не для виновныхъ“.

Первымъ послѣдствіемъ этой доктрины по необходимости являлось провозглашеніе равенства всѣхъ сословій передъ закономъ. Ришелье началъ примѣненіе своихъ принциповъ съ того, что уничтожилъ безнаказанность, которую вельможи возвратили себѣ въ правленіе Кончини и Люиня, обязательства, которыя они возлагали на короля даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сила была не на ихъ сторонѣ, *награды*, т. е. вознагражденія, которыя они вымогали для себя за то, что не сдѣлали того или другаго дурнаго дѣла въ свою пользу. Новый министръ поставилъ ихъ *въ тѣ условія, въ которыхъ должны находиться относительно государства всѣ его подданные*, т. е. *въ необходимость зависѣть вполнѣ отъ воли государя*, или, какъ сказали бы во Франціи теперь, отъ закона.

Въ 1626 г. составился обширный заговоръ (Ришелье имѣлъ полное основаніе признавать его заговоромъ). Къ участію въ немъ старались вовлечь Голландію, Савойю, Англію, Испанію, что подтверждается сознаніемъ посланниковъ; заговорщики того времени вообще имѣли обыкновеніе прибѣгать къ помощи иноземныхъ государствъ, присоединять къ возмущенію измѣну. Въ настоящемъ случаѣ дѣло шло, повидимому, о Гастонѣ Орлеанскомъ, братѣ короля, — этомъ подставномъ лицѣ въ заговорахъ противъ королевской власти, прославившемся какъ своими по-

рывами смѣлости на первыхъ порахъ, такъ и жалкими отступленіями каждый разъ, какъ предвидѣлась неудачная развязка. Цѣлью своихъ замысловъ заговорщики выставляли желаніе доставить наконецъ этому лицу положеніе, соотвѣтствующее его происхожденію и въ которомъ такъ долго отказывалъ ему министръ; на самомъ же дѣлѣ они намѣревались произвести переворотъ въ государствѣ, съ тѣмъ, чтобы раздѣлить между собою разрозненныя части этого послѣдняго, въ то же время умертвить кардинала, можетъ быть, даже покуситься на жизнь Людовика XIII (на этотъ счетъ, однако, неизвѣстно ничего положительнаго) и выдать Анну Австрійскую за брата короля, Гастона. Главными участниками заговора были, по ихъ собственному сознанію, Орнано, гувернеръ Гастона, Вандомъ, губернаторъ Бретани, его братъ, главный пріоръ Мальтійскаго ордена, Шале, первый гардеробмейстеръ, и герцогиня де-Шеврезъ, вдова конетабля Люина, вышедшая вторично замужъ за одного изъ членовъ герцогскаго лотарингскаго дома. Вандомъ уже вооружалъ войско въ Бретани, къ семейству Эпернонъ обратились съ просьбой приготовить въ Мецѣ укрѣпленный замокъ для Гастона Орлеанскаго. Правительству предстояло или дѣйствовать энергически, или погибнуть. Ришелье, благодаря своей бдительности и твердости, явился спасителемъ общественнаго порядка. Орнано былъ заточенъ въ Венсенскую крѣпость, оба Вандома арестованы, герцогиня де-Шеврезъ удалена отъ двора, несмотря на дружескія отношенія ея съ Анной Австрійской. Соображеніями, которыя вызывались участіемъ въ дѣлѣ родственниковъ короля, обусловливалось различіе наказаній. Гастону Орлеанскому, брату Людовика XIII, пришлось отречься отъ своихъ сообщниковъ, письменно обязаться въ ненарушимой вѣрности государю и, во исполненіе воли своей матери и министра, жениться на наслѣдницѣ дома Монпансье. Его незаконнорожденному брату Вандому свобода была возвращена только въ видѣ особой милости и, послѣ полнаго сознанія, онъ лишился должности губернатора Бретани, и многія укрѣпленія, принадлежавшія къ его владѣніямъ въ Пентьеврѣ, были срыты. Орнано, умершій естественною смертью въ темницѣ, только этимъ избѣжалъ пытки; но Шале постигла участь главной жертвы, и онъ погибъ въ видѣ страшнаго урока другимъ. Его отвезли въ Нантъ, тамъ осудили на смерть и обезглавили. Дворянству дали понять очень ясно, что всѣ привилегіи его относительно эшафота окончились.

Въ слѣдующемъ году (1627) урокъ повторился. Манія поединковъ истребляла дворянство его собственными руками, вопреки формальнымъ запретительнымъ указамъ Генриха IV. Эта бретерская наклонность также давала пищу духу мятежной оппозиціи, поддерживая привычку рѣшать все оружіемъ. Ришелье рѣшился положить этому предѣлъ; онъ снова обнародовалъ указы Генриха IV и сталъ тщательно слѣдить за ихъ исполненіемъ. Графъ де-Бутвиль, членъ одной изъ отраслей Монморанси, отважился нарушить запрещеніе послѣ оставшихся безнаказанными для него двадцати одного поединка и бѣжалъ во Фландрію. Но раздосадованный тѣмъ, что его преслѣдовали во волѣ государя даже въ этомъ убѣжищѣ, что правительница Нидерландовъ не позволяла ему драться на чужой землѣ, боясь прогнѣвить Людовика XIII, онъ поклялся, что устроитъ дуэль во Франціи, въ Парижѣ, на королевской площади. Смѣльчакъ сдержалъ слово; онъ возвратился на родину со своимъ противни-

комъ и двумя секундантами и въ поединкѣ, совершившемся подъ окнами Людовика XIII, одинъ изъ четверыхъ былъ убитъ. Поступить такимъ образомъ значило „оскорбительно посмѣяться надъ присутствіемъ короля, законами государства и величіемъ правосудія, разыграть на глазахъ двора, парламента и всей Франціи, кровавую и пагубную для государства трагедію“. Король отдаль виновныхъ на судъ парламента; этотъ послѣдній, при всемъ своемъ нежеланіи, не могъ не осудить ихъ на смерть, но родственники обвиненныхъ выступили съ настоятельными ходатайствами о помилованіи. Ришелье возразилъ во имя уваженія къ закону и спокойствія въ семейной жизни. „Ихъ преступленія,—писалъ онъ въ докладѣ Людовику XIV,—совершены такъ гласно, что никто не можетъ подать голосъ противъ наказанія, и, отказавъ имъ въ прощеніи, вы этимъ заставите народъ вѣчно уважать ваши указы. Одно изъ двухъ: или положить конецъ дуэлямъ, или навсегда убить повелѣнія вашего величества... Лучше сохранить большинство дворянства казнью двухъ вельможъ, чѣмъ обречь тысячу дворянъ на погибель помилованіемъ двухъ человѣкъ.“ Эти соображенія одержали верхъ надъ всѣми доводами въ пользу пощады, какіе можно было извлечь изъ общественнаго положенія и прежнихъ заслугъ обвиненныхъ. Бутвиль и Дешапель были казнены. Такимъ образомъ, уничтоженію поединковъ содѣйствовали тѣ, которые только и заботились, что о размноженіи ихъ; съ той поры бѣшеная манія улеглась, и о новыхъ дуэляхъ почти не было слышно.

Есть, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ изъ дѣйствій Ришелье нѣсколько поразительныхъ особенностей диктатуры; но могла ли диктатура быть гдѣнибудь умѣстнѣе, чѣмъ въ этой войнѣ, въ одно и то же время внѣшней и междоусобной—въ этой отчаянной и послѣдней борьбѣ съ феодальнымъ порядкомъ?..

X. ПРИДВОРНЫЯ ИНТРИГИ ПРОТИВЪ РИШЕЛЬЕ И ЗАГОВОРЪ СЕНЪ-МАРСА.

(Изъ соч. Гизо: „L'histoire de France, racontée à mes petits enfants“, T. IV).

Кардиналъ велѣлъ казнить Шале, какъ заговорщика, Бутевиля, какъ дуэлиста; важнѣйшіе вельможи подчинялись его авторитету, но враги Ришелье все еще надѣялись свергнуть его; надежды ихъ еще усилились съ тѣхъ поръ, какъ королева-мать, завидуя всемогуществу министра, перестала дѣйствовать съ нимъ сообща. Когда король возвратился послѣ славной осады Ла-Рошели, королева надѣялась удержать его при себѣ, но кардиналъ, зорко слѣдившій за всѣми движеніями въ Испаніи, убѣдилъ Людовика XIII поддержать подданнаго своего, герцога Неверскаго, законнаго наслѣдника Мантуи и Монферрата, столицу котораго осадили испанцы.

Армія была уже отправлена въ походъ, но королева съ намѣреніемъ задержала своего сына; кардиналъ былъ назначенъ генералиссимусомъ, но король, обѣщавшій занять Савойю, долженъ былъ вслѣдствіе нездоровья возвратиться въ Ліонъ, гдѣ онъ серьезно захворалъ. Обѣ королевы поспѣшили къ нему; съ ними явился и хранитель печати де-Марильякъ, недавно возведенный въ эту должность кардиналомъ, который былъ увѣ-

ренъ въ его преданности къ себѣ; теперь же онъ отдался вполнѣ партіи королевы-матери. Узнавъ о болѣзни короля, кардиналъ поспѣшилъ въ Ліонъ, но вскорѣ онъ былъ вынужденъ возвратиться въ армію. Въ продолженіе болѣзни короля королева-мать и Анна Австрійская имѣли полную возможность настроить его противъ кардинала, такъ что, когда королевскій поѣздъ медленно двигался по направленію къ Парижу, паденіе Ришелье было уже рѣшено.

Марія Медичи надѣялась, что ей не будетъ стоить большаго труда убѣдить короля и уничтожить его министра, тѣмъ болѣе, что послѣдній нисколько не остерегался. „Она смотрѣла на него ласково, принимала его услуги и выраженія почтенія, какъ всегда, и говорила съ нимъ такъ дружески, какъ будто вполнѣ сочувствовала ему“.

Король просилъ свою мать отложить сверженіе кардинала еще на шесть недѣль, чтобы устроить въ это время дѣла въ Испаніи, находившіяся въ критическомъ положеніи. Она согласилась; но нѣкоторыя данныя возбудили въ Ришелье подозрѣніе; онъ сталъ искать другихъ, и 12 ноября 1630 г., когда мать раннимъ утромъ совѣщалась со своимъ сыномъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, кардиналъ пріѣхалъ туда. Найдя дверь комнаты запертой, онъ вошелъ въ галлерею и постучалъ въ дверь кабинета, на что никто не отозвался. Потерявъ терпѣніе, онъ вошелъ чрезъ маленькую часовню; король очень удивился и сказалъ совершенно растерявшейся королевѣ: „Вотъ онъ!“ Кардиналъ, замѣтившій это, сказалъ имъ: „Я вижу, вы говорили обо мнѣ“. Королева сначала отвѣчала: „нѣтъ“. Но послѣ того, какъ кардиналъ просилъ ее сознаться, она подтвердила его догадку. Затѣмъ она стала упрекать его съ большою горечью, объявила королю, „что не хочетъ болѣе быть другомъ кардинала, ни видѣть въ своемъ домѣ ни его, ни кого-либо изъ его родныхъ или друзей, которымъ она тотчасъ же дастъ отставку, какъ и всѣмъ служителямъ, рекомендованнымъ ей кардиналомъ“.

Борьба началась; придворные уже толпами стекались въ Люксембургскій дворецъ, хранитель печати Марильякъ пріѣхалъ ночевать на свою дачу вблизи Версаля, гдѣ ожидали короля; онъ надѣялся, что Людовикъ XIII призоветъ его для передачи ему дѣлъ. Между тѣмъ король разговаривалъ, стуча пальцами по окну, со своимъ любимцемъ Сенъ-Симономъ: „Что ты думаешь обо всемъ этомъ?“ спросилъ онъ у него.—„Государь, мнѣ кажется, что я въ другомъ какомъ-то мірѣ, но вы, вѣдь, здѣсь глава“.—„Да, и я дамъ это почувствовать“. Онъ призвалъ къ себѣ кардинала Де-Лавалета, сына герцога д'Эпернона, вполнѣ преданнаго Ришелье: „Кардиналъ служитъ доброму господину; поклонитесь ему отъ меня и передайте, чтобы онъ немедленно явился сюда“. Несмотря на свой нравъ и нерѣшительность, Людовикъ XIII умѣлъ сохранять интересы своего государства и своей власти. Королева думала, что сынъ ея откажется отъ кардинала и что материнскій авторитетъ, благочестіе и сыновнее уваженіе одержатъ верхъ надъ королевскими обязанностями относительно государства и народа. Но на дѣлѣ оказалось другое: его величество рѣшилъ защищать своего слугу противъ неблагонамѣренныхъ совѣтниковъ королевы; онъ долго разговаривалъ съ кардиналомъ и, когда на другой день проснулся хранитель печати, онъ узналъ, что министръ былъ въ Версалѣ у короля, помѣстившаго его въ комнатѣ, находившейся подъ его кабинетомъ, что его величество

требовалъ государственной печати и что полиція была у дверей, готовясь арестовать его.

Въ то же время былъ отправленъ курьеръ въ главную армію въ Пьемонтъ; тамъ находились три маршала: Шомбергъ, Лафорсъ и Марильякъ; въ этотъ день командовалъ Марильякъ, братъ хранителя печати; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о сверженіи кардинала. Шомбергъ открылъ депеши и съ удивленіемъ прочелъ слѣдующія слова, писанныя рукою самого короля: „Немедленно арестуйте маршала Марильяка; отъ этого будетъ зависѣть ваше оправданіе и дальнѣйшая ваша служба". Маршалъ былъ въ большомъ затрудненіи; большая часть войска пришла съ Марильякомъ изъ Шампанской арміи и была ему предана. Шомбергъ рѣшилъ, по совѣту маршала Лафорса, показать депешу Марильяку. „Милостивый государь, отвѣтилъ маршалъ,—подданному не слѣдуетъ роптать на своего государя и говорить, что его обвиненія несправедливы. Я могу утверждать, что ничѣмъ не нарушилъ своего долга относительно него. Дѣло только въ томъ, что мой братъ и я были всегда преданы королевѣ-матери; вѣроятно, Ришелье одержалъ рѣшительную побѣду надъ ней и ея приверженцами".

Такимъ образомъ, арестованный среди командуемой имъ арміи, маршалъ Марильякъ былъ отвезенъ въ замокъ С. Менгу, а оттуда въ Верденъ, гдѣ его и судили не за политическое преступленіе, а за расхищеніе казны и грабежъ, преступленія, встрѣчавшіяся тогда очень часто между генералами и возбуждавшія всегда негодованіе въ народѣ, который съ удовольствіемъ смотрѣлъ на наказаніе подобныхъ преступниковъ. „Странно, говорилъ Марильякъ,—что меня такъ судятъ; въ моемъ процессѣ говорится только о сѣнѣ, соломѣ, дровахъ, камняхъ, известкѣ. Тутъ ничего нѣтъ такого, за что бы можно было высѣчь лакея". Но тутъ было за что осудить маршала Франціи. Судъ тянулся полтора года; комиссія была переведена изъ Вердена въ Рюэль, въ домъ самого кардинала. Казнь была совершена въ маѣ 1632, а бывшій хранитель печати Мишель де-Марильякъ умеръ съ тоски въ Шатодокѣ, три мѣсяца спустя послѣ смерти брата.

Замыселъ королевы-матери разбился о силу министра и разсчитанную преданность короля къ слугѣ, котораго онъ собственно не любилъ. Но гнѣвъ Маріи Медичи не успокоился и борьба между нею и кардиналомъ продолжалась. Между тѣмъ герцогъ Орлеанскій, лишившійся жены годъ спустя послѣ свадьбы, не примыкалъ еще къ партіи королевы-матери.

Но вдругъ 30-го января 1631 г. онъ явился передъ кардиналомъ съ вооруженною свитою и „заявилъ ему, что дѣло, приведшее его, покажется ему страннымъ; пока онъ надѣялся на услуги кардинала, онъ готовъ былъ почитать его, но такъ какъ кардиналъ не исполняетъ ни одного изъ своихъ обѣщаній и всѣ уступки послужили только къ возбужденію слуховъ, что онъ покинулъ свою мать, то онъ явился съ тѣмъ, чтобы взять назадъ данное имъ слово—подчиняться ему". По выходѣ изъ дворца кардинала, герцогъ сѣлъ въ карету и отправился въ Орлеанъ, между тѣмъ какъ король, извѣщенный кардиналомъ, спѣшилъ изъ Версаля, чтобы увѣрить министра „въ своей защитѣ, такъ какъ онъ зналъ, что всѣ желаютъ ему зла за услуги, оказываемыя имъ королю".

Королева-мать, конечно, знала о намѣреніи герцога Орлеанскаго, такъ какъ онъ передъ тѣмъ потребовалъ у нея брилліанты своей жены,

отданные ей на сохраненіе; тѣмъ не менѣе она послала своего шталмейстера къ королю съ увѣреніемъ, что она была такъ удивлена, узнавъ объ отъѣздѣ герцога, что почувствовала себя дурно; она заявляла также, что герцогъ покинулъ дворъ только потому, что не могъ болѣе равнодушно переносить оскорбленія, наносимыя ей кардиналомъ.

Король отвѣчалъ ей, что находитъ чрезвычайно страннымъ такое удаленіе отъ двора и что ему стоитъ большаго труда заставить себя повѣрить ея незнанію этого плана. Королева воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы очернить кардинала и погубить его во мнѣніи короля, хотя она передъ тѣмъ и дала клятву ничего не предпринимать противъ него.

Кардиналъ, должно быть, не давалъ никакой клятвы, или же онъ не считалъ себя обязаннымъ болѣе королевы исполнять данное слово. Король и королева-мать отправились въ Компьенъ; тамъ министръ представилъ все совѣту; съ кажущимся безпристрастіемъ предлагалъ онъ различныя средства для рѣшенія его и кончилъ тѣмъ, что предложилъ одно изъ двухъ: удалить или его, или королеву-мать. Его величество безъ малѣйшаго колебанія рѣшился возвратиться въ Парижъ и уговорилъ королеву удалиться въ одно изъ его имѣній; онъ хотѣлъ ей посовѣтовать избрать Муленъ, которое она просила еще у покойнаго короля и, чтобы ей было тамъ пріятнѣе, хотѣлъ ей передать и управленіе всею провинціей. На другое утро, 23-го февраля 1631 г., когда королева еще спала, ея сынъ былъ уже на дорогѣ въ Парижъ, поручивъ маршалу д'Эстре объяснить королевѣ причину его отъѣзда и поторопить ее удалиться; но это не удалось маршалу: Марія Медичи объявила, что, если захотятъ заставить ее уѣхать, то придется взять ее силою съ постели. Она оставалась въ замкѣ, отказывалась выходить, и жаловалась, что такое заключеніе вредитъ ея здоровью; затѣмъ однажды ночью она бѣжала изъ Компьеня, сопровождаемая только однимъ дворяниномъ. Она отправилась во Фландрію, откуда скоро прибыла въ Брюссель. Итакъ, кардиналъ одержалъ рѣшительную побѣду. Марія Медичи потеряла всякую власть надъ своимъ сыномъ, съ которымъ ей суждено было болѣе не увидѣться.

Между тѣмъ герцогъ Орлеанскій отправился въ Лотарингію, владѣтель которой, ловкій, хитрый, враждебно относившійся къ Франціи, далъ ему убѣжище. Вскорѣ Гастонъ Орлеанскій, влюбившись въ сестру герцога, принцессу Маргариту, женился на ней безъ всякаго шума, съ разрѣшенія кардинала Лотарингскаго, что однако нисколько не помѣшало ни герцогу, ни принцу безсовѣстно отрицать этотъ бракъ, когда король упрекалъ ихъ въ совершеніи его безъ его согласія. Въ іюнѣ 1632 г. герцогъ Орлеанскій возвратился въ Парижъ во главѣ нѣсколькихъ жалкихъ полковъ, состоявшихъ изъ негодныхъ солдатъ испанской арміи, переданныхъ ему Гонзальво Кордуанскимъ. Въ первый разъ несъ онъ открыто знамя возстанія. Онъ, который привыкъ быть во главѣ партій и не стѣснялся покидать ихъ въ минуты опасности, увлекъ, къ сожалѣнію, въ свое дѣло человѣка, достойнаго лучшей участи и лучшаго предводителя. Генрихъ, герцогъ Монморанси, маршалъ Франціи и губернаторъ Лангедока, былъ крестникъ Генриха IV, который однажды сказалъ министру Вильруа и президенту Жаненъ: „Посмотрите на моего сына, Монморанси, какой онъ молодецъ! еслибы когда-либо прекратился Бурбонскій домъ, то во всей Европѣ не нашлось бы фамиліи, болѣе достойной короны Франціи,

чѣмъ фамилія Монморанси, члены которой всегда ее защищали, не щадя своей крови“. Ловкій, какъ при дворѣ, такъ и на войнѣ, добрый и сострадательный, любимый всѣми, обожаемый своими слугами, герцогъ Монморанси всегда оставался преданъ королю до того несчастнаго дня, когда герцогъ Орлеанскій завлекъ его въ свое безразсудное предпріятіе.

Жители Лангедока были недовольны Ришелье, отнявшимъ у нихъ нѣкоторыя изъ ихъ привилегій; герцогу не стоило никакого труда составить тамъ партію, но Гастонъ Орлеанскій вступилъ во Францію и въ Лангедокъ раньше назначеннаго времени и съ менѣе значительнымъ войскомъ, чѣмъ обѣщалъ: 1,800 человѣкъ, приведенныхъ имъ, не могли возстановить его и королеву-мать въ государствѣ. Губернаторъ Лангедока сдѣлалъ воззваніе къ государственнымъ чинамъ, бывшимъ въ сборѣ въ Пезенасѣ. Его поддерживали епископы Альби и Нима; вся провинція примкнула къ возстанію. Суммы, собранныя для короля, были теперь пожалованы герцогу, котораго депутаты просили соблюдать только интересы ихъ провинціи, обѣщая ему, въ свою очередь, никогда не покидать его. Одинъ архіепископъ Нарбоннскій возсталъ противъ этого смѣлаго дѣла; онъ покинулъ мѣсто своей службы. „Во всей провинціи и ея окрестностяхъ набиралось войско съ такою смѣлостью, какъ будто это дѣлалось для самого короля“. Но полки составлялись очень медленно; герцогъ Орлеанскій хотѣлъ подкупить нѣсколько городовъ: Нарбонна и Монпелье заперли городскія ворота. Разсчитывали, что вліяніе епископа поможетъ овладѣть Нимомъ; повсюду Монморанси велѣлъ подкупать гугенотовъ, но реформатскіе священники въ Нимѣ, узнавъ, что его величество былъ предупрежденъ о главной цѣли герцога возмутить приверженцевъ реформаціи, сочли своею обязанностью для личнаго оправданія служить королю усерднѣе другихъ. Они созвали консисторіи и рѣшили повиноваться королю до послѣдней крайности; они просили консуловъ созвать совѣтъ городской съ тѣмъ, чтобы убѣдить жителей принять такое же рѣшеніе, но консулы, уже подкупленные герцогомъ Монморанси, отказали. Затѣмъ священники поспѣшили къ маршалу Лафорсъ, стоявшему во главѣ своей арміи у Понъ-Сентъ-Эспри. Онъ выслалъ 26-го іюля свою кавалерію, которую народъ привѣтствовалъ крикомъ: „Да здравствуетъ король!“ Епископъ былъ вынужденъ бѣжать, а городъ продолжалъ оставаться вѣрнымъ своему законному государю.

Когда король, находившійся на границѣ Лотарингіи, получилъ извѣстіе о возстаніи своего брата, онъ не торопясь двинулся впередъ, думая, „что легко потушить огонь, зажженный герцогомъ во Франціи“. Но узнавъ, что Монморанси примкнулъ къ возставшимъ, онъ сталъ дѣйствовать энергичнѣе. Онъ покинулъ Парижъ, опечатавъ сначала дворецъ герцога и взявъ оставленные въ немъ 550,000 ливровъ въ королевскую казну. Принцесса Гимена, бывшая въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Монморанси, поѣхала къ кардиналу, сопровождавшему короля: „Кардиналъ, вы ѣдете въ Лангедокъ, не забывайте доказательствъ преданности, данныхъ вамъ еще недавно г. Монморанси; чувство благодарности не позволитъ вамъ забыть ихъ“. И дѣйствительно, когда король нѣсколько времени тому назадъ находился въ Ліонѣ, онъ, не надѣясь на свое выздоровленіе, просилъ Монморанси взять подъ свою защиту кардинала, что тотъ и обѣщалъ. Кардиналъ Ришелье отвѣчалъ ей холодно: „Сударыня, не я началъ ссору“.

Между тѣмъ парламентъ тулузскій, оставшійся преданнымъ королю, отмѣнилъ рѣшенія государственныхъ чиновъ и распоряженія губернатора, а парижскій парламентъ издалъ объявленіе противъ служителей и приверженцевъ герцога Орлеанскаго, какъ бунтовщиковъ, оскорбителей королевскаго достоинства и возмутителей общественнаго спокойствія. Брату короля былъ назначенъ шестинедѣльный срокъ для прекращенія враждебныхъ дѣйствій, въ противномъ случаѣ, король грозилъ поступить съ нимъ по законамъ, „такъ какъ этого требовало благо государства". Въ то время, какъ армія герцога удалялась, унося съ собою убитыхъ, принадлежавшихъ большею частію къ высшему званію, королевскіе слуги несли умиравшаго Монморанси въ Кастельнодари.

Герцогъ Орлеанскій не имѣлъ недостатка въ храбрости: онъ хотѣлъ освободить Монморанси, для чего и пытался собрать свое войско, но лангедокскіе отряды повиновались только губернатору; отряды, пришедшіе изъ другихъ провинцій, бунтовали—и армія герцога болѣе не существовала.

Послѣ столькихъ ужасныхъ волненій наступило наконецъ для всемогущаго министра нѣсколько спокойныхъ лѣтъ. Еще одинъ разъ только въ 1636 г. угрожалъ заговоръ герцога Орлеанскаго и графа Суасонскаго не только власти, но и жизни его. Король находился въ замкѣ Демюэнъ; принцы, подстрекаемые Монтрезоромъ и Сенъ-Ибалемъ, рѣшили погубить кардинала. Они хотѣли нанести ему ударъ при выходѣ его изъ государственнаго совѣта. Ришелье сопровождалъ короля до конца лѣстницы. Оба вышеназванные дворянина ожидали только сигнала, но герцогъ его не подалъ и удалился, не сказавъ ни слова; графъ Суасонскій не осмѣлился дѣйствовать самостоятельно, и кардиналъ безпрепятственно поднялся на лѣстницу, не подозрѣвая даже опасности, которую онъ миновалъ. Ришелье былъ болѣе высокомѣренъ, чѣмъ гордъ, и слишкомъ проницателенъ, чтобы не понимать чувствъ, которыя питалъ къ нему король.

Онъ никогда не былъ увѣренъ въ прочности своего положенія, а потому никогда не переставалъ быть на сторожѣ. Всякое постороннее вліяніе на короля безпокоило его; хотя онъ и успѣлъ захватить въ свои руки всѣ его дѣла, ему никакъ не удавалось измѣнить меланхолическое настроеніе и странное направленіе ума короля. Скоро обстоятельства показали, что Ришелье имѣлъ основаніе не довѣрять своему положенію,—именно, когда обнаружился заговоръ Сенъ-Марса.

Сенъ-Марсу было всего 19 лѣтъ, когда его назначили распорядителемъ гардероба и оберъ-шталмейстеромъ. Своимъ блестящимъ остроуміемъ онъ занималъ и развлекалъ короля въ его свободное время. Любовь къ нему Людовика XIII доходила до смѣшнаго. Онъ, ревнуя его, былъ недоволенъ его посѣщеніемъ Парижа для свиданія съ друзьями и съ Маріей Гонзагъ, за которой недавно еще ухаживалъ герцогъ Орлеанскій, но которая не отталкивала и Сенъ-Марса. Въ одномъ очень оригинальномъ письмѣ отъ 4-го января 1641 г. король такъ жаловался Ришелье: „Я очень жалѣю, что безпокою васъ жалобою на дурное расположеніе духа шталмейстера. Я упрекалъ его за лѣность, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что въ этомъ отношеніи не можетъ измѣниться. Я напомнилъ ему, что послѣ всѣхъ моихъ благодѣяній онъ не долженъ былъ бы говорить со мной такимъ образомъ. Онъ отвѣчалъ по своему обыкновенію, что ему не нужно моихъ сокровищъ, что онъ можетъ обойтись и безъ нихъ, и

перемѣнить образа своей жизни онъ не въ состояніи. Такимъ образомъ, говоря другъ другу колкости, мы достигли замка, гдѣ я сказалъ, что не желаю его видѣть до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться въ такомъ расположеніи духа. Съ тѣхъ поръ я его не видѣлъ".

На этотъ разъ кардиналъ помирилъ еще короля съ его любимцемъ, котораго онъ самъ помѣстилъ къ нему, но отношенія котораго къ королю начинали его нѣсколько безпокоить. Однажды Ришелье велѣлъ ему даже сказать, чтобы онъ не ходилъ постоянно по слѣдамъ короля; онъ обошелся съ нимъ такъ рѣзко и повелительно, какъ бы съ однимъ изъ своихъ слугъ, послѣ чего Сенъ-Марсъ сталъ съ сочувствіемъ относиться къ совѣтамъ людей, возбуждавшихъ его противъ кардинала. Тогда снова начался цѣлый рядъ интригъ и заговоровъ: герцогъ Орлеанскій пріѣхалъ въ Парижъ, король былъ боленъ, а кардиналъ еще слабѣе его: возникали самыя безумныя предположенія и надежды. Герцогъ Бульонскій, котораго король вызвалъ для передачи ему начальства надъ итальянской арміей, былъ участникомъ заговора противъ министра; герцогъ Орлеанскій и королева-мать были его членами. Городъ Седанъ, принадлежавшій герцогу Бульонскому, долженъ былъ служить убѣжищемъ заговорщикамъ, въ случаѣ неудачи. Но, кромѣ того, необходима была еще армія; гдѣ было ее взять? Взоры ихъ обратились на Испанію. Нужно было найти человѣка для опасныхъ переговоровъ съ нею: Сенъ-Марсъ указалъ на своего друга, виконта Фонтрайль, человѣка умнаго и ненавидѣвшаго кардинала, котораго онъ предпочелъ бы убить немедленно; онъ согласился взять на себя переговоры и отправился въ Мадридъ, гдѣ и былъ заключенъ договоръ именемъ герцога Орлеанскаго. Испанцы должны были представить 1,200 солдатъ, 5,000 лошадей, 400,000 экю, 12,000 экю на ежемѣсячное жалованье и 300,000 ливровъ для снабженія съѣстными припасами крѣпости, обѣщанной герцогомъ.

Король былъ тогда въ Нарбоннѣ по дорогѣ къ арміи, осаждавшей Перпиньянъ. Сенъ-Марсъ былъ съ нимъ. Фонтрайль пріѣхалъ къ нему. „Я никого не хочу видѣть, сказалъ онъ,—я отправляюсь въ Англію какъ можно скорѣе, я не въ состояніи перенести пытку, которой подвергнетъ меня навѣрное кардиналъ въ своей же собственной комнатѣ при малѣйшемъ подозрѣніи". 21-го апрѣля кардиналъ опасно захворалъ; король оставилъ его въ Нарбоннѣ въ страшной лихорадкѣ и съ нарывомъ на рукѣ, мѣшавшимъ ему писать.

Между тѣмъ Сенъ-Марсъ, находившійся постоянно при королѣ и всегда неустанно преслѣдовавшій свои цѣли, старался внушить ему недовѣріе къ министру и представить ему всѣ выгоды, которыя доставитъ его паденіе или смерть.

Король слушалъ, чтобы узнать злыя намѣренія своего любимца и дать ему возможность высказать все, что у него было на душѣ. Всѣ члены этого заговора строили воздушные замки, разсчитывая, что умиравшій кардиналъ не въ состояніи болѣе противодѣйствовать ихъ навѣтамъ на него королю.

Но 21-го іюня 1642 г. въ „Gazette de France" появились совершенно неожиданно два извѣстія: „Кардиналъ, здоровье котораго съ каждымъ днемъ поправляется, отправился 11-го іюня изъ Арля, гдѣ онъ пробылъ два дня, въ Тараксонъ".—„Король велѣлъ арестовать маршала Сенъ-Марса".

Всѣ были чрезвычайно удивлены, но въ особенности были поражены этимъ извѣстіемъ друзья Сенъ-Марса. „Въ Парижѣ ваши великія намѣренія всѣмъ такъ же хорошо извѣстны, какъ и то, что Сена течетъ подъ Понъ-Нефъ“, писала ему за нѣсколько дней передъ тѣмъ Марія де'Гонзагъ. Эти „великія намѣренія“, о которыхъ говорили съ такою неосторожностью, возбуждали предчувствіе большой бѣды. Король, находившійся въ то время въ своей арміи вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ, обремененный заботами и дѣлами, отъ которыхъ его избавлялъ министръ, долженъ былъ сознать всю несостоятельность Сенъ-Марса въ сравненіи съ великими способностями кардинала. „Я люблю тебя болѣе, чѣмъ когда-либо,—писалъ онъ Ришелье,—мы слишкомъ долго жили вмѣстѣ, чтобы разлучаться теперь, и я хочу, чтобы всѣ это знали“. Въ отвѣтъ на это кардиналъ прислалъ ему копію съ договора Сенъ-Марса съ Испаніей.

Король глазамъ своимъ не вѣрилъ, и гнѣвъ его не уступалъ его удивленію. Тотчасъ послѣ Сенъ-Марса онъ велѣлъ арестовать де-Ту, его интимнаго друга, и послалъ приказъ схватить герцога Бульонскаго, находившагося во главѣ итальянской арміи; схваченный, подобно маршалу Марильяку, среди своей арміи, онъ старался скрыться, но безуспѣшно; его отвезли въ замокъ Пиньероль. Фонтрайль же, предвидя этотъ ударъ, снова отправился въ Италію, откуда онъ только что пріѣхалъ.

Но что же сталось съ самымъ главнымъ, если не самымъ опаснымъ виновникомъ заговора? Герцогъ Орлеанскій дошелъ до Мулена, гдѣ хотѣлъ назначить свиданіе Сенъ-Марсу, какъ вдругъ онъ узналъ объ арестѣ его и герцога Бульонскаго. Несмотря на то, что это извѣстіе страшно его поразило, онъ сообразилъ, что измѣна безопаснѣе бѣгства. Когда слабый, больной король пріѣхалъ въ Тараксонъ къ почти умиравшему кардиналу, туда явился посолъ отъ герцога Орлеанскаго съ письмами. Послѣдній увѣрялъ короля въ своей преданности и умолялъ Клавиньи, друга кардинала, „устроить его свиданіе съ министромъ до пріѣзда короля, чтобы уладить все дѣло“. Онъ прибѣгалъ къ великодушію кардинала, обѣщалъ быть съ этихъ поръ его самымъ преданнымъ и вѣрнымъ другомъ.

Аббатъ де-ла-Ривьеръ, которому было поручено выпросить прощеніе своему господину, былъ вполнѣ достоинъ такого порученія; онъ сознался во всемъ, подписалъ все, хотя былъ внѣ себя отъ страха, и, по требованію кардинала, онъ предъявилъ вскорѣ всѣ подлинные документы, написанные рукою самого герцога. Хотѣли было потребовать, чтобы герцогъ Орлеанскій явился самъ и выдалъ своихъ сообщниковъ. Только уваженіе канцлера Сесэ къ его высокому званію избавило его отъ совершенія еще этой низости. На королевскомъ приказѣ герцогу находилась слѣдующая приписка: „Вашей свѣтлости назначено вмѣсто изгнанія 1,200 экю въ мѣсяцъ, именно столько, сколько король испанскій хотѣлъ вамъ выдавать“.

„Параличъ руки не мѣшаетъ работать головѣ“; умиравшій кардиналъ диктовалъ королю, распростертому на постели возлѣ него, въ его отелѣ, вблизи Тараскона, распоряженіе, которое рѣшало безчестіе герцога Орлеанскаго и смерть Сенъ-Марса. Людовикъ XIII медленно подвигался къ Фонтенебло. Заключенные оставались подъ надзоромъ министра; онъ велѣлъ ихъ везти въ Ліонъ, за ними и самъ Сенъ-Марсъ прибылъ изъ Монпелье, де-Ту изъ Тараскона, герцогъ Бульонскій изъ

Пиньероля—всѣ они были помѣщены въ замкѣ Пьеръ-Ансизъ. Ожидали судей для допроса ихъ. Между тѣмъ Сенъ-Марсъ открыто заявилъ, что во всемъ онъ дѣйствовалъ съ согласія короля.

Безъ сомнѣнія, Людовикъ XIII былъ очень взволнованъ этими заявленіями. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Фонтенебло, гдѣ его уже ожидало извѣстіе о смерти матери, скончавшейся въ Кельнѣ въ изгнаніи и бѣдности, онъ написалъ во всѣ парламенты своего государства, губернаторамъ провинцій и посланникамъ при иностранныхъ дворахъ объ арестѣ виновныхъ и о той роли, которую онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ. „Замѣтная перемѣна, происшедшая въ поведеніи Сенъ-Марса, заставила меня слѣдить за его дѣйствіями и словами, чтобы узнать причину ея. Для этой цѣли я позволялъ ему держать себя со мною свободнѣе, чѣмъ прежде". Въ письмѣ, адрессованномъ прямо на имя канцлера, король говоритъ: „Прежде Сенъ-Марсъ видѣлъ меня недовольнымъ кардиналомъ въ то время, когда я боялся, чтобы, вслѣдствіе своихъ опасеній за мое здоровье, онъ не помѣшалъ мнѣ отправиться на осаду Перпиньяна. Онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы возбудить меня противъ кардинала. и я выслушивалъ его, пока его наговоры не достигли крайнихъ предѣловъ. Когда же онъ предложилъ свои услуги, чтобы устранить кардинала, я испугался его замысла и возненавидѣлъ его. Мнѣ достаточно сказать вамъ это, чтобы вы мнѣ повѣрили, и никто не можетъ судить объ этомъ иначе; и что могло бы побудить его заключить союзъ съ Испаніей противъ меня, если бы я одобрялъ его планы?"

Процессъ былъ рѣшенъ заранѣе: король и его братъ были вполнѣ согласны въ своихъ обвиненіяхъ противъ преступниковъ. Кардиналъ не счелъ за нужное ожидать суда надъ ними. Онъ прибылъ въ свой отель въ Ліонѣ и былъ внесенъ восемьнадцатью изъ своихъ слугъ въ комнату, обитую красной матеріею; распростертый на постели, у которой стоялъ столъ, покрытый бумагами, онъ работалъ или болталъ съ которымъ-нибудь изъ своихъ служителей, сопровождавшихъ его въ пути. Такимъ же образомъ совершилъ онъ путешествіе отъ Ліона до Луары и затѣмъ возвратился въ Парижъ. На пути приходилось настилать мосты черезъ рвы, чтобы имѣть возможность донести эти огромныя носилки съ умиравшимъ кардиналомъ до самыхъ его покоевъ.

12-го сентября 1642 г. обвиненные должны были явиться передъ судомъ; ихъ осталось только двое: герцогъ Бульонскій сознался во всемъ кардиналу и просилъ у него помилованія, „чтобы употребить даруемую ему жизнь на воспитаніе въ католической религіи пяти малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ смерть его предала бы въ руки приверженцевъ другой церкви!" Жизнь свою онъ долженъ былъ купить цѣною города Седана. Герцогъ согласился на все и ожидалъ въ тюрьмѣ Пьеръ-Ансизъ казни своихъ соумышленниковъ, у которыхъ не было городовъ для выкупа своей жизни. Оба обвиненные не отвергали ничего. Де-Ту утверждалъ только, что онъ не участвовалъ въ заговорѣ, даже не одобрялъ союза съ Испаніей; вина его состояла только въ томъ, что онъ не открылъ заговора. „Онъ (т. е. Сенъ-Марсъ) считалъ меня своимъ единственнымъ другомъ, и я не хотѣлъ измѣнить ему". Сенъ-Марсъ разсказалъ подробно исторію заговора, союза своего съ герцогомъ Орлеанскимъ, который всѣми силами старался сблизиться съ нимъ; говорилъ о рѣшеніи, принятомъ сообща съ герцогомъ Бульонскимъ, и о договорѣ съ Испа-

ніей; онъ сознавалъ свою вину и надѣялся только на великодушіе короля и кардинала. Сенъ-Марсу былъ произнесенъ единодушный приговоръ; только одинъ судья стоялъ за де-Ту. Послѣдній сказалъ, обращаясь къ Сенъ-Марсу: „Я могъ бы упрекнуть тебя: ты меня обвинилъ, ты причина моей смерти, но Богу извѣстно, какъ я тебя люблю. Умремъ героями и мы увидимся въ раю!“

Судъ приговорилъ Сенъ-Марса къ пыткѣ съ цѣлью открыть еще его соумышленниковъ. Но когда онъ уже готовъ былъ раздѣться, его освободили отъ нея и велѣли только поднять руку въ знакъ того, что онъ говоритъ правду. Но онъ не опровергнулъ ни одного изъ данныхъ показаній.

Казни не хотѣли откладывать, и въ день произнесенія приговора она была совершена надъ преступниками. Сенъ-Марсъ обнаружилъ большую твердость и удивительное хладнокровіе; онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ. Тальманъ де-Реа говоритъ: „Онъ умиралъ съ удивительнымъ мужествомъ, не произносилъ никакихъ рѣчей, не позволилъ наложить повязки и съ открытыми глазами ожидалъ удара“. Де-Ту молился съ такимъ жаромъ, что тронулъ до слезъ всѣхъ присутствовавшихъ. Въ одной газетѣ того времени писали: „Мы видѣли, какъ любимецъ величайшаго и справедливѣйшаго государя сложилъ голову на плахѣ, имѣя всего 22 года отъ роду; едва ли мы встрѣтимъ подобную геройскую смерть въ лѣтописяхъ исторіи. Де-Ту умиралъ, какъ святой послѣ преступленія, котораго люди не могутъ простить. Всякій, знавшій объ ихъ заговорѣ противъ государства, счелъ бы ихъ достойными смерти, но мало найдется людей, которые, зная ихъ положеніе и прекрасныя качества душевныя, не пожалѣли бы объ ихъ несчастіи“.

„Такъ какъ мнѣ остается сдѣлать только одинъ шагъ до смерти, то я болѣе чѣмъ кто-либо способенъ вѣрно оцѣнить все на этомъ свѣтѣ“, писалъ Сенъ-Марсъ своей матери. „Довольно жить въ этомъ мірѣ, отправимся въ рай“, говорилъ де-Ту, идя на эшафотъ. Въ этомъ же родѣ говорили Шале и Монморанси. Въ послѣдній день и легкомысленный придворный, и безразсудный заговорщикъ обрѣли въ глубинѣ своей души вѣру въ Бога, подобно великому полководцу и серьезному государственному человѣку, раньше ихъ сложившимъ свои головы на плахѣ.

XI. ВОЗМУЩЕНІЯ ГУГЕНОТОВЪ И ОСАДА ЛА-РОШЕЛИ.

(Изъ соч. Лаваллэ: „Histoire des Français“. Vol. III).

Между тѣмъ какъ въ Германіи вражда религіозныхъ партій все болѣе усиливалась, и уже готова была вспыхнуть кровавая 30-лѣтняя война, религіозная война возобновилась также во Франціи; но вмѣсто того, чтобы сдѣлаться борьбою цѣлой націи съ какою-нибудь одною партіею, она начинала переходить въ борьбу правительства съ мятежниками, и народъ, вмѣсто того, чтобы броситься въ нее, какъ это было при Карлѣ IX, со всѣми своими ужасными страстями, отнесся къ ней съ нѣкотораго рода равнодушіемъ. Религіозныя войны уже окончились; тѣ, которыя возгорались теперь и которымъ предстояло тревожить государство въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, были ничто иное, какъ политическія возмуще-

нія, прикрывшіяся религіозною личиною въ томъ соображеніи, что религія продолжала служить основаніемъ всѣхъ общественныхъ учрежденій.

Были-ли предоставленныя Нантскимъ эдиктомъ льготы и привилегіи совмѣстимы съ существованіемъ государства—этого нельзя рѣшить, потому что онѣ преобразовывали реформатскую партію въ республику, которая видѣла въ королѣ, такъ сказать, только покровителя республики, и ничего больше. Стало быть, кальвинизмъ по прежнему оставался главнымъ подводнымъ камнемъ для монархической власти; онъ одинъ придавалъ нѣкоторую важность смѣшнымъ мятежамъ знати, и правительство, подстрекаемое духовенствомъ, было не прочь ограничить созданныя Нантскимъ эдиктомъ льготы. Но протестанты не дремали: они не переставали предъявлять жалобы и требованія съ цѣлью сохраненія за собой всѣхъ своихъ преимуществъ; недовѣрчивость этихъ людей равнялась ихъ гордости; постоянно казались они готовыми затѣять войну съ королевскою властію при помощи своихъ укрѣпленныхъ городовъ, гарнизоновъ, субсидій разнаго рода, связей съ иноземными государствами; трудно имъ было скрывать, что цѣль ихъ заключалась не въ упроченіи переходнаго положенія, въ которомъ они находились теперь, но въ созданіи совершенно новаго порядка, въ отдѣленіи себя отъ Франціи; однимъ словомъ, какъ выражается одинъ историкъ, „они всѣми своими дѣйствіями ясно показывали, что стремятся къ независимости, къ образованію республики на подобіе Нидерландской“.

Жанна д'Альбре запретила въ Беарнѣ католическое богослуженіе и продала все имущество духовенства. Генрихъ IV обѣщалъ было возстановить въ этомъ отношеніи прежній порядокъ, но не сдержалъ слова, несмотря на жалобы и увѣщанія папы. Людовикъ XIII, побуждаемый духовенствомъ и государственными чинами 1614 г., повелѣлъ (15 іюня 1617 г.) присоединить Беарнъ къ Франціи, возстановилъ католическое вѣроисповѣданіе въ этой странѣ и возвратилъ духовенству все отнятое у него. Парламентъ и чины Беарна воспротивились; протестантскія собранія обратились къ королю съ энергическими возраженіями, и одно изъ нихъ, именно Луденское, объявило въ 1619 г., что если его жалобы будутъ оставлены безъ послѣдствій и правительство не продлитъ ему на четыре года права владѣнія его укрѣпленными городами, то оно не разойдется. Дворъ, поставленный въ то время въ затруднительное положеніе возмущеніемъ королевы-матери, и зная притомъ, что Роганъ и ла-Тремуйль собирались произвести возстаніе между гугенотами, далъ нѣкоторыя обѣщанія. Собраніе разошлось, но заявило, что если правительство не сдержитъ слова, то оно снова сойдется на полномъ законномъ основаніи и не дожидаясь обычнаго созванія.

Послѣ Анжерскаго мира, король рѣшился положить конецъ этому дѣлу силою. Въ 1620 г. онъ пошелъ въ Беарнъ съ войскомъ, возстановилъ тамъ католическое богослуженіе, возвратилъ духовенству имущество его, занялъ города своими гарнизонами и присоединилъ эту страну къ своимъ владѣніямъ.

Приведенные въ негодованіе этою экспедиціею и подстрекаемые современными событіями въ Германіи, гугеноты стали готовиться къ войнѣ. Не успѣлъ еще Людовикъ XIII перейти обратно Луару, какъ почти весь югъ поднялся, и депутаты протестантскихъ церквей устроили обширное собраніе въ Ла-Рошели. Начало враждебнымъ дѣйствіямъ положили се-

венскіе поселяне и города Лангедока и Беарна; Ла-Рошельское собраніе обнародовало свое постановленіе о раздѣленіи 722 реформатскихъ церковныхъ общинъ на 8 группъ подъ предсѣдательствомъ начальниковъ гражданскаго и военнаго управленія, въ помощь которымъ были установлены еще представительные совѣты. Герцогъ Бульонскій былъ назначенъ „главнокомандующимъ реформатскими войсками"; Роганъ, ла-Тремуйль, Субизъ, Лафорсъ, Шатильонъ, Ледигьеръ и тотъ же Бульонъ—начальниками группъ; начались рекрутскіе наборы и сборы матеріальныхъ средствъ; съ просьбами о помощи обратились къ Голландіи, Англіи, германскимъ протестантамъ; имущества католическихъ церквей были конфискованы. Ла-Рошельское постановленіе авторы его называли „основнымъ закономъ республики реформатскихъ церквей Франціи и Беарна"; это было, по ихъ словамъ, политическое примѣненіе кальвинистскихъ доктринъ, столь благопріятныхъ для федеративной формы правленія и для провинціальныхъ льготъ и привилегій; „образцемъ ему,—сказано въ одномъ католическомъ памфлетѣ того времени,—послужило устройство республики Нидерландской. Оно представляло въ совершенно наглядномъ видѣ образъ дѣйствія тѣхъ, которые надѣялись въ непродолжительномъ времени изгнать изъ Европы королей, научали народъ ненавидѣть королевскую власть и создавать новыя республики".

Тридцатью годами позже эта смѣлая попытка могла бы имѣть удачный исходъ; но въ настоящую пору кальвинизмъ былъ еще слишкомъ слабъ, правительство обнаруживало относительно него слишкомъ опредѣленную оппозицію, а народъ былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что не заявилъ почти никакого негодованія. Притомъ же вся эта организація оказывалась на половину фиктивною. 722 церкви были разсѣяны по всему государству; даже на югѣ протестантское населеніе составляло не особенно значительный контингентъ и очень уступало численностью населенію католическому. Наконецъ, между честолюбивыми вожаками партій, ставившими на первомъ планѣ благосклонность двора и готовыми жертвовать своими религіозными убѣжденіями для почестей и титуловъ, возникъ разладъ: Ледигьеръ перешелъ въ войско короля, Бульонъ и ла-Тремуйль отказались начальствовать. Только Роганъ и Субизъ остались преданными дѣлу.

Людовикъ XIII началъ съ того, что подтвердилъ Нантскій эдиктъ, чтобы дать удовлетвореніе религіозной сторонѣ кальвинизма; вслѣдъ за тѣмъ онъ собралъ войско для подавленія политическихъ смутъ (1621 г.). Любимецъ короля Люинь воспользовался этимъ случаемъ для доставленія себѣ поста конетабля, тогда какъ онъ едва умѣлъ владѣть шпагой; въ помощники ему дали старика Ледигьера съ новымъ титуломъ главнаго маршала королевскихъ лагерей и войскъ, а во главѣ арміи сталъ самъ Людовикъ. Войско пошло на Сомюръ, гдѣ начальствовалъ Дюплесси-Морнэ, на котораго смотрѣли, какъ на папу гугенотской партіи, и врасплохъ завладѣло этимъ городомъ. Вслѣдъ затѣмъ король прошелъ Пуату, всѣ города котораго покорились безъ сопротивленія, и осадилъ С. Жанъ-д'Анжели, со стороны котораго встрѣтилъ энергическую оборону подъ руководствомъ Субиза. По взятіи этого города, Людовикъ XIII поручилъ герцогу д'Эпернонъ блокаду Ла-Рошели, а самъ прошелъ Гіень, гдѣ ему не было оказано никакого противодѣйствія. Послѣ этого и въ то время, когда Монморанси (сынъ конетабля Монморанси-Данвиля) воевалъ въ

Севеннахъ и возстановлялъ католическое богослуженіе въ городахъ, гдѣ онъ жилъ изгнанникомъ уже шестьдесятъ лѣтъ,—армія короля направилась па Монтобапъ. Этотъ городъ былъ второю столицею реформатовъ и славился не менѣе Ла-Рошели своимъ республиканскимъ рвеніемъ; его защищалъ шеститысячный гарнизонъ подъ начальствомъ „Лафорса, храбраго и опытнаго командира, и перваго консула Дюпюи, человѣка дѣятельнаго и рѣшительнаго". Королевская армія состояла всего изъ 15 т. человѣкъ. Оборона была ведена такъ энергически, а аттака такъ дурно, что король, послѣ трехмѣсячныхъ усилій и потерявъ 8 т. человѣкъ, былъ принужденъ съ посрамленіемъ снять осаду (15 ноября 1621 г.).

Общій взрывъ негодованія обратился на фаворита, обнаружившаго въ этомъ дѣлѣ такъ же мало способностей, какъ и мужества; всѣ гнѣвно говорили о нахальствѣ его въ этомъ случаѣ; самъ король тяготился имъ. Чтобы загладить эту неудачу, Люинь повелъ королевское войско на осаду замка Монёра: но тамъ онъ заболѣлъ зловредной горячкой, производившей опустошеніе въ рядахъ арміи, и умеръ почти внезапно (15 декабря).

Послѣ взятія Монёра Людовикъ воротился въ Парижъ, оставивъ нѣкоторое количество войска въ Гіени, а такъ какъ онъ не могъ обойтись безъ министра - распорядителя, то королева и Конде стали оспаривать другъ у друга высшую правительственную власть. Марія желала, чтобы реформатовъ оставили въ покоѣ и занялись германскими дѣлами; Конде настоялъ на рѣшеніи продолжать войну противъ протестантовъ. Монтобанская неудача и отъѣздъ короля воскресили бодрость партій; онѣ отвергли всякія сдѣлки, королевскіе гарнизоны были умерщвлены, церкви ограблены, приверженцы мира убиты или изгнаны. Ла-Рошель получила помощь отъ Англіи и Голландіи; она дѣлала нападенія на королевскіе корабли; она поддерживала волненіе во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ. Католики южной части Франціи умоляли короля продолжать войну, и духовенство предложило отъ себя милліонъ ливровъ на расходы по осадѣ Ла-Рошели.

Людовикъ, въ сопровожденіи Конде, выступилъ въ походъ во главѣ не болѣе девятитысячнаго войска и направился противъ Субиза, который успѣлъ уже возмутить весь Нижній Пуату; король нашелъ его укрѣпившимся въ болотахъ Ріе и Сенъ-Жилля съ 6—7 т. человѣкъ и произвелъ такую энергическую аттаку, что вся протестантская армія была перебита или взята въ плѣнъ (16 апрѣля 1622 г.). Оставивъ послѣ этого нѣкоторую часть войска передъ Ла-Рошелью, Людовикъ двинулся на Ройянъ, портъ котораго замыкалъ входъ въ Жиронду, овладѣлъ этимъ городомъ и вторгнулся въ Гіень; здѣсь Тонненъ (Tonneins) оказалъ ему отчаянное сопротивленіе, Сентъ-Фуа сдался, Негрпелиссъ былъ взятъ штурмомъ и сожженъ; всѣ жители этой провинціи, не исключая женъ и дѣтей, умерщвлены. Протестанты повсюду защищались съ бѣшенымъ мужествомъ; повсюду возобновлялись сопротивленія и даже жестокости войны альбигойцевъ; снова вступили въ борьбу интересы, страсти, даже политическія идеи той эпохи; югъ подобно тому, какъ это было въ XIII вѣкѣ, снова стремился создать отдѣльную націю съ враждебными Франціи конституціею и религіею. Усилія его не увѣнчались успѣхомъ, и причины тому были теперь тѣ же, что и тогда, заключаясь въ его привязанности къ муниципальнымъ вольностямъ, его чисто-мѣстныхъ воззрѣніяхъ, отсутствіи всякаго единства въ дѣйствіяхъ. Это послѣднее зло протестант-

ская партія думала устранить организаціею группъ, съ сосредоточеніемъ всѣхъ своихъ силъ на югѣ; но было уже слишкомъ поздно. Не только города, даже отдѣльныя личности начали вступать въ переговоры съ королемъ; Ледигьеръ уже пріобрѣлъ себѣ мечъ конетабля переходомъ въ католичество. Эта измѣна послужила приманкою и для другихъ предводителей кальвинистской партіи: Лафорсъ покорился за 200 т. экю и маршальскій жезлъ, Шатильонъ, внукъ адмирала Колиньи, сдалъ Эгъ-Мортъ за ту же цѣну. Впрочемъ, въ эту эпоху кальвинистская партія находилась въ полномъ подчиненіи уже не у вельможъ, а у проповѣдниковъ и чиновниковъ; знать, воевавшая только для того, чтобы потомъ продавать себя двору, считала унизительнымъ играть второстепенную роль подлѣ этого духовенства и чиновничества, относившагося къ ней съ недовѣріемъ; самъ Роганъ встрѣчалъ постоянное противодѣйствіе своимъ планамъ со стороны генеральнаго совѣта церквей.

Этотъ человѣкъ, всегда спокойный, энергическій, честолюбивый, отъ котораго зависѣла судьба всей партіи, пришелъ наконецъ въ отчаяніе отъ всѣхъ неудачъ и превратностей и попытался найти помощь въ Германіи. Въ это время Мансфельдъ и Христіанъ, прогнанные изъ Палатината войсками Тилли, вошли въ Лотарингію во главѣ 25-тысячнаго отряда, составленнаго изъ суровыхъ и закаленныхъ въ бою солдатъ, и скоро достигли границы Шампани; тутъ получили они предложеніе Рогана, но поколебались принять его, такъ какъ вторженіе во Францію заставило бы ихъ сдѣлать диверсію, результаты которой невозможно было предусмотрѣть. Герцогъ Неверскій, губернаторъ Шампани, занималъ ихъ переговорами, а самъ между тѣмъ собиралъ войско; въ то же время наступали на нихъ черезъ Люксембургъ испанцы. Оба искателя приключеній, изъ боязни быть запертыми между двумя арміями, отправились обратно, но при Флерюсѣ (28 августа 1622 г.) они встрѣтили испанцевъ и послѣ нерѣшительной битвы успѣли соединиться съ принцемъ Оранскимъ.

Появленіе нѣмцевъ въ Шампани не встревожило Людовика XIII; онъ продолжалъ идти впередъ Нижнимъ Лангедокомъ, овладѣлъ Привасомъ, Нимомъ, и наконецъ осадилъ Монпелье. Гугеноты, испуганные своими неудачами и видя, что ихъ дѣло проиграно также въ Германіи, запросили мира. Конде требовалъ полнаго истребленія этой партіи; но интрига королевы одержала надъ нимъ побѣду и имѣла послѣдствіемъ даже изгнаніе его. 9-го октября 1623 г. былъ заключенъ договоръ, подтвердившій Нантскій эдиктъ, но отнявшій у кальвинистовъ право созывать политическія собранія и обязавшій ихъ разрушить всѣ замки и укрѣпленія; только Монтобанъ и Ла-Рошель остались укрѣпленными городами, въ которыхъ не долженъ былъ находиться королевскій гарнизонъ и куда не имѣлъ права въѣзда самъ король.

Правительство не соблюдало заключеннаго въ Монпелье договора; оно построило около Ла-Рошели фортъ, стѣсняло протестантскія собранія, обращало въ католичество хитростью или силою. Гугеноты встревожились, и ихъ предводители, по настояніямъ Испаніи, взялись за оружіе. Субизъ увелъ изъ Блаветской гавани нѣсколько королевскихъ кораблей, намѣревавшихся присоединиться къ англійскому и голландскому флоту (18 января 1625 г.); затѣмъ онъ поплылъ по океану, завладѣлъ берегами Пуату и поднялъ на ноги жителей Ла-Рошели, между тѣмъ какъ его братъ производилъ агитацію въ Лангедокѣ.

Ришелье, захваченный врасплохъ этимъ возстаніемъ, отложилъ на время исполненіе своихъ замысловъ противъ Австріи. Онъ послалъ въ Бретань шеститысячное войско, въ Пуату—столько же, а такъ какъ у него не было больше кораблей, то онъ обратился съ просьбою о нихъ къ Англіи и Голландіи. Просьба была смѣлая, но эти оба народа порицали неосновательное возстаніе гугенотовъ и разсчитывали, что если помогутъ Ришелье освободиться отъ его внутреннихъ враговъ, то этимъ дадутъ ему возможность возобновить войну съ Испаніей. Іакова I и Морица Нассаускаго уже не было на свѣтѣ (они умерли въ апрѣлѣ); ихъ преемники, Карлъ I и Фридрихъ-Генрихъ, послали просимые корабли, на которые Ришелье посадилъ французскихъ моряковъ, зная, что пріѣхавшій съ ними экипажъ нисколько не былъ расположенъ сражаться со своими единовѣрцами.

Флотъ Субиза, въ соединеніи съ Ла-Рошельскимъ, состоялъ изъ 74-хъ судовъ; онъ разбилъ королевскій флотъ и завладѣлъ островами Ре и Олеронъ (17 іюля). Монморанси принялъ начальство надъ потерпѣвшими пораженіе кораблями и привелъ подкрѣпленія; островъ Ре былъ отбитъ у непріятеля. Протестантскія суда, предводительствуемыя Субизомъ и Рошельскимъ адмираломъ Гитономъ, попытались пробраться въ Ла-Рошель, несмотря на то, что королевскій флотъ заграждалъ имъ путь; завязалась новая битва (15 сентября); гугеноты были разбиты и отброшены на Олеронъ, островъ взятъ, и Субизъ бѣжалъ въ Англію съ жалкими остатками своего флота. Это пораженіе лишило Ла-Рошель всякихъ рессурсовъ, и теперь казалось очень нетруднымъ въ конецъ уничтожить реформатовъ, которые униженно умоляли о мирѣ. Но Ришелье повелъ эту войну вопреки своему желанію, только по необходимости; его тревожили дѣла внѣшнія, а еще больше—безпрерывные замыслы придворныхъ противъ его могущества и жизни; поэтому онъ согласился на возобновленіе договора, заключеннаго три года тому назадъ въ Монпелье.

Этотъ миръ привелъ въ негодованіе католиковъ, которые прозвали Ришелье „папою гугенотовъ и патріархомъ атеистовъ"; его протестантскія связи, выдача сестры короля за Карла I и война съ папскимъ престоломъ уже и безъ того возбудили противъ него массы.

Англія сдѣлалась убѣжищемъ французскихъ изгнанниковъ и недовольныхъ, и герцогъ Букингамъ, министръ и любимецъ Карла I, ненавидя Ришелье и Людовика XIII, обнаруживалъ полную готовность вступиться за этихъ людей. Въ предшествовавшемъ году онъ ѣздилъ ко французскому двору съ порученіемъ отъ своего государя, тамъ не побоялся скомпрометировать Анну Австрійскую и теперь желалъ во что бы то ни стало снова свидѣться съ этой королевой, любовь которой къ нему онъ не находилъ нужнымъ скрывать. Добиться этого свиданія онъ разсчитывалъ посредствомъ войны, въ которой, кромѣ того, видѣлъ средство отвлечь въ другую сторону общественное мнѣніе, возмущавшееся его безумною роскошью, и заглушить какою-нибудь блистательною побѣдой страсти Англіи, находившейся въ ту пору въ полномъ кризисѣ политическаго и религіознаго переворота. Напрасно Ришелье доказывалъ ему, что такой нелѣпый разрывъ повлечетъ за собою гибель германскихъ протестантовъ; Букингамъ возражалъ, что Англія поручительница за договоры, заключенные съ французскими реформатами, и что разъ эти

договоры нарушены, ея обязанность — защищать обиженныхъ. И онъ приготовилъ громадный флотъ.

Этотъ флотъ снялся съ якоря подъ начальствомъ Букингама; онъ состоялъ изъ 90 судовъ съ экипажемъ въ 16 т. человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось 3 т. французскихъ эмигрантовъ, а 23 іюля 1627 г. присталъ къ острову Ре. Гугеноты, со времени заключенія послѣдняго мира, старались загладить свои внутреннія потери сосредоточеніемъ всего своего могущества во флотѣ; они имѣли въ этомъ случаѣ въ виду голландцевъ и держали въ Ла-Рошели болѣе ста кораблей, занятыхъ смѣлыми пиратами. Но къ возобновленію войны они совсѣмъ не были готовы, и несмотря на увѣщаніе Субиза, находившагося въ это время въ англійскомъ флотѣ, Ла-Рошель на первыхъ порахъ отказалась принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Островъ Ре былъ укрѣпленъ дурно; но губернаторъ его Туара укрѣпился съ 500—600 человѣкъ въ С.-Мартенской цитадели и ни за что не хотѣлъ сдаться. Отъ взятія этого острова зависѣла судьба Ла-Рошели и войны, которую такъ безумно затѣяла Англія; потому-то Ришелье рѣшился спасти его „съ рискомъ для своего состоянія и своей репутаціи"; пожертвовавъ на первые необходимые расходы собственныя деньги, онъ отправилъ на островъ съѣстные и боевые припасы, людей и т. п. съ такою быстротой, что первая помощь явилась прежде, чѣмъ попросилъ о ней Туара. Самъ кардиналъ отправился съ королемъ, предварительно обнародовавъ постановленіе, обезпечивавшее свободу вѣроисповѣданія за всѣми тѣми реформатами, которые не возьмутся за оружіе. Ла-Рошель предъявила было свои условія,—ихъ отвергли; тогда она рѣшилась заключить наступательный и оборонительный союзъ съ англійскимъ королемъ; вся гугенотская партія надѣялась, и Роганъ началъ очень дѣятельную войну въ Лангедокѣ.

Кардиналъ обратился въ командующаго войсками, инженера, администратора; онъ хлопоталъ о подвозѣ солдатъ, кораблей, орудій, припасовъ; онъ составилъ планъ осады города, установилъ маршрутъ войска и съѣстныхъ припасовъ, которыми надо было снабдить Ре, входилъ во всѣ мельчайшія подробности съ изумительнымъ пониманіемъ дѣла и неутомимостью. Достойнымъ помощникомъ его былъ Сурди, епископъ Мальезе, за которымъ слѣдовали епископъ мантскій и аббатъ Марсильякъ, на обязанности которыхъ лежало главнымъ образомъ снабженіе провіантомъ С.-Мартенской цитадели. Неудача какой-нибудь одной мѣры немедленно возмѣщалась двадцатью новыми пособіями. Кардиналъ щедро сыпалъ деньгами и наградами; онъ воодушевилъ своею энергіею солдатъ и матросовъ; *побѣдить или умереть* было лозунгомъ, который повторяли всѣ. Благодаря смѣлости и устойчивости, и вопреки противодѣйствію англійскаго флота, на островъ успѣли перевезти 6 т. человѣкъ подъ начальствомъ Шомберга, и англичане послѣ кровопролитной битвы (8 ноября 1627 г.) были принуждены отплыть, оставивъ 4 т. убитыхъ, всѣ свои орудія и багажъ. Этотъ отъѣздъ былъ для жителей Ла-Рошели смертельнымъ ударомъ; но ихъ городъ оставался еще очень сильнымъ, всѣ энергическіе члены этой партіи собрались въ немъ, наконецъ ихъ корабли свободно плавали по морю и могли получать помощь отъ Англіи. Поэтому они рѣшились защищаться до послѣдней степени, и чтобы доказать это, избрали своимъ меромъ Гитона, суроваго и закаленнаго моряка и отъявленнаго врага королевской власти, поклявшагося заколоть собственными руками перваго, кто заговоритъ о сдачѣ.

Освободивъ островъ Ре, Ришелье направилъ всѣ свои усилія противъ Ла-Рошели. Еще будучи люсонскимъ епископомъ, онъ, говоря его же словами, „не разъ обдумывалъ въ своей глубокой тиши средства сдѣлать этотъ городъ покорнымъ королю". Теперь онъ окружилъ его стѣнами на протяженіи трехъ лье, снабдилъ ихъ укрѣпленіями и отрядилъ для защиты этихъ послѣднихъ 25 т. человѣкъ; затѣмъ, чтобы разъединить городъ съ океаномъ, которымъ онъ такъ гордился, съ этими англичанами, которыхъ онъ называлъ своими братьями и сосѣдями, Ришелье построилъ въ каналѣ, которымъ входятъ въ ла-рошельскую бухту, плотину въ 700 саженъ длины—гигантское произведеніе, оконченное стараніями королевскаго архитектора Мэтцо и парижскаго каменьщика Тиріо. Эта плотина, вооруженная четырьмя фортами и нѣсколькими батареями, была защищена со стороны города пловучимъ заборомъ изъ связанныхъ между собою 37 кораблей, а со стороны моря—24 кораблями, которые держались на цѣпяхъ и были вооружены пушками. Въ срединѣ ея находилось отверстіе на случай морскихъ приливовъ, но оно было заграждено 6-ю затопленными кораблями, плавучими бонами и деревянною крѣпостцей; наконецъ 30 кораблей и 60 небольшихъ судовъ защищали бухту, а берега были плотно уставлены артиллерійскими орудіями.

Такія необыкновенныя сооруженія свидѣтельствовали, что Ришелье рѣшился разъ навсегда покончить съ кальвинизмомъ; оттого-то всѣ враги Франціи не спускали глазъ съ Ла-Рошели и желали помочь ей. Испанія послала 32 дурно снаряженныхъ корабля,—да и на этотъ разъ они, какъ говоритъ одинъ современный историкъ, „не подплывали къ мѣсту назначенія до тѣхъ поръ, пока англичане были на островѣ Ре; увѣрившись въ отъѣздѣ этихъ послѣднихъ, они поспѣшили явиться, но какъ только разнесся ложный слухъ, что Букингамъ возвращается, снова ушли". 18 мая 1628 г. прибылъ новый англійскій флотъ въ количествѣ 88 кораблей; но онъ безполезно бомбардировалъ плотину въ продолженіе двухъ недѣль и удалился въ ту самую минуту, когда Ришелье сдѣлалъ всѣ распоряженія для битвы съ нимъ. Въ городѣ началъ свирѣпствовать голодъ, но жители продолжали защищаться. „Эти люди,—говоритъ Фонтнэ,—поставили себя въ такое крайнее положеніе не только ради интересовъ религіи и свободы, но еще вслѣдствіе того, что считали свое положеніе превосходнымъ, благодаря сильнымъ укрѣпленіямъ своего города, связи со всѣми гугенотами Франціи и сношеніямъ съ иноземными государствами, и въ этомъ сознаніи возгордились до такой степени, что признавали короля на столько, на сколько это было угодно имъ самимъ, и находили невозможнымъ, чтобы онъ простилъ имъ".

Кардиналъ, которому Людовикъ XIII предоставилъ всю свою власть, ни на минуту не выпускалъ изъ виду эту добычу, столь давно желанную, столь необходимую для выполненія его плановъ, и отъ которой зависѣла вся его судьба; онъ зналъ, говоря его собственными словами, что „пока гугеноты не выведутся во Франціи, король не будетъ господиномъ внутри своего государства и не пріобрѣтетъ возможности предпринять что-нибудь доблестное внѣ его; такимъ же образомъ онъ смотритъ на надменность вельможъ, которые продолжали смотрѣть на Ла-Рошель, какъ на крѣпость, подъ защитой которой они могли безнаказанно проявлять свое неудовольствіе и давать ему ходъ". И дѣйствительно, перспектива взятія этого города, который какъ бы обуздывалъ королевскую власть,

страшила вельможъ въ такой же степени, въ какой преступники боялись разрушенія этого пріюта своего.

Осада длилась уже 14 мѣсяцевъ; городъ былъ доведенъ до послѣдней крайности; половина населенія погибла, и оставалось только 154 человѣка гарнизона; но Гитонъ былъ по прежнему непоколебимъ. „Лишь бы, говорилъ онъ,—уцѣлѣлъ одинъ человѣкъ, чтобъ затворить ворота,—съ меня и этого достаточно". Букингамъ снарядилъ еще 140 судовъ, но въ самый моментъ отплытія онъ былъ убитъ (23 августа 1628 г.), и когда флотъ его прибылъ въ Ла-Рошель, городъ уже велъ переговоры о сдачѣ. Несмотря на это, англичане попытались прорвать плотину; но ихъ усилія остались безплодными, и послѣ капитуляціи осажденныхъ (18 апрѣля) они возвратились домой. Городу была предоставлена свобода вѣроисповѣданія, но почетнѣйшихъ жителей его изгнали; стѣны разрушили, муниципальныя привилегіи уничтожили; королевская администрація замѣнила прежнюю автономическую; портъ былъ уничтоженъ, его грубое морское населеніе разогнано,—и этотъ городъ, находившійся со времени Людовика XI почти въ безпрерывной враждѣ съ правительствомъ, этотъ новый Амстердамъ, съ которымъ такъ долго не могли совладать всѣ военныя силы Франціи, уже никогда послѣ того не оправился отъ своего паденія. Взятіе Ла-Рошели нанесло смертельный ударъ расколу, стремленіямъ юга къ независимости, наклонностямъ вельможъ къ мятежу; оно доставило Франціи не только спокойствіе внутри, но и свободу дѣйствовать внѣ государства; наконецъ оно „совершенно упрочило могущество кардинала, министра, адмирала и главнокомандующаго,—могущество, до этого времени колебавшееся и встрѣчавшее препятствія, продолжавшее зависѣть отъ королевы-матери, вынужденное дѣлать разныя уступки и снисхожденія, но теперь подчинившее себѣ короля силою недавней великой услуги, государство—чувствомъ уваженія или страха, иноземныя страны—блистательною славой". Англія заключила съ Франціею миръ 24 апрѣля 1629 г.

Между тѣмъ какъ происходила осада Ла-Рошели, два войска, предводительствуемыя Конде и Монморанси, проходили Лангедокъ и производили тамъ страшныя опустошенія. Роганъ, видя, что его партія перестала повиноваться ему и пришла въ уныніе и что Англія отступилась отъ участія въ войнѣ, обратился за помощью къ Испаніи: онъ заключилъ съ этою державою договоръ, которымъ отдалъ себя съ 14 т. своего войска въ ея распоряженіе за 340 т. червонцевъ въ годъ: „въ случаѣ же, если бы ему и его людямъ удалось сдѣлаться на столько сильными, чтобъ образовать новое государство", онъ обязывался предоставить католикамъ свободу вѣроисповѣданія. Ришелье, разсерженный этимъ трактатомъ, отправилъ на югъ новыя войска, а послѣ экспедиціи въ Италію король самъ двинулся противъ мятежниковъ съ 50-тысячною арміею, раздѣленною на шесть корпусовъ. Привасъ былъ взятъ штурмомъ (27 мая 1629 г.), сожженъ и разрушенъ, а жители его сосланы на галеры. Большинство другихъ городовъ, испуганное такою строгостью, сдалось. Королевскіе отряды проходили Севенны, сжигая на своемъ пути деревни, уничтожая замки, умерщвляя все, оказывавшее сопротивленіе. Наконецъ, послѣ взятія Алэ, гугеноты смирились, и миръ былъ заключенъ (27 іюня). Это былъ послѣдній договоръ религіознаго характера, и съ этихъ поръ правительство уже не сносилось съ своими подданными, какъ держава съ

державой. Протестантамъ оставили свободу вѣроисповѣданія, но у нихъ отняли всѣ укрѣпленные города, разрушили ихъ крѣпости, уничтожили ихъ собранія, привилегіи, раздѣленіе по группамъ церквей. Они перестали составлять государство въ государствѣ, изъ политической партіи обратились въ простую религіозную секту, изъ враговъ короля—въ его подданныхъ. На первыхъ порахъ къ нимъ, хотя и побѣжденнымъ, продолжали относиться съ недовѣріемъ, но мало-по-малу они заставили забыть своею покорностью прежнее мятежное настроеніе ихъ, отреклись отъ своихъ республиканскихъ идей и стали содѣйствовать общему благосостоянію. У вельможъ не было больше войска, и время ихъ окончательнаго пораженія приближалось все больше и больше.

XII. ПОЛИТИКА РИШЕЛЬЕ ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Изъ соч. Бокля: „Исторія цивилизаціи Англіи“ т. I, переводъ Бестужева-Рюмина).

Попытки кардинала Ришелье уничтожить силу французскаго дворянства оказались совершенно тщетными; ибо, вслѣдствіе длиннаго ряда событій, власть этого надменнаго сословія такъ глубоко укоренилась въ духѣ народа, что нужны были усилія еще цѣлаго столѣтія для изглаженія его стараго вліянія. Но хотя Ришелье не могъ уменьшить общественной и нравственной силы французскаго дворянства, онъ урѣзывалъ его политическія привилегіи и наказывалъ преступленія дворянъ такъ строго, что на время остановилъ ихъ прежнее своеволіе. Но самый талантливый государственный человѣкъ можетъ такъ мало сдѣлать одинъ,—если не находитъ опоры въ общемъ настроеніи вѣка, въ который живетъ,—что эти стѣсненія, какъ суровы они ни были, не произвели прочныхъ послѣдствій. Послѣ его смерти, французское дворянство, какъ мы увидимъ, скоро поправилось и въ войнахъ фронды обратило великую борьбу въ простой споръ враждебныхъ родовъ. И до исхода XVIII вѣка Франція не могла окончательно освободиться отъ горделиваго вліянія могущественнаго сословія, своимъ эгоизмомъ долго замедлявшаго успѣхи цивилизаціи, удерживая народъ въ рабствѣ, отдаленные результаты котораго еще и теперь не совсѣмъ изгладились.

Если въ этомъ отношеніи Ришелье потерпѣлъ неудачу, то въ другихъ вопросахъ онъ имѣлъ полный успѣхъ. Этимъ онъ обязанъ тому факту, что его широкіе и многообъемлющіе взгляды согласовались съ скептическимъ направленіемъ вѣка. Этотъ замѣчательный человѣкъ, хотя и былъ епископъ и кардиналъ, никогда ни на минуту не допускалъ притязаніямъ своего сословія заслонить высшіе интересы страны. Онъ зналъ, что правитель народа долженъ мѣрить дѣла только политическимъ мѣриломъ и не долженъ обращать вниманія на притязанія какой-нибудь секты или на распространеніе какого-либо мнѣнія, не относящагося къ настоящему и практическому благосостоянію людей. Вслѣдствіе того его правленіе представляетъ изумительное зрѣлище: верховная власть находится въ рукахъ священника, который нисколько не заботится объ усиленіи духовенства. Дѣйствительно, онъ не только былъ далекъ отъ этого, но еще часто обходился съ духовными лицами со строгостью, тогда ка-

завшеюся безпримѣрною. Королевскіе духовники, по важности своихъ обязанностей, всегда возбуждали нѣкоторое уваженіе: ихъ считали людьми безукоризненнаго благочестія; вслѣдствіе того они пользовались огромнымъ вліяніемъ, и даже самые могущественные государственные люди считали полезнымъ оказывать имъ уваженіе, подобающее ихъ высокому сану. Ришелье же былъ слишкомъ близко знакомъ съ тайнами своего сословія и потому не могъ чувствовать слишкомъ большаго почтенія къ стражамъ королевской совѣсти. Коссенъ, духовникъ Людовика XIII, слѣдовалъ, кажется, примѣру своихъ предшественниковъ и старался вперить въ умъ своего царственнаго духовнаго сына свои собственные политическіе взгляды. Но Ришелье, какъ только узналъ это, немедленно лишилъ его мѣста и отправилъ въ ссылку, ибо „маленькій отецъ Коссенъ", какъ онъ презрительно называлъ его, не долженъ вмѣшиваться въ политическія дѣла: онъ одинъ изъ тѣхъ, „кто воспитанъ въ невинности религіозной жизни". Коссену наслѣдовалъ знаменитый Сирмонъ; но Ришелье не позволялъ новому духовнику вступать въ отправленіе его обязанностей, пока онъ не далъ торжественнаго обѣщанія никогда не мѣшаться въ государственныя дѣла.

Въ другомъ, гораздо болѣе важномъ, случаѣ Ришелье выказалъ точно такой же духъ. Французское духовенство владѣло огромными богатствами и, пользуясь привилегіей облагать себя податями по собственному усмотрѣнію, тщательно избѣгало того, что считало безполезнымъ пожертвованіемъ на покрытіе государственныхъ расходовъ. Оно охотно давало деньги на войну съ протестантами, ибо считало своею обязанностью способствовать искорененію ереси; но оно не видѣло причины, почему бы его доходы тратились на достиженіе чисто-свѣтскихъ благъ; оно считало себя хранителемъ суммъ, отложенныхъ на духовныя нужды, и потому передать въ грѣховныя руки свѣтскихъ государственныхъ людей деньги, освященныя вѣрою предковъ, ему казалось нечестіемъ. Ришелье, считавшій эти сомнѣнія просто увертками заинтересованныхъ людей, совершенно иначе смотрѣлъ на отношенія, въ которыхъ духовенство стояло къ странѣ. Далекій отъ мысли, будто интересы церкви выше интересовъ государства, онъ положилъ въ основаніе своей политики то начало, что „слава государства должна быть высшимъ соображеніемъ". Онъ проводилъ это начало съ такимъ безстрашіемъ, что, созвавъ въ Мантѣ собраніе духовенства, принудилъ его дать правительству чрезвычайное пособіе въ 6.000,000 франковъ. Потомъ увидѣвъ, что нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ выразили свое неудовольствіе на столь необычайный образъ дѣйствій, онъ не оставилъ ихъ въ покоѣ и, къ ужасу всего духовенства, отправилъ въ ссылку не только четырехъ епископовъ, но и двухъ архіепископовъ—тулузскаго и санскаго.

Такой образъ дѣйствій за пятьдесятъ лѣтъ ранѣе былъ бы роковымъ для министра, осмѣлившагося на него. Но Ришелье, какъ въ этой, такъ и въ другихъ мѣрахъ находилъ содѣйствіе въ духѣ вѣка, начинавшаго презирать своихъ прежнихъ господъ. Такое стремленіе становилось тогда замѣтнымъ не только въ политикѣ и литературѣ, но и въ дѣйствіяхъ обыкновенныхъ судовъ. Нунцій съ негодованіемъ жаловался на враждебность къ духовенству, высказываемую французскими судьями; между разными позорными явленіями, онъ указывалъ на то, что нѣсколько духовныхъ повѣшены безъ предварительнаго лишенія сана. Въ другихъ слу-

чаяхъ, возрастающее презрѣніе выразилось способомъ, соотвѣтствовавшимъ грубости тогдашнихъ нравовъ. Сурди, архіепископъ бордоскій, былъ два раза позорно битъ: первый разъ — герцогомъ Эпернономъ, а послѣ—маршаломъ Витри. Ришелье, который обыкновенно строго обходился съ аристократіей, нисколько, казалось, не былъ расположенъ наказать это грубое оскорбленіе. Дѣйствительно, архіепископъ не только не вызвалъ никакого сочувствія, но черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ положительное приказаніе Ришелье удалиться въ свою епархію; онъ былъ такъ испуганъ оборотомъ дѣла, что бѣжалъ въ Карпентрасъ и отдался подъ покровительство папы. Это случилось въ 1641 г., а за девять лѣтъ передъ тѣмъ церковь подверглась еще большему соблазну. Когда въ 1632 г. возникли важныя волненія въ Лангедокѣ, Ришелье, для уничтоженія ихъ, не побоялся отрѣшить нѣсколькихъ епископовъ и захватить имѣнія остальныхъ.

Легко представить себѣ негодованіе духовенства. Такія неоднократныя оскорбленія трудно было бы перенести и отъ свѣтскаго человѣка, но они становились вдвое тяжелѣе, когда наносились своимъ же братомъ, вскормленнымъ въ томъ званіи, противъ котораго онъ теперь дѣйствовалъ. Это обстоятельство отягчало виновность, ибо, казалось, прибавляло къ оскорбленію предательство. То была не внѣшняя война, а домашняя измѣна. Здѣсь епископъ унижалъ епископство, кардиналъ оскорблялъ церковь. Но таково было общее настроеніе, что духовенство не рѣшалось на явное нападеніе, но черезъ своихъ приверженцевъ распускало самые позорные пасквили на великаго министра. Говорили, что онъ не цѣломудренъ, вдается въ открытый развратъ. Говорили, что у него нѣтъ религіи, что онъ только по имени католикъ, а въ сущности первосвященникъ гугенотовъ, патріархъ атеистовъ и—что всего хуже—намѣренъ ввести расколъ во французскую церковь. Къ счастью, прошло то время, когда умы народа могли волноваться подобными выдумками. Тѣмъ не менѣе, клеветы эти заслуживаютъ вниманія, ибо поясняютъ направленіе общественныхъ дѣлъ и ту горечь, съ которою духовенство смотрѣло, какъ бразды власти выпадали изъ его рукъ. Дѣйствительно, все это было такъ ясно, что въ послѣднюю междоусобную войну, начатую противъ Ришелье за два года до его смерти, инсургенты объявляли въ своей прокламаціи, что одною изъ ихъ цѣлей было возродить уваженіе, съ которымъ прежде относились къ духовенству и аристократіи.

Чѣмъ болѣе мы изучаемъ дѣятельность Ришелье, тѣмъ яснѣе становится для насъ этотъ антагонизмъ. Все показываетъ, что Ришелье сознавалъ борьбу между старымъ, церковнымъ правленіемъ и новымъ, свѣтскимъ и что онъ рѣшился низвергнуть старый порядокъ и утвердить новый: ибо не только во внутреннихъ дѣлахъ, но и во внѣшней его политикѣ мы видимъ одинаковое безпримѣрное неуваженіе къ теологическимъ интересамъ. Австрійскій домъ, въ особенности испанская его вѣтвь, давно считался всѣми благочестивыми людьми за вѣрнѣйшаго союзника церкви; на него смотрѣли, какъ на бичъ ереси, и его образъ дѣйствій противъ еретиковъ заслужилъ громкую извѣстность въ церковной исторіи. Поэтому, когда французское правительство въ царствованіе Карла IX сдѣлало рѣшительную попытку уничтожить протестантовъ, Франція естественно вступила въ связь какъ съ Испаніей, такъ и съ Римомъ, и эти три великія державы тѣсно соединились между собою не

по общности свѣтскихъ интересовъ, а въ силу религіознаго побужденія. Эта теологическая конфедерація была разрушена личнымъ характеромъ Генриха IV и возраставшимъ индифферентизмомъ вѣка; но въ малолѣтство Людовика XIII королева-правительница до нѣкоторой степени возобновила конфедерацію и старалась оживить тѣ предразсудки, на которыхъ она была основана. Она была ревностною католичкою, глубоко преданною Испаніи; ей удалось женить своего сына, молодаго короля, на испанской принцессѣ и выдать свою дочь за испанскаго принца.

Можно было ожидать, что Ришелье, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ римской церкви, будучи поставленъ во главѣ правленія, возстановитъ союзъ, столь ревностно желаемый сословіемъ, къ которому принадлежалъ самъ Ришелье. Но его образъ дѣйствій не подчинялся подобнымъ взглядамъ. Его цѣль была — не благопріятствовать мнѣніямъ какой-либо секты, а развивать интересы народа. Его трактаты, его дипломатія, планы его внѣшнихъ союзовъ—все было направлено не противъ враговъ церкви, а противъ враговъ Франціи. Поставивъ это новое начало дѣйствія. Ришелье сдѣлалъ важный шагъ къ секуляризаціи всей системы европейской политики: онъ подчинялъ теоретическіе интересы людей ихъ практическимъ интересамъ. До его времени правители Франціи для усмиренія своихъ подданныхъ-протестантовъ не колебались требовать помощи католическихъ войскъ Испаніи; поступая такимъ образомъ, они подчинялись старому мнѣнію, будто главная обязанность правительствъ — уничтоженіе ересей. Это пагубное ученіе было въ первый разъ открыто отвергнуто кардиналомъ Ришелье. Еще въ 1617 г., не укрѣпивъ вполнѣ своей власти, онъ, въ инструкціи къ одному изъ французскихъ посланниковъ, до сихъ поръ сохранившейся, выразилъ ту мысль, что въ государственныхъ дѣлахъ ни одинъ католикъ не долженъ предпочитать испанца французу-протестанту. Для насъ, при настоящемъ общественномъ развитіи, подобное предпочтеніе интересовъ нашей страны интересамъ нашей религіи стало дѣломъ обыкновеннымъ; но въ то время оно было поразительною новостью. Ришелье, однако, не побоялся довести это мнѣніе, казавшееся парадоксомъ, до его крайнихъ послѣдствій. Католическая церковь основательно полагала, что ея интересы тѣсно связаны съ интересами Австрійскаго дома; но Ришелье, лишь только былъ призванъ въ совѣтъ, рѣшился унизить этотъ домъ въ обѣихъ ея вѣтвяхъ. Для достиженія этой цѣли онъ открыто поддерживалъ жесточайшихъ враговъ своей религіи. Онъ помогалъ лютеранамъ противъ германскаго императора, кальвинистамъ — противъ испанскаго короля. Въ продолженіе восемнадцати лѣтъ своего управленія, онъ ревностно и неуклонно слѣдовалъ этой политикѣ. Когда Филиппъ попытался угнетать нидерландскихъ протестантовъ, Ришелье соединился съ ними; сначала онъ давалъ имъ большія суммы денегъ, а потомъ убѣдилъ французскаго короля подписать трактатъ о тѣсномъ союзѣ съ тѣми, которыхъ, по мнѣнію церкви, слѣдовало наказать, какъ мятежныхъ еретиковъ. Точно такъ же, когда вспыхнула великая война, которою императоръ пытался подчинить истинной вѣрѣ совѣсть германскихъ протестантовъ, Ришелье явился ихъ защитникомъ; сначала онъ старался спасти Пфальцъ, послѣ неудачи въ этомъ заключилъ въ ихъ пользу союзъ съ Густавомъ-Адольфомъ, самымъ искуснымъ изъ тогдашнихъ протестантскихъ полководцевъ. Но и на этомъ онъ не остановился. По смерти Густава, видя, что проте-

станты лишились своего великаго вождя, онъ сдѣлалъ еще болѣе энергическія усилія въ ихъ пользу. Онъ интриговалъ за нихъ при иностранныхъ дворахъ, велъ переговоры и даже организовалъ съ этою цѣлью открытый союзъ, въ которомъ отбросилъ всѣ церковныя соображенія. Этотъ союзъ, представляющій важное нововведеніе въ международной европейской политикѣ, не только былъ заключенъ съ двумя самыми могущественными врагами католической церкви, но и по сущности своей былъ „протестантскимъ союзомъ".

Одно это сдѣлало бы управленіе Ришелье великою эпохой въ исторіи европейской цивилизаціи, ибо представляетъ первый примѣръ замѣчательнаго католическаго государственнаго человѣка, систематически пренебрегающаго церковными интересами и выказывающаго это пренебреженіе во всей своей внѣшней и внутренней политикѣ. Правда, что нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ можно встрѣтить и ранѣе, между правителями мелкихъ итальянскихъ государствъ; но подобныя попытки были неудачны: онѣ никогда не были продолжительны, никогда не дѣлались въ довольно широкихъ размѣрахъ, чтобы служить прецедентомъ въ международныхъ сношеніяхъ. Особенную славу Ришелье составляетъ то обстоятельство, что его внѣшняя политика не случайно, а постоянно руководствовалась свѣтскими побужденіями; не думаемъ, чтобы за все продолжительное время его управленія можно было найти хоть малѣйшее доказательство его вниманія къ теологическимъ интересамъ, удовлетвореніе которыхъ прежде считалось дѣломъ первой важности. Такимъ образомъ, подчинивъ церковь государству, утвердивъ искусно, въ широкихъ размѣрахъ и съ неуклоннымъ успѣхомъ, начало этого подчиненія, онъ положилъ основаніе той чисто-свѣтской политики, упроченіе которой, со времени его смерти, составляетъ главную цѣль лучшихъ европейскихъ дипломатовъ. Слѣдствіемъ этого было самое благодѣтельное преобразованіе, которое готовилось давно, но совершилось только при немъ: введеніемъ этой системы положенъ конецъ религіознымъ войнамъ и увеличены шансы сохраненія мира устраненіемъ одной изъ причинъ, которыя часто вели къ его нарушенію. Въ то же время подготовленъ былъ путь къ окончательному отдѣленію теологіи отъ политики, отдѣленію, завершить которое есть дѣло будущихъ поколѣній. Какъ великъ былъ шагъ, сдѣланный въ этомъ направленіи — доказывается тою легкостью, съ которою дѣло Ришелье продолжали люди, стоящіе во всѣхъ отношеніяхъ ниже его. Менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ его смерти собрался Вестфальскій конгрессъ, члены котораго заключили знаменитый миръ, представляющій первый широкій опытъ соглашенія враждебныхъ интересовъ главныхъ странъ Европы. Въ этомъ важномъ трактатѣ церковные интересы оставлены совершенно безъ вниманія, и договаривающіяся стороны, вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, отнимать другъ у друга владѣнія, приняли болѣе смѣлое рѣшеніе вознаградить себя на счетъ церкви, не колеблясь, захватили ея доходы и секуляризировали нѣсколько епископствъ. Духовная власть никогда не оправлялась послѣ этого тяжкаго удара, имѣвшаго огромное значеніе въ международномъ правѣ Европы. Одинъ очень компетентный писатель замѣтилъ, что съ этого времени дипломаты въ своихъ оффиціальныхъ актахъ перестали обращать вниманіе на религіозные интересы и предпочли отстаивать все, что касается торговли и колоній своихъ странъ. Истина этого замѣчанія подтверждается

тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что тридцатилѣтняя война, окончившаяся этимъ трактатомъ, была послѣднею изъ религіозныхъ войнъ; ни одинъ цивилизованный народъ, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, не считалъ нужнымъ подвергать опасности свое благосостояніе только для того, чтобы измѣнить вѣрованіе своихъ сосѣдей. Въ сущности, это только часть того обширнаго свѣтскаго движенія, которымъ было ослаблено суевѣріе и обезпечена цивилизація Европы. Впрочемъ, не вступая въ обсужденіе этого вопроса, я постараюсь показать теперь, какъ политика Ришелье относительно французской протестантской церкви соотвѣтствовала его политикѣ относительно французской католической церкви, и какъ въ отношеніи той и другой этотъ великій государственный человѣкъ, вспомоществуемый развитіемъ знаній, отличавшимъ его время, имѣлъ возможность бороться съ предразсудками, отъ которыхъ люди пытались освободиться только медленно и съ безконечнымъ трудомъ.

Отношенія Ришелье къ французскимъ протестантамъ составляютъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ почтенныхъ сторонъ его системы; въ этой, какъ и въ другихъ либеральныхъ мѣрахъ, его поддерживали предшествующія событія. Его управленіе, въ связи съ управленіемъ Генриха IV и королевы-правительницы, представляетъ прекрасное зрѣлище терпимости, болѣе полной, чѣмъ когда-либо до того встрѣчавшейся въ католической Европѣ. Тогда какъ въ другихъ европейскихъ странахъ безустанно преслѣдовали людей только за то, что ихъ мнѣнія не сходились съ мнѣніями, исповѣдуемыми господствующимъ духовенствомъ,— Франція отказалась слѣдовать общему примѣру и покровительствовала еретикамъ, которыхъ церковь охотно бы наказала. Дѣйствительно, они не только находили защиту, но если у нихъ были способности, то и поощреніе. Имъ давали гражданскія должности и даже поручали высшія военныя мѣста; Европа съ удивленіемъ видѣла, что арміями французскаго короля начальствуютъ генералы-еретики. Роганъ, Ледигьеръ, Шатильонъ, Лафорсъ, Бернгардъ Веймарскій принадлежали къ числу знаменитѣйшихъ полководцевъ временъ Людовика XIII; всѣ они были протестанты, равно какъ и болѣе молодые, но уже прославившіеся офицеры, каковы: Гассіонъ, Ранцау, Шомбергъ и Тюреннь. Теперь все стало доступно людямъ, которыхъ за полстолѣтія передъ тѣмъ преслѣдовали бы до смерти. Незадолго до вступленія на престолъ Людовика XIII, Ледигьеръ, самый искусный генералъ между французскими протестантами, былъ сдѣланъ маршаломъ Франціи. Черезъ четырнадцать лѣтъ тотъ же высокій санъ былъ пожалованъ двумъ другимъ протестантамъ — Шатильону и Лафорсу; первый изъ нихъ, какъ говорятъ, былъ самымъ вліятельнымъ изъ еретиковъ. Оба назначенія были сдѣланы въ 1622 г.; а въ 1634 г. поразило еще болѣе назначеніе Сюлли, который, несмотря на всѣмъ извѣстную ересь свою, также получилъ маршальскій жезлъ. Это было дѣломъ Ришелье и серьезно оскорбило друзей церкви; но великій государственный человѣкъ такъ мало обращалъ вниманія на ихъ возгласы, что, по окончаніи междоусобной войны, сдѣлалъ другой, столь же поразительный шагъ. Герцогъ Роганъ былъ самымъ дѣятельнымъ врагомъ господствующей церкви и считался протестантами главнѣйшею опорой ихъ партіи. Онъ поднялъ оружіе въ защиту ихъ дѣла и, отказавшись перемѣнить религію, былъ принужденъ ходомъ войны оставить Францію. Но кардиналу, знавшему его способности, было мало

дѣла до его убѣжденій. Вотъ почему онъ вызвалъ его изъ изгнанія, употребилъ для переговоровъ съ Швейцаріей и послалъ за границу начальствовать одной изъ армій французскаго короля.

Таковы были стремленія, отличавшія новый порядокъ вещей.

XIII. КАРДИНАЛЪ РИШЕЛЬЕ И ОЦѢНКА ЕГО ВНѢШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

(Изъ введенія Авенеля къ изданной имъ коллекціи документовъ: „Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'état du cardinal de Richelieu“.)

Чтобы представить краткій обзоръ общихъ результатовъ управленія Ришелье, всего удобнѣе раздѣлить министерство его на двѣ части и разсмотрѣть, въ какое положеніе поставилъ Ришелье Францію въ ея иностранныхъ отношеніяхъ и въ ея внутреннемъ управленіи; въ иностранныхъ дѣлахъ мы видимъ величіе и славу; во внутреннихъ дѣлахъ мы видимъ такое же величіе, но купленное цѣною многихъ бѣдствій!

Что касается внѣшней политики, то чѣмъ болѣе проникаемъ мы въ сущность дѣлъ этой эпохи, чѣмъ болѣе изучаемъ въ подробностяхъ дѣятельность и оффиціальную жизнь кардинала, тѣмъ яснѣе видимъ, до какой степени было у него щекотливо, живо и постоянно чувство достоинства Франціи. Мы видимъ во всѣхъ случаяхъ, что этотъ великій игрокъ въ политическую игру отказывается отъ мелочей, чтобы вѣрнѣе заручиться тѣмъ, что поважнѣе, легко жертвуетъ какими-нибудь ничтожными удовлетвореніями личнаго самолюбія, но въ то же время остается непоколебимымъ въ рѣшимости гарантировать странѣ прочныя и серьезныя выгоды.

Кажется, какъ будто въ душѣ Ришелье воскресли великія мысли Генриха IV, остававшіяся въ забвеніи въ теченіе 14-ти лѣтъ: брачный союзъ съ Англіей, возобновленные союзы съ Голландіей и Швейцаріей, болѣе тѣсное сближеніе съ протестантскими государями Германіи,—все это съ самаго начала связывало министерство Ришелье съ царствованіемъ Генриха IV. Тогда-то воскресла эта искусная политика, которая недовѣрчиво слѣдила за Австріей и Испаніей, и предусмотрительность которой считала большою опасностью для королевства соединенныя силы этихъ двухъ государствъ, которыя съ трехъ сторонъ окружали Францію.

Хотя Испанія уже склонялась къ упадку, однако она занимала еще важное мѣсто въ Европѣ. Великіе короли, великіе министры исчезли въ ней; она держалась не своею собственною силой, но была защищаема еще только репутаціей своего прежняго могущества, прежнею смѣлостью ея глубокихъ плановъ и все еще внушительнымъ призракомъ ея падшаго величія. Она еще имѣла честолюбіе, направленное на великія дѣла, но уже не имѣла генія для совершенія ихъ. Это показываетъ, что дѣйствительно настоящая испанская монархія сошла въ могилу вмѣстѣ съ Филиппомъ II, и отъ нея осталась только тѣнь. И однакоже не совсѣмъ еще исчезнувшій страхъ окружалъ и по прежнему защищалъ это привидѣніе. Ришелье поколебалъ этотъ страхъ и сталъ бороться съ этимъ привидѣніемъ. Правда, еще раньше, Генрихъ IV взялся за это дѣло; но теперь Ришелье велъ борьбу для того, чтобы разрушить Испанію, тогда

какъ до Генриха IV Францискъ I боролся для того, чтобы Францiя не была разрушена Испанiей.

Ришелье желалъ прежде всего дать твердыя границы Францiи со всѣхъ тѣхъ сторонъ, гдѣ она была уязвима. Въ то время отъ оконечности Шампани до оконечности Дофине востокъ былъ открытъ на всемъ его протяженiи, Руссильонъ безпокоилъ Францiю съ юга, а со стороны беззащитнаго сѣвера Испанiя, утвердившаяся почти на Соммѣ и опиравшаяся на Нидерланды, находилась на разстоянiи трехъ дней пути отъ Парижа. Брейзахъ и Пиньероль на востокѣ, Перпиньянъ на югѣ, Аррасъ на сѣверѣ—изъ крѣпостей, служившихъ угрозою противъ Францiи, сдѣлались оплотами ея, и когда впослѣдствiи, уже по смерти Ришелье, Вестфальскiй договоръ организовалъ Европу, когда Францiя съ трехъ сторонъ, не соприкасавшихся съ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, была расширена присоединенiемъ къ ней Артуа, Фландрiи, Эльзаса, Франшъ-Конте и Руссильона, то она признала въ дѣлѣ Людовика XIV мысль Ришелье и поняла, что слава великаго короля кое-чѣмъ обязана генiю великаго министра.

Перейдемъ теперь къ внутреннимъ дѣламъ. Во время перваго опыта управленiя, который Ришелье сдѣлалъ въ 1617 году, и вслѣдствiе любознательнаго вниманiя, которое онъ продолжалъ обращать на дѣла даже и въ то время, когда былъ удаленъ отъ нихъ, онъ легко убѣдился, что послѣ 14-ти-лѣтней анархiи, послѣдовавшей послѣ смерти Генриха IV, единственное спасенiе Францiи заключалось въ сосредоточенiи власти, а честолюбiе, равно какъ и сознанiе собственныхъ силъ и способностей еще легче убѣдили его, что это сосредоточенiе должно совершиться въ его рукахъ. Правительство въ то время встрѣчало почти непреодолимыя трудности, которыя едва можно понять въ настоящее время; препятствiя возникали со всѣхъ сторонъ; второстепенныя власти вмѣсто того, чтобы служить поддержкою для центральной власти, были, казалось, ея противниками; сопротивленiе въ церковныхъ дѣлахъ со стороны духовенства; сопротивленiе въ государственныхъ дѣлахъ со стороны парламентовъ; сопротивленiе въ администрацiи со стороны губернаторовъ провинцiй; сопротивленiе въ дѣлахъ веденiя войны со стороны генераловъ, простыхъ офицеровъ и даже солдатъ, — все это подвергало испытанiю повелительную волю, суровое могущество и непоколебимую твердость Ришелье.

Эта централизацiя, великiе результаты которой были угаданы его генiемъ, существовала только въ его лицѣ, но не въ самомъ положенiи вещей; не имѣя еще за собой законнаго правительственнаго авторитета, централизацiя всѣмъ казалась узурпацiей; видно было, что она совершается въ пользу кардинала, но не такъ ясно было то, что она можетъ утвердиться для пользы государства; она уже имѣла противъ себя всѣ интересы, которые она подрывала, не имѣя еще на своей сторонѣ тѣхъ интересовъ, которые она должна была создать и поддерживать.

Вообще въ правахъ и законодательствѣ Ришелье, — что онъ ни дѣлалъ,—могъ установить только неполную централизацiю. Но и въ томъ видѣ, какъ она была, она все-таки представляла по крайней мѣрѣ первый шагъ къ нацiональному единству, и затѣмъ однимъ изъ ея частныхъ результатовъ было то, что она содѣйствовала ослабленiю власти знатныхъ вельможъ тѣмъ, что она значительно уменьшила важность про-

винціальныхъ губернаторовъ, которые были чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ государей въ своихъ провинціяхъ, имѣли своего рода дворъ, укрѣпленныя мѣста и набирали солдатъ.

Въ одномъ изъ первыхъ мемуаровъ, въ которомъ Ришелье излагалъ королю положеніе страны (май 1625), онъ замѣтилъ, что возстанія были обыкновеннымъ дѣломъ во Франціи и что эти возстанія не могли исходить ни отъ кого другаго, „какъ только отъ недовольства знатныхъ вельможъ королевства или отъ гугенотовъ". Итакъ онъ занялся одновременно обезоруженіемъ гугенотовъ и вельможъ.

Извѣстно, что Ришелье смотрѣлъ на реформацію съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія богословской онъ осуждалъ ересь, съ точки же зрѣнія государственнаго человѣка онъ осуждалъ только возстаніе, бунтъ. Изъ этого вытекалъ его очень неодинаковый, но въ своей неодинаковости очень логическій образъ дѣйствій относительно иноземныхъ реформатовъ и реформатовъ французскихъ. Онъ находился въ союзѣ съ иноземными реформатами и помогалъ имъ бороться съ врагами Франціи; но внутри государства онъ боролся съ реформатами, которые вступали въ союзъ съ этими именно врагами. Итакъ однимъ изъ великихъ результатовъ внутренней политики Ришелье было то, что онъ уничтожилъ во Франціи не секту, но религіозную партію реформатовъ.

Одною изъ первыхъ заботъ Ришелье, когда онъ сдѣлался главою министерства, было—внести хоть какой-нибудь порядокъ въ финансы, которые послѣ Сюлли подверглись постоянному и наглому грабежу вслѣдствіе отвратительной администраціи и особенно вслѣдствіе ненасытной алчности знатныхъ вельможъ. Въ самомъ началѣ 1625 года онъ приказалъ, чтобы ему представленъ былъ вѣрный отчетъ о положеніи финансовъ. Онъ предписалъ составить роспись доходовъ и расходовъ на указанный годъ; онъ объявилъ генеральнымъ сборщикамъ, что король желаетъ „знать навѣрное и въ подробностяхъ, до чего простираются расходы" и т. д. Ришелье приказалъ обсудить въ государственномъ совѣтѣ мѣры, которыя должны быть приняты по этому предмету для того, чтобы придать возможно большій авторитетъ новому финансовому порядку. Въ числѣ рукописей парижской университетской библіотеки находится часть этого труда, дающая достаточно ясное понятіе о финансовой администраціи того времени. Послѣ продолжительнаго безпорядка этотъ опытъ того, что въ настоящее время называется *бюджетомъ*, представляетъ фактъ достойный замѣчанія. Онъ особенно доказываетъ рѣшимость Ришелье слѣдовать въ этихъ дѣлахъ примѣру Сюлли и привести финансы въ тотъ точный и строгій порядокъ, въ какомъ оставилъ ихъ этотъ великій министръ,—дѣло трудное, которое кардиналъ преслѣдовалъ безъ большаго успѣха во все время своего управленія, какъ можно объ этомъ судить по различнымъ росписямъ счетныхъ палатъ, росписямъ, которыя представляютъ неполныя статьи доходовъ и расходовъ по всѣмъ отраслямъ. Только въ 1640 году удалось наконецъ составить полную роспись.

Усиліямъ Ришелье внести порядокъ въ финансы королевства съ самаго начала помогалъ маршалъ Эффіа, которому онъ далъ должность суперъ-интенданта; но скоро расходы, особенно расходы на войну, стали увеличиваться вовсе не пропорціонально рессурсамъ государства; чрезвычайные расходы въ бюджетѣ часто доходили приблизительно до 30 мил-

ліоновъ ливровъ въ годъ, а въ 1634 году они составляли болѣе 80 милліоновъ. Были употребляемы въ дѣло всѣ паліятивныя мѣры: принудительные займы, подати съ зажиточныхъ людей, выпуски рентъ, и такимъ образомъ государственный долгъ оказался значительнымъ при смерти Ришелье. Нѣтъ сомнѣнія, что это была одна изъ сильнѣйшихъ заботъ кардинала среди всѣхъ безпокойствъ и всѣхъ страданій послѣдняго года его жизни. Намъ станетъ понятно это печальное положеніе государственной казны, если мы представимъ себѣ—съ одной стороны—то положеніе, въ какомъ онъ нашелъ дѣла государства въ 1624 году послѣ 14 лѣтъ страшнаго мотовства и хищничества, а съ другой—все то, что онъ долженъ былъ истратить самъ, для того чтобы привести въ дѣйствіе новую систему администраціи, основать научныя учрежденія, дать уничтоженной торговлѣ новый толчекъ, создать торговый флотъ, а также и военный, организовать армію, равно какъ и постоянныя вѣдомства, которыя должны были содержать и питать ихъ, и тогда наконецъ привести въ исполненіе его систему европейской политики.

Но каковы бы ни были результаты управленія Ришелье относительно внутреннихъ дѣлъ Франціи, тѣмъ не менѣе достовѣрно,—и въ интересахъ исторической истины этого нельзя забывать,—что кардиналу не удалось организовать этихъ двухъ жизненныхъ силъ великаго государства: финансовъ и арміи. Въ другихъ отрасляхъ внутренняго управленія видны яснѣе направленіе и сила его генія.

Къ числу созданныхъ Ришелье учрежденій, которыя имѣли значительное вліяніе на администрацію страны, нужно причислить учрежденіе должности интендантовъ юстиціи, полиціи и финансовъ, которыхъ онъ поставилъ рядомъ съ губернаторами, чтобы они ограничивали и контролировали власть послѣднихъ.

Но если учрежденіе интендантовъ и произвело дѣйствительное улучшеніе въ администраціи провинцій, то оно тѣмъ не менѣе было полезно и для деспотизма Ришелье, въ рукахъ котораго интенданты были послушными орудіями. И при внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что таковъ же былъ существенный характеръ и всего того, что сдѣлалъ Ришелье важнаго; занятый прежде всего величіемъ государства, онъ былъ занятъ не менѣе и своимъ собственнымъ величіемъ; мысли о томъ и о другомъ слились для него въ одну мысль.

Эта истина ярко блещетъ во всей корреспонденціи Ришелье. Ничто другое, кромѣ писемъ, не можетъ дать намъ возможности проникнуть въ изгибы жизни и объяснить намъ какъ ея секреты, такъ и ея публичные акты. Правда, разсказывая исторію великихъ людей, нужно остерегаться, чтобы не приписать генію того, что собственно было дѣломъ случая. Но во всякомъ случаѣ еще труднѣе, кажется, избѣжать противоположной ошибки. Когда останавливаешься на поверхности событій и наблюдаешь только результаты, тогда является наклонность слишкомъ преувеличивать значеніе счастья и приписывать ему больше, чѣмъ слѣдуетъ, участія въ славѣ знаменитыхъ людей; но когда изучаешь дѣла въ подробностяхъ, тогда бываетъ яснѣе видно, до какой степени успѣхъ принадлежитъ великимъ людямъ, какъ счастье по необходимости повинуется ихъ волѣ, какъ то, что называется случаемъ, бываетъ рабомъ ихъ комбинацій и сколько имъ нужно было энергіи, труда, предусмотрительности для того, чтобы приготовить торжество и вообще произвести то, что есть въ славѣ личнаго.

Во время политической карьеры Ришелье сужденія о немъ были руководимы лестью и гнѣвомъ, одинаково ослѣпленными энтузіазмомъ и отвращеніемъ, одинаково пристрастными. Въ глазахъ однихъ Ришелье былъ символомъ величія и добродѣтели, чѣмъ-то въ родѣ божества и видимаго провидѣнія; въ глазахъ же другихъ Ришелье былъ только интриганомъ, безстыднымъ человѣкомъ и отравителемъ, злымъ геніемъ Франціи и Европы, сатаною, возмутившимся противъ Бога. Друзья и враги одинаково преувеличивали свое удивленіе и униженіе.

Потомство, безъ сомнѣнія, оцѣнило его лучше, чѣмъ современники; но достаточно ли оно безпристрастно для того, чтобы не увлекаться подобными же страстями? Не имѣетъ ли и оно своихъ предразсудковъ, предубѣжденій и предвзятыхъ мнѣній? Имѣетъ ли оно достаточныя свѣдѣнія? Ужели ему нѣтъ надобности справиться о чемъ-нибудь въ документахъ, которые не были изданы до настоящаго времени? Когда дѣло идетъ о человѣкѣ, который такъ часто былъ изучаемъ и который такъ извѣстенъ, какъ кардиналъ Ришелье, то единственное средство изучить его снова и узнать его еще лучше—это обратиться къ его корреспонденціи, изучать его по тому, что написано имъ самимъ.

Если результатъ управленія Ришелье раздѣлить на двѣ части, какъ это мы и сдѣлали, то оказывается, что организація, данная Европѣ Вестфальскимъ миромъ, и высокое положеніе Франціи въ этой организаціи были отчасти дѣломъ Ришелье: это его могучій подвигъ, это его слава. Что же касается внутренней организаціи Франціи, то онъ, конечно, улучшилъ ее, всѣ отрасли администраціи испытали его вліяніе, хотя не во всѣхъ были достигнуты одинаково рѣшительные результаты, и напрасно мы стали бы искать хоть одного учрежденія, которое бы заключало въ себѣ самомъ принципъ прочности и которое было бы способно гарантировать странѣ хоть какую-нибудь безопасность. Ришелье продолжалъ великій трудъ разрушенія феодализма, и послѣ него уже немногое оставалось сдѣлать Людовику XIV, чтобы покончить съ феодализмомъ: онъ уничтожилъ политическое значеніе гугенотовъ, организовавшихся въ видѣ партіи; онъ сломилъ все, что было для него препятствіемъ, и самъ сталъ на мѣсто того, что было имъ сломлено, точно будто ему суждено было сдѣлаться безсмертнымъ—дѣло все-таки великое и, безъ сомнѣнія, трудное. Но ужели нельзя было потребовать отъ его генія чего-нибудь больше? И достаточно ли обезпечилъ Ришелье будущность Франціи?

Чтобы произнести сужденіе объ управленіи Ришелье съ этой точки зрѣнія, нужно было бы заняться глубокимъ изслѣдованіемъ состоянія учрежденій Франціи въ то время, когда онъ сталъ во главѣ управленія дѣлами; нужно было бы изучить подробно матеріальное и моральное положеніе страны; нужно было бы изслѣдовать, способенъ ли былъ геній Ришелье вообще, каковы бы ни были люди и обстоятельства, среди которыхъ онъ жилъ, понять что-нибудь другое, кромѣ абсолютной власти. Но всѣ эти трудныя и обширныя изслѣдованія не могутъ найти себѣ мѣста въ этомъ общемъ очеркѣ. Однакоже, если мы обратимъ вниманіе на смуты, возникшія во Франціи, спустя немного времени послѣ смерти кардинала, то насъ особенно поразитъ безсиліе основаннаго имъ правленія, обнаружившееся тотчасъ же, какъ только онъ пересталъ быть его душою. Еслибы преемники Людовика XIII не были достаточно искусны для того, чтобы воспользоваться наслѣдствомъ деспотизма, то какова

была бы участь народа, которому Ришелье не далъ ничего другаго, кромѣ возможности имѣть великаго короля? И дѣйствительно, не явись Людовикъ XIV, потомство сурово потребовало бы отъ памяти кардинала самаго строгаго отчета.

Деспотизмъ Ришелье не лишенъ былъ нѣкотораго величія, потому что онъ соединенъ былъ съ опасностью. Ришелье нападалъ на все, что было въ то время сильнаго въ государствѣ, и единственное его спасеніе заключалось въ согласіи или довѣріи короля, которое давалось ему съ неудовольствіемъ и въ которомъ онъ всегда сомнѣвался; одинъ день рѣшительно дурнаго расположенія духа достаточенъ былъ для того, чтобы потерять это согласіе. Армія большею частью принадлежала дворянству, которое набирало ее и командовало ею; духовенство нетерпѣливо сносило гнетъ этой желѣзной воли, давившей и его такъ же, какъ и все остальное; единственная дѣйствительная сила Ришелье заключалась только въ его геніи и его счастіи.

Замѣтимъ, что этому инстинкту деспотизма нужно приписать часть жестокостей, которыя оставили кровавыя пятна на этой великой репутаціи; мы говоримъ—инстинкту, но можно бы сказать—религіи: въ убѣжденіяхъ Ришелье правительственный принципъ занималъ такое же мѣсто, какъ и религіозный догматъ; онъ былъ такимъ же убѣжденнымъ деспотомъ, какимъ былъ убѣжденнымъ католикомъ, и въ его глазахъ государственное преступленіе было въ то же время и святотатствомъ.

Подобный фанатизмъ также имѣетъ свою страшную логику.

Для того, кто рѣшился не терпѣть никакого сопротивленія, нѣтъ другаго права, кромѣ силы, другаго закона, кромѣ произвола, другой санкціи, кромѣ меча. Самъ Ришелье въ своихъ размышленіяхъ объ убійствѣ, жертвою котораго былъ Кончини, отрицалъ у королей право нарушать „формы юстиціи“ и по поводу процесса жены маршала д'Анкръ писалъ: „справедливо говорятъ, что нѣтъ обезпеченной невинности въ такое время, когда всякаго могутъ сдѣлать виновнымъ“. Исторія по справедливости опозорила приговоры, произнесенные его коммисарами, даже и въ томъ случаѣ, когда она признавала справедливость этихъ приговоровъ. И между головами, которыя пали на эшафотѣ по волѣ Ришелье, многія, конечно, вполнѣ заслужили свое наказаніе, но между ними были также и такія, которыя пали только для удовлетворенія его ненависти, или въ видѣ предостереженія ненависти его враговъ.

Во всякомъ случаѣ, кто внимательно изучалъ Ришелье, тотъ знаетъ, что жестокость была скорѣе однимъ изъ средствъ его политики, чѣмъ свойствомъ его характера; онъ былъ безжалостенъ скорѣе по разсудку, чѣмъ по природѣ. Изъ всѣхъ его жертвъ не было ни одной, которая была бы принесена только ему одному лично.

Конечно, никто не станетъ отрицать того, что мстительность была одною изъ характеристическихъ чертъ души Ришелье; его лучшія качества: энергія, настойчивость, изобрѣтательность на средства—не только не измѣняли ему, но даже еще болѣе изощрялись въ то время, когда онъ преслѣдовалъ свои планы мести; но достаточно ли разъяснено, какой оттѣнокъ имѣло это чувство у этого необыкновеннаго человѣка? Достаточно ли понято то, до какой степени была для него легка и вѣроятна та иллюзія (можно даже сказать—реальное и глубокое убѣжденіе), вслѣдствіе которой обиды, нанесенныя ему лично, онъ считалъ нападе-

ніями, направленными противъ монархіи? Онъ самъ высказалъ это въ такое время, когда слово человѣка имѣетъ искренній смыслъ, именно когда онъ говорилъ къ Богу: „я никогда не имѣлъ другихъ враговъ, кромѣ враговъ государства“.

Въ самомъ дѣлѣ, Ришелье имѣлъ рѣдкую и счастливую судьбу, что его страсти часто совпадали съ величіемъ Франціи, что его ненависть почти всегда обращена была на враговъ страны, на людей (за исключеніемъ двухъ или трехъ), къ которымъ народъ относился равнодушно, или которые были даже ему ненавистны, и что онъ могъ губить, имѣя видъ, какъ будто онъ дѣйствуетъ въ интересахъ королевства. Часто, это нужно признать, его личная месть была въ то же время національною местью; по крайней мѣрѣ, всегда онъ придавалъ ей такой видъ.

И потомъ изученіе царствованія послѣднихъ Валуа и особенно картина, которую представляла ему исторія его времени, глубоко вкоренили въ умѣ Ришелье то убѣжденіе, что слабость въ государственныхъ дѣлахъ есть преступленіе, а твердость—самая первая добродѣтель; подобное убѣжденіе у такого человѣка не должно ли было доводить его до самыхъ крайнихъ предѣловъ строгости?

Въ концѣ своей карьеры онъ развилъ въ одной главѣ своего „Политическаго завѣщанія“ свою доктрину о наказаніи и наградѣ: „какъ награда, такъ и наказаніе,—говоритъ онъ,—важны при управленіи государствомъ“; затѣмъ онъ прибавляетъ: „я ставлю наказаніе прежде награды; потому что еслибы нужно было отказаться отъ чего-нибудь одного изъ двухъ, отъ награды или отъ наказанія, то гораздо скорѣе можно было бы обойтись безъ первой, чѣмъ безъ послѣдняго. Такъ какъ къ добру нужно стремиться изъ любви къ самому себѣ, то, конечно, не слѣдуетъ награждать того, кто къ нему стремится. Но такъ какъ нѣтъ ни одного преступленія, которое бы не нарушало какой-нибудь обязанности, то, слѣдовательно, нѣтъ преступленія, которое бы не требовало наказанія, слѣдующаго за неповиновеніе, и такое требованіе столь настоятельно, что во многихъ случаяхъ нельзя оставить преступленія безнаказаннымъ, не совершая новаго преступленія... Какъ богословы, такъ и политики согласятся съ этимъ“.

Кромѣ того, само общественное мнѣніе укрѣпляло Ришелье въ этой склонности его характера и въ этой логикѣ его ума. Прочитайте сословныя заявленія (*тетради*) на собраніи сословій 1614 года; если заявленія дворянства и умалчиваютъ насчетъ возмущеній, то духовенство въ своихъ заявленіяхъ требуетъ, чтобы „всѣ общества и лиги, составленныя подданными, какъ внутри, такъ и внѣ королевства для какой бы то ни было заявляемой цѣли и подъ какимъ бы то ни было благовиднымъ предлогомъ, были наказываемы по всей строгости законовъ“. Третье сословіе требуетъ того же самаго еще съ большею энергіею и настоятельностью. Вотъ ихъ требованіе въ сокращеніи: „Равномѣрно должно быть признано основнымъ закономъ государства, чтобы всѣ подданные вашего величества, какого бы сословія они ни были, которые составятъ лигу и общество между собою или съ другими иностранными государями и вельможами; которые будутъ получать пенсіи отъ иностранныхъ государей; которые станутъ набирать людей, собирать запасы оружія, составлять собранія и совѣщанія, — были признаваемы виновными въ оскорбленіи величества, чтобы имъ не оказывалось никакой пощады

*

и чтобы всѣмъ лицамъ дозволено было преслѣдовать ихъ, рубить и разгонять при звонѣ набата".

Такимъ образомъ, въ принципѣ своей строгости, если не въ примѣненіи ея, Ришелье, казалось, повиновался своего рода національному желанію.

Отмѣтимъ еще слѣдующее обстоятельство: кардиналъ защищался всѣми средствами своего безграничнаго могущества и своего безжалостнаго сердца, но онъ не нападалъ никогда; совершенно напротивъ—ему хотѣлось имѣть только друзей; онъ старался привлечь ихъ ласками, благодѣяніями, всѣми средствами завлекающаго ума; онъ напрашивался на услуги, но постоянно былъ настарожѣ противъ злонамѣренности; всякій всегда могъ дѣлать выборъ, сдѣлаться его креатурой или его врагомъ; но разъ кто-нибудь выбралъ вражду, то для него уже не было пощады; кардиналъ съ лихвою платилъ зломъ за зло; для него было удовольствіемъ и гордостью губить своего противника, не вспоминая о прошлыхъ благодѣяніяхъ и услугахъ.

Мы скажемъ наконецъ, что судъ исторіи долженъ принять во вниманіе особенность положенія Ришелье. Будучи министромъ безхарактернаго короля и сражаясь съ сильными врагами, онъ долженъ былъ защищать себя въ одно и то же время отъ слабости одного и отъ злобы другихъ. Еслибы онъ встрѣчалъ меньшее сопротивленіе своему могуществу, то былъ бы менѣе жестокъ; онъ, можетъ быть, нашелъ бы въ великодушіи ту силу, которой искалъ въ устрашеніи, и еслибы онъ былъ королемъ, то, можетъ быть, не обагрилъ бы своей порфиры всею тою кровью, которая запятнала его кардинальскую мантію.

Мы высказываемъ это только какъ догадку, имѣющую, впрочемъ, свое основаніе; дѣйствительно, во всемъ томъ, что мы знаемъ о жизни Ришелье до сорокалѣтняго возраста, до его вступленія въ высшее управленіе дѣлами и до первой его политической борьбы, въ которой безразсудный и несчастный Шале палъ его жертвою, мы не находимъ никакого указанія, которое могло бы дать намъ право видѣть или даже предчувствовать въ немъ безжалостную душу съ инстинктами жестокости: но въ то же время мы твердо убѣждены, что еслибы Богъ въ эту душу, съ такимъ геніемъ, вложилъ больше великодушія, то Франція была бы не менѣе могучею и Ришелье возбуждалъ бы не меньше удивленія.

XIV. РЕГЕНТСТВО АННЫ АВСТРІЙСКОЙ, МИНИСТЕРСТВО МАЗАРИНИ И ФРОНДА.

(Составлено по соч. Сисмондъ-де-Сисмонди: „Précis de l'Histoire des Français" и по соч. Бонмера: „La France sous Louis XIV" и др. соч.).

Словно немыслимый безъ опоры Ришелье, Людовикъ XIII скоро послѣдовалъ за нимъ въ могилу. Уже близкій къ смерти, созвалъ онъ 20 апрѣля 1643 г. къ себѣ въ комнату торжественное собраніе, предъ которымъ прочтенъ былъ наказъ, установлявшій регентство и управленіе государствомъ въ случаѣ смерти короля. Въ указѣ своемъ Людовикъ XIII объявилъ, что онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, назначаетъ регентшей, за малолѣтствомъ наслѣдника престола, свою любимую су-

пругу, но, не желая возложить все бремя правленія на нее одну, онъ назначаетъ ей въ помощь правительственный совѣтъ, въ которомъ важныя дѣла государственныя будутъ обсуждаемы и рѣшаемы по большинству голосовъ.

Членами этого совѣта были назначены принцъ Конде, кардиналъ Мазарини, канцлеръ Сегье, министръ финансовъ Бутилье и государственный секретарь Шавиньи. Измѣненіе состава членовъ совѣта не допускалось; въ случаѣ открывающейся вакансіи, она должна быть замѣщена по большинству голосовъ наличныхъ членовъ совѣта. Герцогъ Орлеанскій Гастонъ, вернувшійся во Францію, былъ назначенъ генеральнымъ намѣстникомъ малолѣтняго короля. Анна Австрійская и Гастонъ подписали наказъ умирающаго короля и дали клятву ни въ чемъ его не нарушать.

Малолѣтній ребенокъ Людовика XIII, наслѣдовавшій ему на престолѣ подъ именемъ Людовика XIV, имѣлъ всего отъ роду 4 года и 8 мѣсяцевъ слишкомъ. Основнаго закона относительно регентства за малолѣтствомъ наслѣдниковъ престола во Франціи еще не было, но, по установившемуся уже обычаю, регентство должно было перейти къ матери-королевѣ, что на этотъ разъ было подтверждено еще формально заявленною волею умирающаго Людовика XIII. Единственнымъ претендентомъ на регентство могъ быть Гастонъ Орлеанскій, но это былъ человѣкъ наиболѣе презрѣнный во всей Франціи и потому наименѣе опасный для Анны Австрійской.

Анна Австрійская, дочь испанскаго короля Филиппа III и сестра Филиппа IV, осталась по смерти своего мужа 42-хъ-лѣтнею вдовою, сохранившею еще значительную долю той обаятельной красоты, за которую она слыла одной изъ первыхъ красавицъ своего времени. По характеру и по понятіямъ своимъ она была чистокровною испанкою, гордою, страстною, лѣнивою, искусно сочетавшею въ себѣ набожность и кокетство съ неразборчивостью средствъ для достиженія цѣлей. Ей хотѣлось властвовать, подобно королямъ испанскимъ, неограниченно и безотчетно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ, чтобъ это ей не стоило никакихъ трудовъ, усилій. Людовикъ XIII, не слишкомъ-то довѣряя своей супругѣ, замѣшанной во всѣ козни и интриги аристократіи, назначилъ ей въ помощь правительственный совѣтъ; но, избавившись, со смертью Ришелье и Людовика XIII, отъ господъ, она не захотѣла имѣть и опекуновъ въ лицѣ членовъ правительственнаго совѣта. Поэтому, по примѣру Маріи Медичи, она обратилась за помощью къ парламенту, прося его въ льстивыхъ выраженіяхъ уничтожить послѣднюю волю умершаго короля. Парламентъ съ радостью ухватился за оказанную ему честь и за случай снова вмѣшаться въ дѣла политическія и безъ обиняковъ уничтожилъ завѣщаніе Людовика XIII. Парламентъ провозгласилъ Анну Австрійскую регентшей, уполномоченной выбрать себѣ самой такихъ лицъ, какихъ ей будетъ угодно, для обсужденія дѣлъ, которыя будутъ имъ предложены. Принцъ Конде, слѣдуя примѣру герцога Орлеанскаго, отказался передъ парламентомъ отъ того значенія, которое доставляло ему завѣщаніе Людовика XIII. Тогда другимъ членамъ правительственнаго совѣта не приходилось уже настаивать на тѣхъ правахъ, отъ которыхъ отказались принцы крови, и всѣ ограниченія возможнаго самовластія регентши пали вмѣстѣ съ правительственнымъ совѣтомъ.

Къ немалому удивленію всего двора, регентша выбрала себѣ помощникомъ, которому вручила всю власть, бывшаго друга, прямаго преемника и продолжателя Ришелье кардинала Мазарини. Онъ происходилъ изъ старинной итальянской фамиліи, утвердившейся въ Римѣ. Обративши на себя вниманіе Ришелье, по пріѣздѣ во Францію, Мазарини чрезъ него получилъ кардинальскую шапку, не бывши никогда священникомъ и не получивши церковнаго чиноположенія.

Мазарини былъ человѣкъ тонкаго, пронырливаго, гибкаго ума, съ большими дипломатическими способностями, съ мягкими, вкрадчивыми кошачьими пріемами и съ представительной наружностью, умѣвшій по своей важности и увертливости ладить съ людьми самыхъ противоположныхъ направленій; своимъ умомъ, изысканными манерами и наружностью онъ подчинилъ окончательно своему вліянію слабую и влюбчивую регентшу. Говорятъ даже, что они тайно обвѣнчались. Мазарини сдѣлался властелиномъ еще при Людовикѣ XIII, который приблизилъ его къ себѣ тотчасъ по смерти Ришелье, какъ довѣренное лицо послѣдняго. Но между тѣмъ какъ Ришелье ставилъ вездѣ на первомъ планѣ общегосударственные интересы и могъ по чистой совѣсти сказать на предсмертной исповѣди, что у него не было другихъ враговъ, кромѣ враговъ государства, Мазарини преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, свои личныя цѣли и готовъ былъ пожертвовать своему честолюбію всѣмъ. Онъ заботился болѣе всего о наживѣ и о выдачѣ своихъ племянницъ за принцевъ. Начало своего правленія, въ противоположность неумолимой строгости Ришелье, Мазарини ознаменовалъ разрѣшеніемъ многимъ лицамъ, сосланнымъ при Ришелье, вернуться въ отечество или даже ко двору: нѣкоторые знатные вельможи (какъ маршалъ Витри) были освобождены изъ Бастиліи, тѣло умершей Маріи Медичи было съ пышностью привезено изъ Кельна въ С.-Дени, гдѣ было оно похоронено въ общей гробницѣ королей Франціи.

Сдѣлавшись неограниченнымъ властелиномъ Франціи въ регентство Анны Австрійской, Мазарини продолжалъ держаться той же примирительной, всепрощающей политики, возвращая сосланныхъ, освобождая заключенныхъ въ тюрьмахъ, оправдывая преступныхъ; ни въ чемъ никому не было отказа. Со всѣми мягкій, привѣтливый, Мазарини, не чувствуя въ себѣ силы Ришелье, старался угодить особенно высшей знати и найти себѣ опору въ членахъ королевскаго дома: презрѣнный Гастонъ Орлеанскій и корыстолюбивый принцъ Конде были задобрены наградами и обѣщаніями. Кромѣ явно враждебнаго Мазарини дома принцевъ Вандомскихъ, онъ не обошелъ визитомъ никого изъ принцевъ, герцоговъ, пэровъ или даже изъ королевскихъ чиновниковъ; онъ словно жалѣлъ даже, что его званіе кардинала не позволяло ему одинаково унижаться передъ всѣми; во всемъ старался онъ обнаруживать смиреніе, скромность; когда онъ шелъ по улицѣ, за его весьма простымъ экипажемъ слѣдовали только два маленькихъ лакея. Все вниманіе Мазарини было въ это время раздѣлено между дѣлами внѣшней иностранной политики и заботами объ устройствѣ собственной судьбы; руководство же внутренними дѣлами: правосудіемъ, финансами и проч. предоставилъ онъ другимъ (канцлеру Сегье, министрамъ финансовъ Эмери, Фуке и др.). Сама регентша отличалась сначала такою же щедростью, считая нужнымъ вознаградить всѣхъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нею пострадали отъ безпощаднаго Ри-

шелье. Чрезвычайная обходительность регентши и несчастная ея судьба усиливали сочувствіе къ ней. Описывая положеніе Франціи въ началѣ регентства, кардиналъ Рецъ такимъ образомъ резюмируетъ его въ нѣсколькихъ словахъ: „Во всемъ языкѣ есть только три небольшихъ словечка, которыя какъ бы сами собой напрашиваются: „Королева такъ добра!“ Но, между тѣмъ какъ поэты стали воспѣвать возвращеніе золотаго вѣка во Франціи, на самомъ дѣлѣ она была терзаема внутренними смутами и крайне бѣдственнымъ состояніемъ народа, истощеннаго безконечными поборами и произвольными налогами.

Когда Людовикъ XIII находился еще на смертномъ одрѣ, то многіе изъ находившихся въ опалѣ вельможъ сочли этотъ моментъ самымъ удобнымъ для возвращенія себѣ прежняго значенія, и нѣкоторые изъ нихъ явились ко двору умирающаго короля даже съ вооруженными отрядами, переполнившими С.-Жерменъ. Тогда Анна Австрійская поручила себя и судьбу своихъ двухъ малютокъ заботливости и вниманію самаго важнаго изъ вельможъ, герцога Бофора, сына герцога Вандомскаго, узаконеннаго сына Генриха IV отъ Габріели д'Эстрэ. Это чрезвычайное выраженіе довѣрія и благосклонность королевы вскружили голову герцогу Бофору, такъ что онъ сталъ свысока относиться даже къ принцамъ крови, къ герцогу Орлеанскому и къ принцу Конде. Теперь, когда вся власть перешла къ регентшѣ, не только Бофоръ, но и всѣ тѣ, которые пострадали вмѣстѣ съ ней или за нее во время правленія Ришелье, каковы: отецъ Бофора, герцогъ Вандомскій и братъ его Меркэръ собрались вокругъ нея и, разсчитывая сдѣлаться полными господами государства, заявили такія высокія притязанія, что получили отъ враговъ своихъ въ насмѣшку прозваніе „партіи важныхъ“ (la cabale des importans). Имъ хотѣлось взять подъ свою опеку регентшу и всю Францію. Старый другъ королевы, герцогиня Шеврезъ, вернувшаяся въ Лувръ послѣ десятилѣтней ссылки, заявила даже довольно громко, что слѣдовало возвратить вельможамъ все то, что отнялъ у нихъ, именемъ Людовика XIII, Ришелье. Трудно собственно сказать, въ чемъ именно состояли притязанія вельможъ, такъ какъ у нихъ не было никакого общаго опредѣленнаго плана дѣйствій или опредѣленной цѣли для какого-либо основнаго измѣненія своего положенія, для опредѣленія своего отношенія къ королевской власти: вельможамъ просто хотѣлось играть прежнюю видную, блестящую роль и пользоваться благами жизни, не думая о завтрашнемъ днѣ. Избѣгая борьбы, регентша и Мазарини до поры до времени сначала старались умиротворить вельможъ, задаривая ихъ деньгами; когда же опустѣла казна, то начали раздавать привилегіи, монополіи: такъ, одной дамѣ дали право собирать пошлины съ обѣденъ, служившихся въ Парижѣ. Пока сыпались милости, всѣ были довольны. Но по мѣрѣ того, какъ милости регентши становились все менѣе обильны и скромная на первыхъ порахъ роль Мазарини, этого итальянскаго выходца, становилась все болѣе могущественной, раздраженіе „партіи важныхъ“ усиливалось; тогда они потребовали удаленія Мазарини, но видя упорство регентши, все болѣе привязывавшейся къ хитрому кардиналу, они задумали отдѣлаться отъ него убійствомъ. Главою этого заговора, въ который замѣшаны были герцогини Монбазонъ и Шеврезъ, былъ герцогъ Бофоръ. Но Мазарини былъ заранѣе извѣщенъ о грозившей ему опасности и такимъ образомъ избѣгнулъ ея. Скоро

послѣ этого герцогъ Бофоръ былъ заключенъ въ башню Венсенскаго замка, герцогини Монбазонъ и Шеврезъ были прогнаны отъ двора; немногіе остальные члены „партіи важныхъ“ также подверглись заключенію или ссылкѣ въ ихъ помѣстья. Такимъ образомъ уже чрезъ четыре мѣсяца послѣ начала регентства было покончено съ оппозиціей „партіи важныхъ“.

Ссылка герцогини Шеврезъ, стараго друга королевы, и заключеніе герцога Бофора обнаружили всю силу, которую пріобрѣлъ въ такое короткое время кардиналъ Мазарини. Между тѣмъ сила его и значеніе увеличивались еще отъ тѣхъ громкихъ побѣдъ, которыя были одержаны полководцами Франціи въ самомъ же началѣ регентства. Судьбѣ словно угодно было, чтобы замѣчательныя побѣды Конде въ испанскихъ Нидерландахъ и Тюренння въ Германіи совпали какъ разъ съ тѣмъ времеемъ, когда Мазарини нуждался въ подкрѣпленіи своего кредита и авторитета во Франціи, такъ какъ новому правительству со всѣхъ сторонъ грозили опасности.

Уже при Ришелье состояніе финансовъ, улучшенное Сюлли, пришло въ упадокъ. Содержаніе въ различныхъ пунктахъ многихъ армій и двухъ флотовъ крайне истощило страну. Огромныя субсидіи союзникамъ Франціи въ Тридцатилѣтней войнѣ также не мало поглощали денегъ. Не удивительно, что, при 80 мил. валоваго дохода, въ казну поступало не болѣе 33-хъ мил. ливровъ. Расходы еще превышали доходы. Въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (Гіеннь, Нормандія) вспыхнули возмущенія, вызванныя тяжкими налогами; но эти возмущенія были скоро подавлены. Доходы отдавались на откупъ за нѣсколько лѣтъ впередъ. При вступленіи въ регентство Анны Австрійской, доходы были уже забраны впередъ за три или четыре года. Однимъ чиновникамъ парижскаго парламента правительство должно было 1.200,000 ливровъ. При Аннѣ Австрійской (1647 г.) доходы возрасли съ 98 мил. до 124 мил.; изъ нихъ 68 мил. помѣщались въ секретные расходы, а между тѣмъ войско почти не получало жалованья. Налоги, падавшіе почти исключительно на сельское населеніе, были недостаточны, и потому правительство старалось увеличить доходы увеличеніемъ пошлины на вино, продажею новыхъ должностей, займами; но и эти доходы скоро исчезли. Нѣкоторыя изъ мѣръ, принятыхъ Мазарини, содѣйствовали только окончательному разоренію Франціи. Народъ страдалъ не только отъ многочисленности податей и налоговъ, но еще болѣе отъ самаго способа собиранія ихъ. Сборомъ завѣдывали тогда генеральные сборщики (receveurs généraux), собиравшіе, главнымъ образомъ, поземельный налогъ (taille) и подушный (capitation), и генеральные откупщики (fermiers généraux), бравшіе на откупъ налоги на соль, на табакъ и т. д. Но медленное поступленіе въ казну податей вслѣдствіе всеобщей нужды побудило Мазарини разложить поземельные налоги на части и поручить взиманіе ихъ также особымъ откупщикамъ (traitans), которые, внося впередъ извѣстную сумму, взимали потомъ въ счетъ ихъ налоги. Для болѣе успѣшнаго взиманія податей служили откупщикамъ отряды застрѣльщиковъ (fusiliers), которые заодно съ откупщиками совершенно разоряли народъ. Начальники этихъ стрѣлковъ быстро обогащались. Въ Шампани вслѣдствіе насилій военнаго люда почти всѣ села были сожжены и жители умерщвлены. Интенданты же и губернаторы поддерживали еще самовольство стрѣлковъ

и быстро подавляли всякое сопротивленіе или возмущеніе утѣсняемыхъ. Явился даже особый классъ людей, сдѣлавшихъ своей профессіей изобрѣтеніе новыхъ фискальныхъ мѣръ для увеличенія доходовъ государственной казны и для болѣе успѣшнаго сбора ихъ (donneurs d'avis). Къ тому же, подати и налоги устанавливались въ каждой сельской общинѣ на продолжительный срокъ по извѣстному числу дворовъ, а не принималось во вниманіе, кѣмъ должна была выплачиваться установленная сумма податей. Между тѣмъ какъ число податныхъ лицъ постоянно убывало, остальнымъ приходилось тяжеле. Доля несостоятельныхъ плательщиковъ податей слагалась на состоятельныхъ сосѣдей ихъ въ силу такъ-называемой солидарности всѣхъ членовъ каждой общины. Для раскладки податей интендантъ назначалъ въ каждой общинѣ на одинъ годъ сборщика податей, который по своему личному усмотрѣнію оцѣнивалъ средства каждаго изъ податныхъ членовъ общины. Такъ какъ сборщикъ податей (collecteur) считался отвѣтственнымъ за недочетъ въ нихъ, то онъ и раскладывалъ ихъ преимущественно на состоятельныхъ членовъ общины. Поэтому послѣдніе прикидывались часто бѣдняками; мелкіе же собственники или закладывались за монастырями, изъятыми отъ всякихъ повинностей, или же безъ всякаго почти сопротивленія уступали свои земельки вельможамъ. Такимъ образомъ всѣ члены каждой сельской общины приводимы были къ общему уровню бѣдности, которая, по словамъ современниковъ, дошла до того, что бѣдный народъ долженъ былъ питаться желудями и травами и жить подобно дикимъ звѣрямъ.

Но Мазарини, занятый почти исключительно внѣшними дѣлами, дипломатіей и своими личными интересами и интригами, представилъ большею частью внутреннее управленіе другимъ (Сегье, Летелье). О надлежащемъ управленіи финансами и о финансовой паукѣ не имѣлъ Мазарини и понятія. По смерти Людовика XIII министромъ финансовъ былъ Бутилье, а послѣ него Бальель, на самомъ же дѣлѣ финансами заправлялъ генеральный контролеръ Пертичелли Эмери, человѣкъ съ умомъ и хорошо знакомый съ государственными дѣлами, по отзывамъ современниковъ, но, по выраженію одного изъ нихъ, „самый испорченный человѣкъ въ свое время". Еще незадолго онъ былъ подъ судомъ за злоумышленное банкротство и даже приговоренъ былъ въ Ліонѣ заочно къ висѣлицѣ. Онъ отличался особенной изобрѣтательностью для открытія новыхъ источниковъ доходовъ и для вымоганія все бо́льшихъ податей: дѣлалъ займы по 25%, придумывалъ новыя должности для продажи, задерживалъ жалованье чиновникамъ; между прочимъ, онъ рѣшился возобновить старинный указъ Генриха II (1548 г.), запрещавшій строить новые дома въ парижскихъ предмѣстьяхъ внѣ извѣстной линіи. Видя совершенное разореніе сельскаго населенія, Эмери хотѣлъ добыть необходимыя ему суммы съ парижанъ, и потому онъ издалъ указъ объ измѣреніи (édit du toisé) выстроенныхъ за назначенною линіею домовъ и обложилъ владѣльцевъ ихъ извѣстнымъ налогомъ сообразно съ занимаемымъ домами пространствомъ (1644 г.). Налогъ этотъ взыскивался съ величайшею строгостью, которая при взысканіи всѣхъ налоговъ вообще доходила до того, что въ 1646 г. томились одновременно за недоимки въ различныхъ тюрьмахъ Франціи до 23,000 человѣкъ. Парижскіе домовладѣльцы, страшно раздраженные новымъ указомъ Эмери, обратились съ просьбой о заступничествѣ къ парижскому парламенту.

Вслѣдствіе установленія при Генрихѣ IV новаго налога полетты (1604 г.) и связанной съ нимъ неотъемлемой наслѣдственности должностей, цѣна на нихъ быстро возросла, и парламентская магистратура получила огромное значеніе во Франціи. Парламентъ представлялъ независимую корпорацію и сдѣлался центромъ оппозиціи правительству, которая стала особенно часто проявляться со смертью Ришелье. Теперь финансовыя мѣры Эмери дали парламенту законный предлогъ для борьбы съ правительствомъ. Еще въ 1644 г. парламентъ сильно нападалъ на финансовое управленіе Эмери. Затѣмъ обращеніе парижскихъ домовладѣльцевъ съ просьбою о заступничествѣ дало парижскому парламенту поводъ еще рѣзче выступить противъ правительства, которое вступило въ переговоры съ парламентомъ и уступило. Послѣ этого правительство опять увеличило подати на сельское населеніе. Въ 1645 г. начался уже явный раздоръ между правительствомъ и парламентомъ. Особенно рѣзко выступили противъ деспотизма Мазарини и его помощниковъ президентъ Барраль и членъ Бруссель. По распоряженію Мазарини, Барраль, уже при Ришелье сидѣвшій въ крѣпости Пиньероль, снова былъ отправленъ туда. Это насиліе возбудило тѣмъ болѣе ропота, что Барраль скоро умеръ въ заточеніи. Во всей Франціи стали распѣваться сатирическія пѣсни, направленныя противъ Мазарини. Когда парламентъ продолжалъ протестовать противъ распоряженій правительства, дворъ прибѣгнулъ къ *lit de justice*, т. е. къ такому засѣданію парламента, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ король и указы его должны были вноситься въ протоколъ парламента безъ всякаго обсужденія членами его. Ришелье первый ввелъ въ обыкновеніе lit de justice. Въ началѣ сентября 1645 г. семилѣтній Людовикъ XIV явился въ засѣданіе парламента въ сопровожденіи принцевъ крови и высшихъ придворныхъ сановниковъ и приказалъ утвердить разомъ цѣлый рядъ новыхъ финансовыхъ указовъ. Правительству тѣмъ легче было въ это время импонировать парламенту, что внѣшнія дѣла Франціи шли весьма удачно и громкія побѣды возвышали силу правительства. Въ 1646 г. между Мазарини и парламентомъ снова завязался споръ о такъ-называемомъ тарифномъ эдиктѣ, которымъ Эмери наложилъ пошлину на всѣ товары, ввозимые въ Парижъ, сдѣлавъ обязательной эту пошлину для всѣхъ безъ исключенія. При крайнемъ обѣдненіи низшаго сельскаго класса народонаселенія, это была почти единственно возможная и благоразумная мѣра для поправленія финансовъ; но такъ какъ она задѣвала интересы многихъ парламентскихъ совѣтниковъ, то парламентъ возсталъ единодушно противъ тарифнаго эдикта. Правительство согласно было на утвержденіе эдикта одною палатой пошлинъ (cur des aides), парламентъ же настаивалъ, чтобы эдиктъ Эмери утвержденъ былъ общимъ собраніемъ всѣхъ четырехъ палатъ парламента. Въ апрѣлѣ 1647 г. регентша вынудила наконецъ у парламента утвержденіе тарифнаго указа. Но этимъ еще борьба не кончилась. Президенты парламента объявили, что вынужденное у нихъ утвержденіе не можетъ дать эдикту законной силы. Споръ парламента съ правительствомъ принялъ еще болѣе рѣзкій характеръ въ концѣ 1647 года, когда Мазарини и Эмери издали пять новыхъ указовъ о налогахъ. Особенно раздражилъ парламентъ указъ, которымъ установлялись двѣнадцать новыхъ мѣстъ судейскихъ чиновниковъ (maîtres des requêtes) въ ущербъ существовавшимъ уже тридцати членамъ судебной палаты. Въ то же время

парижане возстали почти всѣ противъ тарифнаго эдикта. Правительство прибѣгло къ военной силѣ, но народъ ударилъ въ набатъ и отбилъ солдатъ. Анна Австрійская готова была принять энергическія мѣры противъ парламента и народа, но Мазарини, боясь дѣйствовать круто, сдерживалъ запальчивость регентши. Чтобы заставить парламентъ во что бы то ни стало внести въ свой протоколъ послѣдніе правительственные указы, королева и Мазарини снова прибѣгли къ lit de justice (15 января 1648 г.). Съ торжественною пышностью отправилась регентша съ девятилѣтнимъ Людовикомъ XIV въ парламентъ, гдѣ еще ребенокъ-король повелительнымъ тономъ заставилъ внести въ протоколы всѣ послѣдніе указы. Въ этомъ королевскомъ засѣданіи генеральный адвокатъ парламента Омеръ-Талонъ обратился къ регентшѣ и къ малолѣтнему королю съ замѣчательно смѣлою рѣчью, въ которой онъ протестовалъ противъ lit de justice и подавленія свободнаго заявленія голоса парламента и въ яркихъ краскахъ изобразилъ бѣдственное состояніе массы французскаго народа. „У вашихъ несчастныхъ подданныхъ,—сказалъ онъ между прочимъ королевѣ въ лицо,—остались только души, потому что ихъ нельзя было продать съ молотка“.

Когда король удалился, парламентъ разошелся; но на другой день палаты снова собрались и подвергли обсужденію занесенные уже въ протоколъ указы и снова протестовали противъ указа о новыхъ судейскихъ мѣстахъ. Регентша поддалась-было впечатлѣнію рѣчи генеральнаго адвоката, но Мазарини съумѣлъ снова возстановить ее противъ парламента. Членамъ парламента было приказано собраться во дворецъ Пале-Рояля, гдѣ жила регентша. Сначала членамъ парламента былъ сдѣланъ выговоръ въ присутствіи всего двора чрезъ канцлера Сегье; наконецъ сама королева обратилась къ нимъ съ угрозами, но парламентъ остался непоколебимъ. Наконецъ новые чувствительные для неприкосновенности парламента указы Мазарини относительно полетты *) заставили всѣ палаты парламента соединиться, чтобы обсудить интересы государства и каждаго подданнаго въ отдѣльности и устранить злоупотребленія. 13 мая 1648 г. состоялось рѣшеніе собраться съ этой цѣлью въ залѣ св. Людовика депутатамъ отъ каждой палаты парламента.

Государственный совѣтъ кассировалъ постановленіе парламента, и ему запрещено было составлять общія собранія; но парламентъ не обратилъ никакого вниманія на это запрещеніе. Чтобы гарантировать себя противъ уничтоженія или ограниченія связанной съ полеттою наслѣдственности государственныхъ должностей, парламентъ постановилъ не

---

*) *Полеттою* (paulette ou droit annuel) называлась пошлина, изобрѣтенная однимъ кабинетъ-секретаремъ Генриха IV, по имени Полетта. Пошлина эта состояла въ томъ, что назначенный королемъ парламентскій совѣтникъ долженъ былъ *ежегодно* уплачивать въ королевскую казну шестидесятую часть той суммы, какую заплатилъ бы за мѣсто, еслибы купилъ его; но зато мѣсто оставалось наслѣдственнымъ въ его фамиліи. Чтобы не раздражить требованіемъ этого налога многочисленныхъ палатъ парламента, его потребовали пока только съ тѣхъ палатъ, которыя собственно не были судебными мѣстами, т. е. со счетной палаты, съ палаты пошлинъ и большаго совѣта. Съ нихъ не взимали подати девять лѣтъ и теперь потребовали всѣ недоимки. Это возбудило палаты соединиться, съ цѣлью воспрепятствовать взиманію полетты.

допускать впредь въ члены парламента никого безъ согласія наслѣдниковъ предшественника. Мазарини объявилъ постановленіе парламента, именемъ государственнаго совѣта, недѣйствительнымъ; но усилившееся въ Парижѣ волненіе народа побудило регентшу вступить въ соглашеніе съ парламентомъ. Парламенту опять было разрѣшено составлять общія собранія и представить правительству свои требованія. Изъ заявленныхъ парламентомъ требованій (délibération souveraine) особенно важны слѣдующія: 1) чтобы впредь налоги не могли быть взимаемы безъ свободно заявленнаго одобренія парижскаго парламента; 2) чтобы всѣ интенданты провинцій были уволены и распущены и чтобы надъ ними наряжено было слѣдствіе; 3) чтобы чрезвычайныя слѣдственныя коммисіи были уничтожены; 4) чтобы никто не могъ быть предаваемъ суду только въ силу именнаго королевскаго предписанія (lettre de cachet) и безъ соблюденія всѣхъ законныхъ формъ; 5) чтобы каждый арестуемый въ продолженіе 24 часовъ предаваемъ былъ суду или выпущенъ на свободу. Дворъ уступилъ, по настоянію Мазарини, который рѣшился даже уволить Эмери отъ управленія финансами. Но возраставшія требованія парламента раздражали дворъ. Когда же Мазарини получилъ вѣсть о побѣдѣ великаго Конде при Лансѣ надъ испанцами (21 авг. 1648 г.), то велѣлъ разставить по городу войска и арестовать трехъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ правительства, президента парламента Бланмениля и членовъ Шартона и Брусселя, считавшагося въ Парижѣ „защитникомъ народа". Мгновенно всѣ магазины закрылись, и улицы покрылись многочисленною толпою вооруженнаго народа, требовавшаго въ одинъ голосъ „свободы и Брусселя!". Королевскія войска были оттѣснены народомъ. Регентша въ смущеніи созываетъ совѣтъ. Тутъ выступаетъ на сцену главный зачинщикъ народнаго возмущенія, коадъюторъ парижскаго архіепископа Павелъ Гонди, впослѣдствіи кардиналъ Рецъ, стремившійся болѣе всего къ собственному возвышенію и къ популярности въ массѣ народа; съ помощью своихъ проповѣдей и щедрыхъ милостей, расточаемыхъ на бѣднѣйшую часть парижскаго населенія, Гонди могъ легко поднять возмущеніе въ Парижѣ. Теперь, когда поднятое имъ волненіе усилилось, Гонди явился въ совѣтѣ королевы, чтобы склонить ее къ уступкамъ. Раздраженная королева упорствовала, но Мазарини, успокоивъ ее, упросилъ Гонди унять возмутившуюся толпу обѣщаніемъ освобожденія Брусселя. Увѣщанія Гонди, повидимому, подѣйствовали на толпу, и она разошлась по домамъ.

Когда же на другой день королевскія войска расположены были около Пале-Рояля, то раздраженный народъ пришелъ въ ярость. Въ минуту поднялись 200 баррикадъ, вся вооруженная толпа готова была уже хлынуть во дворецъ Пале-Рояля, а парламентъ настойчиво требовалъ освобожденія арестованныхъ. Королева, чтобы унять волненіе, уступила. Брюссель, выпущенный на свободу, съ торжествомъ вступилъ въ парламентъ; тогда исчезли баррикады и вооруженныя толпы. Когда вслѣдствіе тягостныхъ налоговъ начались новыя волненія, то парламентъ вынудилъ у королевы декретъ, по которому налоги были уменьшены и король отказался на четыре года отъ права налагать новыя подати, учреждать новыя должности и пр. Дворъ уступилъ, но только для того, чтобы выиграть время. По совѣту Конде, обѣщавшаго двору свою помощь, войска были размѣщены въ окрестностяхъ Парижа; но парламентъ потребовалъ удаленія королевскаго войска и издалъ указъ о сформированіи гражданской милиціи.

Въ началѣ 1649 г. королева выѣхала со всѣмъ дворомъ изъ Парижа въ С.-Жерменъ и прекратила подвозъ къ Парижу продовольствія. Тогда парламентъ объявилъ Мазарини врагомъ государства и предписалъ ему оставить немедленно дворъ и Францію. Парижскій парламентъ принялъ необходимыя мѣры для обороны Парижа; кромѣ того, парламентъ для увеличенія своихъ силъ воспользовался еще предложенными ему услугами недовольныхъ правительствомъ вельможъ. Таковы были принцъ Конти, братъ Конде, назначенный генералиссимусомъ парламентской арміи, герцогъ де-Лонгвиль, зять Конти, и жена его, герцогиня де-Лонгвиль, герцоги д'Эльбефъ, де-Бриссакъ, де-Бульонъ и маршалъ де-ла-Мотъ Гуданкуръ, назначенные парламентомъ генералъ-лейтенантами. Къ парламенту примкнули также члены прежней „партіи важныхъ", герцогъ де-ла-Рошфуко и принцъ Бофоръ. Одинъ Конде остался опорою престола. Но парламентской арміи не подъ силу было тягаться съ королевской. Генералы, назначенные парламентомъ, уступали принцу Конде, который въ каждой стычкѣ съ парижанами оставался побѣдителемъ. Дѣйствія парламентской арміи служили въ Парижѣ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. Самое возстаніе парламента и феодальной аристократіи, по легкомыслію его предводителей, прозвано Фрондою (отъ дѣтской игры fronde). Смѣшная сторона заключалась, впрочемъ, болѣе въ формѣ веденія войны Фронды съ дворомъ, чѣмъ въ самыхъ цѣляхъ, преслѣдованныхъ ею. Не будучи въ силахъ сами успѣшно бороться съ Конде, принцы и вельможи Фронды рѣшились просить помощи у испанцевъ, заклятыхъ враговъ Франціи, и заключили съ ними тайный договоръ. Тогда парламентъ, въ негодованіи на это, рѣшился лучше примириться со дворомъ, тѣмъ болѣе, что Парижъ не могъ болѣе держаться; сама же королева, тяготившаяся покровительствомъ Конде, также желала мира. Уполномоченные парламента и королевы съѣхались въ замкѣ Рюэлѣ для переговоровъ о мирѣ. По состоявшемуся соглашенію, королемъ объявлена всеобщая амнистія, всѣ дороги къ Парижу открыты, но парламентъ долженъ былъ дать свое согласіе на новый заемъ; всѣ постановленія парламента и короля, изданныя со времени удаленія двора изъ Парижа, должны были считаться недѣйствительными. Но рюэльское соглашеніе не удовлетворило ни двора, ни парламента. Въ августѣ 1649 г. дворъ вернулся въ Парижъ, но тутъ начались несогласія между Мазарини и Конде. Мазарини тяготился зависимостью отъ Конде и его непомѣрными притязаніями, Конде же вознегодовалъ на Мазарини за сближеніе его съ враждебными принцу Конде герцогами Вандомскими. Поссорившись со дворомъ, Конде своимъ высокомѣріемъ возстановилъ противъ себя также и фрондеровъ, враговъ Мазарини, и парламентъ. Только Конти и Лонгвиль примкнули къ Конде. Составился даже заговоръ на жизнь Конде. Наконецъ фрондеры рѣшились вступить противъ него въ союзъ со дворомъ. Посредникомъ былъ коадъюторъ Гонди. Опираясь на фрондеровъ, Мазарини приказалъ арестовать Конде, Конти и Лонгвиля.

Но противъ двора выступила за арестованныхъ такъ называемая новая или молодая Фронда (Ларошфуко, герцогъ де-Бульонъ, Тюреннь и герцогиня де-Лонгвиль), названная такъ въ противоположность старой Фрондѣ, соединившейся со дворомъ. Приверженные къ Конде принцы подняли противъ двора управляемыя ими провинціи, и началась война между войсками молодой Фронды и королевскими войсками. Тюреннь за-

ключилъ еще союзъ съ испанцами, которые вторглись въ Шампань; но скоро испанское войско было разбито, и поднявшiяся провинцiи усмирены. Между тѣмъ Мазарини возстановилъ противъ себя коадъютора Гонди отказомъ выхлопотать обѣщанное ему кардинальское званiе. Тогда Гонди изъ мести соединился съ молодою Фрондою и привлекъ на ея сторону главу старой Фронды, герцога Орлеанскаго; скоро и парламентъ, подъ влiянiемъ Гонди, также принялъ сторону арестованныхъ принцевъ противъ двора. Парламентъ, въ лицѣ президента Моле, рѣзко порицалъ поведенiе Мазарини и арестъ принцевъ, просилъ короля освободить ихъ, а Мазарини изгнать изъ Францiи и не допускать впредь ни одного иностранца въ королевскiй совѣтъ. Королева уступила. Освобожденные принцы съ торжествомъ вернулись въ Парижъ, а Мазарини долженъ былъ выѣхать за границу, гдѣ онъ поселился близъ Кельна. Королева должна была еще утвердить нѣкоторыя оскорбительныя для Мазарини постановленiя парламента, который запретилъ даже Мазарини и всей его роднѣ, какъ государственнымъ преступникамъ, подъ страхомъ наказанiя вернуться въ Парижъ. Мазарини не переставалъ, однакоже, и въ изгнанiи руководить слабою королевой.

Едва только удалился Мазарини изъ Францiи, какъ въ самомъ лагерѣ враговъ его начались раздоры и личные счеты. Парламентъ не ладилъ съ аристократiей; Конде и герцогъ Орлеанскiй возстановили противъ себя Моле и Гонди, который поднялъ противъ Конде и парламентъ. Конде разошелся также съ королевой и фрондерами, которые соединились съ ней противъ него. Снова сблизившiйся съ королевой Гонди предложилъ ей арестовать Конде, но онъ бѣжалъ изъ Парижа и началъ сноситься съ испанцами; онъ собралъ также войско въ Гiени и началъ войну съ королевскою армiей, при которой находился самъ Людовикъ XIV, объявленный уже (5 сент. 1651 г.) совершеннолѣтнимъ. Конде укрѣпился въ Бордо, но королевское войско одержало верхъ надъ новобранцами Конде. Узнавъ о выѣздѣ изъ Парижа Конде, Мазарини съ навербованнымъ имъ за границею войскомъ двинулся во Францiю на соединенiе съ королевскими войсками. Но когда вѣсть объ этомъ дошла до парижскаго парламента, то онъ рѣшилъ конфисковать имущество Мазарини и оцѣнилъ голову его. Не обращая вниманiя на это, Мазарини смѣло двигался впередъ и въ началѣ 1652 года дошелъ до Пуатье, гдѣ находился дворъ. Въ это время Конде двинулся противъ королевскаго войска и разбилъ его при Блено. Но королевское войско было спасено подоспѣвшимъ на помощь Тюреннемъ. Послѣ этого Конде поспѣшилъ къ Парижу, гдѣ былъ торжественно принятъ Гастономъ Орлеанскимъ. Конде и Гастонъ не нашли, однакожъ, никакой поддержки въ истомленныхъ войною парижанахъ, раздраженныхъ своекорыстiемъ принцевъ и нерѣшительною политикою парламента. Конде не могъ держаться въ столицѣ, а дворъ спѣшилъ воспользоваться смутами столицы, чтобы покончить съ Конде. Уклоняясь отъ рѣшительной битвы, Конде вывелъ свои войска изъ Парижа и занялъ прочную позицiю въ С.-Антуанскомъ предмѣстьи. Тюреннь аттаковалъ Конде въ его позицiи. Конде былъ уже почти со всѣхъ сторонъ окруженъ и едва не окончательно разбитъ, но въ это время дочь герцога Орлеанскаго, герцогиня де-Монпансье, выручила Конде изъ бѣды. Она побудила парижанъ къ оказанiю помощи Конде и открыла огонь изъ Бастилiи по королевскимъ войскамъ. Парижане опять впустили

въ городъ Конде съ остатками его войска, а Тюреннь съ королевскими войсками удалился отъ Парижа. Парижскій парламентъ, чтобы не допустить возвращенія Мазарини, провозгласилъ Гастона Орлеанскаго генеральнымъ намѣстникомъ королевства, несмотря на совершеннолѣтіе короля; Конде же назначенъ былъ генералиссимусомъ всѣхъ войскъ Парижа. Такъ какъ Конде все еще поддерживалъ сношенія съ Испаніею и готовился соединиться съ шедшими къ нему на помощь испанскими войсками, то королева объявила готовность удалить опять Мазарини, который дѣйствительно выѣхалъ за границу. Между тѣмъ положеніе Конде въ Парижѣ сдѣлалось весьма непрочнымъ. Противъ него интриговалъ кардиналъ Рецъ; высшая буржуазія и парламентъ склонялись опять къ миру съ королемъ; Конде же возстановилъ противъ себя въ Парижѣ всѣхъ особенно предпринятымъ по его мысли преслѣдованіемъ и избіеніемъ приверженцевъ Мазарини (des Mazarins). Конде долженъ былъ оставить Парижъ; онъ удалился во Фландрію и сдѣлался генералиссимусомъ всѣхъ испанскихъ войскъ. Истомленный войною Фронды, Парижъ жаждалъ возвращенія короля и установленія прочнаго порядка. Въ октябрѣ 1652 года король и весь дворъ вернулись въ Парижъ. Королева на первое время затаила месть, но потомъ жестоко отомстила врагамъ своимъ и ея любимца—Мазарини. Начались ссылки и казни. Даже кардиналъ Рецъ, являвшійся не разъ опорою для королевы, былъ схваченъ и заключенъ въ Венсенскую башню, когда открылись его сношенія съ принцемъ Конде. Наконецъ, въ февралѣ 1653 г., Мазарини съ торжествомъ вернулся въ Парижъ; даже парламентъ раболѣпствовалъ передъ Мазарини. Самъ Людовикъ XIV тѣмъ сильнѣе привязался къ нему, чѣмъ болѣе ненавидѣли послѣдняго фрондеры. Такимъ образомъ, послѣ окончательнаго возвращенія своего въ Парижъ, Мазарини сталъ располагать еще болѣе неограниченною властью, чѣмъ прежде.

XV. ХАРАКТЕРЪ И ЗНАЧЕНІЕ ФРОНДЫ.

(Изъ соч. Огюстена Тьери: „Essai sur l'histoire du tiers etat" и изъ соч. Сентъ-Олера: „Histoire de la Fronde", t. II).

Четыре года, ознаменованные движеніемъ Фронды, представляютъ собою двѣ эпохи: характеристическія особенности одной, по крайней мѣрѣ во внѣшнемъ отношеніи, тѣ же, что и въ конституціонныхъ переворотахъ новаго времени; другая только воспроизводитъ физіономію смутъ царствованія Людовика XIII и нѣкоторыя изгладившіяся черты тревожнаго времени лиги. Изъ обѣихъ этихъ эпохъ только первая вполнѣ входитъ въ исторію третьяго сословія и должна занимать въ ней важное мѣсто.

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ четыре верховныхъ учрежденія, т. е. парламентъ въ тѣсномъ смыслѣ или судебная палата, счетная палата (chambre des comptes), палата пошлинъ (cour des aides) и большой совѣтъ (grand conseil) соединились въ іюнѣ 1648 г. для совмѣстнаго сопротивленія королевской власти, находившейся во время несовершеннолѣтія Людовика XIV въ рукахъ его матери и кардинала Мазарини. Извѣстно, что эта коалиція судебныхъ и финансовыхъ учрежденій, составившаяся во имя ихъ частныхъ интересовъ вслѣдствіе протеста

противъ взиманія съ чиновъ парламента такъ-называемаго годичнаго налога или полетты, скоро приняла на себя защиту интересовъ общественныхъ и реформу государства. По оппозиціонному сигналу, поданному высшими судебными чинами, къ нимъ примкнули всѣ пострадавшіе или еще продолжавшіе страдать отъ диктаторскихъ порядковъ, которымъ подчинилъ Францію Ришелье, и которые не переставали существовать и послѣ него, не одушевляемые его силою характера и геніемъ. Тутъ возстали не только нарушенные интересы, но и убѣжденія, взгляды, страсти; общее броженіе умовъ нашло себѣ содѣйствіе во множествѣ разнообразныхъ элементовъ—обломкахъ прошедшаго или зародышахъ будущаго. Справедливыя жалобы народа, удрученнаго налогами, и ропотъ дворянства, лишившагося многихъ изъ своихъ привилегій; традиціи свободы генеральныхъ штатовъ или провинцій и городовъ и представленіе о высшей свободѣ, порожденное изученіемъ классическихъ наукъ и прогрессомъ новаго умственнаго развитія; болѣе или менѣе смутная потребность въ законныхъ гарантіяхъ и правильномъ государственномъ устройствѣ; наконецъ лихорадочная дѣятельность воображеній, воспламененныхъ примѣромъ, который подавала въ то время Англія,—вотъ какіе двигатели, соединившись вмѣстѣ, сообщали событіямъ первой Фронды (т. е. времени отъ 1648 до 1649 г.) характеръ силы и новизны,—вотъ, однимъ словомъ, вслѣдствіе чего столь часто возобновлявшееся столкновеніе между дворомъ и представителями судебной власти перешло въ начало революціоннаго движенія.

Что касается знаменитаго акта, обсужденіемъ котораго занимались шестьдесятъ депутатовъ, и который сдѣлался какъ бы хартіею правъ, насильственно навязанною королевской власти въ формѣ парламентскаго постановленія, то, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на него, важность его не можетъ быть подвергнута сомнѣнію. По внѣшней формѣ это было незаконное присвоеніе себѣ законодательной власти, притязаніе на которую парламентъ основывалъ на давнишней привилегіи его дѣлать свои возраженія на вносимые въ протоколы его королевскіе эдикты; по сущности этотъ родъ основнаго закона согласовался съ послѣдующими французскими хартіями, установляя точныя и опредѣленныя гарантіи противъ произвольныхъ налоговъ и произвольныхъ арестовъ. Текстъ его гласитъ такъ: „Всякія подати и налоги будутъ установляться не иначе, какъ въ силу рѣшеній и указовъ, надлежащимъ образомъ контролированныхъ верховными судами, съ правомъ подачи голоса... Ни одинъ изъ подданныхъ короля, какого бы званія и сословія онъ ни былъ, не долженъ быть въ случаѣ ареста оставляемъ долѣе 24 часовъ безъ допроса и не препровожденъ къ подлежащему судьѣ“. Независимо отъ veto въ финансовыхъ вопросахъ, верховные суды присвоивали себѣ такое же право относительно учрежденія новыхъ парламентскихъ должностей и, оградившись такимъ образомъ отъ всякаго закона, который могъ бы измѣнить ихъ организацію, фактически становились первою властью въ государствѣ *).

*) „Никакія должности, какъ судебныя, такъ и финансовыя, не могутъ быть впредь учреждаемы иначе, какъ по указамъ, контролированнымъ верховными судами, съ полною свободою подачи голоса, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и въ какомъ бы то ни было случаѣ,—а равно и организація вышеупомянутыхъ верховныхъ учрежденій не можетъ быть ни измѣняема, ни уничтожаема“. Такъ гласитъ 19-й параграфъ „Рѣшеній верховныхъ судовъ“.

Еслибы — что совершенно невозможно—королевская власть, потерпѣвъ пораженіе, согласилась подчиниться подобнымъ условіямъ, правленіе Франціи сдѣлалось бы монархіею, ограниченною легальнымъ вмѣшательствомъ судебныхъ учрежденій, присвоившихъ себѣ политическій характеръ. Что такая форма правленія оказалась бы для будущности страны менѣе полезною, чѣмъ утвердившаяся въ ней послѣ Фронды неограниченная монархія—въ томъ въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія. Эти первые зачатки революціи симпатичны намъ по духу, которымъ они были проникнуты на первыхъ порахъ, по демократическому настроенію, которое обнаруживается въ различныхъ памфлетахъ той эпохи и замѣтно въ рѣчахъ парламентскихъ ораторовъ. У одного изъ самыхъ умѣренныхъ между этими послѣдними мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующія правила: „Государи—такіе же люди, какъ всѣ остальные, по общему закону природы; отличіе заключается только въ степени власти. Власть, которою пользуются государи, зависитъ отъ покорности ихъ подданныхъ. Государи обязаны своимъ могуществомъ различнымъ классамъ людей, повинующихся имъ, и между которыми высшее сословіе составляетъ меньшинство. Исполненіе судебныхъ обязанностей чиновниками, трудъ ремесленниковъ, терпѣніе солдатъ, дѣятельность всѣхъ тѣхъ, которые существуютъ своей работой,—вотъ что способствуетъ установленію королевской власти и сохраненію ея. Безъ народа не существовали бы государства, и монархія была бы ничто иное, какъ идея“.

Согласно обыкновенному ходу революцій, была въ исторіи Фронды минута кризиса, когда верховная власть, уставъ отъ сопротивленія, сдѣлала нѣсколько слабыхъ уступокъ, и когда страшный голосъ,—голосъ массы, отвѣчалъ: Поздно! Въ этотъ-то моментъ борьба легальная смѣнилась насильственною, и за однимъ проявленіемъ королевскаго произвола (арестованіе совѣтника Брусселя и президентовъ Шартона и Бланмениля) послѣдовалъ мятежъ, воскресившій одинъ изъ знаменитѣйшихъ дней лиги и названный подобно ему *днемъ баррикадъ*. Съ этихъ поръ подобное названіе, являясь на страницахъ исторіи, возбуждаетъ уже не одно простое любопытство, потому что съ нимъ связались отнынѣ тревожныя и печальныя воспоминанія. Читая въ современныхъ мемуарахъ о событіяхъ 27 августа 1648 г., невольно задумываешься, когда встрѣчаешь, напримѣръ, такія подробности: „Всѣ безъ исключенія взялись за оружіе; дѣти пяти и шести лѣтъ ходили съ кинжалами въ рукахъ, матери сами приносили имъ это оружіе. Не прошло и двухъ часовъ, какъ Парижъ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ болѣе тысячи двухсотъ баррикадъ уставленныхъ всѣми знаменами и оружіемъ, какія только сохранились отъ лиги. Въ улицѣ Neuve-Nostre-Dame я встрѣтилъ мальчика лѣтъ восьми или десяти, который скорѣе тащилъ за собою, чѣмъ несъ копье, по всей вѣроятности уцѣлѣвшее еще отъ давней войны съ англичанами“ *).

---

*) Mémoires du cardinal de Retz. Collection Michaud. т. 1-й: „Наружность города Парижа была неузнаваема, всѣ жители—молодые и старые, дѣти, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, расхаживали съ оружіемъ въ рукахъ. На пути отъ дворца до Пале-Рояль мы встрѣтили восемь баррикадъ, сдѣланныхъ изъ цѣпей, изъ положенныхъ поперекъ бревенъ, изъ бочекъ, наполненныхъ каменными плитами, или

Если старое оружіе дѣятелей лиги снова появилось въ рукахъ парижскаго населенія, то теперь управляли движеніемъ совсѣмъ иныя страсти и иные принципы. Лицемъ къ лицу съ королевской властью вдругъ встала сила, отъ ногъ до головы плебейская, чисто-политическая, встала покамѣстъ не для того, чтобы побѣдить эту власть—время къ тому еще не приспѣло—но чтобы почти тотчасъ же прочно усѣсться на своемъ мѣстѣ, начать безпрерывно рости силою работы идей и уже въ 1789 г. снова выступить на сцену съ неодолимымъ могуществомъ.

Королевская декларація 24 октября 1648 г. составила въ исторіи Фронды второй критическій моментъ, соотвѣтствовавшій тому фазису, въ который вступаютъ революціи, когда управляющая власть принимаетъ—но не по убѣжденію и не добросовѣстно—условія, навязываемыя ей необходимостью. За временемъ застоя, въ которомъ на первомъ планѣ стояла взаимная подозрительность, послѣдовалъ крайній періодъ революціоннаго движенія, узурпаціи всѣхъ отраслей правительственной власти въ Парижѣ парламентомъ, помощниками котораго явились муниципальные чиновники. Мѣры, принятыя въ то время во имя общественнаго спокойствія, сборъ податей и рекрутскій наборъ, организація городской полиціи и обороны, приглашеніе къ федеративному союзу всѣхъ парламентовъ и всѣхъ городовъ Франціи,—все это доказываетъ, что у сплотившейся въ тѣсный союзъ магистратуры не было недостатка ни въ смѣлости, ни въ энергіи. Ея движеніе впередъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока для этого ей не нужно было ничего, кромѣ экзальтированнаго сочувствія буржуазіи и народа; первымъ подводнымъ камнемъ для нея послужилъ тотъ союзъ, который сила обстоятельствъ заставила ее заключить съ интересами и страстями высшей знати. Принимая эту болѣе чѣмъ опасную помощь, она чрезъ то должна была неминуемо сойти съ пути честности и патріотизма; при видѣ такой перспективы, она немедленно отступила. Очень почетнымъ представляется для парламента то обстоятельство, что онъ отвѣчалъ негодованіемъ и отвращеніемъ тѣмъ, которые предлагали помочь народной кассѣ поддержкою враговъ Франціи. Поставленный въ необходимость выбора между непоколебимымъ сопротивленіемъ и долгомъ всякаго истиннаго гражданина, парламентъ не колебался: онъ заключилъ миръ съ дворомъ вмѣсто того, чтобы вступить въ договоры съ Испаніею.

Особенно занимательнымъ въ исторіи Фронды фактомъ слѣдуетъ признать пренебреженіе, съ которымъ низшіе классы отнеслись къ назначенному на 15-е марта 1649 г. собранію генеральныхъ чиновъ. Это обращеніе королевской власти къ народному представительству всѣхъ трехъ сословій, которыя она избирала посредниками въ ея спорѣ съ парламентомъ, нашло отголосокъ въ знати, но не въ третьемъ сословіи; ни буржуазія, ни сельское населеніе не приняли участія въ выборахъ, потому что ихъ политическіе взгляды измѣнились: разочаровавшись въ этихъ собраніяхъ, гдѣ у привилегированныхъ сословій было два голоса противъ одного, эти классы предпочли сдѣлать новый опытъ подъ руководствомъ

землею, или пескомъ, кромѣ того всѣ переулки были загорожены, и на всякой баррикадѣ помѣщался отрядъ изъ двадцати пяти или тридцати человѣкъ, вооруженныхъ всякаго рода оружіемъ, причемъ вслухъ говорилось, что эти люди состояли на службѣ правительства..."

магистратуры, избранной изъ ихъ же среды. Муниципальныя учрежденія признали верховную власть парламента; муниципалитетъ парижскій съ его градскимъ головою, старшинами, совѣтниками синдиками ремесленныхъ корпорацій, надзирателями кварталовъ, полковниками и капитанами милиціи, сдѣлался исполнительною властью законовъ, установленныхъ верховнымъ учрежденіемъ.

Сердце парижской буржуазіи не могло, конечно, не забиться гордостью въ тотъ день, когда принцъ крови предсталъ предъ муниципальными властями и объявилъ имъ, что, перейдя на сторону ихъ и парламента, онъ переселяется къ нимъ для того, чтобы совмѣстно заняться общими дѣлами; когда знатные вельможи начали приносить присягу въ качествѣ командующихъ войсками Фронды; когда женщины, блиставшія аристократизмомъ и красотою, помѣстились въ ратушѣ, какъ гарантіи за добросовѣстность своихъ мужей. Но въ этотъ же день покушеніе плебейства на самодержавную власть утратило прежній характеръ солидности и новизны; оно начало обращаться въ подражаніе тому, что видѣла Франція во время регентства Маріи Медичи. Все, что было въ мятежѣ искренняго въ отношеніи внутреннемъ и исполненнаго достоинства во внѣшнихъ проявленіяхъ его, исчезло, когда въ немъ приняла участіе недовольная придворная знать съ ея правами и интересами.

Миромъ, заключеннымъ въ Сенъ-Жерменѣ 30-го августа 1649 г. между дворомъ и парламентомъ, закончилось то, что можно назвать логическимъ періодомъ Фронды, т. е. тотъ періодъ, когда зашевелившееся общественное мнѣніе и революціонное начало вышли изъ принципа сознанной потребности въ постоянныхъ законахъ, чтобы направиться къ цѣли, представлявшей собою соціальный интересъ—установленіе гарантій отъ произвола. Сенъ-жерменскій миръ снова санкціонировалъ уже прежде сдѣланную важную уступку—вмѣшательство парижскаго парламента въ дѣла вообще и въ податной вопросъ въ особенности. Такимъ образомъ, абсолютное правленіе уступило мѣсто судебному контролю; но эта перемѣна, ослабившая всю административную систему, не только не породила лучшаго положенія дѣлъ и не умиротворила Францію, а, напротивъ того, повлекла за собою анархію. Такова ужь была судьба парламента въ два послѣднихъ столѣтія, что онъ возбуждалъ въ націи стремленіе къ законной свободѣ и оказывался неспособнымъ удовлетворить его чѣмъ-нибудь серьезнымъ и дѣйствительнымъ. Въ первый годъ Фронды роль парламента имѣла еще въ себѣ нѣчто величественное; но впослѣдствіи характеръ его совершенно утратился, и мы видимъ это учрежденіе не только не управляющимъ другими, но и едва справляющимся съ самимъ собою, то прибѣгающимъ къ насилію, то трусливымъ соучастникомъ, помимо своего желанія, честолюбивыхъ замысловъ знати, соединившихся съ страстями народной массы. Три года междоусобной войны изъ за чисто личныхъ интересовъ, хаотическая смѣсь аристократическихъ заговоровъ и народныхъ бунтовъ, скандалы безстыднаго волокитства въ соединеніи съ не менѣе скандальнымъ возстаніемъ ради эгоистическихъ цѣлей и позорнымъ воззваніемъ о помощи къ чужеземцамъ, загрязненіе славныхъ именъ поступкомъ, равносильнымъ измѣнѣ государству *), наконецъ избіеніе высшей буржуазіи демагогами, наня-

*) Тюреннь и Конде.

тыми для этого владѣтельными князьями *),—вотъ какими явленіями ознаменовывается и заканчивается исторія Фронды за время отъ апрѣля 1649 г. до сентября 1652 г. Безумны, или отвратительны онѣ, и если грустно читать ихъ, то еще грустнѣе описывать.

Послѣ потрясенія, сила котораго не соотвѣтствовала, однако, его продолжительности, французское общество установилось на своемъ новомъ фундаментѣ—единствѣ и безусловной независимости власти. Принципъ неограниченной монархіи былъ провозглашенъ болѣе рѣзко, чѣмъ когда-либо среди общаго безмолвія **), и дѣло Ришелье, сохраненное не столь великимъ, какъ онъ, министромъ, перешло изъ рукъ этого послѣдняго цѣлымъ и неприкосновеннымъ въ руки короля.

Дѣлавшіяся въ продолженіе пяти лѣтъ усилія установить законное правительство на началахъ парламентскаго эдикта 24 октября 1648 г., не привели, въ концѣ концовъ, ни къ чему, кромѣ кровавой и постыдной анархіи, и добрымъ гражданамъ пришлось пожалѣть о времени кардинала Ришелье, когда общественный порядокъ былъ обезпеченъ отъ насилія знати, и только эта послѣдняя могла страдать отъ злоупотребленій правительственнаго произвола.

Если, однако, мы припомнимъ вполнѣ разумный характеръ совѣщаній палаты св. Людовика и очевидность провозглашенныхъ тамъ принциповъ, если отдадимъ справедливость честности и мужеству виновниковъ этого великаго политическаго преобразованія, принятаго народомъ такъ восторженно и съ такою благодарностью, то естественно возникаетъ вопросъ, почему эти принципы были такъ скоро забыты и за этимъ послѣдовало униженіе ихъ защитниковъ и торжество абсолютизма?

Въ ту пору англійскій народъ одерживалъ кровавую побѣду въ подобной же борьбѣ съ произволомъ королевской власти, и несчастный Карлъ встрѣтилъ эшафотъ на томъ самомъ пути, который привелъ Людовика XIV къ неограниченной власти. Почему же такіе различные результаты въ одинаковыхъ предпріятіяхъ? Неужели слѣдуетъ предположить, что англійскій парламентъ былъ одолженъ своею удачею въ этомъ случаѣ разнузданнымъ страстямъ и преступнымъ увлеченіямъ, а парламентъ парижскій потерпѣлъ пораженіе потому, что не сходилъ съ законнаго пути и не требовалъ ничего, кромѣ совершенно неоспоримыхъ правъ? Такую мысль, само собой, невозможно допустить.

Дѣло въ томъ, что революціи не порождаются человѣческими страстями; онѣ—явленіе неизбѣжное, каждый разъ, какъ состояніе общества вызываетъ ихъ необходимость. Время для совершенія такого переворота не могутъ произвольно назначить ни заговоры недовольныхъ, ни усилія

---

*) Убійства въ городской ратушѣ 4-го іюля 1652 г.

**) „Мы самымъ положительнымъ образомъ запретили и запрещаемъ лицамъ, засѣдающимъ въ нашемъ парижскомъ парламентѣ, отнынѣ впредь входить въ общія дѣла нашего государства и въ управленіе нашими финансами, чѣмъ бы то ни было распоряжаться и что бы то ни было предпринимать противъ тѣхъ, которымъ мы довѣрили управлять этими дѣлами; причемъ объявляемъ недѣйствительнымъ все, до сихъ поръ постановленное или имѣющее быть постановленнымъ въ вышеупомянутомъ учрежденіи въ ущербъ вышеизложенному, и желаемъ, дабы въ этомъ случаѣ всѣ остальные наши подданные не придавали таковымъ постановленіямъ никакой силы. (Указъ 21 октября 1652 г. Recueil des anciennes lois françaises).

тѣхъ немногихъ личностей, которыя, опередивъ развитіе своего вѣка, хотѣли бы ввести въ своемъ отечествѣ преждевременныя преобразованія. Въ пору несовершеннолѣтія Людовика XIV общество еще не созрѣло для установленія во Франціи ограниченнаго законами правительства. Были въ немъ, какъ и въ Англіи, доблестные и могущественные бароны, богатые и просвѣщенные буржуа, но эти элементы политической организаціи существовали въ той и другой странѣ на совершенно различныхъ основаніяхъ.

Владѣтельные бароны, получившіе свои земли отъ Вильгельма Завоевателя и слишкомъ слабые для того, чтобы бороться съ его преемниками безъ посторонней помощи, съ раннихъ поръ нашли себѣ опору въ палатѣ общинъ и выступили защитниками общественныхъ льготъ и привилегій. Во Франціи же, напротивъ того, королевская власть была рождена феодализмомъ, и потомки Адальбера Талейрана еще считали себя въ правѣ спрашивать у внука Гуго Капета: „Кто тебя сдѣлалъ королемъ?“ Но разъединенные между собою, служа предметомъ ненависти и зависти для всѣхъ корпорацій буржуазіи, французскіе вельможи имѣли къ своимъ услугамъ только классъ дворянъ съ находившимися въ ихъ власти крестьянами и, наконецъ, пользовались содѣйствіемъ иностранныхъ государствъ, съ которыми поддерживали непрерывныя сношенія.

Не менѣе существенно различались между собою средніе классы Англіи и Франціи. Въ первой нижній парламентъ, образовавшійся съ самаго начала изъ дворянскихъ фамилій, не нашедшихъ доступа въ верхній парламентъ, безпрерывно пополнялся младшими отраслями самыхъ знатныхъ домовъ и, благодаря такимъ подкрѣпленіямъ, пріобрѣталъ увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ и политическую смѣлость, т. е. то, что было чуждо магистратурѣ французской, большинство членовъ которой выходило изъ торговаго и судебнаго сословія. Выросши подъ тѣнью лилій французскаго королевскаго герба, получивъ свои привилегіи отъ королевской власти и будучи защищаема ею же отъ произвола знати, буржуазія если и сопротивлялась иногда престолу, то не иначе, какъ съ почтительною робостью, и въ душѣ боялась гораздо больше возвращенія феодальной анархіи, чѣмъ водворенія деспотизма.

Естественнымъ послѣдствіемъ столь рѣзкихъ различій было то, что въ Англіи образовались во время революціи всего двѣ партіи, тогда какъ во Франціи, съ самаго начала регентства Анны Австрійской, выступило на сцену три партіи, именно: двора, вельможъ и магистратуры. Правда, двѣ послѣднія одинаково желали ограничить самодержавную власть, но такъ какъ каждая изъ нихъ руководилась противоположными интересами, то имъ и нельзя было согласиться на счетъ выбора средствъ для достиженія этой цѣли; а между тѣмъ кардиналъ Мазарини имѣлъ ловкость послѣдовательно вступить въ союзъ съ обѣими, чтобы затѣмъ уничтожить ихъ одну посредствомъ другой. Такъ въ 1644 г. онъ, при содѣйствіи принца Конде и большинства знати, велъ войну съ парламентомъ; въ 1650 г., при помощи парламента, заключилъ въ тюрьму и изгналъ предводителей этой самой знати; въ 1651 г. у него не хватило силы отразить соединенное нападеніе обѣихъ партій, но быстрое расторженіе этого союза позволило ему въ 1652 г. вернуться во Францію, и съ тѣхъ поръ каждая изъ трехъ партій воевала съ двумя остальными и преслѣдовала свои собственныя цѣли.

Въ этой борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, самые закоснѣлые враги наносили другъ другу самые ожесточенные удары. Терпя угнетеніе въ Парижѣ и Бордо, буржуазія и магистратура чувствовали, что поддержка престола была для нихъ теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо; онѣ возненавидѣли указъ 24-го октября, оказавшійся безсильнымъ для охраненія ихъ, и убѣдившись, что государство не было способно къ принятію подобныхъ нововведеній, употребили всѣ силы, какія только остались у нихъ, на то, чтобы стряхнуть съ себя иго принцевъ и вельможъ и ускорить возвращеніе въ Парижъ короля *).

XVI. СРАВНЕНІЕ МАЗАРИНИ СЪ РИШЕЛЬЕ И ЕГО ВНѢШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПОСЛѢ ФРОНДЫ.

(Составлено по введенію Минье къ коллекціи: „Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV“ и по соч. Шарюэля: „Histoire de l'administration monarchique en France“).

Кардиналъ Ришелье умеръ, не окончивъ своего дѣла и передавъ его своему преемнику, кардиналу Мазарини, котораго выбралъ самъ. Мазарини стоялъ въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ, чѣмъ Ришелье: онъ былъ иностранецъ и долженъ былъ управлять дѣлами государства во время регентства; между тѣмъ, онъ осуществилъ виды своего предшественника и окончилъ предпріятіе его съ такимъ искусствомъ и та-

*) Иначе, чѣмъ Сентъ-Олеръ, объясняетъ причину неудачи Фронды Бокль въ своемъ „Введеніи къ исторіи цивилизаціи Англіи“. По его мнѣнію, неудачный исходъ Фронды объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она не была народнымъ демократическимъ движеніемъ, подобнымъ тому, которое одновременно съ ней происходило въ Англіи и привело къ гораздо болѣе крупнымъ результатамъ. Въ Англіи борьба парламента съ королемъ сопровождалась возстаніемъ народа противъ высшаго дворянства, примкнувшаго къ двору; во Франціи же, напротивъ, среднее и низшее сословія, не привыкшія къ политической самостоятельности, не могли и въ борьбѣ съ правительствомъ обойтись безъ помощи высшей знати; поэтому во главѣ Фронды стояли представители древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ фамилій, принцы крови и знатнѣйшіе вельможи, тогда какъ вождями вспыхнувшаго въ Англіи въ 1649 г. возстанія были люди, вышедшіе большею частью изъ средняго и низшаго класса народа. Вожди англійской революціи 1649 г. отстаивали не свои личные интересы, а интересы сословія, къ которому принадлежали они. Вожди же Фронды (Конде, Гастонъ Орлеанскій и др.) ставили на первомъ планѣ свои личные интересы и счеты, свои старинныя феодальныя привилегіи и тщеславныя притязанія. Въ войнѣ Фронды не только не было и не могло быть никакой солидарности между возставшими массами гражданъ и ихъ аристократическими вождями, но ея не было даже въ средѣ самой аристократіи, которая раздѣлялась на враждебныя партіи по самому пустому вопросу (какъ напр. право сидѣть въ присутствіи королевы). Эти-то мѣстническіе счеты, нерѣдко возникавшіе въ средѣ высшей аристократіи, изъ которой вышли вожди Фронды, доказываютъ яснѣе всего, что они были неспособны руководить серьезнымъ политическимъ движеніемъ и встрѣтить сочувствіе въ массѣ средняго и низшаго классовъ населенія. Вслѣдствіе же всего этого Фронда не могла имѣть никакого успѣха и только содѣйствовала большему усиленію королевской власти и утвержденію абсолютной монархіи Людовика XIV. (Бокль, „Исторія цивилизаціи въ Англіи“, перев. Бестужева-Рюмина, т. I, гл. X). *Примѣчаніе составителя.*

кой осторожностью, которыя сдѣлали власть его безспорною и возвысили государство.

Такимъ образомъ, благодаря двумъ духовнымъ лицамъ, прославилось царствованіе слабаго, хотя и совершеннолѣтняго, государя и дѣтство несовершеннолѣтняго короля. „Кто владѣетъ сердцемъ человѣка, владѣетъ имъ всѣмъ“, говаривалъ Мазарини, и потому, стремясь къ власти, онъ старался прежде всего овладѣть сердцемъ регентши. Ришелье обращался къ разсудку Людовика XIII и достигъ того, что Людовикъ призналъ всю полезность и необходимость своего министра для государства; Мазарини же пользовался страстью Анны Австрійской, которая никогда не согласилась бы на разлуку съ нимъ. Чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, одинъ внушалъ страхъ, другой любовь. Мазарини былъ человѣкъ предусмотрительный, обширнаго и изобрѣтательнаго ума, прямодушный и простой, человѣкъ скорѣе гибкаго и осторожнаго, нежели мягкаго и стойкаго характера. Онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ не своими симпатіями и антипатіями, но только разсчетомъ. Честолюбіе его брало верхъ надъ самолюбіемъ, и онъ согласенъ былъ допустить всякіе о себѣ толки, лишь бы только ему предоставлена была свобода дѣйствій. Своихъ противниковъ онъ даже не считалъ врагами: въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ чувствовалъ себя сильнымъ, онъ наказывалъ, но наказывалъ безъ ненависти. Ришелье казнилъ всякаго, кто сопротивлялся ему, Мазарини же довольствовался однимъ только заточеніемъ; при немъ эшафотъ былъ замѣненъ Бастиліей, онъ судилъ людей съ рѣдкой проницательностью. Онъ не способенъ былъ унывать и обладалъ необычайною твердостью, несмотря на кажущееся непостоянство: не поддаваться въ извѣстныхъ случаяхъ и извѣстнымъ людямъ считалъ онъ не силой характера, а просто безтактностью.

Такимъ образомъ уступки, дѣлаемыя Мазарини, были только фикціей. Одинъ изъ его самыхъ умныхъ противниковъ, Ларошфуко, выразился о немъ, что онъ былъ болѣе смѣлъ сердцемъ, нежели умомъ, въ противоположность Ришелье, болѣе смѣлому умомъ, нежели сердцемъ. Еслибы кардиналъ Ришелье, подверженный припадкамъ отчаянія, разъ потерялъ власть, ему никогда бы не удалось снова возвратить ее себѣ, между тѣмъ какъ Мазарини, изгнанный два раза, управлялъ изъ мѣста своей ссылки и умеръ, подобно Ришелье, въ полномъ величіи и славѣ. Мазарини неуклонно преслѣдовалъ мысль объ ослабленіи Австрійскаго дома, несмотря на внутреннія смуты и безурядицы, которыми ознаменовано малолѣтство Людовика XIV-го.

Еще до начала Фронды Мазарини удалось унизить нѣмецкую вѣтвь Австрійскаго дома: онъ заключилъ Вестфальскій миръ послѣ долгихъ и искусныхъ переговоровъ, облегченныхъ совокупными побѣдами Швеціи и Франціи. Этимъ знаменитымъ трактатомъ утверждено право Франціи на владѣніе тремя епископствами: Тулемъ, Мецомъ и Верденомъ, а также и Эльзасомъ.

Униженіе испанской вѣтви Австрійскаго дома, которому было положено начало побѣдами при Рокруа и Лансѣ, пріостановлено было возстаніемъ Фронды; однакожь мысли объ этомъ униженіи Мазарини не упускалъ изъ виду даже тогда, когда, казалось, онъ долженъ былъ быть поглощенъ мыслью о собственномъ своемъ спасеніи; но послѣ своего окончательнаго возвращенія въ 1652 году, онъ принялся съ необычайной рев-

ностью за приведеніе въ исполненіе второй части своей задачи. Испанцы, разбитые при Дюнкирхенѣ, лишенные Каталоніи, стѣсненные въ Нидерландахъ, были принуждены просить мира. Пиренейскій мирный договоръ 1659 года былъ тѣмъ же для Испаніи, чѣмъ былъ въ 1648 году Вестфальскій договоръ для Австріи: онъ вполнѣ обнаружилъ слабость Испаніи.

Искусный Мазарини расширилъ предѣлы Франціи до Рейна пріобрѣтеніемъ Эльзаса; онъ довелъ ея границы до Пиренейскаго хребта пріобрѣтеніемъ Руссильона и съ сѣвера—Серданя (Cerdagne), открылъ Нидерланды вліянію французскаго оружія, принудилъ эту страну къ уступкѣ Артуа, части герцогства Люксембургскаго и Эно (Hainaut); не удовлетворенный, однако, этими великими результатами, которые обезпечивали первенство Франціи въ Европѣ, онъ приготовилъ ей еще болѣе блестящую будущность: онъ составилъ Рейнскій союзъ противъ Австріи и обезпечилъ за Людовикомъ XIV унаслѣдованіе испанскаго престола, устроивъ бракъ короля съ инфантой Маріей-Терезой.

Утвердивъ въ Европѣ политическое преобладаніе Франціи и расширивъ предѣлы ея территоріальными пріобрѣтеніями, Мазарини воспользовался наступившимъ послѣ Фронды внутреннимъ порядкомъ для упроченія поколебленнаго авторитета королевской власти и для утвержденія снова прежней министерской системы Ришелье. Хотя Мазарини лично, будучи отличнымъ дипломатомъ, былъ только посредственнымъ министромъ, но онъ съумѣлъ выбрать себѣ очень способныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ Ж. Б. Кольберу, котораго Мазарини облекъ, послѣ окончательнаго возвращенія своего въ Парижъ, неограниченнымъ довѣріемъ.

Такъ какъ оппозиція парламента, несмотря на рѣзкія мѣры Людовика XIV, продолжалась, то Мазарини старался путемъ мирныхъ переговоровъ умѣрить притязанія парламента, который, наконецъ, вынужденъ былъ отказаться отъ всякой политической роли.

Знать, которая и послѣ Фронды не переставала заявлять свои притязанія, была унижена стараніями Мазарини. Люди пера, невиднаго происхожденія, заняли самыя важныя мѣста въ управленіи.

Духовенство также было ограничено въ своихъ правахъ и подчинено центральной власти цѣлымъ рядомъ указовъ Мазарини. Духовенству разрѣшено было собираться только по вопросамъ церковнаго благочинія, и то въ опредѣленные сроки; на синодахъ церковныхъ долженъ былъ присутствовать правительственный чиновникъ и т. п. Причиною ограниченія самостоятельности духовенства были интриги его противъ правительства и Мазарини, поддержанныя и разсѣянныя искусной рукой кардинала Реца, который послѣ долгихъ скитаній опять вернулся во Францію, гдѣ онъ имѣлъ многочисленныхъ друзей и огромное вліяніе, хотя и долженъ былъ отказаться отъ архіепископства. Союзъ Мазарини съ Кромвелемъ, главою протестантовъ въ Англіи, послужилъ приверженцамъ Реца поводомъ къ распространенію ложныхъ слуховъ объ опасностяхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ будто подвергалось католическое населеніе въ уступленныхъ англичанамъ мѣстностяхъ во Франціи.

Ненависть къ гугенотамъ, вызванная союзомъ Мазарини съ Кромвелемъ, была до того сильна, особенно въ Парижѣ, что Мазарини, уступая общественному мнѣнію, принялъ относительно гугенотовъ цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ.

Внутреннее управленіе Мазарини, вопреки установившемуся мнѣнію, представляетъ нѣкоторыя важныя мѣры по различнымъ отраслямъ управленія. Отправленіе суда приняло болѣе правильный ходъ послѣ Фронды; въ Эльзасѣ, во вниманіе къ національнымъ особенностямъ его населенія, былъ учрежденъ особый самостоятельный верховный судъ.

При помощи Летелье Мазарини привелъ французскую армію въ такое состояніе, что она, по справедливости, считалась первою въ Европѣ. Изъ переписки Мазарини съ Кольберомъ очевидно, что кардиналъ самъ входилъ въ малѣйшія подробности и заботы относительно улучшенія военной администраціи. Изъ корреспонденціи Мазарини видна также заботливость его о флотѣ, въ небрежности къ которому особенно рѣзко порицали Мазарини, хотя по нѣкоторымъ причинамъ флотъ дѣйствительно находился въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ при Ришелье.

По мысли и инпціативѣ Кольбера были также приняты нѣкоторыя мѣры для поощренія торговли и для обезпеченія свободы ея. Впослѣдствіи уже Кольберъ сдѣлался строгимъ послѣдователемъ запретительной системы торговли.

Науки и искусства и ихъ представители пользовались особеннымъ вниманіемъ Мазарини. Огромныя суммы были истрачены на созданіе огромной библіотеки, открытой впослѣдствіи для публики (la Mazarine); основано высшее учебное заведеніе (le collège des quatres nations); предприняты путешествія съ научною цѣлью; учреждена академія живописи и скульптуры (1655); выписаны актеры и введена опера во Францію и т. п. Нѣкоторые ученые пользовались пособіями и пенсіями (Декартъ философъ, Мезерэ и пр.).

Ко времени управленія Мазарини относятся также и нѣкоторыя другія важныя мѣры, какъ осушеніе многихъ болотъ, устройство каналовъ, больницъ для бѣдныхъ и т. д.

XVII. ХАРАКТЕРИСТИКА МАЗАРИНИ.

(Изъ соч. Ранке: „Französische Geschichte vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert“).

Мазарини даже въ послѣдніе годы своей жизни имѣлъ видъ статнаго мужчины съ темными волосами на головѣ, съ широкимъ и высокимъ челомъ; онъ тщательно заботился о своей наружности и отличался тою кротостью выраженія, которая замѣчается у образованныхъ итальянцевъ и которою онъ привлекалъ всякаго, дѣйствуя собственнымъ спокойствіемъ успокоительно и на другихъ. Но если на комъ-нибудь, то именно на Мазарини можно было убѣдиться, что эти качества составляютъ только наружную сторону этихъ людей. При первой встрѣчѣ онъ обнималъ тѣхъ, которые оказали какія-нибудь услуги ему и дѣлу короля, и пріобрѣталъ ихъ полное довѣріе. Но какъ скоро перемѣнялось такое мнѣніе! Весьма многіе совершенно разочаровывались въ своихъ ожиданіяхъ. О Мазарини говорили, что тѣ, которые были обязаны благодарностью ему, освобождались отъ этой обязанности вслѣдствіе его манеры, по которой онъ долгое время оттягивалъ исполненіе своихъ обѣщаній и, наконецъ, исполнялъ ихъ не безъ неудовольствія. Онъ цѣнилъ только тѣхъ, которыхъ еще не вполнѣ привлекъ къ себѣ: нужно было быть самостоятельнымъ

и имѣть возможность быть опаснымъ, чтобы чего-нибудь добиться отъ него. Тѣ, которые менѣе зависѣли отъ него, пользовались бо̀льшимъ вниманіемъ съ его стороны, чѣмъ тѣ, которые вполнѣ находились въ его рукахъ: такъ, между прочимъ, епископы могли объяснить себѣ то преимущество, какое онъ оказывалъ передъ ними маршаламъ и герцогамъ, только тѣмъ, что онъ менѣе опасался противодѣйствія со стороны духовенства.

Ришелье какъ бы возвелъ въ догму ту сильную власть, которую онъ основалъ, имѣлъ духъ инквизиторскаго преслѣдованія и доводилъ его до крайности; Мазарини же старался удержать то, что нашелъ или возстановить, если оно было поколеблено; но при немъ никто не истекъ кровью на эшафотѣ, у него все дѣлалось посредствомъ сдѣлокъ, потому что исходною точкою для него были не внутреннія партіи, какъ для его предшественника, но иностранныя дѣла, въ которыхъ вражда и дружба перемежаются и войны оканчиваются посредствомъ переговоровъ. Такими же примирительными переговорами онъ старался окончить и ту великую борьбу, которая велась между министерскимъ авторитетомъ и сопротивленіемъ и возстаніемъ второстепенныхъ властей. Среди разнообразнѣйшей смѣны положеній, ему дѣйствительно удалось найти снова старое основаніе, хотя оно еще и не было вполнѣ утверждено. Вся его натура, его дипломатическое искусство, вліяніе, которое производила сама собою его личность, даже та поверхностная легкость, съ которою онъ ненавидѣлъ и любилъ, дѣлали его способнымъ на это; однако, онъ достигъ своихъ успѣховъ не безъ труда.

Между прочимъ, писанныя его рукою замѣтки, сохранившіяся до сихъ поръ въ цѣлой серіи рукописныхъ тетрадокъ и томиковъ, доказываютъ его рѣдкую внимательность къ своему времени и къ окружавшимъ его отношеніямъ. Мы видимъ въ нихъ пеструю смѣну ежедневнаго настроенія, замѣтки о личныхъ качествахъ тѣхъ или другихъ лицъ, вліяніе того или другаго духовника, связи вельможи съ провинціальнымъ дворянствомъ, притязанія посланниковъ, правила, которыя онъ предписывалъ самъ себѣ на основаніи пережитыхъ опытовъ. Содержащіяся въ этихъ тетрадяхъ замѣтки, еслибы ихъ сгруппировать и опредѣлить время написанія каждой изъ нихъ, представили бы богатый матеріалъ для подробной исторіи; можетъ быть, изъ нихъ составился бы дневникъ наблюденій и рѣшеній.

Какъ тѣмъ, которые искали у него мѣстъ и милостей, такъ и иностраннымъ посланникамъ, — даже дружественныхъ державъ,—Мазарини казался человѣкомъ мало надежнымъ. Иногда онъ съ жаромъ и краснорѣчіемъ развивалъ передъ ними всѣ возможности, какія представляло принятое имъ направленіе; но когда они являлись къ нему въ другой разъ, когда благопріятное мгновеніе уже можетъ быть проходило, то онъ выводилъ изъ своихъ положеній совсѣмъ другія послѣдствія.

Въ переговорахъ, которые велись имъ лично, онъ обнаруживалъ почти торгашескую жилку. Товаръ, который ему хотѣлось сбыть съ рукъ, онъ ужасно выхвалялъ, хотя въ душѣ цѣнилъ его мало; онъ старался умалить цѣну того, что ему предлагали, хотя отлично понималъ, что оно стоитъ такой цѣны. Къ тому, чего желали другіе, онъ относился равнодушно, хотя самъ не менѣе сильно желалъ этого и долженъ былъ желать. Онъ чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ, когда ему

удавалось пріобрѣтать большія выгоды, чѣмъ какія онъ первоначально считалъ возможнымъ получить. Королевѣ и королю онъ описывалъ свои дѣйствія до малѣйшихъ подробностей и хотя не прямо съ самоуслажденіемъ, но съ извѣстнымъ пріятнымъ чувствомъ и съ замѣтною радостью, когда его планы удавались.

Своекорыстія у Мазарини нельзя отрицать. При назначеніяхъ на мѣста онъ не гнушался получить тѣмъ или другимъ способомъ нѣсколько тысячъ скуди; передавая самъ лично патентъ на мѣсто, онъ давалъ замѣтить, что этимъ онъ избавляетъ назначаемаго отъ подарковъ, которые нужно было бы сдѣлать тому, кто ему доставилъ бы патентъ; онъ дѣлился пополамъ доходами съ каперами, которымъ выдавалъ каперскія свидѣтельства. Но столь же несомнѣнно и то, что всѣ его мысли и стремленія были направлены къ тому, чтобы сдѣлать великою и сильною французскую монархію, развить и утвердить въ лицѣ Людовика XIV короля, какимъ онъ долженъ быть. Въ одномъ изъ его писемъ, относящихся къ началу его управленія, находится даже весьма странная мысль, что человѣкъ, руководящій французской монархіей, можетъ ожидать для себя внушеній божественнаго вдохновенія. Нигдѣ и ни въ комъ величіе и правда не были соединены такъ тѣсно съ мелочностью и даже съ пошлостью, какъ у Мазарини.

Его считали какъ бы Атласомъ и оракуломъ монархіи, человѣкомъ, который несетъ ее на своихъ плечахъ и своимъ словомъ руководитъ ее.

Министерская власть при немъ была тѣснѣйшимъ образомъ соединена съ королевской, вслѣдствіе личнаго благорасположенія къ нему государя. Королева-мать во все время, пока пользовалась властью и почетомъ, оставалась преданною ему по принципу и по привычкѣ. Кажется, впрочемъ, что впослѣдствіи, когда были достигнуты всѣ цѣли, какія были у нея, она какъ будто почувствовала нѣкоторое неудовольствіе на то, что авторитетъ кардинала постоянно сохранялъ свою силу. Но Людовикъ XIV не давалъ мѣста подобному чувству: онъ боялся даже маленькими претензіями сдѣлать непріятность ментору, которому онъ приписывалъ свое счастье. Установились самыя странныя отношенія. Французскій король казался чѣмъ-то въ родѣ придворнаго у своего министра: король посѣщалъ министра, но министръ никогда не посѣщалъ короля; онъ даже никогда не провожалъ его внизъ по лѣстницѣ.

Въ этомъ высокомъ уваженіи и постоянномъ выраженіи его заключался для Мазарини главнѣйшій источникъ его довольства своимъ положеніемъ. Когда, вскорѣ послѣ бракосочетанія Людовика XIV, замѣчено было, что Мазарини былъ нѣсколько дней крайне недоволенъ чѣмъ-то и стали разузнавать причину этого, то оказалось, что онъ ожидалъ визита и отъ молодой королевы: дѣйствительно, послѣ того какъ она сдѣлала ему визитъ, къ нему снова возвратилось веселое настроеніе.

И теперь, какъ съ самаго начала, онъ не могъ допустить, чтобы принцы крови имѣли надъ нимъ преимущество; онъ также строго настаивалъ на привилегіяхъ и преимуществахъ кардинальскаго сана, какъ нѣкогда Ришелье. Трудно даже и сказать, до какой степени пригоденъ былъ для нихъ ихъ духовный санъ въ эти времена господства церемоніаловъ.

Да не было ли въ связи съ этимъ и ихъ стремленіе къ богатству? Это стремленіе было какъ бы традиціей духовныхъ князей. „Это былъ

великій папа", воскликнулъ однажды Мазарини, при видѣ намѣстника Іоанна XXII въ Авиньонѣ, „онъ оставилъ послѣ себя восемь милліоновъ". Ни обладаніе одною только властью, ни обладаніе однѣми только деньгами не могло удовлетворить ихъ; они стремились соединить все: власть, почести и богатство.

Блескъ культуры также составлялъ принадлежность той формы жизни, которая имъ нравилась. Мазарини, какъ иностранецъ, не могъ такъ живо интересоваться прогрессомъ французской литературы и языка, какъ его предшественникъ. Его занимала развѣ только французская комедія; онъ любилъ въ серьезный разговоръ вставлять остроумныя слова и напоминать о подходившихъ къ дѣлу положеніяхъ изъ комедій. Но вообще литература, о которой онъ заботился, была скорѣе итальянская или латинская, чѣмъ французская, какъ показываютъ связи, въ какихъ онъ находился съ Виттеріо Сири, съ Капріатой: отъ Страды онъ желалъ получить для себя латинскую надпись. Не будучи самъ ученымъ, онъ живо сочувствовалъ общей учености. Онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобы возстановить библіотеку, которая была разорена у него во время безпорядковъ: его библіотекарь всѣ сдѣланныя имъ пріобрѣтенія обыкновенно раскладывалъ на столѣ, мимо котораго ему нужно было проходить, идя на аудіенціи или возвращаясь съ нихъ, и гдѣ онъ улучалъ моментъ, чтобы взглянуть на нихъ. Ему доставляло большое удовольствіе, какъ нѣкогда папѣ Льву въ подобномъ же случаѣ, когда ему удавалось снова пріобрѣсти какое-нибудь изъ проданныхъ прежде замѣчательныхъ произведеній. Кромѣ того у него было нѣсколько прекраснѣйшихъ произведеній искусства всѣхъ временъ: „Обрученіе св. Екатерины" Корреджіо, „Венера дель-Пардо" Тиціана; первую картину уступилъ ему его покровитель, которому онъ, въ свою очередь, оказалъ величайшія услуги, Антоніо Барберини; много картинъ было у него изъ галлереи Карла I. У него были также прекраснѣйшія обои изъ Брюгге, серебряныя издѣлія удивительной работы, восточные ковры и вообще всякія другія вещи, въ которыхъ духъ искусства соединялся съ роскошью и облагороживалъ ее. Онъ самъ больше всего понималъ толкъ въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ и зналъ цѣну имъ.

Весною 1658 г. онъ приказалъ однажды разложить въ Луврѣ на большомъ столѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные сосуды, часы, кольца, кресты и разныя цѣнныя бездѣлушки и для осмотра ихъ пригласилъ дворъ съ королемъ и королевою. Когда всѣ явились, тогда самая красивая изъ племянницъ кардинала, Гортензія Манчини, вынула для каждаго изъ присутствующихъ по одному лотерейному номеру, а для короля и королевы по два, и такимъ образомъ разыграны были всѣ эти подарки.

Мазарини, какъ извѣстно, съ самой юности любилъ игру; онъ зналъ, какъ многимъ былъ обязанъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ, и счастью: казалось, что онъ еще не достигъ своей высшей цѣли.

Увѣряли, будто онъ подумывалъ о томъ, чтобы вступить на папскій престолъ, когда онъ сдѣлается вакантнымъ, и, конечно, это было бы самымъ подходящимъ средствомъ для того, чтобы съ величайшею честью возвратить королю управленіе его государствомъ и такимъ образомъ разстаться съ Франціей. Однако, нѣтъ достаточныхъ подлинныхъ слѣдовъ этого плана; все, что разсказывается о состоявшейся будто бы съ этою

цѣлью сдѣлкѣ между донъ Люисомъ де-Гаро и кардиналомъ, должно быть несомнѣнно отвергнуто. По крайней мѣрѣ, для всякаго было ясно прежде всего, что Франція для полнаго укрѣпленія спокойствія еще не могла обойтись безъ его присутствія. Но какъ величественна была эта перспектива, принадлежала ли она ему самому, или была задумана другими: сначала докончить начатое устройство Франціи и затѣмъ получить папскую власть, съ носителями которой онъ такъ часто боролся, и управлять въ полномъ согласіи съ воспитаннымъ имъ королемъ. Однако, ему не суждено было достигнуть этого. Еще на возвратномъ пути съ острова Конференціи онъ почувствовалъ чрезвычайно болѣзненные припадки ревматизма и затѣмъ силы его замѣтно стали ослабѣвать. Зложелательство, которое обыкновенно сопровождаетъ людей власти даже въ средѣ ихъ приближенныхъ, обнаружилось также и по отношенію къ Мазарини, когда замѣчены были различные побочные признаки упадка его тѣлесныхъ силъ; объ этомъ можно читать въ мемуарахъ, если кто хочетъ вѣрить тому, что въ нихъ написано по этому предмету. Но, въ противоположность этому, венеціанскій посланникъ Гримани увѣряетъ, что врачи скрывали отъ кардинала опасность, въ которой онъ находился, но онъ, съ свойственною ему проницательностью, увидѣлъ опасность и послѣ этого занимался только съ двумя лицами: съ своимъ духовникомъ, чтобы позаботиться о спасеніи своей души, и съ королемъ, чтобы познакомить его съ внѣшними и внутренними дѣлами его государства.

Въ его завѣщаніи особенно замѣчательно основаніе Коллегіи четырехъ націй. Она должна была быть учебнымъ заведеніемъ для молодыхъ людей изъ странъ, присоединенныхъ къ Франціи имъ самимъ и Ришелье: Руссильона, Пинероля, Эльзаса и Фландріи, и какъ бы продолжать дѣло объединенія: молодые люди должны были воспитываться въ Парижѣ, чтобы потомъ распространять французскіе нравы и духъ въ своихъ провинціяхъ. Онъ назначилъ два милліона для этого учрежденія и завѣщалъ ему свою библіотеку; самъ онъ желалъ быть погребеннымъ въ церкви при этомъ заведеніи.

Никогда еще благотворительность частнаго человѣка не была такъ сильно проникнута честолюбіемъ, и притомъ такимъ честолюбіемъ, въ которомъ личное самолюбіе соединялось съ любовью къ общему благу.

Мазарини умеръ 9 марта 1661 г.; при дворѣ, вопреки всѣмъ обычаямъ, наложенъ былъ трауръ. Въ томъ обстоятельствѣ, что онъ умеръ среди полнаго обладанія почестями, властью, богатствомъ и почетомъ, люди видѣли продолженіе того же счастья, которое съ самаго начала сопровождало его жизнь и дѣятельность.

БОРЬБА СТЮАРТОВЪ СЪ ПАРЛАМЕНТОМЪ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII В. И РЕВОЛЮЦІЯ.

XVIII. ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛИТИКУ СТЮАРТОВЪ И НА ХОДЪ БОРЬБЫ ИХЪ СЪ ПАРЛАМЕНТОМЪ.

(Изъ соч. Чичерина: „Народное представительство").

Преобразованіе церкви совершилось въ Англіи силою королевской власти, которая, опираясь на парламентъ, разорвала связь съ католицизмомъ, уничтожила главенство папы и сама стала на его мѣсто. Церковь сдѣлалась отраслью гражданскаго управленія; король считался верховнымъ правителемъ государства, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Епископы были ему вполнѣ подчинены; Верховная Коммиссія для церковныхъ дѣлъ была такимъ же орудіемъ религіознаго деспотизма, какъ Звѣздная палата—политическаго. Одолженная своимъ бытіемъ королевской власти, находясь въ полной отъ нея зависимости, признавая монарха своимъ главою, англиканская церковь всѣми силами старалась о поддержаніи монархическаго начала. Неизмѣннымъ ея догматомъ было ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти, въ силу наслѣдственнаго патріархальнаго права, идущаго отъ Адама. Поэтому она признавала за подданными обязанность безусловнаго повиновенія. Всякое сопротивленіе власти отвергалось, какъ противное божественному закону.

Но рядомъ съ этою оффиціальною церковью водворились другія ученія. Кальвинизмъ, который въ Шотландіи сдѣлался владычествующимъ, пріобрѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ и въ Англіи, особенно въ городахъ, въ среднемъ сословіи. Кальвинисты, получившіе названіе пуританъ, не только отвергали всякое вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла, но признавали даже обязанностью правительства исполнять постановленія церковныхъ властей. Самое же устройство основывалось у нихъ на началѣ свободы. Не признавая божественнаго происхожденія и преемственности епископскаго сана, они совершенно отвергали этотъ чинъ и сосредоточивали все церковное управленіе въ рукахъ пресвитеровъ, избираемыхъ общинами. Эти начала не трудно было перенести

и на свѣтскую область. Изъ нихъ прямо вытекало признаніе народной власти, въ противоположность божественному праву королей, которое проповѣдывалось англиканскою церковью. И точно, въ борьбѣ съ королями, пуритане скоро дошли до чисто-демократическихъ началъ.

Уже при Елисаветѣ значительная часть нижней палаты состояла изъ диссидентовъ, ибо по англійской избирательной системѣ, которая не принимала въ разсчетъ количества населенія, а давала одинакія права большимъ и малымъ корпораціямъ, города всегда имѣла численный перевѣсъ надъ графствами. Однако, при Елисаветѣ общій протестантскій интересъ, котораго она была главнымъ поборникомъ въ Европѣ, соединялъ пуританъ съ англиканцами въ поддержаніи монархической власти. Но, со вступленіемъ на престолъ дома Стюартовъ, водворились иныя отношенія. Со времени реформаціи Стюарты постоянно боролись съ пуританами въ Шотландіи и видѣли въ нихъ главныхъ враговъ монархическаго начала. Они менѣе боялись католицизма, нежели республиканскихъ стремленій кальвинистовъ. Вступивши на англійскій престолъ, они старались поставить свою власть въ положеніе, независимое отъ религіозныхъ партій. Во внѣшней политикѣ, вмѣсто прежней упорной борьбы за протестантизмъ, они держали середину между двумя сторонами; внутри государства, они опирались главнымъ образомъ на англиканскую церковь, выказывая терпимость и къ католикамъ. Англиканская теорія монархической власти совпадала съ ихъ собственною. Іаковъ I-й, самъ ученый и писатель, высказывалъ такія высокія понятія о достоинствѣ царей, которыя едва совмѣщались съ началами ограниченной монархіи: онъ считалъ себя абсолютнымъ королемъ, представителемъ Бога на землѣ, не связаннымъ никакимъ закономъ, имѣющимъ право на безусловное повиновеніе. Права подданныхъ были въ его глазахъ не болѣе, какъ истеченіемъ королевской милости, великодушнымъ даромъ монарха. Эти новыя понятія, которыя уходили далеко за предѣлы не только старинной прерогативы англійскихъ королей, но и самовластія Тюдоровъ, Іаковъ старался выставлять на каждомъ шагу.

Но этой монархической теоріи была противопоставлена другая, истекавшая изъ началъ свободы. Подъ управленіемъ Тюдоровъ, Англія достигла значительной степени богатства; особенно среднее, городовое сословіе находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Реформація влила въ него новую жизнь, воспламенила страсти; кальвинизмъ находилъ здѣсь самую воспріимчивую почву. Пока политика правительства шла по направленію этихъ страстей, согласіе не нарушалось. Но какъ скоро король отказался идти этимъ путемъ, пуритане обратились противъ него. Снисхожденіе къ католикамъ было имъ нестерпимо; они требовали строгаго исполненія жестокихъ законовъ, изданныхъ противъ нихъ. Они хотѣли также продолженія протестантской политики Елисаветы. Желаніе поддержать пфальцграфа въ началѣ Тридцатилѣтней войны доводило нижнюю палату до самыхъ изступленныхъ постановленій. Отсюда безпрерывныя столкновенія между королемъ и парламентомъ. По примѣру Елисаветы, Іаковъ объявлялъ представителямъ, чтобы они не вмѣшивались не въ свои дѣла и не старались проникнуть въ государственныя тайны, въ которыхъ ничего не понимаютъ, въ которыхъ онъ одинъ судья. Онъ твердилъ имъ, что права ихъ дарованы имъ королями и не должны быть употреблены во зло. Непокорнымъ онъ угрожалъ наказаніемъ, а иногда приводилъ

свою угрозу въ исполненіе. Но, вмѣсто прежней покорности, нижняя палата отвѣчала на эти выходки протестами. Она утверждала, что вольности и привилегіи парламента составляютъ старинное и несомнѣнное, прирожденное и наслѣдственное право подданныхъ Англіи; что всѣ важныя дѣла государства и церкви, измѣненіе законовъ, исправленіе злоупотребленій, принадлежатъ къ законнымъ предметамъ сужденій парламента; что палата должна пользоваться при этомъ полною свободою рѣчи, а чины ея не могутъ подвергаться никакому преслѣдованію и аресту за все, что они говорятъ или дѣлаютъ въ собраніи. Король опирался на примѣры предшественниковъ и воздвигалъ теорію абсолютной власти; палата, съ своей стороны, искала прецедентовъ въ средневѣковомъ періодѣ и откапывала старинныя привилегіи, чтобы оживить ихъ новымъ духомъ. Юристы, гласныя словеса палаты, по выраженію Бэкона, помогали ей своею ученостью; пуританскія стремленія вдыхали въ нее духъ свободы.

При такихъ противоположныхъ направленіяхъ естественно возгорѣлся вновь старинный споръ, оставшійся нерѣшеннымъ, о правѣ налагать подати. Судьи представили мнѣніе, что король имѣетъ право установлять таможенныя пошлины въ силу абсолютной власти, подчиняющей ему всѣ внѣшнія сношенія. Палата, напротивъ, объявила всѣ подати, наложенныя безъ согласія парламента, незаконными, и сдѣлала постановленіе объ ихъ отмѣнѣ. Однако, этотъ билль не прошелъ чрезъ верхнюю палату, которая постоянно держала сторону короля. Въ послѣдующемъ парламентѣ, 1614 года, палата опять протестовала противъ незаконныхъ налоговъ, а потому немедленно была распущена. На этомъ, однако, дѣло остановилось; слѣдующіе парламенты не возобновляли спора.

Съ большимъ успѣхомъ было возстановлено право парламента обвинять и судить нарушителей закона и даже совѣтниковъ государя. При Тюдорахъ лица, непріятныя королямъ, подвергались наказанію посредствомъ законодательныхъ постановленій парламента, такъ называемыхъ bills of attainder. Теперь было возстановлено вышедшее изъ употребленія право нижней палаты предавать обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ суду верхней. Само правительство этому содѣйствовало, находя удобнымъ оружіе, которое впослѣдствіи обратилось противъ него. Жертвою такого обвиненія палъ знаменитый Бэконъ, осужденный за взятки. Но самымъ важнымъ прецедентомъ былъ судъ надъ лордомъ казначеемъ, графомъ Мидльсексомъ, въ 1624 году. Это было сдѣлано по настоянію принца Уэльскаго и любимца его Бэкингама, который хотѣлъ пріобрѣсти этимъ популярность и избавиться отъ непріятнаго соперника. Іаковъ уступилъ, хотя указывалъ на всю опасность такого примѣра. Въ слѣдующее царствованіе эти затѣи обрушились на голову самихъ зачинщиковъ.

Борьба между королемъ и парламентомъ, начавшаяся при Іаковѣ I, достигла полнаго разгара при его преемникѣ. Карлъ I былъ менѣе податливъ и болѣе неостороженъ, нежели отецъ. Онъ хотѣлъ свою теорію королевской власти провести на дѣлѣ, между тѣмъ какъ парламентъ, съ своей стороны, подкрѣпленный двадцатилѣтнею борьбою, стремился разъ навсегда установить свои права. Король нуждался въ помощи палатъ, онъ желалъ въ европейскихъ дѣлахъ занять то же положеніе, какое нѣкогда занимала королева Елисавета. Онъ объявилъ войну Испаніи, под-

держивалъ гугенотовъ во Франціи. Развитіе морскихъ силъ государства и военныя издержки требовали пособій; но парламентъ расположенъ былъ давать ихъ только подъ условіемъ окончательнаго утвержденія своихъ правъ. Неопредѣленность королевской прерогативы, наслѣдованная отъ среднихъ вѣковъ, захваты Тюдоровъ, освященные обычаемъ и постановленіями парламента, новыя понятія объ абсолютной власти монарховъ,— все это должно было уступить мѣсто явнымъ опредѣленіямъ права. Королевская власть должна была войти въ твердыя, законныя границы, не дозволяя себѣ ни поборовъ безъ согласія парламента, ни произвольныхъ арестовъ. Нижняя палата требовала отчета въ расходахъ, настаивала на преслѣдованіи католиковъ, и такъ какъ правительство, не уступая, продолжало прежнюю систему, то она опрокинулась на королевскаго любимца, Букингама. Онъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ доказательствъ, просто на основаніи общей молвы. Карлъ не хотѣлъ пожертвовать любимымъ министромъ и распустилъ парламентъ. Однако уступки были необходимы, если король хотѣлъ продолжать свою внѣшнюю политику. Поэтому онъ въ 1628 году согласился утвердить „прошеніе о правахъ", которое, послѣ великой хартіи, составляетъ вторую основу англійской свободы. Имъ устранялись четыре главные предмета жалобъ того времени: незаконные поборы, въ какомъ бы то ни было видѣ, налоговъ, займовъ, подарковъ и т. д., произвольные аресты, принудительный постой солдатъ и военные суды, даже въ рядахъ войска. Послѣдніе два пункта имѣли въ виду предупредить созданіе постоянной арміи, на которую король могъ бы опираться.

Давши свое согласіе на „прошеніе о правахъ", король не думалъ однако отрекаться отъ своихъ правъ. Прежде, нежели онъ рѣшился утвердить законъ, онъ созвалъ судей на тайное совѣщаніе и спросилъ ихъ: можетъ ли онъ арестовать подданнаго, не показавши причины? обязаны ли судьи освободить арестованнаго, который будетъ просить о habeas corpus? наконецъ, если онъ утвердитъ „прошеніе о правахъ", то откажется ли онъ черезъ это отъ своихъ правъ? Судьи отвѣчали, что законъ требуетъ вообще показанія причины ареста, но въ случаяхъ особенной важности, когда нужна тайна, король можетъ обойтись и безъ этого, и тогда судьи въ правѣ отказать арестованному въ просьбѣ объ освобожденіи. Утвержденіе „прошенія о правахъ", по ихъ мнѣнію, нисколько въ этомъ отношеніи не стѣсняло короля. Тогда Карлъ далъ свое согласіе на законъ, имѣя въ виду не исполнять его. Еще менѣе думалъ онъ отказываться отъ права взимать таможенныя пошлины, не установленныя парламентомъ. При такихъ противоположныхъ воззрѣніяхъ, соглашеніе было невозможно. Столкновеніе возобновилось съ новою силою; палаты были распущены, и король рѣшился править одинъ.

Продолженіе воинственной внѣшней политики, безъ пособій со стороны парламента, было немыслимо. Поэтому съ Франціею и Испаніею былъ заключенъ миръ; король обратилъ все свое вниманіе на утвержденіе своей власти внутри государства. Прежде всего нужно было найти финансовыя средства, ибо таможенныхъ пошлинъ было недостаточно на издержки. Изъ пыли архивовъ были вытащены всѣ старинныя королевскія права, которыя могли служить способомъ добыванія денегъ. Въ финансовое управленіе была внесена самая строгая бережливость. Наконецъ, когда внѣшнія обстоятельства заставили правительство прибѣгнуть къ

морскимъ вооруженіямъ, установленъ былъ новый налогъ—знаменитыя въ англійской исторіи корабельныя деньги (ship-money). Судьи объявили, что, въ случаѣ опасности, для защиты государства, король имѣетъ право собственною властью предписать подданнымъ постройку и содержаніе кораблей, и что онъ одинъ судья какъ опасности, такъ и средствъ къ ея отвращенію. Этотъ приговоръ возбудилъ всеобщій ропотъ; многіе отказались отъ уплаты, между прочимъ знаменитый Гемпденъ, который подвергся и тюремному заключенію, и долговременному процессу, потому что не хотѣлъ заплатить приходившихся на его долю 20-ти шиллинговъ. Эта тяжба получила громкую огласку. Защитники Гемпдена ссылались на прецеденты и на статуты, которыми отмѣнялись беззаконные поборы, начиная съ „Великой хатріи“ до „Прошенія о правахъ“. Адвокаты короля опирались на другіе прецеденты стариннаго времени и на новѣйшій примѣръ Елизаветы, которая, при опасности, угрожавшей отъ испанской армады, собственною властью возложила на подданныхъ устройство и содержаніе кораблей. Постановленія же статутовъ устранялись ссылкою на абсолютную власть короля, которая давала ему право принимать всѣ мѣры, какія онъ считалъ нужными для безопасности государства. Власть эта, по мнѣнію защитниковъ этой теоріи, не могла быть ограничена никакимъ актомъ парламента. Судьи, семеро противъ пяти, рѣшили въ пользу короля; непокорные были принуждены къ уплатѣ.

Въ гражданскихъ орудіяхъ у короля не было недостатка. Кромѣ обыкновенныхъ судовъ, въ это время Звѣздная палата усилила свою дѣятельность. Въ Ирландіи готовилось постоянное войско. Тамъ неограниченно властвовалъ главный совѣтникъ Карла I-го, Томасъ Вентвортъ, графъ Страффордъ; ирландскій парламентъ былъ совершенно ему покоренъ. Наконецъ Карлъ думалъ употребить всѣ силы англиканской церкви для подавленія пуританъ, отъ которыхъ исходила главная оппозиція. Архіепископъ Кентерберійскій, Лоудъ, строго исполнялъ законы противъ диссидентовъ и вводилъ полное однообразіе церковныхъ уставовъ и обрядовъ. Не встрѣчая сопротивленія въ Англіи, король и архіепископъ задумали ту же систему перенести и въ Шотландію. Но здѣсь они встрѣтили препятствія, о которыхъ сокрушилась самая монархія. Кальвинизмъ въ Шотландіи былъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ; епископы существовали болѣе по имени, нежели на дѣлѣ. Въ недавнихъ религіозныхъ смутахъ шотландцы привыкли сопротивляться королямъ и даже низлагать ихъ. Попытка англійскаго правительства вызвала вооруженное возстаніе; шотландцы заключили между собою договоръ (covenant) для защиты пресвитеріанской церкви, собрали войско и съ оружіемъ въ рукахъ вступили въ англійскіе предѣлы.

Король не имѣлъ средствъ имъ сопротивляться: у него не было ни денегъ, ни арміи. Положеніе было самое критическое. Сдержанное неудовольствіе проявилось всюду; раздались голоса съ требованіемъ парламента. Надобно было уступить. Но парламентъ собрался не съ тѣмъ, чтобы поддерживать короля въ борьбѣ съ шотландцами, въ которыхъ недовольные видѣли союзниковъ и избавителей, а съ тѣмъ, чтобы воспользоваться затруднительными обстоятельствами для упроченія народныхъ правъ. Въ этомъ отношеніи въ представителяхъ господствовало полное единодушіе. Аристократія и города, англиканцы и пуритане, всѣ одинаково не хотѣли терпѣть произвольнаго правленія, всѣ желали ввести

королевскую власть въ законныя границы. Немедленно были отмѣнены распоряженія короля и приговоры судей, противные требованіямъ парламента. Взиманіе податей и всякихъ другихъ поборовъ безъ согласія представителей окончательно прекратилось. Отмѣнена была принудительная военная служба. Но парламентъ на этомъ не остановился; онъ хотѣлъ положить предѣлъ произволу, отнявъ у короля главныя орудія власти. Съ этою цѣлью уничтожены были и Звѣздная палата, и верховная коммиссія по церковнымъ дѣламъ. Для предупрежденія въ будущемъ возможности обходиться безъ парламента, постановлено было, что палаты должны собираться по крайней мѣрѣ черезъ каждые три года, если же онѣ не будутъ созваны королемъ, то избиратели могутъ сами приступить къ выбору представителей. Это было значительнымъ нарушеніемъ самыхъ коренныхъ правъ короны; однако и это постановленіе было утверждено королемъ. Наконецъ, торжествующій парламентъ рѣшился притянуть къ отвѣтственности главныхъ совѣтниковъ Карла, виновниковъ произвольнаго управленія. Страффордъ былъ казненъ, Лоудъ заключенъ въ темницу.

Король соглашался на все, не имѣя средствъ противиться общему теченію. Но парламентъ, помня нарушеніе прежнихъ обѣщаній, не полагался на его уступки, и хотѣлъ поставить его въ совершенную невозможность что-либо предпринять противъ свободы. Здѣсь дѣло шло не объ опредѣленіи взаимныхъ правъ; это была борьба за власть. При взаимномъ недовѣріи и раздраженіи сторонъ, правильныя отношенія были невозможны; начиналась революція. Парламентъ постановилъ, что онъ не можетъ быть распущенъ безъ своего собственнаго согласія; король и здѣсь уступилъ. Съ помощью напора городской черни, епископы были исключены изъ верхней палаты. Пуритане хотѣли даже совершенно уничтожить епископальное устройство церкви. Затѣмъ палата потребовала, чтобы король удалилъ всѣхъ неугодныхъ ей совѣтниковъ; наконецъ, она хотѣла взять въ свои руки начальство надъ милиціею и надъ крѣпостями. Король сдѣлалъ еще разъ неудачную и неблагоразумную попытку возстановить свою власть арестомъ пяти главныхъ предводителей оппозиціи. Эта противозаконная мѣра только усилила раздраженіе; соглашеніе сдѣлалось еще менѣе возможнымъ. Дѣло должно было рѣшиться оружіемъ.

Послѣднія уступки короля значительно усилили его партію. Къ нему примкнули всѣ, желавшіе сохраненія прежняго порядка въ законныхъ предѣлахъ. На его сторонѣ была большая часть аристократіи и низшаго дворянства (gentry). Однако нѣкоторые вельможи, и весьма значительные, остались на сторонѣ парламента: Эссексъ, Нортумберландъ, Варвикъ, Сэй и другіе, раздѣлявшіе мнѣнія пуританъ. Во главѣ парламентской арміи стояли и нѣкоторые поземельные владѣльцы изъ старыхъ рыцарскихъ фамилій; сюда принадлежали Гемпденъ, Ферфаксъ и Кромвель. Но главная сила народной партіи заключалась въ городовомъ ополченіи; особенно Лондонъ помогалъ ей и деньгами, и людьми. Армія, которая порѣшила войну, состояла большею частью изъ послѣдователей крайнихъ сектъ, изъ такъ называемыхъ индепендентовъ, исполненныхъ республиканскихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, другъ противъ друга стояли, съ одной стороны, аристократія въ связи съ королемъ и церковью, съ другой—демократія, опиравшаяся на секты. Послѣдняя побѣдила, однако не надолго; окончательное торжество выпало на долю первой.

Средніе классы вели борьбу съ королемъ въ лицѣ Долгаго парламента и арміи, и не съумѣли утвердить прочнаго порядка вещей. Оно и не было возможно, ибо цѣль ихъ состояла въ уничтоженіи всей исторически выработавшейся конституціи Англіи. Пуритане, крѣпкіе своимъ единодушіемъ, энтузіазмомъ и защитою началъ свободы, составляли меньшинство народонаселенія. Республика, провозглашенная послѣ низложенія короля, не имѣла корней въ народѣ. Для утвержденія новаго порядка вещей нужно было прибѣгнуть къ насильственному очищенію самаго парламента, стоявшаго во главѣ движенія. Здѣсь осталось радикальное меньшинство, которое не представляло настоящихъ стремленій общества. Скоро перевѣсъ взяла армія, на сторонѣ которой были и побѣда, и сила. Республику замѣнила военная диктатура. Но и послѣдняя могла держаться только геніемъ Кромвеля. Послѣ его смерти водворилась анархія, послѣдствіемъ которой было возвращеніе короля, при единодушномъ восторгѣ народа.

Революція не осталась, однакожь, безъ послѣдствій. Средніе классы доказали свое могущество и съ тѣхъ поръ сдѣлались существеннымъ элементомъ англійской конституціи. Сила королевской власти была сломана; прежняя ея увѣренность въ себѣ исчезла. Карлъ II возвратился по приглашенію парламента съ тѣмъ, чтобы править на основаніи закона. Самые вѣрные его слуги, какъ Кларендонъ, имѣли въ виду утвердить монархію на двухъ главныхъ столбахъ: на церкви и на парламентѣ. Не смотря на вѣрноподданническій энтузіазмъ, возбужденный реставраціею, никто не хотѣлъ возстановленія произвола. Первый парламентъ, созванный Карломъ II-мъ, одушевленъ былъ самыми монархическими чувствами, однако и онъ не думалъ уступать своихъ правъ. Пособія давались на спеціальные расходы; въ деньгахъ требовался отчетъ; произвольные аресты были навсегда устранены актомъ „habeas corpus“; попытки короля останавливать исполненіе закона въ силу разрѣшающей власти (Dispensing power) были встрѣчены протестами; католическія наклонности Карла II не только не нашли угодливости, а, напротивъ, вызвали строгія мѣры противъ католиковъ; наконецъ, два первыхъ министра, Кларендонъ и Данби, были преданы суду, первый подъ самыми пустыми предлогами, но не безъ тайнаго желанія короля, второй—изъ оппозиціи королевской власти.

Таковы были дѣянія парламента, котораго огромное большинство состояло изъ защитниковъ королевской прерогативы. Но рядомъ съ этою придворною партіею образовалась другая, партія народная, которая своимъ знаменемъ выставила свободу. Она была наслѣдницею Долгаго парламента, но съ болѣе умѣренными требованіями. Опираясь на права народа, она держалась въ предѣлахъ закона и стремилась единственно къ развитію конституціонныхъ началъ, выработанныхъ исторіею. Борьба этихъ двухъ партій, торіевъ и виговъ, наполняетъ всю послѣдующую исторію Англіи. Первая стояла за церковь и короля и проповѣдывала, что сопротивленіе королевской власти, во всякомъ случаѣ, беззаконно; вторая, напротивъ, утверждала, что народъ имѣетъ право сопротивляться беззаконнымъ дѣйствіямъ правителей. Послѣдняя опиралась преимущественно на диссидентовъ и на города, тогда какъ правители находили главную поддержку въ землевладѣльцахъ. Аристократія раздѣлялась между обоими направленіями, сохраняя между ними должную связь и

устраняя всякія крайности. Пополняясь вождями партій, верхняя палата попеременно представляла собою большинство то той, то другой. При Карлѣ II-мъ въ ней рѣшительно преобладали торіи, тогда какъ въ нижней палатѣ, послѣ перваго, монархическаго, парламента, большинство перешло на сторону виговъ. Перевѣсъ послѣднихъ былъ вызванъ опасеніями, внушенными переходомъ наслѣдника престола къ католицизму. Однако попытка народной партіи отрѣшить Іакова II отъ престола не удалась; крайности виговъ, въ свою очередь, произвели реакцію, которою правительство воспользовалось для утвержденія своей власти. Главнымъ средствомъ для этого служило преобразованіе городскихъ корпорацій, изъ которыхъ большею частью были исключены диссиденты. Городское управленіе досталось въ руки тѣсныхъ олигархій, преданныхъ правительству. Это было сдѣлано для усиленія монархической власти; впослѣдствіи это послужило къ утвержденію владычества аристократіи.

Союзъ короля съ церковью и аристократіею могъ положить основаніе прочному порядку вещей. Но для этого надобно было подчиниться ихъ вліянію и отказаться отъ самовластія. Іаковъ II рѣшился идти имъ наперекоръ и этимъ погубилъ себя. Преданный католицизму, видя въ немъ главную опору монархическаго начала, онъ хотѣлъ въ пользу религіи еще разъ испробовать силу королевской власти. Изъ прежней прерогативы остался одинъ обломокъ произвола, подлежавшій спору, но не отмѣненный формально. То было право разрѣшать отступленія отъ законовъ. Судьи, всегда покорные королю, поддерживали его притязанія. Іаковъ прибѣгнулъ къ этому орудію для пріостановленія законовъ противъ католиковъ. Но на этотъ разъ справиться съ королемъ было нетрудно. Противъ него соединились и торіи, и виги, при чемъ первые пожертвовали своими началами для спасенія церкви. Аристократія стала во главѣ революціи. Она призвала Вильгельма Оранскаго, и Іаковъ II, покинутый всѣми, былъ низложенъ. „Билль о правахъ", третій памятникъ англійской свободы, навсегда отмѣнилъ разрѣшающую власть.

Революція 1688 года носила совершенно иной характеръ, нежели первая. Она имѣла въ виду не разрушеніе существующаго государственнаго устройства, не установленіе народной власти, а защиту закона отъ произвола. Она была произведена не средними классами, которые не въ силахъ были создать новый политическій бытъ, а аристократіею, которая, опираясь на историческія права, на существующій составъ парламента, успѣла утвердить прочный порядокъ вещей и явилась въ немъ владычествующею. Изъ двухъ силъ, которыхъ борьба идетъ отъ начала англійской исторіи, аристократія, опиравшаяся на парламентъ, окончательно получила перевѣсъ. Королевская власть, вслѣдствіе низложенія законной династіи, лишилась историческаго корня. Она оказалась несостоятельною для правленія, которое, естественно, перешло въ руки вельможъ. Самые друзья королевской прерогативы потеряли твердую почву; они принуждены были отречься отъ провозглашенныхъ ими началъ безусловнаго повиновенія, хотя и сдѣлали это нехотя. Они съ трудомъ согласились на совершенное устраненіе Іакова II-го отъ престола и на избраніе Вильгельма III-го. Явно признавая новое правительство, они оказывали ему постоянное недоброжелательство, продолжая видѣть въ немъ незаконнаго похитителя власти, и обращая взоръ на изгнанную королевскую фамилію. Но эти позднія сожалѣнія не могли привести ни

къ чему; поставленная въ ложное положеніе, партія торіевъ падаетъ болѣе и болѣе.

Виги, напротивъ, торжествовали, ибо ихъ начала силою вещей получили перевѣсъ. Они сдѣлались друзьями новаго правительства; изъ народной партіи они превратились въ придворную. Прежнія роли перемѣнились. Они же образовали большинство верхней палаты, въ которую вступили ихъ вожди. Партія виговъ получила преимущественно аристократическій характеръ, ибо торжество свободныхъ началъ и парламентскаго владычества было въ сущности побѣдою аристократіи надъ королевскою властью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, виги пользовались преобладающимъ вліяніемъ и въ народѣ, ибо они всегда были защитниками его правъ. Владычество аристократіи было упрочено именно тѣмъ, что во главѣ государства была поставлена та ея часть, которая ратовала за народъ. Въ этомъ заключается вся сила англійской аристократіи.

XIX. *ПУРИТАНЕ И ОТНОШЕНІЕ ИХЪ КЪ ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ И КЪ КОРОНѢ.

(Изъ „Исторіи Англіи" Маколея. Изд. Тиблена).

Выгоды, которыя англійская корона извлекла изъ тѣснаго союза съ установленною церковью, были велики; но онѣ были не безъ серьезныхъ неудобствъ. Соглашеніе, устроенное Кранмеромъ, съ самаго начала разсматривалось огромнымъ числомъ протестантовъ, какъ затѣя служить двумъ господамъ, какъ попытка соединить поклоненіе Господу съ поклоненіемъ Ваалу. Во дни Эдуарда VI нравственная щекотливость этой партіи неоднократно причиняла правительству большія затрудненія. Когда Елизавета вступила на престолъ, эти затрудненія еще болѣе увеличились. Насиліе естественно порождаетъ насиліе. Поэтому, духъ протестантизма былъ гораздо яростнѣе и нетерпимѣе послѣ жестокостей Маріи, нежели до нихъ. Многія лица, горячо приверженныя къ новымъ мнѣніямъ, въ теченіе худыхъ дней нашли себѣ убѣжище въ Швейцаріи и Германіи. Они были гостепріимно приняты своими единовѣрцами, сиживали у ногъ великихъ докторовъ Страсбурга, Цюриха и Женевы и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ привыкли къ болѣе демократической формѣ церковнаго правленія, чѣмъ тѣ, какія видѣла у себя Англія. Эти люди возвратились въ свое отечество съ убѣжденіемъ, что реформа, совершенная при королѣ Эдуардѣ, была гораздо менѣе глубока и обширна, чѣмъ требовали интересы чистой религіи. Но они тщетно добивались какой-нибудь уступки отъ Елизаветы. Дѣйствительно, ея система тамъ, гдѣ она отличалась отъ системы ея брата, казалось имъ, отличалась къ худшему. Они были мало расположены подчиняться въ дѣлахъ вѣры какому бы то ни было человѣческому авторитету. Они незадолго передъ тѣмъ, полагаясь на собственное свое истолкованіе Писанія, возстали противъ церкви, сильной незапамятною древностью и вселенскимъ согласіемъ. Необыкновеннымъ напряженіемъ умственной энергіи они свергли иго этого пышнаго и державнаго суевѣрія; и нелѣпо было ожидать,

чтобы они, непосредственно послѣ такого освобожденія, терпѣливо подчинились новой духовной тиранніи. Давно привыкшіе, при возношеніи священникомъ даровъ, падать ницъ, какъ бы передъ присущимъ Богомъ, они научились трактовать мессу, какъ языческій обрядъ. Давно привыкшіе смотрѣть на папу, какъ на обладателя ключей земли и неба, они научились смотрѣть на него, какъ на звѣря, какъ на антихриста, какъ на человѣка грѣха. Нечего было ожидать, чтобы они непосредственно перенесли на власть-выскочку то благоговѣніе, которое перестали оказывать Ватикану; чтобы они подчинили свое частное сужденіе авторитету церкви, основанной на одномъ лишь частномъ сужденіи, чтобы они побоялись отщепениться отъ наставниковъ, которые сами отщепенились отъ того, что незадолго передъ тѣмъ было всеобщею вѣрою западнаго христіанства. Легко понять негодованіе, какое должны были почувствовать смѣлые и пытливые умы, гордившіеся новопріобрѣтенною свободою, когда учрежденіе, которое было многими годами моложе ихъ самихъ, учрежденіе, которое на ихъ глазахъ постепенно получало свою форму отъ страстей и интересовъ двора, начало подражать надменной манерѣ Рима.

Такъ какъ этихъ людей нельзя было убѣдить, то рѣшено было ихъ преслѣдовать. Преслѣдованіе произвело на нихъ свое естественное дѣйствіе. Оно нашло ихъ сектою; оно сдѣлало ихъ факціею. Къ ихъ ненависти къ церкви прибавилась ненависть къ коронѣ. Оба эти чувства взаимно смѣшались, и каждое изъ нихъ усиливало горечь другаго. Мнѣнія пуританина объ отношеніи между правителемъ и подданнымъ весьма разнились отъ тѣхъ, которыя вперялись въ гомеліяхъ. Его любимые богословы и поученіемъ, и примѣромъ поощряли сопротивленіе тиранамъ и преслѣдователямъ. Его единовѣрцы-кальвинисты во Франціи, въ Голландіи и въ Шотландіи сражались противъ идолопоклонническихъ и жестокихъ государей. Притомъ, его понятія о государственномъ правленіи приняли оттѣнокъ его понятій о правленіи церковномъ. Нѣкоторые изъ популярныхъ сарказмовъ, направленныхъ противъ епископства, могли быть, безъ особеннаго затрудненія, обращены противъ королевскаго достоинства; и многіе изъ доводовъ, употреблявшихся для доказательства, что наилучшимъ сосудомъ духовной власти былъ синодъ, казалось, вели къ заключенію, что наилучшимъ сосудомъ свѣтской власти былъ парламентъ.

Такимъ образомъ, какъ священникъ установленной церкви изъ интереса, изъ принципа и изъ страсти былъ ревнителемъ королевскихъ прерогативъ, такъ пуританинъ изъ принципа былъ противникомъ ихъ. Могущество недовольныхъ сектаторовъ было велико. Они встрѣчались во всѣхъ званіяхъ; но сильнѣе всего были они между торговыми классами въ городахъ и между мелкими собственниками въ деревняхъ. Въ началѣ царствованія Елизаветы они начали составлять большинство въ палатѣ общинъ. И нѣтъ сомнѣнія, еслибы англичане имѣли тогда досугъ сосредоточить все свое вниманіе на внутреннихъ вопросахъ, борьба между короною и парламентомъ началась бы немедленно. Но то была не пора для внутреннихъ раздоровъ. Дѣйствительно, можно было основательно усомниться, въ состояніи ли былъ даже самый твердый союзъ между всѣми классами государства отвратить общую опасность, которая всѣмъ угрожала. Римско-католическая Европа и Европа реформатская боролись

на жизнь или смерть. Франція, раздѣлившаяся на два враждебныхъ лагеря, лишилась на время всякаго значенія въ христіанскомъ мірѣ. Англійское правительство стояло въ челѣ протестантскаго интереса и, преслѣдуя пресвитеріанъ дома, простирало мощное покровительство на пресвитеріанскія церкви за границею. Во главѣ противной партіи стоялъ могущественнѣйшій государь того времени, государь, который правилъ Испаніею, Португаліею, Италіею, Нидерландами, Остъ и Вестъ-Индіею, арміи котораго неоднократно ходили на Парижъ, а флоты держали въ страхѣ берега Девоншира и Суссекса. Долгое время казалось вѣроятнымъ, что англичанамъ предстояло отчаянно сражаться на англійской почвѣ за свою религію и независимость. Сверхъ того, они ни на минуту не освобождались отъ опасеній какой-нибудь великой внутренней измѣны. Ибо въ тѣ времена жертвовать религіи отечествомъ сдѣлалось у многихъ благородныхъ натуръ пунктомъ совѣсти и чести. Рядъ мрачныхъ заговоровъ, составленныхъ католиками противъ жизни королевы и существованія націи, держалъ общество въ постоянной тревогѣ. Каковы бы ни были ошибки Елизаветы, ясно было, что судьба государства и всѣхъ реформатскихъ церквей, говоря по человѣчески, зависѣла отъ безопасности ея особы и успѣховъ ея управленія. Поэтому, усиливать ея власть было первымъ долгомъ патріота и протестанта; и долгъ этотъ исполнялся отлично. Пуритане, даже въ глубинѣ тюремъ, куда она ихъ ввергала, молились, и молились съ непритворнымъ жаромъ, чтобы она была избавлена отъ кинжала убійцы, чтобы возмущеніе было попрано ею, и чтобы оружіе ея было побѣдоносно на морѣ и на сушѣ. Одинъ изъ упорнѣйшихъ этой упорной секты, непосредственно послѣ того, какъ его рука была отсѣчена за преступленіе, въ которое онъ вовлекся неумѣренною ревностью, замахалъ своею шляпою посредствомъ оставшейся руки и закричалъ: „Боже, храни королеву!“ Чувство, съ какимъ эти люди относились къ ней, перешло и къ ихъ потомкамъ. Какъ ни поступала она сурово съ нонконформистами, они, какъ партія, всегда чтили ея память.

Поэтому, хотя въ теченіе большей части ея царствованія пуритане въ палатѣ общинъ вели себя иногда мятежно, однако они не чувствовали расположенія сгруппироваться въ систематическую оппозицію правительству. Но когда пораженіе армады, успѣшное сопротивленіе соединенныхъ провинцій испанской державѣ, прочное утвержденіе Генриха IV на французскомъ престолѣ и смерть Филиппа II обезпечили государство и церковь отъ всѣхъ опасностей извнѣ, упорная борьба, долженствовавшая длиться нѣсколько поколѣній сряду, немедленно началась внутри государства.

Между тѣмъ религіозныя распри, которыя со временъ Эдуарда VI свирѣпствовали въ средѣ протестантовъ, съ царствованіемъ Іакова I-го, сдѣлались грознѣе, чѣмъ когда-либо. Пока воспоминаніе о жестокостяхъ Маріи было еще свѣжо, пока могущество католической партіи еще внушало опасенія, пока Испанія еще сохраняла преобладаніе и стремилась къ всемірному господству, всѣ реформатскія секты сознавали, что у нихъ былъ сильный общій интересъ и смертельный общій врагъ. Злоба, какую онѣ питали другъ къ другу, была слаба въ сравненіи съ злобою, какую всѣ онѣ питали къ Риму. Конформисты и нонконформисты искренно соединились для исходатайствованія крайне строгихъ уголовныхъ

законовъ противъ папистовъ. Но когда болѣе чѣмъ полувѣковое безмятежное владѣніе развило въ установленной церкви самоувѣренность, когда девять десятыхъ націи сдѣлались искренними протестантами, когда Англія была въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ, когда минула опасность принужденія націи иноземнымъ оружіемъ къ принятію папизма, въ чувствахъ англиканскаго духовенства произошла перемѣна. Вражда его къ римско-католическому ученію и благочинію значительно смягчилась. Его отвращеніе къ пуританамъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ возрастало. Богословскіе споры, съ самаго начала раздѣлявшіе протестантскую партію, приняли такую форму, которая отняла всякую надежду на примиреніе, и, сверхъ того, къ старымъ предметамъ спора прибавились новые, еще болѣе важные, спорные пункты.

Основатели англиканской церкви удержали епископство какъ древнюю, приличную и удобную форму церковнаго устройства, но не признавали этого образа церковнаго правленія божественнымъ установленіемъ. Въ царствованіе Елизаветы Джюэль, Куперъ, Витгифтъ и другіе защищали прелатство, какъ невинное и полезное учрежденіе, какъ нѣчто такое, что государство могло законно установить и что, однажды установленное государствомъ, имѣло право на уваженіе со стороны каждаго гражданина. Но они никогда не отрицали того, что христіанская община безъ епископа могла быть чистою церковью. Напротивъ, они смотрѣли на континентальныхъ протестантовъ, какъ на членовъ одной съ ними религіозной семьи. Правда, англичане въ Англіи обязаны были признавать власть епископа, какъ обязаны были признавать власть шерифа и коронера; но эта обязанность была чисто мѣстною. Англійскій церковникъ, и даже англійскій прелатъ, переѣхавъ въ Голландію, не колебались приноравливаться къ установленной въ Голландіи религіи. За границею посланники Елизаветы и Іакова торжественно посѣщали то самое богослуженіе, которое Елизавета и Іаковъ преслѣдовали дома, и тщательно остерегались украшать свои домовыя церкви на англійскій манеръ, чтобы не подать повода къ соблазну слабѣйшей братіи. Въ 1603 году, конвокація кентерберійской провинціи торжественно признала шотландскую церковь, въ которой епископскій контроль и епископское рукоположеніе были тогда неизвѣстны, отраслью святой каѳолической церкви Христа. Утверждалось даже, что пресвитеріанскіе священнослужители имѣли право засѣдать и подавать голосъ на вселенскихъ соборахъ. Когда генеральные штаты соединенныхъ провинцій созвали въ Дордрехтѣ синодъ богослововъ, не рукоположенныхъ въ епископы, англійскій епископъ и англійскій деканъ, уполномоченные главою англійской церкви, засѣдали вмѣстѣ съ этими богословами, проповѣдывали имъ и подавали вмѣстѣ съ ними голоса по важнѣйшимъ вопросамъ богословія, Мало того: многія англійскія бенефиціи были заняты духовными лицами, допущенными къ священнослужительству по обычной на материкѣ кальвинистской формѣ, и въ такихъ случаяхъ вторичное, епископское рукоположеніе не считалось ни необходимымъ, ни даже законнымъ.

Но новая порода богослововъ уже возникла въ англійской церкви. По ихъ мнѣнію, епископская должность была существенно необходима для благосостоянія христіанскаго общества и для дѣйствительности самыхъ торжественныхъ уставовъ религіи. Съ этою должностью соединялись извѣстныя высокія и священныя преимущества, которыхъ никакая

человѣческая власть не могла ни дать, ни отнять. Обходиться безъ апостольской іерархіи для церкви было все равно, что обходиться безъ ученія о св. Троицѣ, или безъ ученія о воплощеніи; и римская церковь, при всѣхъ своихъ порокахъ, удержавшая апостольскую іерархію, была ближе къ первобытной чистотѣ, нежели тѣ реформатскія общества, которыя опрометчиво, въ противоположность божественному образцу, воздвигли систему, изобрѣтенную людьми.

Во время Эдуарда VI и Елизаветы защитники англиканскаго церковнаго устава обыкновенно довольствовались утвержденіемъ, что онъ могъ быть соблюдаемъ безъ грѣха, и что поэтому никто, кромѣ строптивыхъ и непокорныхъ подданныхъ, не откажется соблюдать его вопреки предписаніямъ начальства. Теперь же та возникавшая партія, которая присвоивала устройству церкви божественное происхожденіе, начала приписывать ея требамъ новое достоинство и новое значеніе. Намекалось, что, если установленное богослуженіе имѣло какой-нибудь недостатокъ, недостаткомъ этимъ была крайняя простота, и что реформаторы, въ пылу своей распри съ Римомъ, уничтожали многіе древніе обряды, которые можно было бы съ пользою удержать. Извѣстнымъ днямъ и мѣстамъ снова стало оказываться мистическое чествованіе. Возобновлены были нѣкоторые обычаи, давно вышедшіе изъ употребленія и вообще считавшіеся суевѣрными маскарадами. Картины и изваянія, избѣжавшія ярости перваго поколѣнія протестантовъ, сдѣлались предметами такого уваженія, которое многимъ казалось идолопоклонническимъ.

И это было еще не все. Рядъ вопросовъ, относительно которыхъ основатели англиканской церкви и первое поколѣніе пуританъ почти или вовсе не разногласили, началъ доставлять матеріалъ для ожесточенныхъ преній. Богословскіе споры, породившіе въ протестантскомъ обществѣ въ періодъ его младенчества расколы, касались исключительно церковнаго правленія и обрядовъ. Между состязавшимися партіями не было никакой серьезной распри по поводу предметовъ метафизическаго богословія. Ученія, принятыя главами іерархіи касательно первороднаго грѣха, вѣры, благодати, предопредѣленія и избранія, были тѣми ученіями, которыя обыкновенно называются кальвинистскими. Въ исходѣ царствованія Елизаветы, любимый ея прелатъ, архіепископъ Витгифтъ, составилъ, вмѣстѣ съ лондонскимъ епископомъ и другими богословами, знаменитый актъ, извѣстный подъ названіемъ „Ламбетскихъ статей“ *). Въ этомъ актѣ самыя поразительныя изъ положеній кальвинскаго ученія утверждаются съ отчетливостью, которая возмутила бы многихъ, слывущихъ въ наше время кальвинистами. Одинъ священникъ, принявшій противную сторону и рѣзко говорившій о Кальвинѣ, былъ обвиненъ за свою дерзость Кембриджскимъ университетомъ и спасся отъ наказанія только тѣмъ, что выразилъ твердую вѣру въ догматы отверженія и неизмѣнной благодати и сожалѣнія объ оскорбленіи, которое онъ нанесъ благочестивымъ людямъ порицаніемъ французскаго реформатора. Когда въ Голландіи вспыхнула арминіанская распря, англійское правительство и англиканская церковь оказали кальвинистской партіи сильную поддержку.

---

*) Lambet articles. Названіе этого акта происходитъ отъ мѣстечка Ламбетъ на южномъ берегу Темзы, входящаго нынѣ въ составъ Лондона и составляющаго мѣстопребываніе архіепископа кентерберійскаго.

Но, даже до собранія голландскаго синода, та часть англиканскаго духовенства, которая была особенно враждебна кальвинистскому церковному правленію и кальвинистскому богослуженію, начала смотрѣть на кальвинистскую метафизику съ отвращеніемъ, и это чувство весьма естественно усилилось вслѣдствіе грубой несправедливости, наглости и жестокости партіи, преобладавшей въ Дордрехтѣ. Арминіанское ученіе, менѣе строго-логическое, чѣмъ ученіе первыхъ реформаторовъ, но болѣе согласное съ народными понятіями о божественной справедливости и благости, распространилось быстро и далеко. Зараза вскорѣ достигла двора. Мнѣнія, которыхъ, при восшествіи на престолъ Іакова, ни одинъ священникъ не могъ высказывать, не подвергаясь опасности быть разстриженнымъ, сдѣлались теперь наилучшимъ путемъ къ повышенію. Одно духовное лицо того времени, на вопросъ простаго сельскаго джентльмена „Что утверждали арминіане?“ столько же справедливо, сколько и остроумно, отвѣчало, что они утверждали за своею братіею всѣ лучшія епископіи и деканства въ Англіи.

Между тѣмъ какъ часть англиканскаго духовенства уклонилась отъ своего первоначальнаго положенія въ одну сторону, часть пуританской партіи отступила отъ правилъ и обычаевъ своихъ отцовъ въ сторону діаметрально-противоположную. Преслѣдованіе, которому подвергались отщепенцы, было довольно жестоко, чтобы раздражить, но не довольно жестоко, чтобы уничтожить ихъ. Оно не укротило ихъ до покорности, но разъярило до лютости и упорства. По обыкновенію угнетаемыхъ сектъ, онѣ ошибочно принимали свои мстительныя чувства за порывы благочестія, чтеніемъ и размышленіемъ поддерживали въ себѣ наклонность сосредоточиваться на испытанныхъ ими обидахъ и, возбудивши въ себѣ ненависть къ своимъ врагамъ, воображали, что ненавидятъ только враговъ неба. Въ Новомъ Завѣтѣ было мало такого, что, даже извращенное самымъ недобросовѣстнымъ толкованіемъ, могло бы показаться одобреніемъ потворства злонамѣреннымъ страстямъ. Но Ветхій Завѣтъ заключалъ въ себѣ исторію племени, избраннаго Богомъ для того, чтобы оно свидѣтельствовало о Его единствѣ, было орудіемъ Его мести и совершало, по Его собственному повелѣнію, многія дѣла, которыя, безъ Его особеннаго повелѣнія, были бы гнусными преступленіями. Въ такой исторіи ожесточеннымъ и мрачнымъ умамъ не трудно было найти многое, что могло быть перетолковано согласно ихъ желаніямъ. Поэтому крайніе пуритане начали питать къ Ветхому Завѣту предпочтеніе, въ которомъ, быть можетъ, сами себѣ не отдавали яснаго отчета, но которое обнаруживалось во всѣхъ ихъ чувствованіяхъ и привычкахъ. Они оказывали почтеніе еврейскому языку и отказывали въ немъ тому языку, на которомъ дошли до насъ поученія Іисуса и посланія Павла. Они окрещивали своихъ дѣтей именами не христіанскихъ святыхъ, а еврейскихъ патріарховъ и воиновъ. Вопреки яснымъ и неоднократнымъ толкованіямъ Лютера и Кальвина, еженедѣльный праздникъ, которымъ церковь искони поминала воскресеніе Господа, они обратили въ еврейскій шабашъ. Юридическихъ началъ они искали въ законѣ Моисеевомъ, а примѣровъ для руководства въ обыкновенной жизни—въ книгахъ Судей и Царствъ. Ихъ мысли и рѣчи часто вращались около дѣяній, разсказанныхъ, конечно, не въ смыслѣ примѣровъ для подражанія. Пророкъ, изрубившій въ куски плѣннаго царя, мятежный полководецъ, отдавшій кровь царицы псамъ,

женщина, вопреки клятвенному обязательству и законамъ восточнаго гостепріимства, вбившая гвоздь въ голову спасавшагося бѣгствомъ союзника, который только что поѣлъ за ея столомъ и заснулъ подъ тѣнью ея шатра, ставились въ образецъ христіанамъ, страдавшимъ подъ игомъ королей и прелатовъ. Нравы и обычаи были подчинены кодексу, похожему на кодексъ синагоги, когда синагога была въ наихудшемъ своемъ состояніи. Одежда, поступь, языкъ, занятія, удовольствія суровой секты опредѣлялись правилами, похожими на правила фарисеевъ, которые поносили Искупителя, какъ нарушителя субботы и пьяницу. Украшать гирляндами майскую березку, пить за здоровье друга, помыкать сокола, охотиться на оленя, играть на клавикордахъ—считалось грѣхомъ. Подобныя правила, которыя свободному и веселому духу Лютера показались бы невыносимыми, а свѣтлому и философскому уму Цвингли презрѣнными, наводили на всю жизнь болѣе чѣмъ монашеское уныніе. На ученость и краснорѣчіе, которыми въ высокой степени отличались великіе реформаторы, не мало обязанные имъ своими успѣхами, новая школа протестантовъ смотрѣла съ недовѣріемъ, если не съ отвращеніемъ. Нѣкоторые ригористы тревожились по поводу преподаванія латинской грамматики, потому что въ ней встрѣчались имена Марса, Бахуса и Аполлона. Изящныя искусства были почти опальными. Торжественные звуки органа были суевѣріемъ. Легкая музыка „масокъ“ Бена Джонсона была распутствомъ. Половина прекрасныхъ картинъ въ Англіи была идолопоклонствомъ, а другая половина—непристойностью. Крайній пуританинъ рѣзко отличался отъ прочихъ людей походкою, платьемъ, нависшими волосами, угрюмою торжественностью лица, возведенными горѣ очами, гнусным произношеніемъ, но всего болѣе особеннымъ говоромъ. Онъ употреблялъ при всякомъ случаѣ образы и стиль Св. Писанія. Насильственно введенные въ англійскій языкъ гебраизмы и заимствованныя изъ самой смѣлой лирической поэзіи отдаленнаго времени и края метафоры, примѣненныя къ обыкновеннымъ явленіямъ англійской жизни, были разительнѣйшими особенностями этой тарабарщины.

Такимъ образомъ политическій и религіозный расколъ, начавшійся въ XVI столѣтіи, въ теченіи первой четверти XVII столѣтія постоянно распространялся больше и больше. Теоріи, клонившіяся къ турецкому деспотизму, были въ ходу въ Вайтгаллѣ. Теоріи, клонившіяся къ республиканизму, были въ милости у большинства палаты общинъ. Ярые прелатисты, ревностно, какъ одинъ человѣкъ, защищавшіе прерогативу, и ярые пуритане, ревностно, какъ одинъ человѣкъ, защищавшіе привилегіи парламента, относились другъ къ другу съ ожесточеніемъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которое въ предшествовавшемъ поколѣніи существовало между католиками и протестантами.

XX. АНГЛІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕРВАГО ИЗЪ СТЮАРТОВЪ.

(Изъ соч. Грина: „History of the english people“).

Чтобы вполнѣ понять положеніе и политику англійскихъ пуританъ, составлявшихъ во время перваго Стюарта три четверти всѣхъ протестантовъ въ Англіи, необходимо представить хотя краткое обозрѣніе

судьбы протестантизма въ царствованіе Елизаветы. При ея вступленіи на престолъ, успѣхъ реформаціи казался вездѣ несомнѣннымъ. Новое ученіе одержало уже полную побѣду на сѣверѣ Германіи, а Пассаускій миръ послужилъ сигналомъ къ началу его торжества и на югѣ. Императоръ Максимиліанъ, казалось, колебался уже въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Въ Австріи и Венгріи дворяне и мѣщане покидали толпами католицизмъ. Одинъ венеціанскій посланникъ говоритъ, что нѣмецкіе католики составляли тогда только немного болѣе 1/10 части всего народонаселенія Германіи. Скандинавскія королевства также приняли новое ученіе; оно господствовало какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ государствахъ Европы. Въ Польшѣ большинство дворянъ были протестанты. Шотландія отвергла католицизмъ при Маріи, а Англія приняла снова протестантизмъ при Елизаветѣ. Въ это же время смерть Генриха II открыла широкій путь реформаціи во Франціи. Только тамъ, гдѣ давила гнетущая рука Испаніи, какъ въ Кастиліи и Аррагоніи и въ Италіи, реформація была совершенно подавлена; но въ Нидерландахъ даже эта тяжелая рука не могла сокрушить ереси. Но когда торжество новой религіи казалось уже совершенно обезпеченнымъ, распространеніе ея вдругъ пріостановилось. Первыя двадцать лѣтъ царствованія Елизаветы были временемъ колебаній. Силы протестантизма тратились на богословскія состязанія и преслѣдованія, и особенно на рѣзкіе и язвительные споры между послѣдователями Лютера и Кальвина. Германскіе князья, бывшіе поборниками новаго ученія, унижали и ослабляли его тѣмъ, что пользовались имъ для политическихъ цѣлей и для удовлетворенія своей корысти путемъ секуляризаціи. Между тѣмъ на Тридентскомъ соборѣ папству удалось соединить весь католическій міръ. Римская церковь, истощенная и испорченная своимъ долголѣтнимъ торжествомъ, испытывала теперь на себѣ и пользу несчастія. Ея ученіе установилось и опредѣлилось. Началось строгое преслѣдованіе злоупотребленій духовенства, вызвавшихъ реформаціонное движеніе. Возникли духовныя общества для удовлетворенія современныхъ нуждъ. Капуцины явились проповѣдниками католицизма, іезуиты же не только его проповѣдниками, но и руководителями, учителями, миссіонерами и дипломатами. Если въ началѣ столѣтія протестанты освѣщались ореоломъ мученическаго вѣнца, то не малая доля этого свѣта выпала и на католиковъ при первомъ появленіи учениковъ Лойолы. Даже ученые перешли постепенно на сторону прежней вѣры. Неудивительно, что, при такомъ неравенствѣ силъ, движеніе приняло обратное направленіе. Незадолго до сраженія съ непобѣдимой армадой католичество стало замѣтно усиливаться. Первою страною, гдѣ скоро снова утвердился католицизмъ, была южная Германія, гдѣ Австрійскій царствующій домъ, долго совершенно равнодушно относившійся къ своей вѣрѣ, вдругъ явился ревностнымъ защитникомъ ея. Повсюду іезуиты привлекали на свою сторону новыхъ приверженцевъ; вскорѣ ихъ мирныя стремленія стали поддерживаться силою испанскаго оружія. Въ страшной, послѣдовавшей затѣмъ, борьбѣ Филиппъ былъ побѣжденъ, Елизавета спасена, благодаря пораженію армады. Нидерланды сдѣлались сильнымъ протестантскимъ государствомъ, благодаря своему упорному героизму и генію Вильгельма Молчаливаго. Франція была спасена непобѣдимой энергіей Генриха Наварскаго въ то время, когда, казалось, не было никакой надежды на спасеніе. Но, несмотря на свое пораженіе,

католицизмъ все-таки усиливался. Въ Нидерландахъ реформація была изгнана изъ Брабанта и Фландріи. Во Франціи Генрихъ IV былъ вынужденъ принять католичество для пріобрѣтенія Парижа, а за обращеніемъ короля послѣдовало ослабленіе партіи гугенотовъ. Дворяне и ученые отвергли протестантизмъ и хотя реформація господствовала еще на югѣ отъ Луары, но она потеряла всякую надежду привлечь и остальную часть государства на свою сторону.

Послѣ смерти Елизаветы настроеніе всякаго протестанта, какъ въ Англіи, такъ и внѣ ея границъ, было подобно настроенію человѣка, долго лелѣявшаго надежду на блестящую побѣду, и вдругъ испытавшаго полное пораженіе. Мечта о преобразованіи церкви была вполнѣ разрушена. Предѣлы протестантизма съуживались съ каждымъ днемъ; не было ни малѣйшей надежды на ослабленіе торжества папства. Вступленіе на престолъ Іакова воскресило надежды католиковъ и въ Англіи, онъ интриговалъ въ ихъ пользу еще при жизни королевы; послѣ его вступленія на престолъ преслѣдованіе католиковъ было пріостановлено, но не надолго; вскорѣ оно возобновилось еще съ большею суровостью, чѣмъ прежде. Тогда небольшой кружокъ людей, подъ предводительствомъ Роберта Кетесби, участвовавшаго въ заговорѣ Эссекса, не надѣясь ни на помощь извнѣ, ни на успѣхъ открытаго возмущенія, рѣшилъ уничтожить однимъ ударомъ и короля, и парламентъ. Въ погребѣ, подъ мѣстомъ парламентскаго засѣданія, были поставлены бочки съ порохомъ. Между тѣмъ въ ожиданіи 5 ноября—дня, назначеннаго для собранія парламента, планъ этого маленькаго кружка принялъ размѣры обширнаго заговора. Богатые католики, какъ напр., Эверардъ Дигби и Фрэнсисъ Трешамъ, доставляли матеріальныя средства для его выполненія. Было куплено оружіе во Фландріи, лошади были также на готовѣ. Возстаніе должно было начаться на сходкѣ джентельменовъ-католиковъ, устроенной подъ предлогомъ охоты. За убіеніемъ короля долженъ былъ послѣдовать арестъ королевскихъ дѣтей и открытое возмущеніе, на помощь которому предполагалось призвать испанцевъ изъ Фландріи. Тайна этого заговора сохранялась удивительно долго, но въ послѣднюю минуту Трешамъ выдалъ ее въ письмѣ къ лорду Монтиглю, его родственнику, котораго онъ предостерегалъ отъ посѣщенія парламента въ этотъ день. Слѣдствіе открыло погребъ и солдата, поставленнаго караулить его. Въ отчаяніи разсѣялся кружокъ; заговорщики были преслѣдуемы изъ одного графства въ другое, а Гарнетъ, начальникъ англійскихъ іезуитовъ, былъ привлеченъ къ торжественному суду. Онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ, но узналъ о немъ отъ другаго іезуита; пораженный ужасомъ, онъ хранилъ молчаніе, предоставивъ парламентъ его судьбѣ. Не удивительно, что англійскіе протестанты обезумѣли отъ страха послѣ такого открытія. Этотъ ужасъ еще болѣе овладѣвалъ всѣми при видѣ несогласій въ самой англійской церкви. Стремленія высшаго духовенства (какъ напр., Лоуда) и англійскихъ вольнодумцевъ (напр., Гельса) были совершенно противоположны. Тѣмъ не менѣе для простыхъ англійскихъ протестантовъ и духовенство, и вольнодумцы были одинаково ненавистны. По ихъ убѣжденіямъ, борьба съ папствомъ не могла привести къ соглашенію; „это была борьба между жизнью и смертью; всякое протестантское ученіе безъ исключенія было истинно свято“. *Никакое нововведеніе не было допускаемо въ богослуженіе*, если только оно могло служить

въ пользу Рима. Церковныя церемоніи, которыя въ торжественныя минуты могли быть допущены для услажденія болѣе слабой братіи, не могли быть терпимы, если онѣ этою же братіею обращались въ средство для сближенія съ врагомъ въ моментъ его пораженія. Опасность была слишкомъ близка, чтобы допустить соглашеніе. Такъ какъ неправда укоренялась, то для спасенія истины необходимо было провести твердыя границы между истиною и ложью. Вотъ убѣжденія, выраженныя въ прошеніи тысячей (Millinary Petition), поданномъ Іакову I при его вступленіи на престолъ 800 священниками, т. е. 1/10 всего духовенства въ его королевствѣ. Характеръ, отличавшій это прошеніе, былъ не пресвитеріанскій, а строго пуританскій. Оно не требовало перемѣнъ ни въ управленіи, ни въ организаціи церкви, но преобразованія церковнаго суда, подготовленія и воспитанія благочестивыхъ священниковъ и уничтоженія „папистскихъ обрядовъ“ въ общемъ молитвенникѣ (Common Prayer-Book). Даже противники протестантовъ признавали необходимость нѣкоторыхъ уступокъ. „Почему“, говоритъ Бэконъ, „гражданское вѣдомство очищается и поддерживается хорошими и разумными законами, которые пересматриваются каждые три года въ собраніи парламента; почему такъ быстро находятъ здѣсь средства для уничтоженія зла, по мѣрѣ его возникновенія; между тѣмъ мы въ духовномъ вѣдомствѣ не видимъ впродолженіи 45 лѣтъ и болѣе никакого измѣненія“. Послѣ устраненія оппозиціи со стороны королевы, у всѣхъ явилась надежда на исполненіе хотя нѣкоторыхъ требованій. Но преемникъ ея твердо рѣшился не допускать никакихъ перемѣнъ въ дѣлахъ церкви.

Ни одинъ государь не представлялъ болѣе рѣзкаго контраста въ сравненіи съ правителями Англіи изъ дома Тюдоровъ, чѣмъ Іаковъ I. Его большая голова, глаза на выкатѣ, слабыя ноги; его болтовня, хвастовство, отсутствіе чувства собственнаго достоинства; его вульгарныя шутки, грубость, педантство; его презрѣнная трусость—все это представляло его въ очень невыгодномъ свѣтѣ, въ сравненіи съ личностями, каковы были Елизавета или Генрихъ VIII. Но подъ этой странной внѣшностью скрывался человѣкъ съ большими природными способностями, ученый съ значительною долею остроумія и съ быстрымъ соображеніемъ. Его острый юморъ оживляетъ политическія и богословскія состязанія того времени красивыми оборотами, каламбурами, эпиграммами и ироническими намеками, которые и до настоящаго времени сохранили свою соль. Его знанія, особенно по богословію, были обширны. Онъ написалъ много томовъ на различныя тэмы, начиная съ ученія о предопредѣленіи и кончая табакомъ.

Но, несмотря на весь свой умъ и свою ученость, онъ, по выраженію Генриха IV, былъ только „самымъ умнымъ дуракомъ всего христіанскаго міра“. Онъ былъ по характеру педантъ; любилъ теоріи, но не былъ въ состояніи примѣнить ихъ къ дѣлу. Все это не имѣло бы дурныхъ послѣдствій, еслибы онъ ограничился размышленіями о колдовствѣ, предопредѣленіи и вредѣ куренія. Но, къ несчастью Англіи и преемника Іакова, онъ привязался къ двумъ теоріямъ, которыя заключали въ себѣ сѣмена борьбы на жизнь и смерть между его народомъ и правительствомъ. Первая теорія утверждала божественныя права королей. Еще до вступленія на англійскій престолъ, онъ формулировалъ теорію о неограниченной власти короля въ своемъ сочиненіи: „The true Law of Free Monarchy“;

онъ заявлялъ, что „если король въ своихъ дѣйствіяхъ и будетъ руководствоваться постановленіями закона, то только по своей доброй волѣ и для примѣра подданныхъ, по никакъ не по обязанности". Понятіе это было совершенно ново и, какъ и большая часть понятій Іакова, основывалось на заблужденіи, или на игрѣ словъ. Подъ выраженіемъ „неограниченный король" или „неограниченная монархія" государственные мужи времени Тюдоровъ подразумѣвали правительство или государя, независимаго отъ всякаго иностраннаго или папскаго вмѣшательства. Іаковъ же видѣлъ въ этихъ выраженіяхъ полнѣйшую свободу монарха и отвѣтственность его только передъ своимъ собственнымъ лицомъ. Это заблужденіе короля обратилось въ правительственную систему, въ ученіе, которое проповѣдывалось епископами съ каѳедръ и за которое много людей сложило головы на плахѣ. Церковь съ готовностью приняла открытія своего государя. Собраніе прелатовъ объявило ложнымъ убѣжденіе, что всякая правительственная власть не происходитъ прямо отъ Бога, а исходитъ отъ народа. Соглашаясь вполнѣ съ теоріей Іакова, прелаты объявили, что начало верховной власти заключается въ правѣ первородства; они убѣждали слѣпо повиноваться монарху, придавая этому значеніе религіозной обязанности. Коуэлъ, докторъ римскаго права, говорилъ, что „неограниченная власть короля выше закона" и что „несмотря па присягу, онъ можетъ измѣнить и отмѣнить законъ, который ему кажется вреднымъ для общественнаго блага". Каноническое сочиненіе, въ которомъ излагались эти правила, было задержано, по настоянію нижней палаты; тѣмъ не менѣе партія слѣпаго повиновенія возрастала быстро. Незадолго до смерти короля, оксфордскій университетъ заявилъ торжественно, что „подданные ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права употреблять силу противъ своихъ государей или нападать на нихъ на полѣ битвы". Если „высокомѣрныя рѣчи" короля и вызывали негодованіе въ парламентѣ, къ которому онѣ были обращены, то, съ другой стороны, онѣ, вслѣдствіе частаго повторенія, возбудили вѣру въ права государя, на которыхъ онъ настаивалъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ изъ рѣчи, произнесенной имъ въ тайномъ уголовномъ судѣ. Іаковъ говоритъ: „Если оспариваніе всемогущества Бога есть богохульство и атеизмъ, то разсужденіе подданныхъ о томъ, что можетъ и чего не можетъ дѣлать король, есть прямое слѣдствіе надменности подданныхъ и ихъ желанія оскорбить короля".

Вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ слова его возбудили въ англичанахъ предчувствіе опасности, угрожавшей ихъ національной свободѣ. „Если за теоріей послѣдуетъ и примѣненіе ея", замѣтилъ одинъ умный наблюдатель, „то мы, вѣроятно, не оставимъ нашимъ потомкамъ той свободы, которую мы получили отъ нашихъ предковъ". Небходимо обратить вниманіе на пріемы правленія, впродолженіи всего царствованія Іакова, чтобы вѣрно оцѣнить дѣйствія парламента, которыя съ перваго взгляда казались наступательными. Народъ, въ интересахъ безопасности своей, не могъ относиться равнодушно къ новымъ притязаніямъ власти. Они были совершенно противны самымъ благороднымъ стремленіямъ пуританъ того времени, которые во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствовались только законами. Усердіе, съ которымъ они изучали св. Писаніе, проистекало изъ ихъ серьезнаго желанія узнать божественную волю, которой они могли бы безусловно повиноваться, какъ въ мелкихъ слу-

чаяхъ жизни, такъ и въ болѣе важныхъ. Но безусловно повиноваться они готовы были только Богу, а человѣческія повелѣнія могли имѣть значеніе для нихъ только, когда они не противорѣчили высшей волѣ. Религія обязывала пуританина строго изслѣдовать всякое притязаніе власти на его повиновеніе; она обязывала его или признать, или отвергнуть эти притязанія, смотря потому, согласовались ли они съ его высшими обязанностями относительно Бога, или нѣтъ.

Понятно, что между приверженцами такихъ убѣжденій и Іаковомъ, требовавшимъ безусловнаго подчиненія королевской власти, была непроходимая пропасть. Пуритане доходили до педантизма въ своихъ стремленіяхъ къ законности: они не могли терпѣть беззаконія и безпорядка личной тиранніи; въ нихъ былъ сильно развитъ духъ критики, осужденія, и, въ случаѣ необходимости, непреклоннаго, непобѣдимаго сопротивленія, которое не было слѣдствіемъ презрѣнія къ авторитету, но преклоненія передъ авторитетомъ высшимъ, чѣмъ королевскій. Понятіе Елизаветы о своей верховной власти по отношенію къ церкви было уже камнемъ преткновенія для ея подданныхъ, но, по крайней мѣрѣ, Елизавета смотрѣла на эту власть, какъ на одно изъ своихъ обыкновенныхъ преимуществъ. Духовные были не только ея подданными но они были ей еще болѣе подчинены, чѣмъ міряне. Она обращалась съ ними, какъ ея предшественники съ евреями. Если она никому не позволяла ихъ обижать или грабить, то сама она это дѣлала, сколько ей было угодно.

Въ противоположность свѣтскому характеру Елизаветы, Іаковъ отличался религіознымъ направленіемъ; онъ имѣлъ совершенно другія понятія о церкви и о государствѣ, чѣмъ она. Чтеніе книгъ духовнаго содержанія внушило ему вѣру въ божественныя права епископовъ, которыя онъ считалъ на столько же священными и неограниченными, какъ и божественное право королей. Непрерывная преемственность епископовъ и наслѣдственность королей были, по понятіямъ Іакова, ненарушимыми основаніями церкви и государства. „Нѣтъ епископа, нѣтъ и короля"—это была формула, выражавшая его теорію. Не смотря на его умъ, у него было множество предразсудковъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ молодости. Шотландскіе пресвитеріанцы оскорбили и напугали его въ первое время его царствованія, и теперь ему угодно было смѣшивать пуританъ съ пресвитеріанцами. Собственно и не требовалось никакого предразсудка для внушенія ему его образа дѣйствій: онъ былъ совершенно логиченъ, ибо его выводы не противорѣчили нисколько посылкамъ, изъ которыхъ онъ исходилъ. Церковныя церемоніи, на которыя нападали пуритане, находили себѣ защиту въ писаніяхъ святыхъ отцовъ. Если онѣ оскорбляли вѣрованія нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ, то это не казалось королю достаточной причиной для уничтоженія этихъ церемоній. Христіанинъ, какъ и подданный, долженъ подчиняться и предоставлять рѣшеніе важныхъ вопросовъ епископамъ и государямъ. Если Іаковъ принялъ петицію тысячи и созвалъ на конференцію въ Гемптонъ-Кортѣ прелатовъ и пуританскихъ священниковъ, то не для обсужденія ихъ желаній, но только для того, чтобы выказать свои знанія по богословію. Епископы объявляли, что оскорбленія, которыми онъ осыпалъ своихъ противниковъ, внушались ему св. Духомъ. Но пуритане не переставали оспаривать его непогрѣшимость. Іаковъ прервалъ наконецъ засѣданіе угрозою, которая

вполнѣ раскрыла его политику. „Я заставлю ихъ или подчиниться“, сказалъ онъ о пуританахъ, „или же покинуть Англію“.

Мы поймемъ долгую борьбу парламента, занимавшую почти все время царствованія Іакова, когда сопоставимъ характеръ этого короля со взглядами народа на религіозные и государственные вопросы. Для разъясненія подробностей мы должны хотя вкратцѣ представить отношенія обѣихъ палатъ къ правительству при восшествіи на престолъ Іакова I.

Елизавета посредствомъ бережливости и мирной политики старалась избѣгать необходимости созванія парламента, и это удавалось ей довольно долго. Только борьба съ католичествомъ заставила ее прибѣгнуть за субсидіей къ парламенту, который, пользуясь этимъ, сталъ все болѣе и болѣе возвышать голосъ. Въ дѣлѣ о монополіяхъ она должна была наконецъ уступить, но въ вопросахъ, касавшихся религіи, она оставалась непоколебима, и Англіи оставалось только ожидать перемѣнъ отъ ея преемника. Но изъ первыхъ же шаговъ Іакова I, по вступленіи его на престолъ, видно было, что онъ задолго до этого времени готовился къ борьбѣ съ палатами.

Мирная политика Іакова не была слѣдствіемъ его отвращенія къ кровопролитію, и миръ, который онъ поторопился заключить съ Испаніей, имѣлъ лишь цѣлью избавить его отъ зависимости отъ парламента; еслибы, послѣ этого заключенія мира, Іаковъ подражалъ бережливой политикѣ Елизаветы, то и достигъ бы своей цѣли. Но долгъ, наросшій впродолженіи войны, увеличивался вслѣдствіе его безумной расточительности и заставилъ его, тотчасъ же по заключеніи мира, обратиться снова къ парламенту.

Духъ парламента 1604 г. былъ совершенно отличенъ отъ господствовавшаго въ немъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Іаковъ выказалъ свой характеръ уже въ первые годы своего царствованія, постоянныя разсужденія его о неограниченной власти короля и государства возбуждали въ народѣ зловѣщее настроеніе. Надежды пуританъ на уступки въ дѣлахъ религіи были совершенно разбиты на конференціи въ Гемптонъ-Кортѣ. Три четверти депутатовъ во вновь созванной нижней палатѣ сочувствовали пуританамъ. Энергія, съ которою они дѣйствовали, доказывала, что оскорбленія, нанесенныя Іаковомъ пуританскому духовенству, возбудили сильное негодованіе въ народѣ. Первымъ актомъ нижней палаты было назначеніе коммисіи для изысканія мѣръ къ удовлетворенію важнѣйшихъ жалобъ духовенства. Такъ какъ мѣры эти не были одобрены, то королю былъ поданъ адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что парламентъ собрался въ мирномъ настроеніи. „Мы желали только мира и согласія; цѣль наша была прекратить столь продолжительныя несогласія между духовенствомъ и сохранить единство, еслибы даже для этого пришлось пожертвовать нѣкоторыми обрядами, не имѣющими большаго значенія“. „Затѣмъ мы хотѣли прекратить злоупотребленія духовенства и позаботиться о подготовленіи хорошихъ проповѣдниковъ“. „Если палаты не заявляли своихъ правъ на обсужденіе этихъ вопросовъ при Елизаветѣ, то теперь онѣ намѣрены воспользоваться этимъ“.—„Да благоволитъ ваше величество принять гласное заявленіе нижней палаты о церковныхъ и государственныхъ злоупотребленіяхъ“. Требованіе неограниченной власти было встрѣчено словами, которыя служили какъ бы прелюдіей къ „прошенію о правахъ“ (Petition of right). „Совершенно ложно

мнѣніе, внушенное вашему величеству, что короли Англіи имѣютъ неограниченную власть вводить реформы въ дѣлахъ религіи или издавать законы относительно нея безъ согласія парламента".

Этотъ адресъ возбудилъ въ Іаковѣ сильное негодованіе. Епископы, увѣренные въ его защитѣ, возражали смѣлымъ вызовомъ. Правила, установленныя на съѣздѣ 1604 г., обязывали духовенство къ исполненію трехъ пунктовъ, которые парламентъ долгое время не соглашался утвердить; они обязывали всѣхъ священниковъ и проповѣдниковъ строго сообразоваться съ постановленіями „Общаго молитвенника", подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности. Въ слѣдующую затѣмъ зиму 300 пуританскихъ священниковъ были изгнаны изъ своихъ жилищъ за неисполненіе этихъ требованій. Помощь явилась съ совершенно неожиданной стороны. Къ зависти, всегда господствовавшей между церковнымъ и гражданскимъ судомъ, присоединилось теперь еще всеобщее негодованіе страны на притязанія церковнаго суда. Начались подстрекательства судей къ нападенію на „Верховную коммиссію" (High Commission). Цѣлымъ рядомъ постановленій ограничили эту коммиссію, лишили ея права заключать въ тюрьму за ересь и расколъ. Но противъ короля судьи не могли дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что Іаковъ твердо опирался на своихъ епископовъ. Къ счастью, расточительность его удвоила въ нѣсколько лѣтъ мира долгъ, оставленный Елизаветою послѣ 15-лѣтней войны; незаконная таксація, въ которой онъ прибѣгнулъ, никакъ не могла покрыть дефицита его казны. Первымъ его конституціоннымъ нововведеніемъ было наложеніе пошлины на всякаго рода товары, какъ привозные, такъ и вывозные. До него былъ, правда, примѣръ подобнаго налога. Пошлины, наложенныя Маріею на нѣкоторые предметы, были распространены Елизаветою на коринку и на вино; но этотъ налогъ былъ самъ по себѣ ничтоженъ и на него смотрѣли, какъ на исключительную финансовую мѣру. Еслибы Елизавета желала увеличить его, то дѣйствовала бы, вѣроятно, постепенно и осторожно, не привлекая на это вниманія народа. Но Іаковъ, фанатически вѣровавшій въ права и власть своей короны, столько же хотѣлъ доказать свое право назначать пошлины, какъ и наполнить свою казну. Вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе судей въ палатѣ казначейства; судьи подтвердили полное право короля назначать таможенныя пошлины по своему благоусмотрѣнію. Іаковъ вполнѣ сознавалъ важность этого рѣшенія, которое освобождало его отъ необходимости прибѣгать къ парламенту. Англійская торговля быстро развивалась, и англійскіе купцы прокладывали себѣ уже путь къ Прянымъ островамъ и основывали колоніи во владѣніяхъ великаго Могола.

Король назначилъ таможенные налоги на всѣ предметы торговли; хотя эти налоги и собирались очень быстро, но королевскій долгъ возросталъ еще быстрѣе. Расходы Іакова въ мирное время превышали расходы Елизаветы во время войны, и необходимость заставила его опять созвать парламентъ. Онъ запретилъ нижней палатѣ затрогивать вопросъ о новыхъ налогахъ, на что послѣдовали сильныя возраженія съ ея стороны. „Ваше величество наложило безъ согласія парламента и въ мирное время болѣе крупные и многочисленные налоги, чѣмъ кто-либо изъ вашихъ предшественниковъ во время войны", говорила она, „и всѣ налоги, назначаемые безъ согласія парламента, могутъ быть отмѣнены", и

будетъ изданъ законъ, по которому ваше назначеніе налоговъ на имущество подданныхъ и товары, безъ согласія парламента, не будетъ имѣть никакого значенія". Отъ этого вопроса о незаконномъ установленіи и взиманіи налоговъ палаты перешли къ болѣе старому вопросу о церковной реформѣ. Прежде чѣмъ дать согласіе на субсидіи, онѣ потребовали, чтобы кругъ дѣятельности Верховной коммиссіи (High Commission) былъ опредѣленъ статутомъ, т. е., говоря другими словами, чтобы духовныя дѣла были переданы въ вѣдѣніе парламента, и чтобы священникамъ, отрѣшеннымъ отъ должности, было возвращено право проповѣдывать. Іаковъ, въ дѣлѣ о налогахъ, былъ согласенъ уступить, но въ дѣлахъ церковныхъ онъ не хотѣлъ допускать никакого вмѣшательства; и парламентъ былъ распущенъ. Опять прошло четыре года, прежде чѣмъ финансовыя затрудненія принудили Іакова къ новому созванію палатъ. Но духъ сопротивленія еще болѣе усилился. Никогда еще выборы не возбуждали въ народѣ такого сильнаго волненія, какъ въ 1614 г. Кандидаты, представленные отъ двора, были отстраняемы при малѣйшей возможности. Всѣ прежніе главные члены заняли снова свои мѣста; но совершенно новыми членами оказались 300 личностей, между которыми мы въ первый разъ встрѣчаемъ имена знаменитыхъ предводителей позднѣйшей борьбы съ правительствомъ, какъ напр., Джонъ Пимъ изъ Сомерсетшира, Томасъ Вентвортъ изъ Іоркшира, Джонъ Эліотъ. Небывалое возбужденіе умовъ выразилось въ громкихъ рукоплесканіяхъ и шиканьѣ, сопровождавшихъ впервые засѣданія палатъ. Но политика парламента нисколько не отличалась отъ прежней: палаты не соглашались на субсидію до тѣхъ поръ, пока не были удовлетворены ихъ требованія; онѣ указывали на незаконное установленіе налоговъ, какъ на первое дѣло, требовавшее исправленія. Къ несчастью, вслѣдствіе неопытности большей части членовъ, завязался споръ между ними и лордами; а король, испуганный горячностью преній, воспользовался имъ, какъ предлогомъ для распущенія парламента. Четверо изъ главныхъ руководителей распущеннаго парламента были заключены въ Тоуеръ.

Разгнѣванный и нѣсколько напуганный король рѣшился обойтись безъ парламента. Впродолженіи семи лѣтъ онъ съ слѣпою беззаботностью примѣнялъ свою теорію неограниченной власти, не стѣсняясь никакими угрызеніями совѣсти за прошедшее, ни боязнью за будущее. Всѣ злоупотребленія, на которыя указывали парламенты, не только продолжались, но еще болѣе развивались, какъ бы презирая всякія жалобы на нихъ. Хотя Іаковъ и призналъ незаконность королевскихъ прокламацій, но издавалъ ихъ теперь чаще, чѣмъ прежде. На отказъ въ субсидіи онъ отвѣчалъ назначеніемъ новыхъ налоговъ, а когда и это средство оказалось недостаточнымъ для покрытія расходовъ, онъ прибѣгъ къ такой мѣрѣ, отказаться отъ которой долженъ былъ даже Вольсей во время наибольшей власти Тюдоровъ. Требованіе даровъ и ссудъ у землевладѣльцевъ оставалось большею частью безъ отвѣта. Впродолженіи трехъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за распущеніемъ парламента 1614 г., шерифами, при всемъ ихъ усердіи, было собрано только 60,000 ф., т. е. менѣе $^2/_3$ одной субсидіи; правда, угрозы совѣта заставили западныя графства прекратить свои возраженія, но Гирсфордъ и Страффордъ не прислали ни одного пенни. Денежныя затрудненія заставляли Іакова прибѣгать къ средствамъ, которыя все болѣе увеличивали разрывъ между дворянствомъ

и правительствомъ. Онъ настаивалъ на сохраненіи феодальныхъ преимуществъ, начало которыхъ относилось къ среднимъ вѣкамъ, какъ, напр., на правѣ опеки надъ наслѣдниками и замужествомъ наслѣдницъ; онъ пользовался теперь этимъ, какъ средствомъ для вынужденія денегъ. Онъ унизилъ дворянское достоинство безсовѣстною продажею пэрства. Изъ 90 свѣтскихъ пэровъ, оставшихся послѣ его смерти въ верхней палатѣ, большая часть достигла этого титула только вслѣдствіе торга, господствовавшаго впродолженіи его царствованія. Подобными увертками Іаковъ со дня на день отдалялъ необходимость столкновенія съ властью, которая могла навсегда остановить его стремленія къ деспотизму. Но существовало еще одно сословіе, которое могло, если не совсѣмъ остановить, то, по крайней мѣрѣ, задержать его стремленія. Юрисконсульты были подчинены правительству болѣе всѣхъ остальныхъ сословій. Съ педантствомъ придерживались они прежнихъ примѣровъ, не отличая случаевъ, бывшихъ во времена свободы, отъ тѣхъ, которые относились къ худшему времени тиранніи: такъ они, между прочимъ, поддерживали притязанія Іакова на новые таможенные налоги. Но далѣе этого и они отказывались идти. Когда имъ было представлено дѣло о церковномъ судѣ, они сдѣлали все возможное для ограниченія этого учрежденія, а когда король настаивалъ на неотъемлемомъ правѣ своемъ давать окончательное рѣшеніе дѣламъ, они объявили, что о такомъ правѣ въ ихъ законахъ не говорится. Іаковъ позвалъ ихъ къ себѣ, бранилъ ихъ какъ школьниковъ до тѣхъ поръ, пока они не пали къ его ногамъ и не обѣщали подчиниться его волѣ. Только главный судья, сэръ Эдвардъ Кокъ, ограниченный и желчный человѣкъ, пользовавшійся большою извѣстностью какъ законовѣдъ и ставившій законъ выше всего, остался непоколебимъ. Каждый разъ, какъ ему представляли какое-нибудь дѣло, онъ заявлялъ, что будетъ дѣйствовать только сообразно съ закономъ. Его удалили изъ совѣта, а такъ какъ онъ не переставалъ возражать, то его совершенно лишили мѣста главнаго судьи. Ни одинъ поступокъ Іакова не возбуждалъ болѣе глубокаго отвращенія и негодованія между англичанами, какъ его вмѣшательство въ дѣла суда. Это оскорбляло ихъ чувство законности точно такъ, какъ расточительность и развратъ двора оскорбляли ихъ чувство нравственности.

И при Елизаветѣ дворъ былъ такъ же безнравственъ, какъ и при ея преемникахъ, но безнравственность того времени смягчалась покровомъ граціи и рыцарства. Но ничто не прикрывало все увеличивавшуюся грубость двора Іакова. Хотя и не справедливо, но короля считали пьяницей и подозрѣвали въ немъ пороки, въ сравненіи съ которыми пьянство могло быть названо добродѣтелью. Одинъ скандальный процессъ открылъ связь дворянъ и государственныхъ чиновниковъ съ обманщиками, астрологами и отравителями. Самъ Іаковъ вмѣшался въ процессъ, чтобы выхлопотать разводъ для лэди Эссексъ, самой развратной женщины его времени, и присутствовалъ самъ на послѣдовавшей затѣмъ свадьбѣ ея съ однимъ изъ ея фаворитовъ. Подобные случаи вызывали вмѣсто уваженія, съ которымъ относились къ государямъ впродолженіи всего періода царствованія Тюдоровъ, неуваженіе и даже презрѣніе. На сценѣ открыто смѣялись надъ королемъ. М-ссъ Гутчинсонъ говоритъ объ оргіяхъ въ Вайтгаллѣ почти въ столь же сильныхъ выраженіяхъ, какъ Илія о чувственности Іезавели. Но едва ли заслуживаетъ безнравственность двора

Іакова большаго презрѣнія, чѣмъ слабоуміе его помощниковъ. Во время закрытія парламента, королевскій совѣтъ, состоявшій не только изъ министровъ, но и изъ высшихъ дворянъ и чиновниковъ, служилъ уздою для королевской власти даже во время такого деспота, какимъ былъ Генрихъ VIII. Но послѣ смерти Роберта Сесиля, сына лорда Бэрлея, министра, завѣщаннаго ему Елизаветой, котораго онъ, за содѣйствіе его вступленію на престолъ, вознаградилъ графствомъ Салисбюри, Іаковъ отнялъ у совѣта контроль надъ дѣлами, довѣривъ его недостойнымъ фаворитамъ своимъ. Одинъ шотландскій пажъ, по имени Карръ, бывъ произведенъ въ графы Рочестерскіе, женился на лэди Эссексъ послѣ ея развода. Карръ былъ лишенъ благосклонности и власти только послѣ отравленія сэра Томаса Овербэри, въ которомъ онъ и его жена оказались подстрекателями. Но постыдное паденіе одного любимца заставило Іакова только поторопиться избраніемъ другаго. Джорджъ Вилье, красивый молодой человѣкъ, былъ быстро возведенъ въ достоинство пэра, сдѣланъ маркизомъ и герцогомъ Букингамскимъ. Ему-то Іаковъ довѣрилъ управленіе англійской политикой. Единственнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ должностей сдѣлались взятки, или женитьба на родственницахъ этого фаворита. Сопротивленіе его волѣ вело за собою непремѣнное отрѣшеніе отъ должности. Даже самые знатные и сильные вельможи дрожали передъ этимъ выскочкой. „Никогда и нигдѣ“, говоритъ Кларендонъ, „ни одинъ человѣкъ не возвышался въ такое короткое время до такихъ почестей, силы и счастія, не имѣя никакого другаго преимущества или рекомендаціи, кромѣ красоты и граціи своей личности“. Но эгоизмъ и беззаботность Букингама не уступали его красотѣ: высокомѣрный молодой наперсникъ, на плечи котораго Іаковъ любилъ опираться, былъ предназначенъ имѣть самое пагубное вліяніе на судьбу Стюартовъ.

Новая политика имѣла еще худшія послѣдствія внѣ королевства, чѣмъ въ его предѣлахъ. Іаковъ, отнявъ власть у совѣта, сдѣлался самъ своимъ премьеръ-министромъ, съ полнымъ правомъ контролировать всѣ дѣла, чего до него еще никогда не бывало.

При вступленіи Іакова на престолъ, управленіе иностранными дѣлами находилось въ рукахъ Сесиля, который продолжалъ придерживаться политики Елизаветы. Съ Испаніею былъ заключенъ миръ, но тѣсный союзъ съ Нидерландами и дружба съ Франціей дѣлали отношенія съ Испаніей чрезвычайно натянутыми. Бракъ Елизаветы, дочери короля, съ курфюрстомъ Пфальцскимъ Фридрихомъ, далъ протестантскимъ государствамъ надежду на помощь Англіи, когда въ Германіи показались первые признаки угрожавшей опасности, возбужденной фанатизмомъ Австрійскаго дома. Только благодаря твердой политикѣ Сесиля, европейскій миръ не былъ нарушенъ. Но вслѣдъ за смертью Сесиля и распущеніемъ парламента, послѣдовала страшная перемѣна. Іаковъ тотчасъ же принялся за разрушеніе всего, чего достигла Елизавета своимъ стараніемъ и побѣдой надъ армадой. Онъ постепенно разрывалъ тѣсный союзъ съ Франціей и началъ переговоры о бракѣ своего сына съ испанской принцессой. Всѣ его наперсники поддерживали союзъ съ Испаніей и, послѣ многихъ тайныхъ интригъ, намѣреніе короля было наконецъ объявлено, именно въ то время, когда перемиріе, такъ долго сохранявшее спокойствіе въ Германіи, было нарушено возмущеніемъ въ Богеміи противъ австрійскаго

эрцгерцога Фердинанда, требовавшаго себѣ ея короны, между тѣмъ какъ на вакантный престолъ ея былъ избранъ курфюрстъ Пфальцскій. Было очевидно, что вторая великая борьба между протестантами и католиками будетъ происходить на германской почвѣ. Предвидя столкновеніе и жалкую роль Іакова, протестантская партія рѣшила содѣйствовать предпріятію, которое обѣщало отклонить короля отъ его новой политики и вовлечь его въ войну съ Испаніей. Сэръ Вальтеръ Ралей, единственный дѣятель царствованія Елизаветы, оставшійся въ живыхъ, былъ заключенъ еще въ началѣ новаго царствованія въ тюрьму вслѣдствіе обвиненія его въ измѣнѣ. Онъ предложилъ отправиться къ берегамъ Ориноко, гдѣ надѣялся найти золотую руду. Гвіана принадлежала Испаніи, и протестантская партія, разсчитывая на жадность короля, надѣялась, что поселеніе Ралея приведетъ къ столкновенію съ Испаніей. Іаковъ уступилъ народному желанію: онъ далъ Ралею позволеніе на отъѣздъ, но въ то же время предупредилъ объ этомъ своего новаго союзника: едва эта экспедиція достигла берега, какъ была оттолкнута отъ него съ потерею. Попытка Ралея захватить на возвратномъ пути испанскій корабль, съ цѣлью вызвать войну, не удалась вслѣдствіе возмущенія его экипажа; за нанесенное Испаніи оскорбленіе этотъ несчастный искатель приключеній сложилъ свою голову на плахѣ. Наступленіе кризиса, предупредить который не удалось Ралею, возбудило въ народѣ сильнѣйшее волненіе.

Зависть лютеранскихъ и кальвинистскихъ государей вызвала между ними постоянныя несогласія. Въ Германіи существовало убѣжденіе, что Англія можетъ повліять на водвореніе мира. Богемцы, выбирая зятя Іакова въ свои короли, разсчитывали на помощь Англіи. Болѣе рѣшительная политика удержала бы Испанію въ бездѣйствіи и не допустила бы борьбу перейти за предѣлы Германіи, но Іаковъ, гордясь своей политикой, разсчитывалъ не на страхъ Испаніи, а на дружбу ея. Онъ отказалъ въ помощи протестантскому союзу германскихъ князей, принявшихъ сторону Богеміи, и угрожалъ войною Голландіи, единственной искренней союзницѣ курфирста Пфальцскаго. Напрасно дворъ и народъ единодушно требовали войны; напрасно архіепископъ Абботъ умолялъ короля сразиться за протестантизмъ; напрасно Испанія открыто перешла на сторону католической лиги, образовавшейся подъ предводительствомъ герцога баварскаго и выслала армію на Рейнъ. Іаковъ все еще уговаривалъ своего зятя удалиться изъ Богеміи, разсчитывая на свое вліяніе на Испанію, и на то, что ея армія возвратится домой тотчасъ по окончаніи возмущенія въ Богеміи.

Сраженіе подъ стѣнами Праги подавило возстаніе и заставило Фридриха возвратиться на Рейнъ, гдѣ испанцы между тѣмъ завладѣли самою серединою Пфальца. Іаковъ, обманутый въ своихъ разсчетахъ, смирился на нѣкоторое время, въ виду взрыва народной ярости, возбужденной опасностью, которой подвергался протестантизмъ въ Германіи. Подданные курфюрста доставили ему средства для вооруженія арміи на защиту Пфальца. Къ этой арміи примкнулъ отрядъ англійскихъ волонтеровъ, подъ предводительствомъ Гораса Верье. Требованіе созванія парламента — обыкновенная прелюдія войны—одержало верхъ надъ тайнымъ сопротивленіемъ короля. Воинственная рѣчь, сказанная имъ при открытіи засѣданій, возбудила энтузіазмъ, напомнившій времена Елизаветы.

Нижняя палата отвѣчала на рѣчь короля единодушнымъ заявленіемъ,

что для освобожденія Пфальца отъ испанцевъ она готова жертвовать своимъ имуществомъ и жизнью. Но со стороны Іакова на это не послѣдовало никакого отвѣта, никакого обѣщанія; напротивъ того, онъ далъ позволеніе на вывозъ оружія въ Испанію. До сихъ поръ всѣ нарушенія конституціи прощались, но послѣ послѣдняго поступка короля палаты рѣшились воспользоваться правомъ парламента, забытымъ со времени Генриха VI, а именно правомъ нижней палаты обвинять нарушителей конституціи передъ судомъ лордовъ. Самое важное нарушеніе ея состояло въ возобновленіи монополій послѣ обѣщанія Елизаветы уничтожить ихъ; но осужденіе цѣлой толпы монополистовъ положило конецъ попыткѣ Іакова имѣть доходъ помимо парламента. Болѣе серьезное значеніе имѣло теперь обвиненіе двора въ безнравственности. Канцлеръ Франсисъ Бэконъ Веруламскій и графъ Албанскій былъ человѣкъ замѣчательный для своего времени, по своей учености и положенію. Такъ какъ онъ занималъ столь высокій постъ въ государственной службѣ, то обвиненіе его въ подкупности налагало на парламентъ обязанность прослѣдить королевскую администрацію. Іаковъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять важности этого дѣла; но враждебныя отношенія Букингама къ канцлеру и собственное его признаніе справедливости обвиненія помѣшали королю предотвратить его осужденіе.

Единодушное рѣшеніе парламента поддерживать всякое серьезное намѣреніе короля въ пользу протестантовъ придало силу его политикѣ. Онъ постоянно стремился къ возвращенію Богеміи Фердинанду и отказался даже на нѣкоторое время отъ дипломатическихъ интригъ. Угрозами войны заставилъ онъ прекратить нападенія на владѣнія его зятя, и перемиріе не нарушалось впродолженіи всего лѣта; болѣе этого нельзя было достигнуть одною угрозою. Послѣ того какъ католическая лига завладѣла въ концѣ перемирія верхнимъ Пфальцемъ, Іаковъ сталъ снова разсчитывать на переговоры и на дружеское посредничество Испаніи. Гондомаръ, испанскій посланникъ, имѣвшій большое значеніе при англійскомъ дворѣ, былъ увѣренъ, что англійскія войска не будутъ посланы въ Пфальцъ. Англійскій флотъ, крейсировавшій вдоль испанскихъ береговъ, былъ призванъ обратно въ Англію. Министры, оказывавшіе противодѣйствіе испанской политикѣ, были удалены. Подъ пустыми предлогами, Іаковъ грозилъ войною Голландіи, единственному протестантскому государству, сохранившему еще союзъ съ Англіей. Но ему приходилось еще разсчитаться съ парламентомъ, потребовавшимъ уже въ первомъ своемъ засѣданіи войны съ Испаніей. Инстинктъ націи былъ разумнѣе политики короля. Хотя Испанія и была разорена и истощена, но въ глазахъ всего свѣта она продолжала являться борцомъ за католицизмъ. Вступленіе ея войскъ въ Пфальцъ распространило войну и за предѣлы Богеміи: вдоль Рейна началась борьба за протестантизмъ. Вліяніе Испаніи и надежды на бракъ сына съ испанской принцессой ставили короля въ зависимость отъ врага протестантскаго дѣла. Въ своей петиціи палаты присоединили просьбу о назначеніи будущему королю невѣсты-протестантки.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, какая опасность можетъ угрожать англійской свободѣ, если наслѣдникъ престола воспитывается матерью-католичкою. Іаковъ вышелъ изъ себя отъ этихъ притязаній палатъ вмѣшиваться въ государственныя тайны. „Принесите стулья для

пословъ", воскликнулъ онъ съ горькой ироніей, когда коммиссія явилась къ нему. Онъ не принялъ петиціи, запретилъ обсужденіе государственной политики и грозилъ ораторамъ Тоуеромъ. „Помолимтесь", сказалъ спокойно одинъ изъ членовъ послѣ прочтенія королевскаго письма, „и затѣмъ уже примемся за обсужденіе этого важнаго дѣла". Настроеніе палатъ выразилось въ ихъ протестѣ на запрещеніе короля обсуждать это дѣло. Палата рѣшила, что „права и льготы парламента унаслѣдованы издавна подданными Англіи; что всѣ важныя дѣла, касающіяся короля, государства и защиты королевства и церкви, составленіе и охраненіе законовъ, разсмотрѣніе жалобъ—все это дѣла подданныхъ, совѣта и парламента, и что всякій членъ парламента имѣетъ и долженъ имѣть полное право говорить, обсуждать и рѣшать эти дѣла".

Король отвѣчалъ на этотъ протестъ ужаснымъ оскорбленіемъ: онъ велѣлъ принести журналы палатъ и собственноручно разорвалъ ихъ. „Я буду управлять", говорилъ онъ, „сообразно съ общимъ благомъ, но не съ общимъ желаніемъ". Нѣсколько дней спустя, онъ распустилъ парламентъ. „Со времени появленія Лютера это самое счастливое событіе для интересовъ Испаніи и католической религіи", писалъ графъ Гондомаръ своему государю, радуясь, что опасность войны миновала. Съ другой стороны сэръ Генри Сесиль говорилъ на одрѣ смерти: „Я готовъ умереть, ибо жилъ въ хорошее время и предвижу худое". И дѣйствительно, за предѣлами Англіи все было потеряно; Германія погрузилась въ хаосъ 30-ти-лѣтней войны. Но въ Англіи свобода одержала побѣду. Іаковъ разрушилъ систему Елизаветы: стремясь къ личному управленію, онъ уничтожилъ авторитетъ совѣта; онъ научилъ англичанъ презирать министровъ; народъ видѣлъ, съ какимъ высокомѣріемъ съ ними обращались временщики и какъ за развратъ ихъ удаляли отъ службы. Своею внѣшнею и внутреннею политикою, оскорблявшею народное чувство, онъ отнялъ у народа слѣпую вѣру въ правительство. Онъ спорилъ съ палатами и оскорбилъ ихъ, какъ ни одинъ изъ англійскихъ государей до него; между тѣмъ самъ онъ сознавалъ, что авторитетъ, которымъ онъ хвасталъ, переходилъ къ оскорбленному имъ парламенту и что онъ ничѣмъ не могъ предотвратить этого. Наконецъ въ палатахъ пробудилась сила, которой онъ долженъ былъ подчиниться. Не смотря на его вспышки, парламентъ настоялъ на своемъ исключительномъ правѣ контролировать установленіе и взиманіе налоговъ. Онъ уничтожилъ монополіи и злоупотребленія въ судопроизводствѣ; снова пріобрѣлъ право обвинять и отстранять отъ должности даже высшихъ министровъ; онъ утвердилъ свою привилегію свободно обсуждать всѣ вопросы, касавшіеся благосостоянія королевства, и потребовалъ права рѣшать дѣла религіи и даже внѣшней политики. Іаковъ могъ вырвать протестъ изъ журналовъ парламента, но въ протоколахъ 1621 г. были страницы, которыхъ онъ никогда не могъ уничтожить.

XXI. ПРАВЛЕНІЕ КАРЛА I ДО СОЗВАНІЯ „ДОЛГАГО ПАРЛАМЕНТА".

(Изъ „Исторіи Англіи" Маколея).

Карлъ I, вступившій на престолъ по смерти Іакова I, получилъ отъ природы гораздо лучшій умъ, гораздо сильнѣйшую волю и гораздо болѣе рѣшительный и твердый нравъ, нежели его отецъ. Онъ наслѣдовалъ отцовскія политическія теоріи и былъ гораздо болѣе своего отца расположенъ осуществить ихъ на дѣлѣ. Онъ былъ, подобно отцу своему, ревностнымъ епископаломъ. Онъ былъ, сверхъ того—чѣмъ отецъ его никогда не былъ—ревностнымъ арминіаниномъ и, не будучи папистомъ, предпочиталъ паписта пуританину. Несправедливо было отрицать, что Карлъ имѣлъ нѣкоторыя качества хорошаго и даже великаго государя. Онъ писалъ и говорилъ не такъ, какъ его отецъ, не съ точностью профессора, но такъ, какъ говорятъ и пишутъ умные и хорошо воспитанные джентельмены. Его вкусъ въ литературѣ и въ искусствѣ былъ превосходенъ; его манера, не будучи привлекательною, была исполнена достоинства; домашняя его жизнь была безукоризненна. Вѣроломство было главною причиною его злополучій и остается главнымъ пятномъ на его памяти. Онъ былъ, по истинѣ, одержимъ неизлечимою склонностью къ темнымъ и кривымъ путямъ. Можетъ показаться страннымъ, что его совѣсть, которая въ маловажныхъ случаяхъ была достаточно чувствительна, никогда не упрекала его въ этомъ великомъ порокѣ. Но есть основаніе думать, что онъ былъ коваренъ не только по натурѣ и привычкѣ, но и по принципу. Онъ, кажется, научился отъ тѣхъ богослововъ, которыхъ наиболѣе уважалъ, что между нимъ и его подданными не могло быть ничего въ родѣ взаимнаго договора; что онъ не могъ, еслибъ даже и хотѣлъ, отрѣшиться отъ своей деспотической власти; что во всякомъ его обѣщаніи было мысленное ограниченіе на счетъ того, что такое обѣщаніе могло быть нарушено въ случаѣ необходимости, и что относительно необходимости онъ былъ единственнымъ судьею.

И вотъ началась та азартная игра, въ которой были поставлены на карту судьбы англійскаго народа. Она была ведена со стороны палаты общинъ смѣло, но и съ удивительнымъ искусствомъ, хладнокровіемъ и постоянствомъ. Великіе государственные люди, взоръ которыхъ проникалъ въ глубь минувшаго и въ даль будущаго, были во главѣ этого собранія. Они рѣшились поставить короля въ такое положеніе, чтобы онъ принужденъ былъ или управлять государствомъ согласно съ желаніями парламента, или дѣлать неистовыя нападенія на самыя священныя начала конституціи. Сообразно съ этимъ, они удѣлили ему очень скудное количество субсидій. Онъ увидѣлъ необходимость управлять или въ согласіи съ палатою общинъ, или же вопреки всѣмъ законамъ. Его рѣшеніе не замедлило послѣдовать. Онъ распустилъ свой первый парламентъ и собралъ собственною своею властью. Онъ созвалъ второй парламентъ и нашелъ его несговорчивѣе перваго. Онъ снова прибѣгнулъ къ средству распущенія, собралъ новыя подати безъ всякаго подобія законнаго права и заключилъ предводителей оппозиціи въ тюрьму. Въ то же самое время новое оскорбленіе, которое, вслѣдствіе особенныхъ

чувствъ и привычекъ англійской націи, было невыносимо тягостнымъ и которое всѣмъ прозорливымъ людямъ показалось страшнымъ предзнаменованіемъ, возбудило общее неудовольствіе и смятеніе. Роты солдатъ были размѣщены по квартирамъ гражданъ, и военный законъ замѣнилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древнюю юриспруденцію государства.

Король созвалъ третій парламентъ и скоро замѣтилъ, что оппозиція была сильнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо. Тогда онъ рѣшился перемѣнить тактику. Вмѣсто того, чтобъ оказывать требованіямъ палаты общинъ непреклонное сопротивленіе, онъ, послѣ долгихъ преній и многихъ увертокъ, согласился на мировую слѣлку, которая — останься онъ ей вѣренъ—отвратила бы лишній рядъ бѣдствій. Парламентъ назначилъ щедрыя субсидіи. Король такимъ образомъ утвердилъ этотъ знаменитый законъ, который извѣстенъ подъ именемъ „прошенія о правахъ“ и который представляетъ собою вторую Великую Хартію англійской свободы. Утвержденіемъ этого закона онъ обязался никогда впередъ не взимать податей безъ согласія палатъ, никогда впередъ не заключать никого въ тюрьму безъ соблюденія законнаго порядка и никогда впередъ не подчинять свой народъ юрисдикціи военныхъ судовъ.

День, когда королевская санкція, послѣ многихъ отсрочекъ, торжественно узаконила этотъ великій актъ, былъ днемъ радости и надежды. Общины, толпившіяся у рѣшетки палаты лордовъ, разразились громкими ликованіями, какъ только клеркъ произнесъ древнюю формулу *), которою государи Англіи, въ теченіе многихъ вѣковъ, выражали свое соизволеніе на желанія государственныхъ чиновъ. На эти ликованія откликнулись голоса столицы и націи; но чрезъ три недѣли обнаружилось, что Карлъ вовсе не имѣлъ намѣренія соблюдать заключенное имъ условіе. Субсидіи, назначенныя представителями націи, были собраны. Обѣщаніе, которымъ эти субсидіи были собраны, было нарушено. Послѣдовала жестокая борьба. Парламентъ былъ распущенъ со всѣми знаками королевскаго неудовольствія. Нѣкоторые изъ именитѣйшихъ членовъ были заключены въ тюрьму, и одинъ изъ нихъ, сэръ Джонъ Эліотъ, пострадавши нѣсколько лѣтъ, умеръ въ заточеніи.

Карлъ, однако, не могъ рѣшиться взимать собственною своею властью подати, достаточныя для веденія войны. Поэтому онъ поспѣшилъ заключить миръ съ своими сосѣдями и съ тѣхъ поръ устремилъ все свое вниманіе на британскія государственныя дѣла.

Тогда началась новая эра. Многіе англійскіе короли порою совершали противуконституціонныя дѣйствія; но ни одинъ не пытался систематически сдѣлаться деспотомъ и обратить парламентъ въ ничто. Такова была цѣль, которую Карлъ опредѣленно себѣ задалъ. Съ марта 1629 по апрѣль 1640 года палаты не созывались. Никогда въ исторіи Англіи не было одиннадцатилѣтняго промежутка между парламентомъ и парламентомъ. Только однажды былъ промежутокъ ровно въ половину короче. Одного этого факта достаточно для опроверженія тѣхъ, которые утверждаютъ, что Карлъ шелъ по слѣдамъ Плантагенетовъ и Тюдоровъ.

Свидѣтельствомъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ короля доказано, что въ этотъ періодъ его царствованія постановленія „прошенія о правахъ“ нарушались имъ не случайно, но постоянно и систематически;

*) „Soit fait, comme il est désiré. — Да будетъ по желанію“.

что огромная доля государственнаго дохода взималась безъ всякаго законнаго основанія и что лица, ненавистныя правительству, томились цѣлые годы въ тюрьмѣ, ни разу не будучи вызываемы въ судъ для защиты.

За эти дѣла исторія должна подвергнуть отвѣтственности преимущественно самого короля. Со времени своего третьяго парламента онъ самъ былъ первымъ своимъ министромъ. Впрочемъ, во главѣ различныхъ отраслей администраціи находились разныя лица, характеръ и таланты которыхъ соотвѣтствовали его цѣлямъ.

Томасъ Вентвортъ, впослѣдствіи лордъ Вентвортъ и графъ Страффордъ, человѣкъ необыкновенно даровитый, краснорѣчивый и мужественный, но жестокаго и властолюбиваго характера, былъ самымъ довѣреннымъ совѣтникомъ короля въ дѣлахъ политическихъ и военныхъ. Прежде онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ оппозиціи, и потому чувствовалъ къ покинутой имъ партіи ту особенную злобу, которая была отличительною чертою отступниковъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ чувства, средства и политику партіи, къ которой самъ незадолго передъ тѣмъ принадлежалъ, и составилъ обширный, глубоко обдуманный планъ, чуть было не разстроившій искусную тактику государственныхъ людей, руководившихъ палатою общинъ. Этому плану онъ въ конфиденціальной своей перепискѣ давалъ выразительное названіе „Кореннаго“ (Thorough). Его задачею было совершить въ Англіи все, и даже больше, чѣмъ все, что Ришелье совершилъ во Франціи: сдѣлать Карла абсолютнымъ монархомъ, не хуже любаго изъ континентальныхъ государей; предать имущество и личную свободу цѣлаго народа въ распоряженіе короны; отнять у судовъ все независимое значеніе, даже въ обыкновенныхъ вопросахъ гражданскаго права между частными лицами, и наказывать съ безпощадною строгостью всякаго, кто роптал на дѣйствія правительства, или обращался, даже самымъ приличнымъ и правильнымъ образомъ, въ какой-нибудь судъ за помощью противъ этихъ дѣйствій.

Такова была его цѣль; и онъ отчетливо видѣлъ, какимъ единственнымъ способомъ цѣль эта могла быть достигнута. Дѣйствительно, всѣ его понятія отличались ясностью, связностью и точностью, которыя давали бы ему полное право на высокое уваженіе, еслибы онъ не преслѣдовалъ цѣли, пагубной для его отечества и соотечественниковъ. Онъ видѣлъ, что было одно, и только одно, орудіе, которымъ его обширные и смѣлые проекты могли быть приведены въ исполненіе.

Орудіемъ этимъ было постоянное войско. На образованіе такого войска устремилъ онъ, поэтому, всю энергію своего сильнаго духа. Въ Ирландіи, гдѣ онъ былъ вице-королемъ, онъ дѣйствительно успѣлъ утвердить военный деспотизмъ, не только надъ первобытнымъ населеніемъ, но и надъ англійскими колонистами, и могъ похвалиться, что на этомъ островѣ король былъ на столько абсолютнымъ, на сколько могъ быть абсолютнымъ любой государь въ цѣломъ мірѣ.

Церковное управленіе находилось между тѣмъ преимущественно въ рукахъ Вилліама Лоуда, архіепископа кентерберійскаго. Изъ всѣхъ прелатовъ англиканской церкви Лоудъ наиболѣе приблизился къ католицизму. Его богословіе отступало отъ богословія кальвинистовъ дальше самой теологіи голландскихъ арминіанъ. Его страсть къ церемоніямъ, его уваженіе къ праздникамъ, навечеріямъ и священнымъ мѣстамъ, его дурно

скрытое нерасположеніе къ бракамъ духовныхъ лицъ, горячая и не совсѣмъ безкорыстная ревность, съ какою онъ поддерживалъ притязанія духовенства на уваженіе мірянъ, сдѣлали бы его предметомъ отвращенія для пуританъ, еслибы даже онъ употреблялъ только законныя и благородныя мѣры для достиженія своихъ цѣлей. Но его умъ былъ ограниченъ, а сношенія его со свѣтомъ были ничтожны. Онъ былъ отъ природы опрометчивъ, раздражителенъ, скоръ на чувствительность къ собственному достоинству, медленъ на сочувствіе къ страданіямъ другихъ и не чуждъ обыкновеннаго въ суевѣрныхъ людяхъ заблужденія ошибочно принимать свое брюзгливое и злобное настроеніе за проявленіе благочестивой ревности. Подъ управленіемъ его каждый уголокъ государства подвергался постоянному и мелочному надзору. Каждая небольшая сходка сепаратистовъ наслѣживалась и прогонялась. Даже религіозныя упражненія частныхъ семействъ не могли укрыться отъ бдительности его шпіоновъ. Строгость его наводила такой страхъ, что смертельная ненависть къ церкви вообще скрывалась подъ личиною согласія съ господствующею религіею. На самомъ канунѣ роковыхъ для него и его сословія смутъ, епископы различныхъ обширныхъ епархій доносили ему, что въ ихъ вѣдомствахъ нельзя было найти ни одного диссентера

Суды не оказывали подданному никакого покровительства противъ гражданской и церковной тираніи этого періода. Судьи общаго права, мѣста которыхъ зависѣли отъ произвола короля, были постыдно угодливы. Но, при всей ихъ угодливости, они были менѣе покорными и дѣйствительными орудіями произвольной власти, чѣмъ тотъ разрядъ судовъ, память о которомъ доселѣ, по прошествіи слишкомъ двухъ столѣтій, внушаетъ націи глубокое омерзѣніе. Изъ числа этихъ судовъ главнѣйшими по могуществу и безчестности были Звѣздная палата и Верховная коммиссія, первая—политическая, а послѣдняя—религіозная инквизиція. Ни та, ни другая не входили въ составъ древней англійской конституціи. Звѣздная палата была преобразована, а Верховная коммиссія учреждена Тюдорами. Власть, какою эти суды обладали до восшествія на престолъ Карла, была обширна и страшна; но, въ сравненіи съ тою, какую они теперь присвоили себѣ, она была совершенно ничтожна. Руководимые преимущественно жестокимъ духомъ примаса и освобожденные отъ парламентскаго контроля, они выказывали хищничество, насиліе, злобную энергію, неизвѣстныя предшествующимъ вѣкамъ. Съ помощью ихъ правительство имѣло возможность штрафовать, заключать въ тюрьму, выставлять къ позорному столбу и изувѣчивать кого угодно, безъ всякаго ограниченія. Отдѣльный совѣтъ, засѣдавшій въ Іоркѣ, подъ предсѣдательствомъ Вентворта, былъ облеченъ, вопреки закону, однимъ лишь актомъ прерогативы, почти неограниченною властью надъ сѣверными графствами. Всѣ эти судилища ругались и издѣвались надъ авторитетомъ Вестминстерской залы и ежедневно совершали безчинства, которыя достойнѣйшіе роялисты горячо порицали. По словамъ Кларендона, въ государствѣ не было почти ни одного именитаго человѣка, не испытавшаго на себѣ жестокости и жадности Звѣздной палаты; Верховная коммиссія вела себя такъ, что у нея не осталось почти ни одного сторонника въ королевствѣ; а тираннія Іоркскаго совѣта, къ сѣверу отъ Трента, обратила Великую Хартію въ мертвую букву.

Англійское правленіе было теперь во всѣхъ пунктахъ, кромѣ одного,

такимъ же деспотическимъ, какъ французское. Но этотъ единственный пунктъ былъ важнѣе всего. Постояннаго войска все еще не существовало. Поэтому, не было ручательства, что все зданіе тиранніи не могло быть опрокинуто въ одинъ день, и еслибы королевская власть, для содержанія арміи, наложила подати, то, по всей вѣроятности, послѣдовалъ бы немедленный и неодолимый взрывъ. Въ этомъ-то и заключалась трудность, болѣе всего смущавшая Вентворта. Лордъ хранитель печати, Финчъ, вмѣстѣ съ другими юристами, состоявшими на службѣ у правительства, предложилъ мѣру, которая была поспѣшно принята. Древніе англійскіе государи, предписывавшіе жителямъ пограничныхъ съ Шотландіею графствъ вооружаться и собираться для защиты границы, точно также иногда предписывали приморскимъ графствамъ снаряжать корабли для защиты берега. Вмѣсто кораблей, иногда принимались деньги. Этотъ древній обычай рѣшено было теперь, послѣ долгаго промежутка, не только возобновить, но и расширить. Прежніе государи взимали корабельную подать только въ военное время; теперь же она требовалась во время глубокаго мира. Прежніе государи, даже въ пору самыхъ опасныхъ войнъ, взимали корабельную подать только вдоль береговъ; теперь же она требовалась съ внутреннихъ шировъ. Прежніе государи взимали корабельную подать только для морской защиты страны; теперь же она требовалась, по сознанію самихъ роялистовъ, не для содержанія флота, но для доставленія королю субсидій, которыя бы онъ могъ увеличивать, по своему усмотрѣнію, до какой угодно суммы и расходовать по своему усмотрѣнію на какой угодно предметъ.

Вся нація была встревожена и раздражена. Джонъ Гемпденъ, зажиточный, хорошаго происхожденія, джентельменъ изъ Букингемшира, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ въ своемъ околоткѣ, но пока еще мало извѣстный въ королевствѣ вообще, отважился выступить впередъ, противостать всему могуществу правительства и взять на себя издержки и опасности оспариванія прерогативы, на которую король изъявилъ притязаніе. Дѣло производилось передъ судьями въ палатѣ казначейства. Доводы противъ притязаній короны были такъ сильны, что, не смотря на зависимость и раболѣпіе судей, большинство противъ Гемпдена оказалось незначительное. Все же оно было большинство. Законотолкователи объявили, что одна большая и доходная подать могла быть наложена королевскою властью. Вентвортъ справедливо замѣтилъ, что ихъ рѣшенія невозможно было оправдать иначе, какъ основаніями, прямо приводившими къ заключенію, котораго они не осмѣлились вывести. Если подать могла быть законно взимаема, безъ согласія парламента, на содержаніе флота, то не легко было отрицать, что подать могла быть, безъ согласія парламента, законно взимаема и на содержаніе арміи.

Рѣшеніе судей увеличило раздраженіе народа. Столѣтіемъ раньше, раздраженіе менѣе серьезное произвело бы общее возстаніе. Но теперь неудовольствіе уже не принимало такъ быстро, какъ въ прежнія времена, форму возмущенія. Нація долгое время постоянно преуспѣвала въ богатствѣ и просвѣщеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ великіе сѣверные графы взялись за оружіе противъ Елизаветы, минуло семьдесятъ лѣтъ, и въ эти семьдесятъ лѣтъ не было никакой междоусобной войны. Никогда, въ теченіе всего существованія англійской націи, не проходилъ столь долгій періодъ безъ внутреннихъ раздоровъ. Люди привыкли къ мирнымъ про-

мышленнымъ занятіямъ и, при всемъ своемъ ожесточеніи, долго колебались, прежде чѣмъ обнажили мечъ.

Это было время, когда вольности націи находились въ величайшей опасности. Противники правительства начали отчаяваться въ судьбѣ своей родины и многіе изъ нихъ подумывали объ американской пустынѣ, какъ о единственномъ убѣжищѣ, гдѣ они могли бы наслаждаться гражданскою и духовною свободою. Тамъ немногіе рѣшительные пуритане, которые, въ интересѣ своей религіи, не убоялись ни ярости океана, ни тягостей непросвѣщенной жизни, ни когтей дикихъ животныхъ, ни томагоковъ, еще болѣе дикихъ людей, построили, среди первобытнаго лѣса, деревни, обратившіяся нынѣ въ огромные и богатые города, но сохранившія, не смотря на всѣ возможныя перемѣны, слѣды характера, сообщеннаго имъ ихъ основателями. Правительство смотрѣло на эти юныя колоніи съ отвращеніемъ и пыталось насильно остановить потокъ эмиграціи, но не могло помѣшать народонаселенію новой Англіи обильно наполняться мужественными и богобоязненными людьми изъ всѣхъ частей старой Англіи. Вентвортъ уже торжествовалъ близкій успѣхъ своего „Кореннаго“. Нѣсколькихъ лѣтъ, вѣроятно, было бы достаточно для исполненія его великаго замысла. Еслибы правительство соблюдало строгую экономію, еслибы оно старательно избѣгало всякаго столкновенія съ иностранными державами,—долги короны были бы уплачены, суммы, потребныя для содержанія большой военной силы, образовались бы, и сила эта скоро сломила бы строптивый духъ націи.

Въ эту критическую минуту мѣра безумнаго изувѣрства внезапно измѣнила все положеніе общественныхъ дѣлъ. Будь король благоразуменъ, онъ держался бы въ отношеніи къ Шотландіи осторожной и ласкательной политики, пока не сдѣлался бы полновластнымъ господиномъ на югѣ. Изъ всѣхъ его королевствъ Шотландія наиболѣе грозила тѣмъ, что въ ней искра могла произвести пламя, и пламя могло сдѣлаться общимъ пожаромъ. Правда, въ Эдинбургѣ ему нечего было опасаться такой конституціонной оппозиціи, какую онъ встрѣтилъ въ Вестминстерѣ. Парламентъ его сѣвернаго королевства весьма отличался отъ собранія, носившаго то же названіе въ Англіи. Онъ былъ дурно устроенъ, почти не пользовался уваженіемъ и никогда не подвергалъ серьезному ограниченію ни одного изъ его предшественниковъ. Государственные чины засѣдали въ одной палатѣ. Представители городовъ считались просто кліентами вельможъ. Никакой проектъ закона не могъ быть внесенъ, пока не былъ одобренъ статейными лордами, комитетомъ, члены котораго въ дѣйствительности, хотя и не формально, назначались короною. Но если шотландскій парламентъ былъ раболѣпенъ, за то шотландскій народъ всегда былъ особенно мятежливъ и неукротимъ. Его привычки были грубы и воинственны. Вдоль по всей южной границѣ и вдоль по всей линіи между горною и низменною частями Шотландіи свирѣпствовала безпрестанная хищническая война. Повсюду въ странѣ между людьми господствовалъ обычай платить за обиды насиліемъ. Какова бы ни была преданность, которую нація питала въ старину къ Стюартамъ, преданность эта охладѣла въ теченіи ихъ долгаго отсутствія. Главнѣйшее вліяніе на общественное мнѣніе дѣлилось между классами недовольныхъ, землевладѣльцами и проповѣдниками: землевладѣльцами, одушевленными тѣмъ самымъ духомъ, который часто побуждалъ древнихъ Дугласовъ

противиться королевскому дому, и проповѣдниками, наслѣдовавшими республиканскія мнѣнія и непобѣдимый духъ Нокса.

Какъ національныя, такъ и религіозныя чувства населенія были оскорблены. Всѣ классы людей жаловались, что ихъ страна сдѣлалась, благодаря природнымъ своимъ государямъ, если не по имени, то на дѣлѣ, провинціею Англіи. Ни въ одной части Европы кальвинистское ученіе и благочиніе не овладѣли такъ сильно общественнымъ мнѣніемъ. На римскую церковь большинство народа смотрѣло съ ненавистью, справедливо заслуживавшею названія свирѣпой, и англиканская церковь, которая, казалось, съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе похожею на римскую, была предметомъ почти не меньшаго отвращенія. Правительство давно желало распространить англиканскую систему по всему острову и съ этою цѣлью уже сдѣлало разныя перемѣны, крайне непріятныя для всякаго пресвитеріанина. Но одно нововведеніе, самое опасное изъ всѣхъ, потому что прямо бросалось въ глаза простому народу, оставалось еще не испытаннымъ. Общественное богослуженіе все еще совершалось угоднымъ націи образомъ. Теперь же Карлъ и Лоудъ рѣшились силою навязать шотландцамъ англійскую литургію, или вѣрнѣе литургію, которая во всемъ, въ чемъ ни отличалась она отъ англійской, по мнѣнію всѣхъ строгихъ протестантовъ, отличалась къ худшему.

Этой мѣрѣ, порожденной простою необузданностью тиранніи и преступнымъ невѣдѣніемъ или еще болѣе преступнымъ презрѣніемъ общественнаго настроенія, Англія обязана своею свободою. Первое исполненіе чуждыхъ обрядовъ произвело мятежъ. Мятежъ быстро превратился въ революцію. Честолюбіе, патріотизмъ, фанатизмъ слились въ одинъ стремительный потокъ. Вся нація взялась за оружіе. Конечно, могущества Англіи, какъ оказалось чрезъ нѣсколько лѣтъ, было достаточно для обузданія Шотландіи; но огромная часть англійскаго народа симпатизировала религіознымъ чувствамъ инсургентовъ, и многіе англичане, не тревожившіеся вопросами о наружныхъ формахъ богопочитанія, съ удовольствіемъ видѣли успѣхъ возмущенія, которое, казалось, обѣщало разстроить деспотическіе замыслы двора и сдѣлать необходимымъ созваніе парламента.

За безсмысленную прихоть, произведшую эти слѣдствія, Вентвортъ не подлежитъ отвѣтственности. Дѣйствительно, она привела всѣ его планы въ разстройство. Но совѣтовать покорность было не въ его натурѣ. Сдѣлана была попытка смирить возстаніе мечемъ; но военныя средства и военные таланты короля оказались ниже этой задачи. Наложить новыя подати на Англію было бы, при такихъ обстоятельствахъ, безуміемъ. Не оставалось другаго средства, кромѣ парламента, и весною 1640 года парламентъ былъ созванъ.

Надежда увидѣть конституціонное правленіе возстановленнымъ и тягости облегченными привела націю въ хорошее расположеніе духа. Новая палата общинъ была умѣреннѣе и почтительнѣе къ престолу, чѣмъ какая-либо, собиравшаяся со времени кончины Елизаветы. Умѣренность этого собранія превозносилась лучшими изъ роялистовъ и, кажется, причиняла не мало досады и разочарованія предводителямъ оппозиціи, но неизмѣнною привычкою Карла, привычкою, равно неблагоразумною и неблагородною, было отказывать въ удовлетвореніи желаніямъ народа до тѣхъ поръ, пока эти желанія не высказывались угрожающимъ тономъ.

Лишь только общины обнаружили расположеніе заняться разсмотрѣніемъ тягостей, отъ которыхъ страна страдала одиннадцать лѣтъ, король тотчасъ распустилъ парламентъ со всѣми знаками своего неудовольствія.

Между распущеніемъ этой кратковременной сессіи и открытіемъ того вѣчнопамятнаго собранія, которое извѣстно подъ именемъ „Долгаго парламента", прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени иго болѣе жестоко, чѣмъ когда-либо, давило націю, между тѣмъ какъ духъ націи гнѣвнѣе, чѣмъ когда-либо, возставалъ противъ ига. Члены палаты общинъ были допрошены тайнымъ совѣтомъ касательно ихъ парламентскаго поведенія и заключены въ тюрьму за то, что отказывались отвѣчать. Корабельная подать взималась съ усиленною строгостью. Лордъмеръ и шерифы Лондона подверглись угрозѣ тюремнаго заключенія за нерадивость въ сборѣ платежей. Солдаты вербовались насильно. Деньги на ихъ содержаніе требовались съ ихъ графствъ. Пытка, которая всегда была противозаконнымъ дѣломъ и которую незадолго передъ тѣмъ даже раболѣпные судьи того времени признали противозаконною, была въ послѣдній разъ употреблена въ Англіи въ маѣ мѣсяцѣ 1640 года.

Все зависѣло теперь отъ исхода военныхъ дѣйствій короля противъ шотландцевъ. Въ его войскахъ было мало того чувства, которое отдѣляетъ истыхъ солдатъ отъ массы народа и привязываетъ ихъ къ ихъ предводителямъ. Его армія, составленная большею частью изъ новобранцевъ, тосковавшихъ по плугѣ, отъ котораго ихъ насильно оторвали, и пропитанныхъ религіозными и политическими чувствами, преобладавшими тогда во всей странѣ, была грознѣе для него самого, нежели для врага. Шотландцы, поощряемые вождями англійской оппозиціи и ободряемые слабымъ сопротивленіемъ англійскихъ войскъ, перешли черезъ Твидъ и Тайнъ и расположились лагеремъ на границахъ Іоркшира. Тогда ропотъ неудовольствія превратился въ смятеніе, которое привело въ ужасъ всѣ умы, кромѣ одного. Мнѣніе Страффорда все еще было за „Коренной"; и онъ, даже въ этой крайности, обнаружилъ такую жестокую и деспотическую натуру, что его собственные копѣйщики готовы были разорвать его въ куски.

Оставалось еще одно послѣднее средство, которое, какъ утѣшалъ себя король, могло избавить его отъ несчастія—стать лицомъ къ лицу съ новою палатою общинъ. Къ палатѣ лордовъ онъ не чувствовалъ такого отвращенія. Епископы были преданы ему, и хотя свѣтскіе пэры были вообще недовольны его управленіемъ, однако, какъ классъ, они были такъ сильно заинтересованы въ сохраненіи порядка и въ неизмѣнности древнихъ учрежденій, что отъ нихъ почти нельзя было ожидать требованія широкихъ реформъ. Отступивши отъ непрерывнаго вѣковаго обычая, онъ созвалъ великій совѣтъ, состоявшій изъ однихъ лордовъ. Но лорды были слишкомъ благоразумны, чтобы принять противныя конституціи обязанности, которыя онъ желалъ возложить на нихъ. Безъ денегъ, безъ кредита, безъ авторитета даже въ собственномъ своемъ лагерѣ, онъ уступилъ силѣ необходимости. Палаты были созваны, и выборы доказали, что съ весны недовѣріе и ненависть къ правительству сдѣлали страшный успѣхъ.

XXII. ПОЛОЖЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И РЕЛИГІОЗНЫХЪ ПАРТІЙ ВЪ АНГЛІИ ПРИ ОТКРЫТІИ ДОЛГАГО ПАРЛАМЕНТА.

(Изъ соч. Гизо: „Исторія англійской революціи“).

Открытіе Долгаго парламента было назначено на 3 ноября. И дѣйствительно, 1640 года, въ назначенный день, король открылъ парламентъ. Онъ прибылъ въ Вестминстеръ безъ всякой пышности, почти безъ свиты, не верхомъ и не улицами города, какъ обыкновенно бывало, а Темзой, въ простой лодкѣ, избѣгая взоровъ народа, какъ побѣжденный, слѣдующій за колесницей побѣдителя. Его рѣчь была неопредѣленна и нерѣшительна. Онъ обѣщалъ въ ней исполненіе всѣхъ народныхъ требованій, но упорно называлъ шотландцевъ бунтовщиками и требовалъ изгнанія ихъ изъ королевства, какъ будто война еще продолжалась. Нижняя палата слушала его рѣчь съ холоднымъ почтеніемъ. Никогда, при началѣ засѣданій, палата не бывала такъ полна, никогда лица не имѣли такого гордаго выраженія въ присутствіи государя.

Едва король оставилъ собраніе, его приверженцы, немногочисленные въ палатѣ, тотчасъ увидѣли изъ разговоровъ присутствовавшихъ, что общественное недовольство даже превосходитъ ихъ ожиданія. Распущеніе послѣдняго парламента раздражило людей самыхъ умѣренныхъ. Съ тѣхъ поръ не было уже рѣчи ни о примиреніи, ни объ осторожности. Говорили, что настало для парламента время развернуть всю свою власть и вырвать злоупотребленія съ корнемъ, такъ чтобъ не опасаться никакого новаго отпрыска. Такимъ образомъ съ той и другой стороны выражались одинаково гордыя идеи при силахъ далеко не одинаковыхъ.

Парламентъ началъ приведеніемъ въ гласность всѣхъ народныхъ требованій. Каждый членъ приносилъ съ собою прошеніе отъ своего города, или графства; онъ читалъ это прошеніе и, взявъ его темой для какой-нибудь рѣчи, предлагалъ потомъ членамъ, чтобъ они, въ ожиданіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, утвердили по крайней мѣрѣ законность жалобъ. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней со всѣхъ сторонъ высказалось народное мнѣніе. Быстро были просмотрѣны и осуждены всѣ дѣйствія самовластія: монополіи, корабельные налоги, произвольные аресты, злоупотребленія епископовъ, дѣйствія исключительныхъ судовъ. Никто не противился рѣшеніямъ парламента, и единодушіе было таково, что многія изъ этихъ рѣшеній были приняты съ голоса людей, которые вскорѣ стали самыми близкими повѣренными короля.

И между тѣмъ это средство казалось недостаточнымъ для обнаруженія всего зла: палата открыла болѣе сорока комитетовъ для розысканія злоупотребленій и для принятія жалобъ отъ гражданъ. Каждый день горожане и фермеры пріѣзжали и приходили толпами въ Лондонъ съ просьбами отъ своего города, или отъ своего кантона. Повсюду слышались обвиненія: они раздавались на каѳедрахъ, на площадяхъ; имъ съ жадностью внимали, каковы бы ни были ихъ органы или формы; ихъ выслушивали съ одинаковымъ довѣріемъ, какъ въ томъ случаѣ, когда они были направлены вообще на правительство, такъ и въ томъ, когда они падали на отдѣльныя лица. Сила комитетовъ была неограниченна: никто не имѣлъ права противиться ей даже молчаніемъ, и самые члены госу-

дарственнаго совѣта обязаны были давать свѣдѣнія о томъ, что происходило въ стѣнахъ его.

Къ осужденію дѣйствій присоединилось общее обличеніе самихъ дѣятелей. Всякаго королевскаго агента, принимавшаго участіе въ исполненіи осужденныхъ мѣръ, какую бы должность онъ ни занималъ, клеймили именемъ „преступника“. Въ каждомъ графствѣ былъ составленъ списокъ подобныхъ преступниковъ. Они не были подвергаемы какому-нибудь однообразному и опредѣленному наказанію, но каждый день, по волѣ палаты, при малѣйшемъ подозрѣніи, могли быть вызваны и наказаны штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, или конфискаціей имущества.

Провѣряя свои собственные выборы, палата объявила (9 нояб. 1640), что всякій, принимавшій участіе въ какой бы то ни было монополіи, недостоинъ засѣдать на скамьяхъ ея. Вслѣдствіе этого четверо членовъ были исключены. Впослѣдствіи многіе другіе были также выключены, подъ предлогомъ какихъ-нибудь неправильныхъ дѣйствій, но, въ сущности, безъ всякой законной причины, а просто потому, что палата не довѣряла ихъ образу мыслей.

При видѣ такой неожиданной, огромной и энергической власти, были объяты ужасомъ всѣ приверженцы короны, у которыхъ совѣсть была нечиста, или у кого были враги. Они вездѣ встрѣчали обвинителей, защитниковъ—нигдѣ. Дворъ старался только о томъ, чтобъ его забыли; король скрывалъ уныніе и безпокойство подъ видомъ полнаго бездѣйствія; судьи, опасаясь за самихъ себя, не осмѣливались возвысить голосъ въ пользу „преступниковъ“. Епископы безъ всякаго сопротивленія смотрѣли на уничтоженіе ихъ нововведеній. Джонъ Банкрофтъ, оксфордскій епископъ, скоропостижно умеръ отъ волненія и страха. Пресвитеріанскіе проповѣдники снова занимали духовныя должности и каждый безъ законнаго посвященія. Всѣ секты, самыя разнородныя, имѣли открытыя собранія; всевозможные памфлеты безпрепятственно обращались въ народѣ. Самовластіе короля и епископовъ, еще нетронутое со всѣми своими министрами, судами, кодексами и обрядами, повсюду было парализовано.

Страффордъ предвидѣлъ эту катастрофу и умолялъ короля уволить его отъ обязанности быть въ парламентѣ. „Я буду безполезенъ тамъ для вашего величества“, писалъ онъ: „мое присутствіе усилитъ опасность вашего положенія и выдастъ меня врагамъ. Позвольте мнѣ удалиться въ Ирландію, въ армію—куда вамъ будетъ угодно; тамъ я могу еще пригодиться вамъ на что-нибудь и спасти себя отъ погибели, которая ожидаетъ меня“.— „Я не могу“, отвѣчалъ ему король, „обойтись здѣсь безъ вашихъ совѣтовъ. Вамъ нечего бояться, это такъ же вѣрно, какъ то, что я англійскій король, никто не посмѣетъ тронуть волоса на вашей головѣ“. Страффордъ колебался, но, при вторичномъ приглашеніи, презрѣвъ грозу, которой нельзя было избѣжать, поѣхалъ, съ твердымъ намѣреніемъ, въ свою очередь, обвинить передъ лицомъ верхней палаты, на основаніи свѣжихъ доказательствъ, главныхъ вождей общинъ въ томъ, что они вызвали и поддержали нападеніе шотландцевъ на англійскую территорію. Получивъ свѣдѣніе, что Страффордъ готовитъ имъ такой ударъ, нижняя палата велѣла запереть двери и, по предложенію Пима, вдругъ обвинила Страффорда въ государственной измѣнѣ. Только одинъ лордъ Фоклэндъ, не смотря на свою вражду къ нему, сказалъ, что пра-

восудіе и достоинство палаты требуютъ, по его мнѣнію, отсрочки и какого-нибудь слѣдствія. „Малѣйшее замедленіе можетъ все испортить“, отвѣчалъ Пимъ: „если графу удастся перекинуть два-три слова съ королемъ, парламентъ будетъ распущенъ; притомъ палата не судитъ, а только обвиняетъ“. И онъ въ ту же минуту вышелъ, въ сопровожденіи комитета, чтобъ внести обвинительный актъ въ палату пэровъ.

Въ эту минуту Страффордъ былъ у короля. При первомъ извѣстіи объ этомъ, онъ бросился въ верхнюю палату; но Пимъ предупредилъ его. Дверь была заперта. Страффордъ громко постучался, обругалъ служителя, который медлилъ отпереть ему, и вступилъ въ залу. Не успѣлъ онъ еще дойти до своего мѣста, какъ нѣсколько голосовъ закричало ему: „Вонъ!“ Графъ остановился, осмотрѣлся кругомъ и, послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, повиновался. Черезъ часъ онъ былъ позванъ. Ему велѣли стать у рѣшетки на колѣни, и тамъ было ему сообщено, что верхняя палата утвердила обвиненіе, сдѣланное нижнею, и рѣшила, по ея требованію, заключить его въ Тоуэръ. Страффордъ хотѣлъ говорить, но палата не слушала его, и приговоръ былъ тотчасъ же исполненъ.

За обвиненіемъ Страффорда почти непосредственно слѣдовало обвиненіе Лоуда, менѣе страшнаго, но еще болѣе ненавидимаго. Закоренѣлый и истый фанатикъ, онъ не зналъ упрековъ совѣсти и очень удивился, что его преслѣдуютъ судомъ. „Ни одинъ членъ нижней палаты“, сказалъ онъ, „не можетъ считать меня измѣнникомъ въ глубинѣ своего сердца“. Графъ Эссексъ придрался къ этимъ словамъ, называя ихъ обидными для нижней палаты. Лоудъ съ удивленіемъ извинялся и просилъ, чтобъ его судили по стариннымъ парламентскимъ обычаямъ. Лордъ Сэй возсталъ на то, что Лоудъ вздумалъ предписывать имъ правила. Архіепископъ въ смущеніи замолкъ, будучи не въ состояніи понять другихъ страстей, кромѣ своей собственной, и припомнить, что и онъ когда-то говорилъ такъ же съ своими врагами.

Было предположено еще нѣсколько обвиненій противъ двухъ епископовъ, нѣсколькихъ богослововъ и шести судей; но только обвиненіе Страффорда дѣятельно подвигалось впередъ. Особый тайный комитетъ, облеченный огромною властью, получилъ приказаніе изслѣдовать всю жизнь Страффорда и отъискать въ его словахъ, поступкахъ и даже совѣтахъ, какіе онъ могъ давать королю (не смотря на то, были ли они приняты послѣднимъ, или нѣтъ) доказательства государственной измѣны. Въ Ирландіи былъ составленъ другой вспомогательный комитетъ. Шотландцы присоединились къ нему съ злобной декларацiей, объявляя, что ихъ армія не выйдетъ изъ Англіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ наказанъ ихъ заклятый врагъ. Такимъ образомъ, въ угоду народной ненависти и злобѣ, три націи соединились противъ одного человѣка, заключеннаго въ тюрьму.

Избавившись отъ своихъ противниковъ и приготовляя самому страшному изъ нихъ блистательное мщеніе, палата захватила правленіе въ свои руки. Она назначила субсидіи, но весьма ограниченныя, едва достаточныя для покрытія необходимыхъ ежедневныхъ расходовъ. Особая коммиссія, составленная изъ ея же членовъ, которые были назначены ея же биллемъ, должна была одна распоряжаться назначеніемъ и употребленіемъ этихъ денегъ. Таможенныя пошлины были утверждены только на два мѣсяца. По истеченіи срока, это утвержденіе было возобновляемо.

для покрытія издержекъ необходимы были доходы болѣе значительные и скорѣе доставляющіе наличность. Палата сдѣлала заемъ, но отъ своего имени, у своихъ единомышленниковъ въ Сити, даже у своихъ собственныхъ членовъ, представивъ въ обезпеченіе долга одни обѣщанія: такимъ образомъ возникъ общественный кредитъ. Король хлопоталъ о распущеніи обѣихъ армій, особенно шотландской, говоря, что ея содержаніе очень тяжело для сѣверныхъ графствъ; но палата нуждалась въ этихъ арміяхъ и надѣялась помочь народу перенести это бремя. Требованіе короля было искусно обойдено. Даже при распредѣленіи жалованья войскамъ выказано было болѣе расположенія къ шотландской, нежели къ англійской арміи, въ которой не всѣ офицеры внушали парламенту равное довѣріе. Нѣкоторые выразили неудовольствіе, но палата не обратила на это вниманія. Она пошла дальше; объявила, что шотландцы подали англичанамъ братскую помощь, что съ этихъ поръ послѣдніе должны называть ихъ *братьями*, и назначила въ ихъ пользу, въ видѣ возмездія и награды сумму въ 300,000 ф. стерлинговъ. Переговоры объ окончательномъ мирѣ съ Шотландіею были ведены болѣе комитетомъ парламента, нежели королевскимъ совѣтомъ. Вожди обѣихъ палатъ, особенно нижней, всякій день обѣдали вмѣстѣ въ складчину у Пима. Тамъ присоединялись къ нимъ шотландскіе агенты, главные составители народныхъ жалобъ, значительныя лица Сити, тамъ обсуждались всѣ дѣла парламента и государства. Таково было тяготѣніе всякой власти къ парламенту, что королевскій совѣтъ, будучи неспособенъ, или опасаясь своими силами рѣшить малѣйшій вопросъ, обращался къ парламенту при всякомъ случаѣ, хотя тотъ и не думалъ его просить объ этомъ. Католическій священникъ Гудманъ былъ приговоренъ къ смерти. Король, не имѣя духа помиловать его, предалъ его жизнь въ руки членовъ нижней палаты. Приговоры королевскаго суда, давнымъ-давно произнесенные и исполненные, подверглись пересмотру палаты, какъ частныя дѣла короля и двора. Обвиненіе Прейна, Бортона, Баствика, Лейтона и Лильборна было объявлено незаконнымъ, и имъ присуждена была свобода. Когда освобожденные въѣзжали въ Лондонъ, на встрѣчу имъ высыпала огромная толпа вся ихъ дорога была усыпана розмариновыми и лавровыми вѣтвями, а дома драпированы коврами. Восторгъ народа, апатія короля—все побуждало нижнюю палату взять въ свои руки бразды правленія, все способствовало къ тому, чтобъ дать ей значеніе верховной власти.

Первымъ шагомъ своимъ на пути государственныхъ реформъ она возвѣстила, если не верховность своей власти, то, по крайней мѣрѣ, полную свою независимость. Былъ предложенъ билль, которымъ предписывалось созывать парламентъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ каждые три года. Еслибъ король не захотѣлъ созывать его, то двѣнадцать пэровъ, собравшись въ Вестминстерѣ, могли это дѣлать безъ его содѣйствія. Въ случаѣ недостатка пэровъ, шерифы и городскія власти обязаны были начать выборы. Еслибъ шерифы не озаботились этимъ, то граждане имѣли право собраться сами и избрать себѣ депутатовъ. Парламентъ не могъ быть ни распущенъ, ни отсроченъ безъ согласія обѣихъ палатъ раньше пятидесяти дней со времени его созванія; палаты оставляли за собой исключительное право окончательно избирать себѣ президента. При первыхъ слухахъ объ этомъ биллѣ, король прервалъ, наконецъ, свое долговременное молчаніе. Онъ позвалъ обѣ палаты въ Уайтъ-Галль и сказалъ

имъ: „Я вполнѣ одобряю частое созываніе парламентовъ: сознаюсь, что это лучшее средство поддержать между мной и моими подданными союзъ, котораго я такъ желаю; но не могу согласиться на передачу моихъ правъ шерифамъ, констэблямъ и Богъ знаетъ кому“. Парламентъ увидѣлъ въ этихъ словахъ только новый поводъ поспѣшить принятіемъ билля. Никто не осмѣлился посовѣтовать королю отвергнуть билль, и онъ, скрѣпя сердце, подписалъ его, но счелъ нужнымъ выразить парламенту все свое неудовольствіе. „Послѣ этого“, сказалъ онъ, „я рѣшительно не вижу, чего бы еще могли вы отъ меня потребовать и въ чемъ бы я могъ отказать вамъ. По правдѣ сказать, до сихъ поръ вы плохо поощряли меня къ такому снисхожденію: вы занимались только тѣмъ, что касалось непосредственно васъ самихъ. До меня и до интересовъ королевства вамъ не было никакого дѣла; вы разстроили все правленіе, и я долженъ сказать, что оно находится почти въ неисправимомъ положеніи. Теперь, надѣюсь, вы согласитесь, что я сдержалъ всѣ свои обѣщанія, подумайте и вы о своихъ обязанностяхъ“.

Парламентъ поблагодарилъ короля и опять сталъ продолжать реформы, потребовавъ сначала уничтоженія Звѣздной палаты, потомъ суда церковной коммиссіи и всѣхъ исключительныхъ трибуналовъ.

Никто не отвергалъ этихъ предложеній; изложеніе злоупотребленій заступило мѣсто преній. Даже люди, начинавшіе опасаться безпорядковъ и скрытыхъ мыслей какой-нибудь партіи, не осмѣливались защищать учрежденій, ненавистныхъ по своимъ дѣйствіямъ и въ сущности беззаконныхъ, хотя многія изъ нихъ и были облечены въ законную форму. Политическая реформа была всеобщимъ, единодушнымъ желаніемъ, совершенно независимо отъ общественнаго положенія и религіозныхъ мнѣній. Подумать о послѣдствіяхъ и измѣрить весь объемъ этой реформы никому еще не приходило въ голову. Всѣ содѣйствовали ей, не отдавая себѣ отчета въ своихъ намѣреніяхъ и побужденіяхъ. Люди съ умомъ смѣлымъ и дальновиднымъ, или уже выдавшіе себя поступками, осуждаемыми закономъ: Гемпденъ, Пимъ и др.—мечтали лишить корону ея гибельнаго перевѣса, сосредоточить правленіе въ парламентѣ и упрочить его за нимъ навсегда. По ихъ мнѣнію, этого требовало народное право; въ этомъ заключалась, какъ для народа, такъ и для нихъ, единственная вѣрная гарантія. Но, пришедши къ такому намѣренію скорѣе по необходимости, нежели по принципу, ясно сознанному и подкрѣпленному общественнымъ мнѣніемъ, они шли впередъ, не высказывая гласно этого намѣренія. Большинство ласкало себя надеждою, что уничтоженіе злоупотребленій приведетъ къ тому порядку вещей, который оно называло бытомъ старой Англіи, то-есть къ роялизму, сдерживаемому въ границахъ закона періодическою властью двухъ палатъ. Въ ожиданіи этого, поклонники старой Англіи терпѣли, какъ временную необходимость, почти исключительное господство нижней палаты, которое, притомъ, было болѣе согласно съ ихъ смутными идеями и чувствами, хотя они того и не подозрѣвали. Такимъ образомъ политическая реформа, всѣми одинаково желаемая, хотя вслѣдствіе совершенно разнородныхъ видовъ и надеждъ, шла вѣрно къ своей цѣли, движимая несокрушимой силой единодушія.

Нельзя того же сказать о религіозной сторонѣ вопроса: тутъ съ первыхъ же дней высказалось различіе мнѣній и желаній. Предложеніе лондонскаго Сити, подписанное 15,000 человѣкъ, требовало совершеннаго

уничтоженія епископата. Почти въ то же время 7,000 духовныхъ лицъ требовали только ограниченія свѣтской власти епископовъ, ихъ самовластія въ дѣлахъ церкви, дурнаго управленія ея доходами. Вскорѣ послѣ этого изъ разныхъ графствъ получено было девятнадцать просьбъ, подписанныхъ, какъ говорятъ, слишкомъ 100,000 человѣкъ, которые просили сохраненія епископальнаго правленія. Въ парламентѣ обнаружилось такое же разногласіе. Прошеніе Сити было принято нижней палатой съ величайшимъ трудомъ, послѣ сильнѣйшихъ преній. Былъ предложенъ билль, который объявлялъ духовныхъ неспособными ни къ какой гражданской службѣ, и такимъ образомъ исключалъ епископовъ изъ палаты пэровъ. Чтобъ этотъ билль принятъ былъ нижней палатой, пресвитеріанская партія принуждена была дать обѣщаніе не простирать далѣе своихъ требованій; но билль, хотя и былъ допущенъ къ разсмотрѣнію палаты пэровъ, тѣмъ не менѣе былъ отвергнутъ. Взбѣшенные этой неудачей, пресвитеріане потребовали вдругъ уничтоженія епархій, деканствъ, капитуловъ, но встрѣтили такую энергическую оппозицію, что рѣшились отложить свое требованіе. Только разъ обѣ палаты выказали нѣкоторое единодушіе, стараясь подавить безпорядки, какіе повсюду замѣчались въ общественномъ богослуженіи, и удержать его въ законныхъ формахъ; но, два дня спустя, онѣ пришли въ прежнее несогласіе. Нижняя палата совершенно самовольно, не снесясь даже съ лордами, отправила своихъ коммиссаровъ въ графства выносить изъ церквей образа, жертвенники, распятія и всѣ слѣды „идолопоклонства“, какъ она выражалась. Ея агенты освятили своимъ присутствіемъ народныя страсти, взрывъ которыхъ предупредилъ ихъ. Съ своей стороны, лорды, узнавъ, что секта индепендентовъ открыто возобновила свои собранія, позвали ея представителей къ рѣшеткѣ и сдѣлали имъ замѣчаніе, хотя робкое. Относительно вопроса религіознаго, ни одного мнѣнія, ни одного направленія нельзя было назвать господствующимъ и національнымъ. Между приверженцами епископата, одни, немногочисленные, но одушевленные силой вѣры, или личными интересами, поддерживали его притязанія на божественное право; другіе, считая это учрежденіе человѣческимъ, признавали его необходимою принадлежностью монархіи, и думали, что тронъ будетъ въ опасности, если епископская власть понесетъ сильный ущербъ, иные (и число такихъ было велико) охотно отстранили бы епископовъ отъ общественныхъ дѣлъ, но съ тѣмъ, чтобъ оставить ихъ во главѣ церкви, чего, по ихъ мнѣнію, требовали преданіе, законы и потребности государства. Въ противной партіи мнѣнія были не менѣе различны: иные стояли за епископство по привычкѣ, хотя образъ мыслей ихъ былъ ему не совсѣмъ благопріятенъ; многіе и, притомъ, наиболѣе просвѣщенные люди думали, что никакому земному устройству церкви не принадлежитъ божественность и абсолютная законность, что внѣшній видъ церкви можетъ измѣняться сообразно съ мѣстными и временными условіями, что парламентъ всегда воленъ измѣнить его и что только одинъ общественный интересъ долженъ рѣшить судьбу епископата, уничтоженіе или сохраненіе котораго не вытекаетъ ни изъ какого философскаго начала. Но пресвитеріане и ихъ священнослужители видѣли въ епископальномъ управленіи идолопоклонство, осужденное евангеліемъ, наслѣдіе и предтечу папизма. Осуждая епископатъ, они съ фанатическимъ негодованіемъ отвергали его литургію, формы его богослуженія, его послѣдствія самыя

отдаленныя, и хотѣли возвратить республиканскому устройству церкви божественное право, похищенное епископами.

Послѣ первыхъ успѣховъ политической реформы, эти разногласія нѣсколько времени задерживали ходъ парламентскихъ дѣлъ. Какъ только начинались пренія о религіозныхъ вопросахъ, противники двора, до той минуты дѣйствовавшіе единодушно, раздѣлялись и даже вступали въ борьбу. Большинство часто мѣняло свои мнѣнія; не было партіи, которая была бы одушевлена постоянно однимъ и тѣмъ же духомъ, предана однимъ и тѣмъ же стремленіямъ и способна подчинить себѣ все остальное. Пимъ и Гемпденъ, главные вожди политической партіи, ухаживали за пресвитеріанами, поддерживали даже самыя смѣлыя ихъ требованія. Однако всѣмъ было извѣстно, что они не раздѣляли фанатическаго увлеченія пресвитеріанъ, что они скорѣе имѣли въ виду ограничить гражданскую власть епископовъ, чѣмъ измѣнить церковное устройство, и что это устройство имѣло въ верхней палатѣ, въ числѣ лордовъ, пользовавшихся наибольшею популярностью, много приверженцевъ. Нѣкоторые благоразумные люди совѣтовали королю воспользоваться этимъ тайнымъ раздоромъ и предупредить соединеніе реформаторовъ политическихъ съ религіозными, смѣло ввѣривъ первымъ дѣла короны и государства.

XXIII. ДОЛГІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

(Изъ соч. Гардинера: „The first two Stuarts and the puritan revolution“).

3-го ноября 1640 г. сошлось въ Вестминстерѣ большое собраніе, сдѣлавшееся потомъ извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ „долгаго парламента“. Карлу хотѣлось добиться немедленнаго вотированія выдачи денегъ, въ которыхъ онъ нуждался. Но парламенту нужно было сперва заняться своими собственными дѣлами, и каждый членъ его зналъ, что теперь на сторонѣ парламента были такіе шансы, какіе могли бы не представиться никогда больше. Еслибы распустить парламентъ до уплаты долга шотландцамъ, ничто не воспрепятствовало бы шотландской арміи двинуться къ Лондону. Поэтому Карлъ не рѣшился на это распущеніе, а нижняя палата, конечно, не торопилась позаботиться объ удовлетвореніи шотландцевъ.

При дворѣ было много людей, которые приходились не по сердцу нижней палатѣ. Но былъ тамъ одинъ, котораго она и боялась, и ненавидѣла. 11-го числа Пимъ, ставшій съ самаго начала во главѣ собранія, выступилъ съ обвиненіемъ Страффорда въ государственной измѣнѣ. Обвинительная рѣчь его была въ одно и то же время и нападеніемъ на опредѣленную личность, и рѣзкимъ порицаніемъ всей системы, которой эта личность служила главнѣйшимъ представителемъ. Правленіе закона призывалось тутъ на мѣсто правленія произвола. Обвиненіе было тотчасъ же сообщено въ верхнюю палату и пришло туда какъ разъ въ ту минуту, когда Страффордъ входилъ въ залу засѣданій. Громкіе крики остановили его на пути къ обычному мѣсту, и онъ вышелъ изъ палаты уже арестованнымъ. Остальные товарищи его по управленію бѣжали за границу, чтобы спастись отъ разразившейся грозы.

22-го марта 1641 г. въ вестминстерскомъ дворцѣ начался судъ надъ Страффордомъ. Король и королева каждый день спускались въ залу и изъ скрытаго отдѣленія слѣдили за ходомъ процесса. Обвинительные пункты подробно излагались и разбирались одинъ за другимъ. Вся жизнь Страффорда выставлялась здѣсь передъ нимъ на видъ, какъ непрерывная цѣпь попытокъ ниспровергнуть англійскую конституцію. Но когда окончился длинный перечень всего, въ чемъ обвинялся онъ, возникло сомнѣніе—составляютъ ли всѣ эти дѣла, вмѣстѣ взятыя, государственное преступленіе. Въ статутѣ Эдуарда III находилось весьма точное опредѣленіе этого послѣдняго, но подъ него съ трудомъ можно было подвести хотя бы одно изъ дѣйствій, значившихся въ обвинительномъ актѣ Страффорда. Молодой Гетрихъ Вэнъ, сынъ государственнаго секретаря, роясь въ бумагахъ своего отца, нашелъ копію рѣчи, произнесенной Страффордомъ въ совѣтѣ въ пору распущенія короткаго парламента и въ которой онъ говорилъ о королѣ, какъ о лицѣ, „не подлежащемъ дѣйствію никакихъ государственныхъ законовъ.“—„Ваше величество, —было сказано между прочимъ въ этой рѣчи,—испытывали всѣ средства и постоянно встрѣчали отказъ; поэтому ни Богъ, ни люди не обвинятъ васъ; вы имѣете въ Ирландіи армію, которую можете употребить на приведеніе королевства къ покорности, такъ какъ я убѣжденъ, что шотландцы не въ состояніи продержаться долѣе трехъ мѣсяцевъ“. Для того, чтобы убѣдиться, что въ этихъ словахъ заключалась государственная измѣна, необходимо было прежде всего доказать, что королевство, о которомъ тутъ шла рѣчь, Англія, а не Шотландія, т. е. дать приведенной цитатѣ крайне сомнительное толкованіе,—а затѣмъ привести достаточные доводы тому, что покушеніе на учрежденія страны равнялось государственному преступленію.

До свѣдѣнія нижней палаты дошло, что верхняя сомнѣвается въ законности приговора, котораго требовали отъ нея. Поэтому первоначальная форма обвиненія была замѣнена биллемъ о явной уликѣ (attainder). При существованіи первой формы, на членовъ верхней палаты возлагалась обязанность выступить въ качествѣ судей и рѣшить дѣло въ нѣкоторомъ родѣ по указаніямъ закона. Билль о явной уликѣ, прошедшій обѣ палаты и утвержденный королемъ, принадлежалъ, по англійскому законодательству, къ тѣмъ мѣрамъ, принятіе которыхъ не требовало приведенія какихъ бы то ни было доводовъ и причинъ. Пимъ, отличавшійся глубокимъ уваженіемъ къ закону, воспротивился такому рѣшенію. Онъ доказывалъ, что измѣна есть преступленіе противъ короля, не какъ частнаго лица, но какъ главы и представителя Англіи, и что покушеніе на неприкосновенность Англіи должно быть признаваемо за самое преступное посягательство на особу короля. Эти доводы не могли однако поколебать сомнѣнія верхней палаты. Тогда нижняя рѣшила дѣйствовать посредствомъ билля. Лорды, не желавшіе, въ качествѣ судей, произнести обвиненіе въ государственной измѣнѣ, не имѣли ничего противъ признанія Страффорда врагомъ общественнаго порядка. 8 мая билль о явной уликѣ прошелъ въ обѣихъ палатахъ.

Но если Страффордъ былъ врагомъ общественнаго порядка, то вѣдь онъ оставался однако другомъ короля, и, по пріѣздѣ его въ Лондонъ, Карлъ обѣщалъ ему, что ни единый волосъ на головѣ его не будетъ тронутъ. А между тѣмъ спасти его теперь представлялось рѣшительно не-

возможнымъ. Но Карлу ли подписывать смертный приговоръ этого человѣка? Карлъ поколебался—и палъ. Тотъ внѣшній міръ народной воли, существованія котораго онъ, замкнувшійся исключительно въ самого себя, и не подозрѣвалъ, вдругъ отвѣтилъ на его колебанія твердою рѣшимостью. Король отступилъ передъ неожиданнымъ врагомъ и отправилъ своего надежнѣйшаго приверженца на эшафотъ.

Страффорду предстояло умереть какъ врагу общественнаго порядка. Въ основаніи старой конституціи Тюдоровъ лежала совмѣстная дѣятельность короля и парламента. Король же устранилъ отъ себя не только нижнюю палату, но и стоявшій позади ея народъ, и на содѣйствіе его попыткѣ начать управлять государствомъ, помимо своей націи, Страффордъ посвящалъ всѣ свои умственныя силы. Не упуская изъ виду ни одного проступка представительныхъ собраній, онъ въ тоже время умышленно смотрѣлъ сквозь пальцы на заблужденія и противозаконныя дѣйствія короля. Теперь, когда Карлъ оставилъ его, исправляться уже было поздно. Со словами: „Не вѣрьте государямъ!“ онъ пошелъ на эшафотъ. 12-го мая топоръ упалъ, и знаменитый государственный дѣятель-роялистъ лишился на вѣки вліянія на судьбы земнаго міра.

Что Пимъ возвысилъ голосъ въ пользу закона—это было очень хорошо. Но не закономъ занялась нижняя палата немедленно послѣ этого. Казнь Страффорда послужила какъ бы сигналомъ къ междоусобной войнѣ. То была борьба съ цѣлью рѣшить, кто въ государствѣ сильнѣе—королевская власть или нижняя палата, такъ какъ, только по рѣшеніи этого вопроса, явилась бы возможность начать строить заново на старомъ фундаментѣ. Безполезно слѣдить за дѣйствіями этого парламента и обсуждать, на сколько они согласовались съ конституціонными принципами XV или XIX столѣтія. Безполезно спрашивать, не могъ ли онъ ограничить извѣстными правилами власть короля, вмѣсто того, чтобы низвергнуть ее. Ниспроверженіе это по необходимости входило въ программу его дѣйствій, потому что, пока король оставался на тронѣ, никакое регулированіе не представлялось возможнымъ.

Сильно и быстро послѣдовали удары одинъ за другимъ. Имѣя позади себя шотландскую армію, нижній парламентъ заставилъ въ февралѣ короля согласиться на билль, въ силу котораго парламентскіе выборы должны были отнынѣ совершаться, по крайней мѣрѣ, разъ въ три года, даже въ томъ случаѣ, еслибы король не находилъ нужнымъ съ своей стороны созвать парламентъ. Въ маѣ король подписалъ постановленіе, что существующій парламентъ не можетъ быть распущенъ безъ его собственнаго согласія,—постановленіе, уничтожавшее зависимость нижней палаты отъ всякой посторонней власти и вслѣдствіе этого придававшее ей диктаторскій характеръ, который былъ бы пагубенъ для государства при обыкновенномъ порядкѣ вещей, но представлялся положительно необходимымъ для достиженія спеціальной цѣли—упроченія верховной власти этого учрежденія. Орудія, посредствомъ которыхъ король могъ сдерживать націю въ своей неограниченной власти, исторгались изъ его рукъ одно за другимъ. Корабельный налогъ былъ объявленъ незаконнымъ, пошлина съ привозныхъ товаровъ отнынѣ могла взиматься не иначе, какъ съ согласія парламента. Существованію Звѣздной палаты и Верховной коммиссіи былъ положенъ конецъ, вслѣдствіе чего король лишился права производить расходы безъ разрѣшенія парламента и заклю-

чать кого бы то ни было изъ своихъ подданныхъ въ тюрьму безъ предварительнаго разслѣдованія дѣла обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ.

Въ іюлѣ все было окончено, а въ августѣ подписанъ договоръ съ шотландцами. Шотландской арміи заплатили все, что ей были должны, и люди, освободившіе Англію, вернулись въ свои сѣверныя жилища.

Отчего же нижній парламентъ не считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ? Во-первыхъ, потому, что онъ не могъ довѣрять королю. Невозможно было предположить, что Карлъ согласится навсегда лишиться той власти, на которую его научили смотрѣть, какъ на принадлежавшую ему по всѣмъ правамъ. Онъ, пожалуй, не сталъ бы прямо нарушать тѣ законы, которые установились съ его же согласія; но существовали сотни косвенныхъ путей, на которыхъ онъ могъ бы собрать уцѣлѣвшіе остатки королевской власти съ тѣмъ, чтобы попытаться еще разъ подчинить Англію своей власти.

Подобныя соображенія, вѣроятно, послужили бы не особенно во вредъ королю, еслибы между ними и парламентомъ не существовало никакихъ практически-спорныхъ пунктовъ. Но дѣло стояло такъ, что уладились только политическія несогласія; вопросы не церковные оставались въ прежнемъ положеніи. Король по прежнему былъ убѣжденъ, что всѣ дѣйствія и распоряженія Лоуда вполнѣ хороши; парламентъ считалъ ихъ никуда негодными. Разногласіе это имѣло не только теоретическій характеръ. Если Лоудъ былъ въ тюрьмѣ, то другіе епископы оставались на свободѣ; безъ принятія какихъ-нибудь мѣръ къ тому, чтобы исторгнуть изъ ихъ рукъ власть, которою они пользовались, трудно было лишить ихъ возможности воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для обнаруженія своего вліянія такимъ путемъ, который представлялся нижнему парламенту крайне пагубнымъ. Этотъ послѣдній могъ, правда, установить законы, которые уничтожили бы послѣднія церковныя нововведенія; но онъ имѣлъ основаніе опасаться, что все это будетъ оставаться въ очень значительной степени мертвой буквой до тѣхъ поръ, пока не пріищется средство ограничить власть епископовъ, на которыхъ именно и лежала обязанность наблюдать за приведеніемъ въ исполненіе новыхъ законовъ. Подъ руководствомъ парламента церковь непремѣнно должна была принять болѣе или менѣе пуританскій характеръ, а ввѣрить такую церковь попеченію католическихъ епископовъ представлялось далеко не безопаснымъ.

Первая принятая въ этомъ отношеніи мѣра была только незначительною частью того, чему предстояло послѣдовать за нею. Въ мартѣ былъ предложенъ билль объ устраненіи вмѣшательства епископовъ въ свѣтскія дѣла; въ случаѣ утвержденія его они лишались на будущее время права засѣдать въ частномъ совѣтѣ и въ верхнемъ парламентѣ. Этотъ послѣдній воспротивился биллю и въ іюнѣ отвергнулъ его рѣшительнымъ большинствомъ голосовъ. Это обстоятельство еще болѣе подстрекнуло нижній парламентъ къ борьбѣ. Онъ отвѣчалъ биллемъ, въ которомъ требовалось совершенное уничтоженіе епископскаго достоинства въ англиканской церкви.

Оппозиція этимъ биллямъ исходила не исключительно отъ приверженцевъ системы Лоуда. Независимо отъ нихъ, въ обоихъ парламентахъ и въ средѣ народа существовала сильная партія, желавшая уладить

дѣло посредствомъ компромисса, въ силу котораго епископы на будущее время раздѣляли бы власть съ священниками своихъ епархій.

Во главѣ этой новой партіи „умѣренныхъ“ стоялъ обходительный и кроткій Люцій Кери, лордъ Фоклэндъ. Въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ, тогда же оставилъ ее и посвятилъ себя „сельской жизни и своимъ книгамъ“. Слава его, какъ ученаго, начала возрастать очень быстро. „Онъ такъ основательно зналъ различныя науки и всевозможные языки, что казалось, будто сообщество его ограничивалось исключительно книгами и онъ ни на минуту не переставалъ читать и писать; въ то же время однако его гуманность, любезность и ласковость заставляли думать, что онъ получилъ воспитаніе въ самомъ лучшемъ придворномъ кругу, но что его доброта, сострадательность и искреннѣйшее желаніе дѣлать добро и дѣлиться со всякимъ своими познаніями затмѣвали достоинства этого воспитанія“. Домъ Фоклэнда, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Оксфорда, былъ сборнымъ пунктомъ кружка ученыхъ или остроумныхъ людей, которымъ было пріятно слѣдовать за Лоудомъ въ его оппозиціи догматизму пуританъ, но которые ненавидѣли его деспотическое навязываніе однообразія богослуженія.

Эдуардъ Гайдъ, будущій лордъ-канцлеръ Кларендонъ и авторъ той „Исторіи великаго возстанія“, въ которой четыре поколѣнія англичанъ научались относиться съ благоговѣніемъ къ интересамъ роялизма, былъ, какъ юристъ, противникомъ притязаній епископовъ на свѣтскую власть, но либерализмомъ далеко уступалъ Фоклэнду.

Тѣмъ, которые въ теперешнее мирное время изучаютъ этотъ періодъ ожесточенной борьбы, старанія Фоклэнда уладить дѣло посредствомъ компромисса представляются съ перваго взгляда весьма мудрыми. Но былъ ли возможенъ въ ту пору какой бы то ни было компромиссъ—это весьма сомнительно. Епископы получили назначеніе на свои должности отъ короля. Большинство ихъ было поставлено для охраненія того порядка вещей, который теперь желали уничтожить. Окружить такихъ людей совѣтниками, которые діаметрально расходились съ ними во взглядахъ и принципахъ, значило создать анархію и назвать ее правленіемъ. Такимъ образомъ предлагавшійся компромиссъ могъ бы съ успѣхомъ осуществиться только въ томъ случаѣ, еслибы измѣнился весь личный составъ епископской коллегіи и на мѣсто его были бы назначены новые члены въ духѣ нижняго парламента. Слабая сторона партіи „умѣренныхъ“ заключалась въ томъ, что они не могли предложить никакого практически-примѣнимаго плана, да еслибы такой планъ и нашелся, то умы были слишкомъ возбуждены прошедшими несправедливостями, чтобы кто-нибудь удовольствовался такою мѣрою, которая не гарантировала бы самымъ положительнымъ образомъ верховнаго господства пуританизма. На нѣкоторое время борьба пріостановилась. Король объявилъ о своемъ рѣшеніи посѣтить Шотландію. Парламенты приняли на себя обнародованіе указовъ объ уничтоженіи послѣднихъ нововведеній въ Англіи. Затѣмъ засѣданія ихъ закрылись на шесть недѣль, до 20-го октября 1641 г.

Во власти короля было обратить слабость партіи „умѣренныхъ“ въ силу. Еслибъ ему удалось поселить въ своихъ подданныхъ вѣру, что онъ искренно подчинился новому порядку вещей, все пошло бы хорошо. Но именно потому, что такое искреннее подчиненіе оказалось для него

невозможнымъ, возникло недовѣріе къ нему. Распространившееся убѣжденіе, что Карлъ видѣлъ въ партіи умѣренныхъ ничто иное, какъ орудіе для возстановленія большей части того, что онъ согласился уступить, служило для Пима ободрительною поддержкою въ его требованіяхъ дальнѣйшихъ гарантій. Напрасно Карлъ назначалъ членами своего совѣта людей, бывшихъ на сторонѣ нижняго парламента. Напрасно поручалъ онъ государственныя должности Фоклэнду и Гайду. Пимъ не спускалъ съ него глазъ и не сомнѣвался, что имъ будутъ управлять его собственныя желанія, а не Фоклэндъ и Гайдъ.

Извѣстія изъ Шотландіи принимали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Общественнымъ мнѣніемъ этой страны управлялъ въ это время Арджиль, дурной воинъ, но способный дипломатъ. Съ терпѣливымъ искусствомъ, мало-по-малу, сплотилъ онъ вмѣстѣ всѣ элементы недовольства и образовалъ такимъ образомъ общую національную оппозицію. Напрасно пылкій молодой графъ Монтрозъ подкапывался подъ его могущество, вступалъ въ переговоры съ королемъ и вызвался обличить Арджиля, какъ измѣнника. Прежде чѣмъ король пріѣхалъ въ Шотландію, Монтрозъ сидѣлъ уже въ тюрьмѣ, какъ заговорщикъ, а очень скоро послѣ того весь Эдинбургъ заговорилъ о новомъ замыслѣ Монтроза, который будто бы имѣлъ цѣлью схватить, если не умертвить, Арджиля и его главныхъ приверженцевъ, и въ числѣ участниковъ котораго многіе положительно указывали на самого короля. Обвиненіе осталось недоказаннымъ, и единственнымъ результатомъ его было то, что Карлъ совершенно отдался въ руки Арджиля и предоставилъ всѣ правительственныя должности его приверженцамъ. Взамѣнъ этого они дали ему честное слово, что Шотландія впередъ никогда не будетъ вмѣшиваться въ религіозные споры Англіи.

Если кое-какіе слухи объ этихъ сдѣлкахъ дошли до Пима, то дѣйствіе, произведенное ими, было ничто въ сравненіи съ впечатлѣніемъ, которое вызвали вѣсти изъ другаго источника, распространившіяся по Лондону 1-го ноября (1641 г.). Въ сѣверной части Ирландіи вспыхнуло возстаніе. Почувствовавъ себя освобожденнымъ отъ сильной руки Страффорда, кельтическое населеніе свирѣпо накинулось на англичанъ и шотландцевъ. Убійства и насилія хуже убійствъ совершались безпрепятственно и безнаказанно. Вся Англія, на основаніи доходившихъ оттуда извѣстій, была убѣждена, что женщинъ раздѣвали до нага и морили холодомъ и голодомъ,—что другихъ топили въ рѣкѣ,—что невинныхъ дѣтей убивали такъ же безчеловѣчно, какъ и взрослыхъ,—что тѣ, которымъ удавалось спастись отъ меча или палицы этихъ дикарей, странствовали безъ пріюта до тѣхъ поръ, пока смерть не полагала предѣла ихъ страданіямъ. Наименьшую цифру жертвъ, погибшихъ въ это время, Англія опредѣляла въ тридцать тысячъ.

И по всей Англіи пронесся призывъ къ мщенію,—озлобленный, безпощадный. Но къ чувству негодованія примѣшивалось и недовѣріе къ королю. Вѣдь онъ дѣлалъ очень странныя вещи въ Шотландіи; отчего же бы ему не дѣлать того же и въ Ирландіи? Возможно ли отдать въ его распоряженіе армію для подавленія ирландскаго возстанія? Развѣ нѣтъ тысячи основаній предположить, что онъ прежде всего употребитъ ее на сокрушеніе англійскаго парламента? Конечно, въ этихъ подозрѣніяхъ было не мало преувеличеннаго. Но въ сущности они были спра-

ведливы. Карлъ, имѣя въ своихъ рукахъ войско, безъ сомнѣнія, не сталъ бы долѣе терпѣть господство Пима; едва ли бы даже онъ оставилъ въ своемъ совѣтѣ Гайда и Фоклэнда. Для Англіи настало теперь время, когда она положительно нуждалась въ надежномъ и хорошемъ правительствѣ. Надѣяться, что такое управленіе получитъ она отъ Карла— представлялось отнынѣ немыслимымъ. Онъ стоялъ одиноко, въ сторонѣ отъ желаній и стремленій народа, чуждый партіи умѣренныхъ столько-же, сколько и самымъ упорнымъ противникамъ своимъ. Всѣ сознавали непреложную необходимость избавиться отъ Карла и замѣнить его или какимъ-нибудь однимъ лицомъ, или нѣсколькими.

Было бы однако не въ порядкѣ вещей, еслибы даже тѣ, которые тверже всѣхъ остальныхъ рѣшились не останавливаться на этомъ пути, сразу поставили себѣ ту отдаленную цѣль, къ которой они, помимо своего вѣдома, несомнѣнно стремились. На первыхъ порахъ съ нихъ было достаточно обнародовать перечень промаховъ и проступковъ Карла для того, чтобы всѣ увидѣли, почему уничтожилась возможность довѣрять ему на будущее время. Вслѣдствіе этого появилась такъ называемая „генеральная ремонстрація“ (Grand Remonstrance). Это было подробное изложеніе дѣйствій Карла съ самаго начала его царствованія,— изложеніе, конечно, преувеличенное и невѣрное во многихъ подробностяхъ, но тѣмъ не менѣе представлявшее исторію предшествовавшихъ годовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она напечатлѣлась въ умахъ строгихъ пуританъ. Совершенно естественнымъ выводомъ изъ этого было. что король, такъ дурно правившій до сихъ поръ, не могъ вовсе оставаться во главѣ правленія на будущее время. Но въ парламентѣ находилось еще не мало членовъ, которые были убѣждены, что теперь Карлъ увидѣлъ и созналъ свои прежнія ошибки и станетъ управлять государствомъ лучше, чѣмъ управлялъ до того времени.

Вотированіе „генеральной ремонстраціи“ было, въ строгомъ смыслѣ вотированіемъ недовѣрія къ королю. Пренія по этому вопросу были продолжительныя и бурныя. Съ ранняго утра до вечера не умолкали доводы за и противъ. Стемнѣло, зажгли свѣчи. Казалось, что въ этотъ критическій моментъ исторіи Англіи ни одинъ человѣкъ не смѣлъ оставить невысказанными слова, горѣвшія на его языкѣ. Но вотъ одинъ изъ членовъ предложилъ напечатать „ремонстрацію“, — другими словами, призвать всю націю къ участію въ заявленіи недовѣрія большинства членовъ нижняго парламента. Умѣренные объявили, что они будутъ протестовать противъ этой мѣры. Протестъ былъ дѣломъ безпримѣрнымъ въ нижнемъ парламентѣ. Начался страшный шумъ. Многіе обнажили мечи и стали выразительно махать ими. Для отсрочки дальнѣйшихъ преній понадобилась вся власть Гемпдена.

Пять дней спустя, король вернулся въ Лондонъ. Огромное меньшинство въ нижнемъ парламентѣ было затерто массою восторженныхъ приверженцевъ Карла въ Сити. Его торжественно встрѣтили въ Гильдгаллѣ. и народъ привѣтствовалъ государя радостными криками; стоило ему только обѣщать, что онъ покажетъ себя достойнымъ довѣрія—и вотированіе недовѣрія осталось бы безъ послѣдствій.

Но это условіе было самое затруднительное. Карлъ сдержалъ себя на столько, что выслушалъ „ремонстрацію“. Но никакихъ обѣщаній измѣнить въ будущемъ свой образъ дѣйствій онъ не далъ, и, судя по сло-

вамъ, вырывавшимся у него отъ времени до времени, слѣдовало заключить, что въ немъ не было ни малѣйшаго желанія перейти въ состояніе подчиненности. 14-го декабря 1641 г. нижній парламентъ постановилъ напечатать „ремонстрацію", а въ слѣдъ за этимъ былъ полученъ отвѣтъ короля, заключавшій въ себѣ презрительный отзывъ о тѣхъ церковныхъ реформахъ, которыя наиболѣе принимало къ сердцу пуританское большинство.

Считалъ ли Карлъ общественное мнѣніе фальшивымъ или искреннимъ, онъ никогда не сознавалъ необходимости согласоваться съ нимъ. Предполагать, что такой взглядъ измѣнится теперь, не было никакихъ основаній. Король открылъ фактическія доказательства противозаконнаго образа дѣйствій со стороны предводителей оппозиціи. Въ верхнемъ парламентѣ Кимбольтонъ, въ нижнемъ—Пимъ, Гемпденъ, Гезельригъ, Голлисъ и Стродъ вошли во время послѣднихъ смутъ въ сношенія съ шотландцами. Съ легальной точки зрѣнія это было равносильно государственной измѣнѣ, и 3-го января 1642 г. Карлъ послалъ своего генералъ-прокурора предъявить въ верхнемъ парламентѣ обвиненіе противъ этихъ личностей, будучи увѣренъ, что, съ заточеніемъ главныхъ дѣятелей въ тюрьму, всякая оппозиція сдѣлается для такого ничтожнаго меньшинства весьма трудною, если не совсѣмъ невозможною.

До того уже было извѣстно, что система дѣйствій Карла никогда не отличалась раціональностью и осторожностью. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. За однимъ промахомъ послѣдовалъ другой, гораздо болѣе значительный. Получивъ отъ нижняго парламента уклончивый отвѣтъ на требованіе немедленнаго арестованія вышеупомянутыхъ членовъ, король рѣшился сдѣлать это собственною властью на слѣдующій же день. Но когда настало это слѣдующее утро, королевѣ было довольно трудно заставить своего мужа исполнить принятое рѣшеніе: „Полно колебаться, трусъ!—говорила она,—ступай сейчасъ и выведи этихъ негодяевъ за уши!" Убѣжденный ею, король въ сопровожденіи пятисотъ вооруженныхъ стражей отправился въ нижній парламентъ. Оставивъ свою свиту за дверьми залы, онъ быстро направился къ президентскому креслу и оттуда объявилъ собранію, что пришелъ арестовать измѣнниковъ. По тогдашнимъ законамъ, привилегіи, которыми пользовались члены парламента, не освобождали ихъ отъ тюремнаго заточенія въ случаяхъ государственной измѣны. Карлъ обводилъ взорами присутствовавшихъ, но не находилъ ни одного изъ пятерыхъ преступниковъ. Тогда онъ подозвалъ къ себѣ спикера, Ленталя, и спросилъ его, куда дѣвались эти люди. Ленталь преклонилъ передъ государемъ колѣни со всѣми наружными признаками благоговѣнія и сказалъ: „Простите, ваше величество, но здѣсь я не имѣю права ни видѣть своими глазами, ни говорить своимъ языкомъ, а обязанъ дѣйствовать такъ, какъ укажетъ мнѣ парламентъ".—„Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ Карлъ,—это все равно; у меня глаза не хуже, чѣмъ у другихъ". Но послѣ новыхъ поисковъ онъ убѣдился, что пришелъ напрасно,—и тогда обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Я вижу, что мои птицы улетѣли, и потому надѣюсь, что вы доставите мнѣ ихъ, какъ только онѣ вернутся сюда; иначе я буду принужденъ найти ихъ безъ вашего содѣйствія". И онъ вышелъ изъ залы, но на пути къ дверямъ со всѣхъ сторонъ раздавались ему въ слѣдъ крики: „Привилегіи! Привилегіи!"

Карлъ былъ, безъ сомнѣнія, убѣжденъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ не выходилъ изъ предѣловъ своихъ правъ. По его мнѣнію, эти пятеро не только были уличены въ измѣнѣ, но и фактически доказали свое стремленіе нарушить конституцію, поставивъ нижній парламентъ выше королевской власти. Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на вопросѣ о законности такого образа дѣйствій. Достаточно будетъ сказать, что долговременное правленіе Карла, совершенно независимо отъ парламента, создало необходимость, чтобы и парламентъ управлялъ нѣкоторое время безъ всякаго участія съ его стороны. Теперь сдѣлалось очевидно, что Пимъ смотрѣлъ на Карла правильнѣе, чѣмъ Фоклэндъ, когда доказывалъ, что онъ не перестанетъ подчиняться новому порядку вещей только до тѣхъ поръ, пока будетъ принужденъ поступать такимъ образомъ.

Попытка короля войти въ парламентъ съ вооруженною силою произвела на народъ глубокое впечатлѣніе. Обвиненные члены были предупреждены во время и нашли убѣжище въ Сити. Весь парламентъ послѣдовалъ за ними туда и въ Гильдгаллѣ ежедневно происходили засѣданія его въ составѣ комитета. Жители Сити, еще за нѣсколько недѣль до того такъ восторженно относившіеся къ Карлу, теперь плотно сомкнулись вокругъ парламента. Каждый, способный носить оружіе, приготовился защищать права и привилегіи этого учрежденія. 10-го января король уступилъ. Онъ выѣхалъ изъ Уайтгалля,—съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться до того злополучнаго дня, въ который его привезли туда арестованнымъ. Парламентъ съ торжествомъ вернулся въ Вестминстеръ.

Теперь борьба за господство могла принять простую и понятную форму. Если Англія не имѣла постояннаго войска, то въ ней существовала милиція, составленная изъ гражданъ, которые были обучены военной службѣ на столько, что могли защищать свои дома. До сихъ поръ право назначать офицеровъ принадлежало королю; теперь его потребовалъ для себя парламентъ. Споры по этому вопросу велись нѣсколько мѣсяцевъ обѣими сторонами съ одинаковымъ искусствомъ и энергіею. Но сущность преній заключалась не въ этомъ, а въ вопросѣ—кому править Англіею. Ни та, ни другая сторона не могла уступить иначе, какъ совершенно отрекшись отъ всего, что она считала правымъ и законнымъ.

XXVI. НАЧАЛО МЕЖДОУСОБНОЙ ВОЙНЫ И ПОЯВЛЕНІЕ ИНДЕПЕНДЕНТОВЪ.

(Изъ „Исторіи Англіи“ Маколея, т. I).

Въ августѣ 1642 года мечъ былъ наконецъ обнаженъ, и вскорѣ почти въ каждомъ ширѣ королевства двѣ враждебныя партіи явились съ оружіемъ другъ противъ друга. Не легко сказать, которая изъ боровшихся партій была вначалѣ наиболѣе грозною. Палаты располагали Лондономъ и графствами вокругъ Лондона, флотомъ, всѣми судами на Темзѣ и большею частью обширныхъ городовъ и приморскихъ портовъ. Онѣ имѣли въ своемъ распоряженіи почти всѣ военные припасы королевства и были въ состояніи взимать пошлины, какъ съ товаровъ, привозимыхъ изъ чужихъ

краевъ, такъ и съ нѣкоторыхъ важныхъ произведенiй внутренней промышленности. Король былъ дурно снабженъ артиллерiею и боевыми снарядами. Подати, которыя онъ налагалъ на сельскiе округи, занятые его войсками, по всей вѣроятности, доставляли сумму гораздо меньше той, какую парламентъ получалъ съ одного города Лондона. Дѣйствительно, по части денежной помощи, онъ полагался главнымъ образомъ на щедрость своихъ богатыхъ приверженцевъ. Многiе изъ нихъ отдавали въ залогъ свои земли, закладывали свои драгоцѣнности и переплавляли свои золотыя блюда и крестильницы, съ цѣлью помочь ему. Но опытъ вполнѣ доказалъ, что добровольная щедрость отдѣльныхъ лицъ, даже во времена величайшаго энтузiазма, составляетъ скудный финансовый источникъ въ сравненiи съ строгимъ и методическимъ податнымъ сборомъ, одинаково гнетущимъ и желающихъ, и нежелающихъ.

Карлъ, впрочемъ, имѣлъ одно преимущество, которое, воспользуйся онъ имъ какъ слѣдуетъ, съ избыткомъ вознаградило бы за недостатокъ припасовъ и денегъ и которое, несмотря на его дурныя распоряженiя, давало ему, въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, перевѣсъ въ войнѣ. Его войска сражались вначалѣ гораздо лучше парламентскихъ. Обѣ армiи, правда, почти вполнѣ состояли изъ людей, никогда не видавшихъ поля сраженiя. Тѣмъ не менѣе, разница была велика. Ряды парламентской армiи были наполнены наемниками, которыхъ завербоваться побуждали нужда и праздность. Гемпдена полкъ считался однимъ изъ лучшихъ; но даже и Гемпдена полкъ, по отзыву Кромвелля, былъ просто сборищемъ половыхъ и лакеевъ безъ мѣстъ. Королевская армiя, напротивъ, состояла большею частью изъ джентльменовъ отважныхъ, пылкихъ, привыкшихъ считать безчестiе болѣе страшнымъ, чѣмъ смерть, привыкшихъ къ фехтованiю, къ употребленiю огнестрѣльнаго оружiя, къ смѣлой верховой ѣздѣ и къ мужественной и опасной забавѣ, удачно названной подобiемъ войны. Такiе джентльмены, красовавшiеся на своихъ любимыхъ коняхъ и командовавшiе небольшими отрядами, состоявшими изъ ихъ младшихъ братьевъ, конюховъ, лѣсничихъ и ловчихъ, способны были, съ перваго же дня по выступленiи въ походъ, съ честью исполнить свою роль въ какой нибудь-схваткѣ. Стойкости, безпрекословнаго повиновенiя, механической точности движенiй, характеризующихъ регулярнаго солдата, эти храбрые волонтеры никогда не достигали. Но вначалѣ они имѣли дѣло съ врагами, такъ же мало дисциплинированными, какъ и они, и гораздо менѣе ихъ дѣятельными, сильными и отважными. Нѣкоторое время, поэтому, кавалеры одерживали верхъ почти въ каждой стычкѣ.

Палаты были несчастливы и въ выборѣ генерала. Санъ и богатство графа Эссекса дѣлали его однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ парламентской партiи. Онъ съ честью носилъ оружiе на материкѣ и въ началѣ войны пользовался высокою военною репутацiею, не менѣе кого-либо другого въ Англiи. Но скоро оказалось, что онъ не годился для поста главнокомандующаго. У него было мало энергiи и вовсе не было самобытности. И офицеры, занимавшiе главныя должности подъ начальствомъ Эссекса, также не были способны исполнить то, чего недоставало въ немъ. За это, въ сущности, палаты едва ли подлежатъ порицанiю. Въ странѣ, которая, на памяти старѣйшаго изъ жившихъ тогда лицъ, не вела сухопутной войны въ большихъ размѣрахъ, нельзя было найти генераловъ испытанной способности и доблести. Необходимо было, поэтому,

на первыхъ порахъ довѣриться неиспытаннымъ людямъ, и предпочтеніе естественно было отдано людямъ, отличавшимся либо положеніемъ, либо способностями, обнаруженными въ парламентѣ. Но едва ли не въ одномъ только случаѣ былъ выборъ удачнымъ. Ни вельможи, ни ораторы не оказались хорошими солдатами. Графъ Стамфордъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ Англіи, былъ разбитъ роялистами при Страттонѣ. Натаніель Финнзъ, не уступавшій никому изъ своихъ современниковъ въ талантахъ къ гражданскимъ дѣламъ, обезславилъ себя малодушною сдачею Бристоля. Дѣйствительно, изъ всѣхъ государственныхъ людей, принявшихъ въ это время высшія военныя должности, одинъ Гемпденъ перенесъ въ лагерь способность и силу духа, которыя прославили его въ политикѣ.

Въ теченіе перваго года войны перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ роялистовъ. Они были побѣдителями какъ въ западныхъ, такъ и въ сѣверныхъ графствахъ. Они отняли у парламента Бристоль, второй городъ въ королевствѣ. Они выиграли нѣсколько сраженій и не потерпѣли ни одного серьезнаго или постыднаго пораженія. Между круглоголовыми неудача начала производить раздоръ и недовольство. То заговоры, то мятежи держали парламентъ въ тревогѣ. Признано было необходимымъ укрѣпить Лондонъ противъ королевской арміи и повѣсить нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ гражданъ у собственныхъ дверей ихъ. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ пэровъ, дотолѣ остававшіеся въ Вестминстерѣ, бѣжали ко двору въ Оксфордъ, и, нѣтъ сомнѣнія, еслибы дѣйствіями кавалеровъ въ это время управлялъ проницательный и могучій умъ, Карлъ скоро съ тріумфомъ вступилъ бы въ Вайтгалль.

Но король пропустилъ благопріятную минуту, и она уже никогда не возвращалась. Въ августѣ 1643 года началъ онъ осаду города Глостера. Этотъ городъ былъ защищаемъ жителями и гарнизономъ съ такою рѣшительностью, какая, съ самаго начала войны, ни разу не обнаруживалась приверженцами парламента. Соревнованіе Лондона было возбуждено. Милиція Сити вызвалась идти всюду, гдѣ могла быть потребность въ ея услугахъ. Большое войско было поспѣшно собрано и двинулось къ западу. Осада Глостера была снята. Роялисты во всѣхъ частяхъ королевства пришли въ уныніе; духъ парламентской партіи ожилъ, и отступники-лорды, незадолго передъ тѣмъ бѣжавшіе изъ Вестминстера въ Оксфордъ, поспѣшили назадъ изъ Оксфорда въ Вестминстеръ.

И вотъ новый и тревожный родъ симптомовъ началъ обнаруживаться въ разстроенномъ политическомъ тѣлѣ. Въ парламентской партіи, съ самаго начала, было нѣсколько людей, стремившихся къ цѣлямъ, отъ которыхъ большинство этой партіи отступило бы съ ужасомъ. Эти люди были въ религіи индепендентами. Они полагали, что всякая христіанская община имѣла, подъ началомъ Христа, верховную юрисдикцію въ дѣлахъ духовныхъ; что апелляціи въ провинціальные и національные синоды были противны Писанію почти не менѣе, чѣмъ апелляціи въ судъ архіепископа кентерберійскаго или въ Ватиканъ, и что папство, прелатство и пресвитеріанство были просто тремя видами одного великаго отступничества. Въ политикѣ индепенденты были, по выраженію тогдашняго времени, коренными реформаторами или, по тождественному выраженію нашего времени, радикалами. Не довольствуясь ограниченіемъ власти монарха, они желали воздвигнуть республику на развалинахъ древней

англійской конституціи. Вначалѣ они были незначительны, какъ по числу, такъ и по вѣсу; но прежде, чѣмъ прошло два года войны, они сдѣлались, правда, не обширнѣйшею, но могущественнѣйшею факціею въ государствѣ. Нѣкоторые изъ старыхъ парламентскихъ вождей были похищены смертью; другіе лишились общественнаго довѣрія. Пимъ былъ похороненъ съ королевскими почестями, между Плантагенетами. Гемпденъ палъ. Бедфордъ измѣнилъ дѣлу. Эссексъ и его офицеры оказали мало энергіи и способности въ веденіи военныхъ операцій. При такихъ-то обстоятельствахъ индепендентская партія, горячая, рѣшительная и неуступчивая, начала поднимать голову какъ въ лагерѣ, такъ и въ палатѣ общинъ.

Душею этой партіи былъ Оливеръ Кромвелль.

XXV. ОЛИВЕРЪ КРОМВЕЛЛЬ.

(Изъ соч. Паули: „Оливеръ Кромвелль". „Новый Плутархъ" въ русск. переводѣ. Изд. Бакста).

Въ знаменитомъ долгомъ парламентѣ было три пятыхъ членовъ прежняго парламента, и изъ дворянства и городскихъ сословій снова выбраны были всѣ тѣ, которые отличались стойкимъ сопротивленіемъ нарушенію древняго права страны со стороны короны и духовенства и протестантскимъ настроеніемъ. Очень значительное большинство принадлежало демократическому направленію. Конечно, въ то время аристократы отличались отъ демократовъ или, какъ выражались тогда, кавалеры отъ круглоголовыхъ и по виду, и по мѣсту происхожденія совершенно иначе, чѣмъ теперь. Въ самыхъ высшихъ кругахъ, въ числѣ пэровъ, находились защитники народныхъ правъ и свободы совѣсти. Привилегированные классы также находились въ раздорѣ между собою. Вѣрное королю рыцарство находилось больше на сѣверо-востокѣ, гдѣ нынѣ въ промышленныхъ центрахъ коренится радикализмъ, между тѣмъ какъ въ то время къ югу отъ поперечнаго разрѣза, сдѣланнаго съ сѣверо-востока на юго-западъ, группировались около парламентски-настроенной денежной силы Лондона графства, болѣе преданныя конституціи. Но среди давно испытанныхъ людей партіи и отдѣльныхъ фанатиковъ явились теперь въ залѣ засѣданій св. Стефана и такіе люди, которые скоро получили необыкновенное значеніе.

Между ними былъ также сорокалѣтній мужчина, котораго внѣ его графства знали только весьма мало. Утонченный дворянинъ, серъ Филиппъ Варвикъ, членъ палаты, описываетъ его въ своихъ мемуарахъ слѣдующимъ образомъ: „Утромъ я пришелъ отлично одѣтый въ палату и увидѣлъ, что здѣсь говоритъ одинъ господинъ, одѣтый въ очень обыкновенное платье. Повидимому оно сдѣлано было дурнымъ деревенскимъ портнымъ. Его бѣлье было грубо и не очень чисто. Мнѣ даже помнится, что я замѣтилъ нѣсколько кровяныхъ пятенъ на галстухѣ, который былъ немного больше воротничка. На шляпѣ у него не было ленты. Но онъ былъ человѣкъ видный, и шпага плотно прилегала къ его боку. Съ здоровымъ краснымъ лицомъ, говорилъ онъ рѣзкимъ, немелодическимъ голосомъ, но съ большимъ жаромъ... Я сознаюсь, что мое уваженіе къ ве-

ликому собранію нѣсколько поколебалось, когда я увидѣлъ, какъ внимательно слушаетъ оно этого господина. Это былъ Оливеръ Кромвелль".

Родъ Кромвелля не имѣетъ никакого отношенія къ лордамъ того же имени, которые въ XIV и XV столѣтіяхъ были сдѣланы пэрами. Но зато доказано его родство съ явившимся изъ неизвѣстности при Вольсеѣ и, по его паденіи, ставшимъ при Генрихѣ VIII сильнымъ министромъ, Томасомъ Кромвеллемъ, графомъ эссекскимъ, „молотомъ монаховъ", который, какъ генеральный викарій государя, имѣвшаго супрематію надъ церковью, разбилъ на куски монастырскія земли и сдѣлалъ много другихъ преобразованій, пока самъ не палъ жертвою капризовъ деспота. Его племянникъ, сэръ Ричардъ Вильямсъ, прямо называемый валлійцемъ, значитъ землякомъ Тюдоровъ, сохранилъ однако доставшіяся ему отъ ограбленія церквей имѣнія Гинчинбрукъ и Рамзай въ графствѣ Гунтингдонъ и изъ благодарности къ виновнику своего богатства принялъ фамилію Кромвелля, такъ что этотъ родъ, подобно Росселямъ, Сеймурамъ, Цецилямъ и другимъ богато одареннымъ монастырскими имуществами, нужно причислить къ джентри, созданнымъ Тюдорами. Сэръ Генри, сынъ Ричарда, названный золотымъ рыцаремъ, и его сынъ Оливеръ жили въ своемъ богатомъ водою и лугами помѣстьѣ, въ Гинчинбрукѣ, но вслѣдствіе роскошной жизни и большаго числа дѣтей, они не могли сохранить нераздѣльнымъ большаго помѣстья, подобно другимъ родамъ, одного съ ними положенія. Потомки ихъ не вышли въ пэры, подобно потомкамъ послѣднихъ. Уже Робертъ, братъ Оливера, переѣхалъ на жительство въ городъ Гунтингдонъ, откуда онъ управлялъ хозяйствомъ въ своемъ помѣстьѣ и гдѣ онъ, подобно другимъ землевладѣльцамъ, съ выгодою занимался пивовареніемъ, ремесломъ, которое служило предметомъ насмѣшекъ со стороны слѣпыхъ клеветниковъ его сына. Замѣчательно, что благочестивая и домовитая жена Роберта, Елизавета Стюартъ, считала свой родъ въ родствѣ съ шотландскими королями и была внучкой послѣдняго пріора Эли, который, какъ англиканскій деканъ каѳедрала, вступилъ въ бракъ.

Единственный сынъ ихъ, достигшій зрѣлыхъ лѣтъ, пятый изъ десяти другихъ дѣтей, родился въ Гунтингдонѣ 25-го апрѣля 1599 года, когда еще царствовала королева Елизавета. Принятый при крещеніи своимъ дядею Оливеромъ, мальчикъ названъ былъ этимъ именемъ. Находясь на верху своей власти, онъ впослѣдствіи имѣлъ полное право напомнить въ своей рѣчи, сказанной въ парламентѣ въ 1654 году: „по рожденію я былъ джентльменъ, и если не пользовался особенною извѣстностью, то я не оставался въ темной неизвѣстности". Его ближайшими родственниками были Джонъ Гемпденъ, землевладѣлецъ, жившій въ своемъ наслѣдственномъ помѣстьѣ, въ Букингемширѣ, и также принадлежавшіе къ джентри Сенъ-Джонсы. Будучи четырехъ лѣтъ отъ роду, онъ видѣлъ, какъ, при перемѣнѣ династіи, король Іаковъ, проѣздомъ съ сѣвера, остановился въ апрѣлѣ 1603 г. и провелъ два дня въ гостяхъ у дяди Кромвелля въ Гинчинбрукѣ и пожаловалъ послѣдняго, такъ же, какъ и дядю съ матерней стороны, орденомъ. Первые лживые хроникеры украсили своими выдумками это первое событіе въ жизни Оливера. Они разсказываютъ, будто обезьяна, находившаяся при дворѣ, утащила этого выродка на верхушку дерева въ паркѣ и только къ сожалѣнію не уронила его оттуда; будто бы этотъ неотесанный деревенскій мальчишка затѣялъ драку съ

маленькимъ принцомъ Карломъ и до крови разбилъ ему носъ; будто у постели ребенка являлась какая-то исполинская фигура и предсказала ему, что онъ впослѣдствіи сдѣлается королемъ. Но ни этими, ни другими подобными глупостями не удалось уничтожить память о томъ, что его семейство принадлежало къ очень почтенному землевладѣльческому дворянству.

Родители, преданные библейскому направленію, отдали сына въ школу къ достойному пуританскому духовному Бирду въ Гунтингдонѣ. Строгое ученіе Кальвина особенно сильно распространялось въ восточныхъ графствахъ. Однако онъ, какъ прилично было его положенію, поступилъ въ университетъ. 23-го апрѣля 1616 г., въ тотъ самый день, въ который умеръ Шекспиръ въ Стратфордѣ-на-Авонѣ, его имя появилось въ матрикулахъ Сидней-Суссекской коллегіи въ Кембриджѣ, въ которую поступали дѣти знатныхъ фамилій графства. Что касается миѳовъ о дурныхъ поступкахъ, о лѣности и порочности во время школьной жизни, то они не согласуются съ фактами. Кромвелль впослѣдствіи могъ объясняться полатыни съ иностранными посланниками, напр. съ шведскимъ. Впрочемъ, Кромвелль не имѣлъ времени заняться науками, потому что уже въ іюнѣ 1617 года умеръ его отецъ, и ему нужно было помогать по хозяйству матери и сестрамъ. Это однако не помѣшало ему отправиться въ Лондонъ и тамъ, въ конторѣ адвоката, пріобрѣсть необходимыя юридическія познанія не для того, чтобы посвятить себя адвокатской карьерѣ, а чтобы приготовиться къ юридической общинной дѣятельности въ своемъ графствѣ по своему положенію землевладѣльца. Противъ обвиненія, будто бы онъ въ это время предавался игрѣ и другимъ столичнымъ порокамъ, говоритъ уже то, что онъ 21 года, въ августѣ 1620 года, вступилъ въ невозмутимо счастливый бракъ съ Елизаветою Бурчеръ, дочерью дворянина, преданною той же благочестивой вѣрѣ. Отцовское наслѣдство вовсе не было расточено, такъ что онъ уже женатый могъ содержать при себѣ мать и сестеръ.

Изъ послѣдующихъ лѣтъ едва ли извѣстно объ немъ что-нибудь больше того, что у него родилось нѣсколько дѣтей и онъ часто страдалъ сильной ипохондріей. Какъ патріотъ и христіанинъ, въ то время, ставшее еще болѣе мрачнымъ съ переходомъ скипетра отъ Іакова къ Карлу, онъ долго боролся съ собою изъ-за мрачнаго ученія о благодатномъ избраніи, пока не сдѣлалась его непоколебимымъ убѣжденіемъ мысль, внушенная ему его собственною жизнью, имѣвшею особенное сродство съ нею, что въ мірѣ господствуетъ грѣхъ и потому вѣрующіе обязаны бороться противъ него. То, что пуритане и другіе враждовавшіе съ авторитетомъ государства сектаторы, что въ то время, какъ и теперь, тысячи борющихся съ собою и съ міромъ христіанскихъ душъ называютъ своимъ пробужденіемъ и возрожденіемъ, совершилось также и въ немъ. Такимъ образомъ у него бывали мучительные порывы сокрушенія и глубочайшаго унынія, отъ которыхъ всего менѣе бываютъ свободны именно сильныя души, какъ Кромвелль или Лютеръ; но нужно остерегаться—неясныя и спутанныя выраженія этихъ порывовъ объяснять просто, какъ фразы секты, какъ физическія конвульсіи, или какъ лицемѣріе. Библейскій ветхозавѣтный складъ рѣчи вполнѣ соотвѣтствовалъ натурѣ, въ которой не было ничего искусственнаго, а все было серьезною дѣйствительностью и которая, соединивши въ себѣ все, что волновало многія

тысячи сердецъ, сильнѣе и сильнѣе начинала чувствовать несвободу, внѣшность и фривольность государственной церкви. Много времени спустя послѣ того, какъ Кромвелль примирился съ собою, въ октябрѣ 1638 г., онъ писалъ своей родственницѣ Сентъ-Джонъ: „вы знаете, какъ я жилъ прежде. Ахъ, я былъ главою, главою грѣшниковъ! Дѣйствительно, я ненавидѣлъ страхъ Божій, однакоже Богъ былъ милостивъ ко мнѣ". Это мѣсто находится въ письмѣ, переполненномъ библейскими оборотами, но показывающемъ человѣка, который уже освободился отъ всякихъ стѣсняющихъ сомнѣній. Кто хочетъ выводить изъ этого заключеніе о развратной жизни въ молодыхъ лѣтахъ, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о процессахъ душевной жизни. Но, кромѣ того, Мильтонъ прямо свидѣтельствуетъ, что Кромвелль во время долголѣтней жизни въ скромной тиши болѣе всего отличался чистотою своихъ нравовъ.

Вслѣдствіе этого онъ и пришелъ въ рѣзкое столкновеніе съ политикою Карла I. Въ мартѣ 1628 г. граждане его роднаго города избрали его въ третій сильно оппозиціонный парламентъ, вскорѣ послѣ того, какъ запутавшійся въ долгахъ дядя долженъ былъ продать свой родовой Гинчинбрукъ членамъ фамиліи Монтегю. Такимъ образомъ онъ въ Вестминстерѣ подавалъ голосъ за „прошеніе о правахъ", эту жалобу на склонныя къ католичеству стремленія клира и на покровительство, оказываемое дворомъ іезуитамъ, а 11 февраля 1629 г. говорилъ свою первую рѣчь въ религіозной коммиссіи. Уже давно ведшій борьбу съ неподвижно ортодоксальнымъ приходскимъ духовенствомъ съ цѣлью распространенія въ общинахъ и вездѣ христіанскаго чтенія Библіи, онъ однажды воскликнулъ: „если таковы въ церкви ступени для полученія мѣстъ и повышеній, то чего мы можемъ ожидать впослѣдствіи?" Для показаній противъ одного изъ злѣйшихъ епископовъ онъ предлагалъ пригласить въ качествѣ свидѣтеля благочестиваго Бирда, но этому помѣшало закрытіе парламента, послѣдовавшее 2 марта 1629 г. послѣ бурныхъ событій въ нижней палатѣ.

Возвратившись къ своимъ землякамъ, онъ не оставался въ неизвѣстности въ теченіи одиннадцатилѣтняго террористическаго правленія. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ своимъ достойнымъ учителемъ, въ качествѣ мироваго судьи, онъ велъ борьбу за нарушаемыя правительствомъ привилегіи общиннаго самоуправленія. Даже послѣ того, какъ онъ весною 1631 г. продалъ часть своего имущества въ городѣ и взялъ въ аренду значительный луговой участокъ близъ Сентъ-Ивеса, на разстояніи часа пути отъ Узы, онъ не переставалъ дѣйствовать въ пользу цѣлей оппозиціи, изъ Вестминстера перешедшей въ каждый округъ, въ каждое графство. Чтобы лучше распоряжаться своими землями, увеличившимися вслѣдствіе аренды и наслѣдства отъ дяди по матери, онъ окончательно переселился въ ближайшій епископскій городъ Эли и тотчасъ же вмѣшался въ другой споръ, который вызвало во все вмѣшивавшееся правительство. Уже давно стало жизненнымъ вопросомъ для страны регулированіе рѣки Узы, систематическое осушеніе богатыхъ лугами болотъ, которыя тянулись въ пяти графствахъ къ сѣверу до морскаго берега. Землевладѣльцы, и въ томъ числѣ имѣвшій много земли графскій домъ Бедфордовъ, дѣлали съ своей стороны всевозможныя, хотя малоуспѣшныя усилія, но съ 1637 г. въ это дѣло самовластно вмѣшалось правительство и начало безцеремонно распоряжаться дѣйствіями ассоціаціи мѣстныхъ богачей съ маленькимъ великимъ человѣкомъ, пользовавшейся дурною репута-

ціею и въ другихъ отношеніяхъ. Кромвелль первый мужественно возсталъ на защиту частнаго права. Онъ вовсе не былъ противъ осушенія столь невыгодныхъ болотистыхъ пространствъ, но онъ не могъ стерпѣть произвола государства относительно ассоціаціи, ведшей свои собственныя дѣла.

Когда такимъ образомъ насиліе, шедшее сверху въ государствѣ и церкви, въ народномъ хозяйствѣ и общинномъ управленіи, дошло до высшей степени, а, съ другой стороны, нестерпимый духъ пуританства враждебно выступилъ какъ противъ всего другаго, такъ и противъ болѣе утонченнаго и возвышеннаго умственнаго направленія, связаннаго съ англиканской монархіей, тогда могли почувствовать скорбь даже сильныя души. Но чтобы Кромвелль, Пимъ и Гемпденъ, послѣ того какъ разразилась буря въ Шотландіи и королевская казна была быстро истощена, въ досадѣ на всѣ бывшія доселѣ мученія, серьезно думали о переселеніи въ Новую Англію,—это на дѣлѣ мало вѣроятно. Напротивъ, первый заключилъ недавно новый арендный контрактъ на 21 годъ. Онъ засѣдалъ въ короткомъ парламентѣ въ апрѣлѣ 1640 г., куда былъ избранъ вѣроятно вслѣдствіе своихъ заслугъ по дѣлу осушенія болотъ отъ города Кембриджа, какъ представитель оппозиціи вмѣстѣ съ однимъ роялистомъ, котораго послалъ университетъ. Но они скоро должны были возвратиться домой, потому что король, принужденный крайностью уступить, потомъ еще разъ предпочелъ достать себѣ средства для борьбы другими способами. Но 3-го ноября Оливеръ Кромвелль съ большинствомъ своихъ единомышленниковъ снова явился въ Вестминстерѣ.

Король требовалъ денегъ и войска, чтобы прогнать шотландцевъ изъ страны. Большинство же, въ религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ согласное съ тѣми большею частью знаменитыми людьми, которые расположили къ себѣ народъ тѣмъ, что боролись и страдали за свои убѣжденія, скорѣе готово было помогать шотландцамъ. А тѣмъ временемъ графъ Страффордъ вербовалъ себѣ войско изъ ирландцевъ, чтобы впослѣдствіи послать этихъ разбойниковъ, если придется, и противъ шотландцевъ, и противъ парламента. Однако обстоятельство неблагопріятствовало ни ему, ни Лоуду. Съ первыхъ же дней самыя горячія петиціи противъ епископской церкви встрѣтились съ требованіями шотландскихъ мирныхъ коммиссаровъ, ставившими на первый планъ религіозное единство обѣихъ странъ. Въ то время, какъ члены палаты занимались слѣдствіемъ по поводу насилій, которымъ подвергались они сами и ихъ друзья, Джонъ Пимъ съ своимъ горячимъ рвеніемъ успѣлъ не только сдѣлать шотландское дѣло дѣломъ парламента, но и представить на разсмотрѣніе коммиссіи палаты отношеніе къ Ирландіи. Немедленно Страффордъ и архіепископъ Лоудъ были заключены въ Тоуэръ, между тѣмъ какъ два другихъ ихъ помощника успѣли заблаговременно убѣжать за море. Вмѣстѣ съ главными опорами пала и вся система. Надъ извращеннымъ Стюартами духовнымъ и свѣтскимъ правленіемъ и надъ продажностью судебной власти разразилась страшная Немезида. За преніями по поводу большой, покрытой 150,000 подписей, петиціи противъ епископальной церкви послѣдовалъ процессъ Страффорда, геройски встрѣтившаго смерть и позорно оставленнаго королемъ, который льстилъ себя надеждою, что онъ можетъ обходиться впослѣдствіи съ болѣе ничтожными и податливыми орудіями. Въ преніяхъ, происходившихъ въ теченіи этихъ мѣся-

цевъ, Кромвелль не выдавался, какъ ораторъ, подобно Пиму и другимъ. Въ это-то время, когда онъ представлялъ жалобу по поводу Джона Лильборна, высѣченнаго за преступленіе по печати, онъ и обратилъ на себя вниманіе элегантнаго сера Филиппа Варвика.

Между тѣмъ Карлъ, соглашаясь временно взять себѣ оппозиціонныхъ совѣтниковъ и потомъ опять продолжая комплотъ съ знатными офицерами, увѣрялъ настоящій парламентъ, что онъ не распустить его безъ его согласія. Во время парламентскихъ вакацій, когда онъ лѣтомъ отправился на сѣверъ, чтобы вести переговоры съ шотландцами, въ Ирландіи 23 октября 1641 г., въ день св. Игнатія, ирландцы и католики англичане бросились убивать протестантскихъ поселенцевъ на востокѣ и сѣверѣ. Лично король былъ неповиненъ въ этой національной кровавой мести, но его благорасположеніе очень много значило, какъ вездѣ, такъ и для тамошнихъ католиковъ, которые могли бы согласиться на неограниченную королевскую власть, но никогда не согласились бы на парламентски-пуританскій образъ правленія. Это была попытка противодѣйствія противъ совмѣстной дѣятельности Шотландіи и Англіи, которыя сообща хотѣли положить границы господствовавшему доселѣ произволу. Но на Великобританію это событіе произвело противоположное дѣйствіе: великая ремонстрація (remonstrance) въ видѣ непосредственнаго обращенія къ народу, перечислявшая въ 206 статьяхъ всѣ сдѣланныя въ теченіи 15 лѣтъ насилія гражданской и религіозной свободѣ, была принята 22 ноября, хотя только незначительнымъ большинствомъ,—и парламентъ высказался такимъ образомъ противъ епископовъ и за ограниченіе королевскаго права назначенія. Вмѣстѣ съ Звѣздною палатою пала и Верховная коммиссія, высшій насильственный институтъ церкви. Прелаты, еще прежде, чѣмъ самовластная резолюція парламента исключила ихъ изъ верхней палаты, не могли уже ходить въ нее, боясь яростной толпы. Круглоголовые начали драться съ кавалерами. У короля стали оспаривать принадлежавшее до сихъ поръ исключительно только коронѣ право созывать милицію, древній ландверъ, единственное согласное съ конституціею войско, между тѣмъ какъ парламентъ, т. е. большинство нижней палаты, собирался присвоить себѣ эту королевскую прерогативу, съ тѣмъ, чтобы пользоваться ею, конечно, отъ имени короля, но на средства и для цѣлей страны. Такимъ образомъ—съ одной стороны—стоялъ самостоятельный король, поддерживаемый связанными своею присягою на вѣрность вассалами, а съ другой стороны—оппозиція, обнимавшая можетъ быть двѣ трети населенія, которая однако желала стоять за короля въ парламентѣ. Вслѣдствіе этого вспыхнулъ пожаръ, котораго уже нельзя было потушить.

Именно въ это время Кромвелль, во время лѣтнихъ вакацій, тоже уѣзжавшій къ своимъ въ Эли, снова возвратился въ парламентъ. Онъ внесъ предложеніе, чтобы главнокомандующій войсками назначаемъ былъ не королемъ, но парламентомъ, и требовалъ, чтобы лордъ Бристоль былъ удаленъ изъ королевскаго совѣта. Этимъ онъ побудилъ монарха къ роковому, но имѣвшему рѣшительное вліяніе дѣйствію 4 января 1642 г. Карлъ лично, во главѣ своихъ вооруженныхъ саблями и ружьями кавалеровъ, явился въ залу св. Стефана, чтобы захватить пятерыхъ членовъ палаты, которые главнымъ образомъ поддерживали эту радикальную реформу военнаго управленія. Нарушивши такимъ образомъ неприкосно-

венность парламента, король встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны Лондона, и черезъ нѣсколько времени отправился на сѣверъ, чтобы снова увидѣть свою столицу только во время шествія на смерть. Въ это время обѣ стороны собирались уже взяться за острое оружіе, вмѣсто острыхъ, рѣзкихъ словъ.

Когда началась междоусобная война, то Кромвелль, который гораздо больше былъ человѣкъ дѣла, чѣмъ слова, вступилъ на дорогу, соотвѣтствовавшую его способностямъ. Подобно другимъ депутатамъ, онъ поспѣшилъ на родину, чтобы королевскій приказъ относительно милиціи и военныхъ складовъ не былъ приведенъ въ исполненіе раньше такого же парламентскаго приказа. Подобно своему родственнику Гемпдену, пожертвовавшему 1,000 фунтовъ, онъ пожертвовалъ 500 фунтовъ для усмиренія папистскихъ бунтовщиковъ въ Ирландіи. Онъ устроилъ отправку оружія въ городъ Кембриджъ, занялъ магазинъ при тамошнемъ замкѣ и наложилъ запрещеніе на серебро, которое нѣкоторыя коллегіи университета, подобно коллегіямъ Оксфорда, хотѣли отправить къ королю. Съ своими зятьями, Вальтономъ и Десборо, членами за Гунтингдонъ, онъ немедленно принялся за организацію отрядовъ для службы парламенту. Въ спискахъ арміи отъ 14 сентября подъ начальствомъ графа Эссекскаго, лорда-генерала королевскаго и парламентскаго, мы видимъ капитаномъ 67 эскадрона Оливера Кромвелля, который также помѣстилъ и своего старшаго сына того же имени въ 8 эскадронъ графа Бедфордскаго.

Подобное же рвеніе обнаруживалось во многихъ графствахъ и округахъ, въ приходахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ, однако не въ томъ направленіи, какъ здѣсь. Въ другихъ мѣстахъ преобладала вѣрность къ королю не только въ аристократическихъ кругахъ. Во многихъ мѣстахъ его приказъ имѣлъ перевѣсъ надъ парламентскимъ, такъ что Карлъ, очень обрадованный, водрузилъ свой большой штандартъ на ноттингемскомъ дворцѣ, какъ бы показывая тѣмъ, что во время войны законный сборный пунктъ находится только около него. 23 октября обѣ стороны въ первый разъ помѣрялись силами при Эджгиллѣ. При всей готовности народа къ пожертвованіямъ, въ которомъ участвовали и нѣкоторые аристократическіе дома, парламентское войско, состоявшее преимущественно изъ городской милиціи подъ начальствомъ графа Эссекскаго, вовсе не бывшаго стратегомъ, не имѣло ни одного рѣшительнаго успѣха и ему удавалось только безпрепятственно отступать, какъ это было въ сентябрѣ, при Ньюбюри. Роялисты взяли Бристоль. Даже самый Лондонъ, на предмѣстья котораго нѣсколько разъ нападали ихъ конные отряды, былъ бы потерянъ, еслибы Карлъ не потерялъ времени на безполезную осаду Глочестера. Кавалеры, отличавшіеся если не дисциплиной, то храбростью и пламеннымъ одушевленіемъ къ дѣлу ихъ короля, съ мужествомъ и надеждою шли на борьбу. Храбрая королева доставляла съ континента оружіе, аммуницію и другіе военные припасы. Племянники короля, въ особенности Рупертъ Пфальцскій, дикая, рѣзкая рыцарская натура, принесли съ собою нѣкоторую военную опытность, пріобрѣтенную въ нѣмецкихъ войнахъ. Извѣстно, что въ то время, когда страна была наполнена шумомъ оружія на сѣверѣ, западѣ и югѣ, при отсутствіи однако правильной войны, все еще явно высказывалось и желаніе мира. Нѣсколько разъ начинались переговоры, но исчезла всякая надежда примирить принципы, защищаемые обѣими сторонами, королевскія прерогативы

и парламентскія привилегіи. Въ военныхъ лагеряхъ въ Вестминстерѣ и Оксфордѣ уже обнаружились раздоры. Все зависѣло отъ того, кто дольше вынесетъ напряженіе всѣхъ силъ, кто въ состояніи будетъ возмѣщать ихъ. Тогда, побуждаемые неоспоримыми выгодами, оказавшимися на сторонѣ короля, генеральное собраніе Шотландіи и вестминстерскій парламентъ вошли въ соглашеніе между собою. По уничтоженіи епископства югъ принималъ пресвитеріанскую церковную реформу, а сѣверъ за это и за соотвѣтствующее вознагражденіе предлагалъ свои войска. Въ Вестминстерѣ 25 сентября 1643 г. былъ торжественно прочитанъ и подписанъ великій оборонительный и наступательный союзъ для защиты религіозной свободы и гражданскихъ правъ, а также и для истребленія идолопоклонства, Solemn League and Covenant. Джонъ Пимъ, не обладавшій особенными умственными дарованіями, но имѣвшій натуру государственнаго человѣка, и служители Слова мечтали соединить оба государства подъ церковно-политической системой съ государемъ во главѣ, сильно ограниченнымъ въ своихъ правахъ. Но много ли все это помогло защитѣ парламентской Англіи, возложенной на графа Эссекскаго?

Только одной своеобразной мѣстности на востокѣ, именно—богатой водою низменности между устьями Темзы и Гумбера, мало коснулись эти военныя движенія, преимущественно благодаря энергической дѣятельности, посредствомъ которой членъ за Кембриджъ съумѣлъ превратить ассоціацію для осушенія болотъ пяти графствъ въ сильное политическое общество и сдержать всѣ мѣстные враждебные элементы. При началѣ войны мѣстное дворянство и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, скорѣе чувствовало расположеніе къ королю, чѣмъ къ парламенту, но большинство свободнаго и осѣдлаго населенія, мелкіе землевладѣльцы, были настроены иначе. Это были люди, которые не только занимались своими лугами, откармливаніемъ скота и собираніемъ денегъ, но въ своей простой библейской вѣрѣ составляли себѣ собственныя понятія о томъ, что уже издавна занимало всѣ умы. Здѣсь пустилъ широкіе корни прогрессивный сепаратизмъ и шелъ прямо своею дорогою, которая съ самаго начала не всегда совпадала ни съ шотландскимъ церковнымъ управленіемъ, ни съ парламентскою монархіею. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они съ полнымъ довѣріемъ взирали на Кромвелля, который уже давно составилъ себѣ твердыя понятія объ этихъ вещахъ. Подобно тому, какъ прежде онъ собиралъ необходимыя суммы, приготовлялъ для войны пѣшіе и конные отряды и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не укрѣпилъ города Кембриджа, какъ центра сопротивленія, и не досталъ гарнизона, такъ и теперь, произведенный въ полковники съ весны 1643 г., онъ не только предупреждалъ всякое вторженіе кавалеровъ, но и сдерживалъ въ здравыхъ границахъ мѣстное джентри, то убѣжденіемъ, то силою. Иныя дворянскія усадьбы онъ по временамъ подвергалъ и осмотру. Еще живъ былъ старикъ, его дядя, принимавшій его при крещеніи, глава ихъ фамиліи, и оставался, какъ и нельзя было иначе ожидать, вѣрнымъ королю. Однажды Кромвелль явился къ нему въ домъ, засвидѣтельствовалъ свое почтеніе, попросилъ его благословенія, но вмѣстѣ захватилъ съ собою все оказавшееся на лицо серебро и оружіе. Серъ Джонъ Вентвортъ и многіе другіе дворяне въ мартѣ 1643 г. собрались въ Ловестофтѣ, на побережьѣ Суффолька, чтобы образовать здѣсь роялистскій сборный пунктъ, укрѣпили это мѣсто и даже поставили нѣсколько пу-

шекъ. Но полковникъ съ нѣсколькими кавалеристами и волонтерами Норвича и Ярмута напалъ на нихъ неожиданно и возвратилъ этимъ господамъ свободу только за большой выкупъ.

Эта безпощадная энергія, которую впослѣдствіи парламентъ долженъ былъ утвердить и одобрить, почти совершенно обезпечила отъ ужасовъ междоусобной войны область между Узою и берегомъ, къ которой впослѣдствіи присоединились Гунтингдонъ и Линкольнъ, такъ что здѣсь не могли нейтрализоваться, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, двѣ одинаково сильныя факціи. Въ числѣ дворянъ, находившихся въ спискахъ семи соединившихся графствъ, мы встрѣчаемъ только трехъ лордовъ, 30 баронетовъ и 42 рыцаря, которые едва ли всѣ добровольно согласились участвовать въ дѣлѣ или взяться за оружіе, но все-таки по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовали строгому порядку, возвысившемуся надъ ними. Парламентскія войска чувствовали себя довольно сильными, чтобы двинуться дальше и прогнать войска лорда Кемдена изъ Кроуланда въ Линнъ и Петерборо и наконецъ въ Линкольнширъ, гдѣ стояли пришедшія съ сѣвера войска маркиза Ньюкестльскаго. 13 мая Кромвелль съ 12 отрядами храбро напалъ при Грантамѣ на превосходную массу конницы и драгуновъ и немедленно разбилъ ихъ съ Божіею помощью, какъ говорилось въ его извѣщеніи, въ первый разъ напечатанномъ въ газетахъ. Но онъ все-таки требовалъ немедленныхъ подкрѣпленій, потому что теперь очень важно было дѣйствовать въ связи съ серомъ Томасомъ Ферфаксомъ, который сражался за парламентъ въ Іоркширѣ противъ маркиза Ньюкестльскаго. Послѣ того, какъ полковникъ въ іюлѣ взялъ Стамфордъ и Бурлейфъ-Гоузъ, нужно было освободить сильно стѣсненный Генсборо и отбросить непріятеля за Трентъ. Послѣ нѣсколькихъ искусныхъ движеній, онъ приказалъ 28 іюля своему эскадрону, всегда сплоченному и готовому къ битвѣ, напасть на непріятелей, которые послѣ рукопашнаго боя на сабляхъ и пистолетахъ и были разсѣяны. „Это великое свидѣтельство милости Божіей“, писалъ онъ начальству восточнаго союза... „Пусть не слабѣетъ ваше усердіе... Если вы будете имѣть успѣхъ, то найдете его въ нѣдрахъ вашей ассоціаціи. Намъ не нужно бояться ничего, кромѣ нашихъ собственныхъ грѣховъ и лѣности“. Это дѣло, въ которомъ палъ лордъ Кавендишъ, родственникъ лорда Ньюкестля, конечно, не спасло Генсборо, потому что въ это время въ этой мѣстности, какъ почти вездѣ, королевское дѣло пріобрѣтало силу. Тѣмъ усерднѣе старался Кромвелль, назначенный губернаторомъ острова Эли, почти недоступной болотной страны, о приведеніи въ дѣйствіе по окончаніи полевыхъ работъ совершенно новой системы набора. Замѣчательно, что здѣсь начальство было ввѣрено прежнему противнику, но приверженцу парламента, лорду Мендевиллю, теперь графу Манчестеру. Но изъ четырехъ командировъ конницы ни у одного не было столь хорошо вооруженнаго войска, какъ у полковника Кромвелля.

Ничего не можетъ быть удивительнѣе того генія, съ какимъ этотъ человѣкъ 44 лѣтъ усвоилъ себѣ военное ремесло, бывшее до сихъ поръ для него совершенно чуждымъ. Онъ и его люди должны были изучать кавалерійскую службу отъ самыхъ простыхъ пріемовъ до боевыхъ построеній, причемъ учителями были старые голландскіе солдаты. Немногія строгія статьи воинскаго устава, на которыхъ основывалась успѣшная организація, были вызваны самою необходимостью. Ничей другой глазъ

не умѣлъ такъ вѣрно выбирать офицеровъ и солдатъ. Онъ самъ сказалъ однажды: „Выбирайте въ офицеры людей богобоязненныхъ и честныхъ, тогда къ нимъ будутъ поступать тоже честные люди и будутъ прилежно учиться у нихъ военному дѣлу“. Такимъ образомъ онъ придавалъ значеніе не количеству, но хорошему качеству, согласію и однородности, при которыхъ войско при первомъ же натискѣ разбиваетъ гораздо сильнѣйшаго противника. „Я бы лучше желалъ имѣть простаго капитана въ грубой фланелевой курткѣ, который знаетъ, за что онъ сражается и всею душею преданъ этому, чѣмъ такого, котораго вы называете джентльменомъ“. Кромвелль составлялъ свои эскадроны главнымъ образомъ изъ тѣхъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ, зажиточныхъ арендаторовъ и ихъ сыновей, которые въ этой части страны болѣе чѣмъ гдѣ-либо стояли на собственныхъ ногахъ, изъ закаленныхъ молодыхъ людей, почти сросшихся съ своими лошадьми и проникнутыхъ религіознымъ духомъ пламеннаго сектаторства. Эти люди, при затруднительности уплаты правительственнаго жалованья, могли до нѣкоторой степени сами содержать себя и лошадей. Военная дисциплина соединялась у нихъ съ объединяющею дисциплиною ихъ вѣры. Такимъ образомъ чувство долга, внушавшее не только чистить лошадь, держать въ исправности оружіе, но и побѣждать во имя Божіе, скоро рѣшительно сравнялось съ принципомъ рыцарской чести, который до сихъ поръ составлялъ неоспоримое превосходство кавалеровъ подъ начальствомъ Руперта.

Неудивительно поэтому, что Кромвелль неблагопріятно отзывался о томъ войскѣ, которое набралъ графъ Манчестерскій. Это были люди ненадежные и непослушные, не смотря на то, что еженедѣльно получали жалованье. „Мои напротивъ растутъ“, писалъ онъ отъ 11 сентября своему родственнику Сентъ-Джону. „Я имѣю великолѣпный эскадронъ. Еслибы вы узнали его, то тоже оцѣнили бы его. Это не перекрещенцы, но честные, трезвые христіане. Но они ожидаютъ, что съ ними будутъ обращаться, какъ съ людьми“. Такимъ образомъ уже теперь обнаружился контрастъ между его и остальнымъ войскомъ, такъ какъ между его солдатами не было ни сварливыхъ людей, ни пьяницъ, ни воровъ, но страхъ Божій замѣнялъ у нихъ чувство чести и долженъ былъ служить душею самой строгой дисциплины, хотя этотъ контрастъ, вмѣсто похвалы, возбуждалъ насмѣшки.

Даже добрые друзья его все еще считали его безцѣльнымъ мечтателемъ, пока наконецъ онъ не разрѣшилъ загадки силою религіозно-политическаго фанатизма, который стоялъ выше всякихъ разсчетовъ и соображеній, и съ пѣніемъ псалмовъ во имя Всевышняго бросался на врага. Съ справедливою гордостью онъ могъ впослѣдствіи указывать на это: „Слѣдствіемъ было то, что я набралъ людей, которые имѣли передъ глазами только страхъ Божій, которые сознательно и по совѣсти дѣлали свое дѣло. Съ этихъ поръ они никогда не были побѣждаемы, но напротивъ, сами постоянно разбивали непріятеля, гдѣ только его ни настигали“. Эскадронъ „благочестивыхъ желѣзныхъ боковъ“ Кромвелля составлялъ поэтому военное братство, которое подчинялось, не смотря на свободу секты, самой строгой дисциплинѣ, цѣлью и средствами котораго были религіозная самостоятельность и соціальное равенство. Здѣсь соединились, чего никогда потомъ не бывало въ военной исторіи, моральный огонь и трезвый разсудокъ. Эти люди были не только заклятыми

противниками роялистскихъ дворянъ, но относились индифферентно даже къ примирительно конституціоннымъ стремленіямъ и положеніямъ парламентаристовъ. Весьма естественно, что эти послѣдніе никогда не могли освободиться отъ чувства безпокойства, при видѣ такой мощи, потому что сокрушающее дѣйствіе кромвеллевскихъ всадниковъ должно было стать магнитомъ для всѣхъ подобныхъ сепаратистскихъ элементовъ страны. То, за что впослѣдствіи Мильтонъ превозносилъ могучаго вождя и его воиновъ, коренилось уже въ этихъ первыхъ началахъ. Такъ какъ онъ имѣлъ въ виду только цѣли войны и заповѣди своей вѣры, „то и привлекалъ со всѣхъ сторонъ честныхъ и храбрыхъ людей въ свой лагерь, какъ лучшую школу не только военныхъ подвиговъ, но и благочестія и добродѣтели".

Но для безпрепятственнаго развитія почти не было и времени. Еще осенью, послѣ того, какъ Ферфаксъ пробился на южную сторону Гумбера, нужно было со всѣми наличными силами напасть на превосходныя числомъ массы маркиза Ньюкестльскаго. Въ тотъ самый день 11 октября, когда послѣдній снялъ осаду Гулля, на его войска при Винсеби напали соединившіеся съ подкрѣпленіями изъ Іорка эскадроны ассоціаціи и менѣе чѣмъ въ полчаса разсѣяли ихъ. Было мгновеніе, когда Кромвелль лежалъ подъ убитою лошадью и серъ Интрамъ Гоптонъ едва не закололъ его. Но въ то время, какъ онъ невредимо сѣлъ на лошадь, его противникъ палъ на мѣстѣ. Такъ какъ Линкольнширъ почти совершенно очищенъ былъ отъ непріятеля, то значитъ вліяніе ассоціаціи подвинулось значительно на сѣверъ. Прежде чѣмъ вступленіе шотландцевъ въ слѣдующемъ году сосредоточило военныя дѣйствія около Іорка, Кромвелль показывался въ различныхъ мѣстахъ. Въ февралѣ 1644 г. во время короткаго пребыванія въ Лондонѣ онъ, бывшій уже теперь генералъ-лейтенантомъ у графа Манчестерскаго, получилъ порученіе отвести отрядъ съ военными припасами на западъ въ Глочестеръ. Въ началѣ марта онъ снова прибылъ въ Кембриджъ съ множествомъ плѣнныхъ. Теперь уже начальники и товарищи стали обращать особенное вниманіе на этого индепендента, который не только бралъ для себя лучшихъ офицеровъ изъ самыхъ крайнихъ членовъ секты, но еще держался того принципа, что государству нѣтъ никакого дѣла до личныхъ мнѣній человѣка, только бы онъ вѣрно служилъ ему.

Но сами событія, казалось, содѣйствовали этимъ крайнимъ тенденціямъ еще прежде, чѣмъ разыгрался первый актъ великой борьбы. Изъ храбрыхъ вождей сопротивленія абсолютистской коронѣ и англиканской церкви Гемпденъ палъ, а Пимъ умеръ и погребенъ былъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Въ то время, какъ графъ Эссекскій и его офицеры изъ высшаго дворянства не блистали ни талантами, ни побѣдами, другіе лорды, до сихъ поръ стоявшіе за права страны, стали смущаться этимъ дѣломъ. А Кромвелль, напротивъ, содѣйствовалъ единственнымъ успѣхамъ этихъ дней, очищенію востока и удержанію Глочестера на западѣ и кромѣ того возвышался отъ одной ступени къ другой, чтобы принять направляющее участіе въ рѣшеніи дѣла, не потому, чтобы онъ самъ того желалъ, но потому, что иначе онъ и не могъ, т. е. вслѣдствіе данныхъ обстоятельствъ.

Когда въ концѣ іюня 1644 г. маркизъ Ньюкестльскій съ остатками своихъ папистскихъ войскъ былъ загнанъ шотландцами подъ началь-

ствомъ лорда Левена, Ферфаксомъ, графомъ Манчестерскимъ и Кромвеллемъ въ городъ Іоркъ, а принцъ Рупертъ съ 20,000 человѣкъ перешелъ изъ Ланкашира Пикскія горы и оказалъ ему поддержку, тогда дѣло дошло до сраженія. Вечеромъ 2 іюля роялисты, послѣ самаго кровопролитнаго боя изъ всей войны, были страшно разбиты при Лонгъ-Марстонъ-Мурѣ недалеко отъ Іорка. Отдавая полную честь шотландцамъ, которые съ удивительнымъ спокойствіемъ поддерживали огонь, и не умаляя безспорныхъ военныхъ заслугъ Ферфакса, мы должны однакожъ признать, что рѣшительный ударъ избранной конницѣ Пфальцграфа былъ нанесенъ лѣвымъ крыломъ, „желѣзными боками“ Кромвелля. Останется навсегда замѣчательнымъ то письмо, въ которомъ онъ недавно потерявшій своего перваго сына, извѣщалъ своего зятя Вальтона о смерти сына, павшаго при Іоркѣ. Могучее впечатлѣніе перевѣшиваетъ слова библейскаго утѣшенія. „Поистинѣ Англія и церковь Божія, писалъ онъ,—обрѣли великую милость въ побѣдѣ, которую даровалъ намъ Господь. Мы ни разу не нападали на врага безъ того, чтобы не опрокинуть его. Лѣвое крыло, которымъ я командовалъ, конница ассоціаціи съ нѣсколькими шотландцами въ арріергардѣ, разбило всю конницу принца. Богъ сдѣлалъ ихъ жатвою для нашихъ мечей. Затѣмъ мы бросились на ихъ пѣшіе полки и все разметали“. Этотъ сильный ударъ совершенно очистилъ весь сѣверъ, но все еще не выбилъ короля изъ сѣдла, потому что спустя два мѣсяца войска парламента потерпѣли пораженіе на далекомъ юго-западѣ, въ Девонширѣ и Корнваллисѣ. 27 октября самъ Карлъ во второмъ сраженіи при Ньюбюри едва успѣлъ спастись отъ своихъ противниковъ, которые призвали къ себѣ на помощь геройскаго бойца ассоціаціи. Затѣмъ послѣдовало тяжелое время, въ теченіи котораго въ Лондонѣ царствовалъ комитетъ двухъ королевствъ и засѣдалъ въ Вестминстерѣ пресвитеріанскій синодъ, а переговоры, начатые съ королемъ, казалось, должны были возстановить согласіе между либеральною и консервативною системами.

Затѣмъ начались волненія въ парламентѣ. Рѣзкія требованія шотландцевъ и повелительный тонъ ихъ проповѣдниковъ, которые думали по своему образцу подчинить и англійское государство призрачному королю, зависѣвшему отъ церковнаго и національнаго собранія, оскорбляли всѣхъ. Сепаратистскія конгрегаціи, которыя потерпѣли пораженіе на соборѣ, но имѣли глубокіе корни въ народѣ и арміи, менѣе всѣхъ были расположены къ тому, чтобы замѣнить уничтоженное епископство еще болѣе мрачною и нетерпимою іерархіею; также мало была имъ по вкусу аристократически-пресвитеріанская государственная форма, поддерживавшая въ постоянномъ лихорадочномъ броженіи страну къ сѣверу отъ Твида. Эта оппозиція предоставила побѣдителю при Марстонъ-Мурѣ руководящее вліяніе, когда онъ въ ноябрѣ снова явился на своемъ мѣстѣ въ парламентѣ. Какъ патріотъ и индепендентъ, онъ не могъ терпѣть, чтобы шотландцы оставались повелителями, а неспособные лорды главнокомандующими. Онъ направилъ нападеніе на послѣднихъ, подставивши ногу своему начальнику, графу Манчестерскому, признанному вождю пресвитеріанъ. Ихъ отношенія, никогда не бывшія дружескими, еще болѣе испортилъ одинъ шотландскій офицеръ, Крауфордъ, который сталъ распускать слухъ, что Кромвелль трусъ. А онъ, въ свою очередь, заявилъ жалобу въ парламентѣ, что графъ Манчестерскій послѣ взятія Іорка не

хотѣлъ энергически продолжать войну, напротивъ, послѣдній разъ, при Ньюбюри, отказался преслѣдовать короля, совершенно разбитаго. Графъ тотчасъ же обвинилъ его въ нарушеніи субординаціи. Высказались также и другіе коварные голоса противъ того, который осмѣлился возлагать отвѣтственность за веденіе войны до сихъ поръ на генераловъ знатнаго происхожденія, не исключая и графа Эссекскаго. Увѣряли, будто онъ говорилъ, что въ Англіи до тѣхъ поръ не будетъ спокойствія, пока не будутъ устранены лорды. Онъ, его храбрые кавалеристы и всѣ благочестивые ревнители должны были послѣ этого или подчиниться такому неудовлетворительному высшему начальству, или для борьбы за собственное существованіе избрать на мѣсто его болѣе способное начальство. Этого же требовало и самосохраненіе, потому что онъ провѣдалъ, что шотландцы и ихъ единомышленники задумываютъ предать его суду, какъ бунтовщика. А онъ, напротивъ, разсчитывалъ на значительное число приверженцевъ въ нижней палатѣ, гдѣ распространялось подобное же неудовольствіе. Тогда-то его изобрѣтательная голова пустила въ ходъ актъ самоотреченія между партіями, по которому ни одинъ членъ парламента не могъ занимать никакой общественной должности, ни въ войскѣ, ни въ гражданскомъ управленіи. Правда, онъ предоставилъ другимъ внести это предложеніе, но и самъ 9 декабря, когда вся палата обратилась въ коммиссію, сказалъ слѣдующее: „Я цѣню тѣхъ военачальниковъ, которые, будучи членами обѣихъ палатъ, командовали войсками. Но, выражая мое личное мнѣніе и не касаясь лично никого, я долженъ высказать убѣжденіе, что если войско не будетъ поставлено на другую ногу и война не будетъ ведена болѣе энергически, то народъ дольше не станетъ выносить ее и скорѣе согласится на безчестный миръ“. Онъ ручался за то, что отозваніе многихъ офицеровъ не разстроитъ войска и въ особенности его войска. Тѣмъ, что онъ придавалъ этой мѣрѣ религіозный оттѣнокъ, смотрѣлъ на нее, какъ на отреченіе отъ всякаго своекорыстія и на обязанность совѣсти, разсердилъ онъ однихъ и расположилъ къ себѣ другихъ. Упорное сопротивленіе лордовъ сломилось передъ нижней палатой, которая приняла полное преобразованіе войска главнымъ образомъ въ индепендентскомъ духѣ. Только офицеры должны были давать присягу ковенанту, а солдаты уже нѣтъ. Между тѣмъ, какъ графъ Эссекскій, Манчестерскій и другіе съ почетомъ удалились, Ферфаксъ, выдававшійся болѣе своею стройною, мужественною личностью, чѣмъ внушительнымъ умомъ, былъ назначенъ лордомъ-генераломъ, съ правомъ самому избирать своихъ офицеровъ. Вслѣдствіе реорганизаціи военныхъ частей, всѣ солдаты размѣщены были по боевымъ полкамъ, названнымъ „новою моделью“. И при этомъ Кромвелль, эта энергическая, вдыхающая жизненную искру сила, опять оказался необходимымъ, такъ что впослѣдствіи его преобразовательная мѣра не была примѣнена только къ нему одному. И здѣсь таки опять имъ не руководило сознательное намѣреніе. Цѣлью было не что иное, какъ окончательное учрежденіе войска, призваніе котораго совпадало съ могучимъ стремленіемъ возбуждающаго духа.

Въ концѣ апрѣля комитетъ обоихъ королевствъ снова послалъ его на западъ, чтобы пресѣчь сообщенія Карла съ его племянникомъ Рупертомъ, стоявшимъ въ Ворчестерѣ. Потомъ, въ то время, когда онъ въ іюнѣ дѣйствовалъ въ Гунтингдонѣ и Кембриджѣ, чтобы еще разъ защитить востокъ отъ короля и принца, которые напали на Лейчестеръ, и со-

брать новыя подкрѣпленія для арміи, подвигавшейся изъ Виндзора въ Оксфордъ, Ферфаксъ и его офицеры просили парламентъ сдѣлать исключеніе изъ акта самоотреченія для того человѣка, въ которомъ всѣ они нуждались. Такимъ образомъ онъ остался генералъ-лейтенантомъ и сдѣлался душею всего дѣла. Послѣ того какъ онъ въ іюнѣ, принятый съ восторгомъ, соединился съ главной квартирой для общихъ операцій противъ короля, этотъ послѣдній въ субботу, 14 мая, самъ сдѣлалъ нападеніе на нихъ при Нэсби, въ сѣверо-западномъ углу Нортамптоншира. Стремительный напоръ Руперта при первомъ нападеніи поколебалъ лѣвое крыло англичанъ. Но въ то время, какъ онъ занимался грабежемъ обоза, Кромвелль на правомъ крылѣ не только разбилъ все, что стояло противъ него, но послѣ трехчасовой битвы бросился на пѣхоту въ центрѣ и наконецъ разсѣялъ и кавалерію. Роялисты потеряли 5,000 человѣкъ, свои орудія, а въ захваченномъ обозѣ побѣдителямъ достался экипажъ Карла съ его портфелемъ. Обнародованіемъ найденной въ немъ корреспонденціи парламентъ нанесъ страшный ударъ королю; она доказала, какъ безчестно давалъ государь свое королевское слово во время предшествовавшихъ переговоровъ и какъ мало можно полагаться на его будущія обѣщанія. Вечеромъ того же дня Кромвелль отправилъ Ленталлю, президенту нижней палаты, краткое донесеніе, къ которому прибавилъ слѣдующія неясныя, но допускавшія извѣстное толкованіе слова: „я желаю, чтобы человѣкъ, который жертвуетъ своею жизнью за свободу своей страны, могъ довѣрчиво положиться на Бога относительно свободы своей совѣсти и на васъ относительно того, за что онъ сражается“. Сила короля ужасно поколебалась, и вслѣдствіе этого побѣдитель при Нэсби уже сдѣлался сильнѣйшимъ человѣкомъ въ странѣ. Его созданіе, войско, не могло обойтись безъ него, и эта одна поддержка должна была доставить депутату за Кембриджъ преобладающее вліяніе и въ Вестминстерѣ.

XXVI. БОРЬБА АРМІИ И ПАРЛАМЕНТА И ГИБЕЛЬ КАРЛА I.

(Изъ „Исторіи Англіи“ Маколея, т. I).

Событія 1644 года вполнѣ доказали превосходство дарованій Кромвелля. На югѣ, гдѣ командовалъ Эссексъ, парламентскія войска претерпѣли рядъ постыдныхъ пораженій; но на сѣверѣ побѣда при Марстонъ-Мурѣ вполнѣ вознаградила за все, что было потеряно въ другихъ мѣстахъ. Эта побѣда нанесла одинаково сильный ударъ какъ роялистамъ, такъ и партіи, дотолѣ господствовавшей въ Вестминстерѣ: очевидно было, что сраженіе, позорно проигранное пресвитеріанами, было вновь выиграно энергіею Кромвелля и непоколебимымъ мужествомъ дисциплинированныхъ имъ воиновъ. Эти событія имѣли слѣдствіемъ „постановленіе о самоотреченіи“ и новое устройство арміи. Подъ благовидными предлогами и со всѣми знаками уваженія, Эссексъ и большинство тѣхъ, которые занимали высокіе посты при немъ, были устранены, и веденіе войны было ввѣрено совершенно инымъ лицамъ. Ферфаксъ, храбрый солдатъ, но человѣкъ ограниченнаго ума и нерѣшительнаго характера, былъ номинальнымъ лордомъ-генераломъ войскъ (Lord General of the forces); дѣйствительнымъ же ихъ главою былъ Кромвелль. Кромвелль поспѣшилъ орга-

низовать всю армію на тѣхъ самыхъ началахъ, на которыхъ организовалъ онъ свой собственный полкъ. Какъ только эта операція совершилась, исходъ войны былъ рѣшенъ.

Кавалерамъ пришлось теперь имѣть дѣло съ природною храбростью, равною ихъ собственной, съ энтузіазмомъ, сильнѣе ихъ собственнаго, и съ дисциплиною, какой имъ совершенно недоставало. Скоро сдѣлалось поговоркою, что солдаты Ферфакса и Кромвелля были людьми иной породы, нежели солдаты Эссекса. При Несби произошла первая великая ошибка между роялистами и преобразованною арміею палатъ. Побѣда круглоголовыхъ была полная и рѣшительная. За нею быстрою чередою послѣдовали другіе тріумфы. Въ нѣсколько мѣсяцевъ авторитетъ парламента былъ совершенно утвержденъ въ цѣломъ королевствѣ. Карлъ бѣжалъ къ шотландцамъ, и—не слишкомъ-то похвальнымъ для ихъ національной чести образомъ—былъ выданъ ими его англійскимъ подданнымъ. Пока исходъ войны былъ еще сомнителенъ, палаты казнили примаса, воспретили, въ предѣлахъ своей власти, употребленіе литургіи и потребовали, чтобы всѣ подписали тотъ знаменитый актъ, который извѣстенъ подъ именемъ „Торжественной Лиги и Ковенанта". По окончаніи борьбы, дѣло нововведенія и отмщенія продолжалось еще съ большимъ жаромъ. Церковное устройство королевства было преобразовано. Большая часть прежняго духовенства была изгнана изъ бенефицій. Пени, часто разорительной величины, были наложены на роялистовъ, уже и безъ того приведенныхъ въ нищету огромными денежными вспоможеніями, доставленными королю. Многія имѣнія были конфискованы. Многіе опальные кавалеры находили нужнымъ покупать непомѣрною цѣною покровительство именитыхъ членовъ побѣдоносной партіи. Обширныя имущества, принадлежавшія коронѣ, епископамъ и капитуламъ, были отобраны въ казну и либо розданы въ даръ, либо назначены къ продажѣ съ публичнаго торга. Вслѣдствіе этихъ грабежей значительная часть англійской земли разомъ поступила въ продажу. Такъ какъ деньги были рѣдки, такъ какъ рынокъ былъ переполненъ, такъ какъ основаніе владѣльческаго права было ненадежно и такъ какъ страхъ, внушаемый могущественными наддатчиками, препятствовалъ свободной конкурренціи, то цѣны часто бывали только номинальныя. Такимъ образомъ, многія древнія и почтенныя фамиліи исчезли, и слѣдъ ихъ утратился; а многіе новые люди быстро достигли богатства. Но, между тѣмъ какъ палаты употребляли такимъ образомъ свою власть, она внезапно ускользнула изъ ихъ рукъ. Онѣ пріобрѣли ее тѣмъ, что вызвали къ бытію силу, которая не могла быть обуздана. Лѣтомъ 1647 года, почти черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ послѣдняя крѣпость кавалеровъ покорилась парламенту, парламентъ принужденъ былъ покориться собственнымъ своимъ солдатамъ. Тринадцать лѣтъ длился періодъ, въ теченіи котораго Англія, подъ разными наименованіями и формами, въ сущности была управляема мечемъ. Никогда, до того или послѣ того, не подчинялась гражданская власть въ Англійскомъ королевствѣ военной диктатурѣ.

Армія, сдѣлавшаяся тогда верховною властью въ государствѣ, весьма отличалась отъ всѣхъ армій, какія съ тѣхъ поръ существовали у насъ. Въ настоящее время жалованье простаго солдата не таково, чтобы могло соблазнить и побудить кого-нибудь, кромѣ низшаго класса англійскихъ

работниковъ, отказаться отъ своего промысла. Преграда, почти непреодолимая, отдѣляетъ теперешняго рядоваго отъ патентнаго офицера. Огромное большинство тѣхъ, которые достигаютъ высокихъ степеней въ службѣ, достигаютъ ихъ покупкою. Отдаленныя владѣнія Англіи такъ многочисленны и обширны, что всякій, кто завербовывается въ регулярную пѣхоту, долженъ разсчитывать провести многіе годы въ изгнаніи и нѣсколько лѣтъ въ климатахъ, неблагопріятныхъ для здоровья и силъ европейскаго племени. Армія Долгаго парламента была набрана для службы внутри государства. Жалованье простаго солдата значительно превышало заработки массы народа; и онъ, если отличался умомъ и храбростью, могъ надѣяться достигнуть высшихъ должностей. Вслѣдствіе этого, ряды арміи были составлены изъ лицъ, по положенію и воспитанію стоявшихъ выше толпы. Эти лица, воздержныя, нравственныя, прилежныя и привыкшія къ размышленію, были побуждены взяться за оружіе не гнетомъ нужды, не любовью къ новизнѣ и своевольству, не хитростями вербующихъ офицеровъ, а религіозною и политическою ревностью, смѣшанною съ желаніемъ отличія и повышенія. Гордость этихъ солдатъ, какъ значится въ ихъ торжественныхъ резолюціяхъ, заключалась въ томъ, что они не были приневолены къ службѣ и завербовывались въ нее собственно не для корысти; что они были не янычары, а свободно рожденные англичане, добровольно подвергавшіе свою жизнь опасности за вольности и религію Англіи, и имѣвшіе право и обязанность блюсти за благосостояніемъ спасенной ими націи. Армія, такимъ образомъ составленная, могла, безъ вреда для самой себя, пользоваться такими вольностями, которыя, будучи предоставлены инымъ войскамъ, подѣйствовали бы разрушительно на всю дисциплину. Вообще, солдаты, которые сформировались бы въ политическіе клубы, выбирали бы депутатовъ и постановляли бы рѣшенія по важнымъ государственнымъ вопросамъ, скоро освободились бы отъ всякаго контроля, перестали бы составлять армію и сдѣлались бы наихудшимъ и самымъ опаснымъ изъ сборищъ. И не безопасно было бы въ наше время терпѣть въ какомъ-нибудь полку религіозныя сходки, на которыхъ капралъ, свѣдущій въ Писаніи, назидалъ бы менѣе даровитаго полковника и увѣщевалъ бы вѣроотступнаго маіора. Но таковы были разумъ, серьезность и самообладаніе воиновъ, дисциплинированныхъ Кромвеллемъ, что въ ихъ лагерѣ политическая и религіозная организація могли существовать, не разрушая организаціи военной. Тѣ самые люди, которые внѣ службы были извѣстны какъ демагоги и полевые проповѣдники, отличались стойкостью, духомъ порядка и безпрекословнымъ повиновеніемъ на стражѣ, на ученьи и на полѣ битвы. Въ войнѣ эта странная армія была неодолима. Упорная храбрость, характеризующая англійскій народъ, посредствомъ системы Кромвелля разомъ, и регулировалась, и возбуждалась. Другіе вожди поддерживали такой же строгій порядокъ. Другіе вожди одушевляли своихъ соратниковъ такою же горячею ревностью. Но въ одномъ лишь его лагерѣ строжайшая дисциплина встрѣчалась рядомъ съ самымъ крайнимъ энтузіазмомъ. Его войска ходили въ бой съ точностью машинъ, пылая въ то же время необузданнѣйшимъ фанатизмомъ крестоносцевъ. Со времени преобразованія арміи до времени ея распущенія, она ни на Британскихъ островахъ, ни на материкѣ никогда не встрѣчала врага, который бы могъ устоять противъ ея натиска. Въ Англіи, Шотландіи, Ир-

ландіи, Фландріи пуританскіе воины, часто окруженные затрудненіями, иногда боровшіеся противъ непріятеля, втрое сильнѣйшаго, не только всегда успѣвали побѣждать, но и всегда успѣвали уничтожать и разбивать въ прахъ всякую противодѣйствовавшую имъ силу. Наконецъ, они дошли до того, что стали считать день битвы днемъ вѣрнаго торжества и ходили противъ самыхъ прославленныхъ батальоновъ Европы съ презрительною увѣренностью. Тюррень былъ потрясенъ взрывомъ суроваго ликованія, съ какимъ его англійскіе союзники шли въ бой, и выразилъ восторгъ истаго солдата, узнавши, что копейщики Кромвелля имѣли обыкновеніе всегда ликовать при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Даже изгнанные кавалеры прониклись чувствомъ національной гордости, увидѣвши, какъ бригада ихъ соотечественниковъ, окруженная врагами и покинутая союзниками, гнала передъ собою стремглавъ бѣжавшую лучшую пѣхоту Испаніи и пробилась въ контръ-эскарпъ, только что передъ тѣмъ объявленный неприступнымъ искуснѣйшими маршалами Франціи. Но главное отличіе арміи Кромвелля отъ прочихъ армій состояло въ строгой нравственности и страхѣ Божіемъ, которыми были проникнуты всѣ ранги. Самые ревностные роялисты сознаются, что въ этомъ странномъ лагерѣ не слышно было клятвъ, не видно было ни пьянства, ни игры, и что въ теченіе долгаго господства арміи собственность мирнаго гражданина и честь женщины считались священными. Если и дѣлались оскорбленія, то оскорбленія эти были совершенно инаго рода, чѣмъ тѣ, въ какихъ обыкновенно бываетъ повинна побѣдоносная армія. Ни одна служанка не могла пожаловаться на грубое волокитство краснокафтанниковъ. Ни одна унція драгоцѣннаго металла не была похищена изъ лавокъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Но пелагіянская проповѣдь, или окно съ изображеніемъ Дѣвы и Младенца возбуждали въ пуританскихъ рядахъ ярость, для укрощенія которой требовались крайнія усилія офицеровъ. Одною изъ главныхъ трудностей Кромвелля было удерживать мушкетеровъ и драгуновъ отъ насильственныхъ нападеній на каѳедры священнослужителей, рѣчи которыхъ, выражаясь языкомъ того времени, были не смачны, и слишкомъ многіе изъ англійскихъ соборовъ до сихъ поръ носятъ слѣды ненависти, съ какою эти суровые умы относились ко всякому знаку папизма.

Держать англійскій народъ въ уздѣ было не легкою задачею даже для этой арміи. Лишь только было почувствовано первое давленіе военной тираніи, нація, не пріученная къ такому порабощенію, тотчасъ же начала яростно противоборствовать. Возстанія вспыхнули даже и въ тѣхъ графствахъ, которыя въ послѣднюю войну были наиболѣе покорны парламенту. Мало того: самъ парламентъ гнушался болѣе своими старинными защитниками, нежели старинными своими врагами, и желалъ, въ ущербъ войскамъ, вступить въ соглашеніе съ Карломъ. Въ то же самое время въ Шотландіи образовалась коалиція между роялистами и огромнымъ числомъ пресвитеріанъ, которые съ ненавистью смотрѣли на ученіе индепендентовъ. Наконецъ гроза разразилась. Въ Норфолькѣ, Суффолькѣ, Эссексѣ, Кентѣ и Валлисѣ произошли возстанія. Флотъ на Темзѣ внезапно поднялъ королевскіе флаги, вышелъ въ море и сталъ грозить южному берегу. Большая шотландская армія перешла границу и вступила въ Ланкаширъ. Можно было основательно подозрѣвать, что большинство, какъ лордовъ, такъ и общинъ, смотрѣло на эти

движенія съ тайною радостью. Но ига арміи нельзя было такимъ образомъ свергнуть. Пока Ферфаксъ подавлялъ возстанія въ окрестностяхъ столицы, Оливеръ разбилъ валлійскихъ инсургентовъ и, превративъ ихъ замки въ развалины, пошелъ противъ шотландцевъ. Его войска, въ сравненіи съ шотландскими, были малочисленны; но онъ не имѣлъ привычки считать своихъ непріятелей. Шотландская армія была совершенно уничтожена. Въ шотландскомъ правленіи послѣдовала перемѣна. Въ Эдинбургѣ была образована администрація, враждебная королю, и Кромвелль, болѣе чѣмъ когда-либо любимецъ своихъ солдатъ, съ торжествомъ возвратился въ Лондонъ. И вотъ намѣреніе, на которое, въ началѣ междоусобной войны, никто не осмѣлился бы намекнуть, и которое было такъ же несовмѣстно съ Торжественною Лигою и Ковенантомъ, какъ и съ древними англійскими законами, начало принимать опредѣленную форму. Суровые воины, управлявшіе націею, уже нѣсколько мѣсяцевъ помышляли о страшной мести плѣнному королю. Когда и какъ возникъ этотъ помыселъ; перешелъ ли онъ отъ генерала къ рядовымъ, или отъ рядовыхъ къ генералу; надлежитъ ли приписать его политикѣ, употребившей фанатизмъ орудіемъ, или фанатизму, осилившему политику неудержимымъ стремленіемъ: это такіе вопросы, на которые, даже въ настоящее время, нельзя отвѣчать съ полною увѣренностью. Но по всему кажется вѣроятнымъ, что тотъ, кто казался коноводомъ въ дѣйствительности, самъ принужденъ былъ слѣдовать за другими, и что какъ въ этомъ, такъ и въ другомъ важномъ случаѣ, нѣсколькими годами позже, онъ пожертвовалъ собственнымъ своимъ мнѣніемъ и собственными своими склонностями желаніямъ арміи. Власть, вызванная имъ къ бытію, была властью, которую даже и онъ не всегда могъ обуздывать; а потому, чтобы имѣть возможность постоянно повелѣвать, ему необходимо было иногда повиноваться. Онъ всенародно объявилъ, что не онъ былъ зачинщикомъ этого дѣла, что первые шаги были сдѣланы безъ его вѣдома, что онъ не могъ совѣтовать парламенту нанести ударъ, и что онъ подчинилъ свои собственныя чувствованія силѣ обстоятельствъ, которыя казались ему указаніемъ цѣлей Провидѣнія. Эти увѣренія принято было считать доказательствами лицемѣрія, какое обыкновенно вмѣняется ему въ вину. Но даже и тѣ, которые признаютъ его лицемѣромъ, едва ли осмѣлятся назвать его глупцомъ. Они, поэтому, обязаны доказать, что у него была какая-нибудь цѣль, побуждавшая его тайно подстрекать армію къ тому, чего онъ не смѣлъ предложить явно. Нелѣпо было бы предполагать, что тотъ, кого почтенные враги никогда не изображали безпутно-жестокимъ или неумолимо-мстительнымъ, сдѣлалъ важнѣйшій шагъ въ своей жизни подъ вліяніемъ простой злобы. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не знать того, что, соглашаясь пролить эту августѣйшую кровь, онъ совершалъ дѣло, котораго нельзя было ничѣмъ искупить, и которое должно было возбудить скорбь и ужасъ не только роялистовъ, но и девяти-десятыхъ сторонниковъ парламента. Какія бы мечтанія ни обольщали другихъ, онъ, конечно, не грезилъ ни о республикѣ на древній ладъ, ни о тысячелѣтнемъ царствѣ святыхъ. Если онъ уже стремился сдѣлаться основателемъ новой династіи, то Карлъ I, очевидно, былъ менѣе страшнымъ соперникомъ, нежели былъ бы Карлъ II. Въ моментъ смерти Карла I вѣрность каждаго кавалера перешла бы всецѣло къ Карлу II. Карлъ I былъ плѣнникомъ; Карлъ II былъ бы на волѣ. Карлъ I былъ предме-

томъ подозрѣнія и отвращенія для огромной доли тѣхъ, которые еще содрогались при мысли объ умерщвленіи его; Карлъ II возбудилъ бы все участіе, какое подобаетъ угнетенной юности и невинности. Невозможно допустить, чтобы такія очевидныя и важныя соображенія ускользнули отъ вниманія глубочайшаго политика тогдашняго вѣка. Дѣло въ томъ, что Кромвелль одно время намѣревался принять на себя посредничество между престоломъ и парламентомъ и преобразовать потрясенное государство силою меча, подъ санкціей королевскаго имени. Въ этомъ намѣреніи упорствовалъ онъ до тѣхъ поръ, пока строптивый характеръ солдатъ и неисправимая двуличность короля не принудили его отступиться. Партія въ лагерѣ начала требовать головы измѣнника, бывшаго за переговоры съ Агагомъ. Составились заговоры. Рѣчи, грозившія обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, раздавались во всеуслышаніе. Вспыхнулъ мятежъ, и Оливеръ долженъ былъ употребить всю свою силу и рѣшимость, чтобъ потушить его. Благоразумнымъ смѣшеніемъ строгости и милости онъ успѣлъ возстановить порядокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, что было бы въ высшей степени трудно и опасно бороться противъ ярости воиновъ, которые смотрѣли на падшаго тирана, какъ на своего врага и какъ на врага ихъ Бога. Въ то же самое время болѣе чѣмъ когда-либо сдѣлалось очевиднымъ, что на короля нельзя было полагаться. Пороки Карла превзошли всякую мѣру. Дѣйствительно, они были изъ тѣхъ пороковъ, которые въ затруднительныхъ положеніяхъ обыкновенно обнаруживаются въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Хитрость—естественная защита слабаго. Поэтому государь, являющійся постоянно обманщикомъ на высотѣ могущества, едва ли научится искренности среди затрудненій и бѣдствій. Карлъ былъ не только самымъ безсовѣстнымъ, но и самымъ безталантнымъ притворщикомъ. Никогда не было политическаго дѣятеля, уличеннаго неопровержимыми доводами въ такой массѣ лжи и обмана. Онъ всенародно призналъ палаты въ Вестминстерѣ законнымъ парламентомъ и въ то же самое время составилъ секретный протоколъ въ совѣтѣ, объявлявшій это признаніе недѣйствительнымъ. Онъ всенародно отрекся отъ всякой мысли призвать чужеземную помощь противъ своего народа; а втайнѣ искалъ помощи у Франціи, у Даніи и у Лотарингіи. Онъ всенародно объявилъ, что не принималъ въ службу папистовъ и въ то же самое время секретно послалъ своимъ генераламъ приказанія принимать всякаго паписта, который бы пожелалъ служить. Онъ всенародно принялъ причастіе въ Оксфордѣ, какъ бы въ залогъ того, что никогда не будетъ даже потворствовать папизму; а втайнѣ увѣрилъ свою жену, что намѣренъ терпѣть папизмъ въ Англіи, и уполномочилъ лорда Гламоргана обѣщать, что папизмъ будетъ утвержденъ въ Ирландіи. Потомъ онъ попытался выгородить себя на счетъ своего агента. Гламорганъ получилъ собственноручныя королевскія письма съ выговорами, имѣвшими въ виду другихъ читателей, и съ похвалами, которыя одинъ только онъ долженъ былъ видѣть. Дѣйствительно, неискренность до такой степени испортила все существо короля, что самые преданные друзья его не могли удержаться, чтобы не жаловаться другъ другу, съ горькою скорбью и стыдомъ, на его лживую политику. Его пораженія, говорили они, печалили ихъ меньше, чѣмъ его интриги. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ плѣнникомъ, не существовало ни одного отдѣла побѣдоносной партіи, который бы не

былъ предметомъ и его лести, и его козней; но никогда не былъ онъ такъ несчастливъ, какъ въ то время, когда пытался разомъ и поддѣлаться и подкопаться подъ Кромвелля. Кромвелль долженъ былъ рѣшить, слѣдовало ли рисковать привязанностью партіи, привязанностью арміи, собственнымъ величіемъ и даже собственною жизнью, пытаясь, по всей вѣроятности, тщетно—спасти короля, котораго не могло связать никакое обязательство. Послѣ многихъ сомнѣній и колебаній и, вѣроятно, послѣ многихъ молитвъ, рѣшеніе было принято. Карлъ былъ предоставленъ своей судьбѣ. Военные святые рѣшили, что король, вопреки древнимъ законамъ государства и почти общему настроенію націи, долженъ былъ искупить свои преступленія кровью. Онъ нѣкоторое время ожидалъ смерти, подобной смерти его несчастныхъ предшественниковъ, Эдуарда II и Ричарда II. Но ему не угрожала такая измѣна. Люди, державшіе его въ своихъ рукахъ, не были ночными убійцами. То, что они дѣлали, дѣлалось ими съ цѣлью, чтобы оно могло быть зрѣлищемъ для неба и земли, чтобы оно могло храниться въ вѣковѣчной памяти. Они жадно наслаждались самымъ соблазномъ, который причиняли. Древняя конституція и общественное мнѣніе Англіи прямо противились цареубійству; оттого-то и казалось цареубійство особенно привлекательнымъ для партіи, стремившейся произвести совершенную политическую и общественную революцію. Для исполненія этого намѣренія ей необходимо было предварительно разбить въ дребезги всѣ части правительственной машины; и эта необходимость была для нея скорѣе пріятна, нежели тягостна. Общины приняли рѣшеніе, клонившееся къ соглашенію съ королемъ. Солдаты исключили большинство силою. Лорды единодушно отвергли предложеніе о преданіи короля суду. Ихъ палата была немедленно закрыта. Ни одно судебное мѣсто, извѣстное закону, не хотѣло взять на себя обязанности судить источникъ правосудія. Учреждено было революціонное судилище. Это судилище признало Карла тиранномъ, измѣнникомъ, убійцею и общественнымъ врагомъ, и голова короля скатилась съ плечъ передъ тысячами зрителей насупротивъ пиршественной залы собственнаго его дворца. Въ непродолжительное время сдѣлалось очевиднымъ, что тѣ политическіе и религіозные изувѣры, которымъ надлежитъ приписать это дѣло, совершили не только преступленіе, но и ошибку. Они доставили государю, дотолѣ извѣстному въ народѣ преимущественно своими недостатками, случай обнаружить на большой сценѣ, передъ глазами всѣхъ вѣковъ и народовъ, такія качества, которыя неодолимо вызываютъ удивленіе и любовь человѣчества: высокое мужество храбраго джентльмена, терпѣніе и кротость кающагося христіанина; мало того: они такъ проявили свою месть, что тотъ самый человѣкъ, вся жизнь котораго была рядомъ нападеній на вольности Англіи, казался теперь мученикомъ, умиравшимъ въ интересѣ этихъ вольностей. Ни одинъ демагогъ никогда не производилъ такого впечатлѣнія на общественное мнѣніе, какъ этотъ плѣнный король, который, сохраняя въ крайнемъ положеніи все свое королевское достоинство и встрѣчая смерть съ безстрашною храбростью, выразилъ чувства своего угнетеннаго народа, мужественно отказался оправдываться передъ судомъ, неизвѣстнымъ закону, воззвалъ противъ военнаго насилія къ основнымъ началамъ конституціи, спросилъ, по какому праву изъ палаты общинъ были изгнаны достойнѣйшіе члены, а у палаты лордовъ была отнята законодательная власть, и сказалъ своимъ

плакавшимъ слушателямъ, что онъ защищалъ не только свое, но и ихъ дѣло. Его продолжительное дурное управленіе, его безчисленныя вѣроломства были забыты. Память о немъ, въ умахъ огромнаго большинства его подданныхъ, соединилась съ тѣми свободными учрежденіями, которыя онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, силился уничтожить; ибо эти свободныя учрежденія погибли вмѣстѣ съ нимъ и, среди плачевнаго безмолвія общества, подавленнаго оружіемъ, защищались однимъ лишь его голосомъ. Съ этого дня началась реакція въ пользу монархіи и изгнаннаго дома, реакція, не прекращавшаяся до тѣхъ поръ, пока престолъ не былъ возстановленъ во всемъ его древнемъ достоинствѣ. Сначала, однако, убійцы короля, казалось, почерпнули новую энергію въ этомъ кровавомъ жертвоприношеніи, которое тѣсно связало ихъ другъ съ другомъ и навсегда отдѣлило ихъ отъ массы ихъ соотечественниковъ, Англія была объявлена республикою. Палата общинъ, доведенная до ничтожнаго числа членовъ, была номинально верховною властью въ государствѣ. Фактически—армія и ея великій вождь управляли всѣмъ. Оливеръ избралъ свою часть. Онъ удержалъ за собою сердца солдатъ и поссорился почти со всѣми прочими классами согражданъ. За предѣлами его лагерей и крѣпостей у него почти вовсе не было партіи. Тѣ элементы силы, которые, въ началѣ междоусобной войны, явились сгруппированными другъ противъ друга,—всѣ кавалеры, значительное большинство круглоголовыхъ, англиканская церковь, пресвитеріанская церковь, римско-католическая церковь, Англія, Шотландія, Ирландія,—теперь соединились противъ него. Но таковы были его геній и рѣшимость, что онъ смогъ преодолѣть и сокрушить всѣ преграды на своемъ пути, сдѣлаться такимъ неограниченнымъ властелиномъ своей родины, какимъ ни одинъ изъ ея законныхъ королей никогда не былъ, и сдѣлать свою родину болѣе грозною и уважаемою, нежели она была, въ теченіе многихъ поколѣній, подъ управленіемъ своихъ законныхъ королей. Англія уже перестала бороться. Но два другія королевства, которыми правили Стюарты, были враждебны новой республикѣ. Индепендентская партія была равно ненавистна и католикамъ Ирландіи, и пресвитеріанамъ Шотландіи. Обѣ эти страны, незадолго передъ тѣмъ возстававшія противъ Карла I, признали теперь авторитетъ Карла II.

XXVII. Учрежденіе республики, господство арміи и установленіе диктатуры Кромвелля.

(Изъ соч. Гардинера: „The first two Stuarts and the puritan revolution“).

По смерти Карла I было учреждено новое правительство. Англійская республика замѣнила англійское королевство. Государственный совѣтъ, составленный изъ сорока одного главныхъ парламентскихъ судей и военныхъ лицъ, получилъ исполнительную власть. Палата лордовъ перестала существовать. Нижняя палата, въ дѣйствительности рѣдко заключавшая въ себѣ болѣе 50 членовъ, разыгрывала роль парламента. Государственный совѣтъ, составляя въ этомъ собраніи большинство, имѣлъ полную возможность приводить свои собственныя рѣшенія, подъ видомъ парла-

ментскихъ. Въ мирное время такое шуточное обращеніе съ парламентомъ не могло продолжаться долго; однимъ изъ политическихъ идеаловъ арміи была именно нижняя палата, составленная изъ дѣйствительно свободно избранныхъ членовъ. Но время было не мирное, и въ будущемъ предвидѣлось столько борьбы, что руководители арміи теряли всякое желаніе вмѣшиваться въ дѣла управленія. Въ рядахъ войска господствовало сильное волненіе; однако попытка къ открытому возмущенію была подавлена желѣзною рукою Кромвелля.

Кромвелль былъ прежде всего вызванъ въ Ирландію. Со времени рѣзни 1641 г. Ирландія представляла постоянную сцену анархіи и убійствъ. Роялисты заключили теперь союзъ съ туземнымъ католическимъ населеніемъ противъ парламентскаго войска, сосредоточеннаго въ Дублинѣ. Въ случаѣ взятія этого города, они хотѣли учредить независимое правительство, которое намѣрены были признать и англійскіе роялисты. 15-го августа Кромвелль прибылъ въ Дублинъ. 11-го сентября онъ осадилъ Дрогеду. Никому не было пощады: 2,000 человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ, были казнены. Самъ Кромвелль чувствовалъ необходимость извинить эту жестокость хоть чѣмъ-нибудь, хотя подобный образъ дѣйствія былъ обыкновеннымъ явленіемъ во время германской войны и даже въ Англіи было нѣсколько подобныхъ примѣровъ. „Я убѣжденъ", писалъ онъ, „что это совершенно справедливый судъ Божій надъ столь зловредными негодяями, руки которыхъ покрыты кровью многихъ невинныхъ жертвъ. Я убѣжденъ, что это предупредитъ кровопролитіе на будущее время. Только эти соображенія и могутъ оправдать подобный образъ дѣйствія, который, въ противномъ случаѣ, повлекъ бы за собою сожалѣнія и угрызенія совѣсти". Рѣзня въ Дрогедѣ ознаменовала только начало побѣды. Затѣмъ была совершена еще другая въ Уэксфордѣ, но уже не по приказанію генерала. Одинъ городъ сдавался за другимъ. Слѣдующею весною Кромвелль имѣлъ возможность покинуть Ирландію, предоставивъ своимъ преемникамъ окончить начатое имъ дѣло. Завоеваніе продолжалось съ дикою настойчивостью, и когда, наконецъ, въ 1652 г. война была окончена, изъ четырехъ ирландскихъ провинцій три были конфискованы въ пользу завоевателей. Ирландскіе землевладѣльцы, выгнанные изъ своихъ жилищъ, должны были искать убѣжища въ Конавтскихъ пустыняхъ.

Кромвеллю была пора вернуться въ Англію. Всѣ европейскія державы смотрѣли очень косо на юную республику. Одинъ изъ ея посланниковъ былъ убитъ въ Гагѣ, другой въ Мадридѣ при общемъ одобреніи. Монтрозъ, жившій въ изгнаніи, отправился снова на свою родину съ намѣреніемъ отомстить за смерть своего государя. Весною 1650 г. онъ вступилъ на Оркнейскіе острова, затѣмъ переправился въ Кэтнесъ, но не встрѣтилъ желающихъ встать подъ его знамя. Монтроза схватили, повезли въ Эдинбургъ, гдѣ онъ и былъ повѣшенъ, какъ мятежникъ.

Хотя шотландцы и предали Монтроза, но не отказались отъ своего желанія имѣть пресвитеріанскаго короля. Они провозгласили королемъ молодаго принца, котораго назвали Карломъ II, и пригласили его въ Шотландію. Противъ своего желанія присягнулъ онъ Ковенанту и 24-го іюня прибылъ въ Ирландію. Теперь, когда характеръ Карла извѣстенъ, намъ кажется странною мысль сдѣлать его королемъ съ ограниченною властью. Но въ то время это былъ еще мальчикъ, котораго шотландцы думали воспитать по своему желанію. Кромвелль выигралъ немного, каз-

нивъ одного Карла. Явился другой, ограждаемый всею шотландскою націей и частью англійской; послѣдняя была также готова поддерживать его, если только это было возможно, не подвергаясь опасности. Одинъ человѣкъ палъ подъ ударомъ топора; но чувство, дѣлавшее этого человѣка сильнымъ, не было искоренено.

Кромвелль поспѣшилъ въ Шотландію, чтобы подавить волненіе въ самомъ зародышѣ. Ферфаксъ отказался сопровождать его. Онъ говорилъ, что не понимаетъ, почему шотландцы не имѣли права избрать правительство по своему желанію. 22-го іюня армія перешла границу, а 28-го она была передъ Эдинбургомъ. Но шотландская армія стояла въ такой неприступной позиціи, что нападеніе было невозможно. Чтобы спасти войско отъ голодной смерти, Кромвелль долженъ былъ отступить. Онъ медлилъ, насколько могъ, но 31-го августа онъ долженъ былъ отступить къ Дунбару.

Надежды его были почти разрушены. Шотландцы заняли проходъ, черезъ который вела дорога въ Англію. Съ одной стороны его лежало море, съ другой—длинный холмъ, на которомъ расположилась шотландская армія. Спасеніе было трудно, почти невозможно. Но шотландцамъ надоѣло долгое выжиданіе. Утромъ 3-го сентября они начали спускаться съ холма. Тогда Оливеръ быстро рѣшилъ, что дѣлать. Когда враждебная армія достигла подошвы холма, онъ началъ стрѣлять въ нее, привелъ ее въ страшный безпорядокъ, опрокидывая ряды солдатъ. „Да поможетъ Богъ разсѣять Его враговъ", произносилъ при этомъ побѣдитель. Шотландская армія была совершенно уничтожена.

Вскорѣ Кромвелль явился въ Эдинбургъ, гдѣ онъ, то съ презрѣніемъ, то съ ласкою, велъ переговоры съ пресвитеріанскими министрами. Большая часть Шотландіи подчинилась ему. Но оставалась еще одна армія, отказывавшаяся сдаться; впродолженіи зимы и весны она собиралась съ силами.

Въ августѣ шотландскіе предводители рѣшили двинуться въ Англію. Бунтъ въ арьергардѣ Кромвелля сдѣлалъ бы его положеніе въ Шотландіи безнадежнымъ. Упорно двигались шотландцы на югъ, ведя съ собою своего короля и преслѣдуемые Кромвеллемъ.

Но ихъ разсчетъ на помощь оказался невѣрнымъ. Желавшіе присоединиться къ нимъ, оставались въ своихъ домахъ изъ боязни предъ Кромвеллемъ. Почти нигдѣ не встрѣчая открытаго сочувствія, они съ трудомъ достигли Ворчестера. Тутъ Кромвелль нагналъ ихъ. Вся эта несчастная армія была осуждена на казнь, или на плѣнъ.

Кромвелль не былъ вынужденъ рѣшать участь втораго царственнаго плѣнника. Карлъ довѣрилъ свою судьбу одному роялисту и не былъ имъ обманутъ. Впослѣдствіи разсказывали, что онъ скрывался въ вѣтвяхъ дерева въ то время, какъ солдаты его искали внизу. Переодѣтый слугою, доѣхалъ онъ до Бристоля верхомъ съ одною лэди позади себя на сѣдлѣ. Въ Чармоутѣ онъ надѣялся найти судно, которое взялось бы его перевезти во Францію. Но здѣсь это ему не удалось, и только въ Брайтонѣ, тогда еще маленькой рыбачьей деревушкѣ, нашелъ онъ возможность покинуть Англію, не подвергаясь опасности.

„Въ мирное время также возможны побѣды, и не менѣе важныя, чѣмъ во время войны", говорилъ Мильтонъ въ сонетѣ, посвященномъ Кромвеллю. Но мирное время имѣетъ также свои разочарованія, свою

борьбу за дѣло, которое часто погибаетъ потому, что рѣшеніе его преждевременно; за дѣло, которому суждено возобновиться въ другое время, когда знамя его будетъ находиться въ болѣе счастливыхъ, если и не болѣе сильныхъ рукахъ. Кромвелль, старшіе офицеры арміи и болѣе благородные умы, еще оставшіеся въ парламентѣ, стремились единодушно къ осуществленію одного общаго желанія, и именно: къ свободному управленію, согласному съ рѣшеніями избранныхъ представителей; они желали гарантіи свободы мысли и слова, безъ чего парламентское управленіе ничто иное, какъ та же тираннія, только подъ другимъ названіемъ. Но они не имѣли средствъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Всѣ революціонныя силы истощились еще до казни Карла, а теперь, когда его преемникомъ являлся юноша, о которомъ не было извѣстно ничего дурнаго, приливъ роялистовъ сталъ увеличиваться съ каждымъ днемъ. И прежде не къ роялистамъ чувствовала нація непріязнь, но къ незаконности поступковъ короля. Необходимость его сверженія съ престола и предполагаемая необходимость его казни были основаны на соображеніяхъ, которыя были чужды чувству народа. Вообще нація не хлопотала о республикѣ и не стремилась къ свободѣ совѣсти. Насильственное уничтоженіе епископальнаго богослуженія возбудило столько же неудовольствія, какъ и безразсудное возстановленіе Лоудомъ обветшалыхъ формъ. Большинство англичанъ было бы вполнѣ довольно имѣть короля, который относился бы съ уваженіемъ къ желаніямъ парламента и избѣгалъ бы явнаго беззаконія.

Предводители революціи находились почти въ тѣхъ же условіяхъ, какъ Лоудъ въ 1629 г. Они составили себѣ идеалъ, въ которомъ дѣйствительно видѣли благо народа, и надѣялись, что, пріучивъ народъ къ тому, что считали лучшимъ для него, они его постепенно направятъ на истинный путь. Если ихъ попытка и неудача возбуждаютъ больше сочувствія, чѣмъ попытка Лоуда, то это потому, что они стремились къ болѣе высокому идеалу, чѣмъ ихъ предшественникъ. Они потерпѣли неудачу не потому, что ихъ стремленіе было ложно, но потому, что нація еще не была достаточно зрѣла для осуществленія такого идеала.

Разногласіе, постепенно увеличивавшееся между военными и парламентскими предводителями, было естественнымъ послѣдствіемъ того, что они втайнѣ сознавали это обстоятельство, но открыто признать его не хотѣли. Они боялись, что парламентъ будетъ сочувствовать роялизму, и въ такомъ случаѣ не будетъ, конечно, хлопотать ни о свободѣ, ни о пуританизмѣ. Противъ этого зла 50 или 60 человѣкъ, которые сами себѣ дали названіе парламента, нашли свое, совершенно необыкновенное, средство. Они рѣшили избрать новыхъ членовъ, оставивъ свои мѣста за собою. Прежніе члены должны были имѣть право не принимать тѣхъ, кого они сочли бы негодными для службы въ парламентѣ. Такого рода учрежденіе имѣло бы нѣкоторое сходство съ свободнымъ парламентомъ, не будучи имъ въ дѣйствительности.

Весь этотъ планъ былъ ничто иное, какъ плутовство, котораго Кромвелль не терпѣлъ. Кромѣ того, онъ и его солдаты сражались и проливали кровь свою, главнымъ образомъ, за свободу совѣсти, а новый, хотя и на старый ладъ, парламентъ не представлялъ никакой гарантіи для нея. Ничто не могло помѣшать ему уничтожить, по своему благоусмотрѣнію, всѣ прежнія постановленія.

На помощь логикѣ явилось, какъ это часто бываетъ, и оскорбленіе нрав-

ственнаго чувства. Многіе члены парламента вели себя такъ, что лишились уваженія всякаго честнаго человѣка. Надъ внѣшними врагами республика, правда, одержала побѣду. Флотъ, преобразованный Вэномъ, очистилъ воды отъ роялистскихъ каперовъ. Къ соперничеству въ торговлѣ присоединилась еще политическая ненависть къ голландцамъ. Законъ 1651 г. мѣтилъ прямо противъ голландской коммиссіонной торговли, которая процвѣтала только потому, что голландскія суда были лучше построены и долговременный опытъ научилъ этотъ народъ перевозить товары изъ одной страны въ другую болѣе дешевымъ способомъ, чѣмъ это могли сдѣлать купцы другихъ націй. Съ этихъ поръ ввозить въ Англію товары имѣли право только англійскія суда и еще принадлежащія тѣмъ странамъ, откуда происходили привозимые ими товары.

Слѣдствіемъ такого закона была война. Въ январѣ 1652 г. началось каперство голландскихъ судовъ. Смѣлые противники обладали одинаковыми силами. Хотя и не произошло рѣшительныхъ побѣдъ, но въ общемъ перевѣсъ оказался на сторонѣ англичанъ.

Эта война стоила очень дорого. Роялисты должны были отказаться отъ своихъ помѣстій, которыхъ лишали ихъ за симпатіи къ королю. Даже при добросовѣстномъ примѣненіи этой мѣры, обязывавшей одинъ классъ уплачивать издержки всей націи, она должна была скорѣе привести къ несогласіямъ, чѣмъ прекратить ихъ. Но дѣло это велось очень нечестно. Подкупленные члены парламента относились снисходительнѣе къ тѣмъ личностямъ, к торыя могли дать болѣе значительную взятку. Злоупотребленія этой неограниченной власти становились съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Достаточно было быть въ родствѣ съ членомъ парламента, чтобы имѣть свободный доступъ къ общественной службѣ. Законы не соблюдались, и нація съ неудовольствіемъ смотрѣла на своихъ такъ-называемыхъ освободителей, иго которыхъ было настолько же тягостно, какъ и то, которое они недавно только стряхнули.

Кромвелль взялся быть посредникомъ въ этихъ несогласіяхъ. Средствомъ для уничтоженія зла онъ избралъ не продолженіе парламента, чего боялись обѣ партіи, но утвержденіе постановленій, которыя ограничили бы власть свободнаго парламента.

Еще 19-го апрѣля одинъ изъ главныхъ членовъ увѣрялъ его, что парламентъ не намѣренъ принимать никакихъ быстрыхъ рѣшеній. Но уже 20-го утромъ ему доложили, что парламентъ торопится издать свой билль въ отвѣтъ на его заявленія. Онъ немедленно отправился въ палату и выжидалъ тамъ, пока не приступятъ къ рѣшенію главнаго вопроса. Тогда онъ всталъ и сказалъ, что парламентъ дѣйствительно много трудился и заботился объ общественномъ благѣ, но что онъ запятналъ себя „несправедливостью, жадностью“. Когда, при этихъ словахъ, одинъ членъ прервалъ его, онъ, сильно разгорячась, вскричалъ: „Довольно! Я положу конецъ всему этому. Вы не должны оставаться здѣсь долѣе“. Позвавъ своихъ солдатъ, онъ велѣлъ имъ очистить палату, преслѣдуя изгоняемыхъ членовъ упреками. „Къ чему это?“ сказалъ онъ, схватя булаву. „Выбросьте ее?“ Затѣмъ, какъ бы чувствуя угрызенія совѣсти послѣ произведеннаго имъ подвига, онъ старался извинить себя, подобно тому, какъ онъ это дѣлалъ послѣ рѣзни въ Дрогедѣ. „Вы меня вынудили“, говорилъ онъ, „къ такому образу дѣйствія. Я молилъ Бога

день и ночь лучше лишить меня жизни, чѣмъ налагать на меня столь трудное дѣло".

Всѣ политическія учрежденія Англіи были теперь совершенно разрушены. Король, лорды, палаты пали, „потому что", говорилъ Кромвелль, „они употребили во зло довѣріе къ нимъ". Какъ бы то ни было, но приговоръ былъ произнесенъ не націей, но арміей. Предводители ея воображали, что имъ дано свыше право дѣйствовать. Они говорили, что Богъ, „даровавъ имъ побѣду, поручилъ имъ слѣдить за управленіемъ страною и за благомъ Его народа. Она отвѣчаетъ за счастіе народа и поэтому, по совѣсти, не можетъ смотрѣть равнодушно на дѣйствія, идущія въ разрѣзъ съ интересомъ народа, возлюбленнаго Богомъ".

Но какъ же намѣревалась дѣйствовать армія? Желала ли она достигнуть только свободы совѣсти, или еще осуществленія желанія немногихъ въ ущербъ интересамъ большинства? Вѣрно то, что она не хотѣла присвоить себѣ политической власти. Именемъ генерала и совѣта офицеровъ было собрано 140 выборныхъ, прозванныхъ впослѣдствіи въ насмѣшку парламентомъ Бербонскимъ, по имени одного члена. Эти люди были не только фанатики, но отличались еще строгимъ пуританскимъ характеромъ. Въ рѣчи, обращенной Кромвеллемъ къ нимъ, онъ долго останавливался на ихъ преимуществѣ, какъ людей благочестивыхъ. Не для установленія конституціи собрались они теперь. Они должны были управлять Англіею только на основаніяхъ своего благочестія. „Настанетъ время, когда свободный парламентъ замѣнитъ ихъ; когда Богъ дастъ народамъ способность избирать и быть избираемыми". „Я желалъ бы, чтобы всѣ сдѣлались достойны Господа". Еслибы это было возможно, то всѣ затрудненія относительно выборовъ исчезли бы сами собою.

Кромвелль думалъ, что отъ управленія слѣдовало удалить всѣхъ до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются годны для этого; почти къ такой же цѣли стремились Карлъ и Страффордъ. Но онъ долженъ былъ потерпѣть жестокое разочарованіе. Благочестивое собраніе оказалось самымъ причудливымъ и непрактичнымъ изъ всѣхъ, которыя когда-либо существовали. Оно не имѣло понятія о практическихъ дѣлахъ и ни малѣйшаго интереса къ обыденнымъ вопросамъ и неидеальнымъ людямъ, которые, какъ извѣстно, составляютъ большинство общества. Оно предложило уничтожить высшій судъ государственной канцеляріи (Court of Chancery), не замѣнивъ его другимъ, и прекратить платежъ десятины, не позаботившись сначала о другихъ средствахъ для поддержанія духовенства. Въ нѣсколько мѣсяцевъ это собраніе стало такъ же непопулярно, какъ и Долгій парламентъ. Законъ и порядокъ, казалось, будутъ принесены въ жертву горсти мечтателей. Но они пошли еще далѣе: они серьезно объявили, что настало время для царства святыхъ, и что они назначены управлять этими святыми. Всѣ, особенно же духовенство и судьи, возложили теперь свои надежды на Кромвелля, ибо знали, что здравый умъ его прекратитъ эти безумныя мечтанія.

Въ самомъ собраніи партія сопротивленія составляла меньшинство; 12-го декабря 1653 г. меньшинство это, вставъ рано утромъ, явилось въ палату и, прежде чѣмъ противники узнали о его намѣреніи, оно передало свою власть въ руки Кромвелля. Политическія учрежденія націи были уничтожены, но не такъ-то легко было коснуться общественныхъ. Въ позднѣйшее время длинный рядъ злоупотребленій, постоянно раздра-

жавшихъ общество, заставилъ французскую націю произвести переворотъ, который не пощадилъ ни одного временемъ освященнаго принципа, не оставивъ нетронутымъ ни одного постановленія. Столѣтія кроткаго управленія не могли, конечно, возбудить въ Англіи подобное чувство. Большинство собранія указывало, безъ сомнѣнія, на дѣйствительныя злоупотребленія. Но оно, не понимая своего дѣла, хотѣло въ короткое время совершить то, что требовало цѣлыхъ годовъ усидчивыхъ занятій и терпѣливаго изслѣдованія. Оно забывало, что недостаточно одного добраго намѣренія для выполненія его. Выборные снова возвратились къ частной жизни. Нація жалѣла объ этомъ такъ же мало, какъ о распущеніи Долгаго парламента.

XXVII. ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ КРОМВЕЛЛЯ ПРОТЕКТОРОМЪ АНГЛІИ И ПРОИСКИ ВРАЖДЕБНЫХЪ ЕМУ ПАРТІЙ.

(Изъ соч. Гизо: „Исторія англійской революціи“).

Въ понедѣльникъ, 12 декабря 1653 года, члены, преданные Кромвеллю, собрались въ палату ранѣе обыкновеннаго. Ораторъ Францисъ Русъ явился въ числѣ первыхъ, и засѣданіе было открыто тотчасъ же, какъ только число наличныхъ членовъ стало достаточнымъ для этого. Члены изъ партіи реформаторовъ, удивленные этой поспѣшностью, причины которой они не знали, и подозрѣвая здѣсь какое-нибудь тайное намѣреніе, разослали ко всѣмъ своимъ друзьямъ, чтобъ ускорить ихъ прибытіе. Но едва молитвы были окончены, какъ полковникъ Сайденгэмъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Я прошу позволенія высказать предъ вами то, что давно уже тяготитъ мою душу; здѣсь дѣло идетъ не только о благосостояніи республики, но о самомъ ея существованіи“. И распространившись въ грубыхъ нападкахъ на дѣйствія парламента и на большую часть его членовъ, онъ продолжалъ „Низверженіе духовенства, попраніе законовъ и собственности — вотъ ихъ главное желаніе. Законы и права англичанъ, за которые этотъ народъ такъ долго проливалъ кровь, они хотятъ замѣнить кодексомъ, составленнымъ по закону Моисея, годному только для евреевъ. Въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи они не щадятъ самыхъ основъ евангельскаго ученія, называя его вавилонскимъ и изобрѣтеніемъ антихриста. Они враги всякаго умственнаго труда, всякаго знанія. Кромѣ того, по нѣкоторымъ нескромнымъ рѣчамъ можно угадывать ихъ тайное намѣреніе распустить армію. При такихъ обстоятельствахъ, я, Сайденгэмъ, не могу оставаться членомъ въ этомъ собраніи и предлагаю, объявивъ продолженіе засѣданій настоящаго парламента вреднымъ для республики, передать лорду-генералу власть отъ него полученную, для чего и отправиться къ нему полнымъ собраніемъ“. Предложеніе полковника Сайденгэма было тотчасъ поддержано сэромъ Чарльзомъ Уольслеемъ, двоняниномъ изъ графства Оксфордъ, однимъ изъ довѣренныхъ лицъ Кромвелля.

Какъ ни сильно было изумленіе и смущеніе реформаторовъ, но они защищались. Одинъ изъ нихъ обратился къ собранію съ отвѣтомъ на обвиненія полковника Сайденгэма, изъ которыхъ большую часть назы-

валъ клеветой, и перечислялъ полезныя мѣры, принятыя или уже вотированныя парламентомъ; хвалилъ его безкорыстіе, усердное стремленіе къ общественному благу и протестовалъ противъ этого самовольнаго отреченія, выставляя на видъ дурныя послѣдствія его. Другіе члены говорили въ томъ же смыслѣ; нѣкоторые предлагали средства примиренія обѣихъ партій. Пренія продолжались. Число реформаторовъ болѣе и болѣе увеличивалось членами, за которыми были разосланы гонцы при началѣ засѣданія; исходъ преній становился сомнительнымъ. Ораторъ Русъ быстро поднялся съ кресла и прекратилъ засѣданіе. Онъ вышелъ изъ залы и передъ нимъ вынесенъ былъ лежавшій на столѣ жезлъ. Около сорока человѣкъ послѣдовало за ораторомъ и всѣ направились въ Уайтгалль; тридцать или тридцать пять членовъ остались въ палатѣ, проникнутые чувствомъ негодованія и смущенія. Число ихъ было недостаточно для продолженія засѣданія; только двадцать семь изъ нихъ, въ томъ числѣ и Гаррисонъ, не оставили засѣданія и приступили къ молитвамъ. Вдругъ вошли два офицера, полковникъ Гофъ и майоръ Уайтъ, и предложили имъ удалиться: „Мы не уйдемъ, пока насъ не принудятъ къ тому силою". Уайтъ позвалъ отрядъ солдатъ; зала была очищена, и къ дверямъ поставлены часовые.

Между тѣмъ ораторъ и сопровождавшіе его члены прибыли въ Уайтгалль. Войдя въ комнату, они сперва составили, въ немногихъ строкахъ, актъ отреченія, которымъ передавали власть Кромвеллю, подписали его и потомъ просили позволенія видѣть лорда-генерала. Кромвелль, казалось, былъ чрезвычайно изумленъ; онъ сказалъ, что никакъ не ожидалъ этого случая; что онъ не приготовленъ и неспособенъ принять на себя тяжкую обязанность правленія. Ламбертъ, Сайденгэмъ и всѣ другіе бывшіе тутъ члены настаивали, доказывая, что отказъ съ его стороны невозможенъ, потому что, принявъ отъ него власть при открытіи парламента, они теперь могутъ передать ее только ему же. Убѣдившись, Кромвелль согласился. Для членовъ, непришедшихъ въ Уайтгалль, актъ отреченія оставался выставленнымъ три или четыре дня. Вскорѣ число подписавшихся подъ нимъ дошло до восьмидесяти; это было больше чѣмъ достаточно. Кромвелль уничтожилъ Долгій парламентъ собственноручно; этой чести онъ не удостоилъ парламента, имъ самимъ созданнаго: смѣшное самоуничтоженіе и смѣшное прозвище, полученное отъ одного изъ самыхъ незамѣтныхъ членовъ, Прейз-Год-Бербона*), продавца кожъ въ лондонскомъ Сити—вотъ единственные памятники, оставленные въ исторіи этимъ собраніемъ. Въ немъ не было недостатка ни въ чести, ни въ патріотизмѣ; но за то не было у него ни истиннаго достоинства, потому что оно повѣрило въ свое вымышленное происхожденіе, ни здраваго смысла, потому что взялось за реформу цѣлаго англійскаго общества, взялось за дѣло, далеко превосходившее его силы и знанія. Бербонскій парламентъ служилъ Кромвеллю не больше, какъ средствомъ для его цѣлей, и исчезъ тотчасъ же, какъ только захотѣлъ обойтись безъ Кромвелля.

Чрезъ четыре дня послѣ его паденія, 16 декабря 1653 г., въ часъ пополудни, пышный кортежъ двинулся изъ Уайтгалля въ Вестминстеръ,

*) Смѣшное въ прозваніи парламента Бербонскимъ заключается въ значеніи слова barebon—*голая кость, ободранный.*

между двумя линіями солдатъ; лорды-коммиссары государственной печати, верховные судьи, государственный совѣтъ, лордъ-мэръ и альдермены лондонскаго Сити, въ красныхъ мантіяхъ и церемоніальныхъ каретахъ, были во главѣ поѣзда; за ними Кромвелль, въ костюмѣ изъ чернаго бархата, въ ботфортахъ, въ шляпѣ, обшитой широкой золотой тесьмой. Его гвардія и множество дворянъ шли съ открытыми головами впереди его коляски, которую окружали старшіе офицеры арміи, съ обнаженными шпагами и съ шляпами на головахъ. Прибывъ въ Вестминстеръ-Галль, кортежъ вошелъ въ залу высшаго суда государственной канцеляріи, на одномъ концѣ которой было поставлено кресло правителя. Когда Кромвелль сталъ предъ этимъ кресломъ и всѣ присутствовавшіе размѣстились кругомъ его, генералъ Ламбертъ объявилъ, что парламентъ распущенъ по добровольному согласію его членовъ, и просилъ лорда-генерала, отъ имени арміи и трехъ націй, въ силу необходимости, истекающей изъ самаго положенія дѣлъ, принять протекторатъ надъ Республикой Англійской, Шотландской и Ирландской. Послѣ минутной скромной нерѣшительности, Кромвелль далъ свое согласіе. Тогда одинъ изъ секретарей совѣта прочиталъ конституціонный актъ, гдѣ, въ сорока двухъ пунктахъ, былъ изложенъ смыслъ протекторскаго правленія. Кромвелль произнесъ и подписалъ клятву „принять на себя управленіе и протекцію надъ соединенными націями, сообразно правиламъ, выраженнымъ въ прочитанномъ актѣ“.

Ламбертъ преклонилъ колѣна и подалъ ему необнаженную шпагу, какъ знакъ гражданской власти; принявъ ее, Кромвелль снялъ свою собственную, выражая этимъ, что онъ не будетъ болѣе управлять по однимъ военнымъ законамъ. Лорды-коммиссары государственной печати, судьи и офицеры—просили его занять назначенное ему кресло. Онъ сѣлъ и надѣлъ шляпу; прочіе оставались съ непокрытыми головами. Лордъ-мэръ, въ свою очередь, поднесъ протектору свою шпагу, которую Кромвелль тотчасъ же возвратилъ назадъ, прося мэра носить ее достойно. По окончаніи этой церемоніи, кортежъ возвратился изъ Вестминстера въ Уайтгалль; народъ встрѣчалъ его болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ одобрительными восклицаніями. Капелланъ Кромвелля совершилъ въ обѣденной залѣ торжественное молебствіе, а въ пятомъ часу три залпа возвѣстили о помѣщеніи протектора въ Уайтгаллѣ. Подъ этимъ титуломъ Кромвелль былъ провозглашенъ въ разныхъ частяхъ Лондона и во всѣхъ городахъ и графствахъ Англіи. Первою мыслью, говорятъ, было, предложить ему тотчасъ же титулъ короля, и конституціонный актъ былъ сначала составленъ сообразно съ этимъ намѣреніемъ; но, или по собственному благоразумію, или щадя убѣжденія преданныхъ ему людей, Кромвелль самъ уклонился отъ блеска короны, предложенной ему слишкомъ торопливо, и чтобъ сохранить странѣ названіе республики, согласился принять только титулъ протектора.

Какъ только, подъ именемъ протектора, королевская власть воскресла въ лицѣ одного человѣка, тотчасъ въ него направились всѣ удары. Кавалеры и уравнители, послѣдователи епископской церкви и анабаптисты, всѣ снова пустились въ заговоры, то каждые порознь, то всѣ вмѣстѣ. Кромвелль поступалъ весьма различно съ этими разнородными врагами. Съ сектаторами-республиканцами и мистиками онъ постоянно отличался умѣренностью и почти благосклонностью, даже въ то время, когда поражалъ ихъ; онъ довольствовался отрѣшеніемъ ихъ отъ должностей или

заключеніемъ на нѣкоторое время въ тюрьму, и всегда былъ готовъ, при малѣйшемъ признакѣ раскаянія или въ случаѣ минованія опасности, возвращать имъ должности или свободу. Едва только былъ провозглашенъ протекторатъ, какъ Кромвелль узналъ, что полковники Овертонъ, Окей, Алюрдъ и Прайдъ затѣяли враждебные происки; онъ ограничился тѣмъ, что удалилъ ихъ отъ полковъ, вызвалъ лично—кого изъ Шотландіи, кого изъ Ирландіи, и удержалъ всѣхъ ихъ въ Лондонѣ. Когда онъ имѣлъ дѣло съ людьми, принадлежавшими къ этой партіи и пользовавшимися вліяніемъ, но незанимавшимъ должностей, извѣстнымъ проповѣдникамъ или народнымъ говорунамъ, то приглашалъ ихъ къ себѣ, соблюдалъ съ ними прежнюю фамильярность, самъ притворялъ дверь послѣ того, какъ они входили въ его комнату, просилъ ихъ садиться и покрывать голову; увѣрялъ, что презираетъ этикетъ и пышность, которые въ иныхъ случаяхъ поневолѣ долженъ соблюдать, и затѣмъ откровенничалъ съ ними, какъ съ своими старинными и истинными друзьями. Онъ говорилъ имъ, что стократъ промѣнялъ бы протекторскій санъ—на пастушескій посохъ; что ничто такъ не противно его склонностямъ, какъ окружающее его величіе; но онъ видитъ, что прежде всего должно не дать націи дойти ду крайней степени безпорядка и стать добычей общаго врага; поэтому-то онъ и рѣшился, по его собственному выраженію, идти нѣкоторое время между живыми и мертвыми, въ ожиданіи, что Богъ укажетъ имъ, па какой почвѣ должны они утвердиться, будучи всегда готовъ сложить съ себя лежащее на немъ тяжелое бремя съ такой же радостью, какую испытываетъ скорбь, склоняясь подъ тяжестью высокаго сана. Потомъ онъ молился вмѣстѣ съ ними, трогая ихъ до глубины сердецъ, а иногда и самъ умилялся до слезъ. Самые подозрительные бывали потрясены въ своемъ невѣріи, самые озлобленные были довольны его довѣренностью, и если не удавалось ему совершенно подавить въ нѣдрахъ партіи всякое непріязненное броженіе, то по крайней мѣрѣ онъ не давалъ ему ни распространяться, ни вспыхивать, и большую часть этихъ набожныхъ энтузіастовъ удерживалъ на своей сторонѣ или заставлялъ, при всемъ ихъ недовольствѣ и нерасположеніи, оставаться въ нерѣшимости и бездѣйствіи.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Кромвелль съ роялистскими заговорщиками; противъ нихъ-то устремлялъ онъ свои демонстраціи, грозившія строгими мѣрами, а въ случаѣ нужды, приводилъ въ исполненіе и самыя эти мѣры, частью для дѣйствительной защиты себя отъ ихъ замысловъ, частью для того, чтобъ собрать вокругъ себя республиканцевъ, полныхъ ненависти или проникнутыхъ духомъ безпокойства. Въ поводахъ къ этому не было недостатка. Заговоры, серьезные или ничтожные, дѣйствительные или воображаемые—душа и забава побѣжденныхъ и праздныхъ партій. Чрезъ мѣсяцъ послѣ провозглашенія протектората (14 февр. 1654), въ одной тавернѣ Сити было захвачено сборище, состоявшее изъ одиннадцати роялистовъ, замышлявшихъ произвести общее возстаніе партіи и убить Кромвелля. Кромвелль ограничился тѣмъ, что велѣлъ посадить ихъ въ башню и обнародовалъ исторію ихъ заговора. Но скоро втайнѣ распространилась прокламація, изданная, какъ говорили, въ Парижѣ, 23 апрѣля 1654, въ которой было сказано: «Божіею милостію Карлъ II, король англійскій, шотландскій, французскій и ирландскій, всѣмъ нашимъ добрымъ и любезнымъ подданнымъ миръ и благоденствіе! Такъ-

какъ нѣкій негодяй, ремесломъ работникъ, по имени Оливеръ Кромвелль, безчеловѣчно и варварски умертвивъ блаженной памяти короля, нашего любезнаго родителя, тираннически и измѣннически похитилъ верховную власть въ нашихъ королевствахъ, для порабощенія личности и разоренія достоянія нашихъ добрыхъ и свободныхъ подданныхъ; то мы симъ даемъ каждому, кто бы онъ ни былъ, въ нашихъ трехъ королевствахъ, дозволеніе и полную свободу—пистолетомъ, шпагой, ядомъ или какимъ бы то ни было другимъ способомъ прекратить жизнь означеннаго Оливера Кромвелля, каковой подвигъ будетъ пріятенъ Богу и всѣмъ честнымъ людямъ. И тому, кто, будетъ ли онъ солдатъ или иного званія человѣкъ, совершитъ сказанное доброе дѣло для Бога, короля и родины, мы симъ обѣщаемъ, именемъ и словомъ христіанскаго короля, даровать, какъ лично ему самому, такъ и его потомкамъ ежегодный доходъ въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, землею или капиталомъ, съ званіемъ рыцаря; а если онъ служитъ въ арміи, то обѣщаемъ ему чинъ полковника, вмѣстѣ съ должностью, которая бы ставила его въ возможность достигнуть всякаго дальнѣйшаго повышенія, къ какому только онъ, по своимъ личнымъ качествамъ, будетъ способенъ".

Чтобы прокламація въ самомъ дѣлѣ вышла отъ Карла II и чтобъ, какъ утверждали, она была произведеніемъ пера Гейда—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія; она носитъ въ себѣ признаки происхожденія низкаго, и притомъ, давая повелѣніе совершить убійство, его не обнародываютъ. Однако прокламація была распущена и въ глубокой тайнѣ принята партіею роялистовъ; нашлись также люди, даже въ высшихъ слояхъ общества, которыхъ не возмущало подобное убійство. Кромвелль не былъ ни малодушнымъ трусомъ, ни мелочнымъ хлопотуномъ, но это обстоятельство его сильно озаботило. „Убійство", сказалъ онъ, „дѣло отвратительное, и я первый никогда не начну его; но если кто-нибудь изъ партіи короля покусится убить меня и не успѣетъ въ этомъ, то я открою убійственную войну и истреблю все семейство; у меня есть орудія для исполненія моей воли, стоитъ только мнѣ захотѣть употребить ихъ".

Ночью съ 20 на 21 мая 1654 г. пять роялистовъ, въ томъ числѣ полковникъ Джонъ Джерардъ, молодой человѣкъ изъ хорошей фамиліи, и Петръ Воуиль, учитель въ Ислингтонѣ, были взяты съ постели, по повелѣнію Кромвелля, вслѣдствіе обвиненія ихъ въ умыслѣ на жизнь протектора. Замышляемое убійство они хотѣли совершить наканунѣ, на дорогѣ, по которой Кромвелль долженъ былъ проѣзжать изъ Уайтгалля въ Гамтон-Кортъ, и замыселъ не удался потому только, что Кромвелль, получивъ предостереженіе за нѣсколько часовъ, переѣхалъ Темзу въ Путнеѣ и такимъ образомъ миновалъ засаду. Предполагалось, вслѣдъ за тѣмъ, провозгласить Карла II въ Сити, а принцъ Робертъ обѣщался быстро высадиться въ графствѣ Суссексъ, съ герцогомъ іоркскимъ и десятью тысячами войска, состоявшаго изъ англичанъ, ирландцевъ и французовъ. На другой день болѣе сорока человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ весьма замѣчательныхъ, были арестованы, какъ участники въ заговорѣ. Но Кромвелль передалъ учрежденному надъ заговорщиками верховному уголовному суду только троихъ: Джерарда, Воуиля и Сомерсета Фокса.

Сомерсетъ Фоксъ сознался въ преступленіи и подтвердилъ факты, чѣмъ и заслужилъ помилованіе. Джерардъ и Воуиль не признались въ

умыслѣ на убійство. Не смотря на запирательство подсудимыхъ, доказательства, приведенныя противъ нихъ, даже и теперь кажутся положительно ясными. Джерардъ, по произнесеніи надъ нимъ приговора и до самаго эшафота (10 іюля 1654), устоялъ въ своемъ запирательствѣ. Принималъ ли онъ, и въ какой мѣрѣ, участіе въ замыслѣ убійства, зналъ ли объ этомъ положительно, или не зналъ Карлъ II, какъ бы то ни было, но самый фактъ не подлежалъ сомнѣнію и, вѣроятно, былъ важнѣе, нежели какъ выдавалъ Кромвелль. Онъ избѣжалъ опасности, показалъ и Европѣ, и Англіи образчикъ чудной бдительности своей полиціи и доказалъ роялистамъ, что не будетъ щадить ихъ. Больше ему ничего и не нужно было. Онъ зналъ мудреную тайну искусства управлять, состоящую въ умѣньи вѣрно опредѣлять въ каждомъ обстоятельствѣ предѣлъ, гдѣ должно остановиться и чѣмъ удовольствоваться.

Онъ умѣлъ также не замыкаться рабски въ своей собственной политикѣ, а заимствовать изъ политики своихъ враговъ то, что было хорошо и могло служить ему въ пользу. Онъ распустилъ бербонскій парламентъ, чтобъ предохранить англійское общество отъ реформаторовъ-мечтателей и анархистовъ, и учрежденіе протектората, заключавшее „верховную и законодательную власть Англійской, Шотландской и Ирландской Республикъ въ одномъ лицѣ и въ народѣ, собранномъ въ парламентѣ“, было первымъ шагомъ начинавшейся монархической реакціи. Кромвелль сильно двинулъ эту реакцію. Конституціонный актъ предоставлялъ частью одному ему лично, частью при содѣйствіи государственнаго совѣта, отъ него же зависѣвшаго, почти всѣ аттрибуты королевской власти. Онъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ. Судьямъ и всѣмъ высшимъ государственнымъ чинамъ велѣлъ онъ тотчасъ выдать новые рескрипты, имъ подписанные. Всѣ публичные акты, административные и судебные, совершались его именемъ. Онъ торжественно установилъ свой государственный совѣтъ и подчинилъ его разсужденія большей части тѣхъ правилъ, которымъ слѣдовалъ парламентъ. 8 февраля 1654, по его внушенію, лондонскій Сити далъ ему великолѣпный обѣдъ, въ концѣ котораго онъ возвелъ лорда-мэра въ рыцарское достоинство и подарилъ ему собственную свою шпагу, какъ это обыкновенно дѣлалъ, при вступленіи на престолъ, новый король. Онъ оставилъ Кокпитъ, гдѣ до сихъ поръ жилъ, и поселился въ уайтгалльскихъ королевскихъ покояхъ, которые по этому случаю были богато поновлены и меблированы. Домъ его принялъ всю пышность и всѣ формы двора. Въ сношеніяхъ съ иностранными посланниками онъ ввелъ правила и этикетъ, существовавшіе при великихъ монархическихъ дворахъ.

И всюду носился слухъ, что онъ скоро будетъ королемъ, что онъ уже король и даже коронованъ тайно. Сообщали вѣсти о составѣ королевскаго дома, называя по именамъ всѣхъ членовъ его; утверждали, что палата пэровъ будетъ возстановлена; всѣ пэры уже готовы прибыть въ Лондонъ и изъявить покорность новой власти. Скоро опять откроются спектакли, явятся актеры, начнутся праздники, и все пойдетъ по прежнему свѣтло и весело... Такъ толковали въ народѣ и даже утверждали, что принцъ Конде предлагалъ протектору заключить родственный союзъ между ихъ домами.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы эти толки были непріятны Кромвеллю, но онъ не боялся увлечься ихъ соблазнительной прелестью: онъ

былъ въ той благодатной порѣ душевнаго жара и благоразумія, въ которую у великихъ людей геній и счастье, тотъ и другой еще молодые и свѣжіе, раскрываются безъ опьяненія, безъ излишествъ. Воздвигая подъ скромнымъ названіемъ тронъ, на который хотѣлъ сѣсть, онъ въ то же время чувствовалъ потребность дать народной партіи, бывшей до сихъ поръ его партіею, должное удовлетвореніе или достаточныя причины, чтобы увлечь ее за собою на столь рѣшительный шагъ; и такъ какъ онъ недавно поссорился съ слѣпыми реформаторами, то теперь ему самому предстояло совершить реформы, которыхъ дѣйствительно желалъ народъ и требовалъ здравый разумъ.

XXVIII. ПРОТЕКТОРАТЪ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЛЯ.

(Изъ „Исторіи Англіи“ Маколея).

Планъ Кромвелля съ самаго начала имѣлъ значительное сходство съ древнею англійскою конституціею; но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ счелъ возможнымъ пойдти далѣе и возстановить почти всѣ части древней системы подъ новыми названіями и формами. Титулъ короля не былъ возобновленъ, но королевскія прерогативы были ввѣрены лорду верховному протектору. Государь былъ названъ не величествомъ, а высочествомъ. Онъ не былъ коронованъ и помазанъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но былъ торжественно возведенъ на престолъ, препоясанъ государственнымъ мечемъ, облаченъ багряницею и надѣленъ драгоцѣнною библіею въ Вестминстерской залѣ. Его санъ не былъ объявленъ наслѣдственнымъ, но ему было дозволено назначить преемника, и никто не могъ сомнѣваться, что онъ назначитъ своего сына.

Палата общинъ была необходимою частью новаго государственнаго устройства. Въ учрежденіи этого собранія протекторъ обнаружилъ мудрость и политическій смыслъ, которые не были надлежащимъ образомъ оцѣнены его современниками. Недостатки древней представительной системы, хотя вовсе не такіе важные, какими они сдѣлались впослѣдствіи, уже замѣчались людьми дальновидными. Кромвелль преобразовалъ эту систему на слѣдующихъ основаніяхъ: маленькіе города были лишены привилегій, число же членовъ за графства было увеличено. Очень немногіе города безъ представительства успѣли до того времени пріобрѣсти важное значеніе. Изъ этихъ городовъ самыми видными были: Манчестеръ, Лидсъ и Галифаксъ. Представители были даны всѣмъ тремъ. Прибавлено было число членовъ за столицу. Избирательное право было поставлено на такую ногу, что всякій достаточный человѣкъ, владѣлъ ли онъ свободною поземельною собственностью или нѣтъ, могъ вотировать за графство, въ которомъ жилъ. Нѣсколько шотландцевъ и нѣсколько колонистовъ англійскихъ, поселившихся въ Ирландіи, были приглашены въ собраніе, долженствовавшее издавать въ Вестминстерѣ законы для всѣхъ частей Британскихъ острововъ.

Создать палату лордовъ было менѣе легкою задачею. Оливеръ засталъ уже существовавшее дворянство, богатое, весьма уважаемое и настолько популярное между другими классами, насколько какое-нибудь дворянство когда-либо бывало. Еслибы онъ, какъ король Англіи, пове-

лѣлъ пэрамъ собраться въ парламентъ, согласно древнему обычаю государства, многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, повиновались бы призыву. Этого онъ не могъ сдѣлать; и ни къ чему не повело то, что онъ предлагалъ главамъ знаменитыхъ фамилій въ своемъ новомъ сенатѣ. Они понимали, что имъ нельзя было принять назначенія въ собраніе выскочку, не отказавшись отъ своего права рожденія и не измѣнивши своему сословію. Протекторъ, поэтому, былъ принужденъ наполнить свою верхнюю палату новыми людьми, успѣвшими, въ теченіе послѣднихъ смутныхъ временъ обратить на себя вниманіе. Это было наименѣе удачное изъ его предпріятій, непонравившееся всѣмъ партіямъ. Левеллеры *) гнѣвались на него за учрежденіе привилегированнаго класса. Толпа, питавшая уваженіе и любовь къ великимъ историческимъ именамъ страны, безъ удержу смѣялась надъ палатою лордовъ, въ которой засѣдали счастливые извощики и башмачники, куда были приглашены немногіе дворяне и отъ которой почти всѣ приглашенные старинные дворяне отворачивались съ презрѣніемъ.

Впрочемъ, какъ бы ни были составлены парламенты Оливера, практически это было не важно, ибо онъ обладалъ средствами вести администрацію безъ ихъ поддержки и вопреки ихъ оппозиціи. Его желаніемъ, кажется, было управлять согласно съ конституціей и замѣнить господство меча господствомъ законовъ. Но онъ скоро нашелъ, что, ненавидимый и роялистами, и пресвитеріанами, онъ могъ быть безопаснымъ не иначе, какъ будучи абсолютнымъ. Первая палата общинъ, которую народъ избралъ по его приказанію, заподозрила законность его авторитета и была распущена, не успѣвши издать ни одного акта. Вторая его палата общинъ признала его протекторомъ и охотно сдѣлала бы его королемъ, но упорно отказывалась признать его новыхъ лордовъ. Ему не оставалось ничего болѣе, какъ распустить парламентъ. „Богъ", воскликнулъ онъ при разставаніи, „да будетъ судьею между вами и мною"!

Однако, энергія администраціи протектора ни мало не ослаблялась этими распрями. Тѣ солдаты, которые не позволили бы ему принять королевскій титулъ, поддерживали его, когда онъ отваживался на такія насильственныя мѣры, на какія никогда не покушался ни одинъ англійскій король. Правленіе, поэтому, съ виду бывшее республикою, въ сущности было деспотизмомъ, умѣрявшимся только мудростью, воздержностью и великодушіемъ деспота. Страна была раздѣлена на военные округи. Округи эти находились подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ. Всякое мятежное движеніе немедленно подавлялось и наказывалось. Страхъ, внушенный могуществомъ меча въ такой сильной, твердой и опытной рукѣ, укротилъ духъ и кавалеровъ, и левеллеровъ. Вѣрное джентри объявило, что оно попрежнему было готово пожертвовать жизнью за древнюю конституцію и древнюю династію, еслибъ была малѣйшая надежда на успѣхъ; но бросаться, во главѣ своихъ слугъ и фермеровъ, на копья бригадъ, побѣдоносныхъ въ сотнѣ битвъ и осадъ, было бы безумною тратою невинной и благородной крови. Какъ роялисты, такъ и республиканцы, не имѣя надежды на открытое сопротивленіе, начали обдумывать сокровенные планы

*) *The Levellers*, уравнители, составляли одну изъ крайнихъ фацкій англійской революціи. Они домогались равенства сословій и имуществъ, общей гражданской полноправности и безусловной вѣротерпимости.

убійства; но полиція протектора была хороша, бдительность его была неослабна, и когда онъ появлялся внѣ предѣловъ своего дворца, обнаженные мечи и кирасы вѣрныхъ тѣлохранителей окружали его плотно со всѣхъ сторонъ.

Будь онъ жестокимъ, своевольнымъ и хищнымъ государемъ, нація могла бы почерпнуть отвагу въ отчаяніи и сдѣлать судорожное усиліе освободиться отъ военнаго господства. Но тягости, какія терпѣла страна, хотя и возбуждали серьезное неудовольствіе, однако вовсе не были такими, которыя побуждаютъ огромныя массы людей ставить на карту жизнь, имущество и семейное благосостояніе противъ страшнаго неравенства силъ. Налоги, правда, болѣе тяжкіе, чѣмъ при Стюартахъ, были не тяжелы въ сравненіи съ налогами сосѣднихъ государствъ и съ ресурсами Англіи. Собственность была безопасна. Даже кавалеръ, удерживавшійся отъ нарушенія новаго порядка, наслаждался въ мирѣ всѣмъ, что оставили ему гражданскія смуты. Законы нарушались только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось безопасности особы и правленія протектора. Отправленіе правосудія между частными лицами совершалось съ точностью и безукоризненностью, дотолѣ неслыханными. Ни при одномъ англійскомъ правительствѣ, со временъ реформаціи, не было такъ мало религіознаго преслѣдованія. Правда, несчастные католики считались почти внѣ предѣловъ христіанскаго милосердія; но духовенство падшей англиканской церкви могло совершать свое богослуженіе, съ условіемъ воздерживаться отъ проповѣдей политическаго содержанія. Даже евреи, публичное богослуженіе которыхъ съ XIII столѣтія постоянно воспрещалось, вопреки сильному противодѣйствію завистливыхъ торгашей и фанатическихъ богослововъ, получили дозволеніе выстроить синагогу въ Лондонѣ.

Въ то же самое время внѣшняя политика протектора исторгала невольное одобреніе тѣхъ, которые наиболѣе ненавидѣли его. Кавалеры съ трудомъ удерживались отъ желанія, чтобы тотъ, кто такъ много содѣйствовалъ возвышенію славы націи, сдѣлался законнымъ королемъ, а республиканцы принуждены были сознаться, что тираннъ не позволялъ никому, кромѣ самого себя, обижать свою родину, и что если онъ похитилъ у нея свободу, за то, по крайней мѣрѣ, далъ ей славу взамѣнъ.

По прошествіи полувѣка, въ теченіе котораго Англія едва ли имѣла болѣе вѣса въ европейской политикѣ, чѣмъ Венеція или Саксонія, она вдругъ сдѣлалась самою грозною державою на свѣтѣ, предписала Соединеннымъ провинціямъ условія мира, отмстила варварскимъ пиратамъ за обиды, нанесенныя ими всему христіанству, побѣдила испанцевъ на сушѣ и на морѣ, завладѣла однимъ изъ прекраснѣйшихъ Вестъ-Индскихъ острововъ и пріобрѣла на фламандскомъ берегу крѣпость, утѣшившую національную гордость въ потерѣ Кале. Она царила на океанѣ. Она была главою протестантскаго интереса. Всѣ реформатскія церкви, разсѣянныя по римско-католическимъ королевствамъ, признавали Кромвелля своимъ покровителемъ. Гугеноты Лангедока, пастухи, которые въ своихъ альпійскихъ деревушкахъ исповѣдывали протестантизмъ, древнѣе аугсбургскаго, были обезпечены отъ притѣсненія однимъ лишь страхомъ его великаго имени. Самъ папа принужденъ былъ проповѣдывать гуманность и умѣренность папистскимъ государямъ; ибо голосъ, рѣдко угрожавшій попустому, объявилъ, что еслибы народу божію не было оказано снисхожденія, англійскія пушки загремѣли бы въ замкѣ св. Ангела. Воистину, не было ничего, чего бы Кром-

велль, въ собственномъ своемъ интересѣ и въ интересѣ своего семейства, имѣлъ столько причинъ желать, какъ общей религіозной войны въ Европѣ. Въ такой войнѣ онъ былъ бы главою протестантскихъ армій. Сердце Англіи было бы съ нимъ. Его побѣды были бы привѣтствуемы съ единодушнымъ энтузіазмомъ, невѣдомымъ въ странѣ со времени пораженія армады, и смыли бы пятно, которое одинъ актъ, осужденный общимъ голосомъ націи, оставилъ на его блестящей славѣ. Къ несчастью для него, онъ имѣлъ случай обнаружить свои удивительные военные таланты только противъ обитателей Британскихъ островов.

Пока онъ жилъ, власть его, предметъ отвращенія, удивленія и страха для его подданныхъ, держалась твердо. Немногіе, правда, любили его правленіе, но тѣ, которые наиболѣе его ненавидѣли, менѣе его ненавидѣли, нежели боялись. Будь это правленіе похуже, оно, можетъ быть, было бы низвергнуто, не смотря на всю его силу. Будь это правленіе послабѣе, оно навѣрно было бы низвергнуто, не смотря на всѣ его заслуги. Но оно имѣло достаточно умѣренности, чтобы воздерживаться отъ тѣхъ притѣсненій, которыя доводятъ людей до бѣшенства, и отличалось силою и энергіею, съ которыми никто, кромѣ людей, приведенныхъ притѣсненіемъ до бѣшенства, не осмѣлился бы бороться.

XXIX. ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ПРАВЛЕНІЯ КРОМВЕЛЛЯ И ОЦѢНКА ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

(Изъ соч. Ранке: „Englische Geschichte vornehmlich im XVII Iahrhundert“).

Послѣ распущенія парламента (въ февралѣ 1658 г.), сдѣлавшаго было попытку ограничить самовластіе протектора, и послѣ удачной войны съ Испаніей въ Индіи и Европѣ, Кромвелль достигъ высшей степени могущества; онъ пользовался огромнымъ значеніемъ въ Европѣ и высшимъ авторитетомъ въ Британіи; но какъ въ первой, такъ въ особенности въ послѣдней онъ не достигъ своей цѣли.

Въ Англіи до сихъ поръ ему удавалось подавлять и уничтожать всякія враждебныя попытки и стремленія со стороны Шотландіи и пресвитеріанской системы, лордовъ и короля, со стороны долгаго парламента и кавалеровъ; но онъ не могъ дать своей собственной партіи, созданной и пріобрѣтшей преобладающее значеніе большею частью при его содѣйствіи, такой организаціи, чтобы эта партія дѣйствовала за одно съ его властью. Даже въ средѣ своихъ старыхъ друзей изъ сепаратистскихъ конгрегацій, въ средѣ товарищей походовъ и союзниковъ при учрежденіи республики онъ встрѣчалъ упорное противодѣйствіе.

Этого онъ не могъ, не хотѣлъ сносить равнодушно. Онъ не давалъ никакой пощады офицерамъ, которые высказывались противъ него. Наиболѣе рѣшительные подвергались аресту, а другіе удалялись изъ арміи. Между ними были лица, принадлежавшія къ первой ротѣ, которою командовалъ Кромвелль, еще будучи капитаномъ: они не могли понять, въ чемъ тутъ можетъ заключаться преступленіе, если палату, состоящую не изъ лордовъ, не называютъ палатою лордовъ; но Кромвелль требовалъ теперь безусловнаго повиновенія. Прежде ему необходимо было составить свою армію изъ вѣрующихъ, чтобы побороть роялистовъ; теперь въ каждомъ

самостоятельномъ мнѣніи и заявленіи онъ видѣлъ поддержку послѣднихъ; республиканскія и анабаптистскія мнѣнія затрогивали его власть въ самомъ корнѣ, и онъ не хотѣлъ долѣе терпѣть ихъ,—по крайней мѣрѣ въ арміи.

До сихъ поръ принятіе втораго крещенія было даже, такъ сказать, рекомендаціей на службѣ, именно въ Шотландіи и Ирландіи; теперь дѣла приняли совершенно другой оборотъ: Кромвелль старался очистить армію отъ анабаптистовъ.

Этимъ онъ возбудилъ противъ себя дѣятельную и чрезвычайно могущественную партію какъ по числу своихъ членовъ, такъ и по ихъ рѣшительной горячей ревности. Анабаптисты напоминали ему, что они очень многочисленны: „мы“, говорили они, „наполняемъ твои города и замки, твои провинціи и твои палатки, твою армію на сушѣ и на морѣ“. Къ этому они прибавляли: нѣкогда въ Дунбарѣ онъ говорилъ языкомъ индепендентовъ и анабаптистовъ; гдѣ былъ бы онъ, если бы не имѣлъ ихъ своими друзьями? Они всегда были вѣрны республикѣ и ему самому и рѣшились только не уступать своихъ правъ, принадлежащихъ имъ какъ свободнорожденнымъ англичанамъ. Они съ бо̀льшимъ правомъ находятся въ арміи, чѣмъ онъ на своемъ высокомъ постѣ. Они имѣли бы по крайней мѣрѣ не меньшее право низвергнуть его, чѣмъ онъ—удалить ихъ изъ арміи. Не заявлялъ ли онъ самъ, что всегда будетъ защищать благочестивыхъ, хотя и расходится съ ними въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ? Но теперь онъ высказывается за отверженный Богомъ принципъ преслѣдованія въ дѣлахъ церкви; онъ оставляетъ лучшую часть и избираетъ худшую. Онъ самъ можетъ сказать—не была ли его совѣсть спокойнѣе и положеніе его независимѣе, пока онъ любилъ анабаптистовъ, чѣмъ теперь, когда онъ ихъ ненавидитъ.

Такъ какъ Кромвелль не обращалъ никакого вниманія на всѣ ихъ заявленія, то они обратились съ своими жалобами къ самому королю.

Они просили Карла II обезпечить свободу вѣроисповѣданія, которую обѣщалъ установить его отецъ: король не отвергъ ихъ. Ибо будущее представлялось ему еще смутнымъ, неопредѣленнымъ. Чтобы свергнуть Кромвелля, онъ охотно принялъ бы содѣйствіе самихъ анабаптистовъ.

Отъ времени до времени послѣдователи епископальной церкви еще совершали богослуженіе по своему обряду: теперь оно было запрещено, потому что хотя въ немъ и не было молитвы именно о Карлѣ II, но была молитва за христіанскихъ государей вообще, подъ которыми можно было разумѣть и Карла II, и даже короля Испаніи, съ которымъ велась война. Епископалисты собирали деньги, чтобы поддерживать изгнанныхъ и подвергавшихся различнымъ стѣсненіямъ членовъ англиканскаго клира, въ надеждѣ на лучшія времена.

Строжайшему преслѣдованію подверглись открытые роялисты и католики. Въ срединѣ марта имъ повелѣно было—въ теченіе краткаго опредѣленнаго срока удалиться изъ Лондона. И горе было тому, кто по истеченіи срока еще оставался, правительство знало всѣхъ своихъ противниковъ: ихъ схватывали въ постеляхъ и заключали въ тюрьмы.

Въ донесеніяхъ иностранныхъ посланниковъ находится извѣстіе, что роялисты, въ виду возрастающихъ насилій и вслѣдствіе опасеній за свою жизнь, въ маѣ 1658 г. рѣшились на отчаянную попытку, а именно—рѣшили внезапно произвести вооруженное возстаніе, уничтожить стражу и въ то

же время зажечь въ различныхъ частяхъ городъ, чтобы такимъ образомъ свергнуть правительство; но и на этотъ разъ—продолжаетъ разсказчикъ—между заговорщиками оказался измѣнникъ, и надзоръ и репрессаліи усилились. Никогда тюрьмы не были такъ полны: число заключенныхъ за политическія преступленія простиралось до 12,000 человѣкъ.

На основаніи состоявшагося въ началѣ сессіи 1656 г. постановленія о безопасности протектора былъ учрежденъ верховный судъ съ такими же правами, какія были предоставлены ему въ процессѣ противъ короля. Въ средѣ этого суда произошли было распри, грозившія его распаденіемъ; но въ немъ оставалось все еще достаточное число членовъ для постановленія законныхъ рѣшеній.

Общее вниманіе и участіе возбудилъ процессъ противъ двухъ лицъ, близко стоявшихъ къ семейству Кромвелля; они были привлечены къ суду, чтобы послужить ужаснымъ примѣромъ для другихъ. То были сэръ Генри Слингсби, родственникъ младшаго зятя протектора, обвинявшійся въ вербовкѣ среди гулльскаго гарнизона приверженцевъ для короля, и докторъ Виттъ, благословлявшій бракъ дочери Кромвелля. Слингсби требовалъ, чтобы, по закону страны, его судило жюри, но ему отвѣчали, что судопроизводство опредѣляется парламентскимъ актомъ, и если парламентъ рѣшилъ измѣнить обычныя формы процесса, то каждый долженъ этому подчиняться; все населеніе Англіи обязано повиноваться этому авторитету; тщетно также Виттъ ссылался на свое званіе священника: оба они были осуждены и казнены. Затѣмъ послѣдовали другія казни.

Этимъ путемъ непосредственныя опасности были устранены; но старыя антипатіи къ протектору и его правленію усиливались еще болѣе.

Если оцѣнить надлежащимъ образомъ всѣ важныя послѣдствія завоеванія Ямайки, то едва можно понять, почему это завоеваніе не встрѣтило общаго сочувствія. Но таково было положеніе вещей. Протектору ставили въ укоръ, что онъ самовластно, безъ предварительныхъ совѣщаній съ парламентомъ, предпринялъ войну, которая стоила странѣ большихъ издержекъ и жертвъ и не принесла никакой выгоды; извѣстно, что торговля еще не успѣла вознаградить всѣхъ потерь и убытковъ, причиненныхъ ей крейсерствомъ и блокадой со стороны Испаніи.

Общество не замедлило дать почувствовать Кромвеллю свое неудовольствіе въ важнѣйшихъ и затруднительнѣйшихъ для правительства дѣлахъ, именно—въ финансовыхъ. Протекторъ требовалъ у муниципальнаго совѣта ссуды, но Сити, которая всегда доставляла деньги парламенту, нашла ихъ для Кромвелля такъ же мало, какъ нѣкогда для Карла I. Дѣло дошло даже до задержекъ въ уплатѣ пошлинъ, утвержденныхъ послѣднимъ парламентомъ, потому что выражали сомнѣніе въ его законности;—на какой же успѣхъ можно было разсчитывать при взиманіи податей, не утвержденныхъ никакимъ парламентомъ?

Поэтому онъ постоянно былъ занятъ мыслью о созывѣ новаго парламента; съ этою цѣлью была учреждена коммисія для выработки правилъ о выборахъ. Вѣроятно, что при этомъ останавливались на прежнихъ формахъ производства выборовъ, при которыхъ правительство могло оказывать на выборы большое вліяніе, и кто можетъ безусловно отрицать, что протекторъ стремился созвать уступчивый, покорный себѣ парламентъ? Но кто можетъ также съ увѣренностью утверждать это?

Въ противоположность такому броженію умовъ, отношенія Англіи къ

другимъ европейскимъ державамъ представлялись значительно болѣе благопріятными для Кромвелля, чѣмъ внутреннее состояніе страны; но и внѣшнія отношенія ни въ какомъ случаѣ нельзя было считать вполнѣ прочными и благонадежными. Австрійскій домъ, противъ котораго главнымъ образомъ были направлены всѣ усилія Кромвелля, снова сталъ во главѣ могущественнаго союза, какъ защитникъ идей законности и католицизма—этихъ древнѣйшихъ руководящихъ принциповъ европейскихъ государствъ, имѣвшихъ могущественное вліяніе на умы народовъ. Притомъ же Кромвелль не былъ увѣренъ въ своихъ союзникахъ, въ особенности въ голландцахъ, которыхъ лишь страхъ предъ его именемъ удерживалъ отъ отпаденія; не были надежны также ни шведскій король, ни кард. Мазарини. Французы уже назначили Испаніи цѣну, за которую согласны были заключить съ нею миръ. Они обѣщали возвратить всѣ завоеванія подъ единственнымъ условіемъ—заключить бракъ между инфантиной, съ рукой которой было связано наслѣдство на испанскій престолъ, и юнымъ королемъ Франціи. Филиппъ IV пока отклонилъ это предложеніе; но не слѣдовало ли ожидать, что, подъ давленіемъ понесенныхъ пораженій, онъ уступитъ, какъ онъ это и сдѣлалъ потомъ? Въ такомъ случаѣ Карлъ II могъ разсчитывать на могущественную помощь въ Европѣ, а также и на поддержку внутри Англіи, и не только со стороны своихъ приверженцевъ, но и со стороны своихъ прежнихъ враговъ. Наибольшая опасность заключалась во внутреннемъ раздорѣ.

При такомъ положеніи вещей даже ближайшіе приверженцы и сотрудники Кромвелля иногда падали духомъ. Такъ, младшій сынъ его, Генри, которому было ввѣрено управленіе Ирландіей, въ одномъ изъ своихъ писемъ задаетъ вопросъ: не зависитъ ли все отъ одной только личности протектора, отъ его искусства и его личнаго интереса къ арміи и не возгорится ли кровавая борьба, если его не будетъ болѣе?

Но и въ самомъ семействѣ протектора произошелъ расколъ. Шуринъ его Десборо и зять Флитвудъ постоянно держали сторону анабаптистовъ, къ сектѣ которыхъ они сами принадлежали; Флитвудъ и жена его избѣгали отцовскаго дома. Остальные дѣти и друзья, принимавшіе участіе въ управленіи государствомъ, расположены были болѣе благопріятствовать авторитету гражданской власти, надѣясь удержать за собою свое привилегированное положеніе. Самъ Кромвелль считалъ настоятельно необходимымъ соглашеніе съ анабаптистами: однажды, въ минуту горячности, онъ воскликнулъ: „ихъ нужно удовлетворить, или снова возгорится гражданская война"!

Среди такого критическаго положенія внѣшнихъ и преимущественно внутреннихъ дѣлъ государства, когда всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали ближайшихъ мѣропріятій протектора,—мѣропріятій, предугадать которыя нельзя было никогда, но которыя всегда оказывались успѣшными и цѣлесообразными,—его постигла участь всѣхъ смертныхъ.

Чрезвычайно заманчиво отыскать при кончинѣ выдающихся личностей такіе психическіе моменты, которымъ можно было бы приписать рѣшающее вліяніе. Одно изъ близкихъ къ Кромвеллю лицъ старается доказать, что попытка управлять государствомъ безъ парламента сломила его жизненныя силы. Несомнѣнно, что неудача его плановъ вызвала въ немъ болѣзненное возбужденіе: онъ по цѣлымъ недѣлямъ пересталъ показываться въ кругу своей семьи, тогда какъ прежде всегда дѣлилъ съ ней

завтракъ и обѣдъ: онъ былъ хорошій семьянинъ. Открытіе все новыхъ и новыхъ покушеній на его жизнь поселило въ немъ безпокойство. Говорятъ, онъ принималъ опіумъ, что, конечно, могло лишь усиливать его раздраженіе. Къ этому присоединилась болѣзнь и затѣмъ смерть самой любимой его дочери, лэди Клейполь, предсмертныя фантазіи которой имѣли отношеніе къ религіозно-политическимъ вопросамъ, продолжавшимъ тревожить его душу, это—право короля, пролитая кровь, будущее мщеніе. Къ нему снова получили доступъ индепендентистскіе священники: когда возрастающее разстройство его здоровья перешло въ лихорадку и приняло опасный характеръ, они продолжали увѣрять его, что онъ еще будетъ жить, потому что жизнь его нужна Богу. Между тѣмъ онъ видимо приближался къ концу. Кто не знаетъ взаимодѣйствія между душевнымъ настроеніемъ и физическимъ состояніемъ организма? Болѣзнь Кромвелля состояла въ переполненіи мозговыхъ сосудовъ и во внутреннемъ разрушеніи селезенки. Старались, между прочимъ, излечить его панацеей, универсальнымъ лекарствомъ, которое и доставило ему нѣкоторое облегченіе; изъ Гэмптонкорта его перевезли обратно въ Вестминстеръ, во дворецъ прежнихъ королей въ Уайтгаллѣ. Непосредственно по пріѣздѣ онъ умеръ 3 сентября, въ годовщину своихъ побѣдъ—Дунбарской и Ворчестерской, которыя доставили ему названное мѣстожительство. Простой народъ, въ доказательство его связи, сношеній съ нечистыми силами, разсказывалъ, что смерть похитила его во время страшной бури; другіе же видѣли въ этомъ участіе природы къ смерти перваго человѣка въ мірѣ. Но воздушныя теченія и бури слѣдуютъ своимъ собственнымъ законамъ; въ дѣйствительности буря была въ ночь, предшествовавшую смерти Кромвелля; онъ умеръ послѣ полудня.

Такіе взгляды на Кромвелля принадлежали однако не одному простому народу. Ближайшее потомство клеймило Кромвелля, какъ нравственное чудовище, а въ позднѣйшее время его прославляли, какъ величайшаго мужа изъ всего человѣчества.

Ему удалось совершить гигантскій подвигъ—прорвать ту цѣпь, которая въ европейскихъ государствахъ связываетъ частнаго человѣка. Онъ не старался руководить своимъ королемъ посредствомъ убѣжденій, какъ Ришелье, или вмѣшиваться въ интриги кабинета, но съ самодержавнымъ авторитетомъ, который не имѣлъ нужды ни въ какой верховной санкціи, принялъ участіе въ рѣшеніи судебъ міра. Король, считавшій сотню предковъ въ Шотландіи и въ силу наслѣдственнаго права, на которомъ зиждется правительственная власть въ большей части государствъ, владѣвшій трономъ Англіи, былъ низвергнутъ главнымъ образомъ вооруженною силою, созданною имъ же самимъ, и затѣмъ былъ замѣщенъ Кромвеллемъ.

Кромвелль однако былъ на столько скроменъ, сдержанъ, чтобы не принять самой короны: онъ желалъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ и былъ,—генераломъ побѣдоносной арміи, облеченнымъ высшею гражданскою властью. Ибо когда парламентъ лишилъ королевство военной власти, то эта послѣдняя, съ своей стороны, вознамѣрилась не подчиняться болѣе и парламенту. Гражданская власть была добавленіемъ къ военной; Кромвелль принялъ ее и рѣшился защищать ее отъ всѣхъ враждебныхъ покушеній. Прежде всего и главнымъ образомъ онъ считалъ необходимымъ уничтожить всѣ учрежденія, имѣвшія связь съ старыми порядками: объ организаціи аристократіи или о епископствѣ не могло быть и рѣчи, такъ

же какъ и о самомъ королевствѣ. Менѣе всего онъ намѣренъ былъ терпѣть католицизмъ. Въ политическомъ и религіозномъ противодѣйствіи всѣмъ этимъ элементамъ Кромвелль полагалъ цѣль своего существованія; онъ усматривалъ въ этомъ благоденствіе страны, укрѣпленіе религіи и нравственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное оправданіе,— оправданіе въ томъ, что, для осуществленія своихъ плановъ, онъ принималъ жесткія мѣры и по отношенію къ членамъ своей партіи, обнаруживавшимъ противодѣйствіе его стремленіямъ; онъ считалъ необходимымъ всѣ силы страны подчинить своей волѣ. Такимъ образомъ онъ создалъ себѣ власть, не имѣющую себѣ въ исторіи ни примѣра, ни соотвѣтствующаго имени. Несомнѣнно, что знаменательныя рѣчи, которыя онъ расточалъ такъ обильно, служили вмѣстѣ съ тѣмъ рычагомъ его власти; но несомнѣнно также и то, что верховная власть не была для него цѣлью сама по себѣ: она должна была служить ему для осуществленія его завѣтныхъ идей религіозной свободы въ духѣ протестантизма, гражданскаго порядка и національной независимости. На эти идеи онъ смотрѣлъ не съ точки зрѣнія личнаго удовлетворенія, но со стороны ихъ объективной необходимости.

Это была мощная сила, полная разностороннихъ самобытныхъ влеченій,—то медлительная, стойкая, консервативная, то пылкая, измѣнчивая, разрушительная,—сила, передъ которой все противодѣйствовавшее ей должно было или склоняться, или гибнуть.

Если мы спросимъ себя, что же создалъ Кромвелль? что осталось послѣ него? то отвѣта на этотъ вопросъ мы не должны искать въ отдѣльныхъ формахъ государственнаго устройства и управленія. До сихъ поръ не опредѣлено еще съ полною ясностью, имѣлъ ли онъ въ виду дальнѣйшее существованіе той власти, какою владѣлъ самъ; ни его палата лордовъ, ни палата общинъ, ни созданная имъ армія не обладали неизмѣнной прочностью. Волна времени все это унесла съ собою. Тѣмъ не менѣе содержаніе, самая сущность его дѣятельности была въ высшей степени плодотворна.

Мы знаемъ, какъ возникло вслѣдствіе историческихъ и естественныхъ причинъ чрезвычайно важное по своимъ послѣдствіямъ столкновеніе между тремя британскими государствами, и какую роль играла республиканская организація въ дѣлѣ подчиненія Англіи двухъ частей Британіи. Достиженіе такихъ результатовъ сдѣлалось возможно лишь благодаря побѣдамъ Кромвелля. Соединеніе трехъ королевствъ въ протестантизмѣ и посредствомъ протестантизма, носившееся въ умѣ предшествовавшаго протектора, Сомерсета, въ видѣ неясной мечты, было блестящимъ образомъ совершено Кромвеллемъ на самомъ дѣлѣ. Его возвышеніе связано было главнымъ образомъ съ идеей господства Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, съ идеей противодѣйствія притязаніямъ Шотландіи и самостоятельности Ирландіи: онъ сперва силою оружія проложилъ путь для этой идеи и лишь затѣмъ ввелъ въ англійскій парламентъ ирландскихъ и шотландскихъ депутатовъ, не держась при этомъ однако строго опредѣленнаго правила. Едва ли можно допустить, чтобы въ то время было возможно парламентское управленіе тремя королевствами. Событія показали, что потребностямъ времени соотвѣтствовала военно-монархическая власть. Заслуга Кромвелля состоитъ въ томъ, что онъ въ теченіи цѣлаго ряда годовъ управлялъ Британскими королевствами, ру-

ководясь однимъ и тѣмъ же принципомъ, — необходимостью соединить ихъ силы для совмѣстнаго дѣйствія. Его правленіе и учрежденія не составляли, конечно, послѣдняго слова исторіи, положеніе вещей должно было подвергнуться еще совершенно иной реорганизаціи; но, можетъ быть, великимъ преобразованіямъ, для ихъ успѣшности и плодотворности, должны были предшествовать реформы, произведенныя единичною волею, облеченною безусловнымъ авторитетомъ.

По отношенію къ общей исторіи Европы важнѣе всего было то, что Кромвелль обратилъ силы Англіи противъ Испанской монархіи. Мы не разсматриваемъ здѣсь политическаго значенія самаго поступка, противъ котораго можно было бы возразить многое, а принимаемъ во вниманіе только произведенное имъ дѣйствіе. Оно состояло въ томъ, что европейскій міръ, въ основаніи организаціи котораго лежало возвышеніе бургундско-австрійской династіи, служившее руководящимъ принципомъ въ теченіе почти двухъ столѣтій, долженъ былъ измѣнить свой видъ и принять новое направленіе, выступить на новый путь; на долю самой Англіи, именно ея морскаго могущества, съ самаго же начала выпала въ этомъ дѣлѣ великая роль. Кромвелль не создалъ морскихъ силъ Англіи, но онъ указалъ этимъ силамъ ихъ важнѣйшую задачу, далъ имъ надлежащее направленіе. Намъ извѣстно, на сколько эти силы оказались могущественными: силу британскаго оружія въ особенности испытали на себѣ приморскіе берега Европы; иногда рѣчь заходила даже о завоеваніяхъ на итальянскихъ, даже на нѣмецкихъ берегахъ; на нидерландскомъ берегу такія завоеванія были дѣйствительно сдѣланы и постоянно расширялись: говорили, что ключь отъ континента виситъ на поясѣ Кромвелля. Голландія хотя и оказывала противодѣйствіе, но вынуждена была слѣдовать импульсу Англіи; Португалія должна была слѣдовать этому импульсу ради самосохраненія.

Если протестантская мысль создала внутреннее единство Англіи, именно въ формѣ неожиданной свободы сектъ, то идея протестантизма и охраненіе ея высокаго значенія дали толчекъ къ основанію системы власти, въ которой эта идея достигла могущественнаго выраженія. Благодаря воздѣйствію со стороны Франціи, протестантизмъ былъ спасенъ отъ уничтоженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялъ второстепенное подчиненное положеніе; благодаря же дѣятельности Кромвелля, протестантизмъ безъ всякаго дальнѣйшаго посредничества занялъ въ государствахъ самостоятельное положеніе. Новая западная церковь организовалась такъ же прочно, какъ и древняя, изъ которой она выдѣлилась, и даже болѣе прочно и съ болѣе надежною будущностью.

Для успѣха во внутреннемъ управленіи Кромвелль обладалъ двумя противоположными, взаимно дополняющими одно другое качествами,— извѣстною уступчивостью въ принципахъ и твердостію въ практическомъ примѣненіи своей власти, своего авторитета. Если бы онъ предоставилъ свободному теченію тенденціи сепаратистовъ и демократически настроенной арміи, съ помощію которой онъ возвысился, то все поверглось бы въ хаосъ, и прочное существованіе новаго государства было бы невозможно. По образу мыслей, характеру и общему направленію Кромвелль былъ совершенно противоположенъ Карлу, но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ аналогичное вліяніе на государственное устройство Англіи. Король стоялъ за идею англійской церкви: за это онъ умеръ. Кромвелль стоялъ

за гражданскій законъ и неприкосновенность личной собственности, и онъ порвалъ связь съ своей партіей, когда она стала колебать эти главныя основы общества и государства. Значительное вліяніе оказывало на Англію то обстоятельство, что Кромвелль не руководился въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ Карлъ, высокимъ понятіемъ о королевской власти, опираясь лишь на фактическую необходимость. Но при этомъ для него невозможно было достигнуть хотя бы до извѣстной степени прочной политической организаціи. Его авторитетъ былъ чисто фактическій, прочность его основывалась на силѣ оружія и на свойствахъ его собственной личности. Авторитетъ этотъ, гдѣ только онъ ни проявлялся, являлся тяжелымъ гнетомъ: въ Англіи онъ являлся таковымъ какъ по отношенію къ тѣмъ, которые стремились къ возстановленію старыхъ порядковъ, такъ и по отношенію къ собственной партіи, которую Кромвелль лишилъ участія въ государственномъ управленіи; за границей онъ былъ тягостенъ какъ для тѣхъ, кому онъ угрожалъ, такъ и для союзниковъ. Въ Амстердамѣ чувство это выразилось чрезвычайно страннымъ образомъ. Когда получено было извѣстіе о смерти Кромвелля, то мгновенно закрылись лавки, на улицахъ можно было видѣть пляшущую толпу, которая восклицала: „умеръ дьяволъ"; въ Лондонѣ также слышались проклятія, когда Ричардъ Кромвелль, сынъ Оливера, былъ провозглашенъ протекторомъ.

Что же теперь могло и должно было произойти? По общему убѣжденію, предстоялъ коренной переворотъ въ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ и прежде всего въ Англіи. Роялисты были того мнѣнія, что переворотъ будетъ въ ихъ пользу.

XXX. АНГЛІЯ ОТЪ СМЕРТИ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЛЯ ДО РЕСТАВРАЦІИ.

(Изъ соч. Гардинера: „The first two Stuarts and the puritan revolution").

Со смерти Оливера пуританская революція исполнила свое назначеніе. Долгій парламентъ, стремившійся къ двоякой цѣли: поставить волю націи выше королевской и охранить пуританизмъ отъ нововведеній Лоуда, достигъ только одного, а именно побѣды надъ королемъ. Но религіозное разногласіе въ самомъ парламентѣ и между его самыми ревностными приверженцами, возбудило новыя затрудненія. Еслибы дѣла были предоставлены своему естественному теченію, то вопросъ о свободѣ совѣсти былъ бы еще отсроченъ на очень долгое время. Но такъ какъ теперь этой свободы требовали люди, имѣвшіе оружіе въ рукахъ, то нація должна была наконецъ согласиться исполнить ихъ желаніе. Итакъ, предоставленіе всѣмъ свободы совѣсти было вынуждено необходимостью. Было бы въ высшей степени несправедливо сравнивать Кромвелля съ Ришелье. Великій протекторъ никогда не останавливался на мысли, что нація подобна глинѣ въ рукахъ горшечника. Онъ жаждалъ содѣйствія жизни во всемъ: въ религіи и въ политикѣ. Древняя исторія англійскаго народа научила его многому. Тѣмъ не менѣе стремился онъ къ невозможному. Цѣль его была слишкомъ высока для тѣхъ, которые должны были слѣдовать за нимъ. Впослѣдствіи нація оцѣнила его ве-

личіе; но въ то время она рѣшительно отказывалась быть преобразованной сообразно съ его идеаломъ.

Протекторатъ Оливера былъ основанъ на сочувствіи къ нему арміи и гражданской власти, которые не видѣли ничего, кромѣ тираніи и безпорядка во время сосредоточенія власти въ одной палатѣ парламента. Теперь гражданскія власти собрались вокругъ его сына Ричарда, котораго Кромвелль передъ смертью назначилъ своимъ преемникомъ. 27-го января 1659 г. новый парламентъ собрался вокругъ своего новаго протектора. Миролюбивый и безпечный Ричардъ былъ именно такой человѣкъ, котораго гражданскія власти могли заставить дѣйствовать по своему желанію. Армія его совсѣмъ не знала. Отецъ его руководилъ ею во время мира и войны, дѣйствовалъ съ нею подъ Дунбаромъ и торжествовалъ съ нею въ стѣнахъ Ворчестера. Она возстала не противъ протекторской или парламентской системы, но противъ авторитета надъ нею гражданской власти. Она требовала контроля надъ назначеніемъ офицеровъ и хотѣла сама избрать своимъ генераломъ Флитвуда, зятя Оливера. Но парламентъ настоялъ на авторитетѣ гражданской власти надъ арміей. Тогда, 22-го апрѣля, солдаты распустили парламентъ и уничтожили протекторатъ. Ричардъ Кромвелль не сопротивлялся; вся политическая система его отца рушилась.

Армія не хотѣла управлять Англіей отъ своего имени. Въ Лондонѣ оставалось нѣсколько членовъ нижней палаты, засѣдавшихъ въ ней въ 1653 г., когда Долгій парламентъ былъ распущенъ. Эти жалкіе остатки нѣкогда могущественнаго собранія—„Охвостье“ (Rump) называли ихъ въ насмѣшку,—заняли снова, подъ защитою арміи, свои мѣста.

Ихъ было только 42 человѣка. Ни одинъ легитимный король не защищалъ упорнѣе ихъ своихъ правъ. Они заговорили высокомѣрно съ офицерами, заявили имъ, что они ждутъ отъ нихъ вѣрности и повиновенія парламенту и республикѣ, что все, сдѣланное по приказанію Оливера, недѣйствительно. Конечно, офицеры были возмущены такимъ обращеніемъ. „Я не знаю“, говорилъ Ламбертъ, „почему мы должны имъ подчиняться, а не они намъ“.

Неизбѣжное столкновеніе было отсрочено на нѣкоторое время возстаніемъ роялистовъ. Армія все еще обладала силою; мятежники были разбиты Ламбертомъ при Винингтонъ-Бриджѣ. Офицеры возвратились съ большими требованіями, въ удовлетвореніи которыхъ парламентъ имъ отказалъ. За то, когда 13-го октября члены явились въ Вестминстеръ, они увидѣли всѣ входы заставленные войскомъ, преграждавшимъ имъ путь въ палату. „Развѣ вы меня не знаете, Лепталь“?—„Еслибы вы были съ нами въ Винингтонъ-Бриджѣ, то мы знали-бы васъ“.

Эти грубыя слова вполнѣ характеризовали положеніе дѣла. Это не была болѣе армія, которая требовала политической власти, потому что она была умнѣе и разсудительнѣе другихъ классовъ народа. Въ ней говорило теперь презрѣніе военнаго элемента къ гражданскому. Къ счастью всего міра, ни одна армія, какъ бы хорошо дисциплинирована она ни была, не можетъ удержаться во главѣ націи при подобномъ направленіи. Кромѣ того, арміи всегда состоятъ изъ людей, которые держатся другъ друга только, если ими руководитъ высшій умъ и если у нихъ одна общая цѣль, къ которой они всѣ стремятся. Послѣ Оливера узы этой арміи очень ослабѣли. Единственное, чего она желала, это было

освобожденіе отъ подчиненія гражданскому авторитету. Даже въ ея рядахъ находились личности, не хотѣвшія вызывать на бой своихъ соотечественниковъ изъ-за этого дѣла. Гарнизонъ въ Портсмутѣ возсталъ противъ своихъ офицеровъ; даже въ Лондонѣ солдаты замѣтили, что жалованье выдавалось имъ менѣе регулярно съ тѣхъ поръ, какъ солдаты захватили власть въ свои руки. 24-го декабря они снова вызвали Ленталя изъ его уединенія. 26-го парламентъ (Rump-Parlament) былъ во второй разъ возстановленъ; члены его снова заняли свои мѣста въ Вестминстерѣ; казалось, что спокойствіе его никогда ни чѣмъ не нарушалось.

Личности, до этого времени выказывавшія мало сочувствія къ дѣлу короля, теперь стали тяготиться своею зависимостью отъ господствовавшей надъ ними арміи. И въ рядахъ самой арміи появились люди, раздѣлявшіе это чувство. Таковъ былъ, между прочимъ, молчаливый Георгъ Монкъ, командовавшій англійскими войсками въ Шотландіи, человѣкъ безстрастный и спокойный. Онъ служилъ королю въ раннюю пору междоусобной войны, а затѣмъ перешелъ на сторону парламента. Онъ не понималъ высшихъ стремленій Оливера, но усердно помогалъ ему поддерживать порядокъ. Онъ сознавалъ то, что управленіе большимъ королевствомъ не можетъ долго оставаться въ рукахъ главнокомандующаго, первымъ дѣломъ котораго должны быть его военныя обязанности. Пока Ричардъ Кромвелль поддерживалъ свой авторитетъ, Монкъ служилъ ему очень усердно. „Ричардъ Кромвелль", говаривалъ онъ впослѣдствіи, „самъ себя покинулъ: въ противномъ случаѣ я никогда не нарушилъ бы слова, даннаго мною его отцу."

Какъ только Монкъ узналъ объ ударѣ, нанесенномъ офицерами правленію Ричарда, онъ сталъ готовиться къ дѣйствію. Онъ созвалъ собраніе шотландскихъ землевладѣльцевъ и побудилъ ихъ назначить ему денежную субсидію.

1-го января 1660 г. онъ перешелъ черезъ границу, а 11-го января его въ Іоркѣ встрѣтилъ Ферфаксъ, пользовавшійся извѣстностью даровитаго воина. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ переговорахъ Монкъ возсталъ противъ перемѣнъ, которыя могли бы повредить матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ, возникшимъ во время междоусобной войны, противъ возвращенія въ парламентъ изгнанныхъ изъ него пресвитеріанскихъ членовъ и противъ призванія короля: онъ опасался ихъ враждебнаго отношенія къ тѣмъ, которые возвысились при предшествовавшемъ положеніи дѣла.

3-го февраля Монкъ вступилъ въ Лондонъ. Каково бы ни было его внутреннее убѣжденіе относительно возвращенія короля, онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые готовы принимать горячее участіе въ дѣйствіяхъ противъ возможнаго въ будущемъ правительства. Онъ отказался дать присягу въ отреченіи отъ дома Стюартовъ. Вскорѣ послѣ этого наступилъ кризисъ вслѣдствіе рѣшенія, принятаго лондонскою Сити 8-го февраля. Она объявила, что, такъ какъ въ числѣ 42 членовъ, управлявшихъ Англіею, не было ни одного депутата отъ Сити, то она и не намѣрена платить налоговъ: за неимѣніемъ представительства въ палатѣ, не могло быть и рѣчи объ обложеніи налогами. Монку дано было порученіе подавить это сопротивленіе. Вступивъ въ Сити, онъ, правда, ненадолго подчинилъ своей власти ея гражданъ, но увидѣвъ, съ какимъ презрѣніемъ въ Лондонѣ относились къ т. наз. „Охвостью" парламента

(Rump), онъ убѣдился, что ни въ какомъ случаѣ этотъ парламентъ не можетъ продолжать давать законы Англіи.

Монкъ вступилъ въ Сити 10-го февраля; вечеромъ тогоже дня онъ собралъ офицеровъ на совѣтъ и убѣдилъ ихъ одобрить составленное имъ письмо, въ которомъ онъ требовалъ отъ палаты изданія приказа о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ въ теченіи 8 дней. На слѣдующее утро это извѣстіе было встрѣчено съ восторгомъ въ Сити: вечеромъ всѣ улицы были иллюминованы; во избѣжаніе недоразумѣнія на счетъ значенія этого торжества, жарили куски мяса (rump) на огнѣ и носили его по улицамъ.

Но приказъ о выборахъ не являлся, и тогда избрали другой путь для понужденія Румфпарламента. 26-го февраля исключенные пресвитеріанскіе члены заняли свои мѣста; большинство перешло тотчасъ же на ихъ сторону, и распущеніе парламента, за которымъ должны были послѣдовать новые выборы, было рѣшено безъ всякихъ затрудненій. 16-го марта Долгій парламентъ своимъ собственнымъ приговоромъ положилъ себѣ конецъ.

Реставрація была теперь неизбѣжна. Англичане желали избавиться отъ господства солдатчины, и такъ какъ всѣ въ послѣднее время испытанныя формы правленія оказались несостоятельными, то совершенно естественно было обратиться къ тому образу правленія, при которомъ нація процвѣтала въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и который палъ скорѣе вслѣдствіе личныхъ недостатковъ послѣдняго короля, чѣмъ негодности самой системы. Декларація въ Бредѣ окончательно утвердила реставрацію. Въ этомъ, всѣмъ извѣстномъ адресѣ Карлъ обѣщалъ амнистію всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кого парламентъ сочтетъ нужнымъ исключить изъ нея. Матеріальное положеніе людей, измѣнившееся въ продолженіи революціи, было обезпечено распоряженіемъ, по которому конфискованное имущество должно было остаться въ рукахъ его настоящихъ владѣтелей. Духовные интересы также не были забыты: Кромвеллевская доктрина, по которой никто не былъ обязанъ отвѣчать за свои убѣжденія, если только онъ не нарушалъ спокойствія королевства, была утверждена манифестомъ, изданнымъ при реставраціи.

14-го апрѣля собрался новый парламентъ. Король былъ снова призванъ. 25-го мая Карлъ вступилъ на берегъ при громкихъ крикахъ толпы, а 29-го, въ день своего рожденія, онъ прибылъ въ Лондонъ. Солдаты парламентской арміи были разставлены по его пути, чтобы привѣтствовать его. Несогласіе ихъ руководителей лишило ихъ силы: они были распущены и съ покорностью должны были предоставить другимъ заботу о благосостояніи народа.

ЭПОХА ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

XXXI. *ЦЕРКОВНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГЕРМАНІИ ОТЪ РЕЛИГІОЗНАГО АУГСБУРГСКАГО МИРА ДО НАЧАЛА ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

(По соч. Штиве: „Der Ursprung des 30-jährigen Krieges" и по соч. Гейссера: „Geschichte des Zeitalters der Reformation").

По религіозному Аугсбургскому миру 1555 г. глава Германской имперіи и католическіе государственные чины ея отказывались отъ насильственнаго преслѣдованія лютеранства. Они признавали гражданскую равноправность лютеранъ, обѣщали неприкосновенность пріобрѣтенныхъ ими доселѣ церковныхъ имуществъ и на будущее время предоставляли всѣмъ свѣтскимъ государственнымъ чинамъ полную свободу принимать аугсбургское исповѣданіе и обязывать къ тому же своихъ подданныхъ.

Но религіозный миръ этотъ лишенъ былъ прочнаго основанія, былъ по сущности лишь временнымъ компромиссомъ и потому былъ ненадеженъ: онъ содержалъ въ себѣ много неясныхъ, сомнительныхъ пунктовъ. Аугсбургскій миръ обезпечивалъ терпимость лишь по отношенію къ послѣдователямъ аугсбургскаго исповѣданія, а не по отношенію ко всѣмъ протестантамъ, между тѣмъ какъ число реформатовъ было въ это время въ Германіи весьма значительно; далѣе, миръ давалъ свободу вѣроисповѣданія владѣтельнымъ князьямъ, но не подданнымъ ихъ, что повело еще къ болѣе серьезнымъ затрудненіямъ. Правда, въ силу такъ называемой „деклараціи" императора Фердинанда I, евангелическимъ подданнымъ католическихъ государей обѣщана была свобода вѣроисповѣданія; но такъ какъ эта уступка протестантамъ не была включена въ условія Аугсбургскаго мира, то католики и оспаривали ее постоянно; наконецъ важный, жизненный вопросъ о секуляризаціи церковныхъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ монастырямъ или высшимъ духовнымъ чинамъ, оставался также невыясненнымъ и спорнымъ. Впрочемъ, хотя бы въ условіяхъ религіознаго мира и было значительно менѣе спорныхъ, неясныхъ пунктовъ, все-таки для прочнаго мира недоставало главнаго,—именно, недоставало съ обѣихъ сторонъ миролюбиваго настроенія, безъ чего всякое соглашеніе оставалось недѣйствительнымъ.

Дѣйствительно, ни одна изъ партій не покидала мысли — нарушить миръ: протестанты стремились сбросить условія мира, стѣснявшія свободу совѣсти, и уничтожить религіозную исключительность; католики же стремились совсѣмъ уничтожить договоръ и произвести полную реставрацію. До послѣдней четверти XVI ст. перевѣсъ оставался въ Германіи на сторонѣ протестантовъ. Въ большей части областей они захватили церковныя имущества, тѣснили, насколько то было возможно, остатки католицизма и завладѣли въ сѣверной Германіи многими имперскими монастырями и епископствами.

Въ рейхстагѣ или имперскомъ сеймѣ протестанты настоятельно требовали дозволенія своимъ единовѣрцамъ пріобрѣтать права владѣтельныхъ духовныхъ лицъ и открыто отвергали обязательность такъ называемаго *reservatum ecclesiasticum*, т. е. статьи религіознаго мира, въ силу которой отпавшіе отъ католицизма духовные князья признаны были лишенными принадлежавшихъ имъ церковныхъ недвижимыхъ имуществъ.

Между тѣмъ и въ политическомъ отношеніи обстоятельства сложились очень благопріятно для успѣховъ протестантизма въ первые два десятилѣтія послѣ Аугсбургскаго мира. Фердинандъ I, наслѣдовавшій въ Германіи Карлу V (1558—64), глубоко потрясенный, повидимому, судьбою брата, сталъ сомнѣваться въ вѣрности своей прежней политики относительно протестантовъ; и вотъ изъ ревностнѣйшаго преслѣдователя ереси онъ сдѣлался едва не противникомъ Рима и настоятельно совѣтовалъ всѣмъ нѣмецкимъ князьямъ воздерживаться отъ практическаго выполненія постановленій Тридентскаго собора. Натянутыя отношенія съ Римомъ сдѣлали его самого болѣе терпимымъ по отношенію къ еретикамъ; прежняя преграда, возбранявшая новому ученію доступъ въ страну, рушилась; такимъ образомъ протестантизмъ проникъ наконецъ и въ австрійскія наслѣдственныя земли. Наслѣдовавшій Фердинанду I Максимиліанъ II (1564—1576 г.) по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ явно склонялся на сторону протестантизма. Этотъ императоръ дѣйствительно стоялъ выше партій: онъ не одобрялъ злоупотребленій и насилій старой церкви и въ то же время находилъ въ высшей степени неразумными распри между протестантами изъ-за мелочныхъ разногласій; ему въ одинаковой степени была ненавистна нетерпимость обѣихъ партій. О серьезномъ стремленіи его провести въ жизнь принципъ терпимости свидѣтельствуетъ его церковная политика въ Австріи: онъ далъ право владѣтельному дворянству допускать въ своихъ владѣніяхъ проповѣдь какъ стараго, такъ и новаго ученія.

Это было первымъ рѣзкимъ отступленіемъ отъ традиціонной австрійской системы; правда, первоначально было допущено только совмѣстное существованіе въ государствѣ двухъ вѣроисповѣданій, но это открывало уже протестантизму широкій путь для распространенія. Такимъ образомъ уже въ періодъ съ 1564—76 г. новое ученіе распространилось почти по всей нѣмецкой Австріи. Не только въ большихъ городахъ, но и въ глуши провинцій, среди крестьянства, цѣлыя массы оставляли католицизмъ, и почти все безъ исключенія нѣмецкое дворянство перешло въ протестантизмъ. Въ Штиріи протестантизмъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ католицизмомъ. Въ Богеміи протестантизмъ нашелъ опору въ старыхъ, не угасшихъ еще гуситскихъ преданіяхъ и воспоминаніяхъ; такъ же успѣшно шло распространеніе протестантизма въ Моравіи. Лишь Тироль

былъ и остался, — главнымъ образомъ вслѣдствіе своего изолированнаго положенія,—незыблемымъ оплотомъ католицизма. Если таковы были успѣхи протестантизма въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ, то тѣмъ быстрѣе шло распространеніе его въ остальной Германіи. Одни изъ католическихъ государей (князей, курфюрстовъ и пр.) были настроены такъ же терпимо, какъ и Максимиліанъ II, между тѣмъ какъ другіе оставались католиками лишь по имени. Между канониками капитуловъ, членами монашескихъ орденовъ и мірскимъ духовенствомъ многіе держались протестантскихъ воззрѣній; другіе ко всякой религіи относились индифферентно; наконецъ, въ средѣ лицъ, окружавшихъ католическихъ государей, уже рѣдко можно было встрѣтить проявленіе горячей преданности католицизму; дворянство, городское и сельское населеніе повсюду, гдѣ только не было преслѣдованія, открыто переходило въ новую религію. Въ 1557 году, по завѣренію одного венеціанца, не болѣе какъ $^{1}/_{10}$ часть нѣмцевъ осталась вѣрна католицизму, а въ 1574 г. одинъ изъ видныхъ государственныхъ людей Германіи полагалъ даже, что католицизмъ въ Германіи скоро уничтожится совсѣмъ.

Перевѣсъ протестантизма надъ католицизмомъ до 70-хъ годовъ XVI ст. обусловливался еще и тѣмъ, что онъ съ самаго начала съ поразительнымъ успѣхомъ овладѣлъ всей умственной жизнью, тогда какъ католическая церковь въ это время мало обращала вниманія на искусство и науку; протестантизмъ вполнѣ захватилъ-было въ свои руки литературу, новогуманистическое образованіе, воспитаніе и школу; знаменитѣйшіе ученые и литераторы въ громадномъ большинствѣ были протестанты, и къ ихъ обществу принадлежала почти вся умственная аристократія націи.

Но уже съ 60-хъ и особенно съ 70-хъ годовъ XVI ст. стали замѣчаться признаки новаго движенія, которое незамѣтно и быстро возрасло на почвѣ католицизма и впослѣдствіи охватило почти всю Европу. Реакція снова подняла голову: папы, какъ Павелъ IV, и короли, какъ Филиппъ II, открыто заявляли, что еретики должны быть совершенно стерты съ лица земли и опять возстановлено единство церкви въ средневѣковомъ смыслѣ. Торжеству реакціи съ 60-хъ годовъ способствовалъ прежде всего Тридентскій соборъ, оказавшій во многихъ отношеніяхъ оживляющее вліяніе на римскую церковь и много содѣйствовавшій укрѣпленію основъ католическаго вѣрованія въ Германіи, такъ сильно подорванныхъ проповѣдью Лютера. Но самое важное и рѣшительное значеніе для успѣховъ реакціи католицизма имѣло начавшееся вскорѣ процвѣтаніе іезуитскаго ордена въ Германіи: уже съ 60-хъ годовъ выступаетъ на арену іезуитизмъ, вооруженный всѣми необходимыми средствами для борьбы съ новымъ ученіемъ, и дѣятельность его является совершенно иною, чѣмъ дѣятельность прежнихъ монашескихъ орденовъ, которые наконецъ совсѣмъ устранились отъ міра и науки. Въ талантахъ, многостороннемъ образованіи, поразительной діалектикѣ у іезуитовъ не было недостатка; и вотъ въ этомъ новомъ вооруженіи іезуитизмъ выступилъ на арену, чтобы поразить противника его же оружіемъ. Своими обширными познаніями, видимою строгостію нравовъ іезуиты съумѣли возбудить къ себѣ всеобщее почтеніе и удивленіе, своей дипломатическою изворотливостію и рѣдкимъ умѣньемъ держать себя во всякомъ обществѣ, — качествомъ, съ самаго начала отличавшимъ руководящихъ членовъ ордена, — они пріобрѣтали благосклонность правителей и знати, а все это, въ связи съ ихъ религі-

озною ревностію, однихъ воспламеняло къ ревностному содѣйствію, а другихъ — къ слѣпой преданности. Кромѣ того, іезуиты воспитывали себѣ также въ лицѣ подростающаго поколѣнія ревностныхъ пропагандистовъ или преданныхъ слугъ при посредствѣ своихъ школъ, которыя не столько наукой, сколько дисциплиной, тонкимъ умѣньемъ пользоваться человѣческими слабостями и неуклонною систематичностью воспитанія въ извѣстномъ направленіи, брали перевѣсъ надъ часто до крайности распущенными школами гуманистовъ.

Такимъ образомъ новое реакціонное движеніе болѣе и болѣе охватывало духовныхъ и свѣтскихъ князей и представителей государства; іезуиты стали занимать мѣста духовниковъ, цѣлые отряды ихъ посылались на борьбу съ протестантизмомъ и для возстановленія католицизма. Тѣ изъ княжескихъ совѣтниковъ и придворныхъ, которые оставались вѣрны католицизму, теперь высоко и повелительно подняли головы; невѣрующіе же и индифферентные учились преклонять колѣна и благоговѣйно перебирать четки; протестанты мало-по-малу лишились должностей или вліянія; молодое поколѣніе было воодушевлено пламенною ревностью; новообращенные со всею горячностью дѣйствовали въ пользу католицизма на различныхъ важныхъ постахъ, такъ что въ началѣ XVII столѣтія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ правительственнымъ кружкамъ, какъ полагалъ одинъ протестантскій имперскій князь, не оставалось ни одного „неревностнаго" католика. Подобный переворотъ совершался, хотя и медленнѣе, въ капитулахъ, монастыряхъ и другихъ католическихъ учрежденіяхъ. Правительства различныхъ германскихъ государствъ, съ своей стороны, ревностно принялись за внѣшнее, по крайней мѣрѣ, возстановленіе католицизма.

Тридентскій соборъ и іезуиты первоначально возбуждали въ протестантахъ опасенія лишь за то, чтобы масса вѣрующихъ не совращена была ими съ пути истины. Когда же въ семидесятыхъ годахъ стали созрѣвать плоды новаго сѣмени, когда изъ католическихъ областей стали изгоняться протестантскіе священники, стали запираться протестантскіе храмы, а протестантское населеніе должно было или выселяться, или обращаться въ католицизмъ; когда владѣтельные духовные чины, вопреки деклараціи Фердинанда I, стали возбранять подвластнымъ имъ городамъ и дворянству исповѣданіе лютеранскаго ученія и когда, подобно буревѣстникамъ, стали разлетаться по всему государству рѣзкіе полемическіе памфлеты, наполненные угрозами не только вѣрованіямъ, но и политическому положенію протестантскихъ чиновъ,—тогда послѣдніе начали тревожиться и за свою личную безопасность, тѣмъ болѣе, что партія католической реакціи во Франціи, Англіи и Нидерландахъ со всею жестокостью преслѣдовала и истребляла ихъ единовѣрцевъ. Въ послѣдній годъ царствованія Максимиліана II жалобы протестантскихъ князей на католическіе памфлеты и на нарушеніе деклараціи Фердинанда начали уже вызывать немаловажныя затрудненія въ государственномъ управленіи; но католики рѣшительно отвергали декларацію, и императоръ, съ своей стороны, не отваживался выступить на защиту ея.

Въ слѣдующія царствованія Рудольфа II (1576—1612 г.) и брата его Матѳія (1612—1619 г.) полемическіе памфлеты стали появляться все въ большемъ и большемъ количествѣ; іезуиты проникали все далѣе и далѣе; въ богомольяхъ, въ религіозныхъ процессіяхъ, въ торжествен-

номъ богослуженіи, въ чудесахъ, въ преслѣдованіи вѣдьмъ, — словомъ, всюду замѣтно было ихъ вліяніе; гдѣ католики и протестанты сталкивались между собою, въ особенности въ имперскихъ городахъ, тамъ возгоралась между ними ожесточенная борьба, и реакція, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, стала обнаруживаться уже насильственными дѣйствіями. Обѣ стороны изо всѣхъ силъ старались не дать успокоиться умамъ. Но при этомъ протестанты, раздробленные на мѣстныя церкви и секты, далеко не въ состояніи были дѣйствовать такъ единодушно, какъ римская реставрація, апостолы которой, іезуиты, совершенно открыто проповѣдывали крестовый походъ противъ еретиковъ, хотя и протестанты такъ же мало проявляли миролюбія, какъ и ихъ противники. Вражда обѣихъ партій принимала все болѣе острый характеръ, по мѣрѣ того, какъ усиливалось вліяніе іезуитовъ. Господство же іезуитскаго ордена въ Германіи начинается именно со вступленія на престолъ Рудольфа II, тогда какъ до него они были лишь терпимы въ государствѣ. Рудольфъ II рѣзко отличался отъ предшествовавшихъ ему Габсбурговъ. Воспитанный въ строго-католической Испаніи, съ характеромъ, отличавшимся съ самаго начала нѣкоторою мрачностью, обнаруживавшеюся даже подъ конецъ его царствованія припадками душевной болѣзни,—Рудольфъ болѣе, чѣмъ кто-либо, могъ сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Дѣйствительно, іезуиты вполнѣ овладѣли императоромъ: они были его исповѣдниками, совѣтниками и руководителями государственнаго управленія. Рудольфъ большею частью жилъ въ Прагѣ, занимаясь своими учеными затѣями въ области астрологіи и алхиміи; отъ времени до времени онъ заявлялъ о себѣ какимъ нибудь дикимъ, необузданнымъ поступкомъ, послѣ чего раскаявался, какъ ребенокъ, и отдавался вполнѣ въ руки своимъ исповѣдникамъ-іезуитамъ; сегодня онъ являлся своенравнымъ тиранномъ, а на завтра съ полнымъ безсиліемъ дозволялъ дѣлать съ собою что угодно,—словомъ, характеръ его царствованія въ высшей степени былъ способенъ возбудить пагубныя смуты въ цѣломъ государствѣ. Эта полная противорѣчій политика императора послужила, съ одной стороны, къ торжеству реакціи въ Германіи, съ другой же стороны—къ усиленію протестантизма въ австрійскихъ земляхъ, вообще же къ усиленію вражды обѣихъ религіозныхъ партій.

Торжество реакціи католицизма въ Германіи, со вступленіемъ на престолъ Рудольфа II, выразилось прежде всего въ томъ, что на рейхстагѣ 1582 г. протестантскіе администраторы сѣверныхъ нѣмецкихъ епископствъ лишены были права засѣдать въ рейхстагѣ и, несмотря на возраженія со стороны протестантскихъ представителей, не были допущены и на слѣдующія засѣданія имперскаго сейма. Затѣмъ принятіе католиками новаго грегоріанскаго календаря произвело еще бо̀льшія смуты. Въ борьбѣ религіозныхъ партій, происходившей въ Ахенѣ такъ же, какъ и въ другихъ имперскихъ городахъ, гдѣ императоръ поддерживалъ католиковъ, протестанты терпѣли большія стѣсненія,—между прочимъ и со стороны испанцевъ, которые изъ испанскихъ Нидерландовъ часто вторгались въ предѣлы Германіи, захватывали укрѣпленія по Рейну и однажды въ концѣ XVI столѣтія расположились даже на зимнія квартиры въ нѣмецкихъ областяхъ. Наконецъ протестанты оказались въ такомъ положеніи, что имъ угрожала опасность лишиться всѣхъ церковныхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими съ 1555 года.

Въ виду такихъ пораженій и угрожающихъ опасностей, протестанты, съ своей стороны, становились въ болѣе и болѣе рѣзкія, враждебныя отношенія къ императору, къ католическимъ представителямъ, которые составляли большинство въ рейхстагѣ, и къ существующему государственному строю. Продолжая настаивать на уничтоженіи статьи *reservatum ecclesiasticum* и на соблюденіи декларацій Фердинанда I, протестантскіе князья требовали себѣ права конфисковать и реформировать церковныя земли, возставали какъ противъ явнаго насилія, когда католическіе князья и курфюрсты, подобно имъ самимъ, принуждали своихъ подданныхъ къ переходу въ свою религію, и требовали для своихъ единовѣрцевъ въ имперскихъ городахъ права стѣснять католическое меньшинство или, не смотря на преобладающее большинство послѣдователей другихъ религій, свободно отправлять свое богослуженіе. Протестантскіе князья стали отрицать обязательность постановленій большинства рейхстага относительно государственнаго бюджета и религіозныхъ вопросовъ; наконецъ они отрицали даже право верховнаго имперскаго суда постановлять свое рѣшеніе по такимъ дѣламъ, которыя, по ихъ мнѣнію, соприкасались съ вѣроученіемъ, или разъяснять статьи религіознаго договора, и желали то и другое предоставить рѣшенію и добровольному соглашенію самихъ государственныхъ чиновъ. Однимъ словомъ, всѣми силами старались подрывать и тормазить государственное управленіе.

Все это движеніе, возбуждаемое и поддерживаемое протестами, судебными разбирательствами и полемическими памфлетами, вызвано было не однѣми только религіозными причинами. Если не въ сознаніи, то въ поступкахъ главными стимулами являлись политическія цѣли и стремленія. Когда мѣстные владѣтельные князья, курфюрсты и проч. конфисковали церковныя имущества, то здѣсь вопросъ шелъ о расширеніи и упроченіи территоріальной власти; а когда они отказывались отдать на рѣшеніе имперскаго суда вопросъ о правѣ на владѣніе новопріобрѣтенными церковными имуществами, то при этомъ имѣлось въ виду поправленіе разстроенныхъ финансовъ. Когда протестантскіе князья возставали противъ reservatum ecclesiasticum или настаивали на признаніи католиками установленныхъ на монастырскихъ земляхъ администраторовъ или протестантскихъ аббатовъ, то тутъ главнымъ стимуломъ было стремленіе протестантскихъ князей обезпечить свое потомство и увеличить могущество своей династіи. Когда оспаривалась судебная власть верховнаго имперскаго суда и обязательность постановленій большинства рейхстага, то тутъ вопросъ шелъ о „нѣмецкой свободѣ", какъ говорили протестанты, т. е. о совершенной независимости и самостоятельности отдѣльныхъ частей Германской имперіи. Политическіе интересы примѣшивались даже къ борьбѣ изъ-за декларацій, ибо владѣтельное духовенство, путемъ окатоличенія подвластныхъ ему дворянъ и горожанъ, въ значительной степени усиливало свое могущество, между тѣмъ какъ протестанты вслѣдствіе этого лишались своихъ сторонниковъ. Это были тѣ же самыя стремленія, которыя противодѣйствовали императорской власти съ самаго основанія государства и возбуждали постоянные раздоры и враждебныя столкновенія въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; религіозный же элементъ сообщилъ этимъ стремленіямъ, этой борьбѣ лишь болѣе рѣзкій, запальчивый и опасный характеръ.

Свѣтскіе представители католической партіи въ основѣ стремились

къ достиженію собственно одинаковыхъ политическихъ цѣлей съ протестантами. Тѣмъ не менѣе возбужденная въ нихъ религіозная ревность заставила ихъ безповоротно стать вмѣстѣ съ духовенствомъ за императорскую власть и за существующій государственный строй, такъ какъ съ ними было тѣсно, неразрывно связано и существованіе самой католической церкви въ Германіи. Притязанія протестантовъ казались ревностнымъ католикамъ порожденіемъ проклятой ереси, угрожающимъ гибелью церкви, государства и національнаго единства. Къ этому присоединялось еще то, что противники, съ своей стороны, посредствомъ рѣзкихъ памфлетовъ и политическихъ брошюръ возбуждали умы и, гдѣ только было можно, нарушали въ свою пользу постановленія религіознаго мира, Недовольство католиковъ достигло высшей степени, когда глава активной протестантской партіи, курфюрстъ Пфальцскій, объявилъ себя послѣдователемъ непризнаннаго аугсбургскимъ договоромъ кальвинизма, послѣдователи котораго во многихъ государствахъ З. Европы съ оружіемъ въ рукахъ выступали противъ реакціонной католической партіи. Здѣсь заговорило уже не одно религіозное чувство, но и національное, ибо поступокъ курфюрста какъ бы свидѣтельствовалъ, что протестанты стали въ болѣе близкія отношенія къ нидерландцамъ и англичанамъ, которые съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ относились къ императору и Германской имперіи.

Такимъ образомъ вѣроисповѣдное различіе, не оказывавшее до 70-хъ годовъ почти никакого вліянія на политическую и соціальную жизнь, становилось съ этого времени все болѣе и болѣе разъединяющимъ элементомъ, возбуждая временное недовѣріе и такую пламенную ненависть, какая возможна только въ области религіозныхъ вопросовъ. Протестанты страшились, что императоръ и католическіе чины въ союзѣ съ папой, съ королемъ Испаніи и со всѣми другими слугами антихриста предпримутъ совершенное истребленіе протестантизма; католики, съ своей стороны, полагали, что ихъ противники вмѣстѣ со своими единовѣрцами въ цѣлой Европѣ заняты подобными же планами и готовы для достиженія своихъ цѣлей вступить въ союзъ даже съ исконными врагами христіанства. Вражда между католиками и протестантами поддерживалась также несогласіями по вопросу о монастыряхъ, по поводу котораго въ 1603 г. въ рейхстагѣ дѣло дошло уже почти до открытаго разрыва. Къ этому присоединился еще новый поводъ для неудовольствій протестантовъ; именно въ Кельнѣ появилась книга, будто бы съ одобренія императора, посвященная эрцгерцогу Максимиліану и написанная настоятелемъ одного монастыря въ Эльзасѣ (въ Маркдорфѣ) Іоанномъ-Павломъ Виндекомъ. Книга эта, рядомъ съ рѣзкими нападками на еретиковъ, объявляла религіозный миръ нарушеннымъ и призывала императора и католическихъ князей огнемъ и мечемъ возстановить религіозное единство. Но болѣе всего дѣйствовало возбуждающимъ образомъ то, что Рудольфъ II старался сразу произвести реставрацію католицизма въ Венгріи, чѣмъ вызвалъ тамъ возстаніе, предводимое Бочкаемъ, и что, поставленный этимъ въ затруднительное положеніе, медлилъ, однако, ратификаціею мира съ Турціею и Венгріею и просилъ у новаго рейхстага средствъ для продолженія войны съ возставшими венгерцами и съ турками, чтобы только не дать венгерскимъ протестантамъ свободы вѣроисповѣданія.

Между тѣмъ вражда партій стала съ каждымъ днемъ обнаруживаться болѣе и болѣе рѣзко. Поколѣніе миролюбивыхъ нѣмецкихъ князей, отличавшихся терпимостью, постепенно вымирало, сектантскій духъ, сектантская нетерпимость въ обоихъ лагеряхъ усиливались, и страсти начинали бушевать сильнѣе, а усиленіе іезуитскаго ордена въ Германіи, поддерживаемаго двумя князьями,—именно Фердинандомъ Штирійскимъ и Максимиліаномъ Баварскимъ,—указывало на приближеніе кризиса. Положеніе было крайне натянутое. Требовался лишь небольшой толчокъ, чтобы между враждебными партіями, полными недовольства и ненависти другъ къ другу, произошло кровавое столкновеніе. Такимъ роковымъ толчкомъ послужили событія, которыя въ 1606—1607 г. произошли въ маленькомъ швабскомъ протестантскомъ городкѣ—Донаувертѣ.

Донаувертъ былъ лютеранскій имперскій городъ, въ число гражданъ котораго съ конца XVI столѣтія не принимался ни одинъ католикъ; въ городѣ былъ католическій монастырь, существованіе котораго допущено было подъ тѣмъ условіемъ, чтобы монахи этого монастыря не устраивали въ городѣ никакихъ процессій съ распущенными знаменами. Аббатъ и другіе члены монастыря находили это условіе для себя неудобнымъ, стѣснительнымъ и неоднократно нарушали запрещеніе, Напрасно предостерегалъ ихъ городской совѣтъ: монахи не обращали вниманія на предостереженія, и вотъ, когда въ апрѣлѣ 1606 г. проходила по городу торжественная католическая процессія съ развѣвавшимися знаменами, городская чернь бросилась на процессію, чѣмъ ни попало, била монаховъ и прогнала ихъ обратно въ монастырь.

Подобныя и даже болѣе рѣзкія столкновенія и прежде неоднократно бывали въ различныхъ частяхъ государства, но обыкновенно дѣло вызывало массу переписки, взаимныхъ обвиненій, и тѣмъ и оканчивалось. На этотъ разъ вышло иначе.

Въ дѣло вмѣшался герцогъ Максимиліанъ Баварскій, сперва единолично, по собственной иниціативѣ, а затѣмъ какъ исполнитель императорской экзекуціи. Для него, фанатическаго питомца іезуитовъ, который тотчасъ по вступленіи на престолъ выказалъ пламенную ревность въ преслѣдованіи еретиковъ, лютеранскій имперскій городъ уже давно былъ какъ бѣльмо на глазу. Когда его первый протестъ не былъ уваженъ, онъ обратился къ императорскому двору въ Прагѣ, гдѣ, по самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, при помощи денегъ можно было сдѣлать все, даже побѣдить сонливую медлительность имперской юстиціи.

Съ поразительной быстротою уже въ августѣ 1607 г. послѣдовало императорское повелѣніе объ экзекуціи, произвести которую былъ уполномоченъ герцогъ Максимиліанъ.

Съ войскомъ, на 2,000 человѣкъ превосходившимъ число жителей города,—Максимиліанъ опасался вмѣшательства протестантскихъ имперскихъ чиновъ, въ особенности Пфальцскихъ курфюрстовъ,—онъ явился предъ Донаувертомъ, занялъ городъ безъ всякаго сопротивленія и съ строгой послѣдовательностью въ примѣненіи средствъ, что такъ любитъ всякая религіозная реакція, началъ обращеніе еретиковъ въ православіе.

Прежде всего потребовалось мѣсто, гдѣ бы католическіе чиновники и солдаты могли отправлять свое богослуженіе; затѣмъ—половина церквей, наконецъ всѣ; а когда населеніе медлило исполненіемъ этихъ тре-

бованій, то къ протестантамъ, оставшимся вѣрными своей религіи, были насильно поставлены на квартиры солдаты, гдѣ они должны были оставаться до тѣхъ поръ, пока хозяева ихъ не убѣдятся въ истинности католическаго вѣроисповѣданія.

Такое насиліе со стороны герцога надъ швабскимъ имперскимъ городомъ въ мирное время произвело страшное волненіе. Экзекуція была противозаконна, потому что объ этомъ не были спрошены курфюрсты и потому, что исполненіе ея было поручено князю, который не принадлежалъ къ кругу швабскихъ князей; слѣдовательно, эта экзекуція была равносильна открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ протестантскихъ имперскихъ чиновъ. О военномъ значеніи города, какъ господствующаго надъ Дунаемъ и пограничнаго съ Швабіей, Баваріей и Франконіей, нечего и говорить.

Протестантскіе имперскіе чины южной Германіи, во главѣ съ курфюршествомъ Пфальцемъ, Виртембергомъ и Нейбургомъ, рѣшили въ ближайшую сессію рейхстага дѣйствовать сообща. Засѣданіе рейхстага было бурное, и дѣло дошло до полнаго разрыва между партіями. Герцогъ Максимиліанъ почти прямо заявлялъ, что при занятіи Донауверта онъ имѣлъ въ виду не столько побѣду праваго дѣла, сколько завоеваніе страны; насилія Фердинанда надъ протестантами въ Штиріи съ своей стороны еще болѣе усиливали общее возбужденіе. Въ виду всего этого, часть протестантскихъ князей 4 мая 1608 г. составила *унію*, съ цѣлью взаимной защиты противъ дальнѣйшихъ посягательствъ на имперскую конституцію.

Первыми подписали договоръ Фридрихъ, курфюрстъ Пфальцскій, Филиппъ-Людвигъ, пфальцграфъ Нейбургскій, маркграфы: Іоахимъ Анспахскій, Іоаннъ-Фридрихъ, герцогъ Виртембергскій, и нѣкоторые другіе. Только часть протестантскихъ князей вступила въ унію, и въ этомъ именно заключалась ихъ роковая ошибка, которая и не преминула скоро обнаружиться. Вопросъ не въ томъ, были ли основанія для обвиненій и поводы къ отпору, къ противоположнымъ мѣропріятіямъ, но нужно было зрѣло обдумать, взвѣсить, не будутъ ли подрываться самыя основы мира, если партіи открыто раздѣлятся на два лагеря, и что, слѣдовательно, не будетъ ли при такихъ условіяхъ союзъ въ самомъ себѣ носить зародышъ собственнаго распаденія. Въ такомъ именно положеніи находилась унія, ибо не всѣ протестанты приняли въ ней участіе,—напр., Саксонія, вслѣдствіе того, что Пфальцъ сталъ во главѣ уніи, не только устранилась, но даже всячески старалась вредить ему и уніи,—да и тѣ, которые вступили въ союзъ, никогда не были единодушны между собою.

Въ отвѣтъ на протестантскую унію католики, въ лицѣ герцога Максимиліана, эрцгерцога Леопольда Австрійскаго, нѣсколькихъ епископовъ и нѣкоторыхъ аббатовъ, составили 10 іюля 1609 г. *лигу*, также съ цѣлью охраны имперскихъ законовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для защиты католической религіи и ея послѣдователей, тогда какъ въ договорѣ, заключенномъ членами уніи, о религіи не говорится ни слова.

Лига была союзомъ только по имени; на самомъ же дѣлѣ она была созданіемъ и орудіемъ одного лица, дѣломъ одного рѣшительнаго, энергическаго князя, который съумѣлъ выяснить духовнымъ князьямъ южной Германіи, что въ данномъ случаѣ по отношенію къ нимъ поставленъ

вопросъ—„быть или не быть“ и что поэтому они должны не жалѣть кошелька. На средства союзниковъ герцогъ Максимиліанъ организовалъ превосходное войско, которое состояло изъ баварцевъ, подъ начальствомъ баварскихъ же военачальниковъ. Теперь, располагая арміей, онъ задумалъ привести въ исполненіе болѣе широкіе планы; изъ его мемуаровъ видно, что онъ домогался содѣйствія Испаніи и папы. Но замѣчательно, что онъ старался образовать союзъ помимо Австріи; онъ имѣлъ въ виду, какъ это замѣчено было и католической партіей, образовать изъ нѣкоторыхъ частей католической Германіи болѣе тѣсный союзъ подъ гегемоніей Баваріи, который бы затѣмъ вступилъ въ союзъ съ Австріей.

Такимъ образомъ лига имѣла извѣстное значеніе, имѣла главу и войско, готовое въ первый же моментъ опасности взяться за оружіе; унія же не имѣла ни того, ни другаго и вслѣдствіе внутренняго разлада распалась.

Положеніе дѣлъ приняло такой оборотъ, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобы вспыхнула ужасная война. Генрихъ IV весьма удачно выбралъ этотъ моментъ, чтобы вмѣшаться въ дѣла Германіи; но смерть его отсрочила кровавую борьбу.

Между тѣмъ смуты въ габсбургскихъ наслѣдственныхъ земляхъ возрастали, болѣе и болѣе усиливавшаяся оппозиція противъ попытокъ насильственнаго обращенія въ католицизмъ достигла степени открытаго мятежа. Рудольфъ оказался неспособнымъ утишить эту бурю, такъ что собрался семейный совѣтъ и назначилъ ему,—вслѣдствіе его упорнаго „душевнаго безсилія“, какъ говорится въ одномъ договорѣ съ Венгріей,—опекуна въ лицѣ старшаго брата его, Матѳія, человѣка безхарактернаго, мучимаго безсильнымъ честолюбіемъ,—человѣка, который способенъ былъ только увеличивать, разжигать недовольство и смуты, но нигдѣ не въ состояніи былъ водворить мира и спокойствія.—Онъ игралъ съ огнемъ, возбуждалъ противъ брата; онъ вступалъ въ заговоры противъ императора вмѣстѣ съ недовольными въ Венгріи, Моравіи и нѣмецкой Австріи, отнялъ у него земли и корону и все-таки былъ настолько слабъ, что не могъ усмирить возстанія имперскихъ чиновъ.

Такимъ образомъ положеніе дѣлъ угрожало распаденіемъ имперіи. Рудольфъ былъ удаленъ въ наслѣдственныя земли; управленіе Венгріей и другими землями онъ вынужденъ былъ передать Матѳію. Тогда Рудольфъ, у котораго оставался только одинъ титулъ императора да Богемія, чтобы удержать за собою хотя эту область, бывшую главнымъ разсадникомъ протестантизма въ Австріи, рѣшился дать богемскимъ протестантамъ извѣстную *грамоту величества* (Majestätsbrief) отъ 11 іюля 1606 года, по которой имъ дозволялось строить новыя церкви и школы и избирать изъ своей среды защитниковъ своихъ религіозныхъ и политическихъ привилегій противъ нападенія католиковъ и нѣмецкаго правительства. Несмотря, однакожъ, на грамоту величества, и богемцы нашли для себя болѣе выгоднымъ перейти на сторону главы оппозиціи. 20 января 1612 г. умеръ наконецъ сумасшедшій и больной государь, умеръ безземельный и лишенный всѣхъ своихъ коронъ.

Семилѣтнее правленіе императора Матѳія (1612—1619) было истиннымъ наказаніемъ для него же самого. Жизнь заставила его на себѣ испытать, что, имѣя поддержку въ общемъ недовольствѣ, низвергнуть правителя легче, чѣмъ полновластно управлять тѣми духами, которыхъ

вызвалъ самъ. Рудольфъ кое-какъ вынесъ еще кризисъ, не проливая крови; но надъ головою его преемника суждено было вспыхнуть пламени гражданской войны. Притомъ же и Матѳія постигла участь Рудольфа: эрцгерцоги назначили ему опекуна въ лицѣ Фердинанда Штирійскаго; а по смерти Матѳія въ Богеміи и части Австріи вспыхнула революція.

Свое правленіе въ Богеміи Фердинандъ началъ рядомъ вопіющихъ нарушеній императорской грамоты; такъ, въ Брунау онъ велѣлъ запереть церкви, а въ Клостерграбѣ—совсѣмъ разрушить. Вслѣдствіе этого въ маѣ 1618 г. въ Прагѣ вспыхнуло возстаніе. Ненавистные императорскіе совѣтники, Мартиницъ и Славата, „по доброму старобогемскому обычаю“, какъ выразился одинъ изъ присутствовавшихъ дворянъ, были выброшены изъ окна, установлено было временное правительство и собрано войско.

Это возстаніе было уже началомъ тридцатилѣтней войны.

XXXII. ИЗБРАНІЕ ФЕРДИНАНДА II ИМПЕРАТОРОМЪ И ТОРЖЕСТВО КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦІИ ВЪ БОГЕМІИ И ПФАЛЬЦѢ.

(Изъ соч. Гейссера: „Geschichte des Zeitalters der Reformation“).

Съ начала XVII столѣтія въ Австріи начинается національное религіозное и политическое броженіе, отъ успокоенія котораго зависѣла вся будущность этого государства. Такое чрезвычайное положеніе вещей требовало и чрезвычайныхъ средствъ. И вотъ, чтобы сдѣлать безвредною слабость Рудольфа II, собирается фамильный совѣтъ эрцгерцога и назначаетъ регента (Матѳія); когда же дѣло управленія оказалось непосильнымъ и регенту, то семейный совѣтъ и съ нимъ поступилъ такъ же, какъ съ Рудольфомъ.

Когда прошла очередь эрцгерцога, на сцену выступилъ Фердинандъ Штирійскій; онъ былъ сынъ герцога Карла Штирійскаго и двоюродный братъ Матѳія, и хотя не былъ ближайшимъ наслѣдникомъ австрійскаго престола, но такъ какъ изъ ближайшихъ наслѣдниковъ одни были духовными лицами, а другіе оставались бездѣтными, то семейный совѣтъ нашелъ вполнѣ цѣлесообразнымъ возложить на него всѣ заботы о дѣлахъ государства.

Фердинандъ былъ однимъ изъ первыхъ знатныхъ питомцевъ іезуитскаго ордена и приготовлялся болѣе для церковной каѳедры и исповѣдальни, чѣмъ для трона; онъ, какъ истинный ученикъ іезуитовъ, вполнѣ проникся ихъ цѣлями и стремленіями и рано связалъ себя фанатическими обѣтами, выполненіе которыхъ должно было встрѣтить множество затрудненій, что онъ и самъ могъ предвидѣть. Онъ еще въ юности далъ обѣтъ—всѣми средствами уничтожать ересь и рѣшился лучше царствовать надъ пустыней, чѣмъ надъ еретической страной.

И дѣйствительно, впослѣдствіи ему удалось исполнить этотъ ужасный обѣтъ: онъ дѣйствительно обратилъ въ пустыню цѣлыя страны, хотя и не могъ совершенно уничтожить ересь.

Онъ обладалъ одною изъ тѣхъ натуръ, которыя въ рукахъ духовенства могутъ быть ужаснымъ орудіемъ религіозной нетерпимости. Не отличаясь смѣлымъ и возвышеннымъ образомъ мыслей, свойственнымъ оригинальнымъ умамъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ фанатизированныхъ дюжинныхъ личностей, которыя, разъ усвоивши себѣ что-либо какъ символъ вѣры, готовы отстаивать это съ опасностью собственной жизни и жертвовать за это всѣмъ, что для нихъ дорого здѣсь на землѣ; онъ былъ болѣе монахъ, питомецъ духовной коллегіи, чѣмъ правитель, способный успокоить броженіе умовъ и предотвратить ужасную бурю гражданской войны.

Когда въ 1596 г. Фердинандъ вступилъ въ управленіе Штиріею, Каринтіею и Крайною, почти все государство было добычею ереси и возстанія. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ принялъ твердое рѣшеніе уничтожить всѣхъ враговъ истинной религіи и королевскаго абсолютизма, и управляемая имъ страна была единственной монархіей, въ которой ему удалось этого достигнуть. Онъ заявлялъ, что лучше пойдетъ просить милостыню и позволитъ растерзать на куски свое тѣло, чѣмъ долѣе потерпитъ ересь. Въ протестантскія общины назначались католическіе священники, а если крестьяне возмущались, то ихъ заставляли покоряться силою. Кто въ опредѣленный краткій срокъ не дѣлался католикомъ,—долженъ былъ выселяться; протестантскія церкви и школы были разрушены, библіи и сборники проповѣдей сожигались тысячами, непокорнымъ угрожали изгнаніе, драгонады и висѣлица, а когда несчастные ссылались на постановленія Максимиліана II, то имъ отвѣчали, что князья не обязаны соблюдать тѣ привилегіи и вольности, которыя оказываются для нихъ вредными.

Въ частной жизни Фердинандъ представлялъ образецъ простой, строго-нравственной жизни. Характеръ его отличался одностороннимъ развитіемъ и косностью, но не жестокостью; по крайней мѣрѣ въ немъ не проявлялось страсти къ звѣрскому насилію.

Можно считать вполнѣ достовѣрнымъ фактъ, приводимый его защитниками, что онъ плакалъ во время совершенія ужасовъ, предписанныхъ имъ же самимъ; онъ думалъ, что этой жертвы требуетъ отъ него религія, и былъ настолько честный фанатикъ, что съ полною серьезностью могъ сказать: „я отдалъ бы свою собственную жизнь, еслибы можно было сразу всѣхъ еретиковъ обратить на путь истинный“.

Ему недоставало той широты и возвышенности воззрѣній, которая стоитъ выше всѣхъ партій и признаетъ право каждаго въ его сферѣ. Вообще въ то время подобная широта воззрѣній была достояніемъ лишь такихъ выдающихся умовъ, какъ Вильгельмъ Оранскій и Генрихъ IV; кромѣ того, воспитаніе поселило въ Фердинандѣ убѣжденіе, что подобная терпимость есть прямое посягательство на религію.

Вслѣдствіе этого прежняя политика терпимости, перешедшая подъ конецъ въ политику слабости, казалась ему величайшимъ изъ золъ, а тѣсная связь, въ особенности въ Австріи, между ересью и всѣми тенденціями политической свободы и національной обособленности еще болѣе укрѣпляла его въ томъ убѣжденіи, что онъ стоитъ на стражѣ единства Германской имперіи и охраняетъ ее отъ гибельныхъ возмущеній.

Еще при Матѳіи Фердинандъ сдѣлался руководителемъ государственной политики, а послѣ смерти его (20 марта 1619) сталъ, безспорно, ближайшимъ наслѣдникомъ престола.

Онъ нашелъ Вѣну въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилась и Штирія: протестантизмъ охватилъ всю страну; бюргеры, дворянство и крестьяне почти всѣ открыто слѣдовали ереси; близъ Вѣны стоялъ графъ Турнъ съ богемскими ландскнехтами, изъ Венгріи наступалъ избранный княземъ Трансильваніи Бетленъ Габоръ, и сильная партія въ самой резиденціи рѣшилась дѣйствовать съ ними сообща. Самая жизнь императора находилась въ опасности. Волненіе достигло такихъ же размѣровъ, какъ въ Прагѣ: вооруженные бюргеры подступили къ дворцу, требуя религіозной свободы; ихъ предводитель, потрясая Фердинанда за одежду, восклицалъ: „Нандель, ты долженъ подписать!“ Оставался одинъ шагъ, и Фердинандъ былъ бы въ рукахъ разъяренной толпы; но у предводителя возстанія не хватило настолько энергіи, отваги, чтобы уничтожить прежнее и установить новое временное правительство.

Въ такихъ въ высшей степени затруднительныхъ обстоятельствахъ Фердинандъ велъ себя какъ человѣкъ истинно-мужественный: приходилось противостоять бурѣ, напора которой многіе не выдержали бы на его мѣстѣ, но онъ устоялъ. Онъ, какъ и многія другія историческія личности, способенъ былъ легче переносить несчастіе, чѣмъ счастіе.

Счастливый случай, именно своевременное прибытіе кирасиръ, спасло императора отъ ярости толпы.

Теперь предстояло рѣшить важный вопросъ, отъ котораго зависѣло ближайшее будущее габсбургскаго дома,—именно вопросъ объ избраніи императора.

Императорское достоинство болѣе уже не давало непосредственной власти и силы, не давало арміи и государственной казны; императоръ уже не имѣлъ неограниченнаго авторитета, безапелляціонно рѣшающаго голоса. Поэтому, если Фердинандъ разсчитывалъ властью германскаго императора подавить возстаніе въ Прагѣ и Вѣнѣ, то это было заблужденіемъ съ его стороны.

Несмотря на это, императорское достоинство имѣло немаловажное значеніе. Многія вещи въ жизни кажутся неимѣющими никакой цѣны, пока мы ими владѣемъ; но лишиться ихъ было для насъ невознаградимою утратою. То же самое было и съ императорскимъ достоинствомъ. Въ данный моментъ потеря императорскаго достоинства была равносильна обвинительному вердикту, произнесенному германскимъ государствомъ надъ габсбургскимъ домомъ, ибо чехи, мадьяры, моравцы, силезцы и, наконецъ, населеніе самой Вѣны потрясали этотъ полусгнившій домъ, въ особенности колебали авторитетъ Фердинанда. Германія въ этомъ случаѣ являлась соломенкою для утопающаго, обломкомъ доски, за который держались поникающія надежды Габсбурга. Вѣна была ненадежна, Богемія—въ открытомъ возстаніи; Моравія, Силезія, Венгрія были близки къ тому же; Тироля и Штиріи было недостаточно, чтобы удержать тронъ. Еслибы и Германія также покинула Фердинанда, то онъ долженъ былъ бы считать себя погибшимъ.

Еслибы курфюрсты избрали эрцгерцога, то онъ имѣлъ бы опору,—по крайней мѣрѣ Германія свидѣтельствовала бы, что габсбургскій домъ еще не палъ; а потому избраніе это никогда не было такъ желательно, какъ именно теперь. Не удайся оно, и весь домъ долженъ былъ рухнуть въ пропасть революціи.

Для Германіи вопросъ этотъ былъ важенъ въ другомъ отношеніи.

Здѣсь велась борьба между совершенно противоположными партіями. Съ избраніемъ Фердинанда государство повергнлось бы въ революціонныя смуты, охватившія южныя и восточныя границы Германіи. Отношенія между враждебными партіями въ государствѣ настолько были натянуты, что сами по себѣ угрожали взрывомъ; когда же во главѣ государства сталъ бы такой фанатикъ крайней реставраціи, какъ Фердинандъ, то гражданская война являлась неизбѣжною и въ Германіи.

Еслибы въ то время нашелся въ Германіи такой князь, который бы пользовался общимъ уваженіемъ и популярностью настолько, что являлся бы достойнымъ императорской короны, и который въ религіозныхъ дѣлахъ былъ бы настолько терпимъ, что обезпечилъ бы неприкосновенность правъ обѣихъ партій,—тогда, конечно, выборъ такой личности являлся наиболѣе желательнымъ: онъ, можетъ быть, спасъ бы Германію отъ ужасныхъ бѣдствій тридцатилѣтней войны.

Избирательное право Фердинанда съ самаго начала являлось спорнымъ, потому что Богемія болѣе уже не признавала его; но этимъ не выигрывалось ничего, если не было другаго кандидата. Унія оказалась въ полномъ упадкѣ: какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ протестантской партіи не было единодушія; протестанты приходили въ ужасъ въ виду избранія іезуитскаго императора, но они не въ состояніи были противопоставить этому выбору ничего, кромѣ тщетныхъ происковъ и невыполнимыхъ предложеній.

Едва избѣжавъ рукъ враждебныхъ богемцевъ, Фердинандъ явился во Франкфуртъ на избирательный сеймъ.

Послѣ 6-ти-мѣсячныхъ переговоровъ и переписки протестантская партія не пришла однако къ соглашенію относительно протеста противъ избирательнаго права Фердинанда, недѣйствительность котораго объявлена Богеміей, и когда насталъ день выборовъ, то было почти несомнѣнно, что побѣда останется на сторонѣ Фердинанда, что дѣйствительно и случилось. Это было первымъ моментомъ благопріятнаго исхода того кризиса, въ которомъ такъ долго находилась Австрія.

Выборъ чеховъ, состоявшійся въ августѣ того же года, когда на императорскій престолъ былъ избранъ Фердинандъ, палъ на главу уніи, курфюрста Фридриха V Пфальцскаго, потому что онъ, какъ полагали въ Богеміи, „очень разумный человѣкъ, съ большими способностями и владѣющій различными языками“, и потому что онъ управляетъ „могущественнымъ и хорошо организованнымъ народомъ и находится въ союзѣ съ могущественными иностранными державами—съ Англіей, Голландіей и Швеціей“. Въ Богеміи не знали ни внутренней слабости уніи, ни ненадежности ея союзовъ съ иностранными государствами; ей все еще довѣряли и надѣялись отъ нея на такую помощь, какой она дать не могла.

Фридрихъ V былъ женатъ на дочери Іакова I, Елизаветѣ Стюартъ; въ Англіи бракъ этотъ радостно привѣтствовали, какъ семейный союзъ между англійскимъ королемъ (все еще подозрѣваемымъ въ католическихъ тенденціяхъ) и главою германскаго протестантизма, и поэтому парламентъ изъявилъ полную готовность давать субсидіи пфальцграфу.

Эта связь съ Англіей казалась весьма важною въ глазахъ чеховъ.

Курфюрстъ вслѣдствіе различныхъ вліяній долго колебался принять то или другое рѣшеніе. Въ частной жизни онъ отличался обходительностью и добротою, оказывалъ покровительство художникамъ и ученымъ,

но совершенно не былъ способенъ къ серьезной политической дѣятельности, не говоря уже о проведеніи смѣлыхъ, широкихъ реформъ; постоянно руководившійся чужими совѣтами, онъ никогда не былъ въ состояніи въ критическіе моменты выказать такую рѣшимость, которая въ извѣстныхъ случаяхъ отваживается на все. Принять королевское достоинство побуждало его съ одной стороны—честолюбивое желаніе удержать за своимъ домомъ роль предводителя, главы націи, съ другой—надежда на помощь Англіи, а главнымъ образомъ—совѣты окружающихъ, которые въ то время собственно и руководили пфальцской политикой; это были родственные курфюрсту безземельные принцы, изъ которыхъ наибольшимъ вліяніемъ пользовался Христіанъ Ангальтскій, и, кромѣ того, кальвинистскій духовникъ курфюрста Скультетусъ.

Фридрихъ V надѣялся найдти въ Богеміи прочную опору для своей власти, чехи же, съ своей стороны, ожидали, что новый король создастъ *ихъ* могущество. Онъ нашелъ тамъ лишь славянскую революцію, непокорное, буйное дворянство и анархію во всемъ государствѣ, управленіе которымъ аристократія хотѣла всецѣло забрать въ свои руки. Каждый разсчитывалъ на другихъ, и въ концѣ концовъ всѣ оказались безпомощными.

Богемія была въ рукахъ преимущественно славянской партіи, во главѣ которой стояло нѣсколько знатныхъ честолюбцевъ, мечтавшихъ вмѣстѣ съ народными массами о возрожденіи національнаго королевства XV столѣтія. Новый король съ самаго начала сталъ въ неправильныя, даже враждебныя отношенія съ обѣими частями государства: съ дворянствомъ потому, что онъ не хотѣлъ и слышать о притязаніяхъ его на вмѣшательство въ управленіе государствомъ и слѣдовалъ лишь совѣтамъ приближенныхъ къ нему лицъ, съ народомъ—благодаря своему образу жизни и узкому кальвинизму. Въ Богеміи господствовалъ еще старинный, въ извѣстной степени педантичный образъ жизни и сильное, глубоко вкоренившееся предубѣжденіе противъ распущенности королевскихъ и княжескихъ дворовъ того времени; юный же пфальцскій курфюрстъ со всѣмъ своимъ дворомъ старался подражать пышности и легкомыслію французскаго двора, что должно было сильно оскорблять строгія воззрѣнія чеховъ. Съ галантностью мужчинъ и дамъ королевскаго двора составлялъ рѣзкій контрастъ его узкій кальвинизмъ; богемцы были лютеране, курфюрстъ—строгій реформатъ. Конечно, онъ призналъ безусловную свободу вѣроисповѣданій въ Богеміи, но ревнители кальвинизма изъ среды окружающихъ его, съ Скультетусомъ во главѣ, не могли успокоиться до тѣхъ поръ, пока не уничтожили въ главномъ храмѣ Праги всѣхъ изваяній, картинъ и реликвій и не превратили великолѣпнаго храма Божія въ кальвинистскій молитвенный домъ съ голыми стѣнами. Конфессіональныя столкновенія постепенно увеличивались и болѣе всего способствовали отчужденію короля отъ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ страна и король являлись какъ бы противниками, не понимающими другъ друга, чуждыми другъ другу по языку, національности, правамъ и вѣроисповѣданію. Должно было совершиться чудо, чтобы изъ такого положенія вещей вышли благодѣтельные результаты.

Фердинандъ былъ не въ состояніи силою оружія принудить богемцевъ къ покорности. Какъ императоръ, онъ имѣлъ большой нравственный авторитетъ; но императорское достоинство не дало ему матеріаль-

ныхъ средствъ, денегъ и войска. Поэтому онъ обратился за помощью къ лигѣ. Лига была совершенно иное, чѣмъ унія: она не была союзомъ, въ которомъ каждый изъявлялъ притязанія на возможно-большія права при возможно-меньшихъ обязанностяхъ, но представляла организованное цѣлое съ энергическимъ, воинственнымъ курфюрстомъ во главѣ, такъ называемые союзники котораго должны были заботиться лишь о доставленіи денегъ.

Начиная съ этого времени, въ теченіе долгаго періода лига является руководящею силою въ Германіи.

8 октября 1619 г. Фердинандъ заключилъ договоръ съ Максимиліаномъ Баварскимъ, своимъ родственникомъ и другомъ юности.

По этому договору герцогъ получалъ безусловное и исключительное право распоряженія всѣмъ предпріятіемъ противъ мятежныхъ еретиковъ въ Австріи и Богеміи, а Верхнюю Австрію, которую напередъ, конечно, нужно было взять, получалъ какъ залогъ вознагражденія за военныя издержки. За это онъ долженъ былъ со всѣми своими силами стать на сторонѣ оставленнаго императора.

И вотъ съ 1620 г. началась война.

Побѣда могла остаться на сторонѣ Богеміи, еслибы война была ведена съ ея стороны болѣе благоразумно. Правда, у ней былъ недостатокъ въ хорошихъ солдатахъ и деньгахъ, но и Максимиліанъ не располагалъ достаточными средствами и несомнѣнно погибъ бы, еслибы быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ не выигралъ сраженія.

Если въ то время военачальникъ не имѣлъ средствъ выплачивать жалованье своимъ солдатамъ, то ихъ ничто не удерживало въ войскѣ, никакая присяга, никакая зависимость отъ какого-либо лица или дѣла. То же самое было и въ арміи лиги, что составляло одну изъ слабыхъ сторонъ этой арміи; кромѣ того, вслѣдствіе дурнаго питанія въ ней стали распространяться болѣзни и она должна была бы уничтожиться сама собою, если бы богемцы поняли необходимость избѣгать большаго сраженія и постепенно изнурять и уничтожать врага продолжительными оборонительными средствами.

Но они поступили совершенно наоборотъ. Съ корпусомъ офицеровъ, которые, вмѣсто того, чтобы исполнять свои обязанности, пировали и безчинствовали въ лагерѣ, и съ необученнымъ, лишеннымъ дисциплины войскомъ богемцы выступили противъ опытной и на $^1/_3$ сильнѣйшей непріятельской арміи. 5 ноября Христіанъ Ангальтскій занялъ позицію на Бѣлой горѣ, подъ Прагою, и спустя три дня, несмотря на свою личную храбрость, потерпѣлъ то позорное пораженіе, которое въ нѣсколько часовъ рѣшило судьбу Фридриха V, этого „зимняго короля“, какъ называли его въ насмѣшку за его непродолжительное царствованіе.

Мятежники въ Богеміи и Моравіи тотчасъ же покорились; лишь Мансфельдъ нѣсколько мѣсяцевъ велъ еще безнадежную партизанскую войну. Фридрихъ бѣжалъ въ Силезію, обратился въ Бреславль за помощью къ „уніи“ и старался возбудить протестантовъ противъ реакціи, которая въ противномъ случаѣ, какъ онъ справедливо предсказывалъ, разразится надъ всѣмъ протестантизмомъ, но напрасно: и здѣсь покорились побѣдоносному герцогу. Богемія, Моравія, Силезія, Лузація снова признали себя подданными того государя, котораго годъ тому назадъ отвергли сами. Протестантскіе князья съ злорадствомъ смотрѣли на

бѣгство безпомощнаго „зимняго короля“, который даже своими родственниками въ Берлинѣ и Вольфенбюттелѣ былъ едва принятъ, не говоря уже объ отказѣ ему въ дѣятельной помощи.

Несомнѣнно, что могущество лиги, а не Фердинанда уничтожило революцію въ Богеміи, но несомнѣнно также, что дѣло лиги и Фердинанда было общее: это—дѣло церковной реставраціи, обращенія еретиковъ при посредствѣ іезуитовъ и ландскнехтовъ.

Иностраннаго вмѣшательства нечего было опасаться: надежды Фридриха на помощь иностранныхъ государствъ разлетѣлись въ прахъ, его собственная наслѣдственная страна скоро перешла въ руки враговъ. Теперь все зависѣло оттого, какъ побѣдители воспользуются своею побѣдою; смотря по этому, война могла остаться локализированною, или превратиться въ общеевропейскую, всемірную.

Наконецъ кризисъ, такъ долго тяготѣвшій надъ Германіей, разрѣшился: побѣда императора была рѣшительная, глава нѣмецкаго протестантизма, Фридрихъ V, былъ уничтоженъ. Это былъ ударъ, который долженъ былъ тяжело отозваться на всѣхъ нѣмецкихъ князьяхъ; но до религіозной войны было еще далеко.

Когда Фердинандъ началъ насильственную реставрацію въ Богеміи и объявилъ грамоту величества недѣйствительною, потому, будто бы, что сама страна нарушила ее, то такой оборотъ дѣлъ ни для кого не былъ неожиданнымъ, кромѣ развѣ Фридриха V, такъ какъ это являлось необходимымъ результатомъ неразумной политики 1619—1620 г.

Иное дѣло было—показать Богеміи, кто истинный господинъ въ странѣ, открыто возвѣстить систему насильственнаго обращенія въ католицизмъ и проводить ее съ кровавой строгостью: это уже разжигало естественно религіозную войну и давало иностраннымъ государствамъ поводъ къ вмѣшательству.

Лишь при умѣренномъ образѣ дѣйствія Фердинандъ и лига могли разсчитывать на дешевую побѣду въ своей собственной странѣ, не возбуждая недовѣрія въ имперіи и за границей. Но они не могли поступать такимъ образомъ. Зависѣло ли это отъ условій времени, или отъ личной страстности,—реакція была начата поспѣшно, необдуманно, и такимъ образомъ реставрація и война изъ богемской или германской сдѣлались общеевропейскими.

Протестантская унія была уже совершенно безсильна. Когда лѣтомъ 1620 г. Спинола съ испанскими ландскнехтами явился на Рейнѣ, то она не могла противопоставить ему ничего, кромѣ жалкаго, смѣшнаго указанія на имперскій законъ (какъ будто грубое насиліе обращаетъ вниманіе на законы!), запрещающій пребываніе иностранныхъ *войскъ* въ Германіи. Это было передъ катастрофой съ Фридрихомъ V. Когда же вслѣдъ за этимъ Фердинандъ явился какъ побѣдитель, то унія совершенно уничтожилась въ позорной покорности, и по всему государству прозвучало эхо насмѣшки и злорадства враговъ протестантизма.

29 января 1621 г. Фердинандъ осудилъ несчастнаго Фридриха на изгнаніе и передалъ полномочія герцогу Баварскому. На всѣ формы судопроизводства, предписываемыя имперской конституціей въ случаяхъ обнаруженія преступленій, не было обращено никакого вниманія: отвѣтчикъ, истецъ и судья совмѣщались въ одномъ лицѣ, именно въ лицѣ Фердинанда. По этому началу можно было уже до нѣкоторой степени

судить о той кротости, съ какой императоръ будетъ проявлять свою месть.

Въ іюнѣ 1621 г. жестокою казнью 27 знатныхъ еретиковъ начался въ Богеміи ужасный религіозный терроризмъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кроваво царилъ надъ несчастной страной, осудивъ многія тысячи жителей ея на изгнаніе, но протестантизма все-таки не могъ искоренить вполнѣ. Грамота величества была разорвана Фердинандомъ собственноручно, ибо, по его мнѣнію, нечего было церемониться въ виду „такого явнаго бунта и возмущенія". Само собою разумѣется, что при этомъ лютеранская проповѣдь была запрещена подъ угрозою самыхъ тяжкихъ наказаній, еретическія сочиненія, въ особенности библіи, отбирались и уничтожались массами, и іезуитскія коллегіи получили въ полное свое вѣдѣніе церкви, школы, воспитаніе; но на этомъ реакція еще не остановилась.

У большей части знатныхъ протестантскихъ фамилій было конфисковано имущество; а когда эта мѣра оказалась недостаточною, то было постановлено, что никто некатоликъ не можетъ быть гражданиномъ, не можетъ заниматься никакимъ ремесломъ, вступать въ бракъ, дѣлать завѣщанія; кто давалъ убѣжище или содержаніе протестантскому пастору, тотъ лишался своего имущества; кто терпѣлъ протестантское ученіе, — подвергался денежному штрафу и изгонялся изъ города; бѣдные-протестанты, не перешедшіе въ католицизмъ, изгонялись изъ госпиталей и пріютовъ и замѣщались бѣдными-католиками; кто открыто исповѣдывалъ протестантизмъ,—подвергался смертной казни. Въ 1624 г. было издано повелѣніе, чтобы всѣ протестантскіе проповѣдники и учителя въ теченіе 8 дней оставили страну подъ угрозою лишенія жизни, и, наконецъ, было постановлено: если кто до Пасхи 1626 г. не будетъ католикомъ, тотъ долженъ оставить страну. Такимъ образомъ протестанты были лишены самыхъ первѣйшихъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ, но, несмотря на все это, дѣйствительно обратившихся въ католицизмъ было немного: тысячи въ глубинѣ души остались вѣрны своей религіи; тысячи, лишенныя имущества, нищими ушли въ изгнаніе и разсѣялись по другимъ странамъ; болѣе тридцати тысячъ семействъ, изъ нихъ до 500 аристократическихъ, ушли изъ Богеміи въ изгнаніе. Изгнанники разсѣялись по всей Европѣ, и не было ни одного войска, въ которомъ бы они не сражались противъ Австріи.

Тѣ, которые не могли или не хотѣли выселиться, въ глубинѣ души оставались вѣрны своей религіи. Противъ такихъ общинъ прибѣгали къ драгонадамъ, т. е. въ извѣстную мѣстность посылали отрядъ солдатъ, которые должны были всячески притѣснять и мучить еретиковъ до тѣхъ поръ, пока они не дѣлались правовѣрными. И вотъ такіе-то „*миссіонеры*" наводнили всю Богемію, налагали на жителей контрибуціи, грабили, убивали; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло доходило до кровавыхъ возстаній: селенія укрѣплялись шанцами, и жители съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялись драгонадамъ. Но помощи несчастные ни откуда не получали, хотя и побѣдителямъ не удавалось достигнуть желаемаго: они не могли совершенно истребить въ народѣ протестантизма и гуситскихъ преданій и достигли лишь внѣшней покорности, наружнаго обращенія въ католицизмъ. Когда Іосифъ II издалъ свой эдиктъ о вѣро-

терпимости — это обнаружилось поразительнымъ образомъ: и доселѣ въ Богеміи и Моравіи существуетъ значительная протестантская партія. Но страна была превращена дѣйствительно въ „пустыню“ и на долгое время придавлена: до войны въ Богеміи считалось болѣе 4 милл. жителей, а въ 1648 г. ихъ насчитывалось только 7—800,000.

Такая страшная убыль населенія кажется совершенно невѣроятной, но мы не имѣемъ никакихъ основаній не вѣрить чешскимъ исторіографамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны плотность населенія до сихъ поръ еще менѣе, чѣмъ была въ 1620 г.

Еще лѣтомъ 1622 г. императорская политика путемъ низкихъ козней съумѣла открыть себѣ путь и въ наслѣдственныя владѣнія Фридриха V.

Разбойническая, партизанская, лишенная всякаго плана война, которую искатель приключеній Мансфельдъ и глава пфальцскихъ рыцарей Обентраутъ, начиная съ 1621 г., вели противъ Испаніи и Баваріи, получила нѣкоторое единство и, несомнѣнно, болѣе рѣзкій, рѣшительный характеръ, когда въ апрѣлѣ 1622 г. изгнанный курфюрстъ Фридрихъ совершенно внезапно явился среди своихъ вѣрныхъ пфальцскихъ дружинъ.

Честный маркграфъ Георгъ-Фридрихъ Баденскій соединился съ отважнымъ отрядомъ Мансфельда, и соединенными силами они одержали при Вислохѣ рѣшительную побѣду надъ баварцами, которыми предводительствовалъ Тилли. Несмотря на пораженіе маркграфа при Вимпфенѣ и Христіана Брауншвейгскаго при Гёхстѣ, Фридрихъ V имѣлъ въ Эльзасѣ сильное и бодрое войско, но онъ поддался на вѣроломные переговоры (которыми опутали этого чистосердечнаго юношу, пользуясь его миролюбіемъ и довѣріемъ къ своему тестю, Іакову I Англійскому) и согласился сперва прекратить враждебныя дѣйствія, а потомъ и распустить все свое войско затѣмъ, чтобы, какъ говорили дипломатическіе обманщики, можно было установить прочный миръ.

Теперь, когда Пфальцъ былъ лишенъ защиты, курфюрстъ обезоруженъ, — Тилли, при первомъ извѣстіи о прибытіи Фридриха снявшій осаду съ Дильсберга, могъ совершенно спокойно совершить покореніе Пфальца. Тѣмъ не менѣе лишь съ большимъ трудомъ удалось ему въ сентябрѣ взять Гейдельбергъ, а въ ноябрѣ—Маннгеймъ, между тѣмъ какъ гарнизонъ Франкенталя успѣшно отражалъ всѣ его нападенія. Вмѣстѣ съ баварскими ландскнехтами, которые здѣсь, какъ и вездѣ, являлись истыми варварами, въ Пфальцъ явились іезуиты, чтобы уничтожить самый корень, самое гнѣздо кальвинизма. Реформатскіе священники изгонялись, и на ихъ мѣста назначались католическіе патеры и монахи; цвѣтущій университетъ былъ закрытъ, а сокровища его библіотеки, пріобрѣвшей всемірную извѣстность, были отправлены въ Римъ на 50 фурахъ. Обращеніе въ католичество начато было съ нѣкоторою умѣренностью; и здѣсь, какъ въ Богеміи, лютеране, которыхъ вначалѣ щадили, съ злорадствомъ смотрѣли на насилія надъ реформатами, но вскорѣ и сами подверглись той же участи.

Въ ноябрѣ 1623 г., на собраніи князей, которое Фердинандъ созвалъ въ Регенсбургѣ вмѣсто рейхстага, пфальцское курфюршеское достоинство торжественно было передано побѣдоносному герцогу Баварскому. Новое правительство тотчасъ же ознаменовало себя фанатической ревностью къ обращенію еретиковъ. Когда въ то же время крестьяне Верх-

*

ней Австріи, доведенные до отчаянія необузданностью „миссіонеровъ-солдатъ“, подняли возстаніе, баварцы ревностно принялись за обращеніе въ католичество и этой протестантской страны.

XXXIII. Вмѣшательство Даніи въ тридцатилѣтнюю войну и первые успѣхи Валленштейна.

(По соч. Гардинера: „Thirty years war“).

Въ то время, когда Франція не имѣла возможности принимать участіе въ дѣлахъ Германіи, а Іаковъ I и сынъ его обѣщали болѣе, чѣмъ могли выполнить вслѣдствіе безденежья своего, Данія и Швеція съ большимъ интересомъ слѣдили за войною, направлявшеюся къ сѣверу.

Христіанъ IV, король датскій, имѣлъ полное основаніе опасаться за будущее своей страны. Онъ издавна заботился о распространеніи своего господства на берегахъ Нѣмецкаго моря. На Балтійскомъ морѣ онъ почти безусловно господствовалъ, не допускалъ въ него кораблей Ганзы, даже предназначенныхъ дѣйствовать противъ пиратовъ, не признавалъ портоваго права, которымъ Гамбургъ пользовался еще тогда, и, чтобы повредить этому городу, замышлялъ устроить гавань въ Глюкштадтѣ, которая, впрочемъ, мало повредила Гамбургу. Затѣмъ онъ выигралъ много въ отношеніи своего положенія на Эльбѣ и Везерѣ тѣмъ, что доставилъ одному изъ своихъ сыновей епископство Верденъ и надежду на бременское. Христіанъ IV вполнѣ сознавалъ, что національное германское государство скоро прекратитъ его попытки утвердиться при устьяхъ германскихъ рѣкъ.

Уже не въ первый разъ обращалъ онъ свое вниманіе на ходъ войны. Подобно всѣмъ лютеранскимъ государямъ, и онъ порицалъ богемское предпріятіе Фридриха Пфальцскаго. Послѣ бѣгства послѣдняго онъ увидѣлъ, что требовалось много усилій для того, чтобы удержать императора отъ возмездія за нанесенное ему оскорбленіе,—возмездіе, которое должно было имѣть гибельныя послѣдствія для всѣхъ протестантовъ. Въ началѣ 1621 г. онъ заключилъ союзъ съ Іаковомъ I для защиты Пфальца. Еслибы они начали вслѣдъ затѣмъ войну, то умѣренностью своего образа дѣйствія избавили бы человѣчество отъ ужаснаго зрѣлища—грабительства Мансфельда, имѣвшаго столь пагубныя послѣдствія. Но Іаковъ пришелъ скоро къ тому заключенію, что вооруженіе безполезно, пока еще была надежда на переговоры; тогда Христіанъ, понявъ, что такой образъ дѣйствій не предвѣщаетъ ничего хорошаго, отступилъ и предоставилъ Пфальцъ его судьбѣ. Послѣдовавшія затѣмъ событія увеличили его опасенія. Въ 1624 г. онъ колебался между желаніемъ задержать усиленіе императорской власти и боязнью дѣйствовать заодно съ столь нерѣшительными и безпомощными союзниками, каковы были саксонскіе князья.

Въ своей странѣ онъ заявилъ себя хорошимъ администраторомъ и способнымъ правителемъ. Будущее должно было еще рѣшить, было ли у него достаточно военныхъ способностей для борьбы съ Тилли.

Христіанъ IV боялся за свои фамильныя епископства и владѣнія на Эльбѣ и Везерѣ; Густавъ-Адольфъ—за свое господство на Балтійскомъ

морѣ. По мнѣнію Густава-Адольфа, государство, стоявшее твердою ногою въ Мекленбургѣ и Помераніи, должно было вскорѣ возбудить вопросъ о шведскомъ господствѣ на Балтійскомъ морѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Христіанъ IV, а особенно Густавъ не имѣли въ виду и защиты преслѣдуемой религіи.

Въ августѣ 1624 г. два англійскихъ посланника, сэръ Робертъ Анструтеръ и сэръ Джемсъ Спенсъ, выѣхали изъ Лондона; первый изъ нихъ отправился въ Данію, второй—въ Швецію. Цѣль обоихъ посольствъ была одна и та же—уговорить обоихъ королей принять участіе въ войнѣ за возвращеніе Пфальца и за возстановленіе прежняго порядка въ Германіи.

Христіанъ медлилъ только потому, что желалъ удостовѣриться въ серьезности намѣреній Іакова, отступившаго въ 1621 г. отъ своего предложенія. Анструтеръ долженъ былъ объѣхать князей Нижней Саксоніи. Получивъ благопріятное извѣстіе отъ нихъ и о приготовленіяхъ Мансфельда въ Англіи, Христіанъ обѣщалъ принять участіе въ войнѣ.

Густавъ былъ болѣе остороженъ. Вполнѣ сознавая важность предстоявшаго ему дѣла, онъ желалъ достигнуть того, чтобы всѣ имѣвшіе причины быть недовольными австрійскимъ домомъ, начиная съ Бетлена Габора, избраннаго незадолго передъ этимъ княземъ Трансильваніи, и кончая Людовикомъ XIII, королемъ французскимъ, соединились для этого великаго предпріятія. Съ этою цѣлью началъ онъ уже переговоры съ своимъ зятемъ Георгомъ-Вильгельмомъ, курфюрстомъ Бранденбургскимъ, который жаждалъ войны, можетъ быть потому, что не понималъ вполнѣ значенія ея.

Густавъ имѣлъ свой личный взглядъ на способъ веденія этой войны. Во-первыхъ, онъ считалъ необходимымъ, чтобы начальство надъ арміей было въ однѣхъ рукахъ, и желалъ, чтобы оно было поручено ему; затѣмъ слѣдовало, по его мнѣнію, набрать опредѣленное число людей и снабдить его извѣстною суммою денегъ. Онъ не довѣрялъ однимъ обѣщаніямъ, которыя удовлетворяли Христіана. Онъ требовалъ двухъ гаваней: одной—на Балтійскомъ морѣ, другой—на Нѣмецкомъ, для охраненія сношеній. Болѣе всего доказываетъ его предусмотрительность та часть его плана, которая касается Франціи. Онъ избѣгаетъ той скалы, о которую потерпѣло крушеніе англійское правительство; а именно онъ не побуждалъ католическаго государя, подобнаго Людовику XIII, къ тѣсному союзу съ протестантскою властью. Онъ не отказался бы отъ помощи Франціи, но разсудилъ, что было бы благоразумнѣе найти для Франціи другую сферу дѣятельности въ южной Германіи или Италіи, далеко отъ мѣстности, въ которой Густавъ надѣялся самъ дѣйствовать во главѣ протестантской арміи.

Въ январѣ 1625 г. отвѣты обоихъ королей стали извѣстны въ Англіи. Изъ 90,000 человѣкъ, потребованныхъ Густавомъ, 17,000 должны были получать жалованье изъ англійскаго казначейства. Онъ не соглашался двинуться въ походъ, не получивъ денегъ за четыре мѣсяца впередъ, ибо онъ не хотѣлъ быть вторымъ Мансфельдомъ, предводителемъ арміи, вынужденной существовать грабежемъ.

Требованія Христіана отличались большею умѣренностью. Онъ считалъ достаточнымъ 30,000 человѣкъ и желалъ, чтобы Англія взялась содержать только 6,000 человѣкъ. И Іаковъ, и Карлъ предпочли датскій планъ. И эти 6,000 человѣкъ стоили бы имъ 30,000 фунт. въ мѣсяцъ;

между тѣмъ, парламентъ, отъ котораго можно было ожидать необходимыхъ для этой цѣли субсидій, еще не былъ созванъ. Англичане ожидали, что Густавъ дастъ вспомогательное войско Даніи; но онъ не былъ согласенъ на это. Онъ не довѣрялъ Христіану и союзникамъ, которые не понимали размѣровъ предстоявшихъ имъ затрудненій. На заявленіе англійскаго посланника о томъ, что поставленныя имъ условія слишкомъ тяжелы, онъ совершенно справедливо отвѣчалъ ему: „Если найдется человѣкъ, которому покажется легкою задачею вести войну съ самымъ могущественнымъ государемъ Европы, поддерживаемымъ Испаніею, множествомъ германскихъ князей и всѣмъ римско-католическимъ населеніемъ; если кому-нибудь легко соединить въ одно общее цѣлое столько умовъ, изъ которыхъ каждый стремится къ своей особенной цѣли,—то мы съ полною готовностью предоставимъ ему славу такого подвига и всѣ вытекающія изъ него выгоды“.

Послѣ этихъ, полныхъ горькой ироніи, словъ Густавъ устранился на нѣкоторое время отъ участія въ германской войнѣ, чтобы покончить съ королемъ польскимъ свою войну, которую онъ считалъ полезною для общаго интереса, такъ какъ она препятствовала Сигизмунду принимать участіе въ германской войнѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1625 г. умеръ въ Англіи Іаковъ I; два мѣсяца спустя, Карлъ I обѣщалъ королю датскому снабдить его 30,000 ф. стерл. въ мѣсяцъ. Чтобы сдѣлать начало, онъ хотя съ трудомъ, но собралъ 46,000 ф. Было рѣшено, что Мансфельдъ оставитъ безнадежную попытку достигнуть Пфальца вдоль Рейна и отправится со своимъ войскомъ моремъ на помощь Христіану.

Но главный вопросъ состоялъ въ томъ, удастся ли королю получить поддержку въ самой Германіи. Правда, округъ Нижней Саксоніи избралъ его своимъ начальникомъ; но и при этомъ избраніи господствовало большое разногласіе. Городское торговое населеніе не одобряло войны противъ императора. Оно было твердо увѣрено, что усиленіе власти князей не принесетъ ему никакой выгоды, между тѣмъ какъ опасность со стороны императора будетъ только отсрочена. Но это сословіе не было достаточно сильно, чтобы одержать верхъ надъ другими. 18 іюля Тилли перешелъ черезъ Везеръ въ Нижнюю Саксонію, и датская война началась.

Будетъ ли Тилли въ состояніи преодолѣть короля датскаго и его чужеземныхъ союзниковъ? Фердинандъ и его министры сомнѣвались въ этомъ. Изъ всѣхъ союзниковъ въ 1620 г. только лига еще поддерживала его. Испанія, истощенная въ это время осадою Бреды, могла оказать ему мало помощи; она ограничивалась составленіемъ умныхъ проэктовъ, льстила курфюрсту Саксонскому и уговаривала и его льстить лютеранамъ, ставя ихъ выше кальвинистовъ. Всѣ эти дѣйствія не могли привести къ удовлетворительному результату. Іоаннъ-Георгъ Саксонскій отказался примкнуть къ арміи короля датскаго. Онъ былъ того мнѣнія, что князья Нижней Саксоніи должны быть удовлетворены мюльгаузенскимъ соглашеніемъ и что Фридрихъ долженъ подчиниться императору. Но даже въ глазахъ Іоанна-Георга нижне-саксонская война представляла совершенную противоположность съ богемскою. Отказъ императора утвердить прочно протестантскія епископства отнялъ у всякаго протестанта возможность оказывать ему другое содѣйствіе, кромѣ пассивнаго.

Друзей у императора стало меньше, между тѣмъ какъ число враговъ его увеличилось. Христіанъ IV былъ опаснѣе Фридриха. Бетленъ Габоръ, заключившій миръ въ 1622 г., снова сталъ во главѣ возстанія въ австрійскихъ земляхъ, и можно было ожидать, что вскорѣ и Франція будетъ вовлечена въ борьбу. Фердинанду нужна была еще другая армія, кромѣ той, которою предводительствовалъ Тилли. Но касса его была настолько пуста, что не давала ему возможности содержать хотя бы еще одинъ вспомогательный полкъ.

Когда затрудненіе Фердинанда достигло высшей степени, Валленштейнъ явился къ нему съ предложеніемъ вооружить войско на свой счетъ. Онъ не требовалъ у императора жалованья и не хотѣлъ, чтобы войско его существовало грабежемъ. Онъ намѣревался налагать контрибуцію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пришлось бы расположиться со своимъ войскомъ. Такимъ образомъ онъ разсчитывалъ сохранить дисциплину и устранить зло, погубившее проэкты Мансфельда.

Новѣйшая критика отрицаетъ достовѣрность разсказа объ утвержденіи Валленштейна, что ему легче было содержать армію въ 50,000, чѣмъ въ 20,000 человѣкъ. Сначала онъ, дѣйствительно, требовалъ только 20,000 человѣкъ. Но рано или поздно онъ долженъ былъ прійти къ мысли объ увеличеніи своей арміи. Такъ какъ онъ хотѣлъ управлять посредствомъ военной силы, то это было ему тѣмъ легче, чѣмъ многочисленнѣе было подчиненное ему войско.

Союзъ двухъ личностей съ столь противоположными характерами, какъ у Фердинанда и Валленштейна, не можетъ не возбудить удивленія. Но этотъ союзъ былъ естественнымъ результатомъ правительственной системы Фердинанда. Правитель, который слѣдитъ только за выполненіемъ закона и не хочетъ видѣть потребностей тѣхъ, для кого въ дѣйствительности должны существовать законы, бываетъ, наконецъ, вынужденъ прибѣгнуть къ силѣ оружія для защиты себя и закона. Фердинанду казалось, что, замѣнивъ грабежъ контрибуціей, онъ прибѣгъ къ законному способу веденія войны. Но на его бѣду это было невѣрно. Гражданскіе законы имперіи не давали ему права налагать подати для военныхъ потребностей безъ согласія сейма, а при разстроенныхъ обстоятельствахъ Германіи сеймъ не могъ быть полезенъ въ этомъ дѣлѣ. Никто не могъ смотрѣть на такой способъ добыванія денегъ, какъ на законный. И дѣйствительно, онъ могъ быть оправданъ только тѣмъ, чѣмъ Карлъ I оправдывалъ заемъ 1626 г.—неограниченною властью государя, прибѣгающаго въ случаѣ надобности къ имуществу своихъ подданныхъ.

Фердинандъ находился въ такомъ положеніи, что съ честью не могъ ни идти впередъ, ни отступить. Еслибы онъ отказался отъ предложенія Валленштейна, онъ былъ бы разбитъ. Но, принявъ его, онъ возбудилъ бы въ Германіи болѣе сильную оппозицію, чѣмъ та, съ которою ему приходилось уже бороться.

Контрибуція должна была зависѣть только отъ военной власти и не подлежать контролю гражданской. Даже при соблюденіи строжайшей умѣренности, крестьянинъ и горожанинъ должны были испытывать очень тяжелое чувство, отдавая бо́льшую или меньшую часть своихъ заработковъ военачальнику, не имѣвшему никакого уполномочія отъ гражданской власти и руководствовавшемуся въ своихъ требованіяхъ только своею совѣстью. Тѣ личности, которыя надѣялись на умѣренность, имѣли совер-

шенно ложное понятіе о вліяніи военныхъ событій на характеръ обыкновенныхъ воиновъ.

Въ дѣйствительности ни Валленштейнъ, ни его солдаты и не думали объ умѣренности. Онъ старался сохранить порядокъ, насколько этого требовала необходимая для него дисциплина; но этотъ порядокъ не мѣшалъ ему высасывать по мѣрѣ возможности больше денегъ изъ страны. „Да поможетъ Богъ странѣ, въ которую явятся эти люди!" восклицалъ одинъ чиновникъ въ виду проходившаго мимо его войска.

Но почему же система Валленштейна, не будучи лучше организованною, чѣмъ система Мансфельда, избѣгла неудачи послѣдняго? Мансфельдъ потерпѣлъ неудачу въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Начальствуя надъ войскомъ, осужденнымъ существовать только грабежемъ, онъ долженъ былъ сражаться съ арміями, находившимися въ прекрасномъ состояніи и подъ начальствомъ генераловъ, подобныхъ Тилли, между тѣмъ какъ его солдаты не знали еще вполнѣ, что такое дисциплина. Валленштейнъ хотѣлъ избѣгнуть такого положенія. Онъ рѣшилъ вести свое войско туда, гдѣ онъ могъ бы, дѣйствуя мало, выиграть много. Онъ разсчитывалъ, что, по прошествіи нѣкотораго времени, войско довѣрилось бы вполнѣ ему, какъ своему руководителю, и было бы готово слѣдовать повсюду за нимъ.

Осенью 1625 г. Валленштейнъ вступилъ въ Магдебургскую и Галберштатскую епархіи, взимая средства для содержанія арміи съ богатыхъ и бѣдныхъ. Требованія его и солдатъ его превзошли скромныя требованія Тилли. Его солдаты получали большое жалованье. Роскошная обстановка составляла необходимую потребность генерала и его офицеровъ, и примѣру этому слѣдовали, насколько это возможно было, и низшіе чины его войска. На просьбы Тилли о помощи Валленштейнъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и предоставлялъ ему продолжать войну съ Даніей. Безъ сомнѣнія, отказъ его былъ очень разуменъ: было опасно такъ рано налагать на рекрутъ тяжелое испытаніе—сраженіе. Всѣ его дѣйствія были основаны на разсчетѣ. Даже роскошь его служила ему средствомъ сосредоточить вниманіе солдатъ на себѣ. Она представляла имъ болѣе веселую перспективу, чѣмъ та, которую видѣли передъ собою солдаты Тилли: послѣдніе должны были переносить безконечныя трудности, только изрѣдка прерываемыя попойкой послѣ счастливой осады какого-нибудь города. Но никогда эта роскошь не препятствовала Валленштейну стремиться къ высшимъ цѣлямъ. Самъ онъ былъ знатокъ военнаго дѣла и умѣлъ хорошо отличать способныхъ воиновъ. Никогда не спрашивалъ онъ хорошаго солдата о томъ, какую религію онъ исповѣдуетъ. Въ его арміи были генералы столь же высокаго происхожденія, какъ и многіе европейскіе государи; несмотря на то, они для достиженія почестей должны были обладать и ловкостью, и храбростью. Знатные и простые люди были равны передъ его закономъ. Почести и награды раздавались только храбрымъ; дружбой его пользовались только тѣ, которые отличились какимъ-нибудь особеннымъ подвигомъ.

То была новая власть въ Германіи, не имѣвшая никакой связи съ властью германскихъ князей и едва только номинальную связь съ самимъ императоромъ. Въ продолженіе зимы были открыты въ Брауншвейгѣ переговоры о мирѣ; но они не привели ни къ чему. Императоръ и лига

соглашались на условія Мюльгаузенскаго мира *), но больше уступокъ они не хотѣли дѣлать. Они не могли даровать протестантскимъ администраторамъ прочныхъ гарантій и преимуществъ князей имперіи. Князья Нижней Саксоніи были очень недовольны условіями договора. Король датскій и его союзники отказались отъ предложенныхъ имъ условій относительно политическихъ и религіозныхъ учрежденій протестантской Германіи. Они требовали, чтобы протестантскія владѣнія получили прочное и законное утвержденіе права продолжать быть протестантскими.

Когда весною 1626 г. открылась кампанія, силы обѣихъ воюющихъ сторонъ были одинаковы. Но вскорѣ силы Валленштейна увеличились такъ значительно, какъ онъ и не ожидалъ. Онъ и Тилли имѣли вмѣстѣ 70,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ непріятельское войско состояло изъ 60,000. На сторонѣ Христіана сражались Мансфельдъ, Христіанъ Брауншвейгскій и Іоаннъ-Эрнестъ Саксенъ-Веймарскій, стоявшій выше первыхъ по благородству своихъ убѣжденій. Онъ былъ первый въ Германіи, который хотѣлъ прекратить неурядицу, господствовавшую въ его отечествѣ, объявленіемъ всеобщей терпимости. Бетленъ Габоръ сталъ снова угрожать Вѣнѣ со стороны Венгріи. Даже протестантскіе крестьяне Нижней Австріи возстали на защиту своей религіи и своего очага противъ баварскаго гарнизона, не хотѣвшаго покинуть страны, прежде чѣмъ издержки его начальника не были вполнѣ покрыты.

Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, за исключеніемъ численности, положеніе враждующихъ было совершенно неравное. Тилли и Валленштейнъ стояли со своими войсками въ непріятельской странѣ. При назначеніи контрибуціи имъ не приходилось щадить ни князей, ни народовъ, дружески къ нимъ расположенныхъ. Христіанъ же находился между союзниками и долженъ былъ соблюдать съ ними чрезвычайную осторожность, чтобы поддержать союзъ съ ними. И среди этихъ затрудненій рушились еще его надежды на субсидію, на которую онъ имѣлъ полное право разсчитывать.

Карлъ I, король Англіи, обѣщалъ весною 1625 г. платить королю датскому 30,000 фунт. въ мѣсяцъ, разсчитывая, что парламентъ дастъ ему возможность исполнить это обѣщаніе.

Парламентъ собрался въ маѣ мѣсяцѣ, но не обратилъ вниманія на просьбы Карла и его любимца, герцога Букингама. Англичане не хотѣли, чтобы война въ Германіи была ведена на ихъ деньги. Парламентъ согласился только на 140,000 фунт., между тѣмъ какъ военные расходы требовали ежегодно 1.000,000 фунт. Но Карлъ хотѣлъ непремѣнно достигнуть своей цѣли. Зимою Букингамъ отправился въ Голландію, заключилъ договоръ въ Гагѣ, по которому голландцы обязывались платить ежемѣсячно 5,000 фунт., а англичане возобновили данное Христіану IV обязательство платить 30,000 фунт. Надѣялись, что новый парламентъ согласится выполнить обѣщаніе короля; но новый парламентъ оказался еще упорнѣе, чѣмъ предшествовавшій ему: обѣщанная Карломъ I помощь ограничилась 46,000 фунт., посланными въ маѣ 1625 г.

*) Въ силу соглашенія, заключеннаго въ мартѣ 1620 г., католическими государями обѣщано было членамъ протестантской уніи, что „если они не будутъ вмѣшиваться въ богемскія дѣла и воздержатся отъ нападенія на духовныя владѣнія, то католики обѣщаютъ не касаться фактически ихъ владѣній безъ законнаго основанія ни посредственно, ни непосредственно“.

Итакъ, Христіанъ Датскій и его союзники находились въ такомъ же положеніи, какъ Мансфельдъ въ 1621 и 1622 гг. Хотя они и не были лишены всѣхъ средствъ, но были вынуждены сокращать свои расходы и руководствоваться въ своихъ движеніяхъ не военными соображеніями, а необходимостью отыскать средства для поддержанія арміи.

Мансфельдъ первый встрѣтился съ врагомъ. Нѣкоторое время онъ стоялъ по ту сторону Эльбы, чѣмъ особенно стѣснялъ жителей Любека и курфюрста Бранденбургскаго. Но долго это не могло продолжаться. Валленштейнъ стоялъ противъ него; онъ долженъ былъ атаковать его, чтобы помѣшать ему соединиться съ Тилли противъ короля.

Никогда Валленштейнъ не подвергалъ своихъ солдатъ опасностямъ сраженія въ открытомъ полѣ; особенно теперь избѣгалъ онъ этого, такъ какъ солдаты его не пріобрѣли еще достаточно опытности. Онъ занялъ Дессаускій мостъ черезъ Эльбу и, укрѣпивъ его, сталъ поджидать Мансфельда. 25 апрѣля онъ явился. Напрасно устремлялъ онъ свое войско противъ укрѣпленій. Наконецъ Валленштейнъ воспользовался удобнымъ случаемъ и открылъ артиллерійскій огонь. Непріятель пустился въ бѣгство, и сраженіе было выиграно.

Вскорѣ послѣ пораженія Мансфельда на Дессаускомъ мосту, умеръ Христіанъ Брауншвейгскій. Оставшіеся послѣ него предводители датской партіи должны были докончить безнадежную игру. Мансфельдъ отправился черезъ Силезію для соединенія съ Бетленъ Габоромъ. Валленштейнъ преслѣдовалъ его, отправивъ предварительно нѣсколько полковъ на помощь Тилли.

Что могъ сдѣлать Христіанъ въ виду опасности? Денежныя субсидіи не являлись изъ Англіи. Ограничиться оборонительнымъ положеніемъ значило подвергать себя голоду съ неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ— возмущеніемъ. Обрадованный незначительною побѣдою надъ врагомъ, онъ вторгнулся въ Тюрингію, надѣясь пробраться въ Богемію, чтобы, соединившись съ Бетленъ Габоромъ и Мансфельдомъ, возстановить старинный протестантскій флагъ въ самомъ центрѣ императорскихъ владѣній. Но Тилли былъ насторожѣ. 27 августа Христіанъ IV явился съ датской арміей въ Луттерѣ. Съ обѣихъ сторонъ борьба была отчаянная. Но прежде ея рѣшенія нѣсколько человѣкъ подняло въ рядахъ датской арміи крикъ, что не намѣрены болѣе сражаться, не получивъ жалованья. Христіанъ долженъ былъ покинуть поле битвы. Впослѣдствіи онъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что еслибы англійскій король исполнилъ свое обѣщаніе, то сраженіе при Луттерѣ приняло бы другой оборотъ.

Солдаты, полученные Тилли отъ Валленштейна, держали себя хорошо въ сраженіи. Валленштейнъ находился далеко. Протестанты привѣтствовали Мансфельда въ Силезіи; когда за нимъ послѣдовалъ Валленштейнъ, онъ нашелъ уже всѣ главные города занятыми врагомъ. Когда онъ достигъ Венгріи, Мансфельдъ соединился съ Бетленъ Габоромъ. Тогда Валленштейнъ опять обратился къ своей старой тактикѣ. Занявъ укрѣпленную позицію, онъ предоставилъ своимъ врагамъ дѣлать что угодно. Послѣдствія доказали, что его разсчетъ былъ совершенно вѣренъ. Бетленъ Габоръ разсчитывалъ на помощь со стороны турокъ; но турки не оправдали его надежды, и онъ не рѣшился одинъ повторить дѣло у Дессаускаго моста—атаковать Валленштейна за его укрѣпленіями. Онъ предпочелъ заключить перемиріе, однимъ изъ условій котораго было

удаленіе Мансфельда изъ Венгріи. На дорогѣ въ Венецію этотъ искатель приключеній былъ пораженъ смертельною болѣзнью. Онъ не хотѣлъ умереть въ постели. „Поднимите меня —говорилъ онъ своимъ друзьямъ,— я умираю". Поддерживаемый ими въ вертикальномъ положеніи, со взоромъ, обращеннымъ на восходъ солнца, освѣщавшаго холмы первыми лучами, онъ умеръ. „Будьте единодушны,—шепталъ онъ до послѣдней минуты,—будьте единодушны!" Между тѣмъ собственная его смерть устранила, можетъ быть, одно изъ главныхъ затрудненій для поддержанія единодушія.

Но и въ католическомъ лагерѣ также недоставало единодушія. Между Валленштейномъ и лигой возникли уже несогласія. Всѣмъ было извѣстно, что пораженіе возстанія на сѣверѣ повлечетъ за собою конфискаціи, какъ это было уже на югѣ послѣ пораженія Фридриха. Курфюрстъ Майнцскій заявилъ притязанія на часть владѣній одного изъ побѣжденныхъ князей. Между тѣмъ Валленштейнъ желалъ передать всѣ его владѣнія Георгу Люнебургскому, который, хотя и лютеранинъ, занималъ важный постъ въ императорской арміи.

Но причиною этихъ несогласій не были одни личные интересы. Лига желала слѣдовать старой политикѣ, а именно поддерживать интересы католическаго духовенства подъ видомъ законности. Валленштейнъ же желалъ, чтобы католики и протестанты, служившіе вмѣстѣ на однихъ правахъ въ его арміи, пользовались и въ имперіи одинаковыми правами. При такихъ условіяхъ возмущеніе было бы единственнымъ преступленіемъ, подлежащимъ наказанію, а вѣрноподданство — единственною добродѣтелью, достойною награды. Не менѣе важное значеніе имѣлъ еще другой спорный вопросъ этихъ двухъ властей. Лига требовала, чтобы Валленштейнъ содержалъ свою армію только на счетъ протестантовъ; Валленштейнъ же настаивалъ на своемъ правѣ, какъ главнокомандующаго, располагать свои войска по своему благоусмотрѣнію и взимать контрибуцію для ея содержанія даже съ территоріи, принадлежащей лигѣ.

Въ первый разъ въ теченіе многихъ лѣтъ услышалъ императоръ Фердинандъ дружескій и разумный совѣтъ. Валленштейнъ убѣждалъ его поставить единство Германіи выше личныхъ интересовъ князей и дать одинаковыя права приверженцамъ обѣихъ религій. Къ несчастью, совѣтъ этотъ былъ данъ человѣкомъ, который не могъ служить гарантіей за успѣхъ такой мудрой политики. Чтобы поставить себя выше партій, необходимо имѣть довѣріе къ націи; но кто же могъ питать довѣріе къ Валленштейну? Мечомъ можно только охранять долговѣчныя учрежденія, но не создавать ихъ. Въ Германіи Валленштейнъ былъ извѣстенъ только какъ начальникъ арміи, еще болѣе жестокой и болѣе многочисленной, чѣмъ армія Тилли. Единство Германіи, обусловленное безконечными контрибуціями и вымогательствами, видомъ умирающихъ съ голода крестьянъ и горящихъ деревень,—такое единство не могло быть привлекательно. Странно, что лучшая сторона програмы Валленштейна не вдругъ убѣдила Фердинанда. Впрочемъ, онъ никогда не торопился рѣшать дѣла, представлявшія затрудненія; онъ привыкъ во всемъ соображаться съ мнѣніемъ своего главнаго министра, Эггенберга. Въ ноябрѣ состоялась конференція между Валленштейномъ и этимъ министромъ.

Валленштейнъ развернулъ передъ нимъ весь свой планъ, а именно—въ

случаѣ необходимости онъ хотѣлъ увеличить свою армію до 70,000 человѣкъ. Съ этою силою онъ думалъ уклониться отъ открытаго сраженія, всегда опаснаго для войска, невполнѣ пріученнаго къ военному дѣлу. Занявъ лучшіе стратегическіе пункты, онъ думалъ своими маневрами уничтожить врага, сдѣлать Фердинанда единственнымъ обладателемъ Германіи и подвергнуть всю имперію контрибуціи. Тогда внутри ея господствовала бы полнѣйшая покорность, а внѣ ея не было бы ни одного врага достаточно сильнаго, чтобы наложить на нее руку.

Эггенберга было легко убѣдить, а убѣдить его значило получить согласіе и Фердинанда. Въ январѣ Валленштейнъ былъ произведенъ въ герцоги Фридландскіе; этотъ титулъ былъ выше прежняго его титула—принца Фридландскаго, даннаго ему Фердинандомъ въ знакъ особенной милости къ нему. Еслибы Валленштейнъ могъ указать Фердинанду на средства пріобрѣсти любовь германцевъ такъ же легко, какъ онъ указалъ ему на тѣ, которыя слѣдовало употребить для подавленія ихъ сопротивленія, то исторія Германіи и Европы приняла бы совершенно другой оборотъ.

До сихъ поръ оппозиція протестантовъ противъ имперскихъ постановленій не имѣла никакого успѣха. Протестанты были слабы, потому что всѣ ихъ начинанія носили отпечатокъ революціонныхъ стремленій. Но всѣ учрежденія, дѣйствовавшія до этого времени единодушно, теперь разъединились, разрывъ между ними усиливался съ каждымъ днемъ. „Развѣ императоръ,—говорилъ Валленштейнъ,—только кукла, которой суждено никогда не дѣйствовать?“—„Не только имперія связана съ императоромъ, но императоръ связанъ съ имперіей“, говорили представители лиги. Ничто не могло согласить противоположныя теоріи. Императоръ, стремившійся къ самостоятельности, былъ только орудіемъ нѣсколькихъ епископовъ; еслибы Валленштейну была предоставлена свобода, императоръ сдѣлался бы, несомнѣнно, орудіемъ этого счастливаго полководца. Подъ имперіей представители лиги подразумѣвали не народъ въ Германіи, даже не истинные интересы князей, но только интересы епископовъ и ихъ церкви.

Время для открытой борьбы еще не наступило. Врагъ, хотя и ослабѣвшій, былъ еще довольно силенъ. Карлу I удалось снабдить свою кассу значительной суммой денегъ посредствомъ вынужденнаго займа, который, по убѣжденію всякаго англичанина, кромѣ Карла и его придворныхъ, былъ прямымъ нарушеніемъ конституціонныхъ постановленій. Онъ послалъ сэра Карла Марзана на помощь къ датскому королю съ арміей, въ которой числилось 6,000 человѣкъ, но въ дѣйствительности не было и $^2/_3$ этого числа. Турнъ, старый герой пражской революціи, маркграфъ Баденъ-Дурлахскій и меньшой братъ герцога Саксенъ-Веймарскаго Іоанна-Эрнеста, вскорѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Бернгарда Веймарскаго, сражались подъ его знаменами. Укрѣпленные города, какъ Вольфенбюттель, Нордгеймъ и др., были еще на его сторонѣ; крестьяне и горожане жаждали освободить свою землю отъ притѣсненій солдатчины и ига духовенства.

Съ боязливымъ ожиданіемъ обращали протестанты свои взоры на востокъ. Но Бетленъ Габоръ оставался спокоенъ; безъ содѣйствія турокъ онъ ничего не могъ сдѣлать, а турки, будучи вовлечены въ войну съ Персіей, рѣшились начать переговоры о мирѣ съ императоромъ. Послѣ заключенія его Бетленъ Габоръ потерялъ всю свою силу.

Съ началомъ переговоровъ о мирѣ, Валленштейнъ получилъ возможность дѣйствовать свободно. Іоаннъ-Эрнестъ Веймарскій умеръ за годъ передъ тѣмъ, но войска его занимали еще Шлезвигъ. Въ маѣ Валленштейнъ послалъ герцога Георга Люнебургскаго съ порученіемъ отрѣзать имъ отступленіе, а въ іюлѣ онъ самъ уже былъ въ Шлезвигѣ. Изъ его людей приходилось по три на одного врага. Одинъ городъ сдавался за другимъ. Только одинъ разъ встрѣтилъ онъ попытку къ сопротивленію въ открытомъ полѣ. Въ концѣ августа весь Шлезвигъ былъ въ его рукахъ. 55 знаменъ были торжественно отправлены въ Вѣну. Шлезвигскіе города должны были откупаться, и деньги горожанъ пошли на то, чтобы наполнить карманы императорскаго полководца.

Потерявъ Шлезвигъ, Христіанъ хотѣлъ отклонить окончательное пораженіе предложеніемъ мира; но оба полководца соглашались на миръ только подъ условіемъ передачи имъ Голштиніи, на что Христіанъ не хотѣлъ согласиться. Валленштейнъ и Тилли соединили свои силы, чтобы заставить его двинуться на сѣверъ. Благодаря этому движенію, маркграфъ Баденскій былъ отрѣзанъ отъ остальной датской арміи. Онъ двинулся къ берегу по направленію къ Веймару, но долго долженъ былъ ждать судовъ, которыя перевезли бы его силы черезъ море и дали бы ему возможность соединиться съ королемъ датскимъ. Едва прибылъ онъ въ Гейлигенгафенъ, какъ явилось сильное имперское войско, немедленно начавшее атаку. Онъ самъ и нѣкоторые изъ его офицеровъ спаслись на суда, а солдаты, видя себя покинутыми, поступили на службу къ Валленштейну; такимъ образомъ Христіанъ потерялъ семь лучшихъ полковъ своей арміи.

Тилли занялъ свои войска осадою укрѣпленій Нижней Саксоніи, Валленштейнъ же продолжалъ преслѣдованіе короля датскаго. До конца этого года весь Шлезвигъ и Ютландія, за исключеніемъ двухъ или трехъ укрѣпленныхъ городовъ, были въ рукахъ Валленштейна. Еще нѣсколько осадъ—и все, кажется, должно было кончиться. Валленштейнъ началъ составлять самые смѣлые планы; но мечтамъ его не суждено было осуществиться. Хотя Данія и была совершенно поражена, но Тилли былъ еще на-лицо: рано или поздно должно было произойти столкновеніе между его войсками и арміей Валленштейна.

XXXIV. *Утвержденіе императорскаго владычества на Балтійскомъ морѣ и Любекскій миръ.

(Изъ соч. Вебера: „Allgemeine Weltgeschichte für die gebildeten Stände bearbeitet“, B. XI).

Уже издавна испанская политика стремилась лишить голландцевъ почти исключительнаго господства ихъ въ сферѣ торговли по Балтійскому морю, на которой въ значительной степени основывалось ихъ могущество. Въ Испаніи разсчитывали воспользоваться для этого Ганзейскимъ союзомъ, который съ горечью и завистью долженъ былъ смотрѣть, какъ далеко опередили его сѣверные соперники, Голландія, Англія и Данія, и потому не прочь былъ содѣйствовать планамъ Испаніи. Когда же императорскія войска покорили сѣверную Германію и стояли уже на

берегу Балтійскаго моря, предположенія относительно морской торговли должны были еще рѣзче выдвинуться на первый планъ. Мало того, теперь можно было даже придать имъ до нѣкоторой степени характеръ національнаго дѣла; нѣмецкая торговля, подавленная и пришедшая въ упадокъ, опираясь на прочное и широкое основаніе габсбургскаго могущества, могла, казалось, снова расцвѣсти. За небольшимъ числомъ нѣмецкихъ приморскихъ городовъ былъ бы обезпеченъ весь доходъ испанской торговли. И дѣйствительно, на многихъ собраніяхъ Ганзейскаго союза обсуждался проэктъ торговаго договора между Испаніей и союзомъ нѣмецкихъ городовъ, въ силу котораго между обѣими сторонами должны были завязаться непосредственныя торговыя сношенія. Между тѣмъ какъ испанская политика имѣла въ виду уничтоженіе голландской торговли, Австрія, съ своей стороны, разсчитывала на возможность воспользоваться морскимъ могуществомъ Ганзы для нападеній на Данію и даже, въ случаѣ надобности, на Швецію.

На большомъ ганзейскомъ собраніи въ Любекѣ (февраля и марта 1628 г.) происходили еще разъ весьма серьезные и подробные переговоры въ томъ же направленіи. Но Ганзейскій союзъ уже давно былъ слишкомъ разрозненъ и ослабленъ внутренними раздорами, завистью и своекорыстіемъ своихъ членовъ, для того чтобы рѣшиться совмѣстно на общее дѣло: въ концѣ концовъ разныя сомнѣнія и опасенія относительно габсбургскихъ плановъ взяли перевѣсъ, тѣмъ болѣе, что именно въ это время три города, принадлежавшіе къ этому союзу—Штральзундъ, Висмаръ и Роштокъ, были чрезвычайно стѣснены императорскими войсками. Такимъ образомъ стремленіе габсбургской политики къ пріобрѣтенію посредствомъ Ганзы флота потерпѣло окончательное пораженіе; пришлось ограничиться изысканіемъ средствъ къ сожиганію и уничтоженію шведскихъ и датскихъ непріятельскихъ кораблей, какъ только они попадались въ руки, и къ постройкѣ военнаго флота. Ни то, ни другое не повлекло за собою существенно важныхъ послѣдствій; въ результатѣ не оставалось ничего болѣе, какъ удовлетвориться занятіемъ береговъ; море же попрежнему полагало предѣлъ распространенію императорскаго могущества.

Благодаря побѣдамъ Валленштейна, имперія заняла неожиданно могущественное положеніе. Неудивительно поэтому, что въ головѣ Валленштейна и австро-испанскихъ государственныхъ людей зарождались самые смѣлые и дерзкіе планы и надменные проэкты. Они воображали себя уже прочными обладателями сѣверной прибрежной полосы, уже имъ мерещились новыя, прямыя торговыя сообщенія съ Испаніей. На республику Генеральныхъ Штатовъ имѣлось въ виду сдѣлать нападеніе съ сѣвера, Данію вычеркнуть изъ списка державъ и передать престолъ ея шведскому королю, который, такимъ образомъ, былъ бы навсегда связанъ съ императорскою политикою. Затѣмъ снова всплывала привлекательная мечта о перенесеніи побѣдоноснаго императорскаго оружія съ Запада на Востокъ, о взятіи Константинополя и возстановленіи имперіи въ ея обширнѣйшихъ предѣлахъ прежняго времени. И разговоры о подобныхъ предметахъ велись необыкновенно серьезно на совѣтахъ полководцевъ и государственныхъ людей. Въ тѣ времена, когда на глазахъ людей совершались чудеса, у каждаго, кому судьба благопріятствовала, казалось, совершенно исчезали всякія границы для самаго заносчиваго честолюбія.

Несмотря на то, однако, что въ фантазіи Валленштейна одинъ за другимъ выростали самые смѣлые проэкты и комбинаціи, онъ, не забѣгая въ столь отдаленныя области, подумывалъ и о себѣ. Будучи недоволенъ Саганскимъ княжествомъ (близъ Лигница, въ Силезіи), которое онъ получилъ въ вознагражденіе за шлезвигскій походъ, онъ, побуждаемый честолюбіемъ, подумывалъ о полученіи крупнаго имперскаго княжества и имѣлъ уже на примѣтѣ Мекленбургъ. При императорскомъ дворѣ никто, конечно, не былъ противъ вознагражденія заслугъ полководца такимъ образомъ. Что же касается до вопросовъ права, то они были уже давно отложены въ сторону. Тотъ же величайшій произволъ, съ которымъ конфисковались имущества въ завоеванныхъ странахъ для уплаты солдатамъ жалованья, существовалъ и по отношенію къ имперскимъ княжествамъ, если владѣтели ихъ могли быть заподозрѣны въ оскорбленіи величества или въ измѣнѣ. То, что прежде было сдѣлано съ курфюршествомъ Пфальцскимъ, теперь совершилось съ Мекленбургомъ. Что касается трудности провести какое-либо дѣло въ имперскомъ придворномъ совѣтѣ, то на это уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ раздавались громкія жалобы по всей Германіи. Оба Мекленбургскіе герцога: Адольфъ-Фридрихъ Шверинскій и Іоаннъ-Альбрехтъ Гюстровскій—дѣйствительно были ревностными приверженцами датскаго короля и поддерживали всѣми силами его предпріятія; но на основаніи подобнаго обвиненія можно было бы лишить половину сѣверной Германіи ея государственныхъ ленныхъ владѣній. Однако въ тѣ времена,—времена безусловнаго насилія, правовыя соображенія не имѣли никакого значенія. Герцоги были изгнаны изъ страны и нашли себѣ убѣжище у шведскаго короля Густава-Адольфа. 1 февраля 1628 г. Валленштейнъ получилъ герцогство, сначала подъ видомъ залога въ обезпеченіе уплаты военныхъ издержекъ, а въ слѣдующемъ году получилъ его, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, въ наслѣдственное государственное ленное владѣніе. Страна безъ сопротивленія выразила покорность новому господину, который тутъ же сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы морскія гавани и укрѣпленныя мѣста были всегда готовы на случай какого-нибудь непріятельскаго нападенія. Если обсудить этотъ шагъ съ точки зрѣнія уже установившагося въ имперіи обычнаго порядка, то нужно сказать, что онъ былъ шагомъ громадной важности. Въ самомъ дѣлѣ, кому былъ обязанъ своею короною императоръ, какъ не знатнѣйшимъ князьямъ, которые, сообразно древнимъ обычаямъ, выбирали его? Уже искони нѣмецкіе князья заявляли притязаніе на то, что имперія опирается на нихъ. А теперь, вдругъ, императоръ, котораго они облекли высшей властью, не только забылъ о законахъ, которые ему предписывались договоромъ при восшествіи на престолъ, но такой замѣной изгнанныхъ герцоговъ нарушилъ даже законъ относительно наслѣдственной княжеской власти. Простаго дворянина своей страны онъ ввелъ во владѣніе похищеннымъ достояніемъ стараго имперскаго княжества и великаго герцогства, возвелъ его на степень территоріальнаго властелина, которому предстояло впереди могущественное положеніе въ государствѣ.

Стремленіе императорскаго полководца обезпечить сѣверное побережье Германіи отъ всякихъ опасностей путемъ занятія и укрѣпленія приморскихъ мѣстъ Помераніи и Мекленбурга встрѣтило энергическое сопротивленіе со стороны Штральзунда. Городъ этотъ, находившійся номи-

нально подъ властью герцога Померанскаго, но фактически занимавшiй почти независимое положенiе, откупился довольно значительною суммою денегъ отъ военной оккупацiи. Тѣмъ не менѣе командиры императорскихъ войскъ, Арнимъ и Шпарръ, заняли позицiю на островкѣ Денгольмѣ (расположенномъ между городомъ и островомъ Рюгеномъ), господствующую надъ рейдомъ, и рѣшились завладѣть силою Штральзундомъ, обладанiе которымъ для императорскаго полководца было дѣломъ первостепенной важности; они хотѣли заставить гражданъ Штральзунда принять къ себѣ гарнизонъ императорскихъ или, по крайней мѣрѣ, померанскихъ войскъ. Но граждане, въ которыхъ еще разъ проснулся безстрашный духъ старой Ганзы, оказали побѣдоноснымъ императорскимъ войскамъ мужественное сопротивленiе подъ предводительствомъ своего бургомистра. Оккупацiонныя войска на Денгольмѣ принуждены были сдаться на капитуляцiю. Мирныя условiя Валленштейна и герцога Богислава Померанскаго были отвергнуты, благодаря мужественной рѣшимости гражданъ, которые подъ присягой обязались сражаться до послѣдней капли крови за истинную вѣру, за права и свободу города. Валленштейнъ употреблялъ всѣ усилiя овладѣть городомъ; онъ будто бы говорилъ, что долженъ достигнуть этого даже въ томъ случаѣ, еслибы этотъ городъ былъ прикрѣпленъ цѣпями къ небу; фельдмаршалъ Валленштейна, Арнимъ, разбилъ вокругъ города укрѣпленный лагерь и тщетно предпринималъ одинъ штурмъ за другимъ. Шведскiе и датскiе войска и корабли поддерживали храбрыхъ гражданъ города, и даже когда Валленштейнъ, стянувъ отовсюду всѣ годныя для дѣла войска и тяжелыя осадныя орудiя, самъ подошелъ къ городу, то и тутъ городъ устоялъ; капитуляцiя, предложенная совѣтомъ, была отвергнута гражданами, и въ то же время былъ заключенъ договоръ съ Швецiей, по которому, не выходя изъ состава Германской имперiи, городъ вступалъ въ союзъ съ Швецiей. Благодаря голоду, сырости, болѣзнямъ и постояннымъ штурмамъ, императорскiя войска страшно рѣдѣли: цѣлые полки были уничтожены. Подкрѣпленные свѣжими датскими и шведскими силами, осажденные перешли даже въ наступленiе; одновременно съ ихъ наступательными дѣйствiями въ водахъ острова Рюгена появился датскiй флотъ изъ 200 судовъ, угрожая мекленбургскому и померанскому берегу, а Густавъ-Адольфъ отправилъ на корабляхъ свѣжiя войска на театръ военныхъ дѣйствiй. Управиться же съ двумя сѣверными державами безъ флота Валленштейнъ не былъ въ состоянiи; озлобленный и негодующiй, онъ почувствовалъ, что у стѣнъ Штральзунда его счастье потерпѣло первый ударъ. Послѣ шестимѣсячной осады императорскiя войска, напутствуемыя позоромъ и проклятiями, отступили. Между тѣмъ къ этому же времени датскiя войска высадились на померанскiй берегъ и взяли Вальгастъ. Результатъ всѣхъ стремленiй и успѣховъ Валленштейна оказался бы сомнительнымъ, еслибы королю датскому удалось стать твердою ногою на нѣмецкомъ берегу и снова поднять въ населенiи Померанiи и Мекленбурга упавшiй духъ сопротивленiя. Валленштейнъ быстро двинулся противъ войскъ Христiана, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ французовъ и шотландцевъ. Въ топкой, болотистой мѣстности, окружающей Вальгастъ, произошло кровопролитное сраженiе, окончившееся полнѣйшимъ пораженiемъ датскаго войска и отнятiемъ Вальгаста. Померанiя и Мекленбургъ были приведены снова къ покорности, а король датскiй Христiанъ бѣжалъ съ

остаткомъ своихъ войскъ на корабли и направился къ Голштиніи. Но Валленштейнъ послѣдовалъ за датскими войсками и туда; крѣпость Кремпе должна была сдаться, но Глюкштадтъ, защищаемый англійскимъ отрядомъ, не могъ быть взятъ императорскими войсками. Для Валленштейна становилось болѣе и болѣе яснымъ, что безъ морской силы нельзя ничего предпринять рѣшительнаго противъ датскаго короля, что безъ этой силы еле-еле можно защищать нѣмецкій берегъ и тѣмъ менѣе можно разсчитывать на покореніе Даніи, состоящей изъ острововъ. Кромѣ того, планы военныхъ дѣйствій противъ Швеціи и Турціи занимали тогда этого полководца гораздо болѣе, нежели дальнѣйшее продолженіе датской войны, которая не обѣщала многаго; а потому въ императорскомъ лагерѣ было рѣшено заключить съ Даніей миръ. Въ январѣ 1629 г. былъ собранъ конгрессъ въ Любекѣ, на которомъ велись предварительные переговоры, окончившіеся послѣ долгихъ обсужденій миромъ.

Намѣреніе Густава-Адольфа предписать сообща съ Даніей условія мира встрѣтило противодѣйствіе со стороны датскаго короля, который желалъ вообще устранить шведское вмѣшательство въ нѣмецкія дѣла, и потому шведскіе делегаты не были допущены на конгрессъ. Все, чего по этому мирному договору Данія хотѣла добиться для своихъ подданныхъ въ имперіи, какъ-то: обезпеченія свободы вѣроисповѣданія, государственнаго управленія, возстановленія герцоговъ Мекленбургскихъ,— все это было только робкой попыткой; на самомъ же дѣлѣ королю Христіану были безвозмездно возвращены завоеванныя у него страны—Шлезвигъ, Голштинія и Ютландія, взамѣнъ чего онъ, съ своей стороны, отказался отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла и отъ земель, принадлежавшихъ монастырямъ нижне-саксонскаго округа.

XXXV. Характеристика Валленштейна.

(Изъ соч. Гейссера: „Geschichte des Zeitalters der Reformation“).

Альбрехтъ фонъ-Вальдштейнъ, извѣстный подъ именемъ Валленштейна, происходилъ отъ обѣднѣвшей отрасли одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій чешской аристократіи. Почти вся семья Вальдштейна до третьяго поколѣнія (родители и дѣдъ) была протестантской, тѣмъ не менѣе неожиданное стеченіе обстоятельствъ сдѣлало изъ него католика. Когда юный Альбрехтъ осиротѣлъ, то его взялъ къ себѣ на воспитаніе дядя, одинъ изъ немногихъ членовъ семьи, оставшихся вѣрными католицизму. Такимъ образомъ мальчикъ выросъ питомцемъ іезуитовъ. Въ это время въ Богеміи дворянинъ-католикъ былъ рѣдкостью. Дядя опредѣлилъ его на службу Габсбургамъ, и Альбрехтъ не замедлилъ выдвинуться изъ общаго уровня. Онъ оказалъ важныя услуги эрцгерцогу Фердинанду въ Штиріи, во время его войны съ венеціанцами (1617): такъ, онъ съумѣлъ доставить богатый запасъ провіанта въ крѣпость Градиску, осажденную венеціанцами; но еще важнѣе было то, что онъ на собственныя средства снарядилъ полкъ, офицеры и солдаты котораго боготворили его... Молодой талантливый военачальникъ, преданный Габсбургамъ и католицизму, въ тѣ тяжелые для Рима и Габсбурговъ дни былъ истиннымъ сокровищемъ. Когда въ Богеміи поднялось возстаніе и

всѣ родственники Вальдштейна стали на протестантской сторонѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе заявленіемъ неизмѣнной преданности имперіи. Съ своими кирасирами онъ помогъ одержать рѣшительную побѣду надъ графомъ Мансфельдомъ при Тейнѣ и съ большимъ искусствомъ прикрывалъ отступленіе Бочкая передъ Бетленъ-Габоромъ.

Благодаря богатому приданому, взятому за женой, Вальдштейнъ рано обезпечилъ себѣ независимое существованіе; чтобы снискать себѣ расположеніе Габсбурговъ, находившихся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ не останавливался ни предъ какою жертвою. При этомъ онъ обладалъ такимъ тонкимъ тактомъ, что, при кажущейся чрезмѣрной расточительности, умѣлъ оставаться разсчетливымъ хозяиномъ; онъ никогда не упускаетъ своей дѣйствительной выгоды и, раздавая полными руками направо и налѣво, онъ лишь глубже и шире закидывалъ сѣть, чтобъ получить наиболѣе прибыльный уловъ.

Когда во время богемскаго возстанія почти вся аристократія страны стала въ ряды возставшихъ, то вѣрность Вальдштейна являлась двойной, тройной заслугой передъ Габсбургами, и вотъ, когда за подавленіемъ возстанія послѣдовала конфискація имуществъ въ громадныхъ размѣрахъ, для него настало время жатвы.

До 1622 г. Фердинандъ конфисковалъ не менѣе 642 владѣній и имуществъ богемскаго дворянства; а такъ какъ была настоятельная, крайняя необходимость въ деньгахъ, то награбленное тотчасъ же и продавалось по баснословно-дешевымъ цѣнамъ. Рынокъ былъ переполненъ продающимися имѣніями; кто имѣлъ наличныя деньги, тотъ въ короткое время могъ пріобрѣсти страшныя богатства. Вальдштейнъ былъ милліонеръ; онъ скупилъ этихъ имѣній, большею частью по крайне дешевой цѣнѣ, до 60, на сумму до $7^1/_3$ милл. флор.; къ этому въ видѣ вознагражденія за оказанныя услуги императоръ уступилъ ему еще превосходное владѣніе Фридландъ съ городкомъ Рейхенбергомъ за 150,000 флориновъ.

При постоянной удачѣ въ своихъ предпріятіяхъ, Вальдштейнъ былъ человѣкомъ необычайно талантливымъ, и не только какъ полководецъ— на войнѣ, но и какъ военный организаторъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Тогдашній военный строй Европы находился въ переходномъ состояніи отъ старыхъ формъ къ новымъ, или—лучше сказать—старыя формы были уничтожены, а новыя еще не выработались. Послѣдніе остатки средневѣковой ленной службы исчезли, а постояннаго національнаго войска еще не было создано. Войска являлись чѣмъ-то неопредѣленнымъ, лишеннымъ внутренней связи,—какъ прежней феодальной, такъ и національной, государственной. Война была ремесломъ, болѣе или менѣе выгоднымъ; о нравственной связи, о высшемъ долгѣ не могло быть и рѣчи. Гдѣ жизненныя условія оказывались тягостными, тамъ всегда можно было найти тысячи готовыхъ искать себѣ куска хлѣба въ военномъ ремеслѣ; равнымъ образомъ тѣ, кого общество изгоняло, обыкновенно поступали въ военную службу и подъ тѣмъ или другимъ знаменемъ снискивали себѣ пропитаніе. Такъ, напр., тысячи богемскихъ изгнанниковъ находились во всѣхъ войскахъ, ведшихъ войну съ Австріей, въ войскахъ которой, въ свою очередь, было почти такое же количество ирландцевъ; то же можно сказать о валлонцахъ и т. д. Нѣмцы почти равномѣрно распредѣлялись между обоими враждебными лагерями.

Создать изъ такихъ элементовъ войско и крѣпко сплотить его около

своей личности,—такая задача была посильна лишь такимъ личностямъ, какъ Вальдштейнъ, и зато ни одно войско въ этомъ отношеніи не могло сравняться съ его войскомъ. Онъ, какъ никто, умѣлъ соединить въ одно цѣлое ландскнехтовъ, стекавшихся къ нему изъ разныхъ странъ, и въ своей личности представлять для своихъ солдатъ средоточіе всего, высшій принципъ ихъ существованія и дѣятельности. Въ другихъ отношеніяхъ Вальдштейнъ принадлежалъ къ числу нерѣдкихъ въ то время натуръ: онъ былъ выскочка изъ скромной среды, сдѣлавшійся человѣкомъ, повелѣвавшимъ княжествами, оставаясь въ то же время грубымъ въ душѣ, не зная никакихъ другихъ побужденій, кромѣ жажды власти и наслажденія властью. Нужно къ этому прибавить, что Вальдштейнъ жилъ въ такое время, когда и консервативныя личности воспринимаютъ нѣкоторыя революціонныя черты своего времени.

Передъ потомствомъ, передъ судомъ исторіи, онъ является не болѣе, какъ счастливымъ солдатомъ: на его глазахъ пало такъ много высокихъ лицъ, такъ многихъ онъ низвергнулъ самъ, что у него могла родиться мысль—собственной желѣзной рукой достигнуть того, что другимъ даетъ слѣпой случай рожденія. Поэтому онъ съ глубокимъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ относился къ старому строю нѣмецкой націи и ко всему тому, что волнуетъ маленькихъ людей; онъ походилъ на маршаловъ Наполеона и былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что не составляетъ ни малѣйшей дерзости стремиться къ большему, чѣмъ онъ владѣетъ и чѣмъ—по предразсудку смертныхъ—имѣлъ право владѣть.

Онъ былъ весьма склоненъ поддаваться фантазіямъ чрезмѣрнаго честолюбія и отваживаться на выполненіе самыхъ опасныхъ плановъ, если только хватало средствъ. Онъ былъ человѣкомъ, ведшимъ азартную игру; охотно ставилъ все на карту и съ какой-то суевѣрной надеждой отдавался слѣпому случаю. Ему свойственно было также коварство, которое онъ почиталъ высокой мудростью и тонкимъ дипломатическимъ искусствомъ. Соображенія религіозныя, національныя и даже заботы о собственномъ спасеніи нисколько не связывали его на пути честолюбивыхъ стремленій. Онъ служилъ Габсбургскому дому, потому что здѣсь впервые заблистала его звѣзда, но ему не стоило ни малѣйшей борьбы съ своей совѣстью отважиться на осуществленіе такихъ плановъ, которые не имѣли ничего общаго съ вѣрноподданничествомъ; онъ сражался за дѣло католицизма, но безъ фанатизма своего повелителя и безъ той ревности къ обращенію еретиковъ, какою отличался Тилли; нѣкоторые восхваляютъ терпимость Вальдштейна, но она проистекала единственно изъ его индифферентизма.

Этотъ человѣкъ съ баснословными средствами, владѣвшій королевскимъ состояніемъ, отличавшійся необыкновеннымъ политическимъ и военнымъ талантомъ, съ ненасытнымъ честолюбіемъ и съ презрительнымъ отношеніемъ ко всему условному, обычному,—этотъ человѣкъ, ставшій объ руку съ императоромъ, почти затемнялъ его своимъ блескомъ.

Императора сильно безпокоила мысль о томъ, что къ чужому войску, войску лиги, перейдетъ честь побѣдъ и честь возвращенія его земель: Вальдштейнъ создалъ ему собственное войско, которое сдѣлало его независимымъ отъ Баваріи и было достаточно велико, чтобы содержать себя и завоевать цѣлыя страны.

XXXVI. РЕСТИТУЦІОННЫЙ ЭДИКТЪ.

(Изъ соч. Дройзена: „Gustaf-Adolf“, B. II).

Если мы сравнимъ положеніе Австріи въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія съ тѣмъ, которое она занимала въ самомъ началѣ этого столѣтія, то разница оказывается поразительная. Тогда она находилась въ полномъ упадкѣ, а въ 1629 г. мы видимъ ее уже на пути ко всемірной монархіи. Возмущенія въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ были подавлены; цѣлый рядъ войнъ окончился тріумфомъ для императорскихъ войскъ; на границахъ имперіи, отъ Альповъ до Балтійскаго моря, отъ Мааса до Везеля развѣвались австрійскія императорскія знамена. И еслибы Швецію постигла участь Даніи, еслибы Франція при помощи Испаніи была уничтожена, Нидерланды покорены, а Италія снова подпала подъ вліяніе Габсбургскаго дома, то вся Европа была бы въ рукахъ Габсбурговъ. На Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Средиземномъ моряхъ и на океанѣ неограниченно царилъ бы австрійско-испанскій флагъ.

Но этому грандіозному плану не суждено было осуществиться, и препятствіе къ этому явилось не въ однихъ только иноземныхъ государствахъ: могущество имперіи подрывалось внутренними раздорами, которые съ ужасающей быстротой подготовляли ей полное распаденіе.

Какъ во Франціи Ришелье, такъ въ Германіи Валленштейнъ всѣми силами стремился создать абсолютную верховную императорскую власть, опирающуюся на вооруженную силу; онъ стремился къ основанію въ нѣкоторомъ родѣ военной монархіи. Старыя государственныя формы казались ему противодѣйствующими энергіи государственнаго единства; сеймъ, рейхстагъ, вообще вся существующая правительственная іерархія казалась ему элементомъ, ослабляющимъ силы государства, вреднымъ и опаснымъ, и потому все это должно было сравняться подъ строгой военной дисциплиной. Равнымъ образомъ для него казалось несовмѣстнымъ съ императорскимъ авторитетомъ существованіе войска имперскихъ чиновъ рядомъ съ императорскимъ. Онъ съ самаго начала явился рѣзкимъ противникомъ представительнаго управленія; онъ ясно далъ почувствовать „курфюрстамъ, фюрстамъ и сословіямъ“, какъ мало онъ признаетъ ихъ свободу, какъ мало уважаетъ ихъ права; онъ одинаково безцеремонно относился какъ къ членамъ лиги, такъ и къ протестантамъ: онъ облагалъ ихъ контрибуціями, квартирной повинностью, наборами и проч., не обращая вниманія на ихъ жалобы и привилегіи, дѣйствуя единственно въ пользу императорскаго величества и той арміи, главнокомандующимъ которой былъ онъ, Валленштейнъ.

Такія дѣйствія Валленштейна вызывали общее неудовольствіе,—не только въ средѣ протестантовъ, но и католиковъ, и въ средѣ послѣднихъ возбуждали даже большее неудовольствіе, такъ какъ онъ рѣзко отдѣлялъ политику отъ церкви. Не одни только тягостныя и произвольныя мѣропріятія противъ собственности, земли и людей возмущали католиковъ: они видѣли, что, несмотря на ихъ заслуги предъ императоромъ и церковью, подвергаются опасности ихъ старинныя обычныя права и привилегіи, ихъ политическое значеніе и существованіе. Они страшились новой формы имперіи (nova forma imperii), которая, каза-

лось, угрожала возникнуть безъ нихъ и въ противоположность ихъ интересамъ.

Такимъ образомъ противъ идеи императорской диктатуры образовалась оппозиція государственныхъ чиновъ, которая скоро вступила въ открытую борьбу съ императоромъ. Съ 1627 г. эта оппозиція—замѣчательно, что прежде всего на сторону оппозиціи стали лигисты — требовала распущенія императорскаго войска, смѣны военачальниковъ и передачи команды полководцу, пользующемуся общимъ довѣріемъ. Съ этого времени требованія оппозиціи болѣе и болѣе увеличивались и заявлялись болѣе и болѣе рѣзко. Императоръ, проникнутый мыслью о неограниченной императорской власти, видѣлъ большую опасность для укрѣпленія императорской монархіи въ постоянно повторявшемся междуцарствіи и въ ненадежности новыхъ выборовъ; поэтому онъ сталъ стремиться къ тому, чтобы еще при себѣ сдѣлать своего сына наслѣдникомъ императорскаго престола.

Католическіе курфюрсты, поддерживаемые Франціей въ своей антиимператорской политикѣ, на конференціи въ Бингенѣ въ іюлѣ 1628 г. объявили, что они согласятся на признаніе Фердинанда III римскимъ королемъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ распущено императорское войско, т. е. когда императоръ будетъ лишенъ фактическаго могущества въ Германіи и государственные чины получатъ прежнее значеніе. Для достиженія этой цѣли лига вступила въ переговоры даже съ евангелической партіей, и прежде всего съ Іоанномъ-Георгомъ Саксонскимъ; но послѣдній соглашался на совмѣстныя дѣйствія лишь въ очень ограниченной степени.

Понятно, что Валленштейнъ рѣшительно противился распущенію арміи. Онъ писалъ императору (уже въ началѣ 1628 г.): „еслибы всѣ католическіе князья, а также курфюрстъ Саксонскій, Дармштадтъ, Вюртембергъ и др., были менѣе стѣснены въ своей самодержавности, то ваше императорское величество не пользовалось бы такою властью. какъ теперь“.

Императоръ послѣдовалъ совѣту Валленштейна: распущеніе войскъ было пріостановлено. Всѣ просьбы и убѣжденія лигистскихъ курфюрстовъ были тщетны: императорская армія, вмѣсто сокращенія, постоянно увеличивалась.

Противорѣчія между императоромъ и оппозиціей достигли своего апогея; Франція, съ своей стороны, всѣми силами старалась усилить раздоръ и довести его до полнаго разрыва.

Лигисты уже медлили посылкою Валленштейну вспомогательныхъ войскъ для осады Штральзунда; они выражали свое неудовольствіе по поводу изгнанія герцоговъ Мекленбургскихъ, по поводу процесса противъ Фридриха-Ульриха Брауншвейгскаго, по поводу безчисленныхъ конфискацій имуществъ. Они не признавали ленныхъ правъ, жалуемыхъ Валленштейномъ съ цѣлью создать этимъ путемъ сословіе новыхъ имперскихъ князей въ противовѣсъ старымъ. Они предлагали императору, пока еще не поздно, войти въ миролюбивыя соглашенія съ герцогами Мекленбургскими; въ противномъ случаѣ, заявляли они, Саксонія и Бранденбургъ отложатся, и возможно даже вступленіе шведскихъ войскъ въ Германію. Въ февралѣ 1629 г. они собрались въ Гейдельбергѣ на союзный сеймъ, на которомъ положили—еще разъ требовать отъ импе-

ратора распущенія арміи; въ случаѣ же отказа рѣшились вооруженною силою противиться посягательствамъ императора.

При такомъ положеніи дѣлъ, императоръ сдѣлалъ одинъ шагъ, который никакъ нельзя оправдать съ точки зрѣнія его политики. Во Франціи Ришелье, чтобы возможно-скорѣе достигнуть политическаго единства государства и такимъ образомъ имѣть возможность всѣми силами объединенной націи обрушиться на внѣшняго врага, старался не возбуждать конфессіональныхъ противорѣчій; императоръ же Фердинандъ, при существованіи политическаго несогласія въ странѣ, издалъ еще эдиктъ о возстановленіи (Restitutionsedict), по которому католической церкви возвращались всѣ духовныя и монастырскія владѣнія, захваченныя протестантами послѣ Пассаускаго мира 1552 г.

Въ 1627 г. всѣ курфюрсты, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, просили императора позаботиться о томъ, чтобы всѣ заявленія и жалобы имперскихъ чиновъ на притѣсненія и насилія разслѣдовались и получали удовлетвореніе согласно съ государственной конституціей и религіознымъ и свѣтскимъ мирнымъ договоромъ, чтобы такимъ образомъ никто не былъ незаконно оскорбляемъ и притѣсняемъ, т. е. апеллировали къ верховной судебной власти императора. Самое неблагоразумное, что въ этомъ случаѣ могъ сдѣлать императоръ, это—вмѣсто того, чтобы стать выше всѣхъ партій, взять на себя роль посредника — признать и удовлетворить заявленное требованіе лишь настолько и такимъ образомъ, какъ это было желательно католической партіи; издать эдиктъ, рѣзко нарушающій права протестантовъ, разослать его на одобреніе католическимъ государственнымъ чинамъ и затѣмъ обнародовать его (6 марта 1629 г.), какъ „эдиктъ возстановленія церковныхъ имуществъ“. Такимъ образомъ императоръ, ставшій по отношенію къ политическимъ требованіямъ въ противорѣчіе со всей коллегіей курфюрстовъ, въ религіозныхъ требованіяхъ сталъ на сторонѣ лигистскаго большинства, — отказываясь исполнить требованія о распущеніи арміи, издалъ „эдиктъ о возстановленіи“, чтобы хоть чѣмъ-нибудь удовлетворить большинство. Этотъ противный государственной конституціи актъ, — такъ какъ безъ принятія его рейхстагомъ онъ не имѣлъ обязательной силы, — Фердинандъ издалъ въ видахъ того, чтобы пріобрѣсти на будущемъ избирательномъ сеймѣ большинство за своего сына. Этимъ актомъ, въ виду угрожавшихъ со всѣхъ сторонъ внѣшнихъ враговъ, онъ поднялъ еще смуту внутри государства, которая должна была повести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ.

Протестантская часть населенія, уже прежде всей душой ненавидѣвшая военную диктатуру Валленштейна, теперь увидѣла себя преданною въ руки католической партіи и церковнаго фанатизма, лишенною защиты государства, и все это для того, чтобы императору можно было нарушить религіозный миръ, на которомъ съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія зиждилась соціальная жизнь Германіи. Императоръ совсѣмъ оттолкнулъ отъ себя протестантовъ, чтобы такимъ образомъ вѣрнѣе и за ничто склонить на свою сторону католиковъ. Съ этого времени ненависть и сопротивленіе протестантовъ Валленштейну и его дѣйствіямъ сдѣлались вслѣдствіе этого еще болѣе сильными и угрожающими.

Валленштейнъ рѣшительно возставалъ противъ изданія этого эдикта, этой „несвоевременной строгой реформы“. Онъ отсовѣтывалъ не потому

только, что считалъ совершенно неумѣстнымъ вмѣшивать церковныя дѣла въ политику, но и потому, что считалъ настоящій моментъ чрезвычайно неудобнымъ для опубликованія эдикта, который, по его мнѣнію, долженъ былъ возбудить и недовольство, и враждебное настроеніе въ сѣверной протестантской Германіи. „Императорскій эдиктъ, — жалуется онъ въ одномъ письмѣ, — возстановитъ противъ насъ всѣхъ некатоликовъ; мы должны будемъ развлекать свои силы болѣе, чѣмъ Испанія, такъ какъ противъ насъ будетъ все государство, а также Швеція, Турція и Венгрія“. Уже предъ опубликованіемъ эдикта во многихъ мѣстахъ были предприняты репрессивныя мѣры противъ протестантовъ, прежде всего въ протестантской Швабіи; теперь же дѣло реакціи повелось систематически. Въ различные округи были назначены коммиссары для приведенія въ исполненіе эдикта; императорскимъ полководцамъ было отдано приказаніе — въ случаѣ надобности помогать своими войсками коммиссарамъ.

Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера предполагалось уничтожить результаты полувѣковаго національнаго развитія Германіи, вырабатывавшіеся въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ поколѣній подъ охраною государственныхъ договоровъ и законовъ Германіи.

И съ какой неслыханной жестокостью алчностью и страстью къ преслѣдованію приводился въ исполненіе императорскій эдиктъ! Страсти, возбужденныя и питавшіяся войною, теперь нашли себѣ новую и обильную пищу.

Здѣсь нужно замѣтить, что эдиктъ о возстановленіи не имѣлъ никакого вліянія на рѣшеніе Густава-Адольфа объявить войну императору. По нашему мнѣнію, война эта рѣшена была задолго до обнародованія эдикта, даже прежде, чѣмъ проэктъ его былъ разосланъ курфюрстамъ. Никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Густавъ-Адольфъ ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ рейхстагѣ ни разу не выставлялъ причиною предпринимаемой войны необходимость защитить преслѣдуемыхъ за свое вѣроисповѣданіе германскихъ протестантовъ.

Война была бы объявлена, хотя бы и никакого эдикта не было издано, — хотя бы даже въ Германіи не было ни одного протестанта, преслѣдуемаго за свою религію. Теперь же, когда протестанты дѣйствительно подвергались притѣсненіямъ, преслѣдованію, когда эдиктъ 6 марта 1629 г. угрожалъ возможностью постоянныхъ притѣсненій, когда протестанты, отчаявшись собственными силами противостоять насилію, взывали къ нему о помощи,—положеніе дѣлъ являлось для него самымъ благопріятнымъ.

Теперь, преслѣдуя цѣли, составлявшія политическую необходимость для сохраненія самостоятельности своего государства, Густавъ-Адольфъ могъ слѣдовать и своимъ религіознымъ симпатіямъ. Теперь онъ могъ ожидать, что въ Германіи онъ будетъ встрѣченъ не съ ненавистью, какъ иноземный завоеватель, а съ ликованіемъ, какъ освободитель своихъ стѣсненныхъ единовѣрцевъ на континентѣ. Въ обязанности выступить на защиту евангелія онъ видѣлъ не причину, не поводъ къ войнѣ, а средство одержать въ этой войнѣ болѣе легкую, болѣе вѣрную побѣду. Эдиктъ о возстановленіи для императора послужилъ поводомъ къ окончательному разрыву съ протестантской Германіей, а для Густава-Адольфа оффиціальнымъ поводомъ къ объявленію войны. Въ войнѣ съ императо-

ромъ онъ могъ разсчитывать на протестантовъ, какъ на своихъ союзниковъ, и его побѣды надъ императоромъ, пока онѣ клонились только къ уничтоженію могущества австрійскаго дома, были въ то же время и побѣдами протестантизма въ имперіи.

Какъ мало Густавъ-Адольфъ цѣнилъ защиту нѣмецкихъ протестантовъ сравнительно съ безопасностью своего государства, объ этомъ свидѣтельствуетъ проэктъ конференціи въ Данцигѣ (предложенный годъ спустя послѣ обнародованія эдикта) для миролюбиваго рѣшенія несогласій между Швеціей и императоромъ. И если эта миролюбивая попытка не удалась, частью по винѣ Густава-Адольфа, если онъ предпочелъ продолжительнымъ и мало или ничего необѣщающимъ переговорамъ войну, то на это у него были другія причины, а не одно желаніе защитить своихъ единовѣрцевъ въ Германіи.

XXXVII. ГУСТАВЪ-АДОЛЬФЪ.

(Изъ соч. Дройзена: „Gustaf-Adolf", B. I).

Въ указѣ о престолонаслѣдіи 1604 г. наслѣдникомъ шведскаго престола назначенъ былъ старшій сынъ Карла IX.

Густавъ-Адольфъ родился въ Стокгольмѣ въ исходѣ того года (9 декабря 1594 г.), въ началѣ котораго его двоюродный братъ, король польскій Сигизмундъ, получилъ шведскую корону, и при крещеніи былъ названъ Густавомъ-Адольфомъ. Имя Густава было дано ему въ воспоминаніе объ дѣдѣ. Рожденіе его было радостно привѣтствовано шведами и несомнѣнно являлось важнымъ событіемъ, ибо въ лицѣ новорожденнаго карлистская вѣтвь династіи Вазы получала своего представителя, и шведы, рѣшительно ставшіе на сторонѣ Карла во время споровъ его съ Сигизмундомъ о шведской коронѣ, теперь могли уже не безпокоиться о томъ, что по смерти Карла, которому они были преданы всей душой, имъ придется подпасть подъ управленіе польской отрасли династіи Вазы.

Густавъ-Адольфъ унаслѣдовалъ отъ отца все богатство природныхъ дарованій своего рода. На дальнемъ сѣверѣ, вдали отъ того богатаго источника цивилизаціи, изъ котораго съ такою жадностью черпала остальная Европа, расцвѣлъ этотъ мощный отпрыскъ династіи Вазы. Онъ вышелъ изъ среды того народа, который жилъ еще въ варварствѣ, сравнительно съ своими родичами въ Германіи, гдѣ уже давно проникали во всѣ тайники знанія, во всѣ тонкости культуры и гдѣ раздавались жалобы еще на Густава Вазу за то, что онъ не умѣлъ вести торговыхъ сношеній съ сосѣдями и вмѣсто того, чтобы вести мѣновую торговлю съ приставшими къ шведскому берегу иностранцами, грабилъ ихъ; — онъ происходилъ изъ народа, который обладалъ лишь начатками корабельнаго искусства и въ виду обширнаго моря довольствовался жалкими шхерботами, которыхъ, впрочемъ, было совершенно достаточно, чтобы ловить рыбу. Но этотъ упрямый, дикій и притомъ самобытный народъ, возросшій въ освѣжающей атмосферѣ сѣвера, свѣтло смотрѣлъ на вещи, а малоплодородная страна научила его легко переносить лишенія и бѣдность. Во времена владычества датчанъ онъ научился терпѣть, а въ пе-

ріодъ возстаній (поднятыхъ Вазой) научился дѣйствовать. Ко всему этому, какъ смягчающій элементъ, подобно благодѣтельному солнечному свѣту, среди народныхъ массъ разлилось новое ученіе и такъ неразрывно соединилось со всѣмъ народнымъ міросозерцаніемъ, что шведы смотрѣли на новую религію, какъ на составную часть своей политической свободы, своего государственнаго строя, и потому смуты и войны реформаціоннаго періода въ Швеціи менѣе всего носили на себѣ религіозный характеръ. Тамъ были лишь чисто-политическія революціи, къ которымъ конфессіональные вопросы примѣшивались лишь какъ элементъ, усиливавшій ихъ дѣйствіе, придававшій имъ болѣе рѣзкій характеръ. Равнымъ образомъ нигдѣ не было такъ замѣтно вліяніе новаго ученія, какъ въ Швеціи. Оно не только сдѣлало возможнымъ самостоятельное существованіе новаго государства: оно переродило самый народный характеръ шведовъ. Оно внесло съ собою болѣе свободную культуру, болѣе высокое образованіе. Цивилизація, такимъ образомъ, являлась здѣсь какъ бы составною частью новаго ученія. Результатъ получился разительный. Находясь почти на одной ступени цивилизаціи съ Россіей и Польшей въ началѣ новой исторіи, Швеція въ концѣ того же столѣтія стояла уже на одномъ уровнѣ съ наиболѣе цивилизованными націями Европы, между тѣмъ какъ названные сосѣди все еще недалеки были отъ варварства.

Королевскій родъ, по своему характеру вполнѣ соотвѣтствовавшій народному духу, являлся блестящимъ образцомъ для остальныхъ знатныхъ родовъ страны и этимъ снискалъ себѣ глубокую преданность своихъ подданныхъ, доходившую до энтузіазма. Замѣчательная наклонность и выдающаяся способность къ занятіямъ науками и искусствами передавались въ этомъ родѣ наслѣдственно отъ отца къ сыну. Уже въ Густавѣ Вазѣ рѣзко обнаруживается эта талантливость. Благодаря общимъ тенденціямъ времени, она приняла у него религіозное направленіе, такъ же, какъ и дѣти его ревностно занимались теологіей; но въ то же время онъ обладалъ тонкимъ пониманіемъ искусства (развитымъ художественнымъ чувствомъ) и такъ мѣтко судилъ о произведеніяхъ искусства, что „превосходилъ въ этомъ многихъ спеціально занимавшихся данными искусствами". Дѣти Вазы, Эрихъ, Іоаннъ, Сигизмундъ и Карлъ, были одинъ другаго талантливѣе. Первые проявляли свою талантливость преимущественно въ наукахъ (въ теологіи) и искусствахъ, а послѣдній—въ практической дѣятельности.

Не имѣя особенной склонности къ занятіямъ науками и искусствами, Карлъ тѣмъ энергичнѣе принялся за дѣла государственнаго управленія. Онъ далъ образцовую организацію арміи, впервые установилъ порядокъ судопроизводства; всѣми силами старался привести въ порядокъ финансы страны, и для достиженія этой цѣли обратилъ особенное вниманіе на поземельные налоги, для правильнаго распредѣленія которыхъ велѣлъ составить генеральную карту королевства, и на регулированіе и расширеніе горнозаводской промышленности. Подобно своему отцу, онъ былъ практическій, организаторскій талантъ.

При этомъ Карлъ IX не забывалъ и о воспитаніи своего сына и всѣми силами старался дать ему по возможности разностороннее образованіе, заставляя его изучать и такіе предметы, къ которымъ самъ не имѣлъ особенной склонности и которымъ предпочиталъ другія правительственныя добродѣтели. Онъ предложилъ государственнымъ чинамъ избрать

учителей для принца, и они рекомендовали Іоанна Скитта, секретаря государственной канцеляріи, человѣка опытнаго, много путешествовавшаго, который во время долголѣтняго пребыванія за границей основательно изучилъ нравы и интересы иноземныхъ народовъ. Скиттъ отнесся къ своей задачѣ съ полною серьезностью; онъ написалъ для своего питомца руководство, въ которомъ изложилъ, какимъ образомъ князь долженъ вести свои занятія. Кромѣ Скитта, Густавъ-Адольфъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ преимущественно двумъ иностранцамъ: бранденбуржцу Гельмеру фонъ-Мернеру, человѣку „много путешествовавшему и очень образованному", и графу Де-ла-Гарди, французу, который занимался съ принцемъ военными науками.

Природныя способности мальчика и раннее (даже слишкомъ раннее) стремленіе къ научнымъ занятіямъ обѣщали оправдать всѣ заботы отца объ его воспитаніи. Успѣхи принца были таковы, что онъ, кромѣ своего роднаго языка, понималъ семь иностранныхъ и на большей части изъ нихъ могъ говорить; онъ зналъ языки латинскій, нѣмецкій, голландскій, итальянскій, а также русскій, польскій и даже греческій. О Ксенофонтѣ, котораго читалъ въ подлинникѣ, онъ отзывался, что не знаетъ ни одного „дѣйствительнаго военнаго историка", котораго можно было бы поставить на ряду съ греческимъ историкомъ. До конца своей жизни онъ ревностно изучалъ также сочиненія Гуго Гроція, въ особенности его трактатъ „De jure belli et pacis" (о правѣ войны и мира), съ которымъ онъ не разставался даже въ военныхъ походахъ. Гуго былъ для него то же, что для Александра Великаго его Гомеръ. И если Александръ желалъ имѣть своего Гомера, который воспѣлъ бы его жизнь и дѣянія, то Гуго Гроцій имѣлъ дѣйствительное намѣреніе передать потомству исторію жизни Густава-Адольфа.

Впослѣдствіи онъ самъ выступалъ исторіографомъ, въ чемъ также оказалось его сходство съ предками. Его „Исторія собственнаго дома" (дома Вазы), доведенная имъ до первыхъ лѣтъ своей собственной жизни, по мѣткости сужденія, по эпически-спокойному тону и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей малосодержательности, напоминаетъ историческія сочиненія Фридриха Великаго.

Отецъ съ самаго начала заботился о томъ, чтобы за сообщеніемъ познаній ни въ какомъ случаѣ не оставлялось безъ вниманія нравственное воспитаніе его сына. Съ отеческой заботливостью онъ собственноручно написалъ для него „памятную записку", содержащую, между прочимъ, слѣдующія увѣщанія и наставленія: „Прежде всего бойся Бога, почитай отца и мать, оказывай братское расположеніе своимъ братьямъ и сестрамъ, люби вѣрныхъ слугъ своего отца, награждай ихъ по заслугамъ, будь милостивъ къ своимъ подданнымъ, наказывай злое, люби доброе и кроткое, довѣряй всѣмъ, но благоразумно и напередъ учись узнавать людей, бодрствуй надъ закономъ, твердо сохраняй его и безъ лицепріятія, не нарушай ничьихъ законныхъ привилегій, не уменьшай королевскаго жалованья твоимъ слугамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы получающіе его помнили, откуда они получали его". Такъ заботливо отецъ старался предусмотрѣть всевозможные случаи и отношенія, съ которыми мальчикъ могъ повстрѣчаться въ жизни; такъ просто, точно и опредѣленно указалъ онъ сыну правый жизненный путь.

Нужно замѣтить, что онъ не мало разсчитывалъ на своего сына; онъ

вѣрилъ въ его будущее. Разсказываютъ, что Карлъ оставлялъ его играть въ своемъ кабинетѣ. Здѣсь нерѣдко происходили засѣданія государственнаго совѣта, и довольно часто, вслѣдствіе трудности того или другаго вопроса, онъ оставался нерѣшеннымъ. Въ такихъ случаяхъ король указывалъ на игравшаго въ комнатѣ ребенка или подзывалъ его къ себѣ и, кладя на него руку, говорилъ: „вотъ, вотъ, господа, человѣкъ, который будетъ въ состояніи рѣшать такія затрудненія и предотвращать опасности; ille faciet".

Съ десяти лѣтъ отецъ заставлялъ его присутствовать на засѣданіяхъ государственнаго совѣта и при аудіенціяхъ иностранныхъ пословъ. Отъ времени до времени онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросы отца, ибо Карлъ разсчитывалъ упрочить наслѣдственность за новой династіей Вазы, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ въ дѣтствѣ еще воспитаетъ себѣ наслѣдника, способнаго самостоятельно вести управленіе государствомъ. Уже семилѣтняго Густава мы видимъ искусно ведущимъ переговоры съ нидерландскимъ посланникомъ Гагою, и посольство, посланное этимъ юнымъ государствомъ въ Швецію въ 1615 г., въ своихъ письмахъ на родину выражаетъ искреннее удивленіе проницательности и глубокомыслію юнаго короля, который велъ съ нимъ переговоры совершенно одинъ, даже безъ участія своего довѣреннаго, канцлера Оксенштирна; оно разсказывало также о той ясности, съ какою юный король развивалъ передъ нимъ свои взгляды на обязанности правителя; онъ говорилъ, что онъ болѣе всего стремится къ тому, чтобы пріобрѣсть истинное и прочное уваженіе и почтеніе; что онъ надѣется достигнуть этого, если передастъ своему наслѣднику государство, пользующееся спокойствіемъ и миромъ и въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ онъ самъ принялъ его отъ своего предшественника.

Не было, однако, никакого сомнѣнія, что Густавъ съ самаго ранняго дѣтства проявлялъ наибольшую наклонность и наибольшія способности къ военнымъ дѣламъ. Онъ по цѣлымъ часамъ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивалъ разсказы соратниковъ Морица Оранскаго въ Нидерландахъ объ этомъ храбромъ принцѣ и объ его удивительныхъ подвигахъ.

Шестилѣтнимъ мальчикомъ отецъ бралъ его съ собою въ Финляндію, гдѣ онъ собственными глазами видѣлъ войну со всѣми ея ужасами. Собственное наблюденіе ребенка пополнялось сообщеніями Де-ла-Гарди и разсказами оранскихъ офицеровъ.

Пятнадцатилѣтнимъ юношей Густавъ явился къ отцу и просилъ себѣ дозволенія принять участіе въ начинавшейся тогда войнѣ съ Россіей. Отецъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. Оксенштирнъ говоритъ: „такъ какъ онъ былъ порученъ попеченію другихъ, то онъ не безъ неудовольствія остался въ домѣ своего отца еще на годъ, до достиженія шестнадцатилѣтняго возраста".

На слѣдующій годъ отецъ, въ присутствіи рейхстага, призналъ его способнымъ носить шпагу; опоясываніе было совершено со всею торжественностью, и Густавъ немедленно отправился на арену шведско-датской войны, чтобы заслужить себѣ рыцарскія шпоры.

Храбрость Густава и его таланты полководца вызывали удивленіе въ его современникахъ. Онъ былъ даже излишне отваженъ для генерала. Шпага въ рукахъ пробуждала въ немъ сѣвернаго „гота": ясно было, что

въ его жилахъ течетъ кровь „Вазы". На короля Эриха находили иногда какъ бы припадки кровожаднаго звѣрства. Однажды король Карлъ, „по древнему обычаю готовъ", вызывалъ на единоборство короля датскаго. Густавъ-Адольфъ, какъ молодой человѣкъ, выбиралъ себѣ, при осадѣ Пскова, которую онъ велъ, наиболѣе опасныя мѣста на траншеяхъ и при орудіяхъ; онъ отваживался на рекогносцировки и подобныя „мелкія оказіи" въ виду непріятеля. Съ подзорной трубкой въ рукахъ онъ верхомъ отправлялся наблюдать непріятельскія дефилеи. Часто затѣмъ онъ подвергалъ свою жизнь опасности, появляясь на шанцахъ, пока, наконецъ, не сложилъ своей головы въ ужасномъ бою. Съ самаго начала своего правленія онъ стремился къ расширенію и улучшенію военной силы Швеціи. Уже вышеупомянутое нидерландское посольство 1615 г., которому мы обязаны многими свѣдѣніями о личности Густава-Адольфа, дѣлаетъ объ этомъ рядъ сообщеній своему правительству. Такъ, въ докахъ находилось девять новыхъ большихъ кораблей, совсѣмъ готовыхъ къ спуску на воду, и численность сухопутнаго войска доведена была до 40,000 человѣкъ; устроенъ былъ по нидерландскому образцу новый арсеналъ осадныхъ орудій и разнаго рода вооруженія. Юный король пригласилъ изъ Нидерландовъ на нѣкоторое время контролера Моніе и просилъ его захватить съ собою какъ можно больше инженеровъ, канонировъ, фейерверкеровъ и т. п. спеціалистовъ.

Удивленіе предъ военными талантами принца Оранскаго побуждало его къ тому, чтобы по нидерландскому образцу и при помощи нидерландскихъ военныхъ спеціалистовъ довести до возможнаго совершенства военныя силы Швеціи. Часто во время войны въ Германіи, на полѣ сраженія, въ особенности при осадѣ крѣпостей, передъ нимъ носился геройскій образъ Оранскаго. „Онъ показывалъ намъ,—такъ разсказываютъ далѣе нидерландскіе посланники,—осадное орудіе собственнаго изобрѣтенія и въ нашемъ присутствіи производилъ надъ нимъ опыты. Оно вѣсило только 22 фунта и бросало ядра въ 20 фунтовъ". Онъ говорилъ, что надѣется еще болѣе уменьшить вѣсъ самаго орудія.

Передъ глазами Европы на сѣверѣ восходило военное свѣтило. Спинола уже послѣ битвы подъ Прагой говорилъ: „Густавъ-Адольфъ единственный изъ протестантскихъ государей, котораго опасно было раздражать".

Первая историческая монографія о Густавѣ-Адольфѣ, появившаяся еще при его жизни, повторяетъ общераспространенный взглядъ на него современниковъ: „въ настоящее время во всемъ христіанскомъ мірѣ немного найдется личностей, равныхъ ему въ военномъ искусствѣ".

По примѣру своихъ родичей, онъ занимался теологіей; но его интересовала болѣе религіозная, чѣмъ конфессіональная сторона религіи. Онъ не заявлялъ претензіи на рѣшающій голосъ въ вопросахъ конфессіональныхъ. Онъ довольствовался тѣмъ, чтобы быть благочестивымъ самому и сдѣлать благочестивыми своихъ подданныхъ. „Онъ молится очень усердно", пишетъ герцогиня Софія Померанская. Съ него ведетъ свое начало утренняя и вечерняя молитва въ арміи. Онъ раздавалъ своимъ солдатамъ книгу духовныхъ пѣсней; постоянно бралъ съ собою на войну своего полковаго священника; его придворный священникъ, вѣрный докторъ Фабриціусъ, каждый разъ передъ битвою совершалъ торжественное богослуженіе.

Сводя въ одно тѣ немногія черты характера Густава-Адольфа, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія отъ его современниковъ, мы видимъ, что онъ—человѣкъ замкнутый, строгій, необщительный; онъ былъ загадкою даже для своихъ приближенныхъ, которые привыкли безпрекословно исполнять его повелѣнія, не спрашивая о побудительныхъ причинахъ того или другаго распоряженія. Съ рѣдкой проницательностью онъ умѣлъ находить средства, наикратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ ведущія къ ясно предположенной цѣли. Но затѣмъ геній, или—какъ выражался Оксенштирнъ—impetus ingenii, снова увлекалъ его отъ однихъ плановъ къ другимъ, такъ что вѣрному Окстенштирну стоило большаго труда сдерживать его порывы. По отношенію къ себѣ онъ былъ непреклоненъ. Лихорадку, напр., онъ прогонялъ тѣмъ, что фехтовалъ до тѣхъ поръ, пока не проходили лихорадочные припадки. Въ прежнихъ историческихъ сочиненіяхъ разсказывается, что на войнѣ онъ не спалъ въ комнатѣ, а отправлялся ночевать въ свою палатку. Иногда, впрочемъ, при всей высотѣ его духа, въ характерѣ его обнаруживалась сѣверная грубость и дикость своего рода. Такъ, въ протоколѣ придворнаго суда было постановлено имъ, что съ каждаго судьи, который пристрастно рѣшитъ дѣло въ чью-либо пользу, хотя бы то въ пользу самого короля, въ примѣръ другимъ, будетъ содрана кожа и повѣшена на судейскомъ стулѣ, а уши будутъ прибиты къ позорному столбу.

И этотъ непреклонный, рѣзкій, замкнутый человѣкъ, этотъ leo arcticus, ростомъ превосходившій всѣхъ своихъ подданныхъ, широкоплечій, съ свѣтлорусыми волосами, бѣлымъ лицомъ и медленными движеніями, которыя позднѣе, когда онъ сдѣлался нѣсколько корпулентнымъ, можно было принять за признакъ неповоротливости, — этотъ сѣверный левъ любилъ мелодическую музыку и простыя пѣсни и часто фантазировалъ на своей лютнѣ. Кому изъ насъ не покажется страннымъ, что этотъ великій завоеватель въ тихомъ уединеніи фантазировалъ на лютнѣ? Непреклонная воля и энергія въ преслѣдованіи великой цѣли требовали нѣкотораго отдыха, и геній убаюкивалъ ихъ музыкою въ тѣ немногіе моменты, какіе онъ могъ удѣлить на это отъ своей многосторонней государственной дѣятельности.

Онъ былъ подобенъ сѣверному свѣтилу: такъ же великъ, такъ же чуденъ, блестящъ, но и такъ же холоденъ.

XXXVIII. ГУСТАВЪ-АДОЛЬФЪ ВЪ ГЕРМАНІИ (1630—1632).

Густавъ-Адольфъ представляетъ въ своемъ родѣ единственное явленіе XVII в., такъ какъ въ немъ жилъ еще тотъ добрый, юношески-свѣжій и чистый духъ первыхъ временъ реформаціи, который воодушевлялъ такихъ личностей, какъ Фридрихъ Саксонскій, Филиппъ Гессенскій и т. под. Если про кого-либо изъ правителей первой половины XVII в. можно сказать, что онъ исполненъ былъ протестантской ревности, горячей религіозности и искренняго воодушевленія величіемъ своего дѣла, то именно про него, и только про него. Въ своей личности онъ снова явилъ мелочному свѣту, полному низкаго коварства и жалкаго малодушія, образъ истиннаго героя, отмѣченнаго божественными чертами. Поэтому-

то онъ и возбуждалъ воодушевленіе тамъ, гдѣ оно не проявлялось уже цѣлые десятки лѣтъ; поэтому-то онъ и съумѣлъ воспламенить другихъ идеями, уже давно похороненными подъ бѣдствіями времени. Онъ не былъ дерзкимъ лицемѣромъ, ханжей. Молитва и кроткое благочестіе были нераздѣльны съ его личностью, и потому-то богослуженіе, духовныя пѣсни, библейскіе псалмы, раздававшіеся въ его лагерѣ, укрощали страшно-грубую силу его войска, что удавалось только ему одному и чего не могъ достигнуть ни одинъ изъ его преемниковъ.

При этомъ образъ мыслей его былъ настолько возвышенъ, что въ это крайне смутное время онъ стремился возвратиться къ тому первоначальному положенію, которое обезпечивало религіозный миръ въ теченіе болѣе полустолѣтія; онъ одинъ только выставилъ положеніе, что враждующія стороны должны стремиться не къ взаимному уничтоженію, а къ возстановленію права, какъ оно существовало до войны; онъ одинъ съумѣлъ возвратить протестантамъ ихъ права, не оскорбляя католиковъ. Все это было далеко немаловажно въ войнѣ, которая велась съ такимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Поэтому онъ въ правѣ былъ сказать въ Нюренбергѣ нѣмецкимъ князьямъ и дворянству: „Стыдитесь, что я, чужеземецъ, долженъ учить васъ тому, что составляетъ вашъ прямой долгъ“.

Все это придаетъ послѣдующей войнѣ ея особенное значеніе. Во весь этотъ періодъ онъ представляетъ единственное явленіе, на которомъ могъ отдохнуть взоръ, которымъ можно было воодушевиться. Католическая партія не выставила ни одной личности, равной ему по своему величію, и протестантизмъ, начинавшій разлагаться глубже и глубже, своимъ, такъ сказать, высокимъ пареніемъ въ это смутное время обязанъ, главнымъ образомъ, появленію этой личности, что доказалъ быстрый упадокъ истиннаго воодушевленія, послѣдовавшій за смертью Густава-Адольфа.

Эпизодъ этотъ имѣетъ большое значеніе и въ другомъ отношеніи. Важно не только то, что въ немъ обнаруживается мощь геніальной личности, является король и военачальникъ, съ которымъ никто, тѣмъ болѣе Фердинандъ II, не могъ сравняться: здѣсь важно въ особенности то, что въ этой войнѣ одинъ Густавъ-Адольфъ повелѣвалъ войскомъ, которое отличалось строгимъ повиновеніемъ дисциплинѣ и носило конфессіональный характеръ — качества, которыя оно не тотчасъ же утратило и въ то время, когда его не стало. Кто при немъ и послѣ него могъ назвать свою армію католической или протестантской? Въ войскахъ императора служила масса протестантскихъ наемниковъ, въ особенности въ войскахъ Валленштейна; равнымъ образомъ и въ войскахъ противниковъ сражались католическіе ландскнехты. Въ этой войнѣ,—именно съ сороковыхъ годовъ,—ужасно, главнымъ образомъ, то, что тѣ лица, которыя вели ее, почти совсѣмъ забыли о первоначальныхъ причинахъ ея возникновенія; причины и цѣли ея были совершенно забыты въ неистовствахъ, въ разгарѣ страстей; религія служила лишь гнуснымъ предлогомъ къ ужасному грабежу и опустошенію.

Совершенно иное мы видимъ въ войскѣ Густава-Адольфа. Оно еще и послѣ его смерти оставалось храбрымъ войскомъ подъ предводительствомъ превосходныхъ военачальниковъ, но сохранить въ немъ прежній духъ, внутреннюю жизненность, одушевленіе послѣ него уже никто не былъ въ состояніи.

Войска его противниковъ состояли изъ всякаго сброда, не имѣвшаго ни отечества, ни совѣсти. Войско же Густава-Адольфа было національное шведское, состоявшее изъ храбрыхъ поселянъ, предводимыхъ рыцарскимъ дворянствомъ страны; въ немъ жило воодушевленіе своей націей, своей аристократіей, и это было чрезвычайно важнымъ факторомъ по сравненію съ массою наемниковъ, которые не искали въ войнѣ ничего, кромѣ добычи, своеволія и распутства.

Войско Густава-Адольфа въ то же время было проникнуто религіозностью; оно было такъ же истинно-лютеранскимъ, какъ и его король, и такимъ оно заявляло себя во всѣхъ своихъ поступкахъ; здѣсь еще живы были высокія побужденія борцовъ XVI столѣтія, здѣсь гимнъ — „Крѣпость наша и укрѣпленіе Господь нашъ" проникалъ въ умъ и сердце поющихъ. Какая страшная пропасть лежала между этимъ войскомъ и безбожными бандами, которыя раздирали на части бѣдную Германію во имя единой истинной вѣры!

Участіе въ войнѣ Густава-Адольфа съ своимъ войскомъ придало ей особый возвышенный характеръ. Онъ умѣлъ обуздывать дикія, своевольныя массы, пробуждая въ нихъ сознаніе высокости мотивовъ того дѣла, которому они служили; для его войска національное и религіозное чувство не были пустыми словами. Послѣ его смерти мы видимъ иное: проигравши сраженіе, шведы поступаютъ на службу къ императору, и ихъ насилія надъ безоружными горожанами и крестьянами нисколько не уступаютъ безчинствамъ другихъ наемниковъ.

Поэтому съ 1630 года, несмотря на короткій срокъ, война принимаетъ особенный величественный ходъ и вскорѣ утрачиваетъ характеръ простаго вторженія со стороны шведовъ, которые являются какъ бы выполнителями высокой миссіи. Густавъ-Адольфъ становится руководителемъ, шведы—верховными повелителями Европы, и все это обусловливалось личностью Густава, его войска и нравственнымъ господствомъ обоихъ надъ протестантами и католиками. Самъ папа склонялся предъ этой геройской личностью и, получивши извѣстіе о смерти Густава-Адольфа, сказалъ: „это герой, это совершенный мужъ, которому до полнаго совершенства недоставало лишь истинной вѣры".

Въ этотъ періодъ исторіи мы нигдѣ не встрѣчаемъ подобной личности. Кто, напримѣръ, отважится назвать Валленштейна, Тилли или Паппенгейма католическими героями?

При появленіи Густава-Адольфа въ Германіи, положеніе дѣлъ было слѣдующее. Могущество лиги въ послѣдніе два года все болѣе и болѣе падало, и императоръ, съ своей стороны, не мало способствовалъ ея ослабленію; онъ самъ поставилъ себя въ чрезвычайныя затрудненія изданіемъ эдикта возстановленія, которымъ заставилъ протестантскіе государственные чины перейти во враждебный лагерь, и, сверхъ того, вынужденъ былъ отставить Валленштейна. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ, по отношенію къ шведамъ, было болѣе благопріятно, чѣмъ когда-либо. Еслибы Густавъ-Адольфъ сдѣлалъ вторженіе тремя годами ранѣе, когда Валленштейнъ побѣдоносно стоялъ на берегахъ Балтійскаго моря, когда эдиктъ еще не былъ изданъ и лига была еще въ полной силѣ, то борьба приняла бы болѣе ожесточенный, отчаянный характеръ. Но и теперь она представлялась далеко не легкой, и вначалѣ все предпріятіе казалось настолько рискованнымъ, что человѣкъ менѣе мужественный, чѣмъ Густавъ-Адольфъ, по-

боялся бы отважиться на него. Прежде всего, въ цѣлой Швеціи, кромѣ короля и его нетерпѣливыхъ офицеровъ, ни одинъ человѣкъ не стоялъ за войну. Страна едва вздохнула отъ бѣдствій и жертвъ 18-ти-лѣтней войны и теперь опять должна была вмѣшаться въ новую всемірную войну. Государственный совѣтъ не поддавался никакъ убѣжденію, что несравненно благоразумнѣе и дальновиднѣе, вмѣсто постояннаго тревожнаго оборонительнаго положенія противъ императора, принять положеніе наступательное, хотя и сопряженное со множествомъ опасностей; государственные чины, съ своей стороны, объявили, что у государства нѣтъ денегъ, и мучили короля до самаго отъѣзда своими совѣтами оставить это предпріятіе.

Данія не прочь была, съ отъѣздомъ ненавистнаго короля, вторгнуться въ страну; изъ Франціи, Англіи, Голландіи получались лишь краснорѣчивыя обѣщанія и ни копѣйки денегъ; отъ нѣмецкихъ князей, на помощь которымъ шли шведы, тоже нельзя было ничего ожидать. Герцогъ Померанскій, вмѣсто того, чтобы принять Густава-Адольфа, какъ своего избавителя, на что надѣялся Густавъ-Адольфъ, прислалъ къ нему, когда послѣдній лишь только садился на корабль, посольство съ настоятельной, слезной просьбой—остаться дома или, во всякомъ случаѣ, не приставать къ берегамъ Помераніи, такъ какъ страна уже близка къ полному разоренію и не можетъ перенести новаго наплыва и прохода войскъ.

24 іюня 1630 года, какъ разъ спустя сто лѣтъ послѣ составленія Аугсбургскаго исповѣданія, Густавъ-Адольфъ явился передъ островомъ Узедомомъ и тотчасъ же началъ высадку войска и орудій. Прибытію Густава-Адольфа предшествовалъ манифестъ, въ которомъ перечислялись всѣ его притязанія къ императору и объявлялось, что король вступаетъ на защиту общей свободы, которой угрожаютъ Габсбурги, именно на защиту свободы нѣмецкихъ курфюрстовъ, предъявившихъ въ Регенсбургѣ свой ультиматумъ императору.

Предлогъ былъ выбранъ довольно удачно, но это еще не вело ни къ чему рѣшительному. 20—30-ти-тысячный дессантъ представлялъ, несомнѣнно, значительную силу, но Германію предстояло напередъ завоевать. А что, если въ Германіи встрѣтятъ кликомъ: долой чужеземцевъ! если нѣмцы, до сихъ поръ враждовавшіе между собою, съ приходомъ чужеземца заключатъ миръ, чтобы не допустить позора иностраннаго вмѣшательства? кто осмѣлился бы порицать ихъ за это, кто увидѣлъ бы въ этомъ что-либо иное, кромѣ необходимой и разумной самозащиты? Подобныя мысли въ то время тамъ-и-сямъ высказывались въ Германіи. Что же изъ насъ выйдетъ, говорили нѣкоторые, если мы постоянно будемъ допускать иностранцевъ хозяйничать у насъ, вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла? Но пробудившійся патріотизмъ былъ не настолько силенъ, чтобы соединить партіи и противопоставить чужеземцамъ сплоченную націю. Шведы, однако, были встрѣчены холодно, недовѣрчиво; протестанты присоединялись къ нимъ лишь въ крайнемъ случаѣ. Саксонія и Бранденбургъ, вслѣдствіе слабости и трусости, не становились рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону. Остальные протестантскіе элементы были разъединены. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій не могъ подать никакой помощи, потому что самъ нуждался въ ней; южногерманскіе имперскіе города хотя и съ нетерпѣніемъ ожидали Густава-Адольфа, но, по причинѣ большой удаленности, ничего не могли для него сдѣ-

лать, они могли присоединиться къ нему лишь въ томъ случаѣ, когда побѣды приведутъ его въ южную Германію. Такимъ образомъ, шведскій король являлся въ Германіи совершенно изолированнымъ, и это еще не все. Его тылъ оставался совершенно не обезпеченъ; отъ родины онъ былъ далеко; Данія и Польша были настроены враждебно и выжидали лишь удобнаго случая для нападенія, и сдѣлай онъ какой-либо значительный промахъ—все это могло повести къ роковой, гибельной для него катастрофѣ. Нужна была, можно сказать, дерзкая отвага, чтобы при такихъ обстоятельствахъ сдѣлать вторженіе, и—разъ оно сдѣлано—крайняя осмотрительность, чтобы въ самомъ началѣ не погубить всего предпріятія.

И Густавъ-Адольфъ оказался на высотѣ своего положенія: при всей своей дерзкой отважности, онъ отличался благоразумной предусмотрительностью; онъ вѣрнымъ путемъ шелъ къ своей цѣли, постоянно обдумывая и взвѣшивая свое положеніе и средства и ясно понимая, что онъ не долженъ дѣлать ни шагу назадъ, а твердо, хотя и медленно, и при случаѣ окольнымъ путемъ, шагъ за шагомъ подвигаться вперелъ.

Имперская армія подъ предводительствомъ Конти, преграждавшая ему путь въ Помераніи и Мекленбургѣ, по численности была равна или даже превосходила армію Густава-Адольфа, при этомъ она владѣла всѣми пунктами, завоеванными въ періодъ многолѣтней счастливой войны; но у ней не было главы, полководца, который съумѣлъ бы превратить ее въ грозную силу. Она терпѣла отъ голода, отъ дезертирства, была разбросана, мѣстами даже оставлена своими начальниками,—словомъ, была деморализована и, такъ сказать, таяла день за днемъ. Но, при всемъ томъ, если она и не могла противостоять искусно задуманному рѣшительному наступательному движенію, то въ состояніи была въ высшей степени затруднять такое движеніе.

Послѣ неожиданнаго захвата островов Рюгена и Воллина первымъ удачнымъ предпріятіемъ Густава-Адольфа можно считать занятіе Штеттина. Оно произошло при довольно знаменательныхъ для того времени обстоятельствахъ. Протестантское населеніе дрожало передъ тѣми ужасами, которыми обыкновенно сопровождалось занятіе города чужеземными войсками,—все равно, протестантскими или католическими; Богиславъ, сверхъ того, страшился репрессалій со стороны императора, въ случаѣ иного оборота въ положеніи дѣлъ противниковъ, и поэтому угрожалъ шведамъ враждебными дѣйствіями, если они не будутъ держаться отъ него въ почтительномъ отдаленіи. Но Густавъ-Адольфъ нимало не испугался этихъ угрозъ, отклонялъ всѣ предложенія о нейтралитетѣ и наконецъ принудилъ герцога съ стѣсненнымъ сердцемъ допустить оккупацію. Шведы держали себя образцово; въ противоположность наемнымъ солдатамъ, они расквартировались не по домамъ гражданъ, а въ палаткахъ, мирно ходили вмѣстѣ съ жителями слушать проповѣдниковъ и въ теченіе четырехъ дней, послѣ ревностныхъ, усиленныхъ трудовъ, возвели вокругъ города такую систему шанцевыхъ укрѣпленій, которыя далеко превосходили тогдашнія укрѣпленія подобнаго рода.

Одновременно съ занятіемъ Помераніи былъ заключенъ договоръ между нею и Швеціей, по которому не только устанавливался вѣчный миръ, но, въ силу искусно составленныхъ добавочныхъ статей, Помера-

нія, въ случаѣ смерти герцога Богислава, отходила къ Швеціи, какъ это и случилось позднѣе.

Это было началомъ продолжительныхъ и трудныхъ военныхъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ Густавъ-Адольфъ постепенно овладѣлъ Помераніей, Мекленбургомъ и Бранденбургомъ. Наполеонъ считалъ его величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ главнымъ образомъ за то, что онъ во время опаснаго, но лишеннаго всякаго блеска похода съ іюня 1630 до осени 1631 г., ни разу не потерпѣвши сколько-нибудь значительной неудачи, медленно, но неуклонно подвигался впередъ, пока не проникъ въ самое сердце Германіи. Отъ такой тактики зависѣла судьба всего его предпріятія: онъ не долженъ былъ дѣлать ни одного ошибочнаго шага; этимъ и объясняется, почему онъ не освободилъ Магдебурга отъ осады, когда это еще было возможно. Правда, Магдебургъ, какъ главный городъ сѣверной Германіи и какъ цвѣтущая резиденція протестантизма, былъ важнымъ пунктомъ; но какъ ни важна была судьба его для Густава-Адольфа, онъ не могъ изъ-за спасенія его рискнуть своимъ существованіемъ, трудами всей своей жизни, плодами трехъ большихъ войнъ, своимъ войскомъ, которое онъ создавалъ въ теченіе 19 лѣтъ, т. е. рискнуть всѣмъ, попавши между двухъ огней и вмѣшавшись въ катастрофу, вызванную крайнею неосмотрительностью самого главы города.

Лѣто 1630 г. прошло въ медленномъ движеніи впередъ въ предѣлахъ сѣверной Германіи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Густавъ-Адольфъ завоевалъ всю Померанію и отдѣльные города, и снова прошли мѣсяцы, прежде чѣмъ онъ твердой ногою сталъ въ Бранденбургѣ. Положеніе дѣлъ было такъ затруднительно, что въ Бранденбургѣ даже будущій его зять лишь по принужденію отдалъ шведамъ два пункта.

24 декабря произошла рѣшительная битва между шведами и ядромъ имперскихъ войскъ, расположенныхъ между Грейфенгагеномъ и Гарцемъ, гдѣ они терпѣли отъ голода и холода. Вся Померанія, за исключеніемъ Кольберга и Грейфсвальда и части Неймарка, теперь находилась во власти Густава-Адольфа; но въ числѣ союзниковъ его все еще были лишь Францъ Саксенъ-Лауенбургскій, изгнанные Мекленбургскіе администраторъ Христіанъ-Вильгельмъ Магдебургскій да князь безъ княжества Богиславъ Померанскій.

Теперь труднѣйшая часть похода была совершена и вмѣстѣ съ тѣмъ показано было всему міру, что шведская война не была повтореніемъ злополучной датской войны, во всѣхъ отношеніяхъ такъ неискусно и несчастливо веденной. Здѣсь удивительнымъ образомъ соединялись и отважная рѣшительность, и мудрая осторожность.

Въ началѣ новаго года Густавъ-Адольфъ пріобрѣлъ довольно значительнаго союзника въ лицѣ кардинала Ришелье. Послѣдній въ это время уже держалъ въ своихъ рукахъ Францію и стремился воскресить внѣшнюю политику Генриха IV, Генриха II и Франциска I. Но для самостоятельнаго образа дѣйствій Франція еще не имѣла ни денегъ, ни арміи. Чтобы принять участіе въ европейскихъ дѣлахъ, она должна была опереться на чужую военную силу, и Густавъ-Адольфъ съ своимъ войскомъ казался наиболѣе подходящимъ для этого. Во-первыхъ, онъ нуждался въ деньгахъ, потому что матеріальныя средства его все еще были очень ограничены, и во-вторыхъ, какъ иностранецъ, онъ, казалось, долженъ

былъ легко согласиться поддерживать завоевательные планы французскаго правительства во имя „нѣмецкой свободы", т. е. попросту послужить тараномъ французской политики. Роль, которую впослѣдствіи долженъ былъ играть Бернгардъ Веймарскій и которую позднѣе шведы дѣйствительно выполняли, Ришелье надѣялся навязать уже Густаву-Адольфу, со стороны котораго, казалось, теперь уже нельзя было ожидать слишкомъ рѣзкаго отказа.

Но Ришелье встрѣтилъ въ Густавѣ-Адольфѣ достойнаго себя противника. Гордая Франція до сихъ поръ не знала никакого шведскаго „короля"; ибо повелитель этого государства получилъ свою корону не милостію Божіею, а только по выбору государственныхъ чиновъ и народа. Густавъ-Адольфъ тотчасъ же объявилъ, что онъ только какъ „король" согласенъ вести переговоры, и Ришелье долженъ былъ уступить.

Но еще важнѣе было то, что послѣдній вынужденъ былъ сдѣлать весьма значительныя уступки и относительно самаго дѣла. Напрасно онъ старался добиться вліянія активнаго участія въ этомъ великомъ предпріятіи: все, чего онъ достигъ, это—обѣщанія со стороны Густава-Адольфа, что католическая церковь, какъ таковая, нигдѣ не подвергнется преслѣдованію или притѣсненію и что вся задача будетъ состоять въ возстановленіи прежняго мирнаго положенія. Даже прирѣзка къ французскимъ границамъ части Германіи, чего очень желалъ Ришелье „ради охраны нѣмецкой свободы", была отвергнута Густавомъ-Адольфомъ: „ни одна деревня не должна перейти къ французамъ", сказалъ онъ.

Такимъ образомъ Густавъ-Адольфъ вполнѣ достигъ своей цѣли: Франція должна была выдавать ему субсидіи во имя общихъ интересовъ, а политическое и военное главенство предоставлялось одному королю шведскому. Поэтому *Бервальдскій* договоръ (янв. 1631 г.) былъ одной изъ важныхъ дипломатическихъ побѣдъ Густава-Адольфа: онъ далъ ему средства для продолженія войны и въ то же время сохранилъ за нимъ полную независимость.

Между тѣмъ продолжалось занятіе крѣпостей. До весны королю удалось сдѣлать еще два важныхъ завоеванія, именно—Кольбергъ въ мартѣ и Франкфуртъ-на-Одерѣ въ апрѣлѣ.

Май принесъ два важныхъ событія иного рода.

Въ средѣ протестантскихъ государственныхъ чиновъ, еще не примкнувшихъ ни къ какой партіи, пробудилось сознаніе, что теперь насталъ моментъ для самостоятельнаго дѣйствія. Курфюрсты Саксонскій и Бранденбургскій, угрожаемые эдиктомъ возстановленія и отклонившіеся отъ шведовъ, должны были теперь, какъ наиболѣе вліятельные представители нѣмецкаго протестантизма, рѣшиться на опредѣленную политику. Въ подобномъ же положеніи находились протестантскіе государственные чины южной Германіи, которымъ приходилось бояться всего со стороны католической реставраціи и на немногое можно было разсчитывать со стороны Швеціи. Самое положеніе вещей предписывало обѣимъ группамъ общую программу—*вооруженный нейтралитетъ* для защиты протестантизма отъ императора и для защиты нѣмецкой націи отъ чужеземцевъ. Императорское оружіе, по удаленіи Валленштейна, всюду терпѣло уронъ, пораженія; лига или, лучше сказать, курфюрстъ Баварскій держался медлительной, выжидательной политики, которая далеко не свидѣтельствовала о горячей преданности императору; король шведскій, въ виду колебанія курфюр-

стовъ Саксонскаго и Бранденбургскаго, долженъ былъ постоянно держаться на сторонѣ: еслибы теперь между обоими противниками стала тѣсно сплоченная коалиція изъ нейтральныхъ княжествъ и вообще нѣмецкихъ патріотовъ, которые бы императору сказали: „мы твердо стоимъ за религіозный миръ", а шведамъ: „мы не имѣемъ ничего общаго съ иностранцами", то была надежда на такой миръ, который удовлетворялъ бы какъ религіознымъ, такъ и національнымъ требованіямъ Германіи. Конечно, вооруженное посредничество часто оказывается самой неблагодарной политикой, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно является единственно цѣлесообразнымъ. Тѣ, кому выпадала роль посредниковъ, располагали достаточными силами для этого; только тутъ ужь нельзя было медлить организаціей и употребленіемъ въ дѣло этихъ силъ, а главное—нисколько не разсчитывать на то, что можно достигнуть цѣли хвастливыми рѣчами и безконечной перепиской.

Еще въ февралѣ собрался *лейпцигскій конвентъ*, представлявшій блестящее собраніе протестантскихъ государственныхъ чиновъ и до мая занимался выработкою общей программы дѣйствій. Образованіе третьей, протестантско-національной, партіи стало, такимъ образомъ, фактомъ.

Обѣимъ воюющимъ сторонамъ,—какъ лигѣ, такъ и Густаву-Адольфу,—это было далеко не пріятно. Іезуиты осмѣивали конвентъ, издавали язвительные листки и памфлеты, ибо чувствовали опасность въ случаѣ успѣшныхъ дѣйствій конвента, а Густавъ-Адольфъ послалъ Хемница для переговоровъ, ясно предвидя, что онъ долженъ потерять всѣ свои пріобрѣтенія, если конвентъ достигнетъ своей цѣли. Но, благодаря жалкой нерѣшительности князей и ихъ министровъ, не случилось именно того, что единственно могло даровать Германіи миръ при помощи ея же собственныхъ національныхъ силъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ длинныхъ разсужденій, большихъ празднествъ, пировъ и попоекъ, собраніе разошлось, не достигнувъ ни малѣйшихъ полезныхъ результатовъ. Рѣшеніе, на которомъ въ концѣ концовъ успокоились, было просто смѣшно. Хотѣли заключить союзъ, а вмѣсто того разсчитали лишь, по скольку войска долженъ выставить каждый, на случай, что, можетъ быть, въ другой разъ когда-либо будетъ заключенъ союзъ.

На собраніяхъ обсуждались также и религіозные вопросы между реформатами и лютеранами; само собою разумѣется, что никакого согласія не было достигнуто, кромѣ того что, обѣими сторонами дано было достопамятное обѣщаніе—на будущее время обходиться другъ съ другомъ вѣжливѣе, приличнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Наилучшимъ образомъ характеризуютъ этотъ конвентъ слова одного изъ его участниковъ: „мы", говоритъ онъ, „въ продолженіе 4 недѣль, какъ истинные христіане, изрядно попировали во славу Божію, и можемъ сказать вмѣстѣ съ извѣстнымъ епископомъ, обрѣзавшимъ себѣ палецъ: quantum patimur pro Jesu Christo".

Между тѣмъ лига снова собралась съ силами. Тилли соединился съ Паппенгеймомъ, осаждавшимъ Магдебургъ, и, прежде чѣмъ подоспѣлъ на помощь къ осажденнымъ Густавъ-Адольфъ, городъ былъ взятъ и съ безпримѣрнымъ варварствомъ выжженъ, разграбленъ и залитъ потоками крови *).

*) Дройзенъ считаетъ *вѣроятнымъ*, что штурмъ 10 мая былъ начатъ по измѣнническому знаку изъ самаго города. Кто далъ этотъ знакъ — неизвѣстно. Пожаръ былъ произведенъ въ городѣ по приказанію Паппенгейма; но имѣлъ ли въ виду послѣдній полное разрушеніе,—по мнѣнію автора, нельзя утверждать категорически.

Это снова воспламенило ненависть протестантовъ къ императору и въ еще болѣе благопріятномъ свѣтѣ выставило поведеніе шведовъ въ этой войнѣ. Они находились въ непріятельской странѣ, но ихъ нельзя было упрекнуть ни въ чемъ, что имѣло бы хотя отдаленное сходство съ тѣми ужасами, которыми наполняли государство имперскія войска. Еще въ мартѣ Густавъ-Адольфъ издалъ строгій приказъ о расквартированіи войскъ для защиты мирныхъ гражданъ отъ излишнихъ притязаній офицеровъ и солдатъ; приказъ этотъ свидѣтельствовалъ объ истинно великодушной предусмотрительности Густава-Адольфа и расположилъ къ нему населеніе болѣе, чѣмъ всѣ его побѣды.

Между тѣмъ средняя партія совершенно распалась; нейтралитета не существовало; съ одной стороны стоялъ Тилли, съ другой — Густавъ-Адольфъ, и оба старались то лаской, то угрозой привлечь на свою сторону членовъ конвента (пока еще нейтральныхъ). Первоначально курфюрстъ Бранденбургскій лишь послѣ настоятельныхъ требованій согласился съ различными оговорками предоставить шведамъ Шпандау и Кюстринъ; когда же, послѣ паденія Магдебурга, онъ сталъ требовать назадъ Шпандау и не соглашался на миролюбивыя предложенія Густава-Адольфа, то послѣдній явился съ своею артиллеріею передъ Берлиномъ и вынудилъ курфюрста подъ жерлами орудій, направленныхъ на замокъ, подписать союзный договоръ съ Швеціей. Вскорѣ затѣмъ наступилъ конецъ и нейтралитету Саксоніи. Нерѣшительность правительства послѣдней привела къ тому, что оба непріятеля проникли въ страну и каждый старался склонить курфюрста на свою сторону, и никто еще не зналъ, гдѣ враги, гдѣ друзья Саксоніи. Страна была сплошь протестантская; имперскія войска и здѣсь хозяйничали, какъ вездѣ, между тѣмъ какъ шведы щадили страну и людей. Послѣднее обстоятельство рѣшило дѣло.

Въ концѣ августа Саксонія перешла на сторону Густава-Адольфа; примѣру ея, вслѣдъ за побѣдою при Брейтенфельдѣ, послѣдовали многія государства средней и южной Германіи. Въ сентябрѣ саксонская и шведская арміи соединились при Дюбенѣ и оттуда направились въ лейпцигскую равнину, чтобы дать сраженіе императорскимъ войскамъ. Тилли соединилъ всѣ остатки императорскихъ боевыхъ силъ, но не имѣлъ въ виду дать сраженіе. Напротивъ, Паппенгеймъ и съ нимъ недовольные офицеры, которымъ надоѣли вѣчные переходы изъ одного мѣста въ другое, страстно желали битвы, и, какъ только показались шведы, Паппенгеймъ съ своей конницей отдѣлился отъ главныхъ силъ, чтобы тотчасъ же вступить въ битву съ непріятелемъ. Попытка не удалась, и Тилли волей-неволей долженъ былъ самъ принять сраженіе. Такимъ образомъ произошла битва 7 сентября при Брейтенфельдѣ. Сраженіе это было выиграно, главнымъ образомъ, шведами, потому что саксонцы очень недолго выдерживали натискъ непріятеля, и самъ курфюрстъ, дня за два передъ тѣмъ заявлявшій, что онъ одинъ нападетъ на Тилли, если Густавъ-Адольфъ не вступитъ тотчасъ же въ сраженіе, ускакалъ на разстояніе нѣсколькихъ часовъ отъ поля сраженія. Поэтому всю тяжесть битвы пришлось выдерживать однимъ шведамъ, которые съ 13,000 пѣхоты и 8,000 конницы сражались противъ 34,000 императорскихъ войскъ, состоявшихъ изъ опытныхъ ландскнехтовъ и бывшихъ подъ предводительствомъ доселѣ непобѣдимаго полководца.

Планъ Тилли состоялъ въ томъ, чтобы, пользуясь превосходнымъ

числомъ конницы, сдѣлать обходъ и аттаковать непріятеля; но шведы чрезвычайно искусной тактикой, именно совмѣстнымъ дѣйствіемъ пѣхоты и конницы—совершенно разрушили этотъ планъ. Битва началась жестокой канонадой, послѣ чего конница обѣихъ враждебныхъ сторонъ ударила другъ на друга; но шведская конница, послѣ первой же стычки, раздалась направо и налѣво, и такимъ образомъ непріятель оказался подъ убійственнымъ огнемъ мушкетеровъ и полевой артиллеріи непріятеля. Та же тактика повторялась и при послѣдующихъ аттакахъ, и въ концѣ концовъ боевой навыкъ и необыкновенная подвижность отдѣльныхъ частей войскъ и глубокообдуманная, предусмотрительная распорядительность военачальника увѣнчались полною побѣдою надъ непріятелемъ. Храбрость имперскихъ войскъ была безупречна; самыя жестокія аттаки непріятеля они выдерживали, какъ стѣна; но они ничего не могли сдѣлать противъ превосходной тактики противника. Наступившая ночь положила конецъ ожесточенной пятичасовой битвѣ; войско Тилли было почти уничтожено, и самъ онъ едва спасся отъ смерти.

Эта побѣда сопровождалась чрезвычайно важными послѣдствіями. Все, что было завоевано императорскимъ оружіемъ въ сѣверной Германіи съ 1620 года—погибло, плоды побѣдъ Валленштейна и Тилли, ярмо, наложенное ими на протестантовъ сѣвера Германіи,—все это было потеряно въ нѣсколько несчастныхъ часовъ, и судя по тому, какъ отступила армія Тилли, нельзя было предполагать, что она скоро будетъ въ состояніи дать новое сраженіе. Побѣда эта открыла шведамъ бо̀льшую часть Германіи, именно вплоть до Майна и Рейна. Но король съ большою осторожностью подвигался на югъ, еще не сознавая всѣхъ послѣдствій своей побѣды; до Майнца и Вюрцбурга онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія и, еще разъ встрѣтившись съ Тилли, онъ снова разбилъ его.

Въ виду всего этого неоднократно раздавались вопросы: почему Густавъ-Адольфъ послѣ побѣды при Брейтенфельдѣ не сдѣлалъ тотчасъ же вторженія въ Богемію и не далъ сраженія подъ стѣнами самой столицы Габсбурговъ, Вѣны, прежде чѣмъ императоръ успѣлъ собрать свои разсѣянныя войска? Почему онъ, взамѣнъ этого, оккупацію австрійскихъ наслѣдственныхъ земель предоставилъ курфюрсту Саксонскому, а самъ лично направился къ Майну и Рейну, гдѣ и ожидать нельзя было встрѣчи съ непріятелемъ? Наиболѣе авторитетныя лица изъ его приближенныхъ жалѣли позднѣе, что король не сдѣлалъ этого, и Оксенштирна, напр., спустя 18 лѣтъ послѣ смерти Густава-Адольфа, заявлялъ, что король въ то время не послушался совѣта своихъ лучшихъ друзей и потому сдѣлалъ большую ошибку.

Было много уважительныхъ причинъ, почему Густавъ-Адольфъ не выбралъ этотъ, повидимому, ближайшій путь. Первая и главная — та, что онъ послѣ сраженія на лейпцигской равнинѣ первоначально не могъ и представить себѣ тѣхъ поразительныхъ результатовъ его, которые обнаружились впослѣдствіи. Мнѣнія его полководцевъ именно основаны на выяснившихся уже результатахъ побѣды, въ самомъ же началѣ рѣшительно не было никакихъ данныхъ считать лигу совершенно уничтоженной.

Далѣе, ненадежность союза съ Саксоніей требовала особенной осмотрительности. Курфюрстъ не оставлялъ желанія самостоятельно начальствовать надъ своими войсками. Еслибы Густавъ-Адольфъ согласился

на это, то отъ операцій курфюрста нужно было ожидать, что онъ скорѣй повредитъ себѣ, чѣмъ непріятелю. Но Густавъ-Адольфъ счелъ за лучшее послать его въ Богемію, въ австрійскія наслѣдственныя земли,—вслѣдствіе чего Саксонія непосредственно становилась во враждебныя отношенія къ императору,—потому что, предоставляя курфюрсту идти къ Майну и Рейну, можно было опасаться, что онъ, какъ ненадежный, двусмысленный союзникъ, присвоитъ себѣ всѣ плоды побѣдъ шведскаго оружія, явится спасителемъ протестантизма, снова обратится къ своимъ сепаратистскимъ идеямъ и изъ двусмысленнаго союзника превратится въ открытаго врага.

Еслибы онъ самъ предпринялъ походъ на югъ, то этимъ онъ совершенно обезоружилъ бы курфюрста и пріобрѣлъ бы прочный авторитетъ въ средѣ протестантскихъ князей и государственныхъ чиновъ запада и юга Германіи, въ надежности союза которыхъ онъ, какъ оказалось, не обманулся. Южная Германія уже давно держала сторону шведовъ и завела съ ними такія интимныя отношенія, что переходъ на сторону императора былъ немыслимъ. Кромѣ того, здѣсь именно выпадала на долю Густава-Адольфа самая благодарная роль, здѣсь онъ явился бы дѣйствительно спасителемъ придавленнаго протестантизма. Въ Богеміи и Верхней Австріи онъ находился при послѣднемъ издыханіи и, чтобы поднять, воскресить его, недостаточно было одного вступленія протестантскихъ войскъ въ страну. Но въ благословенныхъ странахъ Рейна и Майна жили милліоны протестантовъ, которые съ 1622 года страдали подъ невыносимымъ гнетомъ фанатическихъ просвѣтителей и страстно ожидали наступленія дня освобожденія. Это высказывалось въ приглашеніи освободить ихъ отъ власти Габсбурговъ, которое послали Густаву-Адольфу нѣкоторые протестантскіе государственные чины, собравшіеся въ Франкфуртѣ. Онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы отвоевать права протестантизма, онъ долженъ былъ сдержать свое слово, свой обѣтъ; въ противномъ случаѣ, онъ не только утратилъ бы весь свой блескъ, но и реальную основу всей своей политики.

Гессенъ-Кассель, Дармштадтъ, Пфальцъ съ побочными линіями, большое число имперскихъ городовъ отъ Франкфурта до Ульма и Аугсбурга составляли значительную силу въ Германіи, и теперь насталъ моментъ освободить ихъ изъ-подъ власти Габсбурговъ и возстановить преобладаніе протестантизма.

Такимъ образомъ, по взятіи однимъ приступомъ Эрфурта, Густавъ-Адольфъ въ началѣ октября, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, прошелъ черезъ Тюрингію въ Франконію, гдѣ начался для него рядъ тріумфовъ, а для войскъ довольство, какого они до сихъ поръ нигдѣ не имѣли. Кенигсгофенъ, Вюрцбургъ, Ганау, Франкфуртъ, Гехстъ быстро одинъ за другимъ переходили въ его руки. Государственные чины Франконіи провозгласили его герцогомъ франконскимъ, а его дотолѣ голодавшія войска пировали на счетъ богатствъ „поповской улицы", какъ тогда называли владѣнія духовныхъ князей между Майномъ и Рейномъ.

При Вюрцбургѣ произошло кровавое сраженіе съ Тилли, кончившееся отступленіемъ послѣдняго. Послѣ этого Густавъ-Адольфъ могъ спокойно распространять свою власть отъ Франконіи до Рейна. Положеніе его было такъ блестяще, какъ ничье еще изъ участвовавшихъ въ этой войнѣ. Отъ береговъ Помераніи онъ проникъ до Майна. Тамъ онъ являлся только

предводителемъ наемниковъ, искателемъ приключеній; здѣсь, въ самомъ сердцѣ государства, онъ являлся передъ протестантскими чинами какъ германскій императоръ старыхъ временъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы положеніе его не было сопряжено ни съ какими затрудненіями. Союзъ съ нѣмецкими князьями все еще оставался шаткимъ, ненадежнымъ, вѣрность имперскихъ городовъ не была застрахована отъ неожиданной измѣны; одинъ невѣрный шагъ могъ повести къ тому, что Саксонія и Бранденбургъ очутились бы во враждебномъ лагерѣ. Неизмѣнно вѣрными ему оставались лишь тѣ, которые, мало или ничего не давая, надѣялись получить многое,—это опальные князья, ожидавшіе отъ него возстановленія своей власти, безземельные, разсчитывавшіе на изрядную добычу, сильно стѣсненные южно-германскіе князья, какъ Гессенъ-Кассельскій, надѣявшіеся встрѣтить въ немъ защиту противъ чужеземнаго испанскаго господства и іезуитовъ; но всѣ они не имѣли никакой силы, они были лишь его protégés, съ которыми часто было трудно ладить. Что Саксонія и Бранденбургъ относились къ нему съ недовѣріемъ и даже со скрытымъ недоброжелательствомъ,—это было не пустое подозрѣніе, но фактъ. Лишь благодаря внѣшней угрозѣ, они вступили съ нимъ въ союзъ, и еслибы теперь или позднѣе встрѣтили возможность придти въ соглашеніе съ императоромъ, то они тотчасъ бы это сдѣлали,—на этотъ счетъ Густавъ-Адольфъ менѣе всего обманывался.

Въ средѣ второстепенныхъ князей Германіи пробуждалось опасеніе, что въ концѣ концовъ придется лишь промѣнять господство Габсбурговъ на шведское, и это опасеніе должно было постоянно усиливаться по мѣрѣ того, какъ съ возрастающимъ успѣхомъ шведскаго оружія все болѣе и болѣе обнаруживались политическіе планы Густава-Адольфа.

Несомнѣнно, что побѣдное шествіе на западъ и югъ Германіи существенно измѣнило взгляды послѣдняго.

До сихъ поръ шведамъ приходилось кое-какъ перебиваться въ самыхъ скудныхъ и наиболѣе опустошенныхъ мѣстностяхъ Германіи, теперь же они находились въ благословенныхъ частяхъ Германіи, гдѣ повсюду видно было довольство и изобиліе, глядя на которое, у шведовъ, какъ говорится, сердце радовалось, и они готовы были сказать: „хорошо намъ здѣсь быть, построимъ себѣ здѣсь жилища“. Въ лагерѣ при Вербенѣ и въ песчаныхъ степяхъ Бранденбурга у нихъ не являлось подобнаго желанія. Понятно, что теперь и у Густава-Адольфа явилась мысль о болѣе продолжительной оккупаціи страны, о чемъ онъ и не помышлялъ еще на берегахъ Помераніи. Здѣсь онъ встрѣчалъ почетъ, какъ будто бы былъ дѣйствительно императоромъ; онъ жилъ, окруженный блескомъ временъ старой имперіи; народъ встрѣчалъ его съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Нюренбергъ, самый нѣмецкій изъ имперскихъ городовъ и самая гордая изъ республикъ, ясно высказалъ ему, чего если нужно будетъ избрать новаго главу государства, то они не находятъ „болѣе достойнаго и желательнаго субъекта, чѣмъ его королевское величество“.

Когда Густавъ-Адольфъ направлялся изъ Помераніи въ Бранденбургъ, то курфюрстъ черезъ посланнаго спрашивалъ его, чего онъ потребуетъ въ видѣ реальнаго вознагражденія въ Германіи. Король отвѣчалъ, что если ему удастся возстановить изгнанныхъ, дать религіозную свободу государственнымъ чинамъ и если онъ будетъ обезпеченъ отъ всякихъ

враждебныхъ покушеній на свое государство со стороны Габсбурговъ, то онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ. Подъ такимъ обезпеченіемъ онъ разумѣлъ залогъ, который бы вознаграждалъ его и вмѣстѣ защищалъ отъ враждебныхъ покушеній, именно часть Балтійскаго побережья, какъ, напр., устья Одера, впослѣдствіи дѣйствительно перешедшія во власть шведовъ.

Теперь въ Майнцѣ положеніе дѣлъ было уже иное. Теперь онъ имѣлъ основаніе требовать того, что требовать въ Помераніи было бы преждевременно. Когда католическая партія сдѣлала ему въ Майнцѣ мирныя предложенія, то онъ выставилъ слѣдующія условія:

1) Возстановительный эдиктъ долженъ быть уничтоженъ. 2) Обѣ религіи, евангелическая и протестантская, пользуются терпимостью во всей странѣ. 3) Богемія, Моравія и Силезія занимаютъ прежнее положеніе; всѣ изгнанные возвращаются въ свои помѣстья. 4) Курфюрстъ Пфальцскій Фридрихъ V получаетъ опять свои земли. 5) Баварское курфюршество упраздняется. Пфальцъ снова получаетъ курфюршескій голосъ на сеймѣ. 6) Въ Аугсбургѣ возстановляется отправленіе евангелическаго богослуженія, и городу снова предоставляются всѣ права и вольности. 7) Всѣ іезуиты, какъ нарушители общаго мира и главные виновники настоящихъ смутъ, изгоняются изъ страны. 8) Въ каждый монастырь принимаются какъ католики, такъ и евангелисты. 9) Монастыри въ герцогствѣ Вюртембергскомъ, какъ противозаконно отнятые у католиковъ, возвращаются имъ. 10) Въ благодарность за спасеніе нѣмецкаго государства его шведско-королевское величество долженъ быть избранъ въ римскіе короли. 11) Всѣ убытки, причиненные эдиктомъ возстановленія въ имперскихъ городахъ и въ герцогствѣ Вюртембергскомъ, возмѣщаются. 12) Въ каждый приходъ опредѣляется по одинаковому числу лютеранскихъ и католическихъ канониковъ.

Впрочемъ, тотъ пунктъ, который касается избранія Густава-Адольфа императоромъ, нельзя считать вполнѣ достовѣрнымъ.

Какъ смотрѣлъ Густавъ-Адольфъ на этотъ пунктъ, видно изъ заявленія, сдѣланнаго имъ нюренбержцамъ, — а именно, что отъ своихъ друзей онъ требуетъ лишь благодарности, отнятое у враговъ онъ намѣренъ удержать за собою; протестантскій союзъ долженъ отдѣлиться отъ католическаго и избрать себѣ главу, въ особенности для веденія войны: онъ не можетъ довольствоваться помѣсячной платой, какъ какой-нибудь не имѣющій ни роду, ни племени наемный солдатъ. Онъ могъ бы требовать себѣ страну ex jure gentium, хотя онъ довольно имѣетъ своего; Померанію онъ не желалъ бы упустить изъ своихъ рукъ ради моря, и если онъ часть ея возвратитъ Германіи, то потребуетъ надъ нею тѣхъ же верховныхъ правъ, какими прежде пользовался императоръ; прежнее государственное устройство болѣе уже не годится: оно—то же, что старыя развалины, очень удобныя для крысъ и мышей, но совершенно неудобныя для людей.

Шведскій сенатъ, съ своей стороны, предложилъ слѣдующее: религіозная свобода; уничтоженіе навсегда инквизиціи и возстановленіе правъ евангелистовъ; возмѣщеніе военныхъ издержекъ Швеціи и обезпеченіе въ ихъ уплатѣ; союзъ между евангелистами и королемъ шведскимъ съ предоставленіемъ directorium belli послѣднему во всѣхъ войнахъ съ императоромъ или съ другими правителями; присоединеніе къ Швеціи По-

мераніи и Висмара, взамѣнъ чего Бранденбургъ долженъ получить Силезію, Саксонія—Лаузитцъ, а ландграфы Гессенскій, Веймарскій и др. должны быть вознаграждены, главнымъ образомъ, насчетъ Австріи.

Програма эта совершенно удовлетворяла протестантскіе имперскіе города; она какъ бы вылилась, такъ сказать, изъ ихъ души. Напротивъ, имперскіе князья встрѣтили ее далеко не дружелюбно и относились къ ней съ тѣмъ большимъ недовѣріемъ, чѣмъ менѣе могли постичь дѣйствительныя намѣренія Швеціи и чѣмъ яснѣе становилось, что шведскій сенатъ преднамѣренно не высказался опредѣленно относительно своей конечной цѣли. Въ средѣ князей, вся политика которыхъ заключалась въ мелочахъ ихъ владѣтельнаго самодержавія, ожидали всякихъ ужасовъ; имъ уже мерещился новый нѣмецкій императоръ въ лицѣ Густава-Адольфа и уничтоженіе нѣмецкой свободы, вмѣсто Испаніи, шведами. Особенныя опасенія и подозрѣнія выказывала Саксонія; большое недовольство распространилось также и между тѣми, которые вполнѣ зависѣли отъ милостей Густава-Адольфа, когда они увидѣли, что онъ и не думаетъ возстановлять въ правахъ изгнанныхъ князей до окончанія войны, даже и въ завоеванныхъ уже странахъ.

Короче, отношенія его къ имперскимъ князьямъ, владѣтельнымъ и безземельнымъ, день ото дня становились холоднѣе, натянутѣе; но тѣмъ тѣснѣе онъ сближался съ народомъ, съ гражданами имперскихъ городовъ. Князей онъ укорялъ за ихъ двуличную политику, за безчестное поведеніе ихъ солдатъ, а народъ привлекалъ къ себѣ ласковой, дружелюбной рѣчью: онъ, какъ и дѣдъ его, былъ замѣчательный ораторъ; онъ превосходно умѣлъ придавать своей рѣчи тонъ задушевности, такъ сильно дѣйствующій на массы, и каждая рѣчь его къ народу была для него настоящимъ тріумфомъ.

Такъ прошла зима 1631—32 г. Въ срединѣ февраля Густавъ-Адольфъ перенесъ свое оружіе въ еще нетронутыя части южной Германіи, чтобы сокрушить могущество лиги въ самомъ ея, такъ сказать, гнѣздѣ, въ самой Баваріи. На Лехѣ еще разъ выступилъ противъ него Тилли, и въ одной изъ послѣднихъ битвъ былъ залитъ потоками крови послѣдній остатокъ могущества лиги, благодаря ужасному дѣйствію шведскихъ орудій. Лехъ былъ перейденъ; нѣсколько времени спустя, Тилли умеръ отъ ранъ, и скоро вслѣдъ затѣмъ Густавъ-Адольфъ вошелъ въ незащищенный Мюнхенъ. Вся Баварія до послѣдняго укрѣпленнаго мѣстечка была во власти шведовъ. Такимъ образомъ была завоевана вся Германія вплоть до австрійскихъ наслѣдственныхъ земель.

Все это видѣли и знали въ Вѣнѣ и съ зимы 1631 г. употребляли чрезвычайныя усилія, чтобы, въ случаѣ уничтоженія силъ лиги, приготовиться къ защитѣ страны отъ вторженія шведовъ; но касса была пуста и не было людей, которые бы могли снова организовать разсѣянную армію.

Насколько безвыходно было положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ, лучше всего показываютъ всевозможныя старанія снова приблизить Валленштейна. Съ самой битвы при Брейтенфельдѣ императоръ не проводилъ спокойно ни одной ночи; громче и громче раздавались голоса окружающихъ, требовавшіе вызова Валленштейна, ибо онъ былъ единственный человѣкъ, который могъ помочь въ этой бѣдѣ. Императоръ съ большой неохотой удалилъ его съ поста главнокомандующаго, вынужденный выбирать изъ

двухъ золъ меньшее; теперь онъ повелъ переговоры въ тонѣ раскаявающагося просителя, но Валленштейнъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ отклонялъ всѣ предложенія. Онъ выставлялъ на видъ, что въ настоящее время онъ совершенно далекъ отъ мысли снова стать во главѣ войска, и весьма удачно игралъ комедію, упорно отвергая то, что составляло его завѣтное желаніе.

Но вотъ, послѣ безконечныхъ тщетныхъ просьбъ и увѣщаній, онъ далъ наконецъ уговорить себя и согласился въ три мѣсяца организовать войско, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что, какъ скоро войско будетъ подъ ружьемъ, надъ нимъ приметъ начальство другое лицо; что обязанность его, Валленштейна, не оставить государство безъ войска въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, но что самъ онъ ни за что не согласится быть главнокомандующимъ.

Имя Валленштейна попрежнему произвело магическое дѣйствіе. Съ свойственнымъ ему искусствомъ, напрягая финансовыя средства государства, Валленштейнъ въ три мѣсяца организовалъ 50-ти-тысячную армію; при этомъ всѣ начальники отдѣльныхъ частей получали свои патенты отъ него, и всѣ отряды этой арміи, безъ сомнѣнія, снова разошлись бы, еслибы онъ не остался во главѣ ея, ибо безъ него никто не съумѣлъ бы сдержать и сплотить ихъ.

По истеченіи назначеннаго имъ срока, Валленштейнъ заявилъ, что принятое имъ на себя обязательство выполнено—войско подъ ружьемъ; что теперь императоръ можетъ назначить лицо, которому бы онъ могъ передать начальство и затѣмъ удалиться.

Императоръ дважды посылалъ упрашивать Валленштейна остаться во главѣ войска, но герцогъ оставался неумолимъ; лишь третьему посланному удалось убѣдить его принять командованіе арміей, но подъ неслыханными условіями. Условіе въ Цнаймѣ отъ апрѣля 1632 г. устанавливаетъ такія отношенія между императоромъ и его генералиссимусомъ, какія нигдѣ не встрѣчаются въ исторіи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ условій. Герцогъ Фридландскій, говорится тамъ, есть и остается верховнымъ военачальникомъ не только по отношенію къ имуществу, но и ко всему эрцгерцогскому дому и къ испанской коронѣ. Далѣе, ни императоръ, ни король венгерскій не только не имѣли права принимать на себя командованіе войсками, но даже и лично находиться при нихъ; въ видѣ штатнаго вознагражденія герцогу назначается одна изъ наслѣдственныхъ земель, а въ видѣ экстраординарнаго—ему предоставляется верховное ленное право надъ всѣми завоеванными имъ странами. Подобными условіями Валленштейнъ хотѣлъ обезопасить себя отъ вторичной отставки.

Этотъ договоръ былъ первымъ преступленіемъ Валленштейна противъ императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшной ошибкой, потому что онъ былъ невыполнимъ, противорѣчилъ самъ себѣ. Или Валленштейнъ долженъ былъ фактически сдѣлаться императоромъ, а Фердинандъ отречься отъ престола, или габсбургскій домъ удерживалъ власть за собой, а Валленштейнъ долженъ былъ пасть; въ обоихъ случаяхъ договоръ велъ къ катастрофѣ. Такъ какъ отъ послѣдняго нельзя было избавиться лишеніемъ его званія главнокомандующаго, то ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ убійству. Послѣдовавшая затѣмъ первоначально игра въ измѣну, затѣмъ дѣйствительная измѣна Валленштейна

и наконецъ убійство его,—все это въ зародышѣ уже скрывалось въ этомъ договорѣ.

Но и на этотъ разъ онъ доказалъ свое прежнее искусство создавать арміи изъ всякаго сброда, не имѣющаго ни роду, ни племени, изъ ландскнехтовъ всѣхъ національностей, и умѣнье дѣлать такое войско своимъ послушнымъ орудіемъ.

Съ мстительнымъ злорадствомъ онъ смотрѣлъ на несчастное положеніе своего стараго врага Максимиліана Баварскаго, не обращая вниманія на его неотступныя просьбы о помощи. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы сначала вести оборонительную войну, которая была для него болѣе удобна, чѣмъ для непріятеля-чужеземца; вмѣстѣ съ тѣмъ, такая тактика была необходима, чтобы исподволь пріучить армію къ войнѣ.

Первыя операціи Валленштейна были удачны. Въ первыхъ числахъ мая 1632 г. онъ врасплохъ напалъ на Прагу и принудилъ саксонскія войска къ поспѣшному отступленію. Въ концѣ іюня къ нему присоединился съ остатками своей арміи тѣснимый непріятелемъ курфюрстъ Саксонскій, и соединенныя войска двинулись во Франконію. Тамъ, при Нюренбергѣ, Густавъ-Адольфъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Валленштейнъ расположился противъ него и также окопался. Здѣсь Валленштейнъ хотя и не выигралъ сраженія, но и шведы, съ своей стороны, несмотря на неоднократные приступы, не могли взять непріятельскихъ укрѣпленій.

Въ половинѣ сентября Густавъ-Адольфъ раздѣлилъ свою армію и съ частью ея снова направился-было въ Баварію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Валленштейнъ вторгнулся въ Саксонію. Послѣдній дѣйствительно перешелъ теперь въ наступленіе именно на слабѣйшій пунктъ шведской боевой линіи. Вторженіе въ Саксонію было, безспорно, вѣрнѣйшимъ средствомъ принудить Густава-Адольфа отступить къ сѣверу и, при ненадежности курфюрста, могло повести къ важнымъ политическимъ послѣдствіямъ. Густавъ-Адольфъ быстрыми переходами поспѣшилъ въ Саксонію, чтобы предупредить отпаденіе курфюрста отъ союза. Когда онъ проходилъ Тюрингіей и Саксоніей, гдѣ войска Валленштейна хозяйничали самымъ ужаснымъ образомъ, населеніе встрѣчало его съ восторгомъ, какъ избавителя. 6 ноября онъ встрѣтился съ Валленштейномъ при Люценѣ, гдѣ и произошло сраженіе.

Это сраженіе принадлежитъ къ самымъ кровавымъ и ожесточеннымъ во всю войну. Вначалѣ управленіе ходомъ сраженія было затруднительно вслѣдствіе густаго тумана, покрывавшаго равнину; къ 10 часамъ туманъ разсѣялся. Утренняя битва осталась нерѣшительной. Шведы бѣшено кидались на приступы, и нѣкоторые отряды даже проникали за непріятельскіе окопы, но каждый разъ должны были опять отступать. Обѣ стороны сражались съ чрезвычайнымъ мужествомъ, но битва оставалась нерѣшительной. Король вслѣдствіе своей тучности уже давно не надѣвалъ панцыря и носилъ лишь легкій кожаный колетъ. Онъ думалъ такъ: „съ нами Богъ, и если ему угодно сохранить насъ, то онъ можетъ это и безъ панцыря“. Онъ былъ близорукъ и, какъ всегда дѣлалъ при наибольшей сумятицѣ, поѣхалъ впередъ съ небольшою свитою и натолкнулся на отрядъ непріятельскихъ кирасиръ. Одинъ непріятельскій выстрѣлъ попалъ въ лошадь; когда онъ хотѣлъ слѣзть, другой выстрѣлъ

ранилъ его въ руку. Свита его тотчасъ же была разсѣяна и уничтожена; оставшимся двумъ пажамъ трудно было снять его съ лошади. Въ это время новый выстрѣлъ ранилъ его, казалось, смертельно. Пажъ, остававшійся при немъ до конца, разсказываетъ, что когда онъ силился высвободить Густава-Адольфа изъ подъ убитой лошади, подъѣхали кирасиры и спрашивали, кто раненый. Онъ не хотѣлъ сказывать, но король самъ открылъ, кто онъ. Тогда одинъ изъ кирасиръ выстрѣлилъ ему въ голову. Пажъ былъ также смертельно раненъ и умеръ спустя нѣсколько дней.

Лишь когда увидали скачущую по равнинѣ безъ сѣдока лошадь Густава-Адольфа, между шведами впервые пронеслась вѣсть: „король убитъ". Впослѣдствіи былъ найденъ его обнаженный трупъ. Теперь съ страшнымъ ожесточеніемъ шведы снова бросились на непріятеля, и къ вечеру имперскія войска были разбиты на-голову. Шведы остались полными побѣдителями, но побѣда эта была куплена дорогой цѣной.

Съ Густавомъ-Адольфомъ не умерло, однако, дѣло, за которое онъ боролся. Дальнѣйшій ходъ событій удерживаетъ на себѣ отпечатокъ, наложенный его рукой. То, что онъ совершилъ въ теченіе двухъ лѣтъ войны, давало себя чувствовать во время всей послѣдующей войны, а въ мирѣ, заключенномъ 16 лѣтъ спустя, нашли осуществленіе идеи, лежавшей въ основѣ его плана. Слѣдовательно, не съ этой стороны его смерть имѣла важное значеніе. Равнымъ образомъ и по отношенію къ достигнутой имъ славѣ онъ стоялъ въ моментъ своей смерти на такой высокой ступени, что скорѣе могъ опуститься, чѣмъ подняться еще выше. Для блеска своего имени онъ умеръ во-время. Его отношенія съ нѣмецкими союзниками непремѣнно стали бы ухудшаться по мѣрѣ того, какъ стали бы выясняться, изъ-за идеальной до сихъ поръ фигуры, его политическіе планы; симптомы охлажденія и недовѣрія замѣчались уже и теперь. Густавъ-Адольфъ умеръ во всемъ блескѣ своей славы, и потому нравственное воздѣйствіе его личности сохранило полный эффектъ.

Но онъ былъ невознаградимой потерей для непосредственнаго веденія войны и для руководства политикой

Не было ни кого на-лицо, кто былъ бы способенъ замѣнить его на полѣ сраженія. Врангель, Банеръ, Торстенсонъ, Бернгардъ Веймарскій, безспорно, принадлежатъ къ знаменитѣйшимъ полководцамъ своего вѣка и вышли изъ школы Густава-Адольфа, но они не доросли до него въ самомъ главномъ—въ дѣлѣ организаціи и дисциплины войска. Шведская армія погибла; она распалась на дикія банды, ни въ чемъ не уступавшія непріятельскимъ, и скоро звѣрства шведскихъ солдатъ пріобрѣли такую же позорную славу, какъ и варварства имперскихъ кроатовъ.

Равнымъ образомъ и въ политическомъ отношеніи была большая разница—самъ ли король стоялъ во главѣ дѣла и руководилъ имъ, или генералы и дипломаты. Онъ одинъ дѣлалъ все, не спрашиваясь ни Франціи, ни нѣмецкихъ князей, и это было большое счастье для самой Германіи, потому что послѣдніе помышляли лишь о томъ, какъ бы разорвать на клочки и подѣлить между собою Германію. Такое положеніе Густавъ-Адольфъ могъ занять лишь вслѣдствіе превосходства своего ума, своихъ цѣлей, словомъ—благодаря превосходству своей личности; самое честолюбіе его отмѣчено было возвышенными чертами.

Онъ сражался за себя, за свой домъ, за свою монархію и протестан-

тизмъ; это было нѣчто иное, чѣмъ борьба, веденная его преемниками изъ-за богатой добычи или изъ-за нѣмецкаго княжества. Честолюбивыя цѣли этихъ лицъ по необходимости должны были быть уже и потому грубѣе. Онъ могъ стремиться къ тому, чтобы создать въ протестантской Германіи шведскую имперію. Оксенштирнъ, а равнымъ образомъ и другіе, этого не могли. Они хозяйничали въ Германіи, какъ разбойники и убійцы-поджигатели, и награбленные изъ церквей и бурговъ трофеи, которые еще до сихъ поръ хранятся въ ихъ замкахъ, служатъ лишь воспоминаніемъ о необузданныхъ дѣйствіяхъ бандъ искателей приключеній.

Поэтому смерть Густава-Адольфа была большимъ несчастіемъ для Германіи. Пришлось промѣнять одного великаго мужа на нѣсколько предводителей-наемниковъ, которые разрывали Германію на части, затопляли ее потоками крови и слезъ, для которыхъ безразлично было своекорыстное вмѣшательство Франціи: всѣ мысли и стремленія ихъ направлены были къ тому, чтобы до безконечности продолжать войну безъ плана и цѣли. Для Густава-Адольфа война имѣла опредѣленную цѣль, для его генераловъ—нѣтъ. Возвратившись въ Швецію, они снова дѣлались шведскими подданными, въ Германіи же они разыгрывали роль великихъ полководцевъ; война была для нихъ прибыльнымъ ремесломъ, средствомъ для поддержанія своего существованія.

Если послѣ смерти Густава-Адольфа война продолжалась еще 16 лѣтъ, и изъ нихъ 10 лѣтъ безъ всякаго смысла и цѣли, то это зависѣло оттого, что болѣе уже не было власти, которая указала бы ей политическую цѣль; напротивъ, въ интересѣ многихъ было продлить смуты до безконечности и въ конецъ растерзать несчастное государство.

XXXIX. ПОЛИТИКА ГУСТАВА-АДОЛЬФА И ВОЕННОЕ МОГУЩЕСТВО ШВЕЦІИ ВО ВРЕМЯ 30-ТИ-ЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

(Изъ статьи Брикнера по соч. Дройзена: „Gustaf-Adolf“ „Ж. М. Н. Пр.“ за 1871 г.).

До послѣдняго времени участіе Густава-Адольфа въ 30-ти-лѣтней войнѣ объясняли обыкновенно почти исключительно стремленіемъ его защитить протестантскую вѣру отъ угрожавшей ей со стороны католицизма опасности; Густава-Адольфа считали по преимуществу религіознымъ героемъ, благочестивымъ представителемъ и чуть ли не мученикомъ протестантизма. Дѣйствительно, Густавъ-Адольфъ очень много сдѣлалъ для спасенія протестантизма въ Германіи, но несомнѣнно, что не столько религіозныя, сколько чисто-политическія соображенія руководили Густавомъ-Адольфомъ, когда онъ рѣшился дѣйствовать наступательно противъ Габсбургскаго дома и его союзниковъ. Эти мотивы, впрочемъ, нисколько не уменьшаютъ его заслугъ въ отношеніи къ спасенію равноправности исповѣданій въ Германіи.

Въ настоящее время, благодаря капитальному труду гёттингенскаго профессора Густава Дройзена, преобладаніе въ дѣятельности Густава-Адольфа политическихъ соображеній надъ религіозными можно считать вполнѣ доказаннымъ. Вопросъ о значеніи Швеціи на Балтійскомъ морѣ или вопросъ о такъ называемомъ «Dominium maris Balthici» былъ глав-

нымъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ Густава-Адольфа съ разными державами. Всесторонне обсуждался онъ въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта въ Швеціи до отъѣзда шведскаго короля въ Германію и уже въ 1629 году игралъ главную роль въ сношеніяхъ между Густавомъ-Адольфомъ и германскимъ императоромъ. Валленштейнъ, завладѣвъ Мекленбургомъ, дошелъ до берега моря, мечталъ о созданіи здѣсь флота для Габсбурговъ и надѣялся воспрепятствовать шведской торговлѣ и прервать сношенія между Лифляндіей и Швеціей. Все это въ глазахъ Густава-Адольфа должно было имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ реституціонный эдиктъ и католическая реакція въ Германіи вообще. Самостоятельность сѣверогерманскихъ протестантскихъ государствъ была условіемъ обезпеченія интересовъ Швеціи. Покоривъ совершенно сѣверную Германію, императоръ легко могъ думать о нападеніи на другія страны. Поэтому Густавъ-Адольфъ для предупрежденія дальнѣйшихъ успѣховъ габсбургской политики долженъ былъ взяться за оружіе. Въ то время почти всѣ берега Балтійскаго моря, Швеція, Финляндія, Ингерманландія, Карелія и Лифляндія, входили въ составъ монархіи шведской. Балтійское море могло казаться шведскимъ озеромъ. Покушеніе габсбургской политики ограничить или даже уничтожить господство Швеціи надъ этимъ моремъ должно было вызвать войну. Не для спасенія Германіи, а для защищенія Швеціи Густавъ-Адольфъ отправился въ походъ. На чеканенныхъ тогда шведскихъ талерахъ была надпись, въ которой Густавъ-Адольфъ былъ названъ «Oceani et maris Balthici admiralius». Въ этомъ выраженіи заключается политическая программа короля. Правда, и въ письмахъ, и въ рѣчахъ, и въ манифестахъ того времени довольно часто говорится о религіи и о протестантизмѣ, но все-таки война, предпринятая Густавомъ-Адольфомъ, не могла считаться религіозною: нигдѣ и никогда Густавъ-Адольфъ не старался распространять протестантское исповѣданіе въ ущербъ католицизму, хотя онъ, завладѣвъ даже значительной частью южной, то-есть по преимуществу католической, Германіи и имѣлъ бы возможность дѣйствовать въ пользу пропаганды лютеранизма. Даже самъ папа однажды замѣтилъ, что война со стороны Густава-Адольфа не можетъ считаться религіозною, что она не представляетъ какой-либо опасности для католицизма и что Густавъ-Адольфъ никого не преслѣдуетъ изъ-за католицизма.

Знаменитый канцлеръ Густава-Адольфа Оксенштирнъ не разъ довольно ясно высказывался въ отношеніи къ намѣреніямъ Густава-Адольфа при открытіи военныхъ дѣйствій. Въ засѣданіи государственнаго совѣта 1644 года онъ сказалъ: „Померанія и морской берегъ составляютъ, такъ сказать, бастіонъ для Швеціи, и въ этомъ заключается наша главная защита противъ императора. Это же и было важнѣйшею причиною для покойнаго короля взяться за оружіе. Уваженіе, которымъ Швеція пользуется со стороны Польши, обусловливается Помераніей“. Другой разъ Оксенштирнъ сказалъ: „Король Густавъ-Адольфъ хотѣлъ завладѣть морскимъ берегомъ; онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться современемъ императоромъ Скандинавіи. Это государство должно было заключать въ себѣ Швецію, Норвегію, Данію и прибалтійскія страны. Для этой цѣли онъ сначала заключилъ миръ съ Даніей на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ, а затѣмъ заключилъ договоръ и съ Россіей изъ-за прибалтійскаго берега. У поляковъ онъ отнялъ берегъ и устья рѣкъ. Затѣмъ

онъ аттаковалъ германскаго императора и требовалъ отъ протестантскихъ государей, какъ вознагражденіе за военныя издержки, Померанію и Мекленбургъ. Протестантскихъ государей онъ хотѣлъ вознаградить отдачей имъ католическихъ странъ. Данія должна была ограничиться территоріей до Великаго Бельта. Норвегію надлежало присоединить къ Швеціи. Такимъ образомъ этотъ великій государь хотѣлъ создать сильное царство. Но то, что говорятъ, будто Густавъ-Адольфъ хотѣлъ сдѣлаться германскимъ императоромъ, лишено основанія".

Итакъ, не религіозные мотивы, а мысль о сильномъ, могущественномъ скандинавскомъ государствѣ, представителями которой были до Густава-Адольфа Густавъ I Ваза и послѣ него Густавъ III, заставила шведскаго короля рѣшиться на столь отважное, опасное предпріятіе, каково было участіе въ германской войнѣ.

Вообще въ то время, когда Густавъ-Адольфъ принялъ участіе въ тридцатилѣтней войнѣ, положеніе европейскихъ государствъ въ отношеніи политическомъ было таково, что страны некатолическія имѣли значеніе на морѣ, католическія державы не пользовались имъ. Между тѣмъ какъ Данія и Швеція были морскими державами, Польша довольствовалась лишь нѣкоторымъ значеніемъ на сушѣ; Нидерланды имѣли флотъ, Австрія, напротивъ того, развѣ только мечтала тогда о созданіи флота; между тѣмъ какъ англійскій флотъ становился все болѣе и болѣе сильнымъ, испанскій со дня на день приходилъ все болѣе и болѣе въ упадокъ. За то Франція, хотя и католическая страна, имѣла флотъ и вообще была сильна; поэтому-то и было важно для Густава-Адольфа, что Ришелье, сначала осаждая, а потомъ занимая Ла-Рошель, явился защитникомъ протестантизма въ Германіи и затѣмъ соединился съ Швеціей противъ Австріи. По случаю осады Ла-Рошели герцогъ Букингамъ (1628 г.) произнесъ въ англійскомъ парламентѣ рѣчь, въ которой говорилъ о союзѣ между католицизмомъ и габсбургскою политикою и о необходимости противодѣйствовать этому стремленію габсбургцевъ создать универсальную монархію. Онъ указалъ на опасность и для Англіи со стороны католическихъ державъ, на неудачныя дѣйствія Даніи въ пользу сѣверной Германіи, на необходимость серьезно взяться за дѣло и ограничить власть императора. Во всей Европѣ раздѣляли это мнѣніе Букингама и Густава-Адольфа. И Нидерланды, и Данія, и Англія желали совершить тоже самое, что впослѣдствіи удалось шведскому королю. Однако рѣшеніе этой задачи оказалось имъ не по силамъ. Данія, вслѣдствіе своей неудачной попытки вмѣшаться въ германскія дѣла находившаяся въ страшной опасности, должна была согласиться на заключеніе мира въ Любекѣ. Въ Германіи уже не было болѣе смѣлыхъ, предпріимчивыхъ полководцевъ, каковы были графъ Мансфельдъ и герцогъ Христіанъ Брауншвейгскій. Данія спѣшила распустить свое войско, побѣжденное Валленштейномъ. Англія только-что оказалась несостоятельною въ своей попыткѣ заступиться за гугенотовъ во Франціи. Франція обращала въ это время болѣе вниманія на итальянскія дѣла, чѣмъ на германскія. Поэтому Густавъ-Адольфъ былъ тогда единственнымъ государемъ, на котораго могли надѣяться всѣ, опасавшіеся чрезмѣрнаго могущества габсбургскаго дома и безусловнаго торжества католической партіи въ Европѣ. На Швецію возлагали тогда надежду всѣ некатолики. Густавъ-Адольфъ (по выраженію одного изъ современниковъ) былъ ихъ „Мессія".

Какими же средствами располагалъ Густавъ-Адольфъ, отправляясь въ походъ? Извѣстно, что Швеція имѣла тогда не болѣе полутора милліона жителей и къ тому же утомлена была многолѣтнею войною, продолжавшеюся до 1630 г. Однакожъ финансы и войско Швеціи отличались весьма удовлетворительнымъ устройствомъ. Самъ король могъ считаться спеціалистомъ въ техническихъ вопросахъ военной администраціи. Онъ постоянно заботился объ улучшеніяхъ въ экипировкѣ солдатъ и самъ участвовалъ въ изобрѣтеніяхъ для усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія. Шведскія войска, сражаясь съ войсками континента, пользовались преимуществами, подобными тѣмъ, которыя дали, напримѣръ, Фридриху Великому чрезъ изобрѣтеніе желѣзнаго шомпола преимущество надъ австрійцами или которыя въ недавней австро-прусской войнѣ заключались для прусскаго же войска въ игольчатыхъ ружьяхъ. Весьма важнымъ обстоятельствомъ была далѣе теплая одежда, которою были снабжены солдаты Густава-Адольфа. Шубы, рукавицы и теплая обувь доставляли шведамъ возможность не прекращать военныхъ дѣйствій и зимою, что особенно привело въ ужасъ ихъ непріятелей. Въ отношеніи конницы шведы уступали императорскимъ войскамъ. Зато шведы имѣли превосходную артиллерію, имѣли также отличныхъ инженеровъ и спеціалистовъ въ фортификаціонныхъ и понтонныхъ работахъ. Солдаты всѣхъ отрядовъ обучались искусству строенія мостовъ. Шведская армія отличалась притомъ образцовою дисциплиною. Въ противоположность войскамъ Валленштейна, въ шведской арміи, пока во главѣ ея находился король, почти вовсе не было случаевъ грабежа и прочихъ варварскихъ поступковъ въ непріятельской странѣ. Глубокое впечатлѣніе на современниковъ производила строгость шведскаго короля, безпощадно наказывавшаго нарушителей дисциплины. Въ отношеніи развитія тактики и стратегики было вообще значительное различіе между испанскимъ военнымъ искусствомъ и новыми пріемами шведскаго войска. Испанскій строй отличался тяжелыми массами, противъ движенія которыхъ почти не было возможности дѣйствовать при прежнихъ пріемахъ военнаго искусства. Эти массы дѣйствовали медленно и представляли собою какъ бы крѣпость. Онѣ дѣйствовали скорѣе общимъ своимъ натискомъ, чѣмъ оружіемъ каждаго отдѣльнаго воина. Конница при этомъ не могла быть особенно полезною. Стрѣльба была медленная, неуклюжая; оружіе было чрезмѣрно тяжелое. Напротивъ того, главная цѣль, которую имѣлъ въ виду Густавъ-Адольфъ при военномъ устройствѣ, заключалась въ легкости, подвижности войскъ, въ искусствѣ производить быстрые маневры, въ усовершенствованіи оружія, въ совокупности дѣйствій конницы, пѣхоты и артиллеріи. Каждый шведскій солдатъ имѣлъ значеніе, дѣйствовалъ нѣсколько самостоятельно, стрѣлялъ быстро. Испанцы строились въ десяти шеренгахъ, шведы въ трехъ. Послѣдніе поэтому при помощи сравнительно незначительнаго числа людей могли достигать большихъ результатовъ и держать въ резервѣ особенныя войска, которыя не разъ рѣшали дѣло въ пользу шведовъ.

Ученые никакъ не могли привести въ ясность, чего домогался Густавъ-Адольфъ въ Германіи: хотѣлъ ли онъ, и въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ, сдѣлаться политическимъ реформаторомъ этой страны, надѣялся ли онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ его современниковъ, сдѣлаться главою протестантизма, или же ограничивался

лишь предположеніями относительно независимости, могущества и вліянія Швеціи.

При этомъ прежде всего нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что мысли о важныхъ перемѣнахъ въ политическомъ устройствѣ Германіи могли явиться не ранѣе, какъ послѣ рѣшительныхъ успѣховъ шведскаго оружія. Только послѣ побѣды при Брейтенфельдѣ и удачнаго похода въ южной Германіи, послѣ занятія Нюрнберга, Мюнхена и проч., можно было думать объ императорской коронѣ, такъ что развѣ въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Густава-Адольфа, а уже никакъ не раньше, могли занимать его болѣе обширные планы. Дѣйствительно, положеніе Густава-Адольфа въ это время было чрезвычайно выгодное. Тотъ самый государь, надъ которымъ еще не такъ давно насмѣхались въ Германіи, сдѣлался теперь вліятельнѣйшимъ лицомъ въ Европѣ. Въ австрійскихъ владѣніяхъ опасались, что склонные къ мятежамъ крестьяне сдѣлаются союзниками Густава-Адольфа; даже въ Италіи съ трепетомъ ожидали нашествія шведовъ, и кардиналы въ Римѣ собирались для совѣщанія о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для предотвращенія такой опасности. Вездѣ Густавъ-Адольфъ являлся защитникомъ угнетенныхъ; даже греки, страдавшіе подъ игомъ турецкимъ, надѣялись на него, какъ на освободителя; христіане въ Іерусалимѣ мечтали о возобновленіи крестовыхъ походовъ и молились за успѣхъ шведскаго оружія. Самъ король зимою 1631—1632 года жилъ въ Майнцѣ и во Франкфуртѣ. Со всѣхъ сторонъ къ его пышному двору съѣхались и государи, и посланники разныхъ державъ, и многіе иностранцы, въ особенности англичане и французы. Канцлеръ Аксель Оксенштирнъ также пріѣхалъ туда. Главная квартира шведовъ получила характеръ столицы, въ которой сходились главныя нити общеевропейской дипломатіи. Тутъ явились и супруга шведскаго короля, и бывшій король Богеміи, Фридрихъ Пфальцскій. При такой обстановкѣ Густаву-Адольфу можно было мечтать о великихъ перемѣнахъ въ Европѣ и объ извлеченіи значительныхъ выгодъ для Швеціи.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія думать, что Густавъ-Адольфъ предполагалъ подвергнуть политическое устройство Германіи значительнымъ измѣненіямъ. Въ какой мѣрѣ серьезно думалъ онъ объ императорской коронѣ, нельзя опредѣлить точнымъ образомъ; но не должно упускать изъ виду, что государственное право тогдашняго времени дозволяло вступленіе на престолъ императорскій иностраннаго государя безъ значительной перемѣны политическихъ учрежденій Германіи. Не разъ уже иностранцы домогались императорской короны, напримѣръ Францискъ I и Генрихъ VIII. Немногимъ позже Люценской битвы серьезно думали о доставленіи германской короны Людовику XIII. Густавъ-Адольфъ, въ случаѣ возвращенія Пфальца и Богеміи Фридриху V и въ виду поддержки со стороны курфюрстовъ Бранденбургскаго и Саксонскаго, на которую онъ могъ, повидимому, разсчитывать, легко былъ въ состояніи располагать большинствомъ голосовъ въ избирательной коллегіи. Такимъ образомъ восторжествовалъ бы протестантизмъ въ Германіи. Іоаннъ-Георгъ Саксонскій, встрѣтившись послѣ битвы при Брейтенфельдѣ съ Густавомъ-Адольфомъ, обѣщалъ ему сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы провозгласить шведскаго короля римскимъ императоромъ. Когда Густавъ-

Адольфъ занялъ Аугсбургъ, всѣ граждане этого вольнаго города присягнули ему, признавая его своимъ государемъ.

Кажется, однако, что Густавъ-Адольфъ не столько мечталъ объ императорской коронѣ, сколько объ образованіи такъ называемаго „Corpus Evangelicorum", т. е. о тѣсномъ и постоянномъ союзѣ протестантскихъ государствъ Германіи съ Швеціей. Густавъ-Адольфъ, уже въ видахъ обезпеченія интересовъ Швеціи, не могъ думать о созданіи единой и сильной Германіи. Зато онъ, чрезъ образованіе и точно опредѣленное устройство союза протестантскихъ государей въ сѣверной и средней Германіи, выигрывалъ много для Швеціи и обезпечивалъ религіозный миръ. Мы не знаемъ о подробностяхъ предположеній на этотъ счетъ Густава-Адольфа. По всей вѣроятности, однако, въ формѣ такого союза онъ надѣялся создать нѣчто болѣе органически-цѣлое, чѣмъ посредствомъ заключенія однихъ лишь обыкновенныхъ союзовъ съ нѣкоторыми изъ протестантскихъ государей отдѣльно другъ отъ друга. Такой общій протестантскій союзъ могъ бы сдѣлаться предшественникомъ состоявшагося въ послѣднее время Сѣверо-Германскаго союза. Бранденбургская область тогда не могла еще думать о томъ, чтобы сдѣлаться средоточіемъ Германіи; австрійская политика имѣла скорѣе династическій, чѣмъ общегерманскій характеръ; Баварія состояла въ союзѣ съ папистами и іезуитами и уже тогда довольно часто подпадала подъ вліяніе Франціи. Поэтому Густавъ-Адольфъ имѣлъ бы возможность сдѣлать первый шагъ къ рѣшенію такъ называемаго нынѣ германскаго вопроса путемъ созданія, въ видѣ „Corpus Evangelicorum", союзнаго государства. Но, во-первыхъ, еще при жизни Густава-Адольфа явились безконечныя затрудненія и препятствія къ тому, а во-вторыхъ—его кончина положила конецъ планамъ.

И тогда, и впослѣдствіи партикуляризмъ и сепаратизмъ препятствовали образованію въ Германіи политическихъ организмовъ, соотвѣтствующихъ государственному праву въ прочихъ странахъ Европы. Переговоры между Густавомъ-Адольфомъ и нѣмецкими государями свидѣтельствуютъ объ отсутствіи общегерманскаго патріотизма въ послѣднихъ. И Саксонія, и Бранденбургъ, и Баварія думали по преимуществу о томъ, какъ бы имъ остаться нейтральными и избѣгнуть рѣшительныхъ дѣйствій.

Въ Берлинѣ, въ Мюнхенѣ, въ Дрезденѣ было замѣтно одновременно вліяніе французскихъ, императорскихъ и шведскихъ посланниковъ. Такой образъ дѣйствій этихъ мелкихъ германскихъ кабинетовъ совершенно соотвѣтствовалъ ихъ опасному и неловкому положенію. Они назывались государствами, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ представляли собою развѣ только матеріалъ для образованія настоящихъ государствъ. Обѣщанія и угрозы со стороны габсбургцевъ, кардинала Ришелье или Швеціи заставляли этихъ курфюрстовъ часто мѣнять свою систему, своихъ союзниковъ, свои рѣшенія въ отношеніи къ вопросу о мирѣ и войнѣ. Баварія, находившаяся передъ вступленіемъ Густава-Адольфа въ Германію въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Фердинандомъ II, каждую минуту была готова вступить въ сношенія съ Франціей, со стороны которой былъ сдѣланъ намекъ, что авось Виттельсбахскій (Баварскій) домъ можетъ замѣнить Габсбургскій на императорскомъ престолѣ; Саксонія, служившая оплотомъ протестантизма, своимъ переходомъ въ австрійскій лагерь (въ 1634 г.) затянула войну до того, что она послѣ сепаратнаго мира,

заключеннаго между Австріей и Саксоніей въ Прагѣ, продолжалась еще 14 лѣтъ. Густавъ-Адольфъ съ презрѣніемъ говорилъ объ этихъ государяхъ: „Они сами не знаютъ, лютеране ли они, или католики, представители ли они императорской, или національной германской политики, хотятъ ли они свободы, или рабства“.

Въ противоположность политическому хаосу имперско-германскихъ учрежденій Густавъ-Адольфъ является представителемъ идеи о монархіи и о единствѣ политической и военной программы; въ противоположность варварскимъ пріемамъ императорскаго войска онъ является представителемъ настоящей дисциплины и военнаго права; въ противоположность средневѣковымъ идеямъ объ имперіи онъ является представителемъ принципа равноправности между государствами. Во всемъ этомъ главнымъ образомъ заключается значеніе Густава-Адольфа для Германіи, для Европы, для цивилизаціи.

XL. ПЕРВАЯ ОТСТАВКА ВАЛЛЕНШТЕЙНА И ВТОРИЧНОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ЕГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ.

(Изъ „Исторіи тридцатилѣтней войны“ Шиллера).

Доброе согласіе между императоромъ и князьями лиги сильно поколебалось со времени появленія Валленштейна. Гордый курфюрстъ Баварскій, привыкнувъ играть роль законодателя Германіи и даже повелѣвать судьбою самого императора, вдругъ увидѣлъ, что императорскій полководецъ сдѣлалъ его ненужнымъ и что все прежнее его величіе исчезло вмѣстѣ съ значеніемъ лиги. Другой пожиналъ плоды его побѣдъ и предавалъ забвенію всѣ прежнія его заслуги. Заносчивый характеръ герцога Фридландскаго, для котораго лучшимъ торжествомъ было выказывать свое презрѣніе къ князьямъ и распространять ненавистную власть своего государя, не мало способствовалъ къ большему огорченію курфюрста. Будучи недоволенъ императоромъ и не довѣряя его намѣреніямъ, онъ вступилъ въ союзъ съ Франціею, въ чемъ подозрѣвали и другихъ князей лиги. Опасеніе завоевательныхъ плановъ императора и негодованіе на настоящія вопіющія бѣдствія заглушили въ нихъ всякое чувство благодарности. Притѣсненія Валленштейна сдѣлались невыносимыми. Бранденбургскій дворъ цѣнилъ свои убытки въ двадцать, померанскій въ десять, гессенскій въ семь милліоновъ, остальные въ той же пропорціи. Единогласно, горячо и настойчиво требовали помощи католики и протестанты безъ различія; только въ одномъ *этомъ* пунктѣ всѣ были согласны, несмотря на всѣ возраженія со стороны императора. Цѣлый потокъ просьбъ—всѣ противъ Валленштейна—хлынулъ на испуганнаго императора и потрясъ его слухъ ужаснѣйшими описаніями претерпѣнныхъ насилій.

Фердинандъ не былъ варваромъ. Если онъ былъ не чуждъ ужасовъ, совершенныхъ его именемъ въ Германіи, то все-таки не зналъ всей ихъ безмѣрности и потому не задумался исполнить требованіе князей, распустивъ изъ дѣйствующихъ войскъ 18,000 кавалеріи. Это уменьшеніе войскъ послѣдовало въ то самое время, когда шведы готовились къ по-

ходу въ Германію, и большая часть распущенныхъ императорскихъ солдатъ поспѣшила стать подъ ихъ знамена.

Эта уступчивость Фердинанда поощрила курфюрста Баварскаго къ требованіямъ гораздо важнѣйшимъ. Торжество надъ властью императора было неполно, пока герцогъ Фридландскій оставался главнокомандующимъ. Жестоко мстили теперь князья этому полководцу за презрѣніе, которому онъ подвергалъ ихъ всѣхъ безъ исключенія. Все курфюршеское собраніе и даже испанцы требовали его отрѣшенія съ единодушіемъ и жаромъ, удивившимъ императора. Но это самое единодушіе, этотъ жаръ, съ которымъ завистники императора требовали отрѣшенія Валленштейна, должны были убѣдить его въ важности этого генерала. Валленштейнъ. извѣщенный о проискахъ, замышляемыхъ противъ него въ Регенсбургѣ, старался объяснить императору настоящія намѣренія курфюрста Баварскаго. Онъ явился самъ въ Регенсбургъ, но съ такою поспѣшностью, которая помрачила самого императора и послужила только новою пищею для ненависти его противниковъ.

Долго не могъ рѣшиться императоръ. Тяжела была жертва, которую отъ него требовали. Всѣмъ своимъ величіемъ онъ обязанъ былъ герцогу Фридландскому; онъ чувствовалъ, какъ много потеряетъ, если отдастъ его на жертву ненависти князей. Но, къ несчастью, именно въ это время нуждался онъ въ согласіи курфюрстовъ. Ему хотѣлось передать сыну своему, Фердинанду, избранному королемъ венгерскимъ, свое имперское наслѣдіе, для чего ему необходимо было согласіе Максимиліана. Это обстоятельство было для него весьма важно, и онъ не усомнился пожертвовать лучшимъ своимъ слугою, чтобы угодить курфюрсту Баварскому.

Валленштейнъ въ это время, когда ему надо было объявить приговоръ объ отрѣшеніи, командовалъ арміею почти во сто тысячъ человѣкъ, которая его обожала. Большая часть его офицеровъ была ему обязана всѣмъ; его мановеніе было приговоромъ судьбы для простыхъ солдатъ. Его честолюбіе было безпредѣльно, гордость непреклонна, его властолюбивый духъ не въ силахъ былъ оставить обиды неотмщенною. И теперь одинъ мигъ долженъ былъ низвергнуть его съ высоты величія въ ничтожество частной жизни. Исполненіе *такого* приговора надъ *такимъ* преступникомъ требовало, повидимому, не меньшаго искусства, какъ и исторженіе его у судьи. Поэтому, изъ предосторожности, положили выбрать двухъ изъ самыхъ искреннихъ друзей Валленштейна для объявленія ему этого непріятнаго извѣстія, которое слѣдовало, по возможности, смягчить льстивыми увѣреніями въ неизмѣнной императорской милости.

Еще до прибытія пословъ императора Валленштейнъ зналъ, въ чемъ состоитъ ихъ порученіе. Онъ имѣлъ время успокоиться и казался веселъ, тогда какъ скорбь и ярость терзали его грудь. Но онъ рѣшился повиноваться. Приговоръ разразился надъ нимъ прежде, нежели обстоятельства созрѣли для рѣшительнаго шага и приготовленія были кончены. Его обширныя помѣстья разсѣяны были по Чехіи и Моравіи; лишеніемъ ихъ императоръ могъ перерѣзать нервъ его могущества. Отъ будущаго ждалъ онъ удовлетворенія, и эти надежды поддерживали въ немъ предсказанія одного итальянскаго астролога, водившаго этотъ необузданный духъ на помочахъ, какъ ребенка. Сени (это было его имя) прочиталъ въ звѣздахъ, что блестящій путь его господина далеко еще не оконченъ и что будущее готовитъ ему счастье несравненно большее. Не надо было

утруждать звѣздъ для предсказанія съ вѣроятностью, что такой непріятель, какъ Густавъ-Адольфъ, ненадолго оставитъ въ бездѣйствіи такого генерала, какъ Валленштейнъ.

„Императоръ обманутъ, — отвѣчалъ Валленштейнъ посланнымъ, — я жалѣю о немъ, но прощаю его. Ясно, что имъ управляетъ высокомѣрный духъ Баваріи. Хотя мнѣ прискорбно, что онъ такъ скоро пожертвовалъ мною, но я повинуюсь". Онъ отпустилъ посланныхъ, одаривъ ихъ по-царски, и письмомъ, исполненнымъ покорности, просилъ императора не лишать его своихъ милостей и быть защитникомъ заслуженныхъ имъ достоинствъ. Въ арміи послышался общій ропотъ, едва было получено тамъ извѣстіе объ отрѣшеніи ея полководца, и лучшая часть офицеровъ тотчасъ оставила императорскую службу. Многіе послѣдовали за нимъ въ его чешскія и моравскія помѣстья; другихъ связалъ онъ значительными пенсіями, чтобы воспользоваться, въ случаѣ нужды, ихъ услугами.

Когда онъ возвратился къ тишинѣ частной жизни, его цѣлью не было спокойствіе. Царская пышность окружала его въ этомъ уединеніи и, казалось, насмѣхалась надъ приговоромъ его униженія. Шестеро воротъ вели къ его дворцу въ Прагѣ, и надо было сломать сто домовъ, чтобы очистить мѣсто для площади предъ замкомъ. Такіе же дворцы были построены во многихъ другихъ его помѣстьяхъ. Дворяне древнѣйшихъ родовъ наперерывъ искали счастья ему служить, и нерѣдко императорскіе камергеры возвращали золотой ключъ, чтобы занять ту же должность у Валленштейна. У него было 60 пажей, подъ надзоромъ лучшихъ наставниковъ; передняя его всегда охранялась 50 драбантами. За обыкновеннымъ его столомъ подавалось не менѣе ста блюдъ; его домоправитель былъ знатный чиновникъ. Во время поѣздокъ его вещи и свита занимали сто экипажей, въ шесть и четыре лошади каждый; его дворъ слѣдовалъ за нимъ въ 60 каретахъ съ 50 заводными лошадьми. Великолѣпіе ливрей, блескъ экипажей и убранство комнатъ соотвѣтствовали прочей пышности. Шесть бароновъ и столько же простыхъ дворянъ должны были постоянно находиться при немъ для исполненія каждаго его мановенія; 12 патрулей ходили вокругъ его дворца для отвращенія малѣйшаго шума. Его вѣчно-работающая голова нуждалась въ тишинѣ; стукъ экипажей не смѣлъ приближаться къ его жилищу, и нерѣдко улицы запирались цѣпями. Его обращеніе было такъ же нѣмо, какъ все окружающее. Мрачный, скрытный, неразгаданный, онъ болѣе дорожилъ своими словами, чѣмъ подарками, да и тѣ немногія слова произносилъ онъ непріятнымъ голосомъ. Онъ никогда не смѣялся и всегда былъ холоденъ къ соблазнамъ чувственности. Всегда дѣятельный, всегда занятый великими планами, онъ отказался отъ всѣхъ пустыхъ забавъ, на которыя другіе расточаютъ драгоцѣнную жизнь. Переписку со всѣми концами Европы велъ онъ самъ и большею частью писалъ собственноручно, чтобы какъ можно менѣе довѣрять скромности другихъ. Онъ былъ большаго роста и худощавъ, имѣлъ желтоватый цвѣтъ лица, короткіе рыжеватые волосы и маленькіе, но блестящіе глаза. Грозная, пугающая суровость не сходила съ его лица, и только огромное жалованье могло удерживать при немъ трепещущую толпу слугъ.

Въ этой хвастливой неизвѣстности Валленштейнъ ожидалъ молча, но не праздно своей блестящей поры и наступающаго дня мщенія; скоро

быстрые успѣхи Густава-Адольфа дали ему насладиться ея предчувствіемъ.

Большая часть Чехіи была вскорѣ потеряна для императора, и саксонцы шли оттуда на Австрію, тогда какъ шведскій монархъ пролагалъ себѣ дорогу черезъ Франконію, Швабію и Баварію въ императорскія наслѣдственныя земли. Долговременная война поглотила силы австрійской монархіи, истощила земли и уменьшила арміи. Исчезла слава ея побѣдъ, увѣренность въ ея непобѣдимость, исчезли послушаніе и дисциплина въ ея войскѣ, исчезло то, что давало шведскому полководцу рѣшительный перевѣсъ въ полѣ. Союзники императора были обезоружены, или собственная опасность поколебала ихъ вѣрность. Самъ Максимиліанъ баварскій, сильнѣйшая подпора Австріи, казалось, уступалъ обольстительнымъ приглашеніямъ къ нейтралитету; подозрительный союзъ этого государя съ Франціею уже давно озабочивалъ императора. Епископы вюрцбургскій и бамбергскій, курфюрстъ Майнцскій и герцогъ Лотарингскій были изгнаны изъ своихъ земель, или сильно запуганы. Триръ хотѣлъ прибѣгнуть къ покровительству Франціи.

Испанское оружіе было занято храбростью голландцевъ въ Нидерландахъ, а Густавъ-Адольфъ прогналъ ихъ съ Рейна; Польша была связана перемиріемъ съ этимъ государемъ. Венгерскимъ границамъ угрожалъ трансильванскій князь Рагоци, преемникъ Бетлена Габора и наслѣдникъ его безпокойнаго духа; сама Порта серьезно вооружалась, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ. Большая часть протестантскихъ имперскихъ чиновъ, ободренныхъ успѣхами оружія своего защитника, открыто и дѣятельно возстала противъ партіи императора. Всѣ источники, открытые въ этихъ земляхъ наглостью Тилли и Валленштейна при помощи насилія и грабежей, изсякли; всѣ бывшія тамъ запасныя мѣста, магазины и пристанища были потеряны для императора, и войну уже нельзя было, какъ прежде, вести на чужой счетъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ бѣдствій, въ земляхъ по Энсу вспыхиваетъ опасный мятежъ; неумѣстное религіозное усердіе со стороны правительства вооружаетъ протестантскихъ поселянъ, и фанатизмъ раздуваетъ свой факелъ, тогда какъ непріятель уже вламывается въ ворота государства. Послѣ такого продолжительнаго счастья, послѣ ряда такихъ блестящихъ побѣдъ, послѣ столькихъ завоеваній, столькихъ потоковъ безполезно пролитой крови, австрійскій монархъ во второй разъ видитъ себя надъ пропастью, грозившею поглотить его при вступленіи на престолъ. Согласись Баварія на нейтралитетъ, устой Саксонія противъ соблазна и рѣшись Франція напасть въ одно время на испанское могущество въ Нидерландахъ, Италіи и Каталоніи, тогда рушилось бы гордое зданіе австрійскаго величія, союзныя государства раздѣлили бы эту добычу, а германское государственное тѣло получило бы совершенное преобразованіе.

Длинный рядъ этихъ бѣдствій начался брейтенфельдскимъ сраженіемъ, несчастный исходъ котораго обнаружилъ давно признанный упадокъ австрійскаго могущества, прикрывавшагося однимъ обманчивымъ блескомъ великаго имени. Если мы обратимся къ причинамъ, доставившимъ шведамъ такое страшное превосходство въ полѣ, то найдемъ, что они большею частью заключались въ неограниченной власти ихъ предводителя, который соединялъ въ одной рукѣ всѣ силы своей партіи и, не

будучи обязанъ въ своихъ предначертаніяхъ никакою высшею властью, былъ полновластнымъ повелителемъ каждой благопріятной минуты и могъ располагать всѣми средствами для достиженія своей цѣли. Совершенно противное оказывалось на сторонѣ императора и лиги со времени отставки Валленштейна и разбитія Тилли. Генералы не пользовались уваженіемъ войскъ и были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ; солдатамъ недоставало послушанія и дисциплины, разсѣяннымъ корпусамъ—единства дѣйствій, чинамъ—согласія, начальникамъ—единодушія; не было быстроты въ рѣшеніяхъ и твердости при ихъ исполненіи. Не превосходству силъ и лучшему ихъ употребленію обязаны были враги императора такимъ рѣшительнымъ перевѣсомъ. Не средствъ, а ума, способнаго и уполномоченнаго употребить эти средства, недоставало лигѣ и императору. Еслибы графъ Тилли не потерялъ своей славы, то недовѣрчивость къ Баваріи все-таки не допустила бы поручить судьбу монархіи человѣку, никогда не скрывавшему своей привязанности къ баварскому дому. Фердинандъ нуждался въ полководцѣ, достаточно опытномъ, чтобы образовать армію и предводительствовать ею, и въ то же время готовомъ съ слѣпою преданностью служить австрійскому дому.

Тайный совѣтъ императора былъ давно занятъ выборомъ такого полководца, и его члены никакъ не могли согласиться между собою. Задумавъ противопоставить государя государю и присутствіемъ повелителя воспламенить мужество войскъ, Фердинандъ въ первомъ горячемъ порывѣ вызвался самъ предводительствовать арміею; но нетрудно было опровергнуть намѣреніе, внушенное отчаяніемъ и опровергаемое первымъ спокойнымъ размышленіемъ. Но что императору запрещали санъ и правительственныя обязанности, то обстоятельства разрѣшали его сыну, способному и мужественному юношѣ, на котораго австрійскіе подданные взирали съ радостными надеждами. Уже самымъ рожденіемъ побуждаемый на защиту монархіи, украсившей его двумя коронами, Фердинандъ III, король чешскій и венгерскій, кромѣ природнаго сана наслѣдника престола, могъ рѣшиться обложить новыми налогами и безъ того отягощеннаго подданнаго; одно только личное его присутствіе въ арміи, казалось, могло погасить вредный раздоръ между ея предводителями и силою своего имени возстановить въ прежней строгости уснувшую дисциплину въ войскахъ.

Если причины, приводимыя нѣкоторыми министрами, были благовидны, то недовѣрчивость, а можетъ быть и зависть императора и отчаянное положеніе дѣлъ представляли много затрудненій исполненію этого плана. Какъ ввѣрить судьбу цѣлой монархіи юношѣ, имѣвшему еще нужду въ чужихъ совѣтахъ! Какъ рѣшиться противопоставить величайшему полководцу своего вѣка ученика, способность котораго къ занятію этого важнаго мѣста еще не была испытана никакимъ предпріятіемъ и имя котораго, еще не обозначенное славой, было слишкомъ безсильно, чтобы упавшей духомъ арміи ручаться напередъ за побѣду! Къ тому же, какое новое бремя для подданнаго содержать дорогой штабъ, приличный коронованному полководцу, которымъ, слѣдуя тогдашнему обычаю, онъ долженъ былъ окружить себя въ арміи! Какъ опасно, наконецъ, для самого принца начать свое политическое поприще должностью, которая должна была сдѣлать его бичемъ своего народа и гнетомъ земель будущаго своего наслѣдія!

Притомъ недостаточно было сыскать полководца для арміи, надо было найти и армію для полководца. Со времени насильственнаго уединенія Валленштейна императоръ оборонялся болѣе арміями лиги и Баваріи, чѣмъ своими собственными, и этой-то зависимости отъ двуличныхъ друзей старались теперь избѣгнуть назначеніемъ своего главнокомандующаго. Но была ли возможность безъ всемогущей силы золота и одушевлявшаго имени побѣдоноснаго полководца вызвать армію изъ ничего, и притомъ армію, по дисциплинѣ, воинственному духу и знанію своего дѣла равную опытнымъ полкамъ сѣвернаго завоевателя? Во всей Европѣ былъ только одинъ человѣкъ, способный на такое дѣло, и этому одному была нанесена смертельная обида.

Теперь, наконецъ, настало время, доставившее оскорбленной гордости герцога Фридландскаго безпримѣрное удовлетвореніе. Сама судьба сдѣлалась орудіемъ его мщенія, и непрерывный рядъ несчастій, постигшій Австрію послѣ его отставки, исторгъ у императора признаніе, что вмѣстѣ съ этимъ полководцемъ ему отрубили правую руку. Каждое новое пораженіе его войскъ растравляло эту рану, каждый потерянный городъ приводилъ на память обманутому монарху его слабость и неблагодарность. Еще слава Богу, еслибы онъ въ оскорбленномъ генералѣ потерялъ только предводителя своихъ войскъ и защитника своихъ государствъ, но онъ нашелъ въ немъ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что всего менѣе огражденъ былъ противъ замысловъ измѣнника.

Удаленный отъ театра войны и осужденный на мучительное бездѣйствіе, тогда какъ его соперники пожинали лавры на полѣ славы, высокомѣрный герцогъ глядѣлъ съ презрительнымъ равнодушіемъ на перемѣну счастья и въ блестящей пышности театральнаго героя скрывалъ мрачные замыслы вѣчно-работающаго ума. Снѣдаемый кипучими страстями, тогда какъ его наружность показывала спокойствіе и праздность, онъ спокойно приводилъ въ исполненіе ужасное порожденіе мести и честолюбія и медленно, но вѣрно приближался къ цѣли. Все, чѣмъ онъ былъ обязанъ императору, изгладилось изъ его памяти; только то̀, что̀ *онъ* сдѣлалъ для императора, было начертано огненными буквами въ его памяти. Неблагодарность императора была пріятна его ненасытной жаждѣ величія и могущества: она, казалось, разрывала его долговую росписку и разрѣшала отъ всѣхъ обязанностей къ виновнику его счастья. Честолюбивые его замыслы казались ему однимъ справедливымъ и безгрѣшнымъ намѣреніемъ. По мѣрѣ того, какъ стѣснялся внѣшній кругъ его дѣйствій, міръ надеждъ расширялся, и его мечтательное воображеніе терялось въ необузданныхъ замыслахъ, которые во всякой другой головѣ, за исключеніемъ его, могли быть плодомъ одного безумія. Заслуги вознесли его такъ высоко, какъ только могутъ вознести человѣка собственныя силы; счастье не отказало ему ни въ чемъ изъ всего того, чего только можетъ достигнуть частный человѣкъ и гражданинъ, не выступающій изъ круга своихъ обязанностей. До самой отставки требованія его не находили сопротивленія, честолюбіе—границъ; ударъ, сразившій его на регенсбургскомъ императорскомъ сеймѣ, показалъ ему разницу между властью *коренной* и *заемной* и разстояніе, отдѣляющее подданнаго отъ государя. Пробужденный въ испугѣ отъ долгаго упоенія своимъ величіемъ, онъ сравнилъ власть, которую имѣлъ, съ тою, которая отняла ее у него, и его честолюбіе замѣтило ступень, на которую ему еще оставалось

подняться на лѣстницѣ счастья. Не прежде, какъ узнавъ тяжелымъ опытомъ всю силу высочайшей власти, простеръ онъ къ ней свои жадныя руки; похищеніе, испытанное имъ самимъ, сдѣлало его похитителемъ. Не раздраженный обидою, онъ совершилъ бы послушно свое теченіе вокругъ величаваго престола, довольствуясь славою быть блистательнѣйшимъ изъ его спутниковъ; но, вытѣсненный изъ своего круга, онъ разстроилъ систему, къ которой принадлежалъ, и сокрушительно низринулся на свое солнце.

Густавъ-Адольфъ побѣдоносно проходилъ германскій сѣверъ; города сдавались ему одинъ за другимъ, и подъ Лейпцигомъ палъ цвѣтъ императорскаго войска. Извѣстіе объ этомъ пораженіи вскорѣ достигло и до Валленштейна, который въ Прагѣ, въ неизвѣстности частной жизни, слѣдилъ издали за порывами военной бури. Что̀ наполняло безпокойствомъ грудь каждаго католика, то̀ сулило ему величіе и счастье; для *него* одного трудился Густавъ-Адольфъ. Едва послѣдній началъ пріобрѣтать уваженіе своими военными подвигами, герцогъ Фридландскій, не теряя ни минуты, уже искалъ его дружбы и старался соединиться съ этимъ счастливымъ врагомъ Австріи. Изгнанный графъ Турнъ, уже давно служившій королю шведскому, взялся передать поздравленіе Валленштейна монарху и пригласить его къ тѣсному союзу съ герцогомъ. Валленштейнъ требовалъ отъ короля 15,000 чел., чтобы при ихъ помощи и съ войсками, которыя онъ обязывался набрать самъ, завоевать Чехію и Моравію, напасть на Вѣну и прогнать императора, своего государя, въ Италію. Хотя неожиданность этого предложенія и безмѣрность данныхъ обѣщаній и возбудили недовѣрчивость въ Густавѣ-Адольфѣ, но все-таки онъ былъ слишкомъ хорошимъ цѣнителемъ достоинствъ, чтобы отвергнуть съ холодностью такого полезнаго друга. Но когда Валленштейнъ, ободренный благосклоннымъ пріемомъ этой первой попытки, возобновилъ послѣ брейтенфельдскаго сраженія свое предложеніе и требовалъ рѣшительнаго отвѣта, то осторожный монархъ усомнился подвергнуть свою славу несбыточнымъ замысламъ этого дерзкаго ума и довѣрить такое значительное войско прямодушію человѣка, который обращался къ нему, какъ измѣнникъ. Онъ извинился малочисленностью своей арміи, которая, при такомъ значительномъ отдѣленіи силъ, могла пострадать при его походѣ въ имперію, и чрезмѣрною осторожностью упустилъ, можетъ быть, случай кончить войну однимъ ударомъ. Впослѣдствіи пытался онъ, но уже слишкомъ поздно, возобновить прерванные переговоры: удобный случай былъ упущенъ, но оскорбленная гордость Валленштейна никогда не прощала ему этого пренебреженія.

Но отказъ короля, вѣроятно, только ускорилъ разрывъ, который свойство этихъ обоихъ характеровъ уже дѣлало неизбѣжнымъ: оба, рожденные предписывать законы, а не принимать ихъ, никогда не могли сохранить согласія въ предпріятіи, требовавшемъ, болѣе чѣмъ всякое другое, уступчивости и взаимныхъ пожертвованій. Валленштейнъ былъ *ничто*, какъ скоро не былъ *всѣмъ*: онъ долженъ былъ или дѣйствовать совершенно свободно, или вовсе не дѣйствовать. Густавъ-Адольфъ точно также душевно ненавидѣлъ всякую зависимость и едва не разорвалъ выгоднаго союза съ французскимъ дворомъ, притязанія котораго связывали его дѣятельный духъ. Тотъ былъ потерянъ для партіи, которою не могъ управлять; этотъ еще того менѣе былъ способенъ ходить на помочахъ. Еслибы

повелительныя требованія этого союзника были такъ тягостны для герцога Фридландскаго при ихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ, то они были бы для него еще невыносимѣе при раздѣлѣ добычи. Гордый монархъ могъ снизойти для принятія помощи мятежнаго подданнаго противъ императора и наградить по-царски такую важную услугу, но никогда не могъ такъ далеко упустить изъ вида достоинства, какъ своего собственнаго, такъ и всѣхъ государей, чтобы положить награду, требуемую безмѣрнымъ честолюбіемъ герцога,—никогда не могъ согласиться за полезную измѣну заплатить короной. Итакъ, отъ *него*, если и вся Европа молчала, слѣдовало ожидать грознаго противорѣчія, какъ скоро Валленштейнъ протянулъ бы руку къ чешскому скипетру, и *онъ* одинъ во всей Европѣ могъ дать силу такому *запрещенію*. Ставъ диктаторомъ Германіи содѣйствіемъ Валленштейна, Густавъ могъ бы обратить оружіе противъ него и почитать себя свободнымъ отъ всякой признательности къ измѣннику. Итакъ, при такомъ союзникѣ не было мѣста Валленштейну, и, вѣроятно, онъ намекалъ на *это*, а не на свои мнимые виды на императорскую корону, когда сказалъ послѣ смерти короля: „Счастье для меня и для него, что онъ умеръ! Германская имперія не могла имѣть двухъ такихъ предводителей“.

Первое покушеніе отмстить австрійскому дому не удалось; но намѣреніе было твердо, и измѣненіе произошло въ одномъ выборѣ средствъ. Чего не удалось ему у короля шведскаго, того надѣялся достигнуть онъ съ меньшими трудностями и бо́льшими выгодами чрезъ курфюрста Саксонскаго, которымъ не сомнѣвался управлять по своей волѣ, тогда какъ Густавъ-Адольфъ не подавалъ ему въ томъ никакой надежды. Не прерывая согласія съ Арнгеймомъ, своимъ старымъ другомъ, онъ старался теперь о союзѣ съ Саксоніею, которымъ надѣялся сдѣлаться одинаково страшнымъ какъ императору, такъ и королю шведскому. Къ этому замыслу, который, въ случаѣ успѣха, лишалъ шведскаго монарха всего вліянія на Германію, онъ могъ надѣяться склонить Іоанна-Георга тѣмъ легче, чѣмъ болѣе ревнивый нравъ этого государя завидовалъ власти Густава-Адольфа, и привязанность къ нему, и безъ того слабая, охладѣвала отъ возраставшихъ притязаній короля. Еслибы ему удалось отвлечь Саксонію отъ шведскаго союза и вмѣстѣ съ нею составить *третью партію* въ имперіи, то судьба войны была бы въ его рукахъ, и, однимъ ударомъ отмстивъ императору и отплативъ шведскому королю за презрѣнную дружбу, онъ на гибели ихъ обоихъ основалъ бы зданіе собственнаго величія.

Но какую бы дорогу ни избралъ герцогъ для достиженія своей цѣли, онъ не могъ ничего сдѣлать безъ помощи арміи, ему совершенно преданной. Эта армія могла быть набрана такъ скрытно, чтобы не возбудить подозрѣнія императорскаго двора и не уничтожить предпріятія въ самомъ началѣ. Эта армія до времени не должна была знать противозаконнаго своего назначенія, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы она откликнулась на призывъ измѣнника и стала сражаться противъ законнаго своего государя. Итакъ, Валленштейну надо было набрать войско открыто и именемъ императора и отъ самого императора получить неограниченную власть надъ нимъ. Но это могло случиться лишь тогда, когда бы ему было снова поручено главное начальство надъ войскомъ и предоставлено безусловное веденіе войны. При всемъ томъ, ни высоко-

мѣріе, ни личная выгода не позволяли ему добиваться подобнаго мѣста и выпрашивать милости у императора ограниченную власть, когда онъ надѣялся вынудить у его страха неограниченную. Для того, чтобы принять начальство на произвольныхъ условіяхъ, ему слѣдовало ждать, пока самъ императоръ не предложитъ ему принять званіе главнокомандующаго. Таковъ былъ совѣтъ, данный ему Арнгеймомъ; такова была цѣль глубокой политики и неутомимой дѣятельности Валленштейна.

Увѣренный въ томъ, что одна только крайность можетъ преодолѣть нерѣшительность императора и сдѣлать безсильными возраженія Баваріи и Испаніи, двухъ яростныхъ его противниковъ, онъ сталъ съ этихъ поръ поощрять успѣхи непріятеля и умножать бѣдствія своего государя. Весьма вѣроятно, что саксонцы, уже бывшіе на пути въ Лузацію и Силезію, повернули, по его убѣжденію и приглашенію, въ Чехію и наводнили своими войсками беззащитное королевство; ихъ быстрые успѣхи въ этой странѣ также были его дѣломъ. Притворнымъ малодушіемъ устранилъ онъ всякую мысль о сопротивленіи, а поспѣшнымъ отъѣздомъ изъ столицы предалъ ее побѣдителю. При свиданіи его съ саксонскимъ генераломъ въ Кауницѣ, подъ видомъ мирныхъ переговоровъ, вѣроятно, былъ утвержденъ заговоръ окончательно, и завоеваніе Чехіи было первымъ плодомъ этого условія. Между тѣмъ какъ онъ по возможности содѣйствовалъ къ умноженію бѣдствій Австріи и былъ поддерживаемъ въ своемъ намѣреніи быстрыми успѣхами Густава-Адольфа на Рейнѣ, добровольные и подкупные приверженцы его въ Вѣнѣ жаловались на общее бѣдствіе, и отставку прежняго главнокомандующаго называли единственною причиною претерпѣнныхъ пораженій. „Валленштейнъ не допустилъ бы до этого, еслибы онъ оставался главнокомандующимъ“!—восклицали теперь тысячи голосовъ, и это мнѣніе въ самомъ тайномъ совѣтѣ императора нашло пламенныхъ поборниковъ.

Стѣсненный монархъ и безъ ихъ назойливыхъ побужденій видѣлъ заслуги своего генерала и собственную опрометчивость. Вскорѣ зависимость отъ Баваріи и лиги сдѣлалась для него невыносимою; но эта-то самая зависимость и не позволяла ему обнаружить свою недовѣрчивость и обратнымъ призваніемъ герцога Фридландскаго вооружить курфюрста. Но теперь, когда опасность возрастала съ каждымъ днемъ, а безсиліе баварской помощи все дѣлалось очевиднѣе, онъ склонился наконецъ на представленія друзей герцога о возвращеніи ему начальства ндаъ войсками. Несмѣтныя богатства Валленштейна, всеобщее къ нему уваженіе, быстрота, съ которою онъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ выставилъ въ поле армію въ 40,000 человѣкъ, незначительныя издержки на содержаніе такого многочисленнаго войска и, наконецъ, усердіе и вѣрность, выказанныя къ особѣ императора, еще не изгладились изъ памяти монарха и представляли ему герцога наиболѣе способнымъ орудіемъ къ возстановленію равновѣсія между воевавшими державами, къ спасенію Австріи и поддержанію католической вѣры. Какъ ни тяжело было высокомѣрію императора сознаться открыто въ прежней своей опрометчивости и настоящей крайности, какъ ни больно было ему съ высоты своего повелѣвающаго достоинства снизойти до просьбъ, какъ ни была подозрительна вѣрность такого непримиримаго и такъ жестоко оскорбленнаго человѣка, какъ громко и настойчиво ни выражали испанскій министръ и курфюрстъ Баварскій свое неодобреніе—необходимость преодо-

дѣла все остальное, и друзьямъ герцога поручено было вывѣдать его намѣренія и показать ему издали возможность возвращенія прежней власти.

Извѣщенный обо всемъ, что было говорено въ кабинетѣ императора въ его пользу, онъ имѣлъ довольно твердости скрыть внутреннее торжество и играть роль равнодушнаго. Настало время мщенія, и надменное его сердце ликовало при мысли отплатить съ лихвою императору за всѣ испытанныя оскорбленія. Съ искусственнымъ жаромъ распространялся онъ о счастливомъ спокойствіи частной жизни, которымъ наслаждался по удаленіи съ политической арены. Онъ увѣрялъ, что слишкомъ долго наслаждался прелестью независимости и досуга, чтобы пожертвовать ими ничтожному призраку славы и измѣнчивой благосклонности царской, что всѣ его стремленія къ величію и могуществу погасли и что спокойствіе составляетъ единственную цѣль его желаній. Чтобы не обнаружить своего нетерпѣнія, онъ отклонилъ приглашеніе явиться ко двору императора, но переѣхалъ въ Цнаймъ, въ Моравіи, чтобы облегчить переговоры со дворомъ.

Сначала пытались ограничить обширность поручаемой ему власти присутствіемъ агента и хотя этою мѣрою успокоить курфюрста Баварскаго. Послы императора, Квестенбергъ и Верденбергъ, старые друзья герцога (почему и были избраны для этихъ скользкихъ переговоровъ), имѣли приказаніе упомянуть въ своемъ предложеніи о королѣ венгерскомъ, который долженъ былъ находиться при арміи и изучать военное искусство подъ руководствомъ Валленштейна. Но уже одно произнесеніе этого имени грозило прерваніемъ переговоровъ. „Никогда не соглашусь я терпѣть помощника въ моей арміи,—сказалъ герцогъ,—хотя бы самъ Богъ захотѣлъ раздѣлить со мной начальство!“ Но и тогда, когда этотъ ненавистный пунктъ былъ уничтоженъ, напрасно императорскій любимецъ и министръ, князь Эггенбергъ, вѣрный другъ и защитникъ Валленштейна, лично къ нему отправленный, истощалъ все свое краснорѣчіе, чтобы одолѣть притворное отвращеніе герцога отъ командованія. „Монархъ,—сознавался министръ,—потерялъ въ Валленштейнѣ драгоцѣнный камень своей короны; но не добровольно и не безъ сопротивленія рѣшился онъ на этотъ шагъ, въ которомъ всегда раскаявался, и его уваженіе и милость къ герцогу остались неизмѣнными. Яснымъ тому доказательствомъ можетъ служить та безпредѣльная довѣренность, съ какою обращаются къ его вѣрности и дарованіямъ, способнымъ поправить ошибки предмѣстниковъ и перемѣнить положеніе дѣлъ. Пожертвовавъ справедливымъ негодованіемъ пользѣ отечества, онъ поступитъ благородно и великодушно и удвоеннымъ жаромъ своего усердія опровергнетъ всѣ клеветы своихъ противниковъ“. „Эта побѣда надъ самимъ собою,—сказалъ князь въ заключеніе,—будетъ вѣнцомъ его великихъ заслугъ и сдѣлаетъ его величайшимъ человѣкомъ своего времени“.

Эти постыдныя признанія и лестныя для него увѣренія, казалось, наконецъ обезоружили гнѣвъ герцога; но только изливъ всѣ упреки противъ императора, накипѣвшіе у него на сердцѣ, изобразивъ яркими красками всю громадность своихъ заслугъ и глубоко унизивъ монарха, искавшаго теперь его помощи, внялъ онъ заманчивымъ предложеніямъ министра. Какъ будто поддаваясь одной силѣ этихъ доказательствъ, онъ съ гордымъ великодушіемъ согласился на то, что было пламеннѣйшимъ

желаніемъ его души, и осчастливилъ посла лучемъ надежды. Но далекій отъ мысли, чтобы безусловнымъ и полнымъ удовлетвореніемъ разомъ окончить всѣ затрудненія императора, онъ исполнилъ только часть его требованій, чтобы тѣмъ возвысить цѣну остальной, важнѣйшей части. Онъ принялъ начальство, но всего на три мѣсяца, чтобы только *вооружить* армію, а не *предводительствовать* ею. Онъ только хотѣлъ высказать свою способность и силу этимъ творческимъ дѣломъ и показать императору вблизи всю важность помощи, зависѣвшей отъ Валленштейна. Увѣренный въ томъ, что армія, вызванная изъ ничего однимъ его именемъ, безъ творца своего снова обратится въ ничто, она должна была служить для него одною приманкою для исторженія у государя гораздо важнѣйшихъ правъ; но Фердинандъ былъ доволенъ и этимъ выигрышемъ.

Валленштейнъ не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе, надъ которымъ вся Германія смѣялась, какъ надъ несбыточною мечтою и которое самому Густаву-Адольфу казалось чрезмѣрнымъ. Но основаніе къ этому предпріятію давно уже было положено, и теперь онъ только пустилъ въ ходъ машину, которую готовилъ для этой цѣли въ теченіе многихъ лѣтъ. Едва разнесся слухъ о вооруженіи Валленштейна, какъ со всѣхъ концовъ Австрійской монархіи начали стекаться солдаты толпами, чтобы испытать свое счастье подъ начальствомъ этого опытнаго полководца. Многіе, уже сражавшіеся подъ его знаменами, удивлявшіеся его величію, какъ очевидцы, и испытавшіе его великодушіе, услышавъ этотъ зовъ, выступили изъ неизвѣстности, чтобы во второй разъ раздѣлить съ нимъ славу и добычу. Значительность обѣщаннаго жалованья приманивала тысячи, а хорошее продовольствіе, выпадавшее на долю солдата на счетъ крестьянина, побуждало послѣдняго лучше вступить самому въ это сословіе, чѣмъ страдать подъ его гнетомъ. Всѣ австрійскія области принуждены были участвовать въ этомъ дорого-стоющемъ вооруженіи; ни одно сословіе не избавлялось отъ указанныхъ налоговъ; никакія достоинства, никакія привилегіи не освобождали отъ поголовной подати. Испанскій дворъ и король венгерскій внесли значительныя суммы; министры дѣлали огромныя пожертвованія, и самъ Валленштейнъ истратилъ 200 т. талеровъ собственныхъ денегъ, чтобы ускорить вооруженіе. Бѣднѣйшимъ офицерамъ помогалъ онъ изъ собственнаго кармана и своимъ примѣромъ, блестящимъ производствомъ и еще болѣе блестящими обѣщаніями побудилъ богачей набирать войска на собственный счетъ. Кто набиралъ отрядъ на свои деньги, тотъ и дѣлался его начальникомъ. При опредѣленіи офицеровъ вѣра не принималась въ разсчетъ; гораздо болѣе вѣры уважались богатство, храбрость и опытность. Такимъ безпристрастіемъ къ людямъ различныхъ исповѣданій, а еще болѣе объявленіемъ, что настоящее вооруженіе не имѣетъ никакой связи съ вѣрою, протестантскіе подданные были успокоены и побуждены къ равному участію въ общественныхъ тягостяхъ. Герцогъ не преминулъ въ то же время вступить отъ своего имени въ переговоры съ иностранными государствами насчетъ солдатъ и денегъ. Онъ побудилъ герцога Лотарингскаго вооружиться вторично за императора; Польша должна была поставить ему казаковъ, Италія — военные припасы. Еще прежде истеченія трехъ мѣсяцевъ армія, собравшаяся въ Моравіи, уже составляла не менѣе 40,000 человѣкъ, набранныхъ большею частью въ

остальной Чехіи, въ Моравіи, Силезіи и нѣмецкихъ областяхъ австрійскаго дома. Что всякому казалось невозможнымъ, то Валленштейнъ, къ удивленію всей Европы, совершилъ въ самое короткое время. Волшебная сила его имени, его золота и его генія вооружила столько тысячъ, сколько не надѣялись до него собрать сотенъ. Снабженная съ излишкомъ всѣмъ необходимымъ, предводимая опытными офицерами и воспаленная восторгомъ, обѣщающимъ побѣду, эта вновь созданная армія ждала только мановенія своего предводителя, чтобы подвигами храбрости оправдать его ожиданія.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе, и армія въ совершенной готовности стояла въ полѣ; теперь онъ сошелъ со сцены и предоставилъ императору назначить ей полководца. Но найти для него другаго вождя, кромѣ Валленштейна, было бы такъ же трудно, какъ и собрать другую такую армію. Это многообѣщавшее войско, послѣдняя надежда императора, разлетѣлось бы призракомъ, едва чары, вызвавшія его къ жизни, перестали бы дѣйствовать. Оно существовало Валленштейномъ; безъ него оно обратилось бы въ прежнее небытіе, какъ созданіе волшебства. Офицеры были или обязаны ему, какъ должники, или, какъ заимодавцы, связаны въ своихъ интересахъ съ существованіемъ его власти; полки подчинилъ онъ своимъ родственникамъ, своимъ креатурамъ, своимъ любимцамъ. Одинъ онъ и больше никто—могъ сдержать чрезмѣрныя обѣщанія войскамъ, которыми онъ заманилъ ихъ къ себѣ на службу. Данное имъ слово было единственнымъ обезпеченіемъ для отважныхъ ожиданій каждаго; слѣпая вѣра въ его всемогущество—единственною связью, соединявшею различныя побужденія ихъ рвенія въ дѣятельное единодушіе. Исчезли бы надежды каждаго, еслибы оставилъ ихъ тотъ, кто ручался за ихъ исполненіе.

Какъ ни мало думалъ герцогъ о серьезномъ сопротивленіи, тѣмъ не менѣе онъ счастливо воспользовался этимъ средствомъ угрозы, чтобы заставить императора согласиться на безмѣрныя свои требованія. Успѣхи непріятеля съ каждымъ днемъ увеличивали опасность, а помощь была такъ близка; отъ одного человѣка зависѣло положить скорый конецъ общественному бѣдствію. Итакъ, князь Эггенбергъ получилъ въ третій и послѣдній разъ повелѣніе—цѣною какихъ бы то ни было жертвъ убѣдить своего друга принять начальство.

Онъ нашелъ его въ Цнаймѣ, въ Моравіи, окруженнаго войскомъ, такъ много льстившимъ надеждамъ императора. Высокомѣрный подданный принялъ посла своего государя, какъ просителя. „Никогда, — отвѣчалъ герцогъ,—не повѣритъ онъ возстановленію своей власти, которому обязанъ одной крайности, а не справедливости императора. Хотя теперь, когда опасность достигла высочайшей степени и единственно отъ *его* руки ждутъ спасенія — теперь ищутъ его; но оказанныя услуги и ихъ виновникъ скоро забудутся, и прежняя безопасность породитъ прежнюю неблагодарность. Вся его слава будетъ поставлена на карту, если онъ обманетъ порожденныя имъ надежды,—его счастье и спокойствіе, если ему удастся удовлетворить имъ. Скоро пробудится прежняя ненависть, и зависимый монархъ не усомнится во второй разъ пожертвовать обстоятельствамъ ненужнымъ слугою. Лучше ему оставить теперь добровольно мѣсто, съ котораго, рано или поздно, низвергнетъ его коварство. Только отъ частной жизни ожидаетъ онъ спокойствія и безопасности, и

единственно, чтобы выручить императора, онъ оставилъ на-время и неохотно свое блаженное уединеніе".

Утомленный долгимъ мороченьемъ, министръ перемѣнилъ тонъ и сталъ грозить упрямому герцогу всѣмъ гнѣвомъ монарха, если онъ будетъ продолжать сопротивленіе. „Довольно унижалось достоинство императора,—возразилъ онъ,—и вмѣсто того, чтобы снисхожденіемъ тронуть ваше высокомѣріе, только умножило ваше упорство. Если и эта огромная жертва будетъ принесена напрасно, то я не поручусь, чтобы проситель не превратился въ повелителя и монархъ не отомстилъ на мятежномъ подданномъ своего оскорбленнаго достоинства. Сколько бы ни погрѣшилъ Фердинандъ, *императоръ* можетъ требовать повиновенія. *Человѣкъ* можетъ заблуждаться, но *государь* не можетъ сознаться въ своемъ проступкѣ. Если герцогъ Фридландскій пострадалъ отъ несправедливаго приговора, то все это можетъ быть вознаграждено, и высочайшая власть въ состояніи исцѣлить раны, нанесенныя ею самой. Императоръ не откажетъ вамъ ни въ одномъ справедливомъ требованіи въ обезпеченіе вашей особы и достоинства. Одно оскорбленіе величества не можетъ быть заглажено и неисполненіе его приказаній уничтожаетъ самыя блестящія заслуги. Императоръ *нуждается* въ вашей службѣ и *требуетъ* ея, какъ императоръ. Чего бы это ни стоило, императоръ согласится на все; но онъ требуетъ повиновенія, или тяжесть его гнѣва сокрушитъ непокорнаго слугу".

Валленштейнъ, обширныя помѣстья котораго находились въ предѣлахъ Австрійской монархіи и, слѣдовательно, въ полной власти императора, понималъ все значеніе этихъ угрозъ; но не страхъ преодолѣлъ наконецъ его притворное упорство. Именно этотъ повелительный тонъ показалъ ему слишкомъ ясно безсиліе и отчаяніе императора, а готовность, съ какою тотъ соглашался на всѣ его требованія, удостовѣряла его, что онъ достигъ цѣли своихъ желаній. Итакъ, онъ уступилъ теперь краснорѣчію Эггенберга и оставилъ его, чтобы написать свои требованія.

Не безъ боязни ожидалъ министръ условій, которыя надменнѣйшій изъ подданныхъ осмѣливался предписывать высокомѣрнѣйшему изъ государей. Хотя мало ожидалъ онъ отъ скромности своего друга, но требованія его превзошли самыя ожиданія министра. Валленштейнъ требовалъ полной власти надъ всѣми нѣмецкими арміями австрійскаго и испанскаго дома и неограниченной власти наказывать и награждать. Ни король венгерскій, ни самъ императоръ не должны были являться въ армію и того менѣе вмѣшиваться въ его распоряженія. Императору не раздавать ни мѣстъ, ни наградъ, ни жалованныхъ граматъ въ арміи безъ утвержденія Валленштейна. Все, что будетъ конфисковано и завоевано, отдать въ полное распоряженіе герцога Фридландскаго, помимо всѣхъ императорскихъ и государственныхъ судовъ. Себѣ въ награду требовалъ онъ императорскую наслѣдственную область и еще другую, изъ числа завоеванныхъ въ имперіи; кромѣ того, онъ требовалъ свободнаго прохода, въ случаѣ надобности, черезъ всѣ австрійскія земли, утвержденія за нимъ, при будущемъ мирѣ, герцогства Мекленбургскаго и заблаговременнаго извѣщенія, еслибы нашли за нужное лишить его вторично начальства надъ арміею.

Напрасно убѣждалъ его министръ уменьшить свои требованія, лишавшія императора всей власти надъ войскомъ и подчинявшія его сво-

ему же полководцу. Ему представили его услуги слишкомъ неизбѣжными, чтобы онъ сталъ отказываться отъ цѣны, какою они могли быть куплены. Если сила обстоятельствъ принудила императора согласиться на эти требованія, то не одна мстительность и высокомѣріе побудили герцога *предписать* ихъ.

Планъ будущаго возмущенія былъ составленъ, и при этомъ никто не могъ отказываться отъ преимуществъ, которыми Валленштейнъ старался соперничать съ дворомъ. Планъ этотъ требовалъ, чтобы вся власть въ Германіи была отнята у императора и передана въ руки его генерала. Какъ скоро Фердинандъ соглашался на это условіе — цѣль была достигнута. Употребленіе, какое Валленштейнъ намѣревался сдѣлать изъ своей арміи — конечно, не имѣвшее ничего общаго съ цѣлью, для какой она ему поручалась—не допускало никакой *раздѣленной* власти, а еще менѣе *высшаго* авторитета при войскѣ. Чтобы быть единственнымъ владыкою ихъ помышленій, онъ долженъ былъ являться войскамъ, какъ единственный владыка ихъ судьбы; чтобы непримѣтно заступить мѣсто своего повелителя и присвоить себѣ права величества, уступленныя ему на время высочайшею властью, онъ долженъ былъ старательно удалять послѣднюю отъ взоровъ войска. Вотъ настоящая причина его упорнаго сопротивленія—имѣть при арміи принца австрійскаго дома! Право распоряжаться произвольно всѣмъ конфискованнымъ и завоеваннымъ въ имперіи представляло ему опасное средство пріобрѣтать приверженцевъ и послушныхъ исполнителей своей воли и сдѣлаться диктаторомъ Германіи съ властью, гораздо болѣе той, какою пользовался императоръ въ мирное время. Имѣя право пользоваться австрійскими землями, въ случаѣ надобности, какъ мѣстомъ убѣжища, онъ могъ держать императора въ его собственномъ государствѣ и его собственными войсками, какъ плѣнника, высасывать мозгъ изъ ихъ земель и поколебать австрійское могущество въ самомъ основаніи. Что́ бы потомъ ни случилось, онъ обезпечилъ себя условіями, исторгнутыми у императора. Еслибы обстоятельства стали благопріятствовать дерзкимъ его намѣреніямъ, то этотъ договоръ съ императоромъ облегчалъ ихъ исполненіе; въ противномъ случаѣ, этотъ же самый договоръ вознаграждалъ его блистательнѣйшимъ образомъ. Но могъ ли онъ считать дѣйствительнымъ договоръ, исторгнутый у своего государя и основанный на преступленіи? Могъ ли онъ надѣяться связать императора условіями, которыя давшаго ихъ обрекали на смерть? Но этотъ достойный смерти преступникъ былъ теперь *необходимѣйшій* человѣкъ во всей монархіи, и Фердинандъ, искушенный въ притворствѣ, согласился на всѣ его требованія.

Итакъ, императорская армія имѣла, наконецъ, полководца, заслуживающаго это имя. Всякая посторонняя власть въ арміи, даже самого императора, прекращалась съ того самаго мгновенія, когда жезлъ главнокомандующаго переходилъ въ руки Валленштейна, и все, что проистекало не отъ *него*, было недѣйствительно. Отъ береговъ Дуная до Везера и Одера почувствовали животворное восхожденіе новой планеты. Новое мужество одушевляетъ солдатъ императора, новая эпоха войнъ начинается. Новыя надежды ободряютъ папистовъ, и протестанты съ безпокойствомъ глядятъ на перемѣну положенія дѣлъ.

Одно слѣпое довѣріе къ военному счастью и превосходному генію герцога Фридландскаго внушило императору твердость, вопреки пред-

ставленіямъ Баваріи и Испаніи и во вредъ собственной власти, вручить этому властолюбивому человѣку такую неограниченную власть. Но продолжительное бездѣйствіе Валленштейна со времени втораго назначенія его поколебало вѣру въ его непобѣдимость, а несчастное сраженіе подъ Люценомъ разрушило ее совершенно. Теперь проснулись снова его враги при дворѣ Фердинанда, и ихъ представленія имѣли желанный успѣхъ у монарха, промахнувшагося въ своихъ надеждахъ и потому недовольнаго. Они подвергали всѣ поступки герцога самой ядовитой критикѣ, напоминали завистливому монарху его гордое упорство и непослушаніе, призывали на помощь жалобы австрійскихъ подданныхъ на безмѣрныя его притѣсненія, дѣлали подозрительною самую вѣрность герцога и коварно намекали на тайныя его намѣренія. Эти обвиненія, оправдываемыя поведеніемъ герцога, не преминули пустить глубокіе корни въ душѣ Фердинанда, но шагъ былъ сдѣланъ, и обширную власть, однажды врученную герцогу, уже нельзя было отнять у него безъ большой опасности. Уменьшить ее незамѣтно—вотъ все, что оставалось императору.

XLI. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ЗАМЫСЛЫ И ПРОЭКТЫ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

(Изъ статьи Брикнера по соч. Ранке: „Geschichte Wallenstein's" „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1871 г.).

Постепенное возвышеніе Валленштейна привело его къ господствующей роли въ австрійскихъ земляхъ и вообще во всей Германской имперіи, но ненасытное честолюбіе и властолюбіе влекло его все далѣе и далѣе. Увлеченный быстрыми успѣхами, онъ хотѣлъ возвысить авторитетъ имперіи и императора во всей Европѣ, связывая съ этимъ свое собственное возвышеніе. Вліяніе Валленштейна на европейскія дѣла развивалось постоянно. Онъ былъ занятъ составленіемъ самыхъ обширныхъ политическихъ проэктовъ; такъ, онъ мечталъ о нападеніи на Голландскую республику, чтобы нанести этимъ ударъ выгодному положенію ея въ отношеніи торговли, надѣялся отрѣзать голландцевъ отъ сѣвера, откуда они получали матеріалъ для кораблестроенія; далѣе, по его мнѣнію, императоръ могъ завладѣть Зундскимъ проливомъ и затѣмъ воспользоваться зундскою пошлиною, какъ весьма выгоднымъ средствомъ для поправленія финансовъ. Кромѣ того, онъ считалъ возможнымъ завоеваніе Польши для императора. Довольно любопытно его предположеніе наградить Густава-Адольфа Норвегіей въ томъ случаѣ, еслибы шведскій король рѣшился дѣйствовать заодно съ императоромъ и Испаніей. Данія тогда сдѣлалась бы императорскимъ леномъ, которымъ бы управлялъ Густавъ-Адольфъ, въ качествѣ вассала Фердинанда II; Лифляндія должна была оставаться шведскою провинціею; вражда между Польшей и Швеціей прекратилась бы совершенно. По мнѣнію Валленштейна, императоръ, въ качествѣ главы христіанства, не могъ терпѣть дальнѣйшей войны между Швеціей и Польшею. Такимъ образомъ Фердинандъ II долженъ былъ сдѣлаться судьею въ спорахъ между европейскими государями.

Другой не менѣе обширный планъ относился къ восточному вопросу.

Валленштейнъ хотѣлъ возобновить войну съ Турціей. Прежде всего Валленштейнъ, по своему обыкновенію обращая особенное вниманіе на финансовую сторону таковыхъ предпріятій, составилъ смѣту, по которой походъ противъ турокъ долженъ былъ стоить семь милліоновъ талеровъ, и указалъ на источники, изъ которыхъ бы можно было покрыть эту сумму. Онъ надѣялся собрать войско въ 100,000 человѣкъ; соединенные флоты испанскій, венеціянскій и папскій должны были аттаковать Константинополь съ моря. Въ продолженіе трехъ лѣтъ можно будетъ, думалъ Валленштейнъ, покончить съ турками, земли которыхъ онъ хотѣлъ раздѣлить между союзниками, участвовавшими въ войнѣ, на томъ однако условіи, чтобы земли эти считались ленами императора. Валленштейнъ и Тилли занимались уже разработкою подробностей предполагаемаго похода. Папскій нунцій старался убѣдить папу въ необходимости присоединиться къ этому предпріятію. Нѣкоторыя мѣры уже были приняты для приведенія всего этого въ исполненіе, но ходъ политики въ самой Германіи долженъ былъ измѣнить направленіе мыслей Валленштейна. Нужно было сражаться въ самой Германіи, осаждать Магдебургъ и Штральзундъ и готовиться къ борьбѣ съ Швеціей.

Равнодушный въ отношеніи къ различію исповѣданій, Валленштейнъ не столько думалъ о торжествѣ католицизма въ Германіи, сколько о коренныхъ измѣненіяхъ въ учрежденіяхъ имперіи. Поэтому онъ на каждомъ шагу нарушалъ суверенныя права территоріальныхъ князей и сталкивался столь же часто съ католическими, какъ и съ протестантскими государями. Его система повсемѣстныхъ контрибуцій, его неуваженіе къ нейтралитету или къ самостоятельности того или другаго государя должны были имѣть слѣдствіемъ разрывъ между Валленштейномъ и католическою лигою. Путемъ военной диктатуры онъ хотѣлъ создать соединенную въ одно цѣлое Германію, предоставить императору такія же права во всей Германіи, какими пользовались короли испанскій и французскій въ своихъ земляхъ. Императорская власть должна была сдѣлаться наслѣдственною. Германія должна была сдѣлаться государствомъ наравнѣ съ другими большими монархіями. Густавъ-Адольфъ однажды замѣтилъ, что устарѣвшія учрежденія Германской имперіи отжили свой вѣкъ и могутъ быть сравнены съ грудою развалинъ, годною развѣ только для того, чтобы служить жилищемъ для крысъ и мышей. Также и Валленштейнъ считалъ время удобнымъ для того, чтобы сломить средневѣковую конституцію имперіи. Потому-то онъ и намѣревался принять самыя крутыя мѣры противъ духовенства, имѣвшаго столь важное политическое значеніе въ Германіи. Онъ сильно возставалъ противъ религіознаго фанатизма, обѣщалъ мекленбуржцамъ быть покровителемъ ихъ протестантской религіи и требовалъ отъ императора отмѣны реституціоннаго эдикта, лишившаго протестантовъ многихъ земель и выгодъ, которыми они пользовались отчасти уже съ первой половины XI в. Онъ мечталъ о возстановленіи равновѣсія между религіозными партіями въ Германіи. Однажды онъ замѣтилъ, что къ привилегіямъ каждаго нѣмца должно отнести также и свободу совѣсти. Всѣмъ было извѣстно, что онъ хотѣлъ противодѣйствовать испанской и іезуитской пропагандѣ. По временамъ протестанты считали его своимъ защитникомъ: его кончина была для нихъ страшнымъ ударомъ, и послѣ 1634 г. католическая реакція шла гораздо успѣшнѣе прежняго.

*

При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться тому, что представители испанскихъ и римскихъ интересовъ считали Валленштейна крайне опаснымъ. Отъ него, пожалуй, можно было ожидать нападенія на самый Римъ. Разсказывали, будто Валленштейнъ замѣтилъ, что пора опять когда-нибудь поживиться разграбленіемъ Рима, гдѣ со времени послѣдняго случая взятія этого города (а именно войсками императора Карла V подъ начальствомъ коннетабля Карла Бурбонскаго въ 1526 г.) накопилось въ продолженіе цѣлаго вѣка множество богатствъ и сокровищъ.

Воображеніе Валленштейна постоянно питалось такими громадными планами. Онъ только и мечталъ, что о большихъ катастрофахъ, о заговорахъ и переворотахъ. Однажды онъ возымѣлъ мысль отправиться противъ Парижа и нанести страшный ударъ Франціи. Онъ одновременно состоялъ въ связи со всевозможными партіями, которыя, однако, никогда не располагали имъ, потому что онъ всегда руководствовался личными выгодами. Такъ, напр., онъ то не хотѣлъ допустить конфискованія имущества протестантовъ, потому что желалъ препятствовать торжеству католицизма, то настаивалъ именно на такой конфискаціи, потому что тѣмъ самымъ, участвуя въ добычѣ, пріобрѣталъ средства для содержанія войска.

Такой образъ дѣйствій Валленштейна долженъ былъ заставить германскихъ князей думать о средствахъ, чтобъ избавиться отъ его военной диктатуры. Они объявили Фердинанду II, желавшему избранія своего сына въ римскіе короли, что если Валленштейнъ останется во главѣ императорскаго войска, то они скорѣе выберутъ римскимъ королемъ Людовика XIII, чѣмъ сына императора. Разставаясь вслѣдствіе этого съ Валленштейномъ, лишая его достоинства главнокомандующаго, императоръ не показалъ, однако, ни малѣйшаго нерасположенія къ нему, а, напротивъ того, при первомъ удобномъ случаѣ возвратилъ ему прежнюю власть. Только Валленштейнъ, во второй разъ сдѣлавшись сильнѣйшимъ лицомъ въ Германіи, еще менѣе прежняго считалъ себя связаннымъ программой императора и продолжалъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. Важнѣе всего сближеніе Валленштейна съ Швеціей и Франціей. Онъ вступилъ въ переговоры съ Густавомъ-Адольфомъ и строго порицалъ образъ дѣйствій императора и его представителей въ Богеміи. Напрасно, говорилъ онъ, чехи довольствовались тѣмъ, что выбросили Мартиница и Славату изъ окна: ихъ просто-на-просто слѣдовало убить. Густавъ-Адольфъ предлагалъ Валленштейну отрядъ въ 12,000 человѣкъ шведскаго войска съ 12 пушками для веденія войны противъ императора въ Австрійскихъ земляхъ. За это Густавъ-Адольфъ обѣщалъ ему достоинство вице-короля въ Богеміи. Еще въ то время, когда, недалеко отъ Нюрнберга, Густавъ-Адольфъ старался принудить Валленштейна къ сраженію, шведскій король пригласилъ послѣдняго возобновить прежніе переговоры и явиться лично для этой цѣли въ шведскій лагерь. Однако Валленштейнъ не согласился на предложеніе, принятіе котораго предоставило бы ему и Густаву-Адольфу безусловный перевѣсъ во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. И послѣ кончины Густава-Адольфа не прекращались сношенія Валленштейна со шведами; онъ велъ переговоры съ канцлеромъ Оксенштирна. Его честолюбіе не знало предѣловъ. Уже въ двадцатыхъ годахъ ходили слухи, будто Валленштейнъ сдѣлается датскимъ королемъ. Затѣмъ онъ требовалъ, чтобы послѣ смерти курфюрста Мак-

симиліана Баварскаго курфюршеское достоинство перешло къ нему; онъ надѣялся создать большое государство въ южной Германіи, присоединивъ къ Баваріи еще Вюртембергъ и Баденъ-Дурлахъ. Такое положеніе доставило бы ему возможность, при переговорахъ о мирѣ, быть самымъ вліятельнымъ лицомъ и рѣшать дѣла въ Германіи по своему усмотрѣнію.

Самые разнообразные проэкты явились еще въ головѣ Валленштейна въ послѣднее время его жизни. Такъ, онъ стремился къ тому, чтобы сдѣлаться римскимъ королемъ, и на этотъ счетъ велъ переговоры съ Парижскимъ кабинетомъ. Достиженіе этой цѣли могло считаться легко возможнымъ, лишь бы ему удалось сдѣлаться королемъ богемскимъ. Одновременно съ этими предположеніями Валленштейнъ говорилъ о своей готовности отказаться отъ должности главнокомандующаго императорскими войсками, на томъ, однако, условіи, чтобы ему были возвращены тѣ значительныя суммы, которыя онъ употребилъ на жалованье императорскимъ генераламъ.

При такихъ проэктахъ Валленштейна столкновеніе между нимъ и императоромъ Фердинандомъ становилось неизбѣжнымъ.

XLII. Разрывъ съ императоромъ и гибель Валленштейна.

(Сост. по соч. Ранке: „Ceschichte Wallenstein's").

Когда при императорскомъ дворѣ сдѣлалось извѣстно, что Валленштейнъ вступилъ въ тайную переписку съ шведскимъ канцлеромъ Акселемъ Оксенштирна и стремится заключить миръ, хотя бы противъ воли императора, то рѣшено было ограничить его власть главнокомандующаго и подготовить ему преемника. Президентъ военнаго совѣта Шликкъ, при поѣздкѣ въ главную квартиру, передалъ генераламъ Валленштейна нѣсколько неясное порученіе—дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы императоръ въ случаѣ, еслибы произошла перемѣна въ положеніи герцога, могъ разсчитывать на ихъ полнѣйшую преданность. Валленштейну это было небезъизвѣстно, но онъ считалъ, или по крайней мѣрѣ показывалъ видъ, что считаетъ эти происки слѣдствіемъ лишь личной непріязни между нимъ и президентомъ; „графъ Шликкъ подводитъ подъ меня мины,—говорилъ Валленштейнъ,—но съ моей стороны онъ встрѣтитъ контрмины". Онъ послалъ Пикколомини къ Коллорадо и Галласу вывѣдать, можетъ ли онъ, герцогъ, разсчитывать на нихъ. Три генерала собрались на совѣщаніе во Франкфуртѣ на Одерѣ и послѣ переговоровъ обѣщали Валленштейну всюду слѣдовать за нимъ, хотя въ то же время рѣшили оставаться вѣрными императору. Такимъ образомъ названные генералы, принадлежавшіе къ наиболѣе талантливымъ въ лагерѣ Валленштейна, съ самаго начала разногласій между императоромъ и главнокомандующимъ стали въ двусмысленное положеніе.

Между тѣмъ императоръ продолжалъ вести обычную переписку съ герцогомъ Фридландскимъ; но знаки довѣрія, выражаемые императоромъ въ своихъ письмахъ, не могли разсѣять въ душѣ герцога подозрѣній, что этимъ путемъ стараются только ввести его въ заблужденіе относи-

тельно дѣйствительнаго положенія дѣлъ; онъ хорошо зналъ, что при дворѣ обращаютъ вниманіе на всѣ слухи, клонящіеся ко вреду его, и понималъ, насколько дѣятельны и вліятельны его противники, враги.

Положеніе дѣлъ становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ. Испанскій посланникъ Оньяте говорилъ резиденту Тосканы, что онъ никогда въ своей жизни не находился въ большемъ затрудненіи. Онъ видѣлъ, что поведеніе Валленштейна угрожаетъ гибелью императорскому дому, но не могъ убѣдить въ этомъ ни Эггенберга, ни самого императора. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени, Оньяте писалъ, что если Валленштейнъ отважится „перейти Рубиконъ“, то онъ (Оньяте) не видитъ возможности противостоять ему. Далѣе онъ прямо говоритъ, что для того, чтобы не допустить гибели австрійскаго дома, необходимо такъ или иначе сдѣлать этого человѣка (Валленштейна) безвреднымъ, но ни у императора, ни у его министровъ нѣтъ отваги рѣшиться на такой шагъ, и потому онъ боится, что больной, т. е. императоръ, умретъ на его рукахъ безпомощнымъ.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Оньяте съ разныхъ сторонъ сталъ получать извѣстія, что Валленштейнъ находится въ сношеніяхъ съ Франціей, съ цѣлью произвести переворотъ въ Германіи, и что богемскіе эмигранты питаютъ надежду—съ помощью французовъ возложить на генерала богемскую корону. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ при испанскомъ дворѣ, то испанское правительство тотчасъ же поручило своему посланнику въ Вѣнѣ—немедленно предостеречь императора о грозящей ему опасности потерять наслѣдственныя земли и даже самую императорскую корону. Съ уликами въ рукахъ Оньяте явился къ Эггенбергу, а затѣмъ къ императору и съумѣлъ убѣдить ихъ въ измѣнническихъ намѣреніяхъ Валленштейна. Когда же, сверхъ того, испанскій посланникъ въ Баваріи донесъ, что курфюрстъ Максимиліанъ перейдетъ на сторону французовъ, если Валленштейнъ не будетъ лишенъ данныхъ ему полномочій, то удаленіе Валленштейна явилось необходимымъ. Оньяте высказывалъ уже опасеніе, что въ противномъ случаѣ Франція, вслѣдствіе своихъ военныхъ успѣховъ и путемъ политическихъ комбинацій, въ состояніи будетъ возвести на римскій престолъ императора не изъ австрійскаго дома; удаленіе же Валленштейна устраняло ему опасность и обезпечивало полную преданность со стороны курфюрста Баварскаго. Въ виду этого былъ созванъ особый совѣтъ, состоящій изъ Эггенберга, епископа вѣнскаго и графа фонъ-Траутсманндорфа. Не будучи врагами Валленштейна, они сначала полагали, что дѣло можно уладить ограниченіемъ полномочій главнокомандующаго; но противъ этого возстали духовникъ императора и графъ Шликкъ. Въ виду такого разногласія, нашли нужнымъ спросить мнѣнія другихъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣламъ государственнаго управленія. Почти всѣ спрошенные высказались противъ снисходительнаго образа дѣйствій по отношенію къ Валленштейну, такъ какъ онъ будто бы присвоилъ себѣ такую власть, которая подрываетъ авторитетъ самого императора, въ подтвержденіе чего указывалось на то обстоятельство, что Валленштейнъ отдавалъ на обсужденіе своего военнаго совѣта императорскія повелѣнія и инструкціи. Императоръ сначала не рѣшался совсѣмъ устранить Валленштейна, но это продолжалось недолго. Благодаря проискамъ посланниковъ, представителей австрійскаго дома и ревностнѣйшихъ католиковъ, въ виду опасности

потерять наслѣдственныя земли и даже корону, императоръ рѣшился устранить Валленштейна. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, необходимо было снискать преданность наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ войскѣ Валленштейна. Съ этою цѣлью былъ изданъ патентъ къ высшимъ и низшимъ начальникамъ войска, которымъ императоръ освобождалъ ихъ отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ главнокомандующему и обѣщалъ прощеніе и забвеніе всѣмъ тѣмъ, которые въ своей преданности Валленштейну зашли слишкомъ далеко, исключая самого Валленштейна и двухъ его ближайшихъ генераловъ. Содержаніе эдикта должно было оставаться тайною до объявленія главнокомандующаго измѣнникомъ, чтобы не произвести прежде времени раздѣленія въ арміи. Оффиціальныя сношенія продолжали вестись обычнымъ порядкомъ, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній ни въ канцеляріяхъ, ни въ главнокомандующемъ. Въ этомъ случаѣ вѣнскій дворъ дѣйствовалъ совершенно противоположно Валленштейну, который поступалъ несдержанно и шелъ, такъ сказать, напроломъ. Дворъ прежде всего постарался привлечь на свою сторону двухъ важнѣйшихъ генераловъ Валленштейна, находившихся въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ съ высшими правительственными сановниками, именно—Альдрингера и Пикколомини. Для переговоровъ съ ними былъ посланъ искусный дипломатъ Вальмероде. Привлечь этихъ генераловъ на сторону императора не представляло особеннаго затрудненія. Какъ скоро императоръ смѣнялъ главнокомандующаго, они считали своею обязанностью, своимъ долгомъ отдѣлиться отъ послѣдняго. Кромѣ того, оба они понимали, что при королѣ венгерскомъ (котораго намѣревались сдѣлать главнокомандующимъ вмѣсто Валленштейна) они займутъ болѣе высокое и болѣе независимое положеніе, чѣмъ какое когда-либо могли занять при Валленштейнѣ. Паденіе послѣдняго обусловливало ихъ возвышеніе. Альдрингеръ, однако, не подписалъ обязательства; Пикколомини же принадлежалъ къ такимъ людямъ, о которыхъ сразу можно было сказать, что они не считаютъ себя связанными своею подписью. Впрочемъ, вначалѣ они не замышляли насилія по отношенію къ Валленштейну. Въ засѣданіи тайнаго совѣта первоначально положено было арестовать Валленштейна, представить ему всѣ взводимыя на него обвиненія и выслушать его объясненія и оправданія. Оньяте съ самаго начала не соглашался съ этимъ рѣшеніемъ: онъ говорилъ, что легче и менѣе опасно лишить герцога жизни, чѣмъ арестовать его и укараулить. Рѣшено было, однако, сперва попытаться арестовать Валленштейна, и исполненіе этого рѣшенія поручено было двумъ вышеназваннымъ генераламъ. Для этого они отправились въ Пильзенъ. Дѣло оказалось, однако, невыполнимымъ: Валленштейнъ, какъ бы предчувствуя угрожающую ему опасность, перемѣнилъ гарнизонъ Пильзена и поставилъ такихъ начальниковъ, на неизмѣнную преданность которыхъ могъ положиться.

Вскорѣ послѣ этого Валленштейнъ собралъ ему подчиненныхъ военачальниковъ и старался уяснить имъ свои намѣренія. Онъ обѣщалъ имъ выплатить затраченныя ими суммы на комплектованіе и содержаніе войска, отрицалъ справедливость слуховъ, будто онъ замышляетъ нѣчто противъ императора и думаетъ перемѣнить религію. Онъ говорилъ, что цѣль его—установить прочный миръ, который, несомнѣнно, и не всѣмъ пріятенъ и желателенъ при императорскомъ дворѣ, но, по его мнѣнію, послужитъ единственно ко благу императора. Затѣмъ собрался военный

совѣтъ у Илло, который рѣшительно заявилъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшей причины измѣнить своему главнокомандующему и будетъ оставаться вѣрнымъ ему до послѣдней капли крови. То же самое заявили Терцкій, Шпарръ и многіе другіе. Лишь уполномоченный Пикколомини воздержался отъ выраженія полной преданности герцогу. Общее мнѣніе было то, что рыцарская честь обязываетъ всѣхъ оставаться вѣрными своему генералиссимусу. Въ этомъ смыслѣ было составлено и подписано новое обязательство, по которому подчиненные освобождались отъ своихъ обязанностей по отношенію къ герцогу, еслибы онъ вздумалъ предпринять что-либо противъ императора или религіи. Обязательство подчиненныхъ въ вѣрности, говорилъ Валленштейнъ, нужно ему для того, чтобы обезопасить себя отъ козней своихъ враговъ. На другой день полковникъ Моръ ф. Вальдтъ отправился въ Вѣну, чтобы сообщить императорскому двору содержаніе обязательства.

Насколько можно судить на основаніи предшествовавшей дѣятельности и даннаго положенія Валленштейна, въ настоящій моментъ главное намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы при помощи обоихъ сѣверогерманскихъ курфюрстовъ, именно Бранденбургскаго и Саксонскаго, устроить дѣла германскаго государства на основахъ религіознаго мира. При этомъ онъ имѣлъ также въ виду удовлетворить справедливыя претензіи арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить предѣлы собственныхъ владѣній и упрочить положеніе своего дома; кажется даже, что онъ имѣлъ въ виду тотчасъ же по достиженіи указанныхъ цѣлей сложить съ себя званіе главнокомандующаго и стать подъ начальство короля венгерскаго, котораго онъ все еще имѣлъ въ виду возвести на римскій престолъ. Теперь же, когда эта комбинація не удалась, онъ рѣшился не разставаться съ своей арміей, чтобы въ случаѣ неудачи мирныхъ переговоровъ имѣть возможность привести въ исполненіе свои намѣренія силою оружія.

Изъ писемъ Оньяте, относящихся къ этому времени, видно, что Валленштейнъ могъ бы быть въ дружбѣ и съ Испаніей, еслибы согласился слѣдовать ея политикѣ. Но это было невозможно: чтобы согласиться на это, Валленштейнъ долженъ былъ бы отречься отъ всего того, что онъ преслѣдовалъ въ теченіе всей своей жизни, т. е. отречься отъ установленія равноправности вѣроисповѣданій и независимости сѣверогерманскихъ и протестантскихъ элементовъ, причемъ разумѣлось полное устраненіе вліянія Испаніи на дѣла германскаго государства.

Вскорѣ дѣло приняло рѣшительный оборотъ.

Когда планъ ареста Валленштейна въ Пильзенѣ не удался, то рѣшено было объявить его измѣнникомъ и лишить званія главнокомандующаго. Валленштейнъ, получивши патентъ, сказалъ, обращаясь къ бывшему у него императорскому совѣтнику: „миръ былъ въ моихъ рукахъ“; затѣмъ, нѣсколько времени спустя, прибавилъ: „Господь справедливъ“.—Такимъ образомъ совершился окончательный разрывъ Валленштейна съ императоромъ.

Валленштейнъ хотя и зналъ вообще о замыслахъ своихъ противниковъ, но мелкіе происки враговъ были ему неизвѣстны; къ тому же онъ считалъ ниже своего достоинства обращать на нихъ вниманіе: въ противномъ случаѣ враги его не одержали бы надъ нимъ побѣды такъ легко. Онъ весь отдавался своимъ обширнымъ планамъ и проэктамъ,

въ которыхъ, несомнѣнно, общественные интересы перемѣшивались съ его личными цѣлями и намѣреніями, и отдавался съ такою увѣренностью въ успѣшномъ выполненіи своихъ плановъ, что эта увѣренность ослѣпила его самого. Остается только жалѣть, что его великія цѣли не были совершенно чужды мелкихъ и ложно-эгоистическихъ разсчетовъ и соображеній и не приводились въ исполненіе съ большею обдуманностью и осмотрительностью. Въ отношеніи къ своимъ генераламъ Валленштейнъ принималъ во вниманіе только то, насколько они обязаны ему личной благодарностью, и не обращалъ вниманія на то, что въ своемъ положеніи и въ другихъ отношеніяхъ они могутъ имѣть поводъ перейти во враждебный ему лагерь. Онъ слишкомъ много разсчитывалъ на данное ему обязательство. Императорскій эдиктъ, которымъ Валленштейнъ лишался своего званія главнокомандующаго, пришелъ совершенно неожиданно какъ для него самого, такъ и для его друзей. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, Валленштейнъ, однако, ни на минуту не покидалъ своихъ завѣтныхъ идей. Онъ черезъ Терцкаго приказалъ начальникамъ войскъ собраться въ Эгерѣ, куда рѣшилъ отправиться и самъ. Онъ съ величайшимъ удивленіемъ услыхалъ, что нѣкоторые изъ его генераловъ отказываются ему повиноваться, хотя бы императоръ и подвергъ его несправедливой опалѣ.

Изъ заявленій Валленштейна, относящихся къ этому времени и передаваемыхъ заслуживающими довѣрія свидѣтелями, въ особенности заслуживаютъ вниманія извѣстныя два его мнѣнія. Первое состояло въ томъ, что міръ долженъ засвидѣтельствовать, что императоръ можетъ быть и изъ какого-либо другаго дома, помимо австрійскаго, допускающаго управлять собою испанцевъ. Второе мнѣніе касается лично его самого. Онъ заявлялъ, что если императоръ не хочетъ болѣе признавать его своимъ господиномъ; что онъ легко могъ бы найти другаго государя, къ которому могъ бы примкнуть, но вообще уже не желаетъ болѣе имѣть надъ собою никакого господина, а желаетъ самъ себѣ быть господиномъ и имѣетъ достаточно средствъ стать таковымъ.

Теперь онъ еще не задавался вопросомъ, стремиться ли ему къ пріобрѣтенію Пфальца или даже самой венгерской короны. То, что онъ только-что испыталъ, возбуждало въ немъ честолюбіе—сбросить съ себя всякое подчиненіе другому и занять независимое положеніе среди властителей міра. Принятая имъ на себя политическая миссія давала ему поводъ добиваться такого положенія. И если этого нельзя было достигнуть, сохраняя доброе согласіе съ императоромъ, то это все-таки должно было случиться, хотя бы то наперекоръ императору и всему австрійскому дому.

Хотя въ своихъ дѣйствіяхъ онъ и не принималъ за исходный пунктъ именно эти идеи, но тѣмъ не менѣе онъ послѣдовательно стремился къ этой цѣли.

Когда Валленштейнъ, будучи подданнымъ и въ то же время владѣтельной особой, подъ авторитетомъ императора, но по собственному побужденію и на собственныя средства собралъ войско, взялся за оружіе, которое доставило ему славу знаменитаго полководца, какіе планы могли роиться въ его головѣ! Сдѣлаться ли королемъ Даніи, или уничтожить Турецкую имперію, или, спустя столѣтіе, снова ввести въ Римъ нѣмецкія войска, или разрушить іерархическую систему въ Германіи, лишивъ

власти курфюрстовъ и князей, и все это обратить на служеніе императору и австрійскому дому, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершить это и для собственнаго величія и могущества. При вторичномъ вступленіи на службу императора онъ, кромѣ того, надѣялся еще, въ согласіи съ императоромъ, установить миръ въ государствѣ съ условіемъ равноправности обоихъ вѣроисповѣданій. Къ этому направлено было все его личное честолюбіе, проникнутое въ то же время стремленіемъ къ идеалу. Затрудненія со стороны вѣнскаго двора онъ надѣялся превозмочь, занимая твердое положеніе во главѣ арміи. Случилось, однако, такъ, что ему пришлось столкнуться съ династическими интересами, представителемъ которыхъ явился рѣшительный и искусный дипломатъ-посланникъ, всецѣло отдавшійся идеѣ создать всемірную испанскую монархію. Когда, благодаря происками и вліянію этого дипломата, Валленштейнъ лишенъ былъ главнаго начальствованія надъ арміей, безусловное подчиненіе которой своимъ приказаніямъ онъ полагалъ въ основу своихъ плановъ (такъ какъ считалъ армію неразрывно связанной съ собою и такъ какъ уклониться, отступиться отъ своихъ плановъ было не въ его натурѣ), то онъ, скорѣе подъ давленіемъ обстоятельствъ, чѣмъ по напередъ обдуманному плану, рѣшился порвать всякую связь съ австрійскимъ домомъ и соединиться съ его противниками. Но такъ какъ къ этому ничего не было подготовлено, то это рѣшеніе ставило его въ ложное положеніе относительно Германской имперіи и въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ прошлымъ, ибо первоначально онъ самъ стоялъ за династическіе интересы и много способствовалъ соединенію обоихъ домовъ (австрійскаго и испанскаго): въ то время онъ являлся защитникомъ верховной власти въ наслѣдственныхъ земляхъ и боролся противъ верховныхъ правъ представителей имперіи. Все, что онъ когда-либо совершилъ, основывалось на авторитетѣ императора. Званіе императора пользовалось еще всеобщимъ почтеніемъ; всѣ тѣ, которые стремились къ уничтоженію наслѣдственной верховной власти, служившей основою европейскихъ государствъ и соціальнаго строя, не имѣли теперь почти никакой силы. Могъ ли при такихъ условіяхъ удасться Валленштейну его планъ?

Въ Вѣнѣ ни въ какомъ случаѣ не считали положенія дѣлъ безопаснымъ.

Императоръ намѣревался самъ отправиться въ Будвейсъ, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ оживить чувства законности и преданности, на которыя онъ теперь болѣе всего опирался. Венгерскій король просилъ позволенія сопутствовать ему. Королева съ своей стороны настаивала на необходимости просить немедленной помощи у Испаніи. Испанскій посланникъ настоятельно просилъ своего короля о чрезвычайной помощи, чтобы предотвратить угрожающія опасности. Если герцогъ Фридландскій пойдетъ далѣе,—писалъ онъ,—то онъ въ теченіи мѣсяца выгонитъ императора изъ Германіи.

Максимиліанъ Баварскій направился съ своими войсками къ Вильсгофену и Пассау, чтобы тамъ отразить ожидавшееся нападеніе со стороны соединенныхъ войскъ Валленштейна и веймарскихъ.

Галласъ долженъ былъ, оставаясь при императорѣ и королѣ, дѣлать военныя распоряженія въ Будвейсѣ, куда со всѣхъ сторонъ стягивались войска.

Пикколомини уже энергически дѣйствовалъ, какъ противникъ Вал-

ленштейна, и его войска имѣли уже стычки съ отрядами послѣдняго. Изъ Силезіи въ то же время приближался Коллорадо. Употреблялись всевозможныя средства, чтобы привлечь возможно большую часть войска Валленштейна на сторону императора. Дозволенъ былъ захватъ и конфискація имущества противниковъ императора.

Одинъ изъ подполковниковъ Терцкаго, ставшій на сторонѣ императора и самъ обѣщавшій привести ему свой полкъ, былъ не только сдѣланъ полковникомъ, но и получилъ письма къ другимъ офицерамъ Терцкаго, въ которыхъ подполковники, оставшіеся вѣрными императору и удержавшіе въ своемъ повиновеніи солдатъ, производились въ полковники, такъ же какъ майоры производились въ подполковники.

Среди одного изъ этихъ полковъ находился Валленштейнъ въ то время, когда отправлялся въ Эгеръ. Его астрологъ, говорятъ, прочиталъ въ звѣздахъ, что ему угрожаетъ большая опасность, но что онъ ее преодолѣетъ и достигнетъ величайшаго счастія. Валленштейнъ тѣмъ менѣе чувствовалъ опасеній, что гарнизонъ Эгера въ то время находился подъ начальствомъ двухъ шотландскихъ офицеровъ, подполковника Гордона и майора Лесли; оба они были протестанты, и казалось, что ихъ личныя симпатіи къ Валленштейну должны были еще болѣе увеличиться, когда онъ обнажитъ мечъ противъ испанцевъ и крайней католической партіи.

24 февраля, послѣ полудня, Валленштейнъ вошелъ въ Эгеръ: онъ ѣхалъ на носилкахъ, запряженныхъ двумя лошадьми; отъ прежняго королевскаго блеска не оставалось и тѣни; его сопровождали немногіе приближенные и небольшой отрядъ войска и притомъ такой, которому онъ не вполнѣ довѣрялъ. Драгуны полковника Бутлера должны были охранять двери дома, гдѣ онъ ночевалъ. Бутлеръ, которому Валленштейнъ такъ довѣрялъ, далеко не заслуживалъ его довѣрія: сопровождая Валленштейна въ Эгеръ, онъ велъ сношенія съ генералами, которые отложились отъ него. Онъ говорилъ, что скорѣе готовъ сто разъ умереть, чѣмъ поднять мечъ противъ императора; о своемъ же сопровожденіи Валленштейна онъ выражался, что этимъ путемъ Богъ ведетъ его, можетъ быть, къ совершенію какого-либо героическаго подвига; одному изъ генераловъ, именно Галласу, онъ даже прямо назвалъ этотъ подвигъ, именно: если будетъ нужно, взять въ плѣнъ или лишить жизни генералиссимуса. Такимъ образомъ Валленштейнъ самъ привелъ съ собою того, кто замышлялъ его погубить.

Когда прибылъ курьеръ, привезшій императорскіе патенты, Валленштейнъ пригласилъ на совѣщаніе Лесли и совершенно откровенно говорилъ ему о своихъ планахъ, о союзѣ съ Бернгардомъ Веймарскимъ, съ Бранденбургъ-Кульмбахомъ, а также съ Саксоніей и предупредилъ его, чтобы онъ принялъ въ Эгерѣ и Элленбогенѣ войска герцога Бернгарда. Лесли не ожидалъ, что дѣло зашло такъ далеко: это равнялось открытому отпаденію отъ императора. Лесли возвратился въ городъ совершенно пораженный тѣмъ, что узналъ отъ Валленштейна. Не менѣе его были поражены и другіе офицеры: имъ приходилось выбирать между Валленштейномъ и императоромъ. На слѣдующій день, 25-го февраля,

Илло, у котораго находился и Терцкій, пригласилъ къ себѣ трехъ офицеровъ и, въ противоположность императорскому патенту, требовалъ, чтобы они повиновались приказаніямъ одного только Валленштейна. Мо-

ментъ былъ рѣшительный. Гордонъ отвѣчалъ, что далъ присягу императору, и лишь въ томъ случаѣ, когда эта присяга будетъ съ него снята и онъ будетъ снова свободнымъ кавалеромъ, тогда онъ будетъ имѣть возможность принять то или другое рѣшеніе. Илло былъ смущенъ и молчалъ. Терцкій, обращаясь къ офицерамъ, сказалъ, что они, какъ иностранцы, не связаны съ императоромъ и что Валленштейнъ ихъ щедро наградитъ. Илло напомнилъ о неблагодарности австрійскаго дома, которую теперь испытывалъ на себѣ герцогъ. Но эти представленія не повели ни къ чему, хотя между собесѣдниками и не произошло открытаго разрыва. Такъ какъ дѣло было на масляницу, то Гордонъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ Илло и Терцкаго. Они согласились, надѣясь еще привлечь Гордона и другихъ на сторону Валленштейна. Между тѣмъ Гордонъ, Лесли и Бутлеръ обсуждали, какъ имъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Снова былъ предложенъ планъ арестовать генерала-герцога, но это найдено было неудобнымъ. Наконецъ, въ пылу горячихъ преній и всевозможныхъ соображеній, у Лесли вырвалось восклицаніе: „смерть этимъ измѣнникамъ!“ Бутлеръ былъ весьма радъ, что наконецъ была высказана его завѣтная мысль. Гордонъ послѣ нѣкотораго колебанія также согласился съ ними. Эти три офицера напомнили себѣ поговорку, что только мертвыхъ нечего бояться. Въ оправданіе себя они говорили, что, по ихъ мнѣнію, лишь этимъ путемъ можно было упрочить положеніе августѣйшаго австрійскаго дома.

Прежде всего рѣшено было покончить съ приближенными Валленштейна. Вечеринка у Гордона представляла какъ нельзя болѣе удобный къ тому случай. Бутлеръ предложилъ своихъ ирландцевъ для совершенія кроваваго дѣла, а Лесли отдалъ нужныя приказанія гарнизону. И вотъ, когда гости (Илло, Терцкій, Кинскій и ротмистръ Нейманнъ, исполнявшій должность канцлера при герцогѣ) сидѣли за ужиномъ, пили тосты за генерала и за успѣхъ его начинаній, Лесли велѣлъ поднять мосты и сказать начальнику отряда Бутлера, что настало время дѣйствовать. И онъ съ восклицаніемъ: „да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!“ ворвался съ своимъ отрядомъ въ столовую. Гордонъ, Лесли и Бутлеръ отвѣчали тѣмъ же восклицаніемъ, и—гости пали мертвыми. Въ городѣ межъ тѣмъ все было спокойно. Случайно произведенная тревога выстрѣломъ одного изъ караульныхъ, который по ошибкѣ принялъ Лесли за одного изъ убѣжавшихъ отъ Гордона, была тотчасъ же прекращена. Оставалось покончить съ Валленштейномъ. Герцогъ занималъ помѣщеніе въ одномъ изъ лучшихъ домовъ города. Отъ наружнаго входа вплоть до его комнатъ былъ постланъ коверъ. Этимъ путемъ и направились ирландскій капитанъ Деверну съ нѣсколькими солдатами, чтобы совершить второе кровавое дѣло. Валленштейнъ только-что принялъ ванну и намѣревался идти спать. Мундшенкъ, несшій ему кубокъ съ питьемъ, увидалъ идущихъ ирландцевъ и хотѣлъ остановить ихъ, чтобы они не обезпокоили герцога. Но его ранили и съ крикомъ: „измѣнники!“ ринулись въ покой Валленштейна. Услыхавъ тревогу, Валленштейнъ въ одной рубашкѣ подошелъ къ окну, вѣроятно, чтобы позвать стражу; но въ это время въ комнату ворвался капитанъ съ своими солдатами и закричалъ Валленштейну: „плутъ и измѣнникъ!“. Валленштейнъ пораженный прислонился къ столу, шевеля губами, но не произнося ни одного слова, съ широко распростертыми руками и подставивъ грудь свою подъ алебарду, кото-

рой Девернуа и поразилъ его. Трупъ его, завернутый въ красное сукно, былъ положенъ вмѣстѣ съ трупами убитыхъ у Гордона.

Въ городѣ еще все было спокойно: позднее время и буря, бушевавшая до полуночи, помѣшали распространиться извѣстію о случившемся. Драгуны Бутлера охраняли ворота и улицы. На утро были созваны офицеры гарнизона, и имъ было объявлено о случившемся: они дали клятву въ вѣрности императору, такая же клятва была взята и съ гражданъ.

Когда въ Вѣнѣ было получено извѣстіе объ умерщвленіи Валленштейна, то Оньяте воскликнулъ: „великую милость послалъ Господь австрійскому дому!“

Въ ряду великихъ генераловъ, Валленштейнъ стоитъ между Эссексомъ въ Англіи, Бирономъ во Франціи и Кромвеллемъ, по слѣдамъ котораго позднѣе шелъ могущественный корсиканецъ, съумѣвшій основать новую имперію. Какое же между ними различіе? Почему однимъ удалось достигнуть своихъ цѣлей, а другимъ нѣтъ? Эссексъ, желавшій принудить королеву Елизавету англійскую слѣдовать своей политикѣ, вопреки ея собственному желанію и желанію ея ближайшаго совѣтника; Биронъ, вступившій въ сношенія съ врагами своего короля; Валленштейнъ, рѣшительно и до нѣкоторой степени по праву поступавшій въ началѣ подобно первому и подъ конецъ подобно второму,—всѣ они должны были бороться съ наслѣдственными государями, авторитетъ которыхъ утвердился столѣтіями и былъ тѣсно связанъ со всѣми другими національными учрежденіями. Этотъ авторитетъ погубилъ ихъ. Въ иномъ положеніи находились Кромвелль и Наполеонъ: когда они вознамѣрились сдѣлаться независимыми, прежніе законные авторитеты были уже низвергнуты. Имъ оставалось бороться только съ республиканскими элементами, которые, при недостаткѣ сплоченности, не могли противостать предводителямъ цѣлыхъ армій. Что же касается собственно Валленштейна, то до извѣстной степени вѣрнымъ можно считать мнѣніе Оксенштирны, что „онъ погибъ главнымъ образомъ потому, что предпринималъ болѣе, чѣмъ могъ совершить“.

XLIII. ТРИДЦАТИЛѢТНЯЯ ВОЙНА ОТЪ СМЕРТИ ВАЛЛЕНШТЕЙНА ДО ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА.

(Составлено по соч. Вернике: „Die Geschichte der Neuzeit“, по соч. Вебера: „Allgemeine Weltgeschichte“ и др. соч.).

По смерти Валленштейна главное начальство надъ императорскою арміею поручено было сыну императора, Фердинанду, подъ руководствомъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ Галласа.

Осенью 1634 г. императорскія войска двинулись въ Баварію, снова овладѣли храбро защищаемымъ Регенсбургомъ и, въ соединеніи съ баварскою арміею, разбили на голову шведовъ въ кровопролитной битвѣ при Нордлингенѣ, который оставался вѣренъ шведамъ. Тутъ шведы, предводимые Бернгардомъ Веймарскимъ, потерпѣли полное пораженіе; 8,000 изъ нихъ остались на полѣ битвы; 6,000 были взяты въ плѣнъ, между послѣдними и Горнъ; Бернгардъ едва спасся самъ; всѣ шведскія

орудія, знамена, весь обозъ достались побѣдителямъ, и лишь при Франкфуртѣ удалось собрать остатки разсѣянной шведской арміи.

Это сраженіе, данное Бернгардомъ наперекоръ опытному въ бояхъ Горну, совершенно измѣнило положеніе дѣлъ въ Германіи, уничтоживъ перевѣсъ шведовъ. Бернгардъ ушелъ въ Лотарингію искать помощи у французовъ. Императорскія войска заняли Франконію и Швабію, распространяя повсюду ужасъ и опустошеніе. Герцогъ Виртембергскій бѣжалъ въ Страсбургъ. Между тѣмъ страна его, будучи предоставлена непріятелю, была подѣлена большею частью между императорскими генералами и министрами и подверглась страшнымъ бѣдствіямъ. Съ августа 1634 г. и до возвращенія герцога (1638 г.) жители Вюртемберга должны были уплатить болѣе 35 милліоновъ гульденовъ контрибуціи; города и села были разрушены; виноградники, поля и луга опустошены, вся страна превратилась въ пустыню: за шесть-семь лѣтъ погибло около 350,000 жителей, и въ странѣ осталось не болѣе 50,000.

Но уже хуже было для протестантовъ то обстоятельство, что курфюрстъ Іоаннъ-Георгъ Саксонскій вторично измѣнилъ ихъ дѣлу. Хотя шведы имѣли въ своихъ рукахъ Франкфуртъ, хотя императорскія войска были разбиты при Лигницѣ и шведскія войска вмѣстѣ съ саксонцами вторгнулись въ Богемію и угрожали Прагѣ, однакоже курфюрстъ не только не штурмовалъ города, но и не вернулся болѣе съ своей арміей къ шведамъ, а заключилъ съ императоромъ, увидѣвшимъ наконецъ необходимость отмѣнить реституціонный эдиктъ, отдѣльный миръ въ Прагѣ (30 мая 1635 г.), по которому курфюрстъ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Лузацію, а взамѣнъ этого обязывался всѣми зависящими отъ него средствами способствовать очищенію страны отъ чужеземцевъ. При этомъ пассаусскій договоръ и агсбургскій религіозный миръ были снова подтверждены въ общихъ чертахъ. Не смотря на то, что протестанты обвиняли Іакова-Георга въ измѣнѣ ихъ дѣлу, примѣръ его однако нашелъ многихъ подражателей; такъ курфюрстъ Бранденбургскій все болѣе склонялся на сторону императора, а затѣмъ постепенно примкнули къ пражскому миру и всѣ протестантскіе князья и города, за исключеніемъ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, маркграфа Баденскаго и герцога Виртембергскаго, которые остались вѣрны шведамъ.

Такимъ образомъ императоръ снова одержалъ верхъ, а положеніе шведовъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Шведскія войска были оттѣснены къ берегу Балтійскаго моря, и на верхнемъ Рейнѣ Бернгардъ Веймарскій долженъ былъ отступать передъ императорскою арміею; тогда-то союзъ, заключенный Оксенштирной и Бернгардомъ съ кардиналомъ Ришелье, возстановилъ опять равновѣсіе. Въ апрѣлѣ 1635 г. Оксенштирна самъ отправился въ Парижъ, и теперь ему легко было склонить кардинала Ришелье къ дѣятельной помощи, такъ какъ, покончивъ съ гугенотами, кардиналъ снова началъ стремиться къ прежней цѣли французской политики—къ умаленію могущества Габсбурговъ и къ расширенію границъ королевства къ Рейну. Дѣйствительно, Ришелье не только обѣщалъ энергическую помощь шведскому канцлеру, но по договору съ Бернгардомъ даже принялъ на себя расходы по содержанію его арміи, обезпечивъ ему ежегодную субсидію въ 4 милліона ливровъ, и сверхъ того заключилъ съ Голландіею оборонительный и наступательный союзъ противъ Испаніи. Въ іюнѣ 1636 г. Ришелье объявилъ войну

Испаніи, а, слѣдовательно, косвенно и Австріи. Такимъ образомъ начался послѣдній періодъ 30-ти-лѣтней войны—война французско-шведсконѣмецкая.

Вскорѣ перевѣсъ склонился опять на сторону шведовъ, благодаря энергическимъ и удачнымъ дѣйствіямъ Банера. Это былъ безспорно одинъ изъ величайшихъ шведскихъ полководцевъ. Одаренный отъ природы счастливыми способностями, развитыми тщательнымъ воспитаніемъ, онъ соединялъ съ неустрашимостью основательное знаніе военнаго дѣла и съ зрѣлостью сужденія быстроту рѣшенія и выполненія. Его называли вторымъ Густавомъ. И дѣйствительно, онъ походилъ на шведскаго короля не только военными талантами, но и наружностью. Уже въ войнахъ съ Польшею и съ Россіею онъ неоднократно отличался, но наибольшую славу онъ пріобрѣлъ въ Германіи. Въ битвѣ при Лейпцигѣ Густавъ-Адольфъ поручилъ ему командованіе правымъ крыломъ и послѣ громко восхвалялъ предусмотрительность и рыцарское мужество Банера, выказанныя имъ въ этой битвѣ, и приписывалъ ему большую часть побѣды. Послѣ битвы при Люценѣ Банеръ, по просьбѣ Оксенштирны, принялъ, какъ фельдмаршалъ шведской короны и нижнесаксонскихъ земель, главное начальство надъ войскомъ. Какъ высоко цѣнили его друзья и враги, можно видѣть изъ того, что императоръ старался привлечь его на свою службу, обѣщая ему имперское княжеское достоинство и, въ видѣ вознагражденія, владѣнія Валленштейна, а король французскій въ своихъ письмахъ называлъ его своимъ кузеномъ. Теперь, желая отмстить Бранденбургскому и Саксонскому курфюрстамъ за ихъ переходъ на сторону императора, Банеръ направился внизъ по Эльбѣ, разбилъ саксонскую армію, вторгнулся въ Бранденбургъ и угрожалъ курфюрсту въ самомъ Берлинѣ. Курфюрстъ Саксонскій поспѣшилъ къ нему на помощь, но Банеръ снова вторгнулся въ Саксонію и затѣмъ при Витстокѣ (окт. 1636 г.) разбилъ на голову соединенное австро-саксонское войско. Эта побѣда отдала въ руки шведовъ Померанію, Тюрингію и Саксонію. Страшно наказали шведы тамошнее населеніе за отпаденіе государей. Плодоносныя покрытыя цвѣтущими селами поля между Одеромъ и Эльбой превратились въ совершенныя пустыни, цѣлые города обезлюдѣли отъ голода и повальныхъ болѣзней. Продолжительная война съ ея кровопролитіями и всѣми ужасами грубаго насилія искоренила въ дикой солдатчинѣ всѣ человѣческія чувства. Взявъ Торгау и Эрфуртъ, Банеръ дозволилъ своимъ солдатамъ всевозможныя неистовства въ несчастной странѣ, и шведы своими жестокостями и звѣрствомъ довели дѣло до того, что отнынѣ имя ихъ упоминалось въ Германіи не иначе, какъ съ ужасомъ.

Между тѣмъ и Бернгардъ Веймарскій, поддерживаемый Франціей, принудилъ императорскія войска къ отступленію изъ Эльзаса и въ началѣ 1638 г. одержалъ блестящую побѣду надъ императорскими войсками при Рейнфельденѣ и затѣмъ взялъ важную крѣпость Брейзахъ. Онъ намѣревался уже вторгнуться въ Брейзгау, но въ это время онъ внезапно захворалъ и умеръ. Въ своемъ завѣщаніи онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ его завоеванія въ Эльзасѣ оставались за Германіей; управлять же ими, подъ охраною шведовъ, долженъ былъ одинъ изъ его братьевъ, котораго назначатъ шведы. Лишь въ случаѣ, если ни одинъ изъ нихъ не окажется къ тому способнымъ, Франція должна была, при

помощи своихъ и герцогскихъ войскъ, охранять завоеванныя земли; по заключеніи же всеобщаго мира онѣ должны были войти въ составъ Германской имперіи. Но Ришелье не обратилъ вниманія на эти распоряженія: при помощи денегъ онъ привлекъ веймарскія войска на французскую службу и коварнымъ образомъ завладѣлъ всѣми завоеваніями Бернгарда.

Въ это время, 15 февраля 1637 г., умеръ императоръ Фердинандъ II, и на престолъ вступилъ сынъ его Фердинандъ III, управлявшій въ духѣ отца, только съ меньшею энергіею. Новый императоръ хотя и желалъ мира, но полагалъ, что война должна продолжаться до полнаго успокоенія страны. Между тѣмъ, какъ онъ съ католическими государственными чинами, созванными въ 1650 г. на рейхстагъ въ Регенсбургѣ, обсуждалъ необходимыя для этого мѣры, внезапно среди зимы, въ январѣ 1641 г., подъ стѣнами Регенсбурга явился Банеръ во главѣ соединеннаго шведскаго и французскаго войска и взялъ бы городъ штурмомъ, еслибы внезапно наступившая оттепель и приближеніе императорскаго войска не принудили его къ отступленію. Банеръ уже былъ боленъ, предпринимая походъ на Регенсбургъ. Послѣ же этого неудачнаго похода Банеръ возвратился черезъ Богемію въ Саксонію, постоянно преслѣдуемый императорскими и баварскими войсками. Съ большимъ трудомъ онъ достигъ Гальберштадта, гдѣ и умеръ (апрѣль 1641 г.). Смерть его была чувствительной, даже невознаградимой потерей для шведовъ.

Банеръ умеръ, оставивъ свою армію въ самомъ затруднительномъ положеніи. Военныя дѣйствія шведско-французской арміи совершенно остановились и обѣ арміи были близки къ полному распаденію, когда во главѣ шведскаго войска появился Торстенсонъ, послѣдній изъ школы Густава-Адольфа и вполнѣ достойный своего учителя генералъ. Съ неслыханной въ то время быстротой онъ нанесъ рядъ сильныхъ пораженій непріятелю и снова возстановилъ первенство шведскаго оружія на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, и это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что въ это время Торстенсонъ былъ уже такъ сильно боленъ, что совершенно не могъ сидѣть на лошади и всюду являлся на носилкахъ. Онъ завоевалъ Силезію, перенесъ войну въ австрійскія наслѣдственныя земли, одержалъ надъ преслѣдовавшимъ его при отступленіи Пикколомини славную побѣду подъ Лейпцигомъ, а когда солдаты его отдохнули въ этомъ городѣ, двинулся опять въ Моравію и навелъ на императора страхъ въ его собственной столицѣ. Торстенсонъ былъ уже на пути къ такимъ же блестящимъ успѣхамъ, какія 11 лѣтъ тому назадъ выпали на долю Густава-Адольфа, но неожиданно былъ отозванъ на иной отдаленный театръ военныхъ дѣйствій, на сѣверъ. Побуждаемый давнишнимъ соревнованіемъ и нерасположеніемъ къ шведамъ, датскій король Христіанъ IV рѣшился стать съ оружіемъ въ рукахъ на сторону императора. Онъ объявилъ войну въ тотъ самый моментъ, какъ Торстенсонъ проложилъ себѣ путь въ Австрію. Вѣна теперь была спасена, но тѣмъ хуже было для Даніи. Поистинѣ съ удивительной быстротой Торстенсонъ въ концѣ октября изъ Силезіи достигъ Даніи, съ замѣчательнымъ искусствомъ повелъ кампанію противъ датчанъ, разбивалъ ихъ, гдѣ только ни встрѣчался съ ними, завоевалъ Голштинію и Шлезвигъ, проникъ до Ютландіи и, принудивъ Христіана IV заключить невыгодный миръ въ Бремзебро, снова повелъ войну противъ императора, всюду оставаясь побѣ-

дителемъ. Императорская армія посредствомъ различныхъ диверсій хотѣла помочь Даніи выдти изъ затруднительнаго положенія; но Даніи она не спасла, а лишь сама понесла новыя чувствительныя пораженія. Императорская армія въ полномъ безпорядкѣ отступила въ Богемію, за нею послѣдовалъ туда и Торстенсонъ. Тогда императоръ собралъ всѣ наличныя военныя силы и рѣшился дать Торстенсону генеральное сраженіе. Въ мартѣ 1645 г. при Янковицѣ, въ трехъ миляхъ отъ Табора, въ Богеміи, произошло сраженіе. Шведы одержали одну изъ самыхъ блистательныхъ побѣдъ, императорское войско было разбито на голову, многіе изъ военачальниковъ взяты въ плѣнъ или убиты. Въ нѣсколько недѣль Торстенсонъ покорилъ всю Моравію и Австрію до Дуная. Вѣнѣ угрожала, какъ и въ 1618 г., непосредственная опасность.

Еслибы французы вели кампанію съ такимъ же успѣхомъ, какъ шведы, то дѣло приняло бы столь же пагубный оборотъ для императора, какъ и при Густавѣ-Адольфѣ, но, какъ и въ то время, несчастія французовъ парализировали успѣхи шведовъ: французы или терпѣли пораженія въ то время, какъ послѣдніе одерживали побѣды, или не могли извлечь изъ своихъ побѣдъ никакой выгоды. Такъ первая побѣда, одержанная французами въ Нидерландахъ при Рокруа (май 1643 г.) не измѣнила ничего въ этомъ отношеніи. Уже вскорѣ послѣ этого французы, предводимые маршаломъ Гебріаномъ, потерпѣли пораженіе отъ цесарцевъ, соединившихся съ баварцами. По смерти Гебріана французы послали въ Германію Тюренна. Онъ перешелъ Рейнъ и направился къ Франкену, но вскорѣ также потерпѣлъ пораженіе недалеко отъ Мергентгейма. Самъ Тюреннъ едва спасся въ Фульду.

Чтобы отмстить пораженіе, изъ Парижа былъ посланъ герцогъ Энгіенскій. Силы, которыми располагалъ онъ послѣ соединенія приведеннаго имъ двѣнадцатитысячнаго корпуса съ остатками арміи Тюренна и съ отрядами шведовъ и гессенцевъ, простирались до 30,000 человѣкъ. Сраженіе оказалось неизбѣжнымъ, хотя баварскій генералъ Мерси и искусно уклонялся отъ генеральнаго сраженія. Между Нордлингеномъ и Донаувертомъ, при Аллерсгеймѣ произошла кровавая битва; послѣ долгаго колебанія и страшныхъ потерь съ обѣихъ сторонъ, поле сраженія осталось за французами.

Но побѣдители сами были такъ ослаблены, что не могло быть и рѣчи о дѣйствительныхъ пріобрѣтеніяхъ вслѣдствіе выигрыша сраженія.

Между тѣмъ Торстенсонъ проникъ глубоко въ Австрію, осадилъ Брюнъ и угрожалъ уже вторженіемъ самому сердцу австрійскихъ владѣній, но недостатокъ въ присылкѣ вспомогательныхъ войскъ вынудилъ его отступить въ Богемію, гдѣ, истомленный болѣзнью, онъ сложилъ съ себя главное начальство. Храбрый Врангель явился достойнымъ его преемникомъ. Сначала онъ довелъ до перемирія Саксонію и Бранденбургъ, а потомъ перенесъ войну въ Баварію, соединясь тамъ съ герцогомъ Энгіенскимъ и Тюренномъ, которые овладѣли между тѣмъ большею частью рейнскихъ крѣпостей до самаго Майнца. Опасаясь за свои владѣнія, Максимиліанъ заключилъ въ Ульмѣ перемиріе съ непріятелемъ (1647 г.) и такимъ образомъ отказался отъ союза съ императоромъ. Но едва французская армія отдѣлилась отъ шведской и Врангель направился въ Богемію, какъ герцогъ Максимиліанъ снова нарушилъ перемиріе, и его войска, въ соединеніи съ императорскою арміею, стали вытѣснять шве-

довъ изъ Богеміи. Въ отмщеніе за такое вѣроломство, Тюреннъ и Врангель снова вступили въ Баварію, принудили курфюрста бѣжать въ Зальцбургъ и наказали край страшнымъ опустошеніемъ. Въ это же время Конде одержалъ блистательную побѣду надъ императорскимъ войскомъ въ Нидерландахъ при Ленсѣ, а шведскій генералъ Кенигсмаркъ овладѣлъ малою Прагою и готовился уже штурмовать старую Прагу, когда вѣсть о заключеніи давно желаннаго вестфальскаго мира (24 окт. 1648 г.) положила конецъ военнымъ дѣйствіямъ. Въ Прагѣ началась борьба, тамъ же ей суждено было и кончиться.

XLIV. ВЕСТФАЛЬСКІЙ МИРЪ.

(По соч. Гейссера: „Geschichte des Zeitalters der Reformation“).

Уже съ 1643 г. шли мирные переговоры въ Оснабрюккѣ (между императоромъ и католиками съ одной стороны и между Швеціей и протестантами—съ другой) и въ Мюнстерѣ (между Германіей и Франціей). Но отчасти чрезмѣрныя притязанія французовъ и шведовъ, отчасти переходчивость военной удачи, постоянно усиливавшей требованія одолѣвающей стороны, отчасти мелочные споры изъ-за титуловъ и этикета препятствовали заключенію мира, котораго истомленные войной народы ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Но послѣдніе годы войны рѣшительно способствовали скорѣйшему заключенію мира: послѣ цѣлаго ряда неудачъ, потерпѣнныхъ императорскою арміею, дальнѣйшее замедленіе переговоровъ было уже невозможно.

Ходъ переговоровъ и борьба партій на конгрессѣ въ Мюнстерѣ и Оснабрюккѣ лучше всего видны изъ условій договора.

Во всѣхъ чисто-политическихъ вопросахъ между Швеціей и Франціей существовало полное согласіе; гдѣ дѣло касалось ограниченія власти Габсбургскаго дома, упроченія суверенитета отдѣльныхъ германскихъ князей, а равнымъ образомъ въ дѣлѣ эксплуатаціи въ свою пользу Германіи въ видѣ вознагражденія, тамъ онѣ шли рука объ руку. До семидесятыхъ годовъ XVII стол. Швеція и Франція въ этомъ отношеніи оставались самыми тѣсными союзниками, къ большому вреду для Германіи.

Иное мы видимъ по отношенію къ религіознымъ вопросамъ. Здѣсь Швеція и Франція стояли во главѣ совершенно противоположныхъ, враждебныхъ другъ другу партій; Швеція была защитницей протестантовъ и ихъ интересовъ, и несомнѣнно, что такому положенію Швеціи Германія обязана многими благодѣтельными постановленіями. Франція, естественно, стояла на противной сторонѣ. Въ ея интересахъ было не допускать совершеннаго паденія протестантскихъ князей Германіи, какъ естественныхъ противниковъ Испаніи и Габсбурговъ, но въ то же время совершенно не въ ея интересахъ было покровительствовать протестантизму, такъ какъ онъ могъ угрожать новыми религіозными замѣшательствами въ самой Франціи. Поэтому она хотя и не соединилась съ императоромъ, тѣмъ не менѣе примкнула къ Баваріи, откуда и возникли тѣ отношенія, вслѣдствіе которыхъ это южно-германское центральное государство снова получило отъ Франціи почетное имя „нашего древнѣйшаго союзника въ Германіи“. Максимиліанъ Баварскій былъ первый изъ нѣмецкихъ князей, предложившій уступку Франціи Эльзаса.

Конгрессъ представлялъ странную группировку партій. Швеція имѣла на своей сторонѣ всѣ протестантскіе, а Франція—всѣ католическіе элементы; императоръ же, какъ въ политическихъ, такъ и въ религіозныхъ вопросахъ, всѣ партіи имѣлъ противъ себя, или, по крайней мѣрѣ, ни одной за себя. Поэтому посланникъ его не могъ играть на конгрессѣ той роли, какая собственно подобала бы императорскому уполномоченному: ему повсюду приходилось посредственно или непосредственно имѣть дѣло съ иностранными державами, которыя, съ своей стороны, относились къ нему, какъ къ уполномоченному иностраннаго государства и, благодаря своимъ сторонникамъ въ самой Германіи, въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ имѣли надъ ними перевѣсъ. Поэтому вся дѣятельность его представлялась колебаніемъ изолированной партіи.

Мюнстерскій и оснабрюккскій конгрессъ мало-по-малу сдѣлался общеевропейскимъ, ибо и остальныя государства, не участвовавшія въ войнѣ, частью посредственно, частью непосредственно имѣли тамъ своихъ представителей, и такимъ образомъ ни одинъ изъ европейскихъ вопросовъ не остался безъ разсмотрѣнія, хотя и не обо всѣхъ упоминается въ постановленіяхъ конгресса.

Нидерланды добивались признанія ихъ независимости отъ Германской имперіи, Швеція—того же; послѣдніе представители старо-католической реставраціонной политики, отъ которыхъ постепенно отдѣлился самъ императоръ, явились на конгрессъ съ тѣмъ, чтобы нарушить миръ и воспрепятствовать ему, насколько то было для нихъ возможно; но если ни Испанія, ни Римъ не были въ состояніи помѣшать ему, то они могли выражать свои притязанія на конгрессѣ въ формѣ протестовъ; въ виду этого въ мирномъ трактатѣ было ясно выражено, что никакіе протесты недѣйствительны; желающіе протестовать могутъ обращаться куда имъ угодно.

Такимъ образомъ переговоры велись до осени 1648 г. Въ то время, какъ въ Прагѣ обмѣнивались послѣдними выстрѣлами, курьеръ привезъ туда извѣстіе о заключеніи мира (24 октября 1648 г.).

Франція вела переговоры съ императоромъ въ Мюнстерѣ, Швеція—въ Оснабрюккѣ. Оба трактата во всѣхъ существенныхъ пунктахъ тожественны, за исключеніемъ постановленій, касающихся территоріальныхъ интересовъ Франціи и Швеціи.

Разсмотримъ теперь содержаніе мирнаго трактата.

Многообразное содержаніе его можетъ быть раздѣлено на три категоріи: первая часть постановленій касается исключительно территоріальныхъ вопросовъ — уступокъ, вознагражденій, возстановленій; вторая, обширнѣйшая по объему, касается религіозно-церковныхъ вопросовъ, именно по отношенію къ Германіи; третья—касается внутреннихъ политическихъ отношеній Германской имперіи и содержитъ въ себѣ установленія, которыя должны были опредѣлять (и въ теченіе цѣлаго столѣтія дѣйствительно опредѣляли) политическую жизнь Германской имперіи. Въ этой части заключались также основныя постановленія германской конституціи, результатомъ которой было впослѣдствіи образованіе рейнскаго союза и распаденіе „священной римской имперіи нѣмецкой націи“.

1) *Постановленія относительно территоріальныхъ вопросовъ.* По оснабрюккскому миру шведы получали всю Верхнюю Померанію съ островомъ Рюгеномъ, изъ Нижней Помераніи—Штетинъ, Гарцъ, Даммъ, Голнау, Воллинъ, устье Одера и Фришъ-Гафъ, какъ наслѣдственныя

ленныя земли со всѣми ихъ правами, равнымъ образомъ Каминъ и Висмаръ, наконецъ изъ архіепископства Бременскаго и епископства Верденскаго—все, за исключеніемъ города Бремена, который долженъ былъ оставаться вольнымъ городомъ.

Король шведскій, какъ герцогъ бременскій, верденскій и померанскій, князь рюгенскій и владѣтель Висмара, получалъ право голоса среди свѣтскихъ князей рейхстага, право опредѣленнаго участія въ окружномъ управленіи имперіи и привилегію имперскаго князя, именно привилегію безапелляціоннаго суда въ своихъ нѣмецкихъ владѣніяхъ.

Это же приблизительно имѣлъ въ виду и Густавъ-Адольфъ въ первое время войны съ Германіей, только къ вознагражденію на Балтійскомъ морѣ присоединялась еще уступка и побережья Сѣвернаго моря, и господство, пріобрѣтенное сначала надъ устьемъ Одера, распространялось также отчасти на Везеръ и Эльбу.

Національный характеръ Германской имперіи, сохранявшійся до послѣдняго времени, не смотря на шаткія, подгнивавшія подпорки ея государственнаго устройства, теперь былъ утраченъ и уступилъ мѣсто общеевропейскому. До конца XVIII столѣтія не менѣе шести европейскихъ государей были членами германскаго правительства; въ концѣ концовъ въ германскомъ рейхстагѣ имѣли своихъ представителей всѣ европейскія государства, за исключеніемъ Франціи, Россіи и Турціи, которыя не участвовали въ сеймѣ, но не по винѣ Германіи. Впрочемъ, одинъ изъ политиковъ предлагалъ допустить участіе въ сеймѣ и султана; Петръ Великій нѣкоторое время также имѣлъ это въ виду; равнымъ образомъ и Франція, присутствуя на конгрессѣ, близка была къ вступленію членомъ въ имперскій сеймъ, но сама не захотѣла этого. Позднѣе Людовикъ XIV, чтобы надежнѣе удержать за собою ново-пріобрѣтенныя земли, намѣревался-было сдѣлаться членомъ имперскаго сейма, но затѣмъ успокоился на той мысли, что лучше, если вступленіе въ сеймъ не состоится. И дѣйствительно: участвуй онъ въ управленіи Германіей, ему было бы труднѣе дѣйствительно завладѣть Эльзасомъ и ассимилировать его съ остальной Франціей, ибо неисполненіе или нарушеніе какихъ-либо обязанностей по отношенію къ Германской имперіи постоянно угрожало вызвать какія-либо затрудненія; находясь же въ сторонѣ отъ Германіи, онъ просто могъ не обращать вниманія на постановленія и рѣшенія германскаго рейхстага и дѣлать что ему угодно.

Когда былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли принять Францію въ число членовъ имперскаго сейма, то протестанты впервые и единственный разъ дѣйствовали совмѣстно съ императоромъ и воспротивились этому предложенію.

Этотъ европейскій характеръ Германской имперіи много способствовалъ тому, что гнилой организмъ просуществовалъ долѣе, чѣмъ это можно было ожидать, судя по его свойствамъ. Такъ, Англія въ войнѣ съ Людовикомъ XIV снова выступила въ роли древняго нѣмецкаго государства, и то обстоятельство, что вопросъ о внутреннемъ и внѣшнемъ переустройствѣ имперіи сдѣлался европейскимъ вопросомъ, существенно обусловливалось тѣмъ, что всѣ консервативныя правительства считали необходимымъ по возможности не мѣшать его прозябанію. Но это было искусственно поддерживаемое существованіе, а не здоровая жизнь крѣпкаго организма.

Договоръ съ Франціей *въ Мюнстерѣ* заключается въ слѣдующемъ:

Бургундскій округъ по прежнему остается нѣмецкой провинціей, по прекращеніи раздоровъ между Франціей и Испаніей. Если въ будущемъ между этими двумя государствами возникнутъ несогласія, то это не должно служить поводомъ къ нарушенію мира между Франціей и Германіей, но отдѣльнымъ чинамъ Бургундіи должна быть предоставлена свобода помогать той или другой воюющей сторонѣ, — однако внѣ предѣловъ имперіи и не иначе, какъ согласно съ постановленіями имперской конституціи.

Это право, предоставленное отдѣльнымъ чинамъ Бургундскаго округа, дѣйствовать въ извѣстномъ случаѣ совмѣстно съ врагами государства „внѣ *границъ*, но въ предѣлахъ *конституціи*“, какъ нельзя болѣе рѣзко охарактеризовываетъ анархію, установленную заключеннымъ въ Мюнстерѣ договоромъ. Это было время, когда вся западная Германія стояла на сторонѣ Франціи и помогала ей въ ея завоеваніяхъ. Таковъ истинный смыслъ этой части договора.

Верховное право—главенство надъ епископствами Мецскимъ, Тульскимъ и Верденскимъ навсегда переходило къ французской коронѣ. Доселѣ владѣніе со стороны Франціи этими епископствами было только фактическое, не опиравшееся на признанное право; Вестфальскій же миръ далъ юридическую санкцію этому захвату. Пиньероль отдѣлялся. Императоръ и государство отказывались въ пользу Франціи отъ всѣхъ принадлежащихъ имъ и австрійскому дому правъ на Брейзахъ, Верхній и Нижній Эльзасъ, Зундгау, на фогтства десяти имперскихъ городовъ (Кольмара, Вейссенбурга, Ландау и проч.), съ удержаніемъ, однако, за этими землями всѣхъ правъ и вольностей, которыя въ прежнее время были предоставлены имъ Австріею. Франція получала право содержать гарнизонъ въ Филиппсбургѣ, прочіе имперскіе города по прежнему оставались въ непосредственномъ владѣніи священной римской имперіи; нѣмецкія крѣпости по правому и лѣвому берегамъ Рейна сравнивались съ землею.

Такимъ образомъ границы Франціи раздвигались до Рейна; пограничныя укрѣпленія уничтожались вплоть до Филиппсбурга, который такимъ образомъ являлся для французовъ надежнымъ и прочнымъ исходнымъ пунктомъ для перехода въ Германію въ случаѣ непріязненныхъ противъ нея дѣйствій.

Постановленія касательно способа отчужденія земель намѣренно были наполнены противорѣчіями.

Части имперіи, отходившія къ Франціи, т. е. владѣнія духовныхъ сановниковъ, частью проживающихъ еще здѣсь, имперскіе рыцари, 10 имперскихъ городовъ, находясь подъ верховнымъ главенствомъ Франціи, сохраняли всѣ свои права и вольности, непосредственное подчиненіе верховному имперскому суду,—словомъ, оставались членами Германской имперіи,—съ условіемъ, чтобы при этомъ нисколько не нарушались верховныя права Франціи.

Такія неопредѣленныя постановленія, по самой природѣ вещей, представляли множество поводовъ къ различнымъ недоразумѣніямъ. Германія ссылалась на свои удержанныя права, Франція—на дополнительныя постановленія, утверждавшія ея главенство. Въ концѣ концовъ споръ рѣшала сила, а она въ то время была на сторонѣ Франціи. Несомнѣнно,

что то самое постановленіе, на которое ссылалась Франція, не давало ей права на полное завладѣніе переходившими подъ ея главенство землями, но оно было выражено не вполнѣ опредѣленно, а къ этому присоединялась еще матеріальная сила, готовая доказать справедливость требованій Франціи, каковыхъ доводовъ не было на сторонѣ Германіи.

Поэтому-то Людовикъ XIV предпочелъ не вступать въ германскій сеймъ. Ибо въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы подчиняться извѣстнымъ постановленіямъ сейма и такимъ образомъ былъ бы до извѣстной степени связанъ въ своихъ планахъ и дѣйствіяхъ. Теперь же стоило лишь истолковать договоръ въ свою пользу, и онъ могъ фактически совершить присоединеніе. Въ послѣдующихъ войнахъ и при заключеніи мирныхъ трактатовъ эти вопросы каждый разъ поднимались снова, но постоянно рѣшались въ ущербъ Германіи, да иначе и не могло быть по самой природѣ вещей. Ибо противъ многоголоваго, раздробленнаго государства, поглощеннаго своими запутанными внутренними дѣлами, стояла сила, ни на одно мгновеніе не терявшая изъ виду своей цѣли, не упускавшая ни одного благопріятнаго момента для ея осуществленія и постоянно возраставшая.

По отношенію къ *внутреннему устройству Германіи*—въ договорѣ основнымъ принципомъ была принята общая амнистія, на которую императоръ, послѣ столь долгаго и упорнаго сопротивленія, наконецъ согласился.

„Вѣчное забвеніе и безнаказанность", говорится въ трактатѣ, „должны замѣнить все враждебное, что̀ произошло съ начала послѣдняго смутнаго періода въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, какимъ бы то ни было образомъ съ той или другой стороны, такъ чтобы никто не питалъ къ другому вражды и ненависти и не замышлялъ притѣсненія и вреда другому и т. д.".

Отсюда слѣдовало безусловное возстановленіе въ прежнихъ правахъ всѣхъ тѣхъ, которые во время войны потеряли земли и людей, лишены были званій, должностей, имущества.

Баварія сохраняла права курфюршества и Оберъ-Пфальцъ, но отказывалась отъ требованія военнаго вознагражденія. Пфальцъ становился восьмымъ курфюршествомъ, и притомъ получалъ обратно Рейнскій Пфальцъ.

Богемія вслѣдствіе реакціи почти обезлюдѣла: вмѣсто прежнихъ четырехъ милліоновъ, теперь едва можно было насчитать одинъ милліонъ жителей, имѣніями же изгнанныхъ протестантовъ завладѣли болѣе вѣрные подданные католическаго императора.

Провозгласить здѣсь безусловное возстановленіе прежняго порядка вещей значило бы сдѣлать невозможнымъ существующее австрійское правительство и даже самую династію. Возстановить во всѣхъ правахъ и преимуществахъ партію разрушенія, которая въ теченіи тридцати лѣтъ подъ различными знаменами сражалась противъ Австріи, это значило бы возстановить такой порядокъ дѣлъ, который равносиленъ былъ бы смертному приговору надъ Габсбургскимъ домомъ и его вновь утвержденнымъ господствомъ. Реституція (Restitution) въ нѣмецкомъ государствѣ просто возвращала протестантскихъ владѣльцевъ въ ихъ протестантскія земли, гдѣ такимъ образомъ снова угрожало положеніе вещей, установленное реставраціей и существовавшее уже почти 30 лѣтъ.

Поэтому полная амнистія лишь въ очень ограниченномъ смыслѣ распространялась на австрійскія наслѣдственныя земли. Протестанты могли возвратиться какъ австрійскіе подданные съ полною безопасностью по отношенію къ личности, жизни, званію и чести, но лишались прежнихъ привилегій, которыми они владѣли какъ партія. Имущество, утраченное ими до перехода во враждебный лагерь, считалось для нихъ утраченнымъ и оставалось за теперешними его владѣльцами; тѣ же имущества, которыя они потеряли позднѣе,—вслѣдствіе вступленія подъ знамена Швеціи или Франціи, снова возвращались имъ.

2) *Религіозно-церковныя постановленія.* Основанія религіознаго мира и равноправности вѣроисповѣданій выражены были здѣсь болѣе безусловно и несомнѣнно, чѣмъ въ 1552 и 1555 гг. Прежніе трактаты были утверждены съ присоединеніемъ дополнительныхъ и объяснительныхъ постановленій, имѣвшихъ безусловную обязательность, противъ которыхъ не должны были имѣть силы никакіе возраженія и протесты со стороны ли то церкви или со стороны государства, внѣ и внутри государства. Такія дополненія имѣли въ виду протесты, которыхъ нужно было ожидать со стороны Рима и Испаніи, такъ какъ они обыкновенно протестовали противъ всего, что имѣло связь съ религіозной терпимостью.

Во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ между курфюрстами, князьями, сословіями и отдѣльными лицами обоихъ вѣроисповѣданій должно было существовать полное обоюдное равенство, такъ чтобы право для одного было правомъ и для другаго, и навсегда возбранялось всякаго рода насиліе между обѣими частями какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Этотъ принципъ, честно проведенный въ жизнь, искупалъ бы всѣ понесенныя жертвы: онъ обнималъ не только католиковъ и лютеранъ (какъ принципъ прежняго религіознаго мира), но и реформатовъ, религіозная свобода и равноправность которыхъ также вполнѣ ограждалась имъ. Равнымъ образомъ обѣ договаривающіяся стороны признавали терпимость и по отношенію къ тѣмъ, которые въ будущемъ измѣнили бы свое вѣроисповѣданіе.

Все затрудненіе состояло въ томъ, чтобы провести этотъ принципъ во всей его полнотѣ на практикѣ. Было бы совершенно послѣдовательно, согласно единодушному требованію протестантовъ возстановить порядокъ дѣлъ, существовавшій до 1618 г., но это такъ же глубоко затрогивало бы положеніе вещей въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ императора, какъ и амнистія, т. е. возстановленіе Богеміи, Моравіи, Верхней и Нижней Австріи—въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали до начала войны. Поэтому императоръ такъ же рѣшительно возсталъ противъ реституціи въ этомъ смыслѣ, какъ и противъ амнистіи, и все, чего удалось добиться, состояло въ томъ, что Шлезвигъ оставлялся въ прежнемъ положеніи.

Слѣдовательно, вопросъ теперь заключается въ томъ, чтобы выбрать за норму такой годъ, который удовлетворялъ бы обѣ стороны. Протестанты требовали 1618 г., но католики возражали, что это для нихъ значило бы потерять всѣ результаты 30-ти-лѣтней войны и поэтому указывали на 1630 г., какъ наиболѣе для нихъ благопріятный; это былъ годъ, слѣдовавшій за изданіемъ эдикта о реституціи, когда Густавъ-Адольфъ не одержалъ еще ни одной значительной побѣды. Это предло-

женіе встрѣтило рѣзкій протестъ какъ со стороны Швеціи, такъ и протестантовъ, и послѣ долгихъ препирательствъ пришли наконецъ къ среднему термину, противъ котораго ничего нельзя было возражать ни съ логической, ни съ исторической точки зрѣнія. Такимъ образомъ былъ избранъ 1624 г., какъ средній между 1618 и 1630 годами. На этомъ протестанты могли успокоиться, хотя такимъ образомъ еще разъ дѣлали уступку императору относительно австрійскихъ наслѣдственныхъ земель.

Такимъ образомъ было постановлено, что въ пунктѣ о церковныхъ владѣніяхъ и правахъ вообще и въ частности масштабомъ должно служить 1 января 1624 г. Приходы, бывшіе въ то время протестантскими или католическими, должны были и на будущее время оставаться такими же. Духовенство, мѣняющее свою религію, должно было оставлять свои мѣста, но перемѣна религіи не вмѣнялась имъ въ безчестіе. Право выбора духовенства общинами должно было оставаться неприкосновеннымъ. Избранные аугсбургскими единовѣрцами архіепископы, епископы и прелаты должны быть немедленно утверждаемы императоромъ въ своихъ должностяхъ.

Ленныя земли духовенства, которыми владѣло оно еще до 1 января 1624 г., оставлялись за прежними владѣльцами (католиками и протестантами); всѣ изъятія изъ этого недѣйствительны.

Совершенно точно опредѣлялось, что протестантскіе подданные католическихъ государей, если они „вслѣдствіе ли договора или привилегіи, или вслѣдствіе долгаго употребленія, или простаго соблюденія обряда“ къ 1 января 1624 г. были послѣдователями аугсбургскаго исповѣданія, то могли принадлежать къ нему и послѣ 1 января 1624 г., удерживая „прерогативы“ этого исповѣданія, т. е. право учрежденія консисторій и самостоятельнаго управленія церковнаго и училищнаго и проч. Потерпѣвшіе возстановлялись въ своихъ правахъ; понятно, то же самое обязательно было и для протестантскихъ правителей по отношенію къ подданнымъ-католикамъ.

Вообще, говорится далѣе въ текстѣ мирнаго договора, „никто за свою религію ни съ какой стороны не долженъ находиться въ подозрѣніи, не долженъ быть исключаемъ изъ общинъ, приходовъ, цеховъ или лишаемъ наслѣдства, общественнаго призрѣнія и—честнаго погребенія“.

Никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ былъ протестовать противъ этого договора, а равнымъ образомъ и противъ договоровъ 1552 и 1555 гг. Рѣшеніе споровъ и недоразумѣній предоставлялось рейхстагу.

На обычномъ собраніи чиновъ число государственныхъ депутатовъ обоихъ вѣроисповѣданій должно было быть одинаково. Въ чрезвычайныхъ коммисіяхъ для рѣшенія споровъ и недоразумѣній, смотря по религіи спорящихъ, должны были принимать участіе или католики, или протестанты, или тѣ и другіе совмѣстно. Въ религіозныхъ вопросахъ большинство не должно было имѣть обязательной силы.

Ближайшій рейхстагъ долженъ былъ организовать верховный судъ; кромѣ судьи и четырехъ предсѣдателей (изъ нихъ два протестанта), число членовъ суда должно быть увеличено до 50, въ томъ числѣ должны находиться 26 католиковъ и 24 протестанта.

3) *Постановленія, относящіяся къ политикѣ.* Отчасти мы уже выше указали на тѣ важныя перемѣны въ политическомъ строѣ Германіи, которыя обусловливались европейскимъ, а затѣмъ религіознымъ характе-

ромъ имперіи. *Княжеская аристократія и города* уже теперь выступали на сцену, какъ истинные представители будущаго правительства Германіи.

Параграфъ 8 содержитъ въ себѣ постановленія о перенесеніи всѣхъ верховныхъ правъ государства на собраніе имперскихъ чиновъ и ихъ державную волю. Они пользуются, какъ прямо говорится въ договорѣ, правомъ голоса во всѣхъ переговорахъ о дѣлахъ государства, въ особенности когда рѣшаются вопросы объ изданіи или разъясненіи законовъ, объ объявленіи войны, заключеніи мира или союза, о назначеніи пошлинъ, наборовъ и т. п., и безъ ихъ согласія не можетъ совершиться ни одно болѣе или менѣе важное дѣло. Для приданія законной силы каждому, даже маловажному постановленію необходимо единогласное принятіе его тремя куріями. Каждому отдѣльному члену имперіи или владѣтельному князю предоставлялось право въ каждое данное время, для собственнаго сохраненія и безопасности, вступать въ союзы съ иностранными государствами,—съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы эти союзы не заключались противъ императора и имперіи и не противорѣчили заключеннымъ или имѣющимъ быть общегосударственнымъ мирнымъ договорамъ, но согласовались бы съ присягою, данною императору и имперіи.

Остатокъ монархизма, до сихъ поръ еще удерживавшійся въ обветшаломъ государственномъ управленіи, теперь былъ совершенно уничтоженъ, и все, что̀ относилось къ сущности государства, было подѣлено между имперскими чинами, т. е. членами чисто республиканскаго представительнаго собранія.

Вмѣстѣ съ этимъ начался совершенный упадокъ всей дѣятельности государства, какъ таковаго. При данныхъ условіяхъ было рѣшительно невозможно принять то или другое рѣшеніе въ важныхъ вопросахъ, не терпящихъ отлагательства. Пока три куріи рейхстага придутъ къ соглашенію въ какомъ-либо запутанномъ сложномъ вопросѣ, государство могло погибнуть. Постановленіе, дававшее каждому право заключать союзы, уже содержало въ себѣ зародышъ распаденія государства. Всѣ позднѣйшіе *отдѣльные* союзы заключались единственно „во имя нѣмецкой свободы“ и съ сохраненіемъ вѣрности императору и имперіи; даже самъ рейнскій союзъ утверждалъ, что онъ возникъ изъ горячей заботливости и глубокаго сознанія долга по отношенію къ Германской имперіи.

И такую разслабленную организацію получило государство, которое на западѣ, сѣверѣ и югѣ понесло существенныя утраты,—кромѣ Эльзаса, Помераніи и т. д.,—и съ двухъ сторонъ было сдавлено могущественными сосѣдями.

Вслѣдствіе 30-лѣтней войны, роль Германіи какъ внутри, такъ и внѣ была на долгое время парализована. Внутреннія дѣла перешли въ руки самодержавныхъ теперь мѣстныхъ князей, рыцарей и городовъ; извнѣ ее съ двухъ сторонъ тѣснили могущественные сосѣди, которые насчетъ Германіи усилили свое могущество.

Швеція при Густавѣ-Адольфѣ владѣла Балтійскимъ и частью даже Сѣвернымъ моремъ; она представляла такую силу, ниспроверженіе которой требовало слишкомъ много таланта отъ противниковъ и еще болѣе—собственнаго благоразумія.

Подобное же положеніе на западѣ заняла Франція. Въ теченіе войны она ревностно работала надъ своимъ внутреннымъ устройствомъ; въ то

же время, благодаря искусству и неуклонной послѣдовательности своей дипломатіи, она съумѣла съ небольшими жертвами пріобрѣсти богатую добычу и еще болѣе богатыя надежды на будущее; вмѣстѣ съ тѣмъ ея армія прошла такую школу, вліяніе которой не прошло безслѣдно и для послѣдующаго періода.

Всемірное же господство, находившееся со времени Карла V и Филиппа II въ рукахъ германскихъ и испанскихъ Габсбурговъ и за которое въ эту войну въ послѣдній разъ велась кровавая борьба, вполнѣ перешло въ руки ихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ. Испанія была совершенно обезсилена, равнымъ образомъ власть императора надъ Германіей сдѣлалась совершенно призрачной, и Австрія была вытѣснена изъ состава Германской имперіи.

Средневѣковый порядокъ европейскихъ государствъ кончился, единство цезарства и папства, которыя въ послѣдній разъ соединились въ борьбѣ противъ церковныхъ реформъ, навсегда было уничтожено. Теперь начинается періодъ національно сплотившихся государствъ съ новой внутренней и внѣшней политикой. И въ томъ, и въ другомъ направленіи французская политика въ духѣ Ришелье сдѣлалась руководящею для остальныхъ европейскихъ государствъ.

XLV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ГЕРМАНІИ ПОСЛѢ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

(Изъ соч. Вебера: „Allgemeine Weltgeschichte für die gebildeten Stände bearbaitet“, т. XI).

Экономическая, промышленная и торговая жизнь Германіи стояла еще въ эпоху реформаціи на высокой степени развитія: ни открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію, ни утвержденіе турокъ въ Левантѣ и на берегахъ Средиземнаго моря не могло уничтожить итальянско-нѣмецкой торговли, поколебать благосостояніе и развитіе большихъ городовъ. Но во что обратилась эта богатая и прекрасная культура послѣ ужасной тридцатилѣтней войны!.. Вмѣсто цвѣтущихъ полей и луговъ, взоры встрѣчали только пустыри и покрытыя бурьяномъ степи, вмѣсто населенныхъ городовъ и привѣтливыхъ деревень—груды камней, мусору и пепла. Мечъ, голодъ и эпидеміи унесли половину нѣмецкаго народа. Въ Аугсбургѣ, гдѣ когда-то было болѣе 90,000 жителей, слонялось теперь по длиннымъ опустѣвшимъ улицамъ до 6,000 человѣкъ; въ пфальцской равнинѣ Рейна, этомъ величественномъ саду Германіи, осталась приблизительно только 1/50 часть населенія, которое въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, потерявъ всякое мужество и всякую надежду, бродило въ покрытой грудою развалинъ равнинѣ. И таковъ былъ видъ всей Германіи! Какъ былъ пораженъ „Симплициссимусъ“, герой увлекательнаго трогательнаго романа изъ эпохи тридцатилѣтней войны, когда онъ вступилъ на территорію Швейцаріи: „Мнѣ показалось, по сравненіи съ другими нѣмецкими землями, что я въ Бразиліи или въ Китаѣ! Тутъ я видѣлъ людей, работающихъ въ мирѣ, стойла, наполненныя скотомъ, крестьянскіе дворы, полные гусей, куръ и утокъ; дороги въ полной безопасности, гостинницы биткомъ набиты веселящимся народомъ; здѣсь даже никто не боится непріятеля, никто не заботится о томъ, чтобы не быть ограбленнымъ и не

страшится въ каждую минуту потерять свое имущество и жизнь". Такая картина невозмутимаго мира была знакома въ Германіи только развѣ изъ разсказовъ стариковъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не было ни одной мѣстности во всемъ государствѣ, которая бы не была по меньшей мѣрѣ одинъ или два раза, а въ большинствѣ случаевъ подолгу или ежегодно театромъ военныхъ ужасовъ, сраженій, переходовъ, опустошеній и пожаровъ. Кто бы ни вступалъ въ извѣстную территорію, другъ или врагъ— результатъ былъ одинъ и тотъ же; военная практика дошла до того, что какъ враги, такъ и друзья одинаково безцеремонно всѣмъ распоряжались. Военныя силы, собранныя отовсюду, безъ всякой національной или религіозной связи, лишенныя даже всякаго духа военнаго единства, становившіяся сегодня подъ одно, завтра подъ другое знамя, такія военныя силы трудно было держать въ подчиненіи и порядкѣ, даже обладая могучимъ умомъ и желѣзною волею. Теперь же, когда веденіе войны было передано въ руки людей, далеко не такого ума и воли, а военный и нравственный авторитетъ Валленштейна, Тилли и Густава-Адольфа былъ уже позабытъ,—это было еще труднѣе. Въ теченіе тридцатилѣтней войны можно видѣть не разъ, какъ солдаты и нижніе офицерскіе чины предписывали высшимъ своимъ начальникамъ условія дальнѣйшей своей службы; при такомъ упадкѣ военной дисциплины и порядка, будь даже къ тому самое горячее желаніе со стороны того или другаго военачальника, нельзя было удержать непокорныя банды отъ того, чтобы онѣ не искали себѣ исцѣленія отъ военныхъ трудовъ въ грубыхъ жестокостяхъ, въ дикомъ распутствѣ, алчномъ грабительствѣ и разбоѣ, и чтобы не объявляли все — состояніе, имущество, тѣло и жизнь гражданъ находящимися во власти солдатчины. А тутъ еще къ дурнымъ стремленіямъ и дикимъ страстямъ присоединилась нужда. Ужасное поведеніе солдатъ находитъ себѣ оправданіе отчасти въ томъ, что о правильномъ снабженіи ихъ пищей подъ конецъ войны уже не было и рѣчи, и что они естественно видѣли себя поставленными въ необходимость искать средствъ къ жизни и вознагражденія за службу тамъ, гдѣ только это представлялось возможнымъ. Налоги, займы и субсидіи иностранныхъ державъ, пользовавшихся лучшимъ финансовымъ положеніемъ, далеко не были достаточны для содержанія дорого обходившихся войскъ нѣмецкихъ князей; въ началѣ войны выпускъ фальшивой монеты былъ любимымъ средствомъ, къ которому прибѣгали государи съ цѣлью пополненія своей казны; низкопробная монета выдавалась за имѣющую свою номинальную цѣнность; но вотъ наступалъ моментъ, когда изъ подъ тонкой серебряной оболочки показывалась мѣдная или жестяная монета, и тогда она сразу падала до одной десятой своей номинальной цѣнности. Вырѣзываніе и вывѣшиваніе монетъ (Kipper- und Wipperwesen) было прозвищемъ, даннымъ въ насмѣшку этому безчестному ремеслу, процвѣтавшему всего болѣе въ Брауншвейгѣ и имѣвшему такія губительныя послѣдствія на торговлю, промышленность, кредитъ и благосостояніе государства. „Въ тѣ годы", сказано въ изложеніи монетнаго дѣла въ Богеміи, „императоръ приказалъ вычеканить монету изъ мѣди съ небольшою только подмѣсью серебра въ такомъ огромномъ количествѣ, что народъ, не понимая обмана, считалъ себя богатымъ; хорошія же монеты были вырываемы солдатами изъ рукъ людей силою. Цѣнность золота и серебра увеличилась въ десять разъ. Вдругъ, въ 1624 году императоръ объявилъ

настоящую цѣнность монетъ равною одной десятой части ихъ прежней номинальной цѣнности; это повлекло за собою невыразимыя бѣдствія, а государственные люди хвалились, что такимъ способомъ Богемія была лучше ограблена, нежели десятилѣтнимъ безпрерывнымъ постоемъ солдатъ; знатоки говорили, что вредъ, нанесенный Богеміи этою финансовою продѣлкою, былъ болѣе значителенъ, нежели убытокъ, который бы она понесла, еслибы половина ея выгорѣла отъ пожаровъ". Но со временъ Валленштейна, когда эти продѣлки съ фальшивою монетою уже не приводили къ желаемому результату, была введена разорительнѣйшая для страны система организованнаго грабежа,—контрибуцій и поборовъ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Солдатъ слѣдовалъ примѣру свыше, передѣлывая его на свой ладъ, и не считалъ для себя позоромъ преслѣдовать крестьянина въ самые скрытые уголки его жилища и отнимать у него послѣднія крохи пищи и имущества.

Рука объ руку съ хищническимъ грабежемъ шли самыя звѣрскія жестокости. Примѣромъ возмутительности военной жизни солдатъ, потерявшихъ всякое человѣческое чувство, можетъ служить одна изъ безчисленныхъ картинъ ужасовъ, рисуемыхъ исторіей того времени; мы приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ посланія нижне-саксонскихъ земскихъ чиновъ, относящагося къ 1637 году.

Вотъ, что тамъ сказано: „къ несчастью еще до сихъ поръ жива предъ глазами картина того, какъ кроаты и другія имперскія войска разоряли всю страну огнемъ и мечемъ съ такою безпощадностью, какой примѣровъ не было ни у римлянъ, ни у турокъ; все, что имъ попадалось подъ руку, они уничтожали, людямъ отрѣзывали языки, носы и уши, выкалывали глаза, вбивали гвозди въ голову и ноги, вливали расплавленную смолу, олово и свинецъ и всякаго рода нечистоты внутрь черезъ уши, носъ и ротъ; нѣкоторыхъ предавали мучительнѣйшей смерти, помощью разнаго рода орудій, многихъ, связавши веревками въ одну кучу, отводили въ поле и обращали въ мишень, по которой стрѣляли изъ ружей, другихъ привязывали къ хвостамъ лошадей и пускали въ поле; женщинъ безъ различія возраста, замужнихъ и дѣвушекъ, обезчещивали, отрѣзывали груди; на дѣтей бросались, какъ дикіе звѣри, четвертовали ихъ саблями, закалывали копьями и жарили въ печахъ; церкви и школы обратили въ клоаки, многія жилища, города и деревни сожигали и, кромѣ того, совершали еще массу такихъ варварскихъ дѣяній, которыхъ описать невозможно. И объ этихъ жестокостяхъ, совершавшихся какъ императорскими, такъ и шведскими и французскими войсками, имѣются извѣстія изъ всѣхъ округовъ Германіи".

При существованіи подобныхъ ужасовъ можно, конечно, легко себѣ вообразить ту страшную картину, которую представляло раздавленное и измученное государство въ моментъ, когда мечи были вложены въ ножны. „Какими несчастными выглядятъ города", восклицаетъ одинъ современникъ этой эпохи, „въ которыхъ прежде было до тысячи улицъ, а теперь едва осталась сотня,—сожженные, разваленные, разрушенные, безъ крышъ, безъ стропилъ, безъ оконъ и дверей! О Боже, какой ужасъ царствуетъ въ деревняхъ! Можно пройти десять миль и не встрѣтить ни одного человѣка, ни одного животнаго, ни одной бабочки; развѣ гдѣ-либо случайно попадется старикъ, ребенокъ или какія-нибудь двѣ старухи. Во всѣхъ деревняхъ дома переполнены трупами людей, задохшихся отъ зло-

вонія и погибшихъ отъ голода; волки, собаки и вороны пожираютъ ихъ, погибшихъ вдали отъ всѣхъ, никѣмъ неоплаканныхъ и непохороненныхъ". „Цвѣтущая Баварія", сказано въ другой хроникѣ, „сдѣлалась пустынею; едва ли десятая часть мужскаго населенія осталась тамъ, а кто еще оставался въ живыхъ, утолялъ свой голодъ мясомъ собакъ, кошекъ, червями, трупами уже умершихъ отъ голода товарищей. Богатыя поля оставались безъ обработки и поросли шиповникомъ и терномъ. На нивахъ показался лѣсъ, потому что по нимъ уже давно не проходитъ плугъ. Зато, съ уменьшеніемъ числа людей, стало увеличиваться число волковъ и всякихъ другихъ дикихъ звѣрей. Они безбоязненно выходили изъ своихъ темныхъ берлогъ къ пожарищамъ прежнихъ деревень, вырывали изъ земли трупы и сожирали ихъ. Цыгане, мошенники всякаго рода и разбойники шатались цѣлыми бандами безпрепятственно въ странѣ. Въ случаяхъ, когда курфюрсту приходилось отправляться на богомолье, онъ долженъ былъ для своей безопасности посылать впередъ конвои для очистки улицъ отъ всей этой сволочи". Полныя отчаянія, тѣ изъ крестьянъ, которые не были взяты въ солдаты, составляли разбойничьи шайки, и еще много времени спустя бандитство и небезопасность дорогъ свидѣтельствовали объ исчезновеніи всякаго гражданскаго и общественнаго порядка. Что касается до умственной и нравственной жизни нѣмецкаго народа, то и на нее эта война оказала самое развращающее вліяніе. Прекрасные культурные плоды реформаціоннаго періода совершенно исчезли. Живучій творческій духъ, внесенный въ церковь реформаторами, исчезъ передъ педантскимъ поклоненіемъ буквѣ символическихъ книгъ и передъ рабскимъ подчиненіемъ авторитету; узкая, съ упорствомъ и настойчивостью защищаемая, ортодоксія заняла мѣсто внутренней теплой вѣры, и въ той области, гдѣ въ XVI столѣтіи проявлялись жизнь и творческая дѣятельность, теперь царствовалъ грубый догматизмъ и протестантская схоластика, погибшая только впослѣдствіи подъ ударами піетистовъ и философовъ. Рука объ руку съ подобными явленіями въ образованномъ классѣ, шло въ народѣ самое дерзкое безбожіе или мрачное суевѣріе. Да и что же мудренаго въ томъ, что люди, которые перенесли на себѣ всѣ возможные ужасы, наконецъ усомнились въ Богѣ и предались безумной вѣрѣ въ колдуновъ и чертей. Ужаснымъ памятникомъ этого заблужденія является гоненіе на вѣдьмъ, совершавшее во время и послѣ тридцатилѣтней войны свои возмутительныя кровавыя оргіи. Конечно, и предыдущій вѣкъ не былъ свободенъ отъ вѣры въ чертей и вѣдьмъ; уже въ срединѣ XVI столѣтія было составлено въ такъ называемомъ „Молотѣ вѣдьмъ" (Malleus maleficarum) нѣчто въ родѣ юридическихъ постановленій, служившихъ для руководства въ обвиненіи и наказаніи этихъ несчастныхъ жертвъ суевѣрія; но своего апогея и обширнаго практическаго примѣненія со всѣми пытками и жестокостями, которымъ общество обучилось во время войны, это ужасное преслѣдованіе достигло только въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій до и послѣ Вестфальскаго мира. Многочисленные акты уголовныхъ процессовъ надъ такими обвиняемыми открываютъ намъ жесточайшую картину злоупотребленій, совершившихся правосудіемъ въ угоду темному суевѣрію. Стоило только, на основаніи даже самыхъ безсмысленныхъ подозрѣній или клеветъ, обвинить кого-нибудь въ чародѣйствѣ, какъ за этимъ сейчасъ же слѣдовало преданіе его мучительнымъ пыткамъ, вырывавшимъ въ большинствѣ

случаевъ признаніе за собою вины; разъ это признаніе имѣлось, за нимъ слѣдовалъ со стороны коллегіи судей надъ колдунами всегда одинъ и тотъ же вердиктъ „виновенъ“, получавшій часто отъ юридическихъ факультетовъ университетовъ свое одобреніе, послѣ чего „союзникъ сатаны“ безжалостно предавался сожженію на кострѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, а именно съ 1627 до 1629, по приказанію епископа Вюрцбургскаго, Филиппа-Адольфа Эренбергскаго, было сожжено 900 колдуновъ; въ графствѣ Нейсскомъ въ теченіе одного десятилѣтія погибло тою же смертью до 1000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ часто встрѣчались молодыя дѣвушки и даже маленькія дѣти. Случался ли гдѣ неурожай, или буря — вся злоба сваливалась на голову тѣхъ несчастныхъ, которымъ народная молва приписывала вину въ этихъ несчастіяхъ. Тщетно раздавались голоса разумныхъ и свѣтлыхъ личностей, какимъ, напримѣръ, былъ Фридрихъ фонъ-Шпе, одинъ изъ весьма немногихъ благодѣтелей человѣческаго рода изъ іезуитскаго ордена (въ его сочиненіи „Cautio criminalis“) противъ этихъ жестокостей; онѣ стали исчезать только при слѣдующемъ, болѣе подвинувшемся на пути прогресса поколѣніи. Точно такъ же, какъ была уничтожена или двигалась въ жалкомъ регрессивномъ направленіи религіозная жизнь, уничтожилась и національная жизнь. Подгнившій строй нѣмецкаго государства не могъ, понятно, укрѣплять или оживлять національнаго или патріотическаго чувства. Любовь къ родинѣ и нѣмецкое національное самосознаніе на долгое время совершенно умерли; съ того времени сдѣлалось почти аксіомой то положеніе, что нѣмецкій народъ неспособенъ, подобно другимъ націямъ, играть какую-нибудь роль въ политическомъ отношеніи или создать могущественное государственное устройство. Даже цвѣты умственной и художественной жизни, которые должны были хоть восполнить собою политическое безсиліе, даже и они, обданные ледянымъ дыханіемъ войны, замерзли и завяли. Искусство, давшее такіе прекрасные плоды въ прежнія времена, погибло надолго. Науки цѣпенѣли и задыхались въ безплодныхъ мелочныхъ формулахъ и безсмысленномъ педантизмѣ; университеты, бывшіе незадолго предъ тѣмъ свѣточами развитія, во время войны почти совершенно заглохли, и только впослѣдствіи исподволь стали пріобрѣтать хоть нѣкоторое значеніе. Дѣло народнаго образованія, для котораго было такъ много сдѣлано во время реформаціи, находилось въ величайшемъ упадкѣ, въ жалкомъ забвеніи, и нужна была по истинѣ самая ревностная преданность этому дѣлу и заботливость о немъ со стороны благомыслящихъ князей, разумныхъ педагоговъ и государственныхъ людей, чтобы снова поднять его въ Германіи на прежнюю высоту.

XLVI. Вліяніе тридцатилѣтней войны на политическую, общественную и умственную жизнь Германіи.

(Изъ соч. Геттнера: „Нѣмецкая литература XVIII вѣка“).

Германія тяжко больною вступила въ несчастную тридцатилѣтнюю войну. Въ концѣ ея она была смертельно истощена.

Бываютъ войны, которыми нація возвышается и укрѣпляется; это— войны за власть и величіе, за честь и свободу. За персидскими войнами

слѣдовали въ Греціи блестящія времена Перикла; Шекспиръ и голландскіе живописцы, даже Корнель и Расинъ поднялись, какъ побѣдоносный фениксъ изъ дымящагося хлама, оставленнаго тяжелыми конституціонными войнами. Тридцатилѣтняя война была, напротивъ, войной самаго постыднаго униженія, безъ твердой цѣли и безъ возвышающаго одушевленія. Идеальная религіозная цѣль въ теченіе войны болѣе и болѣе терялась изъ виду; это была почти только война за владычество австрійскаго дома и за нарушенныя требованія и выгоды отдѣльныхъ государей. Съ одной стороны были испанцы, итальянцы и кроаты; съ другой—датчане, шведы и французы. Наконецъ, это была дикая рѣзня для удовлетворенія свирѣпой жадности необузданныхъ ордъ. Во время заключенія мира состояніе Германіи было самое плачевное. До взрыва войны три четверти Германіи, не смотря на всѣ усилія, еще оставались протестантскими, теперь вся Австрія и большая треть всей остальной Германіи стали католическими. Обширныя и плодородныя области достались иностранцамъ. Вся страна была опустошена и обезлюдѣла. Блескъ тѣхъ свободныхъ и сильныхъ городовъ, гдѣ нѣкогда процвѣтали искусства и всемірная торговля, теперь потухъ. Нравы разнуздались и одичали отъ распутной толпы наемщиковъ, отъ отчаянной борьбы съ житейскими нуждами, отъ простора для всѣхъ низкихъ и себялюбивыхъ страстей. Грубость и суевѣріе господствовали повсюду.

Люди, дорожившіе благосостояніемъ и честью Германіи, не могутъ вспомнить объ этой гибельной войнѣ безъ глубокаго ужаса. Надобно прочесть описанія Филандера фонъ-Зиттевальда и сатиры Логау, чтобы почувствовать все горе, проникавшее и снѣдавшее тогда лучшихъ людей народа.

И однакоже сильныя и продолжительныя послѣдствія этой войны были еще гибельнѣе, чѣмъ сама война.

Императорскій домъ былъ униженъ. Опасности, которыми грозило Германіи возобновленіе старой политики Габсбургскаго дома, были устранены. Но единство нѣмецкой имперіи, сдѣлавшееся пустымъ призракомъ уже съ пассаускаго договора, было окончательно разрушено. То, что еще называлось теперь имперіей, было новое, неустроенное государство, происшедшее изъ совершенно другихъ условій. Государи и сословія находятся теперь между собой не въ отношеніяхъ имперскаго права, а въ отношеніяхъ права международнаго. Миръ заключала уже не имперія, какъ имперія, а отдѣльные владѣтели. Прежнія территоріи стали государствами, свобода государей стала верховной властью, имперія—международнымъ союзомъ.

Правда, едва ли стоило жалѣть объ упадкѣ прежняго порядка вещей. Тѣ язвительныя нападенія, которыя направляетъ противъ Габсбургскаго дома шведскій исторіографъ Филиппъ Богиславъ фонъ-Хемницъ въ своей книгѣ, изданной въ 1640 г. подъ именемъ „Hippolytus a Lapide: De ratione status in Imperio nostro Romano-Germanico",—эти нападенія въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, быть можетъ, преувеличены по себялюбивому духу партій; но въ сущности ихъ большое дѣйствіе основывалось на ихъ несомнѣнной правдѣ. Все, что только происходило полезнаго, и все, что только сдѣлало блестящаго нѣмецкое оружіе, все это сдѣлала только сила отдѣльныхъ государствъ и общая выгода или общее сопротивленіе отдѣльныхъ договоровъ и союзовъ. Поэтому даже Пуфендорфъ и Лейбницъ

рѣшительно проповѣдуютъ возвышеніе и самостоятельность отдѣльныхъ государей, въ независимости которыхъ они видятъ сущность „нѣмецкой свободы". Но когда гнилая старина упала, на ея мѣстѣ не появилось прочной новой постройки, и это было несчастіемъ самымъ печальнымъ. Фридрихъ Великій назвалъ нѣмецкое имперское устройство, вышедшее изъ Вестфальскаго мира, „свѣтлѣйшей республикой государей съ выборнымъ властителемъ во главѣ". Если мы взглянемъ на бездѣйствіе и неповоротливость вѣчнаго имперскаго сейма, на безнадежную испорченность медленной имперской юстиціи, на беззащитность и слабость имперскаго устройства; если мы обратимъ вниманіе на то, какъ въ послѣдовательномъ ряду различныхъ императорскихъ избирательныхъ капитуляцій постоянно обнаруживается только болѣе и болѣе возрастающая власть отдѣльныхъ государей въ ущербъ единству имперіи,—то вѣрнѣе назвать это устройство конституированнымъ безначаліемъ. Германія переставала быть дѣйствительно Германіей; это было только традиціонное географическое названіе для трехсотъ шестидесяти слишкомъ духовныхъ и свѣтскихъ независимыхъ властей, которыя, какъ вредныя сорныя травы, отнимали у народа здоровье и силу. Внѣшнее политическое значеніе Германіи было уничтожено. Если австрійскій домъ, владѣвшій болѣе чѣмъ третью имперской территоріи, могъ и впослѣдствіи считаться главой имперіи, то Швеція и особенно Франція, по своему вліянію, были сильнѣе. Нѣмецкая исторія въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія есть непрерывная цѣпь страданій, рядъ самыхъ насильственныхъ захватовъ и завоеваній со стороны Франціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ исчезало сознаніе государственной силы, исчезалъ и послѣдній остатокъ любви къ отечеству и народнаго сознанія. Не только Германъ Конрингъ, знаменитый гельмштедтскій ученый политикъ и полигисторъ, подкупленный Франціею, но и чистые, благородные люди, какъ одно время даже Лейбницъ, видѣли въ Людовикѣ XIV (по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, какъ обнаружился весь вредъ его политики) втораго Карла Великаго, предназначеннаго на то, чтобы охранять Германію отъ опасностей, грозящихъ съ востока, и отъ себялюбія Австріи. Когда газетные листки тѣхъ временъ, такъ называемыя „реляціи", по поводу грабительства въ Эльзасѣ и Пфальцѣ съ большой точностью разсказываютъ, какой вредъ потерпѣли города, сколько гражданъ было убито, сколько домовъ сожжено, сколько лошадей украдено, сколько скотины перебито, сколько денегъ заплачено, но при этомъ никогда ни однимъ словомъ не упоминаютъ о нарушенномъ благѣ отечества, о потерѣ имперской территоріи, о позорѣ нѣмецкаго имени,—то это показываетъ всю внутреннюю гнилость настроенія тогдашней эпохи.

Чѣмъ больше вялы и безхарактерны становились формы высшей имперской власти, тѣмъ неограниченнѣе выростала и усиливалась власть мѣстныхъ владѣтелей. Если герцогъ Іоаннъ-Фридрихъ Ганноверскій сказалъ: „я самъ императоръ въ своей странѣ", то это былъ общій девизъ всѣхъ нѣмецкихъ государей. Услужливые придворные публицисты прилежно трудились надъ тѣмъ, чтобы дать фактическимъ нововведеніямъ освященіе преданія и историческаго права. Старинные юристы представляли императора преемникомъ цезарей и прилагали къ нему то ужасающее положеніе, что государь свободенъ отъ узъ закона и что все, что вздумается государю, имѣетъ силу закона; теперь всякій малѣйшій

ландграфъ полагалъ, что можетъ требовать себѣ такихъ же императорскихъ правъ.

Пышность и всемогущество Людовика XIV были заманчивымъ примѣромъ. Государство считалось личной собственностью государей по Божіей милости. Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, съ тою же цѣлью и тѣми же средствами почти вездѣ отдѣлались отъ скучнаго соуправленія сословныхъ сеймовъ и отъ ихъ права утвержденія налоговъ, и вѣрноподданнѣйшія представленія этихъ сеймовъ называли „нарушеніемъ респекта къ государю". Устроены были постоянныя арміи, создано было тѣсно объединенное чиновническое и полицейское государство, государи окружили себя строго опредѣленнымъ этикетомъ и блестящимъ придворнымъ штатомъ. Даже самое право первородства въ престолонаслѣдіи, только что утвержденное въ это время и распространившееся вездѣ, право само по себѣ столь полезное, въ большей части домашнихъ распоряженій нѣмецкихъ государей доказывалось не пользою для государства, а главнымъ образомъ необходимостью поддерживать Splendeur, Estime и Lustre (какъ любили тогда выражаться французскими словами).

Конечно, неограниченность власти государей была и здѣсь столько же благотворна и исторически необходима, какъ во Франціи, противъ сохраненія стараго феодальнаго государства, противъ высокомѣрія юнкеровъ, которые держали себя на подобіе старинныхъ рыцарей-разбойниковъ, даже противъ сословной жизни, гнилой, себялюбивой и погрязшей въ исключительныхъ привилегіяхъ. Единство государственнаго устройства, правда въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ, было спасено. Было нѣсколько отличныхъ государей, понимавшихъ всю важность своего времени и своего призванія. Эрнестъ благочестивый готскій, Іоаннъ-Филиппъ Шёнборнскій представляютъ высокіе примѣры хорошихъ государей. Великій курфюрстъ Бранденбургскій, выросшій подъ впечатлѣніями голландскаго могущества и свободы, герой и политикъ широкаго стиля положилъ основанія величію и будущности Пруссіи. Но на первое время эта новая и сама по себѣ необходимая политическая идея являлась большею частью только въ самомъ отталкивающемъ и враждебномъ народу видѣ. Огромное большинство нѣмецкихъ государей и владѣтелей не знало другой высшей цѣли, кромѣ обезьянскаго подражанія французской пышности, расточительности и разврату. Въ „Анти-Макіавелѣ" Фридриха Великаго есть удивительная эпиграмма: „Il n'y a pas jusqu'au cadet d'une ligne apanagée qui ne s'imagine d'être quelque chose de semblable à Louis XIV; il bâtit son Versailles, il a ses maîtresses et entretient ses armées".

Во Франціи абсолютная монархія при Ришелье и Мазарини и въ первое блестящее время великаго короля оживила и усилила народный духъ; односторонне, но съ одушевленіемъ и жаждой дѣятельности, литература и искусство французскаго классицизма прославляли эту возвышающуюся и побѣдоносную монархію. Напротивъ, въ Германіи, хотя народъ терпѣлъ тѣ же страданія и притѣсненія, какъ во Франціи, и притомъ тѣмъ больше, что у него было больше государей, не было вовсе той оживляющей черты, которую представляли во Франціи великія цѣли и широкія предпріятія. Съ одной стороны, самый крайній деспотизмъ и самый недостойный способъ дѣйствій дворянства; съ другой — продажное угодничество и тупое мелкое мѣщанство. Приходишь въ содроганіе, развертывая позорную картину жизни тогдашнихъ нѣмецкихъ государей; и

не меньше содрогаешься, когда видишь, что такія слова, съ какими, напримѣръ, гамбургскій композитъ и музыкальный писатель Маттесонъ обращался въ посвятительной рѣчи къ ландграфу Эрнесту-Людвигу гессенскому: „еслибы Богъ не былъ Богомъ, то кто могъ бы справедливѣе быть Богомъ, какъ не ваша высокогерцогская свѣтлость?“ — когда видишь, говоримъ, что эти слова были только безстыднымъ выраженіемъ всеобщаго рабскаго настроенія.

Рядомъ съ этимъ абсолютизмомъ государей стоялъ еще абсолютизмъ церковный. Тупой закоснѣлости клерикаловъ не исправило и кровавое крещеніе тридцатилѣтней войны. Правда, въ отдѣльныхъ благородныхъ сердцахъ зажигалась глубокая потребность въ мирѣ, духъ человѣколюбія и примиренія. Логау спрашиваетъ: „Если религія состоитъ въ сердечной любви, то какъ же ищутъ ея желѣзомъ въ крови?“ Онъ прибавляетъ еще: „Правда, есть три вѣры—лютеранская, папистская и кальвинистская, но спрашивается, гдѣ же само христіанство?“

Такія же мысли выражаются въ разныхъ сатирическихъ картинахъ и пѣсняхъ изъ конца этой войны. Свободномыслящій гельмштедскій профессоръ лютеранской теологіи, Георгъ Каликстъ, воспитавшійся обширнымъ гуманистическимъ изученіемъ и путешествіями въ Англію, Голландію, Италію и Францію, неустрашимо и неутомимо стремился примирить и соединить спорившія церкви, какъ протестантскія, такъ и католическую, выставляя ученіе первыхъ пяти вѣковъ христіанства, какъ ихъ общую связь. Но это было безуспѣшно; бѣшенство духовныхъ стало свирѣпствовать снова. Торнскій съѣздъ для совѣщанія о религіи, созванный (1645) съ цѣлью этого церковнаго соединенія, потерпѣлъ постыдную неудачу, и раздѣленіе стало еще ожесточеннѣе. Лютеранскіе блюстители Сіона, въ особенности Авраамъ Каловъ изъ Виттенберга, въ многочисленныхъ и толстыхъ пасквиляхъ ратовали противъ того, что Каликстъ, по принципамъ своего презрѣннаго „синкретизма“, хочетъ принять въ братья лютеранскаго христіанства не только папистовъ и кальвинистовъ, но социніанъ и арминіанъ, даже іудеевъ и турокъ. Возобновились самыя грубыя преслѣдованія. Дѣло дошло до того, что напримѣръ въ Кенигсбергѣ, когда умеръ обвиненный въ синкретизмѣ профессоръ и проповѣдникъ Бемъ, то, по предложенію его сотоварищей, ему отказано было въ христіанскомъ погребеніи; а проповѣдникамъ Дрейеру и Лайтербаху печатно угрожали, что и они, „какъ позорные мамелюки, какъ исказители чистаго ученія, какъ основатели новой самаританско-вавилонско-гермафродитской секты, какъ предатели принятаго ими подъ присягою аугсбургскаго исповѣданія, какъ предатели Бога и нарушители данной ему клятвы, конечно, не получатъ честнаго погребенія, а будутъ просто зарыты, какъ скотина“. Каловъ старался даже навязать церкви новую символическую книгу, которая своею закоснѣлостью и духомъ преслѣдованія далеко превосходила даже Concordien-Formel. Когда великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ открыто покровительствовалъ реформатской церкви, ректоръ одной берлинской гимназіи, Іоганнъ Гейнцельманъ, произнесъ въ воскресенье передъ Троицей 1657 года бѣшеную проповѣдь, въ которой говорилъ: „Кто не лютеранинъ, тотъ проклятъ; я знаю, что я говорю это съ опасностью для своей свободы и жизни, но я—служитель Христа“. И когда курфюрстъ въ 1663 г. хотѣлъ вновь устроить совѣщаніе о религіи между реформатами, то Павелъ Герардъ,

авторъ благочестивыхъ пѣсенъ, въ качествѣ діакона при церкви св. Николая въ Берлинѣ, объявилъ, что онъ, хотя и допускаетъ, что между реформатами есть христіане, но чтобы реформаты сами по себѣ были христіанами и въ этомъ качествѣ были его братьями, этого допустить онъ не можетъ. Когда въ 1664 г. курфюрстъ запретилъ всякія обвиненія въ ересяхъ и споры съ каѳедръ, берлинское духовенство обратилось къ богословскимъ факультетамъ въ Гельмштедтѣ, Іенѣ, Виттенбергѣ и Лейпцигѣ и къ церковнымъ управленіямъ въ Гамбургѣ и Нюренбергѣ съ вопросомъ, слѣдуетъ ли повиноваться этому приказу; кромѣ Нюренберга, всѣ увѣщевали его къ самому рѣшительному сопротивленію. Мнѣніе виттенбергскихъ богослововъ, составленное Каловомъ, высказываетъ при этомъ самымъ откровеннымъ образомъ, что реформаты, конечно, обязаны оказывать терпимость лютеранамъ, не подпадая осужденію, потому что они не могли бы указать лютеранамъ никакихъ основныхъ ошибокъ, но что о лютеранахъ этого предполагать невозможно.

Этотъ двойной гнетъ государственнаго и церковнаго абсолютизма мало способенъ былъ возвысить умственно и нравственно народную силу, ослабленную и одичалую отъ долголѣтнихъ и свирѣпыхъ военныхъ смутъ.

Государи и придворное дворянство почти перестали быть нѣмцами. Уже Логау, который умеръ въ 1655 году, безъ конца жалуется на платье „à la mode“ и на понятія „à la mode“, и съ печалью говоритъ, что какъ идетъ дѣло снаружи, такъ оно идетъ и внутри. Эти жалобы благородно мыслящихъ людей съ каждымъ годомъ становятся все болѣе мрачными и безнадежными. Прочтите прекрасную, глубоко печальную главу Филандера фонъ-Зиттевальда: „à la mode Kehraus“. И Лейбницъ, самъ ловкій придворный и писавшій большей частью по-латыни и по-французски, говоритъ: „Послѣ мюнстерскаго и пиренейскаго мира у насъ взяли верхъ какъ французское могущество, такъ и языкъ. Францію стали считать какъ будто образцомъ всякаго изящества; и наши молодые люди, и даже молодые государи, не зная своей родины и потому удивляясь всему французскому, не только унизили свое отечество въ глазахъ иностранцевъ, но внушаютъ презрѣніе и самимъ себѣ, и по незнанію возымѣли отвращеніе къ нѣмецкому языку и обычаямъ, которое осталось у нихъ и въ зрѣлые годы. Съ теченіемъ времени эти молодые люди большей частью получили значеніе и важныя должности,—если не за свои дарованія, которыя у иныхъ и бывали, то по своему происхожденію или по другимъ обстоятельствамъ: и такимъ образомъ эти офранцуженные люди многіе годы управляли Германіей и подчинили ее, если не французскому господству,—для чего, правда, не доставало только немногаго,— то французскимъ модамъ и языку“.

Не менѣе упала и ученость. Въ школахъ и теперь, какъ прежде, господствовало только упражненіе въ латинской диспутаціи. Изученіе греческаго языка ограничивалось самымъ небольшимъ числомъ часовъ, да и въ эти часы читался исключительно только Новый Завѣтъ. Исторія совершенно отсутствуетъ въ преподаваніи; въ Fürstenschule, въ Мейссенѣ, она является только съ 1702 г., въ Любекѣ съ 1729 г. Въ программахъ іенскаго университета за 1656, 1688, 1689, 1690, 1695 годы нѣтъ даже объясненія библейскихъ книгъ. Главнымъ дѣломъ и теперь была еще догматика, особенное искусное разрѣшеніе господствующихъ спорныхъ вопросовъ; въ нѣкоторыхъ университетахъ учреж-

дены были особыя профессуры для богословской полемики. Настоящая свободная наука, которая была идеаломъ великихъ гуманистовъ, исчезла даже по имени. Отсюда самая ужасная порча нравовъ. Профессоры впадаютъ нерѣдко въ самое постыдное распутство, часто даже въ самыя низкія преступленія. Безнравственность студентовъ напоминала старыхъ наемныхъ солдатъ. Время проходило въ необузданныхъ попойкахъ, къ которымъ присоединялись кровопролитныя драки студентовъ между собою или студентовъ съ горожанами; наконецъ господствующій дикій такъ называемый пеннализмъ (студенческій обычай, подчинявшій до глупаго рабства младшихъ студентовъ старшимъ), пошлость котораго печально обнаруживается, напримѣръ, въ повелѣніи курфюрста Саксонскаго Георга II, въ которомъ говорилось, что „старшіе студенты не должны заставлять младшихъ носить рваное платье, не должны замазывать имъ рта противной размазней, и заставлять ихъ чистить себѣ сапоги“. „Академическій романъ“ Гаппеля не задумываясь разсказываетъ, что даже воровство считалось только шуткой; это называлось promoviren.

Горожанинъ, загнанный въ мелкія отношенія бѣдныхъ маленькихъ государствъ и потому лишенный всякой внутренней силы, теряется въ тѣсной и ограниченной сферѣ бюргерства, которое вмѣстѣ съ самостоятельнымъ правомъ защиты и общиннымъ управленіемъ совершенно потеряло и всякую широту взгляда и нѣкогда столь мужественную бюргерскую гордость. Богатые соперничаютъ съ дворянствомъ въ пустомъ подражаніи иностранному, въ бездѣльи и любви къ удовольствіямъ: ужасно видѣть, что именно въ это время, наполненное величайшими бѣдствіями, безпрестанныя распоряженія полицейской опеки о платьяхъ, пріемѣ гостей, свадьбахъ, свидѣтельствуютъ о самой притязательной любви къ пышности, о крайнемъ пьянствѣ и обжорствѣ. Ремесленникъ и мелкій чиновникъ, вполнѣ зависящій отъ милости знатнаго, впадаетъ въ низкопоклонство, къ искательство ранговъ и титуловъ, злостное сплетничество и всѣ тѣ пороки внутренняго рабства, которые еще и теперь крайне невыгодно отличаютъ мелкихъ нѣмецкихъ горожанъ отъ того же класса общества въ Англіи, Франціи и Италіи. Крестьяне, составлявшіе почти семьдесятъ процентовъ всего населенія, были крѣпостные и были крайне обременены податями. Крестьянинъ велъ бѣдственную рабскую жизнь, и потому часто пріобрѣталъ ожесточенный характеръ, враждебный даже къ самымъ доброжелательнымъ улучшеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы перенесемся въ эту тупую, разбитую, безнадежную жизнь, въ эти мнѣнія и нравы, то кажется почти чудомъ, что Германія избавилась отъ этого упадка и въ сравнительно короткое время не только догнала другія, опередившія ее, страны въ искусствѣ и наукѣ, въ нравахъ и образованности, но даже и перегнала ихъ.

Итакъ, гдѣ же находилось плодотворное зерно спасительнаго обновленія и возрожденія?

Само собою ясно, что зло могло быть удалено дѣйствительно и въ самомъ его основаніи только тогда, когда остановившаяся жизнь потечетъ снова, когда свѣжее, могущественное, національное содержаніе вызоветъ на одушевленіе и на подвигъ окостенѣлые и опошлѣвшіе умы. Вотъ тотъ секретъ, почему Фридрихъ Великій, несмотря на его пренебреженіе къ нѣмецкому духу, былъ однако въ высшемъ смыслѣ освободителемъ нѣмцевъ.

Но по счастью еще и до него появились нѣкоторые подготовительные, въ высшей степени благотворные начатки.

Главнымъ образомъ это были возбужденія проникавшей въ Германію чужой образованности, которыя внушили ужасъ къ собственному ничтожеству, потребность въ болѣе богатой умственной жизни, мужество и силу для свѣжихъ стремленій.

Это былъ поразительный и вѣчно достопамятный поворотъ. Подражаніе чужеземному, составлявшее величайшій вредъ для Германіи, было вмѣстѣ съ тѣмъ и основаніемъ ея спасенія.

ВѢКЪ ЛЮДОВИКА XIV.

XLVII. ВСТУПЛЕНІЕ ЛЮДОВИКА XIV ВЪ САМОДЕРЖАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ И ЕГО ТЕОРІЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХІИ.

(Изъ соч. Гальярдена: „Histoire du règne de Louis XIV“).

Лишь только Людовикъ узналъ о смерти Мазарини, онъ послалъ за канцлеромъ Сегье, министрами ле-Теллье и де-Ліоннъ и за суперинтендантомъ финансовъ Фуке. Немедленно по прибытіи названныхъ лицъ, король имѣлъ съ ними совѣщаніе. Онъ объявилъ имъ, что принимаетъ на себя управленіе государственными дѣлами, запретилъ подписывать или рѣшать какіе-либо вопросы, не переговоривъ предварительно съ нимъ, и предложилъ имъ направлять всѣхъ просителей непосредственно къ нему самому. Королева-мать не была приглашена на это совѣщаніе. Это было всѣми замѣчено; она сама довольно ѣдко выразилась по этому поводу: „я отлично знала“, сказала она, „что онъ окажется неблагодарнымъ, и будетъ разыгрывать изъ себя способнаго человѣка“. Если король и сознавалъ этотъ упрекъ, то это выражалось лишь въ стараніи смягчить неблагодарность сыновней уступчивостью. За этимъ первымъ объясненіемъ послѣдовали два другія, въ которыхъ король высказался еще болѣе опредѣленнымъ образомъ. На другой день президентъ духовнаго совѣта Гарлей де-Шанваллонъ, архіепископъ руанскій, обратился къ нему отъ лица своихъ сотоварищей: „Ваше величество“, сказалъ онъ, „вы изволили приказать мнѣ обращаться во всѣхъ случаяхъ къ кардиналу Мазарини; вамъ извѣстно, что онъ умеръ, и я прошу ваше величество указать мнѣ лицо, къ которому я долженъ обращаться на будущее время“. Король отвѣчалъ: „обращайтесь ко мнѣ, ваше высокопреподобіе, и я не буду томить васъ“.

Въ тотъ же день король пригласилъ къ себѣ министровъ вмѣстѣ съ особами первыхъ чиновъ двора. Онъ выразилъ имъ свое желаніе на будущее время принять на себя лично всѣ бразды правленія. Въ виду этого онъ считаетъ излишнимъ назначать перваго министра и желаетъ, чтобы всѣ лица, занимающія извѣстныя должности, исполняли, подъ его руководствомъ, свои обязанности въ предѣлахъ предоставленной имъ власти; а буде ему встрѣтится надобность въ ихъ совѣтѣ, то онъ остав-

ляетъ за собой право обратиться къ нимъ за таковымъ. Всѣ присутствовавшіе обѣщали повиноваться его волѣ, но никто еще не вѣрилъ, что онъ будетъ въ состояніи сдержать свое слово и выполнить подобное обязательство.

Для разрѣшенія церковныхъ вопросовъ онъ учредилъ особый совѣтъ. Этотъ совѣтъ состоялъ изъ духовника короля, архіепископа тулузскаго, предназначеннаго уже въ парижскіе архіепископы, и нѣкоторыхъ другихъ. Различныя направленія этихъ совѣтниковъ позволяли ему извлекать изъ ихъ преній истинный взглядъ на дѣло, а внимательное испытаніе кандидатовъ на полученіе доходныхъ духовныхъ должностей препятствовало съ помощью протекціи устраивать дѣлишки пріятелей, проводить ихъ словно случайно и безъ разбора. Въ то же время король распредѣлилъ часы своихъ занятій. Онъ принялъ за правило работать два раза въ день по текущимъ дѣламъ: утромъ, какъ всталъ—до обѣдни, и въ полдень послѣ обѣда; часы дня, въ которые Людовикъ XIV принималъ королеву и другихъ особъ царской фамиліи женскаго пола, а равно и частныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ не должны были отнимать ни минуты времени, назначаемаго для засѣданій совѣта и докладовъ министровъ. Въ промежуткахъ назначались аудіенціи для частныхъ лицъ; король былъ доступенъ для всякаго и съ неутомимымъ терпѣніемъ выслушивалъ всѣ просьбы; сами враги Людовика XIV признаютъ, что онъ вносилъ въ эти аудіенціи духъ необыкновенной справедливости и неподдѣльное желаніе узнать всю правду. Король принималъ всякое прошеніе, адресованное на его имя, и, какъ бы многочисленны ни были эти просьбы, онъ посвящалъ одинъ день въ недѣлю, субботу, на отвѣты по нимъ. Установивъ разъ эти правила, онъ никогда болѣе не измѣнялъ имъ. Основанія, приводимыя имъ для объясненія своихъ поступковъ, настолько заслуживаютъ похвалы, что исторія можетъ воспользоваться ими, какъ элементами для его похвальнаго слова. Онъ не отрицаетъ, что жажда славы увлекала его и, можетъ быть, обусловила появленіе тѣхъ нововведеній, которыя такъ сильно поражали умы современниковъ; онъ не отрицаетъ также, что его дебюты на поприщѣ государственной дѣятельности, распространившіе лестное о немъ мнѣніе и создавшіе ему какъ бы извѣстность, послужили ему дальнѣйшимъ двигателемъ, побуждавшимъ идти далѣе въ томъ же направленіи. Но что особенно вдохновляло и поддерживало его, это высокое чувство наслажденія, испытываемое имъ отъ сознанія важности производимой работы.

„Царствовать значитъ работать", говорилъ онъ въ своихъ мемуарахъ и наставленіяхъ, написанныхъ имъ для дофина. „Кто не работаетъ, тотъ не царствуетъ. Дѣлать одно безъ другаго значитъ оскорблять Бога и быть несправедливымъ тиранномъ по отношенію къ людямъ. Я не могу достаточно выразить вамъ, какіе хорошіе плоды получены были мною вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ. Я сознавалъ, что духъ мой окрѣпъ и возвысился, и почувствовалъ себя совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ прежде; я открылъ въ себѣ такія качества, которыхъ и не подозрѣвалъ раньше, и упрекалъ себя, что я ихъ игнорировалъ такъ долго. Прежняя робость, сильно безпокоившая меня, особенно если случалось говорить долго и публично, разсѣялась въ прахъ". Лица, относившіяся прежде съ недовѣріемъ къ его настойчивости и признававшія его горячность къ работѣ за капризъ пылкаго человѣка, вскорѣ поняли свое заблужденіе. Онъ неуклонно шелъ

по разъ намѣченной дорогѣ, разрѣшалъ всѣ вопросы какъ внѣшней, такъ и внутренней политики, заботился обо всемъ, лично отвѣчалъ на обращаемыя къ нему просьбы, прибѣгая изрѣдка къ содѣйствію своихъ статсъ-секретарей, и не пренебрегалъ дѣльными людьми, поступавшими на государственную службу; при всемъ этомъ онъ пользовался властью вполнѣ единолично и умѣлъ сдерживать самыхъ ревностныхъ своихъ министровъ въ границахъ, весьма отдаленныхъ отъ чрезмѣрныхъ притязаній, свойственныхъ первымъ министрамъ.

Онъ желалъ не только самодержавно управлять своимъ государствомъ, но быть полнымъ властителемъ Франціи, не раздѣляя ни съ кѣмъ этого высокаго призванія. Эта мысль выражалась довольно прозрачно въ выборѣ лицъ, которымъ Людовикъ XIV поручалъ самыя высшія должности въ государствѣ. Удерживая въ качествѣ ближайшихъ своихъ помощниковъ людей изъ средняго сословія, онъ исключилъ тѣмъ самымъ всѣхъ принцевъ крови и знатнѣйшихъ вельможъ, недавнихъ соперниковъ его власти, отъ всякихъ заботъ государственнаго управленія. Де-Ліоннъ былъ незначительнымъ дворяниномъ, извѣстность котораго создалась подъ вліяніемъ удачно выполненныхъ дипломатическихъ порученій и ничуть не зависѣла отъ знатности его рода. Ле-Теллье, бывшій интендантъ арміи, затѣмъ членъ государственнаго совѣта, обязанъ былъ своимъ повышеніемъ единственно усердію къ работѣ и опытности въ дѣлахъ; онъ не старался придать себѣ знатности составленіемъ ложной генеалогіи и признавалъ даже, что санъ герцога не идетъ гражданскому чиновнику и скорѣе долженъ быть даваемъ за военные подвиги. Фуке пользовался поддержкой въ парламентѣ, лишь благодаря своему титулу генеральнаго прокурора. Правда, его расхищенія государственной казны купно со многими соучастниками связали съ его судьбой интересы многихъ лицъ, особенно въ высшихъ классахъ общества. Однако подозрѣніе въ воровствѣ, тяготѣвшее надъ нимъ и уже доведенное до свѣдѣнія короля, позволяло держать его въ рукахъ подъ страхомъ могущаго постигнуть наказанія, а его обширныя свѣдѣнія, искусство и изворотливость при рѣшеніи самыхъ запутанныхъ вопросовъ представляли много привлекательнаго. Король находилъ этихъ трехъ людей „*удовлетворительными*“, какъ онъ самъ выражался, для того, чтобы они подъ его руководствомъ исполняли возложенныя на нихъ обязанности. Найти министровъ съ болѣе выдающимися способностями значило бросить тѣнь на самого себя.

И дѣйствительно, ничто не способствовало такъ упроченію собственной репутаціи, какъ возможность доказать, что лица, услугами которыхъ онъ пользовался, принадлежатъ къ такому классу людей, съ которыми онъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго намѣренія дѣлиться властью. Названныя же лица, сознавая свое положеніе и чувствуя, что все ихъ значеніе вполнѣ опредѣляется ихъ повелителемъ, также не имѣли возможности питать какія-либо надежды, не соотвѣтствующія его планамъ. Ихъ существованіе какъ министровъ зависѣло исключительно отъ ихъ служебной дѣятельности, и эта дѣятельность, въ свою очередь, должна была отличаться точностью и стараніемъ.

Кромѣ того, подобное рѣшеніе, прибавляетъ г-жа де-Мотевиль, мотивировалось желаніемъ по возможности менѣе разглашать тайны государственныхъ дѣлъ и устранить принцевъ и знатнѣйшихъ вельможъ отъ кормила правленія. Король не могъ предоставить имъ извѣстной доли

въ управленіи государствомъ безъ того, чтобы они тотчасъ же не выразили претензіи на еще большую долю, и королевская власть чувствительно потерпѣла бы отъ подобнаго раздробленія. Принцы крови исчезли съ политической арены. Великій Конде былъ низведенъ къ домашнимъ обязанностямъ церемоніймейстера. Король слишкомъ боялся его и хотя и помиловалъ, но не рѣшился даровать ему полнаго прощенія, и принцъ долженъ былъ ожидать вплоть до 1668 г. права снова взяться за шпагу. А до тѣхъ поръ побѣдитель при Рокруа прислуживалъ королю, королевамъ, брату короля и его женѣ. Невозможно было, говоритъ не безъ насмѣшки историкъ, глядя, „съ какою почтительностью и ловкостью“ онъ исполнялъ свои обязанности, не вспомнить давнопрошедшія времена и не возблагодарить Бога за водворившійся миръ. Занятія и положеніе де-Бофора были не менѣе смиренны: „мы видѣли, какъ герцогъ де-Бофоръ, этотъ вождь всѣхъ фрондеровъ и высокомѣрныхъ, нѣкогда царь рыночной толпы, съ поспѣшною суетливостью прислуживалъ своему повелителю за обѣдомъ, передавая блюдо изъ рукъ принца, или же отличался на королевской охотѣ, гдѣ онъ съ такимъ жаромъ убивалъ дикихъ звѣрей, что какъ будто бы хотѣлъ этимъ показать, что онъ съ большей еще охотой поразилъ бы своихъ враговъ“.

Наконецъ, мы укажемъ еще на одну черту характера Людовика XIV, которая, хотя и явилась гораздо позже, именно пять лѣтъ спустя, все-таки поможетъ освѣтить надлежащимъ образомъ разсматриваемую нами группу идей. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ фактъ указываетъ лучше, чѣмъ всѣ остальные, что никогда Людовикъ XIV не только не хотѣлъ подѣлиться съ своимъ братомъ, а тѣмъ болѣе съ какимъ-либо постороннимъ человѣкомъ, хотя бы крупицей дѣйствительной власти, но даже не хотѣлъ допустить, чтобы ему и его роднымъ воздавались одинаковыя почести.

По смерти королевы-матери, герцогъ Орлеанскій ходатайствовалъ передъ королемъ о томъ, чтобы его женѣ была разрѣшена привилегія имѣть при дворѣ кресло со спинкой, вмѣсто принятаго въ то время табурета. „Я ему далъ понять,—говоритъ по этому поводу Людовикъ XIV въ своихъ мемуарахъ,—что во всемъ томъ, что послужитъ къ отличію его отъ моихъ подданныхъ, я съ радостью готовъ содѣйствовать ему, но что же касается предоставленія ему такихъ привилегій, которыя будутъ приближать его ко мнѣ, то я рѣшительно не считаю возможнымъ исполнить ихъ“. Герцогъ Орлеанскій понялъ, что съ его стороны будетъ по меньшей мѣрѣ безполезно настаивать долѣе на своемъ желаніи.

Еще мѣсяцъ спустя послѣ смерти князя Конти, герцогъ вновь обратился къ королю и просилъ назначить его губернаторомъ Лангедока, напомнивъ при этомъ, что ранѣе этотъ постъ занималъ дядя ихъ, Гастонъ. Отказъ былъ формулированъ на этотъ разъ очень энергично и ясно.

Къ тому же, ссылка на принца Гастона, принимавшаго большое участіе въ смутахъ меньшинства, была сдѣлана очень некстати: она какъ нельзя лучше доказывала всю опасность ввѣрять въ руки членовъ французскаго королевскаго дома большія провинціи. „Для пользы государства,—замѣтилъ король,—члены королевскаго дома не должны имѣть инаго убѣжища, кромѣ двора, инаго оплота, кромѣ сердца ихъ царственнаго брата“. Герцогъ Орлеанскій и его жена такъ были поражены этимъ отвѣтомъ, что не могли скрыть своего неудовольствія. Король сдѣлалъ видъ, что

ничего не замѣчаетъ и далъ имъ время успокоиться. Опомнившись вскорѣ послѣ того, они оба пришли извиняться въ чрезмѣрной пылкости, выказанной ими.

Однако, какъ ни исключительна и абсолютна была власть, которой пользовался Людовикъ XIV, не слѣдуетъ воображать, что юный монархъ превратилъ ее въ себялюбивый и капризный деспотизмъ. Его мемуары *), наоборотъ, доказываютъ намъ, что съ раннихъ поръ онъ вникалъ въ условія государственной жизни и что если онъ и зналъ свои права, то не менѣе того понималъ и свои обязанности. Король распоряжается всюду по собственному усмотрѣнію, и дѣлаетъ это потому, что считаетъ себя обязаннымъ заботиться обо всемъ, онъ основываетъ неуклонную защиту своихъ собственныхъ правъ на необходимости охранять общественные интересы.

Постараемся познакомить читателя подробнѣе съ этой теоріей. Людовикъ XIV, подобно Гомеру, охотно проповѣдуетъ единовластіе; онъ полагаетъ, что многовластіе влечетъ за собой большія несчастія. При дробленіи власти, мы видимъ, что губернаторы присвоиваютъ себѣ права, непринадлежащія имъ, войско деморализуется, дворяне притѣсняютъ крестьянъ; всякій сборщикъ податей, любой выборный или полицейскій совершаютъ массы несправедливостей, тѣмъ болѣе преступныхъ, что они творятся якобы во имя королевской власти. Въ этихъ разнообразныхъ преступленіяхъ единственной жертвой является беззащитный народъ; кому неизвѣстно, что многія баснословныя состоянія образуются на счетъ слабыхъ и несчастныхъ. Народъ, обремененный налогами и подавляемый бѣдностью, страдаетъ, кромѣ того, отъ плохаго правосудія, жестокостей дворянства и алчности откупщиковъ косвенныхъ доходовъ. Нельзя не признать, вопреки опасеніямъ большинства, что учрежденіе сильнаго самодержавія во Франціи являлось общественнымъ благодѣяніемъ послѣ фронды, посреди безчисленныхъ проявленій феодальнаго честолюбія и массы мелкихъ тиранствъ и беззаконій, подтачивающихъ организмъ государства. Король считалъ, что всѣ соціальныя положенія имѣютъ одинаковое право на покровительство закона: землепашецъ потому, что онъ

*) Мемуары Людовика XIV могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для исторіи первыхъ годовъ его царствованія. Мемуары эти велись съ 1671 г., т. е. съ тѣхъ поръ, какъ король нашелъ нужнымъ позаботиться о дальнѣйшемъ образованіи своего сына; король дѣлалъ замѣтки, велъ дневникъ, обнимавшій періодъ времени гораздо болѣе ранній, и проводилъ всюду рядомъ съ фактической стороной дѣла тѣ общія соображенія и взгляды, которыми онъ руководствовался сначала и которые въ будущемъ должны были получить болѣе широкое развитіе. Этотъ трудъ безспорно долженъ разсматриваться, какъ собственное произведеніе короля. Отъ его личнаго благоусмотрѣнія зависѣли какъ всѣ дальнѣйшія исправленія текста, такъ и нѣкоторыя измѣненія во взглядахъ, проводимыхъ ими раньше; многое исправлено его собственной рукой, и окончательная форма этихъ мемуаровъ утверждена также имъ самимъ. Нужды нѣтъ, что Пелисонъ, или Периньи дали литературную обработку фразамъ и округлили періоды. Повсюду, на каждой страницѣ чувствуется вѣяніе духа Людовика XIV, вездѣ сквозитъ торжественный тонъ его рѣчи, несправедливо принимаемый многими за напыщенность. Этотъ духъ, разлитой во всемъ произведеніи, опредѣляетъ не только политическое значеніе этихъ мемуаровъ, но ихъ литературное достоинство, прежде всего поражающее читателя. Во всякомъ случаѣ, кто бы ни былъ авторомъ мемуаровъ Людовика XIV, мы должны признать его за писателя первокласснаго и замѣчательнаго.

питаетъ все общество, ремесленникъ за то, что онъ производитъ, а купецъ за то, что онъ собралъ тысячу различныхъ предметовъ, необходимыхъ и полезныхъ при извѣстномъ строѣ общества; капиталистъ имѣетъ право на покровительство закона, если онъ честнымъ образомъ взимаетъ процентъ, установленный въ государствѣ, судья — если онъ строгимъ исполненіемъ закона способствуетъ безопасности общества, духовенство— если оно поддерживаетъ миръ на землѣ, научая людей понимать свои обязанности другъ къ другу и къ Богу.

„Поэтому,—говоритъ Людовикъ XIV,—мы далеки отъ презиранія какого-либо изъ перечисленныхъ классовъ общества и не считаемъ себя въ правѣ оказывать покровительство одному изъ нихъ насчетъ другаго, мы должны питать одинакія отеческія чувства по отношенію ко всѣмъ нашимъ подданнымъ и заботиться о возможномъ ихъ совершенствѣ, мы не должны забывать, что если мы вздумаемъ незаслуженно наградить кого-либо изъ нихъ, то не только не пріобрѣтемъ права на ихъ привязанность и уваженіе, но возбудимъ справедливый ропотъ и негодованіе въ остальныхъ“.

Далѣе, если государь, подъ вліяніемъ природныхъ склонностей, и будетъ отдавать втайнѣ предпочтеніе военной профессіи передъ другими отраслями дѣятельности, то онъ по крайней мѣрѣ долженъ съумѣть ограничить запальчивость лицъ, занимающихся этимъ дѣломъ, и, обезпечивъ ихъ матеріальное благосостояніе, предупредить окончательное извращеніе ихъ нравовъ. Приведенные взгляды, признаваемые даже и въ наше время, а равно и слѣдованіе старинной политикѣ королей Франціи, привыкшихъ, въ обмѣнъ за народное сочувствіе, уравнивать народныя права съ правами дворянства, обусловили величіе французскаго равенства и единства. Король самъ рѣшаетъ всѣ вопросы, но, буде ему вздумается, онъ можетъ пригласить на совѣщаніе любаго изъ своихъ помощниковъ.

Разсудокъ человѣка, предающагося уединеннымъ размышленіямъ, блекнетъ, какъ бы великъ ни былъ запасъ его честнѣйшихъ побужденій и намѣреній. Умственная крѣпость зависитъ отъ обмѣна мысли съ посторонними людьми. Насъ должна страшить не встрѣча съ человѣкомъ противоположнаго съ нами образа мыслей, а недостатокъ въ людяхъ, умѣющихъ противорѣчить намъ. Ничто не способствуетъ такъ паденію, какъ угодливость приближенныхъ; противорѣчіе всегда полезно, по крайности оно облегчаетъ распознаваніе тѣхъ трудностей, которыя существуютъ въ данномъ случаѣ, и указываетъ намъ путь, по которому должно слѣдовать, дабы избѣгнуть зла.

„Король рожденъ для того, чтобы владѣть и повелѣвать всѣми, а потому не должно стѣсняться снискивать уваженіе къ себѣ общества. Это—цѣль, къ которой онъ долженъ направлять всѣ свои поступки и помышленія. Но это уваженіе пріобрѣтается лишь длиннымъ рядомъ добрыхъ дѣлъ и въ мигъ можетъ быть разрушено одной ошибкой, поэтому не должно увлекаться похвалами и умѣть отличать лесть отъ заслуженныхъ восхваленій. Для этой цѣли должно, при помощи внутренняго анализа, разсмотрѣть собственные свои поступки и сравнить ихъ съ своимъ панегирикомъ. Ложное восхваленіе заставитъ насъ сознать тѣ качества, которыхъ намъ не хватаетъ, и побудитъ насъ добиваться ихъ; правда же далеко не должна самообольщать и удовлетворять насъ, а давать лишь толчки на пути дальнѣйшихъ усилій и совершенствованій“.

Если присоединить къ этимъ правиламъ его нравственнаго и умственнаго кодекса страхъ передъ Богомъ, не утраченный имъ и впослѣдствіи, и о которомъ онъ говоритъ съ такимъ достоинствомъ, что невозможно сомнѣваться въ его искренности *), то всѣ его помыслы обнаружатъ присутствіе сильной нравственной воли и представятъ серьезныя гарантіи для умнаго и добродѣтельнаго царствованія. Но, увы! По суетности человѣческихъ стремленій, изъ жажды славы, желанія пересоздать все по своему и по отсутствію искреннихъ противорѣчій, онъ часто выходилъ изъ границъ, поставленныхъ имъ самимъ; Людовикъ XIV не всегда оставался вѣренъ не только Богу и своему народу, но даже заботамъ о своей славѣ. Впрочемъ, его принципы всегда пробуждали его заснувшую совѣсть и въ нихъ онъ черпалъ достаточно силы воли, чтобы противодѣйствовать противоположнымъ вліяніямъ. Этимъ принципамъ онъ обязанъ тому, что пользовался своей абсолютной и безграничной властью съ замѣчательной умѣренностью. Его царствованіе было проникнуто главнымъ образомъ двумя стремленіями, опредѣлившими все дальнѣйшее процвѣтаніе страны; онъ желалъ, съ одной стороны, дать Франціи прочную организацію переустройствомъ ея внутреннихъ дѣлъ, съ другой — онъ стремился поставить Францію въ Европѣ не только на ряду съ другими первоклассными государствами, но даже доставить ей первенство надъ ними. Юный монархъ преслѣдовалъ эти цѣли съ первыхъ же дней своего вступленія въ управленіе дѣлами государства. Въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ его взглядъ, выраженный въ 1661 году по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, такъ и множество преобразованій, введенныхъ имъ въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ управленія государственными дѣлами, причемъ онъ представилъ много данныхъ для оцѣнки своихъ административныхъ и дипломатическихъ способностей.

Финансы королевства были разстроены, спекулянты обогащались, а народъ влачилъ свое существованіе въ страшной нуждѣ. Въ провинціяхъ дворянство притѣсняло своихъ вассаловъ или сосѣдей и истребляло другъ друга жестокими дуэлями. Правосудіе не пользовалось никакимъ уваженіемъ, судьи назначались или случайно, или за деньги. Народъ любилъ тяжбы и смотрѣлъ на процессъ, какъ на полученное наслѣдство, изъ ко-

*) „Вы должны знать прежде всего, мой сынъ, что мы никогда не съумѣемъ воздать должнаго уваженія Тому, кто сдѣлалъ изъ насъ предметъ уваженія столькихъ тысячъ людей. Главная задача нашей дѣятельности должна заключаться въ умѣньи истинно служить Ему... Но знайте, что для того, чтобы служить Ему, согласно Его желанію, нельзя довольствоваться однимъ внѣшнимъ богопочтеніемъ, какъ это дѣлаютъ многіе люди... Когда мы вооружимъ всѣхъ нашихъ подданныхъ во славу Его, когда мы возстановимъ всѣ низвергнутые Его алтари, и когда мы прославимъ Его имя въ странахъ наиболѣе отдаленныхъ, тогда мы выполнимъ лишь малую часть нашихъ обязанностей. Безспорно, мы далеко еще не выполнимъ всего того, чего Онъ наиболѣе желаетъ отъ насъ, если не преклонимъ передъ Его волей свою выю. Шумные и гласные поступки менѣе всего угодны Ему, и то, что совершается въ тайникахъ нашего сердца, подлежитъ всего болѣе Его вниманію. Безконечно ревнуя о своей славѣ, Онъ лучше насъ понимаетъ, въ чемъ она заключается. Возможно, что Онъ вознесъ насъ на такую высоту для того лишь, чтобы мы съ большимъ благоговѣніемъ прославляли Его имя, и если мы не оправдаемъ Его предначертаній, то Онъ, быть можетъ, превратитъ насъ въ тотъ же прахъ, изъ котораго сотворилъ“.

тораго должно извлекать возможную выгоду, спекулируя на счетъ бѣдныхъ и слабыхъ. Церковь волнуема была янсенистами, людьми съ большими достоинствами, еслибы они сами не слишкомъ увѣрены были въ этомъ; кардиналъ Ретцъ поддерживалъ янсенистовъ, подстрекая ихъ къ сопротивленію.

Внѣшнія дѣла представлялись болѣе утѣшительными. Не было ни одной державы дружественной или враждебной Франціи, которая бы могла серьезно угрожать ей. Испанія, ослабленная перенесенными потерями, едва могла поддерживать свою нескончаемую войну съ Португаліей. Императоръ, связанный по рукамъ обязательствами, принятыми имъ при короновании, Рейнскимъ союзомъ и недовѣріемъ имперскихъ чиновъ, могъ представлять конкурренцію лишь въ претензіи выдаваться своимъ величіемъ и личными достоинствами надъ другими властителями. Швеція была счастлива, что не потеряла, послѣ злополучнаго царствованія Карла-Густава, при Карлѣ XI младшемъ плодовъ своихъ старыхъ побѣдъ. Король Англіи, взошедшій недавно на престолъ, ничего еще не значилъ въ иностранныхъ дѣлахъ, да къ тому же его симпатіи влекли его къ Франціи. Голландцы обращали главное свое вниманіе на процвѣтаніе торговли государства и затѣмъ старались ограничить по возможности домъ принцевъ Оранскихъ—частною жизнью. Что касается до небольшихъ государствъ, входившихъ въ составъ Италіи, то уже одна ихъ многочисленность гарантировала ихъ слабость. Недоброжелательность папы, какъ слѣдствіе его старой антипатіи къ Мазарини, не въ силахъ была выразиться чѣмъ-нибудь серьезнымъ для Франціи.

Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное, мы видимъ, что внутри государства остатки старыхъ междоусобныхъ и честолюбивыхъ замысловъ, возбужденныхъ Фрондой, требуютъ рѣшительнаго и энергичнаго вмѣшательства, которое побудило бы каждаго исполнять свои обязанности; извнѣ же—упадокъ австрійскаго дома заставлялъ политику короля ослаблять его еще болѣе, а мирныя чувства державъ союзныхъ Франціи позволяли ему лелѣять свою мечту о главенствѣ Франціи въ Европѣ.

XLVIII. Людовикъ XIV въ первые годы своего царствованія.

(Изъ соч. Ранке: „Französiche Geschichte im Zeitalter der Reformation“).

Въ донесеніяхъ посланниковъ, обращавшихъ вниманіе на подроставшаго государя, мы находимъ нѣсколько замѣтокъ о томъ впечатлѣніи, которое онъ производилъ въ годы своей юности.

Уже на десятомъ году въ немъ, по донесенію Нани, бросались въ глаза серьезность и достоинство его наружности; онъ казался склоннымъ къ меланхоліи; считали возможнымъ, что въ немъ можетъ развиться боязнь къ людямъ и, можетъ быть, даже жестокость.

Ему было 15 лѣтъ, когда однажды венеціанскій посланникъ Микель Морозони въ разговорѣ съ нимъ, съ намѣреніемъ испытать его способности, завелъ рѣчь объ общественныхъ дѣлахъ. Онъ замѣтилъ, что въ его умѣ что-то даетъ ростки и живетъ, и потому считалъ возможнымъ пророчить объ немъ все хорошее. Видно было, что Людовикъ XIV осо-

бенно проникнутъ принципами католической церкви и необходимостью поддерживать ее. Разсказывали, что онъ внимательно слѣдитъ за дѣлами въ засѣданіяхъ совѣта, иногда высказываетъ свое собственное мнѣніе, не настаивая, однако, на немъ, желаетъ поучиться у тѣхъ, которые знаютъ больше, и входитъ въ дальнѣйшіе разспросы о дѣлахъ.

Однакоже даже на осьмнадцатомъ году его умъ и характеръ были еще мало сформированы; можно было сомнѣваться, не отдастъ ли и онъ въ свое время, подобно своему отцу, управленія государствомъ въ руки другаго. Такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его любимымъ удовольствіемъ были воинскія упражненія, постройка и завоеваніе маленькихъ крѣпостей и стрѣльба изъ огнестрѣльнаго оружія, то думали, что онъ ничего больше не желаетъ, кромѣ военныхъ подвиговъ и военной славы.

Всѣ удивлялись прежде всего его красотѣ, соотвѣтствовавшей возрасту, а потомъ его ловкости во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, какъ онъ по обычаю того времени танцовалъ свой балетъ или занимался наѣздничествомъ, и наконецъ его юношески расцвѣтавшей возмужалости. Но и послѣ этого еще нѣсколько лѣтъ онъ воздерживался отъ чувственнаго разврата. Папѣ Александру, который спрашивалъ объ этомъ, дано было въ 1659 году увѣреніе, какъ кажется совершенно основательное, что молодой король и до сихъ поръ остается столь же чистымъ, какимъ вышелъ изъ купели крещенія. И въ умственномъ отношеніи его не считали ничтожнымъ тѣ, которые были близки къ нему. То, что онъ не уменьшилъ авторитета кардинала Мазарини, считалось доказательствомъ не неспособности, но довѣрія и преданности. Предполагали, что онъ когда-нибудь окажетъ честь наставленіямъ, полученнымъ отъ кардинала, примѣненіемъ ихъ къ своему управленію.

Никто не ожидалъ только того, чтобы онъ имѣлъ столько прилежанія и могъ найти столько времени, сколько нужно было для занятія дѣлами. Но честолюбіе короля состояло въ томъ, чтобы и въ этомъ отношеніи не только оправдать то мнѣніе, какое существовало объ немъ, но даже превзойти его. Онъ распредѣлилъ свое время въ теченіе недѣли такъ, что по понедѣльникамъ, четвергамъ и пятницамъ у него назначено было по два засѣданія, а по вторникамъ и субботамъ по одному засѣданію съ министрами, или съ его юридическими и духовными совѣтниками; только среду и воскресенье онъ оставилъ себѣ для поѣздки въ Версаль, или для другихъ развлеченій. Но онъ при этомъ находилъ еще время для военныхъ упражненій близъ города, для публичныхъ и частныхъ аудіенцій, для принятія многочисленныхъ просьбъ и для отвѣтовъ на нихъ. То обстоятельство, что бумаги, поступавшія къ нему отъ папы, были писаны на латинскомъ языкѣ, послужило для него поводомъ— такъ какъ онъ думалъ, что онъ долженъ умѣть самъ читать и понимать ихъ—снова призвать къ себѣ своего стараго учителя Перфикса и снова начать прерванныя упражненія въ латинскомъ языкѣ. Всѣ свои силы и всю свою дѣятельность онъ посвящалъ исполненію своихъ обязанностей.

Но было ли это настоящее сознаніе своихъ обязанностей, или же только живо возбужденное честолюбіе? Можно думать, что это не было исключительно ни то, ни другое.

Какія чувства должны были волновать государя, юность котораго была наполнена такими бурями, какія ему приходилось выдерживать? На-

сколько онъ помнилъ свое самое раннее дѣтство, онъ всегда смотрѣлъ на себя, какъ на поставленнаго Богомъ представителя всякой свѣтской власти въ государствѣ. А между тѣмъ фронда возстала именно противъ распоряженій, сдѣланныхъ имъ лично въ торжественныхъ засѣданіяхъ. Было время, когда онъ, чтобы избѣжать еще большихъ непріятностей, принужденъ былъ ночью оставить свою столицу; въ другой разъ открывали занавѣски его постели, чтобы убѣдить лицъ, пришедшихъ во дворецъ и не желавшихъ, чтобы онъ вторично бѣжалъ, въ его присутствіи; его мать съ молитвою вела его на бой съ принцами за его легитимный авторитетъ; онъ видѣлъ битву за этотъ авторитетъ, происходившую подъ стѣнами Парижа; затѣмъ во время испанской войны, которая велась также и для возстановленія власти внутри, онъ самъ сражался съ оружіемъ въ рукахъ и отнялъ городъ *Стенэ* у принца Конде. Могъ ли онъ послѣ этого желать сильнѣе чего-нибудь другаго, кромѣ того, чтобы довести до конца эту личную борьбу, подчинить себѣ всѣхъ тѣхъ, которые стремились освободиться отъ подчиненія его повиновеніямъ? Его царственное честолюбіе жаждало именно такого удовлетворенія. Его положеніе было счастливо въ томъ отношеніи, что ему не было надобности становиться при этомъ деспотомъ, такъ какъ французы послѣ столькихъ превратностей и смутъ сами видѣли свое спасеніе въ возстановленіи законнаго владычества. Въ противоположность ученіямъ, провозглашеннымъ фрондою, у нихъ возникла теперь доктрина, по которой народъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ терпитъ несправедливости отъ своего государя, не имѣетъ права поднимать противъ него оружіе, такъ какъ это можетъ повести къ еще большимъ бѣдствіямъ; государя нельзя судить по правиламъ частной жизни: никто не пожелаетъ осушить рѣку за то, что она иногда выступаетъ изъ своихъ береговъ. И при этомъ общественное мнѣніе приходило къ тому, что король долженъ управлять безъ любимца и всесильнаго перваго министра. Въ подробныхъ увѣщаніяхъ убѣждали Людовика, чтобы онъ не доводилъ себя до этого, чтобы никакой Сеянъ, никакой министръ или фаворитъ не сдѣлался властелиномъ надъ его рѣшеніями; гораздо лучше, если онъ будетъ тиранномъ своего народа, чѣмъ рабомъ кого-нибудь другаго. Но, и безъ этого, молодаго короля одушевляло глубокое отвращеніе къ такимъ отношеніямъ. У него сильно билось сердце, когда, при изученіи французской исторіи, онъ останавливался на маіордомахъ при первой династіи, или на нѣкоторыхъ короляхъ изъ второй династіи, получившихъ свои прозвища вслѣдствіе своего бездѣйствія. Да и какой смыслъ имѣло бы желаніе возстановить монархію безъ монарха! Вѣдь прежде всего для развитія власти необходимъ носитель ея. Нуженъ былъ самодержавный король; и Людовикъ XIV вслѣдствіе своей побѣды сдѣлался такимъ королемъ; онъ стремился сдѣлаться такимъ королемъ, какимъ онъ долженъ быть. И онъ обладалъ отъ природы качествами, необходимыми для дѣла управленія, здравымъ умомъ, хорошею памятью и твердою волей... Онъ хотѣлъ не одного чего нибудь, напр. не одного только того, чтобы быть мудрымъ, справедливымъ и храбрымъ государемъ, такъ чтобы быть только свободнымъ отъ чужаго вліянія, независимымъ внутри, страшнымъ для своихъ сосѣдей; нѣтъ, онъ хотѣлъ обладать всѣми этими преимуществами вмѣстѣ. Онъ не хотѣлъ только быть и еще менѣе только казаться или считаться; онъ хотѣлъ того и другого: быть и считаться

тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Изъ нѣсколькихъ рукописныхъ набросковъ, оставшихся отъ него, видно, какъ это сильно его занимало. Одно изъ правилъ, которыя онъ постановилъ для себя, гласитъ: никогда не постановлять рѣшенія торопливо, потому что въ такомъ случаѣ ему недоставало бы зрѣлости; другое: никогда не должно довѣрять льстивымъ надеждамъ, потому что подъ вліяніемъ ихъ дѣйствуешь дурно, да и говоришь не лучше; третье: все, что приходится сказать, предварительно нужно взвѣсить, чтобы пріобрѣсти и удержать репутацію. Когда онъ на полѣ сраженія, а особенно при осадахъ среди убійственной пальбы изъ пушекъ, сохранялъ полнѣйшее спокойствіе, то окружающіе недоумѣвали, чему нужно приписать это: природному ли безстрашію, или можетъ быть тому соображенію, что только такое поведеніе пріобрѣтетъ ему уваженіе со стороны храбраго дворянства и войнолюбивой націи. Его природная безстрастность была поддерживаема сознаніемъ той благопристойности, къ которой обязывалъ его санъ. Придворныя дамы жаловались, что онъ не даетъ полнаго простора и хода прекраснымъ качествамъ своей души, которыя отъ этого казались бы еще прекраснѣе, что онъ слишкомъ стѣсняетъ свою личность въ рамкахъ своего величества. Но онъ желалъ не блистать на одно мгновеніе, но производить прочное впечатлѣніе, остающееся навсегда. Его слова должны достойно выражать только зрѣлыя убѣжденія. Въ разговорѣ съ нимъ каждый долженъ былъ видѣть, что онъ вполнѣ понимаетъ дѣла, о которыхъ идетъ рѣчь, знаетъ и видитъ насквозь людей, которыхъ онъ употребляетъ для этихъ дѣлъ; онъ говорилъ только то, что онъ долженъ былъ сказать, ни больше, ни меньше. Что онъ первоначально поставилъ для себя закономъ, то впослѣдствіи, въ силу привычки, становилось какъ бы второй натурой. Такимъ образомъ свое тѣло, и безъ того сильное, онъ еще болѣе укрѣпилъ умѣренностью и постоянными усиленными физическими упражненіями, которыя до сихъ поръ составляли его единственное удовольствіе; цѣлые дни онъ проводилъ на лошади, не боясь ни жары, ни холода и не чувствуя ни малѣйшей усталости; во всякое время онъ могъ спать или ѣсть; усилія и удовольствія были для него игрушкой. Никогда не поддавался онъ душевнымъ волненіямъ, даже радости, не говоря уже о печали или страхѣ; никогда не овладѣвало имъ дурное расположеніе. Онъ былъ очень внимателенъ въ обращеніи, особенно съ дамами и вообще съ женщинами даже самаго скромнаго происхожденія, обязателенъ даже къ тѣмъ, кому онъ въ чемъ-нибудь отказывалъ, очень изобрѣтателенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказываемыя имъ милости ему хотѣлось сдѣлать еще болѣе пріятными, сопровождая ихъ разными маленькими любезностями. Никогда онъ не позволялъ себѣ колкихъ шутокъ и еще менѣе позволялъ ихъ другимъ. Если онъ замѣчалъ что-нибудь неприличное, то не обращалъ на это вниманія и только впослѣдствіи дѣлалъ за это замѣчанія. Онъ былъ привлекателенъ и увлекателенъ, когда хотѣлъ этого; но столь же былъ и ужасенъ, когда на него находилъ гнѣвъ. Даже гнѣвъ онъ считалъ принадлежностью короля. Его чело, какъ выражались объ немъ, было вооружено молніями.

Ему удивлялись, какъ говорилъ Боссюэтъ, и чувствовали влеченіе къ нему; его любили, его и боялись. Высокій ростъ, красота, состоящая въ пропорціональности всѣхъ членовъ и бросающаяся въ глаза каждому, темный, почти бронзовый цвѣтъ лица, котораго не безобразили оставшіеся

на немъ слѣды оспы, — все это гармонировало съ выраженіемъ энергіи, которою дышало все его существо. На разныхъ его портретахъ мы видимъ выраженіе сознанія могущества и вовсе не самовластнаго—что къ нему не шло бы, но дѣйствующаго съ участіемъ тамъ, гдѣ ему оказывается покорность, и почти съ сожалѣніемъ тамъ, гдѣ оно торжествуетъ надъ побѣжденными врагами, видимъ несомнѣнное сознаніе собственнаго достоинства; не замѣтно, чтобы повелѣвать —ему стоило большаго труда; все повинуется и преклоняется предъ нимъ само собою. По выраженію венеціанскаго посланника Джустиніани, казалось, какъ будто сама природа имѣла намѣреніе произвести въ лицѣ Людовика XIV человѣка, который долженъ былъ быть королемъ этой націи какъ по законамъ страны, такъ и по личнымъ качествамъ.

Если подъ абсолютною монархіей разумѣть такую государственную власть, при которой всякое существованіе зависитъ отъ воли государя и всѣ силы въ государствѣ управляются его непосредственными повелѣніями и при которой, съ одной стороны, стоитъ только высочайшая воля, а съ другой—только равное и безусловное подчиненіе всѣхъ, то монархія Людовика XIV не была абсолютною въ этомъ смыслѣ.

Замѣчательно, что даже и этотъ король, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ Карлъ XII, Генрихъ IV, но не безъ подражанія ихъ примѣру, счелъ полезнымъ привязать къ себѣ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ государства значительными денежными подарками. Своему брату Филиппу—родоначальнику орлеанскаго дома—онъ вовсе не предоставлялъ ни правительственныхъ, ни другихъ правъ, принадлежавшихъ ему, какъ члену королевскаго дома, и дававшихся прежде братьямъ короля; но за то, сверхъ богатаго удѣла, онъ далъ ему еще пенсію въ полмилліона, которою куплено было его повиновеніе. Какъ часто принцы въ подобномъ положеніи, какъ въ прежнія, такъ и въ новѣйшія времена, возмущали спокойствіе государства; Филиппъ же Орлеанскій былъ вполнѣ покоренъ. Также точно и принцъ Конти получилъ большую пенсію, а его супруга еще большую. На случайно сохранившемся спискѣ денежныхъ выдачъ находятся имена герцога и герцогини Бурбоновъ, принцевъ Де-ла-Рошъ сюръ-Жонъ, графовъ Ла-Маршей; ежегодно раздавались денежные подарки; было много денежныхъ ассигновокъ, назначеніе которыхъ неизвѣстно было и казначею.

Первоначальное намѣреніе и принятый принципъ имѣли въ виду то, чтобы совсѣмъ уничтожить наслѣдственность и продажность должностей; но хотя дѣло это и быстро шло впередъ, однако оно было еще безконечно далеко отъ предположенной цѣли. Несмотря на всѣ сокращенія, оставалось еще болѣе 45,000 должностей, продажная цѣна которыхъ представляла болѣе 400 милліоновъ. Сумма жалованья, какую платило за нихъ государство, была незначительна, но доходы, получавшіеся отъ поземельныхъ сборовъ, были весьма значительны. Но покупались не только должности по юстиціи и финансамъ, но и должности при королевскомъ дворѣ и даже офицерскія мѣста въ арміи; вычислено, что послѣднія вмѣстѣ съ первыми представляли продажную цѣнность около 800 милліоновъ;—все это были деньги, которыя гораздо лучше можно было бы употребить въ дѣло, пустивши ихъ въ общіе торговые обороты, и полученіемъ которыхъ правильная государственная власть, такъ сказать, сама

себя связывала; она считала нужнымъ привязать къ себѣ своихъ слугъ выгодами для ихъ семействъ.

О генеральныхъ штатахъ или общихъ собраніяхъ сословій не было и рѣчи, но провинціальныя сословныя собранія обнаруживали своеобразную жизнь и привлекали вниманіе правительства.

Примѣромъ можетъ служить Лангедокъ, гдѣ постановленіе Ришелье, оставившее въ силѣ провинціальныя сословныя собранія, но отнявшее у нихъ право давать согласіе на подати, было отмѣнено, во время безпокойствъ фронды. Правительство дѣлало попытку снова ввести въ силу это постановленіе, но потомъ по разнымъ причинамъ отказалось отъ этого. Сословія Лангедока возвратили себѣ права, которыми они пользовались до Ришелье и съ ихъ собраніями соединялись постоянно живыя провинціальныя движенія.

Министерская корреспонденція о дѣлахъ провинціальныхъ сословныхъ собраній представляетъ, впрочемъ, немного утѣшительнаго. Въ нихъ вездѣ обнаруживалось столкновеніе мѣстныхъ и личныхъ интересовъ и ограниченнаго пониманія съ зрѣлыми сужденіями и болѣе обширными взглядами. Для обзора всей ихъ дѣятельности нужно было бы, впрочемъ, имѣть акты ихъ собраній. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что провинціально-сословныя собранія чиновъ, или земскія учрежденія существовали въ полной силѣ въ одной части государства; въ новозавоеванныхъ провинціяхъ, какъ напр. въ Артуа, они были удержаны и признаны.

Но въ то время, какъ все подчинялось монарху и его стремленіямъ, не были однако подавлены и антимонархическія стремленія. Еще разъ было заявлено и доведено до свѣдѣнія короля то мнѣніе, что самымъ лучшимъ государственнымъ порядкомъ для Франціи было бы раздѣленіе всего государства на разныя провинціи, изъ которыхъ каждая управлялась бы сама собою: монархія не годится для Франціи. Но были и другіе люди, которые гораздо вѣрнѣе считали верденскій миръ болѣе важнымъ, чѣмъ вестфальскій и пиренейскій, какъ ни выгодны были для Франціи эти послѣдніе; потому что только вслѣдствіе удачныхъ завоеваній дѣло дошло до такого сильнаго расширенія монархической власти. Такихъ людей въ ученыхъ разговорахъ называли помпеянцами. Анжерскій факультетъ осудилъ книгу, въ которой происхожденіе государства выводилось изъ властолюбія и взаимныхъ насилій между людьми, будто государи и судьи существовали только для того, чтобы приносить народъ въ жертву этимъ страстямъ. Однажды самому королю пришлось встрѣтиться съ выраженіемъ ненависти въ самой дикой формѣ. Одинъ уроженецъ Оверни, который не могъ достать требуемыхъ документовъ для доказательства своего дворянства, когда король не обратилъ вниманія на его объясненія, разразился восклицаніемъ, что сѣмя Равальяка еще не погибло. Можно себѣ представить, какъ онъ долженъ былъ поплатиться за это. Въ другой разъ одна женщина, которой онъ отказалъ въ просьбѣ и которая оскорбила его при этомъ, когда ее за это подвергали наказанію, съ энергическими жестами просила помощи у народа. Король, которому послѣ этого совѣтовали прекратить свои аудіенціи, не послѣдовалъ этому совѣту, потому что это показалось ему недостойнымъ.

Все это были, конечно, только отдѣльные частные случаи, но они доказывали собою существованіе неподавленнаго и непримиреннаго элемента; религія абсолютно монархической власти уже господствовала, но

она еще встрѣчала сопротивленіе. Для полнаго проведенія на дѣлѣ монархической идеи нужна была всюду замѣтная, все обнимающая, во все вмѣшивающаяся дѣятельность короля и необходимо было, чтобы онъ являлся въ блескѣ.

Между моментами, содѣйствовавшими торжеству этой идеи, ни одинъ не имѣлъ столь сильнаго вліянія, какъ благопріятная тенденція и поддержка духовенства.

Мы этимъ не хотимъ сказать, что французское духовенство прямо подчинилось королевской власти. Напротивъ, оно дало знать королю черезъ своихъ депутатовъ, которые сами принадлежали ко двору, что привилегіи клира столь же древни, какъ и привилегіи короны, по крайней мѣрѣ не очень новѣе ихъ, что король, какъ ни полна его верховная власть, не можетъ посягать на привилегіи духовенства: они основываются не на человѣческомъ произволѣ, но на религіи; ихъ приннципъ божественный. И король также признавалъ, что значительныя денежныя суммы, которыя по временамъ давало ему духовенство, были „свободнымъ даромъ“ преданности съ его стороны; когда его чиновники начинали проводить противоположные взгляды, то онъ спѣшилъ отклонить ихъ отъ себя. То, отъ чего во всѣхъ другихъ отношеніяхъ удерживало его сознаніе собственнаго могущества, въ этомъ отношеніи представлялось ему какъ бы обязанностью вслѣдствіе его понятій о религіи, которой онъ съ удовольствіемъ подчинялся. Во время безпокойствъ фронды духовенство, послѣ короткаго колебанія, и стало дѣйствовать въ союзѣ съ королемъ, особенно противъ парламента. Приговоръ, который это судебное мѣсто постановило противъ кардинала Мазарини, сильно возбудилъ корпоративный духъ духовенства, находившаго подобныя притязанія свѣтскаго суда неслыханными; даже по дѣлу объ оскорбленіи королевскаго величества король привлекъ епископа не иначе, какъ къ духовному судьѣ. Когда при спорахъ между духовными и свѣтскими судами возникалъ вопросъ, какой сторонѣ долженъ благопріятствовать король, то онъ ни минуты не колебался и отдавалъ преимущество духовенству. На любезности духовенства онъ отвѣчалъ уступками, которыя, какъ можно судить по выраженіямъ, въ какихъ дѣлались эти уступки, казались ему иногда выходящими за предѣлы того, что было сообразно съ верховною властью. Духовенство внушало ему, что слѣдуетъ приписать увѣщаніямъ духовенства то обстоятельство, что народъ повинуется королю; только духовенство учитъ народъ тому, что государя должно чтить и служить ему и что Богъ требуетъ отъ подданныхъ безусловной вѣрности. Какъ всѣ короли со времени конкордата, Людовикъ XIV свободно распоряжался назначеніемъ на мѣста. Этимъ правомъ онъ пользовался при помощи интимнаго совѣта, который онъ составлялъ изъ своего стараго учителя Перфикса, своего духовника Анна и кого-нибудь изъ высшаго духовенства, въ комъ онъ былъ увѣренъ, напр. архіепископа Марка. Главнѣйшимъ занятіемъ его было обсужденіе качествъ кандидата, имѣвшагося въ виду для занятія какого-нибудь вакантнаго мѣста. Нельзя сказать, чтобы при этомъ вовсе не имѣлись въ виду разныя внѣшнія соображенія. При раздачѣ аббатствъ обращалось вниманіе на оказанныя услуги; при назначеніи епископовъ принято было за правило давать предпочтеніе духовнымъ качествамъ. Со стороны епископовъ нужно было большое самоотреченіе для того, чтобы не обращать преимущественнаго и постояннаго

вниманія на службу короля, отъ котораго они могли получать всякія повышенія и почести. То обстоятельство, что король утверждалъ и умножалъ епископскія прерогативы, вызывало всеобщее удовольствіе и укрѣпляло преданность епископовъ, которая въ такія времена, какъ было тогдашнее время, когда духовенство горячо относится къ религіи, должна была непремѣнно производить сильное дѣйствіе на людей.

Другимъ моментомъ, способствовавшимъ торжеству монархической идеи, былъ дворъ, къ которому присоединялось все, что, по рожденію или по рангу, пользовалось высшимъ почетомъ въ государствѣ. Отъ Мазарини, который нуждался въ разнаго рода друзьяхъ, требовали милостей, соединяя открытую лесть со скрытыми угрозами; совершенно иное было при королѣ. Онъ хотѣлъ раздавать милости не по требованіямъ, а по своему усмотрѣнію, по своему выбору; онъ не скупился на милости, но при этомъ все зависѣло только отъ него. Большимъ событіемъ было то, когда король рѣшился замѣстить разомъ вакантныя мѣста ордена св. Духа, которыхъ считалось семнадцать. Жалобы тѣхъ, которые считали себя имѣющими право на нихъ и однако были обойдены, лучше всего доказываютъ, какое большое значеніе придавалъ каждый этой чести. Бюсси Рабутенъ лично заявилъ королю свои притязанія на такую честь и счелъ себя глубоко оскорбленнымъ, что они не были приняты во вниманіе. Людовикъ XIV ввелъ еще одно странное отличіе: королевскимъ повелѣніемъ (brevet) онъ давалъ право употреблять въ одеждѣ тѣ цвѣта, которые носилъ онъ самъ; и принцы крови соперничали изъ-за этого преимущества. Смыслъ, какой имѣла группировка всѣхъ вокругъ короля, можно видѣть, между прочимъ, въ рыцарской игрѣ, которая происходила съ пышною обстановкой въ іюнѣ 1662 г. и отъ которой получила свое названіе площадь карусели. Было пять кадрилей или бригадъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой особенный цвѣтъ и представляла какую-нибудь націю: римлянъ, персовъ, турокъ, мавровъ, русскихъ, и каждая имѣла своего предводителя изъ лицъ, имѣвшихъ самый высокій рангъ. Король предводительствовалъ первой группой, которая представляла римлянъ; ея девизомъ было солнце, которое разгоняетъ облака. Изъ рыцарей его свиты первый несъ зеркало, которое отражаетъ лучи солнца, другой,—лавровую вѣтвь, такъ какъ это дерево священно для солнца, третій—орла, который обращаетъ свой взоръ на солнце. Если бы это не была игра, то оно могло бы показаться идолопоклонствомъ. Всѣ девизы первой группы были въ томъ же родѣ; девизы остальныхъ группъ имѣли такой же смыслъ. Всѣ участники какъ бы не существовали сами по себѣ и сами для себя; они имѣли значеніе настолько, насколько они стояли въ извѣстномъ отношеніи къ королю, были только отблескомъ его. Положеніе было такое, что каждый знакъ милости дѣлалъ ихъ счастливыми, и малѣйшая немилость дѣлала ихъ столь же несчастными. Отъ расположенія или неудовольствія государя всецѣло зависѣло значеніе въ настоящемъ и надежда на будущее, возвышеніе и паденіе, зависѣло быть чѣмъ-нибудь въ этомъ государственномъ порядкѣ или не быть ничѣмъ. Но было также и нѣчто непонятное въ этихъ необъяснимыхъ чувствахъ, объединявшихъ дворъ. Кольберъ, извѣстный своими заслугами, своей энергіей и суровостью, слегъ отъ одного жесткаго слова, которое сказалъ про него король. Во время его болѣзни король изволилъ посѣтить его и ободрить,

причемъ далъ совѣтъ, что онъ не долженъ предаваться меланхоліи, и при тогдашнемъ положеніи дѣла это слово и этотъ совѣтъ были для него настоящимъ лекарствомъ.

Относительно своихъ любовныхъ связей онъ заботился только о томъ, чтобы они не оказывали никакого дѣйствія на дѣла. Онъ однажды сказалъ своимъ министрамъ, если они замѣтятъ, что какая-нибудь женщина пріобрѣтаетъ надъ нимъ этого рода вліяніе, то ихъ обязанность обратить его вниманіе на это, и тогда онъ обѣщаетъ имъ прервать подобную связь въ теченіе 24 часовъ.

Онъ держался того принципа, что частныя отношенія не должны вліять на его общественное положеніе; относительно государства онъ не желалъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только королемъ.

Боссюэтъ въ своихъ политическихъ трактатахъ потратилъ много труда на то, чтобы показать различіе между абсолютною властью и произволомъ; верховный авторитетъ, по его мнѣнію, долженъ быть выраженіемъ религіи и справедливости. Трудно сказать, усвоилъ ли себѣ эту мысль Людовикъ XIV съ достаточною опредѣленностью. Прежде всего онъ смотрѣлъ на себя, какъ на господина, на такого, однако, обязанность котораго прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы охранять общіе интересы: онъ смѣялся надъ англичанами, которые не даютъ своему королю средствъ исполнять эту обязанность; его правиломъ было дѣйствовать такимъ образомъ, какъ будто въ отдѣльности ничто не было его собственностью и однакоже вообще все принадлежало ему.

Какихъ бы кто политическихъ мнѣній ни держался, но никто не можетъ отрицать того, что эта монархія, какою она была и какою хотѣла быть еще больше, есть одно изъ величайшихъ всемірно-историческихъ явленій.

Въ ней живутъ всѣ элементы романско-германскаго государства, которые издавна приходили между собою въ самыя разнообразныя столкновенія и своею борьбою наполняли длинные періоды времени: дворянство съ своими привилегіями, происходящими не отъ короля, духовенство, которое въ извѣстныхъ отношеніяхъ стояло наравнѣ съ нимъ, третье сословіе—представляется прежде всего корпораціями, которыя купили свои права и считали ихъ благопріобрѣтенной собственностью; провинціи, помнившія свою самостоятельность, подвижная, полная броженія столица и наконецъ крестьянство, которое неохотно несло возложенное на него иго и было расположено къ возстаніямъ противъ дворянства и чиновниковъ. Но теперь приходили къ концу ихъ раздоры, ихъ самостоятельная жизнь и дѣятельность. Добровольно или по принужденію они всѣ повиновались одной волѣ. Король считалъ своею обязанностью одинаково цѣнить всѣ сословія, потому что каждое изъ нихъ было одинаково необходимо, и думалъ, что его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы защищать ихъ одно отъ другаго и всѣ ихъ отъ чужеземныхъ враговъ. Духовенство должно вполнѣ предать себя служенію религіи, дворянство должно отличаться честью и покорностью, а парламенты должны заниматься отправленіемъ правосудія,—вотъ ихъ обязанности, которыя они должны исполнять за свои привилегіи; промышленными стремленіями горожане были вызваны къ новой жизни, а въ крестьянахъ король видѣлъ поставщиковъ провіанта для страны и усердно занимался ими. Особенной заслугой королевской власти онъ

считалъ то, что она удерживала вооруженную силу, столь необходимую для государства, отъ тѣхъ насилій, которыя она безъ этого позволяла бы себѣ. Ставя для себя цѣлью охраненіе правъ всѣхъ и содѣйствіе благосостоянію всѣхъ, онъ однакоже далекъ былъ отъ того, чтобы совѣтоваться со всѣми о томъ, какъ это нужно сдѣлать; онъ не хотѣлъ созывать сословныхъ собраній, такъ какъ они стали бы только заниматься взаимными раздорами; верховную власть онъ предоставлялъ только себѣ одному. Онъ пользовался своею властью при содѣйствіи людей, которые вполнѣ отъ него зависѣли и не могли оказывать ему никакого другого противодѣйствія, кромѣ того, какое вызывалось желаніемъ успѣха его же дѣлу. Отъ подданныхъ онъ требовалъ только безусловнаго слѣпаго повиновенія. Повиновеніе одно само по себѣ казалось ему заслугой; всякое же сопротивленіе онъ считалъ преступленіемъ, заслуживающимъ наказанія.

Несомнѣнно, что это одно изъ самыхъ высокихъ положеній, которыя могутъ достаться человѣку на землѣ; оно влечетъ за собою громадную отвѣтственность и предполагаетъ необыкновенныя способности.

Личное *я* смотритъ на себя, какъ на совокупность всеобщихъ интересовъ: *я* становится государствомъ. Но способно ли оно осуществитъ ту задачу, которую оно приняло на себя, и расширить свою личность до такой степени, чтобы она отожествилась съ мыслью о государствѣ?

И если эта личность, какъ она была, надъ всѣмъ властвовала сама, то естественно, что она для своей абсолютной неограниченности и самоопредѣленія должна была стремиться къ тому, чтобы и во внѣшнихъ дѣлахъ ничто не ограничивало ея автономіи.

XLIX. Установленіе политической и административной централизаціи.

(Составлено по соч. Шерюэля: „Histoire de l'administration en France", t. II, и по введенію Деппинга къ изданной имъ „Correspondence administrative sous le règne de Louis XIV").

Проникнутый идеей своего самодержавія и стремясь къ утвержденію политической и административной централизаціи, Людовикъ XIV никогда не созывалъ ни собранія государственныхъ чиновъ (Etats Généraux), ни даже собранія нотаблей (notables), хотя эти учрежденія, не имѣвшія опредѣленныхъ правъ и созывавшіяся только съ соизволенія королей въ неопредѣленные сроки, и не могли считаться настоящимъ представительствомъ народа. Людовикъ XIV даже преслѣдовалъ и наказывалъ тѣхъ, которые осмѣливались высказываться въ пользу необходимости Etats-Généraux. Такъ, историкъ Мезерэ былъ лишенъ пенсіи за то, что онъ показалъ въ своихъ сочиненіяхъ, какое участіе принималъ народъ въ различныя эпохи исторіи Франціи, въ лицѣ своихъ представителей, въ установленіи налоговъ и податей и въ управленіи государствомъ. Другой случай еще болѣе характеризуетъ взглядъ Людовика XIV на участіе сословныхъ представителей или общегосударственныхъ чиновъ въ государственныхъ дѣлахъ: когда, во время переговоровъ объ Утрехтскомъ мирѣ, союзныя державы, не довѣряя еще Людовику XIV, требовали, чтобы условія мира были ратификованы представителями народа, то Людовикъ XIV

высокомѣрно отвергнулъ это требованіе и объявилъ, что онъ считаетъ его оскорбленіемъ величія престола. Однакоже въ началѣ царствованія Людовика XIV большая часть провинцій имѣла еще особенныя провинціальныя земскія собранія (Etats-provinciaux) изъ представителей трехъ сословій, которыя голосованіемъ опредѣляли сумму налоговъ, распредѣляли ее въ предѣлахъ своихъ провинцій и защищали ихъ старинныя льготы и привилегіи. Эти провинціальныя собранія были постепенно уничтожены Людовикомъ XIV въ очень многихъ провинціяхъ (Нормандія, Дофинэ, Гіень, Мэнъ, Анжу и т. д.). Такія провинціи, въ которыхъ вполнѣ утвердилось абсолютно-монархическое управленіе, назывались избирательными землями (pays d'élection), хотя въ нихъ не оставалось почти и тѣни отъ старинныхъ избирательныхъ земскихъ учрежденій; тѣ же провинціи, которыя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управлялись еще сеймомъ или собраніемъ, состоявшимъ изъ представителей трехъ сословій, назывались сеймовыми землями (pays d'état). Избирательныя земли сосредоточивались, главнымъ образомъ, около Парижа; сеймовыя же земли простирались по окраинамъ Франціи. Къ такимъ провинціямъ, въ которыхъ сохранены были собранія провинціальныхъ чиновъ, принадлежали Лангедокъ, Бретань, Бургундія, Артуа, Провансъ и нѣкоторыя другія. Изъ всѣхъ сеймовыхъ земель Лангедокъ и Бретань дольше всѣхъ сохранили нѣкоторую самостоятельность и старинныя льготы, изъ которыхъ самою важною было право провинціальныхъ чиновъ по своему усмотрѣнію увеличивать или уменьшать сумму податей, поступавшую съ сеймовыхъ земель въ королевскую казну, отчего подать эта и называлась добровольнымъ взносомъ (don gratuit); въ другихъ же сеймовыхъ земляхъ провинціальные чины существовали только по формѣ.

Людовикъ XIV съ самаго начала своего царствованія дѣятельно стремился подчинить своей волѣ тѣ провинціи, въ которыхъ сохранились еще провинціальные сеймы. При этомъ правительство старалось расположить съ себѣ провинціальные сеймы и склонить рѣшенія ихъ въ свою пользу или чрезъ отдѣльныхъ преданныхъ королю представителей привилегированныхъ сословій, имѣвшихъ сильное вліяніе на собраніяхъ провинціальныхъ чиновъ, иногда же даже и посредствомъ подкупа; въ тѣхъ же случаяхъ, когда Людовикъ XIV встрѣчалъ упорное противодѣйствіе своимъ требованіямъ со стороны провинціальныхъ сеймовъ, онъ силою заставлялъ ихъ подчиняться своей волѣ. Такъ, когда провинціальный сеймъ Прованса вздумалъ было одно время оказать сопротивленіе волѣ короля, то, по тайному приказу его, въ 1671 г. десять изъ наиболѣе упорныхъ депутатовъ провинціальнаго сейма Прованса были сосланы; послѣ этого, на слѣдующій годъ, сеймъ безпрекословно утвердилъ сумму податей, потребованную правительствомъ. Такую же покорность обнаружили Бургундія и Бретань; сопротивленіе волѣ короля немедленно и строго наказывалось. Второстепенныя сеймовыя провинціи (Артуа, Беарнъ и др.) тѣмъ менѣе отваживались на какую-либо упорную оппозицію правительству, за которую оно грозило имъ военнымъ постоемъ. Такимъ образомъ, если нѣкоторыя сеймовыя провинціи и сохранили еще отчасти при Людовикѣ XIV прежнюю самостоятельность, то въ дѣйствительности все внутреннее управленіе Франціи подчинено было центральной власти.

Стремясь къ подчиненію провинціальной администраціи центральной

власти, Людовикъ XIV не только отнялъ у избиравшихся изъ высшаго провинціальнаго дворянства губернаторовъ всю ихъ прежнюю власть, но уничтожилъ и прежній мнимо-самостоятельный ея характеръ, обусловливавшійся пожизненнымъ и нерѣдко даже наслѣдственнымъ пользованіемъ ею представителями мѣстной аристократіи. Людовикъ XIV сократилъ срокъ службы губернаторовъ до трехъ лѣтъ; для продолженія срока службы требовалось новое назначеніе или подтвержденіе прежняго со стороны центральной власти. Вся административная власть перешла отъ выборныхъ губернаторовъ къ представителямъ центральной власти—интендантамъ, которые, въ свою очередь, поставлены были Людовикомъ XIV въ строгое подчиненіе высшимъ центральнымъ учрежденіямъ. Неоднократно повторявшіяся отрѣшенія интендантовъ отъ должностей и новыя назначенія, а также постоянное перемѣщеніе интендантовъ изъ одной провинціи въ другую давали имъ чувствовать ихъ полнѣйшую зависимость отъ центральной власти, утвержденію которой въ провинціяхъ служили они вообще съ замѣчательнымъ рвеніемъ.

То, что оставалось еще отъ старинныхъ муниципальныхъ учрежденій, а именно право городовъ управляться въ своихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ своими выборными властями, мэрами и эшевенами, было также уничтожено Людовикомъ XIV. По уничтоженіи свободы выбора городскихъ властей, послѣднія обратились въ казенныя должности (offices), продававшіяся правительствомъ извѣстнымъ гражданамъ на всю жизнь. Впрочемъ, за городскими обществами оставлено было право выкупать себѣ у правительства свободу выборовъ. Указомъ 1683 г. завѣдываніе финансами городовъ было подчинено опекѣ интендантовъ. Это упраздненіе всѣхъ выборныхъ должностей вызывало рѣзкое осужденіе даже со стороны такихъ ревностныхъ защитниковъ абсолютной монархіи, какимъ былъ Кольберъ.

Съ упраздненіемъ обще-государственныхъ сословныхъ собраній (Etats Généraux), изъ всѣхъ корпорацій одинъ только парижскій парламентъ сохранилъ еще нѣкоторое политическое значеніе во Франціи, пользуясь присвоеннымъ себѣ правомъ дѣлать возраженія (remontrances) на королевскіе указы передъ внесеніемъ ихъ въ свои протоколы (le droit d'enregistrement), безъ чего указы эти не имѣли законной силы. Несмотря на неоднократныя репрессивныя мѣры противъ парижскаго парламента со стороны Ришелье, Мазарини и Людовика XIV, парламентъ все еще продолжалъ отстаивать свои права и притязанія на политическую роль. Парламентъ парижскій считалъ себя даже выше Etats-Généraux, какъ это было ясно высказано президентомъ парламента во время фронды. И другіе провинціальные парламенты считали себя твердыми, могущественными столбами, на которыхъ зиждилось государство. Но Людовикъ XIV не признавалъ другой опоры для своего престола, кромѣ своей божественной абсолютной власти, и потому онъ рѣшился ограничить парламенты чисто-судебною сферою дѣятельности. Прежнее громкое имя парламентовъ—cours souveraines (верховные суды)—замѣнилъ Людовикъ XIV болѣе скромнымъ названіемъ—cours superieures (высшіе суды), такъ какъ первое названіе, присвоенное себѣ парламентами, казалось уже Людовику XIV посяганіемъ на верховную самодержавную власть короля. Когда парламентъ вздумалъ протестовать противъ нѣкоторыхъ указовъ Людовика XIV, занесенныхъ въ парламентскіе протоколы въ такъ назы-

ваемомъ *подушечномъ засѣданіи* (lit de justice) 1665 г., требуя общаго засѣданія палатъ, то Людовикъ XIV рѣшился сослать перваго изъ членовъ парламента, кто заговоритъ противъ короля. По словамъ Людовика XIV, онъ хотѣлъ показать этимъ блестящій примѣръ совершеннаго подчиненія парламента и справедливой, хотя и строгой кары за его посягательства. Въ началѣ 1666 г. дѣйствительно состоялось общее собраніе палатъ парламента, созванное по волѣ самого короля первымъ президентомъ. Президентъ, по открытіи засѣданія, напомнилъ членамъ парламента о запрещеніи короля обсуждать указы, изданные имъ въ послѣднемъ lit de justice. Опасаясь гнѣва короля, всѣ члены парламента хранили глубокое молчаніе, и когда, послѣ продолжительнаго всеобщаго молчанія, президентъ поднялся съ мѣста, всѣ члены парламента одинъ за другимъ послѣдовали за нимъ; все собраніе разошлось, не произнеся ни слова, причемъ на лицахъ всѣхъ обнаруживалось смущеніе. Другаго подобнаго примѣра не представляется въ исторіи парламента, заключаетъ описавшій это засѣданіе парламента современникъ Оливье д'Ормессонъ.

Въ 1667 г., по случаю внесенія въ протоколы парламента указа о новомъ гражданскомъ сводѣ законовъ (Code Louis), нѣкоторые члены парламента снова потребовали общаго собранія палатъ; но первый президентъ противопоставилъ этому требованію безпрекословное запрещеніе Людовика XIV. Тогда одинъ изъ президентовъ (Миронъ) замѣтилъ: „Богъ также требуетъ повиновенія, однакожъ онъ допускаетъ, чтобы къ нему обращались съ просьбами". Нѣкоторые изъ остальныхъ членовъ парламента говорили въ томъ же духѣ. Тогда Людовикъ XIV подвергъ ссылкѣ всѣхъ протестовавшихъ членовъ парламента. Послѣ этого парламентъ больше не дерзалъ заявлять свою волю.

Въ 1668 г. Людовикъ XIV, по совѣту Кольбера, потребовалъ отъ перваго президента, чтобы онъ уничтожилъ въ парламентскихъ протоколахъ всѣ слѣды прежнихъ протестовъ противъ королевской власти въ смутное время фронды, дабы они не служили опасными прецедентами на будущее время. Президентъ парламента сослался на обычаи парламента, не дозволявшіе ему предпринимать подобное рѣшеніе безъ согласія всего парламента. Тогда Людовикъ XIV на другой день приказалъ принести къ себѣ протоколы парламента и велѣлъ вырвать изъ нихъ все то, что напоминало малѣйшее посягательство парламента на присвоеніе себѣ верховной власти. Наконецъ указомъ 1673 г. было запрещено парламентамъ дѣлать возраженія противъ указовъ короля до внесенія ихъ въ протоколы. Уже по внесеніи королевскаго указа, въ теченіи восьми дней, парламентъ могъ представлять королю свои возраженія; но если они отвергаемы были королемъ, то законъ получалъ все-таки свою силу, и никакія новыя возраженія уже не допускались.

Ограниченіе власти высшихъ сановниковъ началось еще при Ришелье, уничтожившемъ должности коннетабля и адмирала. Должность суперинтенданта (surintendant) уничтожена была послѣ того, какъ Фуке попалъ въ немилость. Финансами сталъ завѣдывать генеральный контролеръ (controleur général), король же оставилъ за собой подписываніе всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя прежде подписывались суперинтендантомъ. Въ 1662 г. была уничтожена должность генеральнаго начальника пѣхоты (colonel général de l'infanterie française). Должность генеральнаго начальника кавалеріи (colonel général de la cavalerie) была еще оставлена ради пле-

мянника Тюренння; но связанная съ этимъ званіемъ прерогатива, какъ, напр., назначеніе низшихъ офицеровъ кавалеріи, была уничтожена.

Должность адмирала, уничтоженная при Ришелье, была возстановлена при немъ же подъ титуломъ grand maître et surintendant de la navigation. Анна австрійская во время смутъ фронды вынуждена была передать эту должность герцогу Вандомскому, а потомъ сыну его, Бофору. Но по смерти послѣдняго Кольберъ предложилъ Людовику XIV уничтожить эту должность или по крайней мѣрѣ ограничить прерогативы, связанныя съ начальствованіемъ надъ флотомъ, каковы назначеніе высшихъ и низшихъ офицеровъ и вѣдѣніе суда морскаго вѣдомства. Хотя званіе адмирала было возстановлено для незаконнорожденнаго сына Людовика XIV, графа Вермандуа, король оставилъ за собой право назначать офицеровъ морскаго вѣдомства, какъ-то: вице-адмирала, начальниковъ эскадры, капитановъ и т. д. Должность канцлера по смерти Сегье была также уничтожена. Ту дѣятельность, которая была связана съ должностью канцлера, Кольберъ принялъ на себя. Онъ распредѣлялъ мѣста между судейскими чиновниками и указывалъ королю людей для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ. Приложеніе же государственной печати было оставлено за королемъ.

Для завершенія политической централизаціи Людовикъ XIV считалъ необходимымъ лишить аристократію окончательно сохраненнаго ею еще отчасти прежняго политическаго значенія, обнаружившагося такъ рельефно во время фронды.

Ришелье уничтожилъ крѣпости вельможъ и коноводовъ ихъ, Мазарини обезоружилъ ихъ подкупомъ и хитростью, Людовикъ же XIV окончательно подчинилъ вельможъ: онъ отнялъ у нихъ все прежнее ихъ политическое значеніе, привлекъ большинство ихъ ко двору своему, разоривъ ихъ матеріально, разслабивъ нравственно. Толпами оставляли вельможи свои уединенные замки для придворной службы. Губернаторы провинцій не могли уже болѣе разыгрывать роль государей въ подвѣдомственныхъ имъ провинціяхъ: они не имѣли никакой власти; даже начальствованіе надъ мѣстными войсками было отнято у нихъ. Та часть провинціальной аристократіи, которая не хотѣла разстаться съ своими помѣстьями и съ своей старинной феодальной тиранніей, жестоко поплатилась за своеволіе. Напрасно разсчитывали они на отдаленность двора и центральной правительственной власти. Назначавшіяся въ провинціи чрезвычайныя слѣдственныя комисіи (les grands jours) обнаруживали гибель злоупотребленій провинціальныхъ владѣтельныхъ вельможъ. Многіе изъ нихъ совершенно истощали населеніе своихъ земель тяжкими своевольными поборами, или, пользуясь правомъ суда надъ своими подданными, подвергали ихъ по всякому ничтожнѣйшему поводу заточенію, требуя отъ нихъ выкупа за свободу. Всей этой тиранніи былъ скоро положенъ конецъ чрезвычайными королевскими судами, отъ безпощадной строгости которыхъ многіе изъ виновныхъ спасались только бѣгствомъ; но, при всемъ томъ, не мало вельможъ было, по приговору суда, повѣшено, колесовано, отправлено на галеры или въ ссылку. Дѣятельность суда обнаружилась съ чрезвычайною энергіей, не разбирая ни званія, ни происхожденія виновныхъ. Самъ король поощрялъ строгость судей. Онъ сдѣлалъ даже своимъ девизомъ (на одной медали) „благосостояніе провинцій, подавленіе наглости вельможъ“ (provinciarum

salus, repressa potentiorum audacia). Такимъ образомъ абсолютная власть королевская пріобрѣтала все большую популярность. Преданныхъ двору вельможъ Людовикъ XIV окружилъ большимъ почетомъ, чтобы чрезъ это, въ качествѣ перваго дворянина, еще выше подняться въ глазахъ массы.

Но, щедро надѣляя знатныхъ вельможъ титулами и почестями, Людовикъ XIV особенно ревниво относился къ возвышенію принцевъ крови и не давалъ имъ случая отличиться; онъ, напротивъ, всячески старался деморализировать ихъ. Своихъ совѣтниковъ и министровъ выбиралъ онъ изъ людей невиднаго происхожденія. Съузивши для знати поприще гражданской дѣятельности, онъ предоставилъ ей широкое поле для военной славы. Скоро вся почти знатная молодежь наполнила собою ряды арміи.

Потомки строптивыхъ вельможъ воспитывались въ школѣ строгой дисциплины, введенной по иниціативѣ Лувуа. Такимъ образомъ французская аристократія лишилась всякаго политическаго значенія, сдѣлалась какой-то военной кастой. Не мало знатныхъ дворянъ сложили свои головы въ безпрерывныхъ войнахъ Людовика XIV, и это было ему на руку.

Выбирая себѣ преданныхъ слугъ и помощниковъ изъ среды буржуазіи, Людовикъ XIV хотѣлъ все-таки остаться королемъ дворянъ (roi des gentilhommes), и потому всѣ его совѣтники, статсъ-секретари, посланники, вышедшіе изъ средняго класса, приближаясь къ престолу, становились въ ряды французскаго дворянства и получали титулы маркизовъ, графовъ и т. п. (маркизъ де-Лувуа, графъ де-Поншартренъ и т. д.).

Цѣлымъ рядомъ мѣръ, систематически направленныхъ къ уничтоженію или стѣсненію провинціальныхъ сословныхъ чиновъ и уцѣлѣвшихъ еще муниципальныхъ учрежденій, а также къ уничтоженію политическаго значенія парижскаго парламента и аристократіи, Людовику XIV удалось наконецъ достигнуть установленія почти полной политической централизаціи во Франціи и столь желаннаго для него политическаго единства ея; но еще полнѣе и послѣдовательнѣе проведена была идея централизаціи въ административномъ управленіи Франціи.

Въ центрѣ королевства, вокругъ трона, находилось высшее административное учрежденіе—это совѣтъ короля (conseil du roi), отъ котораго исходили и къ которому тянулись всѣ нити государственнаго управленія.

Въ королевскомъ совѣтѣ сосредоточивалась вся власть: во-1-хъ, верховный судъ, такъ какъ королевскій совѣтъ имѣлъ право уничтожать рѣшенія всѣхъ судовъ; во-2-хъ, законодательная власть, которою совѣтъ пользовался, впрочемъ, только по волѣ короля: совѣтъ разсматривалъ и проектировалъ большую часть законовъ, назначалъ и распредѣлялъ налоги по провинціямъ; въ-3-хъ, совѣту же королевскому предоставлено было право установленія общихъ административныхъ правилъ, которыми должны были руководствоваться правительственные агенты, и право наблюденія за второстепенными властями. Всѣ дѣла какъ внѣшней, такъ и внутренней политики должны были рѣшаться въ королевскомъ совѣтѣ; но совѣтъ рѣшалъ всѣ дѣла не собственною властію, а именемъ короля Франціи: члены совѣта короля были относительно него только простыми подавателями мнѣній (donneurs d'avis). Всѣ члены королев-

скаго совѣта, большею частью выслужившіеся интенданты и люди, испытанные въ служебной практикѣ, легко могли быть отрѣшаемы отъ мѣста по усмотрѣнію короля.

Главнымъ членомъ королевскаго совѣта былъ генеральный контролеръ (controleur général), въ рукахъ котораго сосредоточивалось все внутреннее управленіе: финансы, внутреннія дѣла, торговля и промышленность и, наконецъ, публичныя работы. Какъ въ центрѣ государства главнымъ правительственнымъ агентомъ былъ генеральный контролеръ, такъ въ каждой провинціи — интендантъ, въ каждомъ дистриктѣ — субделегатъ. Старымъ земскимъ властямъ и учрежденіямъ оставлено было ихъ имя и нѣкоторый внѣшній почетъ, но вся ихъ власть была у нихъ отнята. Всякое распоряженіе правительства касательно внутренняго управленія, исходя отъ королевскаго совѣта, должно было проходить черезъ руки генеральнаго контролера, интенданта и субделегата, отъ котораго оно сообщалось уже приходскому старшинѣ, синдику. Ни одна сельская община не могла сдѣлать самаго ничтожнаго общественнаго расхода, не испросивши на то разрѣшенія королевскаго совѣта путемъ подлежащихъ инстанцій. Словомъ, всякое проявленіе общественной воли регулировалось свыше, проходя послѣдовательно цѣлый рядъ административныхъ инстанцій. Это крайнее проведеніе системы централизаціи подавило мало-по-малу всякую мѣстную самодѣятельность и общественную инищіативу.

L. ФУКЕ, ЕГО УПРАВЛЕНІЕ ФИНАНСАМИ И ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА.

(По соч. Шерюэля: „Histoire de l'administration monarchique en France" и по соч. Топена „L'homme au masque de fer").

Финансовое управленіе было самою слабою стороною въ общей системѣ управленія Мазарини. Государственный долгъ Франціи, возросшій въ концѣ правленія Мазарини до 430 мил. ливровъ, громче всего говоритъ противъ Мазарини и помощниковъ его въ управленіи финансами. Послѣ фронды завѣдываніе ими перешло мало-по-малу всецѣло въ руки суперинтенданта Фуке, хотя, повидимому, дѣла вѣдались совѣтомъ изъ 14 членовъ. Фуке былъ сначала членомъ судебной палаты парижскаго парламента, потомъ купилъ мѣсто генеральнаго прокурора при парламентѣ, а въ 1653 г. сдѣланъ главноуправляющимъ (surintendant) финансами вмѣстѣ съ Сервіеномъ. Еще во время фронды Фуке сблизился съ королевой и съ Мазарини и не разъ выручалъ ихъ изъ финансовыхъ затрудненій. Но не только это побудило Мазарини вручить Фуке управленіе финансами; изъ корреспонденціи Мазарини видно, что онъ чувствовалъ себя крайне обязаннымъ относительно Фуке особенно за то, что ему удалось снять запрещеніе, наложенное парламентомъ на движимое имущество Мазарини во время его изгнанія. Со смертью Сервіена (1659 г.) Фуке безпрепятственно захватилъ въ свои руки все управленіе финансами.

Организація финансоваго управленія при Фуке представляла много

удобныхъ источниковъ для безнаказаннаго расхищенія казны, и онъ вполнѣ воспользовался этимъ.

Отчетность финансовая передъ палатою счетовъ существовала только по формѣ, на словахъ. Государственные финансы шли безъ счета на удовлетвореніе жадности министра финансовъ и его помощниковъ, но чтобы въ отчетныхъ финансовыхъ вѣдомостяхъ существовало видимое равновѣсіе между приходомъ и расходами, то выдумывались разные небывалые расходы.

Отдача на откупъ налоговъ также служила источникомъ множества злоупотребленій и обогащенія людей, заправлявшихъ финансами. Иногда сами завѣдывавшіе финансами подъ чужими именами брали на откупъ налоги или давали правительству взаймы накраденныя у него же деньги за огромные проценты. Всѣ такія злоупотребленія, поощряемыя соучастіемъ множества лицъ, часто оставались безнаказанными.

Фуке не упускалъ никакого случая обогащаться на счетъ казны и пріобрѣталъ такъ много, что могъ тратить больше, чѣмъ король. Пышность дворца въ Во, который обошелся Фуке въ 18 мил. ливровъ, затмѣвала собой придворную роскошь и вызвала гнѣвъ Людовика XIV. Ухаживанье Фуке за дѣвицей Лавальеръ, фавориткою Людовика XIV, также раздражало послѣдняго. Но не зависть короля къ богатству Фуке, не мщеніе ему за притязанія на любовь Лавальеръ было, какъ полагали, главной причиной катастрофы Фуке. Изъ продолжительнаго процесса Фуке видно, что онъ былъ судимъ за дѣйствительно доказанныя преступленія: за расхищеніе государственной казны и за проэктъ мятежа съ цѣлью захватить власть правительственную.

Незадолго до смерти Мазарини Фуке удвоилъ свои усилія, чтобы упрочить свою власть и управлять королевой и самимъ королемъ, но тщеславному Фуке недоставало проницательности и осторожности Мазарини.

Фуке старался всячески привлечь къ себѣ Анну Австрійскую, чтобы чрезъ нее управлять молодымъ королемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Фуке окружилъ ее преданными ему шпіонами, почти всѣ фрейлины королевы были у него на жалованьи. Чтобы узнать самыя задушевныя тайны королевы, Фуке вошелъ даже въ близкія сношенія съ духовникомъ ея. Когда по смерти Мазарини Людовикъ XIV самъ взялъ въ свои руки управленіе государствомъ, онъ готовъ былъ оставить Фуке министромъ финансовъ, но просилъ ничего не скрывать относительно дѣйствительнаго положенія финансовъ. Но Фуке слишкомъ много полагался на свою силу и слишкомъ мало обращалъ вниманія на властолюбивыя притязанія молодаго короля. Фуке разсчитывалъ, во всякомъ случаѣ, заправлять Людовикомъ XIV чрезъ окружающихъ его лицъ, а чрезъ многочисленныхъ шпіоновъ узнавать о малѣйшихъ предположеніяхъ короля. Ежедневно представлялъ Фуке Людовику XIV поддѣльныя вѣдомости, продолжалъ изобрѣтать займы, брать для себя на откупъ подъ чужими именами многіе налоги и пр. Но заклятый врагъ Фуке, Ж. Б. Кольберъ, тщательно провѣряя представляемыя королю финансовыя вѣдомости, отмѣчалъ въ нихъ всякую поддѣлку и раскрывалъ королю глаза на настоящее положеніе дѣлъ. Фуке, задумавъ вырвать власть у молодаго короля, уже не останавливался ни предъ чѣмъ и, чтобы оградить себя отъ мести короля, составилъ обширный планъ, осуществленіе котораго было уже отчасти

подготовлено. Золотомъ купилъ Фуке преданныхъ слугъ даже между офицерами королевской свиты; въ Бретани, гдѣ были обширныя владѣнія Фуке, онъ укрѣплялъ города и особенно крѣпость Бель-Иль; во многихъ сѣверныхъ крѣпостяхъ были комендантами креатуры Фуке; въ случаѣ опалы при дворѣ онъ разсчитывалъ укрѣпиться въ Бель-Илѣ и дать отпоръ королю. Знаменитый проэктъ сопротивленія, найденный въ бумагахъ Фуке, представляетъ настоящій заранѣе обдуманный планъ гражданской войны. Рѣшено было, при помощи нѣкоторыхъ членовъ парламента и памфлетовъ, поднять движеніе въ Парижѣ, а духовенство—при помощи братьевъ Фуке, епископа и коадъютора; губернаторы должны были выставить войска по дорогамъ и захватить казну. Въ крайнемъ случаѣ предполагалось прибѣгнуть къ чужеземной помощи.

Уже, повидимому, близко было осуществленіе цѣли Фуке, но онъ скоро попался въ искусно устроенную для него западню. Скрытный отъ природы, Людовикъ XIV сдѣлался еще скрытнѣе, и искуснымъ притворствомъ передъ Фуке старался замаскировать отъ него готовившійся ему ударъ и усыпить его своими ласками. Никогда еще Людовикъ XIV не усыплялъ такъ своими ласками Фуке, какъ наканунѣ нанесенія ему рѣшительнаго удара: въ это время Людовикъ XIV старался показать особенное довѣріе къ Фуке, часто приглашалъ его къ себѣ, совѣтовался съ нимъ о многомъ, брата его, епископа Фуке, осыпалъ наградами. Но Фуке, какъ генеральный прокуроръ, могъ быть судимъ лишь парламентомъ, гдѣ онъ имѣлъ многихъ сторонниковъ; чтобы можно было предать Фуке, по арестованіи его, суду чрезвычайной слѣдственной коммиссіи, нужно было побудить его отказаться отъ должности генеральнаго прокурора, что и было ловко исполнено Кольберомъ при помощи короля.

Когда все было подготовлено къ аресту Фуке, Людовикъ XIV принялъ также всѣ малѣйшія предосторожности для предупрежденія какого-либо движенія въ пользу Фуке въ провинціи Бретани, гдѣ онъ имѣлъ наибольше сторонниковъ и гдѣ присутствіе короля могло обуздать сопротивленіе крѣпостей, бывшихъ во власти Фуке. Самъ король отправился въ Нантъ, подъ предлогомъ созвать тамъ Etats-Généraux.

Въ Бретани собраны были отряды мушкетеровъ, подъ предлогомъ королевской охоты; по дорогамъ разставлены были войска, которымъ велѣно было пропускать только королевскихъ курьеровъ.

Вызванный въ Нантъ, Фуке былъ схваченъ и тотчасъ же перевезенъ въ Венсеннъ, а оттуда въ Бастилію. Вмѣстѣ со многими другими обвиненными въ расхищеніи казны чиновниками финансоваго вѣдомства, Фуке былъ призванъ къ суду особенной враждебной для него слѣдственной коммиссіи. Общественное мнѣніе высказалось сначала очень жостко противъ Фуке, но мало-по-малу въ общественномъ мнѣніи произошелъ поворотъ, благопріятный для Фуке, чему не мало содѣйствовали друзья Фуке (Лафонтенъ, M-me де-Севинье), продолжительность процесса, ожесточеніе враговъ Фуке, его собственная ловкая защита и пр. Но доказать невинность Фуке было невозможно. По закону и обычаямъ того времени онъ заслуживалъ смертную казнь, однакожъ, принявъ во вниманіе смягчающія вину его обстоятельства, большинство судей высказалось за изгнаніе; но Людовикъ XIV замѣнилъ самовольно ссылку вѣчнымъ заточеніемъ въ крѣпости Пиньероль. Трагическая катастрофа совершенно измѣнила пустаго, вѣтреннаго Фуке: онъ сталъ искать утѣше-

нія въ религіи и въ наукахъ. Фуке умеръ въ Пиньеролѣ въ 1680 г. послѣ 19-ти-лѣтняго заточенія. Предположеніе, что Фуке былъ таинственнымъ лицомъ, скрывавшимся въ Бастиліи подъ желѣзной маской, совершенно неосновательно, какъ это доказано новѣйшими изслѣдованіями *).

LI. ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЬБЕРА.

(Изъ соч. Клемана: „Histoire de la vie et de l'administration de Colbert").

Внимательное изученіе исторіи Франціи въ ея общей связи приводитъ къ убѣжденію, что ни одинъ министръ не пользовался, при обстоятельствахъ, столь благопріятствовавшихъ исправленію злоупотребленій, такимъ большимъ авторитетомъ, какой имѣлъ Кольберъ въ первыя 10 или 12 лѣтъ своего управленія. Кардиналъ Мазарини—министръ, въ рукахъ котораго власть подвергалась наиболѣе сильнымъ оскорбленіямъ, униженіямъ, умирая, оставилъ правительство, благодаря своей безконечной, упорной ловкости, болѣе крѣпкимъ, чѣмъ когда-либо. Тѣмъ не менѣе Кольберъ, хотя и образовавшійся въ его школѣ, всегда оказывалъ явное предпочтеніе строгимъ, твердо установившимся принципамъ Ришелье и любилъ управлять собою на основаніи этихъ правилъ,—до такой степени характеръ сильно дѣйствуетъ на человѣка. Часто, когда въ совѣтѣ предстояло обсужденіе какого-нибудь важнаго дѣла, Людовикъ XIV говорилъ насмѣшливымъ тономъ: „Вотъ посмотрите, Кольберъ станетъ то и дѣло толковать мнѣ: „Ваше величество, великій нашъ кардиналъ Ришелье, и проч., проч., и проч..." Въ первую половину службы Кольбера, какъ министра, все помогало его неутомимому рвенію, его честности, и какъ будто соединилось для того, чтобы содѣйствовать упроченію результатовъ, которымъ вѣкъ Людовика XIV обязанъ самымъ яркимъ блескомъ своимъ. Тутъ былъ и король, двадцати-двухъ-лѣтній молодой человѣкъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ порядка и справедливости, котораго Мазарини систематически устранялъ до сихъ поръ отъ всякихъ дѣлъ и которымъ, именно вслѣдствіе этого, весьма легко было управлять человѣку очень ловкому и вполнѣ знакомому съ подробностями финансоваго дѣла; тутъ были и парламенты, обезкураженные неудачею своихъ послѣднихъ попытокъ и поневолѣ рѣшившіеся подчиняться съ этого времени всему, что бы ни случилось; тутъ былъ и народъ, которому надоѣла опека какъ государей, такъ и парламента; но, главное, сверхъ всего этого, тутъ былъ такой ужасный безпорядокъ, въ финансовомъ управленіи совершалось всякимъ, кто только хотѣлъ, такое нахальное воровство, что со всѣхъ сторонъ раздавались громкія требованія—найти человѣка честнаго, достаточно энергическаго для того, чтобы положить предѣлъ этимъ безобразіямъ. Таково было положеніе дѣлъ въ 1661 г., послѣ отставки Фуке. Не трудно представить себѣ негодованіе Людовика XIV при мысли, что онъ такъ долго былъ жертвою обмана своего главнаго интенданта. Это чувство, ловко эксплоатировавшееся Кольберомъ,

*) M. Topin „L'homme au masque de fer" и Th. Young „La verité sur le masque de fer".

личнымъ врагомъ и преемникомъ Фуке, немедленно доставило новому министру громадное вліяніе. Его интересы оказались въ нѣкоторомъ родѣ связанными съ интересами самого короля, и вышло такъ, что и тотъ, и другой пожелали одинаково сильно, хотя по различнымъ побужденіямъ, безвозвратно погубить главнаго интенданта. Надо сказать, однако, что уже въ моментъ смерти Мазарини Кольберъ пользовался важнымъ личнымъ значеніемъ; очень высокопоставленныя лица писали ему по этому случаю, выражая свое соболѣзнованіе и увѣряя въ своей преданности. Нѣсколько времени спустя, именно 16 марта 1661 г., король назначилъ его управляющимъ финансами. Но полное довѣріе Людовика XIV Кольберъ пріобрѣлъ впервые только веденіемъ процесса Фуке. Въ короткое время всемогущество его было упрочено, и онъ сдѣлался первымъ министромъ въ самомъ истинномъ значеніи этого слова. Только Кольберъ, какъ очень ловкій человѣкъ, старательно заботился о томъ, чтобы по внѣшнему виду вся иниціатива дѣйствій, вся главная заслуга оставалась за королемъ. Другою чертою системы дѣйствій новаго министра было не только не хвастаться своимъ вліяніемъ, но, напротивъ того, тщательно скрывать его, даже отъ своихъ приближенныхъ. „Главное,—писалъ онъ своему брату, посланнику въ Англіи,—не думайте, что я могу дѣлать все, что хочу". Скромность ли заставляла его поступать такимъ образомъ, или желаніе умѣрить рвеніе просителя? Тѣмъ не менѣе, можно смѣло сказать, что съ 1661 до 1672 года могущество и авторитетъ Кольбера были совершенно неограниченны. Законы, постановленія, распоряженія этого періода—все носитъ на себѣ печать его творчества, все исходитъ отъ него. Должности губернаторовъ, посланниковъ, президентовъ, епископовъ, интендантовъ, однимъ словомъ, самые высокіе посты раздаются не иначе, какъ по его рекомендаціи или съ его согласія. Конечно, что послѣ возвышенія Ришелье и Мазарини, которые тоже были обязаны своею карьерою самимъ себѣ, своимъ собственнымъ заслугамъ, высокое положеніе, такъ быстро доставшееся Кольберу, представляется менѣе удивительнымъ. Въ числѣ различныхъ путей, которые могла избирать королевская власть въ своей борьбѣ съ феодализмомъ, самымъ вѣрнымъ было—опираться на людей умныхъ, но новыхъ, и именно вслѣдствіе того вполнѣ преданныхъ и незаинтересованныхъ въ этомъ вѣковомъ спорѣ. Людовикъ XIV, подъ вліяніемъ воспоминаній о своемъ бурномъ несовершеннолѣтіи, долженъ былъ, болѣе чѣмъ кто-либо, оставаться вѣрнымъ этой системѣ, и однимъ изъ первыхъ элементовъ возвышенія Кольбера послужило, очень можетъ быть, то обстоятельство, что онъ управлялъ нѣкогда дѣлами Мазарини, былъ его *лакеемъ*, какъ надменно выражался Фуке.

Мазарини умеръ, оставивъ Францію замиренною извнѣ, освобожденною отъ духа и раздора партій внутри, но истощенною, безъ матеріальныхъ рессурсовъ и постыдно эксплоатируемою всякимъ, кто имѣлъ возможность дать въ займы казначейству какихъ-нибудь тысячу экю на 50 процентовъ въ годъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Кольберъ, который уже давно старательно слѣдилъ за развитіемъ общей испорченности, зналъ всѣ ея уловки и слабости и открывалъ ихъ Людовику XIV,—скоро сдѣлался членомъ государственнаго совѣта и занялъ въ немъ первое мѣсто. Его спеціальныя работы, его предшествующая дѣятельность, характеръ, трудолюбіе, искусство и добросовѣстность, съ которыми онъ

въ продолженіи почти пятнадцати лѣтъ управлялъ колоссальнымъ состояніемъ Мазарини, а главное—скромный постъ, который занималъ онъ у покойнаго кардинала,—все это служило для него рекомендаціею въ глазахъ Людовика XIV, который, безъ сомнѣнія, думалъ, что пріобрѣтаетъ себѣ въ немъ не министра, а главноуправляющаго. Уставъ отъ долговременнаго послушанія кардиналу Мазарини, давно уже сгорая желаніемъ сбросить съ себя это иго, Людовикъ XIV въ настоящее время, когда это желаніе осуществилось, жаждалъ поскорѣе воспользоваться всѣми прерогативами королевской власти, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства въ нее. Итакъ, послѣ смерти кардинала, Кольберъ послѣдовательно получилъ должности управляющаго финансами, главноуправляющаго общественными постройками, главнаго контролера, статсъ-секретаря, завѣдывающаго флотомъ, торговлею и промышленностью. Къ несчастью, въ общемъ управленіи дѣлами большаго государства, добрыя намѣренія не всегда оказываются достаточными, и если это бываетъ даже въ наше время, то съ какими же затрудненіями приходилось бороться два столѣтія тому назадъ! Тщательное изслѣдованіе подробностей администраціи Кольбера показываетъ, до какой степени этотъ министръ раздѣлялъ нѣкоторыя заблужденія своихъ современниковъ, какое именно вліяніе имѣлъ онъ на развитіе матеріальнаго благосостоянія и могущества Франціи, наконецъ, дѣйствительно ли онъ былъ полезенъ самому многочисленному и важному классу народа въ такой мѣрѣ, какъ всегда искренно желалъ этого. Администрація же Кольбера касалась очень многихъ разнообразныхъ и важныхъ сторонъ государственной жизни; финансы, торговля, промышленность, земледѣліе, мореплаваніе, законодательство, дипломатическія сношенія, полиція, продовольственная часть, изящныя искусства, постройки—все это обнимала она собою.

На всѣхъ портретахъ Кольберъ изображается съ густыми бровями, суровымъ взглядомъ, страшными складками на лбу. Его холодность и молчаливость при пріемѣ просителей наводили ужасъ даже на самыхъ смѣлыхъ между ними. Это былъ, какъ выражается Гюи-Патенъ, человѣкъ мраморный, vir marmoreus. Другой современникъ отзывается о немъ такъ: „Это человѣкъ безъ хвастливости, не знающій роскоши, тратящій на свои нужды очень немного, охотно жертвующій всѣми своими удовольствіями и развлеченіями интересамъ государственнымъ и занятію дѣлами. Онъ дѣятеленъ, бдителенъ, твердъ и непоколебимъ относительно своего долга, равнодушно относится къ богатству, но со страстью увеличиваетъ и сохраняетъ имущество короля“. Однажды, г-жа Корнюэль, прославившаяся своимъ умомъ даже въ тогдашнемъ обществѣ, самомъ остроумномъ, какое когда-либо существовало, просила Кольбера о какакомъ-то своемъ дѣлѣ и никакъ не могла добиться отвѣта. „Да послушайте же,—вскричала она наконецъ, задѣтая за живое этимъ молчаніемъ,—по крайней мѣрѣ покажите мнѣ чѣмъ-нибудь, что вы меня слышите!“ Г-жа Севинье называла Кольбера *Сѣверомъ* и дрожала при одной мысли попросить у него аудіенцію. Иногда, однако, она рѣшалась на это, и въ одинъ изъ такихъ разовъ стала просить его за своего сына, причемъ, конечно, дала волю тому черезчуръ многорѣчистому говору, который овладѣвалъ ею, когда дѣло шло о семейныхъ отношеніяхъ и привязанностяхъ ея; но эта аудіенція не особенно удовлетворила нѣжную мать, такъ какъ все, чего могла добиться она отъ Кольбера, были слова:

„Сударыня, я позабочусь о вашемъ сынѣ". Одинъ изъ знаменитѣйшихъ современниковъ, президентъ Ламуаньонъ, отозвался о Кольберѣ, какъ о характерѣ, въ высшей степени неудобномъ для тѣхъ, которые не желали и не могли по своему общественному положенію оставаться въ полномъ подчиненіи у него. „Это происходитъ,—писалъ Ламуаньонъ въ своей характеристикѣ Кольбера — скорѣе отъ его настроенія, чѣмъ отъ какого бы то ни было недоброжелательства; но это настроеніе можетъ порождать весьма дурные результаты, потому что онъ совершенно поддается ему и укрѣпляется въ своихъ недостаткахъ своими достоинствами. А такъ какъ онъ вполнѣ проникнутъ сознаніемъ своихъ заслугъ, которыя дѣйствительно очень велики, если сообразить, что нѣтъ, можетъ быть, на свѣтѣ человѣка, способнаго превзойти его прилежаніемъ, честностью, способностями и даже удачею въ дѣлѣ исправленія королевскихъ финансовъ, очищенія ихъ отъ злоупотребленій и водворенія въ нихъ образцоваго порядка, — то это сознаніе заставляетъ его считать дурнымъ все, несогласное съ его воззрѣніями, смотрѣть на всѣхъ, противорѣчащихъ ему, какъ на невѣждъ или злонамѣренныхъ людей. И онъ до такой степени убѣжденъ, что всѣ честныя стремленія сосредоточены въ немъ одномъ, что предполагаетъ невозможнымъ существованіе ихъ въ другихъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда эти послѣдніе обнаруживаютъ полнѣйшую солидарность съ его собственными взглядами. Вотъ почему все, что ему желательно, онъ желаетъ слишкомъ настойчиво, и вотъ почему, для достиженія однажды предположенной цѣли, онъ употребляетъ всевозможныя средства, не соображая, что очень часто средства портятъ самую благую цѣль. Его настроеніе и искусство служатъ также причиною того, что онъ ведетъ всѣ дѣла деспотически; а такъ какъ ему никогда не случалось служить въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ пріучаются уважать мнѣніе другихъ и согласовать свой образъ дѣйствій и свои воззрѣнія съ тѣмъ, какъ дѣйствуютъ и думаютъ сослуживцы, то онъ хочетъ рѣшать все своею собственною властью, безъ всякаго совѣщанія съ лицами, имѣющими право и способность судить о тѣхъ предметахъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь. Напротивъ того: именно съ этими людьми онъ болѣе всего избѣгаетъ всякихъ совѣщаній, потому что это было бы какъ бы раздѣленіемъ власти, которое для него невыносимо, и эта особенность приводитъ его къ другой крайности, съ перваго взгляда кажущейся совершенно противоположною, но которая, однако, исходитъ изъ того же источника и которую я встрѣчалъ во многихъ людяхъ съ такимъ же характеромъ: это—податливость различнымъ впечатлѣніямъ, которыя вселяютъ въ него лица, безусловно ему подчиненныя. Недовѣрчивость и подозрѣнія—почти всегда неразлучные спутники такого настроенія; потому-то я не встрѣчалъ человѣка болѣе недовѣрчиваго и подозрительнаго, чѣмъ Кольберъ".

Тѣмъ не менѣе, этотъ человѣкъ, столь недоступный и жесткій, съ такою ледяною наружностью, съ такими рѣзкими и суровыми пріемами, долженъ былъ, для того, чтобы упрочить за собою высокое положеніе, которое на первыхъ порахъ, конечно, удивляло его самого, исполнять самыя интимныя порученія короля, содѣйствовать ему въ его любовныхъ связяхъ. Но эти частныя и постороннія занятія, къ счастью, играли въ жизни Кольбера очень незначительную роль, и никогда, можетъ статься, не было въ Европѣ министра, который меньше его отдавался бы мел-

кимъ интригамъ, старанію прислуживаться высшимъ и подставлять ногу своимъ противникамъ. Твердо увѣренный въ поддержкѣ государя, Кольберъ шелъ по пути своихъ реформъ съ неутомимымъ рвеніемъ, которое еще болѣе усиливалось отъ успѣха, сопровождавшаго эту дѣятельность. Безостановочно преобразовывалъ онъ всѣ дурныя стороны администраціи. Твердое, энергическое желаніе приносить пользу, несомнѣнное стремленіе къ единству и равенству, насколько единство и равенство были возможны въ XVII вѣкѣ, безукоризненная точность въ исполненіи обязательствъ, наконецъ ежедневная шестнадцатичасовая работа за все время министерской службы—вотъ, можетъ быть, главныя права Кольбера на почести и власть въ продолженіе его жизни и на славу, которою онъ не перестаетъ до сихъ поръ пользоваться послѣ смерти. Безпощадно строгій относительно самого себя, онъ, понятно, много требовалъ съ другихъ. Его племянникъ Демаре работалъ съ нимъ, начиная съ семи часовъ утра и зимою, и лѣтомъ. Однажды онъ пришелъ въ четверть восьмаго, и Кольберъ, не говоря ни слова, подвелъ его къ стѣннымъ часамъ. „Дядюшка,—сказалъ Демаре,—вчера въ замкѣ былъ балъ, окончившійся очень поздно, и поэтому швейцары заставили меня сегодня прождать четверть часа“.—„Надо было,—возразилъ Кольберъ,—прійти четвертью часа раньше“ — и на этомъ разговоръ покончился; но, по всей вѣроятности, урокъ не остался потеряннымъ для молодаго человѣка. Важнѣйшее мѣсто въ дѣятельности Кольбера занимаютъ принятыя имъ мѣры къ улучшенію финансовъ государства и къ снабженію Франціи флотомъ, сообразнымъ съ ея мѣстомъ въ ряду другихъ европейскихъ державъ и населеніемъ. Но не менѣе серьезное значеніе имѣютъ и многія другія дѣла его, каковы, напр., преобразованія въ сферахъ таможенной и законодательной, измѣненія въ постановленіяхъ о водахъ и лѣсахъ, открытіе Лангедокскаго канала, учрежденіе восточно-индійской и западно-индійской компаній, а также и новой „сѣверной компаніи“, реформа въ организаціи консульствъ, содѣйствіе развитію торговли, промышленности, морскаго дѣла, литературы, изящныхъ искусствъ, версальскія сооруженія и т. п.,—и если можно сдѣлать нѣкоторыя возраженія противъ системы, которой онъ слѣдовалъ въ отношеніи къ привилегированнымъ компаніямъ, къ улучшенію мануфактурнаго производства и къ торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, то въ то же время слѣдуетъ признать, что никогда съ тѣхъ поръ во Франціи ни флотъ, ни литература, ни искусства не блестѣли такимъ яркимъ свѣтомъ.

Натура Кольбера, судя по вышеприведенной характеристикѣ Ламуаньона, была одна изъ самыхъ деспотическихъ и не терпѣла никакихъ противорѣчій и возраженій. „Нечувствительный къ сатирическимъ нападкамъ,—говоритъ о немъ Лемонтэ,—глухой къ угрозамъ, неспособный ощущать страхъ и состраданіе, скрывая подъ флегматическою внѣшностью раздражительный и вспыльчивый характеръ, онъ, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, обдумывалъ дѣло очень старательно и добросовѣстно, но уже затѣмъ исполнялъ это предначертаніе деспотически и сокрушалъ всякое сопротивленіе“. Единственный вопросъ, въ которомъ Кольберъ, не поддаваясь господствовавшему при дворѣ настроенію, обнаруживалъ терпимость, былъ вопросъ религіозный, „Кольберъ думаетъ только о своихъ финансахъ и почти никогда о религіи“ — писала по этому поводу г-жа де-Ментенонъ. Судя, однако, по нѣкоторымъ фактамъ,

обвинять Кольбера въ религіозномъ индиферентизмѣ было бы крайне несправедливо; дѣло только въ томъ, что онъ, предвидя крайности, до которыхъ должна была дойти возникавшая въ окружавшихъ его умахъ реакція, и будучи убѣжденъ въ пагубности ея вліянія на промышленность и торговлю, дѣйствительно не могъ поддерживать особенно ревностно пылъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сослуживцевъ, какъ напр. Ле-Телье и его сына Лувуа, безгранично преданныхъ Ментенонъ.

Немедленно по вступленіи своемъ въ государственный совѣтъ, Кольберъ пожелалъ занять въ немъ первое мѣсто. Однажды король присутствовалъ въ засѣданіи, и молодой Бріеннъ докладывалъ дѣло о претензіи женевскаго епископа, требовавшаго отъ управленія этого города ежегодной уплаты въ 3 или 4 тыс. ливровъ, выдававшихся до тѣхъ поръ всѣмъ его предшественникамъ. Вдругъ Кольберъ перебилъ докладчика, объявивъ *горячо* и *надменно* (какъ выражается одинъ изъ современныхъ повѣствователей объ этомъ происшествіи), что король не желаетъ огорчать управленіе города Женевы и предпочитаетъ выдать епископу особое вознагражденіе изъ своихъ суммъ. „Вы видите, — сказалъ по выходѣ изъ засѣданія Ле-Телье старику Бріенну, находившемуся тутъ же и взбѣшенному тѣмъ, что его сына перебили такъ дерзко въ присутствіи короля, — видите, какимъ тономъ заговорилъ господинъ Кольберъ; съ нимъ надо будетъ держать ухо востро".

Судя по этому, можно себѣ представить, какіе размѣры долженъ былъ принимать административный деспотизмъ Кольбера, когда примѣненіе его системы встрѣчало препятствія. Нѣкоторые другіе примѣры дадутъ еще болѣе полное понятіе объ этомъ. Въ 1670 г. въ Ліонѣ жили два фабриканта бархата, намѣревавшіеся переселиться во Флоренцію. Кольберъ узналъ про это и 8 ноября 1670 г. письменно проситъ ліонскаго архіепископа распорядиться арестованіемъ обоихъ. Нѣкоему Сильвекану было поручено судить ихъ. По какому праву и въ силу какого полномочія? Рѣшить трудно. Не зная, къ какому наказанію приговорить мнимо-виновныхъ, Сильвеканъ сообщилъ о своемъ затруднительномъ положеніи Кольберу; но тотъ былъ не такой человѣкъ, чтобы останавливаться изъ-за подобной бездѣлицы, и 12 декабря отвѣчалъ, что „такъ какъ въ законахъ не упоминается о проступкахъ такого рода, то сужденіе о нихъ должно быть предоставлено личному усмотрѣнію судьи", и что, „въ случаѣ апелляціи, онъ, Кольберъ, устроитъ дѣло такъ, чтобы въ Парижѣ утвердили рѣшеніе первой инстанціи; но во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, надо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы эти два человѣка не выѣхали изъ Франціи". Черезъ мѣсяцъ послѣ того, именно 9 января 1671 г., Кольберъ благодарилъ Сильвекана за „рѣшеніе, которое тотъ постановилъ по дѣлу о двухъ купцахъ, намѣревавшихся перевести свои фабрики во Флоренцію". Въ томъ же самомъ году, 12-го января, онъ, въ письмѣ къ французскому посланнику въ Португаліи, просилъ этого послѣдняго передать одному французу, собиравшемуся устроить суконную фабрику въ Лиссабонѣ, что это будетъ непріятно королю и *можетъ повредить семейству предпринимателя*. „Можетъ быть,—прибавилъ Кольберъ,—эти соображенія побудятъ его возвратиться во Францію". Понятно, что, при такой системѣ управленія и при подобныхъ наклонностяхъ къ произволу, малѣйшія уклоненія печати наказывались самымъ строгимъ образомъ. При жизни Мазарини, обязан-

ность ловить авторовъ пасквилей и отправлять ихъ въ Бастилію лежала преимущественно на аббатѣ Фуке, братѣ главнаго интенданта. Кольберъ самъ не пренебрегалъ этимъ занятіемъ и по смерти перваго министра просилъ голландскаго посланника въ Парижѣ дать знать представителямъ другихъ державъ, что королю было бы очень пріятно, еслибъ они нашли средство воспрепятствовать появленію въ печати сочиненій, оскорбительныхъ для памяти покойнаго кардинала. Въ 1667 г. учрежденіе должности начальника полиціи освободило Кольбера отъ этой наблюдательной обязанности. Тѣмъ не менѣе, начальникъ полиціи постоянно представлялъ ему подробный отчетъ обо всѣхъ проступкахъ въ этомъ родѣ, всѣхъ арестахъ и постановлявшихся судомъ приговорахъ.

Нѣсколько анекдотовъ дополняетъ то, что сказано выше о характерѣ Кольбера. До него тюильрійскій садъ отдѣлялся отъ дворца улицею. Онъ уничтожилъ эту послѣднюю. Старый садъ перевернули вверхъ дномъ, и по рисункамъ Ле-Нотра дали ему то расположеніе, которое онъ, за нѣкоторыми исключеніями въ деталяхъ, сохранилъ и по настоящее время. Когда всѣ эти передѣлки были окончены, Кольберъ сказалъ Шарлю Перро, своему первому помощнику по управленію общественными зданіями: „поѣдемъ въ Тюильри и заколотимъ тамъ всѣ ворота; надо сохранить этотъ садъ для короля и не пускать туда народъ, который, чуть войдетъ въ него, сейчасъ же все перепортитъ". Исполненіе этого намѣренія повлекло бы за собою одно изъ самыхъ непріятныхъ лишеній для парижанъ, издавна привыкшихъ гулять въ тюильрійскомъ саду, и вызвало бы общее неудовольствіе. Шарль Перро понялъ это и, когда они достигли главной аллеи, сталъ говорить Кольберу, что нельзя себѣ представить, какъ все парижское населеніе, даже самые мелкіе буржуа, уважаютъ этотъ садъ,—что женщины и дѣти не только не позволяютъ себѣ рвать цвѣты, но и не прикасаются къ нимъ,—что это могутъ засвидѣтельствовать садовники,—что, наконецъ, запрещеніе гулять здѣсь возбудило бы всеобщую скорбь. „Сюда приходятъ только лѣнтяи и праздные люди", возразилъ Кольберъ. Перро отвѣчалъ, что приходятъ и люди, начинающіе оправляться отъ болѣзни, что тутъ же ведутся переговоры о дѣлахъ, бракахъ и вообще такихъ предметахъ, о которыхъ приличнѣе совѣщаться въ саду, чѣмъ въ церкви, куда съ этихъ поръ придется сходиться съ вышесказанной цѣлью за неимѣніемъ сада. Въ заключеніе Перро рискнулъ сдѣлать замѣчаніе, что королевскіе сады, вѣроятно, такъ обширны только въ тѣхъ видахъ, чтобы въ нихъ могли гулять рѣшительно всѣ дѣти. При этихъ словахъ Кольберъ улыбнулся, и такъ какъ садовники доложили ему, что народъ нисколько не портитъ сада, довольствуясь прогулками въ немъ, то о закрытіи его съ этихъ поръ не было и рѣчи. Легко представить себѣ удовольствіе добрѣйшаго Перро.

Къ несчастью для знаменитаго автора „Волшебныхъ сказокъ", его ходатайства не всегда увѣнчивались такимъ же успѣхомъ. У Перро былъ братъ, занимавшій должность главнаго сборщика податей въ Парижѣ и бывшій въ прежнее время старшимъ сослуживцемъ Кольбера. Время между 1654 и 1664 г., т. е. то, когда братъ находился въ той должности, было крайне тяжелое для плательщиковъ податей, и король увидѣлъ себя въ необходимости собрать всѣ недоимки за эти десять лѣтъ,— „одолженіе удивительное,—замѣчаетъ Перро,—еслибы оно не было сдѣ-

лано въ ущербъ главнымъ сборщикамъ, которые впередъ внесли эти суммы, будучи увѣрены, что потомъ получатъ ихъ съ должниковъ, и теперь совершенно разорились". Братъ Шарля Перро очутился въ такомъ же положеніи и въ 1664 г., мучимый и преслѣдуемый своими кредиторами, позволилъ себѣ взять нѣкоторую сумму изъ текущихъ сборовъ для уплаты самыхъ безотлагательныхъ долговъ. Кольберъ узналъ про это и послалъ за виновнымъ; но тотъ, боясь преслѣдованій со стороны нѣкоторыхъ лицъ, уже высказавшихъ намѣреніе посадить его въ тюрьму, скрылся. Что оставалось дѣлать Кольберу? Онъ приказалъ продать должность Перро въ пользу государственнаго казначейства. Напрасно Шарль нѣсколько разъ просилъ за него. Однажды Кольберъ сказалъ ему: „Вашъ братъ положился на мою дружбу и думалъ, что ему безнаказанно пройдетъ та штука, которую онъ сыгралъ со мною". Шарль принялся оправдывать брата, снова объяснять причины его запутаннаго положенія; какъ бы то ни было, ему пришлось или покориться непоколебимому рѣшенію министра, или удалиться. По его мнѣнію, стремленіе Кольбера составить себѣ у короля репутацію человѣка совершенно безкорыстнаго было такъ велико, что онъ именно вслѣдствіе этого отнесся къ старому другу съ такою жесткостью, какой не видѣлъ бы отъ него никто другой. Но въ этомъ случаѣ мнѣніе Перро подозрительно, и несправедливость его упрека становится очевидною, если припомнить непоколебимую строгость министра по отношенію къ другимъ дѣламъ этого рода. Мы, напротивъ того, имѣемъ полное основаніе думать, что Кольберъ дѣйствительно передавалъ свою мысль, когда однажды сказалъ Шарлю Перро, ходатайствовавшему за брата: „я желалъ бы потерять на этомъ дѣлѣ своихъ собственныхъ 10,000 червонцевъ, лишь бы оно не случилось".

Вотъ еще одинъ характеристическій эпизодъ.

Кольберъ сдѣлалъ большія улучшенія въ королевскомъ саду. Однажды, прогуливаясь тамъ, онъ замѣтилъ, что участокъ, предназначавшійся для ботаническихъ цѣлей, былъ засаженъ виноградными лозами для личнаго употребленія администраторовъ сада. Министръ сильно разсердился и приказалъ выбросить все это немедленно. Въ то же время, сгорая нетерпѣніемъ положить конецъ столь скандальному злоупотребленію, онъ потребовалъ заступъ и въ порывѣ патріотическаго негодованія принялся собственноручно выкапывать возбудившія его гнѣвъ лозы.

23 января 1670 г. Кольберъ писалъ одному инженеру, работавшему въ Дюнкирхенскомъ портѣ: „никто не спрашиваетъ о томъ, царедворецъ вы или льстецъ, и для того, чтобы имѣть доступъ ко мнѣ, никогда не требовалось ни то, ни другое изъ этихъ дурныхъ свойствъ". Въ другомъ случаѣ онъ не побоялся сдѣлать строгій выговоръ герцогу Мазарини, тому самому, который предъявилъ въ судахъ притязаніе на все наслѣдство кардинала и который собственноручно разбилъ молоткомъ лучшія статуи своей галлереи подъ тѣмъ предлогомъ, что изображенія голыхъ людей нарушаютъ приличіе. Его назначили губернаторомъ Эльзаса; но онъ, вмѣсто того, чтобы держаться въ предѣлахъ своей должности, сталъ вмѣшиваться также въ область интендантскую, судебную, политическую, финансовую. Послѣ перваго письма отъ 28 сентября 1672 г., которое на маркиза не подѣйствовало, Кольберъ, не видя конца жалобамъ, отовсюду сыпавшимся на этого непріятнаго человѣка, отправилъ къ нему,

11 ноября того же года, второе письмо, крайне энергическое, изъ котораго мы приводимъ слѣдующій отрывокъ:

„Вамъ бы не слѣдовало допускать, чтобы подобныя жалобы доходили до свѣдѣнія его величества... Бога ради, предоставьте другимъ дѣлать то, что они должны дѣлать, и ограничивайтесь надлежащимъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя возложены собственно на васъ... Вы знаете, какъ обширно наше государство, и вамъ извѣстно, что покойный кардиналъ, а до него графъ д'Аркуръ, были такими же правителями, какъ вы; но никогда до сихъ поръ королю не приходилось слышать о какихъ бы то ни было затрудненіяхъ въ этихъ дѣлахъ, да никогда и не возникали затрудненія между губернаторами и интендантами во всемъ государствѣ. Не знаю, какому несчастію приписать, что королю то и дѣло надоѣдаютъ докладами о всяческихъ помѣхахъ, которыя вы порождаете тамъ, гдѣ другіе не нашли бы никакого повода для нихъ..."

Начиная съ 1670 г., Кольберъ, хотя всееще остававшійся всесильнымъ, сталъ встрѣчать себѣ соперника, часто даже одерживавшаго надъ нимъ побѣду, въ Лувуа. Но Людовикъ XIV все-таки продолжалъ относиться къ Кольберу очень дружелюбно и не скрывалъ, какъ высоко цѣнилъ онъ его заслуги. Нижеприводимое письмо изъ Версаля отъ 25-го апрѣля 1671 г. носитъ на себѣ драгоцѣнную печать правды и даетъ точное понятіе объ авторитетности, которую сохранялъ за собою этотъ государь даже относительно тѣхъ изъ своихъ министровъ, которые, помимо его вѣдома, давали толчекъ и направленіе его дѣйствіямъ.

„Г-жа Кольберъ,—писалъ король,—передавала мнѣ, что ваше здоровье не очень удовлетворительно и что поспѣшность, со которою вы предполагаете возвратиться, можетъ повредить вамъ. Пишу эту записку для того, чтобы приказать вамъ не дѣлать рѣшительно ничего, что могло бы лишить васъ возможности служить мнѣ, проходя всѣ должности, которыя я поручаю вамъ. Однимъ словомъ, ваше здоровье для меня необходимо; я желаю, чтобы вы сохранили его и были убѣждены, что говорить такимъ образомъ меня побуждаютъ довѣріе и дружба, которыя я питаю къ вамъ".

Но Кольберъ не слѣдовалъ этому, вполнѣ дружескому, совѣту короля и возвратился ко двору немедленно. Черезъ девять дней послѣ вышеприведеннаго письма Людовикъ XIV писалъ ему новое, но уже въ совершенно иномъ тонѣ. Что произошло въ этотъ промежутокъ? Безъ сомнѣнія, какой-нибудь споръ въ полномъ засѣданіи совѣта по поводу возраставшаго съ каждымъ днемъ вліянія молодаго военнаго министра? Какъ знать? Можетъ быть, Кольберъ, введенный въ заблужденіе столь благосклонными выраженіями перваго письма, принялъ въ своей оппозиціи противъ Лувуа слишкомъ надменный, деспотическій тонъ, не понравившійся королю? Нижеслѣдующія письма Людовика XIV, не разъясняя этого дѣла вполнѣ, заключаютъ, однако, въ себѣ достаточныя данныя для обрисовки положеній и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и въ этомъ двойномъ отношеніи они представляютъ большой интересъ.

„Шантильи, 24 апрѣля 1671 г.

„Вчера мнѣ удалось совладать съ собою настолько, чтобы скрыть огорченіе, которое причинилъ мнѣ тонъ, принятый въ разговорѣ со мною вами, человѣкомъ, осыпаннымъ столькими благодѣяніями съ моей

стороны. Я всегда питалъ къ вамъ большую дружбу,—это видно изъ того, что я сдѣлалъ для васъ; я и до сихъ поръ питаю ее, и полагаю, что въ довольно сильной степени доказываю это, объявляя вамъ, что я сдержалъ себя на минуту только ради васъ и не захотѣлъ сказать вамъ лично то, что теперь пишу, чтобы не дать вамъ случая огорчить меня еще больше. Это побужденіе внушено мнѣ воспоминаніемъ о вашихъ заслугахъ и моею дружбою къ вамъ; пользуйтесь ими и не рискуйте больше сердить меня, потому что послѣ того, какъ я выслушаю доводы ваши и вашихъ сослуживцевъ и постановлю окончательное рѣшеніе по всѣмъ пунктамъ, объ этой исторіи не должно быть никогда рѣчи. Обсудите сами, удобно или неудобно для васъ управленіе флотомъ, не желаете ли вы замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ; говорите прямо и открыто; но, разъ что я рѣшу дѣло, ни одно возраженіе не будетъ мною допущено. Говорю вамъ то, что думаю, для того, чтобы вы дѣйствовали на надежной почвѣ и не принимали никакихъ неправильныхъ мѣръ".

Ударъ оказался сильный, и послѣдствія его представлялись особенно страшными въ виду того, что онъ былъ нанесенъ хладнокровно и послѣ зрѣлаго размышленія. Когда Людовикъ XIV говоритъ, что сдержать себя его побудило только нежеланіе дать Кольберу случай скомпрометировать себя еще больше, то мы не рѣшаемся этому вѣрить. Гораздо основательнѣе предположить, что въ этомъ случаѣ его остановило вліяніе, которое продолжалъ оказывать на него всесильный министръ, и что, очень желая измѣнить свои отношенія къ этому послѣднему и воспротивиться нѣкоторымъ вольностямъ его, онъ не имѣлъ духу сдѣлать это иначе, какъ издалека. Какъ бы то ни было, письмо достигало предположенной цѣли. Кольберъ, безъ сомнѣнія, пытался оправдаться, сгладить проступки, въ которыхъ его обвиняли. Отвѣтъ его до насъ не дошелъ, но о смыслѣ его можно догадаться по слѣдующему новому письму короля:

„Ліанкуръ, 26 апрѣля 1671 г."

„Не думайте, чтобы моя дружба къ вамъ могла уменьшиться, пока вы продолжаете служить мнѣ: это невозможно; но надо служить такъ, какъ я желаю, и вѣрить, что я дѣлаю все къ лучшему. Высказываемая вами боязнь, что я окажу предпочтеніе другимъ, неосновательна и не должна огорчать васъ. Я желаю только не дѣлать никакихъ несправедливостей и устраивать все къ пользѣ моего государства. Это я и буду исполнять, когда вы всѣ соединитесь со мною. А покамѣстъ вѣрьте, что я не измѣнился къ вамъ и питаю тѣ чувства, которыхъ вы можете желать".

Писателямъ второй половины XVII в. — Корнелю, Расину, Буало, Мольеру—часто вмѣняли въ преступленіе тѣ дѣйствительно чрезмѣрныя похвалы, которыя они расточали Людовику XIV. Справедливость требуетъ признать, что въ этомъ отношеніи они не давали никакого толчка своему времени, а ограничивались слѣдованіемъ по тому пути, который указывалъ имъ самимъ дворъ. Кому не извѣстны эксцентричности въ этомъ родѣ герцога Лафельяда, который намѣревался, судя по его собственнымъ словамъ, купить себѣ склепъ въ церкви „Малыхъ-Отцевъ", устроить тамъ подземелье, которое примыкало бы къ тому мѣсту на площади

Побѣды, гдѣ помѣщалась воздвигнутая на его собственный счетъ статуя короля, и приказалъ похоронить себя подъ этою послѣднею? Эту болѣзнь чрезмѣрной лести, которую тщеславіе Людовика XIV дѣлало заразительною, герцогъ Сенъ-Симонъ хорошо охарактеризовалъ, выразившись своимъ гиперболическимъ слогомъ, что пожелай только этотъ государь, ему стали бы поклоняться, какъ божеству. Въ настоящее время любопытно послушать, какъ отзывались тогдашніе памфлетисты объ этомъ недостаткѣ. „Король,—писалъ одинъ изъ нихъ въ 1689 г.,—надѣленъ самымъ большимъ самолюбіемъ и самою безмѣрною гордостью, какія когда-либо существовали въ человѣкѣ. Передъ нимъ, по его требованію, было воскурено больше фальшивыхъ ѳиміамовъ, чѣмъ передъ языческими полу-богами—истинныхъ. Не было никогда на свѣтѣ человѣка, который любилъ бы восхваленія и суетную славу въ такой степени, въ какой искалъ ихъ этотъ государь. Вотъ къ чему сводится слава Людовика XIV. Это—самолюбіе, не имѣвшее никакихъ предѣловъ". Наконецъ и самъ Кольберъ, суевѣрный и суровый Кольберъ, долженъ былъ заплатить свою дань этой необузданной страсти къ прославленіямъ, развитію которой онъ содѣйствовалъ въ числѣ столькихъ другихъ. Спеціалисты - историки выставили въ истинномъ свѣтѣ мнимыя военныя дарованія Людовика XIV, ту долю личнаго вліянія, которую онъ имѣлъ въ кампаніяхъ, гдѣ самъ участвовалъ. Нижеслѣдующее посланіе Кольбера, писанное 4 іюля 1673 г., послѣ взятія Мастрихта, при которомъ находился и Людовикъ XIV, даетъ понятіе о тонѣ, въ которомъ тогдашніе министры, безъ сомнѣнія, считали себя обязанными восхвалять короля, чтобы сохранить его благоволеніе:

„Государь! Всѣ кампаніи вашего величества поражаютъ изумленіемъ, которое позволяетъ зрителю только восторгаться, не давая въ то же время возможности найти примѣръ хотя чего-либо подобнаго.

„Первая, въ 1667 г., доставляетъ намъ 12 крѣпостей и значительную часть трехъ провинцій.

„Въ продолженіе двѣнадцати дней зимы 1668 г. мы пріобрѣтаемъ цѣлую провинцію.

„Въ 1672 г.—три провинціи и 45 крѣпостей.

„Но, государь, всѣ эти великіе и необыкновенные подвиги блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что совершено вашимъ величествомъ теперь; надо сознаться, что такое безпримѣрное средство пріобрѣтать славу не было до сихъ поръ придумано никѣмъ, кромѣ вашего величества. Намъ остается только молить Бога о сохраненіи вашихъ августѣйшихъ дней.

„Никогда еще Парижъ не ликовалъ такъ сильно. Начиная съ воскресенья вечеромъ, жители, по своей собственной иниціативѣ, безъ всякихъ приказаній, стали устраивать повсюду иллюминаціи, которыя возобновятся сегодня послѣ вечерняго богослуженія".

Слѣдующій анекдотъ придаетъ только-что приведенному письму странное значеніе и показываетъ, какіе подводные камни стали появляться въ положеніи Кольбера, начиная съ 1671 года. Такъ какъ война затянулась надолго и безпрерывно требовала новыхъ усилій, то король однажды заявилъ Кольберу, что ему понадобится 60 милліоновъ лишнихъ на *сверхсмѣтные военные расходы*. Испуганный этой цифрой, министръ тутъ же отвѣчалъ, что онъ врядъ ли будетъ въ состояніи произвести такой расходъ. „Подумайте хорошенько,—сказалъ Людовикъ XIV,—есть

человѣкъ, который взялся бы исполнить мое желаніе, если вы не желаете удовлетворить ему". Послѣ этого разговора Кольберъ долго не являлся къ королю, и чиновники постоянно заставали его перерывающимъ всѣ бумаги и не знали, что онъ это дѣлаетъ, а *еще меньше—что онъ думаетъ*. Наконецъ король приказалъ ему пріѣхать въ Версаль. Онъ отправился, и дѣла снова пошли своимъ чередомъ. Говорятъ,—замѣчаетъ Шарль Перро, разсказавъ эту исторію,—что трудность вынесть такое увеличеніе расходовъ вызвала въ Кольберѣ рѣшимость подать въ отставку; но семейство убѣдило его не выходить въ отставку, такъ какъ все это было ничто иное, какъ западня, которую разставляли ему для того, чтобы погубить его удаленіемъ отъ дѣлъ. Такимъ образомъ, Кольберъ остался министромъ; „но,—прибавляетъ Перро,—между тѣмъ какъ прежде онъ садился за работу не иначе, какъ потирая руки отъ удовольствія, съ этихъ поръ занятія его шли печально и даже прерывались вздохами. Легкость и быстрота смѣнились въ немъ копотливостью, и дѣлъ мы стали дѣлать гораздо меньше, чѣмъ въ первые годы его управленія".

Итакъ, по странной прихоти судьбы, обвинитель, преемникъ Фуке, очутился къ концу своей жизни въ такомъ положеніи, что ему пришлось бояться западни, соорудители которой, увѣнчайся ихъ старанія успѣхомъ, лишили бы его не только власти. Ослѣпленный тѣмъ обаяніемъ всевозможныхъ почестей, противъ котораго способны устоять весьма немногіе, подобно Фуке, котораго двадцать лѣтъ назадъ Кольберъ самъ все упрекалъ въ тщеславіи своими связями, онъ точно также искалъ себѣ опоры въ самыхъ могущественныхъ фамиліяхъ Франціи, и вотъ теперь тотъ же самый упрекъ обрушивался на него. Его враги страшились или притворялись боящимися его ненасытнаго честолюбія и приписывали ему преступные замыслы. Изъ письма самой г-жи де-Ментенонъ, которое мы приведемъ сейчасъ, видно, что они обвиняли его въ томъ, будто онъ строитъ *пагубныя ковы*. Что же онъ замышлялъ? Можетъ быть, захватить себѣ положеніе кардинала Ришелье, Мазарини, сдѣлаться подобно имъ первымъ министромъ, министромъ-правителемъ? Безспорно, что будь въ это время на престолѣ государь менѣе гордый, менѣе деспотическій, чѣмъ Людовикъ XIV, Кольберъ достигнулъ бы такой цѣли. „Я полагаю, — говоритъ Гурвиль, — что его честолюбіе было сильнѣе, чѣмъ это казалось другимъ и ему самому; но когда онъ попытался сдѣлать кое-какіе шаги съ цѣлью выйти за предѣлы своей должности, то скоро убѣдился, что король на это не согласится". Нетрудно въ самомъ дѣлѣ понять, что при той жаждѣ власти и особенно внѣшняго проявленія власти, которою былъ проникнутъ Людовикъ XIV, онъ ни за что не потерпѣлъ бы подобной узурпаціи; но Кольберъ долженъ былъ знать это лучше всякаго другого. Стало быть, нѣтъ сомнѣнія, что распускавшіеся противъ него слухи, приписывавшіе ему *пагубныя ковы*, изобрѣтались и распространялись *партіею войны* съ цѣлью заставить его выйти изъ совѣта.

Эту послѣднюю заботу взяла на себя смерть и, къ несчастью для Франціи, взяла какъ разъ въ то время, когда его помощь была бы ей наиболѣе необходима. Это было въ 1683 году. Кольберъ, болѣе чѣмъ когда-либо преслѣдуемый недоброжелательствомъ партіи Лувуа, старался возвратить себѣ благосклонность Людовика XIV послѣднимъ усиліемъ,

болѣе достойнымъ льстеца-царедворца, чѣмъ великаго министра. Онъ замыслилъ соорудить на площади Суассонскаго дворца большой бассейнъ, посрединѣ котораго долженъ былъ возвышаться громадный утесъ съ четырьмя колоссальными статуями рѣкъ по угламъ, а на вершинѣ—съ изображеніемъ Людовика XIV, попирающаго Раздоръ и Ересь. Знаменитый скульпторъ Жирардонъ уже составилъ рисунокъ этой громадной массы мрамора и бронзы, но со смертью министра, придумавшаго такую штуку, она была оставлена, и преемникъ Кольбера имѣлъ благоразуміе избавить Францію отъ расходовъ на это новое заявленіе раболѣпной лести.

Кольберу въ ту пору было 64 года. Уже нѣсколько лѣтъ состояніе его здоровья, разстроеннаго усидчивой работой, требовало самой тщательной осторожности. 19 октября 1672 г. онъ писалъ своему брату-посланнику въ Лондонъ, что желудокъ у него разстроенъ и что онъ держитъ строгую діету. Кольберъ прибавлялъ, что этотъ образъ жизни приноситъ ему большую пользу, что онъ начинаетъ замѣтно поправляться и спать лучше, чѣмъ прежде. Въ 1680 г., сопровождая короля въ путешествіе по Голландіи, онъ заболѣлъ очень сильной злокачественной лихорадкой, припадки которой продолжались по пятнадцати часовъ сряду. Одинъ англійскій врачъ вылечилъ его хиной, вслѣдствіе чего это лекарство вошло въ моду. Есть, слѣдовательно, основаніе предполагать, что Кольберъ, здоровье котораго было уже въ сильной степени потрясено многими значительными недугами, сдѣлался жертвой новаго приступа болѣзни. Нѣкоторые изъ его біографовъ утверждаютъ, однако, что смерть его ускорилъ одинъ несправедливый выговоръ короля. По этому поводу разсказываютъ даже слѣдующія подробности.

Лувуа обращалъ самое тщательное вниманіе на всѣ, даже мельчайшіе, расходы своего министерства. Замѣтивъ, что Кольберъ, въ качествѣ главноуправляющаго казенными зданіями, заключилъ нѣсколько контрактовъ, обременительныхъ для государственнаго казначейства, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, контрактъ на сооруженіе рѣшетки, окружающей большой дворъ версальскаго дворца, Лувуа счелъ нужнымъ доложить объ этомъ королю. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того Кольберъ тоже представилъ докладъ объ этомъ новомъ расходѣ; Людовикъ XIV принялъ его объясненія весьма дурно. Послѣ многихъ весьма нелестныхъ замѣчаній онъ сказалъ: „Тутъ кроется мошенничество“.—„Ваше величество, — возразилъ Кольберъ, — я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что это слово не относится ко мнѣ“.—„Нѣтъ,—отвѣчалъ король,—но вамъ слѣдовало отнестись къ этому повнимательнѣе“. И прибавилъ: „Если хотите узнать, что значитъ экономія, поѣзжайте во Фландрію; вы увидите, какъ дешево обошлось намъ укрѣпленіе завоеванныхъ пунктовъ“.

Эти слова, это сравненіе произвели, какъ говорятъ, на Кольбера дѣйствіе громоваго удара. Онъ заболѣлъ, съ этихъ поръ не вставалъ уже съ постели, и послѣднія слова его о королѣ были: „Еслибы я сдѣлалъ для Бога то, что сдѣлалъ для этого человѣка, душа моя снискала бы себѣ двойное спасеніе, а теперь я не знаю, что со мною будетъ“. Узнавъ о болѣзни Кольбера, король послалъ къ нему одного изъ придворныхъ съ собственноручнымъ своимъ письмомъ. Кольберъ принялъ посланнаго въ своей комнатѣ, но притворился спящимъ, чтобы избавиться отъ обязанности говорить съ нимъ. Что касается до письма, то онъ не

захотѣлъ прочесть его и сказалъ: „Не говорите мнѣ больше о королѣ; пусть онъ хоть теперь оставитъ меня въ покоѣ". Чтобы оправдать это нарушеніе уваженія къ государю, семья Кольбера была принуждена выставить причиной, что онъ въ то время не хотѣлъ уже думать ни о чемъ, кромѣ спасенія своей души.

Можно ли вполнѣ вѣрить этимъ подробностямъ? По словамъ современнаго біографа Кольбера, „радость, доставленная министру побѣдами, одержанными Дюкеномъ надъ алжирцами, и зависть, которую онъ давно уже питалъ къ Лувуа, вызывали съ его стороны такія большія усилія для надлежащаго исполненія всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей, что здоровье его сокрушилось, наконецъ, подъ гнетомъ этого непрерывнаго труда". За отсутствіемъ болѣе обстоятельныхъ документовъ, нижеслѣдующее письмо, писанное 10 сентября 1683 г. г-жею Ментенонъ къ г-жѣ Сенъ-Жеранъ, констатируетъ многіе интересные факты и, повидимому, подтверждаетъ до извѣстной степени разсказъ объ обвиненіи Кольберомъ, въ предсмертныя минуты, Людовика XIV въ неблагодарности:

„Король здоровъ и ощущаетъ только самую легкую боль. Смерть Кольбера опечалила его, и многіе у насъ порадовались этой скорби. Толки о его пагубныхъ замыслахъ—глупая выдумка, и король отъ всего сердца простилъ ему за то, что *онъ, умирая, отказался прочесть письмо своего государя, чтобы имѣть возможность больше думать о Богѣ*... Де-Сеньелэ хотѣлъ захватить себѣ всѣ должности покойнаго, но не получилъ ни одной; онъ уменъ, но не отличается хорошею нравственностью. У него удовольствіе всегда стоитъ впереди долга. Онъ до такой степени преувеличилъ качества и заслуги своего отца, что убѣдилъ всѣхъ въ своей неспособности занять его мѣсто".

Такъ умеръ въ своемъ отелѣ улицы Neuve-des-Petits-Champs одинъ изъ самыхъ великихъ министровъ, какіе когда-либо почтили своею дѣятельностью французскую администрацію. Онъ умеръ, какъ мы видѣли, ненавидимый своими сослуживцами, можетъ быть королемъ и несомнѣнно народомъ, смотрѣвшимъ на него, какъ на виновника множества ненавистныхъ налоговъ, возникшихъ въ 1672 г., особенно же населеніемъ парижскимъ, которое не могло простить ему отдачи въ наймы за деньги тѣхъ рыночныхъ помѣщеній, которыми оно пользовалось до тѣхъ поръ даромъ. Ненависть этого населенія была такъ велика, что человѣка, служившаго предметомъ ея, не посмѣли хоронить днемъ. Погребеніе совершалось ночью; да и тутъ, во избѣжаніе скандала, сочли нужнымъ конвоировать военною стражей процессію вплоть до самой церкви св. Евстахія, гдѣ семейство усопшаго соорудило ему впослѣдствіи великолѣпную гробницу. Сверхъ того, едва распространилось извѣстіе о его смерти, какъ отовсюду посыпались куплеты, эпиграммы, сатиры на его жестокость и скупость. „Будучи богатъ, благодаря исключительно щедрости короля говоритъ,—одинъ изъ современниковъ Кольбера,—и предвидя расточительность своего старшаго сына, о которой неоднократно слышали отъ него близкіе его друзья, онъ передъ смертью отправилъ къ королю опись своего состоянія, простиравшагося болѣе чѣмъ на 10 милліоновъ, и ясно показалъ, что изъ получавшихся имъ жалованья и экстренныхъ наградъ очень могла въ теченіе 22 лѣтъ составиться совершенно законнымъ образомъ такая значительная сумма". Но народъ, само собою разумѣется, разсчитывалъ не такъ. Сравнивая общую бѣдность, господствовавшую, глав-

нымъ образомъ, въ деревняхъ, съ богатствомъ того, на кого, въ силу его могущества, считавшагося безграничнымъ, народъ сваливалъ всю отвѣтственность за разорявшія массу финансовыя мѣры,—она, эта масса, не могла имѣть и помышленія о томъ, что въ лицѣ Кольбера она потеряла самаго ревностнаго, самаго преданнаго защитника. Напротивъ того, народъ слѣпо давалъ волю своему негодованію, своей ненависти, самымъ дурнымъ инстинктамъ своимъ. Какъ это всегда бываетъ, въ числѣ недовольныхъ находились честные риѳмоплеты, бравшіе на себя переложеніе этой площадной брани въ стихи, совершенно достойные чувства, которымъ они вызывались.

Неодолимое стремленіе къ общему благу и славѣ Франціи, горячее желаніе облегчить и уравнять бремя общественныхъ повинностей, строгая, безукоризненная честность, врожденная ненависть къ безпорядку, наконецъ неутомимая, изумительная дѣятельность—таковы были главныя достоинства Кольбера, таковы были пружины, доставившія ему могущество и долго позволявшія ему пользоваться такимъ громаднымъ, такимъ заслуженнымъ вліяніемъ. „Единственный отдыхъ, который былъ знакомъ Кольберу,—говоритъ Шарль Перро,—состоялъ въ замѣнѣ одного труда другимъ, въ переходѣ отъ работы трудной къ другой, болѣе обременительной“. Аббатъ Шуази, съ своей стороны, отзывается о немъ, какъ объ „умѣ солидномъ, но тяжеломъ, созданномъ преимущественно для вычисленій“. Этими словами объясняются, можетъ быть, великія достоинства и недостатки Кольбера. Его обвиняли въ томъ, что у него не хватило духу выйти изъ совѣта, когда онъ увидѣлъ невозможность добывать обыкновенными путями деньги на расходы по войнѣ, продленію которой онъ нисколько не сочувствовалъ. Выходъ Кольбера при подобныхъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы благотворное вліяніе, и очень вѣроятно, что затруднительное положеніе, въ которое былъ бы поставленъ его преемникъ, побудило бы короля снова призвать къ управленію своего прежняго министра. Но, къ несчастью, то была такая пора, когда министры оставляли свои должности только опальными, и Кольберъ былъ слишкомъ честолюбивъ, слишкомъ ревниво охранялъ положеніе своего семейства для того, чтобы принести своимъ убѣжденіямъ такую большую жертву. Поэтому онъ остался, но при какихъ условіяхъ? Чѣмъ внимательнѣе перечитываешь письмо Ментенонъ, тѣмъ болѣе вѣришь, что у Кольбера, пожалуй, дѣйствительно вырвались приписываемыя ему слова отчаянія и что онъ умеръ подъ впечатлѣніемъ мысли о какомъ-нибудь коварномъ поступкѣ его враговъ. Въ такой обстановкѣ, значитъ, окончилась эта благородная жизнь. Столько доблестныхъ работъ, столько неусыпнаго труда, столько заботъ о благосостояніи Франціи заслуживали ли въ одно и то же время и неблагодарность короля, и ненависть народа? Потомство взяло на себя отвѣтить на этотъ вопросъ. Каковы бы ни были результаты заблужденій Кольбера, эти послѣднія не должны затмить въ нашихъ глазахъ высокія достоинства знаменитаго министра и громадныя услуги, оказанныя имъ Франціи. Уже только какъ возстановитель финансовъ, преобразователь всѣхъ законовъ, творецъ французскаго флота, покровитель наукъ и искусствъ, Кольберъ, независимо отъ всего другаго, имѣетъ много правъ на уваженіе и удивленіе своихъ согражданъ.

LII. ФИНАНСОВЫЯ РЕФОРМЫ КОЛЬБЕРА.

(Составлено по соч. Шерюэля: „Histoire de l'administration en France“).

Печальное состояніе финансовъ прежде всего обратило на себя вниманіе Людовика XIV и Кольбера. Приведенные въ порядокъ дѣятельностью Сюлли, они были послѣ того расхищены Фуке и запутаны государственными казначеями и откупщиками. Изъ секретныхъ фондовъ государственной казны въ пять лѣтъ расхищено было 380 милл. ливровъ по ложнымъ ордерамъ и фальшивымъ выдачамъ на короля. По арестованіи Фуке, государственный долгъ простирался до 430 милл. ливровъ; доходы государственные, забранные за два года впередъ, были растрачены, и изъ 84 милл. ливровъ ежегоднаго дохода поступало въ казну едва 32 милл.; между тѣмъ, въ концѣ министерства Кольбера, не смотря на уменьшеніе поземельнаго налога на 22 милл. ливровъ, не смотря на огромныя суммы, поглощенныя продолжительными войнами, чистаго дохода поступало въ казну изъ 112 милл. около 89 милл.

По арестованіи Фуке, Людовикъ XIV учредилъ при себѣ совѣтъ для управленія финансами (conseil de finances) изъ маршала Виллеруа, двухъ статсъ-секретарей и изъ генеральнаго контролера, мѣсто котораго занялъ вскорѣ Кольберъ. „Въ этомъ совѣтѣ,—говоритъ Людовикъ XIV,—работалъ я безпрестанно для того, чтобы распутать тотъ ужасный хаосъ, въ который приведены были мои дѣла“.

Людовикъ XIV, говоря въ своихъ мемуарахъ о преобразованіяхъ въ сферѣ финансовъ, приписываетъ себѣ всю славу этихъ преобразованій, едва удостоивая упоминанія Кольбера и то только какъ исполнителя воли короля. На видъ Кольберъ былъ дѣйствительно только точнымъ исполнителемъ предначертаній Людовика XIV, но на самомъ дѣлѣ вся честь и слава финансовыхъ преобразованій принадлежитъ цѣликомъ Кольберу. Имѣя въ виду самое дѣло и пользу государства, а не свою славу, Кольберъ, особенно въ первые годы управленія Людовика XIV, съ разсчитанною скромностью поддерживалъ въ немъ убѣжденіе, что все исходитъ отъ его воли.

Кольберу съ самаго же начала пришлось выдерживать упорную борьбу съ направленными противъ него интригами придворныхъ и съ жалобами, которыя вызывали финансовыя реформы его; но неуклонно, систематически шелъ онъ къ своей цѣли, не взирая на памфлеты враговъ его, на ненависть парламентовъ, финансовыхъ откупщиковъ и провинціальныхъ властей, не смотря даже на неблагодарность всей массы народа, для которой онъ трудился. Не мало также, хотя и безъ успѣха, пришлось Кольберу бороться съ расточительностью двора и съ непомѣрными требованіями властолюбиваго, не выносившаго противорѣчій Людовика XIV.

Кольберъ началъ съ того, что отрѣшилъ отъ должностей и привлекъ къ суду очень многихъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, которые дѣйствовали заодно съ Фуке или были вообще замѣчены въ злоупотребленіяхъ. Ихъ мѣста заняли чиновники изъ государственнаго совѣта, интенданты и другіе коммисары, подчиненные непосредственно высшимъ чинамъ финансоваго вѣдомства или самому государственному контролеру.

Особо учрежденная Кольберомъ судебная палата (chambre de justice) должна была разсмотрѣть всѣ отчеты чиновъ финансоваго вѣдомства съ 1635 г. и опредѣлить наказанія за ихъ злоупотребленія. Всякій, касавшійся казенныхъ денегъ, начиная отъ высшихъ соучастниковъ Фуке и до послѣдняго сторожа соляныхъ складовъ долженъ былъ представить объясненіе и даже подлинные документы относительно своего имущества, полученнаго наслѣдства и приданаго своихъ дѣтей. Уже и прежде не разъ прибѣгали къ наряженію слѣдственныхъ судовъ (chambres ardentes) надъ откупщиками, но почти всегда вѣсъ и богатство подсудимыхъ избавляли ихъ отъ кары закона. Наряженное же Кольберомъ слѣдствіе, продолжавшееся четыре года сряду, заставило трепетать виновныхъ, изъ которыхъ одни поплатились головой, а другіе огромными пенями, на которыя они смотрѣли еще какъ на милость. Собранныя такимъ образомъ суммы дали государству 110 милліоновъ чистаго золота дохода.

Но недостаточно было наказать прежнія злоупотребленія, нужно было предупредить возможность ихъ въ будущемъ. Для этого Кольберъ значительно сократилъ процентъ, который шелъ въ пользу откупщиковъ и сборщиковъ податей за взысканіе податей и налоговъ.

До Кольбера должности финансоваго вѣдомства, такъ же какъ и въ судебномъ, сдѣлались, вслѣдствіе продажи, наслѣдственными; Кольберъ сдѣлалъ ихъ пожизненными, а нерѣдко превращалъ ихъ въ простыя временныя должности, назначеніе которыхъ зависѣло отъ правительства.

Кольберъ заботился, главнымъ образомъ, объ упрощеніи механизма администраціи финансовъ, который, по словамъ его, долженъ былъ быть такъ простъ, чтобы онъ могъ легко быть направляемъ немногими лицами. Чѣмъ меньше потребуется лицъ для управленія финансовымъ механизмомъ, тѣмъ ближе, говоритъ Кольберъ, будетъ онъ къ совершенству, и, кромѣ того, правительство получитъ огромную выгоду отъ того, что меньшее число чиновниковъ потребуетъ и меньше жалованья. По разсчетамъ Кольбера, государственная казна должна была сберегать, вслѣдствіе уничтоженія многихъ лишнихъ должностей финансоваго вѣдомства, 250 тысячъ ливровъ ежегодно.

Кольберъ также возстановилъ ежегодный бюджетъ, установленный впервые Сюлли, возобновленный при Ришелье, но вышедшій послѣ него изъ употребленія.

Проникнутый глубокимъ сочувствіемъ къ угнетенному податями народу и стремясь облегчить его, Кольберъ видоизмѣнилъ также способъ взиманія и распредѣленія налоговъ. Постоянный поземельный налогъ (la taille) былъ до этого времени личнымъ, т. е. взимался не съ поземельнаго владѣнія, а съ лица, и падалъ только на простолюдиновъ (roturiers); Кольберъ стремился по мѣрѣ возможности сдѣлать налогъ этотъ имущественнымъ, взимаемымъ съ поземельнаго имущества всякаго, кто бы ни былъ его владѣлецъ, слѣдовательно распространить поземельный налогъ и на поземельныя владѣнія привилегированныхъ классовъ *). Кромѣ того

*) Чтобы имѣть возможность ввести болѣе справедливое распредѣленіе поземельнаго налога, Кольберъ стремился установить кадастръ для всей Франціи; дѣло это было поручено провинціальнымъ коммиссарамъ, но было осуществлено только для небольшой части Франціи.

Кольберъ уменьшилъ на $^2/_5$ сумму поземельнаго налога. Налогъ на соль (gabelle), падавшій исключительно на массу народа, также былъ нѣсколько уменьшенъ. Задушевнымъ желаніемъ Кольбера, еслибы только Людовикъ XIV рѣшился уменьшить свои расходы, было еще болѣе уменьшить поземельный налогъ и довести его до 25 милл. ливровъ, вмѣсто прежнихъ 53 милл. ливровъ.

Одной изъ самыхъ важныхъ мѣръ для облегченія народа было уменьшеніе числа привилегированныхъ лицъ, увеличеніе котораго сокращало источники государственныхъ доходовъ и увеличивало бремя податей для податнаго класса народа. Въ смутное время фронды множество лицъ незаконно присвоили себѣ званіе дворянина или пріобрѣтали его за ничтожную сумму. Кольберъ раскрылъ все это зло предъ Людовикомъ XIV. Королевскимъ указомъ отмѣнены были всѣ патенты на дворянство, жалованные въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ. Другимъ указомъ сокращено было число судебныхъ должностей, снова установлены и цѣна на должности, и возрастъ, въ который можно было ихъ занять. Парламентская аристократія всѣми силами ратовала противъ этихъ мѣръ, но напрасно. Незаконно присвоившіе себѣ дворянскіе титулы были лишены ихъ и подчинены взиманію податей. Интендантамъ былъ отданъ приказъ произвести строгое розысканіе въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ относительно законности льготъ и притязаній различныхъ фамилій, причислявшихъ себя къ дворянству. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что 40,000 семействъ, въ числѣ которыхъ находились самыя богатыя изъ каждаго прихода, были снова обложены податями, что не мало облегчило бремя ихъ сосѣдей.

Стремясь къ уменьшенію прямыхъ налоговъ (la taille), падавшихъ исключительно на массу народа, Кольберъ значительно увеличилъ сумму косвенныхъ налоговъ (les aides), которые падали на всѣ классы общества безъ изъятія. Онъ установилъ или увеличилъ налоги на кофе, табакъ, вино, карты, лоттереи, такъ что государственный доходъ возросъ вслѣдствіе этого съ полутора милліона ливровъ на двадцать одинъ милліонъ ливровъ.

Зная хорошо характеръ короля своего, Кольберъ стремился также удерживать его отъ того легкомысленнаго отношенія къ займамъ, которое впослѣдствіи принесло такъ много зла Франціи, увеличивъ государственный долгъ до громадныхъ размѣровъ. Когда не стало Кольбера, Людовикъ XIV не задумывался дѣлать займы по 400 на 100. При выходѣ изъ совѣта для управленія финансами, въ которомъ въ 1672 г. утвержденъ былъ первый заемъ, Кольберъ горько упрекалъ перваго президента Ламуаньона за одобреніе этой мѣры. „Знаете ли вы такъ же хорошо, какъ я, человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, его страсть къ внѣшнему блеску, къ громаднымъ предпріятіямъ и затѣямъ, ко всякаго рода затратамъ? А вотъ теперь вы открыли ему путь къ займамъ и, стало быть, къ безграничнымъ затратамъ и налогамъ. Вы отвѣтите за это передъ народомъ и передъ потомствомъ“.

Вмѣсто того, чтобы для займовъ прибѣгать къ крупнымъ банкирамъ и откупщикамъ, вымогавшимъ у казны огромные проценты, Кольберъ учредилъ заемный банкъ, въ который мелкіе капиталисты могли непосредственно помѣщать и дѣйствительно охотно помѣщали свои капиталы на условіяхъ, выгодныхъ какъ для нихъ, такъ еще болѣе для правительства.

Кольберъ возвратилъ казнѣ многія земли, которыя до него законно и незаконно перешли въ частныя руки. Нѣкоторымъ правительственнымъ агентамъ было поручено Кольберомъ объѣздить всю Францію и розыскать тѣ королевскія домены, которыя были пріобрѣтены владѣльцами ихъ куплею или незаконно присвоены. Однѣ домены были выкуплены, другія прямо отняты. Начались неудовольствія, процессы; Кольберъ, чтобы положить имъ предѣлъ, указомъ 1667 г. постановилъ, что всякое поземельное владѣніе, которое въ теченіи десяти лѣтъ будетъ принадлежать королю, будетъ считаться собственностью казны. Никакая оппозиція не могла остановить Кольбера въ стремленіи его къ увеличенію государственныхъ доходовъ и къ облегченію казны отъ тяготѣвшихъ на ней долговъ.

О замѣчательныхъ результатахъ финансовой дѣятельности Кольбера можно судить уже по тому, что ему удалось увеличить доходы государства на 28 милл. ливровъ ежегодно и на столько же почти уменьшить сумму жалованья и процентовъ по государственному долгу. Такимъ образомъ Кольберъ увеличилъ государственные доходы на 57 милл. ливровъ, облегчивъ притомъ бѣдствующій податной классъ народа.

LIII. ПРЕОБРАЗОВАНІЯ КОЛЬБЕРА ВЪ СФЕРѢ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ.

(Сост. по соч. Шерюэля: „Histoire de l'administration monarchique en France" т. II, по соч. Клемана: „Histoire du système protecteur en France" и др. соч.).

Сюлли вслѣдствіе односторонняго экономическаго взгляда жертвовалъ интересами торговли и промышленности улучшенію земледѣлія и луговодства, которыя, по выраженію его, были „двумя сосцами, питавшими Францію". Кольберъ, будучи ревностнымъ сторонникомъ одностороннихъ меркантильныхъ воззрѣній своего вѣка, считалъ промышленность и торговлю главными источниками богатства страны; однакожь все-таки несправедливо укоряли Кольбера въ небрежномъ отношеніи къ земледѣлію, хотя нѣкоторыя запретительныя мѣры его, какъ запрещеніе свободнаго вывоза хлѣба изъ одной провинціи въ другую, дѣйствительно сильно повредили интересамъ земледѣлія. Вслѣдствіе этой мѣры понизившійся сначала въ цѣнѣ хлѣбъ, не имѣя свободнаго сбыта, сталъ воздѣлываться все въ меньшемъ количествѣ, такъ что пашни запустѣли и все чаще сталъ свирѣпствовать голодъ. Но своими заботами о земледѣльческомъ классѣ и о способахъ производства Кольберъ значительно смягчилъ прискорбныя послѣдствія примѣненныхъ имъ запретительныхъ мѣръ. Возстановленіе внутренняго порядка во Франціи, осушеніе многихъ болотъ, заботы о правильномъ лѣсоводствѣ, уменьшеніе налоговъ на земли крестьянъ и совершенное освобожденіе отъ налоговъ бѣдныхъ и многочисленныхъ семей, защита земледѣльцевъ отъ насилій военнаго люда, запрещеніе сборщикамъ податей отбирать у крестьянъ скотину и земледѣльческія орудія за недоимки въ податяхъ—все это значительно улучшило положеніе земледѣльческаго класса и земледѣлія.

Также важны заботы Кольбера объ улучшеніи скотоводства. Онъ устроилъ конскіе заводы, въ которыхъ значительно усовершенствовалась

порода лошадей вслѣдствіе скрещиванія ихъ съ лошадьми арабской и датской породъ; для улучшенія породы рогатаго скота было доставлено во Францію много скота лучшей породы изъ Германіи и изъ Швейцаріи; для улучшенія овцеводства были пріобрѣтены изъ Англіи бараны лучшихъ ея породъ. За выхоленіе образчиковъ лучшихъ породъ скота назначены были преміи.

До Кольбера Франція была страною по преимуществу земледѣльческою; почти всѣ фабричныя издѣлія получала она изъ-за границы: изъ Фландріи—кружева и обои; изъ Голландіи—сукна и холсты; изъ Англіи—шерстяныя матеріи и стальныя издѣлія; изъ Италіи—зеркала и золотыя издѣлія; изъ Германіи—издѣлія изъ фаянса и богемскаго хрусталя. Кольберъ задался цѣлью поставить Францію въ возможность самой вырабатывать для себя „всѣ предметы, необходимые для общежитія и для удобства французовъ".

Чтобы акклиматизировать во Франціи подходящія къ потребностямъ ея отрасли заграничной промышленности и оградить ихъ отъ подавляющей конкурренціи сосѣднихъ государствъ, Кольберъ примѣнилъ къ отечественной промышленности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ теорію покровительства, т. е. запрещеніе или стѣсненіе посредствомъ высокаго тарифа тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ производиться въ самой странѣ. Такъ какъ теорія покровительства исходила изъ того ложнаго начала, что потребленіе предметовъ внутренняго производства приноситъ пользу народу, а ввозъ чужихъ товаровъ—одинъ лишь убытокъ, то Кольберъ, проводя эту теорію на практикѣ, обложилъ огромными пошлинами ввозные продукты чужеземной промышленности. Эти запретительныя мѣры основывались первоначально на такъ называемой меркантильной системѣ, по которой народное благосостояніе измѣрялось обращающеюся въ странѣ массою звонкой монеты, а вѣрнѣйшее средство для увеличенія звонкой монеты заключалось въ искусственномъ поощреніи вывоза товаровъ и ограниченіи ввоза ихъ. Самъ Кольберъ признавалъ, впрочемъ, необходимость высокаго тарифа только временною мѣрою.

Кольберъ старался поднять промышленность Франціи различными мѣрами: привлеченіемъ въ нее искусныхъ чужеземныхъ мастеровъ, поощреніемъ французскихъ фабрикантовъ и рабочихъ привилегіями, денежными субсидіями и преміями, а также примѣненіемъ во Франціи узнанныхъ секретовъ чужеземной промышленности, какъ напр. заимствованнаго у англичанъ искусства закалять сталь и т. п. Кольберъ увеличилъ число рабочихъ дней, добившись у церкви сокращенія числа праздниствъ; для увеличенія же числа рабочихъ Кольберъ стремился сократить число монаховъ.

Нѣкоторыя отрасли промышленности существовали во Франціи и до Кольбера, какъ напр. плантаціи шелковичныхъ деревьевъ, шелковыя мануфактуры города Тура, нѣкоторыя мануфактуры ковровъ и полотенъ; но ни одна отрасль промышленности не пустила во Франціи глубокихъ корней: тѣ или другія мануфактуры появлялись въ одно царствованіе, въ другое опять исчезали. Кольберъ же твердою рукою привилъ къ Франціи многія отрасли промышленности и сообщилъ ей то направленіе и энергическое движеніе, которое сохраняетъ она и понынѣ. Кольберъ самъ практически ознакомился съ искусствомъ приготовленія стекла, ковровъ, хрусталя, венеціанскаго кружева, суконъ и т. п.; онъ зналъ надлежащую

ширину и длину для различныхъ матерій, хорошую окраску; длиннымъ рядомъ указовъ Кольбера определялись качества сырыхъ матеріаловъ и различныхъ фабричныхъ издѣлій во всѣхъ подробностяхъ. Воспитаніе учениковъ того или другаго ремесла, обязанности мастера, качества сырыхъ матеріаловъ, качества матерій—ничто не было забыто Кольберомъ. Но, поощряя всѣми мѣрами улучшеніе промышленности, Кольберъ неумолимо преслѣдовалъ всякую дурную фабрикацію: дурные товары, не подходившіе къ установленной нормѣ, приказалъ онъ выставлять къ позорному столбу, потомъ уничтожать ихъ или конфисковать. Скоро Франція затмила въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности своихъ сосѣдей. Уже около 1670 г. надъ одною выдѣлкою шерстяныхъ матерій работало слишкомъ 44,000 станковъ и 60,000 рабочихъ. По фабрикамъ тонкихъ суконъ Седанъ, Лувье, Аббевиль не имѣли себѣ равныхъ соперниковъ въ Европѣ. Въ Ліонѣ и Турѣ стали процвѣтать фабрикаціи шитыхъ серебромъ и золотомъ шелковыхъ матерій, которыхъ для удовлетворенія роскоши Парижа вывозилось прежде изъ Италіи столько же, сколько для всей Испаніи. И другія отрасли промышленности приноравливались къ запросу аристократическихъ салоновъ, соперничествовавшихъ расточительностью, и къ придворной роскоши. Сотни бѣдныхъ дѣвушекъ добывали себѣ пропитаніе изготовленіемъ кружевъ и вышиваній, запросъ на которыя былъ такъ великъ, что производство ихъ обогатило множество городовъ сѣверной Франціи, какъ Реймсъ, Луденъ, Аррасъ, Алансонъ и др.; Савоннери превзошелъ своими коврами роскошные ковры Персіи и Турціи. Большія зеркала Сентъ-Антуанскаго предмѣстья Парижа и Туръ-ла-Вилля не уступали зеркаламъ Венеціи. Выписанные изъ Италіи рабочіе для изготовленія зеркалъ оказались скоро излишними и могли быть замѣнены французскими рабочими. Гобелленовскіе обои, фабрикація которыхъ началась еще при Францискѣ I, поощряема была при Генрихѣ IV и потомъ пришла въ упадокъ, стала опять процвѣтать при Людовикѣ XIV: скоро роскошные гоббеленовскіе обои, расписанные художественною кистью Лебрэна и Миньяра, затмили собою фландрскіе обои. Холсты и саржа Голландіи съ искуснымъ подражаніемъ выдѣлывались уже во Франціи, также какъ вышиванья и бархаты генуэзскіе.

Но Кольберъ поощрялъ не одно только производство предметовъ роскоши: постоянно заботился онъ о созданіи и поощреніи производства продуктовъ, необходимыхъ для всеобщаго потребленія. До Кольбера бѣлое мыло привозили изъ Италіи; Кольберъ устроилъ мыловаренные заводы во Франціи. Изъ Швеціи были выписаны работники, научившіе французовъ добывать руду и деготь. Шибко развилась фабрикація простыхъ суконъ въ Эльбефѣ, холста—въ Бретани, шерстяныхъ матерій—въ Лангедокѣ. Бордо сталъ славиться сахарными заводами. Жесть, сталь, фаянсъ, сафьянъ, составлявшіе прежде предметъ ввоза для Франціи, стали теперь съ успѣхомъ выдѣлываться въ ней самой.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и еще долгое время потомъ землевладѣніе было главнымъ основаніемъ господства феодальной аристократіи и вообще дворянства и духовенства. Все богатство тогдашняго общества состояло въ земледѣльческомъ производствѣ, и потому одно только землевладѣніе давало силу и значеніе въ обществѣ; торговля же и промышленность были очень мало развиты. Великія открытія и изобрѣтенія XV вѣка дали впервые толчекъ развитію промышленности, но во

Франціи до Кольбера развивалась она очень медленно и имѣла характеръ ремесленнаго производства. Кольберъ создалъ фабричное, крупное производство. Усиленное развитіе промышленности подняло значеніе движимой собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ и буржуазіи. Накопленіе въ рукахъ буржуазіи богатства капитала, движимой собственности, въ противоположность поземельной собственности дворянства, уничтожило прежнюю силу послѣдняго; наконецъ и дворянство должно было приняться за тѣ же средства промышленнаго пріобрѣтенія, которымъ буржуазія обязана своимъ богатствомъ и своей силой.

Исходя изъ меркантильной системы, Кольберъ придавалъ гораздо большее значеніе развитію внѣшней торговли, чѣмъ внутренней; но тѣмъ не менѣе Кольберъ много способствовалъ улучшенію послѣдней различными мѣрами поощренія. Устройствомъ большой сѣти удобныхъ путей сообщенія, сокращеніемъ подорожныхъ пошлинъ, уничтоженіемъ многихъ внутреннихъ заставъ, а также ограниченіемъ эксплоатаціи ростовщиковъ Кольберъ несомнѣнно много способствовалъ расширенію внутренней торговли.

До Кольбера пути сообщенія во Франціи находились въ такомъ печальномъ состояніи, что перевозка товаровъ встрѣчала непреодолимыя затрудненія, вслѣдствіе чего производство не имѣло обширнаго рынка для сбыта и носило чисто мѣстный характеръ. Указомъ 1664 г. Кольберъ предписалъ интендантамъ принять мѣры къ улучшенію путей сообщенія, и въ короткое время Франція покрылась сѣтью большихъ, широкихъ и удобныхъ дорогъ, приводившихъ въ удивленіе современниковъ Кольбера. Ему принадлежитъ планъ Бургундскаго канала. Проектъ канала Орлеанскаго, открытаго по смерти Кольбера, былъ уже утвержденъ при немъ. По иниціативѣ же Кольбера устроенъ былъ каналъ Лангедокскій, на одномъ концѣ котораго имъ устроенъ былъ портъ Сеттъ, а на другомъ— находилась Тулуза. При элементарности свѣдѣній по механикѣ, эта работа является гигантскимъ дѣломъ для своего времени. При Кольберѣ же, кромѣ Сетта, заложены были и нѣкоторые другіе коммерческіе порты, какъ Гавръ, С. Мало и др. Улучшеніе путей сообщенія удешевило стоимость перевозки и такимъ образомъ имѣло огромное вліяніе на расширеніе размѣровъ производства и торговли.

Такое же важное значеніе имѣло для внутренней торговли уничтоженіе пограничныхъ таможенныхъ заставъ смежныхъ провинцій,—заставъ, уцѣлѣвшихъ еще отъ феодальной эпохи. Кольберу удалось уничтожить внутреннія таможни по крайней мѣрѣ въ 12 провинціяхъ (Иль-де-Франсъ Нормандія, Шампань, Бургундія и др.). Исключительность интересовъ, каждой провинціи и укоренившаяся рутина мѣшали уничтоженію внутреннихъ заставъ въ остальныхъ, такъ называемыхъ чужеземныхъ провинціяхъ (provinces étrangeres, pays étrangers), какъ Бретань, Лангедокъ, Провансъ, Эльзасъ, Лотарингія и многія другія. Кольберъ также способствовалъ удешевленію перевозки иностранныхъ товаровъ внутри Франціи, обезпечивъ имъ свободный безпошлинный провозъ чрезъ всѣ провинціи Франціи. Выкупленный у англичанъ Дюнкирхенъ, а также Байонна и Марсель были объявлены порто-франко, и такимъ образомъ открыты новые рынки для сбыта.

Для регулированія торговли и для уясненія нуждъ ея Кольберъ возстановилъ въ 1665 г. учрежденный еще при Генрихѣ IV совѣтъ тор-

говли (conseil du commerce), собиравшійся въ Парижѣ дважды въ мѣсяцъ подъ предсѣдательствомъ самого Людовика XIV. Въ провинціяхъ были устроены подобные же совѣты, которые чрезъ избранныхъ депутатовъ могли заявлять министру и самому королю свои жалобы, соображенія и требованія. Кромѣ того, всѣмъ купцамъ разрѣшено было обращаться съ своими жалобами и просьбами прямо къ королю или къ министру. Въ интересахъ же торговли учреждены были особые посредническіе суды. Наконецъ для улучшенія внутренней торговли указомъ 1671 г. предписывалось введеніе полнаго единообразія мѣръ и вѣсовъ во всей Франціи, что, однакожь, не было приведено въ исполненіе.

Мѣры Кольбера для улучшенія внѣшней торговли были еще многочисленнѣе, принесли Франціи много выгодъ и поставили ее на ряду съ другими коммерческими народами Европы. До Кольбера внѣшняя торговля Франціи была крайне ограничена, что, между прочимъ, обусловливалось весьма ограниченнымъ числомъ торговыхъ судовъ Франціи. Изъ 25,000 судовъ, которыми производилась въ то время международная морская торговля въ Западной Европѣ, Франція, по показанію Кольбера, имѣла не болѣе 500—600, между тѣмъ какъ одна Голландія имѣла на морѣ до 16,000 судовъ.

Иностранцы, по словамъ Людовика XIV, завладѣли всей торговлей Франціи: не только вся внѣшняя торговля ея производилась на иностранныхъ судахъ, но также и перевозка товаровъ изъ одной гавани ея въ другую. Между тѣмъ французскія суда въ Англіи и Голландіи были нетерпимы, платили огромныя пошлины и не имѣли права взять товаръ для перевозки, если то же самое могло быть исполнено туземнымъ судномъ.

Постоянно увеличивавшіяся стѣсненія относительно французскихъ негоціантовъ, особенно въ Англіи, побудили, наконецъ, и французское правительство къ стѣснительнымъ мѣрамъ относительно иностранныхъ кораблей. Еще Фуке противопоставилъ изданному англійскимъ парламентомъ, по инціативѣ Кромвелля, „навигаціонному акту“ (въ силу котораго дозволялось иностранцамъ привозить въ Англію на собственныхъ корабляхъ только произведенія ихъ страны) пошлину въ 50 су или 6 франковъ съ тонны клади, привозимой въ порты Франціи или вывозимой изъ нихъ на иностранныхъ корабляхъ. Кольберъ также принялъ эту мѣру, считая ее полезною для развитія торговаго флота Франціи. Кольберъ назначилъ даже преміи французскимъ судамъ за ввозъ и вывозъ. Кораблестроителямъ Кольберъ также назначилъ преміи.

До Кольбера пошлины съ предметомъ ввоза и вывоза были чрезвычайно разнообразны; Кольберъ свелъ ихъ къ одной пошлинѣ за ввозъ или вывозъ.

Морская торговля Франціи еще сильно страдала отъ варварійскихъ и другихъ корсаровъ; значительныя морскія силы, выставленныя противъ нихъ Кольберомъ, заставили ихъ удалиться во-свояси.

Для расширенія и поощренія заграничной торговли Франціи Кольберъ требовалъ отъ всѣхъ французскихъ консуловъ и посланниковъ подробныхъ донесеній о произведеніяхъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они находились, о предметахъ ввоза и о средствахъ къ развитію внѣшней торговли Франціи.

При Кольберѣ были завязаны торговыя сношенія Франціи съ Даніей, съ Швеціей, Португаліей и даже съ Московскимъ государствомъ, чтобы

такимъ образомъ открыть французской промышленности новые рынки для сбыта.

Но не легко было французскимъ негоціантамъ конкуррировать во внѣшней торговлѣ съ англичанами и голландцами; поэтому Кольберъ учредилъ пять большихъ торговыхъ компаній, по образцу англійскихъ и голландскихъ: Остъ- и Вестиндіи, Сенегамбіи, Сѣверную компанію и Левантскую. Всѣмъ этимъ компаніямъ предоставлена была въ опредѣленномъ районѣ монополія торговли, за которую назначались даже преміи. Такъ остъ-индской компаніи Кольберъ выдалъ 6 мил. ливровъ впередъ въ видѣ субсидіи. Но учрежденіе этихъ компаній встрѣтило во многихъ городахъ Франціи (Марсель, Бордо и др.) сильный протестъ со стороны французскихъ негоціантовъ, которые ни за что не хотѣли разстаться съ укоренившейся коммерческой рутиной: каждый французскій негоціантъ стремился вести дѣла свои особнякомъ. Не смотря на королевскій указъ, разрѣшавшій дворянамъ заниматься морскою торговлею безъ всякаго ущерба для ихъ дворянскихъ привилегій, весьма немногіе даже изъ чиновной аристократіи отнеслись сочувственно къ дѣлу торговыхъ компаній. Многимъ дворянамъ участіе въ дѣлахъ компаній было навязано самимъ королемъ. Не смотря на несочувствіе общества къ торговымъ компаніямъ, послѣднія все-таки сообщили внѣшней торговлѣ Франціи сильное движеніе. Это доказываетъ быстрое развитіе колоній Франціи въ эпоху Кольбера.

До Кольбера Франція обладала весьма немногими колоніями (Канада, Кайенна, нѣсколько факторій въ обѣихъ Индіяхъ и немногія другія). Кольберъ покупкою пріобрѣлъ для Франціи почти всю группу Малыхъ Антильскихъ острововъ и изъ Большихъ Антильскихъ—Сенъ-Доминго. Кольберъ увеличилъ число французскихъ выселенцевъ въ Канадѣ и въ Кайеннѣ. Чтобы завладѣть устьемъ св. Лаврентія, Кольберъ пріобрѣлъ Новую Землю. При Кольберѣ началась также колонизація французовъ въ долинѣ Миссисипи или Луизіанѣ. Въ Африкѣ Кольберъ отнялъ у голландцевъ Горею и С. Луи въ Сенегамбіи. Въ Азіи Остъ-Индская компанія утвердилась въ Пондишери и въ другихъ пунктахъ. Кольберъ стремился также, хотя и безуспѣшно, пріобрѣсти куплею колоніи португальцевъ въ Остъ-Индіи. Для поощренія зарождающейся колоніальной торговли Франціи и обезпеченія ея отъ конкурренціи англичанъ и голландцевъ, Кольберъ запретилъ чужеземнымъ кораблямъ доступъ во всѣ порты въ колоніяхъ Франціи.

Для покровительства колоніальной и вообще морской торговли Франціи нуженъ былъ большой военный флотъ; между тѣмъ по смерти Мазарини флотъ находился въ страшномъ запущеніи, состоя всего изъ 30 военныхъ судовъ. Кольберъ энергически принялся за дѣло. Многія суда были заказаны въ Швеціи и въ Голландіи; во Франціи были устроены корабельныя верфи въ Дюнкирхенѣ, Рошфорѣ, Гаврѣ и пр. Портъ въ Брестѣ былъ расширенъ, въ Тулонѣ—углубленъ. До Кольбера Франція получала изъ Голландіи всѣ необходимые морскіе припасы. Кольберъ учредилъ въ Дофинэ мануфактуру холста; въ С. Этьенѣ и вообще въ Бургундіи стали лить пушки, ковать оружіе и якоря; корабельщики были вызваны изъ Голландіи, ткачи и канатные мастера изъ Гамбурга, Данцига и Риги. Скоро французскіе корабельщики могли соперничать въ искусствѣ съ иностранными. Увеличеніе флота требовало увеличенія числа матросовъ. До Кольбера они набирались обыкновенно насильственно изъ

приморскихъ жителей. Кольберъ создалъ новую систему набора матросовъ, поклассную систему или запись въ моряки. Побуждаемое извѣстными привилегіями прибрежное населеніе выставляло необходимый для экипажа контингентъ матросовъ, который, сообразно возрасту и положенію въ семьѣ, распредѣленъ былъ на различные классы, по мѣрѣ надобности послѣдовательно призывавшіеся на службу. Большая часть матросовъ доставлялась на военныя суда коммерческимъ флотомъ; зато военный флотъ защищалъ торговый отъ пиратовъ. На старости лѣтъ моряки были обезпечены пенсіями, а также и ихъ семьи; поэтому число записывавшихся въ матросы съ каждымъ годомъ возрастало. Для приготовленія флотскихъ офицеровъ учрежденъ былъ морской кадетскій корпусъ, учреждены были школы артиллерійская и гидрографическая—для выработки точныхъ картъ для морскихъ экспедицій. Для лучшаго руководства въ усовершенствованіи флота Кольберъ учредилъ въ Парижѣ „совѣтъ флота“ и „совѣтъ корабельныхъ сооруженій“. Во флотѣ были введены строгая дисциплина, частыя ревизіи, контроль надъ капитанами судовъ. Были устроены особые госпитали для флотскаго экипажа; жены и дѣти матросовъ пользовались особымъ попеченіемъ правительства.

Кольберъ всю жизнь неутомимо работалъ для созданія сильнаго флота, но уже съ 1672 г. ему данъ былъ въ помощники по завѣдыванію флотомъ сынъ его Сеньелэ, который по смерти отца съ большимъ успѣхомъ продолжалъ дѣло его. Умирая, Кольберъ оставилъ Франціи флотъ изъ 275 военныхъ судовъ. Сеньелэ увеличилъ его до 750, бывшихъ уже въ морѣ или еще строившихся. Благодаря дѣятельности Кольбера и его сына, флотъ французскій сдѣлался первымъ въ мірѣ: это доказала блистательная побѣда Дюкэна надъ голландскимъ адмираломъ Рюйтеромъ, прославившимся своими побѣдами даже надъ англичанами.

LIV. КОЛЬБЕРЪ И ЕГО СИСТЕМА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА.

(Изъ соч. Клемана: „Histoire du systême protecteur en France“).

Взгляды Кольбера на систему покровительства подвергались нѣсколькимъ существеннымъ измѣненіямъ, и для насъ важно въ точности прослѣдить ихъ.

Въ 1650 г. кардиналъ Мазарини, бывшій въ то время интендантомъ, поручилъ Кольберу изучить средства, которыя могли бы помочь затрудненіямъ, возникшимъ вслѣдствіе перерыва торговыхъ сношеній съ Англіей, въ которой тогда революція была въ полномъ разгарѣ. По этому случаю Кольберъ составилъ и подалъ кардиналу-министру мемуаръ, въ которомъ говорится слѣдующее: „Хотя изобиліе, какимъ Господу Богу угодно было одарить большую часть провинцій нашего королевства, даетъ ему возможность довольствоваться самимъ собою, тѣмъ не менѣе Провидѣніе поставило Францію въ такое положеніе, что ея собственное плодородіе было бы для нея безполезно и часто даже обременительно и неудобно безъ благодѣяній торговли, которая доставляетъ изъ одной провинціи въ другую и къ иностранцамъ все, въ чемъ тѣ и другіе могутъ имѣть нужду для извлеченія изъ него всей пользы“...

Пересмотръ тарифа въ 1664 г. былъ нарушеніемъ того принципа, ко-

торый самъ же Кольберъ высказалъ въ 1650 г., потому что, уменьшивъ пошлины на нѣкоторые товары, онъ увеличилъ ихъ на многіе другіе товары. Спустя два года, взгляды Кольбера совершенно измѣнились, какъ это можно видѣть по слѣдующимъ отрывкамъ изъ двухъ писемъ, которыя онъ писалъ въ 1666 г. къ морскому интенданту въ Рошфорѣ. „Относительно покупокъ сказанныхъ товаровъ нужно тщательно наблюдать то, что ихъ всегда нужно покупать во Франціи предпочтительно передъ чужими странами, даже если бы эти товары были нѣсколько хуже или немного дороже, потому что когда деньги не выходятъ изъ королевства, то въ этомъ двойная выгода для государства, такъ какъ оно не бѣднѣетъ и подданные его величества обезпечиваютъ свою жизнь, развивая свою промышленность".—„Постоянно старайтесь о томъ, чтобы завести во Франціи всякаго рода желѣзныя производства, необходимыя для постройки судовъ, для того чтобы мы не имѣли болѣе надобности обращаться за этимъ къ иностранцамъ, такъ какъ извѣстно, что желѣзо нѣкоторыхъ нашихъ провинцій такъ же хорошо, какъ желѣзо Бискайи, и вы видите, что смѣшно искать у иностранцевъ того, что мы сами имѣемъ въ изобиліи".

Та же мысль повторяется и въ другихъ бумагахъ Кольбера, относящихся къ этому же времени. Такъ, въ длинномъ мемуарѣ, который онъ писалъ для маркиза Сеньелэ, своего сына, и который, хотя время и не обозначено на немъ, долженъ относиться къ 1672 г., онъ рекомендуетъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „Внимательно слѣдить за всѣми товарами и мануфактурными произведеніями, которыя не производятся въ королевствѣ, и если окажутся таковые, то всѣми возможными мѣрами стараться ввести ихъ производство".

Наконецъ, Кольберъ формулировалъ, можно сказать, всю свою систему въ нѣсколькихъ словахъ, составляющихъ извлеченіе изъ мемуара, который навѣрно былъ представленъ имъ по требованію Людовика XIV, но время котораго намъ тоже неизвѣстно: „Уменьшить вывозныя пошлины на хлѣбъ и на мануфактурныя произведенія королевства; уменьшить ввозныя пошлины на все, что нужно для фабрикъ; устранить посредствомъ высокихъ пошлинъ произведенія иностранныхъ мануфактуръ".

Сообразно съ этими принципами и былъ сдѣланъ пересмотръ тарифа въ 1667 г.,—пересмотръ, вслѣдствіе котораго разныя сосѣднія страны и съ своей стороны прибѣгли къ справедливымъ репрессаліямъ. Голландія запретила ввозъ въ свои предѣлы французскихъ винъ и водокъ, что поставило земледѣльцевъ въ затруднительное положеніе, тягость котораго еще болѣе усилилась вслѣдствіе измѣнчивости законодательства о зерновомъ хлѣбѣ. Если мы прибавимъ къ этому бѣдствія, проистекавшія вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, то поймемъ, какимъ образомъ королевство пришло постепенно въ то бѣдственное положеніе, плачевную картину котораго представилъ Вобанъ въ 1700 году.

Графъ Молльенъ, бывшій министромъ финансовъ при первой имперіи и имѣвшій у себя нѣкоторыя архивныя копіи съ корреспонденціи Кольбера, въ настоящее время затерянныя, разсказываетъ, что, судя по письмамъ этого министра, протекціонныя пошлины, имѣвшія цѣлью покровительствовать извѣстнымъ отраслямъ промышленности, должны были быть временными, и это покровительство должно было продолжаться только столько времени, сколько нужно было для того, чтобы онѣ успѣли при-

виться во Франціи. Кольберъ даже формально выразилъ свое мнѣніе по этому предмету въ живописномъ образѣ, когда писалъ эшевенамъ Ліона, что фабриканты этого города должны смотрѣть на покровительство, оказываемое ихъ промышленности, какъ на *помочи*, при помощи которыхъ они должны какъ можно скорѣе научиться ходить и которыя онъ думаетъ впослѣдствіи отнять у нихъ.

Другой разъ, 2 октября 1671 г., Кольберъ писалъ интенданту Лангедока: „Нужно замѣтить, что купцы никогда не стараются собственными усиліями преодолѣть трудности, которыя они встрѣчаютъ въ торговлѣ, надѣясь найти болѣе легкія средства во власти короля; поэтому они и обращаются къ нему, чтобы получить какую-нибудь выгоду, и возбуждаютъ опасеніе, что иначе погибнетъ вся ихъ промышленность“.

Съ другой стороны, въ его же корреспонденціи выражаются опасенія, которыя внушали ему повышеніе тарифа. Такъ, въ августѣ 1669 г., онъ писалъ морскому интенданту въ Рошфорѣ, „что не нужно быть слишкомъ требовательнымъ съ англичанами относительно пошлинъ на товары и что не слѣдуетъ вынуждать иностранцевъ искать средствъ обходиться безъ нашихъ винъ“. Два года спустя, онъ говорилъ одному изъ своихъ агентовъ въ Бордо: „Если только послѣдовавшее въ этомъ году уменьшеніе сборовъ съ вина и водокъ происходитъ единственно отъ неурожая послѣдняго года, то въ этомъ еще можно утѣшиться; но мнѣ непріятно подумать, что голландцы могутъ обойтись безъ нашихъ винъ и водокъ, или меньше покупать ихъ“.

Наконецъ, не нужно забывать, что самъ Кольберъ нарушилъ свою систему въ существенномъ пунктѣ тѣмъ, что далъ крейсерамъ право строить или покупать суда заграницей, и допускалъ ихъ во Францію не только безъ всякихъ пошлинъ, но даже съ значительной преміей. И это было существенное нарушеніе его системы, и оно уравновѣшивало искусственное вздорожаніе, произведенное нѣкоторыми повышеніями тарифа.

Теперь мы знаемъ весь рядъ экономическихъ мѣръ, которыя были приняты по мысли Кольбера и которыя составляютъ то, что впослѣдствіи называлось меркантильной или протекціонной, то-есть покровительственной системой, и чему одинъ итальянскій писатель въ мемуарѣ, увѣнчанномъ флорентинской академіей въ 1797 г., далъ названіе *кольбертизма*. „Кольберъ,—говоритъ по поводу этой системы одинъ изъ новыхъ историковъ политической экономіи,—въ первое время своего министерства не былъ ея приверженцемъ, потому что всѣ правительственныя мѣры этого времени благопріятствовали свободѣ торговли. И только тогда, когда онъ захотѣлъ дать энергическій толчекъ французскимъ мануфактурамъ, онъ сталъ думать о томъ, какъ бы можно было воспользоваться для этого запрещеніемъ иностранныхъ произведеній. Всѣ фабриканты, заинтересованные въ повышеніи цѣны на товары, сдѣлались съ этого времени его помощниками и горячо принялись защищать систему, которая гарантировала имъ громадныя выгоды. Въ то же время и казна получала свою долю изъ пошлинъ, которыя были наложены на привозные товары, и этотъ союзъ еще болѣе содѣйствовалъ укрѣпленію общественнаго предразсудка“ (Бланки).

Но, какъ бы то ни было, система была осуществлена на практикѣ и дѣйствовала. Извѣстно, каковы были ея ближайшія послѣдствія и какъ они сдѣлались еще болѣе тягостными, — чего также не нужно забы-

вать,—вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ царствованія Людовика XIV. Кромѣ того, мы видѣли:

1) что Кольберъ, прежде чѣмъ сдѣлался министромъ, держался того мнѣнія, что для Франціи, если она желаетъ извлечь наибольшую выгоду изъ плодородія своей почвы, важно поддерживать съ другими государствами торговыя сношенія, безъ которыхъ, какъ онъ выражался, это плодородіе было бы безполезно, а часто и неудобно;

2) что и послѣ примѣненія своей системы на дѣлѣ онъ самъ увидѣлъ вредныя послѣдствія, какія проистекали изъ нея для земледѣлія;

3) что, по его мнѣнію, не нужно давать большой вѣры увѣреніямъ фабрикантовъ, всегда расположенныхъ требовать покровительства отъ правительства, и большихъ приверженцевъ монополіи;

4) наконецъ, онъ повысилъ пошлины для покровительства нѣкоторымъ производствамъ съ тою же цѣлью, съ какою обыкновенно даютъ *костыли* больнымъ и употребляютъ *помочи* для дѣтей, изъ чего слѣдуетъ, что онъ считалъ систему промышленнаго протекціонизма мѣрою въ сущности временною и переходною.

LV. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЮДОВИКА XIV.

(Сост. по соч. Гальярдена: „Histoire de Louis XIV“ и по соч. Ранке: „Französische Geschichte im Zeitalter der Reformation“).

Никакая отрасль государственныхъ дѣлъ во Франціи XVII-го столѣтія не требовала такихъ преобразованій, какъ судебная часть. Въ то время было множество судовъ: гражданскій и уголовный, судъ по вопросамъ финансовымъ и денежнымъ, судъ по вопросамъ пользованія водой и лѣсомъ, спеціальный военный судъ, морской судъ и въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, судъ ратуши и особый совѣщательный судъ изъ пяти выборныхъ лицъ по вопросамъ коммерческимъ.

Обращаясь въ частности къ гражданскому и уголовному судопроизводству, должно имѣть въ виду различіе между королевскими судами и судомъ свѣтскихъ и духовныхъ ленныхъ владѣльцевъ.

Патримоніальное или владѣльческое правосудіе представляло въ то время жалкіе обрывки прежняго леннаго права: послѣ исчезновенія большихъ леновъ оно сохранилось лишь во второстепенныхъ владѣніяхъ, гдѣ короли не нашли необходимымъ уничтожить эту привилегію. Однако, далеко не всѣмъ владѣльцамъ предоставлены были одинаковыя права: одни изъ нихъ пользовались высшимъ правосудіемъ, т. е. вѣдали какъ уголовныя преступленія, такъ и гражданскія; другіе же могли разсматривать лишь маловажные проступки своихъ подчиненныхъ.

Вообще это правосудіе было ограничено правомъ вмѣшательства королевскаго правосудія въ дѣла или преступленія извѣстнаго рода, кто бы ни былъ владѣлецъ виновнаго или истца и каково бы ни было мѣсто совершенія преступленія или проступка.

Наконецъ, рѣшенія феодальныхъ судовъ не были окончательными, ибо всегда можно было апеллировать на ихъ приговоры въ королевскій судъ. Королевскій же судъ, напротивъ, остался судомъ высшей инстан-

ціи, и его приговоры были безапелляціонны и окончательны. Королевскіе суды учреждены были повсюду, гдѣ были закрыты феодальные суды, а иногда они существовали и совмѣстно.

Въ королевскій судъ поступали апелляціонныя жалобы на всѣ низшія судебныя мѣста и феодальныя судилища, и одни только его рѣшенія считались неотмѣняемыми.

Королевскіе судьи первой инстанціи назывались превотами (prévôts), кастелянами (chatelains) и полицейскими судьями (prévôts de maréchaux). Королевскіе судьи апелляціоннаго суда іерархически раздѣлялись на нѣсколько классовъ: 1) байльи (baillis) или сенешалы (sénéchaux), два названія одной и той же должности; 2) окружные судьи (présidiaux) и 3) парламенты (parlaments). Каждому сенешальству были подсудны нѣсколько полицейскихъ судей; но рѣшенія ихъ не были окончательными и могли восходить на разсмотрѣніе верховнаго королевскаго суда, обязанности котораго вначалѣ были предоставлены одному только парламенту, а впослѣдствіи десяти. Эти парламенты находились въ слѣдующихъ городахъ: Парижѣ, Тулузѣ, Греноблѣ, Бордо, Дижонѣ, Руанѣ, Реннѣ и Метцѣ. Таковы были такъ называемые полноправные суды. Но количество дѣлъ, поступавшихъ въ нихъ, нерѣдко было слишкомъ велико для чиновниковъ; кромѣ того, удаленность этихъ судовъ, особенно въ округѣ, подчиненномъ парижскому парламенту, дѣлало болѣе чѣмъ призрачнымъ право всякаго прибѣгать къ защитѣ этого верховнаго судилища. Генрихъ II-й думалъ устранить оба названные недостатка учрежденіемъ окружныхъ судовъ, юрисдикція которыхъ представляла нѣчто среднее между уѣзднымъ судомъ и парламентомъ. Окружный судъ рѣшалъ безапелляціонно часть наименѣе важныхъ дѣлъ. Нетрудно понять, какую путаницу производило совмѣстное существованіе этихъ двухъ правосудій: королевскаго и феодальнаго, изъ которыхъ первое зачастую проникало въ область вторагo. Различныя градаціи юридическихъ инстанцій также не были достаточно разграничены, ибо во многихъ случаяхъ апелляціонные суды дѣйствовали подобно судамъ первой инстанціи, или же рѣшеніе перескакивало прямо чрезъ двѣ или три инстанціи, какъ, напримѣръ, это дѣлалось въ Парижѣ, гдѣ рѣшенія полицейскаго судьи поступали прямо на разсмотрѣніе парламента.

Но, какъ кажется, самое большое зло заключалось въ медленности и изворотахъ всей судебной процедуры, въ привилегіяхъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ и въ алчности судейскихъ чиновниковъ.

Людовикъ XIV дѣятельно занялся судебной реформой. Коммиссары его совѣта, между которыми должно отмѣтить Пюссора, дядю Кольбера, главнаго судью въ дѣлѣ Фуке, давно уже были заняты подготовительными работами; кромѣ того, было спрошено мнѣніе самыхъ отдаленныхъ парламентовъ, и депутаты всѣхъ палатъ парижскаго парламента были приглашены на конференцію къ канцлеру для представленія своихъ замѣчаній. Если возникало какое-нибудь затрудненіе, то оно доводилось до свѣдѣнія короля, который самъ рѣшалъ его. Собственно говоря, онъ одинъ двигалъ все дѣло, ибо большая часть чиновъ судебнаго вѣдомства, считая эту реформу противною своимъ интересамъ, пользовалась всѣми возможными средствами, чтобы затормозить совершающееся преобразованіе. Общественное мнѣніе, наоборотъ, возлагало большія надежды на эту реформу и выражало свои чувства хвалебными гимнами, которые

печатались на всевозможныхъ языкахъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ латинская поэма нѣкоего Флешье.

Первымъ плодомъ этой настойчивой работы явился кодексъ Людовика (апрѣль 1667 г.) или уставъ гражданскій (Code Louis, Code civile). Этотъ кодексъ имѣетъ цѣлью, говорится въ предисловіи, ускорить судопроизводство, уничтожить множество лишнихъ формальностей, искоренить разнообразіе въ приговорахъ суда, избавить семьи отъ ябедниковъ,—другими словами: имѣетъ цѣлью улучшить бытъ народонаселенія и *ввести однообразіе во всѣ суды и трибуналы*. Не должно относиться съ пренебреженіемъ къ этой попыткѣ; сколь ни скрытно достигалась ею идея единства правосудія, во всякомъ случаѣ должно отмѣтить заботливость Людовика XIV-го объ общемъ благѣ, — заботливость, особенно ярко выразившуюся во всѣхъ дальнѣйшихъ его работахъ.

Во-первыхъ, всѣ судебныя мѣста были предупреждены, что отнынѣ законодательная власть принадлежитъ всецѣло одному только королю, и что имъ не предоставлено права ни отмѣнять его приказанія, указы, объявленія и другіе акты, ни даже перетолковывать ихъ. Ихъ собственные взгляды ничуть не должны замедлять примѣненіе того, на что рѣшился король, разъ только онъ не перемѣнилъ своего рѣшенія. Когда они встрѣчаютъ въ законѣ какой-нибудь сомнительный параграфъ, они отнюдь не должны сами перетолковывать его, а обязаны обратиться къ королю съ просьбой подробнѣе выяснить свой взглядъ. Установивъ этотъ принципъ, король принялся искоренять злоупотребленія и прежде всего обратилъ вниманіе на нравственныя качества и познанія судейскихъ чиновниковъ; отнынѣ особымъ приказомъ воспрещалось приставамъ имѣть въ качествѣ помощниковъ людей, не умѣющихъ писать, а тѣмъ изъ приставовъ, которые сами не умѣли ни читать, ни писать, предписано было удалиться вовсе отъ службы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ король обратилъ особое вниманіе на медленность судопроизводства, эту наиболѣе опасную выдумку крючкотворства: были установлены сроки для вызововъ сторонъ и отсрочекъ въ судахъ всѣхъ инстанцій.

Особенно велика была бдительность преобразователя относительно лихоимства, и это самое указывало, насколько это обстоятельство было дѣйствительно вѣрно.

Забота о народномъ благѣ выразилась въ слѣдующихъ распоряженіяхъ: Отмѣна личнаго задержанія за долги и смягченіе строгости конфискаціи имущества. Всякому лицу, имущество котораго описывается за долги, оставляется для поддержанія жизни корова, три овцы или двѣ козы, постель и все носильное платье. Еще большею гуманностью отличались постановленія относительно земледѣльческаго сословія. Здѣсь чувствовалось вліяніе Кольбера, настойчивость котораго видна во всѣхъ относящихся сюда постановленіяхъ: „лошади, быки и другой рабочій скотъ, а также телѣги, повозки и рабочіе инструменты, необходимые при обработкѣ и культивированіи земли, виноградниковъ и луговъ, не могутъ быть описываемы ни въ какомъ случаѣ, подъ страхомъ штрафа въ 50 золотыхъ и уплаты всѣхъ судебныхъ издержекъ со стороны истца и судебнаго пристава“.

Уголовное законодательство заслуживало еще большаго вниманія, нежели гражданское, ибо уголовные законы не только „обезпечиваютъ общественное спокойствіе и мирное пользованіе собственностью, но сдер-

живаютъ также въ должныхъ предѣлахъ преступные элементы общества, которые утратили сознаніе собственныхъ обязанностей". Уже въ однихъ интересахъ этой безопасности Кольберъ организовалъ въ Парижѣ новую полицію. Разбой, отмѣченный въ сатирахъ Буало, безнаказанно практиковался каждую ночь въ большомъ городѣ; ношеніе оружія, дозволенное безъ разбора всякому лицу, благопріятствовало совершенію преступленій. Король возобновилъ древнія правила, давно вышедшія изъ употребленія по небрежности властей, и подкрѣпилъ ихъ новыми постановленіями, стѣснявшими ношеніе оружія и предписывавшими очищеніе и освѣщеніе улицъ и надзоръ за ними. Онъ учредилъ полицейскій совѣтъ подъ предсѣдательствомъ суперинтенданта и вскорѣ назначилъ особаго начальника полиціи съ титуломъ генералъ-лейтенанта. Полномочія этого чиновника дѣлали его главнымъ стражемъ города и главой суда, въ который поступали всѣ дѣла, касавшіяся нарушенія общественнаго спокойствія. Квартальные надзиратели помогали ему при исполненіи его обязанностей и доносили ему обо всемъ, что дѣлается въ городѣ. Съ именемъ Ла-Рени началась для парижской полиціи съ 1667 года новая эра, и съ тѣхъ поръ она прославилась своей ловкостью и энергіей въ открытіи преступниковъ. Но реформа была бы неполна, еслибы по всей Франціи не была обезпечена возможность арестовывать и наказывать злоумышленниковъ — два существенныхъ условія, безъ которыхъ немыслимы порядокъ и благосостояніе общества и которыя, къ сожалѣнію, часто отсутствуютъ, благодаря потворству и небрежности властей и медленности суда.

Особенно обвиняли чиновниковъ, обязанность которыхъ спеціально заключалась въ отдачѣ подъ судъ всѣхъ бродягъ и людей безъ занятій и опредѣленнаго мѣстожительства. Эти чиновники больше вредили, чѣмъ служили на пользу обществу. „Этихъ господъ", говоритъ Ламуаньонъ, „должно опасаться гораздо больше, чѣмъ самихъ воровъ"; самыя ужасныя уголовныя преступленія избѣгали преслѣдованія закона, благодаря ихъ содѣйствію. Подобныя жалобы побуждали короля закончить свои реформы и въ этомъ направленіи. Совѣтъ, съ Пюссоромъ во главѣ, продолжалъ свои работы по законодательнымъ вопросамъ, и въ 1670 году окончилось составленіе уголовнаго устава.

Уголовный уставъ главнымъ образомъ задался цѣлью опредѣлить компетентность судей, ускорить судопроизводство, пресѣчь корыстолюбіе чиновниковъ и судей, облегчить участь заключенныхъ, жестоко притѣсняемыхъ тюремными властями, и устрашить преступныхъ людей суровымъ приведеніемъ въ исполненіе судебныхъ приговоровъ. Можно, правда, упрекнуть уголовный уставъ въ томъ, что онъ не уничтожилъ суровыхъ наказаній, особенно пытки; однако за нимъ нужно признать ту заслугу, что онъ вступилъ на путь гуманности и обезпечилъ узникамъ лучшее содержаніе и защиту отъ корыстолюбія, жестокости или алчности лицъ, приставленныхъ оберегать ихъ. Воспрещено было заключать въ тюрьму или сажать на цѣпь безъ письменнаго на то приказанія судьи. Тюремщики и сторожа обязаны были посѣщать узниковъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ день, дабы констатировать состояніе ихъ здоровья и отмѣчать больныхъ, имѣющихъ нужду во врачѣ или въ болѣе здоровомъ помѣщеніи. Королевскіе прокуроры и прокуроры ленныхъ владѣльцевъ также обязаны были посѣщать темницы одинъ разъ въ недѣлю для опроса жалобъ заключенныхъ.

Общественная польза требовала, послѣ того, какъ столько преступленій остались безнаказанными, чтобы всѣ преступники были предупреждены, что отнынѣ приговоры будутъ всегда приводимы въ исполненіе и что отъ нихъ нельзя будетъ отдѣлаться, прибѣгнувъ къ монаршему помилованію.

Въ разсматриваемый періодъ во Франціи были еще провинціи, гдѣ продолжало господствовать совершенное безправіе, гдѣ идея королевской власти еще не получила своего осуществленія, гдѣ фактически не признавалось или—вслѣдствіе безпорядковъ послѣдней гражданской войны—было снова забыто, что страною правитъ король. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ считалось даже признакомъ хорошаго тона самому, помимо государственныхъ учрежденій, охранять свои интересы; частная месть была явленіемъ обыденнымъ, и часто убійства оставались ненаказанными; дворянство, владѣтельные классы, опираясь на присвоенныя себѣ права, дозволяли себѣ всевозможныя насилія по отношенію къ низшимъ классамъ. Самъ король говорилъ, что существуютъ округи, гдѣ законъ и справедливость пренебрегаются, слабый нигдѣ не находитъ себѣ защиты противъ сильнаго, и преступленіе остается ненаказаннымъ.

Въ особенности пользовались дурною славою въ этомъ отношеніи удаленные отъ центра судебные округа парижскаго парламента и болѣе всѣхъ—Овернь, гдѣ введеніе необходимыхъ государственныхъ учрежденій уже не разъ встрѣчало сильное сопротивленіе со стороны дворянства. Король рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ судебнымъ засѣданіямъ для пресѣченія притѣсненій и насилій; засѣданія носили названіе „grands jours“—„великіе дни“. Съ этою цѣлью избрана была коммиссія изъ парижскаго парламента, въ составъ которой вошли шесть совѣтниковъ, президентъ, товарищъ генералъ-прокурора и нѣкоторые другіе члены; коммиссія эта отправилась въ Клермонъ, „чтобы тамъ въ качествѣ торжественныхъ ассизовъ“, какъ выразился Кольберъ въ одномъ изъ писемъ къ президенту коммиссіи, подвергнуть должному взысканію виновныхъ, не исключая и плохихъ судей, оказать заступничество невиннымъ и вообще внушить уваженіе къ правосудію.

Какъ въ провинціи, такъ и при дворѣ особенно ненавистно было имя Конильяковъ, и потому первою жертвою правосудія былъ виконтъ де-ла-Мотъ де-Конильякъ, своими злодѣяніями уже давно заслужившій смертную казнь. Обвиненный въ убійствѣ, онъ былъ осужденъ на смертную казнь, чтобы показать этимъ наиболѣе рѣзкій примѣръ правосудія. Самъ судъ произнесъ свой приговоръ почти противъ воли; равнымъ образомъ и въ странѣ возбудилось нѣкоторое сочувствіе: хотя де-ла-Мотъ и не имѣлъ никакого политическаго значенія, тѣмъ не менѣе жертвою правосудія палъ представитель знатной аристократической фамиліи.

Первый актъ строгости произвелъ весьма сильное впечатлѣніе въ провинціи. Всѣ, которые до того времени чувствовали себя подъ гнетомъ произвола своихъ владѣтелей, вздохнули свободнѣе и стали заявлять жалобы противъ своихъ притѣснителей: народъ къ этому приглашался особыми указами, объявляемыми въ церквахъ. Обвиненныхъ повсюду арестовывали: предсѣдатель судебной коммиссіи гордился тѣмъ, что подвергнулъ аресту одного изъ своихъ родственниковъ; этимъ онъ хотѣлъ показать, что онъ не руководится никакими личными соображеніями, когда дѣло касается службы королю. Такимъ образомъ авторитетъ

закона былъ признанъ и въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ о законахъ въ продолженіи столѣтій не знали ничего. Теперь появленіе представителя закона оказывало большее дѣйствіе, чѣмъ прежде появленіе цѣлаго вооруженнаго отряда. Неприступнѣйшіе замки растворялись передъ ними. Многіе убѣгали отъ суда; въ этомъ случаѣ надъ ними постановляли приговоръ заочно (in contumatiam). Начато было до 12,000 дѣлъ, и многія изъ нихъ были рѣшены, — нерѣдко съ большею снисходительностью, чѣмъ можно было ожидать, такъ какъ главная задача судебной коммиссіи состояла въ томъ, чтобы возстановить уваженіе къ правосудію, чтобы каждый чувствовалъ, что надъ нимъ есть судья.

Въ крестьянахъ внезапно пробудилось сознаніе собственнаго достоинства. Они начали тяжбы со своими владѣльцами, требовали возвращенія земель, проданныхъ ихъ предками три или четыре поколѣнія тому назадъ: они полагали, что король ни одно сословіе не цѣнитъ такъ высоко, какъ крестьянское. Судъ принялъ на себя разсмотрѣніе важнѣйшей изъ ихъ просьбъ, — именно объ облегченіи барщины.

Чрезвычайныя сессіи были не въ одной только Оверни, но также и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ. Судебныя учрежденія еще разъ являлись опорою и союзниками королевскаго авторитета.

Между прочими общественными неурядицами, подлежавшими безотлагательному устраненію, должно отмѣтить прежде всего уничтоженіе лѣсовъ, благодаря небрежности властей и контрабандѣ; эти явленія угрожали государству и частнымъ владѣльцамъ серьезнымъ ущербомъ. Король рѣшился регламентировать эти вопросы составленіемъ яснаго и обстоятельнаго кодекса, въ который должны были войти лучшіе указы его предшественниковъ и новыя постановленія, выработанныя опытными его помощниками. Его совѣтъ работалъ энергично по этому вопросу одновременно съ составленіемъ уставовъ гражданскаго и уголовнаго, и въ промежутокъ между ними, въ августѣ 1669 года, явился уставъ „о рѣкахъ и лѣсахъ“.

Еще при Филиппѣ-Августѣ и позже при Карлѣ V существовала должность надсмотрщика надъ лѣсами и рѣками; на обязанности этихъ надсмотрщиковъ лежало наблюденіе за исполненіемъ королевскихъ предписаній. Кромѣ того, существовалъ еще особый судъ, вѣдавшій злоупотребленія, совершаемыя въ лѣсномъ и рѣчномъ хозяйствѣ страны; судъ этотъ назывался судомъ мраморнаго стола, ибо онъ засѣдалъ въ одной изъ залъ парламента, украшенной мраморнымъ столомъ. Уставъ о рѣкахъ и лѣсахъ прежде всего расширилъ и упрочилъ эти два учрежденія. Юрисдикція ихъ была объявлена независимой. Судьи, учрежденные для надзора за рѣками и лѣсами, будутъ разсматривать всѣ какъ гражданскія, такъ и уголовныя преступленія, касающіяся означеннаго предмета, а равно и преступленія противъ законовъ охоты и рыбной ловли, совершенныя не только на королевскихъ земляхъ, но и на территоріи епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, принцевъ и вообще всѣхъ частныхъ владѣтелей. Всѣ остальные королевскіе суды, даже парламентъ, не имѣли права входить въ разсмотрѣніе дѣлъ подобнаго рода. Лѣса и рѣки были раздѣлены на гроссмейстерства и судебные округа, разбитые на болѣе мелкіе участки или мейстерства. Гроссмейстеры и ихъ помощники обязаны были ежегодно посѣщать лѣса и рѣки ввѣреннаго имъ округа, составлявшіе собственность короля и другихъ владѣльцевъ;

они обязаны были надзирать за поведеніемъ подвѣдомственныхъ имъ надсмотрщиковъ, слѣдить за правильнымъ веденіемъ реэстровъ, начатыхъ дѣлъ, принимать рапорты и другіе акты, касающіеся всевозможныхъ злоупотребленій въ лѣсномъ и рѣчномъ хозяйствѣ страны.

Главная цѣль вводимыхъ порядковъ безспорно опредѣлялась желаніемъ сберечь лѣса и обезпечить возможность водянаго сообщенія. Людовикъ XIV и Кольберъ придавали огромное значеніе рѣчному сообщенію, какъ это видно изъ многихъ параграфовъ новаго устава.

„Гроссмейстеры обязаны посѣщать наши судоходныя и сплавныя рѣки, а равно и всѣ проѣзжія дороги, рыбныя ловли и мельницы, дабы лично убѣдиться, нѣтъ ли гдѣ какихъ приспособленій, могущихъ препятствовать судоходству и сплаву".

Позже король объявилъ себя владѣтелемъ всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, не взирая на права того лица, которому онѣ раньше принадлежали. Владѣльцы или арендаторы не имѣли права устраивать мельницъ, плотинъ, шлюзовъ и всевозможныхъ загражденій на рѣкахъ судоходныхъ или сплавныхъ, протекавшихъ въ ихъ владѣніяхъ; равнымъ образомъ строго было воспрещено засорять рѣки сбрасываніемъ въ нихъ сора или какихъ-либо нечистотъ. Накопленіе на берегахъ нечистотъ наказывалось также взиманіемъ штрафа.

Охота и рыбная ловля были регламентированы особо въ общемъ уставѣ о лѣсахъ и рѣкахъ.

Ничто не было измѣнено въ привилегіяхъ и запрещеніяхъ, которыя были установлены на этотъ предметъ. Рыбная ловля и охота остались попрежнему исключительной привилегіей духовенства и дворянства. Охота попрежнему оставалась запрещеннымъ плодомъ для купцовъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, крестьянъ — словомъ, для всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ числу ленныхъ владѣльцевъ.

Но если уставъ „о водахъ и лѣсахъ" и не уничтожалъ сословной розни, за то этотъ уставъ являлся шагомъ впередъ въ дѣлѣ гуманности и уничтоженія старыхъ звѣрскихъ законовъ. Штрафы, тюремныя заключенія и временныя изгнанія оставлены были во всей силѣ, но зато уставъ отмѣнялъ смертную казнь, каково бы ни было преступленіе и если къ нему не примѣшивалось другаго преступленія, за которое по закону слѣдовало это наказаніе. Благодаря этому обстоятельству, уставъ этотъ занимаетъ первое мѣсто въ законодательномъ прогрессѣ XVII столѣтія.

Другое обстоятельство обусловило также важность этого устава. Онъ приводилъ въ порядокъ и ввелъ въ дѣйствіе всѣ наилучшія узаконенія предшествующихъ царствованій; кромѣ того, въ этотъ же кодексъ были включены новыя постановленія, внушенныя опытомъ и тщательно обдуманныя. Такимъ образомъ, этотъ уставъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ. Дѣйствительно, этотъ уставъ отмѣнялъ все то, что не вошло въ его параграфы, и соединилъ въ одно цѣлое всѣ постановленія о водахъ и лѣсахъ. Это единство, столь рѣдкое въ законодательствѣ, эта точность, столь благопріятствующая практическому примѣненію, дали жизнь всему кодексу или, по крайней мѣрѣ, большей его части и обезпечили его существованіе даже послѣ французской революціи; только въ 1826 году этотъ кодексъ былъ замѣненъ новымъ.

Благодѣтельное и энергическое движеніе, оживившее, благодаря Коль-

беру, французскую торговлю, настоятельно требовало созданія новаго торговаго устава или, по крайней мѣрѣ, дополненія стараго новыми постановленіями. Людовикъ XIV со свойственной ему заботливостью о благѣ всѣхъ подданныхъ своего государства, обратилъ должное и своевременное вниманіе на это обстоятельство. Когда торговля, этотъ источникъ общественнаго благосостоянія, начала процвѣтать, тогда слѣдовало позаботиться объ упрочении ея развитія, обезпечивъ негоціантовъ отъ мошенничества и устранивъ тѣ затрудненія, которыя они терпѣли отъ медленности коммерческаго суда, причемъ расходы по веденію дѣла поглощали обыкновенно сумму иска. Торговый уставъ, хотя и былъ обнародованъ въ 1673 году, очевидно былъ подготовленъ въ одно время съ другими уставами: этотъ уставъ также имѣлъ счастіе пережить свое время. Онъ положенъ въ основаніе современнаго французскаго коммерческаго кодекса. Законодатель 1807 года слѣдилъ почти шагъ за шагомъ за трудомъ Людовика XIV, заимствовавъ у него не только изрядное количество основныхъ постановленій, но даже и цѣлыя фразы и выраженія.

Торговый уставъ сохранилъ гроссмейстерства, но вѣдь и время еще не требовало ихъ уничтоженія. Уставъ стремился, по крайней мѣрѣ, узаконить это старинное учрежденіе и требовалъ, чтобы кандидаты, желавшіе поступить въ это учрежденіе, подверглись извѣстнаго рода экзамену. Кандидатъ долженъ былъ доказать свои познанія въ веденіи бухгалтерскихъ книгъ по двойной и простой системамъ, въ банковыхъ операціяхъ; отъ него требовалось, кромѣ того, знаніе ариѳметики, особливо отдѣла о мѣрахъ и вѣсахъ и практическія свѣдѣнія относительно качества товаровъ, установленныя парламентскими указами. Купцу, въ виду ихъ собственнаго же интереса, не имѣли права открывать покупщикамъ кредитъ на неопредѣленные сроки. Торговыя книги купцовъ, негоціантовъ и банкировъ должны были быть засвидѣтельствованы, перенумерованы и снабжены печатями особыхъ судей; по истеченіи шести мѣсяцевъ съ обнародованія устава, онѣ должны были быть возобновлены и приведены въ соотвѣтствіе съ новыми постановленіями.

Банковымъ чиновникамъ и мѣняламъ запрещено было заниматься спекуляціей; кромѣ того, означенную должность не могло занимать лицо, подвергавшееся заключенію за долги или обанкрутившееся. Уставъ организовалъ образованіе, устройство и ликвидацію торговыхъ обществъ, равно какъ и массу другихъ коммерческихъ сдѣлокъ. Злостные банкроты преслѣдовались съ особенною строгостью, и ихъ наказывали смертною казнью.

Торговый уставъ, подобно современному французскому кодексу, оканчивается организаціей коммерческаго суда. Въ моментъ его обнародованія во Франціи существовало 43 особыхъ суда для разбора коммерческихъ сдѣлокъ; позже это число доходило до 78. Людовикъ XIV желалъ, чтобы юрисдикція этихъ судовъ была однообразна и потому повелѣлъ всѣмъ означеннымъ судамъ руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ указомъ Карла IX 1563 г. и всѣми другими указами, утвержденными парламентомъ. Суды эти разсматривали всѣ векселя, выданные купцами и негоціантами, всѣ запродажныя сдѣлки, заключенныя между купцами, ремесленниками и производителями, контракты съ работниками и служащими, ярмарочныя сдѣлки и т. д.

Торговый уставъ, дабы еще болѣе обезпечить за этими судами ува-

женіе общества, воспретилъ назначеніе въ составъ ихъ лицъ, подвергшихся уже однажды заключенію въ тюрьму за долги или вообще обанкрутившихся.

LVI. ДВОРЪ ЛЮДОВИКА XIV И ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ЕГО НАУКАМЪ И ИСКУССТВАМЪ.

(Изъ соч. Анри Мартена: „Histoire de France“, т. XIII).

Французскіе историки до революціоннаго періода часто заслуживали упрекъ въ томъ, что они писали исторію дворовъ вмѣсто исторіи націй. Эту привычку они усвоили подъ вліяніемъ Людовика XIV; ихъ точка зрѣнія, столь ложная въ примѣненіи къ далекому прошлому, была почти вѣрна относительно лучшихъ годовъ царствованія великаго короля. Въ тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, Франція, казалось, была поглощена дворомъ, а дворъ—королемъ, и чтобы понять національное движеніе этого вѣка и судить объ немъ, нужно непремѣнно стать на ступеняхъ трона.

Во французскихъ лѣтописяхъ дворъ былъ, такъ сказать, одеждой монархіи, измѣнившейся въ разныя эпохи, по мѣрѣ того, какъ преобразовывалась монархія; каждая изъ фазъ жизни двора соотвѣтствовала какому-нибудь соціальному или политическому перевороту. Въ средніе вѣка, когда монархія была раздѣлена на большіе лены, а большіе лены на маленькія феодальныя помѣстья, изолированность была сначала правиломъ, а жизнь въ обществѣ исключеніемъ. Только въ извѣстныя эпохи и въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ мелкіе дворяне собирались вокругъ крупныхъ, или же крупные собирались вокругъ короля, когда онъ устраивалъ извѣстныя королевскія засѣданія (cour plenière). Прогрессъ общественности мало-по-малу совпадалъ съ прогрессомъ силы и богатства королей, и первые Валуа окружали себя высшимъ дворянствомъ на цѣлые сезоны, осуществляли идеалъ придворной жизни согласно съ рыцарскими правами. Все это рушилось во время столѣтней войны. Когда монархія возстановилась, то Людовикъ XI, совершенная противоположность рыцарства, не имѣлъ двора. Дворъ постепенно преобразовался при слѣдующихъ царствованіяхъ и достигъ невиданнаго блеска при Францискѣ I, въ которомъ новые нравы *возрожденія* соединялись съ остатками рыцарскихъ преданій. Монархія XVI вѣка является окруженною замѣчательными личностями, принцами и правителями, которые, будучи всѣмъ обязаны монархіи, имѣли, однако, большое личное значеніе, которое при слабыхъ преемникахъ Франциска I усилилось до такой степени, что породило сильныя партіи. Этотъ монархическо-аристократическій дворъ, въ свою очередь, исчезъ во время религіозныхъ войнъ. При Людовикѣ XIII существовалъ небольшой дворъ, или даже вовсе не было двора. Какъ Людовикъ XI послѣ войнъ съ англичанами, такъ Ришелье послѣ религіозныхъ войнъ постоянно стремились къ тому, чтобы поразить и устрашить высшее дворянство, т. е. существенный элементъ двора. По смерти Ришелье неудавшаяся реакція фронды показала всѣмъ безсиліе дворянской партіи. Съ этого времени монархія могла собрать высшее дворянство вокругъ себя; она имѣла силу сообщить ему такой видъ, какой былъ желателенъ для нея.

Людовикъ XIV понялъ это и съ свойственной ему вѣрностью взгляда и настойчивостью рѣшился взять въ свои руки все высшее дворянство, обязавши его, съ одной стороны, присоединиться ко двору и окружать короля въ качествѣ постоянной свиты, а съ другой—правильно служить въ арміи, на условіяхъ, совершенно противныхъ дворянскимъ привычкамъ, предразсудкамъ и претензіямъ.

Послѣдствія этихъ нововведеній были чрезвычайно значительны. Въ провинціяхъ прекратились дворянскія интриги; въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ уже не жили больше знатные дворяне, ихъ преобладаніе или традиціонное вліяніе исчезло; прекратилась прежняя жизнь въ зàмкахъ, когда мелкіе дворяне играли роль домашней прислуги, знатные синьоры, разоряемые все возраставшею роскошью двора, которая ставила ихъ въ большую зависимость отъ королевскихъ милостей, не имѣли уже ни средствъ, ни надобности держать у себя и содержать на свой счетъ мелкое дворянство. Феодальныя отношенія имѣли слѣдующій, и на этотъ разъ уже дѣйствительный, конецъ: всѣ *дома* были поглощены домомъ короля, въ которомъ все высшее дворянство было домашнею челядью. Мелкое дворянство, уже стѣсненное постоянно усиливавшеюся дороговизной всѣхъ предметовъ и увеличеніемъ искусственныхъ потребностей, увидало, что оно опять должно заботиться о содержаніи всѣхъ своихъ младшихъ дѣтей. Король и въ особенности Кольберъ хотѣли, чтобы оно искало для себя рессурсовъ въ торговлѣ; но оно не бралось за торговлю и не принимало никакихъ другихъ честныхъ рессурсовъ, кромѣ службы въ арміи, которую оно наводнило собою. Крупные дворяне, въ свою очередь, сильно обремененные долгами, тоже очутились на рукахъ короля. Все это хотя имѣло громадныя политическія выгоды, представляло, однако, и важныя финансовыя затрудненія въ будущемъ: монархія должна была кормить всѣхъ этихъ людей на счетъ народа. Наступаетъ слабое и безпорядочное царствованіе, и можно уже предсказать, что монархія превратится въ общую эксплуатацію Франціи придворными, составившими между собою лигу.

Но кто изъ окружающихъ юнаго и торжествующаго монарха думаетъ объ этихъ далекихъ случайностяхъ? Теперь же король вполнѣ достигъ своей цѣли и довершаетъ общіе результаты своей внутренней политики нѣсколькими спеціальными мѣрами, изъ которыхъ самою замѣтною былъ трехлѣтній срокъ службы губернаторовъ, котораго требовали собранія сословій 1614 г. Военныя должности губернаторовъ въ городахъ и провинціяхъ, пожизненныя по праву, на практикѣ сдѣлались наслѣдственными вслѣдствіе старинныхъ традицій, перешедшихъ въ обычай, и едва не воскресили феодализма. Людовикъ XIV давалъ эти должности только на три года, и срокъ этотъ могъ быть продолженъ только по особому новому распоряженію; такимъ образомъ Людовикъ XIV увѣнчалъ дѣло Ришелье, отнявши отъ этихъ военныхъ должностей всякій характеръ прямой или не прямой собственности, такъ что онѣ сдѣлались просто временной службой.

Людовику для достиженія успѣха не было надобности прибѣгать къ принужденіямъ. Ему достаточно было только дать понять ясно, что всѣ милости, какъ полезныя, такъ и почетныя, готовы у него для тѣхъ, которые живутъ при дворѣ и служатъ королю; но не одинъ только этотъ мотивъ находится у него въ распоряженіи: невыразимая привлекатель-

ность его двора дѣйствуетъ еще сильнѣе, чѣмъ матеріальный интересъ. Кто хоть разъ попробовалъ этой жизни, столь блестящей, одушевленной и разнообразной, тотъ уже не могъ оставить ея и возвратиться въ родное помѣстье безъ того, чтобы не умереть съ тоски и скуки; все казалось ледянымъ и мертвымъ вдали отъ этого восхитительнаго мѣста, которое представлялось городу и провинціи идеаломъ человѣческой жизни. Это былъ земной эдемъ, и для изгнаннаго изъ него не могло быть никакого утѣшенія. Здѣсь соединены всѣ удовольствія для тѣла и души, всѣ возбужденія воображенія и ума. Людовикъ собираетъ вокругъ себя не только привилегированныхъ по рожденію, но и всѣхъ тѣхъ, которые отличаются чѣмъ бы то ни было, умомъ, талантами, ученостью, даже блестящими недостатками, сопровождающими богатство. Соединить, чтобы царствовать — вотъ, по мнѣнію Людовика, правило великихъ правительствъ. Соединить все, чтобы все держать въ одной рукѣ, чтобы все сосредоточить въ себѣ—вотъ что задумалъ слѣлать и сдѣлалъ Людовикъ XIV. Всякая слава становится лучомъ, исходящимъ отъ королевскаго солнца, которое все беретъ отъ всѣхъ, но которое также даетъ свѣтъ всему своими горячими вибраціями, сообщаемыми всему его окружающему.

Людовикъ XIV одинаково искусно разсчиталъ свое поведеніе какъ относительно людей знатныхъ, такъ и относительно людей литературы. Онъ принялъ, призналъ и заставилъ служить своему величію ту важность, все увеличивавшуюся, которую пріобрѣли въ націи произведенія ума. Къ этому располагали его и личныя наклонности столько же, какъ и его политика. Онъ съ своимъ великимъ министромъ имѣютъ то общее, что они восполняли недостаточность своего образованія вѣрнымъ взглядомъ и естественнымъ вкусомъ; изъ нихъ Людовикъ, какъ кажется, былъ лучшимъ судьей въ литературѣ, а Кольберъ—въ изящныхъ искусствахъ. Людовикъ и Кольберъ шли по стопамъ Ришелье, стараясь поставить французскій языкъ и литературу въ то положеніе, о которомъ мечталъ кардиналъ-король. Людовикъ ставилъ свое честолюбіе въ томъ, чтобы воскресить въ глазахъ литературной Европы второй вѣкъ Августа, и ему принадлежитъ та честь, что онъ достигъ этого; онъ зналъ, что литература не бываетъ неблагодарною и что она доставляетъ покровительствующему ей государю популярность въ его государствѣ, а заграницей вліяніе менѣе прямое, но зато болѣе обширное и глубокое, чѣмъ вліяніе дипломатіи.

Итакъ и литература, подобно дворянству, была привлечена ко двору, съ тою только разницею, что то, что для дворянъ въ дѣйствительности было униженіемъ, для литераторовъ было повышеніемъ. Литераторы перестали быть домашнею челядью вельможъ и сдѣлались пенсіонерами короля; но это сдѣлано было не путемъ духовныхъ бенефицій, дававшихся съ разными уловками для полученія доходовъ какому-нибудь талантливому человѣку, но путемъ наличныхъ пенсіоновъ, назначаемыхъ всякому, кто считался достойнымъ поощренія. Конечно, этого нельзя было назвать независимостью; но это значило зависѣть только отъ того, отъ кого зависитъ все. Такимъ образомъ регулировано было въ большомъ масштабѣ то, что начали Ришелье и Мазарини.

Покровительство, оказываемое литературѣ, не ограничивалось только денежною помощью. Корпорація, оффиціально представлявшая литературу, именно французская академія, получала отъ Кольбера, бывшаго ея чле-

номъ, всякаго рода поощренія и милости. Король лично объявилъ себя покровителемъ академіи, которая сначала имѣла оффиціальнымъ покровителемъ канцлера Сегье, и поставилъ ее на ряду съ высшими государственными учрежденіями, давши ей право приносить ему поздравленія въ торжественныхъ случаяхъ „наравнѣ съ парламентомъ и другими высшими корпораціями". Въ обществѣ XVII вѣка, когда церемоніалъ игралъ столь значительную роль, это было нововведеніе, имѣвшее большое значеніе для достоинства литературы.

Между тѣмъ, рядомъ съ французской академіей возникла другая академія, сначала въ скромныхъ размѣрахъ. Это былъ *малый совѣтъ*, который учредилъ Кольберъ „для всѣхъ дѣлъ, касавшихся литературы". Въ этомъ ряду величій, окружающихъ короля, *малая академія* будетъ составлять надписи для памятниковъ, рисунки и надписи для медалей, будетъ задавать темы, которыя должны одушевлять художниковъ, сочинять эмблемы для праздниковъ и каруселей и составлять описанія ихъ, имѣвшія цѣлью ослѣплять королевскимъ блескомъ чужія страны. Наконецъ она будетъ приготовлять и редактировать исторію короля, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ приводить въ исполненіе планы, задуманные имъ. Академія надписей и изящной словесности, дѣло чисто-личной мысли и чисто-политической цѣли, впослѣдствіи освободилась отъ стѣсненій, заключавшихся въ ея происхожденіи, и сдѣлалась центромъ наукъ историческихъ, филологическихъ и археологическихъ, подобно тому, какъ французская академія была центромъ національной литературы.

Планъ Ришелье былъ такимъ образомъ расширенъ и обобщенъ. Была распространена на науки и искусства та дисциплина, которую онъ ввелъ въ литературу въ видахъ развитія французскаго языка. Англія показала примѣръ въ томъ, что касается науки, основавши *королевское общество* въ Лондонѣ (1662 г.). Людовикъ XIV и Кольберъ отвѣтили на это учрежденіемъ академіи наукъ (1666 г.). Эти два ученыя общества, прославившіяся столькими великими открытіями, должны были вступить между собою въ соперничество, чрезвычайно плодотворное для европейской цивилизаціи.

Академія живописи и скульптуры была учреждена въ 1648 г., при Мазарини; она получила отъ Кольбера новый уставъ; а въ 1671 г. была основана академія архитектуры. Методическій и регламентирующій духъ XVII вѣка предавался разнымъ иллюзіямъ насчетъ результатовъ, которые можетъ дать академическая дисциплина въ изящныхъ искусствахъ; но Кольберъ, тѣмъ не менѣе, оказалъ французскому искусству большую услугу, учредивши въ Римѣ отдѣленіе парижской академіи, которое, кажется, было придумано самимъ Пуссеномъ и въ которомъ молодые французскіе артисты развивали свои таланты среди образцовыхъ произведеній древнихъ и новыхъ, наполняющихъ Италію.

Благодѣянія, оказываемыя Людовикомъ и Кольберомъ литераторамъ, ученымъ и художникамъ, не ограничивались предѣлами королевства: король поручалъ своимъ посланникамъ отыскивать въ каждой странѣ людей, труды которыхъ заслуживали общественной награды. Одни изъ нихъ были привлекаемы во Францію почетными и выгодными положеніями, которыя имъ предлагались; другіе же получали денежные подарки и пенсіоны при самыхъ лестныхъ письмахъ отъ Кольбера, безъ всякихъ другихъ условій, кромѣ умалчиваемаго обязательства шумно свидѣтельствовать

о своей благодарности. Эффектъ, произведенный этою щедростью, которая сама отыскивала заслуги во всѣхъ концахъ Европы безъ различія національностей и вслѣдствіе которой французскій король оказывался покровителемъ литературной республики, былъ громаденъ и безъ всякаго сравненія превосходилъ матеріальные расходы. Отъ Рима и Флоренціи до Стокгольма — вездѣ раздавались похвалы Людовику Великому.

Матеріальныя благодѣянія и соціальныя преимущества, даваемыя литераторамъ и ученымъ, еще далеко не объясняютъ вполнѣ того вліянія, какое Людовикъ XIV оказывалъ на духъ своего времени. Ученымъ онъ щедро доставлялъ инструменты, необходимые для ихъ опытовъ и наблюденій, — и это все, что зависитъ отъ верховной власти; но для литературы и для искусствъ онъ могъ дѣлать и сдѣлалъ больше. Его дворъ представлялъ для нихъ среду, которая опредѣляла ихъ развитіе въ извѣстномъ направленіи. Вліяніемъ общей гармоніи двора король возбуждалъ въ нихъ тотъ духъ порядка, единства и важности, умѣряемой изяществомъ, который былъ въ немъ или который, такъ сказать, былъ его воплощеніемъ. Съ высоты трона онъ принялъ на себя интеллектуальное управленіе, принадлежащее избранному обществу, и сдѣлался наслѣдникомъ отеля Рамбулье, расширивши это наслѣдство. Какое огромное вліяніе должно было имѣть на произведенія ума и воображенія принятіе писателей и художниковъ въ эту среду придворной жизни, гдѣ все дышало величіемъ, вкусомъ и великолѣпіемъ, гдѣ все одушевляло, поддерживало и въ то же время сдерживало порывъ ума!

То же самое было и относительно духовенства, членовъ котораго, отличавшихся талантами и ученостью, король приближалъ къ своей особѣ, совершенно, однако, устраняя ихъ отъ политическихъ должностей. Церковные ораторы, начинавшіе подниматься до невиданной высоты, особенно много пріобрѣли, посѣщая подобное общество, и довершили свое освобожденіе отъ вульгарной декламаціи и схоластическаго педантизма. И въ моральномъ отношеніи духовенство не менѣе обязано Людовику, который вообще добросовѣстно пользовался правами, предоставленными королю конкордатомъ, и который дѣлалъ прелатами подданныхъ, наиболѣе способныхъ поднять уваженіе къ епископату. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать ему въ этомъ отношеніи, это — то, что, благодаря ему, многіе изъ этихъ прелатовъ не строго соблюдали каноническія правила, такъ какъ пребываніе ихъ при его дворѣ было для нихъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ пребываніе въ ихъ епархіяхъ.

Когда мы такимъ образомъ анализируемъ элементы этого двора, то не станемъ больше удивляться тому, что прежніе историки видѣли въ немъ всю Францію. Дворъ, по меньшей мѣрѣ, представлялъ въ миніатюрѣ всю Францію и былъ резюме всего ея блеска и могущества. Порядокъ, поддерживавшійся Людовикомъ XIV въ этомъ маленькомъ мірѣ, котораго онъ былъ душою, не менѣе интересенъ для изученія, чѣмъ самые элементы, изъ которыхъ состоялъ этотъ міръ. Этикетъ, не допуская тѣхъ чудовищныхъ стѣсненій, которыя терпѣлъ испанскій дворъ и которыя были бы невыносимы для французскаго духа, принялъ невиданные размѣры, пропорціональные увеличенію блеска монархіи. Число придворныхъ чиновъ и должностей, учрежденныхъ для службы при особѣ короля, увеличилось. Перегородки между различными классами уменьшились или приняли обратный видъ, а разстояніе между всѣми классами и королемъ

увеличилось. Разстоянія между классами, по крайней мѣрѣ, не прямо уменьшились, но зато они сдѣлались особенно рѣзкими во всемъ томъ, что сочтено было нужнымъ сохранить изъ нихъ, и въ то же время отъ высшихъ требовалось, чтобы они мягко и безъ грубости обращались съ низшими, и примѣръ въ этомъ отношеніи подавалъ самъ король. Этикетъ былъ разсчитанъ на то, чтобы возвышать монархію на счетъ аристократіи; онъ стремился дать перевѣсъ службѣ надъ рожденіемъ, отличіямъ, даваемымъ королевскою милостью, надъ тѣми, которыя даются происхожденіемъ. Герцоги и перы, титулъ которыхъ слабо напоминалъ крупное вассальство, хотя на дѣлѣ у нихъ не осталось и тѣни отъ него, производились королемъ въ большомъ числѣ съ тѣмъ, чтобы еще болѣе уменьшить ихъ важность; король поставилъ ихъ ниже маршаловъ, но чтобы вознаградить ихъ за это, поставилъ ихъ выше президентовъ высшихъ судовъ. Министры, вышедшіе изъ буржуазіи, осыпаны титулами и почестями и мало-по-малу были поставлены въ церемоніалѣ наравнѣ съ людьми знатнаго происхожденія, а затѣмъ даже съ самими герцогами, перами и высшими коронными офицерами. Въ арміи при производствѣ въ чины уже не дается предпочтенія высшему дворянству надъ мелкимъ, ни даже надъ буржуазіей, и военныхъ цѣнятъ по чину, а не по знатности. Однако нѣкоторыя почетныя прерогативы были удержаны за высшимъ дворянствомъ въ утѣшеніе за то, что дѣйствительная власть перешла отъ него въ руки буржуазіи. Голубая лента дается только людямъ древняго дворянства или тѣмъ, которые считаются происходящими отъ древнихъ родовъ; извѣстенъ прекрасный поступокъ маршала Фабера, который согласился скорѣе отказаться отъ ленты, чѣмъ скрыть свое плебейское происхожденіе. Допущеніе къ королевскому столу есть также привилегія знатности. *Указный камзолъ* есть костюмъ, принятый королемъ, и его никто другой, ни даже принцы крови, не могутъ носить безъ королевскаго указа; онъ жалуется какъ отличіе придворнымъ, поставленнымъ выше другихъ или своимъ рожденіемъ, или королевскими милостями, и онъ устанавливаетъ нѣкотораго рода равенство между всѣми тѣми, которыхъ король жалуетъ этимъ костюмомъ. Что же касается до людей, отличающихся только талантами и не имѣющихъ ни высокаго сана, ни знатнаго происхожденія, то наградами для нихъ служили неоффиціальныя милости, знаки интимнаго расположенія и почетной фамильярности; онъ чествуетъ ихъ частнымъ образомъ, какъ человѣкъ человѣка, удерживая, однако, и относительно ихъ оффиціальныя разстоянія ранговъ и положеній.

Дворъ есть мудреная и сложная машина, которою Людовикъ управляетъ съ царственнымъ искусствомъ. Всѣ слова, всѣ движенія, все поведеніе короля были разсчитаны по неизмѣнному плану, такъ однако, что это было незамѣтно и, можетъ быть даже, этого иногда не сознавалъ и самъ Людовикъ, такъ какъ его политика не требовала почти никакого усилія со стороны его инстинктовъ и естественно сливалась съ ними. Во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, среди малѣйшихъ обстоятельствъ жизни онъ всегда оставался королемъ, постигши чудесное искусство царствовать, секретъ котораго онъ нашелъ и унесъ съ собою. Ласковость никогда не оставляла его; ко всѣмъ онъ относился съ участіемъ и благорасположеніемъ; онъ былъ снисходителенъ къ недостаткамъ, которые легко могутъ быть исправлены; его царственное величіе

умѣрялось серьезною фамильярностью, и оно охраняло ту границу, которую хотѣло удержать, посредствомъ вѣжливости, всегда соблюдавшейся въ отношеніи другихъ. Онъ никогда не позволялъ себѣ колкостей и ироніи, которыя особенно жестоко обидны, когда выходятъ изъ устъ человѣка, которому нельзя отвѣтить. Для возбужденія въ французахъ усердія служить ему онъ умѣлъ пускать въ дѣло всѣ пружины, патріотизмъ, честолюбіе, самолюбіе, соревнованіе, даже лесть; но если онъ и льстилъ своимъ подданнымъ, то какъ король, а не такъ, какъ нѣкогда Людовикъ XI, перемѣняя роли.

Рѣшившись сдѣлать изъ своего двора типъ цивилизаціи и обезпечить за Франціей всеобщее преобладаніе ея нравовъ такъ же, какъ языка и литературы, онъ понялъ, что на общество кладетъ печать то положеніе, какое дается въ немъ женщинамъ, и тотъ способъ обращенія, какой наблюдается относительно ихъ. Своимъ собственнымъ примѣромъ онъ училъ всѣхъ самой утонченной вѣжливости въ обращеніи съ женщинами, хотя бы онѣ имѣли самое скромное положеніе. Онъ возвелъ въ систему благородную и серьезную галантность своей матери, испанки Анны Австрійской, внушившей ему вкусъ и привычку къ такой галантности. Тонъ и манеры при дворѣ, хотя менѣе натянутыя и болѣе свободныя, чѣмъ въ отелѣ Рамбулье, сдѣлались совершенно приличными и деликатными. Нравы пріобрѣли необыкновенную мягкость. Послѣдніе остатки старинной грубости и рѣзкости, производившіе такой странный диссонансъ еще при блестящемъ и артистическомъ дворѣ Франциска I, совершенно исчезли при Людовикѣ XIV, и французское общество въ первый разъ достигло настоящей гармоніи утонченныхъ нравовъ. Въ этотъ вѣкъ, столь удаленный отъ временъ рыцарства и среднихъ вѣковъ, вполнѣ осуществился рыцарскій идеалъ относительно манеръ и формъ. Праздники Людовика XIV превзошли все то, о чемъ мечтали романисты. Чтобы понять это, нужно перенестись мысленно на эти потѣшные бои, на которыхъ устранена была всякая опасность, такъ какъ игры, требовавшія силы, были замѣнены играми, требовавшими ловкости, на которыхъ самая блестящая молодежь состязалась въ граціи и ловкости передъ избраннымъ обществомъ женщинъ, блиставшихъ умомъ и красотою; нужно представить себѣ съ современными подробностями эти дни, полные восхитительныхъ зрѣлищъ, эти огненныя ночи, гдѣ огонь и вода, преобразованные въ рукахъ человѣка, производятъ тысячи эффектовъ въ рощицахъ, усѣянныхъ образцовыми произведеніями искусства, и въ эфемерныхъ дворцахъ, импровизированныхъ геніемъ машинистовъ и декораторовъ и гдѣ, наконецъ, волшебный блескъ, утомляющій зрѣніе, смѣняется самыми благородными удобствами ума, созданіями поэзіи, и какой еще поэзіи! Но, наконецъ, чтобы понять это, не нужно никогда упускать изъ виду величественной фигуры, рисующейся въ этой великолѣпной рамкѣ. Людовикъ всегда на сценѣ; всегда онъ центръ и принципъ всего. Является ли онъ въ миѳологическихъ балетахъ съ аттрибутами, заимствованными отъ бога солнца, скачетъ ли на лошади въ каруселяхъ въ вооруженіи героевъ древности, предсѣдательствуетъ ли на спектакляхъ и банкетахъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, съ большими развѣвающимися кудрями, въ своемъ широкомъ сюртукѣ, блестящемъ золотомъ и серебромъ, со множествомъ лентъ и перьевъ, въ костюмѣ, котораго театральная полнота еще болѣе возвышаетъ его величественную

осанку,—всегда его видъ и поступь имѣютъ нѣчто особенное; онъ всегда первый между всѣми. Вся его жизнь есть, такъ сказать, произведенiе искусства, размѣренное по ритму, полному гармонiи и величiя. Это была роль удивительно сыгранная, потому что онъ игралъ сознательно и, какъ дѣлаютъ великiе актеры, съ одушевленiемъ и въ то же время съ обдуманностью. Людовикъ служилъ образцомъ для самого себя, для двора, Францiи и для всего свѣта.

Сохранившiяся до насъ безчисленныя выраженiя общаго удивленiя свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ Людовика передъ этой многочисленной публикой. Лести не оставалось ничего больше, какъ только говорить то, что видѣли всѣ, и случай, почти единственный въ исторiи,—придворные могли быть искренними. Переходъ отъ справедливаго удивленiя къ слѣпому идолопоклонству былъ почти нечувствителенъ.

LVII. ЛУВУА И ПРЕОБРАЗОВАНIЯ ВЪ ОРГАНИЗАЦIИ АРМIИ.

(По соч. Дареста: „Histoire de France", по соч. Шерюэля: „Histoire de l'administration monarchique en France", t. II и др. соч.).

Сынъ статсъ-секретаря Летелье, долго заправлявшаго военнымъ министерствомъ, Франсуа-Мишель-Летелье маркизъ де-Лувуа, уже съ молодыхъ лѣтъ работалъ подъ руководствомъ отца своего, долго изучалъ науку военной администрацiи и, подобно Кольберу, обнаружилъ неутомимую дѣятельность. При вступленiи Людовика XIV въ самодержавное управленiе Францiей, завѣдыванiе военнымъ министерствомъ перешло въ руки Лувуа, и результатомъ его дѣятельности было то, что Францiя не только въ состоянiи была держать всегда наготовѣ цѣлыя армiи, но съумѣла также обезпечить за своими войсками превосходство передъ армiями всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ какъ въ отношенiи дисциплины, такъ и вообще въ организацiи.

„Величайшiй и суровѣйшiй изъ министровъ Людовика XIV" (по выраженiю одного изъ современниковъ), Лувуа представлялъ мало привлекательнаго. Вспыльчивый, завистливый, высокомѣрный, грубый, онъ своей безпощадной строгостью внушалъ всѣмъ ужасъ; полный презрѣнiя къ своимъ противникамъ, онъ былъ необходителенъ даже съ друзьями. Крайне честолюбивый и властолюбивый, онъ способенъ былъ жертвовать своему честолюбiю всѣмъ. Одинъ изъ современниковъ его (Сири) называетъ его „великимъ канцеляристомъ и великимъ скотомъ". Лувуа былъ двумя годами моложе Людовика XIV, милостями и довѣрiемъ котораго онъ пользовался, благодаря одинаковости возраста, своимъ талантамъ ловкаго царедворца, богатымъ природнымъ способностямъ, замѣчательной, не знавшей препятствiй, энергичности, способности овладѣть любой работой, а также благодаря безграничной твердости и силѣ воли, обнаруживавшейся при всякомъ критическомъ положенiи.

Реформы Лувуа во французской армiи сохраняли силу до самой революцiи 1789 года. Лувуа стремился въ сферѣ военной администрацiи провести вполнѣ идею централизацiи и единообразiя, подобно тому, какъ Кольберъ стремился провести ту же идею во всѣхъ другихъ сферахъ

внутренняго управленія. Но вообще стремленія и планы Лувуа были совсѣмъ иные, чѣмъ у Кольбера.

Въ то время, какъ Кольберъ занятъ былъ усовершенствованіемъ администраціи и увеличеніемъ народнаго богатства, Лувуа только и мечталъ о территоріальномъ приращеніи. Въ виду того, что Лувуа помогъ Людовику XIV пріобрѣсти великолѣпную армію и такъ какъ, благодаря ему, администрація ея стала болѣе точной, болѣе строгой и предусмотрительной, чѣмъ была она раньше, то можно сказать, что Лувуа былъ для Франціи главнымъ виновникомъ ея двадцатилѣтнихъ славныхъ военныхъ успѣховъ. Однако многіе переоцѣниваютъ значеніе его изобрѣтательнаго генія, приписывая ему многое такое, что было начато раньше его или окончено гораздо позже. Его главный талантъ состоялъ въ умѣньи усовершенствовать тотъ матеріалъ, который имѣлся у него подъ руками, и извлекать изъ него возможную выгоду.

Многія преобразованія въ арміи были уже окончены, когда онъ занялъ должность статсъ-секретаря. Недостатки старой системы, отмѣченные протоколами и постановленіями государственныхъ чиновъ, были исправлены въ царствованіе Людовика XIII. Многія важныя должности, привилегіи которыхъ сопряжены были съ большими неудобствами, были упразднены; начиная съ 1619 года, одному изъ статсъ-секретарей поручено завѣдываніе арміей, расширены права военныхъ коммисаровъ, созданы спеціальные интендантскіе чиновники, обязанные сопровождать войска при ихъ передвиженіяхъ. Тогда же обращено вниманіе на болѣе цѣлесообразное производство наборовъ, установлено равномѣрное распредѣленіе военныхъ повинностей, падавшихъ далеко не въ одинаковой степени на всѣ классы общества, на города и различныя провинціи, регулированы квартирный постой, доставка припасовъ и разныя другія обязательства обывателей по отношенію къ военной повинности. Великія войны, продолжавшіяся съ 1635 по 1659 годъ, повлекли за собою массу неизбѣжныхъ перемѣнъ и введеніе безконечнаго числа особыхъ постановленій. Лувуа, прошедшій школу своего отца Летелье, подвергъ окончательной обработкѣ эти постановленія и правила и привелъ въ исполненіе проекты, задуманные до него. Онъ придалъ этимъ преобразованіямъ характеръ стойкости и, по возможности, законченности.

Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ связалъ свое имя съ этими реформами. Онъ содержалъ въ мирное время гораздо болѣе значительное число войскъ чѣмъ это дѣлалось до тѣхъ поръ. Прежде, съ окончаніемъ войны, большая часть войскъ увольнялась по домамъ; съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, производились новые призывы. Людовикъ XIV измѣнилъ эту систему. Послѣ заключенія Пиренейскаго мира, хотя большинство солдатъ и было распущено, но почти всѣ офицеры оставлены были на службѣ, равно какъ и кадровыя части всѣхъ войскъ. Послѣ мира, заключеннаго въ Ахенѣ, подъ ружьемъ оставлено было 50 тыс. пѣхоты и 15 тыс. кавалеріи. Еще позже, по заключеніи Нимвегенскаго мира, это число было удвоено. Благодаря введенію этой системы, реализація которой могла осуществиться лишь благодаря финансовымъ реформамъ Кольбера, явилась возможность придать военному быту и связаннымъ съ нимъ учрежденіямъ устойчивый и законченный характеръ.

Дворянство, притязанія котораго причиняли столько затрудненій во время первыхъ военныхъ дѣйствій Ришелье, мало-по-малу дисциплини-

ровалось; нравы измѣнились: военная служба становилась серьезнымъ занятіемъ. Содержаніе постоянныхъ армій, въ теченіе 20 лѣтъ сряду, развило въ средѣ ея чувства послушанія и долга, которыя превращаютъ офицера или солдата въ особое существо, какъ бы въ члена особеннаго организма, столь рѣзко отличающагося ото всей остальной націи. Лувуа съумѣлъ сохранить и въ мирное время эти выгодныя условія. Сохраняя кадры и удерживая на службѣ короля, за опредѣленное жалованье, большую часть офицеровъ, онъ обезпечилъ странѣ возможность располагать во всякое время организованной силой, всегда готовой къ бою, сильной своими традиціями и своей дисциплиной,—результатъ громадный, еслибы къ нему не примѣшивалось неудобство, заключавшееся въ томъ, что такой порядокъ вещей поддерживалъ завоевательныя стремленія Людовика XIV и жажду славы, которую раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ и Лувуа, старавшійся еще болѣе раздувать ее въ немъ. Ришелье упразднилъ должность коннетабля, въ виду слишкомъ большой ея самостоятельности; Людовикъ XIV упразднилъ въ 1661 году должность главнаго начальника инфантеріи и сохранилъ за собою право пользоваться ея прерогативами, т. е. правомъ назначенія офицеровъ и т. п. Онъ сохранилъ званіе главнаго начальника кавалеріи, которымъ былъ Тюреннь, и должность генералъ-фельдцейхмейстера, которую занималъ герцогъ Мазарини, уменьшивъ, однако же, значительно ихъ самостоятельность и привилегіи. Вообще всѣ части войска и военной администраціи были подчинены непосредственно королю и его министру. Существенные недостатки арміи заключались въ независимомъ образѣ мыслей дворянства, въ его спорахъ изъ-за этикета, въ его притязательности и суетности, качествахъ, несовмѣстныхъ съ долгомъ повиновенія. Продажность военныхъ должностей, бывшихъ предметомъ частныхъ сдѣлокъ, являлась неизсякаемымъ источникомъ злоупотребленій. Лувуа обставилъ это дѣло строгими постановленіями и показалъ себя въ этомъ случаѣ безжалостнымъ. Онъ не признавалъ въ арміи ни важныхъ господъ, ни царедворцевъ. Для него всѣ должны были подходить подъ одинъ уровень. Вырвать продажность съ корнемъ было невозможно; онъ только ограничилъ ее, онъ рѣшительно воспретилъ торговлю низшими должностями, и увеличивъ обязанности офицеровъ, парализировалъ этимъ дурное вліяніе, которое могла имѣть продажа низшихъ военныхъ должностей на высшихъ чиновъ. Молодые дворяне должны были выдержать весьма строгій искусъ, служа предварительно простыми солдатами въ конвоѣ короля и въ избранныхъ ротахъ, входившихъ въ составъ придворнаго королевскаго штата. Эти роты были предназначены для образованія опытныхъ офицеровъ, даже для пѣхотныхъ частей войскъ, которымъ долго придавали слишкомъ мало значенія и важность которыхъ выяснилась лишь позже, во время осадъ крѣпостей, и съ тѣхъ поръ, какъ на ихъ долю выпала рѣшающая роль въ исходѣ сраженій.

Дѣятельностью Лувуа созданы были инженерный корпусъ, артиллерійскія училища (въ Мецѣ, Страсбургѣ и Дуэ), военные кадетскіе корпуса для дворянскихъ дѣтей. Въ этихъ училищахъ дворянство не только получало необходимую подготовку для военной службы, но, главное, „научалось повиноваться прежде, чѣмъ командовать“ (С. Симонъ).

Лувуа увеличилъ права комендантовъ, инспекторовъ и особенно военныхъ интендантовъ. Эти интенданты, на обязанности которыхъ лежало

не только продовольствіе солдатъ, но и большая часть военной администраціи, сдѣлались важными и вліятельными особами. Генералы не разъ жаловались на ихъ вмѣшательство и контроль; но, благодаря имъ, Лувуа удалось обезпечить правильность продовольствія. Солдаты были лучше расквартированы, лучше обуты и одѣты, лучше накормлены—словомъ, о солдатѣ больше заботились.

Для устраненія прежнихъ безчинствъ во время передвиженій арміи были приняты надлежащія мѣры: особымъ королевскимъ указомъ опредѣлялись въ точности время выступленія въ походъ и самый маршрутъ, мѣста для дневокъ и т. п. Такимъ образомъ устранялись замедленія арміи въ пути и продолжительныя остановки, отзывавшіяся разореніемъ для мѣстнаго населенія.

Введеніе форменной одежды для всякаго полка сдѣлалось общимъ правиломъ, не будучи, впрочемъ, обязательнымъ. Правительство взяло на себя заключеніе большей части торговыхъ сдѣлокъ, а принятіе ихъ было возложено на командировъ корпусовъ, которые всегда брали на себя поставку части припасовъ. Число продовольственныхъ магазиновъ было умножено, сами они поставлены на иную совершенно ногу и пополняемы даже въ мирное время, такъ что во всякую минуту все было готово къ походу или же, по крайней мѣрѣ, всѣ приготовленія къ нему были значительно сокращены и мобилизація войскъ значительно облегчена. Правительство организовало на свой счетъ обозы и транспорты для того, чтобы не подвергаться эксплоатаціи со стороны частныхъ предпринимателей. Во многихъ городахъ вблизи границы были учреждены постоянные военные госпитали, тогда какъ до того времени довольствовались устройствомъ временныхъ амбулансовъ. Съ незапамятныхъ временъ искалѣченные и больные солдаты пользовались общественной помощью. Обыкновенно они поступали въ монастыри, которые были обязаны содержать и кормить ихъ. Ихъ называли тогда монастырскими инвалидами. Эта система представляла множество неудобствъ. Аббатства старались отдѣлаться отъ этихъ калѣкъ и инвалидовъ, которые были назначены къ нимъ, выплачивая имъ извѣстную сумму денегъ, что не мѣшало, однако, несчастнымъ солдатамъ бродяжничать и нищенствовать. Идея пріюта для инвалидовъ возникла при Генрихѣ III. Генрихъ IV рѣшился привести ее въ исполненіе. Онъ организовалъ въ 1606 г. двѣ богадѣльни, изъ которыхъ одна помѣщалась въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо. Ришелье перевелъ въ 1634 году инвалидовъ въ Бисетръ, освободилъ аббатства отъ содержанія ихъ и обложилъ всѣ духовные доходы ежегоднымъ налогомъ во сто ливровъ для образованія фонда пенсій для военныхъ. Людовикъ XIV увеличилъ этотъ сборъ до 150 ливровъ. Наконецъ Лувуа воздвигъ въ 1670 г. инвалидный домъ, который былъ построенъ въ четыре года, по планамъ Мансара, архитекторомъ Брюаномъ. Это учрежденіе пользовалось доходами съ церковныхъ сборовъ и вычетомъ двухъ денье съ ливра отъ всѣхъ платежей военнаго министерства. Его подчинили обыкновенному режиму всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и назначили туда губернатора, въ сопровожденіи генеральнаго штаба.

Въ виду того, что офицерство могло неохотно поступать въ это учрежденіе, Лувуа назначилъ имъ два пріорства. Для этой цѣли онъ соединилъ въ 1672 г. два старинныхъ монашескихъ ордена св. Лазаря

и Монъ-Кармельской Божьей Матери, и имущества этихъ орденовъ отданы были военному вѣдомству.

Что касается до вооруженія и состава войскъ, то въ этомъ отношеніи сдѣлано было мало преобразованій. Главное состояло въ постепенной замѣнѣ пищалей ружьями и пикъ—штыками. Уже послѣ Лувуа, по мысли Вобана, ружья стали служить вмѣстѣ и огнестрѣльнымъ, и рукопашнымъ оружіемъ. До Лувуа пѣхотные полки составлялись изъ мушкатеровъ и копейщиковъ; теперь же стали формировать одинъ только родъ солдатъ, вооруженныхъ оружіемъ, которымъ можно было дѣйствовать какъ наступательно, такъ и оборонительно. Постепенное усовершенствованіе ружей значительно возвысило значеніе пѣхоты, которая становилась теперь грозной военной силой и серьезной соперницей кавалеріи. Другое преобразованіе состояло въ организаціи особаго корпуса, ставшаго необходимымъ въ виду усовершенствованія спеціальнаго оружія. Прежде въ каждой ротѣ были гренадеры, теперь каждому полку дали роту гренадеръ; кромѣ того, въ каждый полкъ были прикомандированы люди для веденія артиллерійскаго дѣла, были организованы особыя роты бомбардировокъ и немного позже цѣлый полкъ *фюзильеровъ* или стрѣлковъ, снабженныхъ простыми ружьями безъ пикъ и мушкетовъ. Вобанъ настаивалъ на образованіи инженернаго корпуса; однако, по многимъ мотивамъ, это было отсрочено, и только въ 1677 году созданъ былъ корпусъ инженеръ-капитановъ для возведенія укрѣпленій и для производства осадныхъ работъ. Такъ какъ военно-инженерныя работы получали въ войнахъ этого царствованія все большее и большее значеніе, то Вобанъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры: впервые инженеръ достигалъ такого чина. Содержаніе постоянной арміи и необходимость въ военно-образованныхъ офицерахъ, побудили установить правила для производства въ чины. Правила эти, естественно, не должны были быть слишкомъ стѣснительны. Еще при Ришелье сознавалась эта потребность; одинъ параграфъ указа, вышедшаго въ 1629 году, составленъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „рядовой солдатъ, во вниманіе къ его заслугамъ, можетъ быть повышаемъ изъ чина въ чинъ до капитана и выше, буде онъ достоинъ того". Лувуа привелъ въ исполненіе эту мысль. Онъ учредилъ для офицеровъ табель о рангахъ, предметъ горячихъ нападокъ со стороны Сенъ-Симона. Что же касается солдатъ, то для нихъ мало измѣнились существующія условія: они могли достигать чина поручика, но капитанскій чинъ оставался недосягаемымъ для ихъ честолюбія, такъ какъ связанъ былъ съ обладаніемъ болѣе или менѣе значительнымъ состояніемъ. Итакъ, эти преобразованія, введенныя Лувуа, имѣли въ виду не столько возвышеніе разночинцевъ, служащихъ въ арміи, сколько дисциплинированіе дворянства, пріученіе его къ повиновенію и подчиненіе его однимъ неизмѣннымъ военнымъ правиламъ.

Пока живъ былъ Кольберъ, вліяніе Лувуа на Людовика XIV встрѣчало сильный, даже неодолимый противовѣсъ. Когда же не стало Кольбера, этого, несомнѣнно, самаго сильнаго соперника Лувуа, послѣдній увлекъ тщеславнаго, ненасытнаго властью Людовика XIV по пагубному пути разорительныхъ для Франціи войнъ, въ которыхъ она утратила мало-по-малу и свои арміи, и свои богатства, и прежнюю славу.

LVIII. ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ВОЕННОЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДОВИКА XIV ДО ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

(Изъ введенія Минье къ „Négociations relatives à la Succession d'Espagne sous Louis XIV etc.").

Споръ объ испанскомъ наслѣдствѣ былъ главною пружиною всей военной и дипломатической дѣятельности Людовика XIV. Оно занимало его внѣшнюю политику и армію въ теченіи болѣе 50 лѣтъ и было причиною славы первыхъ лѣтъ его царствованія и бѣдствія послѣднихъ.

Уже полтора вѣка продолжались столкновенія между французскимъ и испанскимъ царствующими домами; между ними велась ожесточенная борьба, прерывавшаяся только на короткое время. Такимъ отдыхомъ пользовалась страна въ 1659 году: Пиренейскій договоръ и бракъ Маріи-Терезіи съ Людовикомъ XIV примирили оба государства и сблизили двѣ царственныя семьи, но и этотъ миръ не былъ болѣе проченъ, чѣмъ миръ, заключенный въ Верденѣ и Шато-Камбрези. Бракъ Людовика XIV съ инфантой Маріей-Терезіей послужилъ только къ скорѣйшему возобновленію войны; онъ далъ матеріалъ для послѣдняго акта той драмы, которая разыгрывалась уже такъ давно между этими царственными домами. Франдискъ I еще съ трудомъ боролся противъ Австріи, Генрихъ IV отразилъ ея нападенія, а Ришелье и Мазарини унизили ее. Оставалось только лишить ее владѣній ея, что и сдѣлалъ Людовикъ XIV.

Во избѣжаніе послѣдняго обстоятельства, при бракѣ Людовика XIV съ Маріей-Терезіей въ 1659 г. были установлены условія, подобныя заключеннымъ при бракѣ его отца Людовика XIII съ Анной Австрійской. Въ слѣдующемъ затѣмъ вѣкѣ всѣми умами овладѣло стремленіе установить европейское равновѣсіе, потому что чрезмѣрные захваты земель, изъ-за которыхъ въ XVI вѣкѣ велись кровопролитныя войны, вызывали сильныя опасенія. Составилась оппозиція противъ соединенія подъ однимъ скипетромъ двухъ столь громадныхъ монархій, какъ Франція и Испанія. Въ виду этого обстоятельства испанскіе законы, допуская женщинъ на престолъ, лишали ихъ этого права при вступленіи въ бракъ съ французскими монархами. При брачномъ договорѣ Анны Австрійской и Маріи-Терезіи ихъ заставили формальнымъ актомъ отречься отъ испанскаго наслѣдства. Хотя Людовикъ XIII и Людовикъ XIV и подписали это условіе, но послѣдній изъ нихъ намѣревался при первомъ удобномъ случаѣ нарушить его. Въ то время, когда онъ взялъ бразды правленія въ свои руки, вся Европа наслаждалась полнымъ спокойствіемъ. Всѣ спорные вопросы, волновавшіе ее впродолженіи 50 лѣтъ, были рѣшены. Вестфальскій договоръ прекратилъ борьбу между императоромъ и имперіей; независимость Германіи была принесена въ жертву ради освобожденія отъ захвата земель со стороны Австріи; этотъ договоръ далъ миръ центральной Европѣ. Пиренейскій же договоръ положилъ конецъ войнамъ за территорію между Испаніей и Франціей, онъ съ точностью опредѣлилъ ихъ границы и возстановилъ миръ въ южной Европѣ. Копенгагенскій и Оливскій договоры установили отношенія между Швеціей, Даніей и Польшей; они дали миръ сѣверной Европѣ.

Итакъ, вся Европа наслаждалась, что рѣдко случается, полнымъ спокойствіемъ. Казалось, что Франція не будетъ имѣть никакого повода нарушить его, потому что она имѣла главный голосъ при установленіи европейскаго порядка. Голландія, увеличенная на счетъ Испанскихъ Нидерландовъ и управляемая французскою партіей Іоанна де-Витта; Германія усиленная на счетъ Австріи; Швеція, возвышенная надъ Даніей и Польшей; Испанія, отброшенная за Пиренеи; Англія, отчужденная отъ европейской политики, благодаря внутреннимъ волненіямъ и управляемая уже два года государями, готовыми скорѣе подчиняться игу Франціи, чѣмъ своей страны,—все это не могло возбуждать въ Людовикѣ XIV ни страха, ни соблазна. Но все это было дѣло и слава Мазарини. Молодой же государь жаждалъ самостоятельной дѣятельности и больше всего стремился къ славѣ.

Для выполненія своихъ проектовъ онъ имѣлъ замѣчательныхъ помощниковъ. Одни, воспитанные въ военной школѣ Густава-Адольфа, были увѣнчаны лаврами въ сраженіяхъ при Рокруа и Дюнахъ, другіе вышли изъ политической или административной школы Мазарини. Всѣ они имѣли именно тѣ качества, которыя пріобрѣтаются во время междоусобныхъ войнъ; они воспитались на большихъ битвахъ и на великихъ дѣлахъ. Таковы были Конде, Тюреннь, Ліоннъ, Кольберъ и Летелье—остатки великаго движенія, наслѣдство великаго человѣка.

Людовикъ XIV, съ свойственнымъ ему сильнымъ инстинктомъ честолюбія, понялъ, что въ Испаніи онъ долженъ искать средствъ для пріобрѣтенія славы и центра для своей дѣятельности. Съ 1661 года онъ неутомимо занимался вопросомъ о наслѣдствѣ этой монархіи и хлопоталъ объ уничтоженіи акта отреченія. Онъ подготовлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и средства для веденія войны въ случаѣ неудачи переговоровъ. Онъ занялся внутренней организаціей своего государства, запущеннаго при Мазарини, поправилъ финансы, бывшіе въ большомъ упадкѣ, возобновилъ и увеличилъ флотъ, находившійся въ плохомъ состояніи со времени Ришелье, привлекъ во Францію иностранную промышленность; образовалъ отличное войско, замѣчательное болѣе по дисциплинѣ, чѣмъ по многочисленности своей, и улучшилъ вообще военную организацію. Порядокъ и трудъ господствовали всюду подъ бдительнымъ надзоромъ и управленіемъ государя; онъ далъ благосостояніе и силу своему государству. Но еще болѣе замѣчательно было это время царствованія Людовика XIV тою ловкостью, съ которой велись дипломатическіе переговоры.

Всѣ они касались испанскаго наслѣдства и были ведены Ліонномъ. Этотъ министръ былъ избранъ Мазарини подобно тому, какъ послѣдній былъ избранъ Ришелье; онъ перешелъ отъ Мазарини къ Людовику XIV, какъ Мазарини перешелъ отъ Ришелье къ Людовику XIII и Аннѣ Австрійской. Онъ былъ помощникомъ этого великаго министра съ 1643 по 1661 годъ, онъ принималъ участіе въ продолжительныхъ переговорахъ, предшествовавшихъ заключенію Вестфальскаго мира; онъ заключилъ Рейнскій союзъ, содѣйствовалъ заключенію Пиренейскаго договора. Вся корреспонденція этого времени написана его рукою и носитъ отпечатокъ его духа. Онъ отличался тонкимъ, живымъ, проницательнымъ умомъ и имѣлъ богатый запасъ знаній. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствовался здравымъ смысломъ и не увлекался воображеніемъ. Но извѣстенъ

онъ былъ болѣе своимъ современникамъ, чѣмъ исторіи. Это происходитъ оттого, что, служа то Мазарини, то Людовику XIV, онъ всѣ свои идеи передавалъ имъ и увеличилъ ихъ славу своимъ трудомъ. Мазарини и Людовикъ XIV затемнили его: они отняли у него его славу.

Въ 1661 г. Филиппъ IV былъ еще живъ. Онъ не выплачивалъ суммы денегъ, обѣщанной Маріи-Терезіи, взамѣнъ ея правъ на испанское наслѣдство. Такимъ образомъ онъ не выполнилъ условія акта отреченія. Людовикъ XIV, не признавая за частнымъ контрактомъ права измѣнять основной законъ, лично не придавалъ ему никакого значенія и еще болѣе утвердился въ этомъ мнѣніи своемъ послѣ нарушенія его со стороны мадридскаго двора. Онъ немедленно началъ съ испанскимъ дворомъ переговоры объ уничтоженіи этого акта и старался подготовить остальныя европейскія державы къ возобновленію притязаній Маріи-Терезіи на испанскую корону. Эти переговоры были тѣмъ болѣе своевременны, что испанскій престолъ грозилъ ежеминутно сдѣлаться вакантнымъ. Филиппъ IV, долго не имѣвшій сына, умеръ, оставивъ 4-хъ-лѣтняго наслѣдника, болѣзненнаго, слабаго, немощнаго Карла II. Людовикъ XIV, жаждавшій дѣятельности и увеличенія своего государства, не остановился на подготовленіи другихъ державъ къ своимъ планамъ относительно испанскаго наслѣдства: онъ обдумывалъ еще средства увеличить свои владѣнія немедленно послѣ смерти Филиппа, не дожидаясь смерти Карла II. Основаніемъ для этого долженъ былъ послужить обычай, господствовавшій въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Нидерландовъ, а именно предпочтеніе дѣтей отъ перваго брака передъ дѣтьми отъ втораго брака при передачѣ отцовскаго наслѣдства. Людовикъ воспользовался этимъ обычаемъ для своихъ политическихъ цѣлей; онъ долженъ былъ помочь ему пріобрѣсти корону или, по крайней мѣрѣ, провинціи. Его жена, Марія-Терезія, происходила отъ перваго брака, а Карлъ отъ втораго. Онъ потребовалъ той части Нидерландовъ, гдѣ господствовалъ этотъ обычай. Сначала онъ старался получить ее мирнымъ путемъ, но, не достигнувъ цѣли, онъ прибѣгъ къ оружію. Онъ завладѣлъ Фландріею и завоевалъ Франшъ-Конте. Эта первая его война продолжалась отъ 1667—1668 г. и кончилась миромъ въ Ахенѣ. Причиною для нея послужили его притязанія на часть наслѣдства испанской монархіи.

Этотъ періодъ представляетъ непрерывный рядъ переговоровъ, сначала съ Испаніей объ отмѣнѣ акта отреченія, затѣмъ о правѣ на часть наслѣдства; съ Голландіей о признаніи правъ Людовика XIV на Испанскую монархію и объ одобреніи его частныхъ намѣреній относительно Нидерландовъ, очень невыгодныхъ для Голландіи; съ Германіей—о продолженіи Рейнскаго союза, съ сеймомъ въ Регенсбургѣ—о томъ, чтобы онъ не бралъ подъ свою защиту округа Бургундіи, съ курфюрстомъ Майнцскимъ, Кельнскимъ, Бранденбургскимъ, герцогомъ Нейбургскимъ и епископомъ Мюнстерскимъ онъ велъ переговоры о томъ, чтобы запереть императору дорогу въ Нидерланды; съ Португаліей — чтобы заставить ее напасть на Испанію, когда французы будутъ заняты завоеваніемъ Фландріи; съ Швеціей и Англіей—для поддержанія съ ними союза; наконецъ переговоры и тайные договоры съ императоромъ Леопольдомъ—относительно раздѣла съ нимъ Испанской монархіи: вотъ въ чемъ заключались великія дипломатическія дѣла этой эпохи.

Почти всѣ эти переговоры имѣли успѣхъ, благодаря искусству, съ

которымъ ихъ велъ Ліоннъ. Всѣ политическія дѣла въ Европѣ были ему такъ хорошо извѣстны, что онъ рѣшалъ ихъ безъ малѣйшаго замедленія. Его распоряженія и указанія свидѣтельствовали о глубокомъ знаніи людей и государственныхъ дѣлъ, онъ предвидѣлъ всевозможныя случайности и всегда былъ готовъ бороться съ ними. Онъ дѣйствовалъ безъ разрѣшенія короля, въ которомъ онъ никогда не сомнѣвался; онъ, казалось, былъ увѣренъ въ томъ, что его мнѣнія должны быть приняты, выслушаны, предпочтены и исполнены. Видно, что онъ сознавалъ свою силу и свою власть надъ умомъ своего государя. Онъ держалъ себя свободно и только по настоянію Людовика XIV онъ бывалъ иногда высокомѣренъ. Вмѣшательство Людовика XIV выражалось въ языкѣ и походкѣ его министра.

Періодъ съ 1661—1668 г. представляетъ лучшее время политики этого государя; старательно поддерживалъ онъ свои союзы и хлопоталъ о томъ, чтобы сохранить нейтралитетъ тѣхъ державъ, которыя или завидовали ему, или боялись его. Со своимъ соперникомъ по испанскому наслѣдству онъ заключилъ самый выгодный для него договоръ относительно раздѣла испанской монархіи послѣ смерти Карла II, разсчитывая такимъ образомъ пріобрѣсти для Франціи Нидерланды.

Онъ предпринялъ такъ хорошо подготовленную войну, что не встрѣтилъ ни одного врага въ открытомъ полѣ, хотя и нарушилъ миръ всего свѣта. Онъ удивлялъ не только быстротою своихъ ударовъ, но и умѣренностью своихъ требованій. Онъ пріобрѣлъ крѣпости Шарльруа, Бинчъ, Адъ, Дуэ, Турне, Уденардъ, Лиль, Армантьеръ, Куртре, Бергъ, Фернъ съ ихъ территоріями и расширилъ такимъ образомъ съ сѣверной стороны границу Франціи, которая здѣсь была очень слаба и близка къ столицѣ.

Но, со смертью Ліонна, умершаго въ 1671 году, исчезъ тотъ духъ, который сдерживалъ нѣсколько Людовика XIV. Необузданное властолюбіе стало его преобладающею страстью. Война съ Нидерландами повлекла за собой войну съ Голландіей. За предпріятіемъ, имѣвшимъ цѣлью пріобрѣтеніе, послѣдовала война съ цѣлью мести. Не смотря на то, что Людовикъ XIV щадилъ Голландскую республику, которая своимъ существованіемъ и величіемъ была обязана его дому, не смотря на то, что онъ поддерживалъ ее въ ея послѣдней борьбѣ противъ Англіи — она, напуганная вторженіемъ французовъ въ Нидерланды и честолюбіемъ молодаго короля, рѣшила остановить его движеніе впередъ. Она заключила со Швеціей и Англіей тройственный союзъ не для войны, но для улаженія дѣлъ мирнымъ путемъ; но впослѣдствіи этотъ союзъ сдѣлался зерномъ всѣхъ позднѣйшихъ коалицій противъ Людовика XIV. Благодаря настоятельному посредничеству тройственнаго союза, былъ заключенъ миръ въ Ахенѣ.

Людовикъ XIV былъ сильно раздраженъ образомъ дѣйствія голландцевъ: они вѣдь предпочли свой личный интересъ его дружбѣ. Изъ чувства боязни, можетъ быть, неосновательнаго, они разорвали старый союзъ, которому они были обязаны всѣмъ и соединились съ Англіею, своею соперницею. Они отстранили Швецію отъ Франціи. За такую неблагодарность Людовикъ XIV рѣшилъ ихъ наказать. Ліоннъ помогъ ему приготовить это наказаніе, но еслибы онъ прожилъ долѣе, онъ навѣрное помѣшалъ бы ему довести месть до полнаго разоренія этой страны. Швеція была опять на жалованьѣ у Франціи, а король англійскій также,

при помощи денегъ, отдѣленъ отъ Голландіи. Разорвавъ такимъ образомъ тройственный союзъ, Людовикъ XIV ворвался въ 1672 году въ Голландію. Сначала никто не могъ противостоять его арміи, находившейся подъ начальствомъ Тюренни и Конде. Голландцы, дрожа отъ страха, покорились ему: они предложили ему самыя блестящія вознагражденія и всѣ завоеванія, сдѣланныя ими съ 1621 года отъ Испаніи. Они уступили бы ему всѣ земли Генеральныхъ Штатовъ, заключавшія въ себѣ 25 городовъ, въ числѣ которыхъ были Мастрихъ, Бреда, Равенштейнъ; но Лувуа убѣдилъ короля отказаться отъ этихъ предложеній. Лувуа, наслѣдовавшій ловкому политику, былъ ничто иное, какъ спекуляторъ, пріобрѣвшій расположеніе къ себѣ Людовика XIV тѣмъ, что льстилъ его страсти къ славѣ и завоеваніямъ. Онъ ставилъ ему въ большую заслугу то, что онъ былъ одинъ противъ всѣхъ; онъ доказывалъ ему, что изолированность его положенія свидѣтельствуетъ о его силѣ. Не обладая ни военнымъ, ни политическимъ тактомъ, онъ только изъ чувства зависти помѣшалъ Тюренню и Конде разорить Голландію и отговорить государя отъ униженія ея. Его грубая политика и безсмысленная зависть содѣйствовали только паденію Витта, а не къ уничтоженію Голландіи,—къ возвышенію партіи принца Оранскаго на трупахъ братьевъ Витта и остаткахъ французской партіи. Политика не представляла болѣе ни умѣренности, ни ловкости въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Политика, которой слѣдовали въ Голландіи Генрихъ IV, Ришелье, Мазарини и Ліоннъ, совершенно измѣнилась. Подобно тому, какъ вторженіе Людовика XIV въ Испанскіе Нидерланды встревожило Голландію, такъ нападеніе на послѣднюю напугало Германію. Первое изъ нихъ было причиною образованія тройственнаго союза, а второе—союза между императоромъ Леопольдомъ, курфюрстомъ Бранденбургскимъ, большею частью имперскихъ княжествъ и королемъ испанскимъ. Швеція потерпѣла пораженіе въ этой войнѣ; Англія, курфюрстъ Кельнскій и епископъ мюнстерскій отдѣлились отъ Франціи. Людовикъ XIV остался одинъ, чего и желалъ Лувуа. Нимвегенскій миръ, прекратившій голландскую войну въ 1678 году, принесъ только ту пользу Франціи, что Испанія, вмѣшавшаяся въ борьбу, потеряла Франшъ-Конте и 14 городовъ въ Нидерландахъ.

Между тѣмъ испанское наслѣдство, казалось, ускользало изъ рукъ Людовика XIV, ибо молодой король, Карлъ II, не смотря на свою слабость, пережилъ благополучно критическіе годы дѣтства. Въ это время Людовикъ XIV не прерывалъ своего тріумфальнаго шествія. Онъ и Германіи не могъ простить ея вмѣшательства въ войну съ Голландіей, какъ онъ не простилъ послѣдней ея вмѣшательства въ войну съ Фландріей. Выжидая удобнаго случая для начала войны противъ Имперіи—который представился только въ 1688 году, когда открылось наслѣдство въ Пфальцѣ—онъ понемногу продолжалъ увеличивать свои владѣнія. Съ 1679—1684 года онъ пріобрѣлъ Страсбургъ, Киль, Куртре, Люксембургъ и нѣкоторые другіе. Хотя перемиріе въ Регенсбургѣ въ 1684 году успокоило Европу, но она образовала противъ Людовика XIV новую коалицію, въ которой участвовали императоръ, испанскій король, голландскіе генеральные князья, германскіе штаты, шведскій король, савойскій герцогъ; они были готовы выступить противъ него при первомъ

нарушеніи договора. Людовикъ XIV потерялъ мало-по-малу всѣхъ своихъ союзниковъ. Война съ Фландріей отдалила отъ него Голландію; вторженіе въ Голландію—Германію, оставалось потерять только Англію: это и случилось послѣ революціи 1688 года, бывшей слѣдствіемъ войны 1672 года. Принудивъ принца Оранскаго защитить независимость голландцевъ, Людовикъ подготовилъ его къ защитѣ англійскаго протестантизма: онъ помогъ штатгальтеру голландскому сдѣлаться узурпаторомъ англійскаго престола 1688 года.

Союзъ протестантовъ и французовъ, продолжавшійся со времени Генриха IV до Мазарини и Ліонна, совершенно распался. Людовикъ XIV началъ войну въ состояніи полной изолированности: противъ него была вся Европа, заключившая великій оборонительный союзъ въ 1689 году, состоявшій изъ императора, Имперіи, Англіи, Голландіи, Италіи, Савойи, Швеціи. Въ этой войнѣ, продолжавшейся восемь лѣтъ, Франція поддержала славу своего оружія. Ученики Конде и Тюрення, маршалъ Люксанбуръ и Катина выиграли сраженіе въ Нидерландахъ при Флери и Стенкиркѣ и въ Италіи при Стафордѣ и Марсалѣ. Турвиль, съ своей стороны, покрылъ славой французскій флотъ. Между тѣмъ Вобанъ укрѣплялъ Францію на случай несчастнаго оборота дѣлъ. Это были еще великіе люди, оставшіеся отъ великаго вѣка: они освѣщали еще его закатъ послѣдними слабыми лучами славы.

Людовикъ XIV продолжалъ еще одерживать побѣды, но пересталъ уже дѣлать пріобрѣтенія. Рисвикскій договоръ не далъ ему ничего. Не смотря на свои военные успѣхи, онъ достигъ мира только цѣною возвращенія своихъ завоеваній. Онъ возвратилъ Лотарингію, за исключеніемъ Саръ-Луи и Лонгви, и отказался отъ нѣкоторыхъ недавнихъ присоединеній, сдѣланныхъ на счетъ Имперіи.

LIX. ЗАХВАТЫ ЛЮДОВИКА XIV ВЪ ИСПАНІИ И ГЕРМАНІИ.

(По всемірной исторіи Шлоссера, т. V, и др. сочиненіямъ).

Людовикъ XIV и его министры воспользовались безсиліемъ Германской имперіи и безразсудными распрями, затѣянными Іаковомъ II съ подданными, и доказали, что государь, имѣющій за себя войска и духовенство, можетъ попирать всѣ права, не лишаясь благоговѣнія массъ, восхищенныхъ его величіемъ и роскошью. Людовикъ нарушалъ договоры посредствомъ дипломатической софистики, приготовляя этимъ Европу къ перенесенію главнаго грабежа, который онъ предпринялъ въ началѣ XVIII вѣка, когда задумалъ овладѣть всей Испаніей, какъ наслѣдствомъ своей жены.

Людовикъ XIV зналъ слабость Германіи и Испаніи. Въ Германіи онъ поддерживалъ неурядицу подкупами и интригами. Нимвегенскій миръ не помѣшалъ ему присвоить пограничныя испанскія и германскія области, на которыя онъ точилъ зубы. Одинъ кляузникъ, совѣтникъ мецскаго парламента, Роланъ Раво, придумалъ юридическое основаніе для этого безцеремоннаго грабежа. Порывшись въ архивахъ, онъ откопалъ, что разныя области, лежащія внѣ Франціи, нѣкогда принадлежали епископствамъ мецскому и верденскому и потому будто бы были уступлены

Франціи за одно съ ними. Чтобы возвратить или присоединить къ Франціи эти владѣнія, будто бы принадлежащія ей, Людовикъ учредилъ въ Мецѣ и Брейзахѣ особые суды подъ именемъ chambres de réunion — *присоединительныхъ палатъ*. Мецская палата признала права Франціи на 80 иностранныхъ леновъ, въ томъ числѣ Гамбургъ, Понтъ-а-Мусонъ, Зальмъ, Саарбургъ, Саарбрюкенъ и Водмонъ, а брейзахская палата присудила королю округи Гагенау и Вейсенбургъ и 10 эльзасскихъ имперскихъ городовъ, которые по вестфальскому миру были оставлены за Имперіей, но впослѣдствіи были покорены Людовикомъ XIV. Кромѣ того безансонскій парламентъ оттягалъ у герцога Вюртембергскаго Монбельяръ. Тогда Людовикъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій занялъ всѣ эти владѣнія, присвоенныя ему его же чиновниками. Если жители сопротивлялись и не хотѣли присягать Людовику, ихъ покоряли войсками; если владѣтели жаловались министрамъ короля, Кольберъ де-Круаси, который завѣдывалъ этимъ дѣломъ, отвѣчалъ, что это дѣло не политическое, а юридическое, и что потому пусть они обращаются къ присоединительнымъ палатамъ въ Мецъ и Брейзахъ. Наконецъ французы заявили притязаніе на все герцогство Цвейбрюкенъ, принадлежавшее шведскому королю. Палата пригласила Карла XI явиться по этому дѣлу, и какъ онъ не пріѣхалъ, оттягала у него Цвейбрюкенъ. Герцогство было отдано агнату, пфальцграфу Биркенфельдскому, въ качествѣ французскаго лена.

Потомъ палата вызвала короля испанскаго и, за неявкой его, объявила, что онъ лишается княжества Шиме, города Кортрака, герцогства и крѣпости Люксембурга; всѣ эти владѣнія были заняты французскими войсками. Въ первой половинѣ 1680 г. были такимъ же образомъ присвоены пфальцскіе округи, Гермерсгеймъ и Зельцъ, и даже городокъ Оггерсгеймъ, всего на часъ разстоянія отъ Мангейма.

Особенно позорно было для великаго короля завоеваніе Страсбурга и другихъ вольныхъ нѣмецкихъ городовъ въ Эльзасѣ. Это завоеваніе произошло среди шума и было самымъ наглымъ нарушеніемъ всѣхъ правъ и договоровъ.

Въ Страсбургѣ были двѣ религіи и два языка, и между протестантами и католиками шли постоянныя распри. Часть магистрата, имѣвшаго державныя права, и многіе важнѣйшіе граждане были подкуплены Франціей. Лувуа поручилъ одному безсовѣстному и жестокому придворному лизоблюду неожиданно занять городъ французскими войсками. Эта возмутительная подлость была совершена подъ предлогомъ оказать покровительство единоспасающей церкви и осчастливить гражданъ властью великаго короля. Завоеванію города содѣйствовалъ особенно епископъ его, Францъ Эгонъ фонъ-Фюрстенбергъ. Онъ жилъ сначала за городомъ, но потомъ пріѣхалъ въ Страсбургъ, выгналъ протестантовъ изъ капитула и когда Людовикъ XIV пріѣхалъ въ городъ по завоеваніи его, имѣлъ безстыдство привѣтствовать короля, который былъ для Германіи вреднѣе всякой чумы, словами Симеона при встрѣчѣ Спасителя: „Ныне отпущаеши, Владыко", и такъ далѣе. Кромѣ того, покоренію Страсбурга помогалъ городской секретарь, которому была ввѣрена защита города и его правъ. Французы подкупили его и роздали болѣе 100 т. тал. членамъ магистрата.

Потомъ Лувуа усилилъ войска, расположенныя въ Бургундіи, Лотарингіи и Эльзасѣ, подъ предлогомъ, будто солдаты посылаются туда

строить укрѣпленія. Войска эти держались наготовѣ по первому сигналу занять Страсбургъ. Когда все было готово, Лувуа прибылъ 28 сентября 1671 г. тайно въ Брейзахъ. Оттуда онъ секретно выслалъ 900 человѣкъ пѣхоты, къ которымъ по дорогѣ присоединилось нѣсколько кавалеріи. Эти войска неожиданно заняли страсбургскія укрѣпленія по обоимъ берегамъ Рейна, и тогда нагрянуло 12 тысячъ войска подъ начальствомъ Монгла. Передъ этимъ императоръ предлагалъ городу 6,000 войска, но магистратъ не принялъ ихъ, за что получилъ отъ Людовика хорошее вознагражденіе. Сентября 30-го 1681 г. въ Илькирхѣ былъ заключенъ договоръ, по которому Страсбургъ былъ сданъ французамъ и принялъ французское подданство.

Испанія старалась пріискать союзниковъ, чтобы воспротивиться такимъ насиліямъ. Въ 1682 г. она заключала нѣсколько союзовъ, но мы не станемъ говорить о нихъ, потому что они получили практическое значеніе только послѣ успѣшнаго предпріятія Вильгельма Оранскаго противъ Іакова II. Вниманія заслуживаетъ только такъ называемый *великій оборонительный союзъ*, заключенный по старанію принца Вильгельма въ Гагѣ въ февралѣ 1683 г. Самъ Вильгельмъ не могъ явно принять участіе въ этомъ договорѣ, но за него дѣйствовали его друзья, особенно великій пенсіонарій Фагель. Этимъ договоромъ республика Нидерландская, Испанія, Швеція и императоръ обязались общими силами стараться о возстановленіи политическаго равновѣсія въ Европѣ, утвержденнаго вестфальскимъ и нимвегенскимъ мирами. Сочинили даже армію, но только на бумагѣ. Притомъ Нидерландская республика, особенно Голландія, столько же желали сохраненія мира, сколько штатгальтеръ Вильгельмъ—войны. Людовикъ XIV не обратилъ на этотъ союзъ ни малѣйшаго вниманія, до того презирая его, что въ томъ же году занялъ многіе города и округи испанскихъ Нидерландовъ и бомбардировалъ Люксембургъ. Въ Германіи варварски хозяйничалъ страшный маршалъ де-Креки. Онъ занялъ Триръ и велѣлъ срыть городскія укрѣпленія, чтобы никто не могъ утвердиться въ городѣ.

Между тѣмъ въ Нидерландахъ анти-оранская партія, преслѣдуя торговыя выгоды республики, побуждала Германію и Испанію, которыя сами по себѣ были безсильны, принять самыя позорныя условія. Она уговорила Людовика XIV удовольствоваться награбленнымъ и съ угрозой требовала, чтобы Испанія признала законность этого грабежа. Съ этой цѣлью въ іюнѣ 1684 г. былъ заключенъ договоръ между Франціей и Голландіей. Голландцы обѣщали заставить Испанію уступить Франціи на 20-ти-лѣтнее перемиріе отнятые у нея города, Люксембургъ, Бовинъ и Бомонъ и княжество Шиме, а за это Франція обязывалась прекратить свои предпріятія противъ Испаніи въ Нидерландахъ, съ правомъ однако продолжать ихъ противъ другихъ испанскихъ владѣній. Испанцы были принуждены принять эти условія. Такимъ же почти образомъ кончилось дѣло и съ германскимъ императоромъ, которому имперія поручила вступиться за ограбленные Франціей имперскіе чины. Вся разница въ томъ, что Испанія приняла предписанныя условія въ іюлѣ, а регенсбургскій сеймъ въ августѣ. Людовикъ XIV далъ и Германіи 20-ти-лѣтнее перемиріе, обѣщая въ теченіе этого времени не отнимать больше у имперіи владѣній. Но за то за Франціей были утверждены всѣ области, забранныя по приговору присоединительныхъ палатъ до 1-го августа 1681 г., городъ Страсбургъ и укрѣпленія Келя.

Такимъ дешевымъ образомъ Людовикъ XIV отнялъ у Испаніи и Германіи цѣлыя области. Но королю съ его дипломатами и юристами этого казалось мало. Не прошло года, какъ они принялись снова грабить Имперію, крючкотворски воспользовавшись смертью курфюрста Пфальцскаго, въ маѣ 1665 г. Пфальцъ—самая благословенная изъ всѣхъ странъ Германіи, такъ что не мудрено, что французы точили на него зубы. Со времени вестфальскаго мира тамъ царствовалъ сынъ несчастнаго Фридриха V, Карлъ-Людвигъ, изъ дома Зиммернскаго. Онъ возстановилъ реформатскія церкви и школы и, по мѣрѣ возможности, залечилъ раны, нанесенныя странѣ 30-лѣтней войной. Но ему пришлось много перенести вслѣдствіе несчастнаго брака и жалкаго положенія Германской имперіи. Во время голландской войны французы жестоко опустошали Пфальцъ, а Священная имперія и не думала помогать курфюрсту. Карлъ-Людвигъ былъ женатъ на принцессѣ Гессенъ-Кассельской, женщинѣ чрезвычайно надменной, сварливой и несносной. Кончилось тѣмъ, что она уѣхала въ Кассель, а курфюрстъ, не разведясь съ нею, женился на дѣвицѣ фонъ-Дегенфельдъ изъ непосредственнаго дворянскаго рода и пожаловалъ ей титулъ раугрaфини. Отъ первой жены у него былъ только одинъ сынъ, Карлъ, который по смерти его въ 1680 г. наслѣдовалъ ему. Сыновья его отъ Дегенфельдъ, конечно, не могли наслѣдовать курфюршества. Зиммернскому дому предстояло пресѣчься, потому что Карлъ былъ очень слабаго здоровья, а первая жена Карла-Людвига ни за что не соглашалась на разводъ, такъ что другихъ законныхъ дѣтей у него не могло быть. По семейнымъ договорамъ, курфюршество должно было перейти къ боковой Пфальцъ-Нейбургской линіи. Пфальцграфъ Нейбургскій, Филиппъ-Вильгельмъ, наслѣдовалъ курфюршество Пфальцское по смерти курфюрста Карла въ 1685 г. Подобно отцу, Филиппъ-Вильгельмъ былъ въ рукахъ іезуитовъ, и потому по смерти Карла въ Пфальцѣ поднялось гоненіе на протестантовъ, тѣмъ болѣе жестокое, что курфюрстъ Карлъ озлобилъ іезуитовъ, притѣсняя католиковъ. Отецъ Карла отличался терпимостью и прекратилъ несчастные религіозные раздоры. Зато Карлъ былъ такой же фанатикъ-кальвинистъ, какъ преемникъ его Филиппъ-Вильгельмъ—фанатикъ-папистъ. Имъ завладѣли богословы, и онъ принялся гнать католиковъ и лютеранъ. Когда онъ умеръ, и курфирстомъ сдѣлался Филиппъ-Вильгельмъ, іезуиты возпамѣрились отплатить кальвинистамъ тѣмъ же.

Въ 1671 г. дочь Карла-Людвига, Елизавета-Шарлотта, вышла замужъ за брата Людовика XIV, Филиппа I Орлеанскаго. Когда, со смертью ея брата Карла, Зиммернскій домъ пресѣкся, Людовикъ XIV тотчасъ заявилъ отъ имени брата притязанія на аллодіальныя владѣнія этого дома, то-есть, на тѣ части Пфальца, которыя не были имперскими ленами. При этомъ онъ дѣлалъ видъ, что хлопочетъ не о себѣ только, но также о линіи Пфальцъ-Вельденцской, которая приходилась ближе сродни Зиммернской, чѣмъ Нейбургская, но должна была уступить ей курфюршество въ силу древняго порядка престолонаслѣдія. Французскій посланникъ въ Регенсбургѣ протестовалъ противъ вступленія Нейбурга во владѣніе курфюршествомъ, и аббатъ Морель отправился въ Гейдельбергъ копаться въ архивахъ. Аббатъ велъ переговоры съ пфальцскими чиновниками на словахъ, а на сеймѣ дѣло велось письменно. Въ 1687 г. всѣ убѣдились, что безъ войны Людовика XIV не урезонишь. Онъ отнялъ

всѣ владѣнія Тевтонскаго ордена въ Лотарингіи, Эльзасѣ и Франшъ-Конте и отдалъ ихъ основанному имъ ордену Лазаря, отрасли іезуитовъ. Кромѣ того, онъ построилъ на одномъ рейнскомъ островѣ близь Гюнингена, частью принадлежавшемъ маркграфу Баденъ-Дурлахскому, фортъ Луи и соединилъ его мостомъ съ германскимъ берегомъ.

Если мы захотимъ уяснить себѣ настоящую цѣль, которою руководился Людовикъ XIV при стремленіи къ захвату Страсбурга и Люксембурга и къ подчиненію себѣ Пфальца, то мы увидимъ, что обладаніе этими городами и Пфальцомъ не было само по себѣ цѣлью въ глазахъ французскаго короля, а только средствомъ къ достиженію болѣе важной и заманчивой для него цѣли — именно для достиженія короны германскаго императора и осуществленія идеи священной Римской имперіи.

Еще въ 1658 году Людовикъ XIV явился соперникомъ императора Леопольда при избраніи его германскимъ императоромъ во Франкфуртѣ, но потерпѣлъ неудачу. Неудача эта однако не охладила стремленія Людовика XIV къ императорской коронѣ, и онъ попрежнему продолжалъ мечтать о ней. Въ своемъ завѣщаніи дофину Людовикъ XIV указываетъ своему наслѣднику на то, что царствующій во Франціи домъ Бурбоновъ есть прямое потомство Карла Великаго и потому долженъ былъ бы владѣть всѣми землями, входившими въ составъ Карловой монархіи, а слѣдовательно и императорской короной, но что французскіе короли были незаконнымъ образомъ отстранены отъ ихъ прямаго наслѣдія нѣмецкими государями. При такомъ взглядѣ Людовика XIV на германскую императорскую корону, какъ на прямое, неотъемлемое наслѣдіе французскихъ королей, естественно было, что онъ въ своихъ отношеніяхъ къ Германской имперіи не упускалъ изъ виду своего права на императорскую корону, стараясь воспользоваться всѣмъ, что вело его такъ или иначе къ этой цѣли. Къ тому же Людовикъ XIV чувствовалъ въ себѣ силу, необходимую для того, чтобы придать императорской коронѣ подобающее ей значеніе, соотвѣтственно своимъ желаніямъ и понятію о достоинствѣ ея; императора же Леопольда считалъ онъ слабымъ государемъ, недостойнымъ этой короны. Между тѣмъ, эти взгляды и желанія Людовика XIV были небезъизвѣстны въ Германіи, кому вѣдать надлежало. Основываясь на стремленіи Людовика XIV къ императорской коронѣ, курфюрстъ Бранденбургскій еще въ 1680 г. составилъ планъ относительно присоединенія къ своимъ владѣніямъ Помераніи съ помощью французскаго оружія, и онъ могъ до извѣстной степени дѣйствительно разсчитывать на содѣйствіе Людовика XIV, такъ какъ послѣдній цѣнилъ довольно высоко услуги, которыя оказывалъ и могъ оказать ему курфюрстъ Бранденбургскій. Но Людовикъ XIV считалъ необходимымъ заручиться въ Германіи возможно большею поддержкою и приготовить почву для осуществленія своихъ плановъ. И съ этой-то цѣлью онъ и стремился къ обладанію Страсбургомъ и Люксембургомъ. При обладаніи этими городами и при подчиненіи Пфальца, всѣ три духовныхъ курфюрста, Майнцскій, Кельнскій и Трирскій, а также курфюрстъ Пфальцскій были бы въ его рукахъ, и онъ могъ бы вполнѣ располагать ихъ голосами при избраніи новаго императора, такъ что отъ него зависѣло бы пріобрѣтеніе, при помощи ихъ, императорской короны и притомъ при видимомъ соблюденіи всѣхъ законныхъ формъ. Тогда бы Людовикъ XIV оказался вполнѣ законнымъ наслѣдникомъ Леопольда I на император-

скомъ престолѣ. Но всѣмъ этимъ честолюбивымъ планамъ Людовика XIV не было суждено осуществиться, такъ какъ своими завоеваніями и насильственными захватами въ мирное время онъ вооружилъ противъ себя всю Европу, отмѣною же Нантскаго эдикта и гоненіями на гугенотовъ возстановилъ противъ себя особенно всѣ протестантскія державы. Своими завоеваніями и захватами Людовикъ XIV создалъ въ западной Европѣ призракъ всемірной монархіи, а этотъ призракъ, точно такъ же, какъ дѣйствительное стремленіе Людовика XIV къ пріобрѣтенію для своего внука испанскаго наслѣдства, создали Габсбургамъ цѣлый рядъ вѣрныхъ союзниковъ, которые и дали Германіи возможность выйти съ честью и съ значительными пріобрѣтеніями изъ наступившей вскорѣ продолжительной и кровопролитной войны за испанское наслѣдство.

LX. ЛЮДОВИКЪ XIV ВЪ КРУГУ СВОИХЪ ФАВОРИТОКЪ И ПРИДВОРНЫХЪ.

(Изъ соч. Гизо: „Histoire de France etc.“, t. V).

Людовикъ XIV господствовалъ повсюду: надъ своимъ народомъ, надъ своимъ временемъ, нерѣдко даже надъ Европой; но нигдѣ его господство не было такъ неограниченно, какъ при его дворѣ. Нигдѣ желанія, недостатки, пороки отдѣльнаго человѣка не были такимъ абсолютнымъ закономъ для окружающихъ его, какъ при дворѣ Людовика XIV впродолженіи всей его долговременной жизни. Только подлѣ него, въ Версальскомъ дворцѣ, все жило, надѣялось, трепетало; во всей остальной Франціи, даже въ Парижѣ только прозябали. Жизнь вельможъ сосредоточивалась при дворѣ вокругъ личности короля. Только самыя важныя порученія могли побудить ихъ удалиться отъ него на нѣкоторое время. Возвращались они всегда скоро, стремясь съ нетерпѣніемъ, со страстью къ нему. Только бѣдность и, такъ сказать, деревенское самолюбіе удерживали нѣкоторыхъ дворянъ въ провинціи. Ла-Брюеръ говоритъ: „Дворъ не даетъ счастья, но мѣшаетъ быть счастливымъ внѣ его“.

Съ самаго начала своего царствованія и послѣ смерти Мазарини, когда Людовикъ взялъ управленіе въ свои руки, онъ старался установить вокругъ себя, въ своемъ государствѣ и при дворѣ, ту смиренную покорность подданныхъ, которую онъ считалъ „одной изъ главныхъ добродѣтелей христіанства“.

Принципъ неограниченной власти, овладѣвшій умомъ молодаго короля, охватилъ весь его дворъ уже въ то время, когда онъ удалилъ Фуке и пересталъ скрывать свою любовь къ м-ль Ла-Вальеръ. Она была молода, прелестна и очень скромна. Между всѣми его фаворитками она одна любила его искренно: „какъ жаль, что онъ король“, говорила она. Герцогскій титулъ, данный ей королемъ, нисколько не плѣнялъ ея: она хотѣла только видѣть его и нравиться ему. Когда король замѣнилъ ее г-жею Монтеспанъ, горе ея было такъ велико, что довело ее почти до могилы. Послѣ этого она съ искреннимъ раскаяніемъ обратилась къ Богу. Два раза удалялась она въ монастырь Шальо. Король еще дорожилъ ею. Онъ послалъ Кольбера въ Шальо съ порученіемъ просить ее пріѣхать въ Версаль, гдѣ онъ желалъ переговорить съ нею. Кольберъ привезъ ее;

король бесѣдовалъ съ нею около часу и горько плакалъ. Г-жа Монтеспанъ встрѣтила ее съ открытыми объятіями и со слезами на глазахъ. Послѣ этого Ла-Вальеръ оставалась еще три года при дворѣ, „какъ кающаяся", говорила она со смиреніемъ. Ее удерживали тамъ воля короля, вспышки и ревность г-жи Монтеспанъ, которая чувствовала себя осужденной въ присутствіи этой кающейся соперницы своей. Г-жу Ла-Вальеръ старались отклонить отъ намѣренія поступить въ кармелитскій монастырь. Такъ, между прочимъ, говорила ей г-жа Скарронъ: „вы теперь покрыты золотомъ: помните, что тамъ вы должны будете ходить въ сермягѣ". Но она не отступала отъ своего рѣшенія и втайнѣ уже исполняла суровыя правила этого ордена. Покидая дворъ, она сказала: „При всякомъ тяжеломъ испытаніи въ монастырѣ, я буду вспоминать, какъ меня мучили эти люди". Тридцать лѣтъ спустя, въ 1710 году, эта усердная и смиренная монахиня умерла, наконецъ, въ своемъ монастырѣ. Дочь, которую она родила Людовику XIV, онъ выдалъ замужъ за принца Конти.

Королю не пришлось ее видѣть послѣ ея удаленія; но г-жа Монтеспанъ, въ свою очередь вынужденная покинуть дворъ, обратилась къ ней за совѣтомъ и за утѣшеніемъ.

„Прошло время той фіалки, которая незамѣтно скрывалась въ травѣ", говоритъ г-жа Севинье. Г-жа Монтеспанъ, обладавшая поразительной красотой, была высокомѣрна, вспыльчива. Она не скрывала своего положенія: принимала и вызывала милости короля для себя и для своихъ родныхъ. Она, не щадя королевы, оскорбляла ее такъ, что даже король чувствовалъ себя затронутымъ. „Помните! она ваша государыня!" говорилъ онъ своей фавориткѣ. Когда скандалъ достигъ высшей степени, Боссюэтъ рѣшился прекратить его. Наступало время отпущенія грѣховъ. Ни король, ни Монтеспанъ не были лишены религіознаго чувства. Гнѣвъ Бога и отлученіе отъ церкви пугали ихъ. Послѣ очень пылкихъ сценъ Монтеспанъ покинула дворъ, а король отправился во Фландрію. Боссюэтъ писалъ ему: „очистите душу вашу отъ этого грѣха; но не только отъ грѣха, но и причины, вызывающей его; искорените его вполнѣ. Повсюду говорятъ о блескѣ вашихъ войскъ, объ ихъ готовности сдѣлать все по одному мановенію вашей руки. Но я думаю о другой, болѣе трудной, но и болѣе важной побѣдѣ, на которую васъ вызываетъ Богъ. Къ чему поведутъ всѣ ваши внѣшнія побѣды, если душа ваша будетъ побѣждена и плѣнена?"

Въ глубинѣ души Боссюэтъ чувствовалъ всю свою слабость; онъ сознавалъ, что предпринятый имъ крестовый походъ требовалъ полнаго отреченія отъ всего мірскаго, пылкости и усердія настоящаго апостола. „Ваше величество дали обѣщаніе Богу", писалъ онъ Людовику XIV, не подозрѣвая корреспонденціи между королемъ и г-жею Монтеспанъ. „Я былъ у нея", прибавилъ этотъ прелатъ, „нашелъ ее довольно спокойною и занятою добрыми дѣлами. Я повторилъ ей сказанныя мною вамъ слова, которыми Богъ повелѣваетъ отдать ему все наше сердце; они заставили ее пролить много слезъ. Да поможетъ Богъ вамъ укоренить эти слова въ глубинѣ вашего сердца и окончить этотъ подвигъ, дабы всѣ слезы, пролитыя вами, всѣ усилія, сдѣланныя вами, не были напрасны".

Король былъ на дорогѣ въ Версаль; г-жа Монтеспанъ должна была также вернуться; говорили, что этого требовала ея должность; Боссюэтъ

зналъ это; онъ ни минуты не сомнѣвался въ тщетности королевскихъ обѣщаній и своихъ собственныхъ надеждъ. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ повидаться съ королемъ въ Люзаркѣ. Людовикъ XIV не далъ ему слова сказать: „Не говорите мнѣ ничего, я далъ свои приказанія, и они должны быть исполнены". Боссюэтъ замолчалъ. „Онъ испыталъ всѣ средства, онъ дѣйствовалъ подобно пастырямъ первыхъ временъ съ энергіею, достойною первыхъ вѣковъ и первыхъ епископовъ", говоритъ Сенъ-Симонъ. Онъ чувствовалъ всю безполезность своихъ усилій; осторожность и придворный этикетъ заставили его молчать съ этихъ поръ. То было время всемогущества и величайшаго блеска великаго короля, время, когда никто не сопротивлялся его волѣ. Г-жа Монтеспанъ, которой надоѣла незамужняя жизнь, хотѣла заключить бракъ по любви. Всѣ были поражены, но напрасно: она не вышла замужъ за Лозёна, король не позволилъ этого. „Я васъ сдѣлаю столь великимъ", говорилъ онъ Лозёну, „что вамъ не надо будетъ сожалѣть о счастіи, котораго я лишаю васъ теперь, я даю вамъ титулъ герцога, пэра и жезлъ маршала Франціи. „Сиръ", отвѣчалъ Лозёнъ, „вы произвели уже столькихъ герцоговъ, что нельзя считать себя почтеннымъ этимъ титуломъ; что же касается маршальскаго жезла, ваше величество можетъ дать мнѣ его, когда я его заслужу". Вскорѣ послѣ этого онъ былъ сосланъ въ Пиньероль, гдѣ онъ провелъ 10 лѣтъ. Г-жа Монтеспанъ купила свободу Лозёна только тѣмъ, что завѣщала все свое имущество герцогу Мэнскому. Король передалъ его должность принцу Марсильяку, сыну Декларошфуко; въ то же время онъ осыпалъ своими милостями маршала Белефона. Г-жа Севинье говоритъ: „онъ позвалъ его въ своей кабинетъ и сказалъ ему: „Маршалъ, я хочу знать, почему вы меня оставляете? Побуждаетъ васъ къ этому благочестіе, желаніе уединиться или гнетъ долговъ? Въ послѣднемъ случаѣ я дамъ приказаніе устроить ваши дѣла". Маршалъ былъ чрезвычайно тронутъ такою добротою. „Сиръ", отвѣчалъ онъ, „долги привели меня на край пропасти. Я не въ состояніи переносить мысли, что не могу удовлетворить друзей моихъ, помогавшихъ мнѣ".—„Хорошо", сказалъ король, „я даю вамъ 100,000 франковъ для покрытія вашихъ долговъ, а вы оставайтесь у меня на службѣ". Только самый холодный человѣкъ могъ бы не повиноваться господину, который съ такимъ вниманіемъ вникалъ въ дѣла одного изъ своихъ слугъ; и маршалъ не могъ болѣе противиться: осыпанный милостями, онъ вступилъ въ свою должность". Король заботился о дѣлахъ маршала Франціи, платилъ его долги, маршалъ же оставался его рабомъ; весь дворъ занималъ такое положеніе; самые знатные вельможи стремились получить должности, которыя приблизили бы ихъ къ особѣ короля. Бонтанъ, его первый каммердинеръ, Фагонъ, его докторъ, и Марешалъ, его хирургъ, были всемогущи при дворѣ. Людовикъ XIV обладалъ искусствомъ придавать значеніе малѣйшей своей милости: цѣлью тщеславія самыхъ высокопоставленныхъ лицъ было подержать подсвѣчникъ во время его раздѣванія, быть въ числѣ свиты при поѣздкѣ въ Марли, участвовать въ игрѣ короля. Владѣтели старинныхъ замковъ, прекрасныхъ дворцовъ въ Парижѣ, тѣснились здѣсь на чердакахъ, считая себя счастливыми тѣмъ, что живутъ во дворцѣ короля. Всѣ вельможи, всѣ фаворитки изыскивали всевозможныя средства доставить удовольствіе королю; г-жа Монтеспанъ заказала для него миніатюрныя изображенія всѣхъ городовъ въ Голландіи, завоеванныхъ

имъ; изъ нихъ составили книгу, стоившую 4,000 пистолей и текстъ для которой писали Расинъ и Буало; люди разумные, подобно Лангле, старались заслужить вниманіе государя, льстя тѣмъ, кого онъ любилъ. Г-нъ Лангле подарилъ г-жѣ Монтеспанъ золотое платье изъ матеріи, невиданной до сихъ поръ; должно быть, соткали ее втайнѣ волшебницы; никто о ней ничего не зналъ; также таинственно хотѣли его поднести г-жѣ Монтеспанъ. Ея портной принесъ ей заказанное ею платье; лифъ его имѣлъ неимовѣрные размѣры; конечно, раздались восклицанія неудовольствія и упреки. Портной сказалъ, дрожа: „Сударыня, такъ какъ платье вамъ необходимо, то потрудитесь примѣрить вотъ другое: можетъ быть, оно будетъ вамъ впору“. — „Ахъ! что за матерія! откуда она? Она не можетъ быть сдѣлана человѣческими руками!“—Платье примѣряется; оно сидитъ отлично. Король приходитъ, портной говоритъ: „Сударыня, оно заказано для васъ; конечно, всѣ понимаютъ, что это любезность, но кто ея виновникъ? — „Это Лангле“, сказалъ король. И имя его стало переходить изъ устъ въ уста.

Весь образъ жизни при дворѣ соотвѣтствовалъ пышности короля и его придворныхъ. Кольберъ былъ въ отчаяніи отъ траты громадныхъ суммъ въ карточную игру: г-жа Монтеспанъ выигрывала и проигрывала въ одну ночь по 4 милліона.

На горизонтѣ появилась новая звѣзда, столь скромная и сдержанная, что никто, не исключая и самого короля, не могъ предвидѣть ея будущаго блеска. Г-жа Монтеспанъ искала воспитательницы для своихъ дѣтей. Она обратила свое вниманіе на г-жу Скарронъ, въ которой она, какъ женщина умная, оцѣнила прежде всего ея умъ. Сама она любила говорить, а г-жа Скарронъ славилась своимъ остроуміемъ. Это не нравилось королю, но г-жа Монтеспанъ побѣдила всѣ затрудненія: она тайно поручила г-жѣ Скарронъ своихъ дѣтей и помѣстила ихъ въ отдѣльномъ домѣ. Г-жа Скарронъ была очень внимательна, заботлива и разсудительна. Король былъ удивленъ преданностью ея къ порученнымъ ей дѣтямъ. „Она умѣетъ любить“, говорилъ онъ, „любовь ея можетъ доставить много радостей“. Довѣріе къ ней г-жи Монтеспанъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Тѣмъ не менѣе вспышки между ними были довольно часты. Г-жа Монтеспанъ была ревнива, высокомѣрна; она испугалась, замѣтивъ, что королю нравится тонкій умъ, ровный и твердый характеръ воспитательницы его дѣтей. Милости, которыми осыпали г-жу Скарронъ, не исходили отъ г-жи Монтеспанъ. Король заставилъ парламентъ узаконить герцога Мэна, г-жу Нантъ и графа Вексенъ; они были теперь оффиціально помѣщены въ Версали. Людовикъ XIV часто разговаривалъ съ г-жею Скарронъ. Она пріобрѣла, благодаря щедротамъ короля, владѣнія Ментенонъ. Онъ велѣлъ ей называться именемъ этой земли. Воспоминаніе о Скарронѣ было ему непріятно. „Думаютъ, что я обязана этимъ подаркомъ г-жѣ Монтеспанъ“, писала она г-жѣ Сенъ-Жеранъ, „но я обязана этимъ моему маленькому принцу“. Король, довольный его отвѣтами во время игры съ нимъ, назвалъ его очень разумнымъ мальчикомъ. „Какъ мнѣ не быть таковымъ“, отвѣчалъ ребенокъ, „моя воспитательница—олицетворенный разумъ“. „Скажи ей, что сегодня вечеромъ ты ей принесешь 100,000 франковъ на твое лакомство“. „Мать меня ссоритъ съ королемъ, а сынъ примиряетъ меня съ нимъ; двухъ дней я не нахожусь въ одномъ и томъ же положеніи, и я,

считавшая себя способною привыкнуть ко всему, не могу свыкнуться съ этой жизнью“. Часто говорила она о своемъ намѣреніи покинуть дворъ. Но она покинула его только для того, чтобы отправиться на воды съ герцогомъ Мэнскимъ, начавшимъ хромать вслѣдствіе сильныхъ судорогъ. „Ничто не могло быть пріятнѣе королю, какъ сюрпризъ, сдѣланный ему г-жею Ментенонъ“, писала г-жа Севинье своей дочери. „Наканунѣ дня, назначеннаго для возвращенія герцога Мэнскаго, онъ увидѣлъ его входящимъ въ свою комнату, безъ всякой другой помощи, кромѣ руки его воспитательницы; онъ былъ въ восторгѣ“. Лувуа, по своемъ возвращеніи, явился къ г-жѣ Ментенонъ; она ужинала у г-жи Ришелье: одни цѣловали у нея руку, другіе платье, а она подсмѣивалась надъ всѣми. Король съ каждымъ днемъ находилъ больше удовольствія въ разговорѣ съ воспитательницей. Часто г-жа Монтеспанъ съ горечью высказывала свое неудовольствіе. „Она упрекаетъ меня своими благодѣяніями, своими подарками; говоритъ, что она меня кормила, а я ее убиваю, но вы знаете, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ, странно, мы не можемъ жить вмѣстѣ, и не можемъ разстаться. Я ее люблю и не могу себя убѣдить, что она меня ненавидитъ“. Г-жа Ментенонъ стала проповѣдывать добродѣтель. „Король провелъ два часа въ моемъ кабинетѣ“, писала она г-жѣ Сенъ-Жеранъ: „это самый любезный человѣкъ во всемъ королевствѣ. Я говорила ему о Бурдалу. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ. Можетъ быть, онъ не такъ далекъ отъ помышленія о спасеніи своей души, какъ это полагаетъ дворъ. У него есть хорошія чувства, и часто его мысли обращаются къ Богу“.

„Г-жа Монтеспанъ спрашиваетъ у меня совѣта“, говорила Ментенонъ, „я говорю ей о Богѣ, и она воображаетъ, что я въ заговорѣ противъ нея съ королемъ. Вчера я присутствовала при очень горячемъ разговорѣ между ними. Я удивилась терпѣнію короля и вспыльчивости Монтеспанъ. Разговоръ кончился слѣдующими странными словами: „я вамъ сказалъ уже, что не хочу, чтобы меня стѣсняли“. Съ этихъ поръ г-жа Монтеспанъ не стѣсняла короля. Онъ назначилъ г-жу Ментенонъ дамою при супругѣ дофина. „Мнѣ разсказываютъ“, говоритъ г-жа Севинье, „что разговоръ короля становится съ каждымъ днемъ продолжительнѣе и интереснѣе; невѣстка его является на очень короткое время, и немедленно послѣ ея ухода прерванный разговоръ возобновляется. Къ Ментенонъ приближаются теперь со страхомъ и съ уваженіемъ, министры ухаживаютъ за нею подобно всѣмъ другимъ. Король оказываетъ ей самое дружеское вниманіе; она знакомитъ его съ совершенно новою для него стороною жизни: съ прелестью дружбы и свободнаго разговора; онъ кажется въ восторгѣ“.

Осторожная и ловкая г-жа Ментенонъ гордилась тѣмъ, что направила короля и весь дворъ на лучшій путь. „Ничто не вліяетъ такъ, какъ безупречное поведеніе“, говорила она. Король бывалъ теперь часто у королевы; послѣдняя осыпала ласками г-жу Ментенонъ. „Король никогда не былъ ко мнѣ такъ внимателенъ, какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее слушаетъ“, говорила бѣдная королева. Самые непроницательные люди стали замѣчать скромное сіяніе восходящаго свѣтила.

30-го марта 1683 г. умерла королева тихо и спокойно, какъ жила. „Вотъ первое горе, причиненное мнѣ ею“, сказалъ король, въ своемъ величественномъ и наивномъ эгоизмѣ признавая добродѣтель своей много-

страдавшей жены, которую онъ подвергалъ такимъ жестокимъ испытаніямъ. Г-жа Ментенонъ была взволнована, но тверда. „Г-жа Монтеспанъ принялась горячо молиться“, писала она по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти королевы; „что касается меня, я не намѣрена болѣе удаляться“. Ея здравый смыслъ и предусмотрительное честолюбіе защищали ее болѣе отъ всѣхъ опасностей, чѣмъ ея добродѣтель; съ этихъ поръ она ясно видѣла передъ собою цѣль; она подвигалась къ ней ровнымъ шагомъ. Король входилъ еще къ г-жѣ Монтеспанъ по вечерамъ, прежде чѣмъ идти играть, но оставался у нея только одну минуту, чтобы отъ нея отправиться къ г-жѣ Ментенонъ. Послѣдняя отказалась отъ предложенія занять мѣсто почетной дамы при женѣ дофина. Между тѣмъ она сопровождала короля во всѣхъ его путешествіяхъ. Г-жа Монтеспанъ, оскорбленная тѣмъ, что король былъ занятъ только г-жею Ментенонъ, „сказала ему однажды въ Марли“, разсказываетъ Данжо, „что она проситъ у него милости—предоставить ей должность шута его придворныхъ“. Семь лѣтъ переносила она униженія, прежде чѣмъ наконецъ рѣшилась покинуть дворъ въ 1691 г.

Время совершенія брака между королемъ и г-жею Ментенонъ не было никогда въ точности извѣстно, вѣроятно, это произошло полтора или два года послѣ смерти королевы. Королю было 47 лѣтъ, а г-жѣ Ментенонъ 50. Она сохранила еще много слѣдовъ прежней красоты: „у нея были живые, умные глаза, удивительная грація“, говоритъ Сенъ-Симонъ, ненавидѣвшій ее; „осанка ея была легкая, сдержанная и внушавшая уваженіе; она выражалась мягко, точно и красиво“.

Г-жа де-Лавальеръ повелѣвала молодымъ, страстнымъ сердцемъ короля; г-жа Монтеспанъ господствовала надъ дворомъ, одна г-жа Ментенонъ царствовала надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ и королемъ. „Отдавъ сердце, мы должны оставаться неограниченными государями нашего ума,—писалъ Людовикъ XIV,—любовь наша должна быть въ сторонѣ отъ нашихъ правительственныхъ дѣлъ; обожаемая нами личность не должна никогда говорить съ нами о нашихъ дѣлахъ“. Король педантично придерживался этого правила: г-жа Лавальеръ никогда не думала о дѣлахъ, г-жа Монтеспанъ желала только блистать; она боролась противъ вліянія Кольбера, но только когда послѣдній старался ограничить ея разорительныя фантазіи; къ Лувуа она обращалась за помощью только для того, чтобы противодѣйствовать возраставшему вліянію г-жи Ментенонъ; одна Ментенонъ принимала участіе въ дѣлахъ и часто имѣла важное и рѣшительное вліяніе на ихъ ходъ. Министры работали у нея съ королемъ, который въ затруднительныхъ вопросахъ обращался къ ней съ словами: „какъ вы думаете объ этомъ?“ Мнѣнія, высказываемыя ею, были обыкновенно умѣренны и разумны.

„Мой разговоръ о постройкахъ не понравился“, писала она кардиналу Ноайль, „и я очень сожалѣю, что напрасно разсердила короля. Здѣсь производится опять постройка главнаго зданія, которая будетъ стоить 100,000 фунтовъ. Марли сдѣлается скоро вторымъ Версалемъ. Но что будетъ съ народомъ!“ Позднѣе она писала: „не сочтете ли вы полезнымъ составить списокъ хорошихъ епископовъ? Если вы мнѣ его пришлете, то при случаѣ я поддержу ихъ интересы и постараюсь, чтобы имъ поручали дѣла, на которыя они болѣе способны. Меня всегда спрашиваютъ, когда дѣло касается ихъ; узнавъ ихъ лучше, я буду

смѣлѣе". Въ 1694 г. Фенелонъ писалъ ей: „говорятъ, что вы очень мало вмѣшиваетесь въ дѣла. Вы можете быть болѣе полезны, чѣмъ вы думаете. Вы должны всѣми силами стараться внушить королю мысли о мирѣ, объ облегченіи народа; внушить ему недовѣріе къ жестокимъ и насильственнымъ мѣрамъ, отвращеніе къ произволу, наконецъ любовь къ церкви и желаніе найти для нея хорошихъ пастырей". Ни Фенелонъ, ни г-жа Ментенонъ не видѣли въ отмѣнѣ Нантскаго эдикта ни произвола, ни жестокости. Она совсѣмъ не стояла за преслѣдованіе, но боялась, что ея умѣренность припишутъ предпочтенію ея прежней религіи; поэтому она видѣла себя вынужденной одобрять то, что было совершенно противно ея убѣжденіямъ. Эгоизмъ и подлая осторожность заставили ее, хотя и противъ ея желанія, принять участіе въ жестокостяхъ противъ гугенотовъ.

Не смотря на кажущуюся скромность и сдержанность г-жи Ментенонъ, ея власть надъ умомъ короля становилась съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Она умѣла пріобрѣсти ее своимъ стараніемъ угодить ему и своею искреннею привязанностью къ дѣтямъ, воспитаннымъ ею и которыхъ Людовикъ XIV очень любилъ.

Король былъ всегда неограниченнымъ господиномъ своей семьи; онъ внушалъ всѣмъ членамъ ея неодолимый страхъ. Такое отношеніе лишало его прелести интимной семейной жизни. Вотъ почему общество герцогини Бургундской доставляло ему и г-жѣ Ментенонъ столько удовольствія: эта молодая принцесса, пріѣхавшая еще совершеннымъ ребенкомъ во Францію, умѣла своимъ веселымъ, откровеннымъ обращеніемъ и своимъ тактомъ установить и поддержать самыя дружескія отношенія въ семейномъ кружкѣ короля. Въ обществѣ она была серьезна, сдержанна съ королемъ и вѣжлива съ г-жею Ментенонъ, но оставшись съ ними наединѣ, она становилась разговорчива и весела: она прыгала, садилась на кресло то одного, то другой, обнимала ихъ, цѣловала, ласкала, мяла ихъ, рылась въ ихъ столахъ, бумагахъ, письмахъ, читала ихъ иногда противъ ихъ воли, когда видѣла ихъ въ настроеніи посмѣяться надъ этимъ. Она являлась при пріемѣ курьеровъ, привозившихъ самыя важныя извѣстія, входила къ королю во всякое время, даже иногда во время совѣщаній; она всегда была готова услужить, извинить, сдѣлать хорошее дѣло, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ее насильно возбуждали противъ кого-нибудь. Король не могъ жить безъ нея. Когда она изрѣдка не являлась къ его ужину, онъ казался серьезнѣе и задумчивѣе обыкновеннаго.

Жена дофина умерла въ 1690 году; такимъ образомъ герцогиня Бургундская уже съ дѣтства была королевою при дворѣ и идоломъ всѣхъ придворныхъ. Она была центромъ всѣхъ удовольствій; для нея король устраивалъ празднества, къ которымъ онъ пріучилъ Версаль; только ради нея и ея здоровья онъ соглашался измѣнять свои привычки или свои планы. „Слава Богу", воскликнулъ онъ послѣ болѣзни принцессы, „доктора не будутъ болѣе мѣшать своими представленіями моимъ путешествіямъ и планамъ. Я буду уѣзжать и пріѣзжать, какъ мнѣ вздумается, и меня оставятъ въ покоѣ". Этотъ чудовищный эгоизмъ поражалъ непріятно всѣхъ, даже самыхъ преданныхъ слугъ его. „Послѣ этой выходки", говоритъ Сенъ-Симонъ, „воцарилось глубокое молчаніе. Всѣ опустили глаза и едва дышали. Это молчаніе продолжалось четверть

часа. Король, опираясь на перила большаго бассейна, прервалъ его замѣчаніемъ о какомъ-то карпѣ. Никто не отвѣчалъ ему. Вскорѣ онъ удалился. Послѣ его ухода мы всѣ переглянулись и поняли другъ друга". Говорить никто не смѣлъ. Фенелонъ съ состраданіемъ къ нему сказалъ однажды: „Да проститъ Богъ этому королю, котораго съ самаго дѣтства окружали льстецы".

Лесть грозила перейти въ лицемѣріе. Король, возвратившись къ болѣе правильному образу жизни, хотѣлъ подчинить ему и весь дворъ. Любовь къ порядку, долгое время заглушаемая его увлеченіями, снова охватила Людовика XIV. Онъ требовалъ его и отъ всѣхъ придворныхъ. Казалось, они вполнѣ покорились этому новому игу; только нѣкоторые принцы и принцессы ускользали изрѣдка отъ него, окружая себя товарищами, не могшими вполнѣ отречься отъ разгульной жизни. Добрые люди наивно радовались перемѣнѣ при дворѣ, но болѣе проницательные умы втайнѣ боялись за усиленіе лжи и гнета надъ совѣстью и жизнью столькихъ людей. Король искренно раскаявался въ своемъ прошедшемъ, какъ и многіе изъ его придворныхъ; другіе же выказывали раскаяніе, нисколько не чувствуя его, только для того, чтобы понравиться королю: нравственная испорченность скрывалась подъ видомъ благочестія.

Г-жа Ментенонъ является какъ бы геніемъ, водворившимъ порядокъ, приличіе и правильность въ придворной жизни. Вся отвѣтственность въ этой перемѣнѣ пала на нее. Добро, которое она дѣлала, затемнялось зломъ, которое она терпѣла или даже одобряла. Она была вѣрна своимъ друзьямъ, пока они пользовались милостью короля; коль скоро они имѣли несчастіе навлечь на себя его гнѣвъ, она отказывалась ихъ видѣть. Не обладая ни мужествомъ, ни смѣлостью для противодѣйствія капризамъ и своеволію короля, она поддерживала свою власть надъ нимъ только своею ловкостью и предусмотрительностью, которыя она умѣла скрывать подъ видомъ чувства собственнаго достоинства. Она никогда не забывала своего происхожденія. Жизнь ея, вполнѣ посвященная королю, обратилась въ настоящее рабство. Она высказывала это въ Сенъ-Сирѣ г-жѣ д'Омаль: „Молиться я могу только когда всѣ спятъ. Съ $7^1/_2$ часовъ ни одна минута не принадлежитъ болѣе мнѣ: одинъ приходитъ за другимъ, и оставляютъ меня только по появленіи самого короля. Послѣдній остается со мною до обѣдни. Я бываю еще въ неглиже́. Послѣ обѣдни приходитъ снова король, а за нимъ герцогиня Бургундская со своими дамами. Онѣ остаются, пока я обѣдаю. Мнѣ приходится поддерживать разговоръ, который ежеминутно прерывается. Всѣ окружаютъ меня, и мнѣ не у кого попросить стакана воды. Я имъ говорю иногда: „я очень польщена оказываемою мнѣ честью, но я желала бы имѣть лакея". Наконецъ они всѣ идутъ обѣдать. Я была бы свободна, еслибы королевскій принцъ не приходилъ въ это время ко мнѣ: онъ обѣдаетъ раньше, чтобы затѣмъ отправиться на охоту. Его очень трудно занимать; онъ говоритъ мало и всегда скучаетъ, такъ что мнѣ приходится говорить за двоихъ. Послѣ обѣда король приходитъ ко мнѣ со всею королевскою семьею, принцами и принцессами. Тогда надо принять участіе въ самомъ веселомъ разговорѣ и смѣяться, не смотря на тяжелыя извѣстія, получаемыя отовсюду. Послѣ удаленія этого общества которая-нибудь изъ дамъ заявляетъ желаніе переговорить со мною наединѣ; король возвращается съ охоты, является ко мнѣ; дверь запирается, и мы остаемся одни. Тогда надо

утѣшать его въ его неудачахъ. Является министръ, и король принимается за работу. Если мое присутствіе при совѣщаніи не необходимо,— что случается очень рѣдко,—то я, отодвинувшись отъ нихъ, пишу или молюсь. Я ужинаю, пока король еще работаетъ. Я никогда не могу быть спокойна насчетъ его. Король мнѣ говоритъ: „Вы устали; ложитесь спать". Мои прислужницы приходятъ; но я чувствую, что онѣ стѣсняютъ короля, который хотѣлъ бы говорить со мною, но не можетъ этого сдѣлать въ ихъ присутствіи. Тогда я тороплюсь раздѣваться и очень рада, когда наконецъ лягу въ постель. Король подходитъ ко мнѣ и остается у моего изголовья до ужина; но за четверть часа до этого времени дофинъ, герцогъ и герцогиня Бургундская входятъ ко мнѣ. Въ 10 часовъ всѣ удаляются. Тогда я наконецъ остаюсь одна, но до того усталою, что не могу спать".

Ей было тогда 70 лѣтъ; она часто хворала, но такъ какъ герцогиня Бургундская была еще очень молода, то все бремя придворной дипломатіи лежало на г-жѣ Ментенонъ. „Принцесса Урсини возвращается въ Испанію", говорила она, „если я не займусь ею, не исправлю своею любезностью холодность герцогини Бургундской, равнодушіе короля, сухость другихъ принцевъ, то она уѣдетъ недовольною нашимъ дворомъ, а между тѣмъ необходимо, чтобы она хвалила насъ при испанскомъ дворѣ".

И дѣйствительно, тайныя сношенія между Франціей и Испаніей велись очень часто г-жею Ментенонъ, какъ это видно изъ ея корреспонденціи съ принцессою Урсини.

LXI. Отмѣна Нантскаго эдикта, преслѣдованіе гугенотовъ и начало возстанія ихъ на югѣ Франціи.

(Изъ соч. Море: „Quinze ans du règne de Louis XIV").

Послѣ того, какъ окончена была борьба Ришелье съ гугенотами, послѣдніе, хотя и лишились нѣкоторыхъ прерогативъ, обезпеченныхъ за ними Нантскимъ эдиктомъ, жили-себѣ счастливо и спокойно подъ сѣнью свободы, дарованной имъ Генрихомъ IV-мъ. Если они и не исповѣдывали господствующей религіи и молились Богу на другомъ языкѣ, чѣмъ масса населенія, все же отечество не имѣло сыновъ болѣе способныхъ, а король лучшихъ вѣрноподданныхъ, чѣмъ гугеноты. Они составляли значительный контингентъ въ судахъ, въ арміи, во флотѣ; въ ихъ рукахъ были многочисленныя промышленныя предпріятія. Дюкенъ, великій мореплаватель XVII вѣка, извѣстный полководецъ Шомбергъ, знаменитый адмиралъ Рувиньи и много другихъ были послѣдователями ученія Кальвина. Въ смутное время фронды они старательно избѣгали всякаго участія въ политикѣ, ни одинъ протестантъ не поднялъ оружія противъ регентши, и, скажемъ болѣе, человѣкъ, защищавшій въ то время дворъ и протежировавшій Людовику XIV во время его дѣтства, именно Тюреннь, былъ гугенотъ. Поэтому Мазарини отдавалъ имъ полную и совершенную справедливость. „Мнѣ нечего жаловаться на эту маленькую паству", говорилъ онъ, „если они и питаются сорными травами, по крайней мѣрѣ не отбиваются отъ рукъ".

Трудолюбивые и дѣятельные, они особенно устремились въ сферу

промышленности. Негоціанты изъ кальвинистовъ считались первыми во Франціи; они нажили столь значительныя состоянія, что ихъ богатства вошли въ поговорку. Въ половинѣ XVII столѣтія говорили: „богатъ, какъ протестантъ“.

Не отличаясь и безъ того ничѣмъ по образу жизни отъ католиковъ, они были предназначены слиться еще болѣе воедино по мѣрѣ того, какъ отдалялись отъ нихъ воспоминанія о религіозныхъ спорахъ и войнахъ. Еще одно столѣтіе (1685—1789) — и протестанты были бы поглощены, быть можетъ, великимъ французскимъ единствомъ; многіе изъ нихъ, вѣроятно, перешли бы въ католическую вѣру, и, дабы завершить это великое дѣло, достаточно было бы оставить гугенотамъ ихъ хартію, Нантскій эдиктъ, и выжидать. Но по религіозной ли ревности, или же подъ вліяніемъ политической системы Людовикъ XIV порѣшилъ тотчасъ же обратить гугенотовъ въ лоно католической церкви. Обманутый лживыми совѣтниками, которые увѣряли его въ легкости предпріятія, онъ прибѣгнулъ къ насилію, орудію весьма плохому въ борьбѣ съ совѣстью, и рѣшилъ, имѣя на своей сторонѣ, кромѣ закона, судей и палачей, заставить всѣхъ протестантовъ Франціи, съ ножомъ у горла, искренно отказаться отъ вѣры своихъ отцовъ.

Преслѣдованія начались отмѣной Нантскаго эдикта (октябрь 1685). Этотъ эдиктъ, провозглашенный Генрихомъ IV *вѣчнымъ и неизмѣннымъ*, предоставлялъ протестантамъ свободное исповѣданіе ихъ религіи. Всехристіаннѣйшій король, измѣнившій слову своего предка, уничтожилъ эдиктъ, приказалъ немедленно разрушить всѣ храмы, воспретилъ отправленіе богослуженія по обрядамъ кальвинизма и для того, чтобы воспрепятствовать протестантамъ жертвовать изъ-за вѣры своимъ отечествомъ и спасаться бѣгствомъ за границу, гдѣ никто не насиловалъ ихъ свободы совѣсти, онъ запретилъ имъ выѣздъ изъ предѣловъ государства, подъ страхомъ ссылки на галеры — для мужчинъ и конфискаціи имущества и тюремнаго заключенія — для женщинъ. Вслѣдъ за отмѣной эдикта почти немедленно появилось множество декретовъ, которые становились все строже и строже; ими протестанты поставлены были внѣ законовъ гражданскихъ и религіозныхъ, и такимъ образомъ для нихъ создано было такое положеніе вещей, что они какъ бы превратились въ племя подозрительныхъ людей, предназначенныхъ населять, при малѣйшемъ предлогѣ, темницы, галеры и эшафоты. Словомъ, гугенотовъ третировали въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣковъ такъ же, какъ евреевъ и прокаженныхъ въ средніе вѣка. Правительство поражало въ одно и то же время ихъ занятія, собственность, семью и вѣру. Расширяя кровавую рану, король издалъ относительно гугенотовъ цѣлый рядъ постановленій, одно чтеніе которыхъ заставляетъ содрогаться отъ ужаса. Онъ сдѣлалъ ихъ жизнь ненавистной и, при помощи весьма неразумныхъ средствъ, не оставилъ своимъ врагамъ другой надежды, кромѣ мщенія, инаго убѣжища, кромѣ смерти.

Существованіе протестанта обставлено было рядомъ почти безпрерывныхъ преслѣдованій, начинавшихся у колыбели и оканчивавшихся могилой. Спеціальными законами Людовикъ XIV воспретилъ имъ прежде всего занятіе общественныхъ должностей. Было воспрещено протестанту занимать муниципальныя должности, воспрещено быть докторомъ, адвокатомъ, нотаріусомъ, приставомъ, секретаремъ суда или прокуроромъ,

воспрещено даже быть купцомъ *); воспрещено быть сборщикомъ податей, занимать должности гражданскихъ чиновъ государства; всѣ находившіеся на государственной службѣ протестанты вынуждены были продать свои мѣста (15 іюня 1682). Имъ воспрещены, равнымъ образомъ, профессіи ювелира, книгопродавца, типографщика, аптекаря, бакалейщика, даже лакея **). Другими словами, имъ дозволялось лишь заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; позже они поступали въ солдаты. Наконецъ, чтобы окончательно стереть съ земли послѣдніе слѣды протестантовъ, въ то же время изданы ужасные указы, которые дышатъ яростью палача.

Послѣ того какъ уничтожены были протестантскіе храмы, запрещено богослуженіе, гугеноты стали собираться въ уединенныхъ дикихъ мѣстностяхъ и тамъ, среди пустыни, какъ они выражались на библейскомъ языкѣ, торжественно совершали свои таинства и внимали рѣчамъ скитающихся и опальныхъ священнослужителей. Король воспретилъ эти тайныя торжества въ духѣ кальвиническаго богослуженія, подъ страхомъ ужасныхъ наказаній: всѣмъ протестантскимъ священнослужителямъ, оставшимся во Франціи, грозила смертная казнь; тѣмъ изъ нихъ, которые вновь возвратились во Францію — тоже смертная казнь; всѣмъ лицамъ, которыя будутъ совершать какой-либо актъ протестантскаго богослуженія,—тоже смертная казнь, и наконецъ, всѣмъ лицамъ, присутствовавшимъ на собраніи,—смертная казнь. (Указъ 1 іюля 1686 г.).

Смертная казнь за спѣтый псаломъ или за выслушаніе проповѣди— это было уже жестокостью, которую мы отказываемся понимать. Правительство пошло еще дальше: не довольствуясь преслѣдованіемъ гугенотовъ на улицахъ и въ пустыняхъ, оно проникло въ жилища, подслушивало разговоры и допустило доносчиковъ къ семейному очагу. Въ силу уничтоженія эдикта, воспрещалось отправленіе протестантскаго богослуженія подъ опасеніемъ конфискаціи имущества. Государственная казна отбирала, во имя короля, у осужденныхъ ихъ родовыя имущества. Нѣкоторые ссыльные, чтобы избѣжать окончательнаго разоренія, ввѣряли свои состоянія преданнымъ друзьямъ честнымъ католикамъ, которые принимали ихъ на свое имя. Король обѣщалъ половину движимаго имущества и доходъ за 10 лѣтъ съ недвижимаго тому лицу, которое укажетъ на скрытое и утаенное имущество бѣглецовъ. (Указъ января 1688 г.).

Вскорѣ конфискаціи стали столь значительными, что само правительство растерялось отъ огромнаго количества имущества, скопившагося въ его рукахъ, и возвратило обратно разореннымъ семействамъ. Особенная благосклонность закона выражалась въ томъ, что онъ почиталъ умершими всѣхъ изгнанныхъ протестантовъ, объявилъ о раздачѣ наслѣдствъ и подѣлилъ имущества между законными наслѣдниками. (Декларація короля, декабрь 1689 г.). Изъ неслыханной предосторожности, составлены были постановленія относительно обращенныхъ гугенотовъ: имъ воспрещалось продавать свои недвижимыя имущества и даже движимыя безъ особаго разрѣшенія государственнаго секретаря. (Указъ 5 мая

*) Указы 1681, 15 іюня 1682, 10 и 11 іюля, 3 и 17 ноября 1685, 11 іюня 1686, 8 августа 1686.

**) Указы 17 августа 1680, 29 сентября 1682, 4 марта 1683.

1699 г.). Министерство опасалось, что эти котолики по необходимости вздумають, чего добраго, реализовать свое состояніе и выѣдутъ заграницу; означенное постановленіе, возобновляемое каждые три года, существовало до конца царствованія Людовика XIV. Вмѣстѣ съ состояніемъ правительство отбирало у протестантовъ и дѣтей. Прежде всего оно подстрекало семейства къ раздѣленію. Подъ видомъ коварно-разсчитаннаго либерализма, законъ объявлялъ, что, начиная съ семилѣтняго возраста, сынъ протестанта имѣлъ право отказаться отъ религіи Кальвина; далѣе законъ позволялъ ему, въ случаѣ, если даже его родители препятствовали ему въ томъ, переходить въ другую вѣру, и, наконецъ, если ему не нравился родительскій кровъ, то разрѣшалось уходить изъ семьи и требовать мѣсячнаго содержанія отъ отца и матери. Указъ 1681 г.). Другими указами предписывалось гугенотамъ воспитывать своихъ дѣтей въ правилахъ католической вѣры, посылать ихъ въ духовныя католическія школы, и такъ какъ, не смотря на законныя предписанія, протестанты плохо повиновались имъ, появился указъ, который, сбросивъ маску, преисполнилъ мѣру беззаконій. Противно самымъ священнымъ правамъ природы онъ повелѣвалъ, чтобы протестанты, начиная съ пятилѣтняго и до шестнадцатилѣтняго возраста, были удалены изъ своихъ семей и преданы своимъ католическимъ родственикамъ; буде же таковыхъ не имѣется, то даже постороннимъ католикамъ по назначенію суда. (Указъ января 1686) *). Другими словами, правительство сдѣлалось само похитителемъ дѣтей. Руководствуясь безчестнымъ разсчетомъ, оно оставляло сына у родительскаго очага до того момента, пока онъ научался мыслить и говорить и проникался вліяніемъ домашняго воспитанія; тогда являлось правительство и уводило ребенка. Не, взирая на горе отца, на просьбы, слезы и страшное отчаяніе матери, солдаты уносили на рукахъ несчастныхъ малютокъ. Иногда протестанты, по возвращеніи своемъ домой, находили колыбель опустѣвшею. Оказывалось, что ихъ сынъ унесенъ драгунами и у нихъ вдругъ не стало ребенка.

Въ этомъ кровавомъ сводѣ законовъ наказаніе было всегда позоромъ: разореніе или смерть, ссылка на галеры или конфискація, страшное наказаніе костромъ или низкое—висѣлицей. Эти драконовы законы утрировались еще болѣе самими представителями королевской власти, интендантами и ихъ помощниками. Они сообразовали свои дѣйствія съ секретными намѣреніями, которыя поставлены имъ были на видъ и заботились меньше о буквѣ закона, нежели о духѣ его. Всѣмъ хорошо было извѣстно, что Людовикъ XIV не любилъ протестантовъ... Это были враги короля, говорили тогда. Въ особенности на югѣ Франціи, гдѣ религіозныя страсти были такъ пылки, вдали отъ двора, вдали отъ министровъ, агенты правительства присоединяли къ легальнымъ строгостямъ безпрестанно возрождавшіяся и усиливавшіяся жестокости. Это было безпрерывное преслѣдованіе: всякій день новая мрачная картина, каждый день—новый плачевный разсказъ. Здѣсь солдаты обыскивали домъ и уводили подозрительныхъ людей; тамъ драгуны скакали на собраніе

*) Этотъ звѣрскій указъ вызвалъ такое осужденія, что вскорѣ отказались отъ его исполненія. Между тѣмъ, по словамъ Кокереля, это похищеніе дѣтей практиковалось въ теченіе всего XVII столѣтія.

и разгоняли присутствовавшихъ ружейными выстрѣлами и сабельными ударами. Одни встрѣтили священнослужителя, ведомаго на казнь, и описывали его покорность Провидѣнію, его мужество, говорили о его послѣднемъ вздохѣ; другіе видѣли, какъ прошла толпа закованныхъ роковою цѣпью каторжниковъ, и съ ужасомъ узнали осужденныхъ гугенотовъ въ одной парѣ съ ворами и фальшивыми монетчиками. Въ сосѣднемъ селеніи разыгрывалась отвратительная сцена: вновь обращеннаго протестанта, отказавшагося передъ смертью отъ напутствія католическаго священника, замученнаго влачили на плетеной рѣшеткѣ и затѣмъ выбрасывали трупъ на дорогу *). Законъ поражалъ даже мертвыхъ. Въ моментъ предстанія передъ Вѣчнымъ Судьей протестантъ долженъ былъ лицемѣрить, чтобы получить право на погребеніе. Ужасъ объялъ семьи: друзья, родные перестали довѣрять другъ другу. Малѣйшаго доноса достаточно было, чтобы явились королевскіе слуги и приговорили отца къ каторжнымъ работамъ или на висѣлицу, заключили матерей въ темницы и взяли съ собою дѣтей. Имущество конфисковывалось, и доносчикъ получалъ свою долю, также какъ имѣлъ свою долю въ преступленіи. Тюрьмы были переполнены.

Въ виду такихъ преслѣдованій, протестанты продавали свои имѣнія, собирали свои богатства и спасались бѣгствомъ. Правительство, раздосадованное столь значительной потерей, думало прекратить это явленіе изданіемъ ужасныхъ законовъ. Король наказывалъ вѣчной каторгой всякаго гугенота, перешедшаго границу (указъ 7 мая 1686 г.), и смертью—всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ ихъ побѣгу **). Онъ приказалъ разставить войска на границѣ и стеречь морской берегъ судами и солдатами. Но всѣ предосторожности были тщетны: протестанты все-таки ускользали изъ его рукъ. Религіозная ревность, невыносимыя жестокости правительства, святая привязанность къ дѣтямъ—заставляли ихъ презирать всѣ опасности ***). Они смѣло подвергали себя ссылкѣ на галеры, презирали трудности путешествія, полнаго лишеній, тоску смертельнаго ожиданія. Принося смерть въ жилища своихъ хозяевъ, въ обмѣнъ за гостепріимство, путешествуя лишь по ночамъ, многіе достигали со своими семьями, женами и дѣтьми до береговъ Рейна или до Альпъ. Руководимые на дальнихъ разстояніяхъ неизвѣстными друзьями, принужденные переодѣваться, подкупать стражу, они только тогда чувствовали себя внѣ опас-

---

*) Указъ 29 апрѣля 1686 г. относительно вновь обращенныхъ, которые отказались бы отъ причащенія во время болѣзни. Если онъ выздоравливалъ, то приговаривался къ вѣчной каторжной работѣ, какъ еретикъ, и его имѣніе конфисковалось.

**) Указъ 12 октября 1687 г. Этотъ указъ, кромѣ своего варварства, былъ вопіющей непослѣдовательностью: онъ наказывалъ бѣглецовъ каторгой, а соучастниковъ — смертью, т. е. соучастники были наказываемы сильнѣе, нежели главные виновники.

***) „Записки“ Жана Миго или „Несчастія протестантской семьи изъ Пуату“ въ эпоху отмѣны Нантскаго эдикта, по манускрипту, найденному у одного потомка автора (Парижъ, 1825, I часть). Любопытно прочесть это сочиненіе какъ примѣръ тѣхъ трудностей, которыя должны были преодолѣвать протестанты, чтобы выбраться изъ Франціи. По словамъ этихъ записокъ, боязнь лишиться своихъ дѣтей была главнымъ двигателемъ, заставлявшимъ гугенотовъ спасаться бѣгствомъ.

ности, когда ступали на давно желанную границу королевства. Большинству удавалось ускользнуть. Достойно замѣчанія обстоятельство, что солдаты, на обязанности которыхъ лежало охраненіе границъ, нерѣдко сами способствовали ихъ бѣгству, не смотря на законъ, который наказывалъ смертною казнью соучастниковъ эмиграціи. Тронутые столькими страданіями, офицеры смотрѣли на бѣглецовъ сквозь пальцы и являлись человѣчнѣе закона.

Многіе уѣзжали ночью, моремъ, на голландскихъ и англійскихъ судахъ, которыя быстро переносили ихъ хотя и на чужую, но протестантскую землю. Въ эту эпоху берега океана часто бывали нѣмымъ свидѣтелемъ еплачевныхъ драмъ и раздирающихъ душу сценъ эмиграціи и ужаса. Величайшія препятствія ожидали протестантовъ, намѣревавшихся бѣжать. Прежде всего нужно было найти капитана, затѣмъ собрать всю семью, дѣтей, стариковъ и слабыхъ и доставить всѣхъ далеко отъ города, на тотъ пунктъ берега, гдѣ должна была совершиться посадка на судно. Прибывъ на мѣсто иногда пѣшкомъ, когда невозможно было достать лошадей, протестанты въ эту послѣднюю минуту больше всего страшились бдительности королевскихъ солдатъ. Ихъ могли захватить на самомъ мѣстѣ преступленія; случись, что мимо пройдутъ какія-либо войска, — ихъ ожидала вѣчная каторга. Къ этому опасенію, заставлявшему ихъ трепетать при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, при всякомъ отдаленномъ шумѣ, при всякомъ звукѣ человѣческой рѣчи, до тѣхъ поръ, пока нога ихъ касалась французской почвы, присоединялись неувѣренность въ благопріятной погодѣ, опасности самаго путешествія. Погода, хорошая днемъ, нерѣдко измѣнялась ночью. Море внезапно покрывалось пѣнящимися волнами, и шлюпка, которая должна была доставить ихъ на судно, показывалась на гребняхъ морскихъ валовъ, качаясь изъ стороны въ сторону. Протестанты, дрожа отъ холода, со страхомъ глядѣли на нее: доберется ли она? причалитъ ли она во время? достаточно ли она велика? И къ этому безпокойству всегда примѣшивалось смертельное томленіе: не явятся ли солдаты? Наконецъ шлюпка приставала къ берегу, и гугеноты бросались въ нее всѣ заразъ. Въ этотъ мигъ надежды и высшаго счастія они кидались, какъ люди, опьянѣвшіе отъ радости, и въ мгновеніе ока шлюпка была вся полна. Изъ опасенія крушенія, моряки грубо отталкивали тѣхъ, кто еще оставался, и хрупкая ладья возвращалась къ кораблю нагруженная и какъ бы переполненная людьми. Посреди этихъ смертельныхъ опасеній, послѣ нѣсколькихъ подобныхъ поѣздокъ, мало-по-малу совершалась нагрузка. Но подобный отъѣздъ еще былъ счастливъ. Часто, къ горечи путешествія, утраты родины, родныхъ, друзей, къ тоскѣ неожиданности, къ страху каторги присоединялись ужасные эпизоды. Иногда во время этихъ страшныхъ минутъ ожиданія вдругъ раздавался топотъ лошадей, и являлись въ галопъ драгуны. Они окружали, съ саблями наголо, семейства бѣглецовъ и уводили ихъ въ плѣнъ, въ виду того самаго корабля, который долженъ былъ спасти ихъ. Въ другомъ случаѣ, во время общаго смятенія, вызваннаго нагрузкой, въ то время, когда дѣти и женщины отвалили въ первой шлюпкѣ отъ берега, являлись королевскіе слуги и заарестовывали остальныхъ членовъ семействъ, оставшихся на берегу. Пусть только представятъ себѣ подобную сцену! Мужья, отцы на колѣняхъ умоляли солдатъ сжалиться надъ ними и, не смотря на слезы и мольбы, надо было повиноваться и идти умирать въ темницы

или на каторгу, въ то время, какъ другую половину ихъ семьи увозили иностранныя суда въ Англію и Америку и не имѣлось никакой надежды когда-либо свидѣться другъ съ другомъ *).

Между тѣмъ, не смотря на жестокость закона и опасности, сопряженныя съ эмиграціей, половина протестантовъ успѣла оставить королевство. Въ теченіе немногихъ лѣтъ 500 тысячъ **) французовъ разсѣялись по бѣлому свѣту. Они селились въ Англіи, Голландіи, Швейцаріи, Пруссіи, Америкѣ, даже на мысѣ Доброй Надежды, гдѣ ихъ искусныя руки развели виноградную лозу. Отборнѣйшіе изъ гугенотовъ, дворяне, ученые, офицеры, моряки, негоціанты, городскіе рабочіе, богачи— всѣ бѣжали въ одно и то же время. Совершенно наоборотъ поступало деревенское населеніе: мелкіе собственники, крестьяне, хлѣбопашцы, пастухи, словомъ— все земледѣльческое населеніе, привязанное гораздо сильнѣе къ землѣ, осталось въ странѣ обреченное на страданія.

Они безропотно выносили всѣ страданія въ теченіе 17-ти лѣтъ (1685—1702). Протестанты чаяли попеременно милосердія то отъ короля, то отъ протестантскихъ государей, то отъ Вильгельма III. Они надѣялись, что Людовикъ XIV долженъ же когда-нибудь узнать о всѣхъ этихъ ужасахъ и что онъ наконецъ сжалится надъ ними и откроетъ имъ свои объятія. Во время общей войны съ Европой (1689—1697 г.) гугеноты на мгновеніе вздохнули свободнѣе и еще разъ понадѣялись, что протестантскія государства включатъ въ число условій будущаго мира ихъ политическое и религіозное освобожденіе. Эта надежда еще разъ была обманута. Миръ, заключенный въ Рисвикѣ (1697), не повлекъ за собой никакой перемѣны въ судьбѣ французскихъ кальвинистовъ. Напротивъ, имъ стало еще хуже: преслѣдованія, пріостановленныя-было внѣшними событіями, возобновились съ новою силой. Тогда лишь, оставленные всѣмъ міромъ, протестанты отчаялись въ людской помощи; они возводили къ небу свои неутѣшные взоры, и Богъ какъ бы внялъ ихъ мольбамъ—появились сверхъестественныя знаменія, въ которыхъ они не замедлили увидать возвѣщеніе близкаго своего освобожденія.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ (1689—1702), въ Дофине и Лангедокѣ, провинціяхъ, населенныхъ гугенотами, совершались удивительныя чудеса. Въ городахъ, въ мѣстечкахъ, въ селеніяхъ—повсюду появились дѣти, предсказывавшія паденіе Ваала, гибель тиранновъ и свободу Израиля. Ихъ называли *маленькими пророками*. Это были маленькіе мальчики и дѣвочки, двѣнадцати, десяти, восьми, иногда даже шести лѣтъ; они распространяли якобы волю Божію, и ихъ грозныя предсказанія производили глубокое впечатлѣніе на умы раздраженнаго, экзальтированнаго и невѣжественнаго крестьянства Виварэ и Севеннъ. Эти маленькіе пророки являлись невиннымъ орудіемъ макіавелевскаго шарлатанизма, придуманнымъ для того, чтобы надежнымъ и быстрымъ способомъ заставить протестантовъ взяться за оружіе. Авторомъ этой адской комбинаціи былъ одинъ ревностный гугенотъ, по имени Дюсеръ, по профессіи стекольщикъ. Этотъ человѣкъ собралъ въ своемъ домѣ бѣдныхъ дѣтей обоего пола изъ народа и началъ съ того, что внушилъ

*) По словамъ вышеупомянутаго автора Жана Миго, эти печальныя разлуки совершались много разъ.

**) Одни историки опредѣляютъ эту цифру въ 700, другіе—въ 800 тысячъ.

имъ, что всякій постъ пріятенъ Богу и что слѣдуетъ, по возможности, лишать себя пищи.

Такимъ образомъ ему удалось пріучить ихъ къ долгому и строгому воздержанію, длившемуся иногда до трехъ дней. Въ теченіе этихъ постовъ, когда, подъ вліяніемъ голода, разсудокъ ребенка приходилъ въ разстройство и помѣшательство и когда обнаруживались уже явленія бреда, Дюсеръ читалъ и перечитывалъ имъ безъ конца самые плачевные псалмы и наиболѣе драматическія мѣста изъ пророковъ. Онъ примѣшивалъ къ нимъ горячія тирады противъ Рима, противъ преслѣдователей протестантовъ, противъ католической церкви и съ вѣроломствомъ пересыпалъ эти проклятія противъ папъ избранными мѣстами изъ *Апокалипсиса*, этого самаго мрачнаго, страшнаго и величайшаго труда священной литературы.

Легко можно понять эффектъ, производимый подобнымъ чтеніемъ на необразованныхъ и легковѣрныхъ деревенскихъ дѣтей, умы которыхъ и безъ того уже были отуманены долгимъ постомъ. Чтобы дѣйствовать еще болѣе на воображеніе, Дюсеръ заставлялъ ихъ въ то же время падать навзничь, закрывать глаза и раздувать область желудка. Такимъ образомъ уроки репетировались, причемъ дыханіе становилось прерывистымъ, и изъ груди вырывались свисты и хрипѣніе. Скоро дѣти научились лепетать со всѣмъ характеромъ, свойственнымъ экстазу и эпилепсіи. Подобно пиѳіямъ древности и конвульсіонерамъ Сентъ-Медара, маленькіе иллюминаты, въ моментъ произнесенія священныхъ словъ, катались по землѣ, взоръ ихъ блуждалъ и зрачки расширялись, бѣлая пѣна выступала на засохшихъ губахъ, члены ихъ скручивались ужасными судорогами, и во время пароксизма экстаза мускулы пріобрѣтали твердость желѣза и нечувствительность, свойственную трупу. Когда Дюсеръ увидалъ, что они дошли до подобнаго состоянія, онъ усугубилъ еще болѣе свой обманъ, подулъ на чело своимъ адептамъ, объявивъ, что онъ сообщаетъ имъ даръ пророчества, каковой даръ можетъ быть переданъ лишь истинно вѣрующимъ. Тогда эти дѣти разсыпались по деревнямъ.

Голосъ этихъ дѣтей твердилъ вскорѣ въ Севеннахъ ужасныя слова священныхъ авторовъ, обрывки изъ самыхъ мрачныхъ событій священнаго писанія.

„Беритесь за свои косы и жните“, восклицали, съ бѣшенствомъ и съ пѣной у рта, ученики Дюсера, „жатва земли поспѣла“. „Пусть окрѣпнутъ ваши руки“, восклицали другіе. „Вы, которые внимаете въ настоящее время рѣчамъ изъ устъ пророковъ, въ сіи дни, когда вновь будетъ воздвигнутъ истинный храмъ Божій, слушайте ихъ! Слушайте ихъ, ибо изъ вашихъ дѣтей Богъ сотворилъ пророковъ“. „Поражайте филистимлянъ“, прибавляли наиболѣе смѣлые, „и если ваше тѣло будетъ насквозь пронизано мечами, вы все же не будете ранены!“ „Къ оружію, Израиль! вонъ изъ шатровъ!“

Всѣ долины Севеннъ огласились этимъ ужаснымъ возгласомъ.

Въ другихъ случаяхъ слова иллюминатовъ были заимствованы изъ библейскихъ образовъ, легко понятныхъ для всѣхъ присутствовавшихъ: „Друзья“, говорилъ одинъ изъ нихъ, нѣкто Авраамъ Моцель, „мнѣ довелось видѣть недавно видѣніе, я видѣлъ громадныхъ черныхъ воловъ, которые щипали траву въ одномъ саду, и вдругъ раздался голосъ, который сказалъ мнѣ: „Авраамъ прогони этихъ воловъ!“ Тогда я прогналъ

ихъ. Но, спустя немного времени, духъ просвѣтилъ меня: этотъ садъ есть ничто иное, какъ церковь Господня; черные волы, опустошающіе его,—это католическіе священнослужители, а голосъ, говорившій со мною,—это Превѣчный Богъ, который приказалъ мнѣ изгнать ихъ изъ Севеннъ". Въ виду все увеличивающейся экзальтаціи населенія, пророки сорвали окончательно ту завѣсу съ священнаго писанія, которой они прикрывали свои мысли. Они оставили въ сторонѣ правоучительныя басни и открыто объявили, что ими получено отъ Бога положительное приказаніе изгнать католическихъ священниковъ и начать войну съ королемъ.

Одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ пророковъ, по имени Этьенъ Гутъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ и считавшійся умершимъ, появился внезапно среди горныхъ жителей и провозглашалъ священную войну: „Ангелъ Господень освободилъ меня", восклицалъ онъ, появляясь передъ изумленными взорами толпы. „Онъ провелъ меня, подобно Св. Петру, мимо стражи и сквозь желѣзныя двери". И чтобы возбудить еще болѣе энтузіазмъ, онъ возвѣщалъ о скоромъ прибытіи 40 тысячъ солдатъ подъ предводительствомъ могущественнаго государя, желая тѣмъ намекнуть на короля Англіи Вильгельма III, главу и мечъ протестантизма.

Эти предсказанія пронеслись подобно урагану по селеніямъ; они вдохнули страсть въ сердца и, пообѣщавъ открытыя двери рая защитникамъ его, ускорили возстаніе. Доведенные до крайности, видя, что самъ Богъ вступился за нихъ, протестанты подняли къ нему свои изможденныя руки и, за неимѣніемъ справедливости, призывали къ мщенію. Не желая подставлять болѣе голову подъ иго, равно какъ и протягивать шею палачамъ, они, въ свою очередь, задушили ихъ самихъ. Горные жители Севеннъ взялись за вилы, топоры и дреколье, насадили косы на рукоятки, сняли со стѣнъ старинные самопалы, съ которыми они воевали еще во времена великаго герцога де-Рогана, послѣдняго предводителя гугенотовъ. Всѣ заржавленные клинки повылѣзли на свѣтъ Божій. Жаждущіе мщенія, опьянѣвшіе отъ энтузіазма, безъ средствъ, безъ оружія, безъ предводителя, они ринулись на католиковъ. Людовику XIV не оставалось ничего, какъ пожинать кровавую жатву, посѣянную имъ самимъ: ихъ объявленіе войны равносильно было убійству.

LXII. ПРИЧИНЫ ОТМѢНЫ НАНТСКАГО ЭДИКТА И МѢРЫ ДЛЯ ОБРАЩЕНІЯ ГУГЕНОТОВЪ.

(Изъ соч. Гальярдена: „Histoire de Louis XIV").

Чтобы уяснить себѣ настоящіе мотивы, побуждавшіе Людовика XIV къ отмѣнѣ Нантскаго эдикта и чтобы быть вполнѣ безпристрастными при оцѣнкѣ этой мѣры, необходимо принять во вниманіе общее настроеніе умовъ въ XVI вѣкѣ и отсутствіе религіозной терпимости, рѣзко обнаруживавшееся въ этотъ вѣкъ не только во Франціи, но даже въ Англіи, этой классической странѣ свободы, гдѣ жестокое преслѣдованіе католиковъ и диссентеровъ было обычнымъ явленіемъ въ XVII вѣкѣ. Не вполнѣ либеральными принципами въ отношеніи къ католикамъ отлича-

лась даже Голландія. Извѣстно, что па Кельнскомъ конгрессѣ (1673 г.) голландцы заявили, что они охотнѣе согласятся покинуть десять лучшихъ своихъ городовъ, чѣмъ дать свободу совѣсти католикамъ. Одинъ мало извѣстный, но вполнѣ достовѣрный документъ доказываетъ, что даже послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, они уважали права диссидентовъ не болѣе чѣмъ Людовикъ XIV. Итакъ не удивительно, что Людовикъ XIV слѣдовалъ побужденіямъ своего вѣка и своихъ сосѣдей. Кромѣ того, его увлекало къ отмѣнѣ Нантскаго эдикта еще всеобщее расположеніе умовъ во Франціи. Въ теченіи двадцати лѣтъ, на каждомъ изъ своихъ собраній, повторявшихся чрезъ каждыя пять лѣтъ, духовенство требовало уничтоженія какого-нибудь права, которымъ еще пользовались протестанты. Самыя умѣренныя личности, какъ, напримѣръ, Вобанъ, желали установленія единовѣрія. Коалиція иноземныхъ протестантовъ противъ Франціи, своей прежней покровительницы, еще усилила неудовольствіе народа противъ французскихъ гугенотовъ. Французскій пародъ хотя и протестовалъ противъ тягостей войны съ Голландіей, но дорожилъ все-таки славою и выгодою этой войны; не безъ злобы смотрѣлъ онъ, какъ тройственный союзъ, упрямство друзей принца Оранскаго, надежды этихъ враговъ на содѣйствіе французскихъ гугенотовъ подвергали опасности Францію и ограничивали ея выгоды. Антипатія черни выражалась уже кое-гдѣ вспышками насилія. Одинъ приговоръ совѣта отъ 6 мая 1681 г. показываетъ, что въ Греноблѣ были выломаны двери одного протестантскаго храма и сожжена библія; въ нѣсколькихъ мѣстахъ Дофине были выломаны двери, изъ протестантскихъ храмовъ выпесены скамейки, снятъ покровъ съ каѳедры, испорченъ органъ; въ Гуданѣ храмъ былъ сожженъ; въ Сентѣ выломаны двери и окна, и черепица снята съ кровли; въ Вандомѣ убитъ пасторъ на пути къ больному. Король, „изъ чувства справедливости" наказывавшій это своеволіе, видѣлъ въ немъ однако выраженіе желаній большинства.

Сначала онъ выказывалъ вѣротерпимость у себя, потомъ покровительствовалъ ей у другихъ, но послѣ отказовъ, полученныхъ имъ внѣ Франціи, онъ перестал стѣснять себя; ободряемый общественнымъ настроеніемъ въ то время, когда ничто ему не сопротивлялось, онъ предпринялъ подавленіе протестантизма, обращая гугенотовъ въ католичество по своему, т. е. дѣйствуя на нихъ силою. Съ нимъ случилось то же, что бываетъ со всѣми, не умѣющими выжидать: онъ унизилъ и испортилъ свое дѣло низкими, насильственными мѣрами, повредившими его славѣ и политикѣ, и возбудившими неудовольствіе святаго престола. Какъ только желаніе его стало извѣстно, явилось много ревностныхъ людей, готовыхъ исполнить его. Министры и интенданты соревновали между собою въ стремленіи подавить религію, „которая не правилась королю". Обращеніе или подавленіе гугенотовъ сдѣлалось теперь такою же придворною обязанностію, какъ и многія другія, и новымъ залогомъ королевскихъ милостей. Лувуа принималъ въ немъ такое большое участіе, что его обвиняли во всемъ; но мы увидимъ, что, не смотря на сопротивленіе Кольбера, сынъ его Сеньелэ содѣйствовалъ этому дѣлу столько же и еще хвасталъ своимъ содѣйствіемъ. Между интендантами никто не доводилъ этого дѣла до такой крайности, какъ Марильякъ и Фуко.

Король всегда придерживался правила дѣйствовать на гугенотовъ

или благодѣяніями, или лишеніемъ своей милости и должностей, которыя зависѣли только отъ него. Въ концѣ войны съ Голландіей онъ еще усиленнѣе и чаще сталъ прибѣгать къ этимъ средствамъ. Въ 1676 г. была учреждена „касса обращеній“ и передана въ вѣдѣніе обратившагося въ католичество Пелиссона; изъ нея выдавались денежныя вознагражденія за перемѣну религіи. Эта касса имѣла успѣхъ, который не дѣлаетъ чести ни проницательности тѣхъ, которые ему радовались, ни характеру реформатовъ. Въ концѣ года епископъ въ Греноблѣ докладывалъ, что около 800 человѣкъ перешло въ католическую церковь за умѣренную цѣну въ 2,000 экю. Нѣсколько позже Сеньелэ, возвратившись изъ Рошфора, писалъ въ своемъ отчетѣ королю, что въ приходѣ Сэнта цѣлыя семейства обращались за одну пистолю (5 р. с.). Въ 1679 г. началось исключеніе реформатовъ изъ государственныхъ должностей. Фуко утверждалъ, что опасеніе лишиться выгодныхъ должностей произведетъ много обращеній. Сеньелэ, съ своей стороны, говорилъ, что желаніе получить чинъ, боязнь отставки будутъ имѣть подобный же результатъ и въ морскомъ вѣдомствѣ. „Три дворянина изъ хорошей фамиліи, участвовавшіе въ нѣсколькихъ кампаніяхъ на королевскихъ судахъ, обратились, въ надеждѣ быть принятыми въ морскую гвардію. Я надѣюсь, что король окажетъ имъ эту милость“. „Обѣщанія вашего величества, переданныя мною гугенотскимъ офицерамъ, произвели на нихъ желаемое впечатлѣніе; они вполнѣ увѣрены, что получатъ отставку, если не измѣнятъ своей религіи; я надѣюсь, что это опасеніе произведетъ много обращеній“.

Нѣсколько агентовъ короля совѣтовали примѣнить болѣе разумный и католическій способъ обращенія, а именно проповѣдь. Герцогъ Ноайль убѣждалъ познакомить народъ съ истинной религіей, которой онъ не зналъ. По его словамъ, католическое духовенство слишкомъ мало обращало вниманія на это важное средство, особенно на югѣ, въ Севеннахъ. У католиковъ на соборъ, коллегіи, курію, нѣсколько общинъ едва приходилась одна проповѣдь въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ у кальвинистовъ въ той же мѣстности проповѣди произносились каждый день. Фуко, съ своей стороны, писалъ, что священники и главные реформаты въ Монтобанѣ, желавшіе обратиться, ожидали только конференцій, на которыхъ были бы разъяснены спорные пункты; по ихъ мнѣнію, это былъ единственный путь, который содѣйствовалъ бы обращеніямъ болѣе, чѣмъ строгости, лишенія должностей, пенсій и милостей, которыя ни къ чему не поведутъ. Но эта тактика не нравилась государственнымъ людямъ, не привыкшимъ управлять душами и жаждавшими скорѣе удовлетворить желаніе короля. Канцлеръ Ле-Телье представилъ мнимое опасеніе, что эти конференціи будутъ также безплодны, какъ и бесѣда въ Пуаси, и что они только возбудятъ неудовольствіе папы. Онъ запретилъ Фуко докладывать объ этомъ предположеніи королю. На реформатовъ хотѣли дѣйствовать теперь только страхомъ. Однимъ приказомъ имъ запрещалось уже собирать синодъ безъ разрѣшенія короля и безъ присутствія королевскаго коммиссара. Въ 1680 г. были запрещены браки между католиками и протестантами; дѣти, рожденныя отъ такихъ браковъ, объявлялись незаконными. Въ 1681 г. сдѣлали первую попытку дѣйствовать на нихъ постоемъ солдатъ, котораго реформаты очень боялись.

Приказъ, изданный, какъ кажется, интендантомъ Пуату Марильякомъ, освобождалъ на два года отъ постоя солдатъ тѣхъ, кто обращался въ

католичество. Лувуа утверждалъ, что эта льгота сдѣлается обильнымъ источникомъ новыхъ обращеній, если въ дома богатыхъ реформатовъ будутъ ставить самый значительный постой. Съ этою цѣлью былъ посланъ въ Пуату цѣлый полкъ драгунъ; отсюда и произошло названіе драгонадъ, которымъ еще до настоящаго времени обозначаютъ эту ужасную военную проповѣдь. Съ перваго же дня ненависть къ нимъ оправдалась мѣрами, предпринятыми Марильякомъ при примѣненіи этого приказа.

Вопреки требованію Лувуа, онъ не помѣщалъ солдатъ у католиковъ. Онъ допускалъ своеволіе солдатъ, оставляя его безъ наказанія; поддерживалъ ихъ требовательность, заставляя давать имъ, кромѣ квартиры, на которую они только имѣли право, еще пищу и опредѣленныя денежныя суммы; послѣднія гугеноты должны были выдавать и офицерамъ сообразно съ ихъ чиномъ.

Такой образъ дѣйствій заставилъ гугенотовъ обратиться съ жалобою къ королю, но Марильякъ не обращалъ вниманія ни на жалобы протестантовъ, ни на упреки министра. Эти притѣсненія заставили многихъ реформатовъ бѣжать; началась эмиграція въ Голландію, Англію, Германію, гдѣ реформаты принимались тѣмъ болѣе радушно, что Людовикъ XIV былъ тамъ ненавистенъ. Испугавшись этого страшнаго симптома, Лувуа вызвалъ драгунъ изъ Пуату и предписалъ Марильяку не употреблять другаго оружія, кромѣ вознагражденій и смягченія налоговъ, и когда Марильякъ продолжалъ дѣйствовать по прежнему, его отставили. Казалось, король рѣшилъ отказаться отъ драгонадъ.

Реформаты тогда, въ свою очередь, прибѣгли къ мѣрамъ, которыя давали право ихъ обвинить. Казалось, король намѣренъ былъ снова дѣйствовать болѣе умѣренно. За указомъ, запрещавшимъ эмиграцію, подъ страхомъ ссылки на галеры, послѣдовало теперь письмо, въ которомъ онъ просилъ епископовъ и архіепископовъ щадить протестантовъ, дѣйствовать на нихъ только силою убѣжденія и только этимъ путемъ стараться возвратить ихъ въ лоно истинной церкви. Онъ обѣщалъ подобный же образъ дѣйствія со стороны своихъ намѣстниковъ; ручательствомъ тому должно было служить разрѣшеніе, данное реформатамъ округа Гаронны собрать синодъ въ Руэргѣ. Такую умѣренность реформаты приписали страху, внушенному ими; они считали себя довольно сильными, чтобы заставить себя бояться. На югѣ стали показываться значительныя толпы, къ которымъ примѣшивались разные мошенники, въ надеждѣ совершать безнаказанно свой разбой. Дофинэ и Лангедокъ заволновались, возбуждаемые горячими проповѣдями протестантскихъ пасторовъ.

Въ Шалансонѣ составилось собраніе депутатовъ, присланныхъ консисторіями двухъ провинцій (іюль 1683 г.). Здѣсь было рѣшено прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, а именно: открыть запрещенные храмы, собраться на развалинахъ тѣхъ, которые были разрушены. Въ то же время нѣсколько лангедокскихъ пасторовъ отправились на одинъ швейцарскій синодъ, на которомъ они провели рѣшеніе просить о посредничествѣ государей между Людовикомъ XIV и его кальвинистскими подданными. Такое обращеніе къ иностраннымъ государямъ было въ глазахъ Людовика XIV измѣною; столкновенія съ оружіемъ въ рукахъ, происходившія во Франціи, прямо указывали на мятежъ. Лагери и по-

сты укрѣплялись, производились военныя ученія, высказывались угрозы противъ королевскихъ войскъ. Военная стража была слишкомъ незначительна, чтобы подавить это волненіе. Нойаль потребовалъ войска, и Лувуа хотѣлъ дать почувствовать мятежникамъ, „какъ опасно возставать противъ своего короля". 1,500 драгунъ и 2,000 пѣхотинцевъ вступили подъ командою Сенъ-Рю въ Дофинэ (августъ 1683 г.). Благодаря быстрому разсѣянію инсургентовъ этой провинціи, имъ даровали амнистію, за исключеніемъ зачинщиковъ волненія. Сопротивленіе на другомъ берегу Роны было болѣе упорно. Интендантъ Лангедока, д'Агессо, слишкомъ легко поддался обѣщанію покорности и выхлопоталъ амнистію протестантамъ въ Виварэ. Когда Сенъ-Рю перешелъ рѣку, онъ встрѣтилъ между Шармомъ и Белькастелемъ вооруженныя толпы, привѣтствовавшія его ружейными выстрѣлами.

Онъ разсѣялъ ихъ, повѣсилъ нѣсколько плѣнниковъ, затѣмъ, согласившись съ Ноайлемъ и д'Агессо, рѣшилъ судить снисходительно менѣе виновныхъ изъ нихъ. Лувуа не хотѣлъ допустить никакихъ переговоровъ между королемъ и мятежниками. Онъ издалъ приказъ отъ имени короля, по которому войска должны были содержаться на счетъ жителей тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ ихъ присутствіе было необходимо; виновные предавались въ руки намѣстника; дома павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ или не возвратившихся домой, послѣ объявленія этого приказа, должны были быть срыты; 8 или 9 главныхъ реформатскихъ церквей въ Виварэ уничтожены. Для большей безопасности на будущее время, было запрещено носить оружіе какъ католикамъ, такъ и протестантамъ, и не только ходить съ оружіемъ по улицамъ, но вообще и имѣть его у себя дома.

Наказаніе это, повидимому, слишкомъ жестокое за столь малое сопротивленіе, не окажется таковымъ, въ виду преступленія, совершеннаго кальвинистами противъ государственнаго порядка; король, требовавшій отъ своихъ подданныхъ безусловнаго повиновенія, считалъ себя въ правѣ подавлять религію, вовлекавшую ихъ въ мятежи. Итакъ, послѣ Регенсбургскаго мира, въ 1684 г., Людовикъ XIV снова принялся за свои проэкты подавленія кальвинистовъ. Но не желая выказать противорѣчія съ прежнимъ своимъ образомъ дѣйствія и устранить отъ себя всякое обвиненіе въ произволѣ и деспотизмѣ, онъ счелъ за лучшее дѣйствовать теперь не только силою, но и убѣжденіемъ: онъ хотѣлъ, чтобы въ его образѣ дѣйствія видѣли желаніе его избавить ихъ отъ заблужденій, а не намѣреніе запрещать ихъ религію; Нантскій эдиктъ онъ хотѣлъ отмѣнить только тогда, когда онъ будетъ уже лишнимъ. Итакъ, онъ сталъ приводить въ исполненіе свои намѣренія. Рекомендуя кротость и уваженіе къ убѣжденіямъ реформатовъ, онъ въ то же время передалъ въ распоряженіе своихъ офицеровъ громадныя денежныя суммы и войска для назначенія ихъ на постой. Его агенты, желая ему угодить, не долго заставили его ждать исполненія его желаній.

Самымъ дѣятельнымъ между ними былъ Фуко; его описаніе своихъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ даетъ понятіе о томъ, что происходило въ большинствѣ провинцій. Онъ былъ переведенъ изъ Монтобана въ Беарнэ, королевство Іоанны д'Албрэ. Въ Монтобанѣ онъ разрушалъ законнымъ путемъ кальвинистскіе храмы. Въ силу нѣкоторыхъ постановленій, храмъ священнослужителя, нарушившаго законъ, подвергался срытію. Фуко воспользовался этимъ закономъ въ Беарнэ. Онъ представилъ королю свой

проэктъ обращенія еретиковъ: „Я ему показалъ карту Беарнэ, съ обозначеніемъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ находились храмы; я ему замѣтилъ, что ихъ слишкомъ много и что они стоятъ слишкомъ близко другъ отъ друга. Когда мы рѣшили оставить только пять храмовъ, я отмѣтилъ именно тѣ, которые должны были быть срыты, такъ какъ ихъ священнослужители нарушили законы, о чемъ парламенту уже было дано знать. Такимъ образомъ въ Беарнэ не должно было остаться ни одного храма". Этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе. По истеченіи шести недѣль, въ Беарнэ не осталось ни одного храма, что заставило всѣхъ пасторовъ покинуть эту провинцію. Тогда интенданты приступили къ обращенію гугенотовъ. Дѣло это пошло очень быстро. „Въ Беарнэ многіе реформаты отреклись отъ своей религіи при одномъ слухѣ о приближеніи войскъ, не видавъ ихъ даже. Раздача денегъ привлекла также многихъ въ лоно католической церкви. Жители Беарнэ легкомысленны: они, можно сказать, такъ же легко отрекаются отъ своей религіи, какъ легко ее приняли отъ Іоанны д'Албрэ". Теперь приведемъ еще нѣсколько подробностей: „Я просилъ г-на Лувуа дать предписаніе расположить на постой нѣсколько полковъ въ города, переполненные реформатами. По полученіи мною этого предписанія, 600 человѣкъ перешли въ католичество, при одномъ извѣстіи о приближеніи войскъ. Я заставилъ олеронскаго священника, Гулара, произнести отреченіе въ городскомъ соборѣ, въ присутствіи архіепископа и 8,000 человѣкъ обоихъ вѣроисповѣданій. Онъ такъ хорошо объяснилъ имъ причины своего обращенія, что нѣсколько реформатовъ немедленно послѣдовали его примѣру, а большая часть другихъ обѣщали приготовиться къ обращенію". Вотъ общій результатъ: „Изъ 4,000 реформатовъ города Ортезъ перешло въ католичество 3,800. Изъ 22,000 въ Беарнэ осталось только 1,000 реформатовъ; дворяне начинаютъ также переходить".

Ни апостолы, ни ихъ самые усердные преемники никогда не имѣли подобнаго успѣха. Было такъ безразсудно полагаться на эти обращенія, что Лувуа совѣтовалъ другимъ интендантамъ не смотрѣть на этотъ образъ дѣйствія, какъ на образецъ, достойный безусловнаго подражанія. Тѣмъ не менѣе онъ вносилъ въ списки подобныя же обращенія, совершенныя и въ другихъ интендантствахъ: отъ 15-го августа до 4-го сентября 60,000 обращеній въ округѣ Бордо, 20,000 въ округѣ Монтобана. До передачи Лангедокскаго интендантства Бавилю, д'Агессо прислалъ отчетъ о 82,000 отреченіяхъ, герцогъ Ноайль заявлялъ, съ своей стороны, что обращенія шли такъ быстро, что войска некуда помѣщать. Онъ сначала назначилъ 25-е ноября срокомъ для окончанія этого дѣла, но уже нѣсколько дней спустя онъ заявлялъ, что достигнетъ окончательнаго результата гораздо раньше. Итакъ, это дѣло шло успѣшнѣе, чѣмъ могъ надѣяться Людовикъ XIV; онъ пожелалъ, и закоренѣлая ересь была подавлена въ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ желалъ теперь и боялся, что у него не достанетъ денегъ и милостей, которыми онъ обѣщалъ наградить повиновеніе реформатовъ.

Но папа, самый компетентный авторитетъ въ этихъ дѣлахъ, не сочувствовалъ такому образу дѣйствія. По показаніямъ современниковъ, Иннокентій XI не былъ доволенъ такимъ способомъ обращенія. Онъ былъ увѣренъ, что ни одно отреченіе не было добровольно. Нунцій смѣло высказалъ это самому королю (25-го іюня 1685 г.). Онъ порицалъ срытіе

храмовъ и преслѣдованіе реформатовъ. „Все это“, говорилъ онъ, „производитъ очень дурное впечатлѣніе въ Германіи; протестантскіе государи пользуются этимъ, какъ предлогомъ для отказа императору въ деньгахъ и въ войскѣ, необходимыхъ ему для борьбы противъ невѣрныхъ“.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти разумныя заявленія, Людовикъ XIV пошелъ еще далѣе. Не смотря на множество совершенныхъ обращеній, кальвинистовъ еще оставалось много. Его агенты, желавшіе скорѣе уничтожить ихъ до послѣдняго, говорили ему, что этому мѣшаетъ только то, что король, побуждая ихъ отречься отъ своего ученія, не запрещаетъ имъ безусловно исповѣдывать эту религію; они говорили ему, что если эти упрямые люди увидятъ наконецъ, что король не намѣренъ терпѣть диссидентовъ, то они немедленно подчинятся его желанію. Они говорили, что Нантскій эдиктъ полезенъ теперь очень немногимъ личностямъ, а отмѣна его повлечетъ за собою обращеніе послѣднихъ реформатовъ. Это разсужденіе рѣшило отмѣну эдикта. Постановленіе объ отмѣнѣ его, заботливо составленное канцлеромъ Ле-Телье, было одобрено 15 октября 1685 г. королемъ и разослано всѣмъ интендантамъ для отмѣны Нантскаго эдикта. Въ немъ говорилось: „Желая закончить дѣло, начатое отцомъ его, Людовикъ XIV отмѣняетъ всѣ прежніе эдикты и уступки, сдѣланныя въ пользу реформатовъ; запрещаетъ имъ собираться какъ въ храмахъ, такъ и въ частныхъ домахъ на молитву, подъ страхомъ конфискаціи имущества (II, III); изгоняетъ изъ Франціи всѣхъ священнослужителей, которые не примутъ католичества; обѣщаетъ пенсіи и нѣкоторыя преимущества тѣмъ, которые отрекутся отъ своего участія (V, VI); запрещаетъ принимать дѣтей этой религіи въ частныя школы; дѣти должны быть крещены католическими священниками, и родители ихъ обязываются посылать ихъ въ церковь (VII, VIII); если по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ эмигрировавшіе реформаты возвратятся во Францію, они вступаютъ во владѣніе своимъ имуществомъ; но находящіеся во Франціи не имѣютъ права выселяться изъ нея, подъ страхомъ ссылки на галеры (IX, X); наконецъ, въ ожиданіи просвѣщенія ихъ Богомъ, оставшіеся реформаты могутъ жить въ городахъ и мѣстечкахъ, подвластныхъ королю, и заниматься своимъ дѣломъ. Никто не имѣетъ права безпокоить ихъ и мѣшать имъ, если только они не будутъ нигдѣ собираться для своего богослуженія и молитвы. Благодаря всеобщему стремленію къ установленію единовѣрія, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ документы того времени, отмѣна Нантскаго эдикта возбудила одобреніе громаднаго большинства. Не одинъ Боссюэтъ восхваляетъ въ своемъ надгробномъ словѣ Ле-Телье благочестіе короля, этого новаго Константина, Ѳеодосія, Маркіана. Арно, добровольно поселившійся въ Нидерландахъ, говоритъ: „Здѣсь всѣ были очень поражены этимъ постановленіемъ; будучи добрыми католиками, всѣ радуются. Всѣ жаждутъ знать о его послѣдствіяхъ: многимъ ли оно откроетъ глаза; вѣдь Св. Августинъ замѣчаетъ, что императорскіе эдикты, назначавшіе пенсію за отступленіе отъ религіи, побудили многихъ отречься отъ своихъ заблужденій“. Не одно духовенство благодарило короля за то, что онъ увеличилъ паству каждаго епископа и обязалъ каждаго пастыря удвоить свое рвеніе; ученые, артисты восхваляютъ рвеніе и торжество короля. Въ посвященіи „Chronicon Paschale“, Дюканжъ называетъ его защитникомъ, столбомъ церкви и христіанской вѣры, благочестивымъ, за то, что онъ вырвалъ послѣдніе

корни ереси, преступные замыслы которой такъ часто волновали Францію. Скульпторъ Жирардонъ послалъ въ Труа, гдѣ онъ родился, медаль короля, посвященную „благочестивому побѣдителю ереси"; и медаль эта съ восторгомъ была принята жителями города. Аристократія была согласна съ M-me Севинье, говорившей объ объявленіи, отмѣнявшемъ Нантскій эдиктъ, слѣдующее: „Нѣтъ ничего прекраснѣе его содержанія; ни одинъ король никогда не совершалъ и никогда не совершитъ ничего болѣе достойнаго удивленія". Бюсси-Рабютенъ такъ восторгается дѣйствіями короля противъ гугенотовъ: „Войны прежнихъ временъ и ночь Св. Варѳоломея содѣйствовали только усиленію этой секты. Его величество уничтожалъ ее постепенно; отмѣна эдикта сопровождается драгонадами, и проповѣдники Бурдалу нанесли ей послѣдній ударъ". Народъ выражалъ одобреніе по своему: чернь парижская бросилась на храмъ протестантскій и разрушила его въ нѣсколько часовъ. Папа оставался непоколебимъ въ своемъ вѣрномъ, справедливомъ взглядѣ на это и не выражалъ ни малѣйшаго сочувствія къ нему. Фанатическіе поклонники Людовика XIV упрекаютъ его въ этомъ, не сознавая, что упрекъ этотъ дѣлаетъ ему большую честь. Въ Римѣ не было общественнаго празднества по случаю отмѣны эдикта и обращенія столькихъ еретиковъ. „Это очень разумно", писалъ Арно, „не хорошо радоваться побѣдѣ, одержанной съ помощью насильственныхъ мѣръ, *хотя я и не признаю ихъ справедливыми*, но не только явнаго, но и тайнаго одобренія не было со стороны первосвященника". „Возможно ли это", восклицаетъ одинъ изъ горячихъ поклонниковъ короля и противниковъ Иннокентія XI, „не вѣрится, но на дѣлѣ сказывается, что какъ ни велика радость католиковъ по поводу этого событія, въ Римѣ ему совсѣмъ не рады. Чтобы себя оправдать, Иннокентій XI говоритъ, что онъ не можетъ одобрить ни побужденія, ни мѣръ, которыми были совершены тысячи обращеній, изъ которыхъ, по его словамъ, ни одно не было добровольно". Папу не безпокоили эти обвиненія. Въ полемическихъ статьяхъ того времени встрѣчается отвѣтъ на эти жалобы, составленный, очевидно, въ Римѣ, въ которомъ говорится, что само по себѣ законное желаніе возвратить еретиковъ въ лоно церкви не должно было приводиться въ исполненіе мѣрами, о примѣненіи которыхъ можно было только жалѣть. Увеличеніе народонаселенія не всегда влечетъ за собою увеличеніе радости, говоритъ Исайя: Multiplicasti gentem, non magnificasti laetitiam. Нельзя радоваться внѣшнему и мнимому обращенію 2-хъ милліоновъ людей, зная, что большинство присоединилось къ церкви только для того, чтобы осквернить ее святотатствомъ, и исповѣдывало католическую религію только по принужденію, не измѣнивъ своихъ убѣжденій. Дальнѣйшія событія оправдали вполнѣ благоразуміе папы: они показали, что обращеніе не есть дѣло государей и насилія, а только церкви, которой одной назначена эта миссія и которая одна владѣетъ необходимыми для этого средствами. Мы это увидимъ, когда разсмотримъ образъ дѣйствія настоящихъ миссіонеровъ.

Король сознаіъ наконецъ необходимость позаботиться о просвѣщеніи еретиковъ: онъ рѣшилъ дѣйствовать теперь проповѣдью, чтобы убѣжденіемъ заставить ихъ отказаться отъ своихъ заблужденій. Въ 1684 г. въ Лангедокъ было послано 12 миссіонеровъ, по требованію герцога Ноайля. Во время отмѣны эдикта, эта система приняла большіе размѣры,

она имѣла большой успѣхъ, благодаря хорошему выбору проповѣдниковъ, подобныхъ Бурдалу, посланныхъ на югъ Франціи. Король и его агенты вдругъ замѣтили, что дѣло ихъ совсѣмъ не подвинулось такъ далеко, какъ они думали; число кальвинистовъ было гораздо значительнѣе, чѣмъ показывали оффиціальные отчеты.

Кромѣ того, разрѣшивъ кальвинистамъ 11-мъ параграфомъ постановленія оставаться въ королевствѣ, Людовикъ пріостановилъ обращеніе и побудилъ нѣсколькихъ отрекшихся отъ своей религіи снова возвратиться къ ней. Слуги Людовика XIV жалѣли объ этой милости, которая разрушала ихъ труды. „Кальвинисты", говорили они, „думая, что король не потерпитъ ихъ религіи, толпами переходили въ католичество; но увидѣвъ, что эдиктъ оставляетъ имъ нѣкоторую свободу, они стали упорствовать въ своей ереси, или снова возвращаться къ ней". Это розочарованіе повело къ усиленію преслѣдованія реформатовъ. Эдикты посыпались противъ нихъ; снова начались драгонады. По приказу отъ 12 января 1686 г. дѣти реформатовъ отъ 6 до 16 лѣтъ удалялись изъ родительскаго дома, передавались въ руки католическихъ своихъ родственниковъ, а за неимѣніемъ послѣднихъ—въ руки католиковъ, которыхъ должны были указывать судьи; они же должны были назначать имъ плату за содержаніе дѣтей. Приказъ отъ того же дня запрещалъ реформатамъ держать другихъ слугъ, кромѣ католиковъ, подъ страхомъ наказанія клеймомъ и галерами. По приказу отъ 12 мая 1686 г. вновь обращенные католики, уличенные въ намѣреніи бѣжать изъ королевства, подвергались—мужчины вѣчной ссылкѣ на галеры, женщины—пожизненной тюрьмѣ и конфискаціи имущества. По мѣрѣ усиленія упорства гугенотовъ, возрастало раздраженіе Лувуа: онъ становился безжалостенъ, о чемъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ, изъ которыхъ мы и извлекаемъ эти свѣдѣнія. Онъ не знаетъ болѣе ни справедливости, ни дисциплины,—онъ, этотъ организаторъ военной дисциплины во Франціи. Онъ предписалъ ставить постой у мелкихъ дворянъ, возбуждать процессы противъ значительныхъ аристократовъ и не давать имъ ихъ выигрывать, доносить на нихъ, если они вздумаютъ сами чинить расправу. Онъ не находилъ лучшаго средства противъ діепскихъ реформатовъ, какъ „постой многочисленной кавалеріи, которой дать право жить совершенно своевольно". Когда въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Лангедока появились вооруженныя толпы и женщины бросились въ храмъ, чтобы остановить разрушеніе его, онъ выразилъ сожалѣніе, что „драгуны не стрѣляли въ этихъ женщинъ". Съ интендантами Бавилемъ и Ноайлемъ онъ организуетъ изгнаніе въ Америку если не всѣхъ жителей Севенновъ, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыхъ „суровый климатъ страны болѣе всего располагаетъ къ мятежу". И если спросить, что побуждало его къ такому рвенію и чѣмъ онъ оправдывалъ подобный образъ дѣйствія, то въ отвѣтъ получимъ одно объясненіе, одну неизмѣнную, непоколебимую жалобу: „эти люди упорствуютъ въ религіи, которая не нравится его величеству", „они не хотятъ подчиниться тому, чего желаетъ король; его величество прибѣгаетъ къ всевозможнымъ мѣрамъ, чтобы подчинить своей волѣ эту страну"; „не религіозное рвеніе ослѣпляетъ его: оскорбленное чувство гордости, авторитета, которому отказываютъ въ повиновеніи, побуждаютъ его къ мести; увлекаемый личной страстью, онъ прибѣгаетъ ко всѣмъ насиліямъ, свойственнымъ эгоизму человѣка".

Совершенно обратное зрѣлище представляютъ намъ тѣ люди, которые стремились къ спасенію душъ и просвѣщенію ихъ. Сначала королевскіе агенты хотѣли управлять миссіею. Ноайль требовалъ, не стѣсняясь, чтобы надзоръ за ними былъ переданъ интендантамъ, а не епископамъ. Между тѣмъ послѣдніе не хотѣли уступить никому дѣла, принадлежавшаго только имъ, и отказались отъ содѣйствія матеріальной силы. Ле-Камюсъ, епископъ въ Греноблѣ, протестовалъ противъ военнаго постоя. Лувуа терялъ время, доказывая ему его необходимость. Епископъ возражалъ Лувуа съ такою энергіей и такъ настойчиво требовалъ права дѣйствовать только убѣжденіемъ, что министръ, наконецъ, отозвалъ свои войска, но угрожая при этомъ возвратиться, если вновь обращенные католики не будутъ себя вести хорошо. Въ Орлеанѣ епископъ Кооcленъ, не успѣвъ предупредить присылку драгунъ въ свое епископство, взялъ на себя всѣ расходы по его содержанію: онъ велѣлъ поставить всѣхъ лошадей въ свои конюшни, пригласилъ офицеровъ къ своему столу и избавилъ гугенотовъ отъ постоя и даже сношеній съ драгунами. Черезъ мѣсяцъ войска были отозваны. Это стоило ему много денегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекло на его сторону много протестантовъ. Эти обращенія были многочисленны, добровольны и прочны.

Въ Мо Боссюэтъ дѣйствовалъ съ такою кротостью, что заслужилъ упреки интенданта. Онъ, правда, одобрялъ отмѣну эдикта, но не переносилъ своей ненависти къ ученію и на людей, исповѣдывавшихъ его. Въ епископствѣ его не было войскъ, за исключеніемъ одного замка, владѣлецъ котораго раздражилъ короля противъ себя лично, и отсюда епископъ ихъ скоро удалилъ, переселивъ преслѣдуемую личность въ свое жилище. Онъ имѣлъ полное право, не боясь опроверженія, писать въ одномъ посланіи къ вновь обращеннымъ католикамъ: „Вы не только не испытали никакихъ мученій, но даже не слышали о нихъ; никто не касался ни вашей личности, ни вашей собственности". Дѣятельный и неистощимый, онъ говорилъ, писалъ, просвѣщалъ въ одно и то же время свое епископство и все христіанство своими бесѣдами и книгами. Разсказываютъ, что онъ совершенно спокойно являлся на собраніе протестантовъ, говоря имъ: „Дѣти, гдѣ овцы, тамъ долженъ быть и пастырь. Моя обязанность искать заблудшихся овецъ и возвратить ихъ въ овчарню". Вслѣдъ затѣмъ онъ начиналъ обсуждать какой-нибудь спорный вопросъ; онъ училъ ихъ съ тою легкостью, свойственною генію, которая дѣлаетъ самыя возвышенныя понятія доступными для всѣхъ умовъ.

Между тѣмъ, домъ его служилъ убѣжищемъ протестантскимъ священнослужителямъ и образованнымъ реформатамъ, которые прибѣгали къ его совѣтамъ и кошельку. Его благотворительность распространялась даже на бѣглецовъ, жившихъ за границею и желавшихъ возвратиться во Францію. Такимъ образомъ онъ обратилъ въ католичество пасторовъ Сорэка и Панека. Сорэкъ былъ ему обязанъ своимъ обращеніемъ, возвращеніемъ во Францію и убѣжищемъ для себя и своей жены во дворцѣ Мо, пока правительство не назначило ему пенсіи.

Пріятно слышать похвалу, достойную подобныхъ подвиговъ въ письмѣ одного обращеннаго на имя Боссюэта: „Вы второй св. Павелъ, который трудился не для одной націи и не для одной провинціи. Ваши произведенія читаются почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, а ваши прозе-

литы говорятъ о вашемъ торжествѣ на языкахъ, которыхъ вы и не понимаете".

Самою большою популярностью и извѣстностью пользовался въ это время миссіонеръ, дѣйствовавшій въ Пуату, молодой аббатъ Фенелонъ, которому покровительствовалъ Боссюэтъ. Фенелонъ былъ до этого времени извѣстенъ только своимъ друзьямъ статьею о „Воспитаніи дѣвушекъ", написанной имъ для герцогини Бовилье. Будучи директоромъ общины „Новыхъ католиковъ", онъ началъ статью „о служеніи священнослужителей", гдѣ онъ доказываетъ, что для того, чтобы учить людей религіи, необходимо имѣть внѣшній авторитетъ, который и переходитъ безпрерывно отъ одного пастыря къ другому. Боссюэтъ рекомендовалъ его королю для миссіи въ Пуату и Сэнтонжѣ и ввелъ его такимъ образомъ на путь общественной дѣятельности. Первымъ дѣломъ Фенелона было удаленіе войскъ изъ его мѣста дѣйствія; впродолженіи всей своей миссіи онъ не переставалъ говорить, что насиліе можетъ только напугать народъ, увеличить упорство въ тайной привязанности къ ереси и сдѣлаетъ ненавистною истинную религію. Онъ пріобрѣлъ ихъ довѣріе: простота его жизни удивляла ихъ. Онъ старался доказать имъ ихъ заблужденія и предразсудки противъ католической церкви посредствомъ ясныхъ, убѣдительныхъ разъясненій и чтенія Новаго Завѣта. Онъ возсталъ противъ желанія маркиза Сеньелэ подвергнуть новообращенныхъ всѣмъ обрядамъ благочестія, которые могли имъ быть полезны, но не предписывались церковью, какъ необходимость. Онъ заставилъ себя полюбить; онъ самъ говоритъ: „они насъ любятъ и жалѣютъ, когда мы уходимъ". Онъ возбудилъ въ тѣхъ, которые еще не были вполнѣ убѣждены, стремленіе узнать истину. „Если они не совсѣмъ убѣждены, то, по крайней мѣрѣ, подавлены и сомнѣваются въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ; время и довѣріе къ ихъ будущимъ учителямъ сдѣлаютъ остальное". Онъ самъ заботился объ этомъ, призывая хорошихъ проповѣдниковъ, особенно іезуитовъ, „которыхъ уважали за ихъ знанія и добродѣтель".

Когда онъ покинулъ Пуату, обращеніе было обезпечено. Нѣсколько лѣтъ спустя академія въ Анжерѣ праздновала это событіе, приписывая его слову и благотворительности Фенелона. Дальнѣйшіе историческіе факты указываютъ на важность этого результата. Пуату, этотъ центръ протестантизма во Франціи, бывшій его оплотомъ до Ришелье, такъ преобразился, благодаря Фенелону, что представилъ во время французской революціи самыхъ благородныхъ и самыхъ искреннихъ защитниковъ духовенства и католическихъ церквей.

Между другими мѣрами Фенелонъ часто указывалъ на то, „что народы должны находить столько же радости, оставаясь въ королевствѣ, какъ опасностей, покидая его". Духъ христіанскаго милосердія содѣйствовалъ политическимъ интересамъ. Къ сожалѣнію, отдѣльныя благодѣянія, оказанныя въ Пуату, какъ напр., продажа по дешевой цѣнѣ хлѣба, были слишкомъ ограничены, чтобы остановить эмиграцію. Страхъ передъ преслѣдованіями, внушенный первыми драгонадами, изгонялъ все болѣе и болѣе гугенотовъ изъ Франціи. Протестантскія государства обѣщали имъ полную безопасность.

Съ 1681 г. Лувуа сталъ съ безпокойствомъ слѣдить, какъ въ Англіи собирали огромныя суммы въ пользу бѣглецовъ; Фенелонъ самъ находилъ въ Пуату письма изъ Голландіи, которая обѣщала всѣмъ бѣгле-

цамъ выгодныя поселенія и освобожденіе отъ податей на семь лѣтъ. Вопреки грознымъ запрещеніямъ короля, эта эмиграція принимала страшные размѣры. Въ одномъ отчетѣ, представленномъ Вобаномъ королю, число бѣжавшихъ изъ Франціи лицъ всѣхъ сословій опредѣляется въ 1.000,000 человѣкъ, а количество унесенныхъ ими денегъ въ 30 милліоновъ ливровъ. Можетъ быть, что въ этихъ числахъ и есть преувеличеніе. Столько отдѣльныхъ бѣгствъ, изъ столькихъ мѣстностей и слѣдовавшихъ одно за другимъ, могли показаться несчетными. Но въ результатѣ вѣрно то, что другія государства воспользовались тѣмъ, что потеряла Франція. Искусные промышленники унесли за границу, кромѣ денегъ, еще тайну своего производства.

Солдаты, моряки, генералы, подобные Шомбергу, дипломаты, какъ Рювиньи, посвятили на службу Англіи, Бранденбурга, принца Оранскаго свои таланты, которыми до тѣхъ поръ пользовался король. Будущая коалиція могла разсчитывать на поддержку этихъ недовольныхъ.

Людовикъ XIV заслужилъ этотъ урокъ: онъ изъ тщеславія хотѣлъ управлять совѣстью своихъ подданныхъ и прибѣгъ къ средствамъ, которыя не одобрялись ни церковью, ни папою.

LXIII. ЛЮДОВИКЪ XIV И ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ РИМУ.

(Изъ соч. Ранке: „Римскіе папы", т. II).

Хотя Людовикъ XIV былъ ревностный католикъ, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ терпѣть, что римскій престолъ слѣдовалъ не только независимой политикѣ, но даже противоположной видамъ короля.

Климентъ X (1660—1676 г.), подобно предшественникамъ своимъ, склонялся на сторону Испаніи. Людовикъ XIV за это мстилъ безпрерывнымъ вмѣшательствомъ въ сферу духовной власти.

Онъ собственной властью отбиралъ духовныя имѣнія, закрывалъ монашескіе ордена, обременялъ церковныя бенефиціи военными пенсіонами; право пользованія доходами епископовъ, при вакантности мѣстъ и раздачѣ принадлежащихъ епископствамъ бенефицій, извѣстное подъ именемъ regale, Людовикъ XIV старался распространить и на провинціи, гдѣ право это прежде никогда не имѣло дѣйствія; взявъ вообще подъ свой надзоръ деньги, отправляемыя къ римскому двору, онъ нанесъ этимъ тяжкій ударъ тамошнимъ владѣльцамъ доходовъ.

Такимъ же образомъ онъ продолжалъ дѣйствовать и при Иннокентіи XI, слѣдовавшемъ вообще вышеозначенной политикѣ папъ; но въ немъ онъ встрѣтилъ сопротивленіе.

Иннокентій XI, изъ рода Одескальки, изъ Комо, 25 лѣтъ прибылъ въ Римъ съ саблею и пистолетомъ, съ цѣлью посвятить себя какимъ-либо свѣтскимъ занятіямъ, напр. военной службѣ въ Неаполѣ; но по совѣту одного кардинала, который вѣрнѣе понялъ его призваніе, вступилъ въ курію. Онъ служилъ столь ревностно и пріобрѣлъ своими способностями и возвышеннымъ образомъ мыслей столь добрую славу, что во время конклава народъ провозглашалъ уже его имя у портика св. Петра: общественное мнѣніе было удовлетворено, когда онъ явился украшенный тіарою (29 сент. 1676 г.).

*

Это былъ человѣкъ кроткій, добрый, исполнявшій обязанности своего сана съ той же добросовѣстностью, которая была постоянной его спутницей и въ частной жизни; его духовникъ увѣряетъ, что онъ не замѣчалъ въ немъ ничего, что могло бы удалять душу отъ Бога.

Съ энергіей принялся онъ за искорененіе зла, особенно въ управленіи финансами. Расходы значительно превышали доходы; значительный дефицитъ грозилъ довести до явнаго банкротства. Предупрежденіе этого составляетъ несомнѣнную заслугу Иннокентія XI. Онъ окончательно воздержался отъ непотизма, объявивъ, что хотя и любитъ своего племянника, донъ-Ливіо, который вполнѣ заслуживаетъ этого по своей скромности, но именно потому и не хочетъ принять его ко двору. Онъ возвратилъ въ пользу казны всѣ должности и доходы, которые до сихъ поръ доставались непотамъ. Совершенно также поступалъ онъ и со многими другими мѣстами, существованіе которыхъ было больше бременемъ, чѣмъ приносило пользы.

Съ такой же рѣшимостью встрѣтилъ папа и притязанія Людовика XIV. Два епископа, янсенисты, противодѣйствовавшіе распространенію права regale, которое, по ихъ мнѣнію, не было согласно съ независимостью духовной власти, подвергались за это притѣсненіямъ отъ двора: епископъ Помьера вынужденъ былъ нѣкоторое время существовать милостыней. Они обратились къ папѣ, и Иннокентій не затруднился оказать имъ поддержку.

Два раза увѣщевалъ онъ короля не слушать льстецовъ, не нарушать свободы церкви, такъ какъ чрезъ это могутъ изсякнуть источники божественной благодати для его государства, но, не получивъ отвѣта, онъ возобновилъ свои убѣжденія въ третій разъ и прибавилъ къ тому, что больше уже писать не будетъ, что не ограничится убѣжденіями, а, напротивъ, употребитъ всѣ ввѣренныя ему Богомъ средства власти. Никакая опасность, никакая буря не могли его устрашить: славу свою онъ видитъ въ крестѣ Спасителя.

Французскій дворъ всегда держался такого способа дѣйствій, что ограничивалъ духовенство папской властью, а дѣятельность этой послѣдней стѣснялъ духовенствомъ. Но ни одинъ государь не господствовалъ такъ надъ духовенствомъ, какъ Людовикъ XIV. Рѣчи, которыми его привѣтствовали въ торжественныхъ случаяхъ, дышали безпримѣрной преданностью. „Мы едва осмѣливаемся,—сказано въ одной изъ нихъ,—излагать наши требованія, опасаясь стѣснить ревность вашего величества къ церкви. Печальная свобода приносить наши жалобы обратилась теперь въ сладостную необходимость восхвалять нашего благодѣтеля“. Принцъ Конде былъ того мнѣнія, что еслибы король захотѣлъ обратиться въ протестантизмъ, то духовенство первое послѣдовало бы за нимъ.

По крайней мѣрѣ, духовенство, въ противоположность папѣ, всегда довольно открыто поддерживало короля: съ каждымъ годомъ онъ издавалъ постановленія, клонившіяся въ пользу королевской власти. Наконецъ настало время собранія духовенства 1682 г. „Оно было созвано и распущено,—говоритъ одинъ венеціанскій посолъ,—по усмотрѣнію министерства и дѣйствовало подъ его вліяніемъ. Поставленныя собраніемъ четыре положенія съ тѣхъ поръ постоянно признаваемы были законнымъ основаніемъ галликанскихъ вольностей. Три первыя воспроизводили старыя постановленія: независимость свѣтской власти отъ духовной,

превосходство собора надъ папою, неприкосновенность галликанскихъ обычаевъ; но особенно замѣчательно четвертое положеніе, ограничивающее духовную власть. Даже въ вопросахъ вѣры рѣшеніе папы не есть непреложное, пока не послѣдуетъ согласія церкви". Такимъ образомъ, обѣ власти поддерживаютъ взаимно другъ друга. Король былъ свободенъ отъ авторитета свѣтской власти папства, а духовенство отъ безусловнаго авторитета его въ духовномъ отношеніи. Современники находили, что если Франція и остается еще въ лонѣ католической церкви, то только на порогѣ къ выходу изъ нея. Изъ означенныхъ положеній, король сдѣлалъ нѣчто въ родѣ правилъ вѣры, символическую книгу. Во всѣхъ школахъ должны были преподавать галликанизмъ, и никто не могъ получить ученой степени по юридическому или богословскому факультету, если не присягнулъ имъ.

Но и у папы также было свое оружіе. Король возводилъ въ епископы преимущественно членовъ собранія, участвовавшихъ въ утвержденіи означенныхъ положеній; Иннокентій же не давалъ имъ каноническаго утвержденія. Пользуясь доходами, они, однако, не были рукополагаемы и потому не могли исполнять своихъ духовныхъ обязанностей.

Дѣло запуталось еще болѣе, когда Людовикъ XIV, чтобы показать себя истиннымъ католикомъ, принялся за рѣшительное истребленіе гугенотовъ. Онъ думалъ оказать этимъ великую услугу католической церкви. Утверждали, что папа Иннокентій былъ съ нимъ за-одно, но въ дѣйствительности это было не такъ. Римскій дворъ не хотѣлъ теперь принять участія въ обращеніи, которое совершали вооруженные апостолы. „Христосъ дѣйствовалъ не такъ: въ храмы слѣдуетъ вводить людей, а не втаскивать насильно".

Вообще безпрерывно возникали новыя затрудненія. Въ 1687 г., французскій посланникъ въѣхалъ въ Римъ съ столь огромной свитой, даже съ двумя эскадронами кавалеріи, что долженъ былъ воспользоваться „правомъ убѣжища", которое посланники распространяли въ то время, кромѣ занимаемаго ими дворца, и на сосѣднія улицы, не смотря на то, что папа формально отмѣнилъ эту привилегію. Съ вооруженной свитой, онъ презиралъ папу въ самой столицѣ. „Они прибыли съ лошадьми и каретами,—сказалъ Иннокентій,—мы же будемъ подвизаться во имя Господа". Папа произнесъ надъ посланникомъ церковное осужденіе и подвергнулъ запрещенію церковь св. Людовика, въ которой посланникъ присутствовалъ при торжественномъ богослуженіи.

Но и король принялъ рѣшительныя мѣры: онъ жаловался генеральному собранію, приказалъ занять Авиньонъ и заключить нунція въ Сентъ-Олопъ. Полагали, что король имѣлъ намѣреніе создать санъ патріарха Франціи и возвести въ него архіепископа Гарлэ, который, если не принималъ активнаго участія, то, по крайней мѣрѣ, способствовалъ дѣйствіямъ короля.

Такимъ образомъ, дѣло зашло такъ далеко, что французскій посолъ въ Римѣ былъ отлученъ отъ церкви, а папскій—во Франціи—арестованъ; 35 французскихъ епископовъ лишены были каноническаго утвержденія, а король занялъ папскую провинцію. Итакъ, расколъ сдѣлался дѣйствительнымъ. Но Иннокентій не уступилъ ни шагу.

Спрашивается, на что опирался въ этомъ случаѣ папа? Конечно, ему помогли не его запрещенія во Франціи, не его апостольскій авто-

ритетъ, а то, что Европа противостала предпріятіямъ Людовика XIV, которыя пробудили въ ней чувство независимости; папѣ оставалось лишь примкнуть къ этой оппозиціи. Онъ поддерживалъ Австрію въ ея турецкой войнѣ всѣми средствами, которыми только могъ располагать; счастливое окончаніе этой кампаніи придало всей партіи и самому папѣ новое положеніе.

Трудно доказать, чтобы Иннокентій, какъ утверждали многіе, находился въ союзѣ съ Вильгельмомъ III и зналъ о предпріятіи его противъ Англіи; но за то съ еще большей увѣренностью можно сказать, что министры его знали объ этомъ. Папѣ сказано было только, что принцъ Оранскій займетъ Рейнъ и будетъ отстаивать права государствъ и церкви противъ Людовика XIV; при этомъ папа обѣщалъ значительныя субсидіи. Но статсъ-секретарь его, графъ Касони, въ концѣ 1687 г. имѣлъ несомнѣнныя доказательства, что главнымъ планомъ недовольныхъ англичанъ было низложить короля Іакова съ престола и передать корону принцессѣ Оранской. Но графъ окруженъ былъ людьми ненадежными: между окружающими его французы нашли измѣнника. Изъ бумагъ, которыя этотъ послѣдній имѣлъ случай видѣть въ секретномъ кабинетѣ своего начальника, французскій и англійскій дворы почерпнули первыя свѣдѣнія объ упомянутомъ планѣ. Странное противорѣчіе. При римскомъ дворѣ долженъ былъ образоваться первый союзъ, цѣлью и слѣдствіемъ котораго было спасти протестантизмъ западной Европы отъ угрожающей опасности и пріобрѣсти навсегда признательность англійскаго престола. Если даже Иннокентій XI, какъ говорятъ, и не зналъ объ этомъ огромномъ планѣ, то ни въ какомъ случай нельзя не признать, что онъ присоединился къ оппозиціи, которая главнѣйшимъ образомъ опиралась на протестантскія силы и стремленія. Отказъ назначить кельнскимъ архіепископомъ кандидата, покровительствуемаго Людовикомъ XIV, былъ въ интересахъ этой оппозиціи и не мало содѣйствовалъ начатію войны, которая относительно возстановленія папскаго авторитета во Франціи имѣла рѣшительное значеніе. Если папа покровительствовалъ своей политикой протестантамъ, то и они, съ своей стороны, поддерживая европейское равновѣсіе противъ державы, вышедшей изъ всякихъ границъ, должны были содѣйствовать тому, чтобы она уступила духовнымъ притязаніямъ папства. Иннокентій XI не дожилъ до этого, но первый французскій посолъ, прибывшій въ Римъ послѣ его смерти (10 авг. 1689 г.), отказался уже отъ „права убѣжища“. Король измѣнилъ характеръ своихъ отношеній: онъ возвратилъ Авиньонъ и началъ переговоры. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что новый папа Александръ VIII, хотя наслѣдовалъ лишь строгости своего предшественника, однако въ этомъ пунктѣ держался и основныхъ началъ его политики. Онъ объявилъ постановленія 1682 г. недѣйствительными даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они подтверждены были клятвою.

Послѣ преждевременной смерти Александра VIII, французы употребили всѣ усилія, чтобы на престолъ возведенъ былъ папа, склонный къ примиренію, что имъ дѣйствительно и удалось съ избраніемъ Антонія Пиньателли — Иннокентія XII (12 іюля 1691 г.).

Но и этотъ папа также не имѣлъ ни желанія, ни надобности допускать, въ чемъ бы то ни было, униженія достоинства папскаго престола, тѣмъ болѣе, что союзное оружіе уже угрожало Людовику XIV.

Переговоры длились два года; Иннокентій нѣсколько разъ отвергалъ формулы, предлагаемыя ему французскимъ духовенствомъ, которое, наконецъ, вынуждено было объявить, что все постановленное въ собраніи 1682 г. должно быть разсматриваемо, какъ неимѣющее силы. „Повергаясь нынѣ къ стопамъ вашего святѣйшества, мы невыразимо скорбимъ о прошедшемъ". Только вслѣдствіе этого безусловнаго отреченія Иннокентій далъ имъ каноническое утвержденіе.

На этихъ условіяхъ миръ былъ возстановленъ. Людовикъ XIV писалъ къ папѣ, что онъ отмѣняетъ всѣ свои декреты, которые основаны на означенныхъ четырехъ положеніяхъ. Такимъ образомъ, римскій престолъ еще разъ успѣлъ отстоять свои права отъ притязаній даже столь могущественнаго государя.

Но не было ли вредно уже одно то, что эти враждебныя постановленія имѣли, нѣкоторое время, силу и значеніе? Они обнародованы были открыто, какъ государственныя узаконенія, отмѣнялись же теперь безгласно, въ формѣ письма, неоффиціально, и отмѣнѣ этой подчинялись лишь тѣ, кто нуждался въ милости римскаго двора. Людовикъ XIV допустилъ это, но самъ онъ, конечно, былъ далекъ отъ желанія видѣть эти четыре постановленія отмѣненными, хотя въ Римѣ думали иначе. Онъ и послѣ того не хотѣлъ допустить, чтобы римскій дворъ отказывалъ въ утвержденіи тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя держались отмѣненныхъ четырехъ постановленій. Онъ объясняетъ, что имъ отмѣнено только обязательное преподаваніе ихъ, принуждать же отрекаться отъ нихъ никто не имѣетъ права. Къ этому необходимо прибавить еще другое замѣчаніе. Римскій дворъ отстоялъ свои права не собственными силами, а только благодаря стеченію политическихъ обстоятельствъ, только вслѣдствіе того, что Франція вообще снова была стѣснена. Но, конечно, были бы другіе результаты, еслибы римскій престолъ не нашелъ посторонней помощи.

LXIV. ТОРГОВОПОЛИТИЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ И ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

(Изъ соч. Hoopдена: „Geschichte des XVIII Jahrhunderts", B. I).

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVII-го столѣтія финансовая политика великаго французскаго министра Кольбера пріобрѣла полное господство; меркантилизмъ съ его высокими тарифами, запрещеніемъ ввоза и государственными субсидіями въ области промышленной дѣятельности далъ блестящіе результаты по отношенію къ внутренней торгово-промышленной дѣятельности Франціи; но въ то же время началъ обнаруживаться застой торговли, обнаружившійся первоначально лишь въ великихъ западныхъ державахъ, а затѣмъ постепенно охватившій весь западъ. Идеи и результаты дѣятельности Кольбера увлекли государственныхъ людей западно-европейскихъ державъ; но послѣдователи Кольбера обнаружили соревнованіе не въ улучшеніи быта рабочаго люда, уничтоженіи внутреннихъ пошлинъ, централизаціи податей, поощреніи земледѣлія, не въ предоставленіи большей свободы труду и дѣятельности, предпріимчивости и производству, — словомъ, они старались

не о томъ, чтобы пересадить на свою почву дѣйствительно великія созданія Кольбера, а главнымъ образомъ заимствовали его ошибки и заблужденія. Современное поколѣніе видѣло, какъ засыхаетъ тепличное растеніе французскаго индустріализма; благосостояніе Франціи, отчасти вслѣдствіе вреднаго дѣйствія именно той же самой системы, которая произвела такое оживленіе въ торгово-промышленной дѣятельности, снова стало клониться къ упадку. Пагубное закрытіе рынковъ для иностранныхъ товаровъ, единственное созданіе, котораго Кольберъ не пережилъ самъ, примѣнялось послѣдовательно, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Да и какъ можно было въ то время ожидать отъ государственныхъ людей болѣе разумнаго, глубокаго взгляда на дѣло! Такъ какъ Франція, въ интересахъ своего торговаго баланса, не хотѣла болѣе допускать, чтобы Голландія и Англія оплачивали французскіе товары своими произведеніями, то, въ свою очередь, и сосѣднія государства, также въ интересахъ своихъ торговыхъ балансовъ, должны были преграждать французскимъ товарамъ доступъ на свои рынки. По примѣру Франціи, конкуррентамъ на всемірномъ рынкѣ ничего не оставалось, какъ слѣдовать системѣ жестокихъ репрессалій. Такимъ образомъ международныя торговыя сношенія западно-европейскихъ государствъ, вмѣсто того, чтобы, соотвѣтственно своему естественному назначенію, способствовать уничтоженію полной предразсудковъ враждебности между націями, получили во второй половинѣ XVII столѣтія и далѣе на многіе десятки лѣтъ характеръ враждебнаго движенія, поселяющаго ненависть между государствами и народами.

Подобно тому, какъ въ предшествовавшую эпоху исторіи человѣчества, въ періодъ борьбы религіозныхъ идей, дѣло шло не о достиженіи равноправнаго существованія различнымъ вѣроисповѣданіямъ, но о взаимномъ угнетеніи и уничтоженіи (въ особенности такимъ характеромъ отличалась борьба между развѣтвленіями одного и того же вѣроисповѣданія), такъ и торгово-политическіе интересы данной эпохи побуждали государства, въ видахъ самосохраненія, всѣми силами стараться вредить другъ другу. Какъ въ періодъ реформаціи всѣ политическіе вопросы впутывались въ раздоры и борьбу религіозныхъ партій, такъ и въ послѣдующемъ періодѣ всякое начинаніе той или другой державы, способное возбудить ревность въ другихъ, всякое разногласіе между кабинетами и націями выдвигали на первый планъ торгово-политическіе интересы государствъ. Наконецъ, какъ религіозныя противорѣчія прошлой эпохи не только рѣшались генеральными сраженіями, но постоянно и неослабно поддерживали враждебное настроеніе между различными религіозными партіями, такъ и мнимыя противорѣчія торговыхъ интересовъ, посредствомъ возвышенія тарифа и запрещенія ввоза, посредствомъ грузовыхъ пошлинъ, вывозныхъ и корабельныхъ премій, долгое время держали націи въ осадномъ положеніи. Понятно, что такое враждебное настроеніе наиболѣе рѣзко обнаруживалось именно между тѣми культурными государствами, которыя, при быстромъ экономическомъ развитіи, ранѣе другихъ стали смотрѣть на охрану матеріальныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, какъ на національное дѣло.

Для дипломатіи западныхъ державъ уже съ 1648 г. ревнивая, наступательная, стремившаяся къ исключительному преобладанію, торговая

политика болѣе чѣмъ когда-либо оказывала рѣшающее вліяніе на заключеніе и разрывъ союзовъ, на объявленіе войнъ и на мирныя соглашенія.

Кровавыя и дорого стоившія войны англійской республики и англійскаго королевства реставраціи съ протестантскими Нидерландами въ основѣ своей собственно были ни что иное, какъ дуэль между двумя могущественными морскими державами изъ-за примѣненія англійскаго акта о мореплаваніи. На честолюбивые планы и стремленія Франціи и на идеи Вильгельма III о необходимости противодѣйствія этимъ планамъ сильное вліяніе оказывали торгово-политическіе интересы обоихъ государствъ. При вторженіи въ Голландію въ 1672 г. къ личной злобѣ Людовика XIV противъ своихъ союзниковъ, сдѣлавшихся неуступчивыми, примѣшивалась не малая доля неудовольствія на экономическія отношенія: ибо на тарифы Кольбера Голландія въ 1667 году отвѣчала запрещеніемъ торговли съ Франціей, что сократило производство Франціи на много милліоновъ. Стремленіе амстердамскихъ торговцевъ къ нейтралитету, что такъ близко принималъ къ сердцу Вильгельмъ III, имѣло въ основаніи обманчивую надежду на пониженіе французскихъ пошлинъ. Рѣзкія, горячія нападки англійскаго парламентаризма на иностранную политику Карла Стюарта II были вызваны прежде всего разоблаченіемъ его ложной политики по отношенію къ Франціи, а именно сознаніемъ, что вслѣдствіе предпочтенія, оказываемаго королемъ французскимъ фабрикатамъ, Англія ежегодно терпитъ въ своей торговлѣ болѣе милліона фунт. стерл. убытку. Поэтому запрещеніе торговли съ Франціей съ 1677 г. парламентская оппозиція считала важной побѣдой. Возстановленіе дружественныхъ торговыхъ отношеній съ Франціей побудило Голландію къ заключенію сепаративнаго Нимвегенскаго мира, и нидерландская республика считала важнѣйшимъ результатомъ рисвикскаго мирнаго договора пониженіе тарифа и уничтоженіе и безъ того уже тягостной ввозной пошлины со стороны Франціи.

Въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній только и было рѣчи, что о европейскомъ равновѣсіи: слово это — многозначущая и горькая истина для Оранскаго дома,—для послѣдующихъ поколѣній означало не болѣе, какъ соревнованіе меркантильныхъ интересовъ. Теперь стало считаться чрезвычайно важнымъ успѣхомъ дипломатическихъ переговоровъ и даже большихъ войнъ, если удавалось закрыть рынокъ для товаровъ противника, уничтожить колонію или даже прорвать, такъ сказать, цѣпь, не допускавшую ввоза иностранныхъ продуктовъ и пріобрѣсти большія льготы сравнительно съ другими государствами. При измѣненіяхъ владѣній, переходѣ провинцій отъ одного государства къ другому, короче — при всякомъ преобразованіи европейской карты, — на первый планъ, естественно, выступали торгово-политическіе вопросы. Каждое подобнаго рода столкновеніе, возникавшее между какими-либо двумя торговыми державами, вызывало въ остальныхъ напряженное возбужденіе и стремленіе къ посредничеству, если не къ активному вмѣшательству.

Но что значили всѣ эти бывшія до сихъ поръ нарушенія торгово-политическаго равновѣсія по сравненію съ тѣмъ громаднымъ кризисомъ, который въ исходѣ XVII столѣтія, въ виду неминуемо близкой смерти послѣдняго изъ испанскихъ Габсбурговъ, угрожалъ меркантильнымъ и промышленнымъ интересамъ западныхъ державъ!

Въ періодъ до заключенія рисвикскаго мира, торговое соревнованіе

между Голландіей и Англіей выражалось въ не менѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ въ отношеніяхъ обоихъ этихъ государствъ къ Франціи. Въ началѣ XVII столѣтія торговая политика Англіи находилась еще въ зависимости отъ Голландіи. Пятьдесятъ лѣтъ позднѣе началось явное соревнованіе между обѣими націями. Вѣрная тому направленію въ государственной жизни, которое предначерталъ сэръ Вальтеръ Ралей еще во время королевы Елизаветы, Англія и какъ торговое государство постепенно развивалось и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли уже начинала брать верхъ надъ всемірной торговлей голландцевъ. Не безъ раздраженія слѣдили въ Нидерландахъ за усиливавшейся конкурренціей англійскихъ фабрикатовъ и съ едва скрываемой злобой смотрѣли на болѣе и болѣе расширявшіяся предпріятія англійскихъ торговыхъ компаній. Въ Лондонѣ же, напротивъ, жаловались, что амстердамская биржа все еще остается повелительницею европейскаго денежнаго рынка, что денегъ въ Нидерландахъ находится въ избыткѣ и по дешевой цѣнѣ и что голландцамъ долженъ весь свѣтъ. Но какъ ни сильно было въ Амстердамѣ и Лондонѣ взаимное недовольство по поводу торговыхъ балансовъ,—недовольство, которое не въ силахъ было сгладить и то, что одинъ изъ голландскихъ штатгальтеровъ возсѣдалъ на англійскомъ тронѣ — обѣ протестантскія морскія державы должны были однако забыть враждебную конкурренцію въ виду общей опасности.

Благодаря мѣрамъ Кольбера, Франція при Людовикѣ XIV уже обнаружила было такой быстрый экономическій прогрессъ, что французская торговля и хозяйство угрожали отодвинуть на задній планъ обѣ протестантскія морскія державы. Но съ исходомъ XVII столѣтія, по собственной винѣ правительства, даже самые пышные и лучшіе цвѣты этого развитія поблекли. Однако еще оставалась возможность, что Франція въ предстоящую бурю можетъ возвратить утраченное въ послѣднее десятилѣтіе: для этого нужно было только, чтобы рѣшеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ послѣдовало въ смыслѣ, желательномъ для Людовика XIV.

Снабженіе Пиренейскаго полуострова произведеніями промышленности уже издавна подѣлили между собой англійская, голландская и французская фабрикаціи. Такъ какъ испанская корона, изъ опасенія, что вывозъ произведеній промышленности подниметъ въ странѣ цѣну товаровъ, допускала лишь весьма ограниченный вывозъ испанскихъ фабрикатовъ въ американскія колоніи, то промышленность Испаніи и оставалась неразвитой и безпомощной. Потребность Испаніи въ произведеніяхъ промышленности, — какъ-то: шерсть, ленъ, шелкъ и всевозможные орудія и инструменты,— на девять-десятыхъ покрывалась ввозомъ изъ-за границы. Хотя испанскія ввозныя пошлины были высоки, но такъ какъ имъ подлежали всѣ иностранные товары, а по нѣкоторымъ отраслямъ торговли Англія и Голландія пользовались даже особыми льготами, то до сихъ поръ онѣ и могли успѣшно конкуррировать съ Франціей. Весьма значительная доля вывозной шерсти изъ Англіи направлялась въ испанскія гавани. Въ то время, какъ Англія посредствомъ этой отрасли торговли утилизировала наиболѣе обильный продуктъ своего сельскаго хозяйства, голландцы вывозили изъ Испаніи въ видѣ сырого матеріала тончайшую шерсть мериносовъ, переработывали ее на своихъ фабрикахъ и съ огромнымъ барышемъ отсылали назадъ на Пиренейскій полуостровъ. Равнымъ

образомъ для голландскаго и ирландскаго льна Испанія представляла превосходный рынокъ; сѣверныя же морскія державы снабжали испанскія гавани корабельнымъ лѣсомъ, смолой и ворванью, словомъ—всѣми сырыми матеріалами, необходимыми для кораблестроенія; при томъ эта выгодная торговля находилась даже внѣ французской конкуренціи. Нигдѣ, какъ утверждали въ Голландіи и Англіи, не находится въ такомъ благопріятномъ положеніи торговый балансъ, какъ при мѣнѣ продуктовъ съ Испаніей. Предметы вывоза изъ Испаніи—вино и сушеные плоды—покрывали лишь незначительную долю стоимости ввоза, и такимъ образомъ благородные металлы Новаго Свѣта текли этимъ путемъ въ жилы западно-европейской промышленной и торговой жизни и дѣятельности.

Подобнымъ же образомъ и безсмысленная колоніальная система Испаніи служила къ выгодѣ морскихъ державъ. Само собою разумѣется, что испанское законодательство закрыло всѣ гавани своихъ заатлантическихъ владѣній для всякаго непосредственнаго сношенія съ другими націями. Въ самой Испаніи лишь единственный городъ Кадиксъ пользовался привилегіей, подъ надзоромъ правительства, снаряжать торговый флотъ въ Америку. Но между тѣмъ, какъ Англія и Голландія снабжали свои колоніи исключительно собственными фабрикатами и вся прибыль дѣйствительно переходила въ руки отечественной промышленности, въ Испаніи мы видимъ, что морскія державы подъ именами испанскихъ фирмъ производили обширный вывозъ произведеній своей промышленности въ заатлантическія колоніальныя земли. При этомъ за тѣ товары, которыми онѣ снабжали Америку, они уже не платили высокихъ испанскихъ ввозныхъ пошлинъ. Мадридское правительство само установило систему контрабанды: оплата пошлиною оптоваго количества товаровъ, уплата такъ называемаго индульта *) освобождала отъ пошлинъ съ каждаго спеціальнаго рода товаровъ. Испанскія галеры переплывали океанъ, большею частью снаряженныя на счетъ англійскихъ и голландскихъ купцовъ и нагруженныя продуктами Англіи и Голландіи. По отношенію къ самимъ колоніямъ, испанское правительство довольствовалось выжиманіемъ изъ нихъ и отправленіемъ на родину серебра и золота. Напротивъ, Англія и Голландія мѣняли свои мануфактуры не только на благородные металлы, но и на колоніальные товары. Часть послѣднихъ они употребляли дома, а излишкомъ снабжали всю остальную Европу. Пользуясь всѣми выгодами мѣновой торговли, Англія и Голландія равнымъ образомъ и самой Испаніи доставляли произведенія ея же собственныхъ колоній.

Такимъ образомъ Англія и Голландія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій ежегодно извлекали изъ торговыхъ сношеній съ Испаніею и ея колоніями все бо̀льшія и бо̀льшія выгоды; но достаточно было, чтобы въ будущемъ какой-либо французскій министръ изъ школы Кольбера ввелъ, въ ущербъ интересамъ Голландіи и Англіи, дифференціальныя пошлины, или чтобы уничтожена была противозаконная привилегія при зафрахтованіи испанскаго торговаго флота,—этихъ мѣръ достаточно было. чтобы вызвать громадный переворотъ въ торговыхъ сношеніяхъ и причинить значительные убытки морскимъ державамъ.

Рядомъ съ правильной торговлей, которую Англія и Голландія вели съ испанской Америкой черезъ Кадиксъ, производилась между вестъ-

*) Пошлина, взимавшаяся въ Испаніи съ товаровъ, привозимыхъ изъ Америки.

индскими колоніями морскихъ державъ и Испаніей прибыльная и значительная контрабандная торговля. Полуразрушенный испанскій военный флотъ уже давно былъ не въ состояніи сдерживать контрабанду. Другое дѣло, еслибы намѣстникъ бурбонскаго королевскаго дома въ Испаніи, опираясь на морскія силы Франціи, учредилъ, въ интересахъ этой послѣдней, береговую стражу для надзора за англійскими и голландскими судами.

Помимо стѣсненія контрабандной торговли, развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Франціи въ испанской Америкѣ должно было бы, при дальнѣйшемъ ходѣ событій, привести къ совершенно инымъ результатамъ.

Въ то время вестъ-индскіе острова: Барбадосъ, Св. Христофора и Ямайка были цвѣтущими англійскими колоніями, а Кюрасао и Св. Евстафія—голландскими; французское королевство въ борьбѣ съ Испаніей также пріобрѣло себѣ Гваделупу, Мартинику и большую часть Санъ-Доминго; но французско-вестъ-индская торговля не могла еще конкуррировать съ голландской и англійской: продуктами Барбадоса Англія вытѣснила бразиліанско-португальскій сахаръ и снабжала этимъ товаромъ не только свое отечество, но и сѣверъ континентальной Европы. Перломъ голландскихъ колоній была Гвіана, которую эксплоатировала суринамская компанія; но прочному существованію голландскихъ и англійскихъ торговыхъ предпріятій въ Вестъ-Индіи могло угрожать господство Бурбоновъ на принадлежащихъ Испаніи Антильскихъ островахъ.

Франція, какъ это ни было ей непріятно, должна была въ большей части своихъ торговыхъ сношеній съ своими колоніями, обращаться къ посредству голландскихъ транспортныхъ судовъ, ибо французскіе рейды еще не въ состояніи были удовлетворять собственнымъ потребностямъ, при томъ же дешевая фрахтовая плата голландцевъ въ значительной степени подавляла конкурренцію. Обладая же испанскимъ торговымъ флотомъ или преимущественнымъ вліяніемъ на зафрахтованіе испанскихъ галеръ, Франція могла бы отважиться, въ противовѣсъ англійскому акту о мореплаваніи, издать французскій законъ о мореплаваніи подобнаго же содержанія.

До сихъ поръ всѣ попытки французовъ основать колоніи на Миссисипи оказывались тщетными, ревность Испаніи противодѣйствовала развитію и процвѣтанію Луизіаны. Между тѣмъ Англія, не имѣя въ сосѣдствѣ ни французскихъ, ни испанскихъ колоній, а слѣдовательно конкурренціи и противодѣйствія, снабжала большую часть Европы табакомъ, добываемымъ въ Каролинѣ и Виргиніи. Но за судьбу этихъ колоній должно было опасаться, какъ скоро французская колонизація на Миссисипи получила бы возможность опираться на сосѣднюю Мексику. Уже и безъ того сѣверные штаты Новой Англіи терпѣли большой ущербъ отъ недавняго распространенія французскаго господства въ Канадѣ, и англійское правительство считало однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ вопросовъ обладаніе устьями Св. Лаврентія и его рыболовныхъ станцій. Словомъ, будущее англо-голландскихъ колоній въ Америкѣ, основаніе которыхъ занимаетъ одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи развитія человѣчества, казалось, зависѣло отъ того, чтобы французскій флотъ никогда не нашелъ себѣ второй родины въ американскихъ водахъ.

Испанскіе Нидерланды представляли также чрезвычайно выгодный рынокъ для сбыта шерстяныхъ издѣлій и колоніальныхъ товаровъ мор-

скихъ державъ. Помимо опасеній за свою территорію, которой угрожало всякое расширеніе границъ Франціи, Голландія должна была опасаться утвержденія господства Франціи надъ этой промежуточной полосой и открытія для судоходства бельгійской части Шельды, а затѣмъ всецѣлаго поглощенія этой дѣятельной промышленной страны, а слѣдовательно и быстраго развитія подавляющей конкурренціи со стороны французской промышленности. Для Англіи католическіе Нидерланды служили мѣстомъ сбыта для ея хлѣбныхъ продуктовъ, и черезъ Фландрію производилась большая часть торговыхъ сношеній Британіи съ Германіей.

Къ наиболѣе выгоднымъ торговымъ сношеніямъ Англіи и Голландіи теорія торговаго баланса причисляла, наконецъ, сношенія съ Левантомъ. Сношенія эти находились въ цвѣтущемъ состояніи и имѣли особенную цѣну потому, что за драгоцѣнные товары Востока не приходилось уплачивать благородными металлами. Если количества потребляемыхъ на Востокѣ мануфактурныхъ товаровъ и колоніальныхъ товаровъ или продуктовъ англійской горной промышленности оказывалось недостаточно для нагрузки левантскихъ судовъ, то сверхъ этого пригодный грузъ представляла сушеная и соленая рыба, ловъ которой производился въ сѣверныхъ моряхъ. Во время плаванія фрахтъ этотъ выгружался на берегахъ Испаніи, Португаліи и Италіи и съ выгодой окупалъ потребность въ восточныхъ товарахъ Англіи, Голландіи и сѣверной Германіи. Въ исходѣ XVII стол. торговыя сношенія протестантскихъ морскихъ державъ съ Левантомъ значительно превосходили гораздо ранѣе начавшуюся восточную торговлю Франціи. Но процвѣтаніе этой торговли основывалось на томъ предположеніи, что испанскія и итальянскія гавани останутся открытыми для англо-голландскаго ввоза. И здѣсь торговыя предпріятія могли подвергнуться быстрому упадку, какъ скоро великая французско-испанская всемірная монархія оцѣпила бы всѣ берега Средиземнаго моря таможнями: повелитель Франціи, диктующій свои указы торговому совѣту въ Мадридѣ, могъ бы превратить Средиземное море во французское озеро.

Обыкновенно упускаютъ изъ виду тотъ громадный вредъ, ту опасность, которая съ открытіемъ испанскаго наслѣдства и съ рѣшеніемъ вопроса объ этомъ наслѣдствѣ, въ смыслѣ французскихъ притязаній, угрожала культурнымъ интересамъ Англіи и Голландіи. При тогдашнемъ положеніи международныхъ торговыхъ сношеній, при тогдашнемъ развитіи французскихъ морскихъ силъ, наконецъ—при тогдашнемъ могуществѣ бурбонскаго королевства, монополизація Франціей всемірной торговли имѣла бы болѣе ужасное, гибельное значеніе, чѣмъ какое имѣла, столѣтіе спустя, континентальная система первой французской имперіи. Меркантилизмъ съ его охранительными пошлинами долженъ былъ представлять глазамъ современниковъ сумму дѣйствительнаго ущерба въ удвоенномъ и утроенномъ объемѣ. Что съ Франціей и съ зависимыми отъ нея странами нельзя было вести никакой выгодной торговли, это для большинства, по крайней мѣрѣ, англійскихъ государственныхъ людей еще на много десятилѣтій было дѣломъ рѣшенымъ. Установившаяся во Франціи заработная плата была ниже, чѣмъ въ другихъ странахъ, французскіе фабрикаты были дешевле. Франція отвергла съ презрѣніемъ дорогія англійскія мануфактурныя произведенія и сама дома добывала большую часть тѣхъ сырыхъ матеріаловъ, которые могла доставлять

Англія. Уже давно англійскіе корабли входили во французскія гавани съ однимъ лишь балластомъ. Поэтому торговая политика морскихъ державъ должна была также тщательно охранять независимость Испаніи отъ французской короны, какъ Испанія охраняла свои американскія золотыя мины.

Англія и Голландія не могли заявлять никакого притязанія на испанское наслѣдство. Вопросъ, какой изъ королевскихъ домовъ, Франціи или Австріи, долженъ былъ наслѣдовать послѣдней мужской отрасли габсбургскихъ королей Испаніи, предстояло рѣшить между дочерями Филиппа IV и ихъ потомствомъ; но одинъ взглядъ на торгово-политическіе интересы, стоявшіе въ связи съ наслѣдованіемъ испанскаго трона, уже въ 1686 г. заставилъ одного императорскаго австрійскаго министра сказать, что открытіе испанскаго наслѣдства произведетъ переворотъ въ государственной системѣ западныхъ державъ.

LXV. ПОЛОЖЕНІЕ ФРАНЦІИ И ВРАЖДЕБНОЙ ЕЙ КОАЛИЦІИ ВЪ НАЧАЛѢ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЖДЕЙ КОАЛИЦІИ.

(Изъ лекцій Вызинскаго: „Англія въ VIII столѣтіи“).

Когда, лѣтомъ 1702 г., началась война за испанское наслѣдство, все предвѣщало, что это будетъ война упорная, продолжительная, превосходящая громадностью все, что до сихъ поръ видѣла Европа; но много было вѣроятія, что Людовикъ XIV и на этотъ разъ останется побѣдителемъ. Франція занимала великолѣпное оборонительное положеніе. Всѣ границы ея были недоступны. Людовикъ XIV со всѣхъ сторонъ обставилъ ее крѣпкими загородами. Чтобы проникнуть во Францію съ сѣвера, нужно было прорвать по очереди три желѣзныя цѣпи крѣпостей Бельгіи. Сѣверовосточная граница, Шампанія, заслонена была курфюрстомъ Кельнскимъ, который вступилъ въ союзъ съ французскимъ монархомъ противъ своего отечества, и передалъ ему въ руки важные военные посты прирейнской области. Столь же хорошо защищены были отъ вторженія: Франшъ-Конте, Дофине и Провансъ. Людовикъ XIV стоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ швейцарскимъ кантонамъ, полки которыхъ служили въ его арміи, и къ герцогу Савойскому, который былъ съ нимъ въ родствѣ и союзѣ. Вслѣдствіе этого оба склона Альповъ находились въ его власти. Оборонительная его линія продолжалась еще дальше. Французы стояли въ Миланѣ. Въ рукахъ ихъ была одна половина знаменитаго сѣверо-итальянскаго четвероугольника. Въ Марсели собранъ былъ сильный флотъ, который могъ господствовать на Средиземномъ морѣ. Со стороны Пиренеевъ не существовало никакой опасности. Внукъ Людовика царствовалъ въ Мадридѣ. Для защиты такой могущественной позиціи 200,000 отборнаго войска разставлено было въ разныхъ пунктахъ. Въ то же время часть этой арміи могла ворваться наступательнымъ дѣйствіемъ въ самый центръ Германіи, подавая руку курфюрсту Баварскому, второму нѣмецкому союзнику французскаго монарха. Противъ такого, съ ногъ до головы вооруженнаго, противника

двинулась со всѣхъ сторонъ европейская коалиція. Прежде всего ей нужно было исторгнуть изъ рукъ Людовика всѣ тѣ загороды, которые заслоняли собою предѣлы Франціи—Бельгію, Миланъ, Испанію. Но силы коалиціи, хотя и большія, далеко не имѣли того единства, той сосредоточенности, какою отличались силы Людовика. Интересы и цѣли союзныхъ державъ были такъ различны, какъ и территоріи ихъ раздѣлены большими пространствами. Англія твердо желала воспрепятствовать соединенію Франціи и Испаніи, потому что это угрожало ея собственнымъ интересамъ; другія державы дѣйствовали по различнымъ мотивамъ. Австріи хотѣлось всего богатаго наслѣдія испанской короны для эрцгерцога Карла; Голландія думала только о томъ, какъ бы пріобрѣсть барьеру бельгійскихъ крѣпостей, которая могла бы навсегда обезпечить ее противъ нападеній Франціи. Мелкіе нѣмецкіе князья неохотно слѣдовали за Австріею, не видя для себя никакой прямой выгоды отъ войны за чужіе интересы. Данія и Швеція слишкомъ удалены были отъ опасности со стороны Франціи и потому не считали нужнымъ дѣлать большія усилія; притомъ вниманіе ихъ гораздо болѣе поглощено было происходившею тогда великою сѣверною войною. Одна только Пруссія оказывала болѣе рвенія помогать Австріи; именно въ это время Пруссія перестала быть курфюршествомъ Бранденбургскимъ и сдѣлалась королевствомъ. Въ ней царствовалъ Фридрихъ I, великій человѣкъ для малыхъ дѣлъ, главнымъ интересомъ котораго былъ придворный этикетъ, церемоніи и наряды. Одного только не доставало ему—короны. Онъ страстно желалъ королевскаго титула и давно уже мучилъ этимъ императора Леопольда. Наконецъ удобный случай представился. Императоръ нуждался въ его помощи, далъ ему вожделѣнный титулъ, и Фридрихъ, взамѣнъ за этотъ подарокъ, обязался поддерживать его въ войнѣ противъ Франціи. Столь разнородной коалиціи соотвѣтствовала и разнородная армія, составленная изъ многочисленныхъ, другъ другу чуждыхъ элементовъ. Нельзя было и думать о единствѣ начальства, о подчиненіи всѣхъ союзныхъ генераловъ одному главнокомандующему. Этому препятствовала взаимная зависть членовъ коалиціи; этому препятствовала и суетность союзныхъ генераловъ, особенно нѣмецкихъ, для которыхъ вопросы этикета, старшинства, ранга и предсѣдательства всегда есть и были существенными вопросами жизни.

Внѣшняя обстановка дѣлъ, повидимому, клонилась не къ выгодѣ коалиціи; перевѣсъ былъ явно на сторонѣ Франціи; но подъ внѣшнею обстановкою скрывались симптомы совершенно противоположнаго характера. Людовикъ XIV не былъ уже тотъ Людовикъ, который побѣждалъ одну за другою три коалиціи, и Франція не была уже той Франціею, которая съ восторгомъ слѣдовала за своимъ монархомъ. Великій монархъ сталъ старъ; уже 50 лѣтъ онъ управлялъ Франціею; въ теченіе 30 лѣтъ онъ самъ былъ своимъ первымъ министромъ, работалъ по восьми часовъ въ день, соединялъ государственныя дѣла съ удовольствіями, слушая всѣхъ, совѣтуясь со всѣми, но рѣшая все самъ. Его министры мѣнялись, умирали; онъ одинъ оставался всегда одинаковый, совершая обязанности, церемоніи и празднества монархіи съ правильностью солнца, которое онъ избралъ своею эмблемою. Но теперь ему было уже подъ 70 лѣтъ; дѣятельность его духа ослабѣла; ясный умъ его помрачился биготизмомъ. Надъ этимъ умомъ, прежде столь независимымъ, господствовала

мадамъ де-Ментенонъ. Вмѣстѣ съ королемъ состарѣлась и сама абсолютная монархія. У Людовика XIV не было больше великихъ людей, съ которыми онъ совершалъ великія дѣла. Не стало Кольбера, не стало желѣзнаго Лувуа; всѣ знаменитые генералы—и Конде, и Тюреннь, и Люксанбургъ—давно сошли въ могилу. Испорченная атмосфера Версаля не благопріятствовала воспитанію новыхъ личностей, способныхъ стать на мѣсто умершихъ великихъ. Великаго монарха окружали мелкіе, посредственные люди, commis, а не министры, солдаты, а не полководцы. Воинственная Франція никогда, правда, не имѣла недостатка въ хорошихъ генералахъ, но второе поколѣніе генераловъ Людовика XIV далеко не похоже было на первое. Имъ не доставало той искры генія, которая оживляла ихъ предшественниковъ, и при томъ лучшіе изъ нихъ подвигались медленно въ своей карьерѣ: о нихъ забывали, ихъ отодвигали на второй планъ. Первыя мѣста, главныя начальства получали тѣ генералы, которые были лучшими царедворцами, которые нравились больше мадамъ де-Ментенонъ. Полководцы не знали теперь, что такое carte blanche. Дворъ путался во все, даже въ военныя дѣйствія. Придворные курьеры постоянно разъѣзжали между Версалемъ и разными арміями, принося инструкціи за инструкціями, приказы за приказами, часто противоположные, нерѣдко вовсе неисполнимые. Слѣдствія такого образа дѣйствій были неизбѣжны. Извѣстно, что̀ выходитъ, когда дворъ самъ хочетъ вести войну и управлять генералами. Между тѣмъ, въ теченіе 50-лѣтнихъ напряженій истощились и матеріальныя силы Франціи. Народъ стоналъ подъ огромною тяжестью налоговъ. Финансы были въ разстройствѣ. Всѣ бѣднѣли; богатѣли только откупщики и интенданты. Страшная нищета распространялась въ сельскомъ народонаселеніи. Людовикъ выставилъ 200-тысячную армію; но это были послѣдніе солдаты Франціи—это было отчаянное усиліе. Скоро оказался даже недостатокъ въ людяхъ. Перемѣнилось и само общество; выросло новое поколѣніе. Это новое поколѣніе лишено было уже того восторженнаго чувства, того наивнаго энтузіазма, съ которымъ предшествующее слѣдовало за великимъ монархомъ, бросалось на завоеванія. Франція сыта была военной славы. Люди новаго поколѣнія имѣли болѣе холоднаго разсудка, менѣе воспламенялись, были наклонны къ скептицизму, много критиковали. Они испытывали гнетъ господствующей системы и начинали быть равнодушны къ ея блеску, къ ея величію. Неопредѣленное желаніе перемѣны овладѣвало умами всѣхъ. Для Франціи наступало то время, когда въ воздухѣ носится что-то такое, что пахнетъ и гнилью прошедшаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣяніемъ новой эпохи,—время переходное, когда образованные классы находятся въ глухой, пассивной оппозиціи правительству, когда общество живетъ намеками, когда въ театрѣ каждая фраза, напоминающая существующій порядокъ вещей, покрывается громкими рукоплесканіями, когда въ каждой напечатанной строчкѣ люди ищутъ затаеннаго смысла, когда сатирическіе стихи переходятъ изъ устъ въ уста, когда неясный либерализмъ дѣлается модою въ высшихъ гостиныхъ, когда все подвергается вопросу и сомнѣнію, но не сознается ничего положительнаго, опредѣленнаго; когда все предвѣщаетъ въ будущемъ наступленіе новой, лучшей эпохи, но это будущее представляется темно, смутно, тревожно.

При такихъ предзнаменованіяхъ, завоевательный абсолютизмъ вызывалъ на послѣдній, рѣшительный бой европейскую коалицію. Въ этой

коалиціи, повидимому, столь разъединенной цѣлями и интересами, столь разнородной по составу, былъ, однакоже, одинъ залогъ силы и успѣха,— залогъ вполнѣ надежный. Во главѣ ея находились три великія личности, которыя стояли дружно, дѣйствовали заодно и дополняли другъ друга. Тріумвиратъ этотъ составляли Гейнзіусъ, Мальборо и Евгеній Савойскій. Изъ нихъ Гейнзіусъ, великій пенсіонарій, т. е. главный министръ Голландской республики, былъ старый другъ короля Вильгельма и продолжатель его политики въ Голландіи. Это былъ человѣкъ, такой же холодный, какъ и Вильгельмъ, такой же рѣшительный, глубокій и дальновидный политикъ и такъ же сильно ненавидѣвшій Францію. Но самая выдающаяся роль въ названномъ тріумвиратѣ безспорно принадлежала главнокомандующему англійской арміи—лорду Мальборо.

Лордъ Мальборо принадлежитъ къ числу первыхъ европейскихъ знаменитостей тѣхъ временъ. Начало XVIII столѣтія наполнено его именемъ и его дѣйствіями. Рѣдкому человѣку приходилось играть такую огромную роль въ Англіи и въ Европѣ. Онъ сталъ на мѣсто короля Вильгельма въ европейской политикѣ и достойнымъ образомъ замѣнилъ его собою. Во многомъ онъ даже значительно превзошелъ Вильгельма. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ былъ душою европейской коалиціи противъ Франціи и Людовика XIV, руководилъ колоссальною войною, которая въ одно время происходила въ пяти странахъ, на пяти отдѣльныхъ театрахъ; наполнилъ Европу славою своихъ побѣдъ, являлся посредникомъ между государями, успѣвалъ въ самыхъ трудныхъ дипломатическихъ предпріятіяхъ, а въ Англіи управлялъ безусловно королевою, дворомъ, министерствомъ, парламентомъ и страною. Среди этихъ великихъ дѣяній онъ достигъ высшей точки славы, могущества и богатства; сдѣланъ былъ герцогомъ Англіи и княземъ Священной Римской имперіи. Европейскіе дворы осыпали его почестями, подарками и пенсіонами. И онъ былъ вполнѣ созданъ для такой великой роли. Природа надѣлила его самыми блестящими и самыми разнообразными свойствами и дарованіями. Успѣхи его во всемъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ не получилъ никакого образованія, едва умѣлъ читать и писать и научился всему самъ въ лагерѣ, при дворѣ, въ кабинетѣ, въ парламентѣ, на конгрессахъ. Онъ былъ геніальный полководецъ. Онъ стоитъ на ряду съ величайшими генералами новыхъ временъ, на ряду съ принцемъ Евгеніемъ, Фридрихомъ Великимъ, Наполеономъ и Веллингтономъ. Въ немъ соединились военныя качества, повидимому, самыя противоположныя—предпріимчивость и осмотрительность, смѣлость и осторожность, способность къ сложнымъ стратегическимъ комбинаціямъ и къ внезапнымъ оригинальнымъ замысламъ, задуманнымъ противъ всѣхъ правилъ военнаго искусства. Онъ составлялъ иногда такіе смѣлые планы, что всѣ считали ихъ верхомъ сумасшествія, но приводилъ ихъ въ исполненіе съ такою предусмотрительностью и благоразуміемъ, что потомъ эти планы казались произведеніемъ самой глубокой науки. Не было полководца болѣе счастливаго въ своихъ предпріятіяхъ. Мальборо не испыталъ ни одной серьезной неудачи: всѣ сраженія кончались для него побѣдою. Это постоянное счастіе внушало солдатамъ неограниченное къ нему довѣріе и нагоняло страхъ на непріятелей. Еще сегодня le grand Malbrough живетъ въ пѣсняхъ французскихъ солдатъ. Но едва ли не выше его военныхъ дарованій стояли его дипломатическія способности. Онъ былъ дипломатъ первой степени.

Природа и жизнь надѣлили его всѣми свойствами, нужными для блестящаго дипломата. Онъ одаренъ былъ чрезвычайно красивою и пріятною, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественною, импонирующею наружностью. Манеры его были очаровательны. Никто не могъ устоять противъ него, ни мужчины, ни женщины. Онъ приводилъ въ восторгъ своею любезностью, своею утонченною вѣжливостью всѣхъ подчиненныхъ. Другіе не умѣли дарить съ такою граціею, съ какою онъ отказывалъ. Съ этими внѣшними преимуществами онъ соединялъ умъ чрезвычайно тонкій, проницательный и изворотливый, изумительную ловкость въ интригѣ, терпѣніе, мягкость, уступчивость. Онъ умѣлъ ужиться со всякимъ, подладиться подъ каждый тонъ; прибѣгалъ, по очереди, то къ хитрости, то къ лести, то къ смѣлости. Необыкновенно мягкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно рѣшительный, онъ всегда настаивалъ на своемъ и успѣшно доводилъ до конца самые запутанные и трудные переговоры. Его дипломатическимъ талантамъ еще болѣе, чѣмъ военнымъ подвигамъ, Европа обязана была успѣшнымъ ходомъ войны за испанское наслѣдство. Онъ стоялъ во главѣ коалиціи, составленной изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, и начальствовалъ надъ арміею, въ которой были войска десяти разныхъ націй. Въ такой сложной коалиціи было множество другъ другу противоположныхъ интересовъ. Каждая держава преслѣдовала свои цѣли. Между союзниками господствовали зависть и раздоры. Постоянно грозила опасность распаденія великаго союза. Нужны были Мальборо необыкновенныя усилія, чтобы сдерживать все это вмѣстѣ. Онъ принужденъ былъ возбуждать однихъ, умѣрять другихъ, соглашать противоположныя притязанія, мирить несогласія. Онъ развивалъ въ теченіе десяти лѣтъ дѣятельность изумительную. Послѣ каждой лѣтней кампаніи онъ или отправлялся зимою въ Англію, руководилъ совѣщаніями министерства и участвовалъ въ дебатахъ верхней палаты, или же начиналъ кампанію другаго рода, гораздо болѣе трудную, чѣмъ лѣтняя. Онъ объѣзжалъ, по очереди, всѣ дворы, являлся въ Берлинѣ, потомъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Ганноверѣ, потомъ въ резиденціяхъ мелкихъ нѣмецкихъ князей, возбуждалъ повсюду членовъ коалиціи къ новымъ усиліямъ, поддерживалъ между ними единство. Въ этихъ-то дипломатическихъ поѣздкахъ обнаруживалась во всемъ блескѣ его необыкновенная ловкость. Онъ былъ образцомъ царедворца, зналъ всѣ мелочи придворной жизни, всѣ тонкости этикета. Для нѣмецкихъ князей этикетъ стоялъ выше всѣхъ дѣлъ государственныхъ. Мальборо льстилъ ихъ мелкой суетности, соблюдалъ всѣ формы, выносилъ всѣ капризы, разсыпаясь въ комплиментахъ. Всѣ были отъ него въ восторгѣ, и всегда онъ достигалъ цѣли. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ также долженъ былъ бороться со множествомъ затрудненій. Голландскіе генеральные штаты присылали ему въ лагерь коммисаровъ, которые ставили ему препятствія, вмѣшивались во все, запутывали все. Союзные генералы хотѣли быть умнѣе его, критиковали его планы, даже иногда дѣйствовали въ противоположность съ его распоряженіями. Мальборо покорялся голландскимъ коммисарамъ, съ уваженіемъ выслушивалъ всѣ совѣты и планы союзныхъ генераловъ, превозносилъ ихъ заслуги, ладилъ со всѣми, жилъ въ дружбѣ не только съ принцемъ Евгеніемъ, но даже съ неуживчивымъ Людовикомъ Баденскимъ. Коалиція и союзная армія держались преимущественно его неутомимыми усиліями и его удивительными дарованіями. Но въ этомъ человѣкѣ рядомъ съ свѣтлыми сторо-

пами было еще болѣе мрачныхъ, рядомъ съ достоинствами гнусные пороки. Вся жизнь его была поразительнымъ соединеніемъ славы и позора, величія и низости, черныхъ измѣнъ и высокихъ подвиговъ. Это была глубоко-испорченная натура, испорченная съ ранней юности. Убѣжденія, нравственность, честь, совѣсть, святость присяги, дружба—все это было ему совершенно чуждо. Основаніемъ его характера былъ эгоизмъ, эгоизмъ закоренѣлый, безпощадный, непреклонный. Сердце онъ имѣлъ совершенно холодное и безстрастное. Одна страсть наполняла его душу — страсть самая низкая, самая гнусная — жадность къ деньгамъ, грязное корыстолюбіе. Деньги онъ ставилъ выше всего въ мірѣ. Самое честолюбіе, самая слава, власть и значеніе служили ему только какъ средство для накопленія денегъ. Для удовлетворенія своей алчной, ненасытной жадности онъ готовъ былъ на всякую низость. Онъ тянулъ нарочно войну, чтобы дольше пользоваться доходами, которые давала ему война, сокращалъ жалованье своимъ солдатамъ, морилъ ихъ голодомъ, входилъ въ союзъ съ откупщиками по арміи и раздѣлялъ съ ними барыши. Получая огромное жалованье въ Англіи, пенсіоны отъ иностранныхъ дворовъ, большіе доходы отъ своихъ имѣній, онъ хранилъ ненарушимо въ шкатулкахъ цѣлыя груды золота, былъ богатѣйшимъ подданнымъ въ Европѣ и, однакожъ, всего этого ему было еще мало. Одна черта была особенно поразительна въ этомъ человѣкѣ: съ глубокою безнравственностью онъ соединялъ удивительное самообладаніе, рѣдкое хладнокровіе, всегдашнее, невозмутимое, олимпійское спокойствіе, постоянную ясность и ровность духа. Въ виду опасности, послѣ пораженія, послѣ побѣды, въ радости, въ печали, больной, здоровый—онъ сохранялъ всегда одинаковое расположеніе, былъ такъ же спокоенъ и увѣренъ въ себѣ на полѣ битвы, противъ жерла пушки, какъ и въ пріемной залѣ дворца, въ обществѣ дамъ. Онъ смотрѣлъ одинаково на павшаго у ногъ его героя и на застрѣленнаго воробья и чувствовалъ столько же симпатіи къ одному, сколько и къ другому. Онъ былъ способенъ на все. Натура его была широка въ своей безнравственности. Онъ совершалъ величайшіе подвиги смѣлости и отваги, приводилъ въ исполненіе самыя глубокія комбинаціи мысли съ такою же ловкостью, свободою и увѣренностью, какъ и самыя низкія дѣла и мелко-гнусные поступки. Самую страшную измѣну онъ дѣлалъ такъ же легко, какъ и придворный поклонъ. Сердце его не знало ни любви, ни ненависти, ни боязни, ни состраданія. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ людей, и малыхъ, и большихъ, какъ на орудія, какъ на предметы, которыми можно было пользоваться. И онъ пользовался всѣмъ: и людьми, и вещами, извлекалъ выгоду изъ всего, эксплоатировалъ все. Служа всѣмъ въ одно время: и Вильгельму, и Іакову II, и Людовику XIV, и принцессѣ Аннѣ, наслѣдницѣ престола, и измѣняя всѣмъ по нѣскольку разъ, онъ служилъ только самому себѣ, своему величію, своей славѣ, и прежде всего своему мѣшку съ деньгами. Таковъ былъ герцогъ Мальборо. Онъ не принадлежалъ собственно ни къ какой партіи, ни къ торіямъ, ни къ вигамъ, и готовъ былъ соединиться съ тою изъ нихъ, которая лучше служила его интересамъ. Анна, сейчасъ по вступленіи на престолъ, сдѣлала его предводителемъ всѣхъ сухопутныхъ силъ въ открывшейся войнѣ на континентѣ и поручила ему руководство всей внѣшней политики. Такимъ образомъ, онъ сталъ вмѣстѣ и главнокомандующимъ генераломъ въ арміи, и министромъ войны, и иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ.

*

Принцъ Евгеній Савойскій, главнокомандующій австрійскихъ войскъ, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу пяти величайшихъ генераловъ новаго времени. Странна судьба этого человѣка. По происхожденію своему, онъ принадлежалъ къ савойскому дому, къ тому древнему и знаменитому дому, котораго историческая задача лежитъ въ упорномъ антагонизмѣ съ Австріею. Однакожъ никто не сдѣлалъ для Австріи такъ много, никто не поставилъ ее такъ высоко въ Европѣ, какъ именно одинъ изъ знаменитѣйшихъ членовъ этого дома—принцъ Евгеній Савойскій. Онъ освободилъ ее отъ опасности турецкаго владычества; онъ побѣдилъ вѣковыхъ соперниковъ ея, Бурбоновъ; онъ доставилъ ей господство надъ Бельгіею и Неаполемъ; онъ завоевалъ для нея тотъ Миланъ, который. послѣ полуторастолѣтняго гнета, исторгнутъ, наконецъ, изъ ея рукъ недавно еще сошедшимъ въ могилу, представителемъ савойскаго дома. Родственникъ савойской династіи, принцъ Евгеній родился, однакожъ, въ Парижѣ, воспитался вблизи французскаго двора и былъ совершенный французъ. Его предназначали къ духовному званію и потому въ Версалѣ онъ слылъ подъ именемъ l'abbé de Savoie. Но молодой человѣкъ чувствовалъ отвращеніе къ богословскимъ наукамъ; горячая голова его мечтала о великихъ военныхъ дѣлахъ: вмѣсто молитвенника. онъ днемъ и ночью пожиралъ жизнеописанія Плутарха. По природѣ чрезвычайно слабаго тѣлосложенія и необѣщающей наружности, онъ чувствовалъ однакожъ неодолимое влеченіе къ военному ремеслу и осмѣлился просить для себя полкъ у Людовика XIV. Великій монархъ изумленъ былъ такимъ требованіемъ, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на ничтожную фигуру молодаго человѣка и отказалъ наотрѣзъ, говоря, что считаетъ его вовсе неспособнымъ къ такого рода должности. Съ ненавистью въ сердцѣ, принцъ Евгеній оставилъ навсегда Францію, поѣхалъ въ Австрію и вступилъ въ службу императора Леопольда. Карьера его шла быстро; побѣдами своими надъ турками онъ пріобрѣлъ себѣ громкую славу, и назначенный, наконецъ, главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Франціи, онъ получилъ возможность убѣдительно доказать Людовику XIV, что онъ весьма способенъ къ военному дѣлу. Геніемъ своимъ онъ приближался наиболѣе къ Наполеону: мало заботился о завѣтныхъ правилахъ военной науки, слѣдовалъ вдохновенію минуты, дѣйствовалъ большими массами; удары его были внезапны и стремительны; coup d'oeil быстрый и чрезвычайно вѣрный; дѣятельность неутомимая. Рѣдкій генералъ былъ такъ наклоненъ къ риску. Смѣлость его граничила съ опрометчивостью, быстрота съ поспѣшностью. Онъ подвергалъ иногда свою армію огромнымъ опасностямъ, ставилъ ее на краю гибели, но никто лучше его не умѣлъ выпутаться изъ самаго затруднительнаго положенія. Крови солдатъ онъ не щадилъ вовсе, и самыхъ блистательныхъ своихъ побѣдъ достигалъ огромнымъ пожертвованіемъ человѣческой жизни; но отъ Наполеона онъ отличался тѣмъ, что не щадилъ и самого себя. Личная его храбрость доходила до безумія. Съ самаго начала битвы онъ уже былъ въ огнѣ, рвался вести лично первую аттаку гренадеровъ и первую шеренгу кавалеріи, и едва было возможно удержать его отъ этого. Тринадцать рѣшительныхъ сраженій онъ давалъ въ своей жизни, и въ каждомъ дрался, какъ простой солдатъ. Цѣлыми десятками ранъ покрыто было его тѣло. Однакожъ никто не узналъ бы этого генерала и солдата храбрѣйшаго изъ храбрыхъ въ частной жизни; никто не повѣрилъ бы, что этотъ че-

ловѣкъ, скромный, тихій, простой, методичный во всѣхъ своихъ привычкахъ до педантизма, способенъ былъ на военныя дѣла смѣлости безпримѣрной. Внѣ лагеря онъ казался незначительною личностью, не блисталъ ни умомъ, ни знаніями; война была единственнымъ призваніемъ и цѣлью его жизни.

Въ то время, когда во главѣ союзной арміи стояли такіе знаменитые полководцы, какъ Мальборо и Евгеній Савойскій, Людовикъ XIV, не задумываясь, назначалъ на посты главнокомандующихъ такихъ бездарныхъ и несвѣдущихъ генераловъ, какими были Вильруа, Марсенъ, Тальяръ, которые учились военному искусству въ дворцовыхъ переднихъ и главная заслуга которыхъ состояла развѣ въ томъ, что они были рекомендованы мадамъ де-Ментенонъ. Были еще, правда, въ это время у великаго короля такіе полководцы, какъ Катина, Вандомъ и Вилларъ, но они лишены были необходимой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ и, вслѣдствіе капризныхъ и чисто-случайныхъ распоряженій двора, не могли ни дѣйствовать по опредѣленному плану, ни извлекать какую-либо выгоду изъ своихъ побѣдъ.

При такомъ положеніи дѣлъ становятся понятными тѣ страшныя пораженія, которыя испытывала побѣдоносная прежде французская армія при Гохштедтѣ, при Ромильи, при Туринѣ, при Уденардѣ и при Мальплакэ, и то унизительное положеніе, въ которое поставленъ былъ Людовикъ XIV и изъ котораго онъ вышелъ благодаря не побѣдамъ своихъ генераловъ, а, главнымъ образомъ, благодаря перемѣнѣ политики Англіи, вслѣдствіе торжества въ парламентѣ партіи мира, именно партіи торіевъ. Партію же усилили несомнѣнные успѣхи союзныхъ войскъ и явное истощеніе Франціи.

LXVI. ПЕРЕГОВОРЫ О РАЗДѢЛѢ ИСПАНСКОЙ МОНАРХІИ И ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО.

(Изъ введенія Минье къ „Negociations, relatives à la Succession d'Espagne sous Louis XIV").

Послѣ Рисвикскаго мира Людовикъ XIV занялся серьезно вопросомъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, которое грозило ежеминутно сдѣлаться вакантнымъ. Карлъ II, правда, пережилъ дѣтскіе годы, но прирожденная слабость его давала поводъ къ постояннымъ спорамъ о его наслѣдствѣ, которое Людовикъ XIV и императоръ раздѣлили между собою еще въ 1668 г. И юношескій возрастъ не оживилъ этого преждевременно истощеннаго организма. Карлъ II былъ два раза женатъ, но не имѣлъ дѣтей. Послѣ Нимвегенскаго мира онъ вступилъ въ бракъ съ Маріей-Луизой, дочерью герцога Орлеанскаго и племянницей Людовика XIV, умершей въ 1689 г., какъ подозрѣвали, вслѣдствіе отравленія. Вскорѣ послѣ этого онъ женился на Маріи-Аннѣ Нейбургской, невѣсткѣ императора Леопольда. Эта принцесса, вполнѣ преданная австрійскому дому, имѣла большое вліяніе на своего супруга. Карлъ II, смотрѣвшій старикомъ уже въ 36 лѣтъ, носилъ въ себѣ всѣ признаки скорой смерти. Онъ долженъ былъ позаботиться о назначеніи наслѣдника для своей монархіи.

Состояніе его здоровья и перспектива его наслѣдства были отчасти причиною умѣренныхъ требованій Людовика XIV при Рисвикскомъ

договорѣ. Онъ снова взялъ въ свои руки нити заговора, такъ искусно веденнаго въ 1661—1668 гг. Но съ этого времени прошло 30 лѣтъ. Положеніе Европы измѣнилось. Число кандидатовъ на наслѣдство увеличилось съ рожденіемъ курфюрста Баварскаго, внука императрицы Маріи-Маргериты, сестры французской королевы Маріи-Терезіи, отъ которой, при ея вступленіи въ бракъ, не было потребовано отреченія отъ испанской монархіи. Намѣренія императора Леопольда также измѣнились. Когда онъ въ 1668 г. заключилъ договоръ о раздѣлѣ, онъ не имѣлъ дѣтей и жилъ въ мирѣ съ Людовикомъ XIV. Съ тѣхъ поръ у него родилась, отъ инфанты Маріи-Терезіи, дочь, Марія-Антуанета, которая вышла замужъ въ 1685 г. за курфюрста Баварскаго, а отъ принцессы Элеоноры Нейбургской у него было теперь два сына: эрцгерцогъ Іосифъ и эрцгерцогъ Карлъ. Продолжительныя войны оставили между нимъ и Людовикомъ слѣды глубокой вражды.

Перемѣны, происшедшія въ семьѣ императора, измѣнили совершенно его прежнюю систему. Онъ разсчитывалъ сдѣлаться единственнымъ наслѣдникомъ испанской монархіи. Въ 1668 г. онъ призналъ недѣйствительность акта отреченія, потребованнаго отъ Людовика XIII и Людовика XIV, потому что онъ сговорился съ послѣднимъ государемъ раздѣлить съ нимъ наслѣдство; но потомъ онъ перешелъ на сторону законности отреченія. Онъ не признавалъ права ни за Людовикомъ XIV, ни за дофиномъ, и разсчитывалъ на поддержку Европы въ этомъ дѣлѣ. Всѣ прежнія связи Франціи были порваны: старинная дружба голландцевъ перешла въ ненависть къ ней, Рейнскій союзъ былъ уничтоженъ, Германія соединилась съ Австріей изъ зависти и боязни къ Франціи. Нассауская линія была на англійскомъ престолѣ вмѣсто Стюартовъ; Швеція была занята дѣлами на сѣверѣ, наконецъ полная изолированность Людовика XIV, имѣвшаго въ 1668 году столь большую власть надъ Европой — все это побудило императора ступить на другой путь и дать другой оборотъ своимъ интересамъ. Онъ сдѣлалъ еще больше: онъ заставилъ свою дочь, при ея вступленіи въ бракъ съ курфюрстомъ Баварскимъ, заранѣе отказаться отъ испанскаго наслѣдства. Онъ думалъ такимъ образомъ лишить этого права всю женскую линію, происшедшую отъ Филиппа IV, и перенести его на женскую линію, происшедшую отъ Филиппа III. Анна Австрійская, мать Людовика XIV, отказалась отъ своихъ правъ, между тѣмъ какъ Марія-Анна, его мать, передала ему тѣ права, которыя она сохранила. Такимъ образомъ онъ считалъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Карла II. Онъ намѣревался передать это наслѣдство своему второму сыну, эрцгерцогу Карлу.

Но испанскій король судилъ иначе: онъ не признавалъ за вѣнскимъ дворомъ права вымогать отреченіе у тѣхъ, отъ кого этого не требовалъ мадридскій дворъ; онъ не признавалъ дѣйствительности акта, исторгнутаго у курфюрстины Маріи-Антуанеты, и назначилъ курфюрста Баварскаго своимъ наслѣдникомъ. Онъ сдѣлалъ въ его пользу завѣщаніе и вручилъ его кардиналу Порто-Карреро, архіепископу Толедскому и королевскому примасу.

Но императоръ, знавшій все, что происходило въ Мадридѣ, своею настойчивостью заставилъ Карла II измѣнить сдѣланное имъ втайнѣ распоряженіе: завѣщаніе было разорвано. Такимъ образомъ, отстранивъ курфюрста Баварскаго, императоръ, управлявшій Карломъ II посредствомъ

королевы, а мадридскимъ дворомъ—посредствомъ посланника графа Гарраха, настаивалъ на томъ, чтобы эрцгерцогъ Карлъ былъ вызванъ въ Испанію, какъ будущій наслѣдникъ престола. Карлъ II, утомленный его настойчивостью, противился еще; но можно было ожидать, что онъ наконецъ покорится.

При такомъ положеніи дѣлъ, Людовикъ XIV, родственникъ котораго, маркизъ д'Аркуръ, прожилъ три мѣсяца въ Мадридѣ, тщетно добиваясь аудіенціи у Карла II, не могъ обратиться по дѣлу о наслѣдствѣ ни къ мадридскому, ни къ вѣнскому двору. Онъ не могъ надѣяться на Карла II, который втайнѣ симпатизировалъ Баварскому курфюрсту, и еще менѣе на императора, который хотѣлъ пріобрѣсти всю испанскую монархію для своего втораго сына, и считалъ ее уже почти въ своихъ рукахъ. Не было сомнѣнія, что Карлъ II назначитъ или по личному своему желанію курфюрста, или, подъ вліяніемъ Австріи, своего двоюроднаго брата, эрцгерцога Карла. Ни одно изъ назначеній не нравилось Людовику XIV, который не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ ни въ пользу Австріи, ни Баваріи. Не надѣясь болѣе получить все наслѣдство, онъ хотѣлъ пріобрѣсти хоть часть его. Тогда онъ обратился къ тѣмъ державамъ, которыя были самыми ожесточенными врагами его величія, а именно къ Голландіи и Англіи. Вильгельмъ III поставилъ ихъ во главѣ коалиціи, образовавшейся для противодѣйствія Людовику XIV и для поддержанія европейскаго равновѣсія. Людовикъ XIV не ошибался, думая, что этотъ умный политикъ признаетъ его право на часть наслѣдства во избѣжаніе того, чтобы онъ не сталъ добиваться всего съ оружіемъ въ рукахъ. И дѣйствительно, Вильгельмъ III согласился въ интересахъ мира и равновѣсія раздѣлить заранѣе испанскую монархію между тремя кандидатами, которые стали бы оспаривать право на нее послѣ смерти Карла II. 11-го октября 1698 г. въ Гагѣ былъ подписанъ договоръ о раздѣлѣ Испаніи уполномоченными Великобританіи, Голландіи и Людовика XIV, по которому штаты Карла II были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: курфюрстъ Баваріи долженъ былъ получить Испанію, Нидерланды и Сардинію; французскій дофинъ—королевство Неаполитанское и Сицилію, гавани, принадлежавшія испанцамъ на тосканскомъ берегу, маркизатъ Финалъ и Гвипескоа; эрцгерцогъ Карлъ—Миланскую область. Этотъ договоръ не понравился вѣнскому двору и раздражилъ въ высшей степени испанскаго короля, который совершенно справедливо чувствовалъ себя оскорбленнымъ такимъ самовольнымъ раздѣломъ его владѣній. Послѣ этого онъ немедленно возвратился къ своему прежнему намѣренію, отъ котораго его отклонила австрійская партія. Во вновь составленномъ завѣщаніи онъ назначилъ курфюрста Баварскаго своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Онъ надѣялся сохранить неприкосновенность своей монархіи, передавъ ее принцу, который не возбуждалъ ничьихъ опасеній и по рожденію, и по завѣщанію имѣлъ право на испанскій престолъ.

Но этотъ наслѣдникъ, который, по разсчетамъ Европы, долженъ былъ получить большую часть Испаніи, а по желанію Карла II всю его монархію, не воспользовался ничѣмъ: онъ умеръ 8-го февраля 1698 г. Опять нужно было новое распоряженіе со стороны Европы, новое завѣщаніе со стороны Карла II. Людовикъ XIV и Вильгельмъ III, заключившіе первые договоръ, предприняли теперь составленіе другаго. Остались только двѣ державы, заинтересованныя въ испанскомъ наслѣдствѣ:

Францiя и Австрiя. По второму договору, подписанному въ Лондонѣ 25-го марта 1700 г., наслѣдство было раздѣлено между этими державами слѣдующимъ образомъ: Испанiя, Индiя, Нидерланды, Сардинiя назначались эрцгерцогу Карлу; дофинъ же долженъ былъ получить, кромѣ прежде назначенной ему части, еще герцогство Лотарингiю и Баръ, взамѣнъ которыхъ герцогъ Лотарингскiй получалъ Миланскую область.

Людовикъ XIV вошелъ въ сношенiя со всѣми европейскими государствами, чтобы побудить ихъ признать второй договоръ. Для устраненiя герцога Савойскаго, заявлявшаго также притязанiя на испанскiй престолъ, Людовикъ XIV предложилъ ему Неаполитанское королевство взамѣнъ Ниццы и Савойи. Еслибы эти переговоры продолжались такъ же успѣшно, какъ они начались, то Людовикъ XIV расширилъ бы границы Францiи до Альповъ.

Императора нужно было заставить принять назначенную ему долю, а Карла II—признать договоръ. Но на достиженiе этой цѣли было мало надежды.

Императоръ, считавшiй, со времени послѣдней войны, Голландiю и Англiю своими союзницами, былъ чрезвычайно раздраженъ ихъ тайными переговорами съ Людовикомъ XIV о наслѣдствѣ, право на которое принадлежало, по его мнѣнiю, исключительно ему, что и было признано этими державами въ тайной статьѣ договора отъ 12 мая 1689 г. Съ досады и въ надеждѣ получить лучшую часть, онъ обратился къ самому Людовику XIV. Чрезъ посредничество маркиза Вильяра, французскаго посланника въ Вѣнѣ и графа Синцендорфа, своего собственнаго посланника въ Парижѣ, онъ предложилъ открыто ратификовать договоръ о раздѣлѣ, составленный въ мартѣ 1700 г., но съ условiемъ заключить другой тайный, по которому Миланская область была бы предоставлена австрiйскому дому, взамѣнъ обѣихъ Индiй, и даже Нидерландовъ, которыя Австрiя готова была уступить Францiи. Вѣнскiй дворъ желалъ непремѣнно прiобрѣсти Миланскую область, которая была ему обѣщана договоромъ 1668 г.; для нея онъ готовъ былъ на величайшiя уступки. Но Людовикъ XIV боялся, что эти предложенiя дѣлались съ цѣлью разъединить его съ Англiей и Голландiей, изъ которыхъ первая и не желала видѣть въ немъ владѣтеля Индiи, а послѣдняя не хотѣла признать его права на Нидерланды. Согласившись на предложенiе императора, онъ долженъ былъ ожидать объявленiя войны со стороны этихъ двухъ державъ, между тѣмъ какъ, придерживаясь строго договора о раздѣлѣ, по которому и Францiя, и Австрiя должны были получить каждая свою часть, онъ могъ быть увѣренъ въ ихъ содѣйствiи къ выполненiю этого раздѣла. Въ виду этого, Людовикъ XIV отказался вступить въ тайныя сношенiя съ Леопольдомъ и объявилъ ему о необходимости получить согласiе трехъ державъ на всякое измѣненiе договора. По прошествiи трехъ мѣсяцевъ, императоръ долженъ былъ дать окончательный отвѣтъ. Этотъ государь, увидѣвъ нежеланiе Людовика XIV заключить съ нимъ отдѣльный договоръ, объявилъ, по истеченiи даннаго ему срока, что не согласенъ на предлагаемый ему договоръ. Онъ предпочелъ — и совершенно основательно — выждать хода событiй.

Вѣсть объ этомъ новомъ заговорѣ противъ испанскаго наслѣдства вызвала въ Карлѣ II чувство горечи и негодованiя. Онъ рѣшился противодѣйствовать этому новымъ завѣщанiемъ и, во избѣжанiе раздѣла

своей монархіи, завѣщать ее одному наслѣднику. Но кого долженъ былъ онъ назначить? Изъ австрійскаго ли дома, къ которому его влекла симпатія, или изъ французскаго, какъ ему указывала политика? Онъ находился въ большомъ затрудненіи. Назначеніе австрійскаго принца подвергало испанскую монархію опасности быть раздѣленной, а предпочтеніе французскаго принца лишало этого наслѣдства его собственный домъ. Поставленный между интересовъ своей семьи и интересовъ государства, онъ былъ вынужденъ пожертвовать или своимъ народомъ для своей фамиліи, или семейными интересами для народа.

Послѣ непродолжительнаго колебанія, онъ избралъ послѣднее. Этому содѣйствовала и испанская партія, во главѣ которой стоялъ кардиналъ Порто-Карреро. Она была противъ раздѣла монархіи, потому что боялась лишиться значительныхъ намѣстничествъ во Фландріи, Индіи и Италіи, которыя одни поддерживали еще величіе и значеніе испанскаго дворянства. Она ненавидѣла австрійцевъ, потому что они уже давно находились въ Испаніи, и любила французовъ, потому что ихъ тамъ еще не было.

Кромѣ этихъ чувствъ ненависти или симпатіи, которыя впослѣдствіи играли такую важную роль въ войнѣ за наслѣдство, здѣсь еще господствовало твердое убѣжденіе, что только Франція будетъ въ состояніи защитить неприкосновенность монархіи. И дѣйствительно, всѣ эти владѣнія находились близко отъ Франціи и очень далеко отъ Австріи; черезъ сѣверную свою границу французы легко могли проникнуть въ Нидерланды, черезъ южную — въ Испанію, черезъ восточную — въ Миланскую область, а съ береговъ своихъ отправиться въ королевство Обѣихъ Сицилій и въ Индію. Въ теченіе восьми лѣтъ Франція одна боролась противъ всей Европы, между тѣмъ какъ Австрія въ союзѣ со всею Европою ничего не могла сдѣлать противъ нея. Эта партія была убѣждена, что если Испанія будетъ предоставлена Австріи, то послѣдняя не будетъ въ состояніи воспрепятствовать Франціи сдѣлать въ нее вторженіе и присвоить себѣ часть ея и что поэтому для сохраненія ея неприкосновенности необходимо всю ее передать Франціи. Но ради независимости Испаніи и безопасности континента, партія эта не желала соединенія обѣихъ монархій подъ однимъ скипетромъ.

Такимъ образомъ актъ отреченія, уничтоженный по формѣ, былъ бы примѣненъ по своему внутреннему смыслу, и дѣйствительно, главною цѣлью его было отдѣленіе обѣихъ монархій.

Чувствуя приближеніе смерти, Карлъ II, послѣ совѣщанія съ государственнымъ совѣтомъ, кастильскимъ совѣтомъ и главными членами духовенства, подписалъ 2 октября 1700 г., спустя слишкомъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія втораго договора, знаменитое завѣщаніе, по которому онъ назначалъ герцога Анжуйскаго, втораго сына дофина, своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Въ случаѣ смерти герцога Анжуйскаго, его замѣнить долженъ былъ герцогъ Беррійскій, въ случаѣ смерти послѣдняго—эрцгерцогъ Карлъ, а въ случаѣ смерти послѣдняго—герцогъ Савойскій. Завѣщаніе это было сдѣлано безъ вѣдома и безъ малѣйшаго содѣйствія Людовика XIV. 28 дней послѣ подписанія этого завѣщанія Карлъ II скончался.

Завѣщаніе возбудило въ Испаніи всеобщее одобреніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасеніе насчетъ образа дѣйствій Франціи. Возьметъ ли

Людовикъ XIV всю монархію для своего внука или ограничится тѣми провинціями, которыя были назначены ему по договору о раздѣлѣ. Людовику XIV было извѣстно о первомъ завѣщаніи, благодаря кардиналу Жансону и тайнымъ сообщеніямъ испанскихъ вельможъ, сдѣланнымъ его посланнику въ Мадридѣ. Ничего не подозрѣвая о его измѣненіи, онъ намѣревался исполнить договоръ о раздѣлѣ. Войска его были готовы и въ помощь имъ онъ просилъ у Голландіи и Англіи флота и войска, чтобы имѣть возможность вступить во владѣніе своей частью. Голландія обѣщала ему двѣнадцать судовъ, а англичане — пятнадцать. Эти двѣ державы принялись дѣйствительно за вооруженіе обѣщанныхъ кораблей, но не торопясь, между тѣмъ какъ увѣряли Людовика, что войска ихъ совершенно готовы.

Таково было положеніе дѣлъ, когда 9 ноября духовное завѣщаніе Карла II было привезено въ Фонтенебло, гдѣ въ это время находился французскій дворъ. Людовикъ XIV созвалъ совѣтъ, на которомъ присутствовало четыре человѣка, кромѣ короля: дофинъ, какъ отецъ герцога Анжуйскаго, герцогъ Бовилье, президентъ министерства финансовъ и воспитатель королевскихъ дѣтей, маркизъ Торси, министръ иностранныхъ дѣлъ, и канцлеръ Поншартренъ. Дѣло было очень важное: Людовикъ XIV долженъ былъ сдѣлать выборъ между короной для своего внука и интересомъ своего государства, между своей семьей и Франціей. Въ обоихъ случаяхъ онъ могъ ожидать войны; но въ первомъ она продолжалась бы недолго и успѣхъ ея былъ несомнѣненъ, а во второмъ и ея продолжительность, и успѣхъ не могли быть опредѣлены заранѣе. Торси, первый высказавшій свое мнѣніе, былъ за принятіе завѣщанія. Герцогъ Бовилье высказалъ совершенно противоположное: онъ стоялъ за раздѣлъ и противъ завѣщанія. Онъ боялся, что Людовикъ XIV, принявъ его, возбудитъ противъ себя всю Европу, война съ которою повела бы къ разоренію Франціи. Канцлеръ Поншартренъ колебался между этими двумя мнѣніями, а дофинъ, подстрекаемый любовью къ сыну и чувствомъ тщеславія, высказался рѣшительно въ пользу завѣщанія. Людовикъ XIV молчалъ, но въ душѣ рѣшилъ уже давно; онъ скрывалъ свое рѣшеніе въ теченіе трехъ дней. Онъ принялъ его со свойственнымъ ему спокойнымъ величіемъ. Онъ объявилъ о немъ герцогу Анжуйскому, въ присутствіи испанскаго посланника, маркиза Кастель-Досъ-Ріосъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Король испанскій сдѣлалъ васъ королемъ. Вельможи просятъ васъ, народы желаютъ васъ: и я согласенъ. Не забывайте только, что вы принцъ французской крови“. Затѣмъ онъ представилъ его своему двору, говоря: „Господа, вотъ король испанскій“. Все было рѣшено. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи возбудило энтузіазмъ въ испанцахъ. Какъ спасителя своей монархіи приняли они Филиппа V, который 4 декабря разстался со своимъ дѣдомъ, а 21 апрѣля совершилъ торжественный въѣздъ въ Мадридъ среди восторженныхъ криковъ народа. Но остальныя европейскія державы были поражены и напуганы этимъ событіемъ. Англія, Голландія и др. не видѣли никакой разницы между господствомъ въ Испаніи герцога Анжуйскаго или Людовика XIV. Хотя короны и были отдѣлены, но всѣ были увѣрены, что семейный интересъ сольетъ оба государства въ одно. Власть Людовика XIV являлась имъ страшною, честолюбіе — неограниченнымъ, образъ дѣйствій — высокомѣрнымъ. Онъ потерялъ довѣріе протестантскихъ державъ отмѣною нантскаго эдикта, а

дружбу имперiи — вслѣдствiе войны съ Германiей. Принявъ завѣщанiе, онъ возстановилъ всю Европу противъ себя. Онъ нарушилъ не только свой договоръ съ Англiей и Голландiей, но и слово, данное всѣмъ государямъ, которыхъ онъ уговорилъ признать этотъ договоръ.

Онъ пытался оправдать свое рѣшенiе необходимостью поддержать всеобщiй миръ, ради котораго онъ—по его словамъ—жертвовалъ интересами Францiи.

Голландiя и Англiя были убѣждены, что завѣщанiе не было добровольнымъ актомъ умиравшаго Карла II, но результатомъ долгихъ интригъ Людовика XIV. Онѣ не вѣрили утвержденiю послѣдняго, что европейское равновѣсiе будетъ соблюдено вслѣдствiе соединенiя всѣхъ испанскихъ владѣнiй въ рукахъ одного французскаго принца. Не вѣря мирнымъ обѣщанiямъ Людовика XIV, Англiя и Голландiя предполагали, что онъ воспользуется своей властью для осуществленiя своихъ прежнихъ намѣренiй, а именно: онъ попытается соединить Испанiю съ Францiей, посадить на англiйскiй престолъ Стюартовъ, присоединить къ испанскимъ Нидерландамъ голландскую республику или, по крайней мѣрѣ, открыть Шельду, закрытую для свободнаго плаванiя договорами, и перенести въ Антверпенъ торговлю Амстердама. Онѣ больше всего боялись соединенiя обѣихъ монархiй подъ однимъ скипетромъ. Но хотя онѣ и не признавали еще новаго короля испанскаго, но не объявляли еще себя противъ него. Одинъ императоръ отвергъ завѣщанiе и приготовлялся къ войнѣ, чтобы или завоевать все испанское наслѣдство, или раздѣлить его.

Европейскiй миръ зависѣлъ отъ Англiи и Голландiи. Эти двѣ державы увѣряли Людовика XIV въ своемъ мирномъ настроенiи относительно его. Онѣ боялись начать войну, послѣдствiй которой нельзя было разсчитать. Людовикъ XIV долженъ бы былъ воспользоваться такимъ настроенiемъ, но онъ этого не сдѣлалъ, и еще усилилъ подозрѣнiе и раздраженiе Голландiи и Англiи различными мѣрами, невѣроятными оплошностями и непростительными ошибками.

Первою изъ этихъ ошибокъ было признанiе правъ Филиппа V на французскiй престолъ. Въ жалованныхъ граматахъ, данныхъ въ декабрѣ 1700 г., онъ поставилъ его имя между герцогами Беррiйскимъ и Бургундскимъ. Такимъ образомъ, при вступленiи Филиппа на испанскiй престолъ, онъ давалъ ему надежду еще на другую корону. Этимъ поступкомъ онъ нарушалъ основную статью завѣщанiя Карла II, желавшаго навсегда отдѣлить Испанiю отъ Францiи; онъ посягалъ на независимость Испанiи и безопасность Европы.

Между тѣмъ Англiя и Голландiя, подстрекаемыя императоромъ, приготовлялись къ войнѣ, хотя и не рѣшались еще окончательно на нее. Генеральные штаты набирали войска, наполняли магазины, исправляли укрѣпленiя, усиливали флотъ и хлопотали объ увеличенiи числа своихъ союзниковъ. Людовикъ XIV съ своей стороны, принималъ тѣ же мѣры. Это взаимное недовѣрiе, заставлявшее обѣ стороны вооружаться, побудило Людовика XIV прибѣгнуть еще къ одной мѣрѣ, которая дѣлала войну еще неизбѣжнѣе. Со времени рисвикскаго договора голландцы охраняли Испанскiе Нидерланды, которые представляли преграду между ними и Францiей и которые не могли болѣе разсчитывать на защиту Испанiи. Здѣсь, въ цѣломъ ряду крѣпостей, голландцы содержали свои гарнизоны. Людовикъ, видя, что они не признаютъ его внука и вооружаются,

считалъ неразумнымъ оставлять въ ихъ рукахъ Испанскіе Нидерланды. Онъ велѣлъ французскимъ войскамъ вступить во всѣ города, гдѣ стояли голландскіе гарнизоны, такимъ образомъ голландцы должны были очистить Испанскіе Нидерланды; въ поступкѣ Людовика XIV они видѣли новое доказательство его вѣроломства и честолюбія. Принявъ завѣщаніе, онъ нарушилъ договоръ о раздѣлѣ; въ жалованныхъ граматахъ онъ нарушилъ завѣщаніе, а занятіемъ Нидерландовъ своими войсками онъ нарушилъ постановленія рисвикскаго мира.

Разрывъ былъ близокъ; между тѣмъ въ Гагѣ были открыты совѣщанія о сохраненіи мира между депутатами Генеральныхъ Штатовъ, англійскимъ посломъ Стенгопомъ и графомъ д'Аво. Въ интересахъ своей торговли голландцы и англичане признали Филиппа, потребовали, чтобы французскія войска были немедленно выведены изъ Испанскихъ Нидерландовъ, чтобы голландцамъ были возвращены крѣпости, а англичанамъ разрѣшено содержать гарнизонъ въ Ньюпортѣ и Остэндэ. Людовикъ XIV съ гордостью отвергъ всѣ эти требованія. Онъ, съ своей стороны, предложилъ возстановить рисвикскій договоръ во всей его силѣ.

Выжидая отвѣта на свое предложеніе, онъ заключилъ новый союзъ съ королемъ португальскимъ, герцогомъ Савойскимъ, курфюрстами Баварскимъ, Кельнскимъ, епископомъ Мюнстерскимъ и королемъ польскимъ. Между тѣмъ его противники примкнули къ императору Леопольду и стали еще требовательнѣе послѣ его отказа. 7 сентября они подписали договоръ, по которому намѣревались или дипломатическимъ путемъ, или силою оружія получить для голландцевъ крѣпости, для императора—Миланскую область, королевство Обѣихъ Сицилій и Нидерланды. Теперь они не довольствовались однимъ упроченіемъ безопасности Голландіи: они хотѣли удовлетворить и требованія императора; они не ограничивались только защитою своихъ владѣній, потребовали еще раздѣленія Испаніи.

Людовикъ XIV отказался войти въ соглашеніе съ императоромъ. Его дальнѣйшій образъ дѣйствія побудилъ и англійскую націю присоединиться къ союзу, заключенному Вильгельмомъ III, а именно послѣ смерти Іакова II, умершаго 18 сентября 1701 г. въ С.-Жерменѣ, Людовикъ XIV призналъ англійскимъ королемъ сына этого изгнаннаго короля. Англійская нація видѣла въ этомъ неблагоразумномъ поступкѣ посягательство на свои права и съ негодованіемъ начала войну съ чужеземцемъ, который осмѣлился ей назначить государя. Это была непростительная ошибка со стороны Людовика XIV. Война началась, продолжалась долго и была очень кровопролитна. Въ какомъ же положеніи находилась Франція въ эту критическую минуту? Великій вѣкъ только-что кончился, не только по времени, но и по духу, по событіямъ, по великимъ людямъ. Понемногу исчезали эти люди, унося съ собою геній и силу. Корнель, Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ, Паскаль: всѣ эти блестящія свѣтила погасли одно за другимъ. Босюэтъ, Буало, Малбраншъ, Фенелонъ перестали писать. Пуля прекратила жизнь Тюренна, одного изъ геніальнѣйшихъ воиновъ своего времени. Великій Конде также умеръ. Изъ двухъ учениковъ этихъ замѣчательныхъ воиновъ, маршалъ Люксанбургскій умеръ, а мудрый Катина перестал нравиться. Дюкенъ и Турвиль, поддерживавшіе еще славу флота противъ Англіи и Голландіи, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ соперниковъ на морѣ, умерли. Преждевременная смерть лишила Людо-

вика XIV его лучшаго совѣтника Ліонна. Кольберъ, возстановившій финансы, основавшій мануфактуру, покровительствовавшій ученымъ, палъ и со скорбью смотрѣлъ на усиленіе вліянія Лувуа; онъ умеръ, сожалѣя о своей немилости. Лувуа въ свою очередь палъ, отступивъ передъ властью совѣтницы Людовика XIV, которую послѣдній сдѣлалъ своею женою.

Людовикъ XIV одинъ пережилъ свой вѣкъ. Онъ стоялъ одиноко посреди новаго поколѣнія; лишившись своихъ современниковъ, онъ былъ вынужденъ замѣнить Кольбера и Лувуа—Шамильяромъ; Тюренна, Конде, Луксанбура—Марсеномъ, Тальяромъ и Вильруа; думая, что одного его слова достаточно для появленія геніевъ и побѣдителей, онъ предоставлялъ выборъ и назначеніе людей г-жѣ Ментенонъ.

Тогда начались его неудачи и несчастія. Отмѣною нантскаго эдикта онъ подавилъ развитіе промышленности; удаленіемъ Кольбера онъ разстроилъ финансы; удаленіемъ Лувуа нанесъ ударъ военному управленію. Продолжительныя войны привели земледѣліе въ упадокъ. Источники, питавшіе королевскую власть, изсякли. Французская почва перестала быть производительною.

Вотъ при какихъ условіяхъ открылась война за испанское наслѣдство. Первые два года прошли довольно благополучно, благодаря толчку, данному въ предшествовавшій вѣкъ. Во всѣхъ дѣлахъ привычка поддерживала еще прежній порядокъ. Съ 1702—1703 г. успѣхъ былъ то на одной, то на другой сторонѣ. Людовикъ XIV расположилъ свои войска въ Германіи, Нидерландахъ, въ Италіи и Испаніи. Онъ сражался внѣ предѣловъ Франціи и хотя противъ него и была большая часть державъ, но онъ сохранилъ еще нѣсколькихъ союзниковъ, вѣрность которыхъ, впрочемъ, въ случаѣ его неудачи, была очень сомнительна. Съ 1704 г. начались его бѣдствія, которыя и не прекращались болѣе. Маркизъ Тальяръ былъ разбитъ при Гохштедтѣ сэромъ Мальборо и принцемъ Евгеніемъ. Онъ въ этомъ сраженіи потерялъ 30,000 человѣкъ. Послѣ этого французскія войска должны были уйти изъ Германіи, а курфюрсты Баварскій и Кельнскій, служившіе Людовику XIV, потеряли свои владѣнія. Король португальскій и герцогъ Савойскій покинули его, чтобы теперь на его счетъ расширить свои предѣлы.

Противъ Людовика стояли войска англійскія, имперскія, голландскія, савойскія, португальскія, датскія, прусскія, лотарингскія; во главѣ ихъ стоялъ величайшій полководецъ того времени. Этимъ союзомъ, заключавшимъ въ себѣ столько различныхъ національностей, управлялъ съ удивительнымъ умѣньемъ и единодушіемъ тріумвиратъ, состоявшій изъ Гейнзіуса, Мальборо и принца Евгенія. Онъ обладалъ всѣмъ тѣмъ, чего недоставало Людовику XIV: а именно, онъ имѣлъ на головѣ войско для замѣны павшаго, деньги для содержанія его, умѣнье направлять его и военный геній для одержанія побѣдъ.

Въ 1706 г. не менѣе несчастныя сраженія при Рамильи и Туринѣ, проигранныя маршаломъ Вильруа противъ Мальборо и маршаломъ Марсеномъ противъ принца Евгенія въ Піэмонтѣ, заставили Людовика XIV вывести войска изъ Нидерландовъ и изъ Италіи. Въ Испаніи Филиппъ V, стѣсняемый португальцами, австрійцами и англичанами, былъ вынужденъ уступить полуостровъ эрцгерцогу, котораго торжествующіе союзники провозгласили въ Мадридѣ королемъ. Между тѣмъ Филиппъ V бѣжалъ въ Неаполитанское королевство, котораго вскорѣ также лишился.

Внѣ Франціи было все потеряно; необходимо было приготовиться къ защитѣ самаго государства, особенно въ 1708 г. послѣ пораженія при Уденардѣ, нанесенномъ Мальборо герцогу Вандомскому; оно передало въ руки союзниковъ то немногое, что еще было занято французами въ Нидерландахъ. Защищать ихъ приходилось Франціи съ генералами, нѣсколько разъ терпѣвшими пораженія, съ вновь набранными войсками, съ пустою казною, съ націею истощенною и умиравшею съ голода, ибо къ бѣдствіямъ войны присоединился еще неурожайный годъ. Сраженіе при Мальплакэ, потерянное маршаломъ Вильяромъ противъ Мальборо, переполнило чашу военныхъ бѣдствій Людовика XIV. Французская территорія стала переходить въ руки враговъ; а именно были взяты: Турне, Мененъ, Ипръ, Лиль. Людовикъ XIV считалъ себя не безопаснымъ въ Версалѣ.

Но къ этимъ бѣдствіямъ Людовика присоединились еще другія огорченія. Смерть быстро уносила членовъ его семьи, одного за другимъ; съ одной стороны онъ терялъ свои владѣнія, съ другой—свое потомство. Его сынъ, который долженъ бы былъ пережить его, умеръ прежде него. Молодая герцогиня Бургундская, оживлявшая нѣсколько его грустную старость и опечаленный дворъ, исчезла вдругъ. Изъ его двухъ внуковъ одинъ умеръ; другой, слабый ребенокъ, остался единственнымъ членомъ недавно столь многочисленнаго потомства. Старый монархъ склонилъ голову передъ ударами судьбы; онъ смирился, но не унывалъ. Долго просилъ онъ мира, но безуспѣшно. Послѣ неудачъ 1704 и 1706 г. онъ старался развѣдать о намѣреніяхъ тѣхъ самыхъ голландцевъ, которыхъ онъ въ 1672 г. хотѣлъ уничтожить и которые теперь были властителями Европы. Онъ предложилъ великому пенсіонарію Голландіи Гейнзіусу раздѣлить испанскую монархію между эрцгерцогомъ Карломъ и Филиппомъ V; послѣднему онъ назначалъ королевство Обѣихъ Сицилій и гагавани Тосканы. Эти предложенія были отвергнуты. Голландцы требовали, чтобы онъ не вмѣшивался болѣе въ испанскія дѣла и возстановилъ линію укрѣпленій между ними и Франціей.

Вскорѣ Людовикъ снова возобновилъ свои предложенія; уступчивость его росла съ каждой новой неудачей. Между пораженіями при Уденардѣ и Мальплакэ онъ началъ переговоры на тѣхъ основаніяхъ, которыя прежде отвергалъ. Союзники требовали для Австріи — передачи всей испанской монархіи эрцгерцогу Карлу; для Англіи—признанія королевы Анны и протестантскаго престолонаслѣдія, изгнанія претендента изъ Франціи, уничтоженія Дюнкирхенской гавани и срытія ея укрѣпленій; для голландцевъ—линіи крѣпостей: Лиль, Менъ, Ипръ, Конде, Мобэжъ, отнятыхъ у Франціи; для герцога Савойскаго—возвращенія части его владѣній, занятыхъ Людовикомъ XIV.

Людовикъ представилъ эти тяжелыя условія на обсужденіе своего совѣта. Герцогъ Бовилье и канцлеръ Поншартренъ умоляли короля—именемъ удрученнаго народа, упадка финансовъ и слабости войска—покориться всѣмъ требованіямъ, лишь бы достигнуть только мира. Тронутый этими представленіями, король наконецъ согласился. Торси отправился въ Гагу для передачи его согласія. Передъ его отъѣздомъ король сказалъ ему: „Я всегда покорялся волѣ Божьей! Страданія, ниспосланныя Имъ на мое королевство, не оставляютъ во мнѣ болѣе сомнѣнія, что я долженъ принести въ жертву то, что мнѣ дороже всего—

мою славу". Но жертвъ этихъ было еще мало: союзники, въ свою очередь, злоупотребляя своимъ счастьемъ, потребовали уступки Страсбурга, Брейзаха, Ландау; надъ Эльзасомъ ему оставляли только право покровительства, данное ему по Мюнстерскому договору; онъ долженъ былъ открыть эту провинцію германскимъ войскамъ, срывъ всѣ крѣпости, построенныя имъ отъ Базеля до Филипсбурга; кромѣ того, онъ долженъ былъ помочь имъ изгнать Филиппа изъ Испаніи. Людовикъ XIV отказался отъ этихъ унизительныхъ условій.

Онъ еще разъ хотѣлъ испытать свое счастье, но при Мальплакэ потерпѣлъ новую неудачу. Она повлекла за собою новыя жертвы и новыя требованія. Конференція въ Гертруденбергѣ подвергла гордость Людовика XIV еще болѣе жестокимъ испытаніямъ, чѣмъ прелиминарные переговоры въ Гагѣ.

Теперь отъ него требовали не только срытія нѣкоторыхъ крѣпостей, сдачи другихъ, содѣйствія для смѣщенія Филиппа; онъ долженъ былъ еще отказаться отъ Эльзаса, возвратить всѣ завоеванія, сдѣланныя въ Нидерландахъ со времени Пиренейскаго мира; отъ него теперь требовали, чтобы онъ совершенно одинъ свергъ съ престола своего внука. Несчастный монархъ, вынужденный выслушивать и обсуждать подобныя предложенія, соглашался уступить Эльзасъ, выплачивать ежемѣсячно милліонъ, помочь союзникамъ изгнать Филиппа изъ Испаніи, если онъ не удалится добровольно. Къ счастью для Людовика XIV, это отчаянное предложеніе было отвергнуто. Людовикъ XIV былъ очень униженъ, но жестокость его враговъ и дальнѣйшія событія снова подняли его. Европа, хотя и менѣе истощенная войною, чѣмъ Франція, тѣмъ не менѣе чувствовала всю ея тяжесть и на себѣ. Всѣмъ было извѣстно, какія жертвы Людовикъ XIV готовъ былъ принести для прекращенія войны, также былъ всѣмъ извѣстенъ высокомѣрный и неполитическій отказъ его враговъ. Партія мира увеличивалась съ каждымъ днемъ. Цѣль коалиціи была болѣе чѣмъ достигнута; государь, вызвавшій ее чрезмѣрнымъ увеличеніемъ своей власти, не могъ болѣе возбуждать опасеній; онъ не могъ болѣе наводить трепета на Голландію, возстановить Имперію противъ императора, грозить Англіи королемъ, котораго она не желала. Его гордости былъ нанесенъ тяжелый ударъ: его войска были отброшены отъ береговъ Дуная, Таго и По до внутренней Франціи. Увлеченные своими успѣхами, союзники хотѣли поставить Австрію и Францію въ то положеніе, которое предшествовало Вестфальскому договору; это значило замѣнить одно господство другимъ и снова нарушить европейское равновѣсіе. Вся опасность такого положенія представлялась особенно ясно въ Англіи. Она дала новый оборотъ дѣламъ. Партія виговъ господствовала тамъ съ 1688 г.; она такъ долго держалась во главѣ правленія, потому что было необходимо защищать новую династію противъ Стюартовъ, которымъ покровительствовалъ Людовикъ XIV, и поддерживать на континентѣ протестантскую партію противъ этого столь могущественнаго главы католической партіи. Послѣ рисвикскаго мира и втораго договора о раздѣлѣ, эта партія, исполнивъ свое назначеніе, начинала сходить со сцены. Война за испанское наслѣдство поддерживала ее. Она была необходима для утвержденія побѣды коалиціи и уничтоженія Стюартовъ; съ достиженіемъ этой цѣли прекращалась ея миссія. Страна не нуждалась болѣе въ ней; королевѣ Аннѣ она надоѣла; она

пала вмѣстѣ съ министромъ Годольфиномъ и генераломъ Мальборо. Перемѣна эта казалась капризомъ двора; но это была необходимость, а не случайность. Надо было перейти отъ войны къ миру, а для этого необходимо было замѣнить виговъ партіей тори. Такая перемѣна сдѣлалась еще болѣе необходимою со смертью императора Іосифа и со вступленіемъ на престолъ эрцгерцога Карла. Еслибы этотъ государь захотѣлъ присоединить къ австрійской и германской коронамъ еще и испанскую, то онъ возстановилъ бы Имперію Карла V. Вступленіе его на престолъ и униженіе Людовика XIV были причиною сильнаго поворота европейскихъ дѣлъ.

Англія сдѣлалась главнымъ театромъ дѣйствія. Конференціи о мирѣ, неудавшіяся въ Гагѣ, были тайно перенесены въ Лондонъ, Людовикъ XIV велъ теперь переговоры не съ коалиціею державъ, а съ каждой державой отдѣльно и такимъ образомъ скорѣе достигалъ своей цѣли. Торжество торіевъ и опасенія въ виду увеличенія власти новаго императора содѣйствовали успѣху его переговоровъ; кромѣ того, ихъ облегчали еще побѣды, одержанныя его внукомъ надъ союзниками въ Испаніи.

Филиппъ V, опираясь на преданность къ нему испанцевъ, не соглашался на отреченіе отъ престола. Два раза долженъ онъ былъ бѣжать изъ Мадрида, но онъ не отчаявался. Послѣ побѣды при Альмансѣ въ 1707 г. герцогъ Бервикскій съ торжествомъ ввелъ его въ столицу; то же сдѣлалъ герцогъ Вандомскій въ 1710 г. послѣ побѣды при Виллавичіозѣ; послѣ этого втораго въѣзда Филиппъ V вступилъ понемногу во владѣніе всѣмъ своимъ королевствомъ.

Лондонскій договоръ, подписанный 8 октября 1711 г., былъ заключенъ отдѣльно между Франціей и Англіей. Этотъ договоръ разстроилъ коалицію, которая тщетно старалась уничтожить его. Примѣръ Англіи увлекъ и Голландію; четыре мѣсяца спустя лондонскій предварительный договоръ послужилъ основаніемъ для переговоровъ въ Утрехтѣ, начавшихся въ февралѣ 1712 г. Договоромъ, заключеннымъ здѣсь 11 апрѣля 1713 г., было установлено отдѣленіе испанской имперіи отъ французской. Испанія потеряла: Нидерланды, королевство Неаполитанское, гавани Тосканы и герцогство Миланское, переданное императору, который нѣкоторое время еще протестовалъ противъ договора съ оружіемъ въ рукахъ.

Сардинія была передана курфюрсту Баварскому; Сицилія — герцогу Савойскому, который, кромѣ того, оставилъ еще за собою Фенестреллу и нѣкоторыя другія владѣнія, отнятыя у Франціи. Голландцы получили линію крѣпостей, которую они такъ желали имѣть; Англія пріобрѣла Гибралтаръ и Минорку отъ Испаніи, а отъ Франціи Гудзоновъ заливъ, Акадію, островъ Сенъ-Кристофъ, признаніе протестантскаго престолонаслѣдія и изгнаніе претендента.

Императоръ вскорѣ былъ вынужденъ также подписать эти условія. Въ 1714 г. по Раштадскому и Баденскому договорамъ, послѣдовавшимъ за Утрехтскимъ, онъ получилъ назначенную ему часть и еще Сардинію, взамѣнъ Баваріи, возвращенной курфюрсту.

Такъ кончилась эта продолжительная война: она дала Испаніи династію, имѣвшую господствующее значеніе на континентѣ, и окончательно лишила Испанію всѣхъ ея владѣній въ Европѣ. Утрехтскій миръ сталъ для Франціи тѣмъ же, чѣмъ былъ для Австріи Вестфальскій: онъ огра-

ничилъ могущество Франціи и установилъ извѣстное равновѣсіе между Франціей и Австріей. Людовикъ XIV, желавшій пріобрѣсти все, потерялъ бы все; а его враги, желавшіе лишить его всего, возвратили ему то, что онъ потерялъ. Онъ сохранилъ провинціи, которыя готовъ былъ уступить. Послѣдніе дни его жизни еще разъ освѣтились нѣсколькими слабыми лучами славы: онъ утвердилъ своего внука на престолѣ. Когда онъ, совершивъ это послѣднее свое дѣло, умеръ, французская корона спокойно перешла на голову ребенка, послѣдняго изъ его потомства.

LXVII. БѢДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ФРАНЦІИ ВЪ КОНЦѢ XVII-го И ВЪ НАЧАЛѢ XVIII-го СТОЛѢТІЯ.

(Составлено по соч. Бонмера: „La France sous Louis XIV“ и по соч. Анри Мартена: „Histoire de France“ t. XIV).

Союзники, побуждаемые великодушнымъ чувствомъ гуманности и благороднымъ безкорыстіемъ, хотѣли включить въ число непремѣнныхъ условій рисвикскаго мира возвращеніе протестантовъ въ отечество и дарованіе имъ свободы вѣроисповѣданія. Однако Людовикъ остался непреклоннымъ по отношенію къ этимъ вопросамъ. Уничтоженіе нантскаго эдикта, по его мнѣнію, составляло одно изъ наиболѣе славныхъ дѣяній его царствованія, и онъ считалъ рѣшительно невозможнымъ пойти на какія-либо уступки. Религіозныя преслѣдованія снова усилились, и эмиграція кальвинистовъ еще разъ приняла громадные размѣры, что гибельно отразилось на промышленности и торговлѣ.

Въ 1698 году суровые майскіе морозы уничтожили урожай виноградниковъ, а постоянные дожди, лившіе въ іюлѣ и августѣ, сдѣлали то же самое по отношенію къ зерновому хлѣбу; такимъ образомъ для скупщиковъ и эксплоататоровъ снова явилась возможность заняться возмутительными спекуляціями. Цѣны на хлѣбъ быстро возвысились и достигли 30 ливровъ за семерикъ. Хотя правительство и спохватилось во время, однако спекуляція все же приняла громадные размѣры, и всѣ усилія администраціи не повели ни къ чему. Во Франціи снова появился голодъ, подобно тому, какъ это уже было въ 1662 и въ 1693 годахъ, съ тою лишь, впрочемъ, разницею, что на этотъ разъ бѣдствіе не прекращалось вплоть до конца царствованія Людовика XIV-го. Не только въ Парижѣ, но и въ окрестностяхъ приходилось охранять стражей двери булочниковъ, во избѣжаніе разграбленія пекарень разъяренной толпою. Новый директоръ полиціи, Аржансонъ, принужденъ былъ взять въ казну магазины скупщиковъ. Вслѣдствіе постоянно усиливавшейся нищеты народа, въ Парижѣ, а равно и въ провинціи появились массы воровъ и грабителей, и никто даже въ собственномъ домѣ не чувствовалъ себя въ безопасности.

Самые смѣлые люди не рѣшались выходить изъ дому рано по утрамъ или слишкомъ поздно вечеромъ, такъ какъ отчаяніе, до котораго были доведены бѣдняки, могло вынудить ихъ къ совершенію всякаго преступленія. Парижскія улицы представляли какія-то скопища нищихъ. Впрочемъ, нищихъ появилось еще больше по деревнямъ, нежели по городамъ. Благодаря строгому порядку, введенному Аржансономъ, скупщики, по

крайней мѣрѣ въ Парижѣ, не смѣли такъ грабить народъ, какъ это практиковалось въ провинціи. Благодаря наступившей дороговизнѣ, многіе ростовщики старались всѣми средствами еще болѣе усилить это вздорожаніе хлѣба.

Правительство предупреждало вообще всѣхъ эксплоататоровъ народнаго бѣдствія, что они не только подвергаютъ себя опасности быть ограбленными, но, въ случаѣ, если ихъ поступки раскроются, и повѣшенными по суду. Однако это предупрежденіе нимало не помѣшало многимъ господамъ продолжать свое рискованное дѣло, и рѣдкій изъ нихъ упускалъ удобный случай къ обогащенію.

Всякій спѣшилъ обогатиться на счетъ общественнаго бѣдствія. Одинъ швейцарскій полковникъ, протестантъ, сдѣлался также скупщикомъ. Его предупредили, что король весьма этимъ недоволенъ, и что ему слѣдуетъ не медля отправить свой хлѣбъ на рынокъ. Полковникъ заупрямился: безнаказанность другихъ ободряла его; правительство вынуждено было засадить его въ Бастилію „для преподанія примѣра другимъ лицамъ, занимающимся скупкой хлѣба, съ цѣлію искусственнаго повышенія его рыночной цѣны“. Стаи волковъ, хищническіе инстинкты которыхъ всегда выплывали наружу, въ то время какъ человѣчество подвергалось какимъ-либо тяжкимъ испытаніямъ, появились во всѣхъ провинціяхъ и дерзко нападали на женщинъ и дѣтей, такъ что во многихъ мѣстахъ, по почину правительства, были организованы противъ нихъ настоящія облавы.

Особенной бѣдностью отличался *округъ трехъ-епископствъ* (Меца, Туля и Вердена). Повсюду рынки подвергались разграбленію. Мецскій парламентъ въ декабрѣ этого года издалъ указъ, по которому всѣ бѣдняки должны были возвратиться въ свои приходы, а госпитали должны были дать пріютъ неизлечимымъ больнымъ.

Заведены были общіе списки всѣхъ бѣдняковъ и введенъ особый налогъ въ пользу голодающихъ. Парламентъ первый подалъ примѣръ, обложивъ себя налогомъ въ размѣрѣ 4,000 ливровъ.

Король послѣ заключенія рисвикскаго мира издалъ манифестъ о реформахъ, но въ то время, какъ народъ его умиралъ съ голода, онъ давалъ пышные пиры, прикупалъ новыя помѣстья къ своимъ и безъ того безчисленнымъ имѣніямъ. Многочисленный штатъ придворныхъ всюду слѣдовалъ за нимъ и утопалъ въ роскоши утонченныхъ наслажденій; король раздавалъ своимъ приближеннымъ щедрыя пенсіи и всевозможныя аренды, и, казалось, роскошь двора, достигнувшая въ то время небывалыхъ размѣровъ, словно насмѣхалась надъ общественною нищетою.

12-го іюля въ Марли король послѣ обѣда изволилъ осматривать новый фонтанъ, который своимъ великолѣпіемъ превосходилъ всѣ доселѣ существовавшіе. Онъ приказалъ устроить ристалище для игры въ крокетъ и заявилъ, что желаетъ, чтобы его придворные пользовались всевозможными развлеченіями.

Пять недѣль спустя, m-me де-Ментенонъ жаловалась, что король опять думаетъ приступить къ новымъ постройкамъ. Марли скоро сдѣлается вторымъ Версалемъ. „Мною остались недовольны“, писала она, „за одинъ разговоръ о постройкахъ. Къ сожалѣнію, этотъ разговоръ не повелъ ни къ чему. Остается просить и страдать; но народъ, что станется съ нимъ?“

Когда основательница сенъ-сирской школы просила у короля, во имя религіи и политики, денегъ для бѣдняковъ, то онъ сухо отвѣтилъ ей: „король подаетъ милостыню тѣмъ, что тратитъ много на свой дворъ". А между тѣмъ онъ только истощалъ средства своего народа и обогащалъ своихъ придворныхъ.

Людовикъ пожелалъ возвести принца Конти на польскій престолъ. Но такъ какъ это желаніе являлось, главнымъ образомъ, плодомъ интриги, и поелику, кромѣ того, деньги составляютъ сущность всякой интриги, то все это разрѣшилось тѣмъ, что онъ отправилъ въ будущее королевство принца 200 тысячъ экю. Лица, которыхъ подкупали, оказались измѣнниками, экспедиція не удалась и увѣнчалась полнѣйшимъ фіаско. Въ томъ же году графъ Айенскій женился на дѣвицѣ Обиньи, племянницѣ и наслѣдницѣ m-me де-Ментенонъ, которая дала въ приданое за новобрачной 600,000 ливровъ; король же подарилъ ей 300,000 ливровъ чистыми деньгами, 500,000 ливровъ векселями на счетъ будущихъ доходовъ столицы и 100,000 въ драгоцѣнностяхъ и назначилъ ее фрейлиной. Мужу ея было даровано пожизненное губернаторство въ одной изъ лучшихъ провинцій.

Король выразилъ желаніе лично видѣть новобрачныхъ и, въ присутствіи всего двора, пожаловалъ каждому изъ нихъ по 8,000 ливровъ пенсіи. По тому же случаю онъ еще разъ уплатилъ весьма солидные долги герцога де-ла-Рошфуко и прибавилъ 12 тысячъ ливровъ къ пенсіи маршала де-ла-Моттъ. Кромѣ того, король подарилъ 40,000 экю ле-Грину и 20,000 экю де-Лорену, которымъ нужно было расплатиться съ долгами. „Мой подарокъ", сказалъ король, обращаясь къ де-Лорену, „столько же недостоинъ васъ, какъ и меня, но, къ сожалѣнію, состояніе моихъ финансовъ не позволяетъ мнѣ въ настоящее время быть болѣе щедрымъ".

Снова задуманы были многочисленныя преобразованія въ арміи, которая уже столько разъ была преобразована. По всей Франціи и даже въ самомъ Парижѣ старые солдаты занимались воровствомъ и грабежомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ одинъ кирасирскій полкъ на походѣ въ компіенскій лагерь сжегъ цѣлый замокъ, гдѣ находилось 150 домовъ, наполненныхъ зерновымъ хлѣбомъ.

Существуетъ множество вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ абсолютномъ упадкѣ и ужасающей нищетѣ, господствовавшихъ во Франціи въ послѣдніе годы XVII столѣтія: мы говоримъ о мемуарахъ, составленныхъ интендантами въ 1698 году, по предложенію молодаго герцога бургундскаго (ученика Фенелона), желавшаго познакомиться съ истиннымъ положеніемъ страны. Эти объемистые мемуары не были напечатаны и стали извѣстны лишь благодаря обширной работѣ Буланвилье. Постараемся вкратцѣ передать суть этихъ мемуаровъ.

Въ пикардійскомъ округѣ народонаселеніе уменьшилось почти-что на половину. Причину подобнаго явленія должно искать въ непрерывныхъ войнахъ, усиленной смертности и эмиграціи гугенотовъ. Въ низменностяхъ Понтье и въ окрестностяхъ Амьена фабричные рабочіе влачили существованіе „въ крайней бѣдности". Большинство рабочихъ просто умираетъ съ голода и частью отъ дороговизны шерсти, частью же отъ непомѣрно большихъ налоговъ, превосходящихъ заработную плату, готовые навсегда оставить свое ремесло.

Графство Булонское не платило раньше никакихъ податей, благодаря разнаго рода привилегіямъ, дарованнымъ королемъ; но зимою 1660 года въ этой провинціи были расквартированы королевскія войска, надѣлавшія здѣсь столько безпорядковъ, что жители сами предложили правительству вносить ежегодно по 40,000 ливровъ, лишь бы только ихъ освободили отъ несенія натуральной квартирной воинской повинности; налогъ этотъ остался, и даже возросъ до 43,950 ливровъ.

Вездѣ и всегда повторялся этотъ неблагородный прецедентъ: сначала правительство жаловало или продавало какую-нибудь привилегію, затѣмъ, получивъ деньги, заставляло снова покупать ту же привилегію, и такъ повторялось до безконечности.

Въ Блуа и Божанси процвѣтало кожевенное производство, но большіе налоги, назначенные на кожу, привели эту отрасль въ обоихъ названныхъ городахъ въ полнѣйшій упадокъ.

По деревнямъ народъ оставался по прежнему трудолюбивъ и экономенъ. Замѣчено, напримѣръ, что въ округѣ Боссъ, который издавна славился своимъ плодородіемъ, крестьяне питаются исключительно растительной пищей, т. е. ячменемъ, рожью и пшеницей, и только наиболѣе зажиточные изъ нихъ изрѣдка имѣютъ соленое мясо, покупаемое лишь въ самые урожайные годы; виноградари не пьютъ цѣльнаго вина, а разбавляютъ его водою—и все это дѣлается для того, чтобы имѣть возможность уплатить налоги и пріобрѣсти все необходимое для своихъ семей.

Повсемѣстно четвертая часть земель остается безъ обработки, лучшія земли цѣнятся не дороже 8 ливровъ за десятину; виноградники также погибаютъ, и въ странѣ выдѣлывается вина едва на половину противъ прежняго. Главнымъ препятствіемъ для развитія земледѣлія считался законъ, дозволявшій сборщикамъ арестовывать за недоимки домашній скотъ и орудія производства.

Въ округѣ Везеля бо́льшая половина земель обратилась въ совершенную пустыню. Шампань, какъ извѣстно, вообще считается одною изъ наиболѣе безплодныхъ провинцій. Между тѣмъ эта страна выплатила королю столь значительныя суммы денегъ, что просто трудно повѣрить. Народъ въ этой провинціи отличается крайнимъ трудолюбіемъ и до такой степени умѣренъ, что питается круглый годъ однимъ чернымъ хлѣбомъ, не покупая себѣ рѣшительно ничего, и считаетъ себя счастливымъ, если можетъ аккуратно выплатить установленные налоги.

Городъ Шалонъ разрушается и пустѣетъ со дня на день: зажиточные жители переселились въ Парижъ, а наиболѣе бѣдные такъ удручены постоемъ войскъ, что едва не умираютъ съ голода.

Въ Маконэ занятіе жителей заключается въ изготовленіи деревянныхъ башмаковъ и лаптей, которые, благодаря бѣдности населенія, снова вошли во всеобщее употребленіе, подобно тому, какъ это было въ предшествующіе вѣка.

Изъ небольшаго города Бургъ выселилось почти 100 протестантскихъ семей.

Провинція Франшъ-Конте страшно истощена непрерывными сборами денегъ и безконечными наборами, служащими для пополненія арміи.

Интендантъ Эльзаса рисуетъ крайне мрачную картину управляемаго имъ округа. Чрезвычайное обѣдненіе народонаселенія ставитъ рѣшительное препятствіе для собиранія податей и недоимокъ. Всѣ отрасли

торговли и промышленности пришли въ упадокъ. Народъ повсюду голодаетъ, не обутъ и не одѣтъ. Рабочіе лильскихъ мануфактуръ впали въ крайнюю бѣдность. Сорокъ лѣтъ тому назадъ они производили до 500 тысячъ кусковъ различной матеріи, но нищета, неразлучная съ войною, дороговизна съѣстныхъ припасовъ и налоги заставили фабричныхъ рабочихъ разбѣжаться въ разныя стороны; болѣе половины изъ нихъ переселились въ Германію.

Въ Руанскомъ округѣ крестьянинъ не можетъ ничего продать изъ того, что онъ производитъ, благодаря общей нищетѣ и непроходимости дорогъ. Во всей Франціи дороги превратились въ непроходимыя трущобы, а мосты развалились. Конечно, дороги можно было бы исправить, если бы общій упадокъ не служилъ препятствіемъ ко всему полезному. Въ странѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ для самыхъ обыкновенныхъ работъ, и по той же самой причинѣ большая часть земель остается безъ обработки. Промышленность и скотоводство приходятъ также въ рѣшительный упадокъ.

Картина, которую представляетъ Каенскій округъ, пожалуй, еще мрачнѣе.

Въ округѣ Алансона все страшно вздорожало. Количество народонаселенія значительно уменьшилось, благодаря эмиграціи гугенотовъ, усиленной смертности, обѣдненію жителей и частымъ наборамъ. Города почти опустѣли; дома, не получая ремонта, развалились. Повсюду, благодаря бѣдности, народъ мраченъ и нравы его крайне грубы.

Въ Ла-Рошельскомъ округѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 20-ти лѣтъ, народонаселеніе уменьшилось почти на $^1/_3$, и это уменьшеніе продолжается со дня на день.

Такое же уменьшеніе народонаселенія замѣчено въ Лиможскомъ и Турскомъ округахъ.

Дофине страдаетъ отъ тѣхъ же золъ, подъ давленіемъ которыхъ находится какъ бы въ агоніи вся Франція. Относительно числа народонаселенія опредѣляютъ повсемѣстное уменьшеніе его на $^1/_8$ часть, благодаря смертности отъ голода 1693 года и благодаря отмѣнѣ нантскаго эдикта, заставившей эмигрировать столькихъ гугенотовъ; повсюду эти факторы являются главными причинами, содѣйствующими уменьшенію числа народонаселенія, не исключая, конечно, вліянія постоянныхъ наборовъ и чрезвычайныхъ налоговъ.

Въ Провансѣ городъ Марсель считался порто-франко: онъ послѣдовательно покупалъ у многихъ королей утвержденіе своихъ привилегій. Но уже съ 1636 года правительство посягнуло на эти привилегіи; съ королевскаго разрѣшенія городъ былъ окруженъ таможеннымъ кордономъ для взиманія пошлинъ со всѣхъ вывозимыхъ изъ города товаровъ. Марсельцы до такой степени были возмущены этимъ нововведеніемъ, что въ томъ же году марсельская молодежь напала на таможенныхъ досмотрщиковъ и всѣхъ ихъ передушила. Возбужденіе народонаселенія было настолько велико, что это преступленіе было оставлено безъ наказанія.

По свидѣтельству де-Бавиля, эпархія д'Аби, 20 лѣтъ тому назадъ, считалась лучшей мѣстностью въ государствѣ; населеніе отличалось густотой, и земля давала превосходные урожаи. Въ настоящее время все измѣнилось, и страна считается наиболѣе несчастнымъ уголкомъ Лангедока.

Такимъ образомъ почти вся Францiя, въ концѣ XVII столѣтiя, по единогласному свидѣтельству очевидцевъ, была разорена и обращена въ какую-то дикую пустыню, рѣдкое народонаселенiе которой подвергалось всѣмъ ужасамъ голодной смерти. Не вникая въ истинныя причины упадка Францiи, великiй король думалъ, что онъ съумѣетъ заселить свое государство по мановенiю своего царскаго жезла въ образѣ различныхъ указовъ и манифестовъ, воспрещавшихъ эмиграцiю, покровительствовавшихъ бракамъ, содѣйствующихъ колонизацiи дряхлыхъ инвалидовъ и калѣкъ вмѣсто здоровой молодежи, сложившей свои головы вдали отъ родины для удовлетворенiя капризной гордости и неразумнаго честолюбiя короля.

Слѣдуя традицiямъ Кольбера, Поншартренъ заключилъ въ Бастилiю одного бѣднаго парижскаго купца, который, разорившись во Францiи, вздумалъ попытать счастiя въ иномъ мѣстѣ и намѣревался открыть шляпную мануфактуру въ Туринѣ. Все государство представляло ничто иное, какъ хорошо организованую темницу, побѣгъ изъ которой становился все опаснѣе и опаснѣе. Остроги мошенниковъ отличались отъ этой тюрьмы только своими болѣе скромными размѣрами; другаго отличiя не существовало. Большинство преступниковъ, заключенныхъ въ этой огромной государственной темницѣ, называвшейся Францiей, было виновно лишь въ томъ, что не имѣло денегъ; другими словами—всякiй бѣднякъ считался виновнымъ. Затѣмъ, когда вся страна наполнилась нищими, правительство потеряло голову, всякiй дѣйствовалъ въ разбродъ, не руководствуясь какимъ-нибудь общимъ планомъ, и верховная власть слѣпо утверждала всякiй проектъ, долженствовавшiй предотвратить наступившее бѣдствiе.

По всей Францiи шла ожесточенная борьба съ нищетой. Въ провинцiи трехъ епископствъ голодовки продолжали производить свои губительныя опустошенiя, и рынки были всегда въ опасности. Изъ числа тогдашнихъ епископовъ только два находились на высотѣ своего назначенiя. Одинъ изъ нихъ былъ Фенелонъ, архiепископъ де-Камбре; другой былъ епископъ лиможскiй, продавшiй въ 1699 году свои экипажи и все свое серебро для раздачи вырученныхъ денегъ бѣднякамъ своей эпархiи. Однако, епископъ, не довольствуясь тѣмъ, что раздалъ нищимъ все свое имущество, подобно пастырямъ первобытной церкви, всецѣло посвятилъ себя на служенiе бѣднякамъ и пренебрегъ своимъ служебнымъ положенiемъ и карьерой. Онъ написалъ королю письмо, въ которомъ правдиво и рѣзко очертилъ положенiе народа; король, отъ котораго старались скрыть это посланiе, едва не захворалъ, прочтя написанное. M-me де-Ментенонъ приказала государственному секретарю отправить выговоръ епископу и даже написала ему сама, но отвѣтъ, полученный ею, былъ составленъ съ прежней рѣзкостью и твердостью.

Начинали сказываться неизбѣжные результаты крайняго абсолютизма. Подобно тому, какъ король засадилъ своихъ собственныхъ подданныхъ въ хорошо оберегаемую темницу, такъ и онъ самъ не могъ скрыться въ своемъ дворцѣ отъ контроля общественной совѣсти. Онъ старательно уничтожалъ всякое проявленiе личной свободы, и у него отнята была свобода узнавать правду, знанiе которой было необходимо ему, въ собственныхъ своихъ интересахъ. Онъ запретилъ писать и говорить себѣ правду, онъ преслѣдовалъ мысль и совѣсть своихъ подданныхъ и, при помощи г-жи де-Ментенонъ и ея духовника, оградилъ себя китайской

стѣной отъ всего внѣшняго міра, изъ котораго до него не могъ доходить ни одинъ свободный и независимый голосъ. Его аргусы старательно цензурировали всякое извѣстіе, проникавшее въ царскіе покои. Повидимому, все шло хорошо; по крайней мѣрѣ, король утѣшалъ себя этимъ. Отнынѣ къ Людовику можно было примѣнить изреченіе: „не вѣдаетъ бо, что творитъ".

Провинціи до такой степени были разорены, что рѣшительно становилось невозможно собирать налоги. Необходимо было дать вздохнуть бѣдному народу, уменьшивъ тягости, которыми онъ былъ отягощенъ. Но Людовикъ хотѣлъ помочь горю инымъ путемъ: онъ увеличилъ жалованье чинамъ министерства юстиціи и финансовъ, число которыхъ чрезмѣрно умножилось вслѣдствіе созданія должностей, которыми правительство торговало.

Въ то время пониманіе политической экономіи было крайне своеобразно. Напр., чтобы оживить торговлю, которая была убита, благодаря нелѣпымъ эдиктамъ, великій король занялся изготовленіемъ фальшивой монеты, потому что какъ же иначе назвать произвольное измѣненіе стоимости всѣхъ монетъ и дозволеніе ввести въ обращеніе старые луидоры, старые экю, испанскіе пистоли и другія давно вышедшія изъ употребленія старыя монеты, которымъ всѣмъ придана была фантастическая стоимость, отличная отъ стоимости новыхъ монетъ?

Затѣмъ были созданы особыя полицейскія должности во всѣхъ городахъ государства. За эти должности города были обложены налогомъ, дававшимъ государству въ сложности до 4 милліоновъ ежегоднаго дохода.

За ничтожную сравнительно сумму въ 700,000 ливровъ король разрѣшилъ фабрикантамъ пороха набавить по 5 су на каждый фунтъ охотничьяго пороха; въ то же время онъ отдалъ имъ на откупъ фабрикацію дроби и пуль, которыя также вздорожали.

Однако еще разъ онъ занялся уменьшеніемъ государственныхъ расходовъ.

Государственныя постройки нерѣдко поглощали въ годъ до 12 милліоновъ. Въ 1609 году онѣ не превышали 2.600,000 ливровъ, и король сократилъ эту сумму до 1.600,000 въ годъ. Расходъ военнаго министерства былъ уменьшенъ на 10 милліоновъ, не смотря на то, что солдаты давно сидѣли безъ жалованья и безъ платья. Кромѣ того, были сдѣланы сокращенія въ бюджетахъ морскаго министерства и уменьшены расходы по производству фортификаціонныхъ работъ. Но, уменьшая статьи расхода въ такихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, которыя столько же содѣйствовали величію, сколько и безопасности страны, король въ то же время ежедневно тратилъ массу денегъ на своихъ фаворитовъ, ихъ женъ и дочерей, выходившихъ замужъ. И какъ же отплачивали ему эти прихлебатели, которыхъ онъ чуть не осыпалъ своимъ золотомъ?

Однажды король забылъ въ столовой залѣ свою шляпу, украшенную бриллiантомъ, стоимостью въ 10,000 франковъ,—немедленно бриллiантъ былъ украденъ. Однако воръ, испугавшись грозившей опасности, если воровство будетъ раскрыто, одумался и замѣнилъ украденный бриллiантъ другимъ, стоившимъ въ 6 разъ дороже. Въ другой разъ, въ С.-Жерменѣ были украдены изъ королевской капеллы драгоцѣнныя вазы. Воръ оказался однимъ изъ блестящихъ придворныхъ.

Однажды король остался очень доволенъ маршаломъ Виллеруа и тутъ же подарилъ ему 300,000 ливровъ. Подобные же подарки получали многіе другіе королевскіе любимцы и слуги.

Подписавъ рисвикскій миръ, Людовикъ XIV обѣщалъ распустить часть войскъ. Это была превосходная мѣра. Содержаніе арміи, какова бы ни была ея цифра, всегда очень обременительно для страны. Но отпускные солдаты, привыкшіе къ грабежу, были болѣе разорительны для страны, чѣмъ находясь па дѣйствительной службѣ: по всей Франціи они разносили тревогу и ужасъ. Они охотно брались за всякое порученіе: убійство, грабежъ etc. Окружной совѣтъ Бургундіи доносилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ войска его величества были распущены по домамъ, только и слышно, что о воровствахъ, совершаемыхъ не только въ частныхъ домахъ, но и въ церквахъ, и объ убійствахъ на большихъ дорогахъ и въ городахъ. Все это совершали люди, не имѣвшіе права носить шпагу. Увеличеніе числа сельской стражи, содержаніе которой было повышено, не повело ни къ чему. Жалобамъ не предвидѣлось конца. Особенно плохо приходилось округу Бресъ, гдѣ бродяжничество приняло колоссальные размѣры: бродяги врывались въ дома мирныхъ жителей, и если ихъ требованія не исполнялись безпрекословно, то они грабили, жгли и убивали,— и все это сходило имъ съ рукъ вполнѣ безнаказанно.

Главный откупщикъ солянаго дѣла вздумалъ ввести обязательное потребленіе соли въ откупныхъ провинціяхъ; такая мѣра равносильна была введенію новаго налога. Бургундія протестовала, опираясь па дарованныя ей привилегіи. Окружный совѣтъ писалъ, что въ Бургундіи проживаетъ множество людей, которые не имѣютъ возможности употреблять въ пищу соль, по крайней мѣрѣ, въ теченіе большей части года; бѣдность большинства жителей такова, что часто они рѣшительно не имѣютъ даже на что купить хлѣба, не говоря уже о соли, и принуждены питаться дикими травами или умирать съ голоду. Однако, Бургундія испытывала только общую участь, не болѣе. Существуетъ масса оффиціальныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ, что голодовки терзали почти всѣ провинціи Франціи.

Указомъ 25 іюля 1700 г. правительство предписывало всѣмъ здоровымъ нищимъ, побирающимся въ городахъ, немедленно вернуться въ свои приходы для занятій земледѣліемъ. Нищіе наводняли дворы версальскаго дворца, и король приказалъ 50-ти швейцарцамъ забирать всѣхъ, кто нищенствуетъ, и отводить въ Парижъ въ госпиталь. Было рѣшено арестовывать всѣхъ бродягъ и организовывать изъ нихъ рабочія артели для обработки полей и для исправленія большихъ дорогъ. Больные нищіе заключались въ госпитали, на содержаніе которыхъ король ассигновалъ прибавку въ 200 тысячъ ливровъ. Разсчитано было, что каждый бѣднякъ обходится правительству въ день въ 5 су, считая расходы по администраціи госпиталей.

Возмущенія вспыхивали въ различныхъ мѣстахъ Франціи, и донесенія мѣстнаго начальства лучше всего свидѣтельствовали о полномъ безсиліи властей въ борьбѣ со всеобщимъ бѣдствіемъ.

Что же дѣлалъ Людовикъ въ то время, какъ страшный голодъ терзалъ его подданныхъ и когда, благодаря нищетѣ, солдаты его арміи превратились въ настоящихъ бандитовъ? Какъ бы въ насмѣшку надъ общимъ бѣдствіемъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей системы управле-

нія, старый король болѣе чѣмъ когда-либо занимался увеселеніемъ своихъ придворныхъ, которымъ онъ доставлялъ наиболѣе разорительныя удовольствія. Придворныя развлеченія того времени отличались необыкновенной пышностью и великолѣпіемъ; они до такой степени были часты, что участники едва успѣвали отдыхать отъ шума всѣхъ этихъ церемоній. Празднества, даваемыя въ Марли, превосходили все видѣнное когда-либо въ этомъ родѣ. Балы чередовались съ маскарадами, маскарады съ лоттереями-аллегри. Тщеславный монархъ старался окружить себя льстецами, для которыхъ возводились помѣщенія вблизи отъ королевскаго дворца. Это позолоченное нищенство, побиравшееся вокругъ коронованныхъ особъ, было въ тысячу разъ болѣе разорительно для страны, чѣмъ всѣ голодные попрошайки изъ простаго народа.

Сборщики податей Людовика XIV воздвигали себѣ такія роскошныя палаццо, что они возбуждали зависть самого короля, и, не говоря уже о замкѣ де-Во, достаточно указать на замокъ Рамбулье, выстроенный Армонвилемъ, главнымъ директоромъ финансовъ. Онъ истратилъ на него такую кучу денегъ и такъ изукрасилъ его, что Людовикъ XIV потребовалъ Рамбулье для своего сына, графа Тулузскаго. Финансистъ не посмѣлъ даже показать ему счета расходовъ по постройкѣ этого дворца.

Послѣ Барбезье, сына Лувуа, министромъ финансовъ и въ то же время военнымъ министромъ сдѣланъ былъ Шамиляръ. Людовикъ взваливалъ на тщедушныя плечи своего любимаго партнера на билліардѣ двойное бремя, подъ которымъ изнемогли Кольберъ и Лувуа. Король говорилъ всегда, что слава лицъ, окружающихъ его, затемняетъ его собственное величіе, и потому онъ сталъ окружать себя замѣчательными бездарностями и такимъ образомъ всецѣло принялъ на себя отвѣтственность за всѣ дальнѣйшія событія своего царствованія.

Все съ тѣхъ поръ стало клониться къ упадку. Возобновилась война за испанское наслѣдство, которую всѣ историки признаютъ за самую разорительную войну, когда-либо веденную Людовикомъ. Государственные доходы исчислялись въ 69 милліоновъ, а расходы были почти вдвое больше этой суммы (116 милліоновъ). За всякій занятый экю кредиторы короля высасывали изъ народа въ 20 разъ бо̀льшую сумму. Если вѣрить разсчетамъ одного знаменитаго политико-эконома (Буагильбера), то 116 милліоновъ тогдашнихъ расходовъ обошлись странѣ въ 2 милліарда 320 милліоновъ, считая по тогдашнему курсу. Снова возобновлена была поголовная подать (capitation), эта ужасная выдумка Бавиля, передъ которой долго останавливался Поншартренъ,—ужасная не сама по себѣ, ибо она была наименьшимъ изъ всѣхъ тогдашнихъ налоговъ, но благодаря злоупотребленіямъ, къ которымъ давала она поводъ и которыхъ, при данномъ порядкѣ вещей, избѣжать было невозможно. Ко всѣмъ прочимъ обложеніямъ прибавился новый источникъ постоянныхъ налоговъ. Шамиляръ хвалился, что, не считая духовенства, уплачивавшаго 4 милліона, этотъ новый налогъ давалъ казнѣ около 30 милліоновъ.

Привилегія на продажу льда доставила казнѣ 1.100,000 ливровъ. Но всего этого слишкомъ было недостаточно, чтобы наполнить разверстую пропасть, которая, напротивъ, все расширялась и увеличивалась. Чтобы раздобыть денегъ въ настоящемъ на счетъ доходовъ будущаго, о которомъ никто не заботился, множество должностей сдѣланы были вѣчными и наслѣдственными.

Поншартренъ создалъ пережившую его пагубную привычку администраціи создавать и продавать никому ненужныя должности. Напримѣръ, за 12,000 франковъ можно было пріобрѣсти такую должность, которая не сопряжена была ни съ какою обязанностью и все же давала обладателю массу привилегій и обезпечивала за нимъ 1,000 фр. ежегоднаго дохода. Никто не замѣчалъ, что деньги, получаемыя отъ поголовной подати, поглощались цѣликомъ громаднымъ вознагражденіемъ, получаемымъ этими чиновниками, и правительство настойчиво продолжало практиковать излюбленный свой пріемъ.

На монету постоянно и произвольно устанавливались новые курсы. Серебро и золото не успѣвали остывать: такъ часто ихъ перечеканивали. Но подобныя мѣры имѣли, естественно, совершенно противоположный результатъ, чѣмъ желательно было достичь. Веденіе торговыхъ дѣлъ можно было уподобить возведенію построекъ на движущемся пескѣ пустынь. Деньги припрятывались или вывозились изъ Франціи; иностранцы и фальшивые монетчики выигрывали больше, чѣмъ самъ король, во время этихъ безконечныхъ перечеканокъ монетъ; бѣдный народъ терялъ голову и всецѣло отданъ былъ въ руки эксплоататоровъ и мошенниковъ.

„Нищета достигла всюду крайнихъ своихъ предѣловъ", писалъ одинъ современникъ: „государство, истощенное вѣчными наборами и непомѣрными налогами, представляетъ какую-то дикую пустыню. Слезы, жалобы и петиціи не только запрещены, но даже наказуемы, какъ какія-то преступленія и покушенія; вельможи, которые одни могли бы протестовать противъ такого порядка вещей, сами дѣлятъ между собой лохмотья несчастнаго народа. Развращенные солдаты какъ будто нарочно созданы для того, чтобы сдѣлать болѣе невыносимой жизнь своихъ соотечественниковъ".

Указы 1660 и 1666 годовъ испытали одну участь: они таяли въ общемъ беззаконіи подобно вешнему снѣгу отъ теплыхъ лучей солнца. 29 октября снова былъ опубликованъ указъ, воспрещавшій продавать скотъ и земледѣльческія орудія за недоимки. Кольберъ въ свое время двадцать разъ подтверждалъ этотъ приказъ, который Ришелье и Генрихъ IV и другіе государственные люди считали крайне важнымъ.

Самъ король, въ концѣ концовъ, кажется, задался мыслью подавать своимъ подданнымъ примѣръ неуваженія къ законамъ, нарушая самъ на каждомъ шагу едва только-что изданные законы. Для примѣра, укажемъ на судьбу города Анжера. Не говоря уже о томъ, что привилегіи, дарованныя этому городу въ 1474 году, перепродавались ему чуть ли не пять разъ въ теченіе короткаго промежутка времени, въ 1692 году особымъ неизмѣннымъ указомъ короля у всѣхъ городовъ (а слѣдовательно и у Анжера) отнималось право избирать для себя мэровъ и другихъ выборныхъ членовъ городскаго совѣта; всѣ названныя должности отнынѣ становились наслѣдственными и были продаваемы за извѣстную сумму денегъ; такимъ образомъ нерѣдко какой-нибудь разбогатѣвшій мошенникъ имѣлъ возможность забрать въ руки дѣла всего города.

Новымъ указомъ, появившимся въ 1701 году, Анжеру снова предоставлялось право избирать городскаго мэра, подъ условіемъ ежегодной уплаты извѣстной суммы денегъ. Еще нѣсколько времени спустя, городъ долженъ былъ купить нѣкоторыя другія привилегіи, за которыя раньше уже были уплачены изрядныя суммы денегъ. Такую постыдную комедію правительство играло почти со всѣми городами.

Особенная забота правительства Людовика XIV заключалась въ преслѣдованіи *„вредныхъ книгъ"*. Хороша ли, худа, а рѣдкая книга удостоивалась получить разрѣшеніе для напечатанія. Типографщики, книгопродавцы и писатели подвергались всевозможнымъ преслѣдованіямъ. Даже пастырское посланіе Фенелона было арестовано за то только, что оно было продано внѣ его эпархіи, безъ особаго на то разрѣшенія.

Поншартренъ писалъ разъ въ Нормандію, чтобы сдѣланы были розыски вредныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Руанѣ. Эти вредныя книги были: „Les dames galantes" Брантома, „Télémaque", „Le Detail de la France" Буагильбера и „La vie de la soeur Angelique Arnauld". „Histoire généalogique de la maison d'Auvergne", трудъ почтеннаго ученаго Балюзе, былъ также арестованъ, а самъ авторъ лишился мѣста и сосланъ за то только, что осмѣлился хорошо отозваться о семействѣ Бульонъ, бывшемъ тогда въ немилости.

Извѣстно, что немилость короля, постигшая знаменитаго поэта Расина, такъ поразила его, что онъ не вынесъ удара и послѣ тяжкой болѣзни, длившейся цѣлый годъ, умеръ. А между тѣмъ вся вина Расина состояла лишь въ томъ, что, въ разговорѣ съ Ментенонъ о народныхъ бѣдствіяхъ, онъ указалъ на средства облегчить ихъ.

Знаменитый Вобанъ, собиравшій во время безпрестанныхъ разъѣздовъ своихъ, въ продолженіе 25 лѣтъ, всевозможныя свѣдѣнія о состояніи Франціи, особенно низшихъ классовъ народонаселенія, издалъ во время войны за испанское наслѣдство, въ 1707 году, небольшую книгу, озаглавленную „La dîme royale" (королевская десятина), въ которой, указывая на страшное обѣдненіе Франціи и на крайнюю неравномѣрность въ распредѣленіи налоговъ и податей, предлагалъ проектъ коренной финансовой реформы. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Вобаномъ, десятая часть народонаселенія Франціи доведена была до нищенства; изъ девяти остальныхъ частей пять не въ состояніи были подать милостыни этой десятой части; три части находились въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, девятая же часть содержитъ въ себѣ не болѣе 100,000 семействъ, къ которымъ Вобанъ причисляетъ военные и гражданскіе чины, высшее духовенство, дворянство, служащихъ, зажиточное купечество, состоятельныхъ горожанъ и т. п.; изъ нихъ, впрочемъ, не болѣе 10,000 семействъ пользуются хорошимъ достаткомъ. Для облегченія бѣдствующаго податнаго населенія Вобанъ требовалъ уничтоженія привилегій дворянства и духовенства относительно налоговъ и податей, требовалъ введенія всеобщаго и единообразнаго налога, именно *королевской десятины*, взимаемой естественными продуктами со всѣхъ землевладѣльцевъ пропорціонально ихъ доходамъ. Но этотъ проектъ маститаго генерала былъ очень дурно принятъ Людовикомъ XIV, который отнесся къ Вобану, какъ къ сумасброду, готовому поколебать основы государства для какихъ-то несбыточныхъ химеръ. Мало того, указомъ королевскаго совѣта отъ 14 февраля 1707 года, книга Вобана была запрещена и выставлена къ позорному столбу. Шесть недѣль спустя Вобана не стало, и нѣтъ сомнѣнія, что участь, постигшая его сочиненіе, въ значительной степени ускорила его смерть.

Одновременно съ появленіемъ сочиненій Вобана, издано было другое небольшое сочиненіе, принадлежащее перу бывшаго интенданта Буагильбера и озаглавленное „Le factum de la France". Въ этомъ сочиненіи Буагильберъ развиваетъ тѣ положенія, которыя онъ высказалъ еще рань-

ше въ сочиненіи „Detail de la France“, принявъ при этомъ во вниманіе и планъ Вобана. Въ своемъ новомъ сочиненіи Буагильберъ предложилъ замѣнить поголовную подать подоходнымъ десятипроцентнымъ налогомъ со всякаго имущества, высчитывая, что доходъ этотъ могъ дать королю чистаго дохода отъ 85 до 100 мил. ливровъ, вмѣсто 25—30 милліоновъ, поступавшихъ въ казну отъ поголовной подати. Этотъ излишекъ доходовъ, по мнѣнію Буагильбера, давалъ возможность королю совсѣмъ уничтожить таможенныя и акцизныя пошлины, сохранивъ только поземельный налогъ. Но и этотъ планъ Буагильбера былъ отвергнутъ, какъ неудобный, министромъ Шамилляромъ. Когда же Буагильберъ выступилъ съ новою брошюрою на защиту своего проекта, то раздраженный этимъ министръ финансовъ исходатайствовалъ у короля указъ его совѣта отъ 14 марта, въ силу котораго сочиненіе Буагильбера было конфисковано и подверглось той же участи, какъ и „La dîme royale“ Вобана, а самъ Буагильберъ былъ высланъ на извѣстный срокъ въ Овернь.

Такъ поплатились за свои проекты преобразованій люди, искренно желавшіе добра своему отечеству. „Думаютъ уничтожить зло, умалчивая о немъ“, писала Ментенонъ. Великому королю, состарѣвшемуся и привыкшему къ чрезмѣрной лести и безконечному подобострастію, невыносимы были заявленія людей, осмѣливавшихся утверждать, что въ его правленіе Франція не благоденствуетъ, смѣло раскрывавшихъ страданія народа; а между тѣмъ начавшаяся съ 1701 года война за испанское наслѣдство только переполнила чашу бѣдствій. Воры-подрядчики находились въ стачкѣ съ интендантами и другими высшими офицерами; раненые были брошены на произволъ судьбы; съѣстные припасы оказывались несъѣдобными; люди погибали тысячами; дезертирство сдѣлалось явленіемъ обычнымъ. Когда же солдаты вернулись въ отечество, то попрежнему представляли главный элементъ для всякихъ безобразій. „Король“, писалъ Поншартренъ, „извѣщенъ, что гвардейскіе солдаты снова принялись за воровство и грабежъ“.

Война за испанское наслѣдство довела Францію почти до полнаго истощенія.

Въ 1715 году во Франціи не было уже болѣе ни общественнаго, ни частнаго кредита: имѣя нужду въ восьми милліонахъ, правительство должно было выдавать за нихъ 32 милліона билетами; ростовщики царствовали; въ народѣ и войскѣ вспыхивали мятежи изъ-за хлѣба; фабрики или были закрыты, или едва шли; города были наполнены нищими, деревни опустѣли, поля остались необработанными по недостатку земледѣльческихъ орудій и скота; дома разваливались.

Такова была картина, которую представляла Франція въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія.

LXVIII. НАПРАВЛЕНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ВѢКА ЛЮДОВИКА XIV ВЪ СВЯЗИ СЪ ОБЩИМЪ ХАРАКТЕРОМЪ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

(Изъ соч. Геттнера: „Исторія литературы XVIII в." т. II).

Людовикъ XIV смѣло совершилъ то, что смѣло начато и приготовлено было планами нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ему правителей и въ послѣднее время особенно Ришелье и Мазарини. Опытность, пріобрѣтенная въ бурные годы юности, зародила въ душѣ его горячую ненависть ко всякаго рода дворянскому и народному господству. По блеску и достоинству своей личности и по неотъемлемому величію своего творческаго ума, онъ былъ самодержецъ отъ природы и онъ поднялъ королевскую власть до такого могущества и неограниченности, до какой далеко не достигали даже Карлъ V и Филиппъ II.

Въ полномъ убѣжденіи, что Богъ даетъ государямъ не только часть своего могущества, но и часть своего всевѣдѣнія, Людовикъ XIV въ короткое время, съ твердой энергіей и удивительною осторожностью, подчинилъ своей волѣ всѣ непокорныя, самостоятельныя стремленія и свелъ ихъ къ строгому порядку и одному общему дѣйствію. Средневѣковая спѣсь безпокойнаго дворянства была разбита, и оно поставлено въ зависимость отъ всемогущества королевскихъ повелѣній, отчасти приманками пышной и веселой придворной жизни, отчасти посредствомъ подчиненія дворянъ строгой дисциплинѣ, введенной во вновь устроенномъ постоянномъ войскѣ. Высшее духовенство, нѣкогда столь враждебное, превращено было въ послушную придворную аристократію, благодаря исключительному присвоенію высшихъ духовныхъ должностей и важнѣйшихъ приходовъ членамъ знатныхъ фамилій; этимъ способомъ интересы и желанія духовенства были неразрывно связаны съ интересами и желаніями короля. Прежнія собранія сословій были уничтожены. Парламенты, имѣвшіе притязаніе на то, чтобы ни одно королевское рѣшеніе не получало законной силы, прежде чѣмъ послѣдуетъ внесеніе его въ книгу парламента, въ чемъ они могли отказать, лишились всякаго существеннаго значенія въ государствѣ. Свобода и самоуправленіе общинъ исчезли безслѣдно. Въ то же время положено было начало новѣйшей бюрократіи, которая, по своему происхожденію и по сущности, была ничто иное, какъ выполненіе единаго и послѣдовательнаго закона и въ этомъ смыслѣ была естественной противоположностью всякой феодальной особенности и раздѣльности. Самая рѣзкая централизація считалась уже высшимъ принципомъ управленія, и какъ вѣнецъ его, была изобрѣтена полиція, которая, охраняя и обезпечивая общественное спокойствіе и безопасность, вмѣстѣ съ тѣмъ служила коронѣ зоркимъ глазомъ, наблюдавшимъ за самыми тайными подробностями общественной жизни. Все исходило непосредственно отъ короля, все стояло подъ его ближайшимъ руководствомъ. Король не только сталъ главою и представителемъ государства; государство было ничто иное, какъ личность короля. L'état c'est moi.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое неограниченное могущество короля было для того времени историческою необходимостью и потому

безконечнымъ благомъ. Средневѣковое феодальное государство съ его дикими раздорами партій и междоусобіями, съ его отдѣльными, самовластными, большею частью враждебными другъ другу корпораціями и исключительными правами—было уничтожено навсегда. Государство стало снова твердымъ, строго распредѣленнымъ цѣлымъ, стало юридическимъ государствомъ, хотя, конечно, въ первое время это юридическое государство было только государство деспотически-полицейское. Первые годы Людовика XIV полны благороднѣйшихъ намѣреній и широкихъ предпріятій. Мудрымъ и неустрашимымъ усиліямъ Кольбера удалось привести разстроенные финансы и сборъ податей въ правильную систему государственнаго хозяйства. Призваны были иностранные работники, чтобы научить туземцевъ разнымъ знаніямъ и искусствамъ; основаны большія торговыя общества, чтобы обезпечить торговую независимость Франціи отъ сосѣдей, особенно голландцевъ; построенъ Лангедокскій каналъ, который хотя и не могъ осуществить первоначально задуманнаго плана — соединить Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ, но все-таки принесъ огромныя выгоды для внутреннихъ сношеній. Торговля, мореплаваніе и колоніи пришли въ цвѣтущее состояніе. Буржуазія, благодаря возраставшему благосостоянію, могла дѣйствительно уравновѣшивать могущество и богатство дворянства. Судопроизводство стало проще, единообразнѣе и связнѣе; хотя оно и не было вполнѣ обезпечено отъ вмѣшательства правительственнаго произвола, но все-таки по возможности было защищено отъ произвола и насилія низшихъ властей. Представители искусства, поэзіи и науки находили поддержку и поощреніе въ покровительствѣ двора, въ денежныхъ пенсіяхъ, въ учрежденіи академій. Сознаніе твердаго единства и сильнаго законнаго порядка, возраставшее внутреннее благосостояніе и сильное внѣшнее положеніе вездѣ доставляли королю охотное повиновеніе и благоговѣйное уваженіе. Вся страна воодушевлена гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и ревностнымъ стремленіемъ къ совершенствованію. Вскорѣ Франція опередила всѣ прочіе народы въ образованіи и промышленности и стала примѣромъ для цѣлой Европы не только по своему политическому могуществу, но и по своему умственному превосходству. Вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что и всѣ другіе народы были проникнуты тѣмъ же стремленіемъ пріобрѣсти тѣсное единство и защиту отъ насилій дворянства. Повсюду на дымящихся развалинахъ стараго феодализма строилось неограниченное могущество побѣдившей королевской власти. Какъ бы самовластно и расточительно ни дѣйствовали иногда государи, но все-таки даже самая необузданная безсовѣстность одного всегда легче и выгоднѣе произвола и хищничества многихъ.

Преимущественно съ этой точки зрѣнія и надобно понимать идеи Боссюэта, когда этотъ могущественный архіепископъ и знаменитѣйшій проповѣдникъ своего вѣка основываетъ неограниченное право единодержавія на исключительно теократическихъ началахъ, какъ нѣкогда въ Англіи Фильмеръ, и прославляетъ его, какъ непосредственно божеское установленіе. Онъ излагаетъ это въ сочиненіи „Politique tirée des propres paroles de la sainte écriture“, которое онъ написалъ въ качествѣ учителя наслѣдника престола. „Самъ Богъ,—говорилъ онъ,—видимо управлялъ какъ царь своимъ избраннымъ народомъ до тѣхъ поръ, пока не помазалъ на царство Саула и Давида, черезъ Самуила, и не утвердилъ

затѣмъ власть въ домѣ Давида. Королевская власть священна, потому что король есть намѣстникъ Бога; власть эта неограниченна, такъ какъ король не обязанъ никому давать отчета, кромѣ одного Бога. Величество королевской власти есть подражанiе и отраженiе величества Бога. Король есть государство. Только тотъ, кто служитъ государству, служитъ королю; кто врагъ королю, врагъ государству; каждый долженъ съ радостью жертвовать жизнью за короля; недостатку благоговѣнiя, вѣрности и повиновенiя нѣтъ никакого оправданiя и никакого предлога, даже и въ безбожiи или жестокости короля. Но за то король, конечно, обязанъ употреблять все свое могущество, во-первыхъ, на то, чтобы уничтожать въ своемъ государствѣ ложную религiю и поддерживать блескъ истинной религiи и ея служителей, и, во-вторыхъ, чтобы исполнять мудрую справедливость въ отношенiи своихъ подданныхъ, такъ какъ это одно отличаетъ королевскую власть отъ недостойнаго произвола. Въ числѣ средствъ, какими располагаетъ король для увеличенiя своего могущества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и счастья народа, одно изъ главныхъ есть война, потому что война не только позволена, но Богъ даже положительно велѣлъ израильтянамъ вести войну противъ нѣкоторыхъ народовъ; налоги, которыми отягощаются покоренныя страны, составляютъ увеличенiе нацiональнаго богатства". Словомъ, передъ нами книга, цѣль которой—доказать полное согласiе ближайшей дѣйствительности съ требованiями священнаго писанiя и превознести ее, какъ исполненiе библейскаго закона. Въ книгѣ этой много низкой лести, но сущность ея была глубочайшимъ убѣжденiемъ Боссюэта, а съ нимъ вмѣстѣ и большей части его современниковъ.

Рядомъ съ этимъ безусловнымъ подчиненiемъ королевской власти видна черта самой искренней приверженности къ церкви. Декартъ, который рѣшительно разорвалъ связь съ схоластикой, далъ силу самостоятельному изслѣдованiю и выставилъ знаменитый принципъ о необходимости сомнѣнiя, увидѣлъ себя вынужденнымъ почти во всю свою жизнь избѣгать Францiи, и когда онъ умеръ, въ 1667 г., при дворѣ королевы Христины въ Стокгольмѣ, Людовикъ XIV не дозволилъ публичной рѣчи въ его воспоминанiе и издалъ формальное запрещенiе противъ его ученiя. Но такое запрещенiе едва ли было нужно. Правда, влiянiе его было замѣтно почти повсюду. Николь, глава янсенистовъ, и даже Боссюэтъ, этотъ неумолимый стражъ Сiона, не свободны отъ влiянiй Декарта; переписка г-жи Севинье даже ясно показываетъ, что отдѣльныя мысли проникли и въ высшее общество. Но за исключенiемъ Жёлэна (Geulinx) и Мальбранша, которые самостоятельно шли къ болѣе послѣдовательному развитiю, остальные послѣдователи исключительно повторяли только вещи второстепенныя и побочныя, именно ученiе о природѣ. Ортодоксiя осталась непоколебима. Испуганные смѣлостью философскихъ нововведенiй люди тѣмъ усерднѣе прятались за положенiями церкви и за потребностями набожнаго сердца. Борьба между iезуитами и янсенистами, которые въ своемъ стремленiи къ бóльшей глубинѣ и освященiю жизни приближаются къ понятiямъ протестантства, разгорѣлась яркимъ пламенемъ; но оба противника совершенно согласны въ убѣжденiи о безусловной необходимости слѣпо подчиняющейся вѣры. Паскаль, неистощимый въ своей рѣзкой борьбѣ противъ iезуитовъ, былъ не менѣе неистощимъ въ своей ненависти къ философамъ. Онъ прошелъ нѣкогда школу сомнѣ-

ній и при этомъ дошелъ почти до истощенія отъ страха и мученій совѣсти; онъ преслѣдуетъ это сомнѣніе, какъ тщеславное высокомѣріе, лишенное утѣшенія и правды, какъ знаніе, не признающее ни бытія Бога, ни его сущности. Подобно Паскалю, Ламоттъ-Левайё и Гюэ видятъ въ сомнѣніи только опору вѣры. Наконецъ Боссюэтъ высказываетъ всю сумму своего мышленія и знанія, когда въ своемъ знаменитомъ „Discours sur l'histoire universelle—этомъ первомъ опытѣ научной всеобщей исторіи, основанной на твердой и единой основной мысли — видитъ въ исторіи только приготовленіе и совершеніе христіанства. Христіанство есть начало и цѣль. Люди, царства и народы имѣютъ цѣну и значеніе только какъ орудія къ движенію этого высшаго божественнаго намѣренія. Поэтому въ древности существуетъ на дѣлѣ только одинъ историческій народъ—народъ еврейскій.

Таковы условія и настроеніе, изъ которыхъ исходятъ французское искусство и поэзія того времени. Это искусство и поэзія представляютъ прославленіе этихъ условій и этого настроенія. Они—вѣрное, но и весьма предательское отраженіе вѣка.

Въ этомъ величіи въ то же время заключается и слабость.

Всего своеобразнѣе выразилась трагика. Не смотря на тяжелый приговоръ, произнесенный противъ нея Лессингомъ съ глубокимъ сознаніемъ правоты своего мнѣнія, мы не можемъ не признать того, какъ могущественно она одушевлена и проникнута великими идеями, двигавшими тогда государство и церковь. Первымъ, не только по времени, но и по оригинальной силѣ таланта, былъ Корнель. Начало и развитіе его относится еще ко временамъ Ришелье; оттого онъ такъ энергически стремится къ ясно сознаваемой цѣли. Онъ такъ же, какъ Шекспиръ, вполнѣ принадлежитъ къ возникающей королевской власти. Въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ онъ только стремится къ опредѣленности содержанія и къ опредѣленной художественной формѣ; но разъ достигши ихъ онъ беретъ только тѣ вопросы, которые стоятъ въ ближайшей связи съ вопросами и борьбой его времени. Въ Корнелѣ еще живетъ черта того древняго рыцарства, которое онъ такъ увлекательно умѣлъ возвеличить въ своемъ „Сидѣ“; его герои горды, мужественны, съ твердой волей; его женскіе характеры такъ страстны, такъ мстительны и такъ непоколебимо-рѣшительны, что ихъ называли достойными поклоненія фуріями; но страсти этихъ упрямыхъ натуръ всегда связаны съ великими міровыми событіями и подъ конецъ добровольно уступаютъ удовольствію и обязанности подчиниться требованіямъ общественнаго блага. Нельзя не признать болѣе чѣмъ случайностью, что именно „Цинна“ и „Поліевктъ“ наиболѣе закончены въ поэтическомъ отношеніи: трагедія „Цинна“ изображаетъ королевскую власть, которая, въ твердомъ обладаніи силой, уже не боится возстаній, заговоровъ и измѣнъ, но, напротивъ, укрѣпляется тѣмъ больше, чѣмъ милостивѣе и великодушнѣе она прощаетъ и предаетъ забвенію; трагедія „Поліевктъ“ превозноситъ съ теплою искренностью вѣры могущество и святость церкви, въ которой новое государство находило свое основаніе и опору. Въ остальныхъ драмахъ Корнеля всегда изображается радостная смерть за отечество, побѣда единовластія надъ падающимъ республиканскимъ величіемъ, счастливая война государства, стремящагося къ всемірному могуществу, противъ изнѣженныхъ или варварскихъ народовъ. За Корнелемъ слѣдуетъ Расинъ. Онъ мягче,

сердечнѣе, женственнѣе, языкъ его утонченнѣе и музыкальнѣе. Броженіе государственной жизни прекратилось, дикія бури утихли. Поэтому у Расина уже нѣтъ того одушевленнаго стремленія къ общественной жизни; онъ охотнѣе погружается въ противорѣчія и запутанности сердца, возбужденнаго привязанностью и долгомъ, честью, любовью и ревностью. Онъ вложилъ свою душу въ душевную борьбу Андромахи, Электры и Федры; а въ библейскихъ драмахъ „Эсѳирь", и особенно „Аталія", онъ дошелъ до поэтической силы, которая часто напоминаетъ возвышенность псалмовъ, служившихъ ему образцами. Должно отдать справедливость этимъ могучимъ произведеніямъ Корнеля и Расина. Въ нихъ замѣчательно не одно содержаніе. Постоянное обращеніе къ греческой и римской трагикѣ, сдѣлавшееся обязательнымъ правиломъ послѣ примѣра итальянцевъ и испанцевъ и послѣ собственныхъ французскихъ предшественниковъ, даетъ этимъ поэтамъ такую ясную и рѣзкую отдѣлку трагическихъ противоположностей, такое чистое и наглядное изображеніе характеровъ, такое спокойствіе и правильность дѣйствія, совершенно отстраняющія все второстепенное, что даже Гёте и Шиллеръ, для противодѣйствія начинавшемуся одичанію новѣйшей сцены, указывали уже на Корнеля и Расина, если не какъ на „образцы", то, по крайней мѣрѣ, какъ на „руководство къ лучшему"; они отчасти сами переводили ихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже подражали имъ. Почему же, не смотря на все это, мы остаемся холодны къ Корнелю и Расину и все еще отворачиваемся отъ нихъ по славному примѣру Лессинга? Никто не можетъ перескочить черезъ свою тѣнь. Здѣсь обнаруживается и отличается то, что королевская власть этого времени есть не только законченное государственное единство, но что она, какъ исключительная цѣль самой себѣ, односторонне ставитъ себя надъ народомъ и государствомъ. Страшныя слова: „государство есть король" являются здѣсь еще болѣе страшными словами: „человѣчество есть король и его дворъ". Поэтическимъ идеаломъ были здѣсь не одна чистая человѣчность, глубина страсти, возвышенное или великое, но скорѣе одинъ внѣшній блескъ, знатность, произволъ и натянутый этикетъ. Французская трагедія въ сущности есть придворное искусство. Это направленіе искусства называютъ классицизмомъ; но это классицизмъ не свободный. Отсюда его странная принужденность, что онъ исключительно говоритъ о богахъ и герояхъ: какимъ бы образомъ могъ явиться предъ королемъ трагическій герой, неимѣющій права пріѣзда ко двору? Отсюда и искаженіе вѣрнаго въ сущности художественнаго чувства, требующаго твердой замкнутости дѣйствія въ пресловутыя три единства, происшедшія изъ ложнаго пониманія древнихъ, этикетъ запрещаетъ всякія скачки и всякій шумъ. И отсюда же въ особенности то преобладающее стремленіе къ реторикѣ, которымъ столько же отличается литература александрійцевъ и Римской имперіи. При искусственности и неестественности внѣшней обстановки, фантазія потеряла ту природную сочность и обиліе цвѣтовъ, какія свойственны ей въ болѣе свѣжихъ и первобытныхъ условіяхъ и настроеніяхъ. Чувство стиля было возбуждено и развито греческо-римскими и итальянскими образцами; но стиль безъ вѣрности природѣ становится пустымъ, неестественнымъ и рутиннымъ. Основаніемъ этого классическаго стиля служитъ неподвижная и сухая разсудительность; этотъ недостатокъ и вознаграждается потомъ реторикой и эпиграмматическимъ остроуміемъ.

Мольеръ смѣло разоблачаетъ комическую оборотную сторону общества. Мы встрѣчаемся у него съ тѣми же людьми, съ тѣмъ же обществомъ, изображенія которыхъ даютъ такую занимательность и историческую поучительность любезной болтовнѣ г-жи Севинье. Отъ наблюдательности Мольера, всегда внимательной, тонкой и лукавой, не ускользаетъ никакая смѣшная сторона, ни одно заблужденіе, ни одно сословіе и никакой характеръ. Онъ точно такъ же безпощадно смѣется надъ притязательнымъ франтомъ-маркизомъ, какъ и надъ надутымъ выскочкой, ученымъ синимъ чулкомъ, шарлатаномъ, скупцомъ и мизантропомъ; мало того, въ самомъ богатомъ по содержанію произведеніи, въ „Тартюфѣ", онъ, преслѣдуя себялюбивое ханжество, пріобрѣтаетъ такую силу широкаго политическаго комизма, какой не бывало на сценѣ со временъ Аристофана. Мольеръ пользуется полнымъ уваженіемъ даже у тѣхъ, кто не можетъ терпѣть французской трагики. Но, при всемъ томъ, онъ не стоитъ на высшей точкѣ комической поэзіи. Какъ Корнель и Расинъ, и онъ, именно въ комедіи характеровъ, страдаетъ тою же разсудочной сухостью и отвлеченностью, которая не умѣетъ изобразить живыхъ личностей, поглощенныхъ разнообразными цѣлями и отношеніями. Лессингъ въ своей „Драматургіи" справедливо осуждаетъ Мольера, что онъ, подобно Плавту, вмѣсто изображенія скупаго, даетъ только странное и отвратительное изображеніе страсти скупости; то же можно сказать и о „Тартюфѣ". Замѣчательно, что фарсы Мольера, гдѣ онъ черпаетъ изъ свѣжаго источника непосредственной народной жизни, въ этомъ отношеніи безконечно оригинальнѣе и живѣе. И что хуже всего, у Мольера нѣтъ твердаго нравственнаго начала. Какъ весь тотъ вѣкъ, отказывавшійся отъ самыхъ существенныхъ своихъ правъ въ пользу короны и алтаря, Мольеръ не имѣетъ твердой почвы, свободныхъ и положительныхъ воззрѣній. Мѣрка его поэтической справедливости заключается во временныхъ нравахъ, а не въ неизмѣнной нравственности. Мы не можемъ отдаться свободному и веселому наслажденію, когда поэтъ хочетъ заставить насъ радоваться надъ крайнею безнравственностью, какъ напримѣръ, въ „Жоржѣ Дандэнѣ", въ „Школѣ женщинъ", въ „Насильственномъ бракѣ", и другихъ подобныхъ произведеніяхъ, и насъ даже непріятно поражаетъ, что въ „Мизантропѣ" выставляется глупцомъ и предается осмѣянію именно тотъ, кто слишкомъ гордъ и слишкомъ честенъ, чтобы выть съ волками по волчьи.

Образовательное искусство зависѣло отъ двора еще больше. Это яснѣе всего обнаруживается въ Версалѣ, этой блестящей королевской резиденціи, которая съ эпиграмматическою рѣзкостью выдаетъ весь характеръ Людовика XIV. Дворецъ этотъ построенъ Жюлемъ Гардуэномъ Мансаромъ. Король не любилъ Лувра; Лувръ стоитъ среди города и вокругъ него шумитъ и волнуется народъ, отъ котораго самодержецъ отдаляется въ гордой неприступности. Король строитъ себѣ замокъ въ песчаной и безводной мѣстности, какъ будто онъ хотѣлъ доказать, что даже упрямство самой природы должно преклониться предъ его королевскою прихотью. Впереди, у входа въ замокъ, огромная статуя короля, далѣе обширные дворы, наконецъ самый замокъ съ его громаднымъ западнымъ фасадомъ, который и есть собственно Версаль. Что за повелительная величественность массъ! Длинно растянутое зданіе занимаетъ пространство почти въ двѣ тысячи футовъ. Главная часть дворца выступаетъ далеко

впередъ и тотчасъ указываетъ собой жилище властителя; каждый камень говоритъ, что здѣсь живетъ король; оба боковые флигеля отступаютъ почтительно назадъ. Въ самомъ дворцѣ, въ этихъ высокихъ, великолѣпныхъ, обширныхъ залахъ, пестрые, богатые фигурами плафоны Лебрена разсказываютъ съ напыщеннымъ самохвальствомъ о всѣхъ великихъ военныхъ подвигахъ, которые ознаменовали славу короля и сдѣлали его могущественнѣйшимъ изъ государей. Весь Олимпъ падаетъ къ его ногамъ; миѳологія стала только краснорѣчивой аллегоріей могущества и мудрости короля. Германія, Голландія, Испанія, даже Римъ покорно преклоняются передъ нимъ. Но нигдѣ нѣтъ олицетворенія Франціи, потому что Франція—самъ король; точно такъ же, какъ и на большихъ картинахъ, изображающихъ битвы, является не войско, а только король и развѣ иногда только подлѣ него великій Конде, такъ какъ слава принадлежитъ королю, а не арміи. Къ замку примыкаетъ обширный паркъ, великое созданіе Ленотра. Изъ оконъ своего дворца король видитъ только самого себя; паркъ такъ же далекъ, какъ горизонтъ, отодвигая съ глазъ всякую постороннюю окрестность. Длинныя, прямолинейныя, усыпанныя пескомъ дорожки, высокія, правильно подстриженныя стѣны листвы и прямоугольные ковры луговъ, искусственные гроты, убѣжища, обильные фонтаны, безчисленныя статуи, представляющія опять только аллегорическое прославленіе короля, его любви и прихотей,—все это на каждомъ шагу должно показывать, какъ даже непокорная необузданность природы, подчиняясь порядку и правиламъ, признаетъ добровольную покорность своимъ законамъ. Еще и теперь, когда мы гуляемъ по этимъ аллеямъ, насъ постоянно охватываетъ неотвратимое воспоминаніе о могущественномъ королѣ.

Но и здѣсь, среди всего блеска, выказывается поддѣльность, искусственность и внутренняя пустота. Какъ голы и утомительны кажутся, наконецъ, эти громадныя массы дворца, которыя такъ поражаютъ съ перваго взгляда. Въ этомъ архитектурномъ стилѣ нѣтъ ни той силы, которая дѣлаетъ флорентинскіе дворцы неприступными крѣпостями,—потому что живущій здѣсь повелитель не нуждается для защиты своего могущества ни въ какихъ укрѣпленіяхъ; ни веселой красоты римскихъ дворцовъ,—потому что здѣсь живетъ та чистая и свободная человѣчность, которая отличаетъ лучшее время итальянскаго возрожденія; этотъ стиль имѣетъ только напыщенную колоссальность, безъ всякой глубины въ отдѣлкѣ частностей,—потому что здѣсь живетъ только напыщенное, холодное высокомѣріе, надменная власть, которая надѣваетъ на себя длинный парикъ, чтобы его длинными локонами походить на Юпитера, и которая въ этомъ лживомъ величіи насильственно подчиняетъ всѣ движенія сердца мертвящему однообразію этикета. Это тяжелое впечатлѣніе еще болѣе усиливается неестественностью парка, который кажется только зеленымъ салономъ, и своимъ полнѣйшимъ аристократизмомъ не даетъ ни на минуту забыть о стѣснительной близости короля. Скульптура и живопись также бѣдны изобрѣтательностью и театральны въ исполненіи; онѣ остаются такими даже и тогда, когда и не служатъ непосредственно королю. По временамъ бываетъ въ нихъ много смѣлости и внѣшняго искусства; но вездѣ много пустаго стремленія къ эффекту. Разсматривая въ луврскомъ музеѣ группу Пюже, возбуждавшую нѣкогда такое всеобщее удивленіе и представляющую Милона Кротонскаго съ защемленными

въ стволѣ дерева руками, когда левъ терзаетъ его беззащитнаго (образцомъ этого времени рядомъ съ геніальнымъ, но безконечно смѣлымъ и преувеличивающимъ Бернини, была въ особенности группа Лаокоона), мы увидимъ, что это произведеніе искусства, которое уже стоитъ на крайней границѣ диллетантскаго смѣшенія трагическаго съ ужаснымъ.

Только у Лафонтена, который изъ всѣхъ поэтовъ и художниковъ этого вѣка былъ наиболѣе далекъ отъ вліянія двора, есть нѣчто народное и глубоко-самобытное. Это — поэтъ наивный. Такая похвала рѣдкость во французской литературѣ вообще, а при Людовикѣ XIV она составляетъ совершенное исключеніе. Исторія искусства даетъ намъ то великое поученіе, что недостатки извѣстнаго развитія искусствъ бываютъ ничто иное, какъ недостатокъ того состоянія жизни, которое лежитъ въ основаніи этого развитія. Людовикъ XIV былъ именно человѣкъ, который слишкомъ скоро могъ открыто обнаружить эти тайныя раны.

Славное начало Людовика XIV имѣло неожиданный конецъ. Послѣдніе годы его правленія поколебали въ самомъ основаніи гордое зданіе его владычества.

Для объясненія этого поворота можно находить случайныя причины, именно возроставшую болѣзнь короля, которая отдала его подъ власть умной, но хитрой и преданной узкому ханжеству госпожи Ментенонъ. Но зачѣмъ одинокій больной человѣкъ осмѣливается брать на себя роль божественнаго Провидѣнія для цѣлой богатой страны и даже для цѣлаго образованнаго міра? Истинная сущность дѣла лежитъ глубже. Трагедія Людовика XIV есть трагедія абсолютизма. Та же основная идея, которая была величіемъ и силой Людовика, была и причиной его постепеннаго паденія, его трагической виной. То, что по намѣреніямъ короля должно было упрочить и расширить единство и силу государства и королевской власти, ослабило и уничтожило ихъ. Струна лопается, если ее слишкомъ туго натягиваютъ.

Гердеръ, въ „Адрастеѣ“, говоритъ о Людовикѣ XIV: „Если когда-либо въ исторіи жизни и правленія короля высказывалась строго-кроткая Немезида, то именно въ исторіи Людовика; онъ жилъ и управлялъ довольно долго для того, чтобы видѣть неоднократные повороты ея медленнаго колеса и чтобы съ королевской заботой пожать то, что онъ съ королевской беззаботностью посѣялъ“. Трагически потрясающее впечатлѣніе производятъ слова, съ которыми король, по разсказамъ Сенъ-Симона, за четыре дня до смерти обратился къ своему правнуку, который долженъ былъ ему наслѣдовать: „Дитя мое,—сказалъ онъ,—ты скоро будешь великимъ королемъ; старайся сохранить миръ съ твоими сосѣдями; слушай постоянно добрыхъ совѣтовъ; старайся облегчить тягости твоихъ подданныхъ; я, къ несчастью, не всегда могъ это дѣлать“. Король самъ произнесъ свой приговоръ.

Онъ умеръ 1-го сентября 1715 г. Вѣсть о смерти короля произвела повсюду самую нескрытую радость. Поколѣніе, испытавшее благодѣянія его правленія, сошло въ могилу задолго до него; жившіе знали только угнетенія и несчастія послѣднихъ годовъ. Страшная надгробная рѣчь Массильона на каѳедрѣ и необузданныя насмѣшки на улицахъ дышали тою же долго скрывавшеюся злобой.

Можно ли удивляться, при такихъ обстоятельствахъ, что и литература приняла глубоко естественный поворотъ? Противодѣйствіе было и политическое, и религіозное. Оно началось вблизи самаго трона.

Политическое противодѣйствіе стремится къ естественному освобожденію народа, какъ единственно-вѣрному средству устранить существующее зло. Сюда относится въ высшей степени замѣчательная, но теперь очень рѣдкая книга: „Les Soupirs de Françe“, вышедшая въ 1690 году въ Амстердамѣ; она требуетъ возстановленія старыхъ сословныхъ собраній для противодѣйствія себялюбивымъ насиліямъ неограниченной королевской власти. Но самое дѣйствительное и яркое выраженіе этого направленія представляютъ политическія сочиненія и совѣты Буагильбера и маршала Вобана. Съ еще большею страстью и рѣшительностью вспыхнула религіозная борьба. Особенно громко раздавались голоса изгнанныхъ гугенотовъ, которыхъ сочиненія, разсчитанныя для Францiи, проникали въ нее всѣми путями и во всѣ слои народа изъ Нидерландовъ. Они находили тѣмъ болѣе живой отголосокъ, что преслѣдованіе янсенистовъ и безъ того уже чрезвычайно взволновало умы. Во главѣ стоялъ Бэйль.

АНГЛІЯ ОТЪ РЕСТАВРАЦІИ СТЮАРТОВЪ ДО УТРЕХТСКАГО МИРА.

LXIX. РЕСТАВРАЦІЯ СТЮАРТОВЪ И ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И РЕЛИГІОЗНЫХЪ РАСПРЕЙ ПРИ КАРЛѢ II.

(Изъ „Исторіи Англіи“ Макколея).

Исторія Англіи въ теченіе XVII столѣтія есть исторія преобразованія ограниченной монархіи, устроенной по обычаю среднихъ вѣковъ, въ ограниченную монархію, соотвѣтствующую тому болѣе развитому состоянію общества, когда государственные расходы не могутъ быть долѣе покрываемы доходами короны и когда государственная оборона не можетъ быть долѣе ввѣряема феодальной милиціи. Политики, бывшіе во главѣ Долгаго парламента, сдѣлали въ 1642 году великую попытку совершить эту перемѣну посредствомъ прямой и формальной передачи государственнымъ чинамъ избранія министровъ, начальства надъ арміею и главнаго надзора за всею исполнительною администраціею. Этотъ планъ былъ едва ли не лучшимъ, какой можно было тогда придумать; но онъ былъ совершенно разстроенъ направленіемъ, принятымъ междоусобною войною. Палаты восторжествовали, это правда, но только послѣ борьбы, принудившей ихъ вызвать къ бытію силу, которой онѣ не могли обуздать и которая скоро начала господствовать надъ всѣми классами и всѣми партіями. Нѣкоторое время сумма золъ, неразлучныхъ съ военнымъ правительствомъ, до извѣстной степени смягчалась мудростью и великодушіемъ великаго человѣка, обладавшаго верховною властью. Но когда мечъ, которымъ владѣлъ Кромвелль, конечно, съ энергіею, но съ энергіею, всегда руководившеюся благоразуміемъ и вообще умѣрявшеюся благосердіемъ, перешелъ къ военачальникамъ, не имѣвшимъ ни его способностей, ни его добродѣтелей, тогда сдѣлалось весьма вѣроятнымъ, что порядокъ и свобода погибнутъ въ общемъ позорномъ разрушеніи.

Это разрушеніе было удачно отвращено. Писатели, ратующіе за свободу, слишкомъ часто представляли реставрацію бѣдственнымъ собы-

тіемъ и осуждали безуміе или низость того конвента, который призвалъ назадъ королевскую фамилію, не истребовавши новыхъ гарантій противъ дурнаго управленія. Тотъ, кто держитъ такія рѣчи, не понимаетъ настоящей сущности кризиса, послѣдовавшаго за низложеніемъ Ричарда Кромвелля. Англія была въ крайней опасности погрязнуть подъ тираннiею цѣлаго ряда ничтожныхъ людей, возвышавшихся и низвергавшихся военнымъ капризомъ. Избавить отечество отъ господства солдатъ было главною цѣлью всякаго просвѣщеннаго патріота; но это была цѣль, которой самые рьяные патріоты едва ли могли надѣяться достигнуть, пока между солдатами было единство. Вдругъ появился лучъ надежды. Генералъ возсталъ на генерала, армія на армію. Отъ умѣнья воспользоваться однимъ благопріятнымъ моментомъ зависѣла будущая судьба націи. Англичане воспользовались этимъ моментомъ хорошо. Они забыли старинныя обиды, отбросили мелочныя сомнѣнія, отложили до болѣе удобной поры всякій споръ о реформахъ, въ которыхъ нуждались учрежденія Англіи, и стали дружно, кавалеры и круглоголовые, епископалы и пресвитеріане, въ твердомъ союзѣ, за древніе законы страны противъ военнаго деспотизма. Точное распредѣленіе власти между королемъ, лордами и общинами вполнѣ могло быть отсрочено до рѣшенія вопроса: будетъ ли Англія управляться королемъ, лордами и общинами, или же кирасирами и копейщиками. Еслибы государственные люди конвента избрали иной путь, еслибы они повели долгія пренія о началахъ правленія, еслибы они начертали новую конституцію и послали ее къ Карлу, еслибы открылись переговоры, еслибы курьеры въ теченіе нѣсколькихъ недѣль разъѣзжали взадъ и впередъ между Вестминстеромъ и Нидерландцами съ проектами и контръ-проектами,—коалиція, отъ которой зависѣла общественная безопасность, распалась бы; пресвитеріане и роялисты, конечно, перессорились бы; военныя факціи могли бы какъ-нибудь примириться, и заблуждающіеся друзья свободы могли бы долго, подъ управленіемъ худшимъ, чѣмъ управленіе наихудшаго Стюарта, сожалѣть объ упущенномъ золотомъ случаѣ.

Поэтому древнее государственное устройство, съ общаго согласія обѣихъ великихъ партій, было возстановлено. Оно снова явилось точь-въ-точь, какъ было за восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда Карлъ I удалился изъ своей столицы. Всѣ акты Долгаго парламента, получившіе королевское согласіе, признаны были остающимися въ полной силѣ.

Войска подлежали теперь распущенію. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, привыкшихъ къ военному ремеслу, были разомъ пущены по міру, и опытъ, казалось, оправдывалъ мнѣніе, что эта перемѣна произведетъ много бѣдствій и преступленій, что уволенные ветераны явятся нищенствующими на каждой улицѣ, или что они будутъ доведены голодомъ до грабежа. Но ничего подобнаго не послѣдовало. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не осталось и признака, что самая грозная армія въ мірѣ только-что потонула въ массѣ общества. Сами роялисты признавались, что во всѣхъ отрасляхъ честнаго труда отставные воины преуспѣвали болѣе другихъ людей, что ни одинъ изъ нихъ не былъ обвиненъ въ кражѣ или разбоѣ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ замѣченъ въ нищенствѣ и что если какой-нибудь хлѣбникъ, каменьщикъ или извощикъ обращалъ на себя вниманіе трудолюбіемъ и трезвостью, онъ, по всей вѣроятности, былъ однимъ изъ старыхъ солдатъ Оливера.

Военная тираннія прошла; но она оставила глубокіе и продолжительные слѣды въ общественномъ мнѣніи. Названіе постоянной арміи долго было всѣмъ ненавистно; и замѣчательно, что это чувство было еще сильнѣе между кавалерами, чѣмъ между круглоголовыми. Надлежитъ считать особенно счастливымъ то обстоятельство, что, когда Англія, въ первый и послѣдній разъ, была управляема мечомъ, мечъ былъ въ рукахъ не законныхъ ея государей, а тѣхъ мятежниковъ, которые убили короля и разрушили церковь. Дѣйствительно, еслибы государь, съ такимъ основаніемъ права, какое было у Карла, начальствовалъ надъ такою арміею, какая была у Кромвелля, мало было бы надежды на сохраненіе вольностей Англіи. Къ счастью, то орудіе, которое одно только и могло сдѣлать монархію абсолютною, стало предметомъ особеннаго ужаса и отвращенія для монархической партіи и долго оставалось неразрывно соединеннымъ въ воображеніи роялистовъ и прелатистовъ съ цареубійствомъ и полевымъ проповѣдываніемъ. Столѣтіе спустя по смерти Кромвелля, торіи все еще продолжали вопить противъ всякаго увеличенія регулярнаго войска и превозносить похвалами національную милицію, и никогда не глядѣли они съ полнымъ удовольствіемъ на постоянную армію, пока французская революція не дала ихъ опасеніямъ новаго направленія.

Коалиція, возстановившая короля, прекратилась вмѣстѣ съ опасностью, изъ которой она возникла, и двѣ враждебныя партіи снова явились готовыми къ борьбѣ. Обѣ онѣ, по правдѣ, были согласны въ томъ, что слѣдовало подвергнуть наказанію нѣкоторыхъ несчастныхъ людей, бывшихъ въ то время предметами почти всеобщей ненависти. Кромвелля уже не было; и тѣ, которые обращались въ бѣгство передъ нимъ, принуждены были ограничиться жалкимъ удовлетвореніемъ выкопать, повѣсить, четвертовать и сжечь останки величайшаго правителя, какой когда-либо управлялъ Англіею. Другіе предметы мщенія, — немногіе, правда, но и тѣхъ все еще было слишкомъ много, — нашлись между республиканскими вождями. Вскорѣ, однако, побѣдители, пресыщенные кровью цареубійцъ, обратились другъ противъ друга. Круглоголовые, признавая добродѣтели покойнаго короля и осуждая приговоръ, произнесенный надъ нимъ незаконнымъ судилищемъ, утверждали, однако, что его управленіе, во многихъ отношеніяхъ, было противно конституціи, и что палаты подняли оружіе противъ него изъ хорошихъ побужденій и на сильныхъ основаніяхъ. У монархіи, по мнѣнію этихъ политиковъ, не было злѣе врага, чѣмъ льстецъ, ставившій прерогативу выше закона, осуждавшій всякое противодѣйствіе королевскимъ посягательствамъ и поносившій не только Кромвелля и Гаррисона, но даже Пима и Гампдена, какъ измѣнниковъ. Если король желалъ спокойнаго и благополучнаго царствованія, онъ долженъ былъ довѣриться тѣмъ, которые, хотя и обнажали мечъ въ защиту нарушенныхъ привилегій парламента, однако подвергали себя ярости солдатъ, чтобы спасти его отца, и принимали главное участіе въ возвращеніи королевской фамиліи.

Мнѣніе роялистовъ было совершенно иное. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ, они, не смотря на всѣ превратности, были вѣрны коронѣ. Дѣливши бѣдствіе своего государя, неужели они не должны были дѣлить его торжества? Неужели никакого различія не должно было дѣлать между ними и вѣроломнымъ подданнымъ, который сражался противъ своего

полноправнаго государя, былъ приверженцемъ Ричарда Кромвелля и до тѣхъ поръ не содѣйствовалъ возстановленію Стюартовъ, пока не оказалось, что ничто иное не могло спасти націю отъ тиранніи арміи? Положимъ, что такой человѣкъ недавними своими услугами вполнѣ заслужилъ прощеніе. Но можно ли было его услуги, оказанныя въ одиннадцатомъ часу, сравнивать съ трудами и страданіями тѣхъ, которые переносили тягость и зной дня? Можно ли было ставить его на одну доску съ людьми, которые не нуждались въ королевскомъ милосердіи, съ людьми, которые во всѣ періоды своей жизни, заслуживали королевскую признательность? Въ особенности, можно ли было дозволять ему удерживать за собою богатство, составленное изъ имущества разоренныхъ защитниковъ престола? Не довольно ли было, что его голова и родовое имѣніе, сто разъ подлежавшія судебной расправѣ, были безопасны, и что онъ имѣлъ свою долю, вмѣстѣ съ остальными членами націи, въ благодѣяніяхъ того кроткаго правительства, противъ котораго онъ такъ долго враждовалъ? Необходимо ли было награждать его за измѣну въ ущербъ людямъ, единственнымъ преступленіемъ которыхъ была честность, съ какою они соблюдали свою вѣрноподданническую присягу? И какой интересъ имѣлъ король насыщать своихъ старинныхъ враговъ добычею, отнятою у его старинныхъ друзей? Какое довѣріе можно было оказать людямъ, которые противились своему государю, вели войну противъ него, заключили его въ тюрьму, и которые, даже теперь, вмѣсто того, чтобы со стыдомъ и сокрушеніемъ понурить головы, оправдывали все, что ни сдѣлали, и, казалось, думали, что представили блестящее доказательство вѣрности, еле-еле остановившись передъ цареубійствомъ? Правда, что въ послѣднее время они помогали возстановить престолъ; но правда и то, что они предварительно ниспровергли его и все еще провозглашали начала, которыя могли побудить ихъ ниспровергнуть его снова. Безъ сомнѣнія, не мѣшало пожаловать знаками королевскаго одобренія тѣхъ изъ обращенныхъ, которые были особенно полезны; но политика, заодно съ справедливостью и благодарностью, обязывала короля предоставить высшую степень уваженія тѣмъ, которые, отъ начала до конца, въ счастьи и несчастьи, оставались вѣрны его дому. На этихъ основаніяхъ кавалеры весьма естественно требовали вознагражденія за все, что они перенесли, и предпочтенія въ распредѣленіи милостей короны. Нѣкоторые рьяные члены партіи шли дальше и домогались обширныхъ категорій опалы.

Политическій раздоръ, по обыкновенію, былъ растравленъ раздоромъ религіознымъ. Король нашелъ церковь въ особенномъ состояніи. Незадолго до начала междоусобной войны, его отецъ далъ принужденное согласіе на билль, сильно поддержанный Фокландомъ и лишившій епископовъ мѣстъ въ палатѣ лордовъ; но епископство и литургія не были уничтожены закономъ. Долгій парламентъ, впрочемъ, издалъ узаконенія, произведшія совершенный переворотъ въ церковномъ правленіи и въ публичномъ богослуженіи. Палаты опредѣлили держать духовную власть въ строгомъ подчиненіи власти свѣтской. Они отказались признать божественное происхожденіе какой бы то ни было формы церковнаго устройства и постановили, чтобы изъ всѣхъ церковныхъ судовъ апелляція восходила въ послѣдней инстанціи къ парламенту. Съ этимъ весьма важнымъ условіемъ, рѣшено было учредить въ Англіи іерархію,

очень похожую на ту, какая теперь существуетъ въ Шотландіи. Авторитетъ соборовъ, возвышавшихся одинъ надъ другимъ въ правильной постепенности, замѣнилъ собою авторитетъ епископовъ и архіепископовъ. Литургія уступила мѣсто пресвитеріанскому служебнику. Но только-что новыя установленія были начертаны, какъ индепенденты достигли верховнаго вліянія въ государствѣ. Индепенденты не имѣли ни малѣйшей охоты настаивать на исполненіи узаконеній, касательно провинціальныхъ и національныхъ синодовъ, а потому эти узаконенія никогда не входили въ полную силу. Пресвитеріанская система была вполнѣ установлена только въ Миддльсексѣ и Ланкаширѣ. Патроны бенефицій, не ограничиваемые болѣе ни епископомъ, ни пресвитеріей, могли бы по произволу ввѣрять попеченіе о спасеніи душъ самымъ зазорнымъ лицамъ, если бы ихъ не предупредило самовольное вмѣшательство Оливера. Онъ собственною своею властью, учредилъ коммиссію, члены которой назывались *испытателями*. Большинство этихъ лицъ принадлежало къ индепендентскому духовенству; но нѣсколько пресвитеріанскихъ священнослужителей и нѣсколькихъ мірянъ также засѣдали въ коммиссіи. Свидѣтельство отъ испытателей замѣняло и назначеніе въ должность, и вводъ во владѣніе, и безъ такого свидѣтельства никто не могъ владѣть бенефиціею. Кандидаты, одобренные испытателями, вступали во владѣніе бенефиціями, обработывали церковныя земли, собирали десятины, молились безъ книги или стихаря и надѣляли св. дарами причастниковъ, сидѣвшихъ за длинными столами.

Такимъ образомъ церковное устройство государства находилось въ состояніи безвыходной неурядицы. Епископство было формою правленія, предписанною стариннымъ закономъ, который оставался неотмѣненнымъ. Формою правленія, предписанною парламентскимъ узаконеніемъ, было пресвитеріанство. Но ни старинный законъ, ни парламентское узаконеніе практически не были въ силѣ. Дѣйствительно, установленная церковь можетъ быть представлена въ видѣ неправильнаго цѣлаго, состоявшаго изъ нѣсколькихъ пресвитерій и многихъ индепендентскихъ конгрегацій, которыя всѣ обуздывались и связывались во едино авторитетомъ правительства.

Изъ тѣхъ, кто принималъ дѣятельное участіе въ возвращеніи короля, иные ревностно ратовали за синоды и за служебникъ, а другіе пламенно желали окончить компромиссомъ религіозныя распри, долгое время волновавшія Англію. Между изувѣрами послѣдователями Лода и изувѣрными послѣдователями Кальвина не могло быть ни мира, ни перемирія; но устроить соглашеніе между умѣренными епископалами и умѣренными пресвитеріанами казалось дѣломъ возможнымъ. Умѣренные епископалы допустили бы, что епископъ могъ законно дѣлить власть съ соборомъ. Умѣренные пресвитеріане не отвергли бы, что всякое провинціальное собраніе могло законно имѣть постояннаго президента и что этотъ президентъ могъ законно называться епископомъ; но ни о какомъ подобномъ компромиссѣ не могло слышать покойно большинство кавалеровъ. Религіозные члены этой партіи были добросовѣстно привязаны къ своей епископальной церкви, къ ея полной ненарушимой системѣ. Она была дорога ихъ умерщвленному королю. Она утѣшала ихъ въ пораженіи и нуждѣ. Ея богослуженіе, такъ часто въ годину испытанія совершавшееся шепотомъ въ какомъ-нибудь внутреннемъ покоѣ, имѣло

для нихъ такую прелесть, что они не хотѣли разстаться ни съ одною отповѣдью *). Прочіе роялисты, не имѣвшіе особеннаго притязанія на благочестіе, все-таки любили епископальную церковь, потому что она была врагомъ ихъ враговъ. Они цѣнили молитву или церемонію не ради утѣшенія, какое она доставляла имъ самимъ, но ради досады, какую она причиняла круглоголовымъ, и такъ далеки были отъ расположенія купить единство уступкою, что противились уступкѣ преимущественно потому, что она имѣла цѣлью произвести единство.

Такія чувства, хотя и предосудительныя, были естественны и отчасти извинительны. Пуритане во дни своего могущества несомнѣнно запятнали себя жестокими притѣсненіями. Если не изъ чего-либо инаго, то изъ собственныхъ своихъ неудовольствій, изъ собственной своей борьбы, изъ собственной своей побѣды, изъ паденія той гордой іерархіи, которая такъ тяжко ихъ угнетала, они должны были бы научиться, что въ Англіи и въ XVII столѣтіи было не во власти гражданскаго начальства вышколить умы людей до согласія съ его системою богословія. Они, однако, обнаружили такую же нетерпимость и такую же страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла, какія когда-либо характеризовали Лода. Они запретили, подъ опасеніемъ тяжкихъ взысканій, употребленіе *Общаго Молитвенника* не только въ церквахъ, но даже и въ частныхъ домахъ. Со стороны дѣтей было преступленіемъ читать у постели больныхъ родителей одну изъ тѣхъ прекрасныхъ коллектъ, которыя утоляли печали сорока поколѣній христіанъ. Строгія наказанія грозили всякому, кто дерзнулъ бы хулить кальвинистскій образъ богослуженія. Духовныя лица почтенной репутаціи не только изгонялись изъ своихъ бенефицій тысячами, но и отдавались часто въ обиду фанатической черни. Церкви и гробницы, изящныя произведенія искусства и любопытные остатки древности были грубо обезображены. Парламентъ рѣшилъ, чтобы всѣ картины королевской коллекціи, представлявшія изображенія Іисуса или Пречистой Дѣвы, были сожжены. Ваяніе, подверглось такой же горькой участи, какъ и живопись. Нимфы и граціи, произведенія іонійскаго рѣзца, были преданы пуританскимъ каменотесамъ, долженствовавшимъ сдѣлать ихъ пристойными. Противъ сравнительно легкихъ пороковъ господствовавшая факція воевала съ ревностью, мало умѣрявшеюся гуманностью или здравымъ смысломъ. Изданы были строгіе законы противъ пари. Постановлено было, чтобы прелюбодѣяніе наказывалось смертью. Непозволительная связь между полами признавалась уголовнымъ проступкомъ. Общественныя удовольствія, отъ маскарадныхъ представленій въ палатахъ вельможъ до состязаній въ борьбѣ и кривляньяхъ на деревенскихъ лужайкахъ, подвергались яростному гоненію. Одно узаконеніе предписало немедленно срубить всѣ майскія березки въ Англіи, другое—запретило всѣ сценическія увеселенія. Театры велѣно было ломать, зрителей штрафовать, актеровъ бичевать у задка телѣги **). Пляска на канатѣ, кукольная комедія, игра

*) *Response.* Такъ называются въ англиканской церкви краткія изреченія, прочитываемыя или произносимыя наизусть, при богослуженіи, собраніемъ вѣрныхъ въ отвѣтъ на возглашенія священника.

**) *To whip at the cart's tail* — старинный способъ тѣлеснаго наказанія въ Англіи. Преступникъ привязывался за руки къ задку двухколесной телѣги, кото-

въ шары, конскія скачки—обращали на себя далеко не благосклонное вниманіе; но медвѣжья травля, тогдашнее любимое увеселеніе аристократа и плебея, была мерзостью, сильнѣе всего возбуждавшею гнѣвъ суровыхъ сектаторовъ. Нужно замѣтить, что ихъ отвращеніе къ этой забавѣ не имѣло ничего общаго съ тѣмъ чувствомъ, которое въ наше время побудило законодательство употребить власть для защиты звѣрей отъ безпутной жестокости людей. Пуританинъ ненавидѣлъ медвѣжью травлю не потому, что она причиняла страданія медвѣдю, а потому, что она доставляла удовольствіе зрителямъ.

Быть можетъ, ни одно обстоятельство не уясняетъ настроенія ригористовъ такъ сильно, какъ ихъ поведеніе относительно рождественскаго праздника. Рождество, съ незапамятнаго времени, было порою радости и семейной любви,—порою, когда родные собирались во едино, когда дѣти возвращались изъ школы, когда ссоры прекращались, когда коляды слышались въ каждой улицѣ, когда каждый домъ украшался зелеными вѣтками и каждый столъ обременялся вкусными яствами. Въ эту пору всѣ сердца, мало-мальски доступныя кроткому чувству, расширялись и смягчались. Въ эту пору бѣдные допускались къ широкому участію въ избыткахъ благосостоянія богатыхъ, щедрость которыхъ являлась особенно кстати по случаю короткихъ дней и суровой погоды. Въ эту пору разница между помѣщикомъ и фермеромъ, господиномъ и слугою была менѣе замѣтна, чѣмъ въ остальное время года. Гдѣ много наслажденія, тамъ обыкновенно бываетъ нѣсколько излишества; но, судя по всему, духъ соблюденія святокъ не былъ недостоинъ христіанскаго праздника. Долгій парламентъ въ 1644 году издалъ повелѣніе, чтобы 25-е декабря было строго соблюдаемо, какъ постъ, и чтобы всѣ люди проводили его въ смиренномъ оплакиваніи великаго народнаго грѣха, который они и отцы ихъ такъ часто совершали въ этотъ день, веселясь подъ омелою, кушая кабанью голову и распивая эль, приправленный поджаренными яблоками. Кажется, ни одна общественная мѣра того времени не раздражала простаго народа такъ сильно. Въ слѣдующую годовщину праздника страшные мятежи вспыхнули во многихъ мѣстахъ. Констабли встрѣтили сопротивленіе, власти претерпѣли поруганіе, дома извѣстныхъ фанатиковъ подверглись нападенію, и запрещенная литургія была открыто совершена въ церквахъ.

Таковъ былъ духъ крайнихъ пуританъ, какъ пресвитеріанскаго, такъ и индепендентскаго толковъ. Оливеръ, конечно, не отличался особенною склонностью къ гоненію или вмѣшательству, но Оливеръ, глава партіи, и слѣдовательно, въ значительной степени рабъ партіи, не могъ править совершенно согласно съ собственными своими наклонностями. Даже подъ его управленіемъ, многіе начальники, въ предѣлахъ ввѣренныхъ ему округовъ, сдѣлались ненавистны, вмѣшивались во всѣ удовольствія своего околотка, разгоняли праздничныя собранія и сажали скрипачей въ колодки. Еще страшнѣе было рвеніе солдатъ. Во всякой деревнѣ, гдѣ они появлялись, наступалъ конецъ пляскамъ, колокольному звону и праздникамъ жатвы. Въ Лондонѣ они нѣсколько разъ прерывали

рая медленно двигалась по улицамъ, сопровождаемая толпою народа. Палачъ шелъ позади преступника и стегалъ его особаго рода бичемъ, называющимся по-англійски *whip*.

театральныя представленія, на которыя протекторъ имѣлъ благоразуміе и благосклонность смотрѣть сквозь пальцы.

Со страхомъ и ненавистью, внушенными такою тираннiею, было въ изобиліи смѣшано презрѣніе. Особенности пуританина, его наружность, его одежда, его языкъ, его странный педантизмъ—всегда, со времени Елизаветы, были любимыми предметами насмѣшниковъ, но эти особенности явились гораздо забавнѣе въ факціи, управлявшей великою державою, нежели въ малоизвѣстныхъ и гонимыхъ конгрегаціяхъ. Тарабарщина, возбуждавшая смѣхъ, когда она раздавалась на сценѣ, была еще смѣшнѣе, когда выходила изъ устъ генераловъ и государственныхъ совѣтниковъ. Надлежитъ также замѣтить, что во время междоусобныхъ смутъ возникли многія секты, странности которыхъ превзошли все, что до тѣхъ поръ было видано въ Англіи. Одинъ сумасшедшій портной, по имени Лодовикъ Могглътонъ, шлялся изъ кабака въ кабакъ, напивался элемъ и предвѣщалъ вѣчныя муки тѣмъ, кто отказывался вѣрить, на основаніи его свидѣтельства, что Верховное Существо было только шести футовъ ростомъ, и что солнце отстояло отъ земли ровно на четыре мили. Джорджъ Фоксъ возбудилъ бурю насмѣшекъ, объявивши, что означеніе единственнаго лица мѣстоименіемъ множественнаго числа было нарушеніемъ христіанской искренности, и что употребленіе словъ „январь“ и „среда“ было идолопоклонническимъ чествованіемъ Януса и Водана *). Спустя нѣсколько лѣтъ, его ученіе было принято нѣкоторыми именитыми людьми и значительно возвысилось въ общественномъ уваженіи; но во время реставраціи квакеры были въ глазахъ народа презрѣннѣйшими изъ фанатиковъ. Пуритане обращались съ ними жестоко здѣсь и преслѣдовали ихъ на смерть въ Новой Англіи. Тѣмъ не менѣе, публика, рѣдко дѣлающая точныя различія, часто смѣшивала пуританина съ квакеромъ. Оба они были отщепенцами. Оба ненавидѣли епископство и литургію. Оба отличались тѣмъ, что казалось нелѣпыми причудами относительно одежды, развлеченій и положенія тѣла. Какъ рѣзко ни различались они въ мнѣніяхъ, народъ причислялъ ихъ обоихъ къ одному классу лицемѣрныхъ отщепенцевъ, и все, что было смѣшнаго или ненавистнаго въ каждомъ изъ нихъ, увеличивало презрѣніе и отвращеніе, которыя толпа питала къ нимъ обоимъ.

До междоусобныхъ войнъ даже тѣ, которые наиболѣе гнушались мнѣніями и манерами пуританина, принуждены были согласиться, что его нравственное поведеніе вообще, во всемъ существенномъ, было безукоризненно; но теперь эта хвала уже не воздавалась и, къ несчастью, уже не заслуживалась. Это общая участь сектъ: пользоваться высокою славою святости въ періодъ угнетенія и терять ее съ достиженіемъ могущества. Причина очевидна. Человѣкъ рѣдко вступаетъ въ опальную среду изъ какихъ-либо иныхъ, кромѣ добросовѣстныхъ побужденій. Поэтому, такая среда, почти безъ исключенія, состоитъ изъ искреннихъ лицъ. Самая суровая дисциплина, какая можетъ быть соблюдаема внутри религіознаго общества, есть весьма слабое орудіе очищенія, сравнительно съ мало-мальски строгимъ преслѣдованіемъ извнѣ. Но когда секта дѣлается могущественною, когда ея благоволеніе становится путемъ къ

*) *Wednesday* англійское названіе среды, въ буквальномъ переводѣ значитъ день Водана или Одина.

богатству и почестямъ, тогда своекорыстные и честолюбивые люди толпятся въ нее, говорятъ ея языкомъ, строго сообразуются съ ея уставомъ, подражаютъ ея особенностямъ и часто превосходятъ честныхъ ея членовъ во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ ревности. Никакая разборчивость, никакая бдительность со стороны церковныхъ правителей не можетъ помѣшать вторженію такихъ ложныхъ братій. Въ непродолжительное время всѣ тѣ признаки, которые сначала были въ общемъ мнѣніи отличительными чертами святаго, становятся въ общемъ мнѣніи отличительными чертами бездѣльника.

Такъ было съ англійскими нонконформистами. Они были угнетаемы, и угнетеніе хранило ихъ чистою средою. Потомъ они сдѣлались верховными въ государствѣ. Никто не могъ надѣяться достичь именитости и власти иначе, какъ посредствомъ ихъ милости. Ихъ милость могла быть снискана только посредствомъ обмѣна съ ними знаками и лозунгами духовнаго братства. Одною изъ первыхъ резолюцій, принятыхъ Барбонскимъ парламентомъ, наиболѣе пуританскимъ изъ всѣхъ политическихъ собраній Англіи, было постановлено, чтобы никто не былъ допускаемъ въ государственную службу, пока палата не убѣдится въ его дѣйствительномъ благочестіи. То, что тогда считалось признаками дѣйствительнаго благочестія,—темноцвѣтная одежда, кислый видъ, прямые волосы, плаксивая гнусливость, рѣчь, испещренная неумѣстными текстами, омерзѣніе къ комедіямъ, картамъ и соколиной охотѣ,—легко перенималось людьми, для которыхъ всѣ религіи были одинаковы. Искренніе пуритане вскорѣ оказались потерявшимися въ толпѣ, не просто суетныхъ людей, но суетныхъ людей наихудшаго рода. Самый явный развратникъ, сражавшійся подъ королевскимъ знаменемъ, могъ справедливо почитаться добродѣтельнымъ, въ сравненіи съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые, разглагольствуя о сладкихъ опытахъ и утѣшительныхъ писаніяхъ, постоянно упражнялись въ обманѣ, хищничествѣ и тайномъ распутствѣ. Народъ, съ опрометчивостью, о которой мы можемъ справедливо жалѣть, но которой мы не можемъ удивляться, составилъ свое сужденіе о цѣлой партіи по этимъ лицемѣрамъ. Богословіе, нравы, языкъ пуританина соединились такимъ образомъ въ общественномъ мнѣніи съ самыми черными и низкими пороками. Какъ только реставрація позволила безопасно выражать вражду къ партіи, такъ долго преобладавшей въ государствѣ, общій крикъ противъ пуританства поднялся изъ каждаго уголка королевства и часто усиливался голосами тѣхъ самыхъ притворщиковъ, подлость которыхъ обезчестила пуританское имя.

Такимъ образомъ двѣ великія партіи, которыя, послѣ долгой борьбы, примирились на минуту для возстановленія монархіи, снова явились, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, враждебными другъ другу. Большинство націи склонилось на сторону роялистовъ. Преступленія Страффорда и Лода, беззаконія Звѣздной палаты и Верховной коммиссіи, великія услуги, которыя Долгій парламентъ, въ теченіе перваго года своего существованія, оказалъ государству, изгладились изъ памяти людей. Казнь Карла I, угрюмая тираннія *Охвостья*, насиліе арміи, помнились съ омерзѣніемъ, и толпа была наклонна считать всѣхъ, кто противился покойному королю, отвѣтчиками за его смерть и за послѣдующія бѣдствія.

Палата общинъ, избранная въ то время, когда господствовали пре-

свитеріане, отнюдь не представляла общаго настроенія народа и обнаруживала сильное расположеніе обуздать вѣрноподданническую нетерпимость кавалеровъ. Одинъ членъ, дерзнувшій объявить, что всѣ, которые обнажали мечи противъ Карла I, были такими же измѣнниками, какъ и тѣ, которые отрубили ему голову, былъ признанъ нарушителемъ порядка, поставленъ передъ рѣшеткою и подвергнутъ президентскому выговору. Общимъ желаніемъ палаты несомнѣнно было рѣшить церковные споры удовлетворительнымъ для умѣренныхъ пуританъ образомъ. Но какъ дворъ, такъ и нація, были противъ такого рѣшенія.

LXX. ХАРАКТЕРИСТИКА КАРЛА II И ЕГО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ.

(Изъ „Исторіи Англіи" Макколея, т. I, и изъ „Исторіи англійскаго народа" Грина).

Возстановленный король былъ въ первое время такъ любимъ народомъ, какъ никогда не бывалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Бѣдствія его дома, геройская смерть его отца, собственныя его долгія страданія и романическія приключенія дѣлали его предметомъ нѣжнаго участія. Его возвращеніе избавило страну отъ невыносимаго рабства. Призванный голосомъ обѣихъ состязавшихся факцій, онъ находился въ положеніи, дававшемъ ему возможность явиться третейскимъ судьею между ними; и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ весьма годился для этой задачи. Карлъ II получилъ отъ природы отличныя способности и счастливый характеръ. Его воспитаніе было таково, что, казалось бы, оно должно было развить его умъ и сдѣлать его способнымъ ко всякому общественному и частному подвигу. Онъ испыталъ всѣ превратности судьбы и видѣлъ обѣ стороны человѣческой природы. Въ ранней молодости онъ принужденъ былъ промѣнять дворецъ на жизнь въ изгнаніи, нуждѣ и опасности. Въ возрастѣ, когда духъ и тѣло находятся въ высшей степени совершенства, когда первое волненіе юношескихъ страстей должно утихнуть, онъ былъ призванъ обратно изъ своихъ скитаній, чтобы сдѣлаться вѣнценосцемъ. Онъ былъ наученъ горькимъ опытомъ, какъ много низости, вѣроломства и неблагодарности можетъ скрываться подъ угодливою личиною придворныхъ. Съ другой стороны, онъ нашелъ въ хижинахъ бѣдняковъ истинное благородство души. Когда всякому, кто предалъ бы его, предлагалось богатство, когда всѣмъ, кто укрылъ бы его, грозила смерть, поселяне и работники честно хранили его тайну и цѣловали его руку, прятавшуюся подъ грубыми одеждами, съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто онъ возсѣдалъ на своемъ прародительскомъ престолѣ. Можно было ожидать, что молодой человѣкъ, не лишенный ни способностей, ни любезныхъ качествъ, выйдетъ изъ такой школы великимъ и добрымъ королемъ. Карлъ вышелъ изъ этой школы съ общежительными привычками, съ учтивыми и плѣнительными манерами и съ нѣкоторыми талантами къ живой бесѣдѣ, чрезмѣрно преданнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, склоннымъ къ праздношатанью и суетнымъ удовольствіямъ, неспособнымъ къ самоотреченію и борьбѣ, безъ вѣры въ человѣческую добродѣтель или въ человѣческую привязанность, безъ желанія славы и безъ чувствительности къ позору. По его мнѣнію, всѣ

люди были продажны; но одни торговались въ цѣнѣ болѣе, нежели другіе. Если этотъ торгъ былъ очень упоренъ и очень ловокъ, онъ назывался какимъ-нибудь прекраснымъ именемъ. Главная штука, посредствомъ которой искусные люди поддерживали цѣну своихъ способностей, называлась честностью. Любовь къ Богу, любовь къ отечеству, любовь къ семейству, любовь къ друзьямъ были фразами того же рода, деликатными и удобными синонимами любви къ самому себѣ. Думая такимъ образомъ о людяхъ, Карлъ естественно очень мало заботился, какъ они думали о немъ. Честь и стыдъ были для него почти то же, что свѣтъ и мракъ для слѣпаго. Его презрѣніе къ лести было весьма восхваляемо; но, разсматриваемое въ связи съ остальными чертами его характера, оно, кажется, не заслуживаетъ никакой похвалы. Можно быть ниже лести, такъ точно, какъ и выше ея. Тотъ, кто никому не вѣритъ, не будетъ вѣрить и льстецамъ. Тотъ, кто не цѣнитъ дѣйствительной славы, не будетъ цѣнить и поддѣльной.

Натура Карла заслуживаетъ похвалу въ томъ отношеніи, что онъ, при всемъ своемъ дурномъ мнѣніи о людяхъ, никогда не дѣлался мизантропомъ. Онъ не видѣлъ въ людяхъ почти ничего, кромѣ ненавистнаго. А между тѣмъ онъ не питалъ къ нимъ ненависти. Онъ даже такъ былъ гуманенъ, что для него было крайне непріятно видѣть ихъ страданія, или слышать ихъ жалобы. Этотъ родъ гуманности, однако, любезный и похвальный въ частномъ человѣкѣ, у котораго возможность дѣлать добро или зло ограничивается тѣснымъ кругомъ, въ государяхъ часто бывалъ скорѣе порокомъ, нежели добродѣтелью. Не одинъ благорасположенный правитель предавалъ цѣлыя области грабежу и угнетенію единственно изъ желанія видѣть за своимъ столомъ и во время своихъ прогулокъ одни только счастливыя лица. Сговорчивость Карла была такова, что подобная ей, можетъ быть, никогда не встрѣчалась въ человѣкѣ равнаго смысла. Онъ поддавался, не даваясь въ обманъ. Недостойные мужчины и женщины, сердца которыхъ онъ видѣлъ насквозь и о которыхъ онъ зналъ, что они не питали къ нему привязанности и не заслуживали его довѣрія, легко могли выманивать у него титулы, мѣста, помѣстья, государственныя тайны и помилованія. Онъ дарилъ много, а между тѣмъ не наслаждался удовольствіемъ благодѣянія и не пріобрѣталъ славы благодѣтеля. Онъ никогда не давалъ добровольно; но для него тяжело было отказывать. Слѣдствіемъ было то, что его щедроты обыкновенно доставались не тому, кто ихъ наиболѣе заслуживалъ, и даже не тому, кто ему наиболѣе нравился, а самому безстыдному и назойливому просителю, успѣвшему добиться аудіенціи.

Карлъ былъ совершенно лишенъ честолюбія, ненавидѣлъ занятія, и скорѣе отрекся бы отъ короны, нежели взялъ бы на себя трудъ дѣйствительно руководить администраціею. Его отвращеніе къ труду и невѣжество въ дѣлахъ были таковы, что даже клерки, прислуживавшіе ему, когда онъ засѣдалъ въ совѣтѣ, не могли удерживаться отъ насмѣшекъ надъ его пошлыми замѣчаніями и ребяческимъ нетерпѣніемъ. Ни благодарность, ни месть не имѣли никакого вліянія на образъ его дѣйствій, ибо никогда не бывало души, въ которой какъ услуги, такъ и обиды оставляли бы такія слабыя и преходящія впечатлѣнія. Онъ желалъ единственно быть такимъ королемъ, какимъ впослѣдствіи былъ Людовикъ XV, французскій король, который могъ неограниченно распоря-

жаться суммами казначейства для удовлетворенія своихъ частныхъ прихотей, который могъ нанимать за богатства и почести людей, помогавшихъ ему убивать время, и который, даже тогда, когда государство, по милости дурнаго управленія, очутилось въ омутѣ унижения и на краю погибели, все еще могъ исключать непріятную истину изъ предѣловъ своего сераля и отказываться видѣть и слышать все, что могло потревожить его сладострастный покой. Для этого, и только для этого, желалъ онъ пріобрѣсти деспотическую власть, если можно было пріобрѣсти ее безъ опасностей или хлопотъ.

Трудно было англичанамъ повѣрить, чтобы ихъ свободѣ могла грозить дѣйствительная опасность со стороны столь лѣниваго и преданнаго удовольствіямъ короля, каковымъ былъ Карлъ II. Но именно это мнѣніе о его личности обусловливало отчасти его силу. Онъ собственно не дорожилъ деспотическою властью, которую ставили такъ высоко предшествовавшіе ему Стюарты. Онъ смѣялся надъ теоріею своего дѣда о божественномъ правѣ короля. Какъ человѣку безпечному, ему было бы въ тягость личное управленіе государствомъ, доставлявшее столько наслажденія его отцу. Одаренный отъ природы веселымъ нравомъ, онъ не могъ дорожить пышностью и торжественною обстановкою оффиціальной королевской жизни; свойственное ему добродушіе не позволяло ему разыгрывать роли тиранна. Бэрнэтъ разсказывалъ, что „король часто говорилъ лорду Эссексъ, что не хочетъ быть государемъ, окруженнымъ нѣмыми личностями и мѣшками, наполненными веревками для удушенія людей; но что онъ и не можетъ считать себя королемъ до тѣхъ поръ, пока собраніе посторонихъ людей будетъ вмѣшиваться въ его дѣла и провѣрять его министровъ и его счеты". Онъ былъ того мнѣнія, что „король, которому могли дѣлать замѣчанія и у министровъ котораго требовать отчета, былъ королемъ только по имени".

У него не было систематическаго плана для тиранніи, но управлять хотѣлъ онъ независимо; впродолженіи всего своего царствованія онъ постоянно былъ занятъ выполненіемъ какого-нибудь плана для достиженія этой цѣли. Но дѣлалъ это онъ всегда въ видѣ опытовъ, безъ всякой послѣдовательности, такъ что трудно было обнаружить или предупредить его замыселъ. При появленіи первой серьезной оппозиціи, онъ немедленно уступалъ. Если народъ желалъ отставки министровъ—онъ ихъ отпускалъ; если народъ протестовалъ противъ объявленія свободы вѣроисповѣданія — онъ отмѣнялъ его; если онъ въ изступленіи требовалъ жертвъ—онъ выдавалъ ихъ, пока изступленіе не проходило. Карлу было легко уступать и выжидать и снова браться за выполненіе прерваннаго плана, какъ только препятствія были устранены. Единственное твердое рѣшеніе его, всегда преобладавшее надъ всѣми его мыслями, это было рѣшеніе никогда болѣе не возвращаться къ испытаннымъ имъ „странствованіямъ". Отецъ его палъ вслѣдствіе несогласій съ обѣими палатами, и Карлъ рѣшился поддерживать хорошія отношенія съ парламентомъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ достаточно силы, чтобы начать выгодную для себя борьбу. Своимъ свободнымъ фамильярнымъ обращеніемъ съ лордами онъ придавалъ ихъ оппозиціи шутливое значеніе. „Ихъ пренія забавляли его", говорилъ онъ со своею обыкновенною безпечностью; болтая, стоялъ онъ у камина, въ то время, какъ одинъ пэръ за другимъ осыпали упреками его министровъ; онъ смѣялся громче дру-

гихъ, когда Шефтсбюри дѣлалъ свои грубыя замѣчанія о безплодности королевы. Между тѣмъ придворнымъ было дано порученіе дѣйствовать втайнѣ на членовъ палатъ: болѣе упрямыхъ изъ нихъ приводили въ кабинетъ короля, гдѣ онъ имъ давалъ цѣловать свою руку и разсказывалъ веселыя исторіи о своемъ бѣгствѣ послѣ Ворчестера; другихъ, еще менѣе податливыхъ, онъ подкупалъ. Тамъ, гдѣ подкупъ, лесть и увѣщеваніе не приводили къ желаемому результату, Карлъ уступалъ и выжидалъ болѣе благопріятнаго для себя времени. Терпѣливо продолжалъ онъ, между тѣмъ, собирать обломки прежней королевской власти и не упускалъ новыхъ, представлявшихся ему, случаевъ къ усиленію ея. Если въ Англіи онъ не могъ уничтожить то, что было сдѣлано пуританами, то въ Шотландіи и въ Ирландіи это было очень возможно.

До междоусобной войны эти королевства служили полезнымъ орудіемъ противъ англійской свободы. Карлъ надѣялся, что, уничтоживъ союзъ трехъ королевствъ, учрежденный Долгимъ парламентомъ и протекторомъ, онъ снова поставитъ ихъ въ прежнее отношеніе къ Англіи. Надежды Карла, однакожъ, не осуществились. Карлъ занялся также рѣшеніемъ вопроса о наборѣ арміи. Но постоянная армія была такъ ненавистна всей націи, что невозможно было дѣлать предложенія о введеніи ея. Между тѣмъ, оба брата-короля были убѣждены, что паденіе ихъ отца произошло вслѣдствіе отсутствія дисциплинированнаго войска, которое могло бы подавить первыя вспышки національнаго сопротивленія. Карлъ воспользовался страхомъ, охватившимъ всѣхъ послѣ возмущенія, произведеннаго въ Лондонѣ подъ руководствомъ стараго солдата Веннера; онъ задержалъ 5000 пѣхоты и лошадей для себя, подъ видомъ стражи. Цѣлый отрядъ дворянъ и солдатъ, прекрасно одѣтыхъ и вооруженныхъ, содержался для короля. Онъ осторожно, но неуклонно продолжалъ увеличивать ея число, не смотря на ропотъ, который возбуждалъ такимъ образомъ дѣйствій противъ себя. Двадцать лѣтъ спустя, это войско состояло изъ 7,000 пѣхоты и 1,700 лошадей и драгуновъ въ предѣлахъ государства и еще семи прекрасныхъ полковъ, находившихся на службѣ въ Нидерландахъ.

Но Карлъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы раздѣлять убѣжденія своего брата Іакова о возможности сокрушить англійскую свободу королевскою властью или немногими тысячами вооруженныхъ людей. Еще менѣе было возможно такими средствами подавить англійскій протестантизмъ. Мы не знаемъ, насколько вѣренъ разсказъ объ отпаденіи короля отъ протестантской церкви во время его изгнанія, но намъ извѣстно, что въ душѣ онъ давно пересталъ быть протестантомъ. Если у него были какія-нибудь религіозныя убѣжденія, то они были чисто-католическія. Онъ одобрялъ обращеніе своихъ придворныхъ въ католичество, и послѣднимъ дѣломъ его жизни былъ формальный переходъ въ римско-католическую церковь. Но въ своихъ чувствахъ онъ болѣе руководствовался политическими соображеніями, чѣмъ религіей. Онъ сознавалъ, что деспотизмъ въ государствѣ едва ли возможенъ при свободѣ совѣсти и изслѣдованія; управленіе, говорилъ онъ, „безопаснѣе и удобнѣе тамъ, гдѣ народъ признаетъ авторитетъ короля непогрѣшимымъ, подчиняется ему безусловно и имѣетъ слѣпую вѣру“.

Перемѣна религіи казалась ему дѣломъ довольно простымъ. Онъ жилъ долго за-границею, гдѣ нерѣдко былъ свидѣтелемъ, какъ поддан-

ные мѣняли свое вѣроисповѣданіе вслѣдъ за своимъ государемъ. Въ своихъ планахъ онъ отчасти разсчитывалъ на несогласія между протестантскимъ духовенствомъ и диссидентами. Кромѣ этого, онъ два года послѣ своего вступленія на престолъ отправилъ тайно агента въ Римъ для соглашенія съ папскимъ престоломъ. Однако вскорѣ онъ убѣдился, что для дѣйствительнаго успѣха его политическихъ и религіозныхъ плановъ, онъ долженъ былъ искать средствъ внѣ родины. Въ то время Францiя была господствующею силою въ Европѣ. Молодой король ея, Людовикъ XIV, представлялъ изъ себя борца за католичество и деспотизмъ противъ гражданской и религіозной свободы всего свѣта. Францiя была самымъ богатымъ государствомъ въ Европѣ; ея субсидіи могли освободить Карла отъ зависимости отъ парламента. Армія его была лучшею во всемъ свѣтѣ: французскіе солдаты могли подавить всякое сопротивленіе англійскихъ патріотовъ. Только Людовикъ могъ помочь Карлу, который не чувствовалъ ни стыда, ни отвращенія платить Людовику тою цѣною, которой послѣдній требовалъ отъ него.

LXXI. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ЦАРСТВОВАНІЯ КАРЛА II.

(Изъ „Разсказовъ изъ исторіи Англіи, составленныхъ по Макколею“, Современникъ 1856—57 г.).

Лицо, на которомъ въ первое время царствованія Карла II лежала вся тяжесть управленія, былъ Эдуардъ Гайдъ, канцлеръ королевства, получившій титулъ графа Кларендона, знаменитый авторъ „Записокъ“ о временахъ Карла I и Длиннаго парламента. Уваженіе, заслуживаемое Кларендономъ какъ писателемъ, не должно мѣшать намъ видѣть ошибки, дѣланныя имъ какъ человѣкомъ государственнымъ. Онъ раздѣлялъ изгнаніе Стюартовъ и во время реставраціи сдѣлался первымъ министромъ, а дочь его чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вступила въ тайный бракъ съ герцогомъ Іоркскимъ. Внуки его могли разсчитывать на корону. Онъ имѣлъ самыя суровыя понятія о нравственности и религіозныхъ обязанностяхъ. Характеръ его былъ угрюмъ и надмененъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все это было слѣдствіемъ изгнаннической жизни. Возвратясь въ Англію, онъ нашелъ общество совершенно измѣнившимся; нравы и потребности были не таковы, какъ за пятнадцать лѣтъ, когда онъ оставилъ Англію. Въ такомъ положеніи самый искусный и проницательный министръ впалъ бы неминуемо въ серьезныя ошибки. Монархическія мнѣнія, за которыя онъ много терпѣлъ, освятили въ его глазахъ королевскую власть. На круглоголовыхъ онъ смотрѣлъ съ политическою и личною ненавистью. Онъ также былъ ревностнѣйшимъ приверженцемъ епископальной церкви и ненавидѣлъ пуританъ. Король, при возвращеніи, обѣщалъ своимъ подданнымъ свободу совѣсти; и это обѣщаніе не исполнилось, епископы сдѣлались опять членами палаты лордовъ. Старое церковное устройство и старая литургія были возстановлены безъ измѣненій, которыхъ съ нетерпѣніемъ ждали самые умѣренные пресвитеріане. Епископское рукоположеніе сдѣлалось необходимымъ для полученія духовнаго званія.

Вскорѣ началось и преслѣдованіе пуританъ. Было издано много узаконеній, стѣснительныхъ для этой секты. Епископальная церковь не

оставалась неблагодарною за то покровительство, которое оказывало ей защиту отъ вліянія сектъ. Она терпѣла съ домомъ Стюартовъ одни и тѣ же несчастія и вмѣстѣ съ нимъ восторжествовала. Общій интересъ связывалъ ее съ королевскимъ домомъ. Государь, епископы, деканы вмѣстѣ вступили во владѣніе конфискованными у нихъ помѣстьями и выгнали покупщиковъ.

Въ нравственности общества произошла, по возвращеніи Стюартовъ, замѣчательная перемѣна. Тѣ страсти и привычки, которыя были стѣснены подъ правленіемъ пуританъ, тотчасъ послѣ того, какъ разорвалась удерживавшая ихъ узда, приняли свой обычный характеръ. Съ большею жадностью, нежели когда-нибудь, общество бросилось на игры и удовольствія. Нація, которая помнила недавнюю тираннію правителей, строгихъ къ жизни, съ удовольствіемъ смотрѣла на веселые пороки. Реставрированная церковь возставала противъ преобладавшей безнравственности, но возставала очень слабо. Она считала необходимымъ для поддержанія достоинства своего увѣщевать заблудшихъ чадъ; но этотъ долгъ она исполняла нѣсколько небрежно. Вся ея ревность была направлена къ проповѣди о томъ, что пуритане вредны и что должно воздавать кесарево кесарю.

Люди, занимавшіеся политическими дѣлами, составляли едва ли не самую испорченную часть общества. Ихъ характеръ образовался среди частыхъ и жестокихъ революцій и контръ-революцій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они были свидѣтелями безпрестанныхъ переворотовъ, которымъ подвергалось церковное и гражданское устройство. Они видѣли, какъ епископальная церковь преслѣдовала пуританъ, а пуритане—епископаловъ, и наоборотъ. Они видѣли уничтоженіе и реставрацію наслѣдственной монархіи. Они видѣли, какъ Длинный парламентъ три раза возвышался и три раза падалъ, сопровождаемый проклятіями и насмѣшками. У нихъ предъ глазами создавалась и разрушалась палата лордовъ. Твердость въ мнѣніяхъ и въ дружбѣ казалась имъ просто упрямствомъ.

При такихъ обстоятельствахъ, правительство начинало терять народную любовь. Роялисты стали охуждать дворъ и другъ друга, а партія, которая была побѣждена, унижена и казалась уничтоженною, возстала и возобновила нескончаемую вражду.

Даже и въ томъ случаѣ, еслибы правительство не запятнало себя ошибками, энтузіазмъ, возбужденный возвращеніемъ короля и прекращеніемъ военной тиранніи, не могъ быть постояннымъ, потому что, по самымъ законамъ природы, за сильнымъ напряженіемъ слѣдуетъ ослабленіе. Способъ, которымъ дворъ во зло употребилъ свои побѣды, ускорилъ и довершилъ ослабленіе. Каждаго умѣреннаго человѣка поражали жестокость и вѣроломство, съ которыми преслѣдовали диссидентовъ. Неудовольствіе обнаружилось рѣзче, когда увидѣли, что дворъ не намѣренъ поступать такъ съ папистами, какъ онъ поступалъ съ пресвитеріанами. Многіе высказывали подозрѣніе насчетъ шаткости протестантскихъ убѣжденій короля и герцога. Даже безнравственные люди, которые не были совершенно лишены разсудительности, сожалѣли, что правительство смотритъ на серьезныя дѣла, какъ на пустяки, а изъ пустяковъ дѣлаетъ серьезныя дѣла. Король посвящалъ большую часть времени вину, остротамъ и красавицамъ; важныя дѣла оставались безъ вниманія, и финансы разстраивались. Сами роялисты съ неудовольствіемъ смотрѣли на воз-

раставшую пышность и великолѣпіе вайтгольскаго двора, жаловались, что ихъ деньги переходятъ къ фаворитамъ короля. Расположеніе умовъ было таково, что каждый публичный актъ возбуждалъ негодованіе. Карлъ вступилъ въ супружество съ Екатериною, принцессою португальскою. Бракъ этотъ не встрѣтилъ одобренія со стороны англичанъ. Дюнкирхенъ, отнятый у Испаніи Оливеромъ, былъ проданъ Людовику XIV. Торгъ этотъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе. Англичане начинали уже смотрѣть съ безпокойствомъ на постепенное усиленіе могущества французовъ. Продажа Дюнкирхена не нравилась и потому, что онъ былъ трофеемъ англійской храбрости и напоминалъ о временахъ ея славы.

Но этотъ ропотъ былъ слабъ въ сравненіи съ воплемъ, который поднялся повсюду, когда правительство, въ союзѣ съ ненавистною католическою Франціей, объявило войну Голландіи, которой англичане сочувствовали, какъ странѣ протестантской. Негодованіе усилилось, когда англійское оружіе покрылось позоромъ. Придворные льстецы оказались неспособными бороться съ великими государственными мужами и адмиралами Голландіи, съ де-Виттомъ и де-Рюйтеромъ. Голландцы ворвались въ Темзу и сожгли корабли, расположенные у Чатама. Говорятъ, что въ этотъ день король пировалъ съ своими серальными лэди и ловилъ ночныхъ бабочекъ въ столовой комнатѣ. Уже столица начала ощущать бѣдствія блокады. Фортъ Тильбури былъ разрушенъ. Въ совѣтѣ серьезно было предложено, что если непріятель приблизится, то Тоуэръ долженъ быть оставленъ. Множество народа толпилось по улицамъ, и всѣ кричали, что Англія продана. Правительство должно было ожидать или нападенія непріятелей, или возмущенія народнаго,—и съ Голландіею былъ заключенъ трактатъ, невыгодный для Англіи. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединилось еще одно—страшный пожаръ, опустошившій почти весь Лондонъ. Паденіе Кларендона было слѣдствіемъ этихъ ошибокъ и несчастій. Такъ какъ оффиціально онъ былъ главою правленія, то на него падала отвѣтственность даже и за тѣ дѣйствія, которымъ онъ упорно, но тщетно противился въ совѣтѣ. Пуритане смотрѣли на него, какъ на неумолимаго лицемѣра, какъ на втораго Лоуда. Шотландскіе пресвитеріане приписывали ему паденіе своей церкви. Паписты Ирландіи потерю своихъ земель ставили ему въ вину. Его справедливо упрекали въ продажѣ Дюнкирхена. Горячій характеръ Кларендона, его гордость, богатство, пріобрѣтенное имъ во время управленія, давали новое право осуждать его. Когда голландцы ворвались въ Темзу, гнѣвъ народа прямо былъ направленъ противъ канцлера. Наконецъ, ненависть нижней палаты и неудовольствія со стороны двора довершили паденіе Кларендона. У него взяли печать, и видя нерасположеніе народа, которое ставило въ опасность самую жизнь его, онъ бѣжалъ изъ Англіи; тотчасъ же было издано опредѣленіе, въ силу котораго онъ осужденъ на вѣчное изгнаніе.

Скоро по удаленіи Кларендона дѣла приняли еще худшее направленіе; но на нѣкоторое время всеобщее негодованіе принудило дворъ слѣдовать національной политикѣ и разорвать дружбу съ Франціею, могущество которой возбуждало опасеніе во всей Европѣ.

Англія не могла оставаться спокойною зрительницею возраставшей силы Франціи и подозрительно смотрѣла на сношенія своего правительства съ французскимъ дворомъ. Продажа Франціи Дюнкирхена произвела сильное впечатлѣніе на англичанъ. Приверженность къ Франціи была

въ числѣ главныхъ обвиненій, возводимыхъ на Кларендона нижнимъ парламентомъ.

Судьба Кларендона и возраставшее негодованіе парламента принудили совѣтниковъ короля сдѣлать неожиданную перемѣну политики, которая удивила и обрадовала народъ.

Англійскій резидентъ въ Брюсселѣ, сэръ Уильямъ Темпль, опытный дипломатъ, часто предлагалъ двору заключить союзъ съ генеральными штатами, для того, чтобы остановить успѣхи Франціи. Внушенія его, прежде не уваженныя, были приняты теперь благосклонно, и ему поручили вести переговоры съ Голландіею. Темпль отправился въ Гагу и вошелъ въ короткія сношенія съ де-Виттомъ. Швеція, прославленная подвигами Густава-Адольфа, изъявила желаніе принять участіе въ союзѣ Англіи со Штатами. Такимъ образомъ составилась коалиція, извѣстная подъ именемъ тройственнаго союза (Triple Alliance).

Союзъ этотъ льстилъ народной гордости и обѣщалъ уничтоженіе могущественнаго и честолюбиваго сосѣда. Роялисты и круглоголовые одинаково радовались. Нижній парламентъ громко хвалилъ трактатъ, и суровые пуритане говорили, что союзъ съ Голландіею—единственный хорошій поступокъ, сдѣланный королемъ со времени вступленія на престолъ. Союзъ этотъ былъ вынужденъ у короля усиленіемъ такъ называемой отечественной партіи (Country Party), противившейся царедворцамъ и союзу съ Франціею. Членами этой партіи были какъ люди, преданные пуританизму и республиканскимъ началамъ, такъ и приверженцы епископальной церкви и наслѣдственной монархіи, которые перешли въ оппозицію изъ боязни папизма Франціи и по нерасположенію къ разврату и вѣроломству двора. Могущество этой партіи постоянно увеличивалось. Карлу тяжела была конституціонная среда, и онъ искалъ средствъ освободиться отъ нея. Но какія средства надо было употребить для достиженія этой цѣли? Для утвержденія неограниченной власти Карлу нужна была постоянная большая армія.

Не находя въ Англіи такой партіи, которая захотѣла бы помогать ему въ этомъ дѣлѣ, Карлъ нашелся вынужденнымъ искать помощи внѣ Англіи и вступилъ въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XIV. Главною посредницею между дворами англійскимъ и французскимъ была прекрасная Генріетта, герцогиня Орлеанская, сестра Карла, невѣстка Людовика и любимица обоихъ королей. Король англійскій согласился объявить себя католикомъ, расторгнуть тройственный союзъ и соединиться съ Франціею противъ Голландіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Франція обязалась дать ему войска и денегъ столько, сколько было необходимо для освобожденія отъ зависимости парламента и учрежденія неограниченнаго правленія въ Англіи. Людовикъ принялъ охотно эти предложенія, но не намѣренъ былъ рисковать и думалъ отдать свою армію въ распоряженіе Карла только въ такомъ случаѣ, если успѣхъ предпріятія будетъ совершенно вѣренъ. Онъ неспособенъ былъ поступать по примѣру своихъ предковъ, которые въ XII и XIII столѣтіяхъ погубили въ Сиріи и Египтѣ цвѣтъ французскаго рыцарства: онъ хорошо сознавалъ, что крестовый походъ противъ британскихъ протестантовъ будетъ пагубнѣе экспедиціи Людовика VII и Людовика IX. Кромѣ того, онъ считалъ для себя выгоднымъ желать, чтобы Карлъ II сдѣлался неограниченнымъ государемъ. Онъ не имѣлъ причины опасаться, чтобы

его подданные увлеклись любовью къ англійскимъ парламентскимъ учрежденіямъ. Бездна раздѣляла тогда національный духъ англичанъ и французовъ. Объ англійскихъ учрежденіяхъ въ Парижѣ столько же знали, какъ и въ Константинополѣ. Можно было сомнѣваться, имѣлъ ли хотя одинъ изъ сорока членовъ французской академіи англійскую книгу въ своей библіотекѣ или зналъ имена Шекспира, Джонсона и Спенсера. Одни только гугеноты имѣли нѣкоторое сочувствіе къ своимъ собратьямъ англійскимъ протестантамъ; но гугеноты въ это время уже нимало не были опасны.

Людовику не было личнаго интереса въ томъ, какая форма правленія утвердится въ Англіи: однако, онъ согласился на предложенія Карла II. Онъ видѣлъ, что можетъ изъ этого союза извлечь свою пользу. Желаніемъ его было унизить Голландію, завладѣть Бельгіею, Франшъ-Конте, Лотарингіею и вмѣшаться въ дѣла Испаніи. Ему нужно было въ этихъ предпріятіяхъ имѣть англійское правительство не противникомъ, а союзникомъ.

Тайный трактатъ между Англіей и Франціей былъ заключенъ въ Дуврѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1670 года.

Этимъ договоромъ Карлъ обязывался объявить въ Англіи католицизмъ господствующею религіею, помогать Людовику въ войнѣ противъ Голландіи, и на сушѣ и на морѣ поддерживать притязанія дома Бурбоновъ въ Испаніи. Людовикъ, съ своей стороны, обѣщался платить Карлу субсидіи и, въ случаѣ возмущенія въ Англіи, послать туда свое войско.

Обратимся теперь къ англійскому правительству того времени. Послѣ изгнанія Кларендона составилось новое министерство изъ любимцевъ Карла. Оно носило названіе *Кабаль*, потому что начальныя буквы пяти членовъ кабинета составляли это слово. Имена этихъ членовъ были Клиффордъ, Арлингтонъ, Бокингемъ, Ашлей и Лодердаль. Изъ нихъ особенно важную роль играли Бокингемъ, Ашлей и Лодердаль. Всѣ трое они были такіе люди, въ которыхъ безнравственность, эпидемія политиковъ того времени, достигла величайшаго развитія. Бокингемъ, пресытясь наслажденіями, обратился къ честолюбію, какъ къ забавѣ. Онъ пытался наслаждаться архитектурою, музыкою и розысканіями о философскомъ камнѣ, точно такъ, какъ теперь развлекался тайными переговорами и голландской войною. То онъ являлся роялистомъ, то заводилъ связи съ республиканцами.

Ашлей былъ точно также непостояненъ; но непостоянство Ашлея было дѣйствіемъ не легкомыслія, а обдуманнаго эгоизма.

Лодердаль, брюзгливый и грубый въ веселости и гнѣвѣ, былъ едва ли не самымъ безчестнымъ человѣкомъ изъ всего Кабаля.

При такомъ управленіи, очень естественно, что государство не могло избѣжать бѣдствій. Разстройство финансовъ приняло серьезный оборотъ. Предполагаемая война съ Голландіею требовала огромныхъ суммъ, а существующаго дохода не было достаточно даже и въ мирное время. При этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Кабаль предложилъ мѣру, которую можно назвать честнымъ грабительствомъ. Лондонскіе золотыхъ дѣлъ мастера были въ то время не только продавцами дорогихъ металловъ, но и банкирами; они часто давали въ займы правительству большія суммы. Въ уплату долга они получали право на извѣстную часть государственнаго дохода. Во время описываемыхъ нами событій прави-

тельство сдѣлало такимъ образомъ заемъ въ 1.300,000 фунтовъ. Вдругъ было объявлено, что выплачивать всю сумму государство признаетъ невыгоднымъ, и что заимодавцы должны довольствоваться одними процентами. На биржѣ это извѣстіе было принято съ ужасомъ, нѣкоторые торговые дома пали, бѣдность и страхъ проникли въ общество. Между тѣмъ, правительство сдѣлало большіе шаги къ расширенію своей власти. Оно издало эдиктъ, дозволявшій свободу вѣроисповѣданія. Этотъ эдиктъ имѣлъ цѣлью дать правительству возможность покровительствовать католикамъ, и только для того, чтобы настоящая цѣль не была понята, законы противъ протестантскихъ нонконформистовъ были смягчены.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого эдикта была объявлена война Голландіи. На морѣ голландцы съ честью поддерживали борьбу, но на сушѣ сначала понесли неудачи. Огромная французская армія перешла за Рейнъ, и непріятель уже занялъ три провинціи изъ семи, составлявшихъ федерацію. Народная толпа, раздраженная несчастіями, возстала противъ правительства, осыпала оскорбленіями Рюйтера и растерзала де-Витта. Принцъ Оранскій, бывшій во враждѣ съ павшими сановниками, сдѣлался главою государства. Онъ твердо рѣшился продолжать войну, предпочитая смерть безчестному плѣну. Національный духъ голландцевъ воспламенился. Они открыли плотины, и вся страна превратилась въ огромное озеро, на поверхности котораго, подобно островамъ, виднѣлись города. Непріятели спаслись быстрымъ отступленіемъ. Между тѣмъ, обѣ линіи австрійскаго дома, устрашенныя замыслами французскаго короля, начали военныя приготовленія. Испанія и Голландія, раздѣленныя воспоминаніями о старой враждѣ, примирились, при видѣ приближающейся опасности. Германскія арміи спѣшили къ Рейну. Англійское правительство опять впало въ затруднительныя обстоятельства: деньги, отнятыя у государственныхъ кредиторовъ, почти всѣ были истрачены. Попытка возвысить налоги легко могла окончиться возмущеніемъ, и Людовикъ, будучи долженъ сражаться съ половиною Европы, не могъ бы удержать въ границахъ повиновенія англичанъ. Необходимо было созвать парламентъ.

Весною 1673 года парламентъ собрался. Отечественная партія тотчасъ начала атаку противъ политики Кабаля. Первымъ желаніемъ этой партіи было уничтоженіе эдикта о свободѣ вѣроисповѣданій. Изъ всѣхъ поступковъ правительства, не нравившихся народу, объявленіе свободы вѣроисповѣданія было самымъ ненавистнымъ. Потомъ общины вынудили согласіе короля на извѣстный законъ, который существовалъ до царствованія Георга IV. Этотъ законъ, извѣстный подъ именемъ Test-Act, требовалъ, чтобы всѣ лица, находящіяся въ военной и гражданской службѣ, подписывали декларацію противъ догматовъ католической церкви. Кромѣ того, король долженъ былъ распустить Кабаль и заключить миръ съ Голландіею.

Главное управленіе дѣлами было теперь ввѣрено графу Денби. Мысль объ утвержденіи неограниченной власти, съ помощью чужестранныхъ войскъ, не была раздѣляема новымъ министромъ. Планъ его былъ—собрать вокругъ престола тѣ классы, которые были твердыми союзниками его впродолженіи смутъ предшествовавшаго времени и негодовали на новыя преступленія и заблужденія двора. Онъ сожалѣлъ о бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находилась Англія, и ненавидѣлъ французовъ.

Онъ такъ мало старался скрывать свои убѣжденія, что на одномъ пиру, гдѣ присутствовали высшіе сановники государства и церкви, предложилъ тостъ на погибель всѣхъ тѣхъ, кто не желаетъ войны съ Франціею. Но совѣты его королю не имѣли дѣйствія: Карлъ былъ алченъ къ французскому золоту и не терялъ надежды съ помощью французскаго короля достигнуть неограниченной власти.

Такимъ образомъ, политика короля была діаметрально противоположна политикѣ перваго министра. Нижняя палата требовала войны съ Франціею; король, какъ бы уступая народному желанію, началъ собирать армію. Но нижняя палата узнала, что войска эти будутъ употреблены Карломъ на другое предпріятіе, которое интересовало его болѣе, нежели защита Фландріи—на утвержденіе неограниченной власти въ Англіи, и палата увидѣла необходимость отказать королю въ субсидіяхъ на содержаніе войска и настаивала на томъ, чтобы онъ оставилъ свои приготовленія.

Эти опасенія были подсказаны французскимъ королемъ. Онъ долго держалъ Англію въ страдательномъ положеніи своимъ обѣщаніемъ поддерживать тронъ противъ парламента. Теперь онъ, узнавъ, что патріотическіе совѣты Денби преобладаютъ въ кабинетѣ Карла, началъ воспламенять парламентъ противъ короля. Между Людовикомъ и отечественною партіею было только одно общее—глубокая недовѣрчивость къ Карлу. Еслибы отечественная партія была увѣрена, что Карлъ намѣренъ объявить войну Франціи, она готова была бы его поддерживать. Также, еслибы и Людовикъ былъ увѣренъ въ томъ, что наборъ войска предпринятъ англійскимъ королемъ для борьбы съ парламентомъ, онъ не сдѣлалъ бы ни малѣйшей попытки препятствовать этому. Но непостоянство Карла и недовѣрчивость къ нему были такъ велики, что французское правительство и англійская оппозиція одинаково желали оставить короля безъ войска. Открылись сношенія между Барильономъ, посломъ Людовика при Карлѣ II, и англійскою оппозиціею.

Слѣдствіемъ этихъ интригъ было, что Англія оставалась бездѣйственною впродолженіи континентальной войны, которая кончилась нимвегенскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1678 году. Это унизительное бездѣйствіе и невыгодныя для Англіи условія нимвегенскаго мира вновь поколебали народную приверженность къ королю. Новые удары грозили правительству Карла II.

Французскій дворъ, который зналъ Денби, какъ своего заклятаго врага, изобрѣлъ искусное средство погубить его. Людовикъ, чрезъ посредство Ральфа Монтегю, который въ то время былъ во Франціи англійскимъ посломъ, представилъ нижнему парламенту доказательство, что первый министръ, за извѣстную сумму денегъ, соглашался помогать сдѣлкамъ дворовъ вайтгольскаго и версальскаго. Этотъ доносъ низвергъ Денби, и было удивительно, какъ уцѣлѣла его голова. Еще сильнѣе было волненіе, произведенное слухами о папистскомъ заговорѣ. Нѣкто Титъ Отсъ, священникъ англиканской церкви, своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ и еретическимъ ученіемъ, навлекъ на себя гнѣвъ начальства: его лишили мѣста, и съ тѣхъ поръ онъ велъ бродяжническую жизнь. Онъ былъ нѣкогда католикомъ и провелъ нѣсколько времени на континентѣ, въ англійскихъ коллегіумахъ іезуитскаго ордена. Въ этихъ семинаріяхъ онъ слышалъ, какъ яростно говорили католическіе фана-

тики о средствахъ возвратить Англію въ лоно истинной церкви. Изъ намековъ, такимъ образомъ собранныхъ, онъ создалъ страшный романъ, похожій скорѣе на сонъ больнаго, нежели на дѣла, могущія когда-нибудь произойти въ дѣйствительности: началъ распространять слухъ, что написты хотятъ сжечь Лондонъ, сжечь флотъ, перерѣзать всѣхъ протестантовъ, при помощи французской арміи, которая будто бы готовится къ высадкѣ въ Ирландію. Всѣмъ государственнымъ людямъ и духовенству, говорилъ онъ, готовилась смерть. Три или четыре плана, по его словамъ, были придуманы для умерщвленія короля. Общественный духъ былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что эта ложь показалась народу чистою истиною. Два происшествія, случившіяся около того самаго времени, заставили даже мыслящихъ людей думать, что сказка Отса, очевидно преувеличенная, имѣла какое-нибудь основаніе.

Эдуардъ Кольманъ, хлопотливый и не слишкомъ честный католикъ, извѣстный интриганъ, былъ въ числѣ обвиненныхъ. Бумаги его правительство хотѣло захватить. Большую часть ихъ онъ успѣлъ истребить; но изъ темныхъ намековъ, оставшихся въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ, можно было выводить заключенія, подтверждающія свидѣтельство Отса.

Нѣсколько дней спустя, сэръ Эдмондсбери Годфри, судья, который принялъ показанія Отса противъ Кольмана, неожиданно исчезъ. Были сдѣланы розыски, и трупъ Годфри нашли на полѣ близь Лондона. Ясно было, что онъ умеръ насильственною смертью. Происшествіе это произвело волненіе въ Лондонѣ. Тюрьмы наполнялись папистами. Лондонъ сдѣлался похожъ на городъ, находящійся въ осадномъ положеніи. Милиція была поставлена на военную ногу, патрули ходили взадъ и впередъ по улицамъ; кругомъ Вайтголя стояли пушки. Всѣ лорды-католики были лишены своихъ мѣстъ въ парламентѣ, написты вообще подверглись всякаго рода притѣсненіямъ.

Положеніе короля было очень затруднительно. Онъ удалилъ въ Брюссель своего брата, одинъ видъ котораго воспламенялъ народъ до бѣшенства; но это не произвело никакого особенно благопріятнаго слѣдствія. Недовольство усиливалось.

Карлъ долженъ былъ измѣнить составъ министерства и принять въ число своихъ совѣтниковъ людей, любимыхъ народомъ.

Изъ нихъ виконтъ Галифаксъ долго сохранялъ довольно важное вліяніе на дѣла.

Между государственными людьми этого времени Галифаксъ могъ считаться первымъ. Онъ обладалъ многостороннимъ умомъ и краснорѣчіемъ, приводившимъ въ восхищеніе верхній парламентъ. Его политическія сочиненія даютъ ему право занять мѣсто между англійскими классиками. Но тѣ самыя качества ума, которыя придавали цѣну его сочиненіямъ, часто мѣшали ему дѣйствовать рѣшительно въ дѣлахъ дѣйствительной жизни. Онъ смотрѣлъ на событія не съ той точки зрѣнія, съ которой они представляются принимающему въ нихъ участіе: онъ смотрѣлъ на нихъ глазами историка-философа. Всѣ предразсудки и нелѣпыя выходки обѣихъ партій—роялистовъ и оппозиціи—равно возбуждали его гнѣвъ. Ему не нравились крики демагоговъ. Онъ еще болѣе ненавидѣлъ ученіе о безграничномъ повиновеніи. Все хорошее, говорилъ онъ, между двумя крайностями: такъ, англійская конституція—между турецкимъ деспотизмомъ и польскою анархіею. Каждая партія,

которая брала перевѣсъ и вдавалась въ крайности, подвергалась его осужденію; а побѣжденные и преслѣдуемые всегда находили въ немъ покровителя.

Оппозиціею своею онъ навлекъ гнѣвъ короля, такъ что король едва согласился принять его въ тайный совѣтъ. Но какъ скоро онъ поступилъ ко двору, изящество его манеръ и краснорѣчіе очаровали всѣхъ и самого короля. Галифакса печалила ненависть народа къ правительству, и когда онъ увидѣлъ, что свобода имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ, а законная власть опасности, то онъ, согласно принятому имъ образу дѣйствій, присоединился къ слабой сторонѣ.

Нижняя палата настойчиво требовала, чтобы герцогъ Іоркскій, какъ приверженецъ католицизма, лишенъ былъ правъ на престолъ Англіи. Оппозиція хотѣла, чтобы наслѣдникомъ короля объявленъ былъ побочный сынъ его, герцогъ Монмутъ, котораго горячо любилъ отецъ и не менѣе горячо полюбилъ народъ. Монмутъ жилъ во дворцѣ, какъ принцъ королевской крови, имѣлъ орденъ Подвязки, былъ начальникомъ гвардейской кавалеріи и канцлеромъ кембриджскаго университета. Когда Карлъ и Людовикъ XIV вели войну съ Голландіею, Монмутъ командовалъ англійскими войсками и пріобрѣлъ репутацію хорошаго полководца. Почтеніе, которое ему оказывали, заставило его считать себя законнымъ принцемъ дома Стюартовъ. Слухи ходили, будто бы Карлъ въ тайномъ супружествѣ съ его матерью, Люси Вальтерсъ. Когда Монмутъ со славою возвратился изъ Нидерландовъ и когда герцогъ Іоркскій возбудилъ ненависть своею преданностью католичеству, эти, повидимому, пустые слухи получили важность. Монмута встрѣтили въ Лондонѣ съ восторгомъ: всѣ окна города были иллюминованы, церкви отворены, и радостные клики оглашали воздухъ. Все народонаселеніе Сити вышло ему на встрѣчу. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы выиграть расположеніе народа: крестилъ дѣтей у крестьянъ, вмѣшивался въ простонародныя забавы, боролся и игралъ въ палки.

Представители протестантской партіи въ Англіи два раза впадали въ ошибку, которая послужила ко вреду государства и протестантства. По смерти Эдуарда VI они хотѣли возвести на престолъ Іоанну Грей, лишая законныхъ правъ не только католичку Марію, но и протестантку Елизавету, единственную надежду Англіи и реформаціи. Такимъ же образомъ, сто тридцать лѣтъ спустя, оппозиціонная партія, принявъ сторону Монмута, воспротивилась правамъ не только герцога Іоркскаго, но и правамъ принца и принцессы Оранскихъ, которые, по своимъ личнымъ качествамъ и положенію, могли быть единственными защитниками свободы и всѣхъ реформатскихъ церквей.

Вопросъ объ исключеніи принца Іоркскаго отъ престолонаслѣдія волновалъ общество. Одна сторона говорила, что государство и религія не будутъ безопасны подъ управленіемъ короля-паписта. Другая сторона защищала права законнаго наслѣдника на полученіе короны. Каждая деревня, каждый городокъ, каждое семейство были въ движеніи. Даже школьники раздѣлились на партіи. Лондонскіе граждане десятками тысячъ собирались жечь изображеніе папы. Правительство разставило кавалерію у Темпль-Бари и пушки кругомъ Вайтголя. Противники двора назывались бирмингамцами, исключителями. Державшіе сторону Іакова носили названіе антибирмингамцевъ и ненавистниковъ. Въ это

время въ первый разъ явились два прозвища, которыя вначалѣ были даны въ бранномъ значеніи, но потомъ потеряли невыгодный смыслъ и остались до сихъ поръ названіями двухъ главнѣйшихъ англійскихъ партій. Это виги и тори. Одно изъ этихъ названій шотландскаго происхожденія, а другое ирландскаго. Въ Шотландіи и Ирландіи, среди общаго волненія, образовались шайки отчаянныхъ людей, жестокость которыхъ увеличивалась религіознымъ энтузіазмомъ. Въ Шотландіи нѣкоторые изъ преслѣдуемыхъ пресвитеріанъ подняли оружіе противъ правительства и брали перевѣсъ надъ войсками короля, пока Монмутъ не разбилъ ихъ у Ботвель-Бриджа. Эти изувѣры были довольно многочисленны; простой народъ прозвалъ ихъ вигами. Болота Ирландіи въ это же самое время давали убѣжище означеннымъ папистамъ: эти люди были прозваны тори.

Наконецъ, въ октябрѣ 1680 года, собрался парламентъ. Виговъ было такъ много въ нижней палатѣ, что билль объ исключеніи безпрепятственно прошелъ въ ней. Но когда этотъ билль былъ предложенъ верхнему парламенту, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Геній Галифакса уничтожилъ всю оппозицію. Оставленный самыми значительными лицами роялистской партіи изъ числа своихъ товарищей, окруженный толпою противниковъ, онъ защищалъ права герцога Іоркскаго съ блистательнымъ успѣхомъ, и билль былъ отвергнутъ большинствомъ.

Послѣ того неудовольствіе виговъ еще больше возрасло. Когда собрался парламентъ въ Оксфордѣ, въ мартѣ 1681 года, виги явились, сопровождаемые толпою своихъ вооруженныхъ приверженцевъ, которые мѣнялись съ королевскою гвардіею взглядами, полными ненависти. Король согласился на всѣ требованія оппозиціи, кромѣ билля объ исключеніи; но нижній парламентъ непремѣнно требовалъ, чтобы этотъ билль былъ утвержденъ лордами и королемъ. Но король восторжествовалъ. Реакція, которая началась, въ нѣсколько мѣсяцевъ до собранія парламента въ Оксфордѣ быстро усиливалась. Хладнокровнѣе обдумавъ исторію папистскаго заговора, народъ понялъ, что протестантская ревность завлекла его слишкомъ далеко, что нелѣпыя выдумки заставили его требовать крови людей невинныхъ.

Самый вѣрный приверженецъ Стюартовъ не могъ отрицать того, что управленіе Карла часто бывало достойно порицанія. Но договоръ, заключенный имъ съ Франціею и служащій теперь главнымъ обвиненіемъ противъ него, тогда не былъ еще извѣстенъ; многіе были возмущены жестокостью, съ какою возставали виги противъ короля, исчисляли уступки, сдѣланныя имъ парламенту, и говорили, что обѣщанія, имъ данныя, достаточно обезпечиваютъ государство отъ злоупотребленій власти. Король согласился на законъ, который воспрещалъ католикамъ вступленіе въ парламентъ, въ тайный совѣтъ и во всѣ гражданскія и военныя должности. Онъ издалъ актъ Habeas Corpus. Въ одномъ только король не согласился на требованія всего народа: онъ не рѣшался отнять у брата правъ на наслѣдство престола, хотя самъ онъ гораздо болѣе былъ расположенъ къ Монмуту, но въ отношеніи брата дѣйствовалъ по чувству долга и чести. Эти соображенія склоняли общественное мнѣніе къ снисходительности относительно Карла. Къ тому присоединялось опасеніе, что, при дальнѣйшемъ сопротивленіи Карлу, можетъ вновь вспыхнуть междоусобная война, надѣлавшая столько бѣдствій всѣмъ партіямъ.

Большинство высшаго и средняго класса, раздѣлявшее эти мысли, спѣшило собраться вокругъ трона. Карлъ очень осторожно и благоразумно воспользовался благопріятными обстоятельствами; онъ рѣшился дѣйствовать сообразно съ законами, но дѣйствовать твердо и безпощадно. Онъ сталъ преслѣдовать виговъ судебнымъ порядкомъ, обвиняя то одного, то другаго изъ ихъ предводителей въ оскорбленіи величества. Судьи и присяжные были на его сторонѣ, обвиненія велись съ обдуманною умѣренностью, и каждый обвиняемый былъ осуждаемъ. Но виги не унывали духомъ: одушевленные воспоминаніемъ о своемъ недавнемъ торжествѣ и негодованіемъ противъ настоящаго своего стѣснительнаго положенія, они воспламенились ненавистью къ королю и рѣшились воспротивиться ему вооруженною силою. Составился заговоръ. Виги хотѣли произвести возстаніе въ Лондонѣ, Бристолѣ и Ньюкестлѣ и вошли въ сношенія съ недовольными шотландскими пресвитеріанами. Предводители оппозиціи, сомнѣваясь въ успѣхѣ, медлили, однако же, приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но нѣкоторые фанатики, недовольные медленностью виговъ, думали дѣйствовать инымъ путемъ: имъ казалось, что умерщвленіе короля и его брата будетъ кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ торжеству протестантизма и англійской свободы. Эти толки были нѣсколько извѣстны Росселю и Монмуту, которые, однако, не соглашались на столь ненавистныя средства. Такимъ образомъ существовали два заговора. Цѣлью большаго заговора было вооружить народъ противъ правительства. Другой заговоръ, называемый обыкновенно Rye House Plot, въ которомъ участвовали очень немногіе изувѣры, имѣлъ цѣлью умерщвленіе короля и его будущаго наслѣдника. Но правительству легко было, открывъ тотъ и другой заговоръ, убѣдить народъ, что оба они составляютъ одно цѣлое, что всѣ виги участвуютъ въ законопреступныхъ намѣреніяхъ сообщниковъ райгаузскаго заговора. Справедливое негодованіе, возбужденное мыслью о цареубійствѣ, простерлось на всѣхъ виговъ. Король могъ теперь свободно отмстить за все время своего униженія. Монмутъ упалъ къ ногамъ отца и спасся, осудивъ себя на добровольное изгнаніе; Эссексъ самъ умертвилъ себя въ Тоуерѣ; Россель и Сидней были казнены. Многіе виги, столь же невинные въ райгаузскомъ преступленіи, кончили жизнь на висѣлицѣ. Многіе другіе покинули государство.

Пользуясь своимъ торжествомъ, правительство нарушило законы противъ католиковъ, чтобы возвысить герцога Іоркскаго и обезпечить ему престолонаслѣдіе. Этотъ принцъ, частью за религіозныя мнѣнія, частью за жестокость своего характера, до такой степени былъ не любимъ народомъ, что долженъ былъ выѣзжать изъ Англіи и жить заграницею. Король возвратилъ его, назначилъ правителемъ Шотландіи, гдѣ его владычество ознаменовалось жестокими законами и варварскими наказаніями. Черезъ нѣсколько времени онъ прибылъ въ Англію и, не смотря на законъ, лишавшій католиковъ права занимать должности, занялъ мѣсто въ совѣтѣ и сдѣланъ былъ генералъ-адмираломъ.

Это нарушеніе законовъ возбудило ропотъ между умѣренными тори и не было одобряемо даже нѣкоторыми министрами короля. Галифаксъ, получившій уже титулъ маркиза за то, что, при помощи его краснорѣчія, былъ отвергнутъ парламентомъ билль объ исключеніи Іакова отъ престолонаслѣдія, сталъ защищать теперь преслѣдуемыхъ виговъ: онъ убѣж-

далъ верхній парламентъ не терять изъ виду той опасности, которая предстоитъ, при вступленіи на престолъ герцога Іоркскаго, свободѣ и религіи народа, и совѣтовалъ брату отставить его отъ службы.

Умѣреннымъ и конституціоннымъ совѣтамъ Галифакса робко и слабо слѣдовали нѣкоторые другіе министры.

Въ числѣ противниковъ Галифакса находился Лауренсъ Гайдъ, получившій уже титулъ графа Рочестера. Онъ былъ самый неуступчивый и твердый изъ всѣхъ тори. Герцогъ Іоркскій любилъ и постоянно во всемъ поддерживалъ его.

Раздоръ министровъ держалъ дворъ въ постоянномъ безпокойствѣ. Галифаксъ неотступно просилъ короля созвать парламентъ, не даровать всеобщую амнистію, лишить герцога Іоркскаго участія въ управленіи, вызвать Монмута изъ изгнанія, разорвать связи съ Людовикомъ и заключить съ Голландіею договоръ, на основаніяхъ тройственнаго союза. Герцогъ Іоркскій, напротивъ, боялся собранія парламента, смотрѣлъ съ ненавистью на побѣжденныхъ виговъ, льстилъ себя мыслью, что можетъ осуществиться цѣль Дуврскаго трактата, и ежедневно говорилъ брату о томъ, что Галифаксъ, какъ республиканецъ, долженъ лишиться своего мѣста, которое совѣтовалъ отдать Рочестеру.

Таково было общее состояніе дѣлъ, когда внезапная болѣзнь поразила Карла II и, по смерти брата, вступилъ на престолъ Іаковъ II. Виги, преслѣдуемые правительствомъ, были лишены и народнаго довѣрія: ихъ считали участниками въ ненавистномъ райгаузскомъ заговорѣ. Тори господствовали въ министерствѣ, имѣли на своей сторонѣ общественное мнѣніе и провозглашали теорію безграничнаго повиновенія королевской власти. Галифаксъ истощалъ всю силу своего краснорѣчія и ума, чтобы удерживать правительство отъ вредныхъ крайностей, но усилія его оставались совершенно напрасными: партія строгихъ тори рѣшительно торжествовала.

LXXII. ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ІАКОВА II И ЕГО ВНѢШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

(Составлено по соч. Гэля: „The fall of the Stuarts“, по соч. Грина: „History of english people“ и по соч. Армана Kapeлля: „Histoire de la contrerevolution en Angleterre“, t. I).

Карлу II, умершему 6 февраля, наслѣдовалъ его братъ, герцогъ Іоркскій, Іаковъ, подъ именемъ Іакова II. Мнѣніе его подданныхъ о немъ было ему хорошо извѣстно. При первомъ же свиданіи съ тайнымъ совѣтомъ онъ объявилъ, что „напрасно считали его всегда приверженцемъ деспотической власти: на дѣлѣ онъ докажетъ совершенно противное; онъ будетъ слѣдить за соблюденіемъ установленныхъ законовъ какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ; если, съ одной стороны, онъ и не позволитъ касаться правъ и преимуществъ короны, то, съ другой, собственность и личность каждаго подданнаго будутъ неприкосновенны; члены англійской церкви за свою постоянную преданность престолу найдутъ въ немъ ревностнаго защитника своей церкви“.

Это обѣщаніе Іакова II соблюдать законы и защищать церковь возбудило во всемъ государствѣ живѣйшій энтузіазмъ. Всякое недовѣріе къ

католическому государю исчезло. „Мы имѣемъ слово короля", кричали повсюду, „короля, который никогда не нарушалъ своего слова". Всѣ, не исключая и враговъ его, были увѣрены въ томъ, что онъ дорожилъ славою своего королевства и твердо намѣренъ освободить его отъ чужой зависимости.

Іаковъ II, сынъ Карла I, родился 15 октября 1633 г.; слѣдовательно, ему шелъ 52-й годъ при его вступленіи на престолъ. Смуты, господствовавшія во время его дѣтства, не позволяли обратить надлежащаго вниманія на его воспитаніе, которое при другихъ условіяхъ могло бы повлiять на его отъ природы тупыя способности. Онъ былъ чрезвычайно упрямъ, и упрямство это часто побуждало его дѣйствовать вопреки совѣтамъ расположенныхъ къ нему людей. Во время его пребыванія во Франціи, когда онъ былъ еще мальчикомъ, его не могли поколебать ни мольбы матери, ни убѣжденія французскаго двора и духовенства, желавшихъ обратить его въ римско-католическую вѣру: чѣмъ болѣе его уговаривали, тѣмъ тверже стоялъ онъ за свою протестантскую религію. Но онъ перешелъ въ католическую церковь, когда, по возвращеніи въ Англію, увидѣлъ, до чего англійское духовенство ненавидѣло и боялось папистовъ. Еще до реставраціи его просили присоединиться къ партіи, стремившейся уничтожить авторитетъ лорда Кларендона при дворѣ испанской королевской фамиліи. Сначала Іаковъ соглашался, но затѣмъ совершенно неожиданно вступилъ въ бракъ съ дочерью Кларендона, Анною. Съ этимъ упрямствомъ въ немъ соединилось постоянство и точность въ дѣловыхъ вопросахъ,—качества, которыя могли бы сдѣлать изъ него хорошаго начальника какого-нибудь гражданскаго департамента. Его управленіе флотомъ съ 1660—1673 г. было безукоризненно и представляло совершенный контрастъ съ его же дѣятельностью по этой службѣ съ 1673—1685 г. Іаковъ не обладалъ тою сердечностью въ обращеніи, которая дѣлала популярнымъ его брата Карла, не смотря на всѣ недостатки послѣдняго. Отличаясь такимъ же своеволіемъ и себялюбіемъ, какъ и Карлъ, онъ не имѣлъ, однако, его добродушія. Узкость его взгляда, суровость, мстительность, жестокость—не изглаживались другими хорошими чертами характера.

Первая жена Іакова, Анна Гейде, умерла въ 1671 г., оставивъ двухъ дочерей. Старшая, Марія, родившаяся въ 1662 г., вышла въ 1677 г. замужъ за своего двоюроднаго брата Вильгельма, принца Оранскаго, штатгальтера Нидерландовъ; младшая, Анна, родившаяся въ 1665 г., вышла замужъ въ 1683 г. за принца Георга, брата короля датскаго. Іаковъ женился во второй разъ на Маріи, принцессѣ Эстской, сестрѣ герцога Моденскаго.

Восшествіе на престолъ Іакова сопровождалось полнѣйшимъ спокойствіемъ: можно было подумать, что онъ пользовался всеобщею любовью. Рѣчь, произнесенная имъ въ тайномъ совѣтѣ, стала извѣстна, благодаря намѣренному распространенію ея, и нѣсколько успокоила опасенія англиканскаго духовенства. Іаковъ не перемѣнилъ министровъ своего предшественника; между ними только лордъ Галифаксъ не пользовался его довѣріемъ: ему онъ не могъ простить предложеннаго имъ въ оксфордскомъ парламентѣ билля, который долженъ былъ ограничить королевскую власть, при его вступленіи на престолъ. Онъ оказывалъ предпочтеніе другимъ министрамъ: Рочестеру, Годольфину и Сондерленду. Въ то же

время онъ втайнѣ окружилъ себя совѣтомъ католиковъ, которыхъ онъ слушалъ болѣе, чѣмъ своихъ министровъ. Этотъ тайный совѣтъ, влiявшiй на Iакова, насколько это только возможно было при настойчивости его характера, состоялъ изъ iезуита Питера и лордовъ Тирконеля, Довера, Аронделя, Кастельмана и Повиса.

Два поступка, совершенные Iаковомъ послѣ коронацiи, должны были возбудить опасенiя въ его подданныхъ. Во-первыхъ, онъ слушалъ католическую обѣдню въ королевской часовнѣ, и, во-вторыхъ, онъ велѣлъ собирать таможенную и акцизную пошлину, хотя по закону не имѣлъ на это права безъ разрѣшенiя парламента.

Созванiе парламента было теперь необходимо, такъ какъ со смертью короля прекращалась выдача королевскихъ доходовъ. Выборы благопрiятствовали Iакову: въ палатѣ общинъ онъ нашелъ немного членовъ, которые не подчинились бы его желанiямъ. Вопросъ объ обезпеченiи религiи былъ устраненъ при первомъ выраженiи неудовольствiя со стороны короля. Ему былъ назначенъ ежегодный доходъ въ два миллiона фунтовъ стерлинговъ.

Преданность королю дошла до фанатизма, благодаря одному возстанiю на сѣверѣ и другому подъ начальствомъ Монмута на западѣ. Со времени реставрацiи всѣ надежды на свободу въ Шотландiи были неразрывно связаны съ домомъ Аргайля. Извѣстно, что маркизъ былъ казненъ во время реставрацiи. Сынъ его, не смотря на всю свою осторожность и безусловное повиновенiе, не могъ спастись отъ низкихъ политиковъ, управлявшихъ Шотландiей. Онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ на такихъ данныхъ, передъ которыми англiйскiе государственные люди приходили втупикъ. „Мы здѣсь не повѣсили бы даже собаки на тѣхъ основанiяхъ, которыя привели лорда Аргайля на казнь“, говорилъ Галифаксъ. Однако лордъ бѣжалъ въ Голландiю и жилъ тамъ спокойно впродолженiе остальныхъ шести лѣтъ царствованiя Карла. Монмутъ нашелъ себѣ также убѣжище въ Гагѣ, гдѣ его ласково принялъ Вильгельмъ Оранскiй, вѣрившiй въ любовь къ нему его отца. Но вступленiе на престолъ Iакова совершенно разбило надежды герцога и возбудило въ Аргайлѣ фанатическое желанiе вырвать Шотландiю изъ подъ власти католическаго короля. Оба предводителя рѣшили явиться вооруженными въ Англiи и на сѣверѣ. Экспедицiи эти отправились въ путь почти одновременно. Аргайль потерпѣлъ неудачу. Кланъ кемпбельскiй возсталъ при его прибытiи въ Кентейръ, но страна уже была занята королемъ, а несогласiя между сопровождавшими его изгнанниками помѣшали его дѣлу. Войско его разсѣялось, а Аргайль, схваченный во время попытки къ бѣгству, былъ повѣшенъ.

Монмутъ былъ нѣсколько времени болѣе счастливъ. Онъ пользовался большою популярностью на западѣ. Дворянство держалось, правда, въ сторонѣ отъ него при его прибытiи въ Леймъ, но фермеры и торговцы Девоншира и Дорсета примкнули къ его знамени. Суконные фабриканты въ Сомерсетѣ оставались вѣрными партiи виговъ при въѣздѣ герцога въ Тоунтонъ. Народъ встрѣтилъ его съ энтузiазмомъ: дома были разукрашены цвѣтами; молодыя дѣвушки привѣтствовали его, вручивъ ему библiю и флагъ. Войско его достигло 9,000 человѣкъ; но онъ самъ уничтожилъ надежду на успѣхъ тѣмъ, что принялъ титулъ короля. Дворяне, все еще съ любовью взиравшiе на Марiю и Вильгельма, держались въ сторонѣ. Гвардiя поспѣшила къ мѣсту возстанiя. Разбитый при Бристолѣ

и Батѣ, Монмутъ удалился въ Бриджватеръ и напалъ ночью 6 іюля на армію короля, которая стояла лагеремъ въ Седжмурѣ. Нападеніе не удалось; мужественные крестьяне и рудокопы, послѣдовавшіе за герцогомъ и остановленные въ своемъ наступленіи глубокимъ рвомъ, были уничтожены, послѣ недолгаго сопротивленія, королевскою кавалеріей. Ихъ предводитель бѣжалъ съ поля битвы и, послѣ тщетнаго усилія бѣжать за предѣлы королевства, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ.

Никогда Англія не выражала такой преданности къ королю, какъ теперь; но вскорѣ эта преданность замѣнилась чувствомъ ужаса при видѣ страшныхъ преслѣдованій, послѣдовавшихъ за побѣдою при Седжмурѣ. Даже Нортъ, хранитель государственной печати, бывшій орудіемъ короля, возсталъ противъ кровопролитія и распущенности войскъ послѣ этой битвы. Но его протестъ остался безъ послѣдствій. Съ сокрушеннымъ сердцемъ удалился онъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Между тѣмъ Іаковъ задумалъ еще болѣе страшную месть. Джеффризъ, человѣкъ съ большими способностями, но въ высшей степени горячій, долженъ былъ заслужить мѣсто хранителя печати цѣлымъ рядомъ убійствъ. 350 человѣкъ было повѣшено, болѣе 800 продано въ неволю по ту сторону моря. Еще большее число было наказано и заключено въ тюрьму. Королева, ея фрейлины, придворные и даже самъ судья брали деньги за прощеніе осужденныхъ. Особенно возбуждали ужасъ жестокости, которымъ подвергали женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ гонялись подъ ударами кнута изъ города въ городъ. Миссъ Лилъ была казнена въ Вильчестерѣ за то, что дала убѣжище одному бунтовщику. Елизавета Гаунтъ была сожжена въ Тибурнѣ на такомъ же основаніи. Сожалѣніе объ этихъ несчастныхъ перешло въ ужасъ при убѣжденіи, что всѣ эти жестокости одобрялись королемъ. Даже безжалостный генералъ Чорчиль, благодаря энергіи котораго была одержана побѣда при Седжмурѣ, возсталъ противъ равнодушія, съ которымъ Іаковъ отвѣчалъ на всѣ просьбы о пощадѣ. „Этотъ мраморъ“, говорилъ онъ, ударяя по камину, у котораго стоялъ, „не тверже сердца короля“. Вскорѣ выяснилось, что это кровопролитіе должно было возбудить въ народѣ чувство неудовольствія и такимъ образомъ послужить къ выполненію болѣе широкихъ плановъ короля. Возмущеніе представило предлогъ для увеличенія постоянной арміи. Мы уже видѣли, что Карлъ постепенно увеличилъ ее до 10,000 человѣкъ; Іаковъ однимъ разомъ довелъ ее до 20,000. Теперь войско это должно было служить въ предѣлахъ государства, а не внѣ его. Іаковъ не могъ разсчитывать, чтобы парламентъ исполнилъ его самыя задушевныя желанія. Хотя его самолюбіе и страдало при мысли о зависимости отъ Франціи, но онъ сознавалъ, что только французскіе солдаты и французское золото могли избавить его отъ контроля парламента. Поэтому, недѣлю спустя послѣ вступленія на престолъ, онъ послалъ Людовику увѣреніе въ неизмѣнной преданности къ нему. „Скажите вашему государю“, говорилъ онъ французскому послу, „что безъ его помощи я ничего не могу сдѣлать. Онъ имѣетъ право совѣтовать, а я готовъ принимать его совѣты“. За этимъ увѣреніемъ послѣдовало обѣщаніе субсидіи, которое было принято съ выраженіемъ восторга и подобострастія.

Никогда еще тайный союзъ съ Франціей не представлялъ столько опасности для англійской свободы. Европа давно уже дрожала передъ тщеславіемъ Людовика; теперь она еще болѣе дрожала передъ

его фанатизмомъ. Нападеніемъ на Голландію онъ объявилъ войну противъ гражданской свободы; отмѣною нантскаго эдикта онъ возсталъ противъ религіозной свободы. Эдиктъ этотъ соблюдался даже Ришелье послѣ его побѣды надъ гугенотами. Въ самомъ началѣ своего царствованія Людовикъ рѣшился отмѣнить его, и въ 1685 г. онъ достигъ этого, благодаря цѣлой системѣ послѣдовательныхъ преслѣдованій. Вопреки королевскимъ приказамъ, запрещавшимъ бѣгство этимъ несчастнымъ жертвамъ, сотни тысячъ протестантовъ бѣжали за-границу: Голландія, Швейцарія и Пфальцъ переполнились французскими эмигрантами.

Тысячи изъ нихъ нашли убѣжище въ Англіи, гдѣ они со временемъ распространили шелковое производство. Въ церквахъ было разрѣшено дѣлать сборъ въ пользу бѣглецовъ, искавшихъ спасенія на берегахъ Англіи; но въ то же время Іаковъ запретилъ духовенству касаться въ своихъ проповѣдяхъ этого вопроса и обсуждать на каѳедрахъ поступки и характеръ Людовика. Людовикъ XIV, угрожаемый въ это время новою коалиціею, формируемой на защиту протестантизма Вильгельмомъ Оранскимъ, старался всячески убѣдить Іакова вступить въ открытый союзъ, и онъ съумѣлъ привлечь Іакова на свою сторону. Въ то время, какъ англичане содрогались при извѣстіяхъ о гоненіяхъ на гугенотовъ во Франціи, Іаковъ, не обращая вниманія на постановленія закона, наполнялъ свою новую армію католическими офицерами. Онъ отставилъ Галифакса за то, что онъ не согласился содѣйствовать его плану относительно отмѣны тестъ-акта. Іаковъ просилъ отмѣнить тестъ-актъ на томъ основаніи, что постановленія его были противны убѣжденіямъ многихъ офицеровъ. Благодаря постановленіямъ этого акта, и самъ Іаковъ когда-то долженъ былъ оставить свою службу во флотѣ. Не только виги, но и всѣ умѣренные тори и духовные смотрѣли на этотъ актъ, какъ на защиту противъ интригъ римской церкви. Парламентъ готовъ былъ на значительныя уступки: это доказывало согласіе его на введеніе постоянной арміи, что всегда было противно англійскимъ патріотамъ. Но согласиться на отмѣну тестъ-акта значило дать возможность католическимъ офицерамъ стать во главѣ вновь образованной арміи. Эту мѣру дворъ, не смотря на все свое вліяніе, не могъ провести. Палата была предана Іакову, но не хотѣла быть только орудіемъ въ его рукахъ. Поэтому, когда король предъявилъ парламенту высокомѣрное требованіе не касаться назначенія католиковъ офицерами и назначить субсидію на содержаніе его новыхъ войскъ, палаты, сильно встревоженныя такимъ образомъ дѣйствія короля, отказались назначить субсидію до тѣхъ поръ, пока король не возьметъ назадъ назначенія католиковъ офицерами. Лорды приняли еще болѣе рѣшительный тонъ; протестъ епископовъ противъ отмѣны тестъ-акта былъ поддержанъ, благодаря краснорѣчію Галифакса. Послѣ этого засѣданіе обѣихъ палатъ было отсрочено. Король рѣшился получить отъ судей то, въ чемъ ему отказалъ парламентъ. Онъ преобразовалъ королевскій судъ отставкою четырехъ судей, не хотѣвшихъ подчиниться его желаніямъ, и сталъ добиваться того, чтобы судьи королевской скамьи признали право короля дѣлать исключенія изъ постановленій тестъ-акта.

Юристы признавали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ король имѣлъ право разрѣшать отклоненія отъ постановленій основныхъ статутовъ, но только въ частныхъ случаяхъ, не представлявшихъ общественнаго

интереса. Но ни одинъ юристъ не считалъ законнымъ посягательства короля на права страны, освященныя долговременнымъ обычаемъ. Между тѣмъ Іаковъ требовалъ, какъ своей привилегіи, права отмѣнять запрещенія и наказанія, установленныя тестъ-актомъ, что было равнозначащимъ его отмѣнѣ. Чтобы испытать силу своей власти, король воспользовался дѣломъ сэра Эдуарда Гельза. Католики добивались отмѣны присягъ, установленныхъ тестъ-актомъ, и потому возбудили дѣло, которое должно было перенести вопросъ о присягахъ въ судъ королевской скамьи. Этотъ судъ не имѣлъ права отмѣнять присягъ, но могъ рѣшить, имѣлъ ли право король освободить того или другаго изъ своихъ подданныхъ отъ требуемыхъ закономъ формальностей. Кучеръ сэра Эдуарда Гельза, католика, назначеннаго королемъ въ полковники одного полка и комендантомъ Дуврской крѣпости, донесъ, что господинъ его не давалъ присяжной клятвы, хотя занималъ должность, причемъ доносчикъ требовалъ награды въ 500 ф. ст., назначенной закономъ за доносъ. Гельзъ былъ призванъ въ королевскій судъ, и дѣло разбиралось въ присутствіи 12 судей. 12 іюня 1686 г. приговоръ былъ произнесенъ въ пользу обвиненнаго. Одиннадцать изъ двѣнадцати судей объявили, что „законы Англіи были законами короля; что, слѣдовательно, англійскіе короли имѣли неотъемлемое право въ особыхъ случаяхъ, когда было необходимо, освобождать отъ дѣйствія карательныхъ законовъ, что одинъ король могъ опредѣлять эту необходимость, что это право не было ему даровано, но составляло древнее наслѣдіе верховной власти англійскихъ королей, которая не можетъ и никогда не могла быть отнята у нихъ“. Такимъ образомъ судьи утверждали право короля нарушать законы.

Іаковъ немедленно и нисколько не сдерживаясь воспользовался этимъ положеніемъ дѣла. Безъ всякаго ограниченія назначалъ онъ католиковъ какъ въ гражданскую, такъ и военную службу; онъ допустилъ въ тайный совѣтъ четырехъ католическихъ пэровъ. Законы, запрещавшіе въ королевствѣ присутствіе католическихъ священниковъ и открытое богослуженіе католиковъ, потеряли теперь все свое значеніе. Во дворцѣ св. Іакова была открыта для короля роскошная часовня. Кармелиты, бенедиктинцы, францисканцы—появились на улицахъ Лондона; іезуиты открыли большую школу въ Савойѣ. Быстрое возрастаніе неудовольствія вслѣдствіе такого образа дѣйствія побудило бы болѣе умнаго человѣка къ осторожности; но Іаковъ гордился безстрастіемъ, съ которымъ дѣйствовалъ. Послѣ возмущенія, вспыхнувшаго при открытіи новой католической часовни въ Сити, онъ расположилъ 13,000 человѣкъ лагеремъ въ Гоунслоу, чтобы навести страхъ на столицу. Намѣренія Іакова относительно Англіи были замѣтны по его образу дѣйствія въ сосѣднихъ королевствахъ. Въ Шотландіи онъ заявилъ себя настоящимъ деспотомъ. Онъ передалъ управленіе ея въ руки двухъ лордовъ: Мельфарта и Перта, обратившихся въ католичество; комендантомъ Эдинбургской крѣпости онъ назначилъ также католика. При Карлѣ шотландскій парламентъ былъ креатурой короля; однако, не смотря на подобострастіе его членовъ, былъ пунктъ, въ которомъ онъ оставался непоколебимъ: именно, онъ не поддавался на просьбу Іакова ввести вѣротерпимость для католиковъ. Тщетно соблазнялъ ихъ король обѣщаніемъ свободной торговли съ Англіей. „Продать намъ нашего Бога!“ восклицали они съ негодованіемъ. Іаковъ приказалъ шотландскимъ судьямъ считать всѣ законы противъ

католиковъ недѣйствительными, и это приказаніе было исполнено. Въ Ирландіи паписты были допущены, по приказанію короля, въ совѣтъ и на гражданскую службу. Католикъ лордъ Тирконель былъ поставленъ во главѣ арміи и немедленно принялся за реорганизацію ея, отставивъ протестантскихъ офицеровъ и причисливъ къ ней 2,000 католиковъ. Между тѣмъ въ Англіи началъ Іаковъ смѣлое нападеніе на церковь. Онъ смотрѣлъ на свою духовную верховность, какъ на орудіе, данное Провидѣніемъ для того, чтобы уничтожить то, что было сдѣлано его предшественниками. При Генрихѣ и Елизаветѣ это орудіе употреблялось для обращенія церкви въ протестантскую, при Іаковѣ оно же служило опять для обращенія ея въ католическую. Актомъ Долгаго парламента верховная коммиссія была объявлена незаконною. Этотъ актъ былъ подтвержденъ парламентомъ реставраціи, но теперь онъ былъ оставленъ безъ вниманія. Въ 1686 г. было назначено 7 коммиссаровъ для управленія церковью. Первый ударъ духовной коммиссіи постигъ лондонскаго епископа. Іаковъ запретилъ духовенству проповѣдывать противъ папства и приказалъ епископу Камптону отставить одного лондонскаго викарія, не хотѣвшаго подчиниться этому приказанію. Однако проповѣди противъ католичества раздавались со всѣхъ каѳедръ: извѣстные проповѣдники этого времени и ихъ приверженцы разсылали памфлеты и трактаты во всѣ стороны королевства. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ попыткахъ напугать церковь, Іаковъ рѣшилъ достигнуть своей цѣли другимъ путемъ, а именно нападеніемъ на высшія учебныя заведенія, которыя до тѣхъ поръ служили опорою для церкви. Обезпечить католицизмъ въ университетахъ значило завладѣть единственными учебными заведеніями, находившимися во власти духовенства. Кэмбриджъ избѣгнулъ этой участи довольно легко. Одинъ бенедиктинскій монахъ, рекомендованный королемъ на мѣсто профессора, не былъ принятъ вслѣдствіе его нежеланія исполнить установленныхъ условій. Послѣ этого вице-канцлеръ получилъ отставку. Болѣе настойчивое нападеніе было произведено противъ Оксфорда. Деканъ университетской коллегіи, обратившійся въ католичество, былъ оставленъ на службѣ, вопреки постановленіямъ закона. Коллегія Магдалины была самой богатой въ Оксфордѣ. Іаковъ рекомендовалъ въ президенты ея въ 1687 г. одного католика, Фармера, извѣстнаго своею развратною жизнью и вполнѣ неспособнаго къ этой должности. Члены учебнаго совѣта подали протестъ, и когда онъ не былъ принятъ, они выбрали президентомъ Гоуга, одного изъ членовъ своего собранія. Когда коммиссія объявила избраніе недѣйствительнымъ, Іаковъ предложилъ другаго кандидата Паркера, епископа оксфордскаго, католика въ душѣ и самаго низкаго изъ всѣхъ придворныхъ короля. Но члены совѣта коллегіи держались твердо своего законнаго главы. Напрасно пріѣзжалъ король въ Оксфордъ, призывалъ ихъ къ себѣ и бранилъ ихъ, стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ, какъ школьниковъ. „Я король“, говорилъ онъ, „и хочу, чтобы мнѣ повиновались. Ступайте въ вашу часовню немедленно и выберите епископа. Тѣ изъ васъ, которые не исполнятъ моей воли, почувствуютъ всю тяжесть моей руки“. Всѣ понимали, что, отдавъ коллегію въ руки католиковъ, Оксфордъ превратится въ католическую семинарію. Поэтому всѣ угрозы короля были оставлены безъ вниманія; но вскорѣ онѣ были приведены въ исполненіе. Спеціально для этого назначенная коммиссія прибыла въ университетъ, объявила Гоуга отставлен-

нымъ и назначила на его мѣсто Паркера. Члены отказались подчиниться этому распоряженію и были исключены изъ совѣта. По смерти Паркера, послѣдовавшей вскорѣ послѣ его назначенія, былъ опредѣленъ его преемникомъ католическій епископъ Джефердонъ; въ одинъ день 12 католиковъ заняли мѣста изгнанныхъ членовъ.

Какъ въ религіозныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ Іаковъ дѣйствовалъ съ одинаковою бѣшеною настойчивостью. Парламентъ былъ, послѣ нѣсколько разъ повторявшихся отсрочекъ, наконецъ распущенъ. Ничто болѣе не мѣшало королю нарушать законы. Большинство католическаго дворянства отстранилось, предчувствуя неизбѣжную реакцію послѣ такого образа дѣйствія. Даже Римъ совѣтовалъ быть умѣреннѣе. Іаковъ обезумѣлъ отъ успѣха своихъ предпріятій. Онъ доказалъ, что даже кровное родство не имѣло для него никакого значенія въ сравненіи съ требованіями его религіи. При вступленіи на престолъ онъ назначилъ старшаго брата своей жены Анны Гейде, Эдуарда, графа Кларендона—намѣстникомъ въ Ирландію, а младшаго Лоренса, графа Рочестера—казнохранителемъ. Теперь же онъ заявилъ Рочестеру, что не можетъ довѣрять столь важнаго поста человѣку, не раздѣляющему его религіозныхъ убѣжденій; и, послѣ его несогласія перемѣнить религію, онъ его отставилъ отъ должности. Его брата Кларендона постигла та же участь. Ихъ замѣнили католики. Іезуитъ Питеръ былъ сдѣланъ членомъ тайнаго совѣта. Папскому нунцію была приготовлена торжественная встрѣча въ Виндзорѣ. Іаковъ едва ли могъ не замѣчать проявленій общественнаго неудовольствія. Партія тори, хотя и преданная престолу, ненавидѣла тиранію такъ же, какъ и виги. Іаковъ приказалъ герцогу Норфолькскому нести саблю впереди себя во время своего шествія къ обѣднѣ. Герцогъ остановился передъ дверью часовни. „Вашъ отецъ пошелъ бы дальше“, сказалъ король.—„Отецъ вашего величества былъ лучше его; но и онъ не пошелъ бы такъ далеко“, возразилъ герцогъ. Молодому герцогу Сомерсету было поручено ввести папскаго нунція въ засѣданіе тайнаго совѣта. „Я не могу повиноваться вашему величеству, не нарушивъ закона“, отвѣчалъ онъ.—„Развѣ ты не знаешь, что я выше закона?“ спросилъ Іаковъ.—„Можетъ быть ваше величество, но не я“, возразилъ герцогъ. Его отставили.

Между тѣмъ духъ сопротивленія усиливался съ каждымъ днемъ. Самые преданные королю люди стали роптать, когда онъ въ доказательство ихъ преданности потребовалъ у нихъ измѣны религіи. Онъ вынужденъ былъ вскорѣ отказаться отъ плана подчинить своей волѣ церковь и тори. Подобно Карлу, онъ наконецъ обратился къ нонконформистамъ, и объявилъ въ 1687 году актъ вѣротерпимости, которымъ уничтожались всѣ постановленія противъ нихъ и католиковъ.

Соблазнъ такого предложенія былъ великъ: со времени паденія Шефтсбюри протестантскіе диссиденты терпѣли постоянное преслѣдованіе. Понятно, что нонконформисты нѣкоторое время были въ нерѣшимости; но недолго: большинство изъ нихъ, и въ томъ числѣ самые почтенные члены ихъ общества, остались вѣрны конституціи. Бакстеръ, Гове, Буніанъ отказались отъ вѣротерпимости, которая могла быть куплена только цѣною нарушенія закона. Этотъ неуспѣхъ подстрекалъ Іакова добиться отъ парламента отмѣны тестъ-акта. Онъ зналъ, что свободный парламентъ никогда на это не рѣшится. Лордовъ можно было еще подкупить

производствомъ ихъ въ пэры. Но на палату общинъ трудно было дѣйствовать. Губернаторамъ дано было порученіе регулировать выборы такъ, чтобы обезпечить возвращеніе тѣхъ кандидатовъ, которые обѣщали вотировать за отмѣну тестъ-акта. Губернаторы отказались исполнить это требованіе, вслѣдствіе чего и были отставлены отъ губернаторства. Когда такое же требованіе было представлено судьямъ, они отвѣчали, что будутъ дѣйствовать сообразно съ своею совѣстью и пошлютъ въ парламентъ такихъ членовъ, которые будутъ защищать протестантскую религію. Король долженъ былъ отказаться отъ надежды подчинить себѣ парламентъ. Самые фанатическіе изъ придворныхъ совѣтовали теперь, при видѣ этой рѣшительной оппозиціи, быть умѣреннѣе. Изъ всѣхъ сословій только духовенство не оказывало еще сопротивленія. Даже тираннія верховной духовной коммиссіи и нападеніе на университеты не возбудили явнаго протеста въ людяхъ, которые постоянно проповѣдывали доктрину о слѣпомъ повиновеніи даже худшему изъ королей. Но Іаковъ, кажется, рѣшилъ заставить ихъ это сдѣлать. 27-го апрѣля 1688 г. онъ издалъ новую декларацію о вѣротерпимости и приказалъ всѣмъ священникамъ читать ее во время богослуженія въ теченіе двухъ послѣдующихъ воскресеній. Было дано мало времени на размышленіе; но его и не требовалось много. Духовенство отказалось единодушно быть орудіемъ своего собственнаго униженія. Объявленіе было прочитано только въ четырехъ лондонскихъ церквахъ, и въ нихъ прихожане разошлись при самомъ началѣ чтенія. Почти все сельское духовенство отказалось повиноваться приказанію короля. Епископы дѣйствовали согласно съ духовенствомъ. За нѣсколько дней до назначеннаго воскресенья, архіепископъ созвалъ епископовъ, и вмѣстѣ они составили протестъ, въ которомъ заявляли свое рѣшеніе не объявлять деклараціи о вѣротерпимости. „Это возмущеніе!“ вскричалъ Іаковъ, когда ему донесли объ этомъ. Онъ рѣшилъ отомстить прелатамъ, подписавшимъ протестъ. Онъ велѣлъ духовной коммиссіи лишить ихъ епископствъ. Но она побоялась повиноваться ему въ этомъ дѣлѣ: она совѣтовала заключить ихъ въ Тоуеръ. Это и было исполнено; шествіе ихъ въ тюрьму сопровождалось громкими криками толпы; сторожа на колѣняхъ просили у нихъ благословенія; солдаты пили за ихъ здоровье. Настроеніе націи становилось очень грознымъ: министры умоляли Іакова уступить. Но упрямство его возрастало вмѣстѣ съ грозившей ему опасностью. „Снисходительность погубила моего отца“, говорилъ онъ. Обвиненные епископы явились какъ преступники передъ судомъ. Судьи были сильно напуганы волненіемъ въ народѣ. При словахъ: „не виновны“ раздались изъ толпы громкіе крики одобренія; верховые отправились по всѣмъ направленіямъ возвѣщать объ этомъ событіи.

Во главѣ арміи, расположенной лагеремъ въ Гаунсло, стояли лорды Февершамъ и Думбертонъ, оба паписты. Іаковъ часто посѣщалъ этотъ лагерь, обращаясь съ офицерами и солдатами съ напускнымъ добродушіемъ. Въ этомъ гаунслоскомъ лагерѣ, предметѣ его отеческихъ заботъ, Іаковъ съ огорченіемъ видѣлъ успѣхъ памфлета, обращеннаго къ солдатамъ и во множествѣ экземпляровъ распространеннаго между ними. Посланіе было озаглавлено: „Предостереженіе арміи“. Авторомъ ея былъ Самуэль Джонсонъ, священникъ англиканской церкви, издавшій книгу подъ заглавіемъ „Юліанъ Отступникъ“ еще въ то время, когда Іаковъ былъ герцогомъ Іоркскимъ. Теперь его заключили въ темницу, по обви-

пенію въ клеветѣ на Іакова, заключающейся въ этомъ сочиненіи. Изъ своего заключенія Джонсонъ и написалъ вышеназванное посланіе къ протестантскимъ солдатамъ, стоявшимъ въ лагерѣ, умоляя ихъ не быть орудіями въ рукахъ тиранна, стремящагося уничтожить протестантскую вѣру. Его снова привлекли къ суду и присудили къ лишенію духовнаго сана, къ позорному столбу и проведенію по всѣмъ улицамъ Лондона подъ ударами кнута—наказанію самыхъ низкихъ злодѣевъ.

Изъ гаунслоскаго лагеря сочиненіе Джонсона, получившее извѣстность вслѣдствіе преслѣдованія коммиссіи, перешло во флотъ и было принято матросами такъ же, какъ и солдатами. Расположеніе ихъ умовъ, очевидно, было согласно съ расположеніемъ умовъ цѣлой націи. Оно не обнаружилось въ заговорахъ, всегдашнемъ прибѣжищѣ слабыхъ партій. Одна твердая надежда подкрѣпляла умы и придавала имъ силу и терпѣніе, когда, быть можетъ, ихъ считали робкими: Іакову было уже за пятьдесятъ лѣтъ, неправильная жизнь издавна расположила его къ болѣзнямъ, поддерживаемымъ темнымъ развратомъ, жертвой котораго, какъ говорили, была королева, его вторая жена; королева, уже четыре раза терявшая надежду дать наслѣдника престола, была, не смотря на свою молодость, очень истощена и уже семь лѣтъ не была беременна. Такимъ образомъ принцесса Марія, супруга принца Оранскаго, должна была, по праву, быть призвана загладить бѣдствія протестантской религіи; для возстановленія народныхъ вольностей разсчитывали на ея привязанность къ этой религіи и на мудрость штатгальтера; рѣшились ожидать, что естественный ходъ дѣлъ принесетъ это врачеваніе, опытъ давалъ ему преимущество передъ крайними средствами. Но когда въ іюнѣ 1688 г., у Іакова родился сынъ, котораго отецъ, разумѣется, долженъ былъ воспитать въ католицизмѣ, это заставило приверженцевъ протестантизма дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе, тѣмъ болѣе, что носились упорные и притомъ правдоподобные слухи, что новорожденный принцъ подставной.

Но и господствующая въ Англіи партія также имѣла въ виду предстоявшее царствованіе Вильгельма, по праву принцессы, его супруги. Съ каждымъ днемъ приближалась развязка вопроса. Что станется съ католической религіей по смерти короля? Вотъ вопросъ, который всего болѣе занималъ католиковъ. Но и сами католики дѣлились на двѣ партіи: одна—умѣренная, именно та, къ которой принадлежала большая часть обратившихся въ католицизмъ изъ корыстныхъ видовъ; другая—крайняя, во главѣ которой были іезуиты.

Изъ обстоятельствъ и исхода дѣла англиканскихъ епископовъ крайніе католики увидѣли, что они уже не располагаютъ судами, что народъ перестал ихъ бояться, что армія не хотѣла имъ служить. Но успѣвъ въ томъ, что они предприняли вопреки умѣреннымъ католикамъ, достигнувъ исключенія протестантовъ отъ престолонаслѣдія, они полагали, что время и осторожность сдѣлаютъ остальное, что рожденіе Валлійскаго принца будетъ покровительствовать ихъ преобразованію, что имъ остается только стараться объ его поддержаніи.

Они считали подчиненіе страны почти законченнымъ и полагали, что подъ сѣнью царственнаго младенца, противъ котораго доселѣ возникали лишь темныя опроверженія, они могутъ безъ новыхъ насилій постепенно образовать и упрочить свою систему. Они нѣсколько безпокоились на-

насчетъ принца Оранскаго; его поздравленія по поводу родовъ королевы не ослѣпляли ихъ настолько, чтобы они могли принять его за простака, готоваго легко отказаться отъ своихъ правъ на корону; но они не думали, что, при жизни законнаго государя, его тестя и ихъ владыки, онъ дерзнетъ на какое-либо предпріятіе. Разсчитывая такимъ образомъ, католики ошибались. Рожденіе принца Валлійскаго далеко не прекратило начатаго спора касательно билля объ исключеніи, а дѣло епископовъ, напротивъ того, начинало новую борьбу. Перевѣсъ, одержанный народомъ, былъ очевиднымъ слѣдствіемъ энергіи, которою онъ вооружился, такъ что нельзя было ожидать, что послѣ такого удачнаго испытанія своихъ силъ онъ подчинится тому, что еще могли бы предпринять противъ него при помощи обычныхъ ухищреній. Народъ достигъ той степени, когда возстаніе сдѣлалось не только возможнымъ, но даже почти неизбѣжнымъ.

Теперь, какъ и въ 1640 году, лица высшаго дворянства сдѣлались предводителями народа, но уже не съ великодушною неопытностью, которая въ то время увлекла его за предѣлы ихъ принциповъ и желаній. Сознавая, сколько они могутъ потерять или выиграть въ этой игрѣ въ революцію, ставшую неизбѣжною, они чувствовали, что имъ надлежитъ начать ее, чтобы она не обратилась противъ нихъ.

Простая дворцовая революція могла быстро рѣшить вопросъ между католиками и протестантской религіей, между королевскою властью, основанною на божественномъ правѣ, и королевскою властью обоюдо-признанною. Они рѣшились предпринять эту революцію, и если она могла служить ихъ сословнымъ выгодамъ, то обѣщала также общія выгоды для всей Англіи, выгоды, поддержавшія диктатуру Кромвелля, потребовавшія реставраціи, соорудившія выгоды порядка. Порядокъ былъ нынѣ нарушенъ крайними католиками, потому что, подставивъ Валлійскаго принца, они похитили у народа надежду, въ которой онъ могъ найти безопасность среди своихъ нарушенныхъ правъ. Для возвращенія себѣ вольностей, необходимыхъ для благоденствія и просвѣщенія, народъ не взволновался бы безъ того, чтобы не послѣдовали смуты, чтобы его раздѣленіе на сословія и религіозныя секты не возобновило различія религіозныхъ и политическихъ партій, враждебныхъ одна другой; онъ не затронулъ бы правительства безъ того, чтобы не коснуться потомъ прочнаго общественнаго устройства. Протестантская аристократія съумѣла отстранить выгодныя злоупотребленія, смотря на англійскую свободу не только какъ на благо народа, но какъ на наслѣдіе законнаго преемника Іакова. Она призвала принца Оранскаго, чтобы онъ завоевалъ у папистовъ корону, которую отнималъ у него же принцъ Валлійскій, и народныя вольности, долженствовавшія быть удѣломъ этой короны.

LXXIII. РЕВОЛЮЦІЯ 1688 ГОДА.

(Изъ соч. Армана Карреля: „Исторія контръ-революціи въ Англіи“, т. I).

Въ началѣ 1686 г. лордъ Мордоунтъ, отличившійся въ парламентѣ 1685 г. силою своей оппозиціи, отправился въ Голландію, дабы склонить принца Оранскаго къ принятію дѣятельнаго участія въ англійскихъ

дѣлахъ. Такъ какъ въ это время расположеніе націи еще не вполнѣ высказалось и, съ другой стороны, лордъ Мордоунтъ внушалъ довѣріе скорѣе какъ горячій патріотъ и твердый протестантъ, нежели какъ человѣкъ разсудительный и способный хранить тайну, то принцъ Оранскій не счелъ нужнымъ раздѣлять его мнѣніе о своевременности и легкости высадки въ Англію. Онъ сказалъ ему только въ общихъ выраженіяхъ, что будетъ слѣдить за англійскими дѣлами и такъ поведетъ голландскія, чтобы они ему дали свободу дѣйствовать, когда онъ это найдетъ нужнымъ; что если король посягнетъ на права принцессы, своей дочери, перемѣнитъ установленную религію и станетъ губить мнимыми заговорами значительныхъ лицъ, ее защищающихъ, то, для сохраненія столь дорогихъ интересовъ, онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее.

Согласно этимъ обѣщаніямъ, принцъ Оранскій постарался, въ политическихъ сношеніяхъ Англіи съ Голландіей, такъ искусно примѣшать къ своей личной досадѣ на Іакова II неудовольствія, причинявшіяся голландскому правительству придирчивою политикой министровъ Іакова, что Голландія могла находить прямую для себя пользу помогать ему въ томъ, что онъ счелъ бы нужнымъ предпринять для поддержанія правъ своей жены на англійскую корону. По случаю отмѣны Нантскаго эдикта ему удалось также настолько встревожить всѣ протестантскія государства Европы и упрочить вѣроятность новой общей войны съ Людовикомъ XIV, что онъ пріобрѣлъ какое-то право собирать и передвигать войска такимъ образомъ, что нельзя было заранѣе опредѣлить, противъ кого онъ поведетъ ихъ. Переписка съ докторомъ Борнетомъ, частыя сношенія со многими англійскими протестантами и свѣдѣнія, собиравшіяся посланникомъ Диквельтомъ, руководили принца во всѣхъ дипломатическихъ и военныхъ приготовленіяхъ, тайну которыхъ зналъ онъ одинъ. Наконецъ весьма щекотливый вопросъ между нимъ и его супругой былъ разъясненъ при посредствѣ доктора Борнета. Принцъ, на основаніи англійскихъ законовъ, могъ облечься въ королевскій санъ лишь по имени и только на время жизни его супруги, что мало соотвѣтствовало человѣку съ его характеромъ. Принцесса, уступивъ просьбамъ доктора Борнета объясниться, какимъ образомъ она поступитъ въ отношеніи къ своему мужу, если когда-нибудь получитъ англійскую корону, обязалась передать ему всю власть, лишь только будетъ облечена ею, и такое объясненіе было принято Вильгельмомъ, какъ поддержка, недостававшая для исполненія его намѣреній. Послѣ лорда Мордоунта графъ Шрусбери переѣхалъ въ 1687 г.—не просить о преждевременномъ вмѣшательствѣ, а только изложить принцу Оранскому расположеніе знатныхъ англичанъ и общее состояніе дѣлъ. Принцъ Оранскій, хотя уже принялъ окончательное рѣшеніе, однако считалъ нужнымъ дать графу Шрусбери только смутныя надежды; но мѣры его въ отношеніи къ Голландіи и къ Европѣ были окончательно приняты, какъ процессъ епископовъ и рожденіе Валлійскаго принца внезапно измѣнили взаимное положеніе англійскаго народа и правительства крайнихъ католиковъ.

Принцъ отправилъ Зульстейна поздравить Іакова съ рожденіемъ наслѣдника. Этому посланнику даны были тайныя инструкціи вывѣдать настроеніе двора и высшаго духовенства, посовѣтовать епископамъ, для привлеченія на свою сторону нонконформистовъ, воспользоваться популярностью, какую доставило имъ сопротивленіе. Нонконформисты вообще

не вѣрили обѣщаніямъ католической партіи; они съ радостью встрѣтили свободу, но считали ее временною уступкой. Англичане, обезпечивая имъ эту свободу, возбуждали менѣе сомнѣній въ ихъ намѣреніяхъ. Епископы въ своемъ прошеніи къ королю не упустили выразить желаніе, чтобы отнынѣ не было протестантскихъ нонконформистовъ, но въ то же время объявили, что одному парламенту принадлежитъ право отмѣнять законы о единообразіи, въ которыхъ могло бы не предстоять болѣе надобности. Адвокаты епископовъ говорили въ томъ же смыслѣ; во всѣхъ сочиненіяхъ, изданныхъ англиканами по этому дѣлу, упоминалось о нонконформистахъ, какъ о братьяхъ, отъ которыхъ не желали отдѣляться прежними строгими законами, всегда имѣвшими въ виду главнымъ образомъ папистовъ. Примиреніе блистательно осуществилось въ дѣлѣ епископовъ. Такъ какъ епископы жертвовали собою за общее дѣло, то не было ни одного нонконформиста, который бы не гордился имѣть ихъ своими представителями. Лондонское населеніе, какъ и во время папистскаго заговора, всецѣло раздѣляло протестантскіе интересы; такое же сближеніе послѣдовало и во всѣхъ другихъ частяхъ королевства.

Въ началѣ іюня адмиралъ Россель пріѣхалъ въ Голландію сообщить принцу Оранскому часть этихъ важныхъ результатовъ. Адмиралъ былъ человѣкъ честный, горячій въ своихъ убѣжденіяхъ и всѣми уважаемый. Большое число лицъ, значительныхъ по своему званію и вліянію, поручили ему напрямикъ объясниться съ принцемъ и узнать отъ него положительно, въ силахъ ли онъ разомъ предупредить послѣднія покушенія папистовъ и несчастія, могущія послѣдовать отъ общаго возстанія англичанъ противъ ненавистнаго всѣмъ правительства. Вильгельмъ отвѣчалъ, что если большое число знатныхъ англичанъ пригласитъ его, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени ихъ приверженцевъ, возвратить націи ея права и религіи ея безопасность, то онъ полагаетъ, что въ концѣ сентября будетъ имѣть возможность отвѣтить на этотъ призывъ. Адмиралъ возвратился въ Англію; къ нему вскорѣ присоединился Сидни, братъ знаменитаго Альджернона. Сэръ Сидни былъ въ 1679 г. англійскимъ посланникомъ въ Гагѣ; изъ всѣхъ англичанъ, извѣстныхъ принцу, этотъ человѣкъ возбуждалъ въ немъ наиболѣе уваженія. Онъ заслуживалъ этого уваженія многими достоинствами, изъ которыхъ нѣкоторыя дѣлали его неоцѣненнымъ въ предпріятіи подобнаго рода; его осторожность и вѣрность сужденія служили порукой за его выборы и за тайну сношеній между принцемъ и англійскими лордами. Такъ какъ онъ былъ не довольно дѣятеленъ, то принцъ пожелалъ, чтобы докторъ Борнетъ присоединилъ къ нему одного изъ своихъ родственниковъ, по имени Джонстона, чрезвычайная рачительность котораго дѣлала изъ него неоцѣненнаго агента.

Мордоунтъ, Шрусбери, Россель, Сидни, собравшіеся въ Англіи, приступили къ приготовленію приглашенія, вслѣдствіе котораго принцъ Оранскій обѣщалъ дѣйствовать. Они выпытали маркиза Галифакса, прежняго министра Данби, графа Девоншира, трехъ главныхъ начальниковъ арміи, лорда Чорчиля и тѣхъ епископовъ, которые отличились въ послѣднемъ сопротивленіи. Маркизъ Галифаксъ показалъ съ первыхъ словъ, что отъ него нельзя ожидать вмѣшательства. Графъ Девонширъ и Данби горячо приняли проектъ призвать принца Оранскаго. Данби склонилъ лондонскаго епископа, а чрезъ него и другихъ шесть еписко-

повъ, процессъ которыхъ только-что кончился. Кэркъ, слывшій патріотомъ со времени смѣлаго отвѣта, даннаго Іакову, когда послѣдній задумалъ обращать его, поручился за себя и за войска, которыми командовалъ. Лордъ Чорчиль, впослѣдствіи герцогъ Марльборо, далъ тѣ же увѣренія. Онъ долгое время былъ любимцемъ и почти другомъ Іакова. Отличаясь при дворѣ превосходствомъ ума и изяществомъ обращенія, далеко оставлявшимъ за собою самыхъ блистательныхъ вельможъ, онъ уже оказывалъ на датскую принцессу вліяніе, которое впослѣдствіи должно было возвести его такъ высоко. Когда мнимое рожденіе Валлійскаго принца совершенно раздѣлило интересы принцессы для отца, молодой лордъ покинулъ короля; онъ обѣщалъ перейти на сторону принца Оранскаго, какъ только послѣдній явится, и убѣдить принца и принцессу датскихъ послѣдовать его примѣру. Племянникъ Борнета, Джонстонъ, безпрестанно переѣзжая изъ Шотландіи въ Англію и изъ Англіи въ Голландію, самъ велъ всю переписку заговорщиковъ. Онъ передавалъ голландскимъ заговорщикамъ о новыхъ побѣдахъ друзей ихъ въ Англіи и Шотландіи и возвращался ободрять послѣднихъ разсказами о томъ, что дѣлалось для ихъ поддержанія въ Голландіи. Хотя тайна распространялась между постоянно возраставшимъ числомъ лицъ, однако она хорошо хранилась, потому что правительство Іакова стало слишкомъ слабымъ, чтобы привлекать къ себѣ переметчиковъ.

Только въ августѣ мѣсяцѣ лордъ Россель, сэръ Сидни, Джонстонъ и графъ Шрусбери покинули Англію, чтобы возвратиться уже вмѣстѣ съ принцемъ Оранскимъ. Они были снабжены пригласительными письмами, которыхъ ожидалъ принцъ. Прошло лишь нѣсколько недѣль со времени окончанія дѣла епископовъ; принятая крайними католиками система осторожности была такъ скоро понята націей и до такой степени усилила смѣлость ея презрѣнія и негодованія, что система эта уже не годилась, и надлежало снова прибѣгнуть къ силѣ; но войскъ, на которыя можно было бы положиться, уже не было болѣе. Послѣ дѣла епископовъ радость солдатъ, собранныхъ въ гаунслотскомъ лагерѣ, не успокоилась такъ скоро, какъ радость лондонскаго населенія, и приняла болѣе тревожный характеръ. Небольшое число папистскихъ солдатъ, служившихъ въ полкахъ, стало вдругъ предметомъ поруганія протестантскихъ солдатъ и подвергалось постояннымъ оскорбленіямъ со стороны послѣднихъ. Грозные тосты противъ папистовъ сопровождались на шумныхъ пирахъ, данныхъ по случаю злополучныхъ годовщинъ, яростными рукоплесканіями. Пришлось распустить лагерь, расформировать роты, какъ полкъ реставраціи, и удалить нѣсколько сорванцовъ, которые становились еще опаснѣе въ средѣ народа, когда для приведенія его въ движеніе недоставало только энергическихъ зачинщиковъ.

Дѣла пошли еще далѣе во флотѣ, состоявшемъ изъ 80 военныхъ судовъ, собранныхъ королемъ при извѣстіяхъ о вооруженіяхъ, происходившихъ въ голландскихъ гаваняхъ. Адмиралъ Стрикландъ, папистъ, получивъ начальствованіе этимъ флотомъ, взялъ съ собой на судно католическихъ священниковъ; когда послѣдніе однажды должны были служить обѣдню на палубѣ его корабля, экипажъ разразился угрозами и ропотомъ, которые, переходя съ корабля на корабль, дали поводъ опасаться общаго возмущенія флота. Узнавъ о происшедшемъ, король явился самъ среди матросовъ, и порядокъ былъ возстановленъ только отсылкою

королевскаго духовенства. Моряки выказали свою ненависть къ правительству іезуитовъ рѣшительнѣе сухопутныхъ войскъ: у нихъ предъ глазами постоянно было счастливое морское соперничество Франціи; они видѣли себя осужденными не только ничего не предпринимать противъ Людовика XIV, врага свободы народовъ и протестантской религіи, но большею частью служить опорой этому королю противъ человѣка, въ теченіе 20-ти лѣтъ дававшаго Голландіи положеніе, которое царствованіе Елизаветы и правленіе Кромвелля, казалось, навсегда назначали для Великобританіи. Зато же расположеніе англійскихъ моряковъ было не только враждебно Іакову, но отличалось горячимъ сочувствіемъ къ характеру и дѣламъ Вильгельма, на котораго они смотрѣли, какъ на вождя протестантской Европы. Вотъ каковы были бы первые противники, которыхъ могъ бы противопоставить Іаковъ своему зятю, еслибы послѣдній вздумалъ, переплывъ море, оспаривать у него корону.

Принцъ Оранскій не ждалъ возвращенія Росселя и другихъ знатныхъ англичанъ, чтобы начать дѣйствовать. Такъ какъ онъ во время ихъ пребыванія въ Англіи получалъ весьма точныя извѣщенія объ успѣхахъ ихъ мѣръ, а расположеніе народа, флота и арміи явнымъ образомъ вызывали его, то онъ въ іюлѣ и счелъ возможнымъ объявить доктору Борнету, что въ теченіе октября явится въ Англію съ 15,000 войскомъ. Приглашеніе англійскихъ вельможъ ожидалось въ это время уже не для того, чтобы обусловить предпріятіе, но единственно какъ полномочіе въ глазахъ тѣхъ, кто, узнавъ о прибытіи принца, спросилъ бы, по какому праву является иностранецъ для защиты англійской свободы.

Этотъ важный документъ, приписываемый главнымъ образомъ графу Данби и доктору Борнету, былъ написанъ съ совершеннымъ знаніемъ всѣхъ интересовъ и всѣхъ мнѣній, которые надлежало согласить и свести къ одному и единственному способу освобожденія: въ ней перечислялся длинный рядъ жалобъ Англіи на Іакова, начиная съ отобранія хартій, приписывавшагося его вліянію въ качествѣ герцога Іоркскаго, до подлога Валлійскаго принца, послѣдняго покушенія папистской партіи. Всѣ обстоятельства беременности и мнимыхъ родовъ были представлены и обсуждены такимъ образомъ, чтобы вселить въ умахъ убѣжденія по этому вопросу, которымъ—что было особенно важно—принцъ Оранскій какъ будто бы уступалъ. Съ содержаніемъ этого документа втайнѣ соглашались лица, сближенія которыхъ въ попыткѣ подобнаго рода нельзя было ожидать нѣсколько лѣтъ тому назадъ: люди самые рьяные въ послѣднюю роялистскую реакцію и люди, участвовавшіе въ заговорѣ съ знаменитыми патріотами Росселемъ и Сидни,—люди, недавно помогавшіе герцогу Монмуту, и люди, боровшіеся съ нимъ.

Итакъ съ іюля Вильгельмъ рѣшился завоевать владѣнія своего тестя. Главное условіе успѣха — согласіе Англіи — было несомнѣнно; но надо было собрать достаточныя силы, чтобы не встрѣтить неудачи въ случаѣ, если часть арміи или флота Іакова останется ему вѣрною и король вздумаетъ покончить все однимъ дѣломъ; надлежало пріобрѣсти содѣйствіе Голландской республики и расположить въ Европѣ въ пользу предпріятія достаточное число государствъ, дабы Голландія, согласясь на такую смѣлую экспедицію и ослабивъ себя частью силъ на ея поддержку, могла не бояться Людовика XIV.

Для Людовика XIV было выгодно поддерживать на англійскомъ пре-

столѣ короля, отвѣчавшаго ему за нейтралитетъ націи, соперницы скованной, но всегда грозной. Униженію Англіи подъ управленіемъ, враждебнымъ ея чувствованіямъ, потребностямъ, успѣхамъ, былъ главнымъ образомъ обязанъ Людовикъ XIV спокойствіемъ своихъ владѣній. Людовику XIV было всегда необходимо, чтобы Стюарты оставались на престолѣ; и въ этомъ состояла тайна его дружбы къ нимъ. Прошло десять лѣтъ со времени нимвегенскаго мира. Онъ употребилъ это время, посредствомъ толкованія условій мира, достигнутаго вслѣдствіе истощенія Европы и корыстной угодливости Карла II на расширеніе территоріальнаго положенія Франціи, на возвышеніе внутренняго состоянія своего королевства до уровня его могущественнаго положенія предъ Европой. Въ то же время интересы другихъ государствъ Европы были такъ раздроблены и государства эти такъ ослабѣли, что не были въ состояніи что-либо предпринять противъ этой націи, возвеличенной своей покорностью деспотизму, давшему единство долго разрозненнымъ силамъ ея. Но Испанія была въ постоянной тревогѣ за свои Нидерландскія владѣнія; имперія имѣла право потребовать у Франціи отчета вслѣдствіе множества мелкихъ захватовъ; Голландія и всѣ протестантскія государства Германіи считали для себя опасностью отмѣну Нантскаго эдикта; папа Инокентій IX, оскорбленный въ самомъ Римѣ, отлучилъ отъ церкви французскаго посланника; англійскій народъ ненавидѣлъ Людовика XIV за іезуитское правленіе, которое онъ поддерживалъ, не взирая на презрѣніе всей Европы. Для возбужденія противъ Франціи взрыва столькихъ неудовольствій недоставало лишь случая; онъ скоро представился, и въ общемъ европейскомъ потрясеніи, распространившемся такъ широко, какъ никогда не бывало, желанная англичанами революція была лишь необходимымъ эпизодомъ.

Въ то время, когда Вильгельмъ помышлялъ о средствахъ скрыть отъ Людовика XIV приготовленія къ своей экспедиціи, умеръ курфюрстъ Кельнскій, Фердинандъ Баварскій, вѣрный союзникъ Голландской республики. Положеніе Кельна, на двадцать миль господствовавшаго надъ теченіемъ Рейна и прикрывавшаго съ востока часть голландской границы, дѣлало важнымъ для Голландской республики союзъ съ курфюрстомъ, который наслѣдовалъ бы Фердинанду Баварскому. Съ другой стороны, Людовику было выгодно, чтобы этотъ наслѣдникъ былъ ему преданъ; онъ поддерживалъ нѣкоего кардинала Фюрстемберга, противъ котораго, вслѣдствіе этого, возстали государи протестантскихъ владѣній, сосѣднихъ съ Рейномъ, имперія и римскій дворъ. Послѣдній, будучи уже въ ссорѣ съ французскимъ дворомъ по поводу вольностей галликанской церкви и оскорбленія, нанесеннаго ему у самаго порога Ватикана, высказался противъ кардинала Фюрстемберга; завязался долгій споръ. Людовикъ XIV грозилъ установить своего кандидата помимо Рима и имперіи, а потому принцъ Оранскій получилъ въ одно и то же время предлогъ начать вооруженія, побудительную причину къ образованію общей коалиціи изъ противниковъ французскаго вліянія, наконецъ возможность задержать Людовика XIV на Рейнѣ, такъ чтобы онъ не могъ помѣшать его намѣреніямъ относительно Англіи.

Когда найденъ былъ случай, котораго только и недоставало для давно обдуманныхъ плановъ Вильгельма, тогда все съ удивительной быстротой содѣйствовало ихъ исполненію. Въ нѣсколько недѣль знаме-

нитый Аугсбургскій союзъ соединилъ противъ Франціи Австрію, Голландію, Баварію, Испанію, Бранденбургъ, Саксонію, Данію, Швецію, Савойю и римскія владѣнія; коалиція грозная и въ то же время странная, въ которой, съ одной стороны, весь сонмъ протестантскихъ государствъ поддерживаетъ рѣшеніе папы противъ кардинала Фюрстемберга, а съ другой—державы, всегда враждебныя протестантизму, какъ-то: Баварія, Австрія и Испанія, вооружаются противъ короля, отмѣнившаго Нантскій эдиктъ; одна Англія, осужденная на бездѣйствіе, оставалась внѣ этого громаднаго движенія: случилось такъ, что во время европейскаго заговора противъ Людовика XIV образовался почти такой же обширный заговоръ противъ Іакова II. Голландскіе штаты сперва смотрѣли на военныя приготовленія, уже сдѣланныя Вильгельмомъ, какъ на полезную демонстрацію въ кельнскомъ вопросѣ; но, взглянувъ на дѣло съ болѣе обширной точки зрѣнія, они поняли, что пожертвованія людьми и деньгами, которыхъ отъ нихъ требовалъ принцъ для экспедиціи въ Англію, послужатъ къ спасенію республики; что освобожденная Англія немедленно вновь займетъ, среди враговъ Людовика XIV, мѣсто, на которое призываютъ ее могущество и народная ненависть къ Франціи. Протестантскія государства, болѣе тѣсно связанныя съ интересами Голландіи, держались тѣхъ же взглядовъ и обѣщали въ отсутствіи Вильгельма назначить 30,000 человѣкъ единственно для защиты Голландской территоріи. Большая часть союзниковъ, постепенно посвящавшихся въ тайну, почувствовали необходимость содѣйствія англійской націи и предвидѣли, что пріобрѣтутъ союзъ ея, содѣйствуя экспедиціи Вильгельма; что такой человѣкъ, во главѣ подобнаго народа, нападая на могущество Людовика XIV, скоро обратитъ его гордое величіе въ униженіе. Такимъ образомъ, Вильгельму удалось склонить въ свою пользу европейскую политику помимо всякой личной непріязни къ Іакову тѣхъ государей, которые желали теперь его паденія.

Въ началѣ сентября дѣла уже находились почти въ такомъ положеніи, и сношенія между высокоцерковниками, аристократіей и принцемъ были доведены до желаемой цѣли, хотя Іаковъ и не подозрѣвалъ ничего, что противъ него замышлялось. Постоянно, повидимому, заботясь о созваніи парламента въ ноябрѣ, онъ отдался жалкимъ мелочнымъ интригамъ, которыя, по его мнѣнію, могли составить нижнюю палату, враждебную присягамъ и благопріятную разрѣшительной власти; но тутъ онъ получилъ, чрезъ Барильона, отъ Людовика XIV настоятельный совѣтъ принять мѣры къ сопротивленію противъ вторженія, приготовляемаго принцемъ Оранскимъ. Къ этому совѣту Барильонъ присоединилъ, отъ имени своего государя, предложеніе корпуса въ 15 тысячъ человѣкъ, который долженъ былъ бы высадиться въ Портсмутѣ, и эскадры, которая наблюдала бы за голландцами. Іаковъ не хотѣлъ вѣрить такой опасности. Такъ велика и непоколебима была увѣренность Іакова въ любви своихъ подданныхъ,—послѣ всего того, что онъ сдѣлалъ, чтобы потерять ее,—что самому Альбевилю, поспѣшно прибывшему, чтобы предупредить о происходившемъ въ Голландіи, было настоятельно поручено вездѣ распространять мнѣніе, что голландскія вооруженія не имѣли другой цѣли, кромѣ кельнскаго дѣла, и для поддержанія этихъ смѣшныхъ увѣреній Іаковъ счелъ за нужное воздерживаться отъ всякаго заявленія по этому поводу. Людовикъ XIV, отчаявшись побѣдить такое

упрямое недовѣріе, попробовалъ запугать штаты, объявивъ, что между нимъ и королемъ Великобританіи существуетъ такой тѣсный союзъ, что всякую попытку противъ владѣній этого государя онъ сочтетъ за покушеніе на его собственную корону. Іаковъ опровергъ заявленіе Людовика XIV относительно союза, на который указывалъ штатамъ этотъ король, и продолжалъ не только говорить, но и дѣйствовать, какъ человѣкъ, наслаждавшійся полнѣйшею безопасностью.

Однако военныя приготовленія принца Оранскаго уже такъ очевидно имѣли своимъ предметомъ Англію, что принцъ и сами штаты не заботились больше о притворствѣ. Обѣщанный протестантскими государствами контингентъ началъ собираться на восточной границѣ Голландіи; десять тысячъ человѣкъ лучшей пѣхоты республики стояли лагеремъ въ Нимвегенѣ, ожидая лишь приказанія направиться къ морю; значительное количество транспортныхъ судовъ собиралось у береговъ сѣверной Голландіи. Адмиралъ Гербертъ, братъ того, который наслѣдовалъ Джеффризу въ должности верховнаго судьи, дѣятельно и искусно распоряжался въ этой провинціи всѣми приготовленіями къ посадкѣ войскъ на суда. Гербертъ былъ самымъ замѣчательнымъ морякомъ Англіи; онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ покинулъ дворъ Іакова. Вильгельмъ назначилъ его начальникомъ отправляемаго флота, — постъ, на которомъ его дарованія и еще болѣе вліяніе его имени на духъ англійскихъ моряковъ дѣлали его драгоцѣннымъ. Семьдесятъ военныхъ судовъ были уже предназначены и собраны въ нѣсколькихъ мѣстахъ для прикрытія, подъ начальствомъ Герберта, голландской экспедиціи. Транспортныя суда должны были принять, сверхъ 15,000 солдатъ и около 6,000 лошадей, 30,000 ружей для англійскихъ инсургентовъ, еслибы въ нихъ оказалась надобность. Закупки были сдѣланы заблаговременно и, чтобъ начать посадку войскъ на суда, ждали только окончанія переговоровъ о займѣ 4-хъ милл. флориновъ, просимыхъ Вильгельмомъ у штатовъ. Вотъ что было извѣстно почти всей Европѣ, когда Іаковъ еще отказывался вѣрить въ какой-либо злой умыселъ своего зятя противъ его короны. Но подъ этой кажущеюся недовѣрчивостью, можетъ быть, скрывался уже и разсчетъ трусости, ибо, не обнаруживая никакого страха, Іаковъ передвигалъ войска, для обезпеченія, на всякій случай, своего бѣгства въ Портсмутъ.

Къ концу сентября четыре милліона флориновъ были выданы Вильгельму, къ великому удивленію французскаго и англійскаго посланниковъ, ожидавшихъ въ этомъ дѣлѣ продолжительныхъ затрудненій. Тогда же время посадки войскъ было назначено на 5-е и 6-е октября.

Адмиралъ Гербертъ снялся съ якоря въ первыхъ числахъ октября съ сильною эскадрою, которая должна была прикрывать сборъ транспортныхъ судовъ и посадку войскъ. Онъ долженъ былъ проникнуть довольно далеко въ Ламаншъ, чтобы соединить противъ себя англійскія эскадры, которыя, какъ предполагали, были посланы Іаковомъ для развѣдки. Нагрузка судовъ началась съ 6 октября. Прошло почти три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ процессъ епископовъ обнаружилъ расположеніе умовъ въ Англіи. Со времени этого дѣла дѣйствіе на нее правительства Іакова стало почти ничтожно; случаевъ, могшихъ возбудить народное неудовольствіе, старательно избѣгали; судьи получили приказаніе поступить при своихъ объѣздахъ съ величайшею умѣренностью, вездѣ подавать новыя

надежды, обѣщать въ ноябрѣ парламентъ. Но съ судьями обращались съ такимъ презрѣніемъ, говоритъ историкъ, что едва соблюдали въ отношеніи къ нимъ законы приличія даже и тогда, когда они засѣдали въ судѣ. И это происходило въ то время, когда между солдатами и моряками возрасталъ духъ возмущенія, обнаруживаясь различными рѣчами и шумными сценами! На великое движеніе, совершившееся въ европейской политикѣ въ теченіе августа и сентября, англичане смотрѣли, какъ на признакъ освобожденія, ожидаемаго уже пять лѣтъ. Приготовленія принца Оранскаго были всѣмъ извѣстны, какъ вслѣдствіе обширности заговора, развѣтвленія котораго покрывали всю Англію, такъ и вслѣдствіе усилій, которыя дѣлало правительство для увѣренія, что его не пугаютъ вооруженія принца.

Нужно было наконецъ крайнимъ католикамъ выйти изъ этого трусливаго или плохо разсчитаннаго бездѣйствія. Извѣстія, которыхъ нельзя было ни оставить безъ вниманія, ни опровергнуть, дали знать о движеніяхъ адмирала Герберта. Дворъ захотѣлъ показать, что онъ вышелъ изъ глубокаго заблужденія, объявивъ о неожиданной измѣнѣ министра Сондерланда. Его уволили, какъ человѣка, поддерживавшаго короля въ этой гибельной безпечности и подкупленнаго принцемъ. Въ дѣйствительности этого ничего не было: Сондерландъ вѣрно служилъ Іакову и католикамъ съ тѣхъ поръ, какъ пользовался ихъ довѣріемъ.

Послѣ его отставки дворъ съ торопливостью и безпорядочностью принялся за нѣкоторыя приготовленія, походившія скорѣе на демонстраціи, нежели на мѣры къ сопротивленію. Флотъ, подъ начальствомъ лорда Дартмута, не получилъ приказаній дѣйствовать энергически, которыя одни были бы у мѣста въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ численно превосходилъ флотъ адмирала Герберта, но остался въ бездѣйствіи; а между тѣмъ у Іакова не было другаго поля битвы, кромѣ моря, на которомъ Вильгельмъ только-что развернулъ свой флагъ съ заманчивымъ девизомъ: „*Я поддержу*". Сухопутная армія въ 30,000 человѣкъ была собрана довольно скоро. Полки, вышедшіе изъ гарнизоновъ и стоявшіе на квартирахъ въ окрестностяхъ Лондона, были дурно настроены; полки, приходившіе изъ Шотландіи, были надежнѣе въ своей преданности; ирландцы, присланные лордомъ Тирконнелемъ, были исполнены энтузіазма къ дѣлу короля; то же было со всѣми папистскими офицерами. Большая часть протестантскихъ офицеровъ дали слово агентамъ принца Оранскаго. Іаковъ своимъ поведеніемъ и своимъ личнымъ присутствіемъ могъ бы остановить ихъ рѣшеніе, но у него не было того воинственнаго духа, который онъ впродолженіе трехъ лѣтъ такъ напрасно старался высказывать въ лагерѣ Гаунсло. Онъ поручилъ главное начальство графу Февершаму и остался въ Лондонѣ, занимаясь—кто бы могъ повѣрить?—разборомъ жалобъ націи на правительство и совѣщаніями съ англиканскими епископами съ цѣлью добиться ихъ участія въ примиреніи между нимъ и ихъ церковью.

Епископы большею частью были уже вовлечены въ заговоръ. Они предложили условія примиренія, которыя, какъ имъ казалось, должны были оскорбить гордость Іакова; но, къ великому ихъ удивленію, не было уступки, на которую онъ не согласился бы. Онъ возвратилъ Лондону его хартіи, обѣщалъ закрыть церковную коммиссію, возстановить права членовъ магдалинской коллегіи, созвать, тотчасъ по водвореніи спокойствія, свободный парламентъ; онъ, наконецъ, предложилъ дать публич-

ное удовлетвореніе въ вопросѣ о рожденіи Валлійскаго принца. По его просьбѣ, графиня Сондерландъ показала, что однажды королева взяла ея руку и позволила ощупать ребенка, находившагося въ ея чревѣ, но не осмѣливалась утверждать, чтобы она дѣйствительно удостовѣрилась въ положеніи королевы; многія дамы говорили о слѣдахъ молока, замѣченныхъ ими на рубашкахъ; наконецъ леди Вентвортъ поклялась, что, коснувшись живота королевы, она чувствовала движеніе ребенка, но, равно какъ и прочія дамы, не опредѣлила времени этого событія, что давало просторъ различнымъ догадкамъ. Недостаточность этихъ свидѣтельствъ, собранныхъ, напечатанныхъ и распространенныхъ во множествѣ экземпляровъ, ничего не измѣнила въ утвердившемся мнѣніи.

Изслѣдованіе этого вопроса, не смотря на весь свой шумъ, имѣло не больше успѣха, какъ и возвратъ хартій и различныя удовлетворенія жалобъ; народъ основательно замѣчалъ, что всѣ эти исправленія—дѣло принца Оранскаго. И дѣйствительно, по прошествіи двадцати дней, проведенныхъ въ чрезвычайной тревогѣ, дворъ,—узнавъ, что страшная буря вынудила голландскую экспедицію возвратиться въ гавани, изъ которыхъ она только-что вышла, и что флотъ адмирала Герберта потерпѣлъ важныя поврежденія,—тотчасъ перемѣнилъ свой языкъ и образъ дѣйствій. Іаковъ, считая небесною помощью то, что народъ, опечаленный извѣстіями, называлъ папистскимъ шкваломъ, взялъ назадъ всѣ свои обѣщанія и отказалъ во всѣхъ уступкахъ. Повѣстки о созваніи парламента были готовы къ отправленію; онъ задержалъ ихъ разсылку. Онъ обнародовалъ амнистію за всѣ проступки, совершенные по дѣлу о присягахъ, и отмѣнилъ ее. Крайніе католики, ожидавшіе одно время, что Іаковъ покинетъ ихъ, снова сблизились съ нимъ, исполненные рвенія, возобновившагося вмѣстѣ съ надеждой. Дѣло приближалось къ осени, а потому они думали, что принцъ Оранскій отложитъ свою экспедицію до будущей весны, и на такихъ данныхъ поспѣшно построили новый планъ. Созвать парламентъ, завладѣть выборами при помощи смѣлой попытки, сломить оппозицію верхней палаты, назначивъ сто пятьдесятъ новыхъ пэровъ, вызвать изъ Ирландіи всѣ войска, просить денегъ и двадцать тысячъ человѣкъ у Людовика XIV,—таковъ былъ послѣдній совѣтъ, данный Іакову іезуитами.

Но если бы даже принцъ Оранскій былъ вынужденъ отложить свою экспедицію до весны, іезуиты не наслаждались бы спокойствіемъ во время зимы; народъ не былъ расположенъ ожидать такъ долго; онъ пренебрегъ ласкательствами двора, когда тотъ, съ приближеніемъ принца Оранскаго, принужденъ былъ держать себя такимъ образомъ. Увидѣвъ, что дворъ съ такимъ безстыдствомъ отрекся отъ своего образа дѣйствій при извѣстіи о несчастіи, которое онъ преувеличивалъ, народъ самъ сталъ грозить и началъ борьбу. Въ послѣдніе дни октября въ Лондонѣ происходили частыя возмущенія; католическія часовни были опустошены и разграблены. Ноября 5, въ годовщину Пороховаго заговора, возобновились среди мрачныхъ искупленій, безпорядки, сопровождавшіе оправданіе епископовъ. О принцѣ Оранскомъ не было извѣстій; но отчаяніе или надежда были одинаково сильны, смотря потому, папистскій ли вѣтеръ заставлялъ опасаться новыхъ несчастій, или протестантскій вѣтеръ обнадеживалъ успѣхъ экспедиціи.

Наконецъ дворъ и народъ узнали почти въ одно время и о вторич-

номъ отплытіи принца Оранскаго и объ его высадкѣ близь Эксетера. Онъ покинулъ Голландію 11-го ноября, предавшись на волю восточнаго вѣтра, который долженъ былъ или разбить флотъ, или быстро перенести его къ берегамъ Великобританіи, а 15-го—онъ вошелъ въ Торбейскую бухту, обогнувъ оконечность Кента, не встрѣтивъ ни одного королевскаго корабля.

Король, не зная заранѣе, въ какомъ мѣстѣ принцъ высадится, направилъ свои войска на сѣверъ и на востокъ къ мѣстностямъ, которыя онъ считалъ наиболѣе подверженными опасности. Когда принцъ появился на западѣ, надлежало сдѣлать распоряженія о перемѣнѣ направленій и собрать всѣ силы въ одномъ мѣстѣ; Салисберійская равнина была назначена сборнымъ мѣстомъ. Прошло отъ восьми до десяти дней, пока главные корпуса соединились тамъ. Принцъ Оранскій оставался все это время въ Эксетерѣ, ограничиваясь распространеніемъ въ окрестныхъ странахъ своего манифеста и прошенія англійскихъ лордовъ. Ему не слѣдовало выказывать большой дѣятельности: небольшой отрядъ, привезенный имъ, требовалъ отдыха послѣ труднаго переѣзда; онъ могъ считаться только зерномъ арміи, которая составилась бы изъ войскъ самого Іакова, если ихъ расположеніе было дѣйствительно таково, какимъ его представляли. Со стороны же Іакова казалось, что онъ первымъ долженъ былъ бы явиться на сборное мѣсто въ Салисбери, лично принять разные отряды, уже прибывшіе, и пріобрѣсти ихъ расположеніе, прежде чѣмъ начальники, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ преданности принцу, могли бы увидѣться между собою и условиться о томъ, что имъ нужно было дѣлать. Поведеніе принца и его славныхъ соучастниковъ было таково, что король могъ бы понять, что весь вопросъ будетъ разрѣшенъ двумя готовыми къ бою арміями: принцъ и англійскіе лорды, явные вожди предпріятія, въ самомъ дѣлѣ старательно избѣгали призывать ту значительную часть населенія, которая, разъ вооружившись, потребовала бы болѣе, нежели дворцовую революцію; они не возбуждали народа къ возстанію; они знали, какъ было опасно втянуть его въ распрю; они находили, что въ интересахъ порядка довольно и тѣхъ солдатъ, которыхъ Іаковъ вооружилъ для своей обороны; они хотѣли только привлечь ихъ къ себѣ, а не собирать новыхъ. Впечатлѣніе такого поведенія оранской партіи уже охладило народъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она разсчитывала на нѣкоторое волненіе. Народъ былъ удивленъ, не найдя въ манифестахъ ничего, что могло бы воспламенить его страсти и удовлетворить его нуждамъ; онъ ждалъ, чтобы дальнѣйшія событія объяснили ему то, что до сихъ поръ онъ понималъ неясно; а принцъ чрезъ восемь дней послѣ своей высадки былъ еще въ Эксетерѣ, владѣя пространствомъ земли небольшимъ, но окруженнымъ съ двухъ сторонъ моремъ и находящимся въ безопасности отъ всякаго нечаяннаго нападенія.

Іаковъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться такими колебаніями, занимался только ихъ объясненіями въ кругу крайнихъ католиковъ. Въ тишинѣ, которую поддерживалъ кругомъ себя Вильгельмъ, они находили вѣрное доказательство того, что народъ западныхъ графствъ былъ преданъ правительству. Населеніе же Лондона, напротивъ того, еще не видѣвъ ни голландцевъ, ни принца Оранскаго, и имѣя на глазахъ вождей католической партіи, было въ сильномъ смятеніи. Іаковъ захотѣлъ смирить его прежде, чѣмъ отправится въ Салисбери; ему удалось съ нѣсколькими

ирландскими отрядами разсѣять учениковъ и работниковъ, которые хотѣли разрушать часовни и монастыри; онъ съ ребяческимъ ожесточеніемъ предавался этой уличной войнѣ, пока не пришло извѣстіе, что въ Салисбери начались дезертирства. Тогда онъ отправился въ армію; но пріѣхалъ лишь затѣмъ, чтобы быть свидѣтелемъ отпаденія лорда Чорчиля, герцога Графтона, полковника Беркли. Лорды: Кольчестеръ, Корнбери и значительное число офицеровъ были уже въ лагерѣ принца. Однако тѣ же причины, которыя сдерживали народъ въ мѣстности, занятой принцемъ Оранскимъ, заставляли колебаться солдатъ и младшихъ офицеровъ. Поводы къ вторженію принца не касались непосредственно ихъ интересовъ. Перебѣжало едва ли до тысячи человѣкъ. Было легко и выгодно замѣстить перебѣжавшихъ начальниковъ честолюбивыми офицерами изъ нижнихъ чиновъ. Кавалерія численностью и качествомъ далеко превосходила кавалерію принца Оранскаго. Наличное число войскъ составляло около 30,000 человѣкъ; у принца было не болѣе 15,000. Сраженіе, данное при первомъ движеніи, было бы, можетъ быть, гибельно для предпріятія, изъ участія въ которомъ хотѣли исключить народъ. Ученикъ Тюренна долженъ былъ знать, какая сила заключается въ быстротѣ; взглянувъ на карту, онъ увидѣлъ бы, какъ было легко запереть принца на оконечности Корнваллискаго графства и преградить ему всякое сообщеніе съ остальною Англіей. Но, боясь ареста со стороны собственныхъ своихъ генераловъ и выдачи принцу, онъ помышлялъ только о возвращеніи въ Лондонъ. Едва онъ покинулъ лагерь, какъ графъ Фивершамъ былъ вынужденъ отдать приказъ объ отступленіи, а послѣ этого движенія начальники стали приводить къ принцу цѣлые полки.

Едва Фивершамъ очистилъ Салисбери, какъ принцъ Оранскій направился къ этому городу, присоединяя къ себѣ по дорогѣ передающіеся ему отряды. Отступленіе королевской арміи было для него равносильно выигранному сраженію. Исходъ этой борьбы, отъ которой отказался Іаковъ, сдѣлался несомнѣннымъ, и между большими городами началось соревнованіе въ томъ, кто изъ нихъ отличится скорѣйшимъ присоединеніемъ къ предпріятію. Батъ, Оксфордъ, Ноттингамъ, Іоркъ, Бервикъ, Голль, Бристоль опередили другихъ, дворянство было вездѣ во главѣ движенія. Горожане поддерживали крикъ, который, среди возстанія, казалось, выражалъ лишь законное требованіе. Этотъ крикъ: „свободный парламентъ“ безбоязненно повторялся народомъ. Онъ не увлекалъ народъ слѣпо къ чему-нибудь новому, но только призывалъ его къ исполненію при выборахъ знакомой ему обязанности. Благодаря мѣрамъ, предпринятымъ между прочимъ принцемъ Оранскимъ касательно удаленія безъ шума католическихъ священниковъ и другихъ іезуитскихъ агентовъ, были предупреждены безпорядки, которые появляются какъ слѣдствіе самыхъ законныхъ мщеній. Въ Лондонѣ, напротивъ того, послѣднія усилія Іакова для защиты своихъ часовень и священниковъ возбуждали въ народѣ революціонныя страсти 1640 года. Отцы Питеръ и Варнеръ струсили первые: они бѣжали изъ Англіи. Это были совѣтники отважные и иногда искусные, но они не были людьми дѣйствія: со времени дѣла епископовъ они потеряли голову.

Іаковъ, оставленный папистскими священниками и считая себя неспособнымъ сопротивляться, хотя войска, съ которыми Фивершамъ отступалъ къ Лондону, еще повиновались ему, — созвалъ всѣхъ протестантскихъ

*

лордовъ, находившихся въ Лондонѣ, дабы узнать отъ нихъ, были ли они еще преданы ему. Они поклялись въ томъ; ибо, будучи побѣдоносными внѣ Лондона, они въ Лондонѣ зависѣли бы отъ произвола короля, если бы у него оставалось сколько-нибудь энергіи. Онъ, повидимому, повѣрилъ искренности ихъ увѣреній, сталъ играть съ ними въ сердечныя изліянія, просилъ ихъ совѣта, спрашивалъ ихъ, что̀ онъ сдѣлалъ своимъ подданнымъ, за что они такъ съ нимъ поступаютъ, чего хочетъ принцъ Оранскій и чего хотятъ тѣ, которые присоединились къ принцу. „Свободнаго парламента и удаленія папистовъ", отвѣчали лорды. Іаковъ замѣтилъ, что онъ также желаетъ свободнаго парламента и что, на извѣстныхъ условіяхъ, онъ согласится удалить папистовъ. „Хорошо,—сказали лорды,—если ваши намѣренія таковы, то они, безъ сомнѣнія, удовлетворятъ принца и его соучастниковъ; только нужно дать имъ знать объ этомъ". Іаковъ обнаружилъ нѣкоторое отвращеніе отъ всякихъ соглашеній съ принцемъ, это значило бы признать за нимъ право вмѣшиваться въ дѣла королевства; но надлежало признать если не законность, то, по крайней мѣрѣ, успѣхъ его предпріятія. Вслѣдствіе сего на депутацію, состоявшую изъ маркиза Галифакса, графа Ноттингама и лорда Годольфина, было возложено порученіе объявить Вильгельму, что король соглашается на созваніе свободнаго парламента и желаетъ условиться съ нимъ о всемъ, что необходимо для обезпеченія свободы выборовъ. Это имѣло такой же видъ, какъ еслибы Іаковъ приказалъ объявить, что примыкаетъ къ возстанію и принимаетъ девизъ мятежниковъ. Поэтому, со стороны принца нѣсколько насмѣшливо дали почувствовать посланнымъ, что за вопросомъ о созваніи свободнаго парламента, вопросомъ рѣшеннымъ и чисто-формальнымъ, стоитъ другой основной вопросъ, болѣе щекотливый, именно—отъ кого нація получитъ свободный парламентъ: отъ принца Оранскаго или отъ короля?

Тѣмъ не менѣе принцъ отвѣчалъ, какъ будто вѣрилъ въ возможность соглашенія. Его условія были умѣренны; они щадили Іакова, который находился тогда въ совершенно безнадежномъ положеніи, такъ какъ вторая дочь и датскій принцъ покинули его, и отпаденія отъ двора обратились въ открытыя путешествія изъ Лондона въ главную квартиру принца; совѣтъ былъ распущенъ; королева удалилась во Францію, взявъ съ собою принца Валлійскаго. Вдругъ Іаковъ бросилъ всѣ переговоры съ принцемъ Оранскимъ и уѣхалъ украдкой, въ сопровожденіи одного лорда, выдавая себя за слугу его. Онъ хотѣлъ добраться во Францію: тамъ была послѣдняя надежда крайнихъ католиковъ, которые, хотя и потеряли мужество, но не отказались отъ своихъ плановъ.

Уѣзжая, Іаковъ оставилъ графу Фивершаму приказаніе немедленно распустить войска, которыя еще были сосредоточены въ окрестностяхъ Лондона. Приказъ былъ частью выполненъ, такъ что городъ вдругъ наполнился распущенными солдатами безъ жалованья, между тѣмъ какъ народъ, узнавъ о бѣгствѣ Іакова, взволновался съ своей обычной непредусмотрительностью, нетерпѣливо желая отомстить папистамъ и порадоваться, что нѣтъ болѣе правительства. Всѣ католическія часовни были опустошены въ нѣсколько часовъ; народъ вломился въ монастыри, но не нашелъ къ нихъ іезуитовъ, которыхъ предполагалъ скрывавшимися тамъ; онъ отыскивалъ ихъ въ жилищахъ папистовъ и даже въ домахъ посланниковъ католическихъ державъ. Крови пролито не было, потому что

католическіе священники разбѣжались за нѣсколько дней до того; но всѣ оставленныя ими книги, украшенія и предметы богослуженія были расхищены и сожжены. Войска, до отъѣзда Іакова сдерживавшія народъ, были теперь разсѣяны и распущены, отчего можетъ быть и было меньше безпорядковъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы народу ставились преграды. Но вдругъ разнесся слухъ, что распущенные ирландцы хотятъ поджечь городъ. Прокламація, написанная неизвѣстною рукой отъ имени принца Оранскаго и брошенная въ толпу, передавала эту зловѣщую молву. Причиненный ею ужасъ заставилъ опасаться величайшихъ бѣдствій; нѣкоторые бѣшеные фанатики кричали уже, что надо истребить всѣхъ папистовъ для предупрежденія ихъ заговора.

Никто ещё не осмѣливался принять власть послѣ побѣга короля. Наконецъ лордъ-мэръ, человѣкъ слабый, рѣшился собрать въ городской ратушѣ членовъ тайнаго совѣта, епископовъ и находившихся въ Лондонѣ лордовъ. Въ этомъ собраніи согласились тотчасъ же отправить депутацію къ принцу Оранскому съ просьбою стать во главѣ правленія впредь до созванія свободнаго парламента, а въ ожиданіи его отвѣта собрать и вооружить городскую стражу, для надзора за распущенными солдатами и для защиты католиковъ отъ народа. По приглашенію городскаго совѣта, Вильгельмъ направился къ Лондону, но остановился въ Виндзорѣ. Народу, уже недовольному мѣрами, принятыми совѣтомъ городской ратуши для возстановленія порядка, не нравилось, что принцъ заставляетъ ждать себя; онъ замѣтилъ, что сосѣдство Вильгельма усилило строгость городскаго начальства. То же охлажденіе, какое замѣчалось въ поселянахъ и въ бѣдныхъ классахъ въ графствахъ, когда они узнали, что эта новая революція совершалась не для нихъ, охватило тогда и лондонское населеніе и обратилось почти въ сочувствіе къ бѣжавшему Іакову. Полагали, что онъ уже нѣсколько дней назадъ оставилъ королевство, какъ вдругъ разнесся слухъ, что его узнали въ одномъ маленькомъ портѣ Кента, что ему помѣшали отплыть и что онъ возвращается въ Лондонъ. Онъ дѣйствительно возвратился, повидимому свободный и окруженный своею прежнею стражей, посланною къ нему на встрѣчу совѣтомъ городской ратуши. Народъ встрѣтилъ его восклицаніями, не подававшими ему надежды; они, казалось, скорѣе давали ему знать, что другой уже занимаетъ его мѣсто и что, слѣдовательно, онъ составляетъ уже предметъ народнаго недовѣрія. Это возвращеніе было для Іакова, какъ и для принца Оранскаго, нѣкоторымъ разочарованіемъ; поэтому онъ рѣшился снова бѣжать при первомъ же удобномъ случаѣ и былъ поддержанъ въ этомъ намѣреніи принцемъ, который еще опасался его присутствія.

Сперва принцъ Оранскій пригласилъ Іакова удалиться изъ Лондона, подъ предлогомъ, что онъ не былъ тамъ въ безопасности. Іаковъ отправился въ Рочестеръ, городъ, лежащій близь моря. Принцъ немедленно вступилъ въ Лондонъ, но сдѣлалъ это тайно, такъ что народъ, вмѣсто сумятицы, которую бдительная полиція умѣла предупредить, не добился даже зрѣлища, которое заняло и удовлетворило бы его любопытство. Вильгельмъ, прибывъ въ сенджемскій дворецъ, нашелъ тамъ собраніе изъ 70 пэровъ. Онъ вручилъ имъ свой манифестъ, предложилъ безотлагательно обсудить мѣры къ созванію свободнаго парламента и удалился, не сказавъ ни слова объ Іаковѣ. Пэры, слѣдуя его сдержанности, издали актъ, названный актомъ объ ассоціаціи, въ которомъ обязывались

передъ принцемъ Оранскимъ, какъ онъ обязывался передъ ними въ своемъ манифестѣ, не покидать дѣла протестантской религіи, законовъ и вольностей Англіи, „пока они не будутъ настолько обезпечены свободнымъ парламентомъ, что нечего будетъ бояться новаго утвержденія папизма и рабства“. Такое обязательство 70 лордовъ и пріемъ, оказанный лондонскимъ городскимъ совѣтомъ принцу Оранскому, какъ приверженцу національной вѣры и свободы, были только выраженіемъ убѣжденій двухъ не призванныхъ легально собраній, благопріятствовавшихъ предпріятію принца Оранскаго. Оставалось весьма важное конституціонное затрудненіе, именно—кто созоветъ свободный парламентъ: принцъ или король?

Почти единодушное требованіе свободнаго парламента было благоразумною мѣрою противъ Іакова, когда успѣхъ борьбы еще могъ быть ему благопріятенъ; оно становилось теперь не менѣе благоразумною уздою и противъ побѣдоноснаго Вильгельма. Всѣ тѣ, которые въ Англіи понимали необходимость спасти свободу сохраненіемъ королевской власти,—а это были аристократія и огромное большинство горожанъ,—всѣ они хотѣли, пока нація не получитъ должнаго представительства, считать Вильгельма освободителемъ и другомъ націи, но также и человѣкомъ, не заинтересованнымъ въ распрѣ Англіи съ ея королемъ. Законности Валлійскаго принца уже не обсуживали. Убѣжденія по этому предмету, подвинувшія умы къ желанію вмѣшательства принца, долженствовали быть отклонены, пока не будетъ принято въ отношеніи къ Іакову правильнаго рѣшенія.

Но когда въ этотъ промежутокъ времени Іаковъ бѣжалъ вторично, вакантный тронъ, какъ случай необыкновенный, побудилъ собраніе лордовъ предложилъ принцу временное управленіе королевствомъ. Вильгельмъ не хотѣлъ принимать власти отъ однихъ лордовъ; онъ желалъ, чтобы она была ему въ то же время предложена совѣтомъ, представлявшимъ городъ Лондонъ, и членами двухъ нижнихъ палатъ, собранныхъ при Карлѣ II, послѣдними представителями Англіи въ Оксфордѣ, ненависть которыхъ къ Іакову, выказанная тогда биллемъ объ исключеніи, была прочнѣе, нежели не вполнѣ еще испытанное расположеніе многихъ лордовъ.

Прежніе члены палаты общинъ, въ соединеніи съ членами городскаго совѣта, представили принцу приглашеніе, сходное съ тѣмъ, которое онъ получилъ отъ лордовъ. Они прибавили,—чего не сдѣлали лорды,—выраженія благодарности освободителю Англіи. На другой день, по поднесеніи этого адреса, лорды и собраніе, представлявшее палату общинъ, получили отвѣтъ Вильгельма. Собравъ ихъ, онъ сказалъ въ немногихъ словахъ, что „разошлетъ, по ихъ желанію, избирательныя повѣстки; что употребитъ въ пользу государства власть, ему ввѣренную; что, если въ самомъ дѣлѣ религія и свобода страны чѣмъ-либо ему обязаны, то онъ будетъ продолжать служить странѣ своею преданностью ея интересамъ“.

Тотчасъ же во всемъ королевствѣ начались выборы. Они, можетъ быть, въ первый разъ производились такъ свободно. Вильгельмъ по своему положенію считалъ себя обязаннымъ никоимъ образомъ не добиваться вліянія на нихъ; и какъ изъ прежнихъ партій ни одна не осталась господствовавшею, то всѣ интересы и всѣ мнѣнія имѣли своихъ представителей. Обѣ палаты собрались 22-го января подъ названіемъ конвента, какъ это было съ реставраціоннымъ парламентомъ.

Палата не была ни республиканскою, ни пресвитеріанскою, ни англи-

канскою: она была произведеніемъ двадцати восьми-лѣтняго прогресса, сдѣланнаго націею вопреки Стюартамъ и іезуитамъ, со времени того пресвитеріанскаго парламента, который, для низверженія республики, такъ неразумно совершилъ реставрацію.

Но просвѣщенная часть націи узнала въ продолженіе этихъ двадцати восьми-лѣтнихъ тяжкихъ испытаній, что королевская власть необходима для общества, раздѣленнаго на сословія, какъ въ Англіи; что вредна была одна только легитимность этой власти, потому что она считала народныя вольности исходящими изъ себя и отмѣнимыми по ея произволу; что надлежало, чтобы король однажды получилъ свое право съ согласія націи, дабы преемники его не оспаривали свойство королевской власти, какъ это дѣлали всѣ короли со временъ Іакова I, и не подвергали бы страну необходимости прибѣгать къ революціи, или терять изъ своихъ законовъ, изъ своей религіи, изъ своего развитія все, что Іаковъ II считалъ несовмѣстнымъ съ долгомъ пассивнаго повиновенія и покорности.

Такъ думало большинство членовъ новой палаты общинъ; она, впрочемъ, состояла изъ людей, которые можетъ быть долго враждовали между собою, какъ роялисты или республиканцы, но теперь оставили навсегда опасныя отвлеченности; они чистосердечно признали силу фактовъ, и пришли къ соглашенію. Таковъ былъ конецъ множества крайностей. исправленныхъ или наказанныхъ одна другою. Послѣ пяти-часоваго пренія, палатою общинъ вотированы были слѣдующія двѣ деклараціи:

„Король Іаковъ, пытавшись ниспровергнуть конституцію королевства, нарушеніемъ естественнаго договора между королемъ и народомъ, нарушивъ, по совѣту іезуитовъ и другихъ злонамѣренныхъ людей, основные законы и удалясь изъ королевства, отрекся отъ правленія, вслѣдствіе чего престолъ сдѣлался вакантнымъ“.

„Опытъ доказалъ, что протестантское государство не можетъ согласоваться съ правленіемъ короля-паписта“.

Эти двѣ деклараціи были немедленно представлены въ верховную палату. Онѣ возбудили въ ней страшную бурю; но затѣмъ водворилось нѣкоторое спокойствіе и приступлено было къ обсужденію ихъ въ подробностяхъ. Сначала поставленъ былъ вопросъ: существуетъ ли естественный договоръ между народомъ и королемъ? Послѣ преній, въ которыхъ проявились аристократическія опасенія, такъ долго поддерживавшія тираннію Іакова, 53 голоса высказались утвердительно, а 46 отрицательно. Отреченіе Іакова и преступность его въ дѣлѣ нарушенія народныхъ вольностей и побѣга изъ королевства, казалось, должны были вытекать изъ этого перваго предложенія,—точно такъ, же, какъ фактъ вакантности престола изъ отреченія Іакова. Но большинство, правда незначительное, рѣшило, что Іаковъ не могъ отречься отъ управленія, что онъ только бѣжалъ изъ королевства и что, такимъ образомъ, престолъ вакантенъ.

Вакантенъ или не вакантенъ престолъ — это былъ вопросъ между Іаковомъ и Англіей, вопросъ, разрѣшенный въ сознаніи каждаго. Но вопросъ между принцемъ Оранскимъ и націей шелъ такъ близко за первымъ и представлялъ еще такія важныя трудности, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ верхней палаты, что, ради проволочки его рѣшенія, они поддерживали, вопреки всякому здравому смыслу, мнѣніе, что

престолъ не вакантенъ. Нѣкоторые желали назначенія регента; другіе— провозглашенія принцессы Маріи и удаленія принца; иные желали вручить корону одному принцу; наиболѣе же общее мнѣніе, которое раздѣлялось и палатой общинъ, хотѣло принца и принцессу вмѣстѣ. Тѣ, которые желали регентства или царствованія принцессы Маріи, не осмѣливались входить въ публичныя пренія объ этомъ, но весьма дѣятельно интриговали въ пользу своего плана. Они побудили къ принятію рѣшенія, что обѣ палаты вмѣстѣ должны совѣщаться о вопросѣ вакантности престола, и это совѣщаніе, не смотря на свою кажущуюся торжественность, послужило лишь къ прикрытію ихъ интригъ и къ выигрышу времени. Но безполезность совѣщаній относительно вопроса о вакантности престола была доказана легкостью, съ какою коммисары верхней палаты уступили доводамъ своихъ противниковъ, когда принцъ Оранскій, долго остававшійся безпристрастнымъ свидѣтелемъ этихъ преній, рѣшился показать, какими глазами онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ.

Онъ ясно видѣлъ, что многіе изъ знатныхъ англичанъ боялись имѣть его государемъ и заботились о томъ, чтобъ оказано было предпочтеніе принцессѣ, женѣ его. Онъ не старался имъ нравиться, хорошо зная, что въ концѣ концовъ англичане безъ него не обойдутся; но онъ наконецъ захотѣлъ, чтобы они узнали его намѣренія. Онъ созвалъ къ себѣ главнѣйшихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, какъ ему было извѣстно, были его противниками. „Вы видѣли,—сказалъ онъ имъ съ обычной сухостью и краткостью,—что я не старался никого ни запугать, ни обольстить. Поговариваютъ о регентствѣ: это будетъ дѣломъ очень умнымъ; но пусть при этомъ обо мнѣ не помышляютъ: я не могу принять этого званія. Нѣкоторые хотятъ короновать принцессу: никто лучше меня не цѣнитъ добродѣтелей ея и ея правъ; но я долженъ сказать, что я не такой человѣкъ, чтобы получать приказанія отъ чепца, или держать корону за тесемки передника. Я ни во что не стану вмѣшиваться иначе, какъ съ обязанностью все дѣлать самъ и всю мою жизнь. Если другіе думаютъ не такъ, то пусть поторопятся рѣшеніемъ. Королевская власть меня не прельщаетъ, и лишь только я сочту себя безполезнымъ для націи, я буду знать, куда зовутъ меня дѣла Европы“.

Это объявленіе согласовалось съ тѣмъ, которое докторъ Борнетъ получилъ отъ принцессы въ Голландіи еще до отплытія экспедиціи и которое должно было указать членамъ конвента, уже объявившимъ себя въ пользу положительнаго рѣшенія вопроса о вакантности трона, что оставалось имъ дѣлать. Лорды, въ присутствіи которыхъ Вильгельмъ выразился съ видомъ такого пренебреженія къ королевской власти, замѣтили, что онъ спѣшитъ покончить дѣло и что онъ не такой человѣкъ, чтобы подчиниться исходу дѣла, котораго онъ, казалось, такъ мало опасался. Они склонили другихъ оппозиціонистовъ къ мнѣнію, которое преобладало уже въ нижней палатѣ. Совѣщаніе было уже закрыто: верхняя палата приняла мнѣніе нижней по вопросу о вакантности престола.

Все было заблаговременно приготовлено для обезпеченія послѣдствій такого объявленія: вакантность престола не могла быть продолжительна; по волѣ англійской націи онъ долженъ былъ быть занятъ, но на условіяхъ, обезпечивавшихъ поддержаніе всѣхъ пріобрѣтенныхъ, т. е. существующихъ вольностей. Такимъ образомъ должно было исполниться первое требованіе возстанія 1640 года. Страстей, скомпрометировав-

шихъ и перешедшихъ за границы этого требованія, уже не существовало съ того дня, когда парламентъ, побѣдитель неограниченной королевской власти, былъ ниспровергнутъ военнымъ диктаторомъ, и съ того времени массы, вышедшія изъ революціонной борьбы, не переставали стремиться къ соглашенію интересовъ, которые взаимно должны были защищать другъ друга или вѣчно вести истребительную войну. Такого соглашенія искали въ реставраціи, но не нашли, потому что, возстановляя королевскую власть, ей даровали слишкомъ много. Двадцать лѣтъ легальнаго сопротивленія при Карлѣ II давали иногда поводъ думать, что можно успѣшно бороться съ этими неудобствами; пять лѣтъ отвратительной тиранніи при Іаковѣ разрушили это заблужденіе и показали всѣмъ, что слѣдуетъ еще разъ приняться за королевскую власть. Конвентъ сдѣлался органомъ такого мнѣнія просвѣщенной Англіи: онъ предложилъ корону Вильгельму и принцессѣ Маріи; но, дабы королевская власть не могла ничего болѣе предпринимать противъ національныхъ законовъ, вольностей и религіи, онъ объявилъ слѣдующее:

„1) Существующее будто бы право пріостанавливать дѣйствіе законовъ королевской властью, безъ согласія парламента, противно законамъ".

„2) Существующее будто бы право королевской власти освобождать отъ дѣйствія законовъ или отъ исполненія ихъ, какъ допускалось и дѣлалось въ послѣднее время, противно законамъ".

„3) Учрежденіе новаго духовнаго или всякаго другаго суда противно законамъ и зловредно".

„4) Всякое взиманіе денегъ для надобностей короны подъ предлогомъ королевской прерогативы, безъ разрѣшенія парламента, такъ же какъ и взиманіе на болѣе долгій срокъ, нежели было указано, и не тѣмъ способомъ, какой былъ указанъ, противно законамъ".

„5) Подданные имѣютъ право представлять королю прошенія, и всякое заключеніе въ тюрьму или другое преслѣдованіе по этому предмету противны законамъ".

„6) Собирать или содержать армію въ королевствѣ, въ мирное время, безъ согласія парламента, есть дѣло противное законамъ".

„7) Протестантскіе подданные могутъ имѣть при себѣ сообразное съ своимъ положеніемъ оружіе для защиты себя согласно съ тѣмъ, что дозволено законами".

„8) Выборы депутатовъ въ парламентѣ должны быть свободны.

„9) Рѣчи, составленныя или произнесенныя въ парламентѣ, не могутъ быть преслѣдуемы или разбираемы, ни въ какомъ судѣ или иномъ мѣстѣ, кромѣ самаго парламента".

„10) Не должно ни требовать чрезмѣрныхъ законовъ, ни налагать несоразмѣрныхъ пеней, ни опредѣлять слишкомъ тяжкихъ наказаній".

„11) Присяжные должны быть избираемы безпристрастно. Лица, выбранныя въ присяжные по процессамъ о государственной измѣнѣ, должны быть членами общинъ".

„12) Всякія уступки или обѣщанія передачи имуществъ, конфискованныхъ у обвиненныхъ лицъ, до осужденія ихъ, противны законамъ и недѣйствительны".

„13) Для изысканія средствъ къ отвращенію всѣхъ этихъ золъ, для исправленія и утвержденія законовъ и для ихъ поддержанія, необходимо часто созывать парламентъ".

„Верхняя и нижняя палаты требуютъ и просятъ всего, что выше обозначено, какъ неотъемлемыхъ своихъ правъ и льготъ, и чтобы никакое объявленіе, никакой приговоръ, никакая процедура, клонящіеся къ ущербу сказанныхъ правъ и льготъ, не могли на будущее время давать поводъ къ какимъ-либо выводамъ или приводиться какъ примѣръ".

Это новое объявленіе правъ было менѣе энергично, нежели объявленіе 1640 года: послѣднее было составлено противъ королевской власти, какъ объявленіе войны; страсти и неопытность придали его началамъ республиканское значеніе. Новое объявленіе, относившееся ко вновь установляемой власти, внушавшей довѣріе, было для нея какъ бы простымъ приглашеніемъ не касаться вольностей, на которыя нападала изгнанная фамилія.

Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ обѣ палаты торжественно постановили, что принцъ и принцесса Оранскіе будутъ именоваться королемъ и королевой Англіи и что управленіе дѣлами будетъ сосредоточено въ рукахъ одного короля. Немедленно была составлена новая форма присяги въ замѣну прежнихъ присягъ на подданство и на признаніе церковнаго главенства; присяга эта составлена была въ слѣдующихъ словахъ: „клянусь, что буду вѣренъ ихъ величествамъ, королю Вильгельму и королевѣ Маріи". Въ старой присягѣ говорилось: „королю, моему вѣрному и законному государю". Слова „вѣрный" и „законный" были вычеркнуты, и на исключеніе согласились весьма скоро. Въ немъ заключался весь смыслъ новаго переворота, какъ его понимало большинство обѣихъ палатъ.

LXXIV. * РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕВОРОТА 1688 ГОДА ВЪ АНГЛІИ.

(Изъ „Критическихъ и историческихъ опытовъ" Макколея).

Въ спискѣ благодѣяній, которыми Англія обязана революціи 1688 года, мы ставимъ первымъ—*Актъ терпимости*. Правда, что мѣра эта не удовлетворила вполнѣ желаній предводителей виговъ. Правда также, что тамъ, гдѣ дѣло шло о католикахъ, даже самые просвѣщенные изъ предводителей виговъ держались мнѣній, отнюдь не столь либеральныхъ, какъ тѣ, которыя, къ счастью, обыкновенны въ настоящее время. Однако эти государственные люди выдержали благородную и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, успѣшную борьбу за права совѣсти. Желаніе ихъ состояло въ томъ, чтобы провести большую массу протестантскихъ диссентеровъ на лоно церкви благоразумными измѣненіями въ литургіи и *статьяхъ вѣры* и даровать тѣмъ, которые все еще оставались внѣ этой церкви, самую полную терпимость. Они составили планъ возсоединенія, который удовлетворилъ бы значительное большинство сектаторовъ, и предложили довершить уничтоженіе нелѣпой и ненавистной присяги, которая, бывъ въ продолженіе полутора столѣтія соблазномъ для благочестиваго и посмѣшищемъ для нечестиваго, была, наконецъ, отмѣнена въ наше время. Громадная власть духовенства и торійскаго джентри сдѣлала эти превосходныя намѣренія тщетными. Виги, однако, сдѣлали много. Они успѣли достигнуть закона, въ опредѣленіяхъ котораго философъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы многое, что достойно было осужденія, но который

имѣлъ то практическое послѣдствіе, что далъ возможность почти каждому протестантскому нонконформисту слѣдовать безъ стѣсненій внушеніямъ своей совѣсти. Едва ли есть въ книгѣ статутовъ законъ, который, въ теоретическомъ отношеніи, вызывалъ бы болѣе возраженій, чѣмъ *Актъ терпимости.* Но мы сомнѣваемся, есть ли во всей этой обширной массѣ законодательства, отъ Великой Хартіи до нашего времени, хоть одинъ законъ, который столь же много уменьшилъ бы сумму человѣческихъ страданій, который столь же много сдѣлалъ бы для смягченія дурныхъ страстей; который положилъ бы конецъ такой же массѣ мелкой тиранніи и мелкихъ притѣсненій; который внесъ бы радость, миръ и чувство безопасности въ такое же множество частныхъ жилищъ.

Второю изъ этихъ великихъ реформъ, произведенныхъ революціею, было окончательное установленіе пресвитеріанской церкви въ Шотландіи. Мы не станемъ теперь разбирать, какая форма церковнаго устройства, епископальная или кальвинистская, ближе подходитъ къ первобытной церкви. Шотландцы, конечно, вслѣдствіе ихъ собственной закоренѣлой глупости и злобы, не были епископалами; ихъ нельзя было сдѣлать епископалами; вся власть правительства была тщетно потрачена на ихъ обращеніе; курсъ лекцій богословія самаго назидательнаго рода былъ прочтенъ на Grass-market въ Эдинбургѣ; и все-таки, не смотря на всѣ усилія этихъ великихъ богословскихъ профессоровъ, Лодердаля и Донди, ковенанторы были такъ же упрямы, какъ когда-либо. Борьбѣ между шотландскою націею и англиканскою церковью должны быть приписаны почти 30 лѣтъ самаго страшно-дурнаго-управленія, когда-либо видѣнныхъ въ какой бы то ни было части Великобританіи. Еслибы революція не имѣла никакого другаго послѣдствія, кромѣ освобожденія шотландцевъ отъ ига такого установленія, которое они ненавидѣли, и дарованія имъ другаго, къ которому они были привязаны,—она была бы однимъ изъ счастливѣйшихъ событій въ исторіи Англіи.

Третье великое благодѣяніе, которое страна извлекла изъ революціи, состояло въ перемѣнѣ способа ассигнованія субсидій. Принято было назначать каждому государю, въ началѣ его правленія, сборъ съ извѣстныхъ налоговъ, который, полагали, далъ бы сумму, достаточную для покрытія обыкновенныхъ издержекъ правительства. Распредѣленіе дохода было вполнѣ предоставлено монарху. Онъ могъ быть вынужденъ войною или собственною расточительностью просить экстра-ординарнаго ассигнованія. Но если политика его была бережлива и миролюбива, онъ могъ править въ теченіе многихъ лѣтъ, не будучи поставленъ ни разу въ необходимость созывать свой парламентъ или слѣдовать его совѣту, созвавши его. Это было не все. Естественное стремленіе всякаго общества, въ которомъ собственность пользуется изрядною безопасностью, заключается въ накопленіи богатства. Съ народнымъ богатствомъ доходъ съ пошлинъ, акциза и почтъ естественно увеличивается, и такимъ образомъ, легко могло бы случиться, что налоги, которые въ началѣ продолжительнаго правленія были едва достаточны на содержаніе бережливаго правительства во время мира, могли бы еще до конца этого правленія дать государю возможность подражать расточительности Нерона или Геліогабала, набирать большія арміи, вести дорого обходящіяся войны. Нѣчто въ этомъ родѣ дѣйствительно случилось при Карлѣ II, хотя царствованіе его, считая отъ реставраціи, продолжалось только 25 лѣтъ. Винов-

ники революціи нашли средства противъ этого великаго злоупотребленія. Они назначили королю не колеблющійся сборъ съ извѣстныхъ опредѣленныхъ налоговъ, на опредѣленную сумму, достаточную на содержаніе королевскаго штата. Они постановили за правило, чтобы всѣ расходы по арміи, флоту и артиллеріи представлялись ежегодно на разсмотрѣніе палаты общинъ, и чтобы каждая вотированная сумма была употребляема согласно ея назначенію. Прямое послѣдствіе этой перемѣны было важно. Косвенное послѣдствіе было еще важнѣе. Съ того времени палата общинъ была дѣйствительно главною властью въ государствѣ. Она на самомъ дѣлѣ назначала и отрѣшала министровъ, объявляла войну и заключала миръ. Никакой союзъ короля и лордовъ никогда не былъ въ состояніи сдѣлать что-либо противъ нижней палаты, поддерживаемой ея избирателями. Три или четыре раза былъ государь, правда, въ состояніи сломить силу оппозиціи распущеніемъ парламента. Но еслибы этотъ опытъ не удался, еслибы народъ былъ одинаковаго мнѣнія со своими представителями, ему, очевидно, не оставалось бы другаго пути, какъ уступить, отречься отъ престола или сражаться.

Слѣдующимъ великимъ благодѣяніемъ, которымъ Англія обязана революціи, было очищеніе отправленія правосудія въ политическихъ дѣлахъ. О важности этой перемѣны не можетъ судить никто изъ тѣхъ, кто незнакомъ хорошо съ прежними томами политическихъ процессовъ. Самыя худшія изъ преступленій, покрывшихъ безславіемъ старые парламенты Франціи, осужденіе Лалли, напримѣръ, или даже осужденіе Кала *), могутъ казаться похвальными, въ сравненіи съ жестокостями, которыя безконечнымъ рядомъ слѣдуютъ одна за другою, когда перелистываемъ эту громадную хронику стыда Англіи. Судьи Парижа и Тулузы были ослѣплены предразсудками, страстью или изувѣрствомъ. Но распутные судьи Англіи совершали убійства сознательно. Причина тому ясна. Во Франціи не было конституціонной оппозиціи. Если человѣкъ говорилъ языкомъ, оскорбительнымъ для правительства, онъ былъ тотчасъ же отправляемъ въ Бастилію или въ Венсенъ. Но въ Англіи, по крайней мѣрѣ, послѣ Долгаго парламента, король могъ не единственнымъ вліяніемъ своей прерогативы избавиться отъ безпокойнаго общественнаго дѣятеля. Онъ принужденъ былъ устранять тѣхъ, которые мѣшали ему, посредствомъ клятвопреступныхъ свидѣтелей, подобранныхъ присяжныхъ и продажныхъ, жестокосердыхъ, наглыхъ судей. Оппозиція, естественно, отплачивала, когда брала верхъ. Всякій разъ, какъ власть переходила отъ одной партіи къ другой, возникали проскрипція и рѣзня, скудно прикрытая внѣшностью судейской процедуры. Суды должны быть священными мѣстами убѣжища, гдѣ, при всякихъ превратностяхъ общественныхъ дѣлъ, невинные всѣхъ партій могутъ найти защиту. До революціи

---

*) Графъ Томасъ Артуръ Лалли былъ родомъ ирландецъ и переселился во Францію съ Іаковомъ II. При Людовикѣ XV вступилъ онъ на службу Франціи и былъ назначенъ главнокомандующимъ французскими войсками въ Остъ-Индіи. Геройски выдержавъ 10-мѣсячную осаду Пондишери, онъ вынужденъ былъ, наконецъ, сдать городъ англійскому генералу и, по возвращеніи во Францію, былъ казненъ въ 1766 г., какъ измѣнникъ.—Jean Calas былъ тулузскій купецъ протестантскаго исповѣданія. Сынъ его, сдѣлавшійся католикомъ, повѣсился въ припадкѣ болѣзни. Происками католическаго духовенства, Calas обвиненъ былъ въ дѣтоубійствѣ и подвергся жестокой казни.

они были бойнями, на которыя каждая партія тащила, въ свою очередь, своихъ противниковъ и гдѣ каждая находила однихъ и тѣхъ же продажныхъ и свирѣпыхъ мясниковъ, ожидавшихъ обычныхъ посѣтителей. Папистъ или протестантъ, тори или вигъ, священникъ или ольдерманъ,— все было одинаково для этихъ жадныхъ и дикихъ натуръ, лишь бы была возможность наживать деньги и проливать кровь.

Весьма естественно, что эти недостойные судьи скоро образовали вокругъ себя породу доносчиковъ, болѣе злодѣйскихъ, если возможно, чѣмъ они сами. Судъ присяжныхъ оказывалъ мало или вовсе не оказывалъ защиты невинному. Присяжные назначались шерифами. Шерифы въ большей части Англіи назначались короною. Въ Лондонѣ, на великой сценѣ политической борьбы, эти должностныя лица выбирались народомъ. Самые ярые парламентскіе выборы нашего времени дадутъ лишь слабое понятіе о бурѣ, свирѣпствовавшей въ Сити въ день, когда двѣ разъяренныя партіи, каждая со своимъ отличительнымъ знакомъ, сходились, чтобы избрать людей, отъ которыхъ должны были зависѣть жизнь и смерть въ наступающемъ году. Въ этотъ день аристократы самаго высокаго происхожденія не считали для себя унизительнымъ заискивать и руководить низшими классами, предводительствовать процессіею и наблюдать за подачею голосовъ. Въ такой день великіе вожди партій находились въ мучительныхъ ожиданіяхъ гонца, который долженъ былъ принести изъ Гильдголя извѣстіе о томъ, будутъ ли ихъ жизнь и имущества въ слѣдующіе 12 мѣсяцевъ во власти друга или врага. Въ 1681 г. были выбраны вигскіе шерифы и Шефтсбери презиралъ всю власть правительства. Въ 1682 году шерифами были торіи: Шефтсбери бѣжалъ въ Голландію. Другіе предводители партіи прекратили свои совѣщанія и поспѣшно удалились въ свои имѣнія. Сидни на эшафотѣ сказалъ этимъ шерифамъ, что кровь его падетъ на ихъ головы. Никто изъ нихъ не могъ отрицать обвиненія, и только одинъ изъ нихъ плакалъ отъ стыда и угрызеній совѣсти.

Такимъ образомъ каждый человѣкъ, который принималъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, рисковалъ своею жизнью. Послѣдствіемъ этого было то, что люди кроткаго нрава держались въ отдаленіи отъ распрей, въ которыхъ они не могли принять участія, не рискуя собственною шеею и достояніемъ своихъ дѣтей. Это былъ путь, которому послѣдовали сэръ Вилліамъ Темпль, Эвелинъ и многіе другіе, бывшіе во всѣхъ отношеніяхъ удивительно способными служить государству. Съ другой стороны, тѣ рѣшительные и предпріимчивые люди, которые рисковали своими головами и имѣніями въ политической игрѣ, естественно пріобрѣтали, вслѣдствіе привычки играть на такую высокую ставку, беззаботное и отчаянное направленіе ума. Мы серьезно думаемъ, что столь же безопасно было быть разбойникомъ на большой дорогѣ, какъ замѣчательнымъ вождемъ оппозиціи. Это можетъ служить объясненіемъ и, въ нѣкоторой степени, оправданіемъ насилія, въ которомъ справедливо упрекаютъ партіи того вѣка. Они боролись не только изъ за должности, но и изъ за жизни. Если они на одно мгновеніе отдыхали отъ своей роли агитаторовъ, если они допускали небольшое ослабленіе въ общественномъ раздраженіи, они были пропащими людьми. Юмъ, описывая это положеніе дѣлъ, употребилъ образъ, который, кажется, едва ли согласуется съ общею простотою его слога, но который, въ

этомъ случаѣ, однюдь не слишкомъ рѣзокъ. „Такъ,—говоритъ онъ,— обѣ партіи, движимыя взаимною яростью, но заключенныя въ узкихъ предѣлахъ закона, наносили ядовитыми кинжалами самые смертельные удары другъ другу въ грудь и погребли въ своихъ мятежныхъ раздорахъ всякое уваженіе къ правдѣ, чести и человѣколюбію“.

Отъ этого страшнаго зла освободила Англію революція. Законъ, который обезпечилъ судьямъ ихъ мѣста на всю жизнь или на все время хорошаго поведенія, сдѣлалъ кое-что. Законъ, изданный затѣмъ въ видахъ преобразованія суда по дѣламъ объ измѣнѣ, сдѣлалъ гораздо болѣе. Опредѣленія этого закона показываютъ, правда, весьма мало законодательнаго такта. Онъ былъ начертанъ не на основаніи принципа доставленія большей возможности спасенія обвиняемому, будь онъ невиненъ или виновенъ. Но это рѣшительно ошибка въ правую сторону. Зло, произведенное случайнымъ освобожденіямъ дурнаго гражданина, не можетъ быть сравнено съ бѣдствіями того царства террора, которое предшествовало революціи. Со времени изданія этого закона едва ли одинъ человѣкъ въ Англіи былъ казненъ, какъ измѣнникъ, если онъ не былъ осужденъ, на основаніи поразительныхъ доказательствъ, къ общему удовлетворенію всѣхъ партій, и за величайшее преступленіе противъ государства. Бывали попытки, во времена сильнаго раздраженія, обвинить людей въ государственной измѣнѣ за поступки, которые, хотя иногда и были вполнѣ достойны порицанія, но не заключали въ себѣ непремѣнно умысла, подходящаго подъ законное опредѣленіе измѣны. Всѣ эти попытки не удались. Въ продолженіе 140 лѣтъ ни одинъ государственный человѣкъ, находясь въ конституціонной оппозиціи правительству, не страшился топора. Самое небольшое меньшинство, борясь противъ самаго могущественнаго большинства, въ самыя смутныя времена, чувствовало себя совершенно безопаснымъ. Польтни и Фоксъ были двумя самыми знаменитыми вождями оппозиціи послѣ революціи. Оба были лично ненавистны двору. Но величайшій вредъ, какой величайшее нерасположеніе двора могло сдѣлать имъ, состоялъ въ томъ, что вычеркнутъ былъ *„Достопочтенный“* предъ ихъ именами.

Къ этому времени относится окончательное установленіе свободы печати, неизвѣстной Англіи со временъ Генриха VIII.

Мы знаемъ, что улучшенія, перечисленныя здѣсь, были во многихъ отношеніяхъ несовершенно и неискусно выполнены. Виновники этихъ улучшеній, устраняя или смягчая какое-нибудь великое практическое зло, продолжали иногда признавать ложный принципъ, изъ котораго зло проистекало. Иногда, когда они принимали здравое начало, они опасались слѣдовать ему во всѣхъ заключеніяхъ, къ которымъ оно привело бы ихъ. Иногда они упускали изъ виду, что средства, которыя они примѣняли къ одной болѣзни государства, должны были навѣрно породить другую болѣзнь и сдѣлать необходимымъ другое средство. Познанія ихъ были ниже нашихъ, и они не всегда были въ состояніи дѣйствовать согласно своимъ познаніямъ. Гнетъ обстоятельствъ, необходимость соглашенія различій во мнѣніяхъ, власть и насилія партіи, бывшей совершенно враждебною новому порядку, должны быть приняты въ разсчетъ. Если все это справедливо взвѣсить, то мы думаемъ, что мало будетъ различія во мнѣніяхъ либеральныхъ и здравомыслящихъ людей, относительно дѣйствительной цѣны того, что сдѣлали великія событія 1688 г. для этой страны.

Мы перечислили перемѣны, кажущіяся намъ самыми важными изъ тѣхъ, которыя революція произвела въ законахъ Англіи. Однакожъ перемѣны, которыя она произвела въ законахъ, были не болѣе важны, чѣмъ перемѣна, которую она косвенно произвела въ общественномъ мнѣніи. Вигская партія въ продолженіе 70 лѣтъ имѣла почти непрерывное обладаніе властью. Основнымъ ученіемъ этой партіи всегда было, что власть довѣряется для блага народа, что она ввѣряется должностнымъ лицамъ не для ихъ собственной, а для общественной выгоды, что, когда ею злоупотребляютъ должностныя лица, даже самыя высшія, она можетъ быть законно отнята. Совершенно справедливо, что виги не были болѣе другихъ людей изъяты отъ пороковъ и слабостей нашей природы и что когда они имѣли власть, они иногда злоупотребляли ею. Но все-таки они твердо держались своей теоріи. Эта теорія была отличительнымъ знакомъ ихъ партіи. Она была нѣчто болѣе: она была фундаментомъ, на которомъ основывалась власть Нассаускаго и Брауншвейгскаго домовъ. Такимъ образомъ явилось правительство совершенно исключительнаго свойства, правительство, смотрѣвшее съ удовольствіемъ на всѣ умозрѣнія, благопріятствующія общественной свободѣ и съ крайнимъ отвращеніемъ на всѣ умозрѣнія, благопріятствующія самопроизвольной власти. Явился король, который направлялъ всѣ свои милости на тѣхъ, которые проповѣдывали объ естественной равноправности людей. Таково было положеніе дѣлъ отъ революціи до смерти Георга II. Дѣйствіе было таково, какого можно было ожидать. Даже въ томъ сословіи, которое обыкновенно было наиболѣе расположено превозносить прерогативу, произошла большая перемѣна. Епархія за епархіей и деканство за деканствомъ были розданы вигамъ и латитудинаріямъ *). Послѣдствіемъ было то, что вигизмъ и латитудинаріанизмъ были исповѣдуемы самыми способными и самыми честолюбивыми церковниками.

Существовала все еще весьма сильная торійская партія въ Англіи. Но эта партія была въ оппозиціи. Многіе изъ ея членовъ все еще держались ученія страдательнаго повиновенія. Но они не допускали, чтобы существующая династія имѣла какое-нибудь право на такое повиновеніе. Они осуждали сопротивленіе. Но подъ сопротивленіемъ они разумѣли устраненіе Іакова III, а не изгнаніе Георга II. Никакой радикалъ нашихъ временъ не могъ бы говорить языкомъ, какой Джонсонъ, самый изувѣрный изъ торіевъ и высокоцерковниковъ, употреблялъ во время управленія Вальполя и Пельгама.

Такимъ образомъ ученія, благопріятствующія общественной свободѣ, были равно распространяемы тѣми, которые обладали властью, и тѣми, которые были въ оппозиціи. Привязанность одной партіи къ Ганноверскому дому, а другой къ дому Стюартовъ, побуждала обѣ партіи говорить языкомъ, гораздо болѣе благопріятнымъ народнымъ правамъ, нежели монархической власти.

Мы хорошо знаемъ, сколько было софистики въ разсужденіяхъ и сколько преувеличенія въ декламаціяхъ обѣихъ партій. Но когда мы сравниваемъ состояніе, въ которомъ находилась политическая наука въ концѣ правленія Георга II, съ состояніемъ, въ которомъ она была, когда

*) *Латитудинаріи* составляли умѣренную партію въ англійской церкви, члены которой старались быть примирителями между строгими епископалами и диссидентами.

Іаковъ II вступилъ на престолъ, — невозможнымъ становится не согласиться, что произошелъ огромный прогрессъ. Мы не принадлежимъ къ числу почитателей политическихъ ученій, изложенныхъ въ комментаріяхъ Блакстона. Но если мы примемъ въ разсчетъ, что эти комментаріи читались съ большимъ одобреніемъ въ тѣхъ самыхъ школахъ, гдѣ, 70 или 80 лѣтъ назадъ, книги были публично сожигаемы по приказанію Оксфордскаго университета, какъ содержащія достойное проклятія ученіе о томъ, что англійская монархія есть ограниченная и смѣшанная монархія,—мы не можемъ отрицать, что произошла благотворная перемѣна. „Іезуиты,—говоритъ Паскаль въ послѣднемъ изъ своихъ несравненныхъ писемъ,—получили папскій декретъ, осуждающій ученіе Галилея о движеніи земли. Все это напрасно. Если міръ дѣйствительно вращается кругомъ, весь человѣческій родъ не будетъ въ состояніи остановить его движеніе или не обращаться вмѣстѣ съ нимъ". Декреты Оксфорда были также недѣйствительны для удержанія великой нравственной и политической революціи, какъ декреты Ватикана — для удержанія движенія нашей планеты. Этотъ ученый университетъ увидѣлъ себя не только неспособнымъ препятствовать движенію массы, но неспособнымъ самому удержаться отъ движенія вмѣстѣ съ массою. И дѣйствіе преній и теорій не ограничилось одною только Англіею. Въ то время, какъ якобитская партія была на послѣдней степени нравственной и физической немощи паралитической старости, политическая философія Англіи начала производить могущественное дѣйствіе на Францію и чрезъ Францію на Европу.

LXXV. * НАПРАВЛЕНІЕ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ РЕСТАВРАЦІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПОЛИТИЧЕСКОЮ И ОБЩЕСТВЕННОЮ ЖИЗНЬЮ.

(По соч. Тэна: „Развитіе политической и гражданской совбоды въ Англіи" и т. д., ч. II).

Во время господства пуританизма, подъ вліяніемъ религіознаго ужаса, мрачное воображеніе англичанъ въ продолженіе многихъ лѣтъ лишало жизнь человѣческую всякой прелести. При мысли о смерти и сумрачной вѣчности въ душѣ возникало глухое безпокойство, и больное сердце, содрогаясь отъ каждаго ощущенія своего, кончило отвращеніемъ ко всѣмъ удовольствіямъ, ненавистью ко всѣмъ инстинктамъ. Человѣкъ, объявленный нечестивымъ и заранѣе обреченнымъ аду, считалъ свою жизнь заключеніемъ въ темницѣ гибели и порока. То была жизнь осужденнаго на казнь, давимая мрачнымъ отчаяніемъ, полная призрачныхъ видѣній: одинъ воображаетъ себя каждую минуту наканунѣ смерти, другой дѣлается жертвою болѣзненныхъ галлюцинацій; нѣкоторые чувствуютъ присутствіе посреди ихъ злаго духа; всѣ проводятъ ночи безъ сна, вчитываясь въ бурныя исторіи и страстныя воззванія ветхаго завѣта. И мнится имъ, что они слышатъ громы и угрозы разгнѣваннаго Бога, вызывающіе въ ихъ собственномъ сердцѣ свирѣпость убійцъ и воодушевленіе ясновидящихъ. При такомъ напряженіи, разсудокъ мало-по-малу изнемогъ. Послѣ долгихъ безотрадныхъ часовъ, надорванное воображеніе продол-

жало еще работать; ослѣпительные образы, невѣдомыя идеи возникали въ разгоряченномъ мозгу; человѣкъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе новыхъ нравственныхъ силъ и изумительныхъ душевныхъ движеній. Преобразившійся до такой степени, онъ не узнавалъ болѣе самого себя, не относилъ къ себѣ этихъ горячихъ и внезапныхъ порывовъ вдохновенія, которые потрясали и озаряли его, выбивая изъ общей жизненной колеи; онъ видѣлъ въ нихъ дѣйствіе сверхестественнаго могущества, а потому отдавался имъ съ энтузіазмомъ горячки и съ непреклонностью вѣры.

Такъ развернулась новая жизнь, изгнавшая и опозорившая прежнюю: все, что напоминало грѣховныя свѣтскія привычки, — было оставлено, чувственныя удовольствія запрещались, какъ общественное зло; парламентскіе билли закрываютъ игорные дома, театры, подвергаютъ тѣлесному наказанію актеровъ, которыхъ привязываютъ за телѣгой и водятъ такимъ образомъ по городу; божба, ругательство облагаются штрафомъ; срублены майскія деревья, убиты медвѣди, забавлявшіе нѣкогда народъ своимъ единоборствомъ, запрещены прекрасные поэтическіе народные праздники. Самая нагота статуй, неприличная па взглядъ пуританина, спрятана подъ слоемъ гипса, наложеннаго каменьщиками; изъ церквей вынесены или изорваны украшенія, статуи и картины. Штрафы и тѣлесныя наказанія грозили даже дѣтямъ, еслибы тѣ вздумали позволить себѣ „игры, танцы, колокольный звонъ, забавы, потѣшные огни, борьбу, охоту", всѣ упражненія, всѣ развлеченія, которыя могли бы профанировать святость воскреснаго дня. Единственнымъ удовольствіемъ, пощаженнымъ и сносимымъ общественною нетерпимостью, было гнусливое распѣваніе псалмовъ и произнесеніе длинныхъ назидательныхъ проповѣдей. Въ Шотландіи, какъ странѣ болѣе холодной и суровой, нетерпимость доходила до послѣднихъ предѣловъ свирѣпости и мелочности, установляя надзоръ за частною жизнью и исполненіемъ религіозныхъ обязанностей въ каждой семьѣ всѣми ея членами, отбирая дѣтей у католиковъ и принуждая ихъ самихъ къ отреченію отъ своей религіи, подъ опасеніемъ продолжительнаго тюремнаго заключенія, или самой смерти, наконецъ, возводя на костры цѣлыя толпы вѣдьмъ. Казалось, будто мрачное облако нависло надъ человѣческою жизнью и помрачило въ ней всякую радость, утопило все свѣтлое и прекрасное. Лишь по временамъ эта жизнь освѣщалась блескомъ сабель и слабымъ мерцаніемъ факеловъ, при свѣтѣ которыхъ можно было различить фигуры угрюмыхъ деспотовъ, болѣзненныхъ сектаторовъ и безмолвный, угнетенный народъ.

Возстановленіе короля было эпохою освобожденія. Общественный духъ, точно рѣка, перерѣзанная и заваленная плотиною, устремился всею естественною тяжестью къ выходу, такъ долго для него закрытому. Напоръ былъ слишкомъ силенъ, и плотина не выдержала. Быстрый возвратъ къ чувственной жизни потопилъ нравственность, которая стала казаться однимъ изъ аттрибутовъ пуританизма; общее отвращеніе къ фанатизму смѣшивало съ нимъ и самое понятіе о долгѣ; вмѣстѣ съ набожностью, утрачена была и честность. Лучшія свойства человѣческой природы исчезли, въ немъ жила одна только необузданная животная страсть, стремящаяся къ удовлетворенію своихъ алчныхъ инстинктовъ, въ ущербъ стыда и справедливости.

Одинъ изъ англійскихъ государственныхъ людей говорилъ, что народное волненіе во Франціи можно успокоить словами чести и человѣко-

любія; но въ Англіи оно не успокоится до тѣхъ поръ, пока не увидитъ живаго мяса. Оскорбленіе, кровь, оргіи, — вотъ пища, на которую ринулась эта благородная чернь. Спустя три года по возвращеніи короля, Ботлеръ издаетъ своего *Гудибраса*. Одни современники могли бы разсказать, съ какимъ увлеченіемъ онъ былъ встрѣченъ! Мы же можемъ только засвидѣтельствовать, въ какой мѣрѣ отголосокъ этого увлеченія достигъ до нашего времени. Но какъ низко стоитъ тутъ умственный уровень, съ какою неловкостью и какъ нелѣпо растянуты его мстительные фарсы! Увѣряютъ, будто Гудибрасъ—подражаніе *Донъ-Кихоту*. Пуританскій рыцарь Гудибрасъ, подобно Донъ-Кихоту, задался цѣлью исправлять сдѣланное зло и отплачивать насиліемъ за насиліе. Но выходитъ не то: шутовской короткій стихъ, прихрамывая, плетется безконечно долго, оставаясь постоянно такимъ же сальнымъ и пошлымъ, какъ стихъ *Энеиды на изнанку*. Изображеніе Гудибраса и его лошади растянуто почти на цѣлую пѣсню; сорокъ стиховъ пошло на описаніе одной его бороды, въ сорока другихъ описываются его штаны. Безконечныя схоластическія словоизверженія, диспуты, не уступающіе продолжительностью пуританскимъ, наполняютъ почти половину поэмы. Въ цѣломъ нѣтъ ни оживленія, ни естественности; повсюду плохо обдуманныя сатиры, грубыя каррикатуры; ни размѣра, ни искусства, ни вкуса не видно нигдѣ; ядовитая ненависть, ударяясь въ крайности, не достигаетъ цѣли и обезображиваетъ портретъ, который намѣрена изобразить. Хороша у него шутка надъ бородою Гудибраса: „Этотъ косматый метеоръ возвѣщалъ паденіе коронъ и скипетровъ; его зловѣщій символъ изображалъ паденіе правительствъ, а іероглифическая лопатка какъ бы указывала на могилу, готовую поглотить и его, и государство“. Авторъ такъ доволенъ этою жалкою шуткою, что растягиваетъ ее еще на десять стиховъ. Все сводится къ площадному тону: если случайно и попадаются красоты слога и мысли, то они тотчасъ же расплываются въ грязномъ омутѣ кабачныхъ прибаутокъ. Такимъ именно тономъ говорятъ уличные остряки, принаравливающіе свое воображеніе и языкъ къ понятіямъ трущобныхъ и кабачныхъ завсегдателей. Вотъ чѣмъ упивались всласть придворные нобльмэны временъ реставраціи!

Всеобщій упадокъ нравственности сказывается во всѣхъ сферахъ. Какъ-то разъ, за столомъ, Карлъ II съ гордостью обратилъ вниманіе Граммона на то, что его придворные служатъ ему не иначе, какъ на колѣняхъ, и это была самая приличная поза для нихъ. Самъ король поступаетъ въ наемщики къ Людовику XIV и продаетъ ему интересы своей страны за ежегодную пенсію въ 200,000 ливровъ. Министры, члены парламента, посланники, всѣ получаютъ французскія субсидіи. Зараза охватила даже патріотовъ самыхъ безкорыстныхъ. Лордъ Россель интриговалъ съ версальскимъ дворомъ; Альджернонъ Сиднэй получилъ оттуда 500 гиней. У нихъ не остается такта даже на столько, чтобы сохранить приличіе и хоть сколько-нибудь поберечь честь.

Всматриваясь въ человѣка, лишеннаго такимъ образомъ всякой нравственной инициативы, вы прежде всего найдете въ немъ кровожадные инстинкты первобытнаго животнаго. Членъ палаты коммунъ, сэръ Джонъ Ковентри, нечаянно выразился такъ, что это принято было за порицаніе любовныхъ похожденій короля. Герцогъ Монмутъ, его другъ, по приказанію короля, велѣлъ преданнымъ людямъ обвинить его въ измѣнѣ, и

тѣ, въ избыткѣ усердія, разсѣкли ему носъ до самой кости. Нѣкто, мошенникъ Блоудъ, покушался зарѣзать герцога Осмонда и закололъ кинжаломъ сторожа въ Тоуэрѣ съ цѣлью похитить бриллiанты короны. Находя этотъ субъектъ интереснымъ и замѣчательнымъ, въ своемъ родѣ, экземпляромъ, Карлъ II не только помиловалъ его, но далъ ему помѣстье въ Ирландiи и, вмѣстѣ съ герцогомъ Осмондомъ, допустилъ его въ число своихъ приближенныхъ, такъ что Блоудъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ героя и получилъ доступъ въ лучшее общество. Послѣ такихъ прекрасныхъ примѣровъ можно было все позволять себѣ. Герцогъ Букингэмъ, любовникъ графини Шрюсбюри, убиваетъ на дуэли графа; графиня, переодѣтая пажемъ, держитъ лошадь Букингэма во время поединка и, по окончанiи его, парочка убійцъ и прелюбодѣевъ публично, точно съ трiумфомъ, возвращается въ домъ убитаго. Возможно ли послѣ того удивляться, что графъ Кенигсмаркъ называетъ „бездѣлицей" сдѣланное имъ изъ за угла убійство? Реставрацiя началась бойнею. Лорды вели процессы республиканцевъ съ безстыдною жестокостью, съ откровенностью невыразимой злобы. Въ продолженiе процесса генералъ-маiора Гаррисона подлѣ него постоянно находился палачъ въ своемъ страшномъ костюмѣ, съ веревкою въ рукахъ, чтобы измучить подсудимаго продолжительнымъ предчувствiемъ смерти. Его сняли еще живаго съ висѣлицы, распороли ему животъ и въ глазахъ его бросили въ огонь внутренности; затѣмъ онъ былъ четвертованъ, а трепещущее сердце было вырвано изъ груди и показано народу. Кавалеры шли съ удовольствiемъ смотрѣть на подобныя казни. Были между ними и такiе, которые старались еще усилить ее. Когда четвертовали легиста Джона Кока, полковникъ Торнеръ приказалъ подвести поближе Гуга Петерса, другаго осужденнаго, ожидавшаго своей очереди; палачъ подошелъ къ несчастному Петерсу и, потирая свои окровавленныя руки, спрашивалъ его, по вкусу ли ему эта работа. Сгнившiе трупы Кромвелля, Иретона, Брадшау были отрыты ночью, послѣ чего головы ихъ были надѣты на колья и выставлены на башнѣ Уэстминстеръ-Галля. Дамы ходили любоваться этимъ позорнымъ безчеловѣчiемъ, придворные сочиняли на эти случаи куплеты. Они упали такъ низко, что потеряли даже физическое отвращенiе. Чуткость физическихъ чувствъ была подавлена такъ же, какъ и впечатлительность сердца.

По возвращенiи съ этихъ кровавыхъ зрѣлищъ, они бросались въ развратъ. Прочтите бiографiю графа Рочестера, придворнаго поэта, бывшаго героемъ своего времени. Такъ и кажется, что видимъ передъ собою необузданнаго и жалкаго скомороха; посѣщенiе кабаковъ, соблазнъ и подкупъ женщинъ, сочиненiе сальныхъ пѣсенекъ и неприличныхъ пасквилей,—вотъ вамъ его удовольствiе; сплетни и пересуды съ придворными фрейлинами, ссоры съ писателями,—вотъ его занятiя. Чтобы выдать себя за ходока по части любовныхъ интригъ, онъ похищаетъ свою невѣсту до свадьбы и послѣ женится на ней; желая показаться скептикомъ, онъ отказывается отъ дуэли и получаетъ названiе труса. Говорятъ, что въ теченiе цѣлыхъ пяти лѣтъ онъ былъ пьянъ безъ просыпу. Внутреннiй пылъ этого человѣка, за неимѣнiемъ благороднаго исхода, растрачивался имъ на арлекинныя приключенiя. Вмѣстѣ съ Букингэмомъ онъ нанялъ однажды гостинницу по дорогѣ въ Ньюмаркетъ и, сдѣлавшись содержателемъ ея, угощалъ мужей и развращалъ ихъ женъ. Въ другой разъ, переодѣвшись старухою, онъ пробрался въ домъ одного скряги,

похитилъ у него жену и передалъ ее Букингэму. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужъ съ горя повѣсился, а они вволю нахохотались, находя все это крайне забавнымъ. Случалось такъ, что Рочестеръ переодѣвался носильщикомъ, или нищимъ, и сводилъ уличныя любовныя интрижки. Все это являлось послѣдствіемъ распущенности пылкаго воображенія, которое пятнаетъ достоинство личности, наталкиваетъ ее на грязныя и безсмысленныя похожденія, между тѣмъ какъ при лучшихъ условіяхъ оно могло бы служить украшеніемъ той же самой личности и вести ее по пути всего разумнаго и прекраснаго. Чѣмъ же могла сказаться любовь въ подобной натурѣ? Нѣтъ возможности привести даже заглавій его поэмъ: онъ писалъ ихъ для однихъ грязныхъ притоновъ. Всѣ нѣжныя чувства, мечты, восторги, чистый высокій свѣтъ, превращающій нашу бѣдную жизнь въ рай земной,—всякая иллюзія исчезаетъ у него; остаются только пресыщенное желаніе, да угомонившійся жаръ крови. Хуже всего то, что онъ пишетъ безъ увлеченія; въ его сатирахъ виденъ только воспитанникъ Буало. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе хладнокровной непристойности. Можно простить Рабле, потому что въ немъ чувствуешь присутствіе глубокой веселости, мужественной юности, которая бьетъ ключемъ въ описаніяхъ его пировъ: видишь богатство мысли и фантазіи, всплывающихъ поверхъ грязныхъ картинъ его произведенія. Но видѣть человѣка, желающаго казаться изящнымъ и въ то же время остающагося грязнымъ, описывающаго языкомъ избраннаго общества впечатлѣнія, годныя развѣ только носильщику,—это то же самое, что видѣть дорогой уборъ на человѣкѣ, одѣтомъ въ лохмотья нищаго. Въ заключеніе подобной карьеры является болѣзнь и пресыщеніе. Въ то же время, какъ Лафонтенъ до послѣднихъ дней сохраняетъ нѣжную впечатлительность и способность счастья, Рочестеръ въ тридцать лѣтъ уже оскорбляетъ женщину съ мрачною ѣдкостью. Но вотъ, среди легкомысленныхъ припѣвовъ, нагихъ сатиръ, воспоминаній о неудавшихся предположеніяхъ и о грязныхъ наслажденіяхъ, которыя наполняютъ его усталую голову, какъ нечистоты водосточную трубу,—въ немъ начинаетъ бродить страхъ смерти и осужденія за гробомъ. Конецъ стоитъ начала: Рочестеръ обращается въ ханжу и умираетъ, едва достигнувъ тридцати трехъ лѣтъ.

Во главѣ такого направленія самъ король подаетъ достойный примѣръ: „Старый козелъ", какъ называютъ его придворные, воображаетъ, что онъ очень милъ и любезенъ. Но, Боже, какая же жалкая эта веселость и любезность! Французскій складъ характера и ума пришелся заламаншскимъ обитателямъ, какъ сѣдло коровѣ. Католицизмъ переходитъ у нихъ въ грубое суевѣріе, эпикуреизмъ—въ грубый развратъ, придворная утонченность—въ раболѣпство, скептицизмъ—въ непристойное безбожіе. Англійскій дворъ умѣлъ перенять только французскую меблировку и наряды. Наружный порядокъ и приличіе, соблюдавшіеся въ Версали, благодаря образованному общественному вкусу, здѣсь оказались стѣснительными, а потому отброшены. Карлъ съ братомъ своимъ бѣгаютъ по улицамъ въ парадныхъ костюмахъ, точно во время карнавала. Въ тотъ день, когда голландскій флотъ сжегъ англійскія суда въ самой Темзѣ, онъ ужиналъ у герцогини Монмутъ и забавлялся ловлею ночныхъ мотыльковъ. Во время доклада дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ онъ игралъ со своею собакою. Божба, скандалезные разсказы, пьянство, азартныя игры, ругательства противъ духовенства и хула священнаго

писанія считались признакомъ моды и развитія. Леди Кэстльменъ въ одну ночь проиграла 25,000 ф. ст. Герцогъ Сентъ-Альбансъ, восьмидесятилѣтній старикъ, ходилъ въ игорные дома въ сопровожденіи лакея, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы называть ему каждую карту. Седли и Бекгерстъ раздѣвались до гола и бѣгали въ такомъ видѣ ночью по улицамъ. Были даже и такіе, которые среди бѣла дня стояли голые у раскрытаго окна и держали рѣчи собравшейся толпѣ. Изъ нѣсколькихъ молодыхъ сорванцовъ основалось общество, въ которомъ красовалась также леди Беннетъ (графиня Арлингтонъ) со своимъ штатомъ фрейлинъ и компаньонокъ. Тамъ допускалось все, что только могло взбрести въ разнузданную мысль. Но непонятнѣе всего то, что подобные кермессы вовсе не выходили веселыми: посѣтители ихъ были угрюмые мизантропы, цитировавшіе слова мрачнаго Гоббса, котораго принимали за авторитетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ философіи Гоббса высказалось послѣднее слово, дорисовалась послѣдняя черта этого общества.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ Англіи, то-есть умовъ ограниченныхъ, но сильныхъ, слывущихъ подъ названіемъ положительныхъ, методическихъ и неподатливыхъ, какъ стальная машина. Отсюда—метода и слогъ его отличаются необыкновенною силою и сухостью, которыя вполнѣ достаточны для того, чтобы созидать и разрушать; его философія отличается смѣлостью догматовъ. Слогъ Гоббса чуждъ всякихъ прикрасъ и всякихъ изліяній; это масса доводовъ, голыхъ фактовъ, изложенныхъ въ возможно сжатомъ видѣ и соединенныхъ дедуктивными выводами, точно желѣзными крючьями. У него нѣтъ оттѣнковъ, ни одного остраго или изысканнаго слова; онъ пользуется только тѣми изъ нихъ, которые давно уже вошли во всеобщее употребленіе и, по прошествіи двухъ сотъ лѣтъ, вы не отыщете у него даже дюжины словъ, устарѣвшихъ въ наше время. Проникая въ самую сущность коренной идеи, устраняя случайную блестящую оболочку ея, онъ мѣтко очерчиваетъ основную часть, составляющую постоянный матеріалъ всякой мысли и всякаго понятія о предметѣ, доступномъ простому здравому смыслу. Читатель, переходя за нимъ отъ вывода къ выводу, въ любомъ мѣстѣ можетъ провѣрить точность его пріемовъ и оцѣнить достоинство его результатовъ. Подобная логическая машина, не стѣсняясь предразсудками, коситъ непреклонно и смѣло, какъ автоматъ. Гоббсъ очищаетъ знаніе отъ лишнихъ словъ и схоластическихъ теорій, издѣвается надъ причиною причинъ, отвергаетъ ощутительныя и вразумительныя представленія чувственныхъ впечатлѣній, не признаетъ авторитета цитатъ. Рукою хирурга проникаетъ онъ въ сердце самыхъ живыхъ вѣрованій, отрицаетъ, чтобы книги Моисея, Іисуса Навина и другихъ могли быть дѣйствительно ими написаны. Онъ говоритъ, что никакимъ умозаключеніемъ нельзя доказать божественный характеръ священнаго писанія и, чтобы вѣрить въ него, для каждаго необходимо сверхъестественное откровеніе, авторитетъ котораго, какъ и всякаго другаго, опровергается имъ. Онъ низводитъ человѣка на степень простаго физическаго тѣла, душу его на степень функціи, понятіе о Богѣ на степень неизвѣстнаго. Всѣ его фразы имѣютъ видъ математическихъ уравненій и выводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, взглядъ его на науку заимствованъ изъ математики, по законамъ которой онъ старается пересоздать нравственныя науки. Принявъ математическую точку отправленія въ нравствен-

ныхъ наукахъ, онъ утверждаетъ, что ощущеніе есть внутреннее движеніе, происшедшее отъ внѣшняго впечатлѣнія; что желаніе есть внутреннее побужденіе, направленное къ внѣшнему предмету, и этими двумя положеніями пересоздаетъ весь нравственный міръ. Внося, подобно геометрамъ, математическій методъ въ нравственныя науки, онъ выясняетъ двѣ простыя идеи, превращаетъ ихъ постепенно въ осложненныя и затѣмъ созидаетъ человѣческія страсти, права и учрежденія, посредствомъ впечатлѣнія и желанія, точь-въ-точь какъ геометры, которые отъ простыхъ—прямой и кривой — переходятъ къ построеніямъ самыхъ сложныхъ многогранниковъ. Въ первый разъ у него, какъ и у Декарта, хотя съ большею силой и рельефностью, выказался складъ ума, начавшаго во всей Европѣ классическій вѣкъ.

Но если Декартъ, среди очищенныхъ, облагороженныхъ и угомонившихся общественныхъ элементовъ и религіозныхъ вѣрованій, возводилъ разумъ на пьедесталъ величія и возвышалъ человѣка, то жившій въ развращенномъ обществѣ и среди смутныхъ религіозныхъ понятій Гоббсъ унижалъ человѣка, взводя на его мѣсто тѣло. Вслѣдствіе отвращенія къ пуританизму, придворные сводили жизнь къ одному лишь животному сладострастію; по той же причинѣ Гоббсъ признаетъ въ человѣческой природѣ одну только животную сторону. Придворные были грубые атеисты на практикѣ, онъ былъ грубымъ атеистомъ по теоріи. Они ввели въ моду инстинктъ и эгоизмъ; онъ писалъ философію инстинкта и эгоизма. Они давили въ собственномъ сердцѣ всѣ нѣжныя и благородныя побужденія, онъ уничтожалъ эти побужденія въ сердцѣ человѣка вообще, возводилъ ихъ нравы въ теорію, составлялъ руководства для образа ихъ дѣйствій, напередъ ставилъ аксіомы, которыя тѣ проводили въ жизнь. По его, какъ и по ихъ, мнѣнію, первымъ благомъ считается сохраненіе жизни и сбереженіе членовъ тѣла; наибольшимъ зломъ—смерть, особливо мучительная. Всякое другое благо и всякое другое зло есть только среднее между этими двумя крайностями. Всякій ищетъ и желаетъ только того, что ему пріятно. „Никто не даетъ, не имѣя въ виду личной выгоды“.—Почему дружба есть благо? „Потому что она полезна; у друзей мы находимъ защиту и много другаго полезнаго“.—Почему сожалѣемъ мы о несчастіи ближняго? „Потому что допускаемъ возможность такого же несчастія съ нами“.—Почему пріятно прощать тому, кто проситъ прощенія? „Потому что это оправдываетъ нашу вѣру въ самихъ себя“. Вотъ скрытыя побужденія человѣческаго сердца. Посмотрите же теперь, во что превращаются драгоцѣннѣйшія произведенія человѣческаго ума въ этихъ позорящихъ рукахъ! „Музыка, живопись, поэзія пріятны, какъ подражанія, напоминающія прошлое, потому что если прошлое было хорошо, то пріятно въ воспоминаніи, какъ все хорошее; если же оно было дурно, то пріятно въ воспоминаніи, какъ прошлое“. Вотъ къ какому грубому механизму сводитъ онъ изящныя искусства. Гоббсъ ставитъ философію на ту же степень: „если знаніе полезно, то потому только, что помогаетъ; если же его желательно усвоить для себя, то потому, что оно пріятно“. Такимъ образомъ за наукою не остается никакого нравственнаго значенія; она не больше, какъ пріятное препровожденіе времени и помощь въ жизни, полезная въ такой же мѣрѣ, какъ прислуга или какъ кукла. Деньги лучше вслѣдствіе того, что полезнѣе, слѣдовательно: „не тотъ богатъ, кто мудръ, какъ говорятъ стоики, а тотъ мудръ, кто бо-

гатъ". Религія представляется у него только „опасеніемъ невидимаго могущества, вымышленнаго человѣческимъ разумомъ, или созданнаго воображеніемъ, на основаніи всѣми признаваемыхъ разсказовъ. Конечно, это было вполнѣ справедливо для души какого-нибудь Рочестера или Карла II. Дерзкіе или трусы, вѣрующіе или богохульствующіе, они ничего не могли видѣть дальше такихъ понятій". Гоббсъ не признаетъ никакого естественнаго права. „До соединенія людей въ общество чрезъ взаимныя обязательства, каждый имѣлъ право дѣлать, что ему угодно и противъ кого угодно". Онъ не признаетъ также никакой естественной дружбы. „Люди сходятся въ общество только изъ личныхъ выгодъ, или изъ тщеславія, т. е. изъ любви къ самому себѣ, а не къ другимъ. Началомъ большихъ и долго существовавшихъ обществъ было вовсе не взаимное расположеніе членовъ ихъ; въ первобытномъ состояніи у всякаго было только стремленіе вредить другимъ... Человѣкъ—тотъ же волкъ относительно другаго человѣка... Естественное состояніе есть война, но не просто война, а война всѣхъ противъ всѣхъ, и слѣдовательно вѣчная война". Такое понятіе о человѣкѣ и обществѣ составилось въ тѣ времена, подъ вліяніемъ ожесточенія религіозныхъ сектъ, столкновенія различныхъ честолюбій, паденія правительствъ, разнузданности раздраженнаго воображенія и зловредныхъ страстей. Всѣ они, философы и народъ, жаждали монархіи и покоя. Съ непреклонною логикою Гоббсъ доказываетъ необходимость абсолютизма; по мнѣнію его, чѣмъ сильнѣе будетъ гнетъ, тѣмъ прочнѣе будетъ миръ. Никто не смѣй противиться государю. Что бы и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ онъ ни дѣлалъ съ подданными—его поступокъ не можетъ считаться несправедливостью. Онъ папа и даже болѣе, чѣмъ папа. Онъ долженъ утверждать каноническія книги, и если онъ прикажетъ, то подданные его должны отвергнуть даже Христа, по крайней мѣрѣ на словахъ; первоначальный договоръ предоставилъ ему неограниченную власть надъ всѣми внѣшними проявленіями. Благодаря этому, сектаторы по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть возможности производить смутъ въ государствѣ, подъ предлогомъ свободы совѣсти.

Вотъ къ какимъ крайностямъ пришелъ этотъ узкій и послѣдовательный умъ, вслѣдствіе страшной усталости и отвращенія къ междоусобнымъ войнамъ. Умозаключеніе онъ сводитъ къ „сложенію двухъ чиселъ"; мысль—къ состоянію мозга; ощущенія—къ тѣлеснымъ движеніямъ; общіе законы—къ простымъ словамъ; сущность всего—къ тѣлу; всю науку—къ познанію видимыхъ тѣлъ; все человѣческое бытіе—къ физическому тѣлу, обладающему способностью воспринимать или отражать движенія. Такимъ образомъ человѣкъ, замѣчая въ себѣ и въ окружающей природѣ только однѣ отрицательныя стороны, разочарованный въ понятіи о себѣ и о другихъ, долженъ смириться предъ необходимостью власти, подчиниться игу, отрицаемому его непокорною натурою, и нести его безропотно. Таково въ дѣйствительности желаніе, порождаемое картиною англійской реставраціи. Человѣкъ заслуживалъ тогда это обращеніе потому, что могъ внушать подобную философію. А теперь мы увидимъ его и на сценѣ тѣмъ же, чѣмъ видѣли его въ теоріи и нравственности.

Съ открытіемъ театровъ, запертыхъ парламентомъ, очень скоро стала замѣтна и перемѣна, происшедшая въ общественномъ вкусѣ. Послѣдній представитель великой школы—Шерли, пересталъ писать и умеръ. Уэл-

леръ, Букингэмъ, Драйденъ заняты передѣлкою произведеній Шекспира, Флетчера, Бомона, которыя они приспособляютъ ко вкусу новой публики. Пипейсъ, видѣвшій на сценѣ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, говоритъ, „что больше никогда не пойдетъ смотрѣть его, потому что эта самая нелѣпая и смѣшная пьеса, какую случалось ему видѣть". Комедія преобразуется потому, что преобразовалась и сама публика.

Но что за публика была у Шекспира и Флетчера! Что это были за юныя, привлекательныя души! Не смотря на неудобство вонючей залы, гдѣ было необходимо курить можжевельникомъ, не смотря на бѣдную полуосвѣщенную сцену, съ кабачными декораціями, не смотря на женскія роли, исполняемыя мужчинами,—иллюзія ихъ была полна. Неправдоподобное ихъ не заботило. Они могли переноситься мыслью чрезъ океаны, странствовать въ лѣсахъ, путешествовать подъ различными небосклонами, переживать по двадцати лѣтъ и по десяти сраженій, пересыпанныхъ путаницею приключеній. Послѣ цѣлаго ряда сценъ, полныхъ комизма, пьеса могла снова принимать свой серьезный или нѣжный характеръ. Они не хлопотали о томъ, чтобы постоянно смѣяться... Въ этихъ свѣжихъ сердцахъ скрывался непочатый уголъ страстей и грезъ, которыя ждали только волшебнаго мановенія поэта. Мелькнувшіе на мгновеніе, при блескѣ молніи, пейзажи, уголокъ влажнаго лѣса, гдѣ пугливо озираются робкія лани, быстрая улыбка на молодомъ личикѣ любящей дѣвушки, высокій и измѣнчивый полетъ всякаго нѣжнаго чувства, а въ довершеніе романическій, страшный экстазъ,—вотъ картины и впечатлѣнія, которыхъ они приходили искать въ театрѣ. Они парили все выше и выше въ мірѣ фантазіи и желали видѣть идеалъ крайняго благородства и безграничной любви, они безъ всякаго усилія могли проникать въ область разукрашеннаго поэтическаго вымысла, свѣтъ котораго былъ такъ необходимъ для нихъ. Они находились въ томъ напряженномъ и переходномъ настроеніи, когда дѣвственное юношеское воображеніе, переполненное любознательностью, желаніями, силою, мгновенно развиваетъ человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развиваетъ въ немъ все, что только есть самаго восторженнаго и изящнаго.

На ихъ мѣсто выступили виверы. Они богаты, стараются усвоить себѣ французскій лоскъ, прибавляютъ къ сценѣ подвижныя декораціи, вводятъ оркестръ и освѣщеніе, сообщаютъ ей сходство съ воображаемою дѣйствительностью, достигаютъ удобствъ, неизвѣстныхъ прежде, словомъ дѣлаютъ всѣ наружныя украшенія, но души, содержанія, они ей не даютъ. Представьте себѣ этихъ полупьяныхъ фатовъ, понимающихъ въ человѣкѣ одну чувственность; короче, представьте Рочестера, вмѣсто Меркуціо, и тогда рѣшите, какою частью своей души могъ бы онъ понимать поэзію и фантазію? Романическая комедія выше его понятій: ему доступенъ только міръ дѣйствительный, а въ этомъ мірѣ—только грубая и осязательная оболочка. Ему подавайте точное представленіе обыденной жизни, плоскія и вѣроятныя явленія, буквальное подражаніе тому, что онъ есть и тому, что онъ дѣлаетъ. Тогда комедія дастъ ему такое же наслажденіе, какъ и жизнь; онъ потащится туда, не смотря на ея площадной характеръ и грязь. Чтобы видѣть ее, ему нѣтъ надобности ни въ умѣ, ни въ воображеніи; для этого достаточно имѣть только ухо и память. Это вѣрное подражаніе дѣйствительности будетъ для него вмѣстѣ поучительно и забавно. Непристойныя слова разсмѣшатъ его по

симпатіи, безстыдныя личности расшевелятъ въ немъ воспоминанія. Притомъ же авторъ постарается припасти сказку, которая оживитъ его; труда для этого не много нужно: лишь бы въ ней былъ отецъ или мужъ, котораго обманываютъ. Перекрестный огонь приключеній и неожиданностей, безстыдство сценъ, доходящихъ до выразительныхъ тѣлодвиженій, смѣлыя пѣсни, *непристойное горлодерство*, которое не умолкаетъ среди живыхъ картинъ, вся эта оргія, воспроизводимая на сценѣ, задѣваетъ самую чувствительную струну искателей интригъ. И въ довершеніе всего, театръ освѣщаетъ подобные нравы. Выводя на сцену только порокъ, онъ какъ бы узаконяетъ этотъ порокъ. Писатели доказываютъ, какъ общее правило, что всѣ женщины—негодницы, а всѣ мужчины—скоты. Развратъ является у нихъ дѣломъ естественнымъ и, даже болѣе,—дѣломъ хорошаго тона; они ставятъ его своею профессіею. Рочестеръ и Карлъ II могли выдти изъ театра довольные собою, вынести оттуда убѣжденіе, уже давно ими усвоенное, что нравственность только притворство и, притомъ, притворство ловкихъ негодяевъ, желающихъ продать себя подороже.

Одинъ изъ первыхъ вступилъ на этотъ путь Драйденъ, хотя вступилъ на него нерѣшительно. Отъ минувшаго періода осталось что-то въ родѣ лучезарнаго облака, еще парившаго надъ театромъ. Богатство воображенія удерживало его отчасти въ области романической комедіи, такъ что было время, когда онъ передѣлывалъ для сцены *Рай* Мильтона, *Бурю* и *Троила* Шекспира. Въ другой разъ онъ силился подражать испанскимъ имброгліо и забавнымъ случайностямъ въ своихъ пьесахъ: *Любовь въ монастырѣ*, *Модный бракъ*, *Мнимый астрологъ*. Иногда у него встрѣчаются блестящіе образы и восторженныя метафоры, какъ у старинныхъ народныхъ поэтовъ; иногда изысканныя фигуры и насмѣшливость, какъ у Лопе и Кальдерона. Трагическое перемѣшано у него съ забавнымъ, историческія событія съ нравоописательными картинами. Но въ этой неудачной сдѣлкѣ нѣтъ души прежней комедіи: остались только внѣшность ея и позолота. Новый человѣкъ является грубымъ и безнравственнымъ; подъ одеждою знатнаго барина, онъ скрываетъ инстинкты лакея, тѣмъ болѣе шокирующіе, что для воспроизведенія ихъ, Драйденъ насилуетъ свой поэтическій и серьезный талантъ, уступаетъ модѣ, а не теченію своихъ мыслей и, желая поддѣлаться подъ современный вкусъ, хочетъ казаться сознательнымъ развратникомъ. Одинъ изъ его любовниковъ говоритъ: „Неужели любовь безъ алтаря и священника не любовь? Священникъ здѣсь затѣмъ, чтобы получить плату, и нисколько не заботится о соединяемыхъ имъ сердцахъ. Любовь одна составляетъ супружество“.—„Я желалъ бы,—говоритъ Ипполитъ,—чтобъ въ монастырѣ нашемъ былъ непрерывный балъ и чтобы половина красивыхъ монахинь превратилась въ мужчинъ для удовольствія прочихъ“. Здѣсь не видно никакой сдержанности, никакого такта. Въ его *Испанскомъ монахѣ* королева, довольно честная женщина, говоритъ Торризмонду, что прикажетъ убить стараго развѣнчаннаго короля и тогда ей легко будетъ сдѣлаться женою его, Торризмонда. Скоро приносятъ вѣсть о совершившемся убійствѣ и она тутъ же бросается въ объятія своего любовника со словами: „Теперь женись на мнѣ скорѣе“. Переводя какую-нибудь смѣлую пьесу, напримѣръ *Амфитріона*, онъ находитъ ее слишкомъ скромною, исключаетъ оттуда все, что могло бы ее смягчить, и усиливаетъ скандалезныя мѣста.

Мало-по-малу свѣтски образованные нравы начинаютъ пробиваться сквозь оргію и брать надъ нею верхъ. Теченіе очищается нечувствительно и обозначаетъ свой путь точно рѣка, которая, насильственно пробивая себѣ новое русло, клокочетъ сначала въ водоворотахъ грязи, а затѣмъ несется далѣе, все еще мутнымъ потокомъ, но уже постепенно очищающимъ свои воды. Эти развратники стараются казаться свѣтскими людьми, въ чемъ иногда и успѣваютъ. Вичерли пишетъ хорошо, очень ясно, безъ малѣйшихъ слѣдовъ эфуизма, почти французскимъ слогомъ. Его Даперуайтъ говоритъ о Люси мѣрными періодами: „Она красива безъ жеманства, рѣзва безъ грубости, влюбчива безъ нахальства". У Этереджа сапожникъ выражается такъ: „Въ городѣ не найдется никого, кто держалъ бы себя съ женою своею такимъ джентльменомъ, какъ я. Она никогда не спрашиваетъ, куда я хожу, въ свою очередь я не безпокоюсь о ея отлучкахъ; разговариваемъ мы всегда вѣжливо и ненавидимъ другъ друга искренно". Искусство удовлетворено вполнѣ этою небольшею рѣчью; здѣсь все есть, включительно до симметрическаго сопоставленія словъ, мыслей и звуковъ; отличный краснобай вышелъ бы изъ этого насмѣшливаго сапожника. Вслѣдъ за сатирою идетъ мадригалъ. Какое-нибудь дѣйствующее лицо, среди разговора, веденнаго въ самомъ прозаическомъ тонѣ, начинаетъ описывать „мило надутыя губки, подернутыя влагою, точно свѣжая провансная роза, на которой утреннее солнце еще не успѣло обсушить всей росы". Что? Развѣ это не граціозная придворная любезность? Даже у самого Рочестера иногда встрѣчается это. Двѣ или три изъ его пѣсень до сихъ поръ еще попадаются въ сборникахъ, назначаемыхъ для чтенія молодыхъ неопытныхъ дѣвушекъ. Какъ бы они тамъ ни повѣсничали на самомъ дѣлѣ, а все-таки имъ приходилось ежеминутно кланяться и говорить комплименты; предъ женщинами, которыхъ желали соблазнить, они должны были ворковать притворныя нѣжности; если у нихъ не оставалось никакой другой узды, кромѣ обязанности казаться хорошо воспитанными людьми, то все же хоть эта узда сдерживала ихъ. Всѣ эти кутилы желаютъ быть свѣтскими и умными людьми. Сэръ Чарльзъ Седли разорился и замаралъ свою репутацію, но это не мѣшало Карлу II называть его „вице-королемъ Аполлона". Букингэмъ восхищается „магическою силою его слога". Седли—наилюбезнѣйшій и милѣйшій собесѣдникъ; онъ остритъ, пишетъ стишки, но всегда пріятные, а иногда и нѣжные: владѣя въ совершенствѣ миѳологическимъ жаргономъ, онъ въ легкихъ и плавныхъ пѣсенкахъ высказываетъ полунамеками тѣ, нѣсколько приторныя, нѣжности, которыя преподносятся въ салонахъ, какъ лакомства: „Страсть моя,—говоритъ онъ Хлорисѣ,—росла вмѣстѣ съ вашею красотою, и Амуръ, въ то время, какъ мать его осыпала васъ своими дарами, пускалъ въ мое сердце новую пламенную стрѣлу". Затѣмъ добавляетъ въ видѣ заключенія: „Такъ употребляли они въ дѣло все свое любовное искусство; онъ—чтобы казаться страстно влюбленнымъ, она—чтобы казаться красавицей".

Въ этихъ любезностяхъ вовсе нѣтъ любви; они и принимаются и предлагаются одинаковымъ образомъ, т. е. съ улыбкою; это обязательная принадлежность языка, мелкія услуги, которыя кавалеры обыкновенно оказываютъ дамамъ. Роскомонъ пишетъ стихотворенія на смерть комнатной собаки, по случаю насморка молодой дѣвушки; видите ли, злой насморкъ мѣшаетъ ей пѣть, а все надѣлала эта проклятая зима!

Кому изъ насъ не знакомы эти литературныя забавы свѣтской жизни. Тамъ все принимается легко, весело: и любовь, и опасности. Наканунѣ морской битвы, не смотря на сильнѣйшую качку, Дорсетъ посвящаетъ дамамъ свою знаменитую пѣсенку. Въ ней ничего нѣтъ серьезнаго—ни чувства, ни ума; это куплеты, напѣваемые мимоходомъ, гдѣ въ двухъ, трехъ мѣстахъ промелькнетъ веселость, но чрезъ минуту забывается. „Больше всего,—говоритъ имъ Дорсетъ,—старайтесь избѣгать непостоянства! оно уже надоѣло намъ порядкомъ и въ морѣ". Потомъ продолжаетъ такъ: „Знай голландцы наше положеніе, они не откладывали бы нападенія; какого сопротивленія можно ожидать отъ людей, оставившихъ дома свои сердца!"

Въ первомъ ряду между поэтами новаго направленія стоитъ Эдмундъ Уэллеръ, жившій и писавшій до 82 лѣтъ. Уэллеръ былъ человѣкъ хорошо образованный, умный и свѣтскій, скоро сближавшійся съ знатью, надѣленный въ одинаковой мѣрѣ и тактомъ, и предусмотрительностью, находчивый на возраженія, не легко конфузившійся, а въ добавокъ самолюбивый и не совсѣмъ разборчивый на средства, что видно изъ легкости, съ которою онъ нѣсколько разъ переходилъ отъ одной политической партіи къ другой, хотя продолжалъ держать себя такъ, какъ будто эти крутые повороты были дѣломъ, не стоющимъ вниманія. Короче, это былъ настоящій образецъ свѣтскаго человѣка и придворнаго. Онъ превозносилъ Кромвелля, а потомъ Карла II, впрочемъ, послѣдняго меньше, приводя въ оправданіе такой резонъ: „Поэтамъ, государь, удаются гораздо больше вымыслы, чѣмъ истина". При подобномъ родѣ жизни, три четверти стиховъ пишутся по разнымъ случаямъ и ограничиваются мелочами разговора или лести; въ нихъ выражается вѣрный отпечатокъ тѣхъ ничтожныхъ явленій и легкихъ ощущеній, которыя послужили имъ поводомъ. Между ними встрѣчается и стихотвореніе по поводу чая, и къ портрету королевы: надо же заявить свою преданность; притомъ „его величество заказалъ стихи". Даритъ ли ему дама серебряное перо—тотчасъ же рифмованная благодарность; любитъ ли другая поспать—скорѣе веселенькій куплетецъ; разносится ли слухъ, что она хочетъ снять съ себя портретъ,—скорѣе стансы на такое важное событіе. Какъ и слѣдовало ожидать, поклоненіе дамамъ составляетъ сюжетъ большой части поэтическихъ произведеній Уэллера, но едва ли можно предположить, чтобы въ нихъ высказывалась искренняя любовь. Вы ясно видите, что Уэллеръ вздыхаетъ разсудительно, или самое большее изъ приличія; въ его нѣжныхъ поэмахъ замѣтнѣе всего желаніе писать плавно и подбирать удачно рифмы. Онъ афектируетъ, преувеличиваетъ, умничаетъ, авторствуетъ.

Но что во всемъ этомъ не поддѣльно, такъ это чувственность,—не пылкая чувственность, но легкая и веселая. У Уэллера есть одно стихотвореніе—*нападеніе*, подъ которымъ не отказался бы подписать свое имя любой аббатъ временъ Людовика XV: „Не краснѣй, красавица, не принимай строгій видъ; увы! что могъ сдѣлать любовникъ, если не пасть, чувствуя, что на немъ опирается все его небо. Единственная вина его, если только онъ виноватъ, заключается въ томъ, что онъ допустилъ тебя встать слишкомъ скоро". Уэллеръ расточаетъ самыя ласковыя и нѣжныя улыбки то по поводу бутона, то по поводу пояса, то по поводу розы. Подобный сортъ букетовъ какъ разъ ему по рукѣ и по

роду его таланта. Его стансы на возрастъ маленькой леди Люси Сиднэй дышатъ самой изысканной любезностью. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть для свѣтскаго человѣка увлекательнѣе этого свѣжаго бутона юности, еще не расцвѣтшаго, но уже зарумянившагося и готоваго развернуться? Поэзія Уэллера похожа на одну изъ тѣхъ разряженныхъ, жеманныхъ женщинъ, которыя хлопочатъ только о томъ, чтобы красиво наклонить голову, шептать тоненькимъ и сладенькимъ голоскомъ самыя обыкновенныя вещи, о которыхъ даже и не думаютъ, женщинъ пріятныхъ даже и въ своемъ вычурномъ, сплошь покрытомъ лентами нарядѣ, и способныхъ дѣйствительно нравиться, если бы только они поменьше заботились объ этомъ.

Не то, чтобы тогдашнихъ поэтовъ не могли занимать предметы болѣе серьезные; они касаются ихъ, но по своему, слегка и не углубляясь. Ихъ занимаетъ болѣе всего вѣрность драпировки и красота внѣшней формы. Они не гонятся за сущностью, но всегда взыскательны къ формѣ. И вотъ форма у нихъ въ самомъ дѣлѣ служитъ сюжетомъ почти всѣхъ серьезныхъ поэтическихъ произведеній; они критикуютъ, создаютъ правила, пишутъ *поэтическое искусство*. Денгемъ, а за нимъ Роскоммонъ, въ цѣлыхъ поэмахъ объясняютъ искусство хорошо переводить стихи. Герцогъ Букингэмъ пишетъ стихами *Опытъ поэзіи* и *Опытъ сатиры*. Драйденъ занимаетъ первое мѣсто между этими педагогами, а вслѣдъ за нимъ и всѣ они занимаются переводами и передѣлками произведеній. Роскоммонъ переводитъ *Поэтическое искусство* Горація, Уэллеръ—первый актъ *Помпеи*, Денгемъ—отрывки изъ Гомера, изъ Виргилія, итальянскую поэму о *Справедливости и воздержаніи*. Рочестеръ сочиняетъ поэму *о человѣкѣ*, во вкусѣ Буало, посланіе на *ничто;* влюбленный Уэллеръ фабрикуетъ дидактическую поэму о *Страхѣ Божіемъ* и другую въ шести пѣсняхъ о *Божественной любви*. Все это упражненія въ стилистикѣ. Они берутъ теологическій тезисъ, общее философское положеніе, поэтическій принципъ и развиваютъ его въ размѣренной рифмованной прозѣ; они ничего не производятъ самобытнаго, мало чувствуютъ и стараются только о томъ, чтобъ разсужденія ихъ были хороши, богаты классическими метафорами, облечены въ приличныя выраженія и подходили подъ условную мѣрку. Положимъ, авторъ нашелъ хорошій эпитетъ; чтобы подобрать къ нему рифму, нужно было только перелистовать *Gradus* (латинскій словарь), или, какъ говоритъ Буало, унести въ памяти недоконченный стихъ и гулять въ продолженіи часа и болѣе, думая о немъ, пока гдѣ-нибудь въ уголку лѣса не набредешь на недающуюся въ руки рифму. Вотъ какою цѣною цѣлое поколѣніе вырабатываетъ правильный слогъ, необходимый для того, чтобы развивать въ себѣ, издавать въ свѣтъ и показывать великія истины.

Вся англійская реставрація, отъ начала до конца, была однимъ изъ тѣхъ великихъ кризисовъ, которые, ставя на ложную дорогу развитіе общества и литературы, выражаютъ въ то же время внутренній духъ, который искажаютъ и отрицаютъ. Въ обществѣ этомъ не было недостатка въ силахъ, его литература не чувствовала недостатка въ талантахъ; свѣтскіе люди обладали извѣстнымъ лоскомъ, а писатели—находчивостью. Былъ дворъ, салоны, разговоръ, свѣтская жизнь, любовь къ литературѣ, примѣръ Франціи, миръ, досугъ, близость знаній, политики, теологіи, — короче всѣ счастливыя условія, при которыхъ умъ можетъ

возвышаться, а нравы цивилизоваться. Англичане классической эпохи имѣли сатирическую силу Вичерли, блестящій языкъ и тонкую насмѣшку Конгрэва, неподдѣльную искренность и пылъ Ванбро, неистощимую изобрѣтательность Феркуэра, короче—всѣ средства для воспитанія комическаго генія и созданія истиннаго театра, какъ лучшаго выраженія человѣческаго ума. Но здѣсь ничто не удается и ничто не выходитъ Этотъ міръ оставилъ только воспоминаніе гнилой заразы: комедія представляется репертуаромъ пороковъ, общество — картиною грязной элегантности, литература—произведеніемъ холоднаго ума. Нравы были или грубы, или легкомысленны; понятія оставались или недоразвитыми, или вздорными. Отвращеніе къ существующему и жажда перемѣны одновременно подготовляли революцію въ литературномъ вкусѣ и въ нравственныхъ привычкахъ, такъ же какъ въ общественныхъ вѣрованіяхъ и въ политическомъ устройствѣ. Человѣкъ измѣнялся совершенно во всемъ и сразу. То же отвращеніе и тотъ же опытъ отдаляли его отъ всѣхъ политическихъ партій прежняго государства. Англичанинъ началъ догадываться, что онъ не монархистъ, не папистъ, не скептикъ, но либералъ, протестантъ и вѣрующій. Онъ понималъ, что онъ не виверъ, не свѣтскій франтъ, но человѣкъ разсуждающій и чувствующій. Въ немъ таится слишкомъ бурный потокъ жизни, для того, чтобы онъ могъ безнаказанно предаться наслажденіямъ; ему необходима преграда нравственныхъ правилъ, которая сдерживала бы его въ должныхъ предѣлахъ. Въ немъ лежитъ слишкомъ стремительный задатокъ вниманія и воли, чтобы онъ могъ обречь себя на бездѣльныя занятія. Ему необходима узда и дѣло. Ему необходимы такая религія и конституція, которыя бы могли обуздывать его сознательнымъ исполненіемъ обязанностей и занимать его сознательною защитою правъ. Ему хорошо только при серьезной и правильной жизни; въ ней онъ находитъ естественный исходъ, необходимое русло для своихъ страстей и способностей. Отнынѣ онъ входитъ въ это русло, что отражается даже на театрѣ, который измѣняется и преобразуется. Коллеръ подорвалъ его репутацію, Аддисонъ начинаетъ порицать его. Въ немъ пробуждается національное чувство; осмѣиваются французскіе нравы, прологи славятъ пораженія Людовика XIV; онъ силится представить въ смѣшномъ или отвратительномъ видѣ распущенность, франтовство и религію двора. Безнравственность постепенно уменьшается, появляется уваженіе къ браку, героини не доходятъ уже до прелюбодѣйства; виверы останавливаются въ скабрезную минуту; нѣкоторые изъ нихъ доводятъ до свѣдѣнія публики, что они нравственно исправились и разглагольствуютъ въ стихахъ, для наивящшаго выраженія своего восторга; другіе хвалятъ бракъ, третьи, въ пятомъ актѣ, высказываютъ желаніе остепениться и жить благоразумно. Отнынѣ комедія идетъ къ упадку и литературный талантъ получаетъ другое направленіе. Опыты, романы, памфлеты, диссертаціи заступаютъ мѣсто драмы и классическій англійскій умъ, покинувъ тѣ роды литературной формы, которые не соотвѣтствуютъ его природнымъ качествамъ, переходитъ къ великимъ произведеніямъ, долженствующимъ вполнѣ выразить и увѣковѣчить его.

LXXVI. ЦАРСТВОВАНІЕ ВИЛЬГЕЛЬМА III.

(Изъ соч. Вызинскаго: „Англія въ XVIII стол.“).

Между англичанами нашего времени нѣтъ воспоминанія болѣе драгоцѣннаго, чѣмъ воспоминаніе революціи 1688 г., и нѣтъ имени болѣе популярнаго, чѣмъ имя Вильгельма III. Англичане нашего времени смотрятъ на царствованіе Вильгельма, какъ на эпоху, въ которую утвердилась ихъ политическая свобода и получили окончательную форму парламентскія учрежденія, въ которую положено было начало ихъ внутренняго благоденствія и начало ихъ внѣшняго величія. Съ гордостью, признательностью и благоговѣніемъ они повторяютъ имя героя, который освободилъ ихъ землю отъ участи многихъ странъ континента и посѣялъ въ ней сѣмя, принесшее такой богатый плодъ въ настоящую эпоху. Но чувство потомства не было чувствомъ современниковъ Вильгельма. Современникамъ Вильгельма не суждено было вкусить всѣхъ плодовъ свободы, пожинаемыхъ теперь ихъ потомками; они не могли и не умѣли оцѣнить всѣхъ заслугъ Вильгельма, признаваемыхъ теперь ихъ правнуками. Казалось бы, что революція, совершившаяся безъ крови, безъ потрясеній, безъ угнетенія побѣжденныхъ, должна была встрѣтить въ націи всеобщую и нераздѣльную симпатію и надолго исполнить всѣ сердца чувствомъ внутренняго удовлетворенія; казалось бы, что виновникъ такой революціи долженъ былъ навсегда внушить современникамъ своимъ чувства признательности и удивленія. Однако же случилось иначе. Рѣдкій изъ англійскихъ королей былъ такъ непопуляренъ во все продолженіе своего царствованія, какъ Вильгельмъ III; рѣдкій встрѣчалъ такую постоянную оппозицію въ парламентѣ и возбуждалъ къ себѣ такое недовѣріе въ народѣ; рѣдкому приходилось бороться съ такими трудностями и подвергаться такимъ опасностямъ. Исторія 13-ти-лѣтняго царствованія его дѣлаетъ самое грустное впечатлѣніе. Никогда, можетъ быть, не бывало въ Англіи такого всеобщаго неудовольствія въ народѣ, такого постояннаго сомнѣнія и безпокойства. Корона, поднесенная Вильгельму съ такимъ единодушіемъ всѣми партіями, оказалась для него самымъ тяжелымъ бременемъ. Вильгельмъ не былъ счастливъ на престолѣ; не была счастлива и нація подъ управленіемъ короля, котораго сама себѣ избрала. Утвержденіе политической свободы оказалось дѣломъ нелегкимъ. Легче было добыть себѣ свободу, чѣмъ пользоваться ею. Прошло много времени, прежде чѣмъ парламентская система стала дѣйствовать правильно и стройно, прежде чѣмъ нація свыклась съ своими новыми учрежденіями. Не обошлось безъ колебаній, безъ ошибокъ и увлеченій, безъ тяжелыхъ опытовъ и пожертвованій. Что же было причиною непопулярности Вильгельма и его правительства? Что было причиною постояннаго неудовольствія націи?

Всякая революція, произведенная во имя общаго блага и общей пользы, возбуждаетъ сангвиническія надежды. Не даромъ нація рѣшается опрокинуть то, что въ продолженіе многихъ столѣтій составляло предметъ общаго уваженія; не даромъ она отдаетъ власть новому правительству. Она ожидаетъ всегда, что это новое правительство, созданное революціею, вдругъ положитъ конецъ всѣмъ бѣдствіямъ и страданіямъ, искоренитъ всякое зло, залечитъ старыя язвы, удовлетворитъ всѣ желанія, осуществитъ

всѣ мечты счастія. Такія сангвиническія надежды возбуждены были въ Англіи вступленіемъ на престолъ Вильгельма, и надежды эти не оправдались. Все шло дурно въ продолженіе большей части его царствованія. Вмѣсто мира, благоденствія и наслажденія свободою, нація принуждена была вынести цѣлый рядъ тяжелыхъ войнъ и внутреннихъ бѣдствій. Новое правительство принуждено было бороться съ безчисленными трудностями. Признанное въ Англіи, оно должно было силою оружія утвердить свою власть въ Шотландіи и Ирландіи. Шотландскіе горцы подняли знамя Стюартовъ. Несчастные, порабощенные ирландцы думали, что пришло наконецъ для нихъ время освобожденія и часъ мести за вѣковое угнетеніе. Вся нація, одушевленная религіознымъ фанатизмомъ и національною ненавистью къ англичанамъ, возстала, какъ одинъ человѣкъ. Ирландцы тоже подняли знамя Стюартовъ и призвали къ себѣ Іакова II. Но они думали при помощи его освободиться навсегда отъ англійскаго владычества. Нужно было Вильгельму огромныхъ усилій, чтобы сломить сопротивленіе шотландскихъ горцевъ и ирландскихъ фанатиковъ. Но здѣсь не конецъ былъ еще опасностей, грозившихъ новому престолу. Людовикъ XIV не призналъ Вильгельма королемъ Англіи. Онъ объявилъ себя защитникомъ правъ Іакова II, далъ ему убѣжище въ С.-Жерменѣ и рѣшился возстановить силою оружія власть законнаго короля, своего вассала и кліента. Ежегодно во французскихъ гаваняхъ сооружались громадныя экспедиціи для высадки въ Англію; ежегодно Іаковъ II готовился вступить въ Лондонъ при помощи французскихъ штыковъ. Чтобы отклонить эту опасность, Вильгельмъ вовлекъ Англію въ продолжительную континентальную войну и заставилъ ее играть главную роль въ европейской коалиціи противъ честолюбивыхъ замысловъ французскаго монарха. Эта многолѣтняя континентальная война сопровождалась постоянными неудачами, истощала всѣ средства страны, уменьшала ея народонаселеніе, останавливала торговлю, убивала промышленность и дала начало государственному долгу Англіи. Всѣ эти внѣшнія бѣдствія были источникомъ постояннаго неудовольствія. Повсюду поднимались горькія нареканія на то, какъ дорого пришлось націи платить за безопасность новой династіи.

Но еще большія трудности, еще большія опасности встрѣтилъ Вильгельмъ внутри самой Англіи. Упоеніе восторга, послѣдовавшее за бѣгствомъ Іакова и вступленіемъ въ Лондонъ Вильгельма, продолжалось не долго. Перемиріе между великими партіями, торіями и вигами, епископами и диссентерами кончилось. Раздѣленные воспоминаніемъ долголѣтней борьбы, они соединились на нѣсколько мѣсяцевъ противъ общей опасности. Но какъ скоро опасность миновала, союзъ распался, и старая вражда вспыхнула съ прежнею силою. Прежде всѣхъ охладѣла высокая церковь. Въ теченіе многихъ лѣтъ она ревностно проповѣдывала дорогое ей ученіе о безграничномъ повиновеніи законному монарху и въ злой часъ сама измѣнила этому ученію. Теперь она очнулась послѣ пагубнаго увлеченія и съ ужасомъ взглянула на свое собственное дѣло. Событія послѣднихъ дней показались ей тяжелымъ спомъ. Законный король былъ въ изгнаніи; узурпаторъ сидѣлъ на престолѣ; виги и диссентеры торжествовали; политическія начала, ей ненавистныя, осуществились. И все это совершилось при ея содѣйствіи, по данному ей сигналу. Высокая церковь почувствовала жестокія угрызенія совѣсти и, чтобы загладить вину, еще съ большимъ рвеніемъ возвратилась къ своимъ любимымъ

теоріямъ. Съ тѣхъ поръ всѣ мысли ея, всѣ задушевныя желанія, всѣ симпатіи обратились къ королю, который былъ за моремъ, а вся ненависть ея пала на короля, который беззаконнымъ образомъ занялъ престолъ избранника неба, па узурпатора, котораго величали виги и прославляли диссентеры. Уже въ первые дни новаго царствованія высокая церковь явно выказала всю свою антипатію къ Вильгельму.

Первый изъ прелатовъ высокой церкви, архіепископъ кентерберійскій, отказался короновать новаго короля и его супругу. Онъ не хотѣлъ осквернить рукъ своихъ беззаконнымъ дѣломъ. Когда собрался парламентъ, многіе епископы оставили палату лордовъ и не являлись въ ней никогда больше. Когда актомъ парламента повелѣно было всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, всѣмъ должностнымъ лицамъ государства и всему низшему духовенству установленной церкви принести присягу на вѣрность новому монарху, нѣсколько епископовъ и болѣе чѣмъ 400 человѣкъ простыхъ священниковъ прямо отказались въ присягѣ и пожертвовали мѣстами. Другіе, которымъ трудно было разстаться съ своими доходами, принесли присягу, но съ враждою въ сердцѣ. Многіе, чтобы успокоить свою совѣсть, прибѣгали къ софистикѣ, давали присягу условную, съ разными оговорками, по образцу іезуитовъ, они объявляли напримѣръ, что клятвою, данною Вильгельму, они не обѣщаются отказать въ повиновеніи Іакову, если Іаковъ когда-нибудь будетъ въ состояніи потребовать отъ нихъ повиновенія. Это чувство недоброжелательства къ Вильгельму высокая церковь сохранила во все продолженіе его царствованія. Она осталась вѣрна Стюартамъ не только при немъ, но даже впослѣдствіи. Она не переставала желать возстановленія Стюартовъ и работала всѣми силами надъ этимъ дѣломъ. Вильгельмъ зналъ, что у него есть въ Англіи безъ малаго 10,000 тайныхъ враговъ, которые готовы первые преклониться предъ Іаковомъ, какъ скоро Іаковъ станетъ на англійскую почву. И не всегда даже англиканское духовенство скрывало вражду свою къ новой династіи. Иногда оно обнаруживало ее въ самыхъ нелѣпыхъ и неприличныхъ формахъ. Нѣкоторые духовные высокой церкви, совершая богослуженіе, читали молебствія за Вильгельма и Марію ироническимъ тономъ. Другіе, сейчасъ послѣ этого молебствія, пили за здоровье законнаго короля и за погибель узурпатора.

Подобно высокой церкви скоро опомнились и торіи. Они были увлечены вигами и уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ бѣгства Іакова сожалѣли о своемъ увлеченіи. Горькое чувство, возбужденное въ нихъ тиранніею Іакова, прошло вмѣстѣ съ этою тиранніею. Роялизмъ, который, казалось, уже угасъ въ нихъ, пробудился теперь съ прежнею силою. Они забыли о всѣхъ ошибкахъ и злоупотребленіяхъ Іакова и видѣли только, что законный ихъ король, сынъ того мученика, за котораго проливали кровь отцы ихъ, находится теперь въ изгнаніи и принужденъ жить милостынею чужеземнаго монарха. Зрѣлище это наполняло ихъ горечью, негодованіемъ и глубокимъ сожалѣніемъ. Они стали теперь оправдывать поступки Іакова и смягчать его недостатки. Теперь оказалось, какая сила лежала въ этомъ инстинктивномъ, безсознательномъ чувствѣ преданности старой династіи, въ этой наслѣдственной *loyalty*, которая привязывала къ Стюартамъ сельскихъ джентльменовъ Англіи. Подобно высокой церкви весьма многіе торіи остались въ душѣ вѣрны Іакову и считали Вильгельма похитителемъ престола. Они составили партію англій-

скихъ легитимистовъ, такъ называемыхъ якобитовъ, партію, которая желала возстановленія Стюартовъ. Преданность якобитовъ Стюартамъ пережила и самого Іакова, и самого Вильгельма. Она устояла противъ всѣхъ неудачъ, лишеній, казней и преслѣдованій. До тѣхъ поръ, пока за моремъ жили сынъ и внукъ изгнаннаго Стюарта, якобиты не переставали надѣяться на ихъ возвращеніе и сохраняли чувство вражды къ новой династіи. Существованіе многочисленной партіи, которая готова была пристать къ Іакову при первомъ появленіи въ Англіи, дѣлало положеніе Вильгельма чрезвычайно опаснымъ. Опасность была тѣмъ сильнѣе, что многіе якобиты не довольствовались однимъ только желаніемъ и ожиданіемъ реставраціи. Горячіе якобитскіе джентльмены не ограничивались тѣмъ только, что на колѣняхъ провозглашали тосты за здоровье законнаго короля и оказывали Вильгельму въ парламентѣ отчаянную систематическую оппозицію, выпускали противъ него безчисленное множество пасквилей и памфлетовъ, наполненныхъ жесточайшими клеветами: они призывали въ Англію внѣшняго врага, съ нетерпѣніемъ ожидали французскихъ солдатъ въ Лондонѣ, ликовали при всякой французской побѣдѣ, доносили въ Версаль обо всемъ, что могло повредить Вильгельму, открыто измѣняли ему передъ лицомъ непріятеля, находились въ постоянномъ заговорѣ съ сенъ-жерменскимъ дворомъ противъ новаго правительства. Но, мало того, многимъ хотѣлось покончить поскорѣе съ похитителемъ престола и однимъ смѣлымъ ударомъ произвести реставрацію. Все царствованіе Вильгельма наполнено было якобитскими заговорами противъ его жизни. Ежегодно убійцы переплывали каналъ съ инструкціями отъ сенъ-жерменскаго двора и искали удобнаго случая для исполненія своихъ замысловъ. Повсюду и постоянно угрожали Вильгельму пистолеты и кинжалы якобитскихъ фанатиковъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была строгость новаго правительства. Неоднократно парламентъ останавливалъ дѣйствіе акта *habeas corpus*, акта, служащаго оплотомъ личной свободы въ Англіи, и давалъ правительству полномочіе арестовать и содержать въ заключеніи всякаго подозрительнаго человѣка. Конца не было домашнимъ обыскамъ, допросамъ, политическимъ процессамъ и казнямъ заговорщиковъ. Но эта вынужденная строгость новаго правительства поддерживала неудовольствіе въ націи. Нація надѣялась, что, съ воцареніемъ Вильгельма, наступитъ наконецъ время настоящей свободы, и, вмѣсто этого, она встрѣтила стѣсненія, къ которымъ не всегда прибѣгалъ даже изгнанный тираннъ.

Возбуждая открытую вражду якобитовъ, правительство Вильгельма не пользовалось расположеніемъ и тѣхъ торіевъ, которые не сдѣлали шага назадъ, которые признали новаго короля и принимали отъ него государственныя должности. Эти торіи-вильямиты стояли за Вильгельма, но они видѣли въ немъ только короля *de facto*, но не *de jure*. Они повиновались ему, потому что онъ фактически былъ облеченъ королевскою прерогативою и фактически пользовался ея правами, но никакая земная сила не могла вытѣснить изъ ихъ ума сознанія, что Вильгельмъ все-таки не ихъ законный король: для нихъ, какъ и для якобитовъ, законный король былъ за моремъ. Они поддерживали Вильгельма, если ему угрожала опасность; но въ обыкновенное время оказывали ему холодность, равнодушіе и всегдашнюю оппозицію въ парламентѣ. Вильгельмъ былъ увѣренъ, что еслибы Іаковъ сознался въ своихъ заблужденіяхъ и

согласился дать надежныя гарантіи въ томъ, что впередъ будетъ соблюдать законы, то всѣ торіи-вильямиты перешли бы на его сторону безъ всякихъ колебаній.

Друзьями Вильгельма были одни только виги; но въ первые мѣсяцы его царствованія привязанность виговъ была для него едва ли не болѣе опасна, чѣмъ непріязнь торіевъ. Виги громко восхваляли Вильгельма; они были готовы поддерживать его своимъ достояніемъ и мечомъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; но ихъ привязанность къ нему вовсе не была похожа на романтическое чувство вѣрноподданной преданности, которое одушевляло отважныхъ джентльменовъ, сражавшихся за Карла I. Такого чувства не могъ возбудить король, возведенный на престолъ революціею; такому чувству противорѣчили политическія теоріи виговъ, считавшихъ короля только отвѣтственнымъ сановникомъ и полагавшихъ основаніе его власти въ контрактѣ, равно обязательномъ для монарха и для подданныхъ.

Никогда еще ни одинъ англійскій парламентъ не обращался къ королямъ такимъ языкомъ, съ какимъ обращалось къ Вильгельму вигское большинство нижнихъ палатъ, засѣдавшихъ въ его царствованіе. Виги любили Вильгельма, но они любили его не какъ короля, а какъ предводителя партіи; и не трудно было предвидѣть, что энтузіазмъ ихъ скоро остынетъ, если Вильгельмъ откажется быть просто предводителемъ ихъ партіи и захочетъ быть королемъ всей націи. Такъ и случилось. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, и Вильгельмъ сдѣлался не менѣе непопуляренъ между вигами, какъ и между другими партіями. Познакомившись съ нимъ ближе, виги увидѣли, какъ сильно ошибались въ немъ.

Въ характерѣ Вильгельма были черты, которыя не могли возбудить къ нему симпатіи ни въ одной изъ англійскихъ партій и должны были отдалить отъ него всю націю. Первымъ недостаткомъ Вильгельма, недостаткомъ непростительнымъ въ глазахъ англичанъ, было то, что онъ былъ иностранецъ. Онъ былъ голландецъ, голландецъ всею душею. Англія до конца осталась для него чужою землею, которую онъ оставлялъ съ радостью и посѣщалъ съ принужденіемъ. Какъ только кончалась сессія парламента, онъ сейчасъ же, не медля, оставлялъ Англію и спѣшилъ въ свою любимую Голландію. Никогда онъ не могъ привыкнуть къ англійской жизни, усвоить себѣ англійскія манеры и чистое англійское произношеніе. Онъ жилъ между англичанами, чуждаясь ихъ, и до конца остался чужеземцемъ по языку, вкусу и привычкамъ. Въ своемъ королевскомъ дворцѣ, въ Кенсингтонѣ, онъ чувствовалъ себя какъ въ заключеніи. Только въ Голландіи онъ дышалъ свободно и сбрасывалъ съ себя всякое принужденіе. Ни къ одному англичанину Вильгельмъ не чувствовалъ личной дружбы; всѣ друзья, всѣ любимцы его были голландцы. И онъ не скрывалъ своей слабости къ этимъ любимцамъ, постоянно оказывалъ имъ предпочтеніе передъ англичанами, съ чрезвычайною расточительностью осыпалъ ихъ милостями и подарками. Ничего не могло быть антипатичнѣе узкому патріотизму тогдашнихъ англичанъ и слѣпой враждѣ ихъ ко всему иностранному. Чужеземное происхожденіе Вильгельма постоянно поддерживало недовѣріе къ нему во всей націи. Нація съ подозрѣніемъ слѣдила за всякимъ его поступкомъ. Повсюду поднимались упреки, что онъ жертвуетъ интересами Англіи для выгодъ Голландіи. Пристрастіе его и щедрость къ голландскимъ любимцамъ возбуждали за-

вистъ и въ вигахъ, и въ торіяхъ. За свои голландскія симпатіи Вильгельмъ принужденъ былъ вытерпѣть тысячу непріятностей, оскорбленій, язвительныхъ намековъ и униженій со стороны парламента. Но не одно только иностранное происхожденіе Вильгельма дѣлало его непопулярнымъ между англичанами; въ самой личности его не было ничего такого, что могло бы возбудить расположеніе къ нему новыхъ его подданныхъ, а, напротивъ, было много такого, что отталкивало всякаго. Вильгельмъ былъ, правда, политикъ первой величины. Въ исполненіи важныхъ дѣлъ государственнаго человѣка онъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками. Между знаменитыми генералами всѣхъ временъ Вильгельмъ занимаетъ почетное мѣсто. Личною храбростью, холодною неустрашимостью въ битвѣ, презрѣніемъ всякой опасности онъ приводилъ въ изумленіе французскихъ маршаловъ, которые противъ него сражались. Но всѣ эти высокія качества исчезали въ глазахъ англичанъ при видѣ его недостатковъ, болѣе чувствительныхъ для нихъ. Вильгельмъ былъ способнѣе спасти англійскую націю, чѣмъ понравиться ей. Въ немъ не было никакой привлекательности, ни слѣда любезности, ни тѣни общительности. Въ его обращеніи было что-то чрезвычайно холодное, сухое, сдержанное и отталкивающее. Онъ постоянно молчалъ и бывалъ мраченъ; а если говорилъ, то всегда въ краткихъ, отрывистыхъ фразахъ, сухимъ и повелительнымъ тономъ. Его гордая недоступность, его непроницаемая замкнутость, его апатичная неподвижность и кажущееся безстрастіе производили самое невыгодное впечатлѣніе. Англійская аристократія, которая помнила хорошо изящныя манеры, граціозныя бесѣды, ловкость во всѣхъ забавахъ, задушевную веселость Карла II, для которой даже Іаковъ II былъ доступенъ и любезенъ, была поражена самымъ непріятнымъ образомъ необщительностью Вильгельма. Никакія общественныя увеселенія не существовали для Вильгельма. Мысль его исключительно занимали одни военныя и политическія дѣла. Охота была единственнымъ его развлеченіемъ. Чуждаясь высшихъ классовъ англійскаго общества, онъ еще меньше сближался съ простымъ народомъ. Ему было неловко при всякомъ многолюдномъ собраніи. Чтобы пріобрѣсть нѣкоторую популярность въ массахъ, онъ старался присутствовать иногда, по совѣту министровъ, при народныхъ празднествахъ; но для этого ему нужно было дѣлать насиліе своей природѣ. Всѣ его попытки въ этомъ родѣ были неудачны. Даже высокія и похвальныя свойства Вильгельма ставили его въ рѣзкую противоположность со всѣми понятіями, стремленіями и предразсудками англичанъ того времени. Онъ былъ другъ религіозной терпимости и свободы совѣсти. Онъ положилъ себѣ цѣлью доставить совершенную свободу вѣроисповѣданія и католикамъ и диссентерамъ. Онъ хотѣлъ открыть послѣднимъ доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ. Между тѣмъ не могло быть ничего менѣе согласнаго съ понятіями тогдашняго поколѣнія, какъ эти желанія Вильгельма. Посреди общества, раздираемаго враждою противоположныхъ исповѣданій, не было еще мѣста для религіозной свободы. Либеральныя стремленія Вильгельма усилили только вражду къ нему торіевъ, якобитовъ и высокой церкви. Они ненавидѣли въ немъ не только узурпатора, но и покровителя католиковъ и диссентеровъ. Ненависть англійскаго духовенства къ Вильгельму была тѣмъ сильнѣе, что оно видѣло въ немъ кальвиниста, пресвитеріанца, и замѣчало въ немъ холодность, равнодушіе къ обрядамъ и формамъ высокой церкви.

*

Врагъ религіозной нетерпимости, Вильгельмъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ врагомъ политическихъ преслѣдованій, внушаемыхъ духомъ партій. Виги, которые главнымъ образомъ доставили ему престолъ, думали, что онъ сдѣлается главою ихъ партіи, усвоитъ себѣ всѣ ихъ антипатіи и отомститъ врагамъ ихъ за все испытанное зло. Отъ началъ междоусобныхъ войнъ XVII ст. до 1688 года за каждымъ торжествомъ той или другой партіи слѣдовало кровавое мщеніе противникамъ. Виги потерпѣли отъ торіевъ страшное гоненіе еще въ концѣ царствованія Карла II; но изъ всѣхъ казней самыя жестокія были послѣднія, соединенныя съ именемъ Іакова. Переворотъ 1688 года доставилъ вигамъ власть въ государствѣ—естественно, что они пламенно пожелали теперь отомстить торіямъ и всѣмъ сподвижникамъ Карла и Іакова за все, перенесенное отъ нихъ въ теченіе семи ужасныхъ лѣтъ. Виги ожидали, что Вильгельмъ поможетъ имъ въ этомъ дѣлѣ; но они жестоко ошиблись. Вмѣсто преслѣдованій, онъ потребовалъ отъ парламента билля объ амнистіи всѣмъ замѣшаннымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ Іакова. Но, вмѣсто билля объ амнистіи, палата, въ которой большинство составляли виги, сочинила билль о наказаніяхъ. Составлены были 12 категорій политическихъ преступниковъ, и палата рѣшила, что въ каждой изъ этихъ категорій должны быть сдѣланы исключенія изъ амнистіи. Вильгельмъ, обиженный такою настойчивостью виговъ, рѣшился самъ покончить дѣло и, въ силу своей королевской власти, издалъ актъ всеобщаго помилованія и прощенія. Виги негодовали; но не здѣсь еще былъ конецъ ихъ неудовольствію. Они ожидали, что Вильгельмъ отдастъ имъ, какъ самымъ вѣрнымъ и надежнымъ слугамъ своимъ, всѣ должности государства и не допуститъ торіевъ ни до какого участія въ управленіи; но и въ этомъ также обмануты были ихъ надежды. Вильгельмъ, поставленный между двумя враждебными партіями, былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Онъ не могъ исключить отъ должностей торіевъ, которые составляли половину парламента и располагали огромными силами въ странѣ. Поэтому онъ рѣшился быть примирителемъ и посредникомъ между обѣими партіями и долгое время составлялъ свои министерства на половину изъ торіевъ и виговъ. Но Вильгельмъ не удовлетворилъ ни той, ни другой партіи. Оказывая благосклонность торіямъ, онъ все-таки не могъ пріобрѣсти себѣ ихъ добраго расположенія, а между тѣмъ оттолкнулъ отъ себя виговъ. Виги были внѣ себя отъ негодованія, видя рядомъ съ собою въ кабинетѣ людей, которые служили орудіями тиранніи Іакова. Необходимымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ былъ недостатокъ единодушія въ министерствѣ, раздоръ между министрами и дурной ходъ управленія. Министры постоянно враждовали и интриговали другъ противъ друга, и Вильгельмъ не находилъ искренней поддержки для своихъ мѣръ даже въ собственномъ кабинетѣ. Но мало было еще постоянной оппозиціи въ парламентѣ и равнодушія или недоброжелательства въ министерствѣ. Вильгельмъ окруженъ былъ предателями, и измѣна господствовала въ собственномъ его кабинетѣ. Многіе изъ его министровъ, даже самые ревностные виги, находились въ перепискѣ съ сенъ-жерменскимъ дворомъ и тайно предлагали свои услуги Іакову. Правительство Вильгельма, окруженное столькими внутренними и внѣшними врагами, всѣмъ казалось непрочнымъ. Никто не вѣрилъ въ окончательное его утвержденіе.

Времена были тревожныя. Густое облако покрывало будущность. Самые проницательные и опытные политики не могли хоть сколько-нибудь ясно провидѣть, что случится черезъ два, три мѣсяца. Могло вспыхнуть возстаніе якобитовъ; могли высадиться французы; могла произойти реставрація Стюартовъ. Министры Вильгельма могли быть увѣрены, что они будутъ первыми жертвами реставраціи; поэтому многіе изъ нихъ спѣшили на всякій случай обезопасить себѣ свое положеніе; поэтому, открыто присягая въ подданствѣ одному королю, они секретно отдавали въ залогъ свое слово другому. Ничто такъ не характеризуетъ Вильгельма, какъ то, что, зная объ измѣнѣ многихъ изъ своихъ министровъ, онъ никогда не давалъ имъ замѣтить этого и безъ различія употреблялъ и честныхъ людей, и предателей. Онъ самъ не былъ тоже идеаломъ нравственности. Холодный дипломатъ, онъ всегда показывалъ глубокое равнодушіе въ выборѣ средствъ.

Онъ смотрѣлъ на людей, какъ на орудіе для своихъ цѣлей и не спрашивалъ о нравственности ихъ мотивовъ. Умъ его постоянно былъ направленъ только на практически полезное. Дипломатія была настоящимъ его полемъ, и дипломатическимъ своимъ планамъ онъ готовъ былъ жертвовать самыми священными интересами. Когда дѣло шло о его власти, ничто не могло остановить его. Гуманность не была отличительною чертою его характера. Было что-то холодно-безпощадное, неумолимое въ его натурѣ. Одна мысль, одна страсть, одна цѣль занимала его впродолженіе всей жизни, именно: глубокая ненависть къ Франціи и борьба съ Людовикомъ XIV. Похожій на великаго своего предка, перваго „молчаливаго“ Вильгельма, боровшагося неутомимо противъ Филиппа II, Вильгельмъ III положилъ себѣ задачею защиту протестантскихъ интересовъ и политическаго равновѣсія Европы противъ честолюбивыхъ плановъ французскаго монарха. Для этой основной мысли своей жизни, для этой страсти онъ былъ въ состояніи пожертвовать всѣмъ, истощать всѣ живыя силы Англіи, истребить половину ея народонаселенія, обратить ее въ пустыню и въ груду развалинъ. Въ общей комбинаціи его политическихъ плановъ благо Англіи было для него на второмъ планѣ. Онъ и желалъ достигнуть англійскаго престола для того только, чтобы имѣть возможность вовлечь Англію въ европейскую коалицію противъ Людовика XIV. Онъ сдѣлалъ ее орудіемъ своей континентальной политики. Это очень хорошо понимали англичане и никогда не могли простить Вильгельму, что интересы ихъ родины не были его первыми интересами. Вильгельмъ, съ своей стороны, жаловался на англичанъ, что они не понимали его великихъ плановъ. Странно было бы дѣлать этого человѣка героемъ и энтузіастомъ политической свободы. Онъ защищалъ свободныя учрежденія и опирался на нихъ, потому что иначе трехъ дней не могъ бы удержаться въ Англіи; но природа вовсе не создала его конституціоннымъ королемъ. Онъ чрезмѣрно любилъ власть и желалъ всегда имѣть просторъ для своихъ дѣйствій. Онъ съ трудомъ выносилъ ограниченія королевской прерогативы и ревниво оберегалъ власть свою противъ дальнѣйшихъ ограниченій. Его мѣсто было въ лагерѣ, въ кабинетѣ, на конгрессѣ, посреди дипломатовъ. Съ парламентомъ онъ никакъ не могъ ужиться. Его оскорбляла и раздражала всякая оппозиція; контроль парламента былъ ему въ высшей степени тягостенъ. Парламентская система утвердилась въ Англіи не столько при помощи

Вильгельма, сколько помимо его. Не смѣя посягнуть на свободныя учрежденія, онъ пользовался неумѣренно правомъ королевскаго *veto*, которое давала ему прерогатива. Долго и упорно противопоставлялъ онъ свое *veto* самымъ популярнымъ биллямъ. Онъ никогда не умѣлъ уступить во-время и съ тою граціею, которая располагаетъ еще болѣе сердца подданныхъ. Онъ дѣлалъ уступки поздно, съ гнѣвомъ и не скрывая своего неудовольствія. По преданію и наслѣдству враждебной республиканской партіи въ Голландіи, онъ повсюду боялся республики и подозрѣвалъ въ оппозиціи виговъ республиканскія стремленія. Въ свою очередь, виги постоянно подозрѣвали Вильгельма въ наклонности къ деспотизму. По ихъ мнѣнію, онъ потому оказывалъ благосклонность торіямъ, что видѣлъ въ нихъ лучшія орудія для произвольной власти. Скупою рукою выдѣляла ему денежныя средства нижняя палата, желая такимъ образомъ держать его въ постоянной зависимости отъ себя. Вильгельмъ до такой степени бывалъ раздраженъ этою недовѣрчивостью парламента, что неоднократно грозилъ бросить все, уѣхать навсегда въ Голландію и предоставить Англію ея собственной участи. Вся жизнь этого человѣка была тяжелою борьбою, въ которой онъ обнаружилъ рѣдкое могущество духа и показалъ, до чего можетъ доходить сила человѣческой воли.

Теперь спрашивается: какимъ образомъ могъ удержаться на престолѣ этотъ король, до такой степени непопулярный, — король, которому грозили такія опасности и столько враговъ? Первымъ другомъ и главною поддержкою его былъ самъ Іаковъ. Іаковъ былъ неисправимъ. Ни одного слова раскаянія въ прежнихъ заблужденіяхъ не могли вынудить отъ него торіи и якобиты. Въ своихъ манифестахъ и прокламаціяхъ онъ не рѣшался дать положительнаго обѣщанія, что будетъ впередъ управлять конституціоннымъ образомъ; напротивъ, въ этихъ манифестахъ онъ только грозилъ постоянно своею местью всякому, кто сколько-нибудь участвовалъ въ революціи. Послѣ каждой прокламаціи Іакова нація убѣждалась, что, въ случаѣ реставраціи, вторичная его тираннія будетъ еще хуже прежней, и что единственное спасеніе находилось въ Вильгельмѣ. Сила Вильгельма лежала въ глубокой ненависти англичанъ къ французамъ. Іаковъ погубилъ свое дѣло, связавшись съ французами. Каждый разъ, какъ скоро угрожала Англіи высадка солдатъ Людовика XIV, вся нація готова была до послѣдней капли крови защищать Вильгельма. Виги, недовольные имъ въ обыкновенное время, всегда возвращались къ нему въ опасности, потому что имъ не оставалось другаго выбора, какъ между нимъ и Іаковомъ. Въ торіяхъ чувство патріотизма брало верхъ надъ недоброжелательствомъ къ узурпатору. Наконецъ, сильною поддержкою Вильгельма было природное отвращеніе англійскаго народа къ заговорамъ и предательскому убійству. Послѣ каждаго новаго покушенія на жизнь Вильгельма онъ дѣлался на короткое время популяренъ. Всѣ понимали, что съ его жизнью связано дѣло свободы. Нація не любила Вильгельма, но выносила его, какъ необходимое и меньшее зло. Для нея былъ только одинъ выборъ: или Вильгельмъ, или порабощеніе. Она не могла колебаться.

Однакожъ въ жизни этого несчастнаго, нелюбимаго государя, для котораго англійская корона сдѣлалась тяжелымъ бременемъ, была одна минута счастія, одна такая минута, въ которую казалась, что старое

чувство роялизма, старая *loyalty*, пробудилось въ англійской націи и обратилось на новаго короля. Девятилѣтняя континентальная война, истощавшая страну, возбудившая неустающія жалобы и нареканія, кончилась. Въ Рисвикѣ заключенъ былъ миръ, славный для Англіи. Людовикъ XIV принужденъ былъ признать Вильгельма королемъ Англіи и отказаться отъ покровительства Іакову. Извѣстіе о заключеніи мира произвело въ странѣ неописанный восторгъ. Одни только якобиты поражены были глубокою печалью. Съ нетерпѣніемъ вся нація ожидала возвращенія Вильгельма изъ Голландіи. Наконецъ узнали, что его величество счастливо прибылъ въ Дувръ. Отъ Дувра до Лондона по всей дорогѣ огромныя толпы народа выходили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его радостными восклицаніями. Въ Лондонѣ онъ встрѣтилъ зрѣлище, какого еще не видалъ въ Англіи. Безчисленная масса народа, одѣтаго въ праздничное платье, толпилась по улицамъ столицы. Всѣ окна пестрѣли коврами, лентами и флагами. Повсюду поднимались тріумфальныя арки. Вильгельмъ ѣхалъ шагомъ, съ трудомъ пробираясь сквозь густую массу. Живѣйшія изъявленія радости, любви и энтузіазма сопровождали его по всему пути. Одно непрерывавшееся ура гремѣло вокругъ его кареты. Холодная натура Вильгельма была тронута. Мрачное лицо его оживилось. Онъ сталъ веселъ и съ симпатіею поглядывалъ на толпу, которая волновалась у ногъ его, подобно морю. Въ первый разъ онъ почувствовалъ что-то похожее на привязанность къ этой націи, которая встрѣчала его такъ задушевно. Три дня продолжались празднества, фейерверки, иллюминаціи, народные пиры и скачки; потомъ по всѣмъ церквамъ совершено было благодарственное молебствіе. И было чему радоваться. Тяжелыя времена прошли, и была надежда, что не возвратятся болѣе. Трудная, долголѣтняя война оказалась небезплодною: она утвердила окончательно свободу въ Англіи. Англія защитила переворотъ 1688 г. противъ могущественнаго французскаго монарха. Но мало того. При Стюартахъ Англія низошла на степень державы четвертаго ранга; она значила въ Европѣ меньше, чѣмъ Саксонія. Короли англійскіе были на жалованьи версальскаго двора и играли роль вассаловъ и кліентовъ Людовика XIV. Теперь все перемѣнилось. Рисвикскій миръ возвратилъ Англіи ея мѣсто между первыми государствами Европы. Не прошло половины столѣтія — и могущественнѣйшіе короли континента, въ свою очередь, стали ея кліентами и вассалами.

Популярность Вильгельма послѣ рисвикскаго мира продолжалась недолго. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, и опять въ парламентѣ бушевала оппозиція, опять въ народѣ господствовало мрачное неудовольствіе. Англійская нація ожидала отъ Вильгельма, что теперь, когда война кончилась, когда опасность, грозившая странѣ и его престолу, миновала, когда королевскій его титулъ былъ признанъ французскимъ монархомъ, онъ станетъ наконецъ настоящимъ королемъ Англіи и сдѣлаетъ ея интересы, ея благоденствіе, ея процвѣтаніе исключительнымъ предметомъ своего попеченія. Англія нуждалась въ мирѣ. Средства ея были истощены, торговля въ упадкѣ, кредитъ подорванъ. Долгъ въ 16 милл. фунтовъ обременялъ ея финансы; налоги утроились; самое народонаселеніе ея значительно уменьшилось. Только продолжительный отдыхъ, только бережливое управленіе, только бдительное попеченіе правительства о матеріальныхъ интересахъ страны могли возстановить мало-по-малу ея бла-

госостояніе и оживить ея производительныя силы, поднять кредитъ, облегчить тяжести, подъ которыми изнемогала нація.

Между тѣмъ совершенно другія заботы занимали Вильгельма. Всѣ мысли его обращены были на цѣли, совершенно противоположныя ожиданіямъ и надеждамъ его подданныхъ. Англія увидѣла съ негодованіемъ, что избранный ею король попрежнему вовсе не думаетъ о ней; что попрежнему взоры его постоянно устремлены на континентъ и вниманіе его поглощено европейскою политикой и чуждыми англичанамъ дипломатическими планами. Нація поражена была ужасомъ, видя, что, вмѣсто мира и бережливаго управленія, Вильгельмъ представляетъ ей въ перспективѣ новую войну, новыя бѣдствія, новыя напряженія, новые долги. Но Вильгельмъ былъ правъ, упрекая англичанъ въ томъ, что они не постигали его политическихъ плановъ. Онъ одинъ между ними понималъ, что опасность вовсе не миновала, что рисвикскимъ миромъ дѣло не кончилось. Онъ чувствовалъ, что въ Рисвикѣ заключено было одно лишь краткое перемиріе. Зная лучше, чѣмъ англичане, Людовика XIV и французскую націю, онъ предвидѣлъ возобновленіе борьбы, и его несокрушимый духъ готовился къ этой борьбѣ, которая казалась рѣшительною и послѣднею. И надобно признать, что Вильгельмъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій. Дѣйствительно, его престолу, независимости Европы и всему протестантизму угрожала отъ Людовика XIV и Франціи опасность, какой доселѣ не бывало.

Послѣ рисвикскаго мира дѣйствительно настала опасность, которая уже давно издали и медленно приближалась и заранѣе наполняла всѣхъ страхомъ. Открывалось наслѣдіе Испанской монархіи.

Легко было угадать всякому, что Людовикъ XIV дожидается только кончины Карла II, чтобы броситься на его наслѣдство и силою оружія захватить всю монархію. Съ ужасомъ смотрѣла вся Европа на близкую будущность. Но никто не былъ больше озабоченъ ею, чѣмъ король Вильгельмъ. Онъ зналъ, что если Людовику удастся захватить огромныя испанскія владѣнія, то будетъ тогда конецъ независимости всей Европы, конецъ протестантизму, конецъ свободѣ любимой его Голландіи, конецъ его власти въ Англіи; онъ зналъ, что послѣ этого первымъ дѣломъ Людовика XIV было бы возстановленіе Іакова II. Поэтому Вильгельмъ не сводилъ глазъ съ Людовика и слѣдилъ безпокойно за всякимъ его поступкомъ. Онъ видѣлъ, что, не смотря на рисвикскій миръ, французскій король не думалъ вовсе объ уменьшеніи своихъ военныхъ силъ, а напротивъ, содержалъ большую армію и явно готовился къ новой войнѣ. Что оставалось дѣлать Вильгельму при такомъ положеніи дѣлъ? Очевидно, и онъ тоже не могъ думать о распущеніи войскъ и обезоруженіи флота, и ему также нужны были значительная армія и большія морскія силы, чтобы быть готову на всякій случай.

Нельзя было, однако же, Вильгельму сохранить армію послѣ рисвикскаго мира безъ согласія палатъ. Подписанная имъ декларація правъ говорила, что король англійскій не имѣетъ права содержать въ мирное время постоянное войско безъ позволенія парламента. Вильгельмъ обратился къ парламенту. Тогда послѣдовало самое трагическое столкновеніе. Вильгельмъ объяснилъ палатамъ опасное положеніе дѣлъ и потребовалъ денежныхъ средствъ для содержанія подъ оружіемъ 25,000 солдатъ. Парламентъ былъ взволнованъ этимъ требованіемъ. Поднялась страшная

буря. Ничего не могло быть ненавистнѣе и вигамъ, и торіямъ, какъ постоянная армія. Виги приписывали ей уничтоженіе свободы во всѣхъ государствахъ континента; торіямъ она напоминала времена Кромвелля, казнь Карла I, уничтоженіе высокой церкви и палаты лордовъ. Старыя подозрѣнія противъ Вильгельма оживились. Миръ былъ заключенъ. Англичане не хотѣли и знать о новой войнѣ; они не понимали отдаленныхъ опасностей, на которыя указывалъ имъ Вильгельмъ, и считали все это дипломатическими тонкостями. Они были равнодушны къ его континентальной политикѣ и думали только о мирѣ и сбереженіи денегъ. Къ чему нужна Вильгельму армія? „Очевидно", говорили всѣ, „онъ стремится къ деспотической власти". Торіи и якобиты получили теперь великолѣпный случай выступить въ роли патріотовъ и защитниковъ народной свободы. Они подняли страшный крикъ противъ Вильгельма. Съ ними соединились и многіе виги, не смотря на то, что министерство состояло тоже изъ виговъ и поддерживало короля. На требованія Вильгельма нижняя палата отвѣтила требованіемъ, чтобы всѣ сухопутныя войска, набранныя съ самаго 1680 года, были немедленно распущены. Напрасно Вильгельмъ протестовалъ, умолялъ, грозилъ опять оставить Англію и удалиться въ Голландію: нижняя палата не думала уступать, и наконецъ насилу только согласилась оставить ему не болѣе 7,000 войска. Вильгельмъ былъ жестоко оскорбленъ. Подозрѣнія, возбужденныя противъ него, окончательно подорвали его популярность въ народѣ. Якобиты работали неусыпно, чернили его, клеветали и возбуждали противъ него всеобщее негодованіе. Не менѣе потерпѣла и популярность тѣхъ виговъ, которые поддерживали требованія Вильгельма. Въ новоизбранномъ парламентѣ слѣдующаго года торіи явились въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ прежнихъ, и удвоили оппозицію. Вильгельмъ просилъ, чтобы по крайней мѣрѣ позволено было ему оставить при себѣ вѣрную голландскую гвардію. Парламентъ потребовалъ немедленно ея удаленія въ Голландію. Вильгельмъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, но принужденъ былъ уступить. Онъ убѣдился наконецъ, что невозможно ему ожидать никакой поддержки для его плановъ отъ англійскаго парламента, что нечего и думать о войнѣ. Отчаяваясь найти средства для вооруженнаго сопротивленія Людовику, онъ обратился къ дипломатіи, въ которой былъ мастеръ. Тогда-то совершено было дѣло, которое послужило образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣяній дипломатіи.

Вильгельмъ понималъ, что безъ войны невозможно было и думать о совершенномъ исключеніи Людовика отъ испанскаго наслѣдства; оставалось только не допустить какимъ-нибудь средствомъ до того, чтобы вся Испанская монархія досталась въ его руки. Вильгельмъ придумалъ это средство. Не говоря ни слова даже своимъ министрамъ, онъ вступилъ въ переговоры съ старымъ врагомъ своимъ и предложилъ ему уладить дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ полюбовною сдѣлкою, дипломатическимъ порядкомъ. Людовикъ согласился. Онъ радъ былъ случаю, чтобы пустить пыль въ глаза Вильгельму, успокоить его на нѣкоторое время и такимъ образомъ получить свободу для интригъ своихъ при мадридскомъ дворѣ. Положено было допустить до уговора Голландію и втроемъ распорядиться испанскимъ наслѣдствомъ, то-есть раздѣлить его на бумагѣ такъ, чтобъ всѣ претенденты остались довольны. Все это задумано было безъ вѣдома не только императора Леопольда, но и самого

испанскаго короля Карла II. Тѣмъ менѣе было рѣчи о тѣхъ, которые еще болѣе, чѣмъ испанскій король, были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ о народностяхъ Испанской монархіи. Никто и не думалъ о нихъ; никому и въ голову не приходило спрашивать, чего онѣ желаютъ: это считалось совершенно излишнимъ. Уполномоченные Вильгельма, Людовика и Голландіи сошлись втайнѣ и приступили къ дѣлу. Пошла длинная перетасовка областей, странъ и народностей. Комбинаціи придумывались за комбинаціями. Три дипломата вѣсили, мѣрили, соединяли, раздѣляли, рѣзали и опять склеивали разные члены Испанской монархіи.

О всѣхъ этихъ переговорахъ и договорахъ долгое время ничего не было извѣстно въ Англіи ни парламенту, ни даже министерству. Вильгельмъ велъ все это дѣло самымъ неконституціоннымъ образомъ. Англійскій король не можетъ ничего дѣлать безъ своихъ министровъ, которые отвѣчаютъ за всѣ мѣры внутренней и внѣшней политики. Но Вильгельмъ мало заботился о конституціи, когда дѣло шло о войнѣ или дипломатіи. Изъ Голландіи онъ потребовалъ отъ канцлера лорда Сомерса бланковъ съ государственною печатью, не говоря ни слова о томъ, чѣмъ думаетъ наполнить эти бланки. Онъ наполнилъ ихъ своими трактатами о раздѣлѣ. Когда, наконецъ, весь ходъ дѣлъ сталъ извѣстенъ въ Англіи,— негодованіе было всеобщее. „Опять", говорили многіе, „король Вильгельмъ обнаружилъ свою неисправимую наклонность къ деспотической власти; онъ вздумалъ заключать трактаты во имя Англіи, вовсе не спрашивая Англіи". Самые трактаты подвергались строгой критикѣ. Все это дѣло послужило только къ усиленію партіи торіевъ, враждебной континентальной политикѣ Вильгельма. Не было, правда, предложено въ парламентѣ прямаго и формальнаго неодобренія трактатовъ о раздѣлѣ, но нижняя палата сдѣлала цѣлый рядъ чрезвычайно дерзкихъ рѣшеній съ тою цѣлью, чтобы досадить королю и вигскому министерству; она потребовала, чтобы король взялъ назадъ всѣ помѣстья, подаренныя имъ разнымъ людямъ изъ земель, конфискованныхъ въ Ирландіи; потомъ, чтобы онъ удалилъ отъ себя всѣхъ своихъ голландскихъ совѣтниковъ; наконецъ, чтобы онъ отнялъ должность канцлера у лорда Сомерса. Вильгельмъ прекратилъ бурю отсрочкою парламента.

Критики, которымъ подвергались въ Англіи трактаты о раздѣлѣ, заключенные Вильгельмомъ, были заслуженны. Не смотря на свою дипломатическую ловкость, онъ предавался непонятному обольщенію. Людовикъ и минуту серьезно не думалъ объ исполненіи трактатовъ въ случаѣ смерти испанскаго короля. Онъ дѣйствовалъ со свойственнымъ ему двуличіемъ. Съ одной стороны, онъ обѣщалъ всевозможное Вильгельму, съ другой,—сейчасъ по заключеніи втораго трактата о раздѣлѣ, — самъ тайно довелъ о немъ до свѣдѣнія Карла II, чрезъ посредство своего статсъ-секретаря.

Когда медленно умиравшій испанскій король узналъ, что Людовикъ и морскія державы, то-есть Англія и Голландія, позволили себѣ раздѣлить на бумагѣ его монархію, изумленіе и негодованіе его не знали мѣры. Не менѣе изумлена была и вся испанская нація. Людовикъ XIV, хотя самъ тоже авторъ трактата о раздѣлѣ, успѣлъ отклонить весь гнѣвъ Карла и испанской націи отъ себя и обратить его противъ морскихъ державъ. Наконецъ случилось давно ожидаемое событіе: 3-го ноября 1700 г. послѣдній испанскій Габсбургъ скончался. Цѣлый Мадридъ по-

спѣшилъ во дворецъ. Испанцы горѣли нетерпѣніемъ узнать, какъ распорядился ими покойникъ. Въ главной залѣ собралась толпа иностранныхъ посланниковъ, которымъ это было не менѣе любопытно. Завѣщаніе было открыто, и Испанія, а за нею Европа узнали, что вся монархія передавалась въ немъ Филиппу Анжуйскому. Теперь повсюду поднялся вопросъ: приметъ ли Людовикъ это завѣщаніе во имя своего внука, или побоится новой европейской войны и исполнитъ условія втораго трактата о раздѣлѣ, заключеннаго съ Вильгельмомъ. Людовикъ не замедлилъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ знаменитый документъ привезенъ былъ въ Версаль, онъ поздравилъ своего внука въ присутствіи своего двора его величествомъ королемъ испанскимъ. Французы были въ такомъ восторгѣ, какъ будто каждый изъ нихъ получилъ по завѣщанію богатое помѣстье. Но иныя чувства давили душу Вильгельма. Онъ былъ жестоко обманутъ своимъ противникомъ. Отчаяніе овладѣло его сердцемъ. Всѣ долголѣтнія усилія его были напрасны. Безплодными оказались и составляемыя имъ позиціи, и двѣ длинныя и кровавыя войны, и тонкіе дипломатическіе разсчеты. Цѣль, къ которой онъ всю жизнь стремился, была теперь дальше отъ него, чѣмъ когда-нибудь. Желѣзная его натура начинала гнуться подъ тяжестью неудачи. Онъ сидѣлъ уединенный въ своемъ голландскомъ замкѣ, въ Ло, въ принужденномъ бездѣйствіи, чуждаясь людей и грустно смотря въ будущность. Повсюду собирались густыя тучи. Казалось, что не только не будетъ больше Пиренеевъ, но что скоро исчезнутъ и Альпы, и Рейнъ, и каналъ, отдѣляющій Францію отъ Англіи.

Когда въ Англію пришло извѣстіе о томъ, что Карлъ II завѣщалъ всѣ свои обширныя владѣнія Филиппу Анжуйскому и что Людовикъ XIV принялъ это завѣщаніе, во имя своего внука, неудовольствіе, накопившееся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, дошло до окончательнаго взрыва. Виги были въ министерствѣ и имѣли большинство въ парламентѣ; поэтому противъ нихъ обратился потокъ всеобщаго негодованія; на виговъ нація возложила отвѣтственность за всѣ опасности, грозившія теперь Европѣ и Англіи. Среди всеобщаго неудовольствія оживились надежды павшихъ духомъ якобитовъ; торіи увидали съ радостью, что пришло наконецъ ихъ время. Уже давно предостерегали они націю отъ виговъ, не переставая повторять, что, при помощи виговъ, Вильгельмъ стремится къ деспотической власти. Во имя свободы, конституціи, во имя мира торіи возбудили такую бурю, что противъ нея не могло устоять вигское министерство; оно вышло въ отставку. Вильгельмъ поневолѣ долженъ былъ составить новое министерство изъ торіевъ, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать ни малѣйшей поддержки въ своихъ планахъ противъ Людовика XIV. Нѣкоторые изъ его новыхъ торійскихъ министровъ находились даже въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Іаковомъ II.

Вскорѣ за этимъ Вильгельмъ испыталъ другой ударъ, еще болѣе чувствительный. Шесть лѣтъ назадъ, послѣ долгаго сопротивленія, онъ утвердилъ неохотно билль о трехлѣтнемъ срокѣ парламента. Теперь пришлось ему горько пожалѣть объ этомъ.

Въ концѣ 1700 года, въ то время, когда неудовольствіе націи, возбужденное несчастнымъ исходомъ дѣла объ испанскомъ наслѣдствѣ, заставило его разстаться съ вигскими министрами и составить новый кабинетъ изъ враждебныхъ ему торіевъ, —въ то время вышелъ законный срокъ

парламенту. Вильгельмъ принужденъ былъ распустить палату, въ которой большинство имѣли виги, и назначить новые выборы. Можно было предвидѣть, каковъ будетъ результатъ выборовъ при тогдашнемъ состоянiи умовъ. Въ цѣлой Англiи торiи получили рѣшительный перевѣсъ надъ своими противниками и въ огромномъ большинствѣ явились въ новой палатѣ. Самъ Iаковъ II могъ быть доволенъ парламентомъ, собравшимся въ Вестминстерѣ въ началѣ 1701 года. Нижняя палата наполнилась сельскими джентльменами, грубыми деревенскими сквайрами, которые составляли главную силу торiйской партiи. Эти сельскiе джентльмены немного понимали толку въ континентальной политикѣ Вильгельма и всегда смотрѣли на нее съ подозрѣнiемъ. Всѣ знанiя ихъ въ политикѣ ограничивались тѣмъ, чему научились они отъ своихъ деревенскихъ пасторовъ. Они никакъ не могли помириться съ новою династiею и забыть о королѣ, который былъ за моремъ. Торiйскiе сельскiе джентльмены всегда смотрѣли косо на длинныя континентальныя войны Вильгельма потому, что для нихъ эти войны влекли за собою постоянное повышенiе поземельныхъ налоговъ. Они ненавидѣли французовъ и вообще всѣхъ иностранцевъ, но имъ въ голову не могло помѣститься, отчего Вильгельмъ такъ упорно дерется съ французами, когда они еще не сдѣлали вторженiя въ Англiю. Внѣшняя политика Вильгельма возбуждала въ высшей степени ихъ нерасположенiе еще по другой причинѣ. Въ войнѣ съ Францiею поддерживали его виги и диссентеры, то-есть по преимуществу городскiе классы, купцы, фабриканты, капиталисты. Торiйскiе деревенскiе джентельмены всегда смотрѣли съ презрѣнiемъ на вигскихъ торгашей и промышленниковъ; столь же враждебны они были и къ новымъ денежнымъ интересамъ, на которые опирался, которымъ покровительствовалъ король Вильгельмъ. Государственный долгъ внушалъ имъ неизреченный ужасъ. Со страхомъ смотрѣли они на постоянное его увеличенiе вслѣдствiе войны.

Отъ парламента, въ которомъ большинство составляли такого рода люди, нечего было ожидать Вильгельму. Какое дѣло было торiйскимъ джентльменамъ до того, что Людовикъ XIV принялъ или не принялъ завѣщанiе короля испанскаго? Это вовсе ихъ не касалось. Политическое равновѣсiе Европы, о которомъ постоянно толковалъ имъ Вильгельмъ, было для нихъ столь же понятно, сколько и китайскiй языкъ. Съ отчаянiемъ въ сердцѣ Вильгельмъ увидѣлъ, что съ торiйскою палатою мало надежды на новую войну противъ Людовика XIV. Между тѣмъ случилось событiе, которое поставило въ опасность уже не только престолъ Вильгельма, но и самые результаты 88 года, и самый протестантизмъ въ Англiи. Актомъ, по которому корона передавалась парламентомъ Вильгельму и Марiи, было опредѣлено, что, въ случаѣ ихъ бездѣтной смерти, престолъ долженъ перейти къ сестрѣ Марiи, Аннѣ, и къ ея потомству. Анна, хотя и дочь Iакова II, осталась вѣрна протестантской религiи. Она была замужемъ за принцемъ датскимъ. У Вильгельма и Марiи дѣйствительно не было дѣтей; у Анны было ихъ много, но всѣ умирали одинъ за другимъ еще въ колыбели; остался только одинъ сынъ, герцогъ Глостерскiй. Блестящiя надежды возложила нацiя на этого ребенка. Протестантское наслѣдство казалось упрочено, когда внезапно, въ началѣ 1701 года, это единственное уцѣлѣвшее дитя Анны послѣдовало за другими въ могилу. Къ кому же теперь должна была перейти корона по смерти Анны? Какимъ образомъ воспрепятствовать возвращенiю като-

лическихъ Стюартовъ? Какимъ образомъ обезпечить въ Англіи протестантскій престолъ и протестантскую религію? Вильгельму нужно было рѣшить этотъ вопросъ не медля. Онъ чувствовалъ, что немного остается ему жить на свѣтѣ. Необходимо было пріискать наслѣдника, который стоялъ бы хотя въ дальнемъ родствѣ съ царствующимъ домомъ, но прежде всего протестантскаго наслѣдника. Поэтому Вильгельмъ предложилъ парламенту на утвержденіе актъ о престолонаслѣдіи, по которому корона по смерти Анны должна была перейти къ принцессѣ Софіи, внучкѣ Іакова I Стюарта, женѣ курфирста Ганноверскаго, а потомъ къ ея сыну Георгу ганноверскому и его потомству. Смерть герцога Глостерскаго и предложеніе Вильгельма застигли врасплохъ торійское большинство нижней палаты. Торіи, изъ которыхъ многіе обращали тоскливые взоры къ сенъ-жерменскому двору и мечтали о возстановленіи Стюартовъ, не смѣли воспротивиться требованію Вильгельма и открыто высказать свои задушевныя желанія. Англичане всею душею привязаны были къ протестантской религіи и боялись католицизма пуще смертнаго грѣха. Всѣ партіи, всѣ антипатіи, всѣ раздоры исчезали, когда дѣло шло о народной вѣрѣ. Даже во многихъ открытыхъ якобитахъ привязанность къ Стюартамъ боролась съ привязанностью къ протестантизму. Очевидно было, что вся нація будетъ стоять за Вильгельма въ этомъ дѣлѣ. Поэтому предложенный имъ актъ о престолонаслѣдіи,—актъ, извѣстный въ англійской конституціи подъ именемъ протестантскаго установленія,—прошелъ единодушно въ обѣихъ палатахъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Вильгельмъ опять попытался напомнить парламенту о томъ, что занимало всѣ его мысли. Онъ представилъ опасное положеніе дѣлъ въ Европѣ и старался убѣдить палату въ необходимости остановить Людовика XIV на пути къ универсальной монархіи. Но всѣ усилія его были напрасны. Торіи не хотѣли и слышать о новой войнѣ. Палата осталась глуха на всѣ его увѣщанія и заботилась только о томъ, какъ бы уменьшить расходы на войско и флотъ и облегчить тяжесть налоговъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ Вильгельмъ осужденъ былъ на совершенное бездѣйствіе, Людовикъ XIV развивалъ дѣятельность необыкновенную. Онъ немедленно отправилъ своего внука въ Испанію и приступилъ къ военной оккупаціи всѣхъ прочихъ владѣній Испанской монархіи. Имя его внушало такой страхъ, что повсюду новый монархъ былъ признанъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Съ громадными силами Людовикъ XIV готовился защитить завѣщаніе Карла II. На все это съ равнодушіемъ смотрѣлъ въ Англіи торійскій парламентъ. Ближайшая опасность грозила Голландіи. Врагъ былъ у воротъ ея. Голландскіе генеральные штаты обратились чрезъ Вильгельма къ англійскому парламенту съ просьбою о помощи. На это парламентъ отвѣчалъ Вильгельму, совѣтуя ему, какъ бы въ насмѣшку, открыть переговоры съ Людовикомъ XIV и мирнымъ путемъ склонить его къ уступкамъ. Душевное состояніе Вильгельма было ужасно. Въ то время, когда заклятый врагъ его достигъ до апогея величія и сталъ говорить языкомъ властелина міра, Вильгельмъ чувствовалъ совершенное безсиліе и видѣлъ, какъ безплодна была вся многотрудная его жизнь. Даже физическія силы его пострадали отъ невыносимаго душевнаго мученія. Онъ не былъ одаренъ отъ природы крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Здоровье его было чрезвычайно слабо; всю жизнь свою онъ страдалъ нѣсколькими хроническими болѣз-

нями вмѣстѣ. Особенно со смерти Маріи онъ похожъ былъ постоянно на умирающаго человѣка. Теперь здоровье его было окончательно подорвано. Оно не могло выдержать столькихъ тяжелыхъ ударовъ судьбы. Вильгельмъ чувствовалъ приближеніе смерти, и, при мысли о ней, холодное отчаяніе овладѣвало его сердцемъ. Онъ зналъ, какъ ликовать будетъ Людовикъ XIV о его кончинѣ. Онъ зналъ, что всѣ планы честолюбиваго монарха осуществятся безпрепятственно, какъ скоро его не станетъ на свѣтѣ. Однако же дѣлать было нечего. Чтобы отклонить опасность отъ любимой своей Голландіи, Вильгельмъ принужденъ былъ признать Филиппа V отъ имени голландскихъ генеральныхъ штатовъ. Но онъ медлилъ еще оффиціальнымъ признаніемъ его со стороны Англіи. Какъ утопающій, онъ ухватывался за всякій призракъ надежды.

Въ это время другаго рода заботы занимали англійскій парламентъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія торіи достигли господства. По обычаю старыхъ временъ, первымъ желаніемъ ихъ было — дать почувствовать это господство противникамъ своимъ, вигамъ. До сихъ поръ торжество одной партіи всегда сопровождалось жестокимъ преслѣдованіемъ другой. Павшихъ министровъ всегда ожидала тюрьма, конфискація или смерть на эшафотѣ. Торійскимъ джентльменамъ захотѣлось еще разъ возобновить эту старую традицію. Они не удовольствовались отставкою вигскаго кабинета. Издревле нижняя палата имѣла право преслѣдовать судебнымъ порядкомъ министровъ, нарушившихъ конституцію. Когда парламентъ предавалъ суду министровъ, то нижняя палата играла роль обвинителя, а палата лордовъ—роль судьи. Торійская палата, засѣдавшая въ 1701 году, рѣшилась сдѣлать процессъ вигскимъ министрамъ, вышедшимъ въ отставку. Предлогомъ для обвиненія ихъ послужили роковые договоры Вильгельма о раздѣлѣ Испанской монархіи. Вильгельмъ, правда, заключилъ ихъ, не спрашивая мнѣнія своего кабинета; но, по духу англійской конституціи, король не могъ предпринимать ничего важнаго безъ совѣта своихъ министровъ. На министрахъ лежала отвѣтственность за всѣ его мѣры. Предполагалось, что министры посовѣтовали ему эти договоры или, по крайней мѣрѣ, одобряли ихъ заключеніе. Они должны были отвѣчать за всѣ послѣдствія. Особенную ненависть торіевъ возбуждалъ экс-канцлеръ, лордъ Сомерсъ. На него направлены были первые удары. Сомерсъ былъ однимъ изъ главныхъ предводителей партіи виговъ. Это была благородная, въ высшей степени почтенная личность. Не было во всей Англіи болѣе ревностнаго, болѣе постояннаго вига. Одно обстоятельство говоритъ особенно въ его пользу. Сомерсъ былъ единственнымъ англичаниномъ, къ которому Вильгельмъ чувствовалъ нѣчто похожее на дружбу. Съ своей стороны Сомерсъ питалъ къ Вильгельму самое глубокое уваженіе; онъ видѣлъ въ немъ оплотъ политической и религіозной свободы и въ Европѣ, и въ Англіи; онъ имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе во всемъ. Это довѣріе и увлекло его къ неосторожному, противозаконному поступку. Вильгельмъ въ простомъ письмѣ изъ Голландіи потребовалъ отъ него бланковъ съ государственною канцлерскою печатью. Сомерсъ немедленно послалъ ему бланки, немного зная о содержаніи трактатовъ, которыми Вильгельмъ хотѣлъ наполнить ихъ, и не говоря объ этомъ ни слова другимъ министрамъ. Именно изъ этого нижняя палата сдѣлала главный пунктъ обвиненія и рѣшила начать противъ лорда Сомерса уголовный процессъ за явное нарушеніе консти-

туціи. Лордъ Сомерсъ просилъ, чтобъ ему позволено было явиться въ палатѣ и лично защищать себя противъ обвиненія. Получивъ позволеніе, экс-канцлеръ и пэръ Англіи сталъ у рѣшетки нижней палаты и въ длинной рѣчи старался оправдывать себя тѣмъ, что, какъ членъ тайнаго совѣта, онъ повиновался именному приказанію своего государя. Такого оправданія не можетъ допускать англійская конситуція. По смыслу англійской конституціи, если король повелѣваетъ что-нибудь противозаконное, министръ не долженъ повиноваться; онъ обязанъ выйдти въ отставку,—иначе онъ принимаетъ на себя отвѣтственность и подвергается опасности уголовнаго процесса. Лордъ Сомерсъ нарушилъ это правило. Онъ былъ несомнѣнно виноватъ. Нижняя палата не приняла его оправданія. Рѣчь его не поколебала ея рѣшенія, а, напротивъ, еще болѣе воспламенила гнѣвъ торіевъ. Палата приступила къ составленію обвинительнаго акта, но, увлеченная ненавистью и жаждою преслѣдованія, она сама испортила свое дѣло. Она прибавила къ главному пункту обвиненія противъ Сомерса еще тринадцать иныхъ пунктовъ, самыхъ нелѣпыхъ, преувеличенныхъ и внушенныхъ одною клеветою. Тутъ же обвинены были вмѣстѣ съ Сомерсомъ въ нарушеніи конституціи еще три лорда; два изъ нихъ были товарищи его по министерству,—они даже не знали ничего о трактатахъ раздѣла; третьимъ былъ любимецъ Вильгельма, голландецъ Бентинкъ, лордъ Портландъ, который, по порученію его, заключилъ съ Людовикомъ XIV эти трактаты. Депутація нижней палаты понесла четыре обвинительные акта въ палату лордовъ. До сихъ поръ дѣло шло по крайней мѣрѣ по законнымъ формамъ. Но ожесточеніе торійскихъ джентльменовъ противъ виговъ не знало мѣры. Формы судебнаго процесса казались имъ слишкомъ длинны. Не дожидаясь приговора пэровъ, нижняя палата составила адресъ къ Вильгельму, въ которомъ потребовала, чтобы онъ немедленно удалилъ навсегда отъ своей особы и исключилъ изъ государственнаго совѣта четырехъ обвиненныхъ лордовъ и объявилъ ихъ неспособными занимать впередъ какія бы то ни было должности. Огромной силы души нужно было Вильгельму, чтобы сохранить хладнокровіе и власть надъ собою при такомъ требованіи. Но въ помощь ему пришла палата лордовъ. И по составу своему, и по духу верхняя палата значительно отличалась отъ нижней. Въ ней преобладали виги. Въ ней засѣдали всѣ тѣ лорды, которые признали Вильгельма и сдѣлали революцію 88 года; они остались вѣрны ея началамъ. Новыхъ пэровъ Вильгельмъ по преимуществу назначалъ изъ благосклонныхъ къ нему виговъ. Въ палатѣ лордовъ были всѣ его прежніе вигскіе министры. Въ нее поступали судьи, назначаемые Вильгельмомъ изъ вигскихъ юристовъ и адвокатовъ. Верхняя палата представляла собою elite англійской аристократіи. Въ ней соединялись всѣ люди, которые блистали посреди націи своими талантами, заслугами, знаменитостью рода, богатствомъ или знаніемъ. Посягательство нижней палаты, которая вздумала осудить обвиненныхъ министровъ еще до начала процесса, произвело сильное негодованіе въ лордахъ. Съ своей стороны, верхняя палата составила адресъ къ Вильгельму, въ которомъ просила его не принимать никакого рѣшенія относительно обвиненныхъ министровъ, покамѣстъ они не были осуждены законнымъ порядкомъ своими пэрами. Нижняя палата запылала гнѣвомъ. Она выступила съ неслыханными притязаніями. Между обѣими палатами послѣдовало сильное столкновеніе. Между лор-

дами и коммонерами чуть не дошло до драки. Не смотря на всѣ протесты нижней палаты, въ назначенный день лорды приступили къ суду надъ Сомерсомъ; но никто не явился изъ другой палаты, чтобы поддерживать обвиненіе, и Сомерсъ былъ объявленъ невиновнымъ. Вслѣдъ за этимъ пэры оправдали и трехъ другихъ министровъ. Нижняя палата была внѣ себя отъ ярости, увидя такой исходъ дѣла. Она подняла противъ лордовъ неистовые крики и грозила отказать въ утвержденіи бюджета, если не будетъ удовлетворено ея жалобамъ. Но между тѣмъ въ странѣ начался сильный поворотъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе отступилось отъ нижней палаты. Неумѣренность торійскихъ джентльменовъ возбудила всеобщее неудовольствіе. Масса народа рѣшительно приняла сторону лордовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу открылись націи глаза на опасности, которыя угрожали Европѣ и Англіи отъ Людовика XIV. Здравый смыслъ ея пробудился. Отовсюду поднялись жалобы и нареканія на равнодушіе торіевъ къ интересамъ страны. Торійская палата сдѣлалась въ высшей степени непопулярною. Противъ нея началась агитація, какой еще доселѣ не бывало въ Англіи.

Появились безчисленные брошюры, памфлеты и журналы, въ которыхъ поведеніе нижней палаты осуждалось самымъ рѣзкимъ образомъ. Повсюду собирались митинги, составлялись адресы, петиціи, ремонстраціи къ парламенту. Особенно энергическій адресъ составили жители Кентскаго графства; они умоляли въ немъ нижнюю палату услышать наконецъ голосъ націи и соединиться съ королемъ Вильгельмомъ для борьбы за протестантизмъ и свободу въ Европѣ. Депутація, состоявшая изъ многихъ почтенныхъ джентльменовъ, поднесла этотъ адресъ нижней палатѣ. Но торіи вели себя какъ полновластные олигархи, а не какъ представители народа. Палата велѣла арестовать депутатовъ, бросить ихъ въ тюрьму и объявила адресъ, поданный ими, дерзкимъ, преступнымъ, мятежнымъ и нарушающимъ права и привилегіи парламента. Поступокъ этотъ вызвалъ въ цѣлой Англіи бурю негодованія. Журнальная война возгорѣлась съ небывалою силою. Общественное мнѣніе энергически возстало противъ палаты, которая попирала священное право петиціи. Не для того—говорилось повсюду—англійская нація свергла иго своихъ королей-деспотовъ, чтобы сдѣлаться рабынею парламента!

Теперь пришло время для Вильгельма. Онъ собралъ послѣднія силы своего духа. Больное, изнуренное его тѣло уже изнемогало и едва двигалось; но въ этомъ разсыпавшемся тѣлѣ пробудилась и закипѣла изумительная энергія. Сейчасъ же онъ заключилъ договоры съ императоромъ, съ королемъ прусскимъ, съ Даніею, съ Швеціею и третій разъ въ своей жизни составилъ европейскую коалицію противъ Франціи. Потомъ, уже полуумирающій, онъ оставилъ Голландію и отправился въ Англію. Въ Англіи вся нація встрѣтила его съ энтузіазмомъ. Она приготовила ему такой же пріемъ, какъ послѣ рисвикскаго мира. Вильгельмъ немедленно распустилъ торійскій парламентъ и назначилъ новые выборы. Онъ перемѣнилъ министерство и опять сблизился съ вигами. Лордъ Сомерсъ сталъ главнымъ министромъ. Въ январѣ 1702 г. Вильгельмъ открылъ засѣданія новой палаты. Виги имѣли теперь большинство; но на этотъ разъ и виги, и торіи одинаково были готовы поддерживать короля всѣми силами. Палата утвердила договоры, заключенные Вильгельмомъ, единодушно вотировала огромныя суммы на армію и флотъ, объявила въ

опалѣ претендента Іакова III, наконецъ повелѣла, чтобы всѣ должностныя и духовныя лица принесли клятву отреченія отъ Стюартовъ и присягнули въ томъ, что будутъ всѣми силами защищать короля Вильгельма и протестантское престолонаслѣдіе. Вильгельмъ днемъ и ночью занимался громадными приготовленіями къ войнѣ; но не суждено было ему видѣть ея начала. Рука судьбы распорядилась иначе. Новые дѣятели готовы были вступить на сцену міра. Въ мартѣ 1702 г. Вильгельмъ упалъ съ лошади, и это ускорило его кончину. На смертномъ одрѣ онъ продолжалъ еще свою лихорадочную дѣятельность, подписывалъ приказы, диктовалъ планъ кампаніи. Тяжело было ему умирать въ такую минуту. Онъ боролся со смертью упорно и долго. Ему хотѣлось воспользоваться каждымъ мигомъ ускользавшей жизни. Ни на минуту не оставляла его мысль о томъ, что приготовлялось въ Европѣ. Наконецъ, устроивъ все, великій борецъ, Ганнибалъ новаго времени, скончался. При первомъ извѣстіи о его кончинѣ, въ Парижѣ были иллюминаціи и фейерверки. Въ Англіи началось новое царствованіе. На престолъ вступила принцесса Анна, и въ то же время въ Европѣ загорѣлась огромная десятилѣтная война, которая охватила все пространство отъ Вислы до Атлантическаго океана.

LXXVII. ХАРАКТЕРИСТИКА ВИЛЬГЕЛЬМА III.

(Изъ „Исторіи Англіи“ Макколея).

Мѣсто, которое Вильгельмъ-Генрихъ, принцъ Оранско-Нассаускій, занимаетъ въ исторіи Англіи и человѣчества, такъ важно, что не лишнимъ будетъ пообстоятельнѣе изобразить рѣзкія черты этого характера.

При вступленіи его на престолъ Англіи ему шелъ тридцать восьмой годъ. Но и тѣломъ, и духомъ онъ казался старше другихъ людей того же возраста. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность знакома намъ почти такъ же хорошо, какъ и его полководцамъ и совѣтникамъ. Ваятели, живописцы и медальеры употребили все свое искусство, чтобы передать его черты потомству; а черты его были таковы, что художникъ не могъ не схватить ихъ, и таковы, что, увидѣвши разъ, нельзя было никогда ихъ забыть. При его имени, намъ тотчасъ представляется худощавый и хилый станъ, высокій и широкій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлинаго клюва, глаза, въ блескѣ и зоркости не уступавшіе орлинымъ, многодумное и нѣсколько угрюмое выраженіе лица, твердо и нѣсколько сурово сжатыя губы, блѣдныя и впалыя щеки, глубоко изборожденныя недугомъ и заботами. Этотъ задумчивый, строгій и торжественный видъ едва ли могъ бы принадлежать счастливому или веселому человѣку. Но онъ несомнѣннымъ образомъ показываетъ способность, которой подъ силу самыя трудныя предпріятія, и мужество, которому ни по чемъ превратности счастья и опасности.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя, а воспитаніе развило эти качества въ необыкновенной степени. Съ крѣпкимъ природнымъ смысломъ и рѣдкою силою воли, онъ, когда умъ его только-что началъ пробуждаться, очутился круглою сиротою, главою большой, но подавленной и упавшей духомъ партіи, наслѣдникомъ обшир-

ныхъ и безграничныхъ притязаній, возбуждавшихъ страхъ и отвращеніе олигархіи, которая тогда господствовала въ соединенныхъ провинціяхъ. Простой народъ, искренно привязанный въ теченіе столѣтія къ его дому, всякій разъ при встрѣчѣ съ нимъ заявлялъ несомнѣннымъ образомъ, что считалъ его законнымъ своимъ главою. Искусные и опытные министры республики, смертельные враги его фамиліи, являлись каждый день свидѣтельствовать ему притворное почтеніе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они тщательно подмѣчали первыя проявленія его честолюбія и записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ подозрительное правительство удалило изъ его дома всѣхъ слугъ, преданныхъ его интересамъ или мало-мальски пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, но протестъ оказался безплоднымъ. Внимательные наблюдатели видѣли, какъ слезы не разъ закипали въ глазахъ молодаго государственнаго плѣнника. Его отъ природы нѣжное здоровье разстроилось на время отъ душевныхъ волненій, причиненныхъ безотраднымъ положеніемъ. Такія положенія смущаютъ и разслабляютъ слабыхъ, но вызываютъ наружу всю силу сильныхъ. Окруженный ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша погибъ бы, Вильгельмъ научился ступать бережно и въ то же время твердо. Задолго до возмужалости, онъ уже умѣлъ хранить тайны, отдѣлываться отъ любопытства сухими и осторожными отвѣтами и скрывать всѣ страсти подъ неизмѣнною личиною важнаго спокойствія. Между тѣмъ въ свѣтскомъ и ученомъ отношеніи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Манеры голландской аристократіи того времени не отличались изяществомъ, которое доведено было до совершенства между французскими дворянами и которое, въ нѣсколько меньшей степени, украшало собою англійскій дворъ; а манеры Вильгельма были совершенно голландскія. Даже соотечественники считали его нелюбезнымъ. Иностранцамъ онъ часто казался грубымъ. Въ сношеніяхъ съ людьми вообще онъ обнаруживалъ непривычку или пренебреженіе къ тѣмъ тонкостямъ обхожденія, которыя удвоиваютъ цѣну милости и смягчаютъ горечь отказа. Онъ мало интересовался литературою или наукою. Открытія Ньютона и Лейбница, стихотворенія Драйдена и Буало были неизвѣстны ему. Драматическія представленія утомляли его; онъ охотно отворачивался отъ сцены, чтобы поговорить о государственныхъ дѣлахъ, въ то время, какъ Орестъ безумствовалъ, или въ то время, какъ Тартюфъ жалъ руку Эльмиры. У него былъ талантъ къ сарказму, и онъ нерѣдко совершенно безсознательно обнаруживалъ природное краснорѣчіе, правда, неуклюжее, но сильное и оригинальное. У него, однако, не было ни малѣйшаго поползновенія прослыть остроумцемъ или ораторомъ. Его вниманіе исключительно устремлялось на тѣ занятія, которыя образуютъ энергическихъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ слушать бесѣды о важныхъ дипломатическихъ, финансовыхъ и военныхъ вопросахъ. Геометрію зналъ онъ настолько, насколько необходимо было для постройки равелина или горнверка. Языки, благодаря своей удивительно сильной памяти, зналъ онъ настолько, насколько необходимо было для умѣнья понимать и вести безъ посторонней помощи всякаго рода разговоръ и переписку. Голландскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ. Онъ пони-

малъ по-латыни, по-итальянски и по-испански. Онъ говорилъ и писалъ по-французски, по-англійски и по-нѣмецки, неизящно, правда, но бѣгло и вразумительно. Никакое другое качество не могло имѣть болѣе важнаго значенія для человѣка, жизнь котораго должна была пройдти въ составленіи великихъ союзовъ и въ командованіи разноплеменными арміями.

Одинъ разрядъ философскихъ вопросовъ былъ навязанъ его вниманію обстоятельствами и, кажется, интересовалъ его болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ общаго строя его характера. Между протестантами соединенныхъ провинцій, какъ и между протестантами Великобританіи, существовали двѣ великія религіозныя партіи, которыя почти вполнѣ совпадали съ двумя великими политическими партіями. Представители муниципальной олигархіи были арминіяне и въ глазахъ простаго народа почти ничѣмъ не отличались отъ папистовъ. Принцы Оранскіе, напротивъ, покровительствовали кальвинистскому духовенству и не малою долею популярности обязаны были своему рвенію о догматахъ предопредѣленія и неизмѣнной благодати,—рвенію, не всегда просвѣщенному знаніемъ и не всегда умѣренному гуманностью. Вильгельмъ съ дѣтства тщательно былъ обученъ богословской системѣ, которой держалась его фамилія, и относился къ этой системѣ съ пристрастіемъ, превосходившимъ даже то чувство, какое обыкновенно питаютъ люди къ своей наслѣдственной вѣрѣ. Онъ много размышлялъ о великихъ загадкахъ, которыя обсуживались на дортрехтскомъ соборѣ, и нашелъ въ суровой и непреклонной логикѣ женевской школы нѣчто такое, что соотвѣтствовало его уму и характеру. Тому примѣру нетерпимости, который подавали нѣкоторые изъ его предшественниковъ, онъ никогда не подражалъ. Ко всякому гоненію питалъ онъ рѣшительное отвращеніе, которое заявлялъ не только тамъ, гдѣ заявленіе очевидно требовалось политическими соображеніями, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда повидимому, интересы его выиграли бы отъ притворства или молчанія. А между тѣмъ его богословскія мнѣнія были еще рѣшительнѣе, чѣмъ мнѣнія его предковъ. Догматъ о предопредѣленіи былъ краеугольнымъ камнемъ его религіи. Вильгельмъ нерѣдко объявлялъ, что, еслибы ему пришлось отказаться отъ этого догмата, онъ долженъ былъ бы отказаться съ нимъ отъ всякой вѣры въ верховный Промыслъ и сдѣлаться просто эпикурейцемъ. За исключеніемъ этого единственнаго пункта, вся жизненная сила его могучаго духа съ раннихъ поръ обратилась отъ умозрительныхъ къ практическимъ вопросамъ. Способности, необходимыя для веденія важныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онѣ едва начинаютъ расцвѣтать у обыкновенныхъ людей. Со временъ Октавія міръ не видѣлъ такого примѣра скороспѣлой политической мудрости. Искусные дипломаты изумлялись, слушая мѣткія замѣчанія семнадцатилѣтняго принца о государственныхъ дѣлахъ, и еще болѣе изумлялись, видя, что этотъ юноша, даже тамъ, гдѣ отъ него можно было ожидать сильной пылкости, сохранялъ, подобно имъ, невозмутимое хладнокровіе. Восемнадцати лѣтъ, онъ засѣдалъ между отцами отечества, серьезный, осторожный и разсудительный, подобно самому маститому изъ нихъ. Двадцати одного года, въ періодъ унынія и страха, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія. Двадцати трехъ лѣтъ онъ славился по всей Европѣ какъ воинъ и политикъ. Онъ попралъ внутреннія факціи, сдѣлался душою могуществен-

ной коалиціи и съ честью подвизался на полѣ битвы противъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ полководцевъ того времени.

Личныя его наклонности были наклонностями скорѣе воина, нежели государственнаго человѣка; но онъ, подобно прадѣду своему, молчаливому принцу, который основалъ Батавскую республику, занимаетъ гораздо болѣе высокое мѣсто между государственными людьми, нежели между воинами. Исходъ сраженій, разумѣется, не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ способностей полководца, и особенно несправедливо было бы прилагать это мѣрило къ Вильгельму, такъ какъ ему почти всегда приходилось сражаться противъ полководцевъ, которые были вполнѣ мастерами своего дѣла, и противъ войскъ, которыя въ дисциплинѣ далеко превосходили его войска. Однако, есть основаніе думать, что онъ, какъ боевой генералъ, отнюдь не могъ равняться даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые далеко уступали ему въ умственныхъ способностяхъ. Тѣмъ, кому онъ довѣрялъ, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ благородною откровенностью человѣка, который совершилъ великія дѣла и который легко могъ признать за собою нѣкоторые недостатки. По его словамъ онъ никогда не готовился къ военному званію. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его поставили во главѣ арміи. Между его офицерами не было ни одного способнаго обучить его ратному дѣлу. Собственныя его ошибки и послѣдствія ихъ были единственными его уроками. „Я отдалъ бы,—воскликнулъ онъ однажды,—добрую часть моихъ имѣній за то, чтобы прослужить нѣсколько кампаній подъ начальствомъ принца Конде, прежде чѣмъ мнѣ пришлось командовать противъ него“. Очень можетъ быть, что обстоятельство, помѣшавшее Вильгельму достичь особеннаго искусства въ стратегіи, имѣло вообще благопріятное дѣйствіе на энергію его ума. Если его битвы не были битвами великаго тактика, зато онѣ дали ему право называться великимъ человѣкомъ. Никакое злополучіе ни на минуту не могло лишить его твердости или полнаго присутствія духа. Его пораженія исправлялись съ такою изумительною быстротою, что, прежде чѣмъ враги его успѣвали отслужить благодарственный молебенъ, онъ уже снова готовъ былъ къ бою; сверхъ того, неудачи никогда не лишали его уваженія и довѣрія его солдатъ. Этимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ не мало обязанъ былъ личной своей храбрости. Храбрость въ той степени, которая необходима, чтобы солдатъ не опозорился въ теченіе кампаніи, имѣется, или, при надлежащей выучкѣ, можетъ явиться у огромнаго большинства людей. Но храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, представляетъ дѣйствительно рѣдкое явленіе. Онъ былъ испытанъ всяческими испытаніями: войною, ранами, тяжкими и гнетущими недугами, бушующими морями, крайнею и постоянною опасностью отъ руки убійцъ,—опасностью, которая потрясала очень крѣпкіе нервы, опасностью, которая жестоко поколебала даже адамантовую твердость Кромвеля. Однако никто никогда не могъ открыть такого предмета, котораго бы принцъ Оранскій боялся. Его совѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать предосторожности противъ пистолетовъ и кинжаловъ заговорщиковъ. Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущихъ буруновъ у опаснаго берега. Въ бою храбрость его обращала на себя вниманіе даже между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вызывала благородное одобреніе у непріятельскихъ армій и никогда не заподозривалась даже несправедливостью враждеб-

ныхъ факцій. Во время первыхъ своихъ кампаній онъ подвергался опасности, какъ человѣкъ, искавшій смерти, всегда былъ первымъ при нападеніи и послѣднимъ при отступленіи, съ мечомъ въ рукѣ дрался въ самой густой толпѣ и, не взирая ни на пулю, засѣвшую въ его рукѣ, ни на кровь, струившуюся по его кирасѣ, стойко держался на мѣстѣ и махалъ шляпою подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья заклинали его беречь жизнь, безцѣнную для его родины. Знаменитѣйшій его противникъ, великій Конде, послѣ кровопролитнаго сраженія при Сенефѣ, замѣтилъ, что принцъ Оранскій во всѣхъ отношеніяхъ велъ себя, какъ старый генералъ, за исключеніемъ того, что подвергался опасности, какъ молодой новобранецъ. Вильгельмъ не признавалъ себя виновнымъ въ безразсудной отвагѣ. Онъ говорилъ, что былъ всегда на опасномъ мѣстѣ по чувству долга и по холодному разсчету требованій общественной пользы. Войска, которыми онъ командовалъ, были мало привычны къ войнѣ и боялись рукопашной схватки съ опытными французскими солдатами. Нужно было, чтобы ихъ вождь показалъ имъ, какъ выигрываются сраженія. И дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, казавшаяся безнадежно проигранною, оканчивалась успѣшно, благодаря неустрашимости, съ какою онъ собиралъ свои разстроенные батальоны и собственноручно убивалъ трусовъ, подававшихъ примѣръ бѣгства. Иногда, впрочемъ, онъ какъ будто находилъ какое-то странное удовольствіе рисковать собою. Замѣчено было, что расположеніе его духа никогда не бывало такъ хорошо, а манеры такъ граціозны и развязны, какъ среди шума и кровопролитія битвы. Даже въ забавахъ искалъ онъ упоенія опасностью. Карты, шахматы и бильярдъ не доставляли ему никакого удовольствія. Охота была любимымъ его развлеченіемъ, и чѣмъ болѣе было въ ней риску, тѣмъ болѣе она ему нравилась. Онъ иногда заставлялъ своего коня дѣлать такія скачки, что отважнѣйшіе его товарищи не рѣшались слѣдовать за нимъ. Самыя смѣлыя англійскія забавы считалъ онъ, кажется, изнѣженными и тосковалъ въ большомъ виндзорскомъ паркѣ по дичи, которую привыкъ травить въ гельдернскихъ лѣсахъ: по волкамъ, дикимъ кабанамъ и огромнымъ оленямъ съ рогами о шестнадцати вѣтвяхъ.

Отважность его духа была тѣмъ замѣчательнѣе, что тѣлосложеніе его было необыкновенно нѣжно. Съ дѣтскаго возраста онъ былъ слабъ и болѣзненъ. Во цвѣтѣ лѣтъ къ недугамъ его присоединилась жестокая оспа. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь изнемогала отъ постояннаго хриплаго кашля. Онъ не могъ уснуть, не подложивши подъ голову нѣсколькихъ подушекъ, и почти не могъ дышать въ мало-мальски нечистомъ воздухѣ. Его часто мучили жестокія головныя боли. Напряженіе силъ быстро утомляло его. Доктора постоянно поддерживали надежды его враговъ, то и дѣло назначая срокъ, долѣе котораго, по всѣмъ сколько-нибудь достовѣрнымъ соображеніямъ медицинской науки, невозможно было, чтобы его разстроенный организмъ могъ выдержать. Однако въ теченіе всей жизни Вильгельма, которая была однимъ продолжительнымъ недугомъ, сила его духа ни разу, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не переставала поддерживать его страждущее и немощное тѣло.

Природа надѣлила его пылкими страстями и живою впечатлительностью; но свѣтъ и не подозрѣвалъ силы его чувствъ. Отъ взоровъ толпы его радости и печали, симпатіи и антипатіи скрывались личиною флегма-

тическаго хладнокровія, вслѣдствіе чего онъ прослылъ за самаго холоднаго изъ людей. Тѣ, которые приносили ему хорошія вѣсти, рѣдко могли подмѣтить въ немъ признаки удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и бранилъ, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ могокскаго вождя; но тѣмъ, которые хорошо его знали и близко его видѣли, извѣстно было, что подъ ледяною оболочкою постоянно пылалъ жестокій огонь. Гнѣвъ рѣдко лишалъ его способности самообладанія. Но когда ему случалось дѣйствительно разгнѣваться, первый взрывъ его страсти былъ ужасенъ. Почти нельзя было тогда подступать къ нему. Впрочемъ, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ немедленно давалъ тѣмъ, кого оскорбилъ, такое полное удовлетвореніе, что у нихъ чуть не рождалось желанія, чтобы онъ снова пришелъ въ бѣшенство. Его расположеніе было такъ же стремительно, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ онъ со всею энергіею сильной души. Когда смерть разлучала его съ предметомъ любви, немногочисленные свидѣтели его отчаянія трепетали за его разсудокъ и жизнь. Для очень небольшаго кружка задушевныхъ друзей, на вѣрность и скромность которыхъ онъ могъ безусловно полагаться, онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того сдержаннаго и стоическаго Вильгельма, котораго толпа считала лишеннымъ человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ ласковъ, радушенъ, откровененъ, даже обходителенъ и шутливъ, охотно просиживалъ за столомъ цѣлые часы и принималъ живое участіе въ веселой бесѣдѣ. Болѣе всѣхъ въ милости у него былъ одинъ изъ членовъ его придворнаго штата, по имени Бентинкъ, потомокъ благородной батавской фамиліи, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ одного изъ знаменитыхъ патриціянскихъ домовъ Англіи. Преданность Бентинка выдержала необыкновенное испытаніе. Въ то время, когда соединенныя провинціи боролись за свое существованіе противъ французской державы, молодой принцъ, на котораго возлагались всѣ ихъ надежды, занемогъ оспою. Эта болѣзнь была роковою для многихъ членовъ его фамиліи и сначала имѣла у него крайне злокачественный характеръ. Общественное смущеніе было велико. На улицахъ Гаги съ ранняго утра до поздняго вечера толпились лица, заботливо освѣдомлявшіяся о здоровьи его высочества. Наконецъ его недугъ принялъ благопріятный оборотъ. Спасеніе его приписывалось частью его собственному удивительному терпѣнію, частью же неустрашимой и неутомимой дружбѣ Бентинка. Изъ рукъ одного только Бентинка принималъ Вильгельмъ пищу и лекарство. Одинъ только Бентинкъ поднималъ Вильгельма съ постели и укладывалъ его. „Спалъ или не спалъ Бентинкъ во время моей болѣзни,—съ необыкновенною нѣжностью говорилъ Вильгельмъ Темплю,—этого я не знаю. Но знаю то, что въ теченіе шестнадцати дней и ночей, лишь только мнѣ случалось спросить что-нибудь, Бентинкъ тотчасъ же являлся передо мною“. Прежде чѣмъ вѣрный слуга окончательно исполнилъ свою задачу, онъ самъ заразился оспою. Не смотря на то, онъ боролся съ дремотою и лихорадкою до тѣхъ поръ, пока его государь не былъ признанъ выздоравливающимъ. Тогда, наконецъ, Бентинкъ попросилъ позволенія отправиться домой. Да и пора была, потому что онъ едва держался на ногахъ. Онъ былъ на краю гроба, но оправился, и, какъ только всталъ съ постели, тот-

часъ поспѣшилъ въ армію, гдѣ, въ теченіе многихъ трудныхъ кампаній, какъ и въ опасности другаго рода, постоянно находился подлѣ Вильгельма.

Таково было начало горячей и чистой дружбы, не уступающей ни одной изъ тѣхъ дружескихъ связей, о которыхъ повѣствуетъ древняя или новая исторія. Потомки Бентинка до сихъ поръ хранятъ письма, писанныя Вильгельмомъ къ ихъ предку, и безъ преувеличенія можно сказать, что тотъ, кто не изучалъ этихъ писемъ, не въ состояніи составить себѣ правильнаго понятія о характерѣ принца. Тотъ, котораго даже поклонники его считали самымъ недоступнымъ и холоднымъ человѣкомъ, забываетъ здѣсь всѣ условія этикета и высказываетъ всѣ свои мысли съ простосердечіемъ школьника. Онъ напрямикъ сообщаетъ тайны величайшей важности и совершенно просто излагаетъ обширные замыслы, касающіеся всѣхъ европейскихъ правительствъ. Къ его разсказамъ о такихъ предметахъ примѣшиваются другіе разсказы совершенно иного, но почти не менѣе интереснаго рода. Всѣ его приключенія, всѣ его впечатлѣнія, его долгія погони за огромными оленями, его пиры въ день св. Губерта, успѣхъ его плантацій, неурожай его дынь, состояніе его конскаго завода, его желаніе пріобрѣсти для жены покойную верховую лошадь, его досада при извѣстіи, что одинъ изъ его придворныхъ обольстилъ дѣвушку хорошей фамиліи, отказался жениться на ней, его припадки морской болѣзни, его кашель, его головныя боли, минуты его благоговѣнія, его благодарность божественному Промыслу послѣ избавленія отъ какой-нибудь великой опасности, его усилія покориться божественной волѣ послѣ какого-нибудь пораженія, описываются съ милою болтливостью, почти невѣроятною со стороны самаго молчаливаго и степеннаго государственнаго человѣка того времени. Еще замѣчательнѣе безъискусственное изліяніе его нѣжности и братское участіе, которое онъ принимаетъ въ домашнемъ счастьи своего друга. По случаю рожденія наслѣдника у Бентинка Вильгельмъ пишетъ: „Изъ него, надѣюсь, выйдетъ такой же славный малый, какъ вы; а если у меня родится сынъ, наши дѣти, надѣюсь, будутъ любить одинъ другаго, какъ мы любили другъ друга“. Всю жизнь продолжаетъ онъ относиться къ маленькимъ Бентинкамъ съ родительскою нѣжностью. Онъ называетъ ихъ ласкательными именами, печется о нихъ въ отсутствіе ихъ отца. Есть какая-то особенная прелесть въ такихъ письмахъ, писанныхъ человѣкомъ, чья непреодолимая энергія и непреклонная твердость вынуждали уваженіе у враговъ, чье холодное и непривѣтливое обхожденіе отталкивало привязанность почти всѣхъ его сторонниковъ, и чей умъ былъ занятъ гигантскими планами, которые произвели переворотъ въ политическомъ мірѣ.

Вильгельмъ долгое время внимательно слѣдилъ за борьбою между англійскими факціями, но не чувствовалъ особеннаго расположенія ни къ той, ни къ другой изъ нихъ. И дѣйствительно, онъ до конца своей жизни не былъ ни вигомъ, ни торіемъ. Ему недоставало того, что составляетъ общую основу обѣихъ партій: онъ никогда не былъ англичаниномъ. Правда, онъ спасъ Англію; но онъ никогда не любилъ ея и никогда не пріобрѣталъ ея любви. Для него она всегда была мѣстомъ ссылки, которое онъ посѣщалъ неохотно и покидалъ съ радостью. Даже и въ то время, когда онъ оказывалъ ей тѣ услуги, благія послѣдствія

которыхъ онъ до сихъ поръ чувствуетъ, ея счастье не было главной его задачею. Всѣ патріотическія чувства его сосредоточивались на Голландіи. Тамъ находилась великолѣпная гробница, гдѣ покоился великій политикъ, чья кровь, чье имя, чей темпераментъ и геній перешли къ нему по наслѣдству. Тамъ самый звукъ его имени былъ магическою силою, которая, въ теченіе трехъ поколѣній, возбуждала пламенный энтузіазмъ крестьянъ и ремесленниковъ. Голландскій языкъ былъ языкомъ его дѣтства. Изъ среды голландской знати избралъ онъ друзей своей юности. Увеселенія, архитектура, природа его отчизны были дороги его сердцу. Къ ней съ постоянною нѣжностью обращалъ онъ свои взоры отъ гордой и прекрасной ея соперницы. Въ галлереѣ Вайтгалля онъ тосковалъ по любимомъ дворцѣ въ лѣсу близъ Гаги и никогда не бывалъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда ему удавалось покинуть великолѣпіе Виндзора для болѣе скромной резиденціи въ Лоо. Въ теченіе блестящей жизни на чужбинѣ онъ находилъ утѣшеніемъ созидать кругомъ себя изъ построекъ, плантацій и каналовъ сцену, напоминавшую ему правильныя зданія изъ краснаго кирпича, длинные каналы и симметрическія цвѣточныя гряды, посреди которыхъ прошла его молодость. Но и самая привязанность его къ родинѣ подчинялась другому чувству, которое издавна сдѣлалось господствующимъ въ его душѣ, которое примѣшивалось ко всѣмъ его страстямъ, которое побуждало его къ дивнымъ предпріятіямъ, которое поддерживало его, когда онъ изнемогалъ подъ бременемъ уничиженія, страданія, болѣзни и горести, которое къ концу его поприща, казалось, на короткое время ослабѣло, но которое скоро проявилось сильнѣе прежняго и продолжало одушевлять его даже въ то время, когда у его постели читалась отходная. Чувствомъ этимъ была вражда къ Франціи и къ великолѣпному королю, который во многихъ отношеніяхъ былъ олицетвореніемъ Франціи и въ которомъ къ чисто французскимъ доблестямъ присоединялось въ значительной мѣрѣ безпокойное, безсовѣстное и тщеславное честолюбіе, неоднократно навлекавшее на Францію месть цѣлой Европы.

Чувство Вильгельма къ Франціи объясняетъ всю его политику относительно Англіи. Онъ дѣйствовалъ въ интересѣ цѣлой Европы. Главнымъ предметомъ его заботъ была не Англія, даже не родная его Голландія, но вся совокупность націй, которымъ угрожало порабощеніе одною слишкомъ могущественною державою. Тотъ, кто ошибочно глядитъ на него, какъ на англійскаго государственнаго человѣка, необходимо долженъ видѣть всю его жизнь въ ложномъ свѣтѣ и не будетъ въ состояніи открыть никакого, ни хорошаго, ни дурнаго, ни вигскаго, ни торійскаго принципа, который могъ бы служить объясненіемъ важнѣйшихъ его дѣйствій. Но если мы взглянемъ на него, какъ на человѣка, спеціальною задачею котораго было соединить массу слабыхъ, разъединенныхъ и лишенныхъ бодрости государствъ въ твердый и энергическій союзъ противъ общаго врага, если мы взглянемъ на него, какъ на человѣка, въ глазахъ котораго Англія была важна преимущественно потому, что безъ нея великая задуманная имъ коалиція была бы неполна,—мы принуждены будемъ согласиться, что ничья продолжительная историческая дѣятельность не была такъ послѣдовательна отъ начала до конца, какъ дѣятельность этого великаго государя.

LXXVIII. ХАРАКТЕРИСТИКА КОРОЛЕВЫ АННЫ И ВСТУПЛЕНІЕ ЕЯ НА ПРЕСТОЛЪ.

(Изъ соч. Стэнгопа: „History of England, comprising the reign of Queen Anne until the peace of Utrecht“).

Королевѣ Аннѣ при вступленіи ея на престолъ было 37 лѣтъ. Она не отличалась большими умственными способностями и, не обладая самостоятельнымъ умомъ, не умѣла цѣнить его и въ другихъ. Она не только сама не принимала ни малѣйшаго участія въ умственномъ движеніи своего времени, но и не сочувствовала ему. Но ей нельзя отказать въ другихъ достоинствахъ, которыя невольно внушали къ ней чувство уваженія. Ея поведеніе какъ жены и матери можетъ быть названо образцовымъ; брачная ея жизнь безупречна. Трогательна ея покорность Провидѣнію въ то время, когда она, потерявъ одного ребенка за другимъ, наконецъ остается бездѣтною. Въ отношеніяхъ къ своимъ друзьямъ она всегда отличалась горячностью чувства, и не ее слѣдуетъ винить, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ это чувство охлаждалось. Прослѣдивъ внимательно отношенія между нею и герцогиней Мальборо во время царствованія Вильгельма и ея собственнаго, мы сознаемся, что едва ли кто-нибудь болѣе Анны терпѣлъ ради своего друга и отъ него.

Къ религіи королева Анна относилась чрезвычайно серьезно и вполнѣ искренно. Она горячо была привязана къ англиканской церкви, ежемѣсячно пріобщалась согласно съ ея постановленіями. Твердо противостояла она во время царствованія своего отца всѣмъ попыткамъ обратить ее въ католичество или свести съ пути истины. Она была щедра, иногда даже расточительна въ своихъ благодѣяніяхъ, ласкова и сострадательна въ своей частной жизни. Вообще можно сказать, что она вполнѣ заслужила данное ей народомъ еще при жизни ея названіе „доброй королевы Анны“, сохранившееся до настоящаго времени.

Что касается ея убѣжденій относительно правленія, они часто могутъ быть приписаны ея предразсудкамъ. Она питала сильное чувство отвращенія къ вигамъ, на которыхъ ее научили смотрѣть, какъ на враговъ церкви и республиканцевъ въ душѣ. Во всѣхъ политическихъ вопросахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые касались церковныхъ учрежденій, она слишкомъ мало довѣряла своему собственному сужденію, полагаясь безусловно на совѣтъ той личности, которую она въ данное время избирала своимъ руководителемъ. Къ несчастью ея, какъ государыни, никто изъ королевской фамиліи не могъ принять на себя этой роли. Если въ Англіи можно было найти личность болѣе ограниченную, чѣмъ ея величество, то несомнѣнно это былъ ея супругъ, принцъ Георгъ Датскій.

Къ счастью для Англіи, выборъ королевы палъ на человѣка, одареннаго блестящими способностями—графа Мальборо; она осыпала его высшими почестями государства. Но этотъ выборъ слѣдуетъ приписать только счастливой случайности; онъ былъ, во-первыхъ, слѣдствіемъ личной склонности Анны, а во-вторыхъ, относился не столько къ Мальборо сколько къ его женѣ.

Въ день смерти короля обѣ палаты собрались для составленія вѣрноподданническихъ адресовъ и постановленія о провозглашеніи Анны ко-

ролевою. Оно было совершено съ обычною торжественностью посреди радостныхъ кликовъ собравшейся толпы. Вечеромъ того же дня къ новой государынѣ явился совѣтъ для выраженія ей своихъ чувствъ. Она отвѣчала нѣсколькими, заранѣе для нея составленными фразами, въ которыхъ выражала намѣреніе заботиться о религіи, законахъ и правахъ своего народа и установить престолонаслѣдіе въ протестантской линіи.

Три дня спустя, королева произнесла въ палатѣ пэровъ свою первую рѣчь: „Милостивые государи“, начала она, „я глубоко скорблю о несчастіи своемъ, что должна была наслѣдовать такъ скоро королю, который служилъ поддержкою не только для этихъ королевствъ, но и для всей Европы“. Въ заключеніе она употребила слѣдующее выраженіе: „Я чувствую себя въ душѣ вполнѣ англичанкою“. Не смотря на комплименты, высказанные въ этой рѣчи, послѣднія слова возбудили неудовольствіе многихъ, видѣвшихъ въ нихъ упрекъ памяти Вильгельма. Но, конечно, нельзя осуждать королеву за ея желаніе пріобрѣсти популярность, къ которой не стремился ея предшественникъ.

Въ своей рѣчи королева обратила вниманіе парламента особенно на два пункта. Первый изъ нихъ касался дѣла, о которомъ обѣ палаты говорили ей въ своихъ адресахъ — „о необходимости содѣйствія союзникамъ для ограниченія чрезмѣрнаго могущества Франціи“; второй — „о средствахъ соединенія Англіи съ Шотландіей, о которомъ вамъ такъ недавно было заявлено“. И дѣйствительно, это было послѣднимъ предложеніемъ короля Вильгельма, внесеннымъ имъ въ нижнюю палату, за нѣсколько дней до его смерти.

Во время до революціи англійскіе парламенты распускались немедленно послѣ упраздненія престола. Въ этомъ отношеніи древніе законодатели Англіи основывались на чрезвычайно странной и, можно сказать, даже глупой аналогіи. Они говорили, что какъ человѣческое тѣло не можетъ существовать послѣ отсѣченія его головы, такъ и политическое тѣло—парламентъ безъ своей головы—короля. Но, съ постепеннымъ усиленіемъ парламентской власти, явилось сознаніе вредныхъ послѣдствій распущенія или отсрочки парламента въ столь критическое время, какъ начало новаго царствованія. Неудобство это было предупреждено послѣ событій 1688 г., когда грозили споры за престолонаслѣдіе съ ихъ тяжелыми послѣдствіями. Въ царствованіе Вильгельма былъ изданъ законъ, по которому парламентъ послѣ смерти короля долженъ былъ продолжать свои засѣданія еще шесть мѣсяцевъ, но не долѣе. Но и это послѣднее условіе, не принося никакой пользы, было нѣсколько разъ причиною безполезныхъ тратъ и серьезной пріостановки общественныхъ дѣлъ. Странно, что столь цѣлесообразная и простая перемѣна закона, по которому распущеніе парламента послѣ смерти государя было бы позволительнымъ, вмѣсто того, чтобы быть принудительнымъ, была отложена до 1867 г., когда она была наконецъ проведена.

Итакъ, парламентъ Анны былъ первымъ въ лѣтописяхъ Англіи, засѣдавшимъ и послѣ упраздненія престола. Его благоразумный образъ дѣйствій дѣлалъ его достойнымъ такого преимущества. Онъ не пытался затруднять правительство и лишать его субсидій; напротивъ, съ полною готовностью старался облегчить путь новой королевѣ. Несомнѣнно, составители ея первой рѣчи съумѣли затронуть самую чувствительную струну національнаго чувства. Многіе видѣли въ послѣднемъ королѣ

„истаго голландца“ и были увѣрены, что, въ случаѣ успѣха претендента, онъ былъ бы „настоящимъ французомъ“; курфюрстина Ганноверская, въ случаѣ вступленія своего на престолъ, была бы „истою нѣмкою“. Какъ пріятно было поэтому видѣть въ своей королевѣ „истую англичанку“!

Отчасти это чувство помогло примирить виговъ, пріобрѣтшихъ такъ недавно и съ такимъ трудомъ большинство голосовъ въ палатѣ общинъ, съ тѣмъ, что весь потокъ производствъ, направленный до того времени въ ихъ пользу, повернулъ внезапно въ другую сторону. Перемѣны въ министерствѣ были произведены только постепенно, но съ перваго же дня стала очевидна благосклонность королевы къ графу Мальборо, а черезъ него и къ его торійскимъ друзьямъ. На третій день послѣ своего вступленія на престолъ она дала ему орденъ Подвязки, затѣмъ назначила его главнокомандующимъ надъ сухопутными войсками какъ въ Англіи, такъ и внѣ ея, начальникомъ артиллеріи; но еще до этого времени она назначила его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Голландію съ порученіемъ ободрить и увѣрить въ своей поддержкѣ государственныхъ мужей въ Гагѣ, совершенно убитыхъ горемъ послѣ смерти великаго своего штатгальтера.

Лэди Мальборо еще больше была осыпана почестями и наградами. Она получила странный титулъ грума конюшень, затѣмъ болѣе приличный — дамы надъ гардеробомъ, затѣмъ хранительницы собственной ея величества казны, кромѣ того пожизненное назначеніе лѣсничимъ Виндзорскаго парка. Обѣ ея замужнія дочери, лэди Генріэта Годольфинъ и лэди Спенсеръ, были назначены дамами при спальнѣ ея величества. Изъ документовъ, сохранившихся въ Бленгеймѣ и разсмотрѣнныхъ Коксомъ, видно, что интимная корреспонденція, веденная нѣсколько лѣтъ между лэди Мальборо и принцессой Анной подъ вымышленными именами—лэди Мальборо подъ именемъ лэди Фриманъ, а принцесса—Мистриссъ Морлей—продолжалась не съ меньшею горячностью со стороны Анны и послѣ ея вступленія на престолъ. Послѣ смерти ея послѣдняго сына, герцога Глочестера, Анна постоянно прибавляла къ своей прежней подписи „Преданная вамъ Морлей“ новые эпитеты „Бѣдная, несчастная Морлей“, которыми она намекала на свою потерю.

Мистеръ Фриманъ—такъ называли обыкновенно Мальборо въ этихъ письмахъ—немедленно отправился въ Голландію и прибылъ въ Гагу 17 марта. Александръ Стэнгопъ, англійскій министръ, писалъ изъ голландскихъ штатовъ слѣдующее: „Письмо королевы утѣшило и ободрило голландцевъ. Лордъ Мальборо постоянно занятъ съ пэнсіонаріемъ и съ нѣкоторыми изъ нашихъ иностранныхъ министровъ; благодаря его такому неутомимому труду, онъ надѣется кончить всѣ дѣла въ 3 или 4 дня и затѣмъ возвратиться домой. Онъ успѣлъ въ столь короткое время сдѣлать очень многое, а теперь его присутствіе будетъ необходимо и у васъ“. Мальборо своею своевременною поѣздкою и дипломатическимъ тактомъ съумѣлъ снова соединить противъ Франціи всѣхъ членовъ союза, — великаго союза, какъ его теперь обыкновенно называютъ. Всѣ союзники рѣшили объявить войну Испаніи и Франціи въ одинъ и тотъ же день, 4-го мая, въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Гагѣ.

Только въ одномъ дѣлѣ не успѣлъ Мальборо. Принцъ Георгъ Датскій, не смотря на полное отсутствіе военной опытности, побуждаемый

только своимъ тщеславіемъ, хотѣлъ стоять во главѣ союзной арміи. Въ виду этого, Мальборо была дана инструкція настаивать на его назначеніи начальникомъ голландской арміи. Но штаты не соглашались на это, отчасти изъ недовѣрія къ его способностямъ, отчасти изъ опасенія, что вслѣдствіе своего высокаго положенія онъ не допуститъ контроля голландскихъ депутатовъ. Между тѣмъ было еще нѣсколько кандидатовъ на это высокое назначеніе. Вотъ этотъ вопросъ Мальборо, при своемъ отъѣздѣ изъ Гаги, долженъ былъ оставить нерѣшеннымъ.

Онъ возвратился въ Англію во-время, чтобы принять участіе въ торжествѣ, сопровождающемъ перемѣну правительства. 12 апрѣля король Вильгельмъ былъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, а 23-го, въ день св. Георга, была коронована и королева. Архіепископъ іоркскій произнесъ по этому случаю проповѣдь,—„хорошую и умную проповѣдь", какъ говорилъ епископъ Бэрнетъ. Думали, что этотъ прелатъ пользовался полною довѣренностью королевы. Вслѣдъ затѣмъ ея величество велѣла включить въ молитву за королевскую фамилію принцессу Софію, какъ наслѣдницу престола. Между тѣмъ парламентъ не оставался въ бездѣйствіи. Такъ какъ билль объ отреченіи (abjuration-bill) получилъ силу закона, то члены обѣихъ палатъ принесли присягу во всей узаконенной формѣ ея. Не произошло ни малѣйшаго разногласія, ни раздѣленія на партіи, какъ этого опасались. Оказалось, что тѣ же личности, которыя сильно сопротивлялись введенію присяги, давали ее безъ видимаго отвращенія, когда она была установлена. Обѣ палаты провели билль, по которому государственные отчеты должны были просматриваться назначенными для этой цѣли коммиссарами. Много лѣтъ господствовала чрезвычайно неудовлетворительная система провѣрки, вслѣдствіе которой многіе составили себѣ громадное состояніе, находясь на службѣ при казначействѣ. Другой билль, прошедшій съ большимъ единогласіемъ въ обѣихъ палатахъ, утвердилъ за Анной такую же сумму денегъ, какою пользовался Вильгельмъ. Когда королева явилась въ палату пэровъ для подписи этого акта и для выраженія благодарности за него парламенту, она объявила, что такъ какъ ея подданные обременены столь значительными налогами, то она сократитъ свои расходы съ тѣмъ, чтобы 100,000 фунтовъ изъ этихъ денегъ были употреблены въ теченіе того же года на нужды народа. Такое великодушіе не мало содѣйствовало той популярности, которая привѣтствовала новое царствованіе.

Другой билль, прошедшій безъ всякаго затрудненія, касался заявленія королевы, сдѣланнаго ею въ рѣчи при открытіи парламента. Этотъ билль уполномочивалъ королеву назначить членовъ совѣта для рѣшенія вопроса о соединеніи съ Шотландіей.

Со времени возвращенія Мальборо и благодаря вліянію мистера Фримана, въ министерствѣ происходила перемѣна, вслѣдствіе которой бразды правленія переходили изъ рукъ виговъ къ торіямъ. Теперь вся надежда Мальборо была на лорда Годольфина. Много лѣтъ между ними существовалъ политическій союзъ, скрѣпленный еще болѣе родственною связью, а именно бракомъ старшей дочери Мальборо съ старшимъ сыномъ Годольфина. По совѣту Мальборо, Годольфинъ былъ назначенъ лордомъ-казначеемъ. Такимъ образомъ въ его рукахъ былъ главный контроль надъ финансами, между тѣмъ какъ Мальборо оставался главнымъ руководителемъ войны и иностранныхъ союзовъ. Маркизъ Норменби

назначенъ хранителемъ государственной печати и затѣмъ произведенъ въ герцоги Букингемскіе; графъ Пемброкъ сдѣланъ лордомъ-президентомъ. Два тори, имѣвшіе большое значеніе въ палатѣ общинъ, сэръ Эдвардъ Сеймуръ и сэръ Джонъ Левисонъ Гоуэръ назначены: одинъ контролеромъ хозяйственной части, а другой—канцлеромъ герцогства Ланкастерскаго.

Не менѣе характеристичны для преобладающаго направленія высшихъ слоевъ назначенія въ тайный совѣтъ. До этого времени это учрежденіе распускалось, подобно парламенту, послѣ упраздненія престола. Новая государыня должна была указать тѣхъ членовъ, которыхъ она желала оставить въ немъ. Анна пожелала удалить изъ него главныхъ предводителей виговъ, особенно Соммерса, Галлифакса и Оксфорда.

Одинъ изъ вліятельныхъ тори былъ очень недоволенъ, а именно Рочестеръ, который надѣялся быть лордомъ-казначеемъ и не желалъ оставаться въ Дублинѣ лордомъ-лейтенантомъ. Передавъ управленіе Ирландіей лордамъ-судьямъ, онъ, полный ярости, поспѣшилъ въ Лондонъ. Здѣсь онъ имѣлъ случай излить ее въ совѣтѣ, собравшемся 2-го мая для составленія объявленія войны противъ Франціи и Испаніи. Рочестеръ, поддерживаемый нѣкоторыми сотоварищами, произнесъ рѣчь противъ объявленія, основываясь на томъ, что для Англіи безопаснѣе послать только вспомогательныя войска. Мальборо сталъ во главѣ другой партіи и утверждалъ, что Франція не можетъ быть приведена въ надлежащіе предѣлы, пока англичане не будутъ въ этомъ дѣлѣ главными руководителями. Это послѣднее мнѣніе получило большинство голосовъ; въ составленномъ затѣмъ объявленіи войны были приведены всѣ причины его. Согласно съ рѣшеніемъ въ Гагѣ, оно было 4-го мая торжественно объявлено передъ воротами дворца св. Іакова и на другихъ обычныхъ мѣстахъ; подобныя же объявленія были сдѣланы въ то же время императоромъ и Голландскими штатами. Въ этотъ же день отъ обѣихъ палатъ были поднесены королевѣ сочувственные адресы съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Но не только въ вопросахъ иностранной политики Рочестеръ и его приверженцы не были согласны съ другими членами совѣта; онъ хотѣлъ, кромѣ того, поставить на всѣ должности, не исключая самыхъ мелкихъ изъ нихъ, новыхъ людей, даже судей и лордовъ-лейтенантовъ въ графствахъ, изъ которыхъ должность послѣднихъ закрывалась также по смерти короля. Но благоразуміе Мальборо и Годольфина удержали отъ подобной крайности. Новыхъ виговъ не было назначено, но оставлены многіе изъ занимавшихъ извѣстныя должности въ предшествовавшее царствованіе, и особенно тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ высшему сословію и способности которыхъ не давали повода ихъ опасаться. Такъ, напр., герцогъ Девонширскій былъ снова утвержденъ въ должности лорда сенешала.

Въ это время Анна была очень занята мыслью объ удовлетвореніи честолюбиваго желанія своего мужа. Она не могла выхлопотать ему желаемаго имъ начальства надъ арміей въ Нидерландахъ, взамѣнъ чего она назначила его генералиссимусомъ всѣхъ войскъ и лордомъ-адмираломъ. Чтобы дать ему возможность исполнять обязанности послѣдняго, министры позаботились назначить ему въ помощь совѣтъ, въ члены котораго были избраны сэръ Джорджъ Рукъ и др. знающіе моряки,

которые, въ случаѣ необходимости, могли управлять флотомъ отъ его имени. Принцъ Георгъ былъ также членомъ палаты лордовъ, послѣ того какъ въ 1689 г. онъ получилъ титулъ герцога Кумберлендскаго. Такимъ образомъ онъ могъ бы пріобрѣсти почетную извѣстность въ качествѣ общественнаго дѣятеля, еслибы только онъ обладалъ дѣятельнымъ и способнымъ для этого умомъ, при отсутствіи котораго высшія должности служатъ только для того, чтобы болѣе наглядно показать недостатокъ его. Мало ожидало общество отъ принца Георга, но оказалось, что и это малое онъ не былъ въ состояніи исполнить.

LXXIX. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ КОРОЛЕВЫ АННЫ.

(Изъ соч: Ранке: „Englische Geschichte vornehmlich im XVII Jahrhundert“).

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ королевы послѣ ея коронаціи было объявленіе войны Франціи. Тайный совѣтъ высказалъ мнѣніе, что въ этомъ дѣлѣ императору принадлежала главная роль, а что Англія должна послать только вспомогательныя войска. Но мнѣніе это не было одобрено. Королева хотѣла воспользоваться своимъ правомъ объявлять войну безъ разрѣшенія парламента, и торіи, стоявшіе во главѣ партіи, были этимъ довольны. Нѣкоторыми рѣшеніями, которыя удалось провести Вильгельму и вигамъ для усиленія администраціи, воспользовались теперь торіи, занявшіе высшія должности.

Послѣ вступленія на престолъ Анны одинъ внутренній вопросъ, а именно религіозный, принялъ совершенно противоположное направленіе.

Трудно представить себѣ ту ненависть противъ пресвитеріанцевъ, съ которою англиканскіе фанатики привѣтствовали восшествіе на престолъ принцессы изъ дома Стюартовъ. „Въ теченіе 14 лѣтъ“, говорили они, „церковь страдала подъ гнетомъ присяги и ассоціацій, при которыхъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на прежде данныя клятвы; теперь слѣдовало наконецъ избавиться отъ того змѣя, котораго мы такъ долго согрѣвали на нашемъ сердцѣ; теперь не было ни Монмута, ни Шефтсбюри; голландскому святошеству насталъ конецъ, и этою минутой слѣдовало воспользоваться для ослабленія врага. Не слѣдовало бояться упрековъ въ жестокости, ибо каждый истинный сынъ церкви не долженъ чувствовать жалости къ угнетателямъ ея“.

Выборы 1702 г. дали перевѣсъ торіямъ и англиканамъ въ парламентѣ. Не прибѣгая къ насиліямъ, какъ того требовали многія брошюры, они составили планъ, который въ случаѣ удачи долженъ былъ нанести рѣшительный ударъ пресвитеріанцамъ и вигамъ.

Все это исходило изъ того, что политическая равноправность между пресвитеріанцами и англиканами не была достигнута, между тѣмъ какъ на нее твердо разсчитывали послѣ того, что какъ одни, такъ и другіе одинаково содѣйствовали революціи. Актами о вѣротерпимости наказанія за уклоненія отъ государственной религіи были уничтожены; но теперь, какъ и прежде, для поступленія въ общественныя должности требовалось исполненіе обрядовъ англиканской церкви. Нонконформисты пріобщались по англиканскому обряду, что составляло главное требованіе, но во всемъ остальномъ они держались своихъ особенныхъ постановленій.

Этому, такъ сказать, случайному соглашенію торіи хотѣли положить конецъ. Они утверждали, что для поддержанія національной церкви необходимо сосредоточить въ рукахъ ея приверженцевъ гражданскую власть, а партію, всегда стремившуюся къ сокрушенію церкви, отстранить отъ общественныхъ должностей. Главнымъ доводомъ ихъ было чрезмѣрное распространеніе либеральныхъ воззрѣній, которому церковь должна была, по ихъ словамъ, ставить непреодолимыя препятствія; но дѣйствительнымъ побужденіемъ ихъ образа дѣйствій былъ только враждебный духъ партіи: виговъ и пресвитеріанцевъ хотѣли удалить изъ городскихъ должностей, занимая которыя, они могли имѣть сильное вліяніе на выборы въ парламентѣ. Большинство виговъ происходили изъ городовъ, а торіевъ—изъ графствъ; послѣдніе надѣялись предполагаемою реформою достигнуть преобладанія и въ городахъ.

Такимъ образомъ снова является стремленіе къ учрежденію господствующей государственной церкви съ политическими правами, которая, изгнавъ католицизмъ съ помощью пресвитеріанцевъ, обратилась бы противъ нихъ же, какъ это часто бывало въ прежнія времена.

Это повело къ уничтоженію того неявнаго соглашенія между обѣими партіями, которое состоялось до революціи и поддерживалось съ тѣхъ поръ, благодаря стараніямъ Вильгельма III.

Однимъ изъ принциповъ Анны было не допускать усиленія ни одной партіи настолько, чтобы она могла властвовать надъ правительствомъ. Она не отстраняла всѣхъ виговъ отъ администраціи. Двѣ личности, руководившія всѣми дѣлами: Мальборо и Годольфинъ, хотя и принадлежали къ торіямъ, но къ умѣреннымъ членамъ ея, сами боялись преобладанія крайнихъ членовъ этой партіи.

Послѣ вступленія на престолъ королевы Анны Мальборо имѣлъ рѣшительное вліяніе; во всѣхъ случаяхъ его слово имѣло окончательное значеніе. Поэтому очень важно было то, что онъ стоялъ за войну. Онъ возсталъ противъ предложенія отсрочки ея, на томъ основаніи, что, по его словамъ, она лишила бы правительство довѣрія союзниковъ. Своимъ вліяніемъ онъ не далъ хода этому предложенію.

Какъ министръ королевы, Мальборо занялъ совершенно исключительное положеніе въ администраціи, въ парламентѣ, въ лагерѣ и въ отношеніяхъ съ союзниками, положеніе, которое было близко къ личной политикѣ. Какъ военачальникъ, онъ не хотѣлъ быть въ зависимости отъ торіевъ, хотя они и стояли за войну и исполняли всѣ его требованія. Онъ не могъ слѣдовать за торіями и ихъ дѣйствіями противъ виговъ. Это легко могло бы повести къ безпорядкамъ, которые неминуемо повліяли бы на общее дѣло. Онъ не могъ обойтись безъ виговъ, такъ какъ они болѣе всего содѣйствовали войнѣ, которая представляла столь обширное поле для удовлетворенія его тщеславію.

Между тѣмъ онъ неизбѣжно долженъ былъ возбудить антипатію противъ себя торіевъ. Они сопротивлялись его военнымъ мѣрамъ, набору войска внутри страны. По его возвращеніи съ перваго похода, въ которомъ онъ овладѣлъ нѣсколькими важными крѣпостями, королева произвела его въ герцоги и выразила желаніе, чтобы ему были даны необходимыя средства для поддержанія этого достоинства. Но большинство торіевъ въ нижней палатѣ воспротивились этому, боясь возобновленія неправильной раздачи милостей, господствовавшей въ предшествовавшее

царствованіе. Тщетны были всѣ заявленія о томъ, что такое выраженіе сочувствія военачальнику со стороны націи было бы пріятно союзникамъ: на нихъ возражали, что націи гораздо важнѣе проведеніе билля противъ случайнаго соглашенія, чѣмъ сочувствіе всѣхъ союзниковъ на континентѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ торіи имѣли свое особенное воззрѣніе на цѣль войны. Они не хотѣли содѣйствія англичанъ къ соединенію имперіи съ Испаніей и возвышенію Австріи на счетъ Франціи.

Благодаря ихъ настоянію, императоръ Леопольдъ отказался за себя и старшаго сына отъ короны испанской и обѣщалъ также содѣйствовать возстановленію прежней торговли англичанъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ его колоніяхъ. Запрещеніе ся Людовикомъ XIV было главною причиною согласія торіевъ на войну. Они одобрили бы бурбонское престолонаслѣдіе, еслибы отдѣленіе Франціи отъ Испаніи обезпечило ихъ прежнія торговыя права. Второю цѣлью войны была защита голландской республики противъ французскихъ захватовъ. Торіи смотрѣли на это очень серьезно; но они не хотѣли переходить за предѣлы своихъ обязательствъ. Въ нижней палатѣ были заявленія противъ наступательнаго движенія на Францію.

Но коль скоро мечъ вынутъ изъ ноженъ, его трудно удержать отъ удара. Полководецъ же менѣе всего долженъ стѣснять себя посторонними соображеніями, задерживающими его предпріятіе. Второй походъ, въ которомъ у французовъ былъ отнятъ Мастрихтъ и еще нѣсколько другихъ крѣпостей, былъ по душѣ торіямъ; но цѣль, которую они себѣ поставили, еще не была достигнута, ибо все еще французы имѣли въ Германіи перевѣсъ. Мальборо принадлежала великая мысль двинуться съ нижняго Рейна къ Дунаю, чтобы имѣть возможность соединиться съ австрійскими и германскими войсками и нанести ударъ главной французской арміи. Торіи, сильно возбужденные перемѣною въ министерствѣ, смотрѣли съ недоброжелательствомъ на это предпріятіе и даже втайнѣ радовались, предвидя ея неудачу. Они высказывали намѣреніе преслѣдовать генерала по его возвращеніи. Мальборо зналъ это и не скрывалъ, что погибнетъ, если не побѣдитъ.

Сраженіе при Гохштедтѣ рѣшило европейскій споръ, къ невыгодѣ Франціи; это было одно изъ тѣхъ сраженій, которыя рѣшаютъ взаимныя отношенія державъ и зависящую отъ нихъ судьбу націй на десятки лѣтъ. Въ виндзорской библіотекѣ путешественникамъ показываютъ окно, у котораго королева, любуясь на прекрасный видъ, разстилавшійся передъ нею, получила извѣстіе о побѣдѣ, одержанной ея войсками. То былъ великій моментъ въ ея жизни. То, къ чему тщетно стремился ея предшественникъ, было достигнуто, благодаря человѣку, самому близкому ей между всѣми политиками ея времени; французское преобладаніе на континентѣ было уничтожено навсегда.

Но вліяніе этого успѣха на администрацію было для нея крайне непріятно.

Торіи твердо держались своего намѣренія провести билль о случайномъ соглашеніи и достигнуть этого посредствомъ слiянія его съ биллемъ о субсидіяхъ, который долженъ былъ пройти въ верхней палатѣ, если хотѣли продолжать войну. Этотъ планъ былъ причиною значительной перемѣны въ министерствѣ. Побѣдоносный Мальборо возвратился, трофеи его провозились торжественно по городу. Ему нельзя было отка-

зать въ наградѣ, которая теперь значительно превышала сумму, предложенную для этой же цѣли прежде.

Намѣреніе слить оба билля поддерживалось и теперь торіями, но не могло быть проведено даже въ нижней палатѣ. Къ побѣдоносному герцогу примкнули умѣренные тори подъ предводительствомъ Гарлея и Ст. Джона, и субсидія была назначена безъ всякихъ условій. Казалось, полководцу это было столько же важно, какъ и выигранное имъ сраженіе. Крайніе торіи были исключены изъ собранія, и сдѣлана попытка замѣнить ихъ умѣренными членами обѣихъ партій. И королева, казалось, была этимъ довольна.

Это событіе дало новый толчокъ воинственнымъ стремленіямъ націи: только въ упорномъ продолженіи войны видѣли возможность достигнуть выгоднаго и почетнаго мира. Выборы 1705 г. выразили вполнѣ новое настроеніе. Подъ вліяніемъ его, партія виговъ пріобрѣла опять перевѣсъ въ парламентѣ. Прежде всего можно было составить управленіе изъ членовъ обѣихъ партій: Гарлей и Ст. Джонъ съ одной стороны, Сондерлэндъ и Галифаксъ—съ другой группировались со своими друзьями вокругъ Годольфина и Мальборо.

Сліяніе это имѣло самый блестящій успѣхъ. 1706 годъ можетъ считаться особенно счастливымъ въ исторіи Англіи. Послѣ сраженія при Ромильи въ руки союзниковъ перешли нидерландскія крѣпости, а послѣ побѣды при Туринѣ и верхнеитальянскія провинціи. На Пиренейскомъ полуостровѣ утвердился король изъ австрійскаго дома съ помощью англійской эскадры, пришедшей ему на помощь въ Барцелонѣ.

Въ то же время было окончено великое внутреннее дѣло: соединеніе Англіи съ Шотландіей.

Все еще, какъ во время римскаго завоеванія, большой западный островъ былъ раздѣленъ на два различныя государства; это былъ единственный остатокъ гептархіи, не покоренный норманнами и представлявшій постоянный поводъ къ политическимъ затрудненіямъ при этой и слѣдующей династіяхъ. Ни наслѣдственныя права первыхъ Стюартовъ, ни власть протектора не могли привести къ соединенію ихъ. Дѣло подвинулось нѣсколько впередъ вслѣдствіе взаимодѣйствія политическихъ и религіозныхъ идей и, скажемъ еще, духа партій, и великаго общаго интереса, наступившаго при Вильгельмѣ III. Но оно еще далеко не было довершено. Шотландцевъ не могли убѣдить признать престолонаслѣдіе Ганноверскаго дома; напротивъ, въ 1704 г. прошелъ актъ, по которому королевѣ въ Шотландіи должна была наслѣдовать другая линія, чѣмъ въ Англіи. Постановленіе это уничтожалось только въ томъ случаѣ, если независимость престола, свобода и власть шотландскаго парламента, религія и свобода торговли этой націи были вполнѣ гарантированы.

Духъ независимости выразился въ Шотландіи еще разъ очень сильно. Жители ея говорили, что Шотландія, хотя и не настолько могущественная и богатая, какъ Англія, имѣла передъ нею преимущество старшаго государства; что соединеніе поведетъ за собою униженіе дворянства, сокращеніе или погибель пресвитеріанства, такъ тѣсно связаннаго съ государствомъ, опустѣніе столицы. Простой же народъ видѣлъ въ соединеніи свое окончательное рабство.

Но тогдашнее міровое положеніе, столкновенія между державами—дѣлали соединеніе неизбѣжнымъ. Ежеминутно французы могли возбудить

многочисленныхъ претендентовъ въ Шотландіи. Чѣмъ въ такомъ случаѣ были бы обезпечены религія и народная свобода? Партія, стоявшая во главѣ правленія, могла удержаться только при соединеніи съ Англіей. Для Англіи же было чрезвычайно важно предупредить всякую реформу въ Шотландіи. Не только виги желали соединенія, но и торіи объявили себя за него; въ противномъ случаѣ они прослыли бы за противниковъ пресвитеріанцевъ. Англичане имѣли возможность сдѣлать предложеніе, которому шотландцамъ трудно было бы противостоять. Вражда, господствовавшая въ то время вслѣдствіе пробужденія коммерческаго духа шотландцевъ, между ними и англичанами, происходила главнымъ образомъ вслѣдствіе сопротивленія англичанъ ихъ торговымъ стремленіямъ. Теперь же англичане рѣшились уступить шотландцамъ; они допустили ихъ въ свои колоніи, взамѣнъ чего шотландцы приняли англійскую таможенную и податную системы. Шотландцамъ было трудно отказаться отъ законодательной и административной самостоятельности, которою они до этого времени пользовались, имѣя свой совершенно отдѣльный совѣтъ. Неохотно соглашались англичане на требованіе ихъ относительно неприкосновенности ихъ церковныхъ учрежденій; но обѣ стороны сознавали опасность дальнѣйшаго разъединенія. Въ собраніяхъ коммиссаровъ обоихъ государствъ, назначенныхъ для обсужденія условій ихъ соединенія, предсѣдателемъ которыхъ былъ Сомерсъ, не занимавшій тогда никакой общественной должности, не происходило ни ссоръ, ни несогласія. 22 іюля 1706 г. онъ передалъ королевѣ представленіе, которое прошло затѣмъ въ обѣихъ палатахъ. То былъ послѣдній шотландскій парламентъ, принявшій билль не безъ горячихъ преній и многихъ протестовъ (іюль 1707 г.). Больше всего было возраженій противъ того параграфа, по которому Англія и Шотландія должны были имѣть одинъ общій парламентъ. Изъ шотландскихъ пэровъ въ англійскій парламентъ было допущено 16, а въ нижнюю палату 25 членовъ. По степени имущества это былъ слишкомъ большой процентъ, а по числу жителей слишкомъ незначительный.

Королева Анна радовалась тому, что ей принадлежала слава, къ которой тщетно стремились ея предшественники, а именно придать дѣйствительное значеніе слову Великобританія. Государственные мужи, принимавшіе въ этомъ дѣлѣ участіе, особенно Годольфинъ, Сомерсъ и Мальборо, оказали безсмертную заслугу развитію англійскаго могущества, англійской торговли и духа самой націи.

Вообще Мальборо занимаетъ исключительное положеніе. Онъ былъ величайшимъ человѣкомъ своего времени; онъ побѣдилъ державу, бывшую до тѣхъ поръ могущественнѣйшею во всемъ свѣтѣ, спасъ Голландію, сдѣлалъ императора государемъ южной Италіи и Германіи, за что и былъ имъ включенъ въ число имперскихъ князей. Благодаря ему, соединенная Великобританія заняла то міровое положеніе, къ которому тщетно стремился Вильгельмъ III. Въ Англіи вся власть сосредоточивалась въ его рукахъ. Супругъ королевы, принцъ Георгъ Датскій, былъ только номинально главнокомандующимъ арміи и флота; въ дѣйствительности же въ сухопутныхъ войскахъ все вліяніе принадлежало самому Мальборо, а во флотѣ—его брату и другимъ членамъ адмиралтейства. Изъ свиты Георга удаляли тѣхъ людей, которые могли бы вооружить его противъ такого положенія. Королева не оставила привычки

слѣдовать совѣтамъ своихъ старыхъ друзей, и лэди Мальборо все еще имѣла большое вліяніе при дворѣ, при которомъ занимала множество должностей. Прежнія дружескія отношенія между нею и королевой, такъ ясно выраженныя въ корреспонденціи между миссисъ Морлей и Фриманъ—такъ называли онѣ другъ друга—если и охладѣли нѣсколько, то не были еще совершенно прерваны. Мальборо былъ главное лицо при дворѣ, въ государствѣ, въ парламентѣ, въ арміи и въ иностранныхъ сношеніяхъ.

Онъ былъ окруженъ блестящей родней; богатства приливали къ нему въ изобиліи. Онъ слылъ за самаго счастливаго человѣка въ мірѣ. Но онъ былъ подданный и нисколько не выше положенія тѣхъ партій, которыя боролись между собою въ парламентѣ.

Онъ привлекъ на свою сторону виговъ только тѣмъ, что обѣщалъ одному изъ главныхъ руководителей, Сондерлэнду, мѣсто государственнаго секретаря. Онъ чувствовалъ себя тѣмъ болѣе связаннымъ своимъ обѣщаніемъ, что Сондерлэндъ принадлежалъ къ его семьѣ и пользовался покровительствомъ его супруги.

Но королева Анна не соглашалась; она говорила, что никогда не сойдется съ Сондерлэндомъ. По ея мнѣнію, его холодная внѣшность скрывала внутреннюю вспыльчивость, которая при первомъ удобномъ случаѣ разразилась бы съ тѣмъ большею силою, чѣмъ болѣе онъ ее сдерживаетъ; при ея характерѣ онъ былъ бы для нея невыносимъ. Но виги настаивали на своемъ требованіи и поставили въ зависимость отъ его удовлетворенія дальнѣйшую поддержку правительства въ парламентѣ, необходимую ему для продолженія войны. Они отвергли всякое посредничество. Годольфинъ, котораго считали виновникомъ отказа королевы, опасался за свое положеніе въ парламентѣ. Годольфинъ заявилъ королевѣ, что не можетъ преодолѣть всѣхъ затрудненій при веденіи ея дѣлъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ спорить съ нею. Къ этому лэди Мальборо присовокупила замѣчаніе, что королева, имѣя за себя только часть торіевъ, изъ которыхъ большинство отпало отъ нея, не можетъ управлять безъ помощи виговъ. Съ большою точностью представилъ Мальборо ей всю затруднительность ея положенія: для продолженія войны на слѣдующій годъ нужно было, по его словамъ, 5.000,000, которые не будутъ назначены безъ удовлетворенія требованія виговъ; къ тому же столь необходимый для дѣла Годольфинъ не будетъ въ состояніи держаться. Для блага страны и ея собственнаго и ради свободы Европы онъ на колѣняхъ умолялъ ее уступить.

Наконецъ королева рѣшилась: въ день открытія парламента (2 декабря 1706 г.) Сондерлэндъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, послѣ чего парламентъ немедленно назначилъ болѣе значительную субсидію, чѣмъ требовалось, а именно 6.000,000 ф. Не слѣдуетъ удивляться, что королева, не желавшая быть въ зависимости, отступила вслѣдъ затѣмъ отъ интересовъ виговъ въ дѣлѣ, въ которомъ ей было предоставлено больше свободы дѣйствія. Безъ предварительнаго совѣщанія съ архіепископомъ Теннисономъ, принадлежавшимъ къ вигамъ, она назначила нѣсколько строго-англиканскихъ епископовъ. То были люди безупречнаго поведенія и вполнѣ способные къ своему назначенію. Она утверждала, что дѣйствовала при этомъ только сообразно съ личнымъ своимъ желаніемъ. Но этотъ поступокъ ея возбудилъ противъ нея всѣхъ

виговъ. Увѣренные въ Годольфинѣ, они выступили съ заявленіемъ, что королева не имѣетъ права ничего дѣлать безъ согласія своихъ министровъ. Понятно, что если министры, которые должны были выражать волю парламентскаго большинства и опредѣлять рѣшеніе королевы,—если они находились подъ вліяніемъ преобладающей партіи,—то руководители послѣдней легко могли бы достигнуть высшей власти и лишить королевство его автономіи.

Знаменитые Сомерсъ, Монтегъ и Россель составили съ Сондерлэндомъ и Вартономъ юнту, властвовавшую надъ парламентомъ и всею страной. Особенно ярымъ приверженцемъ случайнаго соглашенія былъ Вартонъ; онъ пріобщался по англійскому обряду, а во всемъ остальномъ былъ истымъ пресвитеріанцемъ. Постепенно союзъ этотъ овладѣлъ всѣми высшими должностями: Сомерсъ получилъ предсѣдательство въ тайномъ совѣтѣ, Вартонъ — намѣстничество въ Ирландіи; Россель потребовалъ обратно мѣста адмирала, Монтегъ-Галифаксъ хотѣлъ быть уполномоченнымъ въ конгрессѣ, на которомъ должны были идти переговоры о мирѣ.

Но всѣ они желали болѣе войны, чѣмъ мира. Благодаря ихъ вліянію, парламентъ рѣшилъ, что прочный и почетный миръ можетъ быть заключенъ только въ такомъ случаѣ, если вся Испанская монархія перейдетъ къ дому австрійскому. Но достигнуть этого было немыслимо безъ упорной, долгой войны. Въ продолженіи ея виги, державшіе въ своихъ рукахъ финансовую администрацію, видѣли условіе своего могущества. Успѣхи войскъ содѣйствовали ихъ цѣлямъ. Благодаря совмѣстному дѣйствію императорскихъ и англо-голландскихъ войскъ въ 1708 и 1709 гг., рушились попытки Людовика XIV возстановить свое господство въ Нидерландахъ. Ждали только того момента, когда онъ, вполнѣ истощенный, вынужденъ будетъ принять условія союзниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ виги съ каждымъ днемъ болѣе овладѣвали внутреннимъ управленіемъ. Фанатики, подобные Нотингему и Рочестеру, были уже удалены изъ тайнаго совѣта; теперь же и умѣренные виги, Гарлей и Ст. Джонъ, были вытѣснены изъ министерства, гдѣ ихъ замѣнили ревностными вигами, каковы были Вальполь и Ньюкестль. Мальборо склонился также постепенно на требованіе Росселя. Виги постоянно дѣйствовали наступательно противъ Годольфина и лэди Мальборо. Послѣ нѣкоторыхъ, хотя и не вполнѣ добровольныхъ, уступокъ лэди Мальборо, и мужъ ея склонился не только къ уступкѣ, но обѣщалъ еще настаивать предъ королевой на удовлетвореніи ихъ требованій. До сихъ поръ королева покорялась, видя въ этомъ необходимость; но можно было внушить ей такой же взглядъ и относительно другихъ требованій. Хотя Мальборо и не былъ вигъ, но въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ самаго начала ихъ, и теперь, въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, онъ держался только вигами. Соединившись съ партіей, составлявшей большинство въ парламентѣ, онъ хотѣлъ гарантировать себя противъ всякихъ случайностей пожизненнымъ патентомъ на званіе генералъ-капитана всей арміи. По наведеніи справокъ, оказалось, что никогда еще не бывало подобнаго случая; тѣмъ не менѣе Мальборо настаивалъ на своемъ требованіи, основываясь на томъ, что союзъ можетъ быть поддержанъ только при твердомъ положеніи англійскаго генерала, гарантированномъ противъ всякихъ случайныхъ перемѣнъ.

Итакъ, въ Англіи повторилось то же, что не разъ случалось во Франціи и Германіи: геніальный полководецъ стремился къ независимой отъ государя власти, не дѣйствуя противъ него открыто, но вынуждая его къ уступкѣ. Мальборо хотѣлъ твердо установить свое значеніе въ Европѣ съ помощью той партіи, которую онъ считалъ теперь своею. Не ссорясь съ королевой, онъ хотѣлъ теперь сдѣлаться фактически независимымъ отъ нея.

Образъ дѣйствій королевы въ этомъ случаѣ былъ самымъ замѣчательнымъ въ ея жизни.

Королева Анна пользовалась до конца своей жизни всеобщею любовью своихъ подданныхъ. Они считали ее глубоко религіозною, но безъ фанатизма, и вѣрили, что она желаетъ добра и заботится о благѣ своего народа.

Она покорилась революціи, которая отчасти была ея дѣломъ. Биллей, прошедшихъ черезъ обѣ палаты, она никогда не отвергала, но вмѣстѣ не хотѣла быть только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. Она сердилась на своихъ министровъ, когда они представляли ей для подписи рѣшенія, о которыхъ предварительно не совѣщались съ нею. Отъ окружающихъ она требовала почтенія къ себѣ и дорожила этикетомъ. Въ первые годы своего царствованія она чувствовала себя счастливою, видя уваженіе къ себѣ обѣихъ партій. Ей нравилось, когда при торжествѣ по случаю гохштетскаго сраженія виги и торіи соединились въ процессіи подобно Ланкастеру и Іорку при Генрихѣ VII. Ей было пріятно слышать, что ея попеченію объ англійской церкви приписывали успѣхъ войскъ въ Германіи. Торіи поздравляли ее съ выборомъ генерала, подобнаго Мальборо, и казначея, какъ Годольфинъ. Она любила торіевъ, видя въ нихъ бойцовъ за англиканскую церковь, и поставила предѣлы ихъ вліянію только потому, что ни одна партія не должна была имѣть перевѣса, который могъ бы угрожать независимости престола. Виги же, которымъ она не сочувствовала, дѣйствовали теперь противъ нея, согласно ея же принципу, основанному на ея чувствѣ самосохраненія.

Не безъ участія къ ней читаемъ мы ея письма къ Годольфину, въ которыхъ она старается отклонить назначеніе Сондерлэнда въ статсъ-секретари. Опредѣлить на такую должность члена партіи, друзья котораго занимали уже другія должности, значило самой броситься во власть этой партіи. „Этого я всегда старалась избѣгать. Я охотно слѣдую за торіями, но не намѣрена давать должности фанатикамъ, которые дурно поступали со мной. Все, чего я желаю, это—имѣть свободу назначать тѣхъ, которые честно посвятили себя моей службѣ, будь это торіи или виги. Если же я буду связана съ одною изъ этихъ партій и попаду въ руки одной изъ нихъ, тогда я съ именемъ королевы буду только рабыней: я погибну лично, и правленію моему настанетъ конецъ. Единственная моя цѣль—это благо страны: неужели же мнѣ суждено подпасть власти секты? Спокойствіе всей моей жизни зависитъ отъ этого“. Въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ умоляла она Годольфина поддержать ее въ этомъ дѣлѣ.

Болѣе всего огорчало ее то, что Мальборо и его супруга, столь близкіе ей люди въ прежнее время, дѣйствовали теперь противъ нея. Лэди Мальборо не имѣла дара своего супруга выигрывать тамъ, гдѣ она повелѣвала. Она любила не только самую власть, но и блескъ ея, и нисколько

не скрывала властолюбія своего. Принявъ сторону Сондерлэнда, своего зятя, и вообще виговъ, она считала совершенно естественнымъ, что дворъ послѣдуетъ ея примѣру. Королевѣ она говорила объ этомъ въ самыхъ оскорбительныхъ для нея выраженіяхъ. Среди окружающихъ она играла роль покровительницы, которая всегда могла разсчитывать на ихъ благодарность.

Началась явная вражда. Одна каммеръ-фрау королевы, миссъ Гиль, родственница лэди Мальборо и рекомендованная ею, совершенно помимо своей воли пріобрѣла большое вліяніе надъ королевой, религіозныя убѣжденія которой она раздѣляла. Гордую герцогиню непріятно поразило замужество своей родственницы, о которомъ ея не извѣстили, между тѣмъ какъ королева присутствовала при церемоніи. Тяжело было ей видѣть, что личность, которую она возвысила, принимала, когда заходила рѣчь о королевѣ, самоувѣренный и важный тонъ. Леди Мальборо, которая, не смотря на свое положеніе гофмейстерины, иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не являлась ко двору, рѣшила пойти къ королевѣ; она надѣялась возбудить въ ней прежнія чувства, возобновить прежнія отношенія. Королева казалась взволнованною: она колебалась между прежнимъ довѣріемъ и возраставшимъ отвращеніемъ. Она не допустила лэди поцѣловать себѣ руки и подняла ее, но оставалась при этомъ совершенно холодною и не произнесла ни одного слова примиренія.

Подобныя отношенія, разъ прерванныя, никогда болѣе не возстановляются; недоброжелательныя заявленія передаются заинтересованнымъ лицамъ; тщетны старанія изгладить ихъ впечатлѣніе: послѣ каждой встрѣчи слѣдуетъ еще большее разъединеніе. Съ этою личною враждой былъ тѣсно связанъ важный вопросъ, относившійся къ конституціонной системѣ, вырабатывавшейся тогда въ Англіи, а именно—можетъ ли правительство, опирающееся на парламентъ, терпѣть, чтобы окружающіе государя, согласіе которыхъ ему необходимо для управленія государствомъ, имѣли на него вліяніе, противное стремленіямъ парламента? Затѣмъ, съ другой стороны, имѣетъ ли правительство право вмѣшиваться въ отношенія ежедневной жизни государя и распоряжаться личностями, окружающими его особу? Столкновенія между личностями и партіями выдвинули этотъ вопросъ, который теперь получилъ значеніе вопроса о конституціи.

Главнокомандующій арміей, распоряжавшійся безусловно всѣми должностями, почувствовалъ вдругъ преграду своимъ дѣйствіямъ въ усиливающемся вліяніи каммеръ-фрау. Одинъ полкъ, лишившійся своего начальника, былъ переданъ полковнику Гилю, брату каммеръ-фрау, вышедшей замужъ за мистера Мэшама. Между тѣмъ Мальборо имѣлъ въ виду другаго офицера. Для человѣка, стремившагося къ пожизненному генералъ-капитанству, было большимъ оскорбленіемъ ограниченіе его авторитета. Онъ былъ увѣренъ, что теперь всѣ недовольные офицеры соберутся вокругъ его знамени. Онъ обратился за совѣтомъ къ важнѣйшимъ вигамъ, и послѣдніе обѣщали защищать права, которыми онъ пользовался до тѣхъ поръ. По обыкновенію своему, не скрывая своего неудовольствія, онъ отправился въ Виндзоръ. Это тѣмъ болѣе возбудило всеобщее вниманіе, что отсутствіе его было тотчасъ же замѣчено въ засѣданіи тайнаго совѣта. Онъ намѣревался предложить королевѣ одно изъ двухъ: или удаленіе миссъ Мэшамъ, или же свою отставку. Но относительно

этого шага не всѣ члены юнты были согласны съ нимъ; они сознавали, что дѣло принимало уже другой оборотъ. Въ Гертруиденбергѣ шли переговоры о мирѣ, и его отставка не была бы невозможна. Сондерлэндъ завелъ рѣчь объ этомъ въ парламентѣ и предложилъ составить формальный адресъ объ удаленіи каммеръ-фрау, непріятной для всей партіи; такимъ образомъ онъ хотѣлъ придать этому вопросу значеніе конституціоннаго вопроса.

Королева, съ своей стороны, не считала выгоднымъ доводить этотъ споръ до крайности. Она согласилась отказаться отъ назначенія Гиля, а Мальборо — отъ своего кандидата. Но самолюбіе ея было задѣто: королевою она не хотѣла допустить удаленія миссисъ Мэшамъ, какъ будучи принцессою, она не допустила этого относительно лэди Мальборо, которую хотѣли удалить ея сестра и король Вильгельмъ.

Къ этому присоединилась еще другая демонстрація виговъ, цѣлью которой было — подавить возникавшія въ Голландіи мирныя стремленія и доказать, насколько нація дорожила Мальборо. Королевѣ было подано прошеніе, въ которомъ ее убѣждали послать герцога въ Голландію и назначить его, вмѣстѣ съ тѣмъ, уполномоченнымъ для переговоровъ о мирѣ, такъ какъ самъ онъ обладалъ всѣми способностями для соединенія обѣихъ этихъ обязанностей. Торіи же были противъ этого предложенія, нарушавшаго королевскія права. Но преобладаніе виговъ въ обѣихъ палатахъ было столь значительно, что адресъ былъ принятъ. Королева не отказывала, но отвѣчала уклончиво; она говорила, что сама считаетъ присутствіе герцога въ Нидерландахъ необходимымъ и радуется тому, что парламентъ признаетъ его заслуги.

По возвращеніи въ Голландію, Мальборо имѣлъ рѣшительное вліяніе на ходъ переговоровъ; они не привели къ миру только потому, что виги и посланникъ желали продолженія войны, въ противоположность королевѣ, желавшей мира.

Она не скрывала отъ себя, что ей стараются связать руки въ главныхъ ея дѣйствіяхъ.

Между тѣмъ и перемѣна въ общественномъ настроеніи способствовала стремленію королевы спасти свою независимость какъ отъ одной, такъ и отъ другой партіи.

Какъ прежде противъ торійскаго, такъ теперь общественное мнѣніе возстало противъ вигскаго парламента. При измѣнившихся обстоятельствахъ имѣло важное значеніе то, что одинъ изъ главныхъ виговъ, другъ и довѣренное лицо Вильгельма III, Шрюсбюри, возвратившійся послѣ долгаго отсутствія, сталъ на сторону королевы противъ юнты виговъ и исключительныхъ стремленій, противъ которыхъ онъ боролся уже и прежде. Королева же дала ему мѣсто оберъ-каммергера, которое она должна была упразднить для него.

Это было первымъ шагомъ къ перемѣнѣ министерства. Вскорѣ послѣ того, въ маѣ 1710 г., состоялось соглашеніе между дворомъ и умѣренными торіями, по которому послѣдніе обязались поддерживать королевскія права, англиканскую церковь и протестантское престолонаслѣдіе. Затѣмъ постепенно пошли дальше.

Въ концѣ іюня разразилась буря надъ Сондерлэндомъ, котораго обвинили за предложеніе удалить миссисъ Мэшамъ и желаніе подчинить королеву нѣкотораго рода рабству. Иностранные дипломаты лиша-

лись его неохотно, ибо хотя и считали его вспыльчивымъ и горячимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надежнымъ человѣкомъ. Годольфинъ продержался только мѣсяцемъ долѣе его. 7-го августа онъ работалъ еще съ королевой въ продолженіе двухъ часовъ безъ всякаго заявленія неудовольствія съ ея стороны, а вечеромъ того же дня онъ получилъ заявленіе о своей отставкѣ. При дворѣ очень боялись перерыва мирныхъ переговоровъ: при возобновленіи войны Годольфинъ былъ бы необходимъ. Но побѣда, одержанная англійскими войсками въ концѣ іюля, успокоила всѣхъ; теперь не предстояло большой опасности. Въ Нидерландахъ, гдѣ Мальборо утвердилъ положеніе союзниковъ, его необходимо было оставить главнокомандующимъ: отставка его могла бы разорвать союзъ. Но въ Лондонѣ онъ по своемъ возвращеніи нашелъ почву совершенно измѣнившеюся.

Однажды онъ пожаловался на назначеніе нѣкоторыхъ высшихъ офицеровъ, сдѣланное безъ его разрѣшенія. Королева объясняла это его отсутствіемъ. Онъ замѣтилъ, что это было сдѣлано наканунѣ его возвращенія. „Помните, милордъ", сказала она строго, „съ кѣмъ вы говорите". Онъ удалился со слезами на глазахъ; онъ не ожидалъ полной немилости своей покровительницы. Жена его выказала болѣе твердости, когда отъ нея потребовали ключъ, знакъ ея достоинства при дворѣ; она бросила его на средину комнаты, гдѣ и предоставила его поднять личности, пришедшей за нимъ. Подъ условіемъ ея удаленія, ея мужъ былъ оставленъ на службѣ.

Какъ глубоко пало его прежнее могущество, положеніе и вліяніе! Цѣпь, звеньями которой служили его связь съ юнтой, его авторитетъ надъ вигами и преобладаніе ихъ въ парламентѣ сдерживавшая королеву и ограничивавшая ея свободу, была разорвана.

Стремленіе королевы къ этой цѣли и достиженіе придаютъ ея правленію отличительный характеръ въ англійской исторіи.

LXXX. БОРЬБА ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ АННЫ И УТРЕХТСКІЙ МИРЪ.

(Изъ соч. Вызинскаго: „Англія въ XVIII столѣтіи").

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ воинственнаго энтузіазма наступила реакція въ пользу мира. Нація сыта была побѣдами и военною славою. Цѣль войны была достигнута. Очевидно, нельзя было и думать объ удаленіи Филиппа Анжуйскаго изъ Испаніи: за него стоялъ весь испанскій народъ. Слѣдовало, правда, воспрепятствовать соединенію Франціи и Испаніи подъ однимъ скипетромъ; но этого можно было достигнуть теперь дипломатическимъ путемъ. Англичанамъ наскучило платить столько лѣтъ тяжелые военные налоги, которые шли на субсидіи иностраннымъ державамъ. Съ каждымъ днемъ желаніе мира становилось сильнѣе. Отовсюду слышны были нареканія на вигскихъ министровъ, которые безъ всякой нужды продолжали войну. Торіи, предчувствуя реакцію, вездѣ начинали подымать голову. Лордъ Мальборо, нѣкогда идолъ всей націи, начиналъ терять популярность. Онъ сдѣлался слишкомъ могущественъ и сталъ

возбуждать подозрѣніе въ націи, которая не терпитъ чрезмѣрной власти ни въ какомъ ея видѣ. Англичане не любятъ ни всемогущихъ королей, ни всемогущихъ министровъ. На Мальборо стали возводить обвиненія, совершенно основательныя, что онъ нарочно тянетъ войну для выгодъ своего кармана. Торіи распространяли памфлеты, въ которыхъ разсказывались ужасы о его необыкновенной жадности, о его грабительствахъ, о его сдѣлкахъ съ поставщиками по арміи. Въ добавокъ лордъ Мальборо лишился одной важной поддержки. Изъ всѣхъ людей, къ которымъ королева имѣла довѣріе, одинъ только мужъ ея, принцъ Датскій, былъ жаркимъ сторонникомъ войны и всегда сильно поддерживалъ политику лорда Мальборо. Но въ 1709 году принцъ Датскій скончался.

Въ то время, когда умы въ Англіи стали все болѣе и болѣе склоняться къ миру и когда общественное мнѣніе начинало осуждать ультравоинственную политику виговъ, министры сдѣлали огромную ошибку, которая погубила ихъ и дала наконецъ возможность Аннѣ свергнуть давившее ее иго. Съ нѣкотораго времени высокоцерковная торійская партія, замолкшая вслѣдствіе рѣшительнаго торжества виговъ, опять сильно стала шевелиться. Она чувствовала, что приближается ея время. Нерасположеніе королевы къ вигамъ ни для кого не было тайною. Гарли и Болинброкъ работали неутомимо, организуя силы торіевъ, разбитыхъ прежними неудачами. Тогда-то одинъ полусумасшедшій пасторъ, по имени Сечверель, сказалъ въ церкви св. Павла, при большомъ стеченіи народа, проповѣдь, въ которой превозносилъ въ выспренних выраженіяхъ божественное право монархіи и неограниченную власть короны, распространялся объ обязанности безграничнаго повиновенія, запальчиво осуждалъ всѣ начала революціи 1688 г. и нападалъ съ ожесточеніемъ на диссентеровъ и виговъ. Ко всему этому онъ примѣшалъ дерзкія выходки противъ министровъ, особенно противъ Годольфина, котораго называлъ старою лисицею, и старался убѣдить своихъ слушателей, что церковь находится въ крайней опасности отъ виговъ. Такія проповѣди говорились тогда цѣлыми сотнями въ Англіи. Положеніе, что церковь находится въ опасности оттого, что виги засѣдаютъ въ министерствѣ, было любимою темою высоко-церковныхъ пасторовъ. Проповѣдь Сечвереля была нѣсколько сильнѣе другихъ; однако же, еслибы правительство не обратило на нее вниманія, то, подобно прочимъ, она пришла бы въ забвеніе. Но министры вздумали вдругъ сдѣлать изъ нея важное государственное дѣло. Безнаказанность такого рода нападокъ вывела ихъ изъ терпѣнія. Не смотря на всѣ усилія просвѣщеннаго и истинно-либеральнаго лорда Сомерса, рѣшено было начать противъ Сечвереля въ палатѣ лордовъ политическій процессъ за оскорбленіе конституціи и клевету на министровъ. Особенно настаивалъ на этомъ Годольфинъ, сильно оскорбленный саркастическими намеками запальчиваго проповѣдника. Принимая такое рѣшеніе, министры думали напугать другихъ, высокоцерковныхъ пасторовъ и разъ навсегда прекратить волненіе умовъ, возбуждаемое ихъ фанатическими проповѣдями. Съ другой стороны, имъ хотѣлось посредствомъ торжественнаго процесса предъ лицомъ всей націи оправдать революцію 88 года и защитить начала ограниченной монархіи. По предложенію Годольфина, нижняя палата составила обвинительный актъ, и противъ Сечвереля начался процессъ. Между тѣмъ дѣло это произвело уже шумъ въ цѣлой странѣ. Поднялась вся высокоцерковная

партія. Возопили торійскіе журналы. Пасторы начали гремѣть противъ министерства, которое, по словамъ ихъ, дерзнуло въ лицѣ Сечвереля преслѣдовать самую высокую церковь. Загорѣлись страсти слѣпой, суевѣрной массы, возбужденной духовенствомъ. Общественное мнѣніе приняло сторону Сечвереля. Огромныя толпы народа окружали Вестминстеръ во все время процесса и наполняли воздухъ угрозами и ругательствами противъ министровъ. Среди такого волненія лорды вели дебаты, памятные въ исторіи Англіи. Процессъ Сечвереля въ высшей степени замѣчателенъ по политическому своему значенію. Осуждая проповѣдь пастора, нужно было осудить и высказанное имъ ученіе и утвердить торжественно начала, на которыхъ основалась англійская конституція. Подняты были въ палатѣ вопросы первостепенной важности: о происхожденіи монархіи. Адвокаты обвиненнаго спорили съ членами нижней палаты, поддерживавшими обвиненіе. Лорды, прежде чѣмъ произнести приговоръ надъ Сечверелемъ, составили нѣсколько резолюцій. Королева Анна присутствовала при этихъ дебатахъ въ закрытой ложѣ и чуть не упала въ обморокъ отъ сильнаго потрясенія. Большинствомъ 67 голосовъ противъ 59 лорды объявили Сечвереля виновнымъ, но не приговорили его ни къ тюрьмѣ, ни къ денежному штрафу, а только запретили ему проповѣдывать впродолженіе трехъ лѣтъ и повелѣли, чтобы напечатанная его проповѣдь была сожжена публично въ присутствіи лорда-мэра и шерифовъ Лондона. Однако же министры и не подозрѣвали, что лордъ-канцлеръ, объявляя рѣшеніе палаты, произносилъ вмѣстѣ съ этимъ приговоръ смерти надъ всею партіею виговъ. Преслѣдованіе Сечвереля нанесло министерству рѣшительный ударъ въ общественномъ мнѣніи. Торіи и высокоцерковные возбудили противъ него страшную бурю. Въ глазахъ массы Сечверель былъ жертвою министерскаго деспотизма. Ограниченный пасторъ сдѣлался идоломъ толпы; его считали героемъ бо̀льшимъ, чѣмъ самъ лордъ Мальборо. Сорокъ тысячъ экземпляровъ его проповѣди разошлось въ нѣсколько недѣль, не смотря на запрещеніе. Министерство Анны не въ силахъ было остановить бурю, которую вызвало своимъ необдуманнымъ поступкомъ. Нація забыла даже о войнѣ, и дѣло Сечвереля стало живѣйшимъ интересомъ для всѣхъ. Отовсюду поднялись крики, что министры оскорбили церковь, нарушили свободу слова и свободу печати. Въ цѣлой странѣ послѣдовалъ сильнѣйшій взрывъ торійскаго и высокоцерковнаго чувства. Разъяренная толпа, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, бросилась на капеллы диссентеровъ и разрушила многія изъ нихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Сечвереля носили съ торжествомъ на рукахъ по улицамъ Лондона, устраивали для него пиршества, позаботились даже о его карманѣ. Сдѣлана была въ его пользу подписка, которая въ скоромъ времени принесла 10,000 фунтовъ. Полусумасшедшій пасторъ наконецъ самъ сталъ считать себя великимъ человѣкомъ. Онъ пустился объѣзжать поочереди всѣ графства, и эта поѣздка его похожа была на тріумфальное шествіе. Вездѣ толпы народа выходили къ нему на встрѣчу. Вездѣ привѣтствовали его почти королевскими почестями—сальвами артиллеріи, звономъ колоколовъ, иллюминаціями и фейерверками. Собирались митинги, на которыхъ говорили ему похвальныя рѣчи. Въ отвѣтахъ на эти рѣчи Сечверель проводилъ скромную параллель между своими страданіями и страданіями Спасителя. Въ Лондонѣ волненіе возрастало все болѣе и

болѣе. Куда ни появлялась королева, народъ встрѣчалъ ее восторженными восклицаніями, всѣ кричали: „да благословитъ Богъ ваше величество! Надѣемся, что вы за доктора Сечвереля!“ Со всѣхъ сторонъ приходили въ парламентъ адресы и петиціи съ требованіемъ мира.

Теперь Гарли и Болинброкъ увидѣли, что пришло ихъ время. „Дѣло выиграно“, сказалъ Гарли при первомъ извѣстіи объ исходѣ процесса. Онъ оставилъ деревню, въ которой жилъ въ то время, поскакалъ въ Лондонъ и дѣятельно принялся раздувать народныя страсти противъ виговъ. Когда все созрѣло, между Гарли и королевою произошло новое свиданіе, и Анна рѣшилась наконецъ дѣйствовать. Не говоря ни слова ни одному изъ министровъ, королева дала отставку лорду Сондерлэнду, самому ненавистному ей изъ всѣхъ, и назначила на его мѣсто крайняго торіи, лорда Дартмута. Скоро молва объ отставкѣ Сондерлэнда проникла па континентъ. Коалиція пришла въ волненіе. Людовикъ XIV съ остентаціею напечаталъ благопріятное извѣстіе въ своей оффиціальной газетѣ. Мальборо послалъ къ королевѣ длинное письмо; но письмо осталось безъ отвѣта.

Нѣкоторое время Анна не принимала никакихъ другихъ мѣръ; однако же министры были въ опасеніи. Они явились всѣ вмѣстѣ къ королевѣ. Годольфинъ, отъ имени товарищей, просилъ ее изъявить свои намѣренія. Королева увѣряла его въ своей неизмѣнной преданности и просила всѣхъ продолжать службу попрежнему. Но уже вечеромъ того же дня Годольфинъ получилъ письмо, въ которомъ Анна очень оригинальнымъ образомъ извѣщала его объ отставкѣ. Она требовала, чтобы онъ самъ сломилъ бѣлую палочку—знакъ должности перваго лорда казначейства, говоря, что для обоихъ это будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ новое свиданіе. Такое же письмо получилъ лордъ Сомерсъ. На другой день собрались остальные министры. Королева взошла въ засѣданіе съ бумагою въ рукахъ. Она дала прочитать ее лорду-канцлеру. Это былъ декретъ о распущеніи парламента. Канцлеръ, лордъ Коуперъ, началъ говорить противъ этой мѣры. Королева приказала ему молчать. Тогда всѣ министры вышли въ отставку. Уже на слѣдующій день Анна составила новый кабинетъ, всѣ члены котораго до одного были торіи. Номинальнымъ главою кабинета опять былъ сдѣланъ старый ультра-торій Рочестеръ, но на дѣлѣ главными министрами были Гарли и Болинброкъ. Парламентъ, засѣдавшій только два года, былъ распущенъ, и выборы произошли подъ вліяніемъ сильной торійской реакціи въ странѣ. Въ нижней палатѣ большинство получили торіи. Черезъ нѣсколько времени лордъ Мальборо былъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей и отозванъ отъ арміи, а жена его получила приказаніе не являться болѣе ко двору и возвратить золотой ключъ, знакъ ея придворной должности. Никогда въ Англіи не бывало такой внезапной, такой рѣшительной перемѣны. Не надобно, однако же, приписывать всѣхъ этихъ перемѣнъ вліянію придворныхъ интригъ или смѣнѣ фаворитокъ. Королева получила возможность перемѣнить политику, удалить изъ министерства виговъ и дать власть торіямъ потому только, что нація объявила себя противъ виговъ, желала прекращенія войны и склонилась на сторону торіевъ. Но еслибы нація хотѣла войны и твердо стояла за виговъ, то королева могла бы перемѣнить и десять разъ фаворитку и все-таки не достигла бы ничего. Еслибы королевѣ вздумалось удалить популярныхъ

вигскихъ министровъ, то парламентъ заставилъ бы ее возвратить имъ должности. Еслибы королева распустила парламентъ, то въ новомъ явилось бы еще больше виговъ, чѣмъ въ прежнемъ. А не созывать новаго парламента она не могла, потому что этого не позволяла конституція.

Послѣдніе четыре года царствованія Анны не похожи были на прежніе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безпрерывнаго благоденствія, спокойствія внутри и славы извнѣ наступило время тревоги,—время, въ которое еще разъ свободныя учрежденія Англіи, результаты революціи 88 года и протестантское престолонаслѣдіе подверглись огромной опасности. И опасность эта произошла не отъ внѣшнихъ враговъ и не отъ внутреннихъ волненій, а оттого, что судьбы Англіи достались въ руки двухъ безсовѣстныхъ, глубоко-безнравственныхъ государственныхъ людей — Гарли и Болинброка. Переворотъ, совершившійся въ концѣ 1710 года,—переворотъ, который далъ власть въ государствѣ торіямъ и сокрушилъ виговъ,—выдвинулъ на первый планъ Гарли и Болинброка. Оба сдѣлались главными членами новаго торійскаго министерства. Достигнувъ цѣли своихъ страстныхъ желаній,—цѣли стольких интригъ,—они начали опасную игру, которая, въ случаѣ удачи, могла бы разрушить дѣло Вильгельма III и возвратить времена Стюартовъ. Но добрый геній берегъ дѣло свободы въ Англіи. Гарли и Болинброкъ не только сами сломили себѣ голову въ затѣянной игрѣ, но вмѣстѣ съ этимъ погубили и партію, которой служили, которой были вождями. Оба они имѣли роковое вліяніе на судьбы торіевъ. Торійская партія обязана имъ была тѣмъ, что послѣ краткаго четырехлѣтняго господства она была уничтожена нравственно на цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ и до самаго вступленія на престолъ Георга III совершенно потеряла доступъ къ государственнымъ должностямъ. Гарли и Болинброкъ замѣчательны для насъ еще тѣмъ, что они заключаютъ собою рядъ испорченныхъ государственныхъ людей, воспитанныхъ среди революцій. Съ ихъ паденіемъ начинается новое поколѣніе политическихъ дѣятелей, на которыхъ съ отраднымъ чувствомъ останавливается наше вниманіе.

Королева Анна находилась въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни въ странномъ душевномъ состояніи. Въ сердцѣ ея происходила борьба чувствъ самыхъ противоположныхъ. Повинуясь нѣкогда господству супруговъ Мальборо, слабая женщина заглушила въ себѣ голосъ совѣсти, забыла о родственныхъ связяхъ, измѣнила своему отцу, отреклась отъ своего брата-претендента, пристала къ предводителямъ революціи 1688 года и купила себѣ престолъ изгнаніемъ тѣхъ, которые должны были быть для нея дороже, чѣмъ власть и могущество. Покамѣстъ умомъ и волею ея управляла могущественная фаворитка, Анна оставалась, повидимому, спокойною и не сожалѣла о своемъ поступкѣ. Она обнаруживала только какое-то инстинктивное отвращеніе къ ганноверскимъ наслѣдникамъ, навязаннымъ ей парламентскимъ актомъ. Но когда разрывъ съ леди Мальборо предоставилъ ее самой себѣ, тогда пробудилось въ ней родственное чувство. Воспоминаніе о роковомъ поступкѣ начало сильно тревожить ее. Отецъ ея умеръ въ изгнаніи; однако онъ простилъ ей на смертномъ одрѣ. Братъ ея жилъ милостынею французскаго короля. Анна стала испытывать угрызенія совѣсти и раскаяваться въ своей неблагодарности. Возведенная на престолъ вслѣдствіе революціи 88 года, она осталась, однако, совершенно чуждою ея нача-

ламъ; ничто не было въ состояніи поколебать въ ней вѣры въ священное, неотъемлемое право наслѣдства короны. Братъ ея, претендентъ, былъ въ глазахъ ея единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ престола. Передавая ему корону, она могла облегчить свою совѣсть, загладить свою вину. Но противъ этого возставало въ ней другое чувство — привязанность къ протестантской религіи. Она чувствовала, что покамѣстъ братъ ея оставался католикомъ, протестантская религія подвергалась опасности, и только наслѣдство протестантскаго государя могло обезпечить ея существованіе. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ стремленій сильно мучила Анну; но по мѣрѣ того, какъ здоровье ея разстроивалось все болѣе и болѣе и приближалась кончина, кровныя узы брали верхъ въ ея сердцѣ надъ религіозною обязанностью. Съ 1710 года возстановленіе брата постоянно занимало ея мысли. Она скрывала свое тайное желаніе, не чувствовала довольно силы, чтобы выступить съ нимъ явно, но готова была способствовать всему, что могло повести къ его осуществленію.

Тайныя желанія королевы совпадали съ интересами Гарли и Болинброка. Протестантское наслѣдство ганноверскаго дома было дѣломъ виговъ. Виги видѣли въ немъ единственную гарантію свободы въ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантію своей собственной безопасности. Поэтому естественно было ожидать, что новый король ганноверскаго дома будетъ опираться по преимуществу на вигахъ и недовѣрчиво отклонится отъ торіевъ, заподозрѣнныхъ въ нерасположеніи къ новой династіи и въ іакобитизмѣ. Между тѣмъ Гарли и Болинброкъ окончательно погубили себя въ глазахъ виговъ. Они измѣнили имъ и были главною причиною ихъ паденія. Этимъ они навсегда закрыли себѣ дорогу къ примиренію. Имъ нечего было ожидать отъ ганноверскаго наслѣдства; нечего было и думать о сохраненіи министерскихъ портфелей при новомъ королѣ. Могло быть даже хуже. Виги, возвращаясь къ власти при ганноверскомъ королѣ, могли отомстить имъ жестоко за все испытанное зло. Дѣло могло кончиться для обоихъ политическимъ процессомъ, тюрьмою или изгнаніемъ. Другая перспектива открывалась для Гарли и Болинброка на случай реставраціи Стюартовъ, особенно еслибы эта реставрація была ихъ собственнымъ дѣломъ. Доставивъ престолъ претенденту, Іакову III, они обязали бы его навсегда и не только удержали бы за собою власть, которая была предметомъ ихъ страстныхъ желаній, но сдѣлались бы всемогущими въ государствѣ. Возстановленная династія видѣла бы въ нихъ самыя твердыя опоры своего престола и не могла бы отказать имъ ни въ чемъ. Слѣдуя такимъ побужденіямъ, отчасти честолюбію и жаждѣ власти, отчасти чувству самосохраненія, Гарли и Болинброкъ задумали преступное дѣло—вступили въ заговоръ противъ конституціи своего отечества, связались съ іакобитами и принялись работать надъ возстановленіемъ Стюартовъ. Рѣдкій примѣръ политической безнравственности и совершеннаго отсутствія убѣжденій! Гарли началъ поприще свое диссентеромъ и республиканцемъ и, побывавъ во всѣхъ лагеряхъ, кончалъ іакобитомъ. Болинброкъ, который слылъ вольнодумцемъ въ политикѣ и въ религіи и даже атеистомъ, блестящій, либеральный, геніальный Болинброкъ, для сохраненія министерскаго портфеля, не задумался погубить свободныя учрежденія Англіи и доставить престолъ королю, который представлялъ собою и абсолютизмъ, и католическое суевѣріе. Но тутъ-то обнаружилась вся разница въ характерахъ этихъ людей. Гарли, человѣкъ посред-

ственный, умѣлъ достигнуть высокаго положенія ловкостью въ мелкой интригѣ и искусствомъ придавать себѣ видъ необыкновенной важности. Но какъ скоро онъ получилъ власть, сейчасъ же обнаружилось, что это былъ великій человѣкъ только для малыхъ дѣлъ. Нерѣшительность составляла основаніе его характера. Онъ постоянно медлилъ и колебался. Онъ привыкъ вести по двѣ, по три интриги вмѣстѣ, заводить связи съ самыми противоположными партіями и лавировать между ними. Задумавъ вмѣстѣ съ Болинброкомъ возстановленіе Стюартовъ, онъ не хотѣлъ, однако же, лишить себя возможности отступленія, не хотѣлъ пускаться въ это дѣло безвозвратно, но, по обыкновенію своему, дѣйствовалъ и направо, и налѣво. Сейчасъ по вступленіи въ новое министерство, Гарли послалъ тайнаго агента къ маршалу Бервику, незаконнорожденному брату претендента, чтобы открыть съ нимъ переговоры о реставраціи, но въ то же время онъ отправилъ собственнаго сына въ Ганноверъ, чтобы увѣрить курфирста Георга въ своей преданности протестантскому наслѣдству. Болинброкъ былъ человѣкъ другаго рода. Отличительными чертами его характера были необыкновенная смѣлость, рѣшительность и энергія. Онъ готовъ былъ рисковать всѣмъ и ставить все на одну карту. Онъ рѣшился возстановить претендента въ Англіи во что бы то ни стало и пустился опрометью по этой опасной дорогѣ. Дѣятельный, горячій, въ высшей степени даровитый, онъ затмилъ собою мѣшкотнаго и тяжелаго Гарли. Въ то время, какъ Гарли медлилъ, колебался, лавировалъ, Болинброкъ, хотя младшій между министрами, присвоилъ себѣ руководство всею внѣшней и внутренней политикой. Однако же уже тогда, въ началѣ дѣла, появился симптомъ, который предвѣщалъ неудачу задуманному ими плану. До сихъ поръ Гарли и Болинброкъ дѣйствовали дружно и находились въ тѣсной связи между собою. Болинброкъ выступилъ на политическое поприще, какъ молодой protégé Гарли. Но когда оба стали на равной высотѣ, тогда ученикъ сталъ смотрѣть на учителя своего, какъ на соперника; между ними возникъ антагонизмъ, который и сдѣлался причиною ихъ погибели впослѣдствіи. Мелкая зависть была особенностью характера Болинброка. Онъ презиралъ въ душѣ Гарли, онъ чувствовалъ свое превосходство надъ нимъ; но видѣть рядомъ съ собою человѣка, равнаго по положенію, было для него невыносимо. Не имѣя причины завидовать талантамъ Гарли, Болинброкъ завидовалъ его титуламъ и почестямъ. По смерти стараго Рочестера, королева Анна сдѣлала Гарли первымъ лордомъ казначейства, т. е. главою министерства, и произвела его въ достоинство пэра подъ именемъ графа Оксфорда (съ тѣхъ поръ такъ и называть его будемъ). Для Болинброка такое возвышеніе соперника было нестерпимо. Онъ тяготился тѣмъ, что судьба связала его неразлучно съ этимъ человѣкомъ, который мѣшалъ ему быть первымъ и единственнымъ главою торійской партіи. Въ смѣлой головѣ его родился тогда другой планъ, который онъ соединилъ съ первымъ. Задумавъ возстановленіе Стюартовъ, онъ задумалъ вмѣстѣ съ этимъ погибель Оксфорда и хотѣлъ пожинать плоды реставраціи одинъ, нераздѣльно. Но, покамѣстъ, Болинброкъ молчалъ и скрывалъ свою зависть. Оба соперника, повидимому, дѣйствовали заодно; обоихъ связывала тайна общихъ измѣнническихъ замысловъ.

Возстановленіе претендента казалось дѣломъ удобоисполнимымъ при тогдашнемъ положеніи. Болинброкъ могъ смѣло разсчитывать на коро-

леву. Большинство сельскихъ джентльменовъ торійской партіи и всѣ высокоцерковные пасторы были въ душѣ тайные іакобиты. То же можно было сказать о нижней палатѣ парламента, въ которой большинство составляли торіи. Даже въ министерствѣ Болинброкъ могъ положиться на нѣсколькихъ изъ своихъ товарищей. Виги были разбиты, упали во мнѣніи націи, и не легко имъ было собраться съ силами послѣ испытаннаго пораженія. Лордъ Мальборо, отставленный отъ всѣхъ должностей, угрожаемый процессомъ за грабительства по арміи, осудилъ себя на добровольное изгнаніе и уѣхалъ съ женою на континентъ. Лордъ Годольфинъ умеръ. Паденіе его партіи ускорило его кончину. Лордъ Сомерсъ страдалъ тяжкою болѣзнью. Другіе вожди виговъ были совершенно обезкуражены. Масса оставалась равнодушною къ ганноверскому наслѣднику, котораго вовсе не знала. Самъ Георгъ, курфирстъ Ганноверскій, занятый нѣмецкими дѣлами, мало заботился о коронѣ, которая ожидала его по смерти Анны. Можно было полагать, что какъ скоро претендентъ появится на англійской почвѣ и дастъ кое-какія гарантіи насчетъ протестантской религіи, то вся масса торійской партіи перейдетъ на его сторону. А торіи, по вычисленіямъ Болинброка, относились тогда къ вигамъ, какъ четыре къ одному.

Но для успѣха дѣла прежде всего слѣдовало поспѣшить заключеніемъ мира съ Франціею. Болинброку миръ былъ не менѣе нуженъ, какъ и самому Людовику XIV; но онъ думалъ не только о прекращеніи войны съ Франціею, а о союзѣ съ нею. Людовикъ XIV былъ естественнымъ союзникомъ его въ дѣлѣ реставраціи Стюартовъ и могъ быть главною поддержкою его при исполненіи этого плана. Между тѣмъ, коалиція не хотѣла и слышать о мирѣ, покамѣстъ Филиппъ Анжуйскій оставался въ Испаніи. Трактаты, связывавшіе коалицію, не позволяли ни одному изъ ея членовъ вступать въ переговоры съ непріятелемъ безъ вѣдома и согласія прочихъ. Это не остановило Болинброка. Онъ рѣшился измѣнить коалиціи, пожертвовать ея интересами, предоставить ее собственной участи и помириться безъ нея съ Людовикомъ XIV. Въ началѣ 1711 г., въ глубочайшей тайнѣ открылись переговоры. Въ Англіи съ нѣкотораго времени жилъ нѣкто аббатъ Готье, духовникъ плѣннаго маршала Таллара. Почтенный аббатъ соединялъ съ своимъ духовнымъ званіемъ званіе французскаго шпіона и доносилъ Людовику XIV обо всемъ, что происходило въ Англіи. Этого-то человѣка Болинброкъ избралъ своимъ тайнымъ агентомъ къ французскому двору. Готье отправился во Францію и потребовалъ свиданія у французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, де-Торси. „Хотите мира?" были первыя слова неожиданнаго гостя. „Спрашивать тогда у министра его величества, желаетъ ли онъ мира", пишетъ де-Торси въ своихъ мемуарахъ, „это значило спрашивать у больнаго, изнуреннаго продолжительною и опасною болѣзнью, желаетъ ли онъ выздоровленія". Вслѣдъ за аббатомъ Готье пріѣхалъ въ Версаль, съ болѣе точными инструкціями, поэтъ Маттью Прайоръ, товарищъ всѣхъ оргій Болинброка. Переговоры чрезъ нѣсколько времени перенесены были въ Лондонъ, куда Людовикъ XIV послалъ своего агента. Конференціи происходили втайнѣ, въ частномъ домѣ, неоффиціальнымъ образомъ. Только Болинброкъ и Оксфордъ присутствовали при нихъ со стороны англійскаго правительства. Совершенная гармонія существовала между договорившимися сторонами. Людовикъ XIV совсѣмъ неожиданно

нашелъ въ англійскихъ министрахъ самыхъ уступчивыхъ противниковъ. Англійское правительство, которое могло продиктовать ему самыя строгія условія, показывало неумѣренное рвеніе къ миру и предложило ему условія, которыя онъ могъ назвать мягкими и даже выгодными. Англія изъявляла свое согласіе на то, чтобы Филиппъ Анжуйскій сохранилъ Испанію, и требовала только, чтобы въ трактатѣ помѣщена была статья, воспрещающая соединеніе въ будущемъ испанской и французской коронъ подъ однимъ скипетромъ. Оправданіемъ этой уступки для англійскихъ министровъ могло служить событіе, которое случилось во время переговоровъ. Императоръ Іосифъ I, наслѣдникъ Леопольда, скончался, и братъ его, эрцгерцогъ Карлъ, наслѣдовалъ ему подъ именемъ Карла VI. Еслибы Карлу удалось пріобрѣсть Испанію, то тогда австрійскій домъ достигъ бы необыкновеннаго могущества, опаснаго для Европы. Въ одной рукѣ соединились бы австрійскія владѣнія, императорская нѣмецкая корона, Бельгія, Ломбардія, Неаполь, Сицилія и Испанія. Этимъ была бы возстановлена монархія Карла V, и равновѣсіе европейское совершенно разрушено. Безопаснѣе казалось оставить Испанію за Филиппомъ Анжуйскимъ. Въ концѣ 1711 года Болинброкъ подписалъ съ французскимъ агентомъ прелиминаріи односторонняго мира между Франціею и Англіею.

Между тѣмъ англійская армія все еще оставалась въ Бельгіи и показывала видъ, что приготовляется къ новой кампаніи. Наслѣдникъ лорда Мальборо, герцогъ Ормондъ, составлялъ съ принцемъ Евгеніемъ планы военныхъ дѣйствій слѣдующаго года. Однако же все это дѣло не могло долго оставаться втайнѣ. Глухіе слухи о томъ, что Англія думаетъ отложиться отъ коалиціи и ведетъ секретные переговоры съ Людовикомъ XIV, распространились на континентѣ. Коалиція пришла въ волненіе. Принцъ Евгеній поспѣшилъ въ Англію и потребовалъ объясненій. Великій генералъ былъ принятъ съ чрезвычайными почестями; но королева говорила съ нимъ холодно, а министры сбили его пустыми увѣреніями и уклончивыми фразами. Однако же наступило, наконецъ, время высказаться. Въ началѣ 1712 года собрался парламентъ. Королева лично открыла его засѣданія и въ тронной рѣчи изъявила надежду на заключеніе мира на выгодныхъ для Англіи условіяхъ. Нижняя палата, въ которой безусловно господствовалъ Болинброкъ, въ отвѣтъ на рѣчь королевы, составила единодушно одобрительный адресъ. Но палата лордовъ выказала совершенно другое настроеніе. Въ ней попрежнему перевѣсъ оставался на сторонѣ виговъ. Виги упорно держались мнѣнія, что цѣль войны заключалась въ томъ, чтобы не допустить перехода испанской короны въ домъ Бурбоновъ. Верхняя палата составила адресъ, въ которомъ просила королеву продолжать войну, покамѣстъ цѣль эта не будетъ достигнута, и объявила, что безъ этого условія всякій миръ будетъ непроченъ и безчестенъ для Англіи. Королева была оскорблена адресомъ, но Болинброкъ не затруднился имъ много. Чтобы сломить оппозицію лордовъ, онъ рѣшился сдѣлать coup d'état, возможность котораго лежала въ королевской прерогативѣ. По внушенію его, королева назначила вдругъ двѣнадцать новыхъ пэровъ, на которыхъ могла положиться. Всѣ были придворныя креатуры. Новые пэры заняли свои мѣста въ верхней палатѣ посреди всеобщаго ропота прочихъ пэровъ. Но мѣра подѣйствовала. Воинственный адресъ былъ отвергнутъ, и на мѣсто его принятъ другой, въ пользу мира. Болинброкъ самъ апплодировалъ сво-

ему успѣху и сказалъ громко въ нижней палатѣ: „Если лордамъ не довольно будетъ одной дюжины новыхъ товарищей, то подаримъ имъ другую".

Теперь коалиціи не оставалось больше никакого сомнѣнія насчетъ намѣреній англійскаго правительства. Какъ ни сердились европейскія державы, все-таки онѣ должны были согласиться на открытіе переговоровъ о всеобщемъ мирѣ. Безъ англійской арміи, и еще болѣе безъ англійскихъ субсидій, нельзя имъ было думать о серьезномъ продолженіи войны. Въ Утрехтѣ начались конференціи. Туда съѣхались уполномоченные всѣхъ воюющихъ державъ; но, по странному обыкновенію, которое не исчезло еще и въ нашемъ столѣтіи, положено было, что во время конференціи военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ будутъ продолжаться своимъ порядкомъ. Тогда началась дипломатическая игра, которой находимъ рѣдкіе примѣры. Въ то время, когда въ Утрехтѣ происходили оффиціальныя совѣщанія, въ Парижѣ и Лондонѣ, между де-Торси и Болинброкомъ шли тайные переговоры. На всякій пунктъ, предлагаемый на конференціяхъ въ Утрехтѣ, французское и англійское правительства соглашались предварительно между собою, и потомъ англійскіе уполномоченные поддерживали виды Франціи. Англія оставила роль договаривающейся стороны и явно приняла роль посредника между Людовикомъ XIV и коалиціею. Болинброкъ пошелъ еще дальше. Главнокомандующій англійскимъ войскомъ, герцогъ Ормондъ, получилъ изъ Лондона инструкціи, въ которыхъ министерство предписывало ему не вступать ни въ какое рѣшительное дѣйствіе противъ французовъ. Въ то же время объ этомъ доведено было до свѣдѣнія маршала Вилляра. Напрасно принцъ Евгеній приглашалъ къ содѣйствію Ормонда. Англійская армія стояла неподвижно. Ормондъ отговаривался разными предлогами и даже тайно доносилъ Вилляру о разныхъ движеніяхъ Евгенія. Между тѣмъ переговоры въ Утрехтѣ тянулись безплодно. Людовикъ, увѣренный въ соумышленничествѣ англійскаго правительства и разсчитывая на его поддержку, чрезвычайно повысилъ тонъ и твердо держался противъ требованій коалиціи. Наконецъ англійскіе уполномоченные сбросили маску. Слагая вину на упорство Голландіи, Австріи и нѣмецкихъ державъ, они объявили, что королева считаетъ себя освобожденною отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ коалиціи и въ правѣ принять свои мѣры. Немедленно послѣ этого заключено было между Англіею и Франціею перемиріе, герцогъ Ормондъ былъ отозванъ вмѣстѣ съ англійскою арміею изъ Бельгіи, и Болинброкъ лично отправился въ Парижъ, чтобы окончательно утвердить условія мира.

Появленіе Болинброка въ столицѣ Франціи было событіемъ въ высшихъ кругахъ тогдашняго общества. Всѣ французскіе мемуары этого времени наполнены подробностями о его краткомъ пребываніи. Блестящій лордъ очаровалъ дворъ и высшія гостиныя своею граціею, своимъ остроуміемъ, своими познаніями. Всѣ тогдашія богини красоты и свѣтскаго вкуса наперерывъ старались обратить на себя его вниманіе. Мадамъ де-Параберъ гордилась тѣмъ, что прелести ея сдѣлали сильное впечатлѣніе на геніальнаго денди; а мадамъ де-Тансенъ была внѣ себя отъ счастія, когда онъ оказалъ ей предпочтеніе передъ другими, привлеченный остроумною ея бесѣдой. Къ этому времени относится и первое знакомство Болинброка съ Вольтеромъ. Но не только въ высшихъ

сферахъ распространилась его популярность: весь народъ принялъ его съ торжествомъ. Всѣ видѣли въ немъ вѣстника вожделѣннаго мира. Всѣ смотрѣли на него не какъ на посланника непріятельской державы, а какъ на союзника. Когда Болинброкъ появился однажды въ театрѣ, вся публика поднялась съ мѣстъ и привѣтствовала его громкими рукоплесканіями. Послѣ окончательныхъ переговоровъ, въ которыхъ участвовалъ самъ Людовикъ XIV, мирный трактатъ былъ подписанъ. По этому трактату, Людовикъ XIV обязывался признать наслѣдство ганноверскаго дома въ Англіи и удалить изъ Франціи претендента. Это условіе было написано для успокоенія англійской націи. Для Болинброка, который думалъ другое, оно было пустою формальностью. Филиппъ Анжуйскій сохранялъ Испанію, но долженъ былъ отказаться отъ правъ своихъ на французскую корону. Англичане удерживали за собою Гибралтаръ и островъ Минорку. Голландія получала баррьеру бельгійскихъ крѣпостей; Австрія пріобрѣтала Бельгію, Ломбардію и Неаполь; савойскій герцогъ— Сицилію, съ титуломъ короля. Со стороны Германіи Людовикъ XIV не терялъ ничего. Къ этому трактату приступили въ Утрехтѣ Савойя, Испанія, сѣверныя государства и наконецъ Голландія. Только Австрія и нѣмецкія державы остались недовольны и рѣшили продолжать войну съ Франціею однѣ. Но маршалъ Вилляръ привыкъ вездѣ и всегда побѣждать нѣмцевъ. Освобожденный отъ прочихъ противниковъ, онъ нанесъ имъ жестокое пораженіе при Денёнѣ, и тогда Австрія и нѣмецкіе князья принуждены были покориться необходимости. Такимъ образомъ, съ концомъ 1713 года, послѣ десятилѣтней войны, водворился миръ въ Европѣ. Сверхъ всякаго ожиданія, Людовикъ XIV вышелъ цѣлъ изъ борьбы, и даже съ честью. Теперь Болинброкъ имѣлъ свободныя руки для своего плана. Важный шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Можно было разсчитывать на Людовика XIV. Оставалось дѣйствовать смѣло и рѣшительно въ самой Англіи. Пребываніе Болинброка въ Парижѣ было не безплодно для его замысловъ. Онъ успѣлъ переговорить съ іакобитами сен-жерменскаго двора и условиться съ ними насчетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій. Онъ видѣлся съ вдовою Іакова II, и нѣкоторые даже говорятъ, что онъ имѣлъ тайное свиданіе съ самимъ претендентомъ.

Утрехтскій миръ произвелъ въ Англіи различныя впечатлѣнія. Іакобиты привѣтствовали его съ энтузіазмомъ. Торіи считали его своимъ дѣломъ, торжествомъ своей партіи. Масса радовалась ему, какъ и всякому миру послѣ продолжительной войны. Но виги возстали съ негодованіемъ противъ его условій и называли его миромъ постыднымъ, безчестнымъ, обиднымъ для національной гордости. Послѣ столькихъ побѣдъ нація могла ожидать совершеннаго униженія Людовика XIV; вмѣсто этого, министры подали ему руку помощи и утвердили трактатомъ то, противъ чего начата была война, то-есть переходъ испанской короны въ домъ Бурбоновъ. Виги называли министровъ измѣнниками и говорили, что за такой поступокъ они стоятъ политическаго процесса. Въ вигскихъ журналахъ поднялась жаркая полемика противъ утрехтскаго трактата. Особенно сильные удары направлены были противъ Болинброка. Виги стали разоблачать его іакобитскіе замыслы, предостерегали всѣхъ хорошихъ протестантовъ, указывали на опасность, которая угрожала религіи и свободѣ Англіи. Болинброкъ, который самъ, нѣсколько лѣтъ тому, будучи въ оппозиціи, неумѣренно пользовался свободою печати противъ прави-

тельства и воевалъ съ вигами журнальными статьями, теперь пришелъ въ негодованіе отъ этихъ нападокъ и рѣшился положить конецъ бурѣ ограниченіемъ свободы печати. Онъ сталъ преслѣдовать редакторовъ судебными мѣрами и склонилъ парламентъ издать два акта, направленные противъ журналистики. Однимъ изъ нихъ вмѣнялось въ обязанность всякому журналу выставлять фамилію автора каждой статьи и его адресъ; другимъ налагалась на періодическія изданія значительная пошлина, съ явною цѣлью уменьшить ихъ число. Между тѣмъ вышелъ трехлѣтній срокъ парламенту и наступили новые выборы. Отъ состава новаго парламента наиболѣе зависѣла удача или неудача плана возстановленія Стюартовъ. Поэтому Болинброкъ заблаговременно принялъ свои мѣры. Всѣ приверженцы претендента получили изъ сен-жерменскаго двора mot d'ordre всѣми силами дѣйствовать на выборахъ въ пользу министерства. Вслѣдствіе этого торіи опять одержали перевѣсъ, и новая палата наполнилась тайными и явными іакобитами. При такомъ положеніи дѣлъ, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что еслибы въ эту минуту претендентъ отрекся отъ католицизма и объявилъ себя протестантомъ, то возстановленіе его не встрѣтило бы никакихъ затрудненій. Королева, при помощи торійскаго парламента, отмѣнила бы актъ ганноверскаго престолонаслѣдія, и вся масса народа, за исключеніемъ вигскаго меньшинства, съ радостью привѣтствовала бы возвращеніе потомка древнихъ своихъ королей. Поэтому и Болинброкъ, и Оксфордъ рѣшились употреблять всѣ усилія, чтобы склонить его къ отреченію. Даже многіе католики настаивали на этомъ и уговаривали претендента принять англиканскую вѣру, хотя для вида. Претендентъ былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ находился прадѣдъ его, Генрихъ IV, король французскій, когда сами гугеноты умоляли его пожертвовать вѣрою для достиженія престола. Какъ Генриху IV католическая обѣдня открыла ворота Парижа, такъ претенденту причастіе по англиканскому обряду могло доставить англійскую корону. Но всѣ попытки были напрасны. Сынъ Іакова II, подобно отцу своему, оставался непреклоненъ въ своей вѣрѣ. Онъ издалъ декларацію ко всѣмъ своимъ приверженцамъ въ Англіи, въ которой поклялся торжественно, что ничто въ мірѣ не заставитъ его отречься отъ религіи, которую онъ считалъ единственнымъ путемъ къ спасенію.

Съ тѣхъ поръ Оксфордъ сталъ охладѣвать къ плану, задуманному вмѣстѣ съ Болинброкомъ. Его боязливой и нерѣшительной натурѣ дѣло начинало казаться слишкомъ рискованнымъ. Но онъ все-таки колебался по своему обыкновенію и не смѣлъ сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ, не рѣшался высказаться ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. На Болинброка упорство претендента въ католицизмѣ не сдѣлало никакого впечатлѣнія. Не имѣя надежды надѣлить Англію Стюартомъ протестантомъ, онъ продолжалъ работать надъ возстановленіемъ Стюарта католика. Теперь онъ не скрывалъ больше своей вражды къ Оксфорду. Онъ былъ оскорбленъ новымъ отличіемъ своего соперника. Королева, послѣ заключенія утрехтскаго мира, наградила Оксфорда высокимъ орденомъ Подвязки. Болинброкъ, который главнымъ образомъ велъ всѣ переговоры, получилъ только титулъ виконта. Хотя онъ игралъ роль философа и всегда съ аффектаціею говорилъ о своемъ презрѣніи мірскихъ почестей, но орденъ, данный сопернику, былъ острымъ жаломъ для его мелкой зависти. Тяжелый и вялый Оксфордъ, отъ котораго онъ не могъ добиться

*

никакого рѣшительнаго содѣйствія для своихъ плановъ, сдѣлался для него помѣхою и бременемъ. Теперь-то во всемъ блескѣ обнаружились ничтожество, неспособность и нерадѣніе этого человѣка. Достигши поста перваго министра, Оксфордъ успокоился на лаврахъ и погрузился въ совершенное бездѣйствіе. Даже королева Анна убѣдилась, наконецъ, въ томъ, что онъ вовсе не годился въ министры. Болинброкъ поддерживалъ ее въ томъ мнѣніи и подкапывалъ мало-по-малу вліяніе своего соперника. Но, дожидаясь удобнаго случая, чтобы нанести ему окончательный ударъ, онъ, между тѣмъ, старался окружить себя болѣе надежными людьми. Мало-по-малу ему удалось ввести въ министерство нѣсколькихъ открытыхъ іакобитовъ; потомъ онъ принялся реформировать въ такомъ же смыслѣ армію. Болинброку необходимо было обезпечить за собою армію, потому что, въ случаѣ надобности, онъ готовъ былъ даже на междоусобную войну. Хотя арміею не командовалъ больше лордъ Мальборо, но духъ его продолжалъ жить во многихъ офицерахъ, которые пріучились побѣждать подъ его предводительствомъ. Большинство ихъ принадлежало къ вигамъ. Подъ разными предлогами Болинброкъ сталъ постепенно удалять этихъ офицеровъ и замѣщать ихъ іакобитами.

Вожди вигской партіи, Галифаксъ, Сондерлэндъ, Коуперъ, съ замираніемъ сердца слѣдили за всѣми поступками Болинброка. Положеніе становилось серьезно опаснымъ для нихъ. Здоровье королевы съ каждымъ днемъ дѣлалось плоше. Все клонилось къ реставраціи. Между тѣмъ Георгъ ганноверскій приводилъ ихъ въ отчаяніе своимъ равнодушіемъ къ собственнымъ интересамъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что происходило въ Англіи, не давалъ знака жизни и преспокойно занимался дѣлами своего курфиршества. Виги видѣли единственное средство для обезпеченія протестантскаго наслѣдства въ личномъ присутствіи самого курфирста въ Англіи. Имъ казалось, что въ случаѣ внезапной смерти королевы, тотъ изъ обоихъ претендентовъ получитъ перевѣсъ, который будетъ въ это время на лицо въ государствѣ. Съ этою мыслью они сдѣлали неосторожный шагъ, который повредилъ еще болѣе ихъ дѣлу и послужилъ въ пользу Болинброку. Курфирстъ Георгъ, еще во время установленія ганноверскаго наслѣдства, получилъ титулъ герцога Кембриджъ и званіе англійскаго пэра. На этомъ основаніи, по совѣту виговъ, ганноверскій посланникъ вдругъ потребовалъ отъ королевы, чтобы она позволила курфирсту пріѣхать въ Англію и занять свое мѣсто въ верхней палатѣ. Одна мысль о присутствіи въ Англіи ненавистнаго наслѣдника приводила Анну въ ужасъ. Она приняла съ гнѣвомъ ганноверскаго посланника и сейчасъ отправила одного изъ своихъ придворныхъ съ грознымъ письмомъ къ Георгу, въ которомъ высказывала ему свое неудовольствіе и объявляла, что вовсе не желаетъ видѣть его въ Англіи.

Все благопріятствовало замысламъ Болинброка. Чтобъ болѣе привязать къ себѣ королеву, торіевъ и приверженцевъ высокой церкви, онъ произвелъ другой разъ въ своей жизни генеральную атаку противъ религіозной свободы. По предложенію его, парламентъ принялъ два фанатическіе билля, направленные противъ диссентеровъ. Этими биллями актъ терпимости обращенъ былъ въ мертвую букву, диссентеры лишены послѣдней тѣни свободы вѣроисповѣданія и поставлены наравнѣ съ католиками. Съ каждымъ днемъ возрастала самоувѣренность іакобитовъ.

Теперь они не скрывали больше своихъ мыслей и громко говорили повсюду, что скоро наступитъ время, въ которое для виговъ повторятся кровавые ассизы канцлера Джефрейса и всѣ диссентеры принуждены будутъ или присоединиться къ англиканской церкви, или будутъ сосланы въ американскія колоніи. Въ нижней палатѣ іакобиты позволяли себѣ дѣлать саркастическіе намеки на ганноверское наслѣдство. Одинъ изъ нихъ, говоря о курфирстѣ, началъ свою рѣчь такъ: „Если онъ достигнетъ короны, что, дастъ Богъ, никогда не наступитъ"... Тутъ прервалъ его президентъ палаты, призывая къ порядку. Но остроумный ораторъ выпутался ловко. Онъ опять повторилъ начатую фразу и продолжалъ ее такъ: „потому что, надѣюсь, королева переживетъ своего наслѣдника, который старѣется". Но другіе іакобиты не ограничивались одними словами, намеками, угрозами. Агенты претендента набирали людей, тайкомъ привозили въ Англію оружіе, сыпали деньгами, раздавали патенты на званіе офицеровъ. Все это дѣлалось съ вѣдома Болинброка. Кризисъ приближался. Ходили слухи, что претендентъ находился въ Нормандіи, готовый, по первому сигналу, переплыть каналъ и явиться въ Англію. Между вигами господствовала тревога. Свобода Англіи висѣла на волоскѣ. Казалось, что Георгъ ганноверскій не иначе будетъ въ состояніи достигнуть престола, какъ явившись въ Англію съ цѣлою арміею.

Теперь Болинброкъ счелъ время удобнымъ, чтобы сбыть съ рукъ Оксфорда. Онъ успѣлъ уже овладѣть совершенно умомъ королевы и возстановить ее противъ своего соперника. Анна сочувствовала всѣмъ мѣрамъ Болинброка и съ увлеченіемъ предалась надеждѣ возвращенія своего брата. Она ожидала только удобной минуты, чтобы призвать его въ Англію, представить его нечаянно парламенту и объявить своимъ наслѣдникомъ. Равнодушіе, сомнѣнія и увертки Оксфорда оскорбляли ее. Отчаяваясь въ возможности возстановленія католическаго государя въ искренно-протестантской Англіи, Оксфордъ остановился на опасной дорогѣ, пересталъ желать реставраціи; однако же онъ не разлучался съ людьми, которые преслѣдовали эту цѣль, не подавалъ въ отставку. Жажда власти и почестей приковывала его къ министерскому посту. Но теперь онъ испытывалъ послѣдствія своей двуличной, кривой политики. Не служа серьезно никакому дѣлу, обманывая по очереди всѣ партіи, онъ потерялъ довѣріе всѣхъ и остался одинъ. Всѣ отступились отъ него, даже родственница его, новая фаворитка Анны, Абигэль Мэшамъ, измѣнила ему и предалась Болинброку и іакобитамъ. Претендентъ неоднократно уже умолялъ Анну, чрезъ своихъ агентовъ, удалить Оксфорда и ввѣрить себя совершенно Болинброку. Наконецъ Анна приняла рѣшеніе. Однажды вечеромъ она призвала къ себѣ Оксфорда, требуя отъ него отчета въ управленіи. Оксфордъ засталъ королеву окруженною его врагами. Тогда, въ присутствіи ея, между нимъ и Болинброкомъ завязался жаркій споръ, который перешелъ постепенно въ ссору, и длился до двухъ часовъ ночи. Оксфордъ велъ себя нагло, забылъ всякое приличіе и уваженіе къ королевѣ. Анна, больная и утомленная, приказала ему возвратить бѣлую палочку—знакъ должности перваго лорда казначейства, и не являться ей больше на глаза.

Теперь Болинброкъ остался одинъ на сценѣ. Судьба Англіи была въ его рукахъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что королева дастъ мѣсто перваго министра ему. Въ ожиданіи этого, онъ еще разъ измѣнилъ составъ

кабинета въ іакобитскомъ смыслѣ. Герцогъ Ормондъ, графъ Маръ, епископъ Аттербери—всѣ чистые іакобиты—получили важнѣйшіе посты. Все министерство состояло теперь изъ явныхъ приверженцевъ претендента. Еще нѣсколько дней—и дѣло Вильгельма III и революціи было бы потеряно: Англія увидѣла бы на престолѣ сына Іакова II. Но Провидѣніе распорядилось иначе. Могущественная его рука остановила преступнаго политика и спасла свободу Англіи. Въ эту рѣшительную минуту королева заболѣла опасно. Непріятная сцена съ Оксфордомъ разстроила ее сильно. Подагра бросилась ей на грудь и мозгъ. Она впала въ состояніе совершеннаго оцѣпенѣнія. Медики объявили, что не осталось никакой надежды. Болинброкъ и іакобиты поражены были, какъ громомъ, этимъ внезапнымъ ударомъ и совершенно растерялись. Безъ королевы они не могли довершить начатое дѣло. Между тѣмъ виги не засыпали, они успѣли собраться съ силами. Катастрофа застала ихъ хорошо приготовленными къ дѣйствію. За нѣсколько дней до этого, лордъ Мальборо былъ вызванъ ими съ континента, но противные вѣтры задерживали его въ Остенде. Въ ожиданіи его появленія, виги соединились вокругъ другаго своего вождя—генерала Стенгопа. Стенгопъ былъ человѣкъ благородный, государственный мужъ неподкупной честности и высокой гражданской доблести, истинный другъ свободы. И какъ генералъ въ испанской войнѣ, и какъ министръ при Георгѣ первомъ, онъ отличался умомъ, энергіею и рѣшительностью. Въ опасномъ кризисѣ своего отечества, въ ожиданіи кончины королевы, замѣчательный этотъ дѣятель принялъ всѣ нужныя мѣры для спасенія конституціи и протестантскаго престолонаслѣдія. Онъ организовалъ силы виговъ, вооружилъ всѣхъ надежныхъ людей и приготовилъ все такъ, чтобы при первомъ извѣстіи о смерти королевы завладѣть Тоуэромъ и государственною казною, занять всѣ важные посты въ столицѣ и провозгласить королемъ Георга ганноверскаго. Но еще болѣе въ эту минуту обязана была Англія другому человѣку — графу Шрьюсбери. Это былъ знатный вельможа, блестящій, высоко-образованный, даровитый. Онъ находился въ 88 году въ числѣ тѣхъ семи лордовъ, которые призвали въ Англію Вильгельма Оранскаго. Но съ хорошими качествами онъ соединялъ непонятную шаткость характера и непостоянство въ поведеніи. Нѣсколько разъ уже онъ, безъ всякой видимой причины, измѣнялъ интересамъ виговъ, лавировалъ между партіями; многіе даже подозрѣвали его въ іакобитизмѣ. Въ процессѣ Сечвереля онъ подалъ голосъ противъ вигскихъ министровъ, и за это королева сдѣлала его великимъ шамбелланомъ и вице-королемъ Ирландіи. Но теперь, въ минуту кризиса, въ немъ пробудились патріотизмъ, энергія и сознаніе долга. Подобно тому, какъ въ 88 году, онъ оказался достойнымъ своего имени и своего высокаго положенія. На случай смерти королевы, онъ также устроилъ все заблаговременно и условился относительно образа дѣйствія съ двумя другими знатнѣйшими вельможами партіи виговъ—герцогомъ Соммерсетъ и герцогомъ Аргайль. Когда отчаянное положеніе королевы сдѣлалось извѣстнымъ, министры созвали немедленно государственный совѣтъ, и Болинброкъ пригласилъ только тѣхъ членовъ его, на которыхъ могъ положиться. Совѣтъ объявилъ себя en permanence. Ежечасно медики приносили извѣстія о состояніи королевы. Болинброкъ и товарищи его іакобиты сидѣли молча, не зная, что дѣлать. Тогда вдругъ отворилась дверь и въ залу вошли Соммерсетъ

и Аргайль. Оба объявили, что, хотя не приглашенные, они сочли однако же своимъ долгомъ предложить свои услуги въ такую опасную минуту. Наступило краткое молчаніе. Изумленіе рисовалось на лицахъ іакобитовъ. Наконецъ поднялся графъ Шрьюсбери, поблагодарилъ обоихъ герцоговъ и пригласилъ ихъ занять мѣста. Тогда Соммерсетъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы немедленно отправлена была депутація къ королевѣ, съ просьбою назначить перваго министра на вакантное мѣсто послѣ Оксфорда и рекомендовать ей для этого графа Шрьюсбери, какъ самаго достойнаго занять этотъ высокій постъ. Болинброкъ и іакобиты поблѣднѣли. Они не ожидали ничего подобнаго. Предложеніе застигло ихъ врасплохъ. Никто изъ нихъ не смѣлъ промолвить слова. Депутація была составлена. Болинброка помѣстили въ числѣ ея членовъ. Самъ Шрьюсбери повелъ ее во дворецъ. Королева въ эту минуту только что вышла ненадолго изъ летаргіи. Она приняла благосклонно депутацію, вручила бѣлую палочку графу Шрьюсбери и слабымъ голосомъ просила его пользоваться ею для блага страны. Дѣло было сдѣлано. Шрьюсбери сталъ первымъ министромъ. Болинброкъ былъ уничтоженъ. Тревога овладѣла іакобитами. Весь планъ ихъ рушился мгновенно. Шрьюсбери созвалъ государственный совѣтъ въ полномъ его составѣ, приглашая въ засѣданіе всѣхъ членовъ вигской партіи. По предложенію его, приняты были самыя энергическія мѣры. Четыре полка разставлены были на главныхъ постахъ столицы; эмбарго наложено на всѣ гавани, флотъ получилъ приказаніе охранять каналъ, въ Ганноверъ къ курфирсту Георгу отправленъ былъ курьеръ съ приглашеніемъ немедленно явиться въ Англію. Утромъ 1-го августа 1714 года королева Анна скончалась, произнося имя своего брата, и уже черезъ часъ Георгъ ганноверскій провозглашенъ былъ по улицамъ Лондона королемъ Великой Британіи. Іакобиты не шевельнулись. Повсюду царствовало спокойствіе. Никогда сынъ не вступалъ на престолъ по смерти отца такъ мирно, какъ Георгъ, принцъ иноземный и совершенно никому незнакомый въ Англіи.

